

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

МАЙ

1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

	стр.
I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ (историко-этнографическія замѣтки). Ир. Житецнаго	1
II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. В. Ястребова	30
III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской провинціи начала тридцатыхъ годовъ). А. Барымова	49
IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, ковальюгоръ кievскій. (<i>Продолженіе</i>). Г. Булашева	66
V. ФРЕСКИ КIEVO-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). Адриана Прахова	97
VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУЩИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНИИ. (Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). Сообщилъ В. Т. М—чъ	111
VII. ЗАПОРОЖСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). Ал. Андр—скаго	127
VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. В. Антоновича	140
IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО. В. Горленка	146
X. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г.— <i>Т—скаго</i> .— б) В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.— <i>Ивана Матченка</i> .— в) Географія кievской губерніи. Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.— г) Историческое обзорѣе гражданскаго устройства Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. Н. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.— <i>В. А.</i>	155

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. <i>П. Ефименка</i> — б) Археологическая находка въ Черняговѣ. <i>А. Ханенка</i> . — в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. — г) Князь Яблоновскій въ человкомъ положеніи. <i>И. Л.</i> — д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. <i>П. Саббатовскаго</i> . — е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. <i>А. Скальковскаго</i> . — ж) Еще объ украинской злополучницѣ. <i>Ц. Г. Неймана</i>	169
---	-----

Іюнь, 1883 г.

I. Г. О. КВИТКА - ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. <i>Н. Маркова</i>	193
II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. <i>В. Науменка</i>	212
III. БѢСЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. <i>Ф. Щербини</i>	233
IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (<i>Окончаніе</i>). <i>А. Л. Шиманова</i>	249
V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія І. (Переводъ съ польскаго).	268
VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщалъ свящ. <i>Левандовскій</i>	310
VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-Ѣ ВЪ 1764 ГОДУ. — Сообщ. проф. <i>А. О. Нистяновскій</i>	317
VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. О. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.	346
IX. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Малорусскія издавія 1882 года. — б) Повія, романъ П. Мирного. Частиня перша. («Рада», украинскій альмаважъ. Кіевъ, 1883 г.) — <i>В. Г'—ка</i>	353
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Ушыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій). — <i>П. Ефименка</i> . — б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Ивандѣ Куцковичѣ. — Сообщ. <i>А. С—ко</i> . — в) Малороссійскіе чины и должности и оклады ихъ содержанія. — г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери? — <i>П. Л—ва</i> . — д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. — е) «Гнідко», варіантъ Кармелюба. — <i>Александра Ом—скаго</i> . — ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в. — Сообщ. <i>Ал. Маркевичъ</i> . — з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ. — Сообщ. <i>П. Д—въ</i>	371

Июль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (Продолженіе). Ир. Житецкаго	399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). Я. Г.	453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЬ. (Изъ еврейскихъ легендъ). Александра Тарнавскаго	473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). Ст. фонъ-Носа	492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). Ал. Лазаревскаго	506
VI. ПОСЪЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе).	539
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою комисіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. В. И.—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.— <i>Посторонній</i>	563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ моголевскомъ и мстиславскомъ Анатолѣ. Н. Пирожкова.—б) Подозрѣніе, взведенное на проезжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. П. Ефименка.—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о конціи мѣра. П. Ефименка.—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. Ф. Щербина.—д) Покровская церковь въ Черяславлѣ. А. Т.—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мизепы. Ф.—з) Современные стихи на пѣмѣху Мизепы. Сообщ. П. Л.	573

Августъ 1883 г.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. Ц. Г. Неймана	659
II. КЪ ИСТОРИИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). Я. Г.	645
III. ПРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадьюторъ кіевскій. (Окончаніе). Г. Булашева	664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст.	719

- V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генераль-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флораномъ Корсакомъ. *Сообщилъ В. Т. М—чъ*. 735
- VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ 738
- VII БИБЕОГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.*— б) О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаго*.— в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса, 1883 г.—*П. Голубовскаго*.— г) Дополненіе къ «Показчику новоі украинскоі літератури» М. Кошарова.—*М. Гаврилова*. 741
- VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.— б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л—ва*.— в) Удѣлявшая Старина. *М. Гаврилова*.— Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвичьяго монастыря.— г. Не привившійся на полтавской почлѣ ремень. *Ө. Ни—ка*.— д) Во что обошлась опись бібліотека преосв. Ириней Фальковского послѣ его смерти. *А. Титова*.— е) Варіантъ лѣсни о правдѣ. *Сообщ. В. Горленко*.— ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.— з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаго*.— п) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О. . .* 751
- IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

М А Й

1883 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 29-го апрѣля 1883 года.

Смѣна народностей въ южной Россіи

(историко-этнографическія замѣтки).

ВВЕДЕНІЕ.

Территорія, которой касаются наши историко-этнографическія замѣтки, — это страна, заселенная южноруссами или малоруссами (они-же русины, русняки, рутенцы, хохлы, черкасы и т. д.). Трудно при современномъ состояніи русской этнографіи точно обозначить предѣлы поселеній малорусской народности. Съ одной стороны ни языкованіе, ни антропология, ни этнографія не указали еще всей суммы признаковъ, которыми рѣзко и несомнѣнно *малоруссы* отграничиваются не только отъ *великорусса* и *бѣлорусса*, но даже отъ *поляка* (въ прислянскомъ краѣ и Галиціи), *словака* (въ Венгріи) и пр.; съ другой стороны въ мѣстахъ смежнаго поселенія двухъ племенъ всегда одно племя врѣзывается въ предѣлы другаго, и довольно широкая пограничная полоса обыкновенно состоитъ изъ смѣшаннаго населенія. Единственнымъ критеріумомъ, устраняющимъ хотя отчасти затрудненіе втораго рода при опредѣленіи территориальнаго разселенія народности, служитъ статистическій матеріалъ. И вотъ, основываясь на данныхъ статистики ¹⁾, мы можемъ сказать, что южноруссы занимаютъ своими поселеніями

¹⁾ По статистическимъ цифрамъ малоруссы составляютъ большинство населенія въ слѣдующихъ областяхъ Россіи и Австро-Венгріи: 1) въ міусскомъ и донецкомъ округахъ земли Войска Донскаго; 2) въ бирючскомъ, богучарскомъ, острогожскомъ, въ западной половинѣ валуйскаго и юго-западной трети павловскаго уѣздовъ, воронежской губерніи; 3) въ гравворанскомъ, новооскольскомъ, въ половинѣ суджанскаго и въ трети бѣлгородскаго и путивльскаго уѣздовъ курской губерніи; 4) въ харьковской губ.; 5) въ полтавской губ.; 6) въ черниговской (кромя су-

отношенія разныхъ народностей недостаточно, чтобы характеризовать этнографическій составъ населенія въ такомъ сравнительно обширномъ краѣ, какъ южная Русь ¹⁾). Въ этомъ отношеніи болѣе матеріала дадутъ намъ частныя цифры распредѣленія населенія въ разныхъ частяхъ Малороссіи. Частей, на которыя можетъ быть раздѣлена Малороссія по характеру группировки въ ней разныхъ національностей, шесть: 1) *Сѣверо-западная полоса южной Россіи* ^{2)*)} — въ ней кромѣ малоруссовъ остальное населеніе распредѣляется главнымъ образомъ между *евреями, поляками* и отчасти *нѣмцами*; 2) *юго-западная полоса* ³⁾; отличие ея: значительный процентъ, кромѣ евреевъ и поляковъ, *молдованъ*; 3) *сѣверная полоса* ⁴⁾ характеризуется присутствіемъ, кромѣ евреевъ и поляковъ, *бѣлоруссовъ*; 4) *восточная полоса* ⁵⁾, гдѣ послѣ малоруссовъ главное населеніе составляютъ великоруссы; 5) *южная полоса* ⁶⁾ выдается смѣсью народностей инородческихъ, безъ особеннаго преобладанія какой-нибудь изъ нихъ и наконецъ 6) *центральная полоса* ⁷⁾, которая отли-

¹⁾ Слѣдующія страны Европы менѣе южной Россіи: а) *По пространству*: Австро-Венгрія (1880 г.), Германія (1880 г.), Франція (1876 г.), Испанія (1876 г.), Швеція (1878 г.), Норвегія (1875 г.), Великобританія (1881 г.), Италія (1878 г.), Турція съ восточной Румеліей, Румынія, Боснія и Герцоговина (1873 г.), Болгарія, Сербія (1876 г.) и Черногорія (смот. *Суворинъ*, «Русск. календарь» на 1882 г.); б) *по населенію*: Испанія (1877 г.), Турція съ восточной Румеліей, Бельгія (1878 г.), Румынія, Швеція (1878 г.), Португалія (1878 г.), Нидерланды (1878 г.), Швейцарія (1880 г.), Болгарія, Норвегія (1875 г.), Греція (1879 г.), Сербія (1876 г.), Боснія и Герцоговина и Черногорія (смот. *ibid.*).

²⁾ Ее составляютъ: восточная Галиція, малор. уѣзд. люблянской губ., сѣдлецкая и гродн. губ., волынская, кievская и подольская губ., кромѣ уѣздовъ балтскаго и ольгопольскаго.

³⁾ Основаніемъ для дѣленія Малороссіи на полосы служитъ преобладаніе той или другой изъ инородческихъ націй.

⁴⁾ Ее составляютъ: малорос. провинція Буковины, хотинскій уѣздъ, Бессарабія, балтскій и ольгопольскій уѣзды, подольской губ.

⁵⁾ Ивнскій и мозырскій уѣзды, минской губ.

⁶⁾ Новозыбковскій и стародубскій уѣзды, черниг. губ.; константиноградскій уѣздъ, п.лав. губ., малор. части курской, виронеж. губ. и земли Войска Донскаго и харьковская губ.

⁷⁾ Аккерманскій уѣздъ Бессарабіи, херсонская и екатериносл. губ. и три сѣверныя уѣзда таврич. губ.

⁸⁾ Полтавская губ. (кромѣ константиногр. уѣз.) и чернаговская губ., кромѣ уѣздовъ сурожскаго, новозыбковскаго и стародубскаго.

Полосы	Малоруссы.		Еврей.	Великоруссы.	Пол	ицы.	Румыны.	Греки.	Болгары.	Бѣлоруссы.	Армяне.	Цыгане.	Сербы.	Чехи.	Татары.	Проч.	Итого по полосамъ.
	число.	%															
I Сѣверо-западная	7,675,800	76,76	(13,10) 1,390,700	(0,50) 50,600	(8,1) 801,2	1,61 250	(0,01) 1,650	>	>	>	(0,02) 2,400	(0,02) 2,070	>	(0,07) 7,100	(0,01) 900	(0,05) 5,050	9,998,770
II Юго-западная . .	643,600	76,33	(8,00) 67,800	(0,70) 6,450	(2,0) 17,10	1,21 3,600	(9,87) 83,000	>	>	>	(0,31) 2670	>	>	(0,001) 100	>	(0,16) 1350	840,670
III Сѣверная . . .	109,000	78,23	(7,85) 10,950	?	(9,13) 12,72	1,21 300	>	>	>	(4,52) 6300	>	>	>	>	(0,01) 10	>	139,285
IV Восточная . . .	2,600,200	73,32	(0,26) 9,350	(25,74) 914,500	(0,09) 3,500	1,11 975	>	>	>	(0,34) 12,380	(0,001) 50	(0,05) 1950	>	>	(0,006) 210	(0,006) 225	355,234
V Южная	2,362,600	69,11	(6,06) 171,900	(9,97) 339,460	(1,53) 62,300	3,78 6,875	(4,42) 150,500	(2,05) 70,450	(2,02) 69,000	(0,25) 8850	(0,78) 26,850	(0,10) 3,460	(0,22) 7575	>	(0,02) 850	(0,03) 1050	3,403,720
VI Центральная . .	3,027,800	95,93	(2,53) 80,100	(0,90) 28,550	(0,18) 5,900	1,12 850	>	(0,01) 365	>	(0,26) 8700	(0,0001) >	(0,01) 600	>	>	(0,002) 135	(0,006) 200	3,156,205
Итого по народностям ¹⁾	16,425,000		1,730,800	1,331,600	902,775	4,850	235,150	70,800	69,000	36,230	31,975	8,000	7575	7,200	2145	7825	

¹⁾ Итого данной таблицы не волюди сходится съ цифрами общей таблицы (см. выше) потому, что источникомъ для этой таблицы служилъ главный образецъ Риттита, тогда какъ при составленіи первой приняты во вниманіе и др.

чается незначительностью примѣси инородческаго населенія. Такимъ образомъ, группируя населеніе по отмѣченнымъ шести полосамъ, мы получаемъ особо прилагаемую при семь таблицу *).

Изъ данныхъ таблицы мы видимъ, что кромѣ *малоруссовъ* изъ прочихъ народностей по всей странѣ, хотя и не въ одинаковой пропорціи, живутъ еще *евреи*, *поляки*, *нѣмцы* и *великоруссы*; отчасти это можно сказать и о татарахъ, армянахъ и цыганахъ. При этомъ основное населеніе—южно-руссы составляютъ не одинаковый процентъ обитателей во всѣхъ частяхъ страны: самый высокій процентъ оно даетъ въ центральной полосѣ, гдѣ на долю малоруссовъ приходится до 95,93%; къ периферіямъ-же % его падаетъ, причемъ уменьшеніе % малоруссовъ къ востоку обратно пропорціо-нально возрастанію великоруссовъ, къ сѣверу — бѣлоруссовъ, къ сѣверо-зап.—главнымъ образомъ поляковъ и евреевъ, къ юго-зап.—румыновъ, и къ югу—разныхъ инородцевъ, между которыми выдаются значительностью процента румыны и нѣмцы. Совершенно иначе понижается процентъ у инородцевъ, живущихъ по всей южной Руси, именно: а) у *сербовъ* и *поляковъ* % понижается съ запада на востокъ; б) у *великоруссовъ*—съ востока на западъ; в) у *нѣмцевъ* съ юга на сѣверъ (рѣзче на сѣверо-востокъ и постепенно на сѣверо-западъ). Что касается прочихъ народностей, то изъ нихъ 1) *татары*, *армяны* и *цыганы* можно встрѣтить повсюду въ странѣ, но вездѣ въ ничтожномъ количествѣ; 2) *бѣлоруссовъ* въ сѣверной, а также въ восточной, центральной и южной полосахъ, *румыновъ* лишь въ юго-зап. и южной полосахъ и въ ничтожномъ количествѣ въ сѣверо-западной; 4) *грековъ*—въ южной полосѣ и въ ничтожномъ числѣ въ центральной (именно въ пѣжинск. у. черниг. губ.); 5) *чеховъ* въ сѣверо-зап. полосѣ, 6) *болгары* и *сербовъ* лишь въ южной полосѣ. Если мы прибавимъ еще замѣчанія о системѣ поселенія разныхъ инородцевъ въ краѣ, то получимъ всѣ основныя свѣдѣнія, какія мы можемъ извлечь изъ статистическихъ данныхъ объ этнографическомъ составѣ населенія южной Руси. Въ этомъ отношеніи инородческое населеніе представляетъ три категоріи: 1) *татары*, *армяне* и *евреи* (за ничтожнымъ исключеніемъ) живутъ совмѣстно съ малоруссами, 2) *сербы*, *чехи*, *болгары* и въ большинствѣ случаевъ *нѣмцы*, *румыны* и *греки* живутъ въ отдѣльныхъ поселеніяхъ или колоніяхъ, 3) поселенія-же *великоруссовъ*,

бѣлоруссовъ и поляковъ бывають перваго и втораго типа, причеиъ преобладають отдѣльныя поселенія.

Совмѣстная жизнь на одной территоріи разныхъ народностей, въ силу экономическихъ, социальныхъ и культурныхъ побужденій, само собою разумѣется, ведетъ къ національному взаимодействию, а послѣднее всегда отражается на измѣненіи типа взаимо-дѣйствующихъ націй, такъ что изъ картины расселенія народностей въ странѣ южно-руссовъ можно теоретически заключить, что типъ кореннаго обитателя—малорусса въ разныхъ частяхъ территоріи различенъ, и что модификація типа произошла, какъ подъ вліяніемъ не идентичности въ физико-географическихъ и историко-политическихъ условіяхъ, такъ и чрезъ отраженіе на немъ свойствъ различныхъ націй, именно: къ востоку—великоруссовъ, къ сѣверу—бѣлоруссовъ, къ западу—поляковъ, къ сѣверо-западу—румыновъ и т. д. Но было-бы неосторожно думать, что типъ южнорусса варьируется лишь подъ вліяніемъ народностей, имѣющихъ многочисленныхъ представителей въ странѣ: въ этомъ отношеніи играетъ роль не одна численная величина національности, но и внутреннія богатства ея. Тоже нужно думать и объ обратномъ дѣйствіи основнаго населенія: національныя черты и особенности малоруссовъ такъ или иначе отразились на свойствахъ всѣхъ прочихъ народностей. Понятно отсюда, что этнографическое изученіе края не должно ограничиваться кореннымъ населеніемъ страны—южноруссами, но должно въ равной степени коснуться и всѣхъ прочихъ національностей, имѣющихъ своихъ представителей на постоянномъ жительствѣ въ странѣ. Но достигнется-ли даже ближайшая цѣль этнографіи—пониманіе и объясненіе современныхъ этнологическихъ особенностей, наблюдаемыхъ въ населеніи края, если мы ограничимся изученіемъ національныхъ особенностей лишь въ современный намъ моментъ?

Между племенами, народами и національностями при ихъ взаимодействіи происходитъ та же борьба, „борьба за существованіе“, что и въ мірѣ животномъ и растительномъ. Племя, народъ и національность въ своемъ историческомъ ростѣ зависятъ не только отъ физико-географическихъ и историко-политическихъ условій, но и отъ взаимнаго вліянія народностей, отъ ихъ взаимной борьбы. Самый племенный и національный ростъ какъ качественный, такъ

и количественный нужно понимать не въ смыслѣ только (прогрессивнаго или регрессивнаго) развитія природныхъ индивидуальныхъ особенностей племени или народа, но и какъ воспріятіе особенностей постороннихъ (вліяющихъ) народностей, какъ своего рода постороннее напластованіе въ національномъ организмѣ. При этомъ, какъ въ сферѣ растений и животныхъ, и здѣсь не происходитъ, можно думать, безслѣднаго абсолютнаго исчезновенія не только народностей, но даже отдѣльныхъ свойствъ. Смерть народности это такое-же относительное явленіе, какъ и смерть человѣческаго индивидуума, или растительнаго объекта: прекращается существованіе въ смыслѣ опредѣленной народности, но исчезнувшая народность продолжаетъ жизнь или въ видѣ новыхъ народностей, въ которыя первая модифицировалась, или на которыя она дифференцировалась, или-же наконецъ въ видѣ отдѣльныхъ чертъ постороннихъ народностей, поглотившихъ уничтоженную. На глазахъ исторіи произошло безчисленное количество „исчезновеній“ и „поглощеній“ народностей. Кромѣ уничтоженія разныхъ первобытныхъ народовъ и племенъ при встрѣчѣ съ болѣе развитыми племенами, гдѣ гибель племенъ шла очень быстро (такъ гибли индійцы въ Америкѣ, туземцы Полинезіи и Африки при встрѣчѣ съ европейцами), мы имѣемъ цѣлый рядъ медленнаго, постепеннаго исчезновенія народностей. Уже въ историческую эпоху совершился процессъ поглощенія бельговъ англо-саксами въ Великобританіи, славянъ полабскихъ—германцами, литовцевъ, финновъ, разныхъ тюркскихъ народцевъ славяно-руссами и т. д. Въ концѣ прошлаго столѣтія и даже въ началѣ нынѣшняго число сербовъ въ Новороссіи Скальковскій считаетъ до 100,000, между тѣмъ въ 1875 г. Риттихъ находитъ сербовъ около 7000, а о пребываніи тамъ 100,000 сербовъ говоритъ лишь имя „Новой Сербіи“, не имѣющее этнографическаго значенія, такъ какъ здѣсь совершился уже процессъ сліянія сербской народности съ южно-руссами ¹⁾ за такой короткій періодъ. Но народности поглощенныя оставили въ живущихъ народностяхъ неизбѣжно и свое вліяніе. Такъ наши историки давно сдѣлали предположеніе и признаютъ, что племена, поглощенныя русско-славянскою народ-

¹⁾ А. С. Будиловичъ; «Статист. таблицы распредѣленія славянъ». Спб. 1875 г.

ностью, слившіяся съ ней, обрусѣвшія, не могли не участвовать въ образованіи типа, который существуетъ теперь на мѣстахъ ихъ прежнихъ жилищъ, что примѣсь литовскихъ, финскихъ и тюркскихъ элементовъ произвела въ восточномъ отдѣлѣ славянства тѣ особенности, которыя развили потомъ отличія между бѣлоруссами, великоруссами и малоруссами. Но еще болѣе доказательствъ въ этомъ пунктѣ взаимодѣйствія племенъ дастъ намъ языковедіе.

Сравнительная филологія путемъ изслѣдованія современныхъ языковъ открыла цѣлый рядъ народностей, которыя въ разное время, нерѣдко уже въ доисторическое, потеряли свое индивидуальное существованіе, но наслѣдство которыхъ, въ видѣ элементовъ языка, продолжаетъ жить въ современныхъ намъ живыхъ языкахъ. Путемъ сравнительнаго языковедія: а) возстановленъ общій праязыкъ, а, понятно, и пранародъ для всей индо-европейской или арійской семьи; б) указанъ праязыкъ для языковъ романскаго отдѣла; в) предполагается одинъ языковый предокъ для всѣхъ современныхъ намъ славянскихъ языковъ и т. д. ¹⁾. Такой-же языкъ родоначальникъ научно указанъ и для современныхъ намъ трехъ вѣтвей восточныхъ славянъ, и живое существованіе его отнесено уже въ историческую эпоху, не позже XIII—XIV в. ²⁾. Такимъ путемъ изслѣдованія сравнительное языковедіе съ очевидностью утвердило положеніе, что элементы языковъ вымершихъ народностей продолжаютъ существовать въ языкахъ живыхъ народовъ и что между языками постоянно происходитъ своего рода эндосмосъ. Къ тому-же выводу приводятъ и сравнительныя изслѣдованія міеологии, религіи, наконецъ бытовыхъ учреждений, и надобно думать, что воздѣйствіе какъ поглощенныхъ народностей, такъ и живыхъ, не подлежить сомнѣнію, не только по языковымъ элементамъ, но и по физическому типу, и по культурнымъ свойствамъ ³⁾.

Въ указанныхъ выводахъ науки находится косвенное основаніе и для гипотезы въ области этнографіи, что вообще этнологическія оригинальности одной народности отражаются такъ или иначе на сосѣднихъ народностяхъ, и что даже прекратившія инди-

¹⁾ *Пытинъ*; «Вѣстникъ Евр.», 1875 г., № 11.

²⁾ *П. Житецкій*; «Очеркъ звук. исторіи малор. нарѣчій», стр. 31, 34—38.

³⁾ *Пытинъ*; «Вѣст. Евр.», 1875 г., № 11, стр.

видуальное существованіе народности не исчезли абсолютно, но оставили живой слѣдъ въ другихъ народностяхъ.

На перемѣну особенностей въ извѣстной націи, а равно и на ея ростъ и смерть, какъ мы уже сказали выше, оказываютъ вліяніе, конечно, не въ одинаковой степени, *всѣ окружающія* національности безъ различія ихъ количественной силы, племеннаго родства и культурнаго развитія: въ этомъ случаѣ интенсивность вліянія не всегда пропорціональна количественной силѣ народности, а зависитъ отъ качественныхъ ея особенностей, ея этнологическаго богатства, ея живучести и самой сущности особенностей націи. Примѣровъ для иллюстраціи высказаннаго положенія весьма достаточно. Сравнительно малочисленная народность Лаціума въ древнемъ мірѣ подчинила своему культурному вліянію всѣ окружающіе народы, достигла высокой степени развитія своихъ силъ и, оставивъ этнологическое наслѣдство Европѣ въ романскихъ національностяхъ, исчезла сама, какъ отдѣльная этнографическая особь. Разновидность французской національности—провансальское населеніе до нашихъ дней не только живетъ со своими особенностями, вопреки ассимилирующему вліянію многочисленной и высоко-культурной государственной народности, но еще болѣе или менѣе вліяетъ на послѣднюю. Въ нашей исторіи поляне не были количественно большее племя, чѣмъ сѣверяне, воыпяне и др., тѣмъ не менѣе они оказывали преобладающее вліяніе. И обратно: еврейское племя численно превосходитъ всѣ прочія народности среди южно-руссозъ и живетъ здѣсь почти тысячелѣтіе, но нельзя сказать, чтобы евреи импонировали на послѣднихъ въ этнологическомъ смыслѣ болѣе, чѣмъ менѣе численные народы, какъ теперь нѣмцы, молдоване, въ средніе вѣка литовцы, а въ удѣльный періодъ ассимилированные черные клобуки, берепден и пр.

Съ такой точки зрѣнія каждая національность въ данный моментъ, по словамъ г. Пыпина, „безъ сомнѣнія есть опредѣленный типъ съ отличительными свойствами, въ значительной степени наслѣдственными, родовыми, но... этихъ отличительныхъ свойствъ данной минуты невозможно распространить на цѣлую исторію націи, или даже на какой-либо обширный историческій періодъ“. При этомъ *измѣняемость* національнаго типа „бываетъ столь обширна, что начальныя и конечныя ступени развитія на обыкновенный взглядъ

представляютъ перѣдко совершенно разныя формы, единство которыхъ объясняетъ только наука, именно тѣмъ, что указываетъ промежуточные ступени“⁴⁾). Отсюда выводъ, кажется, единственный, что полное опредѣленіе національнаго типа не заключается въ одной данной или настоящей его формѣ, а во всемъ его историческомъ развитіи⁵⁾). Слѣдовательно, этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело его къ этому образу, что сгруппировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отчего онъ сложился такъ, а не иначе. „Нельзя иначе уразумѣть состоянія народовъ, говорить г. Костомаровъ, какъ прослѣдивши прежніе пути, по которымъ народъ дошелъ до своего состоянія; всѣ признаки современной жизни не иначе могутъ имѣть смыслъ, какъ только тогда, когда они разсматриваются, какъ продуктъ предъидущаго развитія народныхъ силъ“⁶⁾). Такимъ образомъ при изученіи южно-русскаго края въ этнографическомъ отношеніи, нельзя принимать наблюдаемые теперь въ немъ національные типы, какъ готовые въ данный моментъ, только съ тѣми свойствами, въ тѣхъ отношеніяхъ, какія они теперь имѣютъ. Напротивъ, эти типы должны быть изучаемы во всей своей исторіи и исходная точка для ихъ опредѣленія должна быть тамъ, гдѣ только исторія можетъ услѣдить первые ихъ слѣды⁷⁾).

Этнографическое изученіе южной Руси началось лишь въ послѣднее время, лѣтъ 20—30 тому назадъ, когда произошло измѣненіе во взглядахъ русскихъ ученыхъ на исторію народа. Теорія государственности въ исторіи, представленная такими крупными историками, какъ Карамзинъ и Соловьевъ, была оставлена за свою односторонность: при этой теоріи исторія занималась главнымъ образомъ политико-административною стороною государства и охватывала лишь высшіе свои общества.

Подъ вліяніемъ иныхъ взглядовъ въ западно-европейской исторической наукѣ и подъ давленіемъ вновь открывающихся истори-

¹⁾ *Пытинъ*, *ibid.* стр. 100—101.

²⁾ *ibid.*

³⁾ *Костомаровъ*; «Истор. новогр.», т. 3-й, стр. 356, 359.

⁴⁾ *Пытинъ*; «Вѣст. Евр.», 1875 г., № 11, стр. 109.

ческихъ матеріаловъ и критической ихъ разработки созрѣло новое требованіе отъ исторіи и у насъ. Исторіею ставилъ задачею историческаго знанія жизнь всего человѣческаго общества, а слѣдовательно и народа, и такимъ образомъ, въ кругъ исторіи вошла и нетронутая государственниками „жизнь народныхъ массъ съ ихъ общественнымъ и домашнимъ бытомъ, съ ихъ привычками, обычаями, понятіями, сочувствіями, привычками и стремленіями“¹⁾. Ученіе о необходимости русскому историку имѣть на первомъ планѣ народъ, а не государство, явилось прежде всего у славянофиловъ 40-хъ годовъ, развито-же оно было главнымъ образомъ г. Бестужевымъ-Рюминымъ въ критическихъ статьяхъ по русской исторіи и г. Ешевскимъ, который между другими русскими историками внимательнѣе другихъ относился къ изученію народа²⁾. Но окончательно утверждены принципъ народности въ исторической наукѣ и разработаны въ деталяхъ такъ называемую „федеративно-областную“ школу, центральнымъ представителемъ которой служить г. Костомаровъ, за которымъ слѣдуетъ довольно многочисленная и свѣтлая плеяда ученыхъ областниковъ, какъ проф. Антоновичъ, гг. Корсаковъ, Зубрицкій, Шараневичъ, Дашкевичъ и начинающіе ученые гг. Багалій, Голубовскій и др. Новая постановка вопроса въ исторической наукѣ родила понятную потребность знать *современное положеніе* русскаго народа, и такимъ путемъ вызвала была на свѣтъ русская этнографія вообще и южно-русская въ частности. Культурное движеніе, выразившееся у западныхъ славянъ національнымъ возрожденіемъ, а у насъ появленіемъ кружка славянофиловъ и группы украинскихъ народниковъ, а также реакція противъ общаго соціальнаго недуга — крѣпостничества, помогли русской наукѣ о народѣ приобрести живой интересъ среди интеллигентнаго русскаго общества и родить себѣ довольно многочисленныхъ ученыхъ адептовъ. Но указанія обстоятельства имѣли и свою невыгодную сторону: они вліяли на то, что этнографія получила съ первыхъ шаговъ одностороннее направленіе; она фактически объявила своимъ предметомъ не народъ, а лишь простонародье, и притомъ простонародье господствующей національности — русской, въ трехъ ея

¹⁾ Костомаровъ. «Ист. мозогр.» т. 3., стр. 356.

²⁾ Ешевскій. «Русская колонизация сѣверо-зап. края» и др.

развѣтвленіяхъ: великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Изъ трехъ указанныхъ славяно-русскихъ національностей до сихъ поръ болѣе полной разработкѣ подверглась малорусская національность ¹⁾.

Но и южно-русская этнографія, понятно, не избѣжала указанной односторонности: она не вышла за предѣлы малорусскаго простонародія, и такимъ образомъ отъ взоровъ южно-русскихъ этнографовъ почти совсѣмъ ускользали, во 1-хъ, всѣ другіе слои русскаго населенія, кромѣ простонародія, и во 2-хъ, остальные народности, обитающія среди малорусскаго населенія. Между тѣмъ изъ всего сказаннаго уже очевидно, что на измѣненіе этнологическихъ свойствъ воздѣйствуютъ не только сталкивающіяся между собою націи, но даже и всѣ общественные слои этихъ націй, хотя конечно не въ одинаковой степени, и это нужно сказать не только относительно современнаго намъ момента, но и относительно всей исторической жизни народа. Достаточно припомнить вліяніе въ исторической жизни южноруссовъ такихъ факторовъ, какъ княжескаго дружиннаго класса и духовенства въ до-монгольскій періодъ, „панства“ въ литовско-польскій періодъ, козацкой старшины и самаго козачества, а равно и духовенства въ періодъ козацкій, чтобы согласиться, что на этнологическую фізіономію южно-русскаго народа накладывали и накладываютъ свои краски и всѣ существовавшіе и существующіе въ немъ самомъ сословія и классы: черезъ нихъ, между прочимъ, прежде всего шла и идетъ ассимиляція

¹⁾ Прежде всего крупный вкладъ въ южно-русскую этнографію сдѣлавъ въ видѣ изданій разнообразнаго этнографическаго матеріала, какъ отдѣльными лицами (кв. Цертелевъ, г. Максимовичъ, Головацкій, Закревскій, Номисъ, Кистяковскій (по общему праву) и особенно г. Кулишъ), такъ и учеными обществами: пмп. р. геогр. общ. («Груды Чубинск.»), юго-зап. отд. геогр. общ. «Историч. пѣсни» гг. Антоновича и Драгоманова, «Малор. преданія» Драгоманова, «Пѣсни Буковинскаго народа» Купчавко и пр. Въ послѣднее время можно ожидать изданій этногр. матеріаловъ отъ «Кіевск. юрид. общ.» съ открытіемъ при немъ отдѣленія по общему праву. Однако изданіемъ матеріала изъ сферы «простонародія» и ограничивалось дѣло до сихъ поръ; научной обработкѣ по малор. этнографіи подлежали лишь вопросы изъ области языковеденія (въ трудахъ гг. Срезневскаго, Потѣбна, Н. Житецкаго и др.); по другія-же вопросамъ въ нашей литературѣ можно встрѣтить лишь нѣсколько рефератовъ и брошюръ (рефераты гг. Русова и Иващенко въ юго-зап. отд. геогр. общ.; г. Драгоманова на 3-мъ археолог. съѣздѣ).

южно-руссомъ съ другими національностями, не говоря уже о другихъ вліяніяхъ.

Такимъ образомъ предметомъ южно-русской этнографіи должны быть всѣ безъ исключенія народности, связанныя съ ея территоріей, какъ въ наше время, такъ и во всю историческую жизнь Южной Руси, начиная съ того момента, который въ состояніи схватить наука. Мы уже констатировали въ началѣ статьи тѣ народности, какія въ наше время обитаютъ на территоріи южной Руси, теперь является другой вопросъ: какія народности обитали во весь періодъ, доступный въ наукѣ, въ предѣлахъ теперешней южной Россіи (въ періодъ съ VI-го в. до Р. Х. и по первую половину включительно XIX в.)? Отвѣтъ на поставленный вопросъ и составить задачу нашихъ историко-этнографическихъ замѣтокъ подъ заглавіемъ: „*Смѣна народностей въ южной Россіи*“.

I.

Доисторическій періодъ.

Древняя эпоха въ исторіи южной Руси до сихъ поръ очень темна. Довольно сказать, что для всего періода до VIII в. въ исторической литературѣ имѣется 5—6 извѣстій, раздѣленныхъ между собою цѣлыми столѣтіями¹⁾. На разстояніи шести вѣковъ, съ V в. до Р. Х. и по II в. послѣ Р. Х., намъ извѣстны три главныя историческія указанія о населеніи въ южной Руси, именно: 1) Геродотъ (460—444 до Р. Х.), 2) Плиній (350—336 до Р. Х.) и 3) Птоломей (175 и 182 по Р. Х.). Съ этого историческаго момента данныя по заселенію юга Россіи умножаются, и между ними первое мѣсто занимаютъ: „*Шевтингерова карта*“ (ок. 422 г.), из-

¹⁾ Это—извѣстія греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ; они малочисленны, отрывочны, не страдаютъ деталями, не блещутъ научною отчетливостью, но мяновать ихъ нельзя: иначе пришлось бы начать исторію заселенія края съ IX—X вв., т. е. съ того періода, когда югъ Россіи уже вступалъ въ историческій, государственный періодъ. Между тѣмъ такой социальная организація населенія страны добивается путемъ долгой предшествующей жизни. Объ этой жизни и можно судить хотя гипотетически лишь изъ основанія упомянутыхъ извѣстій грековъ и римлянъ.

вѣстія Юрианда и Прокочія (VI в.) и др. Мы прежде всего извлечемъ главные и болѣе вѣроятныя данныя о населеніи южной Руси изъ указанныхъ источниковъ. Въ эпоху Геродота сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей и сѣверо-вост. послѣдняго усѣяно было *греческими* колоніями—факторіями. Такъ у устья р. Днѣстра, гдѣ теперь г. Аккерманъ, находилась греческая колонія Тирась; у устья р. Буга, вблизи теперешняго г. Николаева—Ольнія, самая важная и цвѣтущая факторія. Въ промежуткахъ между указанными рѣками было еще до 30 колоній: Мелитопольсь, Никоніумъ, Фискъ, гавань Исиаковъ (гдѣ теперь Одесса), гавани Истриапъ, Одессосъ, Скопули и проч. На азовскомъ побережьѣ Пантикапекъ, около Керчи, Фанагорія—подлѣ Тамани. Двѣ послѣднія принадлежали къ „Босфору Киммерійскому“, который представлялъ изъ себя полу-греческое царство, раскинувшееся отъ восточнаго берега Азовскаго моря, вдоль Чернаго моря, до Малой Азіи. Греческими-же колоніями было усѣяно побережье Азовскаго моря у устьевъ р. Дона, близъ Таганрога и Мариуполя. Въ сосѣдствѣ съ греческими поселеніями у Чернаго моря, преимущественно на западъ отъ Днѣпра, по р. Бугу (Гипанису) обитали *Каллипиды* (Καλλιπίδες), смѣсь грековъ со скивами, какъ предполагаетъ Шафарикъ¹⁾. Подвигаясь далѣе на сѣверъ, на всемъ пространствѣ отъ р. Дона до Днѣстра (конечно, выше варчатскихъ отроговъ), доходя на сѣверѣ до устьевъ р. Псла и верховьевъ рр. Буга и Днѣстра, обитали скивы, подъ разными названіями. Такъ, между Дономъ и Днѣпромъ Геродотъ помѣщаетъ *кочевыхъ* скивовъ, подъ двумя именами: а) *скивомъ кочующимъ* (νομάδες Σκῆθαι) и б) *царскими скивомъ* (βασιλεύσι Σκῆθαι), именно: первыхъ въ части погайско-таврической степи, разстилающейся между нижнимъ Днѣпромъ на югѣ отъ впаденія р. Конскія воды (или Пантикапекъ) и таврическимъ полуостровомъ²⁾, а вторыхъ—въ странѣ *Геросъ*, т. е. по побережью р. Днѣпра въ теперешней скатериносл. губерніи, далѣе на востокъ въ степяхъ между Донцомъ и Дономъ (не далѣе вершины его) и по Дону до самаго Азовскаго моря. На остальномъ пространствѣ южной Россіи отъ Днѣпра до Карпатъ Геродотъ помѣ-

¹⁾ «Славянскія древности», т. II, стр. 8—10.

²⁾ Ibid., стр. 7.

щаетъ *остдлыгъ* скиѳовъ, именно: а) *скиѳы-земледѣльцы* (*Σκῆβαι γεωργοί*), на сѣверъ отъ царскихъ скиѳовъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра до устья р. Пела (при этомъ можно думать, что указанные скиѳы жили только на небольшомъ разстояніи отъ берега¹⁾. б) *скиѳы пахари* (*Σκῆβαι ὀρατρῆς*), они-же борисфениты, жили по правую сторону Днѣпра, отъ Нижняго Днѣпра до вершины Буга и Днѣстра, в) третья отрасль скиѳовъ пахарей, называвшаяся *ало-зонами* (*Ἀλαζόνες*), жила по среднему теченію р. Буга и, можно думать, далѣе на западъ въ Галицію, къ Карпатамъ.

За Днѣстромъ, въ Бессарабіи, а слѣдовательно и въ теперешнемъ аккерманскомъ у., кромѣ прибрежья, а равно въ хотинскомъ у. Бессарабіи и вѣроятно въ Буковинѣ жили, по Геродоту, *геты* или *даки*, въ зависимости отъ скиѳовъ, отчего, можетъ быть, Бессарабія вмѣстѣ съ Добруджею и получила названіе „Малой Скиѳіи“²⁾.

На сѣверо-западѣ, въ мѣстахъ теперешнихъ поселеній въ привислянскомъ и сѣверо-западномъ краѣ, по рр. западному Бугу и Нареву, на сѣверъ отъ истоковъ рр. южнаго Буга и Днѣстра (это польская „нурская земля“) обитали *негры* или *нуры*, сосѣди на востокъ у Днѣпра, можетъ быть въ минско-кѣвскомъ и черниговскомъ полѣсьяхъ (въ полт. и черя. губ.), съ *будинами* или *вудинами*, жилища которыхъ простирались на востокъ до р. Дона на сѣверъ отъ изворота его вблизи р. Волги³⁾, гдѣ Геродотъ помѣщаетъ также *андрофаговъ*, *меланхленовъ* и *фисагетовъ*. Такимъ образомъ, слѣдуя указаніямъ Геродота, мы видимъ, что въ V—VI в. передъ Р. Х. вся южная Русь уже была заселена; онъ не даетъ намъ данныхъ лишь для опредѣленія населенія сѣверо-восточной части Малороссіи, что выше устья р. Пела (въ теперешней харьковской, отчасти молтавской, курской и воронежской губерніяхъ).

Отъ Геродота и до Итоломея, который послѣ него даетъ первыя извѣстія о жителяхъ южной Россіи, проходитъ около 630 лѣтъ, и въ эти шесть вѣковъ мы можемъ уловить только два движенія чуждыхъ народностей въ предѣлы Малороссіи: съ запада *геты* или

¹⁾ Соловьевъ. «Исторія Россіи», т. 1, стр. 29.

²⁾ Брунъ. «Черноморье», сборникъ изслѣдованій по историч. геогр. южн. Россіи, ч. 1, Одесса, 1879 г., стр. 33.

³⁾ Забѣлинь. «Исторія русской жизни съ древн. врем.», т. 2, часть 2, стр. 492—494.

даки переходятъ Днѣстръ, разоряютъ греческія факторіи, между прочимъ Ольвію и др. и доходятъ до Днѣпра ¹⁾, вѣроятно по берегу Чернаго моря, а на сѣверо-западъ до Карпатъ; это случилось въ I в. до Р. Х., и тогда-же даки подпадаютъ подъ владычество *римлянъ*, которые при Троянѣ овладѣваютъ Дакіей (Румынія) и Панноніей (Венгрія) до Карпатскихъ горъ, гдѣ они сталкиваются съ карпіанами, а на югѣ переходятъ рѣку Днѣстръ ²⁾. Предѣлы римскихъ владѣній на востокѣ отмѣчены такъ называемыми Трояновыми валами (какіе римляне часто дѣлали для удаленія иноплеменныхъ народовъ); восточный отрогъ такого вала замѣчается по нынѣ въ южной части Бессарабіи, къ сѣверу отъ Гирлъ Дуная. Приводимая между прочимъ у Шафарика гипотеза объ остаткахъ Троянова вала въ нынѣшней подольской губерніи, идущаго яко-бы отъ Днѣстра къ Сбручу, по уѣздамъ ушницкому, каменецкому и проскуровскому и переходящаго въ самую Галицію, нынѣ оставлена нашими учеными, какъ несостоятельная, и мы не приводимъ ее, не найдя для подкрѣпленія оной какихъ либо новыхъ данныхъ ³⁾. Въ Дакію, какъ и во всѣ завоеванныя римлянами страны, явились, конечно, и римскіе колонисты ⁴⁾. На встрѣчу *гетамаъ*, а потомъ и римлянамъ съ востока, изъ-за Дона, двигались *сарматы* ⁵⁾ (*Σαρματῆται*)—народъ кочевой ⁶⁾. Во время Геродота сарматы жили на восточной сторонѣ р. Дона, въ сосѣдствѣ съ кочевыми скивами; обезсиливъ послѣднихъ, они заняли ихъ мѣсто въ южной Руси, и страна, вмѣсто Скивіи, начинаетъ именоваться Сарматіей ⁷⁾, а всѣ народы, въ ней обитающіе, преимущественно-же южнше—сарматами ⁸⁾. Подъ такимъ названіемъ находятъ южно-русскую страну Птоломей во II в. по Р. Хр. Изъ 50-ти слишкомъ народовъ, перечисленныхъ этимъ писателемъ, къ жителямъ южной Руси можно отнести: 1) *сарматы-роксоляне* по Меотійскому заливу (Азовск. м.)

¹⁾ Шафарикъ. «Слав. древн.», т. II, стр. 316, 317.

²⁾ Ibid., стр. 393—394.

³⁾ Шафарикъ. «Слав. древн.», т. II, стр. 393—394.

⁴⁾ Брунъ. «Черноморье», стр. 246.

⁵⁾ Шафарикъ, т. II, стр. 110.

⁶⁾ Ibid., 107.

⁷⁾ Шмидтъ. «Матеріалы для геогр. и стат. Россіи» (херс. губ.), ч. I, стр. 7.

⁸⁾ Забѣлинъ, 7, 2, стр. 37.

между Дономъ и Днѣпромъ ¹⁾; 2) *северы*—сѣверо-восточнѣе роксолянъ ²⁾; 3) *навары* и 4) *бодины*, очевидно Геродотовы невры и будины, на старыхъ мѣстахъ ³⁾; 5) *бастарны* въ южныхъ отрогахъ Карпатъ ⁴⁾, а также, можно думать, въ Седмиградіи до самаго Днѣстра ⁵⁾, а слѣдовательно, въ Буковинѣ и хотинск. уѣздѣ Бессарабіи. Тамъ-же указываются еще 6) *псыны* или *пскины* ⁶⁾, 7) *бессы*, въ восточной Галиціи надъ Карпатами, можетъ быть, къ той части Карпатъ, которая и теперь называется бескидами ⁷⁾; 8) *траномонтаны*—въ Карпатахъ, это очевидно *запирцы* (горалы) въ римскомъ переводѣ ⁸⁾; 9) *карпіаны*—подъ Карпатами ⁹⁾; 10) *тиранинты*, въ сосѣдствѣ съ бастарнами, по Днѣстру (древн. Тирась), вѣроятно въ верхнемъ и среднемъ теченіи; 11) *сабоки* въ восточной-же Галиціи въ окрестностяхъ р. Саюка ¹⁰⁾; 12) *сарматы-азыи* въ нынѣшней Бессарабіи, Валахіи и отчасти Венгріи ¹¹⁾. Въ остальныхъ названіяхъ народовъ у Птоломея очень трудно ориентироваться, и такимъ образомъ для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ, даже по названіямъ, населеніе центральной Малороссіи во II-мъ в. по Р. Хр., хотя несомнѣнно эта часть въ то время была заселена.

Къ концу II в. по Р. Хр. южная Русь вмѣсто Сарматіи дѣлается извѣстна подъ именемъ *страны готовъ*. Около этого времени въ южно-русскую равнину изъ нынѣшняго привислянскаго края двинулось германское племя *готы* (готы) ¹²⁾, сопровождаемые другими одноплеменными народцами—герулами, бургундами, гепидами и пр. и утвердились подъ именемъ *остг - готовъ* между Днѣпромъ и Дономъ и подъ именемъ *вестг - готовъ* далѣе на западъ въ Да-

¹⁾ Шафарикъ, т. I, стр. 201; Соловьевъ, «Ист. Россія», т. I, стр. 36, 37.

²⁾ Голубовскій, «Исторія сѣверской земли до половнян XV стол.», Киевъ, 1881 г., стр. 3.

³⁾ Шафарикъ, т. I, стр. 340.

⁴⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 36, 37.

⁵⁾ Шафарикъ, т. I, стр. 201.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Ibid., 343—357.

⁸⁾ Ibid.

⁹⁾ Ibid.

¹⁰⁾ Ibid.

¹¹⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 36, 37.

¹²⁾ Его-же, т. I, стр. 82.

кін¹⁾); на сѣверо-зап. власть готовъ охватывала вендовъ и литовско-чудскія племена, какъ *Эстии*²⁾. Владычество готовъ окончательно разрушило и истребило всѣ греческія колоніи по побережью Чернаго и Азовскаго морей³⁾. Можно думать, что готы властвовали надъ всѣми народностями въ предѣлахъ южной Россіи.

Не прошло и трехъ столѣтій, какъ владычество европейскаго народа, какимъ были готы, снова замѣнилось властью надъ страной кочеваго азіатскаго народа—*гунновъ*. Они двинулись къ намъ въ IV в. изъ за р. Дона⁴⁾, разлились по южной Россіи, Венгріи и Польшѣ⁵⁾ и бродили здѣсь до начала V в., и южная Русь, по обитавшимъ тамъ гуннамъ, стала называться иногда *Гуннигардъ* (или Хуннигардъ)⁶⁾; при этомъ само имя гунновъ, по выраженію г. Котляревскаго, „утратило точность этнологическаго чекана, вывѣтрилось и стало нарицательнымъ“: гуннами тогда называли и собственно гунновъ, и подвластныхъ имъ славянъ, готовъ и др. нѣмецкія племена, позже тѣмъ-же именемъ называли аваровъ, мадьяръ и пр.⁷⁾, хотя уже во второй половинѣ V-го в. остатки гунновъ можно найти только въ кочевомъ состояніи, по р. Дону и Азовскому морю⁸⁾. Послѣ гуннскаго нашествія южно-русскія страны опять ступшевались для исторіи, какъ и послѣ скивоовъ-сарматовъ.

Къ ближайшему времени эпохи гунновъ относятся указанія Невтингеровой карты, по которой между бастарнами, обитающими въ Карпатскихъ горахъ, отъ верхней Тисы и Днѣстра⁹⁾, финнами и Чернымъ моремъ обитали народы *венедскаго поколѣнія*¹⁰⁾, которые Итоломеемъ указаны по всему Венедскому заливу¹¹⁾. Въ VI в. ве-

¹⁾ *Шафарикъ*, т. II, стр. 247, 272—333.

²⁾ *Ibid.* 249.

³⁾ *Шмидтъ*, ч. I, стр. 7.

⁴⁾ *Соловьевъ*, т. I, стр. 88—89.

⁵⁾ *Шафарикъ*, т. II, стр. 86—96.

⁶⁾ *Ibid.*

⁷⁾ *А. Котляревскій*; «Исторія рус. жизни съ древнѣйшихъ временъ. Заблудина. Критическая оцѣнка». Кіевъ, 1851 г., стр. 21.

⁸⁾ *Шафарикъ*, т. II, стр. 94—95.

⁹⁾ Его-же, т. II, стр. 196.

¹⁰⁾ *Ibid.*, т. I, стр. 212.

¹¹⁾ *Ibid.*, стр. 200—201.

недами оказывается занята южная Русь отъ Днѣстра до Днѣпра и даже Дона ¹⁾ и на сѣверъ до Вислы: такъ, по Иорнанду и Прокцію, веныды или анты жили въ указанномъ пространствѣ, мѣняя имена, „по различію племенъ и мѣстопребыванія“ ²⁾ *).

Въ томъ-же вѣкѣ (558 г.) изъ-за Волги явились *авары* (обры) и напали на антовъ; они быстро переходятъ въ Угрію и утверждаются въ зап. части ея, т. е. по обѣимъ сторонамъ р. Дуная, но по пути въ Угрію, черезъ Галицію, одна отрасль аваровъ останавливается между Бугомъ и Стыремъ и „примучаша Дулѣбъ, сущая славяны“ ³⁾).

Слѣдую отрывочнымъ, краткимъ и неяснымъ указаніямъ греческихъ и римскихъ писателей (Геродотъ, Птоломей, Плицій и Прокцій), единственныхъ для насъ пока свидѣтелей о населеніи южной Россіи въ тѣ отдаленныя времена, мы подошли къ VIII—IX в., когда этнографическая картина юга Россіи можетъ быть набросана съ большей отчетливостью и детальностью, при помощи, главнымъ образомъ, мѣстныхъ источниковъ—лѣтописей. Конечно свѣдѣнія наши о до-лѣтописномъ періодѣ скудны, и при такомъ состояніи нашихъ знаній о древнѣйшемъ населеніи юга Россіи нельзя и думать объ отчетливомъ исполненіи требованій историко-этнографической науки, именно: *представить послѣдовательныя перемѣны въ составѣ населенія страны и постепенныя измѣненія быта отдельныхъ племенныхъ группъ*. Но мы можемъ, благодаря указаніямъ классическихъ писателей и еще болѣе благодаря счастливой аналогіи съ событіями болѣе ясной исторической эпохи, именно съ IX по XIV в., дать себѣ общій отчетъ объ этнографическихъ явленіяхъ

¹⁾ Ibid., т. III, стр. 35.

²⁾ Ibid., стр. 34, 35.

* Анты, по Прокцію, получили отъ Юстіяна (545 г.) г. Турись (по мнѣнію г. Вруша, Турись—это Тирась, едва-ли не антами названный «Бѣлымъ городомъ» и переименованный турками въ Аккерманъ, стр. 167)—съ условіемъ защищать границу имперіи; слѣдовательно антами называется здѣсь по-днѣстрянское населеніе. Но, какъ думаетъ г. Костомаровъ, плени антовъ придавали тогда «пространнѣйшее географическое значеніе» («Моногр.» т. I, стр. 59), относящееся не только къ жителямъ по Днѣстру, такъ что можно думать, что Поднѣстровье было только западною границею антовъ.

³⁾ *Шафарикъ*, т. III, стр. 93, 94, 95.

на югѣ Россіи, и прежде всего разгруппировать ихъ по этнологическому родству и идентичности быта на тѣ народности, о которыхъ выше мы дали краткія свѣдѣнія.

Намъ кажется, что за все время отъ Геродота до Нестора мы имѣемъ дѣло съ четырьмя племенными группами: 1) *народами греко-италійской вѣтви*—греками и римлянами; 2) *народами алтайской группы*, какъ скиѣ, сарматы, гунны и авары; 3) *народами германскаго корня*—даки (или геты) и готы (или готѣ) и 4) народностями, которыхъ естественнѣе всего называть *аборигенами юга Россіи* и, какъ увидимъ, отнести *къ славянской вѣтви*. О населеніи первой группы у насъ болѣе всего свѣдѣній: несомнѣнно, что греки, именно іоняне, въ VIII в. до Р. Хр.¹⁾ были уже на черноморскомъ и азовскомъ побережьяхъ, какъ они были и на всѣхъ побережьяхъ Средиземнаго моря. Явились въ южную Русь греки, какъ и повсюду, по побужденіямъ исключительно коммерческо-промышленнаго характера: колоніи ихъ служили рынками для мѣны греческихъ произведеній на продукты туземцевъ. Болѣе многочисленны и вліятельны они были, кромѣ таврическаго полуострова, въ такъ называемомъ Босфорскомъ царствѣ, въ предѣлахъ теперешней Кубанской области, у устьевъ рѣкъ Диѣпра, особенно-же Буга и Диѣстра. Находясь на несравненно болѣе высокой ступени культуры, чѣмъ населеніе юга Россіи, съ которымъ грекамъ приходилось сношаться, и выселяя въ свои колоніи главнымъ образомъ представителей торговаго класса, греки конечно не могли здѣсь подпасть чуждому вліянію, но едва-ли этимъ торговымъ факторіямъ слѣдуетъ приписывать значительное вліяніе на населеніе юга Россіи: греки, по замѣчанію Мишле, всегда держали себя въ сторонѣ при сношеніяхъ съ варварами. Ихъ вліянію могло подпасть развѣ самое близкое сосѣднее населеніе, привлеченное, можетъ быть, сюда на поселеніе изъ-внутри страны экономическими выгодами сожителства съ греками-коловистами. Таковы и были вѣроятно *каллиитиды*—эти эллино-скиѣ, по замѣчанію Геродота. Только искусство грековъ проникало далѣе, вглубь страны: такъ археологія отрываетъ въ „скиѣскихъ могилахъ“ предметы роскоши, выпешіе несомнѣнно изъ рукъ греческихъ художниковъ, а исторія показы-

¹⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 25.

ваетъ между скиѣми людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ греческими женщинами и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію¹⁾. Цвѣтущее время греческихъ колоній—это скиѣская эпоха; вслѣдъ за нею начинается паденіе ихъ и наконецъ въ III в. по Р. Хр. полное ихъ исчезновеніе.

Такое-же окраинное положеніе занимали и *римляне*. Послѣдніе явились, какъ мы видѣли выше, въ восточную Европу съ оружіемъ въ рукахъ и не подвинулись собственно далѣе р. Днѣстра, т. е. едва коснулись страны, ставшей впоследствии территорією малорусскою. Трудно, хотя съ приблизительною вѣроятностію, предположить, на какихъ мѣстахъ оной могли быть поселенія римскія; несомнѣнно одно, что гдѣ они были, тамъ оставляли по себѣ болѣе глубокіе и продолжительные слѣды, нежели поселенія греческія. Вообще характеръ римскихъ поселеній былъ другого типа, чѣмъ греческихъ. Вслѣдъ за войсками въ покоренную страну — Дакію плю, какъ и въ другія римскія провинціи, римское населеніе не только торговое, но и земледѣльческое. Дакія сдѣлалась органическою частью римской имперіи; туда постоянно прибывало новое, свѣжее римское населеніе, и потому романизація въ той или другой формѣ туземнаго населенія была неизбежна, и слѣды такого вліянія не исчезли и до сихъ поръ, какъ это мы можемъ видѣть на теперешнихъ румынахъ.

Что касается народностей второго порядка (скиѣы, сарматы и пр.), то хотя и до сихъ поръ не окончились еще споры объ ихъ этнологическомъ происхожденіи²⁾, болѣе вѣроятнымъ намъ кажется мнѣніе, которое причисляетъ всѣ эти народы къ урало-алтайскому племени³⁾; во всякомъ случаѣ бытовая обстановка очень идентична съ таковою у половцевъ, печенѣговъ и особенно у монголовъ. Всѣ народы второй категоріи являются въ южно-русскую страну съ

¹⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 30.

²⁾ Такъ скиѣовъ одни ученые считаютъ монголами (Нибуръ, Нейманъ), другіе—финнами (Эйхвальдъ), третьи кочевниками арійскаго племени (Гриммъ, Берговъ, Гильфердингъ, Пшпигъ) и т. д. Такое-же разногласіе и относительно сарматовъ, гунновъ, аваровъ и пр.

³⁾ Котляревскій, «О кингѣ Забѣлина», стр. 20, 21.

Волги и Дона: степи Азии постоянно выкидываютъ на нашу равнину кочевыя племена. Рядъ этихъ кочевниковъ, начавшійся скинами, закончился монголами ¹⁾, и появленіе каждаго изъ этихъ народовъ (скиновъ, сарматовъ, гунновъ и пр.) стоитъ въ несомнѣнной этнологической связи съ періодическимъ движеніемъ народовъ съ востока, составляя только одно кольцо въ цѣли движеній урало-алтайскихъ племенъ на западъ ²⁾, кольцо того-же типа, какое мы наблюдаемъ въ исторіи, въ лицѣ венгровъ, печенѣговъ, хазаръ и монголовъ. Такимъ образомъ движенія восточныхъ народовъ непрерывно шли съ VIII в. до Р. Хр., т. е. въ теченіи 20-ти столѣтій, и были всегда болѣе или менѣе идентичны, болѣе или менѣе однородны; разница между ними скорѣе количественная, чѣмъ качественная. Всѣ эти народы отъ скиновъ до монголовъ были кочевники; они стремительно врывались въ южно-русскую страну, разрушительнымъ ураганомъ проносилась по ней, но потомъ централизовались въ полосу степной, болѣе пригодной для ихъ быта, оставляя жителей другихъ частей южной Руси въ положеніи своихъ данниковъ. Таковою страню кочевниковъ и была южная степная половина Малороссіи между отрогами Карпатовъ, пересекающихъ ее съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и Чернымъ и Азовскимъ морями, а также юго-восточная часть ея. Только нѣкоторые изъ нихъ достигали, благодаря счастливымъ историческимъ обстоятельствамъ, нѣкоторой степени культуры, какъ въ древнѣйшее время часть скиновъ (царскіе), въ болѣе позднее—хазары (въ Саркелѣ) и монголы въ Сараѣ; остальные-же пребывали въ первобытномъ состояніи. Обыкновенная судьба кочевой орды была такова: вслѣдъ за удаленіемъ въ степную полосу кочевники начинали подпадать вліянію своихъ данниковъ, какъ болѣе культивированныхъ, ассимилироваться съ ними и терять грозную силу дикой орды, отчего послѣдующая волна новой азиатской народности оказывалась губельною для предшествующей: часть послѣдней уничтожалась въ дикой борьбѣ съ новымъ пришельцемъ, другая сливалась съ нимъ, третья ассимилировалась окончательно съ аборигенами страны. Такъ исчезли скины подъ натискомъ сарматовъ, сарматы подъ напоромъ гунновъ,

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ, «Р. II», стр. 4.

¹⁾ Котляревскій, *ibid.*

послѣдніе—слѣдующихъ движеній и т. д. до монголовъ. Такъ что въ этнологическомъ отношеніи вліяніе народовъ алтайской группы выразалось, главнымъ образомъ, въ ассимиляціи съ туземцами, въ привнесеніи своихъ свойствъ въ типъ послѣднихъ, но главное значеніе азіатскихъ орды для туземцевъ состояло въ томъ, что онѣ являлись задерживающею силою въ размноженіи и распространеніи мѣстнаго населенія на югѣ и юго-востокѣ южной Россіи.

Есть нѣкоторое сходство между народностями 2-й группы и 3-ей (геты и готы): это—періодичность появленія и временность вліянія, но и только. Движенію гетовъ (даковъ) и готовъ, особенно послѣднихъ, въ южную Русь мы можемъ найти аналогію скорѣе всего въ движеніи въ историческое время норманнъ и въ основаніи рюриковаго государства. Мы и здѣсь не останавливаемся на вопросѣ о происхожденіи какъ готовъ, такъ и даковъ, и относительно ихъ въ исторической литературѣ существуютъ пока одни непримиримыя мнѣнія ¹⁾. Относительно ихъ одно несомнѣнно, что эти народы явились въ южно-русскую область изъ западной Европы, а по одному этому они уже не могли быть въ кочевомъ бытѣ. Трудно сказать, въ какой фазѣ бытоваго строя были даки, относительно-же готовъ можно утверждать съ большою вѣроятностью, что они представляли изъ себя рядъ военныхъ дружинъ, аналогичныхъ тѣмъ, какими изобиловала тогда центральная Европа, и проникали на сѣверо-востокъ до Уральскаго хребта. Спустились они въ предѣлы южной Руси изъ Балтійскаго поморья главнымъ образомъ по нѣмано-днѣпровскому пути, завладѣли этимъ основнымъ торговымъ путемъ ²⁾, подчинили себѣ постепенно все почти народности южной Руси и основали „готское царство“, достигшее при Германарихѣ тѣхъ обширныхъ размѣровъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей ³⁾, и павшее подъ натискомъ гунновъ. Готы передвинулись въ это время далѣе изъ предѣловъ южной Руси на юго-западъ, оставивъ конечно свои слѣды на туземномъ населеніи.

Но готы и геты, греки и римляне, и все народности алтайскаго порядка были, какъ мы видѣли, пришельцы: они являлись въ

¹⁾ Гетовъ признаютъ то за германцевъ, то за кельтовъ, литовцевъ, славянъ или причисляютъ ихъ къ «Фракіяской вѣтви» (Брунъ, стр. 256, 257, 265).

²⁾ *Зибльмихъ*, II, 40.

³⁾ *Соловьевъ*, II, 83.

южную Русь временно и потомъ исчезали, въ странѣ-же оставалось постоянное населеніе, съ которымъ пришельцы становились въ мирныя или враждебныя отношенія. Уже у Геродота мы находимъ свѣдѣнія объ аборигенахъ южной Руси. Геродотъ разсказываетъ намъ, что берега Азовскаго и Чернаго морей, обращенные къ сѣверу, покрыты были многочисленными торговыми цвѣтущими поселеніями, а это уже предполагаетъ обширную торговлю. Главными предметами вывоза для грековъ съ сѣвернаго берега были хлѣбъ, за нимъ слѣдовали: рыба, потомъ воскъ, медь, кожи, мѣха, шерсть, лошади, рабы ¹⁾). Если лошади, шерсть, кожи и т. под. продукты животнаго царства могли вымѣниваться греками на ввозимыя ими въ страну выдѣланныя кожи, одежду, масло, вино и произведенія искусствъ у сосѣднихъ кочевниковъ-скивоовъ, то остальные предметы, какъ воскъ, медь, мѣха, особенно-же *хлѣбъ* непремѣнно шли изъ болѣе отдаленныхъ странъ, такъ какъ ихъ не могла дать природа степей, потому что предметы эти предполагаютъ обязательно земледѣльческое населеніе, какое трудно тогда было предполагать въ тѣхъ степяхъ, гдѣ оно явилось лишь въ послѣднее столѣтіе. Земледѣльческое населеніе въ ту эпоху могло быть только въ сѣверной половинѣ южной Россіи, по ту сторону Карпатскаго отрога, гдѣ и природа благопріятствовала земледѣльческой культурѣ и населеніе было болѣе безопасно отъ разграбленія кочевниками. На это указываетъ и то обстоятельство, что греческія факторіи располагались главнымъ образомъ у устьевъ славянскихъ рѣкъ, при посредствѣ которыхъ и шла торговля грековъ съ населеніемъ, обитавшимъ на побережьяхъ этихъ рѣкъ по ту сторону степной полосы. Подтвержденіе высказанному предположенію даетъ намъ и Геродотъ, помѣщая, напримѣръ, на побережьѣ Днѣпра двѣ народности: *скивоовъ пахарей* и *скивоовъ земледѣльцевъ*. Нельзя думать, чтобы такіа искусственныя названія были собственными именами жителей; очевидно, что они созданы самими-же греками и означаютъ, что это населеніе было подвластно кочевникамъ - скивоамъ и занималось земледѣліемъ. Греки всю южно-русскую страну называютъ Скиоіей, т. е. именемъ властнаго въ то время народа, съ которымъ имъ приходилось болѣе всего сталкиваться, какъ съ самымъ близкимъ

¹⁾ Ibid., 39—40.

сѣвѣдомъ по поселеніямъ; имъ также было извѣстно, что и дальше на сѣверъ живетъ населеніе, подвластное скивамъ, но уже не кочевое, а производящее *хлѣбъ*, главный предметъ греческой торговли, и вотъ названіе готово—*скионы пахари* и *скионы земледѣльцы*. По свойствамъ природы, географическому положенію и по размѣщенію греческихъ факторій, можно предполагать земледѣльческое населеніе въ южной Руси, на западъ отъ Днѣпра (перехода на лѣвый берегъ развѣ узкой полосой) ¹⁾ и до Карпатъ, т. е. земледѣлемъ тогда уже занимались, какъ скионы-пахари и скионы-земледѣльцы, такъ и алазоны, агафирсы, невры, будины и т. д. Такимъ образомъ вся сѣверная половина Малороссіи уже въ V—VIII в. до Р. Хр. была занята населеніемъ земледѣльческимъ или, по крайней мѣрѣ, переходнымъ, которое, хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣсть его, какъ предметъ выгодный для торговли ²⁾; къ югу оно могло опускаться ниже Карпатскихъ отроговъ, по р. Днѣпру и особенно по рр. Бугу и Днѣстру, даже до моря. Распространеніе земледѣлія показываетъ, что степень культуры населенія была уже довольно значительна. Разъ населеніе какой-нибудь страны достигло той высоты культуры, которая характеризуется присутствіемъ земледѣлія, быть племени получаетъ большую прочность, населеніе теряетъ потребность и даже способность къ массовому передвиженію и разстается со своей родиной лишь побуждаемое какими-нибудь особенными катастрофами природы, какъ наводненія, геологическіе перевороты, наконецъ истощеніе почвы и т. п. Даже политическія перемѣны, въ родѣ завоеванія ихъ страны, рѣдко сопровождаются выселеніемъ: скорѣе земледѣлецъ дѣлается рабомъ побѣдителя, чѣмъ оставляетъ свою родину. Поэтому, если мы отъ времени Геродота и до VII—VIII в. и не находимъ прямыхъ доказательствъ относительно идентичности, или, по крайней мѣрѣ, родственности земледѣльческаго населенія юга Россіи временъ Геродота съ населеніемъ временъ Птолемея, Плинія и позже Прокопія и Иорнанда, и еще позже—Константина Багрянороднаго и Льва Діакона, то на основаніи такихъ двухъ крупныхъ данныхъ, какъ: а) существованіе земледѣлія въ южной

¹⁾ Соловьевъ, I, 29.

²⁾ Егъ-жс.

Россіи въ V в. до Р. Хр. и потомъ в) жительство здѣсь огромнаго земледѣльческаго славянскаго населенія въ VII—VIII в. по Р. Хр., есть возможность построить гипотезу, что при Птоломеѣ, когда южная Русь называлась, по имени новыхъ своихъ азіатскихъ завоевателей, Сарматіей, подъ особыми именами, каковы бастарны, бессы, траномонтаны, карпіане, тирагеты, сабины, сарматы-роксолане, саверы, навары, бодіане, нужно разумѣть коренное земледѣльческое населеніе южной Руси. При готяхъ и гуннахъ мы не знаемъ, помимо имени завоевателей, частныхъ названій для этого населенія; но въ V в. на Певтингеровыхъ картахъ общимъ именемъ для нихъ служить имя *Венеды*, тогда какъ въ томъ-же вѣкѣ Прокопій населеніе южной Руси именуеть „безчисленнымъ антскимъ народомъ“. Генеалогія славяно-русскихъ народностей лѣтописнаго періода съ венедами, антами, а также спорами (или сербами Льва Діакона)—фактъ общепризнанный въ славянской исторіи и филологіи; по были-ли и Птоломеевы саверы, траномонтаны и т. д., а тѣмъ болѣе Геродотовы скиѳы-оратаи, невры, будины и пр.—славяне, вопросъ открытый. Несомнѣнно въ этомъ случаѣ одно, что указанные народы у Геродота и Птолемея отличаются не только отъ греко-италійскихъ народовъ, но и отъ алтайскихъ народностей, равно какъ отъ гетовъ и готовъ. Есть нѣсколько въ матеріалахъ по этому вопросу фактовъ, наводящихъ на утвердительное рѣшеніе въ пользу признанія славянъ за туземцевъ въ сѣверной половинѣ южной Руси. Къ такимъ даннымъ прежде всего нужно отнести тождество въ названіяхъ и въ топографіи поселенія народовъ, раздѣленныхъ между собой цѣлыми столѣтіями, такъ: 1) *невры* у Геродота, *навары* у Птолемея, *ncrivani*—у землеописателя баварскаго въ XI ст. и наконецъ „Нурская земля“ польскаго королевства, по рр. Нареву и Нурчику; 2) *будины*—Геродота и *будіаны* Птолемея, 3) *карпіане* Птолемея и *хрѣбаты* (хрѣбаты) отъ VII—X в. у Карпатскихъ горъ, 4) *саверы* Птолемея, Саврика Певтингеровыхъ картъ и лѣтописные *своеряне* и т. д. Далѣе не только въ IX в., но и ранѣе двумя-тремя вѣками ¹⁾

¹⁾ Первые извѣстія о славянахъ начинаются не ранѣе первыхъ вѣковъ по Р. Хр. Для Плинія или Птолемея славянскія страны были такъ отдалены, славянскія имена такъ неправильны (я притомъ ихъ такъ мало ужѣли тогда передавать), что выводы, извлекаемые изъ ихъ свѣдѣній, остаются слишкомъ мало доказательными. Историки римской имперіи, въ разсказахъ о борьбѣ Рима съ варварами, ка-

южную Русь мы находимъ занятою уже славянскими народами, какъ туземцами и полными господами земли: количество ихъ, занятіе земледѣліемъ и наконецъ расчлененность на отдѣльные племена (такое расчлененіе видимо произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ природы, т. е. подъ давленіемъ такого фактора, для ощутительнаго дѣйствія котораго нужны столѣтія и даже тысячелѣтія), все это говоритъ за весьма продолжительное уже проживаніе славянъ въ предѣлахъ указанной страны. Наконецъ къ доводамъ за давнее пребываніе славянъ въ равнинахъ Руси нужно отнести и отсутствіе какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній о времени пришествія славянъ въ эту страну (лѣтописной легендѣ о расселеніи славянъ, конечно, нельзя придавать научнаго значенія), какъ ихъ нѣтъ и о всѣхъ туземцахъ Европы: финнахъ, литовцахъ, германцахъ, кельтахъ, греко-италійцахъ и пр. Можно допускать, что славяне не ворвались въ страну бурнымъ потокомъ, какъ гунны, авары, монголы и др., не взяли страну съ оружіемъ въ рукахъ, какъ римляне, не пришли, наконецъ, въ видѣ готскихъ и норманскихъ дружинъ, и овладѣвали территоріей тѣмъ мирнымъ и медленнымъ путемъ, какимъ русскіе славяне позже, въ историческое время, заняли финскія страны въ теперешней Великороссіи и еще позже—Сибирь. Дѣйствительно предположеніе послѣдняго рода заслуживаетъ болѣе всего вѣроятія (хотя, какъ увидимъ ниже, въ исторіи славянъ есть факты, указывающіе на иной способъ заселенія, наприм. заселеніе хорватами изъ-подъ Карпатъ ихъ теперешней родины на Балканскомъ полуостровѣ въ VII в.), но въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть два мнѣнія: или славяне густою массою вселялись въ южно-русскую страну не позже VI-го вѣка, и тогда фактъ этотъ едва-ли не былъ бы замѣченъ сосѣдями, какъ замѣтили здѣсь появленіе готовъ и др.; и кромѣ того рядомъ съ славяно-руссами въ лѣтописное время непремѣнно обитали-бы большіе или меньшіе остатки туземцевъ не-

саятся и племя славянскихъ, но этихъ историкамъ не было большой надобности различать варварскія народности, и новѣйшіе изслѣдователи съ трудомъ отыскиваютъ у нихъ то, что относилось къ славянству. Первые опредѣленные извѣстія начинаются у писателей VI-го вѣка, у грековъ: у Прокопія, Агафія, Менаандра, Маврикія; у латинскихъ писателей—начиная съ Юрианда. Съ этихъ поръ не прекращаются свѣдѣнія о славянахъ у византійцевъ и лѣтописцевъ западныхъ (Пиния, «Вѣс. Евр.», 1875 г., № 11, стр. 121).

славянъ, или-же заселеніе края славяно-руссами шло путемъ медленной колонизаціи, но тогда потребовались-бы цѣлыя столѣтія, чтобы въ VI в. огромную южно-русскую равнину заполнили „безчисленные антскіе народы“ Прокопія. Въ Сибирь стало являться русское населеніе въ XV в., прошло такимъ образомъ около пяти столѣтій русской колонизаціи здѣсь, а славянскимъ населеніемъ занята въ наше время сравнительно незначительная часть и для полной колонизаціи края потребуются еще цѣлыя столѣтія. А между тѣмъ южная Русь, по крайней мѣрѣ въ VII в., была уже такъ заселена славянами, что колонизировала своимъ населеніемъ отдаленныя отъ нея мѣста. Такъ въ VII ст. (приблизительно около 630 г.) хорваты, по разсказу Константина Багрянороднаго, были призваны греческимъ императоромъ Цимисхіемъ изъ-за своихъ хѣрбовъ (или карпатъ) въ Далмацію и противопоставлены аварамъ, и здѣсь они образовали хорватское государство ¹⁾). Фактъ переселенія хорватовъ, переданный намъ Константиномъ Багрянороднымъ, не вполне ясенъ по своимъ деталямъ, но смыслъ его понятенъ: славянское населеніе при-карпатскихъ странъ уже въ VII ст. достигло той степени густоты, когда является потребность выселять изъ страны значительное количество населенія. Нѣкоторую аналогію хорватамъ VII ст. мы находимъ въ антахъ XI-го, которымъ византійскій императоръ около 545 г. поручилъ защищать границы своей имперіи на р. Днѣстрѣ ²⁾). Далеко ранѣе изъ предѣловъ Россіи, этого первоначальнаго гнѣзда славянскаго племени ³⁾, по выраженію г. Пыпина, славяне начинаютъ двигаться все далѣе на западъ и югъ. Первые движенія славянства замѣчаются уже съ конца II и III в. по Р. Хр. Сначала среди другихъ племенъ, потомъ и самостоятельными группами они являются въ Дацію, на Дунаѣ и за Дунаемъ. Въ V, VI и VII в. совершаются передвиженія, и славяне окончательно утверждаются въ Мизіи, Фракіи и Македоніи, доходятъ до

¹⁾ Смирновъ, «Судьбы Червонной или Галицкой Руси», стр. 12, *Пыпинъ*, «Исторія славянск. лѣтер.», т. I, стр. 139.

²⁾ Брунъ, «Черноморье», 167.

³⁾ Г. Пыпинъ считаетъ вмѣстѣ съ др. учеными славистами первоначальнымъ мѣстомъ поселенія славянъ въ Европѣ территорію «между верховьями Дона и Днѣпромъ и за Днѣпръ, къ восточному берегу Балтійскаго моря и къ средней Вислѣ, и на югъ не далѣе Припяти». *Пыпинъ*, «Вѣстн. Евр.», 1875 г., № 11.

Фессалии, Эпира и Пелопонесса¹⁾). Около того-же времени, т. е. съ V—VII в., хорваты и сербы, вышедшіе изъ своихъ старыхъ жилищъ „Бѣлохорватіи“ (западная часть Галиціи) и „Бѣлой Сербіи“ (Бѣл. Хорватіи, при источникахъ Днѣстра и Прута) утверждаютъ въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, въ Иллиріи и Далмаціи. Тогда-же, приблизительно около V-го в., занята была славянами, двигавшимися все съ востока, Богемія, Моравія, а на сѣверо-западъ все Балтійское поморье, гдѣ крайнія поселенія славянъ доходили до береговъ Нѣмецкаго моря и Голландіи²⁾).

Приведенныя нами страницы изъ исторіи расселенія славянъ, думаемъ, доказываютъ высказанное нами выше предположеніе, что славянское племя уже въ первые вѣка по Р. Хр. достигло громаднаго количественнаго роста и переполнило территорію русской равнины. Не нужно забывать еще и того обстоятельства, что славяне заняли въ восточной Европѣ страну, покрытую лѣсами и перерѣзанную рѣками, и первоначальная очистка почвы и постепенное расширеніе ихъ области должно было занять неопредѣленно продолжительное время, тѣмъ болѣе, что въ мѣстахъ своихъ первоначальныхъ поселеній они встрѣтили безъ сомнѣнія туземныя племена и должны были имѣть время на борьбу съ ними. Конечно всѣ приведенныя нами соображенія не позволяютъ рѣшать хронологическій вопросъ о поселеніи славянъ въ южной Руси въ положительномъ смыслѣ, но они даютъ намъ основаніе признавать наиболѣе достовѣрнымъ то мнѣніе, которое считаетъ историческимъ пунктомъ, когда славянъ можно признавать обитателями южной Россіи или правильнѣе ея сѣверной, не степной половины V-й вѣкъ до Р. Хр.³⁾). А въ такомъ случаѣ славянъ мы можемъ предполагать и въ земледѣльческомъ населеніи эпохи Геродота и, тѣмъ болѣе, Птолемея.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе будетъ).

Г. Царевъ, астраханск. губ.
1883 года, марта 12-го.

¹⁾ *Пытинъ*, «Вѣстн. Евр.», № 11, 123.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Пытинъ*, *ibid.*, стр. 117.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историческія судьбы Херсонеса представляютъ въ маломъ видѣ прошлое всего Крымскаго полуострова въ его характернѣйшихъ чертахъ. Начало ихъ вскрывается чужой легендою, и легенда эта связывается съ преданіемъ о троянской войнѣ. Дочь аргосскаго царя, знаменитаго предводителя грековъ Агамемнона, Ифигенія, обрекается на жертву оскорбленной богинѣ Артемидѣ; хитро-умный Одиссей обманомъ уводитъ ее отъ матери и въ вотъ Ифигенія— въ гавани Авлидѣ, въ воинскомъ ставѣ, и жрецъ Калхасъ заноситъ уже надъ нею ножъ... но шевельнулась жалость и въ сердцѣ строгой богини: Ифигенія, одѣтая облакомъ, переносится на далекій сѣверъ, а ударъ жертвеннаго ножа поражаетъ, вмѣсто нея, лань, которая чудеснымъ образомъ замѣнила царевну. Ифигенія — въ Крыму, въ Тавридѣ, обитаемой кровожадными, страшными дикарями таврами; она во власти царя тавровъ, Тоаса, оторванная отъ семьи, вдали отъ роднаго, сіяющаго радостью неба, вдали отъ яркаго, веселаго солнца, почти безъ надежды воротиться или хотя-бы свидѣться съ близкими. Всякаго грека, по несчастному случаю попадавшаго въ Крымъ, тавры предавали смерти, принося въ жертву какой-то богини. Ифигенію, однако, обошли. Она произвела такое обаяніе на свирѣпаго Тоаса, что онъ, сохранивъ ее жизнь, назначилъ даже жрицей богини. Воспитанная въ семейномъ кругу, кроткая Ифигенія всѣми силами души вооружилась противъ изувѣрства и старалась смягчить варваровъ... напрасно! Такъ тянулись годы; война съ троянцами кончилась; Агамемнонъ воротился домой и тамъ былъ убитъ; сынъ его, братъ Ифигеніи, Орестъ, не вынесъ насильственной смерти отца и отплатилъ за нее также убійствомъ. Запятанный преступленіемъ, мучимый угрызеніями совѣсти, гонимый безжалостными эвменидами, онъ съ другомъ своимъ Пиладомъ по-

падаетъ въ Тавриду; по требованію боговъ, для того чтобы смягчить свое наказаніе, онъ долженъ вывести оттуда ту самую статую богини, которой служить его несчастная сестра Ифигенія. Но вотъ они открыты таврами на морскомъ берегу, и сестра Ореста должна принести въ жертву и брата и его друга... Однако судьба выручила ихъ изъ этого страшнаго положенія: они покинули счастливо чужую варварскую страну и воротились на родину.

Промчались столѣтія, но далекій край не забывался неустрашимыми моряками греками. Черное море, прежде называвшееся негостепріимнымъ (и называвшееся такъ не безъ причины), съ теченіемъ времени въ понятіи ихъ явилось уже гостепріимнымъ (эвксинскимъ) моремъ. Въ VI и VII ст. до Р. Х. на крымскихъ берегахъ являются одна за другою греческія колоніи; не страшась варварскаго сосѣдства, греки твердой рукою водружаютъ въ крымскую почву знамя своей образованности; одна партія колонистовъ, вышедшая изъ г. Геракліи, основалась близъ нынѣшняго Севастополя, на полуостровѣ, получившемъ названіе Гераклійскаго ¹⁾. Это поселеніе и названо было Херсонесъ или Херсонесъ. По преданію Херсонесъ основанъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ когда-то давно Ифигенія служила жрицей таинственной богини, которая греками отождествлялась съ Артемидою и будто-бы даже храмъ ея долгое время былъ въ сохранности. Но мы не будемъ вдаваться въ бесплодныя гаданія и смѣшивать легенду съ былью. Скажемъ прямо: не знаемъ, былъ-ли такой храмъ и что за народъ тавры,—не знаемъ, греки-ли познакомились съ культомъ Артемиды у тавровъ или тавры у грековъ; этого мало: при настоящемъ состояніи науки, не можемъ связать съ увѣренностью, почему Херсонесъ основанъ близъ Тройной бухты, а не ближе къ балаклеевской или севастопольской, представляющихъ неизмѣримо больше удобствъ для мореходцевъ. На это ученые изслѣдованія отвѣчаютъ: колонистами руководили жрецы и выбрали мѣсто по религіознымъ побужденіямъ, близъ храма Артемиды. Но почему-же такъ? Неужели же жрецы дѣйствительно водили грековъ какъ стадо, неужели сами жрецы, тоже греки, могли проглядѣть, что мѣсто мало удобно? неужели,

¹⁾ Гераклія понтійская лежала на сѣверномъ берегу Малой Азіи, къ востоку отъ константинопольскаго пролива, и заселена выходцами изъ г. Мегари. Гераклійскій полуостровъ граниченъ бухтами севастопольской и балаклавской.

наконецъ, пять столѣтій могли греки оставаться въ неудобномъ мѣстѣ прежде, чѣмъ выселились въ другое?...

Дѣло въ томъ, что отъ этихъ пяти столѣтій языческой жизни Херсонеса не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Болѣе посчастливилось въ наукѣ изслѣдованію соперницы Херсонеса Пантикапеи, лежавшей въ керченскомъ проливѣ: тамъ можно прослѣдить интересное взаимодействіе культуръ греческо-іонійской и варварско-сарматской, вплоть до того момента, когда для первой пробилъ роковой часъ. Правда находили греческія издѣлія въ скифскихъ могилахъ разныхъ мѣстностей юга Россіи, но какъ рѣшить: что изъ нихъ относится на долю Херсонеса, а что на долю другихъ колоній, хотя-бы Пантикапеи или Ольвіи? Думаемъ только, что не слѣдуетъ преувеличивать вліянія грековъ на южно-русскій варварскій міръ, а вліянія херсонитячь—въ особенности.

Приблизительно около начала христіанской эры херсонитяне переселяются и занимаютъ мѣстность между теперешними Карантинной и Круглой бухтами, верстахъ въ трехъ отъ нынѣшняго Севастополя; какая была причина этой перемѣны мѣста и выбора новаго, опять таки не знаемъ: карантинная бухта хотя и довольно обширна, но севастопольская куда-же лучше... Переселеніе совершилось не вдругъ, а происходило постепенно, при чемъ новый городъ строился изъ стараго матеріала, и вотъ почему отъ прежняго Херсонеса осталось такъ мало слѣдовъ, что самое мѣсто, гдѣ онъ находился, подвергалось спору.

Послѣднее столѣтіе языческой эры ознаменовалось въ исторіи Херсонеса не однимъ перенесеніемъ города на новое мѣсто. Оно вообще было временемъ серьезнаго кризиса, и кризисъ этотъ, незадолго до Р. Х., окончился утратою независимости Херсонеса. Полагать надо, что и раньше этого времени варварскіе сосѣди не оставляли Херсонеса въ покоѣ и что ему приходилось вести упорную борьбу съ ними. Для защиты отъ варваровъ, херсониты выстроили каменную стѣну, на протяженіи 8 верстъ, по перешейку между гаванями—севастопольской и балаклавской, отгородивъ этимъ Геракльскій полуостровъ отъ крымскаго материка ¹⁾. Эта борьба съ варварами наполняетъ исторію Херсонеса и составляетъ характер-

¹⁾ Время построенія стѣны неизвѣстно.

нѣйшую черту ея. Въмѣстѣ съ этимъ приходилось ему выносить соперничество другой греческой колоніи, столицы босфорскаго царства, сильной и богатой Пантикалеи. Соперничество дорійцевъ и іонійцевъ въ самой Греціи, породившее тамъ пелопонесскую войну, вызвавшее и развившее колонизацію, не забывалось и колонистами, и въ нашемъ Крыму происходили своего рода пелопонесскія войны; противники—херсониты и босфоряне—заключали иногда перемиріе, даже помогали другъ другу, но камень за пазухой держали всегда. Въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Херсонесу приходилось считаться съ царемъ скиеовъ, Скилуромъ. Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, а именно у балаклавской бухты, построилъ онъ крѣпость и отсюда постоянно тревожилъ грековъ; херсониты, не въ состояніи будучи собственными средствами избавиться отъ нападенія Скилура, вынуждены были обратиться къ царю босфорскому, знаменитому Митридату. Тотъ охотно отправилъ войско подъ начальствомъ Діофанта, и Скилуръ былъ разбитъ, а скиеи прогнаны изъ Крыма. Но спасеніе было куплено для Херсонеса дорогой цѣной: Митридатъ оставилъ въ немъ свой гарнизонъ и назначилъ намѣстника; такимъ образомъ Херсонесъ лишился самостоятельности. Однако противъ Митридата пришли римляне; онъ былъ разбитъ, но и тутъ Херсонесъ не воротилъ своей свободы, а только перемѣнилъ зависимость, подпавъ власти Рима. Впрочемъ это было скорѣе покровительство Рима, чѣмъ полное подчиненіе. Херсониты имѣли свой собственный сенатъ и своихъ старшихъ или протевановъ; протеваны предсѣдательствовали въ сенатѣ и командовали войсками; зависимость выражалась въ уплатѣ римлянамъ дани и въ содержаніи римскаго гарнизона. Зависимость эта пошла въ пользу Херсонеса. За одно съ Римомъ херсониты ведутъ войны съ варварами и басарнами и весьма успѣшно. Такъ въ царствованіе Діоклигіана они разбили сарматовъ и заняли Пантикапею, а въ награду за это римляне освободили ихъ отъ налоговъ.

Къ этому времени относится разсказъ о поступкѣ одной херсонисской женщины, Гикіи, имя которой послѣ увѣковѣчено было статуями и дошло до времени императора Константина Багрянороднаго, который и записалъ преданіе о событіи. Одно время херсониты и босфоряне заключили миръ. Для скрѣпленія мира херсониты рѣшили устроить свадьбу; сынъ босфорскаго царя женился на

Гикіи, дочери херсонисскаго протевана, обѣщавшись жить въ Херсонесѣ и не выѣзжать изъ него даже для свиданія съ отцемъ, подѣ страхомъ смертной казни. Вскорѣ послѣ свадьбы мужъ Гикіи произвелъ хитрый замыселъ; вслѣдствіе его письма изъ Пантикапеи, время отъ времени присылали подарки и для врученія ихъ пріѣзжало каждый разъ человекъ по 10 босфорянъ; передавъ подарки, посланцы выходили изъ города, а потомъ, дождавшись ночи, потайнымъ ходомъ проникали въ домъ его и оставались тамъ въ секретномъ помѣщеніи—въ подпольи. Года въ два накопилось ихъ до 200 человекъ, и мужъ Гикіи рѣшилъ наконецъ уничтожить городъ. Временемъ выполненія этого намѣренія избранъ былъ день поминокъ отца Гикіи, Ламаха, который умеръ скорѣ послѣ ихъ свадьбы. Подобныя поминки справлялись въ Херсонесѣ чрезвычайно весело: жители пировали, веселились, плясали—даже на улицахъ, беспечное веселье и общее оупьяненіе гражданъ должны были помочь заговору. Но къ счастью заговоръ былъ открытъ и случилось это слѣдующимъ образомъ. Служанка Гикіи, провинившаяся въ чемъ-то, была заперта въ особую комнату, подѣ которой и помѣщались босфоряне. Занимаясь въ заключеніи пряжей, служанка уронила веретено, оно докатилось до стѣны и застряло въ щели; желая вынуть его, она приподняла кирпичъ и увидала заговорщиковъ; прислушавшись къ ихъ разговорамъ, она узнала въ чемъ дѣло и тотчасъ рассказала объ открытіи господжѣ; та позвала довѣренныхъ лицъ изъ гражданъ, передала имъ о замыслѣ мужа и просила ихъ, при помощи надежныхъ людей, ночью, въ день поминокъ, обложить ея домъ хворостомъ, облить хворостъ масломъ и потомъ зажечь. Назначенный день прошелъ такъ, какъ и слѣдовало; Гикіи съ умысломъ выдала прислугѣ побольше вина, а сама не пила. Уложивъ спать своего мужа и убѣдившись, что онъ спитъ, она тихо вышла, заперла за нимъ дверь и приказала зажечь хворостъ, которымъ домъ ея былъ уже обложенъ. Хворостъ запылалъ, заговорщики спасались черезъ окно, но ихъ поражалъ народъ обступившій пожарнице. Такъ Гикіи спасла Херсонесъ.

Барварскія нашествія не прекращались съ переходомъ Херсонеса подѣ зависимость Рима. Крымскій полуостровъ представляетъ что-то въ родѣ стапціи, на которой непремѣнно останавливался всякій народъ въ своемъ движеніи изъ Азіи въ Европу, а

южная Россія съ ея равнинами, не представлявшими препятствій для передвиженія, можетъ быть названа по справедливости столбовой дорогой народовъ; благодатный климатъ Крыма, горная природа, дававшая возможность укрыться, а въ случаѣ нужды облегчавшая самозащиту, были причинами того, что эта станція обращалась въ ловушку и въ нее обязательно попадали всякій и задерживался иногда подолгу. Крупныя волны уходили дальше; имъ не было простора здѣсь, но осадокъ оставался всегда. Такимъ образомъ въ IV столѣтіи въ Крыму являются готы, въ V гунны, въ VII хозары... Всѣ эти народы причиняли вредъ и Херсонесу. Гунны даже держали его въ осадѣ, но взять не смогли. Наконецъ выступаютъ на сцену руссы и начинаютъ тревожить грековъ. Достоинно вниманія косвенное упоминаніе объ этомъ въ договорѣ Игоря: а въ корсунской странѣ, сколько тамъ ни есть городовъ, не можетъ имѣть власти..., если русскіе увидятъ корсунскихъ рыбаковъ въ дѣлѣпровскомъ устьи, то не должны имъ дѣлать зла; русскіе не имѣютъ права зимовать ни въ устьи Дѣлѣпра въ Ъблосережьи, ни у св. Евсерія, а до того осенью возвратиться въ Русь; князь русскій обязывается не допускать нападений черныхъ болгаръ: „пакостятъ странѣ той“. Обѣщаніе не трогать корсунской страны повторяется и въ договорѣ Святослава.

Вопреки этимъ договорамъ, сынъ Святослава, Владиміръ, быть можетъ въ отмстку за неудачи отца, произвелъ нашествіе, осадилъ Херсонесъ съ суши и съ моря и взялъ его. Такъ какъ это событіе связывается съ другимъ, несравненно болѣе важнымъ, а именно, съ принятіемъ христіанства, то своевременно сказать о распространеніи христіанства въ Херсонесѣ.

Впервые христіане появляются въ Херсонесѣ въ качествѣ ссыльныхъ. Сюда на работы въ каменоломни (своего рода каторжные работы) сосланъ при императорѣ Троянѣ епископъ Климентъ, и здѣсь, за распространеніе христіанства, брошенъ въ море и потопленъ; сюда-же, и также за сочувствіе христіанству, отправлена племянница императора Домиціана Флавія Домицилла; далѣе сосланъ при сынѣ Константина Великаго Констанѣ епископъ Мартинъ, вслѣдствіе религіознаго несогласія съ строгимъ догматикомъ—императоромъ и др.

Впрочемъ, преданіе говоритъ, что Херсонесъ посѣтилъ апостоль Андрей, отсюда направившійся далѣе по Днѣпру. Что-же касается правильной христіанской проповѣди въ Херсонесѣ, то начало ея относится къ IV в. Наканунѣ обнародованія миланскаго эдикта, въ 310 году здѣсь трудятся Ефремъ и Василій и принимаютъ мученическую смерть за евангельскую проповѣдь. Также не имѣли успѣха и были замучены пріемники ихъ Евгеній, Елпидій и Агаѳодоръ. Но времени, слѣдовавшему за изданіемъ миланскаго эдикта, относятся труды св. Еоерія, которые нашли дѣятельную поддержку въ самомъ Константинѣ Великомъ; отправляясь въ Константинополь благодарить императора, св. Еоерій на пути былъ схваченъ язычниками и потопленъ. Пресмникъ его, Капитонъ, имѣлъ болѣе успѣха; съ него начинается херсонесская епархія, и Корсунъ становится епископскимъ городомъ. Впрочемъ глухая борьба противъ христіанства продолжалась здѣсь долго, и только въ VI—VII ст. выпускается въ Херсонесѣ первая монета съ христіанскимъ знакомъ. Такимъ образомъ отдаленный Херсонесъ упорнѣе держался національной религіи, чѣмъ центры Имперіи, и сложилъ оружіе лишь за 2, за 3 столѣтія до крещенія Руси. Здѣсь, на далекой окраинѣ, въ непрерывной борьбѣ съ варварскимъ міромъ, въ борьбѣ съ грубыми дикарями, постоянно стучавшимися въ дверь и угрожавшими разрушеніемъ, болѣе образованные греки тверже, чѣмъ гдѣ-либо, сохранили увѣренность въ своемъ превосходствѣ, въ великихъ преимуществахъ своего великаго народа и крѣпче держались народныхъ особенностей и народнои религіи; всякія уступки вели къ паденію, какъ и показала болѣе податливая іонійская Пантикалея, а между тѣмъ христіанство протягивало руку этимъ самымъ варварамъ, объявляя, что нѣсть эллинъ, ни скиѳъ, ни іудей... Сюда, въ Херсонесъ, эту византійскую Сибирь, прежде ссылали христіанъ, какъ людей вредныхъ, сослали за это даже родственницу императора, а теперь хотѣли, чтобы онъ забылъ народность и принялъ проповѣдь о томъ, что и скиѳъ—тоже, что и грекъ, хотѣли, чтобы онъ забылъ свою исторію...

Какъ-бы то ни было, надо думать, что общее распространеніе христіанство получило въ Корсунѣ не ранѣе VII вѣка; но уже св. Кирилъ, посѣтивъ Херсонесъ, нашелъ здѣсь священное писаніе, написанное по-славянски; не можемъ умолчать о догадкѣ проф.

Григоровича относительно того, что это-то и была такъ называемая кириллица, изобрѣтенная, по мнѣнію его, именно здѣсь, въ Корсуни, для международныхъ сношеній, такъ какъ онъ былъ городомъ, гдѣ сталкивались разнообразнѣйшія и разноразличные племена.

Теперь припомнимъ лѣтописный разсказъ о походѣ Владиміра и о крещеніи его.

Въ 988 году Владиміръ пошелъ на Корсунь; корсуныяне заговорились въ городѣ, а Владиміръ сталъ по ту сторону залива, на разстояніи выстрѣла; городъ сильно оборонялся, а Владиміръ обступилъ городъ; корсуныяне изнемогли въ осадѣ, а Владиміръ говорилъ имъ: „если не сдадитесь, буду стоять болѣе трехъ лѣтъ“; но они не слушали; Владиміръ снарядилъ воиновъ и велѣлъ возводить насыпь у города; но корсуныяне по ночамъ, когда тѣ спали, подкопомъ выходили изъ города, уносили землю и ссыпали ее среди города. Однажды въ станѣ Владиміра упала стрѣла, пущенная корсуныяниномъ Настасомъ, а на стрѣлѣ написано было: „за тобою, на востокѣ, есть водоемъ, изъ котораго по трубѣ идетъ вода въ городъ: перскопай водопроводъ“. Услыхавъ это, Владиміръ взглянулъ на небо и сказалъ: „если это сбудется, крещусь“, и повелѣлъ немедленно копать поперекъ трубъ; воду переняли; корсуныяне изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ съ войскомъ въ городъ и послалъ къ императорамъ Василю и Константину съ такими словами: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра дѣвушка; если не отдадите ее за меня, и съ вашимъ городомъ будетъ тоже, что съ этимъ“. При этомъ извѣстіи, императоры опечалились и отвѣчали: „не достоинъ христіанку отдавать за язычника; если крестись, и ее получишь, и царство небесное, если-же не хочешь сотворить этого, не можемъ отдать за тебя своей сестры“. На это Владиміръ сказалъ посланнымъ: „скажите императорамъ, что крещусь; я раньше сихъ дней хорошо узналъ законъ вашъ, и любя мнѣ вѣра ваша и служеніе“. Императоры были рады услышать такой отвѣтъ и послали къ сестрѣ съ извѣстіемъ, что Владиміръ проситъ ее выйти за него. Она отвѣчала: „не хочу я за язычника идти“, но они возражали: „если ради тебя обратишь его Господь, и ты просвѣтишь его и землю русскую, а насъ и городъ нашъ избавишь отъ плѣненій, то получишь себя вѣнецъ отъ Бога“. И упростили сестру свою Анну, и послали къ

Владиміру сказать ему: „крестись, и тогда пришлемъ сестру къ тебѣ“. Владиміръ отвѣчалъ: „присылайте сестру и тогда крестите меня“. Императоры согласились, послали сестру, нѣсколько сановниковъ и пресвитеровъ. А она не хотѣла идти: „какъ въ полонъ, говорить, иду; лучше-бы умереть здѣсь“. Но братья уговаривали ее: „черезъ тебя Богъ обратитъ русскую землю къ покаянію, а греческую землю ты избавишь отъ лютой рати; видишь-ли, сколько зла сдѣлала Русь грекамъ? А теперь если не пойдешь, то же сдѣлаютъ и намъ“. Оба брата плакали, глядя на нее и видя ее въ уныніи и печали, и едва могли уговорить ее. Сѣвъ на корабль и поцѣловавъ со слезами родственниковъ, отправилась она въ путь. Прибыла въ Корсунь; корсуняне вышли съ привѣтствіями, ввели ее въ городъ и отвели для нея дворецъ. Въ это время Владиміръ заболѣлъ глазами и ослѣпъ; горевалъ сильно, не зная, что и дѣлать; а царевна послала сказать: „если хочешь позбыть болѣзни, скорѣе крестись, иначе не избыть тебѣ болѣзни“. Владиміръ, услыхавъ это, сказалъ: „если это будетъ подлинно такъ, то поистинѣ великъ Богъ христіанскій“, и велѣлъ крестить себя. Огласивъ его, епископъ корсунскій съ священниками царевны, крестилъ его и, когда возложилъ руки на него, вдругъ Владиміръ прозрѣлъ. При такомъ внезапномъ исцѣвленіи онъ прославилъ Бога и сказалъ: „въ первый разъ узналъ я Бога истиннаго“. Увидавъ это, крестились многіе изъ дружины его. Крестился Владиміръ въ церкви св. Василія, которая стоитъ посреди города, на торговой площади; дворецъ Владиміра, рядомъ съ церковью, цѣлъ и по сей день (говоритъ лѣтописецъ), а дворецъ царевны—за олтаремъ. Послѣ крещенія Владиміръ женился на Аннѣ. Роздана была большая милостыня убогимъ, нищимъ, странникамъ, сиротамъ и вдовамъ; по улицамъ ставили сосуды съ виномъ и медомъ, варево (перевары), мясо, рыбу и всякіе овощи: кто чего хотѣлъ, безъ всякихъ препятствій насыщался. Послѣ свадьбы, Владиміръ взялъ царицу, Настаса и священниковъ корсунскихъ съ мощами Климента и Фива, ученика его, взялъ церковные сосуды и иконы и возвратился въ Кіевъ. Передъ отъѣздомъ онъ поставилъ церковь Іоанна Предтечи въ Корсунѣ, на горѣ, гдѣ ссыпали землю, унося съ насыщи; церковь эта цѣла и до сего дня, прибавляетъ лѣтописецъ. Покидалъ Корсунь, Владиміръ взялъ двѣ мѣдныхъ статуи и четыре мѣдныхъ коня, они

и илѣ (замѣчаетъ лѣтописецъ) стоятъ за св. Богородицею въ Кіевѣ, и несвѣдущіе считаютъ ихъ мраморными. Корсунь отдалъ Владиміръ грекамъ, какъ вѣно за царицу. По возвращеніи въ Кіевъ, Настась и другіе корсунскіе священники стали служить въ церкви Богородицы, такъ называемой Десятинной, въ которую поступили сосуды, иконы и кресты, привезенные изъ Корсуни.

И такъ съ именемъ Херсонеса соединяются въ исторіи Россіи самыя высокія воспоминанія о принятіи христіанства, а съ нимъ—искусства, а, можетъ быть, также и грамоты. Борець и защитникъ цивилизаціи, онъ сослужилъ для нея историческую службу, ставши крестнымъ отцомъ великаго народа, усновилъ его въ семьѣ народовъ культурныхъ.

Но замѣчательно, что именно этотъ моментъ, когда Корсунь и Византія дали свое благословеніе молодому народу на новую жизнь, для нихъ самихъ былъ началомъ упадка; старое мѣха не вмѣщала новаго вина. Автономіи Корсуни пробилъ часъ еще въ IX в., когда императоръ Теофілъ, вмѣсто выборныхъ протевановъ, которыми Херсонесъ управлялся доселѣ, опредѣлялъ туда своихъ стратеговъ. Хотя вмѣстѣ съ этимъ Херсонесу дано было первенство надъ другими крымскими городами, но съ этого времени плохо онъ уживается со старой, брюзгливой Византіей. Торговое соперничество съ другими городами становится для Херсонеса затруднительнымъ. Херсониты жалуются своему патрону Константинополю, что Судакъ отбиваетъ торговые обороты, проситъ монополіи, облегченія налоговъ, но тамъ отказываютъ; тогда Корсунь поднимаетъ возстаніе, пользуясь тѣмъ, что императоръ Михайль Дука велъ войну съ болгарами; по просьбѣ императора, русскіе князья Владиміръ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ идутъ усмирять корсунцевъ, но извѣстившись о смерти его, возвращаются домой (1078 г.). Корсуницы отомстили русскимъ, захвативъ ихъ купеческіе корабли; Владиміръ Мономахъ съ Давидомъ Игоревичемъ и Ярославомъ Ярополковичемъ предпринялъ новый походъ, близъ Θεодосіи разбилъ корсунянь, заставилъ возвратить корабли и уплатить убытки (1095 г.). На слѣдующій годъ Корсунь снова возсталъ противъ Византіи, выставивъ своего претендента на императорскій престолъ, какого-то солдата Діогена. Съ этимъ Діогеномъ отправились въ Константинополь половцы, но были разбиты и выдали его.

Своимъ чередомъ продолжались нашествія варваровъ: печенѣговъ, половцевъ и наконецъ явились татары и надолго осѣли въ Крыму.

Въ это же самое время, въ XIII ст. возникаютъ въ Крыму генуэзскія колоніи и мало по-малу высасываютъ послѣдніе соки изъ Херсонеса. Кафа, прежняя Θεодосія, вмѣстѣ съ Судаконъ, становятся господами черноморской торговли и наконецъ запираютъ грекамъ самый входъ въ Черное море, которое теперь въ другой разъ становится для нихъ негостеприимнымъ, аксинскимъ моремъ. Такъ изсякали послѣдніе признаки жизни у стараго Херсонеса, и во время нашествія турокъ онъ уже такъ былъ малолюдентъ, что, появившись здѣсь, новые пришельцы ограничились расхищеніемъ его дорогихъ памятниковъ, которыми воспользовались для построекъ въ Константинополь.

Столѣтіе спустя, а именно въ 1578 г. посоль Стефана Баторія, Мартинъ Броневскій напелъ Херсонесъ въ развалинахъ. „Достойныя удивленія его развалины очень явно свидѣтельствуютъ, говоритъ онъ въ своемъ „Описаніи Крыма“, что это былъ нѣкогда великолѣпный, богатый и славный городъ грековъ, древнѣйшій на полуостровѣ, многолюдный и знаменитый своей отличной пристанью (sic)“. „У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые за четыре мили посредствомъ подземныхъ трубъ, высѣченныхъ изъ камня, проводили воду въ городъ; въ нихъ и теперь еще есть вода, очень чистая“¹⁾. „Этотъ городъ уже не только много лѣтъ, но много вѣковъ стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ одиѣ развалины и опустошеніе... Царскій дворець видѣнъ... съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами; но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпентина, которыхъ мѣста и теперь еще внутри видны, и огромные камни были взяты турками... не видно и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій; дома города лежатъ въ прахѣ и сравнены съ землей; большой греческій монастырь остался въ городѣ; стѣны храма еще стоятъ, но безъ кровли..., русскіе и польскіе лѣтописцы говорятъ, что какіе-то греки, взявши изъ этого монастыря двое

¹⁾ Трубы глиняныя, а не каменныя, какъ ошибочно пишетъ Броневскій; образчики ихъ хранятся въ христіанскомъ музеѣ, въ херсонесскомъ монастырѣ; работа замѣчательная по прочности: хотя сейчасъ закопавъ спова, и онѣ прослужатъ еще лѣтъ тысячѣтъ...

дверей изъ коринѣской мѣди, которыя православные греки называютъ царскими вратами, также и лучшіе образа, отвезли все это въ добычу къ Владиміру, великому князю русскому или кіевскому, и что будто потомъ Болеславъ второй, король польскій, перенесъ ихъ изъ Кіева въ Гнѣзно, гдѣ и теперь еще ихъ можно видѣть у входа въ большую церковь ¹⁾.

Еще болѣе печальныя развалины представлялъ Херсонесъ во время посѣщенія его Палласомъ (1793—1794 г.). За 10 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1783 г. Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи и въ томъ-же году, въ трехъ верстахъ отъ развалинъ Корсуна, заложенъ Севастополь. Появленіе новаго города дорого стоило Херсонесу, изъ котораго брали въ изобиліи и возили камень, пригодный для построекъ. Такимъ образомъ разрушеніе давало соки для жизни, зарождавшейся вновь. Но исторіи не было легче отъ этого. „Постройка Ахтіара (Севастополя), пишетъ Палласъ, была причиною уничтоженія этого древняго города. Прекрасныя квадеры были выкопаны даже изъ фундаментовъ за тѣмъ, чтобы строить изъ нихъ въ Ахтіарѣ дома; даже не было снято съ древняго города ни одного рисунка, ни одного сноснаго плана; по крайней мѣрѣ (замѣчаетъ Палласъ) таковыя неизвѣстны... Что въ этомъ городѣ было больше великолѣпія, чѣмъ въ старомъ Херсонесѣ, говоритъ онъ далѣе, доказывается тѣмъ, что изъ него вывезена прекрасная мраморная капитель колонны свѣтло-сѣраго цвѣта коринѣскаго ордена..., въ этихъ развалинахъ находили также много обработаннаго мрамора, привозимаго сюда съ Бѣлаго моря (Архипелага)“. Площадь, занимаемую окружностью городскихъ стѣнъ, Палласъ опредѣляетъ въ 70—80 тыс. квад. саж. „Расположеніе улицъ и домовъ, замѣчаетъ онъ, различить болѣе нельзя, потому что при добываніи тесанныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено“. „Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, читаемъ мы далѣе, это доказываетъ находящееся, менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ города, восьми-угольное зданіе, нынѣ разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстие, аршинъ на 5 внизъ, и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку подземный

¹⁾ «Записки од. общ. ист. и др.», VI т., 1867 г. Извѣстіе о похищеніи бронзовыхъ дверей относится, вѣроятно все, къ Болеславу I. Храброму.

ходъ въ 15 саж. длины, при концѣ котораго находится родъ колодезя, въ нѣсколько футовъ глубины, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется; за этимъ колодцемъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, заключаетъ ученый путешественникъ, повидиму показываетъ, что указаные остатки представляютъ развалины подземнаго водопровода¹⁾.

Въ 1827 г. найдены и самыя водопроводныя трубы; найдены онѣ въ двухъ мѣстахъ: на востокъ отъ развалинъ, на хуторахъ Панютина, Валявскаго и Рача, и въ восточной части города, на глубинѣ 4 футовъ. Главный источникъ, изъ котораго проведена была вода, находится верстахъ въ 8 къ юго-востоку отъ Херсонеса²⁾, стало быть, согласно съ указаніемъ лѣтописи.

До послѣдняго времени открытія и раскопки въ Херсонесѣ производились безъ опредѣленнаго плана, любителями. Изъ отчетовъ одес. общ. истор. и древ. узнаемъ, что до 1835 г. производилъ раскопки лейтенантъ флота кн. Барятинскій. Въ 1853 году гр. А. С. Уваровъ открылъ великолѣпную, интересную базилику, въ сѣверной части города, на морскомъ берегу. Извѣстно, что базилика представляетъ, послѣ пещерныхъ церквей, самую раннюю форму христіанскаго храма, и что она заимствована христіанами прямо изъ языческаго искусства, представляя собою полное подобіе зданій, служившихъ для отправленія правосудія. Всякая базилика языческая и христіанская имѣетъ въ основаніи удлиненный четырехугольникъ и двумя рядами колоннъ раздѣляется на три продольныя части: среднюю, или корабль (нефъ) и боковыя галлерси; потолокъ плоскій; въ восточной части христіанскія базилики снабжены полукруглымъ выступомъ (абсида). Открытая гр. Уваровымъ базилика имѣетъ 16 саженой длины и 10 ширины, передъ входомъ въ самую церковь два притвора для оглашенныхъ и для кающихся. Полъ средняго нефа и алтаря вымощенъ мраморомъ, въ боковыхъ галлерейхъ— мозаичный. Средній нефъ отдѣляется отъ боковыхъ галлерей двумя рядами колонъ, по 11 въ каждомъ. Капители нѣкоторыхъ

¹⁾ «Зап. од. общ. ист. и др. XII, 1881 г.»; описаніе колодца Палласа напоминаетъ «колодези», который указывалъ «перенягъ» Настась Владиміру.

²⁾ Аркасъ, Опис. прак. пам. въ «Зап. од. общ. ист. и др.», т. 11, 1848 г.

изъ нихъ относятся къ лучшей порѣ античнаго искусства, а иные—византійскаго стиля, т. е. по сторонамъ представляютъ опрокинутыя трапеціи, съ крестами на нихъ. На самыхъ колоннахъ найдены надписи и также кресты. Алтарный помостъ, оканчивавшійся солею, возвышался на одну ступень надъ уровнемъ пола. Передъ солею—амвонъ, съ колоннами по бокамъ и съ мраморными плитами между ними. Икопостась, состоявшій изъ такихъ-же плитъ, вставленныхъ между колоннами, былъ не выше двухъ аршинъ. Изъ надписей, открытыхъ гр. Уваровымъ въ базиликѣ, особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ одна; она находится на карнизѣ изъ дикаго камня; карнизъ былъ вдѣланъ въ стѣну; въ ней упоминается о какомъ-то гражданинѣ Мокіаріѣ, который пожертвовалъ 3000 динаріевъ на построеніе храма Афродиты. Такимъ образомъ, изъ остатковъ языческаго храма, строился новый христіанскій. Неправильное правоисаніе надписи послужило основаніемъ для отнесенія ея къ II—III в. христіанской эры. Что-же касается времени построения самой базилики, то по найденнымъ въ ней монетамъ, гр. Уваровъ относитъ ее къ царствованію Константина Великаго, а извѣстно, какъ мало изъ этой эпохи уцѣлѣло подобныхъ памятниковъ¹⁾...

Крымская кампанія послужила новымъ несчастіемъ и для развалинъ Херсонеса. Между дѣломъ французы занимались расчищеніемъ памятниковъ его, и многіе изъ нихъ увезены въ Парижъ. Но велѣдъ затѣмъ роскоши Херсонеса оживляются и наконецъ дѣло это организуется правильнымъ образомъ. Главное вниманіе при раскопкахъ обращалось на храмы, которыхъ въ Корсуни было очень много. Между прочимъ расчищенъ фундаментъ одного храма, описаннаго путешественниками раньше, а также площадь вокругъ храма. Положеніе его посреди города, на площади, украшенной, какъ оказалось, многими церквями и общественными зданіями сближало интересныя развалины съ лѣтописнымъ храмомъ св. Василія и связывало ихъ съ драгоценными воспоминаніями о крещеніи св. Владиміра. Въ семидесятыхъ годахъ за дѣло раскопокъ взялось Одесское Общество исторіи и древностей при денежномъ пособіи

¹⁾ Гр. Уваровъ, «Итск. словъ объ археолог. разск. бл. Спиферополя и Севастополя». Прониклѣ IV, 1854 г.

святѣйшаго синода, сначала въ размѣрѣ 500 р., а потомъ 1000 р. въ годъ. Трудъ непосредственнаго постояннаго надзора за раскопками взялъ на себя іеромонахъ Андрей, завѣдывавшій тогда херсонскимъ монастыремъ, а для указанія и руководства пріѣзжалъ по временамъ вице-президентъ общества, г. Мурзакевичъ. Изъ монументальныхъ памятниковъ, открытыхъ вновь, преимущественное вниманіе обращали на себя опять таки церкви—то въ формѣ базиликъ, то въ византійскомъ стилѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены отличные мозаиковые полы, но что касается стѣнъ, то живописныя и мозаиковыя украшенія ихъ почти совершенно пропали для науки, что очень жаль, такъ какъ извѣстно, что въ дѣлѣ живописи Корсунь имѣлъ весьма замѣтное вліяніе на Русь, и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Россіи сохранилось довольное число копій корсунскаго письма. Найденныя мозаики представляютъ сочетаніе геометрическихъ фигуръ и кресты, а изъ цвѣтовъ чаще другихъ повторяются черный, бѣлый и красный. Нѣтъ сомнѣнія, что неизмѣримо важнѣе для исторіи искусства были-бы мозаики стѣнные, но придется подождать, пока онѣ будутъ открыты. Этотъ родъ искусства пришелся какъ нельзя болѣе по вкусу художникамъ греческаго вѣроисповѣданія, отлично отвѣчая требованіямъ роскоши и прочности; строгая красота кіевскихъ мозаикъ заставляетъ желать еще настойчивѣе, чтобы и въ Корсуні были открыты памятники этого рода, такъ какъ по времени они могутъ относиться къ лучшей порѣ православнаго искусства.

Замѣчательно, что большинство открытыхъ храмовъ сложено изъ матеріаловъ, бывшихъ ранѣе въ употребленіи; стѣны ихъ сложены изъ обломковъ колоннъ и капителей (иногда съ надписями), изъ камней, носящихъ слѣды желѣзныхъ скрѣпъ, черепицы даже; бока - о - бока съ такими почтенными, историческими инвалидами нашли себѣ мѣсто простые кругляки и щебень; иногда все это скрѣплено отличнымъ цементомъ, но чаще сложено на сухо, какъ попало...

Помимо церквей, разрыты также и жилья, и хозяйственныя помѣщенія; въ погребкахъ найдены запасы хлѣбнаго зерна и рыбы, сушеной и истолченной въ порошокъ; многое множество цистернъ, помимо отличнаго водопровода съ колодцами, свидѣлствуютъ о чисто античной любви херсонитянъ къ свѣжей, здоровой водѣ. Ин-

тересно, что младшій преемникъ Херсонеса, Севастополь, открылъ водопроводъ только два года назадъ...

Изъ мелкихъ вещей находимы были въ Херсонесѣ мѣдныя складныя кресты, кадильницы, подсвѣчники, ручныя кольца—мѣдная и стеклянная посуда и наконецъ монеты. Изъ надписей особенно важна открытая въ 1878 г. близъ Карантинной бухты, на мраморномъ камнѣ, служившемъ подножіемъ мѣдной статуи полководцу Діофанту, разбившему скиѣскаго царя Скилура. Въ особенности историческая географія почерпнула изъ нея много весьма цѣнныхъ данныхъ.

Многочисленныя расхищенія памятниковъ, продолжавшіяся и въ послѣднее время, вызвали мысль объ основаніи при херсонесскомъ монастырѣ „Христіанскаго Музея“. Мысль эта нашла сочувствіе въ святѣйшемъ синодѣ и въ частныхъ лицахъ, оказавшихъ посильное пособіе для ея осуществленія. Президентъ одесскаго общества исторіи и древностей С. М. Воронцовъ пожертвовалъ музею важную для науки надпись V в., времени императора Зенона, пожаловавшаго Херсонесу значительную сумму денегъ на поддержаніе городской стѣны. Въ настоящее время „Христіанскій Музей“ есть существующій фактъ.

Изъ Севастополя въ херсонесскій монастырь считаютъ версты три. Можно отправляться или берегомъ, или на лодѣ, если кто не боится качки. Около монастырскихъ береговъ и при выходѣ изъ севастопольскаго рейда прибой иногда бываетъ очень сильный. Море сорвало и поглотило довольное число развалинъ. Сидя на морскомъ берегу, на развалинахъ, и слушая, съ какимъ громомъ разбивались волны, я невольно задавался вопросомъ о томъ, на сколько успѣльно подвигается разрушительная работа моря? Берегъ известковый, мягкій, и обвалившіяся древнія стѣны свидѣтельствуютъ, что море не знаетъ усталости. Въ самомъ дѣлѣ, не на самомъ же берегу строилась обширная базилика, открытая гр. Уваровымъ, а между тѣмъ алтарная стѣна не существуетъ болѣе. Затѣмъ, надо думать, городская стѣна окружала когда-то городъ и съ моря, такъ какъ теперь окружаетъ она развалины съ суши: гдѣ она? Наконецъ интересовало меня слѣдующее обстоятельство. Въ двухъ мѣстахъ на морскомъ берегу существуютъ остатки древнихъ лѣстницъ, и на планахъ развалинъ ученые надписываютъ въ этихъ мѣ-

стахъ: „пристань“; но какая-же пристань—въ открытомъ морѣ? Почему-же она не въ Карантиной бухтѣ, по берегу которой открыты только одни кладбища?.. Думается невольно, что геологія могла-бы сказать кое-что интересное и для исторіи...

Городскія стѣны во многихъ мѣстахъ сохранились отлично; башни—хуже. Стѣны сложены на цементѣ, изъ такого-же сборнаго матеріала, что и въ городскихъ постройкахъ. Въ иныхъ мѣстахъ высота ихъ доходитъ до 4 сажень, а толщина превышаетъ сажень.

Входъ въ монастырь—съ южной стороны; пройдя монастырскій дворъ, входимъ въ садикъ, главная аллея котораго обставлена колоннами и разнаго рода фрагментами. Раскопки производятся въ сѣверной части города. Груды камня сразу бросаются въ глаза, какъ только выйдешь изъ сада, а надъ ними возвышается прекрасный, повый храмъ св. Владимира, заключающій развалины того храма, въ которомъ, судя по обстоятельствамъ, крестился Владимиръ Святой. Планъ развалинъ этого храма—византийскій, крестообразный, съ абсидою въ алтарной стѣнѣ; кладка—такая-же, какъ и всюду здѣсь: остатки античныхъ колоннъ (съ каннелюрами), огромные камни, съ выдолбами для желѣзныхъ связокъ и т. п. По срединѣ развалинъ найдена купель, но она была въ такомъ печальномъ состояніи, что ее вздумали обновить.

Обокъ съ этой церковью, на право—другая, за алтаремъ—еще... Далѣе слѣдуетъ улица, пересѣкающая городъ отъ юга къ сѣверу. Ширина ея вездѣ ровная—3 сажени; на равныхъ разстояніяхъ пересѣкаютъ ее переулки разной широты: въ сажень, 2 аршина и даже въ 1 аршинъ. На сѣверѣ улица эта упирается въ Уваровскую базилику.

Расхищены многія зданія, выходящія на эту улицу и по соѣдству съ ней. Жилища тѣсны, складсны до крайности плохо, на сухо; стѣны тонки и, что всего удивительнѣе, въ нѣкоторыхъ комнатахъ не достаетъ дверей, а оконъ почти нигдѣ нѣтъ слѣдовъ: можетъ быть въ нижнемъ этажѣ помѣщались кладовыя, и ходъ былъ особый, хотя рѣшительно не понятно, какимъ образомъ могло держаться два этажа, сложенные, какъ дѣтская постройка. Въ церквяхъ и даже по улицамъ много гробницъ, весьма не глубокихъ, и многія съ костями; снаружи онѣ заваливались

камнемъ и заливались известкой; довольное число маленькихъ погребальницъ: тѣсное зданіе, въ сажень квадратную величиной, и три или четыре гробницы въ немъ. Къ западу отъ главной улицы есть развалины нѣсколькихъ базиликъ, и одна изъ нихъ, которую въ монастырѣ называютъ церковью св. Климента, сажень 20 длины. Неподалеку отъ нея интересная крещальня, построенная въ видѣ звѣзды, изъ хорошаго матеріала и на такомъ цементѣ, что стѣны сохранились въ сажень высотой, тогда какъ въ другихъ зданіяхъ онѣ рѣдко достигаютъ 2 аршинъ; на стѣнахъ замѣтны слѣды штукатурки и краски; въ полу, по срединѣ—купель; въ стѣнѣ, на лѣво отъ входа—ниша, направо—гробницы.

Сказать правду, впечатлѣнія развалинъ Херсонеса не выжуются съ представленіемъ о его богатствѣ и роскоши. Эти обломки стараго матеріала, этотъ булыжникъ и щебень, едва слѣпленные и готовые повалиться отъ перваго толчка, имѣютъ какой-то щемящій жалобный видъ. Эти мертвые тысячелѣтніе камни говорятъ не о жизни полной силъ, а о старческомъ истощеніи, о судорожныхъ усиліяхъ жить; не чувствуешь дыханія жизни, а предсмертный вздохъ. Не знаю, чудилось мнѣ, или на яву такъ было, но въ этихъ развалинахъ я обоняю запахъ смерти, и не то, чтобы прямо трупный запахъ, а такъ какой-то почти духовный, археологическій.

Но выѣзжая изъ Херсонеса въ послѣдній разъ, я покидалъ его съ уваженіемъ. Какъ угодно, а воспоминанія великія, и, по нашему, прошлое Херсонеса—болѣе почтенное, чѣмъ очень многихъ западныхъ городовъ, которые усердно посѣщаются туристами...

На западѣ Европы много полуострововъ и гвѣздъ разнаго рода; она представляетъ отдаленную, но благородную цѣль исканія народовъ. Отъ того исторія запада началась ранѣе, чѣмъ исторія востока. Удобныя границы, данныя природой, облегчали западнымъ народамъ самозащиту, и населеніе западно-европейскихъ областей проще по своему составу, устойчивѣе и крѣиче къ землѣ по привычкамъ; этимъ до нельзя облегчалось дѣло цивилизаціи и въ особенности дѣло культурнаго наслѣдованія. Наслѣдованіе на востокѣ не то: Россія по обширности своей территоріи и равнинности ея, по недостатку естественныхъ границъ съ Азіей и западомъ и по близкому сосѣдству съ первой—стала поприщемъ, гдѣ броженіе продолжалось гораздо дольше, гдѣ этнографическое разнообразіе

доходило (и доходить) до максимума; процессъ сліянiя народности не конченъ здѣсь еще доселѣ и не извѣстно, когда онъ будетъ оконченъ; процессъ заселенiя территории—также не совѣтъ законченъ, а бродяжничество продолжалось до послѣдняго времени. Отсюда видно, сколько надо было грекамъ имѣть вѣры въ силу своей цивилизаціи и сколько смѣлости, для того, чтобы основаться на берегу Чернаго моря и въ виду неустаннаго броженiя и варварства выстоять два тысячелѣтiя, выстоять до послѣдняго издыханiя...

Но античная цивилизація, національно-исключительная по своему характеру, успѣвъ побѣдить болѣе простое по составу населенiе запада Европы, оказалась слабою для того, чтобы остановить броженiе и ассимилировать народы на востокѣ. Здѣсь наиболѣе нужна была для дѣла прогресса религія космополитическая, какою и явилось христіанство. На такомъ историческомъ перепутьи, какова Россія, если и могло основаться государство, то не иначе, какъ на христіанскомъ началѣ: „нѣсть эллинъ, ни скиѣтъ, ни іудей“...

Елисаветградъ.
3 марта, 1883 г.

В. Ястребовъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ.

Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ*).

О! если-бъ могъ я вылить звукомъ
Все сокровенное во мнѣ,
Дать выраженье думамъ, мукамъ —
Всему, что есть въ душѣ, въ умѣ,
Всѣмъ свамъ, сомнѣніямъ суровымъ,
Всю силу знаній, страсти жарь
Могъ передать единымъ словомъ —
То былъ-бы громовой ударь.
Но такъ какъ это лишь возможно
Въ минутномъ снѣ — не на яву,
То я умру, какъ и живу,
Съ своими думами, ничтожно,
И спрячу ихъ, забывши сны,
Какъ бесполезный мечъ въ ножны.

Чайльдъ-Гарольдъ. Пѣсня 3-я,
строфа XXVII. Перев. Д. Микаева.

Въ 1832 году поступилъ я въ харьковское уѣздное училище. Для меня и для жившихъ со мною соучениковъ моихъ, въ числѣ 5—6 человекъ, былъ нанятъ *репетиторъ*, какой-то студентъ здѣшняго университета... Говорю „какой-то“ потому, что, по тогдашнимъ моимъ

*) Недавно, перебирая портфель своего покойнаго отца — трагянице разнообразныхъ посмертныхъ рукописей его, я остановился на полнолѣсной пачкѣ бумагъ, особо связанной. Бѣгло пробѣжавъ набросанныя наскоро строки, я невольно задумался... Мнѣ вдругъ пришла на память одна историческая справка, совершенно случайно остановившая мое вниманіе во время занятій въ фундаментальной библиотекѣ здѣшняго университета, въ 1878 году. Дѣло въ томъ, что, пересматривая годовые экземпляры «Харьковскихъ Губер. Вѣдомостей» давно прошедшихъ лѣтъ,

понятіямъ объ университетскихъ студентахъ, онъ нисколько не подходилъ подъ ту мѣрку, которою взмѣрялъ я школьника и великаго, какъ тогда мнѣ казалось, человѣка—студента. Нашъ репетиторъ скорѣе приходилъ на бурсака: ѣлъ, какъ слонъ; университетскія лекціи переписывалъ терпѣливо, какъ осель, и это было его исключительное занятіе; былъ онъ неразговорчивъ, мраченъ, нисколько не занимался нами, исключая того времени, когда понукалъ насъ, и не совсѣмъ вѣжливо, твердить уроки, или, выслушивая ихъ, исправныхъ учениковъ оставлялъ безъ вниманія, а увлекавшихся не столько грамматикою, сколько зеленью расположеннаго подъ нашею хаткою огорода и дыханіемъ весенняго воздуха, удостоивалъ своимъ *вниманіемъ*... Пали, розги—были для многихъ изъ насъ тоже, что была *субботки* въ бурсѣ... Намъ стало невтерпезъ, мы стали жаловаться... Репетитора смѣнили. Явился другой, но оказался не лучше. Дождались мы третьяго—чуть-ли не хуже прежнихъ.

я наткнулся на одну заинтересовавшую меня статью. Это было «Описаніе харьковской губерніи» С. И. Кованько, напечатанное въ неофициальной части «Харьк. Губ. Вѣд.» за 50-е года. Въ статьѣ этой авторъ, характеризуя харьковское общество начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, упоминаетъ, между прочимъ, о разнцахъ, такъ называемыхъ, романтическихъ происшествіяхъ: о самоубійствахъ отъ любви и т. п., какъ о слѣдствіяхъ того, что харьковцы этого времени будто-бы слишкомъ увлекались такими сочиненіями, какъ «Коварство и Любовь» Шиллера, «Вертеръ» Гете и проч. При этомъ въ статьѣ г. Кованько есть намекъ на случай самоубійства студента медицинскаго факультета здѣшняго университета... Эгожь-то студентъ, по вѣмъ догадкажь, и есть та личность, которая была избрана героемъ отысканнаго мною посмертнаго очерка моего отца. Содержаніе очерка показалось мнѣ имѣющимъ известную долю общаго интереса, не столько впрочемъ какъ характеристика харьковцевъ какого-бы то ни было вѣка, сколько какъ психологическое явленіе въ жизни человѣка вообще. Рѣшаясь поэтому напечатать этотъ посмертный очеркъ отца, я, на всякій случай, считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь о приложенной къ рукописи оговоркѣ автора, что фамилія дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи нѣсколько видоизмѣнены и что родственники и близкіе имъ люди не существуютъ. Самый очеркъ написанъ авторомъ въ 1862 году. Я измѣнилъ лишь заглавіе очерка, который въ рукописи былъ названъ именовъ и фамиліею героя: «Михайло Яковлевичъ Старолюдскій», и замѣнилъ переводъ эпиграфа къ очерку (XCVII строфа 3 пѣсни Чайльдъ-Гарольда) другимъ: вмѣсто неуклюжаго подстрочнаго перевода кн. Вяземскаго я взялъ стихотворный переводъ Д. Минаева.—

А. А. Барышовъ.

Живо я помню, какъ мы радовались, когда насъ, послѣ долгаго зуренья убійственно-сухихъ книжонокъ, на которыя не падала ни одна капля живого слова изъ устъ педагога, выпускали, наконецъ, погулять—побѣгать по двору, перескочить въ бѣдный теперь, но тогда великолѣпный въ моихъ глазахъ огородъ, поиграть въ прятки. Ну, словомъ, каждая смѣна репетитора насъ радовала... Но пришла пора намъ и плакать объ этой смѣнѣ, и причиною этого былъ Михайло Яковлевичъ Старолюдскій.

Въ 1833 году поступилъ къ намъ репетиторомъ онъ, М. Я. Старолюдскій. Какъ ни радовались мы переимѣнѣ репетитора, въ надеждѣ встрѣтить *человѣка*, но все таки, при появленіи къ намъ Старолюдскаго, смотрѣли на него довольно недовѣрчиво... Кроткое лицо и ласковая рѣчь новаго лектора скоро разсѣяли эту недовѣрчивость, и не прошло мѣсяца послѣ его появленія въ нашемъ кружкѣ, какъ мы привязались къ нему со всею искренностью молодыхъ, благодарныхъ добротѣ сердцецъ.

М. Я. Старолюдскій былъ лѣтъ 20 съ небольшимъ, довольно плечистый, средняго роста, сколько могу припомнить и сообразить теперь (многіе изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ въ то время, являлись, внослѣдствіи къ величайшему моему изумленію, вовсе не такого роста, какой рисовался въ моихъ дѣтскихъ глазахъ: гигантъ оказывался приземистымъ). Черты его лица вообще были обыкновенны, но оно отличалось добрымъ, кроткимъ, симпатичнымъ выраженіемъ. Особенно пріятна была его улыбка, съ которою онъ постоянно обращался къ намъ въ разговорахъ съ нами. Нѣсколько выдававшаяся впередъ нижняя губа его придавала ему видъ какого-то грустнаго недовольства. Любимая одежда его была—скюртукъ сѣраго сукна, перехваченный ремненнымъ поясомъ со стальною пряжкой. Бѣлые откидные воротнички его рубашки стягивались едва замѣтнымъ легкимъ галстучкомъ, такъ что шея его вся была открыта. Полновѣсный галстухъ называлъ онъ ошейникомъ.

Запуганные суровостью и нелюдимостью прежнихъ нашихъ репетиторовъ, привыкшіе видѣть въ нихъ постоянно героевъ ругательствъ, линеекъ и розогъ, мы свачала съ недоумѣніемъ смотрѣли на кроткое

обращеніе съ нами Михаила Яковлевича, недовѣрчиво слушали его ласковныя рѣчи. Бывало забываютъ Миша Хлоповъ или напроказить Оеда Худошинъ, — Терентій, слуга и дядька нашего кружка, идетъ съ жалобою къ Михаилу Яковлевичу. Ждемъ грозы, не тутъ-то было! Наставникъ нашъ призоветъ къ себѣ провинившагося и вотъ чѣмъ наказываетъ его: „я васъ жалуются, сударь? Стыдно вамъ, сударь, что вы довели себя до этого! Пусть-же это будетъ вамъ наказаніемъ!“ И это наказаніе впоследствии сдѣлалось для насъ большае линеееъ и розогъ, и мы старались избѣгать его.

Бывало, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ той минуты, когда репетиторъ уйдетъ со двора. Только что захлопнется за нимъ фортка, мы книги въ сторону, на дворъ, въ огородъ, кто куда попало, и верѣдко прибѣгали къ благороднымъ рыцарскимъ упражненіямъ—къ кулачкамъ. Съ появленіемъ-же у насъ Михаила Яковлевича все измѣнилось: мы не только привыкли къ страшному такъ недавно присутствію репетитора, но даже скучали безъ него и съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія. Покажется онъ на форточкѣ—мы, какою-бы интересною игрою ни были заняты на дворѣ, бросаемъ все и съ веселымъ крикомъ: „Михайло Яковлевичъ пришелъ!“ бѣжимъ къ нему на встрѣчу и идемъ за нимъ въ комнату. Что-же насъ манило туда? Разказы и—кто-бы повѣрилъ? книги, книги, отъ которыхъ давно-ли бѣжали мы съ отвращеніемъ. Да, въ первый разъ, по милости Михаила Яковлевича, взглянули мы на книги не тѣмъ враждебнымъ взглядомъ, которымъ пріучили насъ глядѣть наши прежніе суровые педагоги. Онъ собиралъ насъ вокругъ себя, ложился на плохонькую кровать въ низенькой, съ бревенчатыми стѣнами комнатѣ, рассказывалъ намъ—не помню что, но очень хорошо знаю, что рассказы его занимали насъ въ высшей степени. Чаше онъ читалъ намъ. Читалъ онъ преимущественно Пушкина и Шекспира: „Гамлета“ (котораго онъ въ особенности любилъ) въ переводѣ Вронченко, „Лира“ въ переводѣ Якимова. Что мы, дѣти, могли понимать въ Шекспирѣ? Но чтеніе Михаила Яковлевича всегда дополнялось рассказами и объясненіями, и мы, если не вполне понимали автора, то, изъ словъ чтеца, угадывали красоты сочиненія и были близки къ сознательному пониманію ихъ. Отбросивъ книгу, онъ снова заводилъ съ нами бесѣду. Живо помню, какъ одинъ разъ поразилъ онъ насъ во-

просомъ: „Скажите, отчего мы, мужчины, любимъ женщинъ?“ Невѣжды въ отношеніи къ духовной сторонѣ этой любви, но уже порядочно знакомые съ другою стороною ея, мы съ изумленіемъ и отчасти со страхомъ (нѣкоторые даже со стыдомъ) переглянулись между собою. Онъ замѣтилъ наше смущеніе, улыбнулся своею кроткою, милою улыбкою и началъ намъ объяснять причину любви мужчинъ къ женщинамъ. Не могу теперь припомнить ни одного слова изъ его объясненій, но знаю, что мы услышали вовсе не то, что ждали услышать: и новы, и пріятны были намъ слова его...

Не могу вспомнить безъ глубокой благодарности за себя и за другихъ, имѣвшихъ близкія отношенія къ Михаилу Яковлевичу, о томъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какою отеческою какъ-бы радостью слѣдилъ онъ за проявленіемъ какой-нибудь способности въ своихъ воспитанникахъ! Одинъ изъ насъ задумалъ накропать стихи. Мы постарались довести ихъ до свѣдѣнія репетитора. Стиховъ онъ не похвалилъ, но совѣтывалъ маленькому автору ихъ не оставлять поэтическихъ занятій. „Прекрасно быть поэтомъ, сказалъ онъ, во поэтомъ истиннымъ; а кто знаетъ, чѣмъ вы можете быть? Пишите и показывайте мнѣ свои стихи“. Другой изъ насъ имѣлъ страсть къ рисованію, и Михайло Яковлевичъ ободрялъ ее всѣми силами. Онъ доставалъ ему краски, картины для копированья и, критикуя безошадно каждую неудачную попытку юнаго живописца, постоянно твердилъ ему: „Прекрасная вещь живопись! У васъ, я замѣчаю, есть къ ней способность. Не бросайте ея! Богъ вложилъ въ васъ эту способность, и Онъ накажетъ васъ, если вы пренебрежете ею!“ Самъ онъ не занимался ни писаніемъ стиховъ, ни рисованіемъ. Эгоистической причины къ побужденію заниматься тѣмъ или другимъ, слѣдовательно, не было.

Года два былъ онъ у насъ репетиторомъ. Подъ конецъ своихъ занятій съ нами, онъ началъ чаще и чаще задумываться, рѣже бесѣдовалъ съ нами... Вообще я не замѣтилъ, чтобы онъ прилежно занимался студенческими тетрадами, быть можетъ, потому, что у него была, какъ я не разъ замѣчалъ, прекрасная память. Студентъ медицинскаго факультета, онъ очень не лестно отзывался о медицинѣ, какъ о наукѣ *шаткой*...

Онъ страстно любилъ музыку и театръ. Въ театръ онъ нерѣдко бралъ меня съ собою (ко мнѣ, не помню почему, онъ обнаруживалъ особенное расположеніе). Мнѣнія его о театрѣ изобличали въ нежъ, какъ теперь вижу, знатока сценическаго искусства. Когда только что появился на сценѣ нашего театра Рыбаковъ, и мы увидѣли его въ драмѣ Шиллера „Марія Стюартъ“, въ маленькой роли рыцаря Паулета, Михайло Яковлевичъ, слѣдя внимательно за его игрою, замѣтилъ, что онъ не умѣетъ читать стиховъ, но современемъ, поучившись, можетъ быть очень хорошимъ актеромъ. Это и сбылось.

Чѣмъ ближе подходила наша разлука съ нимъ, которой никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, тѣмъ продолжительнѣе и мрачнѣе дѣлалась его задумчивость. Разъ, недѣли за двѣ до вѣчной разлуки съ нами, онъ сказалъ намъ, что видѣлъ во снѣ своего покойнаго отца, который звалъ его къ себѣ.. Потомъ, черезъ нашего, теперь покойнаго, дядьку Терентія, добылъ онъ себѣ пороху... За недѣлю до того, какъ мы разстались съ нимъ, я прибѣжалъ къ нему съ радостнымъ восклицаніемъ: „Михайло Яковлевичъ, нынче играютъ вашу любимую „Марію Стюартъ“! Пойдемте!“ Онъ глубоко задумался и, наконецъ, сказалъ, какъ будто проснувшись: „пойдемте, въ послѣдній разъ!“ „Это почему?“ спросилъ я. „Такъ!“... отвѣчалъ онъ нехотя.

Дня за три или за четыре до катастрофы, поздно вечеромъ, когда мои товарищи уже спали, я и Михайло Яковлевичъ сидѣли за столомъ другъ противъ друга, при нагорѣвшей свѣчѣ. Онъ положилъ свои мощныя руки крестообразно на столъ, а на нихъ—голову; я сидѣлъ напротивъ него и чертилъ что-то карандашемъ на бумагѣ. Онъ вдругъ поднялъ голову, откинулъ сто лба свои довольно длинные бѣлокурныя волосы, посмотрѣлъ на мое рисованіе и сказалъ: „рисуйте мой портретъ!“ Я немножко сконфузился и, запинаясь, отвѣчалъ: „я не умѣю... я плохо рисую“... „Ничего, возразилъ онъ: хоть какънибудь, а не то вы вѣдь скоро меня забудете“...

14 числа октября пришелъ онъ къ моей матери и сказалъ, что онъ оставляетъ должность репетитора, потому что ему нужно заняться съ его меньшимъ братомъ...

Нужно замѣтить, что онъ и его воспитанница квартировали въ домѣ моихъ родственниковъ, съ которыми проживалъ и я. Его мачиха

и замужняя тетка, ея родная сестра, Софья Доре, съ своими семействами жили недалеко отъ нашего дома.

Мать моя, дорожа такимъ наставникомъ, какъ Старолюдскій, стала упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ своихъ занятій со мною, — чтобы, по крайней мѣрѣ, позволялъ мнѣ ходить къ нему для занятій. Нехотя, послѣ долгихъ колебаній, онъ согласился.. Это было вечеромъ. Когда онъ сидѣлъ у моей матери, мы, его ученики, печально собралися въ особомъ флигелькѣ, на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ жилъ онъ и мои товарищи по училищу. . Темень и грустень былъ осенній вечеръ; но еще грустише его были мы: мы знали, что добрый Михайло Яковлевичъ оставляетъ насъ! Сидѣли мы молча... Вотъ отворяется дверь, на порогѣ является нашъ добрый Михайло Яковлевичъ... Онъ остановился въ дверяхъ, сдѣлалъ усиліе улыбнуться, но когда увидѣлъ насъ печальными—глаза его подернулись слезами. Мы разомъ всѣ заплакали. Тогда онъ тихо засмѣялся, подошелъ къ намъ... „Ну, что-жь пригорюнились, что плачете? Увидимся!“ Потомъ онъ перецѣловалъ всѣхъ насъ, сказалъ отрывисто: „будьте счастливы!“ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Больше мы его ужъ не видѣли!

На утро я иду къ нему въ его новую квартиру, для занятій—не застаю дома. На другой день—тоже, на третій—тоже. Но на этотъ разъ я замѣтилъ, что его мачиха и ея прислуга—всѣ въ какомъ-то разстройствѣ, съ заплаканными глазами... Кто-то сказалъ мнѣ, что Михайло Яковлевичъ *очень боленъ*.. Наконецъ слышимъ, что Старолюдскій вмѣстѣ съ своею теткою исчезъ неизвѣстно куда, и вотъ въ городѣ зашумѣли, что они—*застрѣлились!*

И трупы ихъ нашли близъ тепершняго Холодногорскаго кладбища, на Лысой горѣ...

Вотъ извлеченіе изъ тѣхъ свѣдѣній, какія успѣлъ я собрать объ этомъ происшествіи.

15 октября было доведено до свѣдѣнія правленія университета о томъ, что студентъ Михайло Старолюдскій отлучился изъ г. Харькова съ своею родственницею, Софьею Доре, по дорогѣ на Холодную гору, *съ цѣлю лишить себя жизни*. Правленіе университета сообщило объ этомъ харьковскому полиціймейстеру. По распоряженію по-

лицеймейстера, а также земскаго суда, было наряжено сорокъ человекъ понятыхъ для розысканія пропавшихъ. Послѣ аккуратнѣхъ и продолжительныхъ розысковъ, уже 20 октября, Старолудскій и Доре были отысканы на Холодной горѣ—застрѣлившихся.

Искали ихъ почти цѣлую недѣлю. Если взять во вниманіе, что мѣсто ихъ самоубійства было въ точности извѣстно, то нельзя не удивляться такой продолжительности розысковъ, тѣмъ болѣе, что со стороны полиціи были приняты дѣятельныя для этого мѣры. Говорили въ то время, что несчастные любовники, оставивъ въ послѣдній разъ Харьковъ, посѣтили ближній къ нему (въ 8 верстахъ) куряжскій монастырь, исповѣдывались тамъ и причащались... Въ 9-мъ часу утра 20 числа мальчикъ-пастухъ, гоня свое стадо мимо урочища Лысой горы, увидѣлъ между кустами застрѣлившихся: „дивись, дядьку! сказала онъ своему спутнику,—паны въ кущахъ спять“...

Трупы лежали на взлѣсьи, около версты отъ заставы. *Онъ* лежалъ на правомъ боку; лѣвая рука его покоилась на *ея* груди. Былъ онъ одѣтъ въ шинель темно-сѣраго сукна, въ студенческой вицъ-мундиръ, подпоясанный кожаныхъ кушакомъ со стальною пряжкой. Газовый жилетъ и рубашка на груди были разстегнуты; подъ бокомъ у него лежала трубка съ чубукомъ.

Она лежала рядомъ съ нимъ навзничъ, въ малиновомъ платьѣ, стянутомъ такимъ-же кушакомъ, какъ и онъ, въ капотѣ съ теплымъ воротникомъ. По лѣвую сторону отъ нихъ лежала пара новыхъ пистолетовъ, безъ зарядовъ, со спущенными курками...

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ нашли у него, на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, рану величиною въ діаметрѣ пальца въ два (такъ сказано въ медицинскомъ актѣ); на правой сторонѣ лица синеватое пятно. Въ боковомъ карманѣ вицъ-мундира отыскали двѣ пули и пороху заряда на два, а также два письма съ заглавіями: одно—„Судьямъ нашихъ труповъ“ и другое—„Друзьямъ моимъ“, и два нечатныхъ листка.

У нея на срединѣ груди оказалась рана меньшей величины, чѣмъ у него; тѣло ея по направленію отъ раны къ шеѣ было обожжено порохомъ.

Лѣтъ имъ, по наружности, дали: ему—25, а ей—за 30

При разслѣдованіи, по поводу этого происшествія, было отерпго слѣдующее.

15 октября, часа въ три послѣ обѣда, Софья Доре, проводивъ куда-то своего мужа, позвала къ себѣ свою крестьянку Ульяну Павлову и, одѣваясь, при ея помощи, сказала, что пойдетъ на именины. Одѣвшись, она вышла за ворота и ожидала извозчика, за которымъ послала жившаго въ домѣ Доре мальчика Володьку. При ней въ это время были ея дѣти. Когда пріѣхалъ извозчикъ, она простилась съ дѣтьми, заплакала, сѣла на дрожки и поѣхала.

На другой день г. Доре встревожился продолжительнымъ отсутствіемъ своей жены, сталъ спрашивать прислугу и узнавъ, что она послала мальчика за извозникомъ, розыскалъ того извозчика, за которымъ послала. При допросѣ извозчикъ показалъ, что наканунѣ, послѣ обѣда, возилъ онъ какую-то баринню на Холодноторекое кладбище. Когда онъ пріѣхалъ туда съ нею, она сошла съ дрожекъ, приказала ему подождать, а сама пошла на кладбище, ходила между памятниками и крестами и читала надписи. Минутъ черезъ десять послѣ этого, подѣхалъ къ кладбищу, на извозикѣ, какой-то баринъ въ сѣрой шинели и спросилъ прежде пріѣхавшаго извозчика: „кого ты привезъ?“ „Баринню“, отвѣчалъ извозчикъ. Узнавъ, что ему не заплачено, баринъ далъ по цѣлковому обоимъ извозчикамъ, сказалъ: „ступайте, васъ больше не надо!“ и пошелъ на кладбище.

При дальнѣйшемъ разъясненіи этого случая, М. И. Старолюдская показала, что она живетъ въ одномъ дворѣ съ Софьею Доре, только въ особомъ отъ нея флигелѣ. 15 октября, пополудни, приходила она къ своей сестрѣ Софьѣ, которая въ это время одѣвалась. На ея вопросъ: „куда ты идешь?“—Софья отвѣчала: „погостить къ Каш—мъ“. На другой день пришелъ къ ней, говорила Старолюдская, мужъ ея сестры и сказалъ, что его жена поѣхала на кладбище и тамъ осталась одна. Она этому не повѣрила, но потомъ узнала, что ея сестра у Каш—вухъ не была, а вскорѣ были отысканы у Софьи Доре три собственноручныхъ письма ея и одно—Старолюдскаго, изъ которыхъ узнала она, что ея сестра и пасынокъ рѣшились умертвить себя...

Старолюдская увѣряла, что, живя съ своею сестрою, она никогда не замѣчала ссоры между сестрою и ея мужемъ. Иногда онъ, подозрѣвая свою жену въ связи съ М. Я. Старолюдскимъ, дѣлалъ ей за то выговоры...

Всѣ, жившіе въ домѣ Доре, единогласно сказали, что они ничего неприличнаго или подозрительнаго не замѣтили между застрѣлвшимися.

Г. Доре оправдывался такъ: „женившись на Софьѣ, онъ жиялъ съ нею, какъ повелѣваетъ долгъ супружества и любилъ ее, какъ истинную жену, а она была предана ему, какъ истинному другу“. Въ удостовѣреніе этого онъ показалъ письмо, писанное къ нему, во время его отлучки, женою, по истеченіи десятилѣтняго супружества, при троихъ живыхъ дѣтяхъ... „Потомъ, увѣрялъ далѣе г. Доре, любовь жены къ нему перемѣнилась, и она, „забывъ обязанности матери и оставивъ дѣтей безъ призрѣнія, занималась болѣе студентомъ Старолюдскимъ, который, какъ родственникъ, былъ въ то время принятъ для занятій съ сыномъ его, Доре... Не разъ онъ просилъ свою жену оставить предосудительное поведеніе съ молодымъ Старолюдскимъ, но она не слушала этихъ просьбъ... и въ концѣ того года такъ охладѣла къ нему и къ дѣтямъ, что, передъ своимъ побѣгомъ изъ дому, призналась ему, что его вовсе не любить, а къ дѣтямъ питаетъ отвращеніе, и вотъ, наконецъ, довершила, несмысленная, плоды праздности и волнаго обращенія и заставила его, т. е. г. Доре, мучиться на цѣлую жизнь“ и пр. и пр. „Если-же, спѣшивъ прибавить къ этому объясненію г. Доре, она въ своихъ письмахъ, найденныхъ послѣ ея смерти, и написала, что до самоубійства довело ее обращеніе съ нею ея мужа, то это она сдѣлала единственно къ оправданію своему, и письма ея не заслуживаютъ никакого довѣрія“.

За то, какъ письмо, заслуживающее высочайшаго довѣрія, рекомендовалъ г. Доре цѣлый полулистъ почтовой бумаги, исписанный почеркомъ *нѣсколько сходнымъ* съ почеркомъ его жены.

Письмо это, какъ значится изъ многихъ *обстоятельныхъ* помѣтъ, было написано къ нему въ іюль 1835 года. Оно наполнено необыкновенными иѣжностями къ отцу и дѣтямъ, фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „какъ не любить такихъ дѣтокъ! Суди самъ: *какой долженъ быть извергъ отецъ или мать, которые не любятъ этихъ невинныхъ крошекъ! Но благодаря Богу, этого и насъ нѣтъ.*

и я всякій разъ благодарю Создателя *о ниспосланіи мнѣ такого нѣжнаго супруга*, который "... и пр. и пр. и пр., всё въ такомъ родѣ. Тутъ-же слегка упоминается о томъ, что Коля, благодаря Михайлу Яковлевичу, каждый день занимается писаньемъ, потому что Старолюдовскій каждый день приходятъ къ нимъ и ей всегда приносятъ хорошія книги...

Вотъ письма, найденныя послѣ смерти *ея* и *его*.

Письма Софьи Доре.

„Милая, любезная сестра, Машенька! прости, что я тебя такъ часто обманывала! Ты чиста и невинна, ты ничего не подозрѣвала. Забудь, забудь сестру свою, забудь всё горести, которыя я тебѣ причинила! Будь тверда, уповай на Бога, какъ ты всегда уповала. Ты теперь нужна не для одной Аюты, но и для моихъ крошекъ. Ахъ, прошу, со слезами прошу тебя, будь имъ матерью и живи для нихъ, заступи имъ мое мѣсто. Ахъ, другъ единственный! смотри за моими дѣтьми, воображай ихъ своими. Смотри за ихъ чистотой, за нравами и скрой отъ нихъ мой поступокъ. Ахъ, заступи имъ мать! Особенно, мою Настеньку возьми къ себѣ... Будь ласкова съ моимъ мужемъ... Исполни мою послѣднюю просьбу о дѣтяхъ, а если не исполнишь — Богъ накажетъ тебя! Кланяйся моимъ знакомымъ, Барз—мъ, Сухм—мъ, Кац—мъ, Натальѣ Алексѣевнѣ и скажи ей, что я ей простила мое замужество. Прощай! Мы ужъ не увидимся. О, исполни, исполни мои просьбы на счетъ дѣтей! Не выходи замужъ. Ты знаешь, какво замужемъ. Постарайся, чтобы тѣла наши были вмѣстѣ положены въ могилу... Не продавай дома до возраста моихъ дѣтей... Въ бюро, въ зеленомъ платьѣ, въ лоскуткахъ найдешь 700 рублей. Сто изъ нихъ раздай бѣднымъ и дворовымъ... Не трогай дѣтей моихъ, особенно въ первое время, пока меня забудутъ... Ахъ, будь имъ мать, не различай ихъ отъ своихъ дѣтей; смотри, чтобы каждую субботу ихъ кудали, чтобы люди не обижали... Прощай! Прощай!“

„М. г, Григорій Осиповичъ! Когда вы будете читать эти строки, я уже не буду поддежать вашимъ вѣлѣніямъ. Такъ, государь мой, ваши поступки со мною довели меня до такого положенія! Богъ видѣлъ, что я не могла сносить всего, что вы со мною дѣдали. Но я васъ прощаю, ибо вы не понимали меня. Простите-жъ и мнѣ мой невольный поступокъ! Но я была благородна и умираю такою. Последняя моя просьба къ вамъ: если можете, то не женитесь, это сдѣлаете лучше. Скройте отъ дѣтей мой поступокъ, скажите имъ, что я не умерла, а куда нибудь уѣхала. Они меня забудутъ, а то будутъ худыя послѣдствія—вы знаете, какъ они ко мнѣ привязаны. Еще прошу васъ—удалите моихъ дочерей отъ книгъ и мужчинъ до замужества, и не принуждайте ихъ выходить замужъ ни угрозами, ни уговорами. Обходитесь съ ними ласково. Мои вещи и брилліанты... (тутъ слѣдуютъ распоряженія касательно имущества). Я пойду прогуливаться въ Валковскій лѣсъ или въ Каценковъ. Тамъ ищите меня. Простите меня, вы много причиною этого. Желаю вамъ всѣхъ благъ и остаюсь себѣ принадлежащая Софья“.

„Любезныя дѣти мои, Николай и Надежда! Благословляю васъ и Настасью! Любите другъ друга, будьте послушны папичкѣ, дѣдинкѣ и тетинкѣ, какъ мнѣ; уважайте старшихъ. Ты, Николай, люби сестеръ своихъ, защищай ихъ и чаще читай тѣ наставленія, которыя я тебѣ переписала. О, милые ангелы мои! молитесь какъ можно чаще за вашу мать: ваши чистыя молитвы будутъ услышаны. Будьте кротки, не забывайте бѣдныхъ, какихъ-бы то ни было. Прощайте, да благословить васъ Богъ. Не плачьте за мною—вы знаете, что у Бога лучше, это я вамъ сколько разъ говорила“.

Письма Старолюдскаго.

„Почтенная маменька! Простите, простите, простите меня! Я васъ обманывалъ монимъ равнодушіемъ. Я любилъ невыразимо милую, достойную обожанія Софью. Любовь моя чиста, какъ молитва праведнаго. Первая любовь сильна, а я люблю въ первый разъ, люблю до изсту-

плѣнія. Добрая маменька, я былъ вамъ покоренъ, я хотѣлъ посвятить всю жизнь свою для васъ—это долгъ мой. Вы были избраны моимъ отцомъ, слѣдовательно, я долженъ былъ любить васъ, какъ родную мать. Я старался быть безпримѣрнымъ пасынкомъ... Если я оскорблялъ васъ тѣмъ, что отказывался жить у васъ, *то этому имѣлъ причины сильныя*. Вы ихъ должны знать. Аютя, прости: я долженъ былъ сдѣлать для тебя многое и не сдѣлалъ ничего. Предавшись непреодолимому, я не видѣлъ многого, касавшагося до моей обязанности. Прости меня, добрая мать, да наградишь тебя Богъ силами перенести поступокъ сына твоего. Богъ мнѣ простить, и ты, мать, простишь конечно. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте обо мнѣ. Мой духъ будетъ носиться надъ вами и просить Бога, да благословитъ васъ. Скажите моему безцѣнному брату, что я любилъ его, мучился безъ него, пока новое чувство не овладѣло мною. Шутя когда-то я говорилъ вамъ о моихъ похоровахъ—вы помните? Пусть Г. О. проститъ меня, что я похитилъ у его семейства мать. Онъ самъ виноватъ всему. Онъ насильно бросилъ мнѣ жену свою, и я не могъ не принять ее. Не сдѣлай онъ бѣшенаго поступка—ничего-бы не было, что было. Но онъ проститъ насъ; упросите его, иначе и ему не быть спокойну. Похороните насъ вмѣстѣ, въ одной могилѣ, въ одномъ гробѣ, если можно. Я долженъ быть въ мундирѣ, *она*—въ своемъ любимомъ платьѣ... Желалъ-бы я, чтобъ она и я имѣли на головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ; покрывала должны быть бѣлыя, гробы бѣлые—въ знакъ нашей невинности. Избѣгайте пышности погребенія—это лишнее. Я и она любили музыку, а потому, прошу васъ, если мои товарищи не догадаются сами, нанять духовую музыку. Вы этимъ утѣшите насъ, вы сами почувствуете облегченіе: вы угодите намъ, а *угождать отрадно*. Мамъ, не плачьте! Чуть двинуть наши тѣла, то музыканты пусть играютъ маршъ на смерть Людовика. Тѣла наши приважите нести мимо моей квартиры, и здѣсь пусть остановится шествіе, и противъ моего жилища пусть сыграютъ панихиду Моцарта. Когда тѣла наши опустятъ въ могилу— пусть заиграютъ увертюру изъ Фрейшюца. Этимъ вы облегчите бывшія наши земныя страданія. Маменька, исполните, молю васъ, мою просьбу: она не прихоть... Я любилъ музыку. Если можно, похороните насъ, но непременно вмѣстѣ, подъ Валковскимъ лѣсомъ... Я прошу васъ

только объ одной музыкѣ... Если согласятся родители, то пусть позволят дочерямъ своимъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, сопровождать тѣла наши. Меня будутъ нести товарищи, С. Ив. не лишится этой чести, воздаваемой истинной любви. Но музыка пусть будетъ непременно! Голова моя горячится, грудь болитъ, волненіе крови... Уже часъ по полуночи. Итакъ, отдохну еще земнымъ покоемъ. Прости, мамѣ! Простите всѣ! Я желалъ всѣмъ дѣлать добро и, по возможности, дѣлалъ. Хозяинъ моей квартиры, надѣюсь, не откажетъ мнѣ въ нѣсколькихъ доскахъ для двухъ гробовъ: онъ меня уважалъ и не пожалѣетъ дать дерева для бывшаго наставника его сына. Вы только скажите ему, что я просилъ его, то онъ не откажетъ. Гробы могутъ сдѣлать его мастеровые, изъ коихъ я нѣкоторымъ помогалъ. Моимъ Софьѣ Яковл. и Ивану Акимов. напишите, чтобы они не плакали, а чтобы поминали, какъ брата, какъ друга. Пусть простятъ они меня! Степанъ Никитичъ, тетинька, Андрюша и всѣ мои родственники—пусть простятъ меня! Саша, милый Саша, прости! Отдайте шинель студенту Сокол—му, и у него взялъ уже давно отъ дождя. Со мною часъ. Трубка дорожная пусть будетъ наслѣдствомъ Полит—го. 14 октября 1835 г., въ понедѣльникъ.

„Друзья мои! Поэзія—мечта и дѣльному занятію мѣшаетъ!.. Простите меня, что я васъ лихо поддѣлъ. Вы видѣли меня равнодушнымъ, хладнокровнымъ, но теперь знайте, что наружность бываетъ обманчива. О, сколько стоило мнѣ труда казаться покойнымъ, когда я былъ у васъ. Благодаря вашей веселости, я былъ съ вами веселъ. О, други, помяните меня тѣмъ, что я любилъ... *Прекрасенъ этотъ міръ, прекрасные въ немъ люди есть—и я оставляю этихъ людей прекраснаго міра!* Простите!—Пожалуйста, смѣйтесь, когда судьба пошлетъ къ вамъ на встрѣчу Полт—ва: этотъ смѣхъ и мнѣ будетъ отраденъ. Когда увидите Мурд—на, то вспомните анекдотъ о квартальномъ, десятскомъ и пьяномъ—тогда и мнѣ будетъ весело. Я вамъ много кой-чего написалъ-бы, но время дорого, пистолеты ждуть, чтобы дѣствовать ими. Простите! Хороните насъ съ музыкою, а не со слезами. Не оставьте моей доброй матери, утѣшите ее!—Вы знаете меня хорошо,

но не проникнули въ мои чувства, въ душу въ послѣдніе дни нашего свиданія. Я боялся вамъ открытъ мои намѣренія, чтобы не пустились съ педагогическою важностью уговаривать, читать мнѣ мораль, заставлять выбросать дурь изъ головы и т. д. Я не безуменъ, ибо... Но чѣмъ я могу оправдаться? Тысячи благочестивыхъ закричатъ, что я безуменъ, слѣдовательно, какъ мнѣ слабымъ голосомъ перекричатъ ихъ!—Ваня, Костя, Николай, Тихонъ, Константинъ и всѣ мои друзья добрые, душевные, прощайте! Ну, кто изъ васъ вызовется сказать мнѣ: я надулъ тебя? Не вы, а я васъ надулъ! Но вы простите меня!—Курите, думайте, и поминайте меня поэзіей, цырогами, трубкою, смѣхомъ, крикомъ, виномъ, медициною, охотою и всѣмъ! Стихи „Вайронъ“ Вяземскаго я желалъ-бы, чтобы были у Тихона“.

Судьямъ нашихъ труповъ.

„Есть много непонятнаго въ семъ мірѣ. Напрасно вы будете изслѣдовать—какая внѣшняя причина заставила насъ рѣшиться на поступокъ, слѣдствіемъ коего, какъ видите, два трупа. Причины эти заключаются въ насъ самихъ; никто объ этомъ не знаетъ и не узнаетъ. Я купилъ порохъ, пистолеты и пули у знакомаго мнѣ купца, котораго уже нѣтъ въ Харьковѣ. Совѣтниковъ, помощниковъ я не имѣлъ; тѣмъ болѣе она не имѣла въ нихъ нужды. Я читалъ давно уже, что въ Кіевѣ есть мощи святаго, кажется Іоанна Многострадальнаго, который, будучи чрезвычайно страстенъ, лишилъ самъ себя жизни; слѣдовательно самоубійство не всегда противно Богу, и вы не можете доказать, что нашъ поступокъ не будетъ угоденъ Богу. Богъ есть любовь, говоритъ священное писаніе. Этому-то Богу чистѣйшей любви мы приносимъ въ жертву свою любовь чистую, платоническую, приносимъ потому такимъ страннымъ обрядомъ, что, видя непрочность всего подлуннаго, опасаемся, чтобы наша любовь не измѣнилась. Мы совершили вѣнчальный обрядъ, не вошедшій въ употребленіе, но не все, вошедшее въ употребленіе, есть похвальное, честное, чистое. Будьте живы и счастливы и помните, что вы смертны! Не издѣвайтесь надъ нашими трупами. Мы теперь духи, взирающіе на вамъ судъ надъ нашими тѣлами. Мы были спокойны, не чувствовали угрызеній совѣсти, слѣдовательно, мы

духи свѣтлые, свѣтовосные. Мы вѣрили въ Бога Тройственнаго, любили Его и въ жертву Ему приносимъ нашу любовь земную, чтобы Онъ наградилъ насъ вѣчною, небесною, неизмѣняемою!“

При этихъ письмахъ въ карманѣ Старолюдскаго найдены два печатныхъ листка, вырванныхъ изъ журнала „Московскій Телеграфъ“. Въ нихъ напечатанъ отрывокъ изъ стихотворенія князя Вяземскаго „Байронъ“, съ эпиграфомъ, который взялъ я за эпиграфъ настоящаго очерка...

Въ отрывкѣ, между другими, есть слѣдующіе стихи:

„Мысль всемогуща въ насъ; но тотъ, кто мыслить, слабъ;
Мысль независима, но времени онъ рабъ.
Какъ искра вѣчности, какъ пламень безпредѣльный,
Съ небесъ запавшая она въ сосудъ скудельный:
Иль гаснетъ безъ вѣсти, или сожжетъ сосудъ“.

Уѣздный судъ, разсмотрѣвъ слѣдствіе объ этомъ происшествіи, порѣшилъ: „какъ изъ дѣла ясно видно, что студентъ Старолюдскій, бывши домашнимъ учителемъ у Доре, возмимѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ любовную страсть, тайно хранимую отъ мужа ея, который, примѣчая о семъ, хотя и упрекалъ свою жену, но совершенно дознаться не могъ, а сіе чувствуя, они, Софья Доре и Старолюдскій, и страшась постыднаго надъ собою нареканія, рѣшились на произвольное убійство, и какъ въ семъ преступномъ дѣйствіи участниковъ не обнаружено, то таковой случай убійства, на основаніи 2 части, 5 главы, 9 и 10 пунктовъ Воинскихъ процессовъ, предавъ волю Божіей, дѣло по сему суду прекратить производствомъ, зачислить рѣшеннымъ и по срочномъ времени сдать въ архивъ, а до того хранить въ уголовномъ повѣтѣ“.

Такъ легко и просто разрѣшили ясно-видящіе судьи задачу, надъ которой, пожалуй, призадумается не одинъ глубокомысленный философъ... Да и какъ-же иначе было рѣшить *имѣл*..

Окончу свой рассказъ нѣсколькими словами о похоронахъ... Да, ихъ похоронили на городскомъ кладбищѣ, за сѣвѣрною частью города...

Ихъ не закопали, какъ это обыкновенно бываетъ съ самоубійцами, на мѣстѣ убійства. Благодаря стараніямъ мачихи Старолюдскаго, ихъ привезли въ домъ Доре. Это было въ ненастный, бурный осенній вечеръ. Помню, какъ длинные волосы усопшаго, всклокоченные вѣтромъ, придавали ему что-то страшное, когда несли его въ комнату...

На другой день весь дворъ Доре былъ наполненъ народомъ: необычайность происшествія взволновала весь городъ. Народъ тѣснился въ той комнатѣ, гдѣ на столахъ лежали рядомъ двѣ жертвы—чего?—всякій рѣшалъ по своему. Народъ наполнялъ дворъ, народъ тѣснился на улицѣ, у оконъ.. Не удалось мнѣ подслушать ни одного слова сожалѣнія о покойникахъ; брани и проклятій было довольно.. Но все это были *исно-видляціе*...

Одѣты были покойники такъ, какъ они желали. Его лицо было, какъ у живого: кротно и спокойно; ея лицо, довольно полное, — въ темныхъ пятнахъ...

Не помню, въ тотъ-ли день, или на другой, ихъ понесли на кладбище. Гробы ихъ были обиты бѣлою шелковою матеріею... Разумѣется дѣтски-мечтательной просьбы юноши не уважили: музыка за гробами не играла, дѣвицы не шли... *И то, что было, много уже было...*

По страшной слякоти, при мелкомъ холодномъ дождѣ, несли ихъ гробы полушьяные работники... За гробами шли мачиха покойнаго, мужъ покойной и я... Помнитея, больше никого не было... Меня очень занимало длинное безжизненное лицо *супруга*, который шелъ поодаль отъ гробовъ, въ свѣтло-голубой шинели ..

Когда гробы принесли на кладбище, ихъ поставили на время въ сторожку, потому что, кажется, могилы еще не были вырыты окончательно. Похоронили ихъ не въ одной могилѣ, какъ они оба желали, но могилы эти рядомъ, одна подлѣ другой... Онѣ недалеко отъ сторожки, на краю кладбища...

Когда я возвращался домой, дождь усилился, къ нему присоединился мокрый снѣгъ, который залѣплялъ глаза... Дождь и грустныя думы овладѣли мною, и какъ ни былъ я въ то время молодъ, но во мнѣ шевелилось что-то въ родѣ безотраднаго восклицанія Гоголя:

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

А. Барымовъ.

Ириной Фальковской *),

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

(Продолженіе).

III.

Какъ ни обширны и многосторонни были познанія, приобрѣтенныя Иваномъ Акимовичемъ въ заграничномъ обученіи по разнымъ отраслямъ наукъ, образованія своего онъ не считалъ законченнымъ; потому, вскорѣ по возвращеніи его изъ-за границы въ родной Кіевъ, мы видимъ его снова на школьной скамьѣ въ кіевской академіи. Здѣсь, не смотря на то, что наукамъ такъ называемымъ свѣтскимъ давалось довольно мѣста, вѣнцемъ образованія считалась все-таки наука богословская, а стремленіе къ ней вполне отвѣчало развившемуся, какъ мы видѣли, въ молодомъ слушателѣ заграничныхъ университетовъ религіозному настроенію. И вотъ мы видимъ, что Иванъ Акимовичъ съ самаго прибытія своего въ Кіевъ, въ теченіи 1783 и 1784 г., съ особымъ усердіемъ и вниманіемъ слушаетъ лекціи по богословію, и въ то же время, какъ за вспомогательное въ богословскихъ студіяхъ дѣло, принимается за изученіе еврейскаго языка, а равно языка греческаго.

Но не особенно счастливая была пора для академіи, когда въ нее вступилъ нашъ студентъ. Въ правленіе кіевскою митрополісію митроп. *Гавріила Кременецкаго* (1770 — 1783 г.) прежде столь славная академія быстро начала клониться къ упадку, что отмѣчено ся историками. Въ частности не блистали ни особою широтою, ни самостоятельностью и живостію преподаванія и тѣ пред-

*) См. явар. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 89—120.

меты, изученію которыхъ посвящала теперь свои силы наша заграничный слушатель. Преподаватель богословія іером. Іахимъ Островскій излагалъ свой предметъ по богословію Теофана Прокоповича, правда, еще нигдѣ тогда не напечатанному. Греческій языкъ читалъ извѣстный въ свое время знатокъ, іером. Амвросій Келембетъ; но преподаваніе еврейскаго языка было въ такомъ упадкѣ, что отъ него отшатнулось большинство учащихся. Еще раньше учитель этого предмета Павловичъ, жалуясь на недостатокъ усердія въ своихъ слушателяхъ, заявлялъ, что „когда хотятъ въ школу только приходятъ, а ежели стать ихъ увѣщевати, для чего лѣнливо ходятъ въ школу часто оставляють, или другаго пенса (урокъ) заставитъ, то и вовсе оставляють, не сказавши учителю ни дяки, ни спаси Богъ“. Теперь этотъ предметъ былъ въ рукахъ іером. Гавріила Строевскаго, у котораго и стали брать уроки Иванъ Акимовичъ; но скоро онъ совсѣмъ отъ нихъ отказался, когда они переданы были, за неимѣніемъ, вѣроятно, кого-либо лучшаго, одному изъ студентовъ высшаго класса, нѣкому Полянскому.

Ученіе Ивана Акимовича въ кievской академіи длилось съ небольшимъ полтора года. Въ концѣ 1783—84 учебнаго года онъ сдалъ вмѣстѣ съ своими товарищами экзамень въ знаніи богословскихъ предметовъ, и съ тѣхъ поръ мы видимъ его въ ряду преподавателей академіи, переходящимъ отъ предмета къ предмету и постепенно поднимающимся по служебной лѣстницѣ, пока не пришлось ему самому стать во главѣ родной академіи. Его выдвинули здѣсь сколько личныя его дарованія и тѣ спеціальныя познанія, которыя онъ пріобрѣлъ, благодаря своему заграничному ученію, столько-же и исключительныя обстоятельства, въ которыхъ онъ засталъ славную нѣкогда кievскую академію.

Она находилась тогда въ состояніи переходномъ, совершивъ намѣченный ей прежнею исторіею кругъ. Обстоятельства, давнія ей до-теперешній видъ, давно миновали. Политическій и соціальный строй края, продуктомъ которыхъ она была, давно измѣнился; жизнь края входила въ новое русло, которое должно было рѣшительно измѣнить ея прежнес теченіе. Новыя начала прививались къ жизни края и новыя задачи задавались и его древнѣйшему училищу, но, по особенностямъ новаго строя всей жизни, оно не могло уже ни само выработать этихъ задачъ, ни овладѣть ими, а только

подчиниться той нормѣ, какая будетъ указана ему свыше. Положеніе академіи было роковое: общество, создавшее ее и поддерживавшее ее всѣми силами, давно сошло со сцены, и академія лишилась соковъ, ее питавшихъ, а между тѣмъ въ имперіи, въ которой и сама она и весь край стояли все еще особнякомъ, явились новыя образовательныя заведенія, на сторонѣ которыхъ было и вниманіе правительства и вышнія выгоды. Сюда требовались преподаватели и болѣе или менѣе подготовленные слушатели и ихъ въ большинствѣ давала кievская академія, какъ давала людей на разныя служебныя поприща. Слѣдовалъ долгое время отливъ изъ академіи лучшихъ силъ, который не могъ не повліять парализующимъ образомъ на ея собственную жизнь. Вообще академія въ теченіе всей первой половины XVIII ст. и даже позже давала отъ себя больше, чѣмъ сколько сама воспринимала, давала дотолѣ, пока наконецъ сама не почувствовала недостатка и въ преподавателяхъ и отчасти даже въ слушателяхъ. Теперь приходилось ее подкрѣплять, подгонять и приспособлять къ новому строю и новымъ требованіямъ жизни, такъ какъ многія заведенія, которымъ она, можно сказать, дала жизнь, видимо переросли ее и на сторонѣ ихъ были и лучшія учебныя системы, и болѣе цѣлесообразныя методы, и несравненно лучшій преподавательскій составъ. Но этой трудной задачи собственнаго перерожденія академія не могла уже произвести собственными силами и должна была ждать какого-либо смѣлаго и рѣшительнаго реформатора, который произвелъ-бы въ ней необходимую ломку, хотя-бы по заимствованному шаблону и съ предвзятыми мыслями. Такимъ реформаторомъ явился для нея ея-же, правда, воспитанникъ, митрополитъ Самуилъ Миславскій, а въ этомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ пригодился ему, по своимъ обширнымъ дарованіямъ и разностороннему образованію, окончившій теперь богословскія *studia* Иванъ Акимовичъ Фальковский.

29 ноября 1783 г. Кіевъ встрѣчалъ новоназначеннаго митрополита Самуила Миславскаго, бывшаго, какъ сказали мы, питомцемъ кievской академіи и прошедшаго въ ней всѣ наставническія должности. По тогдашнему обыкновенію, на пріѣздъ, какъ и другіе случаи въ жизни такихъ лицъ, независимо отъ ихъ личныхъ качествъ, писались воспитанниками академіи цѣлыя оды, панегирики и стихотворныя привѣтствія, мало выражавшія дѣйствительныя

чувства писавшихъ и представляющія массу напыщенныхъ фразъ, тщательно подобранныхъ метафоръ и сравненій и щедро нанизанныхъ вопросовъ и восклицаній, но за то служившія богатою почвою для риторическаго и пѣтическаго упражненія и лишь отчасти пробы самыхъ дарованій. Къ числу такихъ произведеній надо конечно отнести и то стихотворное привѣтствіе, которое изготовлено и произнесено было Иваномъ Акимовичемъ на встрѣчу митрополита Самуила. Вотъ оно:

Не се-ль я умными глазами
 Отверстый зрю судьбины храмъ,
 Владѣющій гдѣ небесами
 Отца опредѣляетъ намъ.
 И слышу въ восхищеніи странномъ
 Сіи слова отъ горнихъ силъ:
 Блаженъ ты, Кіевъ, несказанно,
 Когда твой пастыръ Самуиль!
 О, данный Богомъ намъ святитель!
 Ты нашъ Мойсей и Соломонъ!
 Ты россовъ мудрый просвѣтитель,
 Ты церкви храбрѣйшій Самсопъ!
 Да просвѣтится благодатный
 Въ тебѣ святая славы свѣтъ,
 И въ благоденствіи пріятный
 Да поживешь вѣкъ многихъ лѣтъ!

Привѣтствуя такъ новоизначеннаго митрополита отъ лица всей академіи, Иванъ Акимовичъ написалъ на тотъ-же случай стихи латинскіе, которые декламировалъ при встрѣчѣ одинъ изъ учениковъ). Это участіе Фальковского въ церемониальной встрѣчѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, не смотря на недавнее свое появленіе въ академіи, былъ выдающимся изъ числа ея студентовъ, и оно-же могло привлечь къ нему вниманіе новаго владыки. Предпринятая этимъ послѣднимъ всесторонняя реформа академіи должна была открыть Фальковскому поприще для приложенія тѣхъ познаній, которыя онъ съ такою ревностію старался приобрѣсть здѣсь и

1) Рукон. кіево-сѣф. соб., № 489.

за границую. Спустя два мѣсяца по прибытіи въ Кіевъ митрополита Самуила, Фальковскій, еще состоя студентомъ, былъ назначенъ учителемъ ариѳметики, что было въ обычаѣ того времени. „8 января (1784 г.), замѣчаетъ объ этомъ Фальковскій, я былъ введенъ отцемъ префектомъ въ ариѳметическій классъ; учениковъ было очень много, кажется, болѣе 200; ученіе происходило каждый день по одному часу“. Въ іюлѣ того-же года онъ успѣшно сдалъ, наравнѣ съ другими студентами, въ присутствіи самого митрополита, экзаменъ какъ по богословію, такъ и по другимъ предметамъ. Познанія его были столь разносторонни, что, при тогдашней потребности въ преподавателяхъ, мы видимъ только что окончившаго курсъ Фальковского переходящимъ отъ предмета къ предмету, отъ одной должности къ другой. Въ октябрѣ 1784 г. изъ временнаго лектора ариѳметики онъ былъ назначенъ учителемъ нѣмцы, въ 1785 году мы видимъ его учителемъ нѣмецкаго языка, а въ 1786 г. онъ получаетъ видное назначеніе „вышшаго класса грамматики учителемъ и академической бурсъ суперъ-интендентомъ“. Реформа Самуила облегчала молодому Фальковскому быстрый его ходъ. Она не по нутру приходилась тогдашней академической корпораціи, какъ не по нутру Самуилу была академія въ тогдашнемъ ея видѣ. Съ одной стороны Самуилъ, объѣхавъ предъ тѣмъ всю Россію, побывавъ въ Пестербургѣ и Москвѣ, видѣлъ новыя высшія и среднія учебныя заведенія и имѣлъ много данныхъ для сравненія, а сравненіе обазывалось не въ пользу *almae matris*, съ другой—къ реформѣ, вызванной прогрессомъ науки и потребностями времени, онъ видимо примѣпывалъ частію взглядъ ерсловной исключительности, по которому насильно привлекалъ въ общесловную академію всѣхъ дѣтей священно и церковно-служителей, а еще больше тенденціи руссификаціи заведенія, выросшаго на мѣстной почвѣ, слишкомъ мало еще тронутой для цѣлей объединенія. Вводя въ академическій курсъ новыя предметы, какъ всеобщую и естественную исторію, математику, архитектуру и живопись, отодвигая на задній планъ древніе языки и давая мѣсто и самую широкую постановку языкамъ новымъ, митрополитъ Самуилъ съ особенною силою налегалъ на изученіе русскаго языка, упрекая представителей тогдашней академической учености въ томъ, что они нисколько не заботятся о чистотѣ и правильности рѣчи и самаго выговора, мѣшая съ рус-

скими словами слова польскія и малороссійскія, даже латинскія, и часто придавая имъ самыя несвойственныя ударенія. Онъ съ одинаковою строгостію требовалъ „соблюденія выговора, каковъ употребляется въ Великороссіи“ какъ отъ учителей географіи и исторіи, такъ и отъ преподавателя французскаго языка; но для быстрого поднятія русскаго языка, повидимому, ничего большаго не могъ сдѣлать, какъ поручивъ преподаваніе російской поэзіи и элоквенціи студенту богословіи Дмитрію Снигиревичу и возлагая какъ будто всю надежду „на Правила поэзіи, напечатанныя въ Москвѣ и Ораторію господина Ломоносова“. Съ достаточнымъ резонномъ заявляли ему нѣкоторые изъ учителей академіи, что „своего малороссійскаго выговора они никакъ перемѣнить не могутъ“. Фальковскій не былъ зараженъ духомъ протеста, онъ покорно подчинялся волѣ реформатора и карьера его шла ровно и плавно; се подвинуло еще болѣе принятіе имъ монашества.

На этомъ шагѣ въ жизни Фальковскаго, который должно считать не менѣе важнымъ, какъ и вступленіе въ супружество, мы остановимся особо, такъ какъ онъ вводитъ насъ во внутренній міръ его, котораго мы не касались, слѣдя лишь виѣшнія перемѣны его жизни. Что привлекло молодаго учепаго, богато одареннаго, полнаго силъ и здоровья и такъ счастливо начавшаго свою служебную карьеру, на тѣсный путь иноческаго житія? Что толкнуло эту сильную, страстную, неудержимо кипучую и дѣятельную натуру въ такую сферу жизни, которая, повидимому, менѣе всего представляла простора для дѣятельности и влекла скорѣе къ подавленію или ограниченію его обширныхъ дарованій, нежели къ ихъ развитію? Ищемъ отвѣтовъ на эти вопросы въ его собственныхъ письмахъ и бумагахъ, которыхъ такую громаду онъ оставилъ по себѣ.

Находясь еще за границей, въ письмѣ своемъ къ Гр. Ив. Полетикѣ отъ 31 января 1781 г.¹⁾, оправдывая свой отказъ отъ принятія службы при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, Фальковскій писалъ такъ: „я, коротко сказать, приготовлялся къ учительству, а слѣдовательно, можетъ быть, и къ монашеству“. Но это писалъ 18-ти лѣтній юноша, смутно понимавшій жизнь, тосковавшій по родинѣ, жаждавшій ученія въ родной академіи, видѣвшій край своихъ желаній въ учи-

¹⁾ Рукоп. кіево-сѣф. соб., № 621.

тельствѣ въ ней, а учительство тамъ, въ большей части случаевъ, соединялось съ монашествомъ. Иначе онъ могъ говорить теперь, когда крайнія его мечты уже осуществились и, быть можетъ, выше его ожиданій. Правда печать религіознаго возбужденія, охватившаго душу Ивана Акимовича въ періодъ его сиротства и скитальчества за границей, ясно видна и на послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Все почти свободное отъ занятій время онъ посвящалъ на чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, а читалъ онъ много и скоро: бесѣды Златоуста на кн. Бытія прочтены были имъ въ три недѣли; весь Новый завѣтъ—тоже въ три недѣли ¹⁾). Въ кругъ ежедневной его жизни входили поклоны въ числѣ 100 и болѣе, чтеніе особиыхъ молитвъ, какъ „молитва ко пресвятой Богородицѣ противу страсти душевныя или тѣлесныя каковыя-либо“ ²⁾ и даже собственнаго сочиненія „стихи, отходя ко сну и раздѣваясь читаемыя“ ³⁾). Самая, такъ сказать, лира его (онъ писалъ много стиховъ) настроена была на тонъ религіозный и пѣла лишь о грѣхѣхъ, его губительныхъ послѣдствіяхъ и необходимости духовнаго возрожденія. Но религіозное настроеніе не было въ ту пору явленіемъ исключительнымъ, а въ людяхъ его происхожденія и профессіи даже очень обыкновеннымъ, однако оно не влекло за собою неизмѣнно принятія монашества, а было, такъ сказать, преобладающимъ колоритомъ жизни. Изъ сохранившихся въ подлинникѣ, въ числѣ 365, ежедневныхъ размышленій Фальковскаго на весь 1786 г., въ который онъ принялъ монашество, видно, что предъ принятіемъ онаго онъ стоялъ подъ самыми различными вліяніями: былъ обуреваемъ помыслами невѣрія, боролся съ естественными влеченіями молодого возраста, былъ подавляемъ сильною и давно зародившеюся страстію къ спиртнымъ напиткамъ, выслушивалъ „уговоры“ къ монашеству со стороны своихъ сослуживцевъ этого чина и наконецъ получалъ прямое о томъ предложеніе, всего вѣроятнѣе, со стороны благоволившаго къ нему и цѣнившаго его дарованія митрополита Самуила. Но „уговоры“ и предложеніе могли имѣть лишь внѣшнее и второ-

¹⁾ Рукон. киево-соф. соб. № 621. Изъ приложеннаго тамъ-же росписанія видно, что чтеніе велось утромъ, въ полдень и вечеромъ.

²⁾ Ibid. Здѣсь-же приведены «8 главныя сласти плотскія», которыхъ должно избѣгать.

³⁾ Ibid.

степенное значеніе, а помыслы невѣрія должны были влечь сомпѣвающагося въ совершенно противоположную монашеству сторону и, во всякомъ случаѣ, какъ явленіе случайное и преходящее въ молодомъ, пытливомъ умѣ, легко разбивались о теплую и глубокую вѣру, вынесенную Фальковскимъ изъ дѣтства и сохранившуюся во всей свѣжести среди скитальческой заграничной его жизни и ученія. Остается страсть къ пьянству, которую такъ горько оплакиваетъ въ своихъ размысленіяхъ Фальковский, называя ее бѣсовскою и восклицая: „подлинно, она есть источникъ моего горькаго несчастія!“ Отдавая полную дань глубокаго уваженія рѣдкой силѣ характера и дарованій Фальковскаго, какъ они развились впоследствии, и безпримѣрному его трудолюбію и плодотворной, разносторонней дѣятельности, мы склонны, по безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ жизни Фальковскаго, признать, что на упомянутой печальной почвѣ созрѣла собственная его рѣшимость принять монашество, на ней-же велись „уговоры“ и послѣдовало *предложеніе* о семъ, завершившее его собственную рѣшимость. Разнесшаяся еще осенью 1785 г. вѣсть о введеніи штатовъ въ малороссійскихъ монастыряхъ, послѣ котораго не будетъ дозволено принятіе вновь въ монашество, пока не будутъ размѣнены излишніе противъ штатовъ монахи, могла только ускорить рѣшимость Фальковскаго, но конечно не вызвать ее. Пагубная страсть, имѣвшая такое вліяніе на жизнь Фальковскаго, зародилась въ немъ, безъ сомнѣнія, еще во дни его ранняго сиротства и скитальчества за границею, быть можетъ, въ обществѣ сербскихъ студентовъ, отъ которыхъ въ свое время предостерегалъ его покойный его отецъ. Съ возвращеніемъ Ивана Акимовича на родину, съ вступленіемъ въ академію сперва въ качествѣ студента, а вскорѣ и учителя, она не могла быть ни подавлена, ни ослаблена, а только могла усиливаться и укрѣпляться подъ вліяніемъ окружающей его среды. Бражничанье, пьянство было преобладающимъ порокомъ тогдашняго общества; отъ него не свободна была и тогдашняя академія, и въ документахъ ея того времени можно найти много указаній на эту темную сторону ея жизни, на совершавшіяся въ средѣ усатыхъ студентовъ и монаховъ-учителей пьянственные оргіи. Академія далеко отошла теперь отъ общества, когда-то ее создаваго и лелѣваго, и жила теперь замкнутою жизнію. Вслѣдствіе измѣненія

политическаго и гражданскаго строя страны, въ обществѣ утратилась жизненная связь съ нею и сочувствіе къ ней. Прежнія средства ея истощались, новыя не притекали, въ средѣ учащихся и учащихъ царила бѣдность; студенты являлись предъ обществомъ въ качествѣ „мирщиковъ“, вертепщиковъ и странствующихъ учителей, ищущихъ средствъ къ продолженію ученія. Это была своего рода Сѣчь; въ нее стекалась всякая голода, а надъ нею носился духъ недавно уничтоженнаго Коша Запорожскаго, заканчивавшаго безцѣльные дни свои въ безпробудномъ пьянствѣ. Выпивка считалась удальствомъ, за которое и на этомъ мирномъ поприщѣ многіе поплачивались, какъ и на полѣ брани. Достоинно замѣчанія, что Фальковскій рѣшился, или-же объявилъ о своемъ рѣшеніи принять монашество „въ день ректорскихъ именинъ“ (19 ноября 1785 г.), кто знаетъ, быть можетъ послѣ обильнаго угощенія... Рѣшился, говорить онъ, „по уговору отца Анатолія и другихъ, а наипаче по причинѣ громкаго слуха о скоро имѣющемъ быть учрежденіи штатовъ для всѣхъ малороссійскихъ монастырей и о препятствіяхъ ко вступленію въ монашескій чинъ, вступить въ оный прежде сей съ монастырями перемѣны“¹⁾. Но этой рѣшимости предшествовала и ее сопровождала мучительная душевная борьба, имѣвшая главнымъ своимъ источникомъ ту-же злосчастную страсть. Въ упомянутыхъ уже нами молитвенныхъ размышленіяхъ, которыя Фальковскій писалъ утромъ и вечеромъ въ теченіе всего 1786 г. и которыя избралъ, между прочимъ, какъ средство для достойнаго приготовленія себя къ монашескому званію и укрѣпленія въ немъ, вырисовывается вся эта борьба, а въ ней, кромѣ одолевшающей страсти, проглядываютъ и другія побужденія, рѣшившія безповоротно судьбу этого мощнаго нравственнаго борца. Вотъ наиболѣе характерныя мѣста покаянныхъ размышленій²⁾. „Проходитъ жизнь моя въ безполезномъ смятеніи“..., „свѣдаютъ меня скука и печали“³⁾. „Тревожатъ меня беззаконныя мысли о невѣроятности того, что вѣра столь явно предлагаетъ“... „Я все ненавижу, какъ суетное и горькое“...

¹⁾ Рукоп. киево-соф. соб., VIII, 4, стр. 14.

²⁾ Размышленія эти въ рукоп. киево-соф. соб. VIII т. 4, стр. 25—275. Изъ сохранялась лишь одна половина. Изъ нѣхъ мы и заимствуемъ эти и дальнѣйшія выдержки и свѣдѣнія, считая лишнимъ дѣлать указанія страницъ.

„Нѣтъ лучше для *бѣднаго* человѣка, какъ надѣяться на Бога“... „Се убо, Владыко Сердцевѣдче, хочу я оставить змінную злобу свою силою Твоею, каятися о лютыхъ неправдахъ своихъ, сожалѣть о безмѣрномъ безуміи своемъ и идти во слѣдъ великой благодати Твоей, ведущей меня на покаяніе“... „Почто ты, о душе, представляешь себѣ тяжелымъ тотъ путь, который тебя къ *покаянію* ведетъ?“... „Долженъ-ли я убо прислѣпляться къ... суетнымъ благамъ, оставивъ одно вѣчносущное и верховное добро, которое есть Богъ?... Не лучше-ли оныя всё оставить, а сіе одно избрать, естли обоими вмѣстѣ наслаждаться не можно?“... „Почто убо я смущаюсь и сожалѣю, что состояніе иносеское, въ которое вступить я *предложеніе* имѣю, не принимаетъ сихъ, повидимому пріятныхъ, прелестей, но оныя для себя потерянными считаетъ, дабы пріобрѣсть Бога“... „Ввержень я былъ въ разныя безпокойства и мятежи, причемъ оставилъ было и уреченное свое правило и находился въ великомъ смущеніи ради многоаго обращенія съ людьми и многоаго питія“... „Ежели-бы излишество въ питіи и не разжигало души къ сладострастію, сжели-бы склонность къ пьянству и не была достойною презрѣнія и отвращенія; то однѣ болѣзни, одни неудовольствія, одна тяжесть и скука, происходящая отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкаго питія, должна-бы была отводить меня отъ стремленія сего—отъ сего безумнаго стремленія, съ которымъ я, послѣ толикихъ приготовленій къ воздержанію, согланаюсь обременять чрево и умъ вреднымъ питіемъ“... „Настаетъ священный день ¹⁾, и ты, непотребная душе! не воздыхаешь къ Богу, проведши цѣлый вчерашній день въ пьянствѣ и беззаконіяхъ“... „О, *бѣсовская* страсть! сколь люта ты! Свирѣцствуя *толикіе* годы въ сердцѣ моемъ, лишила ты меня и ума, и всего добра. Подлинно она есть источникомъ моего горькаго несчастія. Она осмѣляетъ меня и имя мое дѣлаетъ въ честности подозрительнымъ“ ²⁾... „Кто свободитъ меня отъ насильствія лютой страсти моей? Кто простретъ мнѣ руку помощи? Никто иной, развѣ милосердный Творецъ мой, вѣдающій и беззаконіе мое и сожалѣющій о несчастіи

¹⁾ Строки эти писаны въ воскресенье утромъ, какъ видно изъ сдѣланной самимъ Фальковскимъ пометы. Каждое «Размышленіе» его имѣетъ свою определенную дату.

моемъ. Господи! Ты видишь бѣду мою! Ты видишь, что нѣтъ никого толь скорого къ обремененію себя пьянствомъ, какъ я; Ты вѣдаешь, что безумное мое *мѣніе о крѣпости желудка моего* приноситъ мнѣ больше вреда, нежели я тѣлесно въ первые часы чувствую. Удержи убо мене отъ толикаго невоздержанія!“... „Свободи мя, Боже, отъ лютой страсти!“ „Не въ силахъ я своимъ трудомъ недугъ прогнать“...

Читая приведенныя выдержки душевной исповѣди Фальковского, можно-ли усомниться въ томъ, что не что иное, какъ борьба съ отравлявшею жизнь его страстію привела его окончательно къ монашеству, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на путь покаянія и средство избавиться отъ удручавшаго его недуга. Не иначе конечно смотрѣли на это дѣло и тѣ, что уговаривали его, и тотъ, кто предложилъ ему приять монашество: для нихъ недугъ Фальковского не былъ секретомъ и въ нихъ онъ могъ вызывать только чувство состраданія къ даровитому человѣку. Но недугующій, какъ и врачи его, ошиблись въ расчетахъ: усиденная келейная жизнь скорѣе могла поддерживать болѣзнь, требовавшую для ея лѣченія широкаго простора, свѣжаго воздуха, и злосчастному страдалцу приходилось еще долго, едва-ли не всю жизнь бороться съ неперестававшею угнетать его, хотя и ослабѣвшею отъ времени болѣзнію¹⁾. Кромѣ возникшаго, спустя нѣсколько лѣтъ, столкновенія его съ митрополитомъ Героосемъ, которое едва не погубило всей его карьеры, сохранилось преданіе, что когда Фальковский, въ послѣдніе годы своего коадьюторства въ Кіевѣ, въ день именинъ митрополита Евгенія, по обычаю того времени, послалъ ему въ подарокъ кулекъ съ нѣсколькими бутылками вина, то недолюбливавшій его и имѣвшій съ нимъ какіе-то счеты митрополитъ, возвращая подарокъ, сказалъ будто-бы посланнымъ: „отнесите это обратно вашему владыкѣ,—это ему можетъ быть болѣе пріятно (или пригодно), чѣмъ мнѣ“. Тѣмъ выше однако кажется намъ свѣтлый ликъ

¹⁾ Кромѣ *дѣли* съ м. Героосемъ, о которомъ дальше, уже въ 1805 г., встрѣчаются въ рукописи киево-софійскаго собора XIX, 1, замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «болень былъ отъ п(ятія) — съ 23 по 31 января»; «болень былъ отъ и(вогаго) пятія» (4—12 апр.) в т. л. (стр. 40).

Фальковскаго, не павшаго въ долгой и мучительной борьбѣ съ своею страстію, этимъ крестомъ его, *пикостникомъ плоти*, но, не смотря на то, совершившаго такъ изумительно много для академіи, которой онъ долго служилъ, для науки, которой онъ отдался весь отъ дней юности, для церкви, на служеніе которой онъ принесъ и свой неустанный трудъ, и живое свое слово, и толкованіе слова Божія, и изложеніе догматовъ вѣры. Какъ увидимъ впоследствии, столько не сдѣлали и болѣе блестящіе таланты, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ воспитанія, ученія и жизни. Но возвратимся къ самому факту поступленія Фальковскаго въ монахи.

Спусти около двухъ мѣсяцевъ послѣ изъявленія предъ кѣмъ-то „въ день ректорскихъ именинъ“ своего намѣренія поступить въ монахи, 11 генваря 1786 г. Фальковский представилъ митрополиту и самое прошеніе о постриженіи его въ монашество. Прошеніе, о которомъ конечно заранѣе зналъ митрополитъ, было благосклонно имъ принято; но престарѣлый и любознательный владыка возложилъ при этомъ на Фальковскаго характерное и полезное для обоихъ послушаніе, состоявшее въ томъ, что Фальковский долженъ былъ являться къ митрополиту по субботамъ вечеромъ „для чтенія ему въ своемъ русскомъ переводѣ примѣчанія достойнѣйшихъ статей изъ гамбургскихъ нѣмецкихъ газетъ, выписанныхъ тогда-же для академіи“. Послушаніе это, замѣтимъ мимоходомъ, длилось 8 лѣтъ и столько тяготило Фальковскаго впоследствии, что въ своемъ дневникѣ размышленій онъ просто называетъ его „бѣдственнымъ“. Изъ году въ годъ, еженедѣльно по субботамъ, Фальковский отправлялся въ софійскую резиденцію Самуила, читалъ ему выдержки изъ газетъ, оставаясь ночевать въ нижнихъ митрополичьихъ покояхъ, и только на самомъ разсвѣтѣ пріѣзжалъ обратно въ академию, правда, софійскимъ экипажемъ и лошадьми. Какъ ни затруднительно было, при усилившихся ученыхъ занятіяхъ Фальковскаго, столь долгое исполненіе такого послушанія, но несомнѣнно оно доставляло ему нѣкоторое развлеченіе и поддерживало расположеніе къ нему престарѣлаго владыки и снисхожденіе къ его слабости.

28 февраля 1786 г., въ первую субботу великаго поста ¹⁾, совершено было постриженіе Ивана Акимовича въ монашество.

¹⁾ Пестъ начался 23 февр.; Пасха была 12 апр.

„Постригалъ меня, замѣчаетъ онъ объ этомъ событіи въ жизни своей, въ кіево-братской богоявленской церкви самъ архимандритъ и ректоръ Варлаамъ такъ, какъ послушника сего монастыря своего, съ нареченіемъ мнѣ имени *Иринея*; а подъ мантіею меня велъ къ постригу, въ званіи духовнаго отца и наставника, префектъ и богословія учитель, Димитрій Устимовичъ“. Вечеромъ того-же дня Ириней ѣздилъ, по его словамъ, „съ приготовленіемъ въ рукоположенію во *іеродіакона*,... во всемъ новопринятомъ монашескомъ образѣ и въ мантіи, къ преосвященному митрополиту читать газеты; послѣ чего въ слѣдующій день, марта 1, былъ отъ него и во іеродіакона рукоположенъ“. Посвященіе въ іеромонаха совершено было въ день Пятидесятницы того-же года, слѣдовательно спустя три мѣсяца отъ постриженія въ монашество,—срокъ гораздо болѣе продолжительный того, какой теперь принять для такъ называемыхъ ученыхъ монаховъ.

Спустя 10 дней послѣ рукоположенія въ санъ іеромонаха (10 іюня), Ириней принялся за списываніе для себя „листоваго рукописнаго алфавитнаго Патерика“, даннаго ему для чтенія Димитріемъ Устимовичемъ, духовнымъ его отцемъ въ монашествѣ, не переставая, въ тоже время, писать и ежедневныя „размышленія“, законченныя лишь 12 апрѣля 1787 года. Какъ та, такъ и другая работа мало гармонировали съ постоянными научными занятіями Иринея и посѣщавшими его подѣ часъ *помыслими*; но таково было это феноменальное трудолюбіе и неустанная кипучая работа. Ириней нерѣдко списывалъ и такія произведенія, которыхъ печатные экземпляры находились у него въ бібліотекѣ.

IV.

Монашество, бывшее въ ту пору заурядною, такъ сказать, формою жизни для большинства служащихъ при академіи, не создавало для принимавшаго оное карьеры; но, благодаря личнымъ достоинствамъ Иринея, для всѣхъ очевиднымъ, и не смотря на коренной его порокъ, служба его, и по принятіи имъ монашества, не переставала быстрыми шагами подвигаться впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась и разнообразилась его дѣятельность въ званіи преподавателя академіи. 1 сентября 1787 года онъ назначенъ былъ учи-

телемъ поэзи, геометри, алгебры и архитектуры¹⁾; но вскорѣ ждало его другое назначеніе.

Преподаваніе высшей математики при самомъ его открытіи было поручено французу *Брульону*; но на преподавателей изъ иностранцевъ смотрѣли тогда неблагопріятно, опасаясь распространенія ими въ средѣ студентовъ вольтеріанскихъ и вообще атеистическихъ идей французскихъ энциклопедистовъ, которыя успѣли уже произвести броженіе умовъ современнаго русскаго общества²⁾. Митр. Самуилу хотѣлось имѣть контроль надъ Брульономъ. Онъ началъ съ того, что велѣлъ ему, въ виду слабаго знанія имъ русскаго языка, употреблять въ помощь себѣ при лекціяхъ одного изъ свѣдущихъ въ математикѣ студентовъ, а потомъ формально поручилъ Иринею, въ присутствіи префекта академіи, производить этотъ контроль два раза въ мѣсяцъ³⁾. Это взорвало Брульона, и онъ отказался отъ занимаемой кафедръ и поступилъ къ кому-то изъ мѣстныхъ обывателей простымъ домашнимъ учителемъ французскаго языка. На мѣсто Брульона былъ назначенъ Иринею Фальковский. Мы видѣли уже, съ какою ревностію и любовью изучалъ онъ цѣль математическихъ наукъ въ пресбургской гимназіи и офенскомъ университетѣ, какъ „любезному отчеству“ его „полезныя знанія“. Теперь же наконецъ открывалась для него и полная возможность пустить въ оборотъ запасъ своихъ математическихъ познаній, о чемъ онъ такъ страстно мечталъ еще на студенческой скамьѣ.

Надежды академіи на своего роднаго математика были блестящимъ образомъ оправданы имъ. Принявши на себя должность преподавателя математическихъ наукъ, онъ всю душу свою вложилъ въ новое дѣло и съ перваго же раза успѣлъ и съумѣлъ заохотить

¹⁾ «Акты кіево-бр. уч. мон. и ак.», т. III, № 105; см. рукоп. кіево-соф. соб., № 599, въ статьѣ «Описаніе ректоровъ кіевской дуковной академіи».

²⁾ Нѣсколько позже (въ 1794 г. 10 авг.) митр. петерб. Гавріилъ писалъ къ Самуилу: «Семинаристы ваши (здѣсь разумѣются воспитанники кіевской академіи и переяславской семинаріи) обучаются французскому языку; но, какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренныя пизъ нихъ знаніе сего языка злоупотребляютъ, мнѣ поручено вашему пресвященству писать, чтобъ благоволили сей классъ оставить»... 31 августа того-же года кафедра французскаго языка была совершенно упразднена въ академіи («Акты кіево-бр. уч. мон.», т. III, № 79).

³⁾ «Акты кіево-бр. уч. мон.», т. III, № 69.

студентовъ къ этому отвлеченному предмету. *Классъ математики*, посѣщаемый прежде очень немногими, сдѣлался впоследствии однимъ изъ многочислѣннѣйшихъ ¹⁾. „Замѣчательно, говоритъ одинъ изъ историковъ кievской академіи, что почти всякій изъ воспитанниковъ *Фальковскаго непременно отличный знатокъ математики* ²⁾. До чего самъ Ириней любилъ этотъ предметъ, видно изъ того, что, уже будучи впоследствии профессоромъ богословія и ректоромъ академіи, онъ рѣдко самъ являлся въ свободные часы въ *математическій классъ* для чтенія уроковъ. Впоследствии, будучи коадьюторомъ кievской митрополіи и живя въ кievо-михайловскомъ монастырѣ, пр. Ириней въ саду его, надъ скатомъ крутыхъ старгородскихъ горъ къ Днѣпру, устроилъ высокую бесѣдку, съ которой открывался обширный видъ на горизонтъ и на луговую сторону Днѣпра и Десны, и здѣсь просиживалъ долгіе часы съ телескопомъ въ рукахъ, съ любовью производя астрономическія наблюденія. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ издавалъ, при содѣйствіи студентовъ академіи, кievскіе календари ³⁾, а своими астрономическими наблюденіями, при отсутствіи людей свѣдущихъ, любилъ дѣлиться даже съ братією своего монастыря, что приводило иногда къ курьезамъ въ родѣ слѣдующаго. Наблюдая однажды довольно рѣдкое и интересное небесное явленіе, пр. Ириней, въ восторгѣ отъ своего открытія, спѣшитъ изъ сада, чтобы распорядиться собрать братію для участія

¹⁾ Въ 1803 г. въ этотъ классъ было уже 127 учениковъ, а въ 1811—309 (Булгаковъ. «Ист. кievск. акад.», стр. 152).

²⁾ «Кievъ съ его древн. учл.», т. II, стр. 541.

³⁾ Въ рукописи кievо-софійскаго собора, № 582, сохранились «Кievскіе Мѣсяцесловы» на 1799 и 1800 г. и «Составленіе корня солнечныхъ движеній» на 1801 г., съ помяткою, что вычисленія для нихъ сдѣланы преподавателями и студентами академіи (подъ каждымъ мѣсяцемъ подписаны имена двухъ составителей). Въ той-же рукописи помѣщены собственноручно переписанныя самимъ Фальковскимъ: «Таблицы епакталныя астрономическія парижскія», «Таблица логистическихъ логарифмовъ» съ замѣткою *De logarithmis logisticis*, «Таблицы астрономическія Делагирова, выданныя въ Парижѣ 1735 г.», «Таблицы астрономическія, напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ 1791 году при второй части навигаціонныхъ изслѣдованій г-на Безу», «Показаніе теченія луны на с.-петербургскомъ меридіанѣ въ полночь 1798 г.», «Вычисленіе истиннаго мѣста луны въ полночь 1798 г.» и «*Tractata astronomica*»; послѣднія писаны на латинскомъ языкѣ съ прекрасно и изящно выполненными самимъ-же Фальковскимъ чертежами.

въ наблюдѣніи. Собралась братія, и стали всё по чину и порядку. Преосвященный сдѣлалъ предварительное объясненіе наблюдаемому явленію, а затѣмъ предложилъ братіи поочередно смотрѣть въ телескопъ. Подошелъ *наместникъ* и, посмотрѣвъ въ трубу, воскликнулъ:

— Дивна дѣла Господня, вапе преосвященство!

— Дивна дѣла Господня, вапе преосвященство!—сказалъ, въ свою очередь, *ризничій*, уступая мѣсто *казначейу*...

Тоже самое продѣлывалъ и каждый слѣдующій астрономъ. Наконецъ подходитъ послѣднимъ одинъ изъ послушниковъ.

— Дивна дѣла Господня, вапе преосвященство!—говорить и онъ, оставляя постъ наблюдателя и отвѣщая пресвященному низкій поклонъ, — „только... въ трубу-то ничего не видно“.

Оказалось, что преосв. Ириней, увлекшись предварительными объясненіями, забылъ свѣтъ крышку съ телескопа.

Отъ времени преподаванія Иринеємъ смѣшанной математики, осталось имъ составленное и его рукою писанное руководство по этому предмету, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „*Сокращеніе смѣшанной математики, разделенное на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ механику, гидростатику, аерометрію, гидравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу; а другая— тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, хронологію, космологику, пиротехнію, архитектуру гражданскую и военную, собранное изъ разныхъ авторовъ въ пользу кievскаго академическаго юностива, въ Кіевѣ, 1793 г.*“¹⁾. „Сокращеніе“ снабжено самымъ безукоризненнымъ образомъ исполненными рукою Иринея рисунками и чертежами, и, по всему видно, готовилось авторомъ къ печати, хотя и не вышло въ свѣтъ по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ.

Изъ другихъ трудовъ его въ области математики можемъ указать еще на „*Новое краткое руководство къ ариметикѣ, соединенное съ начальною алгеброю. Ярославль. 1812 г.*“²⁾. „Руковод-

¹⁾ Рукоп. кievо-соф. соб., №№ 580 и 581. Здѣсь же «*Elementa Physicae*» (68 §§ и начало 69) и «*Краткое обозрѣніе естественной исторіи*».

²⁾ Рукоп. кievо-соф. соб., № 578.

ство“ также, очевидно, готовилось къ печати; но переписаны только первые три главы.

Нѣсколько раньше, въ 1797 г., вышло въ свѣтъ „Сокращеніе церковной хронологіи, называемой наукою о исхаліи“. Руководство отличается замѣчательною практичностью. Каждое правило, каждое положеніе сопровождается примѣрами и задачами съ весьма подробными и обстоятельными объясненіями.

Кромѣ того въ „Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто отъ Рождества Христова 1800-е“¹⁾ предложенъ главнымъ редакторомъ его (т. е. архимандритомъ *Принесемъ Фальковскимъ*) „Новый способъ скорого ссыкиванія вручьныхъ и златыхъ чиселъ во асякомъ данномъ году“²⁾.

Изобрѣтательный умъ Фальковского, стремившійся во всемъ быть самостоятельнымъ, сдѣлалъ открытіе и въ области ариметики; въ его рукописяхъ находимъ „Новый способъ дѣленія смѣшанныхъ дробей, сысканный 1-ю декабря 1798 г.“³⁾. Состоятъ онъ въ томъ, что *смѣшанныя дроби дѣлятся безъ обращенія ихъ предварительно въ неправильныя*. Интересующіеся этимъ свѣдѣніемъ простымъ опытомъ могутъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли при этомъ способѣ, какъ говорить его изобрѣтатель, *дѣленіе значительно сокращается, если знаменателями дробей будутъ числа многозначныя*.

Поэзію Иришей читалъ до 1793 $\frac{1}{2}$, учебнаго года включительно, и читалъ ее по руководству какого-то прежняго преподавателя,

¹⁾ Ся. рукопись кіево-софійскаго собора № 378. Онъ былъ и отпечатанъ въ типографіи кіевской академіи при кіево-печерской лаврѣ. Въ настоящее время онъ, какъ и календари на другіе годы, представляетъ собою драгоценную библиографическую рѣдкость. Такъ календари, на 1798 и 1799 гг. (съ историческими статьями), названія *Иришей* хранятся въ с.-петербургской императорской библиотекѣ (см. «Справ. слов.» Геннада); пять экземпляровъ «Кіевскаго Мѣсяцеслова на лѣто отъ Р. Х. 1798-ое» намъ удалось розыскать въ библиотекѣ кіево-печерской лавры (№№ 184—190). Филаретъ, архіеп. черниговскій, приписываетъ еще Иришею и «Кіевскій Мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1797-ое» (см. «Обз. дух. лит.», изд. 2, кн. 2, стр. 210).

²⁾ Рукоп. кіево-соф. соб. № 378, стр. 40—44.

³⁾ Рукоп. кіево-соф. соб. № 582, стр. 68.

вѣроятно *Георія Комисскаго* ¹⁾). Изъ самостоятельныхъ трудовъ его по преподаванію этого предмета сохранились въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора разныя практическія работы, какъ образцы различнаго рода поэтическихъ произведеній. Таковы: „*Молитва ко пресвятой Богородицѣ*“ (1 янв. 1789 г.), *Похвалныя и молитвенныя четверостишія ко преса. Днѣв Богородицѣ*“ (на каждый день января мѣсяца 1789 г.) ²⁾ и особо озаглавленныя: „*Поитическія диктанты*“ (*Exercitia Poetica*) 1791 и 1792 г. ³⁾. Въ составъ послѣднихъ входятъ: „*Exercitia grammatica*“ (6), „*Exercitia poetica*“ (8) и „*Стихи російскіе изъ предложеній*“ (18). Мы не будемъ ни входить въ разборъ этой утратившей значеніе работы, ни приводить изъ нея выдержекъ, для современнаго слуха скучныхъ и утомительныхъ.

Замѣтимъ лишь вообще, что „*Exercitia poetica*“ и „*Occupationes poeticae*“ представляетъ собою родъ священныхъ гимновъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень близко подходятъ къ подобнымъ-же гимнамъ Ломоносова (каковы гимны его: „*Размысленіе о Божіемъ величествѣ по случаю сѣвернаго сіянія*“, „*Утреннее*“ и „*Вечернее размысленіе о Божіемъ величествѣ*“ и т. п.) и являлись результатомъ вліянія этого колосса своего времени на кіевскихъ лириковъ. Къ чести Иривея сказать можемъ, что его гимны признаются лучшими образцами произведеній этого рода въ старой кіевской академіи ⁴⁾.

Другія произведенія Иривея этого рода представляютъ собою простое переложеніе псалмовъ (сначала на латинскій языкъ, а затѣмъ на русскій), въ которомъ мысль робко и рабски слѣдуетъ въ своемъ раскрытіи шагъ за шагомъ за оригиналомъ.

„*Стихи російскіе изъ предложеній*“ (18) написаны на отдѣльные стихи псалмовъ, и представляютъ собою болѣе или менѣе

¹⁾ Ся. рукоп. кіево-соф. соб. № 489. Сохранилось и самое это руководство, переписанное *отцомъ Иривеемъ* (ся. рукоп. кіево-соф. соб. № 582, стр. 122), а не неизвѣстною рукою, какъ думаетъ проф. прот. Скворцовъ въ своей «Хроникѣ».

²⁾ Рукоп. кіево-соф. соб. VIII. 3.

³⁾ Рукоп. кіево-соф. соб. № 489. Имъ предшествоуютъ «*Oratio initio lectionum poetiarum Augusti 26 die anno 1791-mo dicta*».

⁴⁾ Ся. «Труды кіевск. дух. акад.» 1867 г., т. I, стр. 89—90, статья Н. Н. Петрова: «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіев. акад. отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.»

свободное выражение навѣянныхъ ими на писавшаго религіозно-нравственныхъ мыслей ¹⁾).

Въ связи съ этими трудами Ириней стоитъ учрежденіе имъ „Вольнаго Пѣтлическаго Общества“, и это надо признать довольно важною услугою Ириней для кievской академіи. Общество съ столь громкимъ названіемъ было не что иное, какъ студенческая читальня. Сохранился уставъ общества, писанный рукою Ириней. Каждый изъ желающихъ вступить въ общество студентовъ, внеся одинъ рубль, имѣлъ право пользоваться книгами, выписанными на складочныя деньги. На первый разъ записалось 80 членовъ и книгъ куплено на 80-же рублей. Польза такого учрежденія очевидна, а самая мысль о немъ въ то время достойна примѣчанія. Остается пожалѣть только, что объ операціяхъ его и о его состояніи въ послѣдующее загѣмъ время свѣдѣній не сохранилось въ нашихъ рукописяхъ.

4 августа 1793 года Ириней назначенъ былъ преподавателемъ философіи ²⁾, оставаясь на этой кафедрѣ до сентября 1795 г., но свѣдѣній объ этомъ періодѣ его преподавательской дѣятельности не сохранилось почти никакихъ. Извѣстны только три вступительныя лекціи на латинскомъ языкѣ, по философіи, 1793 г., 1794 и 1795 г., а также философскіе тезисы для диспутовъ 1794

¹⁾ Ibid. loco cit. Изъ другихъ *упражнений* Ириней quasi-поэтического характера можно указать еще: 1) «Versus gratulatorii» (на лат. яз.) митр. Самуилу (рукоп. кievо-соф. соб. № 618, «Ехегс. роѣт.» 1792 г.), 2) «Carmen rapedugicum» (тоже на лат. яз.) на прибытіе м. Героею въ Кіевъ въ маѣ 1796 г., 3) нѣсколько эпиграммъ м. Героею, 4) латинскіе стихи на прибытіе ямп. Павла I въ Кіевъ (сост. 21 февр. 1798 г.), 5) латинская ода на тотъ-же случай (сост. 14, 15 и 18 марта того-же года), 6) «Epigrammata in laudem Pauli 1-mi etc. (сост. 19 мая того-же года), 7) 30 практическихъ афоризмовъ на французскомъ языкѣ (рукоп. кievо-соф. соб. № 580; въ формѣ двуступий и четвероступий; за ямп. помещена 100 басень Эзопа на французскомъ-же языкѣ), 8) четыре книги практическихъ-же афоризмовъ (тоже въ формѣ двуступий и четвероступий) на нѣмецкомъ языкѣ (въ 1-й кн. 40 афоризмовъ, во 2-й—31, въ 3-й—25, въ 4-й—34; см. *ibid.*) и наконецъ 9) «Стихи изъ райскихъ цѣлтовъ», написанные въ кождѣ 1791 г. (см. рукоп. кievо-соф. соб. № 489, «Ехегс. роѣт.»).

и 1795 г. ¹⁾), Отсутствіе впрочемъ болѣе или менѣе капитальныхъ трудовъ Иринея по философіи можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эти-же самые годы онъ читалъ еще въ высшихъ классахъ любимѣйшій предметъ свой—*чистую математику*, на которую, вѣроятно, и обращалъ исключительное вниманіе.

У.

Перебѣнивъ въ короткое сравнительно время столько кафедръ и обнаруживъ въ каждомъ изъ предметовъ, которые были поручаемы ему для преподаванія, солидныя познанія, самостоятельную обработку и блестящее изложеніе, 3 сентября 1795 г. Иринею по избранію академической корпораціи былъ назначенъ „въ должность префекта и богословія учителя“. Это былъ послѣдній знакъ вниманія и расположенія къ нему митрополита Самуила ²⁾), вскорѣ потомъ скончавшагося. Назначеніе было принято съ восторгомъ какъ самымъ Иринеємъ, такъ, можно думать, и новыми его слушателями. Должность впрочемъ префекта въ томъ-же году, по желанію-ли самого Иринея, или помимо его воли, въ виду извѣстной его слабости, была передана другому лицу, но кафедре богословскую онъ занималъ много лѣтъ и читалъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что и среди постигшей его передряги служебной считался не замѣняемымъ. Объ ученыхъ его трудахъ по богословію скажемъ ниже, а пока коснемся нѣкоторыхъ вѣдшихъ обстоятельствъ въ его жизни и службѣ.

Въ 1798 году Иринею получилъ первую награду—титулъ *соборнаго іеромонаха* въ кіево-печерской лаврѣ, точнѣе его содержаніе ³⁾), а въ 1799 году, помимо митроп. Іероевскаго и не по вкусу ему, былъ назначенъ черниговской епархіи второкласснаго гамалѣвскаго монастыря настоятелемъ, съ производствомъ въ санъ архимандрита, и съ оставленіемъ при академіи въ учительской должности по прежнему ⁴⁾). Но, спустя мѣсяца два послѣ этого, Иринея

¹⁾ Рукоп. кіево-соф. соб., № 489.

²⁾ «Акты кіево-бр. учл. мон. и акад.», т. III, № 85.

³⁾ Рукоп. кіево-соф. соб., № 582.

⁴⁾ «Акты кіево-бр. мон. п акад.», т. III, № 107.

постигла служебная передрыга, которой, при его слабости, давно можно было ожидать и которая едва не погубила его карьеры, а академію едва не лишила одного изъ лучшихъ ея представителей. Основа передрыги ¹⁾ лежитъ несомнѣнно въ удручавшей Иринея слабости, а поводомъ къ ней послужило мелочное обстоятельство, никакого повидимому отношенія къ Иринею не имѣвшее. Дѣло въ томъ, что въ митрополичій хоръ, въ число его пѣвчихъ, взятъ былъ одинъ изъ мальчиковъ, обучавшихся въ низшихъ классахъ академіи, и порученный родителями особому надзору студента богословія Семена Романовскаго. Подобная вербовка тогда и долгое время потомъ была дѣломъ обыкновеннымъ и не вызывала ничего протеста; на кого падалъ выборъ регента, тотъ долженъ былъ идти въ пѣвчіе, хотя ученіе для такого совѣтъ почти пропадало. Взятый теперь мальчикъ былъ вѣроятно сынъ достаточныхъ родителей; во всякомъ случаѣ безъ ихъ воли репетиторъ не рѣшался отпустить его, а можетъ быть съ отпускомъ его опъ и самъ лишился гонорара за репетиціи, входившаго въ бюджетъ его содержанія. По мальчикъ взятъ насильно, или безъ вѣдома репетитора. Послѣдній, видно, былъ неробкаго десятка, — онъ отправился въ домовую митрополичью церковь и за службою церковною требовалъ мальчика обратно. Произошло рѣзкое препирательство между репетиторомъ и регентомъ. Послѣдній сослался на распоряженіе митрополита, а репетиторъ вапрямикъ отвѣчалъ, что митрополитъ не имѣетъ на это права, такъ какъ мальчикъ не его, а брацлавской епархіи. Онъ старался даже проникнуть въ митрополичьи покои и настаивалъ, чтобы его допустили до самого митрополита. Узнавши обо всемъ этомъ, митроп. Герошей приказалъ Иринею „сдѣлать студенту и слушателю его Романовскому выговоръ въ богословскомъ классѣ въ присутствіи префекта академіи Иннокентія“. Но Иринея не только не исполнилъ даннаго ему лично приказанія, но вечеромъ того-же дня написалъ митроп. Герошею слѣдующее, замѣчательное по содержанію своему письмо:

1) Объ ней «Кіевъ» съ его древи. учил., кн. II, стр. 404; самое дѣло см. ibid. стр. 404—406; подробности—«Кіевск. Епар. Вѣдом.», 1874 г., стр. 235—245, замѣтка проф. Ст. Т. Голубева.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
милостивый архипастырѣ!

„Вслѣдствіе словеснаго повелѣнія вашего высокопреосвященства, объявленнаго миѣ сегодня поутру, по коему долженъ былъ я въ богословскомъ классѣ, въ присутствіи академіи префекта, учинить публичный выговоръ за нанесенное нѣкоторымъ изъ дому вашего высокопреосвященства оскорбленіе, студенту богословіи Семену Романовскому, приѣмлю смѣлость вашему высокопреосвященству никакъ донести, что какъ оный студентъ Романовскій не признаетъ себя виновнымъ въ возлагаемомъ на него преступленіи, а все донесенное о немъ вашему высокопреосвященству приписываетъ дѣйствіямъ клеветы и желаетъ, чтобы дѣло его разсмотрѣно было надлежащимъ порядкомъ и по оному-бы рѣшенію было учинено: то я, не смѣя поступить противу обязанностей, коими обязанъ учитель къ ученикамъ, также и противу важности богословскаго класса, который есть истинно святилище Божіе, подобно храмамъ Его, поелику въ немъ единый всѣхъ учитель Христосъ всегда невидимо, какъ ми вѣруемъ, чрезъ особливую благодать присутствуетъ и какъ въ собственномъ Своемъ классѣ всѣмъ слово Свое святое внушаетъ, а потому ни тѣлесныя наказанія, ни шумные человѣческіе выговоры не должны въ немъ имѣть мѣста: ибо инако сдѣлался-бы онъ изъ храма Божія *вертепомъ разбойниковъ*: никакъ не прошу вашего высокопреосвященства: 1) Указомъ изъ дикастеріи всѣ изслѣдованія ученическихъ проступковъ и слѣдующія по онымъ указныя наказанія отъ сего священнаго класса навсегда отдѣлить; поелику чрезъ оныя и время отъ священнаго ученія отниматься и вниманіе студентовъ къ Божіему слову бесполезно разстраиваться будетъ; а напротивъ того всѣ оныя изслѣдованія и наказанія приказать дѣлать или въ академическомъ правленіи (которое для того и слѣдовало-бы особливымъ указомъ по надлежащему учредить), или въ особомъ какомъ публичномъ собраніи либо всей академіи, либо нѣкоторой части, смотря по важности вины. 2) Въ случаѣ другихъ какихъ-нибудь нужныхъ по классамъ объявленій, если не угодно будетъ вашему высокопреосвященству одному миѣ въ точномъ исполненіи оныхъ учинить довѣренность, приказать приходить со мною въ классъ ректору академіи для свидѣтельства, а не

префекту, коему въ классъ мой для смотрѣнія ходить не слѣдуетъ.

3) Дѣло прописаннаго студента Романовскаго низжайше прошу приказать разобрать либо въ академическомъ правленіи (въ которомъ по симъ и другимъ причинамъ слѣдовало-бы и мнѣ присутствовать), либо въ другомъ мѣстѣ, а слѣдствіе онаго указомъ въ академіи публиковать для предостереженія всѣхъ прочихъ отъ подобныхъ преступленій. Наконецъ заклинаю ваше высокопреосвященство именемъ Божиимъ безъ гнѣва выслушать слѣдующее: какимъ образомъ православная наша богословія не признасть непогрѣпительности римскихъ папъ (*infallibilitatem*), такъ равно не признасть она непогрѣпительности и православныхъ епископовъ или патріарховъ; она велитъ и самыхъ святыхъ отцовъ мнѣнія съ словомъ Божиимъ сносить и по довольномъ изслѣдованіи оныя одобрять или оуждать; а посему и неудивительно, естли студенты богословіи, кои нынѣ по указу святѣйшаго синода слушаютъ Корчюю, начнутъ иногда по церковнымъ оной книги правиламъ разсуждать о правахъ и власти епископовъ, да и разсужденіе таковое запрещено имъ быть не можетъ; а какъ при томъ богословскіе православные классы составляютъ духовное церкви Христовой воинство, отъ коего она всей защиты и безопасности ожидать должна, то я и пропу низжайше ваше высокопреосвященство, какъ православнаго церкви нашей архипастыря, къ священному сему классу обязывать болѣе уваженія и благоволенія, нежели сколько враги православія, или несмысленныя церкви чада желаютъ; а потому и низжайшія наши *предложенія* или мнѣнія, яко происходящія отъ усерднѣйшихъ какъ о временномъ благосостояніи, такъ и о вѣчномъ спасеніи вашего высокопреосвященства помысленія, милостивѣйше принимать, а иногда отъ насъ и требовать оныхъ; ибо кто можетъ во всей епархіи пристойнѣе, свободнѣе и способнѣе насъ оныя въ затруднительныхъ случаяхъ подавать? Мнѣнія православныхъ богослововъ требуетъ и часто принимаетъ самый святѣйшій синодъ; поелику великая часть времени снята съ епископовъ и сложена на нихъ, и притомъ собственная ихъ должность есть та, чтобъ въ словѣ Божіемъ день и ночь упражняться и всѣ изъ онаго почерпаемая наставленія всей Христовой церкви свободно, то есть безъ страха и стыда, проповѣдывать по онымъ Давидовымъ словамъ: „глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари, и не стыдяхся“.

Препоручаю въ прочемъ всего себя высокимъ вашимъ архипастырскимъ милостямъ, благоволенію и святительскому благословенію“.

1799 года, марта 21 дня.

(Обычная подпись).

Трудно понять, писано-ли это письмо подъ вліяніемъ возбужденія темными сторонами всего происшествія, явилось-ли оно, какъ послѣдствіе всегда нѣсколько мечтательнаго настроенія Ириней и такого-же представленія его о священномъ значеніи его класса, его отношеній къ ученикамъ и какихъ-то идеальныхъ правъ православныхъ богослововъ, было-ли оно плодомъ того особаго возбужденія, въ которое приводила Ириней его гибельная страсть, или тутъ соединились и обстоятельства происшествія, и обычная настроенность Ириней, и его личныя отношенія, и даже это особое возбужденіе... Какъ-бы ни было, приведенное письмо не могло не взволновать престарѣлаго митрополита; въ особенноти его оскорбило употребленное Иринеемъ заклинаніе его именемъ Божиимъ. Дождавшись утра, Героеей передалъ письмо въ консисторію, приказавъ запиской секретаря вызвать архим. Ириней въ присутствіе, потребовать отъ него объясненіе въ оскорбительномъ тонѣ и содержаніи письма и, записавъ все въ журналъ, заготовить отъ имени его митрополита дописаніе въ сиподъ, съ приложеніемъ письма Ириней и „прописаніемъ“ всей невоздержной его жизни и соблазнительныхъ поступковъ, о которыхъ его высокопреосвященству и всей академіи довольно извѣстно“. Въ тотъ-же день получена въ правленіи академическомъ и самая „секретарская записка“. Ириней возмутило это требованіе „заразъ“ явиться въ полное присутствіе кievской дикастеріи, которой подсуднымъ или подчиненнымъ онъ не считалъ ни себя самого, ни тѣмъ болѣе академіи. На самой запискѣ Ириней отвѣчалъ, что какъ архимандритъ онъ принадлежитъ другой епархіи, какъ не членъ кievской консисторіи быть въ присутствіи оной основанія не имѣетъ, объ отношеніяхъ-же своихъ къ ней по дѣламъ академическимъ никакихъ указовъ и резолюцій не получалъ, а потому и считаетъ себя обязаннымъ являться лишь лично преосв. митрополиту. Но митрополитъ письменно чрезъ ту-же консисторію пригрозилъ ему болѣе строгими мѣрами, и Ириней покорился. Въ назначенный день и часъ онъ явился въ присутствіе консисторіи

и тамъ объявилъ, что письмо писано имъ и что „упоминаемое въ немъ заклинаніе онъ считаетъ дѣйствіемъ благочестивымъ, а ежели какъ то, такъ и остъ прочія онаго письма выраженія почитаются оскорбительными, то онъ признаетъ себя въ томъ виновнымъ и обязывается испросить“ у оскорбленнаго митрополита прощеніе. Повинная Ириней не принята, его объясненіе занесено въ журналъ, а по этому послѣднему составлено и послано отъ имени митрополита донесеніе въ св. синодъ, съ приложеніемъ въ подлинникѣ письма Ириней.

Въ донесеніи своемъ митрополитъ, обвиняя Ириней, безъ указа какихъ либо данныхъ, въ подстрекательствѣ студента Романовскаго къ оказанной имъ дерзости, а равно въ присылкѣ ему, митрополиту, оскорбительнаго пшьяма, доказываетъ незаконность и несообразность высказанныхъ Иринеемъ въ письмѣ желаній, указываетъ на ослушаніе его консисторскому указу и, какъ на крайнюю для себя обиду и поруганіе его сана и лѣтъ, на употребленіе Иринеемъ заклинанія его именемъ Волимъ, а въ заключеніе выставляетъ во всея, такъ сказать, наготѣ несчастную страсть Ириней, его „налогъ“ и „напой“, по причинѣ котораго „нерѣдко въ теченіи года недѣль по двѣ и болѣе не бывалъ въ своемъ классѣ, присовокупляя къ шьянству и другіе крайне соблазнительныя поступки, и отъ котораго истрезвляемъ былъ удаленіемъ съ нарочными изъ академіи въ принадлежащій ей загородной дворъ“. Прибавляя наконецъ, что отважность Ириней сдѣлалась въ академіи гласною и его, митрополита, честь страждетъ напрасно, Герошей просилъ „его отъ таковыхъ поношеній защитити, архимандрита Ириней за вышеписанные дерзостныя поступки усмирить и въ страхъ другимъ не только отъ должности учительской отрѣшнить, но и изъ евархіи кievской исключить“.

„Довошеніе“ это было отправлено 29 марта 1799 г. Въ тотъ-же день (до или послѣ отправки, не знаемъ) Ириней представилъ митрополиту прошеніе, въ которомъ, признавая всю свою вину и обѣщая полную покорность и совершенное исправленіе, просилъ все „по оному письму происшедшее прекратить и, даровавъ всѣмъ въ семь дѣлъ виновнымъ всеобщую амнистію, оное совершенному и всегдашнему забвенію предать“.

Потребовалось около 3-х мѣсяцевъ, пока это прошеніе, подкрѣпленное, можетъ быть, неоднократными личными просьбами и какими либо ходатайствами, возымѣло наконецъ желаемое дѣйствіе. Въ то время, когда со дня на день надобно было ожидать синодальнаго указа по первому донесенію митроп. Героева, 20 іюня онъ отправилъ второе съ горячимъ ходатайствомъ объ Иринеѣ. Митрополитъ писалъ въ синодъ: „предпочитая общественную пользу своей обидѣ, покорнѣйше прошу, освободивъ архимандрита Иринея отъ дальнѣйшихъ послѣдствій, *оставить по прежнему при академіи, яко такова человека, который по своимъ дарованіямъ для оной нуженъ и полезенъ*“.

По спустя три дня послѣ этого получено рѣшеніе синода по первому донесенію. Указомъ синодальнымъ предписывалось: архимандрита Иринея, по испрошеніи имъ прощенія у митрополита и взятіи съ него въ консисторіи подписки въ безпрекословномъ повиновеніи властямъ, „отрѣша отъ исправленія въ академіи должности богословія учителя, а равно и отъ управленія... гамалѣвскимъ монастыремъ, опредѣлить въ учрежденную въ Москвѣ для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, до церкви и ученій церковныхъ касающихся, комисію членомъ съ жалованьемъ *по писаномъ рублей* въ годъ и туда отправить его съ паспортомъ по надлежащему“.

Митрополитъ велѣлъ дикастеріи помедлить исполненіемъ присланнаго указа и, въ ожиданіи поваго, уполномочилъ Иринея продолжать службу при академіи. Съ синоду вѣроятно извѣстны были не одни выдающіяся дарованія Иринея, но и удручавшая его болѣзнь, и ничего невозможнаго нѣтъ въ томъ, что члены синода взглянули на оскорбленіе причиненное митрополиту Иринею, какъ на случайное проявленіе этого несчастнаго недуга. Во всякомъ случаѣ новое рѣшеніе синода не только было человеколюбиво, но какъ-бы превышало ходатайство митрополита: Иринея не только оставленъ по прежнему при академіи въ должности учителя богословія, но за переводомъ питата гамалѣвскаго монастыря на кіевс-братскій¹⁾

¹⁾ Указомъ имп. Екатерины II отъ 10 апр. 1768 г. (см. «Полное собр. зак.», т. XXII, № 16375) Киево-братскій училищный монастырь упраздненъ и обращенъ въ военный госпиталь, по положенію. По поводу этого распоряженія Фальковский замѣчаетъ: «мы были подобны онымъ сынамъ Израиля, кои воспѣвали:

назначенъ архимандритомъ и настоятелемъ сего послѣдняго. Указъ полученъ въ началѣ августа.

Такъ окончилось, къ общему удовольствію, *дѣло* архимандрита Ириней съ митроп. Іероосемъ. Любимый студентами профессоръ не былъ оторванъ отъ академіи и явился настоятелемъ монастыря, въ которомъ она издавна ютилась и съ которымъ была въ неразрывной связи; такимъ образомъ Ириней, и не нося оффиціально званія ректора, какъ по іерархическому сану своему, такъ равно и по вліянію на дѣла академическія, становился ближайшимъ блюстителемъ кіевскихъ школъ. Отъ самого-же *дѣла* остались горькій жизненный опытъ да подписка Ириней въ безусловномъ послушаніи начальству¹⁾. Независимо отъ сего происшедшая съ нимъ передрага, произведши сильное нравственное потрясеніе во всемъ существѣ Ириней, имѣла благодѣтельныя для него послѣдствія. Жизнь его, съ этой поры, носитъ печать замѣчательнаго подвижничества, перешедшаго впослѣдствіи въ строжайшій аскетизмъ. День обыкновенно начиналъ онъ горячею молитвою съ „метаніями“ и заканчивалъ такую-же молитвою съ новыми „метаніями“, доходившими отъ 150 (рѣдко) и до 700 въ день. Остальное время дня онъ проводилъ въ чтеніи св. писанія ветхаго и новаго завѣтовъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ чтеніи отеческихъ твореній, нѣмецкихъ комментаторовъ св. писанія (въ подлинникѣ), въ списываніи и составленіи ученыхъ изслѣдованій и въ хлопотахъ по дѣламъ ввѣреннаго его управленію кіево-братскаго монастыря. Пиццою довольствовался самою скудною; „кашица съ картофелемъ“—вотъ вся его пища, а весьма часто онъ довольствовался „сухояденіемъ“. Дни, въ которые Ириней съѣдалъ „булку“, записывались имъ, какъ дни особенные. Чай являлся роскошью, которую Ириней позволялъ себѣ только *въ* гостяхъ и *при* гостяхъ²⁾. До чего доходили заботы его о душѣ, можно видѣть изъ тѣхъ замѣтокъ, какія велись имъ въ это время. Онъ съ математическою точностію отмѣчалъ даже

на рѣкахъ вавлонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ» (см. рукоп. кіево-соф. соб. VIII, 4). Но въ 1799 г. кіево-братскій монастырь былъ восстановленъ въ штатное положеніе 2-го класса, и сюда-же переведенъ былъ штатъ упразднявшагося галацкаго Харлампіева монастыря съ разняею и утварью.

¹⁾ «Акты кіево-бр. учил. мов. и акад.», т. III, № 112.

²⁾ См. рукоп. кіево-соф. соб., XIX, I, стр. 1—42.

такія, повидимому, мелочи, какъ напрімѣръ были-ли у него въ извѣстный день и сколько именно разъ были „нерадѣнія степени“, „унынія дѣйствія“, „гнѣвные дѣйствія“, „мысли похотныя“ и т. п. ¹⁾). Поэтому-то онъ весьма часто исповѣдывался у духовника своего ²⁾ и ежедневно по-нѣсколько разъ прочитывалъ „Правила отъ искушеній“ ³⁾).

Съ этихъ-же поръ Ириней еще болѣе, если только это возможно было, старается посвятить все свое время, всѣ свои силы на служеніе академіи, занимаясь и преподаваніемъ въ богословскомъ классѣ, и толкованіемъ апостольскихъ посланій, въ силу синодальнаго указа отъ 18 декабря 1798 г., по воскреснымъ днямъ, ученикамъ *риторики, философіи и богословіи*, и изданіемъ кievскихъ мѣсяцеслововъ, и, наконецъ, учеными трудами. Читая ежедневныя замѣтки его на 1799—1805 гг. ⁴⁾ поражаешься и проникаешься невольнымъ благоговѣніемъ предъ тою массою умственного труда, какую ежедневно выполнялъ неутомимый работникъ мысли. Въ одной изъ рукописей кievско-софійскаго собора сохранились, слабовато впрочемъ характеризующія преподавательскую въ это время дѣятельность Иринея, вѣдомости о пройденномъ имъ въ богословскомъ классѣ за 1799—1804 годы. Приводимъ изъ этихъ вѣдомостей названія тѣхъ предметовъ, которые онъ одновременно читалъ, какъ учитель богословія. Вотъ они:

1) *Церковная исторія*. 2) *Герменевтика*, или изложеніе способовъ и правилъ объясненія свящ. писанія. 3) *Богословіе догматико-полемическое*. 4) *Нравственное богословіе*. 5) *Пасхалія*. 6) *Объяснительное чтеніе книгъ священнаго Писанія*. 7) *Книга Кормчая или церковное право*. 8) *Книга о должности приходскихъ священниковъ или пастырское богословіе*. 9) *Толкованіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній, евангельскихъ и апостольскихъ* ⁵⁾).

Въ вѣдомостяхъ сжато объяснено, что именно пройдено по каждому предмету за каждый годъ и преподано, показаны руководства и отчасти способы изложенія. Такъ при изложеніи Цер-

¹⁾ Ibid. «Барометръ страстей», стр. 22 и дал.

²⁾ Въ 1802 г., напр., 10 разъ (см. рукоп. кievско-соф. соб. XIX, 1, стр. 30).

³⁾ Рукоп. кievско-соф. соб., XIX, 1, стр. 1—42.

⁴⁾ См. *ibid.* первую половину.

⁵⁾ Рукоп. кievско-соф. соб., № 618, стр. 41.

ковной Исторіи Иринея старался съ возможною полнотою освѣтить главнѣйшія и важнѣйшія эпохи, пользуясь для этой цѣли доступною ему литературою предмета. Тоже замѣчаемъ и въ преподаваніи имъ св. писанія. Тутъ дѣло поставлено было на строго-научную почву. Помимо *подробнаго толкованія особенно трудныхъ мѣстъ*, Иринея здѣсь-же въ классѣ знакомитъ своихъ слушателей съ греческимъ подлинникомъ и латинскимъ переводомъ „Вульгатою“, сличая съ ними славянскій текстъ. Наибольшій трудъ совершилъ и вай-ольшую услугу оказалъ Иринея обработкою богословской науки и приведеніемъ оной въ стройную систему, въ чемъ она такъ сильно нуждалась еще со временемъ Прокоповича, даваго ей новое направленіе, которое должно было освободить ее отъ оковъ схоластики, но не упорядочившаго самой науки, и введеннымъ въ нее методамъ изложенія разширившаго ее до такихъ размѣровъ, что самъ онъ, читая этотъ предметъ 4 года, едва выполнилъ половину плана. Существенная услуга Иринея состоитъ въ томъ, что, взявъ за основу обширный планъ Прокоповича, онъ выполнилъ вторую его часть, представилъ обѣ части въ сжатомъ и законченномъ видѣ и далъ возможность учащимся въ четырехлѣтній срокъ, безъ обремененія, выслушать полный курсъ богословія. Говоря словами Иринея, это была „Теологія въ сокращенномъ видѣ для наставленія російскаго юношества“. Въ существенныхъ чертахъ таково и скромное названіе его капитальнаго труда.

Не входя въ разборъ онаго, скажемъ, что по ясности, отчетливости и систематической строгости „Compendium“ Иринея долженъ быть признанъ самою лучшею догматическою системою своего времени. Это и было то, о чемъ воздыхали и мечтали, но чего не могли сдѣлать его предшественники по богословской кафедрѣ и въ ряду ихъ даровитѣйшій Георгій Койнескій. Непосредственно-же послѣ выхода своего въ свѣтъ, „Compendium“ введено было, въ качествѣ учебника по догматико-полемическому богословію, не только въ кievской, но и въ другихъ духовныхъ академіяхъ. Впоследствии право изданія было уступлено авторомъ комисіи духовныхъ училищъ и, кромѣ перваго изданія, явилось два новыхъ. Рассматриваемая въ общемъ система Иринея представляетъ собою опытъ рѣшительнаго изгнанія схоластики. Слѣдъ схоластики остался у Иринея Фальковского только во вѣншей постановкѣ вопросовъ

именно въ обозначеніи частныхъ отдѣловъ того или другаго трактата принятыми у схоластиковъ терминами: *thesis* и др. и замѣчаемая иногда дробность дѣленій.

Не меньшая заслуга принадлежитъ Иринею и какъ экзегету. Справедливою извѣстностью пользуется имя его въ ряду лучшихъ нашихъ толкователей св. писанія. Назначенный въ силу упомянутаго уже нами раньше синодальнаго указа (отъ 31 окт. 1798 г.) толкователемъ апостольскихъ посланій по воскреснымъ днямъ, онъ съ честью выполнилъ возложенное на него назначеніе. Съ 27 февраля 1799 г. и по 1803 годъ включительно Иринею прочтены были и написаны толкованія на *шесть* посланій ап. Павла: на первое и второе къ солунянамъ, первое и второе къ коринтянамъ, къ галатамъ и къ римлянамъ. Изъ нихъ извѣстны въ печати только толкованія на посланіе къ римлянамъ ¹⁾ и на посланіе къ галатамъ ²⁾; толкованія же на остальные нечисленныя нами четыре посланія и по настоящее время остаются въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора ³⁾.

Толкованіе посланій расположено Иринею сообразно хронологическому порядку ихъ написанія св. ап. Павломъ. Послѣ общихъ свѣдѣній о времени, мѣстѣ, цѣли написанія извѣстнаго посланія и краткаго анализа содержанія слѣдуетъ самое толкованіе посланія, предложенное въ отдѣльныхъ „чтеніяхъ“, весьма тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ и сопровождаемыхъ „наравоученіемъ“. Толкованія снабжены хронологическими, историческими и географическими поясненіями и даже филологическими изысканіями, употребляемыми при сличеніяхъ различныхъ текстовъ. При этомъ строго-научному характеру толкованій Иринею съ рѣдкимъ искусствомъ сумѣлъ сообщить имъ ясность и удобоповѣстность самыхъ популярныхъ истолковательныхъ бесѣдъ.

При изъясненіи извѣстныхъ мѣстъ того или другаго посланія Иринею, гдѣ это крѣпко и необходимо, указываетъ иногда на разности въ ученіи восточной и западной церкви съ основательнымъ опроверженіемъ заблужденій послѣдней. Для болѣе яснаго и на-

¹⁾ Кіевъ, 1806 г.

²⁾ Кіевъ, 1807 г.

³⁾ №№ 121 и 122.

глядного раскрытія мысли извѣстнаго посланія экзегетъ нашъ прибѣгаетъ иногда къ примѣрамъ изъ жизни благочестивыхъ людей.

Для этой-же цѣли, Ириней прибѣгаетъ иногда и къ большимъ выдержкамъ изъ сочиненій славныхъ ученыхъ древности ¹⁾ и при случаѣ старается показать и опровергнуть вторгавшіяся въ то время въ интеллигентную часть русскаго общества анти-православныя и анти-религіозныя деистическія и натуралистическія тенденціи ²⁾.

Думаемъ, что изданіе въ свѣтъ неизданныхъ еще изъ нихъ было-бы довольно цѣннымъ приобрѣтеніемъ экзегетической литературы. Не смотря на свой, нѣсколько устарѣвшій уже языкъ, толкованія эти могли-бы служить прекраснѣйшимъ пособіемъ къ составленію проповѣдей и веденію завоевывающихъ уже себѣ право гражданства воскресныхъ собесѣдованій съ народомъ.

Г. Булашевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Рукоп. кіево-соф. соб., № 121, стр. 35—36 — выдержка изъ «Тѣскуланскихъ вопросовъ Цицерона».

²⁾ Ibid. стр. 49.

Фрески кієво-кирилловской церкви XII в.

(Речь, произнесенная А. В. Праховымъ въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.) *).

Мн. гг.! На мою долю выпала лестная задача сообщить вамъ объ исполненіи перваго крупнаго археологическаго труда, предпринятаго въ благополучное царствование Государя Императора,—задача для меня тѣмъ болѣе пріятная, что этотъ археологическій трудъ былъ исполненъ починомъ нашего общества. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить Императорскому русскому археологическому обществу открыть и скопировать фрески кирилловской церкви въ Кіевѣ; работы длились два года, и вотъ плоды этихъ трудовъ!...

*) Въ виду особеннаго интереса этого недавняго открытія для читателей нашихъ вообще и въ частности кіевскихъ, воспроизводимъ по благосклонно сообщенному уважаемымъ Адрианомъ Викторовичемъ списку его язычную и богатую содержаніемъ рѣчь, которой прежде насъ далъ мѣсто на своихъ страницахъ «Журналъ министерства народ. просвѣщенія». Благодаря особой любезности ея автора, имѣвъ случай совмѣстно съ нимъ осмотрѣть еще въ сентябрѣ 1881 г. исполненное имъ тогда уже открытіе большей части фресокъ, мы съ нетерпѣніемъ ожидали общаго намъ описанія оныхъ и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ и воспроизводимъ оное, что оно является не въ формѣ сухаго археологическаго реферата, но въ видѣ блестящей рѣчи, съ такою легкостью вводящей читателя въ отдаленный вѣками міръ кіевскихъ древностей. Видѣвъ открытія и полуоткрытія тогда фресковыя изображенія—въ натурѣ и прекрасныхъ копіяхъ, мы можемъ лишь раздѣлять увѣренность такъ много потрудившагося профессора въ важности открытія. Мы особо любовались фресками бытоваго характера, воспроизводящими эпизоды изъ житія св. Кирилла Александрійскаго въ обстановкѣ кіевской жизни XII в., а разсматривая остатки картины Страшнаго Суда, пожалѣли вмѣстѣ съ почтеннымъ профессоромъ о томъ, что рука времени, сохранивъ изображенія праведниковъ, не оставила ни единого грѣшника или грѣшницы, въ изображеніяхъ которыхъ отразилось-бы нравственное мировоззрѣніе кіевлянъ XII вѣка.—Р е д.

Напомню вамъ вкратцѣ исторію нашего памятника.

Кіевскія сооруженія X, XI и XII в. группируются, какъ извѣстно, около двухъ центровъ, одного — политическаго, другаго — религіознаго. Десятинная церковь, Васильевская-Трехсвятительская, св. Софія, исчезнувшія теперь георгіевская и ирининская церкви, Михайловскій Златоверхій монастырь, всѣ эти памятники X, XI и XII вѣковъ сосредоточены на плоской вершинѣ одного кіевского взгорья въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ другъ отъ друга: всѣ они заключены въ древнемъ кремлѣ Владиміра, Ярослава, Изяслава, Святополка. Другіе памятники тѣхъ-же вѣковъ сосредоточены на Печерскѣ, вокругъ главнаго религіознаго центра, Кіево-печерской лавры, или по дорогѣ къ ней. Церковь, надъ которою мы работали въ теченіе двухъ лѣтъ, кирилловская церковь, и бывшій при ней монастырь одиноко расположены въ противоположномъ сѣверо-западномъ концѣ Кіева, въ $\frac{3}{4}$ часа ѣзды отъ древняго Кремля, на послѣднемъ возвышенномъ выступѣ кіевскихъ горъ. Откуда такое своеобразное положеніе?

Кіевъ, нынѣ доступный со всѣхъ сторонъ, далеко не былъ такимъ въ древности. Съ юга его замыкали густые боры, съ востока естественною преградой являлась быстрина широкаго Днѣпра; единственный удобный доступъ къ нему былъ съ запада и сѣверо-запада. Въ сѣверо-западномъ углу, подъ тѣмъ холмомъ, гдѣ стоитъ кирилловская церковь, сходились всѣ дороги, ведшія въ праматерь русскихъ городовъ; здѣсь было знаменитое въ лѣтописи Дорожиче, или Дорогожиче. Едва-ли еще гдѣ-либо въ кіевской Руси найдется мѣсто, въ такой степени напоенное человѣческою кровію и усѣянное человѣческими костями, какъ это Дорожиче. Всякій врагъ, наступавшій на Кіевъ, проходилъ по этой мѣстности, и подъ первымъ холмомъ, подъ первою естественною твердынею Кіева, угрожавшею нападающему съ праваго фланга, происходили первыя схватки. Кто овладѣвалъ этимъ ключемъ, предъ тѣмъ нижній городъ, теперешній Подоль, былъ беззащитенъ. Народная фантазія кіевлянъ въ такой степени освоилась съ представленіемъ о врагѣ на Дорожичѣ, что сложился мифъ о двѣнадцатиглавомъ змѣѣ, гнѣздившемся въ пещерахъ кирилловской горы и оттуда пожирившемъ кіевлянъ. Ихъ избавителемъ явился нѣкій Кирило Кожемяка, разорвавшій при вѣсти о змѣѣ двѣнадцать воловьихъ шкуръ, которыя онъ мѣлъ въ своихъ

богатырскихъ рукахъ. На этой-же мѣстности рѣшилась судьба и честолюбиваго Ольговича Черниговскаго, Всеволода II, пришедшаго добывать себѣ великокняжескій престолъ. Напавъ на кіевлянъ на Дорожичѣ, онъ зажегъ Копыревъ конецъ и овладѣлъ Кіевомъ и престоломъ (5-го марта 1140 г.). Надъ мѣстомъ своей побѣды, на роковомъ холмѣ, онъ поставилъ памятникъ этой побѣды—кирилловскій монастырь, съ большою церковью, съ главнымъ престоломъ въ честь св. Кирилла александрійскаго и малымъ придѣломъ въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. По обычаю того времени, монастырь сдѣлался „отнимъ“ въ родѣ Ольговичей. При немъ возникъ „княжій дворъ“, въ которомъ охотно жилали Ольговичи; здѣсь-же скончался сынъ Всеволода II, Святославъ III, и былъ положенъ „въ отнемъ ему монастырь“. Его мать, Марія Мстиславовна, княгиня Всеволожая, также „положена бысть въ Кіевѣ у св. Кюрила, юже бѣ сама создала“ (1179 г.). Итакъ, будучи „отнею“ въ родѣ Ольговичей, кирилловская церковь стала ихъ усыпальницею. Въ паперти церкви видно всего четыре мѣста, гдѣ стояли княжескія гробницы: два въ южной стѣнѣ и два въ западной. Самъ храмоздатель, Всеволодъ II, однако не былъ погребенъ здѣсь: его похоронили въ Вышгородѣ; въ кирилловской-же церкви, кромѣ Маріи Мстиславовны, могли быть погребены сынъ Святослава III, Всеволодъ, и его супруга Марія Казиміровна.

Вѣдственный 1240 годъ естественно легъ тяжелымъ бременемъ и на кирилловскую обитель; но, благодаря ея удаленности отъ кіевскаго Кремля, она, по видимому, пострадала менѣе другихъ храмовъ. Порча кирилловской церкви произошла главнымъ образомъ отъ расхищенія свинцовыхъ крышъ, которыми были покрыты, по общему обычаю, ея своды; дождь и снѣгъ сдѣлали свое дѣло и вотъ, какъ вы видите изъ разрѣзовъ церкви, главное разрушеніе представляютъ верхнія части храма. Послѣ 1240 г. всякія свѣдѣнія о кирилловской церкви прекращаются вплоть до XVI вѣка... При видѣ нашихъ древнихъ храмовъ мнѣ всегда приходятъ на память житія мучениковъ: какъ житія пострадавшихъ подвижниковъ начинаютъ быть краснорѣчивыми только съ той минуты, какъ подвижникъ принялъ мученическій вѣнецъ, такъ и исторія нашихъ древнихъ храмовъ становится нѣсколько болѣе подробно лишь съ той минуты, какъ она превращается въ ихъ мартирологію.

Первое позднѣйшее свѣдѣніе о кирилловской церкви относится къ 1555 году, когда король Сигизмундъ II предоставилъ вѣчному Богдану Ивановичу Шавулѣ „тую церковь на себѣ до живота своего держати... якъ и предки его тую церковь на себѣ держали“. О монастырь ни слова. Полнымъ своимъ возстановленіемъ церковь и монастырь обязаны были знаменитому ревнителю православія и русской народности, князю Константину Константиновичу Острожскому, который, получивъ этотъ храмъ во владѣніе на правахъ патроната, поручилъ возстановленіе и управленіе храмомъ и монастыремъ своему любимцу, игумену Василю Красовскому „Чорнобрівцу“ (1605 г.), для чего перевелъ его изъ г. Острога, изъ монастыря св. Креста, въ Кіевъ. Къ этому времени должна быть отпесена почица сводовъ, малыхъ куполовъ и ихъ бань, крыль и попытки подправить и поддержать разрушающіяся отъ сырости фрески. Въ церкви устроено было три престола, въ главной абсидѣ— въ честь св. Троицы, въ южной (прежнемъ діаконикѣ?) въ честь св. Кирилла александрійскаго, въ сѣверной (прежнемъ жертвенникѣ?) въ честь св. Архангела Михаила. Въ 1614 г. Василій Красовскій скончался и былъ погребенъ въ кирилловской церкви за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за нимъ идетъ цѣлый рядъ настоятелей, которые придали кирилловской обители первенствующее значеніе въ борьбѣ за православіе и русскую народность; въ числѣ ихъ были люди высокообразованные, какъ Иннокентій Гвезель, воспитанникъ западныхъ университетовъ; люди высокой святости, какъ Дмитрій Савичъ Тулталю, святитель ростовскій; наконецъ отличные хозяева, какъ Иннокентій Монастырскій. Такъ шло дѣло до XVIII в. Въ 1787 году кирилловскій монастырь былъ упраздненъ, и мѣсто съ церковью было отдано инвалидному дому; затѣмъ тутъ были устроены существующія и понынѣ богоугодныя заведенія. Религіозное значеніе отошло на второй планъ, въ колокольнѣ была устроена аптека; вѣроятно въ то же время подверглись закрытію и фрески, смущавшія новыхъ хозяевъ своимъ пятнистымъ видомъ. Церковь была забыта до 1860 года, когда случайно, при началомъ было перетиранія штукатурки, обнаружена была древняя стѣнопись; перетираніе было остановлено, но для открытія фресокъ не было сдѣлано ничего. 1874 годъ, годъ третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, также прошелъ безслѣдно для созданія Ольговичей; даже

болѣе: кажется съ этого времени устанавливается неблагопріятное мнѣніе о кирилловскихъ фрескахъ, такъ какъ, при открытіи нѣкоторой части ихъ для съѣзда, случайно попали на худшую ихъ часть. Дѣлшее напоминать вамъ, мм. гг., что судьба этого опороченнаго было памятника окончательно рѣшена была, благодаря вашей энергіи и бдительности.

Ознакомившись съ памятникомъ лѣтомъ 1880 года, я старался прежде всего убѣдиться въ тождественности сооруженія, извѣстнаго вамъ изъ лѣтописи, съ сохранившимся на кирилловской горѣ. Въ этомъ случаѣ играло важнѣйшую роль изслѣдованіе его кладки, которая показала, что церковь построена совершенно такъ, какъ строились всѣ зданія XI и XII вѣковъ, а именно: стѣны кладены изъ тонкихъ кирпичей, на толстомъ свѣтлорозовомъ цементѣ, съ прикладкою на разныхъ высотахъ горизонтальныхъ поясовъ изъ булыжниковъ (кладка Золотыхъ воротъ, напримѣръ). Итакъ оказалось, что существующее зданіе дѣйствительно XI или XII вѣка. Слѣдовъ отъ какой-либо другой церкви на этомъ холмѣ не уцѣлѣло, а съ другой стороны въ живомъ и лѣтописномъ преданіи церковь кирилловская является именно тою, которая была сооружена Всеволодомъ II между 1140 и 1146 г. Какъ вы помняте, мм. гг., 7-го ноября 1880 года я имѣлъ честь докладывать вамъ о моей археологической побѣдѣ въ Кіевѣ, и вами было приято мое предложеніе поднять вопросъ объ открытіи кирилловскихъ фресокъ. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было изъяснить свое Высочайшее соизволеніе на производство этихъ работъ и пожаловать обществу необходимыя для этого средства. Польщенные монаршимъ довѣріемъ, вы приступили къ дѣлу съ возможною осмотрительностію. Возложивъ исполненіе этого дѣла на меня, вы сочли за благо образовать въ Кіевѣ комиссію для наблюденія надъ работами изъ трехъ человекъ: каедральнаго протоіеря киево-софійскаго собора П. Г. Лебединцева, профессора духовной академіи П. А. Лашкарева и профессора кіевскаго университета А. А. Котляревскаго. Чтѣ до послѣдняго, то намъ остается только вздохнуть надъ безвременною могилой этого почтеннаго труженика. О. Лебединцевъ и г. Лашкаревъ оказывали мнѣ возможное содѣйствіе и помощь, за чтѣ считаю пріятнымъ для себя долгомъ привести имъ мою глубокую благодарность предъ лицемъ всего общества.

Наши работы начались въ Кіевѣ составленіемъ точнаго протокола о состояніи фресокъ, съ присоединеніемъ къ нему пояснительныхъ чертежей. Этотъ протоколъ, своевременно препровожденный вамъ, мм. гг., былъ подписанъ нами 4-го іюня 1881 г., и въ тотъ-же день было приступлено къ работамъ.

Задача, которую я поставилъ себѣ съ самаго начала, была тройкая. Вопервыхъ, мнѣ представлялось необходимымъ всесторонне изслѣдовать *архитектурную сторону*, опредѣлить части древнія и новѣйшія; вовторыхъ, *открыть и скопировать, какъ фрески XII вѣка*, такъ и всѣ позднѣйшія наслоенія живописи, еслибъ они оказались. При этомъ мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать копіи, такъ-сказать, монументальныя, то-есть по возможности въ величину подлинниковъ, на прочномъ матеріалѣ и съ воспроизведеніемъ всѣхъ порчъ, такъ чтобы эти копіи могли служить нагляднымъ протоколомъ о состояніи памятника въ минуту его открытія. Наконецъ третья *задача* была *эпиграфическая*: собрать всѣ надписи, какъ начертанныя кистью въ объясненіе изображеній, такъ и всѣ случайныя рѣченія, нацарапанныя во многихъ мѣстахъ церкви (*graffiti*), такъ какъ, собранныя въ порядкѣ хронологическомъ (а многія изъ нихъ съ годами), онѣ могли-бы дать небезынтересный матеріалъ какъ для исторіи памятника, такъ и для исторіи языка.

Результатъ архитектурнаго изслѣдованія памятника вы видите въ этихъ чертежахъ, представляющихъ три плана: 1) по землѣ, 2) на высотѣ хоръ, 3) на высотѣ чердаковъ, и три разрѣза: 1) продольный по среднему кораблю, 2) продольный по кораблю кирилловскаго предѣла и 3) поперечный по главному поперечному кораблю съ видомъ на хоры и западный входъ въ храмъ. Вы обратите, конечно, вниманіе на то, что на чертежахъ всюду древняя кладка отдѣлена (болѣе темнымъ цвѣтомъ) отъ новѣйшей; затѣмъ вы не упустите изъ виду нѣкоторыя архитектурныя находки, а именно: въ южной стѣнѣ паперти (эсонартикса) двухъ нишей съ арками (*arcosolium*), подобныя тѣмъ, которыя всегда оставались открытыми въ западной стѣнѣ паперти. На сводахъ всѣхъ четырехъ нишъ, справа и слѣва въ каждой, изображено по ангелу съ державой и скипетромъ. Это какъ-бы ангелы хранители, склонившіеся надъ могилами погребенныхъ князей, такъ какъ въ нижнихъ частяхъ этихъ аркасоліевъ были вдвинуты мраморные гробы Ольго-

вичей. Ихъ судьба была печальная: въ эпоху всеобщаго безправія, за властью польскихъ пановъ на Украинѣ, эти священные останки русской старины были выломаны однимъ кievскимъ шляхтичемъ и перевезены въ его баню. Интересною архитектурною подробностію является далѣе ходъ внутри южной стѣны южнаго (нынѣ кирилловскаго) алтаря. Черезъ низкую дверь вы попадаете въ узенькій корридорчикъ, заканчивающійся отвѣсною стѣною, въ верху которой (на высотѣ болѣе 4 аршинъ) идутъ каменныя ступеньки; на нихъ очевидно попадали при помощи приставной деревянной лѣстницы; по каменнымъ ступенькамъ вы добираетесь до окна (которое мы застали заложенымъ); это окно, болѣе роста человѣческаго, выводитъ насъ внутрь южнаго алтаря на высотѣ 8½ аршинъ надъ поломъ; на правой сторонѣ его амбразуры уцѣлѣли слѣды древней фрески, и верхъ увѣнчанъ шифернымъ карнизомъ: обстоятельство, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что это окно современно зданію. Назначеніе этого хода загадочно. Есть мнѣніе, по которому такіе ходы въ монастырскихъ стѣнахъ служили для новопосвященныхъ іеромонаховъ для проведенія первыхъ семи дней безвыходно въ церкви; ставъ въ верхнемъ оконѣ, новопосвященный могъ слушать литургію.

Сверхъ того мы нашли еще восемь оконъ, заложенныхъ впоследствии: подробности, интересныя для восстановленія храма въ первоначальномъ его видѣ. При изслѣдованіи фундаментовъ, въ четырехъ мѣстахъ (въ двухъ по кирилловскому кораблю и двухъ по главному продольному) выяснилась вся система этой несокрушимой постройки. Въ южномъ концѣ паперти мы наткнулись при этомъ на интересную гробницу XVI—XVII вѣка, въ которую заглянули случайно, но не тронули ея, дабы не заслужить упрека въ праздномъ любопытствѣ; она нанесена нами на планъ и разрѣзъ. При изслѣдованіи подпольныхъ частей паперти мы убѣдились, что древній полъ болѣе чѣмъ на 1 аршинъ былъ ниже теперешняго.

Безъ сомнѣнія, главною нашею задачею было *открытие и копированіе фресокъ*. Я не буду утомлять васъ подробностями работъ изо дня въ день, но считаю не лишнимъ обратить ваше вниманіе на тѣ приемы, которыми мы пользовались при открытіи фресокъ. Снявъ известковые покровы острымъ орудіемъ, деревянными и желѣзными (притупленными) ножами, мы вытывали открытую фреску

хлѣбнымъ мякишемъ, пока хлѣбъ бралъ известъ; затѣмъ, давъ постоять фрескѣ два-три дня, мы промывали ее слабымъ растворомъ поташа. Снимая механически послѣдній слой извести, поташъ въ то-же время оживляетъ краски; но по мѣрѣ того, какъ фреска высыхаетъ, она снова покрывается хотя уже и менѣе густымъ бѣлессоватымъ налетомъ, будто тончайшею бумагой. Послѣ многихъ пробъ удалось найти средство устранить этотъ послѣдній покровъ: 5% растворъ салициловой кислоты съ небольшою примѣсью соды, нанесенный кистью нѣсколько разъ (до 10 разъ), проясняетъ фреску окончательно: краски сохраняютъ свою яркость и послѣ того, какъ стѣна высохнетъ. Чтобы предохранить эту поверхность отъ дѣйствія сырости, оставалось натереть ее составомъ изъ терпентина, воску, бѣлой смолы и небольшой части бѣшеннаго масла.

Мы начали открытію фресокъ съ хоръ, гдѣ оказались лишь жалкіе слѣды ихъ. Несравненно большій уловъ ждалъ насъ въ паперти и присоединенному къ ней теплому алтарю. Въ паперти уцѣлѣли остатки страшнаго суда, а именно: 1) прямо противъ входа вверху 12 судей—аностоловъ, ниже ихъ налѣво толпа подходящихъ праведниковъ, направо колѣнопреклоненныя фигуры, ангелы, и въ самомъ низу врата адавы. Налѣво отъ этого средняго изображенія, на выступающемъ плоскомъ столпѣ, группа праведниковъ въ одеждахъ XII вѣка, ведомыхъ кѣмъ-то въ идеальной одеждѣ (св. Петромъ?); на соответствующемъ правомъ столпѣ ангель свивающій хартію; подпись поясняетъ: ангель завиваетъ небо. Надъ сѣверо-западнымъ аркосоліемъ уцѣлѣло лоно Авраамово. Сюжеты этихъ фресокъ вполне выясняются чрезъ сравненіе съ фресками Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и Передницкаго Спаса въ Новгородѣ. Сверхъ того, въ аркосоліяхъ болѣе или менѣе сохранились слѣды ангеловъ, со скиптрами и державами, и въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ тѣ или другія изображенія. Въ тепломъ алтарѣ лучшимъ кускомъ является изображеніе молодого мученика въ княжой одеждѣ, сохранившееся до персей. Въ главномъ продольномъ кораблѣ среди множества другихъ остатковъ обращаютъ на себя вниманіе изображеніе четырехъ столпниковъ между окнами въ южной и сѣверной стѣнѣ. Искѣ другихъ лѣвое на южной стѣнѣ: на византійской колоннѣ изъ краснаго камня, съ зеленою базой и зеленою капителью, съ голубымъ плинтусомъ внизу и голубою абакою вверху, помѣщена рѣшетчатая

изгородь, изъ-за которой отъ пояса виднѣется фигура святаго мужа. Ниже оконъ, на южной стѣнѣ, слѣды Рождества Христова, на сѣверной—Успенія Божіей Матери. Интересная находка ждала насъ на столпахъ царской арки, закрытыхъ высокимъ иконостасомъ. По снятіи иконостаса и по очисткѣ эти столпы оказались сверху и до низу покрытыми фресками. На сѣверномъ изъ нихъ изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, за нею слѣва пр. Іосифъ съ парюю голубковъ. Ниже св. апостоль Петръ съ жезломъ въ лѣвой рукѣ: (— „паси овцы моя“); подлѣ него приписано его имя. На соответствующихъ мѣстахъ южнаго столпа изображены св. Богопріимецъ Симеонъ и св. пророчица Анна. Вмѣстѣ съ предыдущимъ изображеніемъ на сѣверномъ столпѣ, эта картина составляетъ одно цѣлое: принесеніе во храмъ. Ниже Богопріимца Симеона—св. апостоль Павелъ съ книгою; подлѣ также приписано его имя. Сѣверный придѣлъ (михайловскій) украшенъ сверху до низу рядами отдѣльныхъ лицевыхъ изображеній—то во весь ростъ, то погрудными въ медальонахъ и квадратныхъ рамахъ. Многія изъ нихъ поражаютъ своимъ величіемъ; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли надписи: св. Климентъ, св. Константинъ, св. Іосифъ Селунскій. На столпахъ арки, вводицей въ этотъ придѣлъ, изображены другъ противъ друга солнце и мѣсяцъ въ видѣ краснаго и зеленаго шара. Главный алтарь былъ украшенъ подобно алтарямъ большинства древнихъ церквей, а именно: въ раковинѣ алтарной ниши изображена была молящаяся Богоматерь того-же типа, что въ софійскихъ мозаикахъ. Ниже ея—св. таинство Евхаристіи, или причащеніе подъ двумя видами; еще ниже—святители. Выше Богоматери, на сводѣ алтарной арки, долженъ былъ быть изображенъ Іисусъ Христосъ, простирающій длани, но арка эта новая. Внутренній смыслъ этого подбора священныхъ изображеній могъ быть таковъ: въ самомъ верху—Іисусъ Христосъ, то-есть, Премудрость Божія, ниже—Богоматерь, то-есть, „Заступница усердная“, молящаяся за міръ, ниже ея—Евхаристіа, то-есть, таинство, связующее вѣрующихъ съ Спасителемъ, еще ниже—отцы церкви, первые толкователи догматовъ, первые учителя міра. Обыкновенно среди нихъ помѣщаются еще два первоученика, св. Стефанъ и св. Лаврентій, какъ первые, запечатлѣвшие своею кровію преданность Спасителю міра. Идя снизу вверхъ, алтарная стѣна представляла живое изображеніе Вѣры, Надежды Любви и Премудрости.

Главною находкою слѣдуетъ считать, конечно, двѣнадцать бытовыхъ картинъ, представляющихъ событія изъ житія св. Кирилла александрійскаго. Св. Кирилль правилъ александрійскою кафедрой отъ 412 по 444 годъ. Натура энергичная, дѣятельная; онъ съ перваго появленія на архипастырской кафедрѣ заявилъ себя ревнителемъ православія. Онъ боролся противъ новатіанъ, противъ іудеевъ, противъ классическаго язычества, во главѣ котораго въ Александріи стояла въ то время знаменитая женщина-философъ Ипатія, наконецъ, противъ язычества египетскаго, еще державшагося тамъ и сямъ. Но его главный подвигъ была борьба съ новымъ ересеархомъ, архіепископомъ константинопольскимъ Несторіемъ, желавшимъ утвердить за Пречистою Дѣвой названіе Христородицы вмѣсто Богородицы. Постепенно разгораясь, эта борьба, благодаря энергіи св. Кирилла, приняла характеръ вселенскій. Заручившись согласіемъ западныхъ епископовъ въ лицѣ папы римскаго Целестина и восточныхъ іерусалимскаго и антиохійскаго, св. Кирилль собираетъ мѣстный соборъ въ Александріи и отъ лица собора отправляетъ Несторію ультиматумъ въ видѣ 12 пунктовъ, по которымъ Несторій долженъ былъ отречься. Такъ какъ отреченія не послѣдовало, то православные иноки константинопольскіе убѣдили императора Θεодосіа II разрѣшить смуту собраніемъ вселенскаго собора. Весною 431 года собрался этотъ третій вселенскій соборъ въ г. Ефесѣ. Образовалось два собора: одинъ подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, другой — архіепископа антиохійскаго Іоанна. Между ними начались пререканія и взаимныя изложенія, къ императору попли противорѣчивыя донесенія. Императоръ приказалъ взять подъ стражу Несторія, св. Кирилла и его главнаго помощника Мемнона, епископа ефесскаго, и потребовалъ депутатовъ, по восьми отъ каждой стороны, въ Халкидонъ, гдѣ лично разобралъ дѣло и возстановилъ св. Кирилла и Мемнона. Побѣда была на сторонѣ св. Кирилла, но ему пришлось еще долго бороться съ несторіанцами. Онъ скончался въ 444 г., оставивъ церковь умиротворенною. Вотъ житіе этого святителя и изобразилъ русскій художникъ на стѣнѣ южной абсиды теперешняго кирилловскаго придѣла. При этомъ дѣло не обошлось безъ сокращеній и вторженія русской жизни. Девять картинъ лучше сохранившихся, кромѣ ихъ художественнаго и бытоваго интереса, драгоценны еще надписями, поясняющими сюжеты. Въ видѣ заголовка

ко всѣмъ картинамъ вы встрѣчаете здѣсь идеальное изображеніе съ надписью: „св. Богородица благословляетъ Аѳанасія и Кирилла“. Между дѣятельностью св. Аѳанасія и св. Кирилла 39 лѣтъ промежутка, но они оба трудились надъ установленіемъ догмата о Пресвятой Дѣвѣ, и вотъ Она благословляетъ ихъ на общій подвигъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ исцѣляетъ бѣсноватыхъ“ переноситъ насъ въ первые годы его дѣятельности, еще въ предѣлахъ Египта, гдѣ онъ изгонялъ „*daemones*“ (*Acta sanctorum*), то-есть, древнихъ египетскихъ боговъ (напримѣръ, Изиду изъ Мануеиса); здѣсь это выражено фигурно въ видѣ исцѣленія одержимыхъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ учитъ люди“ переноситъ насъ на его пастырскую каѳедру, какъ другая съ надписью: „св. Кириллъ пишетъ заповѣдь Божію“ представляетъ намъ святителя въ его жилищѣ, въ присутствіи его учениковъ, стоящихъ „спустя рукава“, то-есть, въ полномъ покоѣ. Но вотъ другая, прекрасно сохранившаяся фреска: „св. Кириллъ учитъ царя“ уже приближаетъ насъ къ главному подвигу всей жизни св. Кирилла. Лично, сколько извѣстно изъ его житія, св. Кириллъ не училъ царя; не видно даже, чтобъ онъ бывалъ въ Константинополѣ, но онъ писалъ три книги о вѣрѣ, изъ которыхъ одну послалъ императору, другую его супругѣ, третью его сестрамъ. Это, слѣдовательно, то самое поученіе, за которое императоръ упрекалъ святителя, видя въ посланіи трехъ различныхъ поученій желаніе посѣять раздоръ въ его семействѣ. Интересенъ костюмъ царя: это полный нарядъ русскаго князя XII вѣка; вѣнецъ съ тремя образками, бармы, въ видѣ воротника съ нагрудникомъ, унизанные самодѣльными камнями, темно-красный короткій кафтанъ съ широкими рукавами, въ которыхъ виднѣется разшитая сорочка, зеленые шаровары и высокіе до колѣна мягкіе красные сапоги съ бусами, плотно охватывающіе ноги. Слѣдующія три картины представляютъ уже три послѣдовательные акта св. Кирилла въ борьбѣ съ Несторіемъ. На одной изъ нихъ надпись гласитъ: „св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру“; по срединѣ святитель въ своей бѣлой сѣтчатой скуфейкѣ, по бокамъ четыре епископа съ ореолами. Вѣроятно, это соборъ александрійскій. На немъ конечно было гораздо болѣе участниковъ, но *четыре* изъ нихъ отправили въ апокрисіаріями въ Константинополь и способствовали побѣдѣ св. Кирилла. Надпись на другой: „св. Кириллъ

учить въ соборѣ“ заставляеть видѣть въ ней изображеніе ничего иного, какъ третьяго вселенскаго собора, въ Ефесѣ; по на соборѣ въ Ефесѣ императоръ не присутствовалъ, а на картинѣ онъ возсѣдаетъ по срединѣ въ вѣнцѣ, бармахъ, пурпуровой далматикѣ со свитою въ рукахъ; если-же это изображеніе собранія въ Халкидонѣ, то тамъ не было св. Кирилла, находившагося въ заключеніи. Очевидно, мы сталкиваемся съ русскимъ сокращеніемъ: художнику XII вѣка важно было изобразить вообще соборъ, на которомъ Кирилле одолѣлъ ересь при помощи императора. Не потому-ли у императора ореолъ? Третья картина вполне ясна: св. Кирилле проклинаеть еретиковъ, то-есть, несторианцевъ, стоящихъ въ характерной позѣ глубокой задумчивости—взявшись за бороды. Наконецъ на большой фрескѣ, находящейся въ самомъ низу алтарной стѣны, изображено погребеніе св. Кирилла. Двое молодыхъ людей полагаютъ тѣло святителя въ мраморную розовую раку съ крестомъ; нѣскольکو одечаленные ученики, направо кадящій священникъ.

Кромѣ этихъ драгоценныхъ картинъ, отличающихся яркостью красокъ и тонкимъ исполненіемъ, въ томъ-же кирилловскомъ придѣлѣ оказалось нѣсколько превосходныхъ отдѣльныхъ фигуръ святыхъ съ надписями, какъ св. Іоаннъ, св. Прохоръ, св. Евлогій александрійскій.

Вы не упустите, мм. гг., обратить ваше вниманіе на эту массу прекрасныхъ узоровъ: нѣтъ уголка въ храмѣ, гдѣ не уцѣлѣло-бы слѣдовъ узоровъ; собранные вмѣстѣ, они сразу даютъ вамъ почти полную картину орнаментики, употреблявшейся въ Россіи въ XI и XII в.

Но этимъ не ограничились наши работы надъ стѣнописью. Кромѣ фресокъ XII вѣка, тамъ и сямъ оказались фрески XVI—XVII столѣтій; такъ въ полукуполѣ главнаго алтара исполненное изображеніе молящейся Богоматери есть фреска XVI—XVII в., писанная по слабымъ слѣдамъ древнѣйшей XII в. Живопись эпохи возстановленія храма сохранилась также и въ полукуполѣ кирилловскаго придѣла, и въ паперти. Но самымъ важнымъ ея кускомъ является портретъ игумена Василія Красовскаго на столпѣ въ теперешнемъ теплому алтарѣ. Подъ нимъ видѣется фреска XII в., но чья-же рука подыметъ на драгоценный образецъ живописи этихъ, хотя и позднѣйшихъ вѣковъ, и кто посягнетъ на достопоч-

тенныя черты человѣка, которому дорогой для насъ памятникъ обязанъ своимъ спасеніемъ!

Проработавъ столько времени надъ этимъ памятникомъ, мы должны отдать себѣ отчетъ, каково его значеніе. Во-первыхъ, для Кіева онъ является совершенно новою и краснорѣчивою страницою въ исторіи его искусства, такъ какъ до открытія кирилловскихъ фресокъ единственнымъ представителемъ кіевского XII вѣка были пемногіе мозаики, уцѣлѣвшія въ алтарѣ кіево-михайловскаго золотоверхаго монастыря. Далѣе, если сравнить кирилловскія фрески съ прочими извѣстными памятниками XII вѣка, какъ фрески георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ, въ Нередницкомъ Спасѣ въ Новгородѣ, въ дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, то кромѣ рѣшительнаго превосходства въ художественномъ отношеніи, кирилловскія выгодно отличаются еще тѣмъ, что только среди нихъ мы встрѣчаемся съ *картинами бытовыми*.

Но этимъ еще не ограничивается выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ наблюденія надъ новооткрытымъ кіевскимъ искусствомъ XII вѣка. Вы обратили, конечно, вниманіе на то, что всѣ изображенія мозаичныя и фресковыя XI вѣка (напримѣръ, въ кіево-софійскомъ соборѣ) сопровождаются греческими надписями. Всѣ фрески и мозаики (михайловскія) XII вѣка сопровождаются надписями русскими; фрески кирилловскія, нередницкія, ладожскія, дмитріевскія, всѣ онѣ пояснены русскими надписями. Не слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, что въ XII вѣкѣ мы имѣли уже нашу собственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы и естественно всѣ греческія пояснительныя надписи замѣнила своими русскими? Если это такъ, то мы можемъ сдѣлать еще одно интересное наблюденіе. Сравните фрески и мозаики софійскія, греческія, XI вѣка съ михайловскими мозаиками и кирилловскими фресками, русскими, XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенноти, что въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный, уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ. Взгляните на эти двѣ мозаики, Евхаристію софійскаго алтаря и Евхаристію михайловскаго алтаря, и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Иисусу Христу съ чашей, — вы неминуемо отдадите преимущество михайловскому изображенію: сколько есте-

ственности въ движеніи и въ выраженіи благоговѣнія въ первой наклоненной фигурѣ, сколько благородной граціи во второй! На сколько фигуры выросли и стали стройны! *Стиль колеблется*, такъ какъ въ принесенныя Византіей формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить *жизнь наблюдени*, то есть, на нашихъ глазахъ начинается тотъ органической, творческой процессъ, который помогъ, напримѣръ, италіанцамъ, воспользовавшись всѣмъ, что могла дать имъ Византія, повести дѣло искусства, искалие красоты вѣншей и внутренней жизни челоуѣка, далѣе и далѣе до феноменального совершенства въ созданіяхъ XVI столѣтія! Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII — началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ *наблюдать дѣятельность и вносить свои наблюденія* въ искусство. Итакъ, этой дикой Россіи, принявшей христіанство, сѣмена византійской образованности и византійское искусство въ самомъ концѣ X вѣка, достаточно было *одного только вѣка*, чтобы не только овладѣть совершеннымъ для тѣхъ временъ византійскимъ художествомъ, но и сдѣлать уже шагъ впередъ!...

Мм. гг., мнѣ не остается ничего болѣе, какъ выразить вамъ мою горячую признательность за то, что вы удостоили меня чести приложить мои силы къ открытію этого важнаго памятника. Работа была не легкая, были минуты усталости, изнеможенія... Но одна мысль всегда воскрешала мою энергію, придавала мнѣ новія силы—мысль, что я работаю не одинъ, что я работаю какъ часть крѣпко сплоченнаго цѣлага, цѣлага общества, проникнутаго искреннею любовью къ нашей дорогой старинѣ. Это чувство солидарности съ вами, мм. гг., одно только и дало возможность бодро довести наши труды до конца: эти труды—ваши труды.

Адріанъ Праховъ.

Письмо епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлю склонить его къ униі.

(Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива) ¹⁾.

Несобъяснимое равнодушіе и продолжительное колебаніе, съ которыми московскимъ правительствомъ были встрѣчены предложенія Богдана Хмельницкаго присоединить Малую Россію къ единовѣрной и единоплеменной Великой Руси, не могли не повліять какъ на ближайшія событія внутренней политики въ Малороссіи, такъ и на сношенія ея—съ одной стороны, съ Москвою, которая не признавала въ южанахъ родственности, называя ихъ черкасами, а на счетъ чистоты ихъ православія выражала весьма недвусмысленныя сомнѣнія, и съ другой—съ сосѣдней Польшею, которая все еще не теряла надежды соблазнить отпавшихъ обѣщаніями и, при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратить ихъ себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію также, что трехвѣковое разъединеніе двухъ областей русскаго народа, сосѣдство и даже сожителство Мало-

¹⁾ Къ сообщеннымъ мною равнше сего документамъ (см. «Кіевская Старина», февраль 1883 г.) считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія. Въ документѣ 2-мъ вмѣсто названія: «*Лорканы*» должно быть «*Тороканы*». Изъ актовъ, относящихся ко временамъ митрополита уніатскаго Гавріила Коленды и дальнѣйшихъ, видно, что тороканскій монастырь былъ первоначально въ вѣденіи митрополитовъ и епископовъ и что только, по особымъ постановленіямъ собраній жириновскаго и новгородскаго, доходы съ иявній, принадлежащихъ этому монастырю, нля часть ихъ, давались протоархимандриту, какъ главному начальнику базиліанскихъ монастырей, или-же его викарію, а иногда и вообще базиліанскія монастыря. На владѣніе и распоряженіе общими доходами испрашивались особыя королевскія грамоты (напр. у Яна Казимира въ 1662 г.), а права пользованія отдѣльными доходами по статьямъ опредѣлялись на особу собраній духовенства. Наприм., вступивъ въ управленіе Тороканскія иявніи, Гавріиль Коленда (иа собранія членовъ конгрегаци), изъ уваженія къ базиліанскому ордену, предоставилъ пожизненное пользованіе доходами отъ этихъ иявній частію генеральному викарію ордена,

россиі съ шляхетской Польшей не могли не оставить въ южноруссахъ такихъ особенностей въ складѣ общественной жизни и политическихъ воззрѣніяхъ, такихъ разнообразныхъ чертъ въ ихъ характерѣ и симпатіяхъ, которыя менѣе всего могли теперь гармонировать со складомъ малоподвижной московской жизни, съ самоувѣренностію и безцеремонностію ея боярства и духовенства. Но, къ счастью, даже инстинктивное пониманіе въ массахъ выгодъ единоплеменнаго и единовѣрнаго сближенія было столь сильнымъ двигателемъ и возбуждателемъ политическаго сознанія и указателемъ общегосударственныхъ задачъ, что, не смотря на вышесказанное, на частныя недоразумѣнія, раздоры, нареканія и даже возстанія, здоровое большинство было всегда за единеніе, за общерусскую цѣльность и вынесло на своихъ плечахъ вопросъ о соединеніи разрозненныхъ частей русскаго народа. Вѣковая кровавая борьба съ ляхами въ заднѣпровской части, временно снова отторгнутой отъ Россіи, ясно говоритъ о томъ, на чьей сторонѣ были народныя симпатіи. Аристократическій строй польскаго государства, въ ко-

частью-же монашескому чину и бытскому духовенству; а при ятроп. Заковскомъ часть доходовъ шла даже и на братскій монастырь. Протоархимандритъ или генералъ монашеской конгрегаціи избирался изъ духовныхъ лицъ, при чѣмъ, званіе это не могло быть предоставляемо ни ятрополитамъ, ни епископамъ, на основаніи декретовъ папъ Александра VII-го и Иннокентія XI-го; тѣмъ не менѣе, отступленія отъ этого закона бывали. Самая должность протоархимандрита установлена въ 1617 году на духовномъ новгородскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ и по предложенію Веніаміна Рутскаго. Въ спискѣ протоархимандритовъ, составленномъ Стебельскимъ, послѣднимъ стоитъ Юсіфъ Моргулецъ; но извѣстно, что, послѣ его смерти въ 1786 г., эту должность занималъ вторично Важинскій изъ Жидичина, (базиліанскій св. Пиколая монастырь близъ Луцка на р. Стыри, упоминаемый еще при Давидѣ Галлицкомъ). Послѣ Важинскаго, назначеннаго въ 1790 г. на мѣсто Ростовскаго епископомъ холмскимъ, должность протоархимандрита исполнялъ Максиміліанъ Вльчншскій. Въ 1796 г. должность эта уничтожена императрицею Екатериною II-ю, а въ царствованіе императора Павла опять восстановлена, и въ 1802 г. на базиліанской конгрегаціи, подъ предсѣдательствомъ брестскаго епископа Булка, въ протоархимандриты избранъ былъ Юстинъ Гусакowski. Очевидно, этому послѣднему и принадлежитъ *письмо*, помѣщенное въ февральской книжкѣ «Кіевской Старинѣ», такъ какъ высочайшимъ указомъ 5-го мая 1804 г. должность базиліанскаго генерала навсегда была уничтожена. Что-же касается замѣтки *Pro memoria* (см. тамъ-же), то это, вѣроятно, записка Геронтія Лисовскаго, помышлявшаго (послѣ третьяго раздѣла Польши) объ оживленіи и расширеніи уни, переводившаго съ польскаго языка на латинскій холмскимъ епископомъ Важнскимъ, (отомедшнмъ съ своей епаріи къ Австріи) и препровожденная ему въ Вѣну на имя представителя уніатскихъ епископовъ, жившаго здѣсь постоянное пребываніе. (Harasiewicz: *Annales ecclesiae Ruthenae*).— В. М.

торомъ все принадлежало немногимъ избраннымъ, массы же народа, особенно иновѣрныя, трактовались какъ безправное *быдло*, не могъ конечно возбуждать особенныхъ симпатій въ козакахъ, приученныхъ самую жизнь къ братству, равноправности и полной свободѣ. Малообразованность тогдашняго московскаго боярства, приближенность его передъ сильной самодержавной властью со временъ Василя III-го и Иоанна IV-го, само-собою разумѣется, не особенно возвышали его надъ другими сословіями и не вносили большой *разницы* въ отношенія этихъ сословій другъ къ другу и государству. Вотъ почему социальный строй московской Руси, уже помимо единства происхожденія и единства вѣры, какъ будто ближе подходилъ къ такому-же строю Малороссіи и болѣе естественною казалась связь этихъ частей древней Руси между собою и ожидалась большая прочность ихъ политическаго единства. Въ утѣшеніе современнымъ польскимъ политикамъ можно связать и теперь, что ихъ сладкія цѣсни, ихъ заигрыванія могутъ быть пріятны только отдѣльнымъ, немногимъ и недалекониднымъ лицамъ, утратившимъ народное чутье и не знающимъ или не понимающимъ исторіи; въ истинныхъ-же представителяхъ народныхъ интересовъ и въ массахъ населенія такіа подходы и обѣщанія вызываютъ только улыбку или трудно сдерживаемое неудовольствіе. Все лучшее и истинно-народное будетъ всегда на сторонѣ православія и Блага Царя.

Къ сожалѣнію въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, лица, стоявшія во главѣ московскаго управленія, замкнутыя въ волшебномъ кругѣ самоувѣренности, о единоплеменности присоединяемаго народа не помнили, считали его черкасскимъ племенемъ, задачи государственныхъ широкѣ не понимали и даже въ самой вѣрѣ присоединявшихся усматривали такіа еретическіа особенности, что не только съ большимъ недоустріемъ относились къ южному духовенству въ Москвѣ, когда оно являлось туда, какъ болѣе образованное, въ качествѣ учителей, но неблагопріятно смотрѣли на него и по присоединеніи Малороссіи, осуждая церковныя порядки и тѣ незначительныя отступленія отъ формы восточной, которыя, нисколько не измѣняя чистоты и сущности православія, были слѣдствіемъ сосѣдства съ Польшей и слѣдствіемъ религіозной всеародной борьбы съ латинствомъ во время введенія уни. Какъ-бы то ни было, но неудовольствія въ области политики и церковныхъ

дѣлъ до такой степени въ это время выдвинулись и настолько усилились, что уже при пріемникѣ Богдала Хмельницкаго, Иванѣ Выговскомъ въ Малороссіи является серьезная попытка отложенія отъ Москвы и соединенія съ Польшей (такъ называемый гадячскій договоръ). Съ другой стороны и московское правительство какъ-бы тяготилось новымъ приобрѣтеніемъ и не задумалось впоследствии уступить Польшѣ, какъ лишнее бремя, западную, заднѣпровскую часть его. Одновременно съ этимъ и вопросъ о единствѣ церкви и подчиненіи кievской митрополіи московскому патріарху, возникшій вновь по смерти митропол. Сильвестра Коссова, съ одной стороны — вслѣдствіе желанія избрать митрополита по давнему обычаю вольными голосами, а съ другой — вслѣдствіе требованія замѣнить избраніе назначеніемъ отъ московскаго патріарха, обострился до такой степени, что грозилъ совершеннымъ разрывомъ въ русской церкви. Такимъ патяпутымъ положеніемъ дѣлъ внимательное польское правительство не замедлило воспользоваться. Въ политическомъ отношеніи, какъ выше сказано, начались переговоры съ Выговскимъ при помощи посла Беневскаго; Рѣчь Посполитая не скупилась на обѣщанія расширенія прежнихъ правъ, полной автономіи проектируемаго „Великаго Княжества Русскаго“ и распространенія шляхетскихъ привилегій на всю козацкую старшину. Это правиломъ конечно старшинѣ, но мало могло нравиться козакамъ вообще, а посполитымъ въ особенности. Въ религіозно-церковномъ отношеніи попытки къ соглашенію сдѣлапы были представителями латино-польскаго духовенства. Архіепископъ гнѣзненскій и уніатскій холмскій епископъ Яковъ Суша писали посланія къ представителямъ гетманскаго правительства, изъ которыхъ одно (Суши къ Выговскому) и приводится ниже въ переводѣ. Посланія эти отбѣняли разницу между *русской* православной вѣрой и *московской*, по ихъ словамъ, вѣрой еретической, съ новымъ главою церкви, не существовавшимъ прежде русскимъ патріархомъ. Разумѣется *унія* встати выставлялась, какъ лучший видъ и образецъ православія. Епископъ Суша человекъ умный и образованный, но совершенно ополяченный) быть сторонникъ польскаго правительства и римской опеки. Правда, противъ покушеній латинства оль защищать свою уніатскую епархію и паству, но это дѣлалъ только въ видахъ матеріальныхъ выгодъ и желанія сохранить тѣ выгодныя для духовенства льготы особен-

ности, которыя еще оставались въ униатской церкви нетронутыми, наприм. супружеское сожительство духовенства... Въ своемъ посланіи къ Выговскому Суша съ большими натяжками и риторическою искусственностію распространяется о единствѣ церкви вообще, о ея единой главѣ и значеніи римскаго первосвященника, какъ непосредственнаго пріемника власти верховнаго апостола Петра, которому одному будто-бы поручено было пасти овецъ стада Христова. Неверные факты приводятся, какъ непреложныя истины, освѣщаются соотвѣтственно цѣлямъ и изъ искусственнаго сопоставленія ихъ дѣлаются выводы съ иезуитскою хитростію. Къ сожалѣнію въ связкѣ, хотя и хорошо сохранившихся польскихъ и латинскихъ рукописей XVII и XVIII вѣка, намъ не удалось найти конца этого интереснаго посланія. Все оно писано до такой степени мелкимъ и неразборчивымъ почеркомъ, что читать его приходилось съ большимъ трудомъ и то при помощи лупы. Весь текстъ письма испещренъ латинскими словами, какъ признакомъ учености, латинскимъ текстомъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ этого требовали приемы богословскаго разсужденія, и наконецъ выдержками изъ отцевъ церкви, какъ доказательствомъ истинности сужденія. При этихъ выдержкахъ часто упоминается о томъ, что онѣ взяты изъ книгъ *славянскаго* письма, т. е. такихъ книгъ, которыя могли быть доступны тѣмъ читателямъ, для которыхъ письмо это предназначалось. Въ концѣ прочитаннаго мною текста письма есть приписки другимъ почеркомъ, которыхъ вполнѣ прочесть никому не удалось. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что посланіе Суши указывало далѣе за изложеніемъ приведеннаго приступа на разницу между вѣрою русскою, т. е. вѣрою населенія южной Руси, находившейся до сихъ поръ въ формальной церковной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, и вѣрою населенія Руси московской, гдѣ былъ особый, не бывавшій прежде, свой патріархъ, гдѣ происходили тогда *нестроенія* и пачинался *расколъ*. Не упустить конечно случая Суша указать и на полную будто-бы свободу совѣсти въ церкви римской въ польскомъ государствѣ (какъ это высказывалъ польскій посолъ Беневскій въ Гадячѣ¹⁾). Было-ли послано приводимое письмо Суши по назначенію, какое произвело оно впечатлѣніе и

¹⁾ Костомаровъ, Монографія, т. II, стр. 126—128.

какія имѣло послѣдствія и успѣхъ, намъ опредѣленно не извѣстно. Но съ большимъ вѣроятіемъ можно полагать, что оно было дѣйствительно послано, тѣмъ болѣе, что въ сочиненіи извѣстнаго галлицкаго ученаго о. А. Петрушевича: „О святителяхъ холмской епархіи“ упоминается еще и о другомъ письмѣ (или экземплярѣ), которое Суша посылала Чайковскому, чтобы и съ этой стороны подѣйствовать на Выговскаго съ цѣлію склонить его къ униі. Такимъ образомъ можно предполагать, что для успѣха намѣченнаго дѣла были приняты всѣ мѣры, испробованы всѣ пути и предусмотрены всѣ обстоятельства, кромѣ... здраваго человѣческаго смысла и горькаго историческаго опыта въ людяхъ, къ которымъ обращались.

Письмо пресвященнѣйшаго и блаженнѣйшаго епископа холмскаго Якова Суши къ схизматичу Выговскому, козацкому гетману и кievскому воеводѣ.

(съ польско-латинскаго).

Высокоблагородный господинъ, вождь войска запорожскаго,

Милостивый государь!

Обращаясь къ вамъ, милостивый государь, съ настоящимъ моимъ письмомъ, я уже въ самомъ началѣ чувствую затруднительное положеніе отъ незнакомства съ вами, ибо оно обыкновенно производитъ недовѣріе къ людямъ; однакоже геній мудрыхъ и высокопоставленныхъ лицъ имѣетъ то особенное свойство, что, при обсужденіи вопросовъ общественнаго блага, и къ незнакомымъ являетъ надлежащее довѣріе. Поэтому я обращаюсь теперь къ вамъ съ тѣмъ довѣріемъ, какое вы мнѣ изволили внушить, какъ мужъ опытный и умный въ войнѣ и мирѣ, обращаюсь затѣмъ, чтобы, отъ души пожелавъ вамъ небесной росы и обилія земли (Быт. 22), прибавить съ моей стороны хотя малую частицу къ тому миру, который вы намѣрены теперь упрочить въ государствѣ. Восхваляемъ Всевышняго за то, что Онъ, послѣ столь мрачныхъ раздоровъ, послѣ столь страшныхъ кровопролитій, дозволяетъ намъ видѣть восходящее солнце этого мира, прекращающее ль странѣ кровавые приливы и отливы, подобно какому нибудь Эврину¹⁾.

¹⁾ Еврипу — проливъ между островами Эвбеей и материкою Греціи. — В. М.

И дай Богъ когда нибудь, при вашемъ покровительствѣ, вкусить плодовъ этого мира во всѣхъ предѣлахъ нашего отечества! Но, когда уже по меньшей мѣрѣ прекратилась междоусобная война, начинается война религіозная противъ *единства* вѣры и всюду кричатъ объ уничтоженіи *его*, всюду возстаютъ на него, какъ на Іону, и велятъ бросить это единство въ море вмѣстѣ съ Іоною. Приходится этому *единству*, этой дщери одного отечества и святой католической вѣры, воскликнуть съ Пророкомъ: „я ждалъ добра и пришло ко мнѣ зло, я ждалъ свѣта и явился мракъ; мои внутренности кипятъ и не перестаютъ; встрѣтили меня дни печали“ (Говъ, 30). Но волны и рыданія, высоко поднявшіяся, надо утешить. Я привожу здѣсь слова учителя церкви, блаженнаго Августина: „пусть устанутъ душевныя волненія, пусть прекратятся пристрастныя разсужденія, пусть будетъ одинъ Христосъ распятый на крестѣ!“ А васъ, милостивый государь, всепокоряѣйше прошу: сохраняя въ спорныхъ дѣлахъ свое мнѣніе, обратите ваше вниманіе на Спасителя нашего, распятаго на крестѣ, и на сущую истину, благоволите милостиво и внимательно рассмотреть все то, что я здѣсь, хотя и слишкомъ подробно, пишу, притомъ примите во вниманіе и то, что указать Богъ, совѣсть и справедливость.

Съ давнихъ временъ мы сильно желали переговорить съобща съ нашею не принадлежащею къ уни братіею, надѣясь, что когда выяснится въ этой бесѣдѣ одно только истинное благо, никто не станетъ возбуждать противъ насъ людей; но до сихъ поръ мы къ этому старались напрасно. А между тѣмъ извѣстно, что святые отцы всѣ возникавшіе въ церкви Божіей споры рѣшали на собраніяхъ *съобща*. И если являлся даже самый упрямый еретикъ, то онъ не раньше присуждался къ наказанію, какъ по выслушаніи и осужденіи церковью; конечно, таково право и народовъ, что никого не наказываютъ, покажутъ не разслѣдуютъ въ чужъ дѣло. Почему-же намъ, находящимся въ такомъ положеніи, отказывать въ законной защитѣ?

Мы слѣдуемъ вѣрѣ Христовой, опредѣленной св. писаніемъ и св. отцами; чѣмъ-же мы виноваты, что *единный* Спаситель основалъ *единную* церковь, а *не многія*? „Ты еси камень (Петръ) и на этомъ камнѣ созижду церковь Мою (Матѣ. 16)—*церковь*, а не *многія церкви!* И того-же святого Петра назначилъ (Онъ) верховнымъ по Себѣ пастыремъ,

а не всѣхъ апостоловъ: „паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ“, (Іоан. 21), т. е. *опах* агнцевъ и овецъ, которые нынѣ есть и послѣ будутъ, „да будутъ овцы и агнцы Мои, и ты будь ихъ пастыремъ“. Но такъ какъ въ то время, когда это говорилъ Господь, едва-ли были еще какіе либо овцы и агнцы, кромѣ апостоловъ, то (значить) онъ преимущественно св. Петру поручилъ пасты апостоловъ. Поэтому если апостолы—овцы и агнцы Христовы, какъ это дѣйствительно и есть, то св. Петръ въ силу вышеприведенныхъ словъ: *паси...* дѣйствительно и безпрекословно ихъ пастырь. Ежели-же они не овцы и не агнцы, то почему мы ихъ считаемъ святыми? а такъ какъ тотъ-же Спаситель сказалъ: „вотъ Я съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка“, (Мат. 27) т. е. съ церковью, которая есть собраніе вѣрующихъ съ законнымъ главою, то (значить) Онъ основалъ и церковь свою до скончанія вѣка и притомъ такою, какою была она при Его жизни. А церковь при жизни Его была *единая* (unicia); при жизни своей Онъ назначилъ пастыря для церкви тоже *единого* (unicum); изъ чего слѣдуетъ, что и по смерти Его церковь *едина* и пастырь *единый* и никто иной, какъ только св. Петръ, а послѣ него—его преемники. Этотъ первѣйшій апостолъ и пастырь со своими овцами, другими апостолами—пастырями другихъ людей—какъ глава со своими членами, въ то время составлявшими церковь Божию, передалъ намъ символъ вѣры, который мы громко и всенародно будемъ провозглашать и исповѣдывать до скончанія вѣка, основываетъ *единую святую и апостольскую вселенскую церковь*, въ то время, какъ другіе основываютъ *частныя* столицы. Онъ первоначально основываетъ патріархію въ Антиохіи лѣта Господня 39; оставивъ и назначивъ здѣсь преемникомъ своей власти Евдоксіа, отправляется въ Римъ и тамъ основываетъ *свою* столицу лѣта Господня 45; отсюда одновременно отправляетъ св. Марка въ Александрію и въ Александріи основываетъ александрійскую патріархію. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ городахъ основаны св. Петромъ первая святая столицы, изъ которыхъ Антиохія была главою азіатскихъ государствъ и всего востока: „государствъ, находящихся на востокѣ глава и мать“ (Хризостомъ). Александрія была главою государствъ африканскихъ и южныхъ египетскихъ, „представляя собою главенство не только въ Египтѣ, но и въ Фивахъ и Ливіи“

(Cicero). Римъ-же былъ главою не только западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ государствъ, но и всего міра: „городъ (Urbs) Римъ владыка и столица міра“. Посему и св. Петръ, пріёмивъ духовное ко временному ¹⁾, при помощи упомянутыхъ патріархій, распространялъ власть свою на всѣхъ овецъ цѣлаго міра. Наконецъ, положивши за вѣру голову свою въ Римѣ, онъ оставилъ его (Римъ) первопрестольною своею столицею и пріёмникамъ своимъ римскимъ епископамъ передалъ на вѣчныя времена власть свою—вселенскаго пастырства, данную ему Христомъ для того, чтобы единая Христомъ основанная церковь имѣла единого пастыря до скончанія вѣка. Хотя нѣкоторые и говорятъ, что такъ какъ Спаситель умеръ въ Іерусалимѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что власть Христова должна остаться при іерусалимскихъ Его пріемникахъ; но въ св. писаніи нѣтъ ни буквы, ни намёка на то, чтобы Спаситель передалъ власть свою св. Іакову іерусалимскому, хотя самъ тамъ и умеръ. Между тѣмъ о св. Петрѣ сказано ясно и свѣтлѣ солнца, и гдѣ онъ (Петръ) умеръ, тамъ и власть, дарованная ему Христомъ, осталась и излилась на всѣхъ его пріемниковъ. Вотъ почему св. Іоаннъ Златоустъ (обращаясь къ св. отцамъ) въ 54 Hom. sup. Math. говоритъ: „Христосъ этими словами возвысилъ Петра, назначая его пастыремъ всего міра и, давши ему ключи, передалъ смертному человѣку власть во всемъ, что находится на небесахъ“. А знаменитый своими сочиненіями подражатель Хризостома Теофилактъ (sup. Іоан. 21 въ славянскомъ текстѣ, зачало 64) говоритъ: „поручилъ Христосъ Петру власть надъ всѣми и хотя престоль іерусалимскій получалъ Іаковъ, но Петръ—весь всемірный“, а власть эта св. Петра такова, что она излилась на его пріемниковъ римскихъ епископовъ и нѣтъ ничего вѣрнѣе этой истины у св. отцовъ. Св. Тарасій, патріархъ константинопольскій, пишетъ къ римскому папѣ Адріану: „божественный апостолъ Петръ, котораго столицу наследовало твое братское святѣйшество, отвергъ Симона мага, отвергъ и ты симоніанъ... такъ твое братнее архіерейство священно и законно и, по волѣ Божіей обличенное архипастырскимъ священствомъ, пользуется знаменитѣйшею славою“. Здѣсь кстати замѣчу, какъ несправедливо наши, не знаю почему,

¹⁾ Accommodans spiritualia temporalibus (соглашая).—В. М.

утверждаютъ въ краткомъ нашемъ молитвословѣ 25 февраля (in Brevario nostro), будто-бы сказанный Тарасій упрекалъ означеннаго папу въ симоніи; но если онъ хвалить его такъ, что называетъ Петромъ и приписываетъ ему изложеніе симоніанъ, то очевидно онъ совсѣмъ не упрекаетъ его въ симоніи. Изложивши это для свѣдѣнія и руководства при соответственныхъ обстоятельствахъ, я возвращаюсь къ моему предмету и привожу нѣсколько словъ Феодора Студита, который жилъ во времена иконоборцевъ и такъ пишетъ къ папѣ св. Льву: „спаси насъ, верховный пастырь церкви всемірной, мы погибаемъ“; и къ папѣ Пасхалису: „выслушай насъ, глава апостольскій, Богомъ назначенный пастырь овецъ, стражъ царства небеснаго, камень вѣры, на которомъ воздвигнута каеволическая церковь, ибо ты еси Петръ, украшаешь столицу Петрову и управляешь ею“. Такое главенство подтверждаютъ всѣ соборы, на которыхъ римскій епископъ или самъ лично председательствовалъ, или-же его посланники, даже простые монахи; и, не говоря о другихъ обстоятельствахъ, славянскій текстъ гласитъ о седьмомъ вселенскомъ соборѣ: „председателями этой священной рати были: Адрианъ, папа римскій, который на свое мѣсто выслалъ благочестиваго іеромонаха и игумена римскаго монастыря св. Саввы—Петра, а также Іоанна и Ѳому іеромонаховъ, правящихъ восточными патріаршими столицами, сверхъ того съ ними были константинопольскій патріархъ Тарасій“. Считаю лишнимъ просить васъ замѣтить, что эти полномочные монахи и пресвитеры, также *какъ и апостольскіе делегаты* у разныхъ государей, правили восточными апостольскими патріаршими столицами.

Для объясненія и подтвержденія всего этого, я привожу здѣсь по славянски слова карфагенскаго собора; „были притомъ съ епископъ отцами на этомъ соборѣ и стражи мѣста (custodes loci), высланные римскимъ первосвященникомъ; стражами-же они называются потому, что высылаются первосвященникомъ въ разныя страны и государства, дабы исполнить данныя имъ порученія и, заступая его мѣсто, пользоваться почестію ему воздаваемою, заботясь объ истинной вѣрѣ и охраняя ее во всѣхъ краяхъ. Столицу апостольскую назвали римскимъ престоломъ, такъ какъ *глава* апостоловъ Петръ на немъ прославился и послѣ себя назначилъ на немъ первосвященникомъ Ливуса“. Не говорю здѣсь о томъ, какъ римскіе епископы однихъ патріарховъ низвергали, другихъ

назначали, какъ къ нимъ высылались аппеляціи по разнымъ обидамъ и спорнымъ дѣламъ, какъ безъ ихъ согласія не созывались и не утверждались соборы. Всѣмъ этимъ переполнены церковныя исторіи, соборныя акты, наши сборники такъ, что столько Илліадъ (Illiades) даже трудно собрать въ одно цѣлое.

Но здѣсь уже и начало несчастій св. церкви нашей, на которое надо указать, какъ будто указывая пальцемъ. Когда послѣ языческихъ тирановъ Господь далъ церкви христіанскихъ государей и когда человеческое благоволеніе обратилось къ Іерусалиму, освященному кровію Спасителя, то вскорѣ появился канонъ (7 постановленіе): „епископъ Азіи долженъ пользоваться *почетомъ*, при сохраненіи самостоятельности палестинской митрополіи“. (Императоръ Элій Аоріанъ называлъ Іерусалимъ Азією и возобновилъ разрушенный городъ). Хотя нѣкоторые изъ этого (канона) заключаютъ, что іерусалимскій епископъ немедленно былъ исключенъ изъ юрисдикціи и кесарійскаго и палестинскаго митрополита и былъ самостоятельнымъ патріархомъ, однако другіе говорятъ, что хотя онъ пользовался почетомъ, но все таки находился въ подчиненности своему митрополиту въ антиохійской патріархіи, что соблюдалось и во времена св. Іеронима. И хотя потомъ Ювеналій іерусалимскій на эфесскомъ вселенскомъ соборѣ старался о томъ, чтобы ему подчинилась вся Палестина, однако св. Кириллъ этому воспротивился и только на халкедонскомъ соборѣ онъ достигъ того, что епископу антиохійскому были поручены двѣ Финикіи, Аравія и другіе отдаленные народы, а ему три Палестины; затѣмъ хотя папа св. Левъ отвергнулъ такое рѣшеніе и достигъ того, (что) постановленіе о власти осталось безъ послѣдствій, однако-же, по обычаю или вслѣдствіе злоупотребленія, эта власть іерусалимскаго епископа обратилась въ законъ. Извѣстно также и то, что знаменитый императоръ Константинъ Великій, по своему смиренію, уступилъ Римъ св. Сильвестру, самъ-же перенесъ столицу свою въ Византію, находящуюся во Фракіи и принадлежащую къ гераклійской митрополіи; и это также полезно знать, что вся Европа, слѣдовательно и Фракія, принадлежала къ частной римской патріархіи. „Слѣдовательно римскій (епископъ) владѣлъ всею Европой“ (говоритъ одинъ грекъ) и послѣ многого представляетъ: „владѣлъ Паннонією и всѣмъ Иллирикомъ, Македонією и

Фракією, въ которой была Византія и всѣми землями, далѣе лежащими къ западу; все это подчинялось римскому (епископу)⁴. Хотя Русь и крещена патріархомъ константинопольскимъ, однако уже потому, что составляетъ часть Европы, влѣсть съ своимъ патріархомъ принадлежитъ къ римской епархіи, тѣмъ болѣе, что епископъ римскій есть общій патріархъ всего христіанскаго міра, что я выше доказалъ.

Изложивши это, я обращаюсь къ главному. Когда, по перенесеніи императорской столицы, византійскіе епископы увидѣли блескъ императорскаго величія, славу римскаго сената, обиліе благъ для ихъ собственнаго престола, почести, воздаваемыя другимъ патріархамъ, имѣющимъ власть надъ многими епископами, обширность другихъ епархій, то, какъ душа человѣческая часто возбуждается завистію, они сами начали стремиться къ такому-же значенію при подстрекательствѣ прага, распространителя Зизаніевъ¹). Хотя по опредѣленію соборовъ и по повелѣнію государей (о которыхъ глубокое молчаніе) они, отложившись отъ гераклійскаго митрополита, сами сдѣлались архіепископами, не имѣя въ вѣдѣніи своемъ ни одного епископа, но это сдѣлалось или ради знаменитости столицы, или ради личныхъ заслугъ, или при посредствѣ и по назначенію государей. И только въ 382 году, т. е. спустя 62 года послѣ возвышенія епископа іерусалимскаго, опредѣленъ на второмъ вселенскомъ соборѣ третій канонъ: „епископъ Царьграда почитается послѣ римскаго“ и прибавлено по-латыни и по-гречески, „потому, что Царьградъ есть Новый Римъ“; такъ говорятъ разныя греческіе авторы, но въ многихъ другихъ можно заключить, что это не постановленіе, а прибавленіе послѣ собора. Между прочими доказательствами весьма важно и то, что Хризостомъ, жившій послѣ этого собора, будучи константинопольскимъ епископомъ и приглашенный на судъ Теофиломъ александрійскимъ въ своей епархіи, изложивши многія статьи въ свою защиту, ничѣмъ инымъ не защитилъ себя, какъ только никейскимъ соборомъ, который воспрещаетъ судить епископовъ въ ихъ епархіяхъ. Очевидно, что сказаннаго канона еще тогда не было, ибо, если-бы Хри-

¹) *Zizaniou*—плевель, ересь,—намекъ на современнаго Зизанія, противника уніи.

зостомъ зналъ, что ояъ *второй* (епископъ) послѣ римскаго папы, то однимъ словомъ опровергъ-бы Теофила: „ты не можешь судить меня, (потому что) я старше тебя“. Этотъ канонъ подтверждають потомъ греки на халкидонскомъ вселенскомъ соборѣ, послѣ отъѣзда послонъ папы св. Льва: „епископъ Новаго Рима пользуется равною почестію съ епископомъ Стараго Рима по причинѣ авторитета своего главенства; по сему первосвященники азіатскіе, еракійскіе и варварійскіе должны быть ставлены епископомъ константиновольскимъ“¹⁾. Услышавъ объ этомъ, упомянутые послы возвратились на слѣдующій день (на собраніе), сдѣлали возраженія и опротестовали (поставовленіе), говоря: „если у васъ есть привилегіи вашей столицы, такъ зачѣмъ объ нихъ хлопочете; если-же ихъ нѣтъ, то зачѣмъ ихъ выставляете для смущенія другихъ“. Вѣдь самъ Анатолій, примирившись со сказаннымъ папою, потомъ уничтожилъ этотъ канонъ. Наконецъ греки подтверждаютъ эту власть свою на трулльскомъ соборѣ²⁾ въ Константинополѣ такъ: „епископъ константинопольскій получаетъ одинаковую власть послѣ римскаго“³⁾ и этотъ частный соборъ наши греки присоединяють къ шестому вселенскому собору, какъ это подтверждаетъ Макарій Анкирскій: „не смотря на то, что они этотъ соборъ, по словамъ патріарха Тарасія (въ рѣчи къ св. отцамъ седьмого собора, совѣщаніе 4), составили черезъ 4 или 5 лѣтъ, по другимъ черезъ 10, по Теофанію, константинопольскому патріарху—черезъ 27 лѣтъ послѣ шестого вселенскаго собора“. Причину-же, по не сущности, этого присоединенія они оправдывали тѣмъ, что свитые отцы не устанавливали канононъ ни на пятомъ, ни на шестомъ вселенскихъ соборахъ. (Но) вселенскіе соборы могутъ быть и безъ канононъ; они собираются, какъ говоритъ папа св. Левъ, для

¹⁾ Въ другомъ спискѣ этого письма на поляхъ прибавлено по-славянски: Новаго Рима епископъ епископу Ветзаго Рима равенъ честию царствія ради; почему епископы азіатскій, еракійскій и варварійскій епископомъ Константинограда да поставляются.—В. М.

²⁾ *Consilium Trullanum* въ 680 г. и при Юстиніанѣ II въ 692 г. получалъ названіе отъ *труллу*—залы во дворцѣ императоровъ, гдѣ ояъ соби-рался.—В. М.

³⁾ Въ другой рукописи на поляхъ по-славянски: Константиногра(да) епископъ по риметѣмъ епископѣ равную пріятъ власть. Въ подлинникѣ: *Constantinopolitanae civitatis episcopus post Romanum aequalem accipit potestatem.*—В. М.

истребленія ереси и утверждениа католической вѣры. Къ тому-же пятый вселенскій соборъ, бывшій за 129 лѣтъ передъ шестымъ, и безъ канонвъ имѣлъ свой непоколебимый авторитетъ: почему-же не могъ его имѣть и шестой? Все это они выдумали для того, чтобы своему частному трульскому собору придать значеніе и авторитетъ вселенскаго собора. Кромѣ того на немъ не были епископы римскихъ странъ. Одиаъ грекъ (Никита Никейскій) свидѣтельствуеъ: „однако-же, за отсутствіемъ римлянъ, каноны, которые называются канонами шестого собора, были обнародованы немного спустя, при Ринотметѣ (онъ-же Юстиніанъ¹⁾); съ этого времени стали появляться отпаденія римлянъ, что доказываютъ каноны 62, 64, 65, которые кажется не приняты римлянами и не подтверждены ихъ употребленіемъ“. Изъ сего слѣдуетъ, что трульскій соборъ не имѣетъ авторитета вселенскаго собора. Подтверженіемъ сего служатъ слова св. Стефана, новаго мученика, сказанныя собору иконоборцевъ: „какимъ-же образомъ вы, отвергнуіе все святое, желаете признать этотъ соборъ священнымъ? О, безуміе! какимъ образомъ названъ будетъ вселенскимъ соборъ, на который не согласился римскій верховный святитель, безъ котораго церковныя дѣла не могутъ быть рѣшаемы“²⁾. Доказательствомъ служатъ также слова святыхъ отцовъ собора, направленные противъ иконоборцевъ: „какимъ образомъ онъ (соборъ) можетъ быть великимъ и вселенскимъ, если его не приняли и не одобрили представители другихъ церквей, а предали проклятію, ибо на немъ не было тогдашняго римскаго папы, ни его священниковъ, ни викаріевъ, и онъ не былъ созванъ ни его викаріями, ни окружающимъ посланіемъ, какъ этого требуетъ законъ о соборахъ“. Вслѣдствіе такихъ вышеизложенныхъ канонвъ, не смотря на то, что по сему дѣлу были возраженія не только со стороны римской столицы, но и другихъ патрі-

¹⁾ Императоръ Юстиніанъ II названъ Ринотметомъ (урѣзаннымъ), такъ какъ за жестокость былъ свергнутъ съ престола, и соперникъ его Леонтій обрѣзавъ ему носъ и уши. Юстиніанъ вскорѣ завладѣлъ престоломъ вторично и наконецъ былъ казненъ.—*В. М.*

²⁾ По-славянски на поляхъ: како убо, сже святая отвергне, свѣтъ сей оставити хощете (соборъ). О безвѣстія! Како и вселенскій паречется, о немъ-же не благоволи римскій первосвященникъ, безъ него-же немощно церковная правити.

арховъ, обижавшихъ этияъ, столица константинопольская возвысилась среди другихъ въ патриархіи только на томъ основаніи, какое изложено въ сказанныхъ канонахъ. Алексѣй Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя это (основаніе), говоритъ: „такъ какъ этотъ городъ гордится и императоромъ и сенаторомъ, то и получилъ главенство равное древнему Риму“ ¹⁾. Такое константинопольское главенство ²⁾ подтверждено только канонами и этимъ авторомъ, т. е. не властію данною съ неба, а временною силою. И такъ какъ онъ (патриархъ царьградскій) считается главою равнымъ римскому епископу, то является двѣ главы въ церкви Божіей! Прочъ чудовище! Такъ какъ тотъ-же Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя слова: *post Romanum* (послѣ римскаго), говоритъ, что онъ былъ вторымъ послѣ римскаго *не по почести, а по времени* ³⁾, то слѣдуетъ, что церковь Божія, столько естъ лѣтъ тому назадъ Христомъ основанная, и не имѣя *двухъ главъ*, была воплію совершенною. Напротивъ того, одианъ (Доксопатръ) говоритъ, что римская апостольская столица, вслѣдствіе перенесенія императорской столицы, лишилась и своего главенства: „такъ какъ городъ Римъ пересталъ быть императорскимъ и повелительнымъ, то, лишившись власти, онъ лишился привилегій и первенства, этотъ-же, т. е. Константинополь, какъ владѣтельный, пользовался властію и дѣйствительно престолъ епископскій владѣтельнаго града Константинополя остался первымъ, когда первый, т. е. Римъ пересталъ повелѣвать“. Тоже самое говорятъ и другіе греки. Но здѣсь какъ противъ Аристина, такъ и противъ Доксопатра и другихъ самъ собою напрашивается (прямо въ глаза бросается) человѣку такой выводъ: такъ какъ власть константинопольскихъ христіанскихъ императоровъ перешла теперь уже къ турецкимъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и власть патриарховъ перешла къ духовнымъ турецкимъ и что церкви Божіей уже нѣтъ въ этомъ мірѣ, ибо нѣтъ ея главы: въ Римѣ нѣтъ, по мнѣнію его враговъ, а

¹⁾ На поляхъ по славянскя: понеже царствомъ и бодрствомъ почтень естъ градъ сей и равное пріятъ началство ветхому Риму.—В. М.

²⁾ Еп. Суша по невѣжеству или умышленію обходитъ вопросъ о томъ, что православная церковь принимаетъ главою своимъ только Іисуса Христа.—В. М.

³⁾ Яко не быти ему второму по римстѣмъ честію, по временемъ (славян. текстъ).—В. М.

въ Константинополь—въ силу столь очевиднаго доказательства! Такъ гдѣ-же она? Ахъ, до чего доходить мысль человѣческая, опираясь не на Бога и Его слова, а на слова и постановленія человѣческія! Изъ права даннаго свѣтскими властями и изъ жалкаго честолюбія явился ненужный титулъ константинопольскихъ патріарховъ и то, что они называются *экуменическими*, т. е. вселенскими пастырями. На сколько это справедливо, даже слѣше могутъ видѣть. Всѣ наши греки, противники римской столицы, считаютъ Ахиллесовою силою своего первенства то, что глава церкви назначался и долженъ назначаться опредѣленіями отцевъ и императоровъ. Старые православные (католики) совершенно иное утверждаютъ и расходятся съ ними въ мнѣніяхъ, ибо они говорятъ, что первенство къ римскимъ епископамъ перешло не отъ святыхъ отцовъ, а отъ Господа Иисуса Христа черезъ св. Петра, не отъ христіанскихъ императоровъ по ихъ постановленіямъ, а еще до нихъ. Было-бы полезно здѣсь упомянуть, что случилось съ Павломъ Самосатскимъ, патріархомъ антиохійскимъ во время второго антиохійскаго собора, передъ первымъ никейскимъ. Святые отцы, между которыми былъ и нашъ св. отецъ, Григорій чудотворецъ, свергли съ престола этого Павла за то, что онъ представлялъ Иисуса Христа простымъ человекомъ. Тотъ упрямо не уступаетъ. Святые отцы обращаются къ императору Аврелію, милостивому къ христіанамъ, и получаютъ такой отвѣтъ, какъ мы видимъ изъ славянскаго текста: „Онъ-же (императоръ) велѣлъ римскому епископу, или тѣмъ, кому этотъ епископъ поручить, изслѣдовать, справедливо-ли онъ (Павелъ) изложилъ, и изгнать его изъ христіанской церкви, что и случилось“, какъ пишетъ Евсеій Памфильтъ. Здѣсь я останавливаюсь и спрашиваю, по какому праву (обращались) къ императору Аврелію... (конца нѣтъ) ¹⁾.

Сообщилъ В. Т. М—чь.

19 февраля 1883 г.

¹⁾ Р. С. Когда это письмо еп. Суши было уже переведено, я нашелъ отрывокъ другой рукописи, болѣе четкой, но безъ начала и конца, съ пометкою: *остальное не достаетъ*. Въ этомъ новомъ спискѣ на поляхъ противъ соответственныхъ мѣстъ латинскаго текста помѣщены я славянскій переводъ, приведенный мною въ выноскахъ.—В. М.

Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в.

*По современнымъ описаніямъ *).*

Послѣ возвращенія запорожцевъ изъ Турціи въ подданство Россіи въ 1734 г., кievскій генераль-губернаторъ, за посредствомъ котораго велись переговоры о припятіи, становится „главнымъ ихъ командиромъ“, какъ называютъ его указы того времени. Порядокъ внутренняго самоуправленія запорожцевъ не тронуть былъ ни сколько, но посредство генераль-губернатора требовалось для представленія восподданиѣйшихъ ихъ просьбъ и жалобъ, для объявленія имъ высочайшей воли, въ особенности-же для виѣшняго представительства по пограничнымъ отношеніямъ Запорожья къ Турціи и Польшѣ. Для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями Коша, въ средѣ самой Сѣчи былъ устроенъ ново-сѣченскій региментъ съ командиромъ изъ русскихъ офицеровъ, а для разбора поземельныхъ споровъ съ ихъ сосѣдами и взаимныхъ жалобъ, особенно участившихся съ 1744 г., генераль-губернаторъ посылалъ въ запорожскую Сѣчу особыхъ офицеровъ, кромѣ упомянутаго командира.

Благоволившаго къ запорожцамъ и способствовавшаго ихъ переходу въ Россію барона Вейбаха смѣнилъ генераль-губернаторъ Леонтьевъ, который питалъ къ нимъ особое нерасположеніе и постоянно хлопоталъ предъ высшимъ правительствомъ объ отмініи ихъ самоуправления. Безспорно Запорожье составляло самую хлопотливую для него „команду“, а для посылаемыхъ имъ туда офицеровъ поѣздки эти были самыми тягостными командировками: запорожскіе порядки представлялись имъ крайне уродливыми во всѣхъ

*) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили два «дѣла» бывшей ген. губ. канцеляріи, найденныя въ разстреланномъ видѣ, безъ начала и конца, въ архивѣ кiev. губ. правленія.—А. А.

отношеніяхъ, а потому вопросъ о заведеніи „лучшихъ порядковъ“, „о прекращеніи свосвольствъ“ не сходитъ у нихъ съ языка.

По поводу частыхъ жалобъ на запорожцевъ со стороны турецкихъ властей, ген. губ. Леонтьевъ нѣсколько разъ въ теченіи 1742 и 1743 г. обращался въ пр. сенатъ съ донесеніями о „свособольствахъ“ запорожцевъ, заявляя, что „ежели воровство и своевольство ихъ запорожское пресѣчено не будетъ, то могутъ важныя причины послѣдовать“. Правительствующій сенатъ, предписывая Леонтьеву для отвращенія запорожскихъ „своевольныхъ поступковъ“ самому „пристойные способы изыскивать и употреблять“, потребовалъ наконецъ отъ него мнѣнія о томъ, какія онъ съ своей стороны „лучшія учрежденія объ нихъ учинить разсуждаетъ“. Въ отвѣтъ на это Леонтьевъ въ 1744 г., сообщая цѣлый рядъ новыхъ жалобъ на запорожцевъ, для разбирательства которыхъ отправлялся въ Сѣчь подполковникъ Плѣбовъ, и обвиняя Кошевыхъ въ сочувствіи и потакательствѣ набѣгамъ и грабежамъ запорожцевъ, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ исключительно къ ограниченію запорожскаго самоуправленія. Въмѣсто обычнаго избранія Кошевого всеобщей подачей голосовъ, онъ рекомендуетъ выборъ онаго возложить на „надежнаго и искуснаго штабъ-офицера“, при участіи старшинъ, куренныхъ атамановъ и лучшихъ козаковъ отъ трехъ до четырехъ съ куреня, назначеніе къ Кошевому писаря изъ опытныхъ канцеляристовъ войсковой генеральной канцеляріи и опредѣленія къ Кошевому-же особаго офицера, который-бы его по присылаемымъ указамъ и ордерамъ „исполненіе чинить принуждалъ“. Относительно куренныхъ атамановъ генералъ-губернаторъ допускаетъ свободный козачій выборъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ утверждался все-таки особыми указами и на куренныхъ лежала-бы обязанность главнымъ образомъ полицейская и исправное веденіе списковъ козаковъ, а также ежемѣсячные репорты Кошевому о наличныхъ и отлучныхъ козакахъ. Но, рекомендуя такой порядокъ, генералъ-губернаторъ и самъ не надѣялся на возможность скорого и безпрепятственнаго его осуществленія и рекомендовалъ соблюсти въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую постепенность, „дабы запорожцевъ, привыкшихъ къ своевольству и легкомыслію, единожды вовсе не озлобить и въ сумнѣніе не привести, и не дать имъ повода говорить: чего де изстари не бывало, а нынѣ регулъ вводить стали“.

Правительствующій сенатъ не призналъ проектовъ Леонтьева своевременными и полезными и велѣлъ ему къ воздержанію заporожцевъ отъ „своевольствъ“ изыскивать „пристойные способы“. Между тѣмъ пограничные споры и ссоры между татарами и запорожцами усиливались и привели въ концѣ 1748 г. къ учрежденію смѣшанной слѣдственной комисіи, въ которую, въ качествѣ депутата со стороны русскаго правительства, былъ назначенъ Леонтьевымъ секундъ-маіоръ Александръ Никифоровъ. Этому-то русскому депутату и обязаны мы тѣмъ любопытнымъ документомъ, съ которымъ хотимъ познакомить нашихъ читателей.

И не буду здѣсь касаться самаго слѣдствія¹⁾, въ которомъ пришлося участвовать Никифорову, ли тѣхъ пограничныхъ отношеній, съ которыми оно могло-бы насъ познакомить, имѣя въ виду лишь оставленное нашимъ депутатомъ описаніе внутреннихъ распоряженій въ Сѣчи запорожской, которые онъ имѣлъ случай наблюдать. Но прежде слова два о томъ, при какихъ обстоятельствахъ составлено это описаніе и что послужило поводомъ къ представленію онаго по начальству.

¹⁾ Объ этомъ слѣдствіи имѣются свѣдѣнія въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго (см. 2 изд. 1846 г., ч. II, стр. 150—158) не совсѣмъ точныя. Въ запорожскомъ архивѣ, драгоцѣнный матеріалъ котораго остается до сихъ поръ неизданнымъ, г. Скальковскій нашелъ объ этомъ слѣдствіи очевидно неофициальный документъ, озаглавленный такъ: «Журналъ всѣхъ разговоровъ и преній комисіи» — и напечаталъ его почти цѣлкомъ въ 1841 г. въ статьѣ своей «Сюжетъ Запорожья съ Крымомъ», ставшей теперь библиографическою рѣдкостью. Но не видно, чтобы у него были въ рукахъ самыя жалобы татарскія, представленныя Леонтьеву и возбудившія слѣдствіе. Подлинники татарскихъ писемъ сохранились (частію) въ томъ разбитомъ «дѣлѣ», о которомъ мы выше упомянули и которое представляетъ значительную часть всего слѣдственного производства. Укажу здѣсь лишь на немногія неточности извѣстій г. Скальковскаго объ этой комисіи и противорѣчія тѣмъ несоизвѣстнымъ указаніямъ, какія найдены мною въ упомянутомъ «дѣлѣ». Г. Скальковскій говоритъ лишь о претензіяхъ крымскаго хана, тогда какъ одновременно предъявлены были и особыя претензіи буджацкаго сераскерь-султана, отъ котораго и депутаты въ сказанную комисію прибыли раньше. Кроме того г. Скальковскій говоритъ, что секундъ-маіоръ Никифоровъ прибылъ въ Сѣчь въ мартѣ мѣсяцѣ 1749 г., а крымскіе депутаты 8-го апрѣля того-же года, тогда какъ изъ подлинныхъ репортовъ Никифорова видно, что самъ онъ прибылъ въ Сѣчь 22 декабря 1748 г., а крымскіе депутаты 4-го мая слѣдующаго года, дѣйствія-же слѣдственной комисіи открылись 25 мая.

Въ комиссію, въ которую былъ назначенъ Никифоровъ, онъ прибылъ очень рано, именно 22 декабря 1748 г., тогда какъ уполномоченные крымскаго хана и буджацкаго сераскерь-султана явились лишь въ маѣ слѣдующаго года. Ему приходилось ждать въ Сѣчи болѣе 4-хъ мѣсяцевъ: донося Леонтьеву о своемъ прибытіи въ Сѣчь, Никифоровъ жаловался на продолжительность и трудность пути, на томительность ожиданія, на неудобства жизни въ дикомъ почти мѣстѣ, надѣясь вѣроятно разжалобить начальство и избавиться отъ тягостной комиссіи; но въ отвѣтъ на это Леонтьевъ прислалъ ему рѣзкій и „кусагельный“ выговоръ, называя его жалобы „бреднями, прихотами и курьезными церемоніями“ и предписывая исполнять то, что указано ему инструкціею.

Чтобы не „праздно время препровождать“ и поправить дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ репортомъ, Никифоровъ сталъ присматриваться къ сѣчевымъ распорядкамъ, крайне ненавистнымъ Леонтьеву, и строчить о нихъ донесенія, которыя впрочемъ могли быть и прямо поручены ему инструкціею ¹⁾. Въ помощь ему присталъ войсковой писарь Петръ Черпавскій, помогавшій ему въ составленіи *Описанія*, а можетъ быть и самъ настрочившій оное, какъ можно будетъ заключать изъ послѣдующаго. Никифорову, выросшему въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, запорожская вольница и неограниченная свобода выборовъ не могли иначе представляться, какъ верхомъ своеволія, безсмыслицы и безобразія, потому въ описаніи происходившихъ при немъ выборовъ не проглянула ни одна свѣтлая черта, а въ предшествовавшихъ донесеніяхъ онъ со всею силою настаиваетъ на отмініи выборовъ въ Запорожьи и подчиненіи его строгимъ регуламъ. Вѣрность такихъ убѣжденій, казалось ему, раздѣляла сама козацкая старшина, которая по секрету открывалась будто предъ нимъ въ своемъ за-

¹⁾ Вообще какъ бывшимъ въ Сѣчи офицерамъ, такъ и послышавшимся туда нарочно, поручалось вѣкоторое согладатейство за дѣйствія сѣчевой старшины, и о ней она сообщала свои аттестаціи. Мы встрѣялось особое дѣло 1747 г., такъ озаглавленное: «О развѣдыванія объ учрежденіи на мѣсто бывшаго войска запорожскаго Кошевого атамана Василія Григорева Кошевожь-же атаманъ Павлѣ Козелецкомъ, какого онъ состоянія». Развѣдываніе, производившееся по порученію того-же Леонтьева, на основаніи указа прав. совета, копчилось въ пользу Козелецкаго.

вѣтномъ желаніи, „чтобъ какъ Кошевой атаманъ, такъ и судья, жалованы были отъ ея императорскаго величества или отъ правительствующаго сената, а куренные атаманы отъ высокаго генералитета, и чтобъ таковой былъ порядокъ, какъ въ войскѣ донскомъ“. Понятно, что, вращаясь, какъ и изъ его репортовъ видно, въ кругу нѣсколькихъ недовольныхъ старшинъ, во главѣ которыхъ стоитъ темная личность писаря Чернавскаго, Никифоровъ все слышанное отъ нихъ не только на вѣру принималъ, но и обобщалъ, а историческій духъ общины былъ настолько выше его разумѣнія, насколько собственное его довѣріе превышало искренность бесѣдовавшихъ съ нимъ, которые не могли иначе и представить почтеннаго секундъ-маіора, какъ только въ роли развѣдчика. Самъ-же Никифоровъ въ своихъ репортахъ къ генералъ-губернатору всегда выдѣлялъ своихъ „почетнѣйшихъ“ собесѣдниковъ, завѣряя его, что „во ономъ войскѣ запорожскомъ, кромѣ вышедонесенныхъ людей, другіе добросовѣстные едвали найдутся“. Все это мы сочли необходимымъ сказать для опредѣленія значенія того описанія, которое Никифоровъ приложилъ къ репорту своему отъ 11-го января „для единого извѣстія“. Вотъ текстъ этого интереснаго описанія.

Описаніе о происшедшемъ въ Сѣчи запорожской выборѣ въ кошевые атаманы, въ судьи, писари и эсаулы, такожъ и въ разныя мѣста въ полковники, обыкновенно въ новомъ годѣ, сего 1749 года января 1-го дня, и до того числа что происходило и при томъ по ихъ обычаю что слѣдовало, значитъ у сего.

Къ празднику Рождества Христова находящіеся по степямъ и рыбнымъ ловлямъ изъ зимовниковъ козаки съѣхались въ Сѣчь, числомъ которыхъ изъ живущими въ Сѣчи болѣе не превосходило какъ до пяти тысячъ, между которыми по большей части были презрѣльные пьяницы, изъ людей по здѣшнему называемые *сирожакми*, не пьющіе у себя не точію лошадей или какого скота, но ниже на плечахъ платья, и чрезъ зиму валяются въ куреняхъ до весенятаго времени.

Въ оной праздникъ Рождества Христова, по отслушаніи божественной литургіи, всѣ разошлись по куренямъ, а послѣ обѣда Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ долженъ былъ бутленое вино въ трехъ бочкахъ, по цѣнѣ на сто пять рублей, для приласканія козаковъ роздать въ курени по равному числу, а сверхъ того непрерывно приходящихъ къ нему поилъ виномъ-же и медомъ. То-жъ чинили судья Никита Сан-

бика и войсковый писарь Андрей Миргородскій съ нѣкоторою противъ Кошевого отамана убавкою, и такимъ образомъ продолжалось даже до перваго числа генваря; толь найпаче сиромахи находились въ непрерывномъ пьянствѣ, чиня при томъ неописанное своевольство и старымъ и умнымъ козакамъ безпокойство и явное оскорбленіе, отъ коего угощены не были. Ибо сей выборъ въ старшины не отъ старыхъ и умныхъ людей и не отъ куренныхъ атамановъ зависить, но отъ упоминаемыхъ сиромахъ. А нездолго до того онъ, Кошевой, по согласію съ судьей, съ виномъ погребѣ, дабы пьяницъ и своевольниковъ не умножилось, запечаталъ, яко-же въ оный день праздничный два человѣка изъ козаковъ отъ вина померли.

Помянутые сиромахи, или, по просту сказать, пьяницы и плуты, когда у нихъ во всю ту недѣлю пьянство продолжалось, между собою соглашались тайно, кого въ кошевые атаманы, въ судьи, въ писари, въ эсаулы, въ довишши или литаврицши и пушчари выбрать.

Въ день 1-го сего генваря по отслушаніи божественной литургии Кошевой и куренные атаманы, также и значные козаки и вся чернь разошлись по куреннымъ и за городомъ по дворамъ.

Вскорости послѣ того лежащій въ церкви прапорецъ или знамя (ибо по ихъ обычаю какъ клеймоты, такъ бунтушки и знамена въ церкви хранятся) вынесено на дворъ и поставленно близъ трапезныхъ дверей, да къ тому принесены литавры и какъ сіе скоро поставлено, тогда Кошевой атаманъ и войсковою судьи, взявъ жалованья, данилы и серебромъ оправленные, трости, да онъ же, Кошевой, притомъ съ собою взявъ войсковую печать, а писарь войсковую большую серебрянную чернильницу, эсаулъ простую палку безъ всякой оправы, изъ жилищъ своихъ вышли и пришедъ къ прапору, поставились въ одинъ рядъ по старшинству своихъ чиновъ, снявъ шапки; а куренные атаманы становились, зачиная правый флангъ отъ Кошевого и такимъ порядкомъ кругомъ и лѣвый флангъ примыкаеть къ войсковому эсаулу, безъ шапокъ-же. Вся чернь, въ презрѣльномъ будучи пьянствѣ, числомъ наиболѣе трехъ тысячъ, стояла за куренными отаманами и кругомъ церкви, такъ что въ ихъ городкѣ другимъ вмѣститься было невозможно, за чѣмъ немалое-жъ число сидѣли поверхъ куреней и на колокольницѣ, а иные стояли по валу и по рѣкѣ.

Какъ скоро все собралось, тогда метали жеребьи, написанные на малыхъ ярлыкахъ о рѣчкахъ и озерахъ, которые рыбною ловлею на который курень достанутся. Сіе такимъ образомъ слѣдовало: помянутый войсковой писарь заблаговременно всѣ рыбныя ловли по числу куреней росписалъ по ярлыкамъ и тогда, положя все вдругъ въ шапку, трусилъ,

а куренные отаманы одинъ по одному разобралъ, означенный-же писарь тѣ ярлыкы всѣ вслухъ прочелъ, за что куренные отаманы, поблагодаря, разошлись по своимъ куренямъ, или кто куда хотѣлъ.

Какъ скоро упомянутые отаманы разошлись, тогда, ради наибольшаго собранія бозаковъ, добилишь или литавричь билъ на литаврахъ, въ чему еще много съѣхалось, такъ что многидъ не токмо чего слышать, но ниже того видѣть можно было.

По прибытіи того сбора, Кошевой отаманъ, судья, писарь и эсаулъ всему войску запорожскому на всѣ стороны кланялись и громкимъ голосомъ благодарили за начальство.

Сія вышеписанная чернь, выслушавъ сіе, закричали весьма громко, всякій своимъ голосомъ, и нѣкоторые, браня оную старшину северными и непотребными словами, говорили, что надобно ихъ скинуть, упоминая при томъ, что де козачьяго хлѣба уже наѣлись, и кричали-же «положи» (сіе «положи» значитъ тако: когда уже старшину съ общаго согласія лишать того достоинства, тогда Кошевой, судья и эсаулъ повинны шапки свои положить на землю, а поверхъ того вышеупомянутыя жалованныя трости и печати, а писарь чернильницу, а послѣ, взявъ тѣ шапки, убѣгаютъ въ куреня или куда далѣе скрываются, дабы убить не могли). Прочіе-же, по большей части державшіе партію Кошевого отамана, кричали, что бытъ сему Кошевому и писарю, полагая на ихъ главы песокъ и землю, а нѣше и за волосы тянули, говоря: будьте, паны, здоровы и сыры, противники-жъ тому выбору вступили въ драку, которую жестоко и на долгіи часъ производили, а Кошевого и писаря прижали къ церкви, отчего они едва не померли. Наконецъ-же судью Иньиту Санбика лиша того чина, выбрали другого: титоровскаго куреня Василія Богацько, да въ эсаула васюрнискаго куреня изъ простыхъ бозаковъ Петра Давида, а прежняго прогнали кулачемъ, да въ полковники въ Гардъ, въ Колміусъ, въ Байдакъ и въ протчіи мѣста которыхъ надлежало пять человекъ, по вмѣсто того двадцать человекъ избрали, старался всякій отъ своего куреня въ таковыя чины удостойтъ, чины при томъ между собой жестокии драки и наконецъ, взявъ кошевого отамана, судью, писаря и эсаула, также и полковниковъ, вели въ комору кошевого отамана съ такою порядочною честью: они за волосы тянули, а они по бокамъ кулачемъ и пинками били и такъ едва живыхъ до того мѣста довели и не оставили одного ребра, чтобъ которое помято не было. И вошедъ онъ, Кошевой, съ помянутою старшиною въ свою комору, задерся и никого болѣе не пустялъ, и такъ до самаго вечера, пребывая тамъ, отдыхали.

Сія-жъ предрѣченная чернь разошлась по куренямъ и за городокъ по дворахъ и на счетъ вновь избраннаго судьи брали изъ одного шинка

вино котлами, коновзками, ведрами и горшками, коего разобрано на немалыя деньги, и такъ веселились чрезъ всю ночь, чини между собою согласно, чтобъ и завтрашній день выбранную 1-го дня генваря старшину лишить, а другую избрать и нѣкоторый бунтъ учинить, о коемъ ниже сего послѣдуетъ.

Генвари 2-го числа поутру рано рѣченная чернь, будучи вѣкъ городка, чинили выборъ въ пушкари при пушкарской коморѣ, гдѣ и стояли прибывшіе турки и татары, съ превеликимъ-же крикомъ и дракою, однако по несогласію никого выбрать не могли, а во весь день находились въ пьянствѣ и бродили какъ-бы безумные; прочіе-же постоянные и зажиточные люди, кои въ Сѣчь для смотрѣнія пріѣзжали, разтѣхались въ свои зимовики.

Въ самой скорости по отслуженіи вечерни вся та чернь, вывъ изъ церкви литавры (кои для того положены были, дабы своевольники бѣючи тревоги не учинили) вмѣсто палокъ полѣньемъ были сбортъ, къ чему всѣ тѣ голые собравшись и поймавъ одного бывшего предъ нѣкоторымъ временемъ судью Ивана Водолагу въ судьи-же, а въ эсаулы одного пьянаго козака, не имущаго на себѣ одежды. И въ самый тотъ шумъ выбранные въ первый день генваря писарь Миргородскій, который и до сего писаремъ-же былъ, судья Богацько, эсаулъ Давыдъ сошлись къ Кошевому въ комору и сидѣли запершись, будучи въ превеликомъ страхѣ, дабы убиты не были. Однако отъ тѣхъ выборщиковъ немалая часть, прибѣжавъ къ Кошевому, просили, дабы онъ неостѣбно на ихъ раду шелъ, который по необходимости и крайне опечалився, взявъ по ихъ обычаю войсковую печать и церемоніальную трость, а таковую-жъ и судѣя давъ, пошли на раду. И какъ онъ Кошевой съ судьею и эсауломъ къ церкви выступили, тогда тѣ всѣ сиромахи, бросившись къ нему, возвратили въ его покои съ такою-же честью, какъ выше упомянуто, говоря при томъ, что ты нашъ батько и будь паномъ на здоровье и до тебе ведемъ вновь выбранныхъ судью и эсаула, о коихъ уже выше упоминается, и такъ оныя, пришедши въ покои заперлись, а у прежняго судьи Богацько трость, а у эсаула обыкновенную палку отняли, прогнали.

Оныя-жъ сиромахи или чернь, какъ имѣли до сего согласіе и потому при семъ случаѣ намѣрены были свои мѣры самымъ дѣйствіемъ показать, чтобъ живущихъ за городкомъ ихъ-же запорожскихъ козаковъ, всѣми потребностями торгующихъ, тако-жъ котляровъ, кузнецовъ, пушкарей, шинкарей, тожъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, грековъ и армянъ, для торгу здѣсь пребывающихъ, разбить и разогнать, а лавки отбивъ, всѣ лежащіе деньги и товары растащить, а напитки

изъ бочекъ выпустить. И къ тому охотно со всякою скоростью изъ городка начали выбѣгать было, таща съ собою литавры, и въ оныя били сборъ, дабы охотниковъ собралось; къ чему нѣкоторые два человека куренные отаманы тѣхъ сиремахъ поощряли, да и сами между ими замишались.

Какъ скоро базарные о такомъ бунтѣ провѣдали, тогда, ради защищенія себя и недопущенія до разоренія, тотчасъ собрались съ ружьемъ и дубьемъ до четырехъ сотъ человекъ и оныхъ бунтовщиковъ, не допуская ихъ до намѣреннаго дѣла, встрѣтили при самой колокольнѣ (которая стоитъ надъ самымъ ровомъ и служитъ за башню) и вонь изъ городка въ форштатъ не выпустили; а хотя нѣкоторые оттуда и выбѣжали, оныхъ били дубьемъ смертельно, причеъ и изъ оныхъ куренныхъ отамановъ одного били немилосердно. И такъ между ними происходила суетная драка, шибая изъ стороны въ сторону полѣньемъ, а сиремахи, видя озорность базарныхъ людей, принуждены были надъ колокольнею ворота запереть, а означенные базарные, опасаясь нападенія, принуждены чрезъ всю ночь не спать и при самыхъ воротахъ и при нужныхъ проходахъ стоять съ дрекольемъ. Кошевой атаманъ въ самое то время съ судькою, писаремъ и эсауломъ, спиди въ своей коморѣ, чрезъ посланныхъ отъ себя служителей, нечестно трудился, дабы куренные отаманы, всякій своего курени, старались сиремахъ отъ такого бунта отвратить, а сами для того изъ коморы выйти опасались; почему нѣкоторые старые и умные отаманы, слушавъ того повѣстїи, своихъ подчпщенныхъ отъ злаго намѣренія битьемъ палками и всякимъ увѣщанїемъ отратили.

Въ день 3-го генваря, по отслушанїи божественной литургїи, Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ учинилъ куреннымъ отаманамъ сходку и о вчерашнемъ зломъ сиремаховомъ предпрїятїи изъ отаманамъ напоминать и увѣщевать, дабы своевольниковъ упимати и таковыхъ въ куреняхъ отнюдь не держали, упоминая при томъ, что таковое дѣло, чего сначала Запорожцы не бывало, какъ въ началѣ Всевышнему, такъ и ея императорскому величеству и высокому генералитету и всему государству великая противность и предосуденїе войску запорожскому.

А при той сходкѣ, по единогласному совѣту, положили быть судьѣ прежде избранному Богацькѣ, эсаулу Петру Давыду, а прочимъ нижнимъ чинамъ всѣмъ быть прежнимъ, кон до сего были.

По скончанїи того разошлись всѣ по своимъ куренямъ и такъ, по благодати Вожеской, тотъ день прошелъ безъ всякаго мятежа и пьяныхъ рѣдо было, понеже Кошевой атаманъ во всѣхъ шинкахъ винную продажу запретилъ.

Выше мы высказали предположеніе, что въ составленіи этого описанія Никифорову помогаль, а можетъ быть и самое описаніе состряпаль, войсковый писарь Петръ Чернявскій, который видно больше другихъ сблизился съ Никифоровымъ. На эту мысль навела насъ найденная нами въ разнообразныхъ бумагахъ обширная секретная записка Чернявскаго на высочайшее имя, которую онъ въ октябрѣ 1749 г. изготовилъ и препроводилъ къ генераль-губернатору вѣроятно черезъ того-же секундъ-маіора Никифорова. Въ ней Чернявскій славнымъ образомъ распространяется на ту же тему о преимуществахъ „безперемѣннаго Кошеваго атамана“ и въ этомъ одномъ видитъ спасеніе отъ всѣхъ происходящихъ непорядковъ и хотя не думаетъ, какъ Никифоровъ, что предлагаемое уничтоженіе выборнаго начала „безъ всякаго отъ козаковъ препятствія легко учинить возможно“, но тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что такой перемѣны желаютъ будто-бы *старшкі*, которые якобы поручали ему уже въ такомъ смыслѣ и прошеніе написать, а судья „въ знакъ закрѣпы того прошенія“ и войсковую печать было отдалъ ему, но убоились безъ особой высочайшей грамоты сдѣлать это, — „многого страха ради отъ того подлого народа, что можетъ всякъ тимъ, кои будутъ въ томъ совѣтѣ, послѣдовать смертное убивство и великое и всенародное смятеніе“. Вотъ тотъ пунктъ записки, въ которомъ Чернявскій изображаетъ обычный порядокъ выборовъ весьма сходно съ описаніемъ Никифорова.

«Въ Запорожской Сѣчи при войсковомъ Коню, во время выбору въ Кошовые и въ протчую старшину, соберутся изъ всѣхъ мѣсть и изъ степеней запорожскихъ и изъ куреней множество народу. Изъ нихъ хотя сойдутся по старымъ своимъ обычаямъ и добрые во заслуженіи козакъ, но только по большей части подлой народъ въ радѣ войсковой находится, и кто таковымъ подлому народу, по ихъ надобности, имъ чинить волю и въ разбояхъ и воровствахъ и въ протчихъ самовольствахъ позволеніе, обѣ оныхъ собравши съ таковыми непостоянными людьми усилно, не слушая заслуженныхъ и добрыхъ козаковъ, къ тому выбору голосу съ великимъ крикомъ и въ безмѣрномъ пьянствѣ взывъ, его имъ по ихъ прихотямъ надобень, ведутъ къ постановленію въ старшину, а тѣхъ добрыхъ и заслуженныхъ козаковъ, напавъ на ихъ и на приведенныхъ ими въ Кошове и въ протчую старшину добросовѣстныхъ людей, чтобъ имъ таковыя не чинили въ воровствѣ и въ разбоѣ прешитствія, которое злодѣйство отъ онаго подлаго народу при такомъ-же

выбраніи въ радѣ и оказалось въ прошломъ 1739 г. (выбраннаго въ Кошевые атамана Якова Тукала убили до смерти), почему и въ нынѣшнихъ временахъ о такихъ достойныхъ выбираемыхъ въ Кошевые и протчую старшину съ великою дракой перемога всячески отъ тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ постановленіе бываетъ, но точію болѣе по ихъ подлогу народа упорству чинится хотѣнію; и притомъ выборѣ великія страженія бурень съ куренемъ имѣють, а паче тѣ злодѣи, согласясь для своего въ воровствѣ угоды между собой, и тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ, кои хотять выбрать достойныхъ въ старшину, нѣсколько до смерти убиваютъ, а кои, хотя и не до смерти убиты, но и тѣ отъ такихъ побоевъ лежавъ нѣсколько времени, помирають-же; и при тихъ частыхъ выборахъ народу весьма множество отъ того пропадаетъ, а знатные и заслуженные старики отъ того выбору не тако уже, бако въ древнія времена бывало, что при такихъ выборахъ они въ первенствѣ находились, но и убѣжавъ въ незнакомыя мѣста или запершись въ то время въ коморы, гдѣ-бъ ихъ и сыскать не могли, страха ради въ такомъ смертномъ убивствѣ и митежѣ, убѣгаютъ. Въ прошломъ 1749 г. при выборѣ въ Кошевые атаманъ и въ протчую старшину великое и богомерзкое учинили смятеніе такимъ случаемъ: какъ оніе подлой и подозрительной народъ не могъ упрямствомъ своимъ усилство учинить, что не по ихъ хотѣнію постановили въ Кошевые и въ протчую старшину, которая старшина по выборѣ того-жъ числа въ надлежащій спон въ здѣланыхъ въ церквѣ Божіей особливыхъ для старшинъ мѣстахъ во время службы Божіей въ вечернемъ пѣніи установились, въ то время тотъ подлой и подозрительный народъ, забывъ страхъ Божій, съ превеликимъ кривомъ гикнули и, ворвався въ ту церковь Божію, вытацивъ изъ мѣста за волосы новую старшину, кричанъ сквернія слова, учили бить и драть немилостиво и между собой въ той церкви въ кровь передрались и перебились едва не до смерти и учинили то, что желали, по своему хотѣнію, чего ради принужденъ быть служащій въ то время священникъ остановить и службу Божію, отъ котораго мятежа и кровопролитія, даже пока она освятилась, была нѣсколько времени безъ службы Божіей.

Представляя свою записку, Чернявскій просить, чтобы какъ записка, такъ и его имя сохранены были въ величайшемъ секретѣ, дабы запорожцы, узнавъ объ этомъ, „не предали его и прочихъ старшинъ смертному убивству, если-жъ удержать секретъ невозможно, то повелѣно было-бы его, Чернявскаго, по особливому указу, яко-бы для знатнаго секрету, въ Кіевъ или другое мѣсто взять“.

Это обстоятельство, а равно и цѣлый ряд писемъ Чернявскаго къ подполковнику Алексѣю Глѣбову, которыя находятся въ разсмотрѣнномъ мною „дѣлѣ“ и въ которыхъ Чернявскій, трепеща за свою судьбу, старается что-либо знать о судьбѣ записки, обличаютъ лживость его увѣреній, будто сама старшина добивалась проектированныхъ имъ перемѣлъ и невольно подрываютъ довѣріе къ вѣрности нарисованной Никифоровымъ и Чернявскимъ картины выборовъ въ Запорожьѣ. Въ подтвержденіе этого можно указать на тотъ фактъ, что когда генералъ-губернаторъ Леонтьевъ, виявъ донесеніямъ Никифорова и Чернявскаго и возбужденный начерченными ими картинами запорожскихъ безобразій, вновь представилъ правительствующему сенату объ учрежденіи въ Запорожьѣ войсковой старшиной по назначенію, то получалъ слѣдующій отвѣтъ въ сенатскомъ указѣ 29 мая 1749 года: „понеже такой порядокъ учредить правительствующій сенатъ, по извѣстному ихъ запорожцевъ непостоянному нраву и противъ ихъ древняго обыкновенія, весьма за невозможное и съ высочайшими ея императорскаго величества интересами не сходное быть признаваешь, и для того-бъ нынѣ оного не чинить и впредь о томъ въ правительствующій сенатъ не писать и тѣмъ напрасно не утруждать“.

Не угомоялись и послѣ этого ни Леонтьевъ, ни Чернявскій, добываясь отміны самоуправленія Запорожья и рисуя оное самыми черными красками. Первый пустилъ въ ходъ извѣстную уже записку Чернявскаго, приложивъ къ ней опять свое мнѣніе, мало чѣмъ отличавшееся отъ прежнихъ, а послѣдній вновь составилъ на высочайшее-же имя и отправилъ къ Леонтьеву столь-же обширную записку, въ которой оставилъ намъ слѣдующую враткую замѣтку о происшедшихъ въ 1750 году запорожскихъ выборахъ:

«Сего 1750 г. генваря въ 1-й день въ Сѣчи Запорожской при войсковомъ Кошу былъ въ коневые и въ протчую старшину выборъ, и тогда, съѣхавшись со степовъ, подлой и злодѣйственной народъ бывшаго кошевого отамаана Явма Малаго, съ рангу отставивъ, въ смерть убить намѣревали за то, что онъ Малаый, по высочайшимъ ея императорскаго величества указамъ, за чинимыя ими предерзости безъ унущенія штрафовать, и егда бы добрые козаки не оборонили, то-бъ всеконечно отъ нихъ, злодѣйственнаго и безсовѣстнаго народа, убить былъ. На мѣсто-же его Кошевымъ (хотя и не лежало) Василій Сычъ опредѣленъ».

Не смотря однако на всё эти страхи и ужасы, которые такъ краснорѣчиво изображали секундъ-маіоръ Никифоровъ и первый изъ „людей“ запорожской старшины, Чернявскій, первый послѣ кошевого и судья, „во всепужайшей рабской покорности“ секретно сочинявшій записки объ уничтоженіи выборнаго начала въ войскѣ запорожскомъ, обычные выборы сохранялись тамъ до самаго уничтоженія Сѣчи, и кошевые атаманъ выбирались безъ всякаго смертоубійства. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ существованія Сѣчи, въ тяжелые годы борьбы за свое существованіе, постоянно выбирался тѣми-же „презвѣльными пылицами“, какими представлялись русскимъ офицерамъ всё запорожцы, все одинъ и тотъ-же Кошевой Петръ Калишевскій, уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что, не смотря на видимую безпорядочность выборовъ, сознаніе собственныхъ дѣйствительныхъ „пользъ и нуждъ“ далеко не было чуждо всей той массѣ „сиромыхъ“, которая, составляя „славенное войско запорожское низовое“, распоряжалось выборами своихъ представителей.

Ал. Андр—скій.

Неизвѣстный доселѣ ретманъ и его приказъ.

Въ исторіи днѣпровскаго козачества яснѣя и связнѣя историческія данныя начинаются лишь съ половины XVII столѣтія. Продолжительная борьба, возникшая при Богданѣ Хмельницкомъ, и крупный переворотъ въ исторіи южно-русскаго края, бывшій ея результатомъ, вызвали многочисленныя историческія труды современниковъ, посвященныя описанію самой борьбы и ея послѣдствій; кромѣ польскихъ и иностранныхъ писателей, появился цѣлый цикл мѣстныхъ лѣтописцевъ, которые составляли повѣствованія о войнахъ Богдана Хмельницкаго и затѣмъ передавали свой трудъ преемникамъ, дополнявшимъ мѣстное лѣтописаніе дальнѣйшими свѣдѣніями о исторіи козачества во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ. Но о времени, предшествовавшемъ Богдану Хмельницкому, т. е. объ исторіи козачества за все XVI и первую половину XVII столѣтія, мѣстные лѣтописцы имѣли лишь самыя неточныя и общія свѣдѣнія, дошедшія до нихъ путемъ изустнаго преданія. У польскихъ писателей XVI столѣтія свѣдѣнія эти встрѣчались только въ видѣ крайне отрывочныхъ, случайныхъ и очень часто сбивчивыхъ извѣстій, отмѣчавшихъ лишь болѣе крупныя факты на значительномъ разстояніи времени другъ отъ друга. Такимъ образомъ точныхъ данныхъ объ исторіи козачества до времени Богдана Хмельницкаго не существовало до послѣдняго времени, когда многочисленныя изданія документовъ и другихъ историческихъ памятниковъ дозволили, хотя въ нѣкоторой степени, уяснить подробности исторіи козачества въ указанное время. Недостатокъ историческихъ свѣдѣній отразился въ трудахъ первыхъ составителей исторіи козачества: они или наполняли свои сочиненія свѣдѣніями ясно вымышленными, подобно составителю „Исторіи Руссовъ“, или-же, желая изгладить многочисленные пробѣлы, вносили въ нихъ, подобно Балтышчу-Каменскому

и Маркевичу, рассказы къ исторіи козачества не относящіеся и гипотезы не всегда удачны. Впрочемъ отсутствіе точныхъ свѣдѣній отразилось на сочиненіяхъ названныхъ писателей не только скудостью фактическихъ данныхъ, но и невѣрнымъ представленіемъ о бытѣ козачества въ періодъ времени до половины XVII столѣтія: совершенно невольно писатели эти предполагали, что весь строй козачества, хорошо извѣстный имъ послѣ Богдана Хмельницкаго, былъ точно также развитъ и до него; они представляли себѣ гетмана, генеральную и полковую старшину, козацкія полки и сотни въ началѣ XVI столѣтія въ такомъ-же видѣ и съ такимъ-же устройствомъ, какими знали ихъ въ XVIII столѣтіи; вся трудность, по ихъ мнѣнію, состояла лишь въ томъ, что нельзя было указать послѣдовательнаго ряда гетмановъ и окружавшихъ ихъ старшинъ, и писатели эти направили всѣ усилія для того, чтобы составить такой рядъ для всего времени первоначальнаго существованія козачества за полтора столѣтія. Пользуясь неясными и неточными намеками польскихъ писателей, они приписывали званіе козацкаго гетмана всякому лицу, о которомъ нашли свѣдѣнія, что оно предводительствовало какимъ-либо козацкимъ отрядомъ, или даже любымъ ополченіемъ, ошибочно названнымъ козацкимъ; такимъ образомъ составилъ для XVI столѣтія рядъ мнимыхъ козацкихъ гетмановъ, въ число которыхъ были записаны и старосты украинные: Дашкевичъ, Лянцкоронскій, Вишневецкіе и т. д., и предводители шляхетской вольницы, какъ Сверчковскій, и политическіе иноземные авантюристы, какъ Подкова, и наконецъ лица никогда не существовавшія, какъ прославленный Федоръ Богданъ. Въ исходѣ XVI столѣтія историческія свѣдѣнія нѣсколько становятся яснѣе: съ началомъ козацкихъ реакцій противъ Польши, крупныя козацкія возстанія, а также участіе козаковъ въ крупныхъ военныхъ столкновеніяхъ польскаго государства отмѣчены довольно подробно у польскихъ историческихъ писателей, хотя все таки между отдѣльными событіями остаются довольно значительныя промежутки, которые историки Малороссіи пытались замаскировать всевозможными натяжками.

Для примѣра уважемъ время съ 1596 года, когда усмирено было козацкое возстаніе Наливайка, по 1618 г., когда польское правительство признало козацкимъ гетманомъ Петра Сагайдачнаго. Исторія Руссовъ, рассказавъ смерть Наливайка въ 1597 году, ут-

верждаетъ, что уже въ 1598 выбранъ былъ въ гетманы генеральный обозный (sic) Петръ Конашевичъ, которому польская партія противопоставила будто своего кандидата „сотника Дамьяна Кушку“, но такъ какъ о дѣяніяхъ ни Конашевича, ни Кушки у автора не было подробныхъ свѣдѣній, то онъ наполняетъ указанный промежутокъ времени очень краснорѣчивымъ разсказомъ о насильственномъ введеніи униі, о притѣсненіяхъ вообще южно-руссовъ поляками, о переходѣ въ католичество южно-русскихъ дворянъ, которыхъ онъ представляетъ себѣ чиновною козацкою старшиною, убоявшеюся лишенія „мѣстъ своихъ и ранговыхъ имѣній“ и, наконецъ, разсказомъ о первомъ самозванцѣ. Маркевичъ и Бантышъ-Каменскій слѣдуютъ въ описаніи даннаго времени по пути проложенному авторомъ Исторіи Руссовъ и наполняютъ данный промежутокъ времени длинными цитатами изъ его книги; Бантышъ-Каменскій вноситъ только двѣ незначительныя поправки: начало гетманства Сагайдачнаго онъ относитъ къ 1605 году и имя Кушки поправляетъ въ Костку, при чемъ называетъ его не гетманомъ, а Кошевымъ запорожскимъ.

Между тѣмъ, если мы соберемъ данныя изъ изданныхъ нынѣ документальныхъ источниковъ, то получимъ возможность въ значительной мѣрѣ восполнить факты, относящіеся къ указанному промежутку времени. Послѣ казни Наливайка реестровые козаки оставались въ пользованіи прежнихъ своихъ войсковыхъ правъ: они выбирали начальниковъ, въ томъ числѣ и гетмана (котораго польское правительство называло „старшимъ войска запорожскаго“), имѣли свой судъ, свое управленіе, призывались въ военные походы, оберегали границу отъ татарскихъ набѣговъ, оказывали поддержку православной церкви въ борьбѣ ея съ униєю и т. д. Гетмановъ козацкихъ въ указанное время мы всехъ не знаемъ, такъ какъ они мѣнялись весьма часто и вѣроятно выбирались только на годичный срокъ; но восемь именъ можемъ назвать, основываясь на источникахъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Въ 1596 году, послѣ сдачи Наливайка, старшимъ войска запорожскаго признанъ былъ *Христофоръ Нечковскій*, которому въ томъ-же году правительство поручило охраненіе границъ отъ татарскаго набѣга ¹⁾).

¹⁾ Listy Stanisława Żółkiewskiego (1584—1620). Краковъ, 1868. стр. 92.

Въ 1597—1598 году старшимъ былъ *Тихонъ Байбуза*, вполне преданный польскому правительству и вызвавшій своимъ поведеніемъ реакцію въ Запорожьи; изъ переписки его съ гетманомъ Жолкевскимъ мы видимъ, что многіе козаки, недовольные его управленіемъ, бѣжали въ Запорожье, выбрали старшимъ бывшаго участника возстанія *Наливайка—Полоуса*, разбили отрядъ, посланный противъ нихъ Байбузою подъ предводительствомъ асаула *Скалозуба*, и овладѣли войсковою казною и флотиліею ¹⁾).

Въ 1600—1602 годахъ старшимъ войска запорожскаго былъ *Самуиль Кошка*, имя котораго уцѣлѣло въ народной памяти, благодаря прекрасной народной думѣ, въ которой имя Кошки связано съ рассказомъ объ освобожденіи невольниковъ изъ турецкаго плѣна. Въ 1600 году козаки подъ предводительствомъ Кошки участвовали въ походѣ поляковъ на Молдавію, затѣмъ въ 1601—1602 годахъ ходили по призыву польскаго правительства воевать со шведами; во время этого похода козаки, не получая жалованья и продовольствія отъ правительства, сильно страдали отъ голода и недостатка, вслѣдствіе чего принуждены были насильно собирать провіантъ въ Бѣлой Руси, пришли въ столкновеніе съ жителями Витебска и разграбили этотъ городъ. Въ началѣ 1602 года Самуиль Кошка убитъ былъ въ сраженіи со шведами и тѣло его препровождено для погребенія въ Кіевъ. Изъ переписки этого гетмана съ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, мы знаемъ, что козаки до выступленія своего въ походъ потребовали предварительно гарантію своихъ вольностей, обеспеченныхъ имъ привилегіею короля Баторія: права судиться исключительно своимъ судомъ, неприкосновенности козацкой поземельной собственности и т. п. ²⁾).

Пресмникомъ Кошки въ 1602 году былъ *Гаврило Крутисвицъ*, или *Кортисвицъ*, бывший въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьи и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи ³⁾). Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ *Иванъ Кукишовицъ*, который, не находя возможности удержать дисциплину среди козаковъ, не

¹⁾ Ibidem. стр. 86—90.

²⁾ Ibidem. стр. 107—110, 114—117. Боркулабовская хроника въ «Матеріалахъ, изданныхъ Буляшемъ, стр. 75—76.

³⁾ Ibidem., стр. 117; Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 318—319.

получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Бѣлой Руси, сложили съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года. Мѣсто его занялъ *Иванъ Косый*, подъ предводительствомъ котораго казаки возвратились наконецъ въ Украину ¹⁾.

Въ 1606 году козацкимъ гетманомъ былъ *Григорій Изиновичъ*, универсалъ котораго, предостерегавшій жителей юго-западной Руси о предстоящемъ вторженіи татаръ, дошелъ до насъ ²⁾.

Наконецъ въ 1610 году извѣстенъ намъ козацкій гетманъ *Григорій Тискиневичъ*, оказывавшій весьма энергическую поддержку православному духовенству въ борьбѣ его съ униатами, разразившейся по поводу занятія униатскимъ офиціаломъ Грековичемъ соборной церкви св. Софіи въ Кіевѣ ³⁾.

Къ этому далеко неполному списку козацкихъ предводителей въ промежутокъ времени съ 1596—1618 годъ, мы можемъ прибавить еще одно имя—*Дмитрія Богдановича Барабаша*, бывшаго козацкимъ гетманомъ въ 1617 году, какъ это явствуетъ изъ приложеннаго документа ⁴⁾. Имя этого гетмана связано и съ послѣдующею исторіею козачества: извѣстный современникъ и соперникъ Хмельницкаго Иванъ Барабашъ, былъ сыномъ Дмитрія Барабаша; на книгахъ пожертвованныхъ имъ въ черкасскую рождественскую церковь онъ подписался „Иванъ Дмитріевичъ Барабашъ“ ⁵⁾.

Изъ самаго акта мы можемъ извлечь одну бытовую подробность для исторіи козачества въ данное время. Это положительное указаніе на существованіе самостоятельнаго и независимаго козацкаго суда, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ гетмана изъ коллегіи, названной въ документѣ „радою гетманскою зуполною“.

В. Антоновичъ.

¹⁾ Ibidem, стр. 118—121; Боркулабовская хроника, стр. 80—81.

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 152—153.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, томъ II, стр. 66—67.

⁴⁾ Документъ этотъ сообщенъ намъ обязательно И. В. Лучицкимъ, открывшимъ его копію, писанную почеркомъ конца XVII столѣтія въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи Малороссіи (перяславская сотня—приложеніи № 55).

⁵⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 402.

Приказъ козацкаго гетмана Дмитрія Богдановича Барабаша переславской козацкой старшины о томъ, чтобы она озаботилась о возвращеніи козаку переславскому Гаврилу Колушкевичу участка земли, отнятаго у него безправно переславскими козаками Сачченками. 1617 г., марта 7-го.

Дмитръ Богдановичъ Барабашъ, гетманъ, во всемъ рыцарствомъ войска его королевское милости запорожского.

Старшему на тотъ часъ надъ товариствомъ у переславскихъ товаришомъ, такъ на тотъ часъ, яко и на потомніе часы будущему, зичимъ вашмосцемъ отъ пава Бога во всемъ товариствомъ своимъ доброго здоровья, зе всеми радостными помыслными потехами въ незамеронне лѣта, яко самъ себе.

Приходилъ до рады наше зуполное товаришъ нашъ козакъ бойска запорожского Гаврило, обиватель переславскій, перекладаючи передъ нами жалъ свою на Сачченки, суседовъ своихъ, которые ему въ кгрунтахъ отцовщини его безправне, такъ въ сеножатехъ, яко и засеянемъ пашнѣ на нивахъ власное отцовщини его кривди и утиски безправне чивять и тихъ грунтовъ не будучи посессорами и ни жадными дедичами, нетъ ведома за якимъ правомъ, оного Гаврила, товарища нашего, оттерши отъ кгрунту, отцовщини его уживають. Якожь зрозумѣли есмо зъ декрету отъ него намъ поданного, же се то ему въ такомъ обелженю великая кривда дѣеть, зрозумѣли есмо; прото срогко а сурове розказуемо, подъ ласкою нашею войсковою и подъ срогкимъ каранемъ войсковимъ, убѣтну товаришевѣ нашему, тому Гавриловѣ такового обелжена, кривды и утисковъ тимъ Сачченкамъ въ кгрунтахъ его чинить надъ тое писане наше не допускать рачили. А што пашни свое власное посеяли на нивахъ кгрунту его, аби ему десетину давши, большей уживать тихъ нивъ не важилися, яко и сеножатеи косить, ихъ на пожитокъ свой оборочать не хотели, але и овшемъ, яко кгрунтъ отцовизний его власное, къ нему обернувши, потреби жадное не мели и моци жадное вечными часи не денжали, жеби се тежъ тотъ товаришъ нашъ Гаврило Колушкевичъ зъ жалемъ до насъ не приходилъ и намъ всему войску трудности не задавалъ. Писанъ у Черкасавѣ року 1617, Марта 7 дня. (М. П.).

Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго.

Подъ именемъ „бумагъ Котляревскаго“, въ отдѣленіи рукописей петербургской публичной библіотеки, хранится связка изъ пяти тетрадей, принесенная въ даръ А. В. Терещенкомъ въ 1858 году. Перечень этихъ бумагъ сдѣланъ былъ въ біографической замѣткѣ о Котляревскомъ, составленной при содѣйствіи того-же Терещенка и напечатанной въ 1861 г., въ „Основѣ“. Тамъ упоминались: „Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса противъ турокъ“ 1806 г., веденный Котляревскимъ, въ бытность его адъютантомъ начальника корпуса, графа Мейендорфа, переводъ обширнаго богословскаго сочиненія, черновыя рукописи, переписка и документы. Просматривая въ вышлшемъ году эти бумаги, до сихъ поръ оставшіяся почему-то безъ вниманія біографами Котляревскаго, я нашелъ только рукописи, относящіяся къ двумъ послѣднимъ рубрикамъ: письма и документы. Куда дѣвались „Журналъ военныхъ дѣйствій“, черновыя „Энеиды“ и „Наталки“, заключающія любопытныя варианты, и богословскій трудъ—неизвѣстно. Свидѣтельствомъ ихъ пребыванія въ библіотекѣ осталась только записка Терещенка, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Котляревскій оставилъ послѣ своей смерти многія рукописи, которыя неизвѣстно гдѣ и по чьимъ рукамъ ходятъ и которыя до сихъ поръ кроются... Неожиданность привела меня въ Полтаву, гдѣ я постарался отыскать мѣсто его жилища, потомъ посѣтилъ его могилу и затѣмъ розыскивалъ, нѣтъ-ли у кого его рукописей. Такія рукописи оказались въ семьѣ одного изъ друзей Котляревскаго, г. Стеблина-Каминскаго, который и передалъ ихъ мнѣ“. Утраченный „Военный журналъ“ обнималъ время съ 15 ноября по 16 декабря 1806 г., а богословскій трудъ былъ переводомъ сочиненія Дюкена „L'Evangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suivant la concordance des quatres evangelistes“. Переводъ носилъ названіе „Размысленія о расположеніи,

съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. писаніи“ и распался на восемь частей и 359 разсужденій. По словамъ Терещенка, изъ замѣтки сочинителя, обозначенной на краяхъ бумаги, видно было, что началъ онъ писать въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюля 1838 г., незадолго до кончины. „Твореніе это исполнено благоговѣйныхъ мыслей, простотою и ясностью изложенія и духомъ смиренія и упованія на будущую жизнь“. Такъ, въ концѣ 359 размышленія, говорится: *живый и умиротворяющій въ церкви вами основанной (св. апостолами) я сообщаюсь съ вами для полученія воздаянія, которое вы научили насъ испрощивать и надѣяться...* Не имѣя прямого литературнаго значенія, этотъ послѣдній трудъ писателя являлся свидѣтелемъ глубоко - религіознаго настроенія, охватившаго его въ послѣдніе годы жизни. Это явленіе любопытно по общности его многимъ изъ крупнѣйшихъ малорусскихъ художниковъ: таковы были послѣдніе годы Квитки, славнаго живописца В. Л. Ворониковскаго, Гоголя... Нельзя не пожалѣть объ утратѣ этой рукописи. Въ собраніи писемъ, собственныхъ рукописей Котляревскаго конечно нѣтъ, кромѣ двухъ черновыхъ записокъ дѣловаго характера. Но есть письма къ нему другихъ лицъ, рисующія ту интересную эпоху и иллюстрирующія житейскія и литературныя отношенія поэта.

Въ порядкѣ годовъ идутъ сначала два письма втораго малороссійскаго генераль-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, весьма благосклоннаго къ полтавскому поэту за его остроуміе и веселость. Въ домѣ Лобанова, отличавшагося художественными наклонностями, Котляревскій былъ своимъ человекомъ и душою устраивавшихся часто домашнихъ спектаклей. По порученію князя, Котляревскій принималъ участіе въ формированіи малороссійскихъ „козачьихъ полковъ“ въ эпоху отечественной войны. Первое письмо и относится къ одному изъ эпизодовъ этой импровизированной мобилизаціи; второе—офіціальное „отношеніе“.

I.

Черниговъ, 4 сентября, 1812 г.

Кто лучше васъ знаетъ основаніе, на коемъ формируются козачьи полки, слѣдственно и сами вѣдать можете, что нѣтъ у меня власти *не бывшаго* ни въ милиціонной службѣ принимать въ офицерское званіе, а вы, не объясняя то об-

стоятельство наилучшему моему приятелю, уложили въ повозку вручителя сего, какъ будто на то, чтобъ мѣсто одного недовольнаго сдѣлать двухъ, а самому, какъ за пустое дѣло, добиться *юнки*; даль-бы доброй, естество досугъ былъ и не усталъ отъ практики, въ коей содержатъ меня и безъ васъ. Прощайте, не дурите впредь и будьте всегда благ.получны.

Князь Лобановъ-Ростовскій.

На оборотѣ письма, рукою князя написано: „Похвальный листъ“.

II.

Господину капитану и кавалеру Котляревскому.

Отправляясь до мѣста Высочайшаго Его Императорскаго Величества пребыванія, имѣете вы, по прибытіи въ Дрезденъ, взять отъ толь подлежащее пути вашему направленію и потомъ, явись къ его сиятельству графу Алексѣю Александровичу Аракчееву, съ приобщаемымъ къ нему пакетомъ, донести, что ожидать будете приказаній его особы о перученномъ вамъ на Высочайшее имя довереніи; когда-жъ послѣдуетъ отправленіе, надлежитъ вамъ предпринять немедленно обратный путь.

Малороссійскій генераль-губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій.

Полтава, 1 мая 1813 г.

Письмо князя Н. П. Репнина, смѣнившаго Лобанова и еще болѣе расположеннаго къ Котляревскому, касается дѣла, которому поэтъ посвятилъ свои лучшія силы,—театра. Большой любитель сцены и самый хорошій комическій актеръ, Котляревскій былъ директоромъ и режиссеромъ труппы, приглашенной княземъ Репнинымъ въ Полтаву и рѣше сформированной антрепренеромъ Штейномъ. На сценѣ „полтавскаго вольнаго театра“ впервые въ 1819 году шла „Наталка-Полтавка“. Приходится опять сѣтовать на наше центральное книгохранилище. Въ публичной библиотекѣ не оказалось афишъ вольнаго полтавскаго театра и надо отказаться отъ заманчивой мысли возстановить первую афишу „Наталки“. Можетъ быть такихъ афишъ въ „вольномъ театрѣ“ не было вовсе? Пьеса дана была безъ цензуры, по личному разрѣшенію кн. Репнина. Извѣстно, что въ ней игралъ Щепкинъ, который, чрезъ нѣсколько лѣтъ, хотѣлъ поставить ее въ Харьковѣ, въ свой бенефисъ. Въ своей „Украинской Старинѣ“ г. Данилевскій передаетъ интересный разсказъ харьковскихъ старожиловъ о томъ, какъ устроился этотъ спектакль: „Квитка сказала Щепкину: назначьте какую нибудь старинную пьесу и, передъ самымъ днемъ бенефиса, сошлитесь на нездоровье какого нибудь актера и просите официально дать, за поспѣшностью,

„Наталку-Полтавку“; пьесу уже разрѣшенную для Полтавы. Такъ дана была пьеса“... Обычная исторія малорусскихъ спектаклей, повторяющаяся и до нашихъ дней!..

Письмо касается внутреннихъ неурядицъ, царившихъ въ труппѣ, и имѣеть очевидную цѣлью поддержать за кулисами авторитетъ Котляревскаго.

III.

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Почеченіе, которое вы имѣли о здѣшнемъ театрѣ, приобрѣло ему одобренье публики и необходимо нужно для его благоустройства, почему я прошу васъ покорнѣйше продолжать оное и на будущее время, объявляя при томъ именемъ моихъ актерамъ и актрисамъ, что они обязаны совершеннымъ повиновеніемъ и что, въ случаѣ какого-либо противу сего проступка, строго за сіе съ нихъ взыщется, ибо я нисколько не подорожу талантомъ, какимъ-бы то ни было, ежели не соединяется съ нимъ благонравіе и доброе поведеніе.

Примите при семъ случаѣ увѣреніе всегдашней и искренней моей дружбы.

Кн. Репнинъ.

Полтава, 25 мая 1820 г.

Провинціальныя театры рѣдко находятъ историковъ. Нѣсколько свѣдѣній о театрѣ Штейна, этой колыбели малорусской драматургіи, находимъ въ „Запискахъ М. С. Щепкина“ и въ статьѣ Квитки „Исторія театра въ Харьковѣ“¹⁾. Замѣчательная труппа Штейна появилась въ Харьковѣ около 1814—15 годовъ. Онъ поднялъ театръ въ Харьковѣ и построилъ театральное зданіе въ 1816 г. Около 1816 года въ этой труппѣ появился Щепкинъ, пріѣхавшій изъ Курска. „Мы все, говоритъ Квитка, не видѣвшіе дальше провинціальныхъ театровъ, въ Щепкинѣ начали понимать, что есть и каковъ долженъ быть актеръ“.

Труппу Штейна взялъ къ себѣ въ Полтаву подъ свое покровительство князь Репнинъ. Тогда въ Полтавѣ узнали Щепкина. Доходы въ Полтавѣ, съ добавляемой суммой собственно отъ князя Репнина, не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ по театру. Какъ ни желалъ князь имѣть постоянно труппу при себѣ, но не было возможности. На полную труппу съ балетомъ требовались

¹⁾ «Литературная газета», 1841 г., № 15.

десятки тысячъ. Поэтому, на крещенскую и успенскую ярмарки, труппа переѣзжала въ Харьковъ. Щепкинъ, новый репертуаръ изъ комедій и оперъ, порядокъ, устройство—все привлекало публику; за ярмарку зарабатывали тысячъ 15. Штейнъ взялъ потомъ опять всю труппу на свое содержаніе. Въ Харьковъ пріѣзжалъ онъ къ успенской ярмаркѣ и потомъ, если публика поддерживала его абонировкою, оставался до поста. Онъ тратилъ все на улучшение и оставилъ послѣ смерти долги.

М. С. Щепкинъ, въ своихъ неоконченныхъ „Запискахъ“, сообщаетъ немного о пребываніи своемъ въ Полтавѣ и у Штейна. Съ обычною скромностью, говоря вскользь о себѣ, въ воспоминаніяхъ о томъ времени, онъ останавливается съ любовью на одномъ изъ своихъ товарищей по сценѣ, актерѣ Угаровѣ, оставившемъ по себѣ память самобытнаго и оригинальнаго таланта. „Угаровъ, пишетъ Щепкинъ, былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь нивого не вижу. Естественность, веселость, живость, при увлекательныхъ средствахъ, поражали васъ и къ сожалѣнію все это было направлено Богъ знаетъ какъ, все игралось на авось. Но если случайно ему удавалось попадать вѣрно на какой-нибудь характеръ, то выше этого, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ничего себѣ создать не можетъ. Къ несчастью это было весьма рѣдко, потому что мышленіе было для него дѣломъ постороннимъ; но за всеѣмъ тѣмъ онъ увлекалъ публику своей жизнью и веселостью. Какъ въ человѣкѣ, въ немъ все было перемѣшано; въ какомъ-то странномъ безпорядкѣ стояли рядомъ: добродушіе и плутоватость, театръ и карты, охота покутить. Все это было смѣшано до такой степени, что не знаешь, бывало, чему онъ отдавалъ преимущество. Несмотря на всеѣ его недостатки, я любилъ его какъ человѣка и уважалъ какъ талантъ“.

Изъ этого портрета видно, что Угаровъ былъ представителемъ типа, извѣстнаго въ мірѣ кулисъ подъ именемъ „мочаловскаго“,— типа актера, играющаго по вдохновенію, безъ школы, одиѣми нервами, подѣ влияніемъ настроенія. Такіе актеры могутъ подыматься необычайно высоко и спускаться ниже самой горькой посредственности. Въ знаменитыхъ статьяхъ о Мочаловѣ, этотъ артистическій типъ блистательно изслѣдованъ Бѣлинскимъ. Талантъ такихъ людей съ болью укладывается въ рамки извѣстной дѣятельности и ихъ

кидучій правъ отличается нерѣдко неуживчивостью и безпорядочностью. Возможно, что цитированное выше письмо Репнина, съ его рѣзкимъ концомъ, относилось къ Угарову, такъ какъ онъ только съ Щенкинымъ были двумя признанными „талантами“ труппы.

Слѣдующія письма переносятъ насъ въ міръ литературныхъ отношеній автора „Энеиды“. Первое изъ нихъ касается переговоровъ о полномъ изданіи этого произведенія, переговоровъ, не приведшихъ ни къ чему, такъ какъ вопли „Энеида“ издана впервые только въ 1842 году, три года спустя послѣ смерти автора. Корреспондентъ Котляревскаго, ибкій Н. Мельгуновъ, получилъ отъ него, какъ видно, порученіе найдти издателя его труда и письмо свое начинать оправданіями...

IV.

Москва, 1820 г., іюня 12

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Не знаю, какъ выразить вамъ все замѣшательство, которое я теперь ощущаю; не знаю, какъ оправдать себя въ столь продолжительномъ молчаніи. Скоро совершится годъ, какъ я въ послѣдній разъ пять удовольствіе быть у васъ въ Полтавѣ и получать лестный для меня подарокъ вашъ — экземпляръ «Энеиды». Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ осмѣливался и спрашивалъ у здѣшнихъ книгопродавцевъ, не пожелаютъ-ли купить «Энеиду» вашу, съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ пѣсней и какую назначать за нее цѣну. Но многіе отъ нее вовсе отказывались, говоря, что сія книга мало найдеть себѣ охотниковъ въ Россіи и что не иначе какъ въ Малороссіи слѣдовало-бы издать ее; другіе давали 800 и 1000 рублей. Изъ числа послѣднихъ Ширяевъ п. г. Целевой, издатель «Московского Телеграфа», брался напечатать ее на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы ему, по выручкѣ, возвращень былъ употребленный на то капиталъ съ законными процентами. Многіе брали ее на комиссію, но ни одинъ рѣшительно не согласился дать и половинной цѣны той, какую вы назначили. Увѣряю васъ, что я съ своей стороны прилагаю всевозможное стараніе къ выгодной для васъ сдѣлкѣ, но все остается тщетнымъ. Теперь остался одинъ способъ: отнестись къ петербургскимъ книгопродавцамъ съ симъ предложеніемъ; хотя и сей способъ не очень вѣренъ, ибо Слевинъ печатаетъ однѣ новыя книги, Смирдинъ взялъ на себя огромныя предпріятія, которые едва ли рѣшатся умножать новыми. Не попытатъ-ли харьковскихъ книгопродавцевъ? Новое изданіе вашей «Энеиды» ожидаютъ съ жадностью въ Малороссіи; тому я имѣю многія доказательства»...

V.

Письмо Д. Бантышъ-Каменскаго.

Москви, 1829 г., октября 29.

Милоставый государь Ин. Петровичъ!

Давно слѣдовало-бы мнѣ принести вамъ чувствительную благодарность за сообщенныя любопытныя свѣдѣнія, но разныя досады и хлопоты неволью воспрепятствовали исполнить долгъ сей. Простите великодушно и вѣрьте, что и всегда и вездѣ сохраню къ вамъ одинакія чувства душевнаго уваженія, коими преисполненъ. Удивляюсь, какимъ образомъ вы не получали отъ меня въ Полтавѣ экземпляра «Малороссійской Исторіи»? Въ семъ случаѣ я кругомъ виноватъ передъ вами. У князя Никол. Григор. должны храниться нѣсколько экземпляровъ сей Исторіи. Потрудитесь взять себѣ, сколько пожелаете. Если-же означенные экземпляры (о которыхъ я съ моего отъѣзда не имѣю никакого понятія) расхищены, въ такомъ случаѣ пріятѣйшею обязанностию, по полученіи увѣдомленія, поставлю исполнить лестное требованье ваше. Первые двѣ части новаго изданія уже печатаются; третью и послѣднюю кончили, но не отдавали въ цензуру. Нужны мнѣ кой-какія справки. Одевайте сообщенія съ свѣдѣній. Совѣстно мнѣ, что я еще безпокою васъ; но увѣренъ, зная доброе сердце ваше, что вы не будете досадовать на вмѣшающаго честь и проч. *Д. Бантышъ-Каменскаго.*

Слѣдуетъ рядъ вопросовъ о произношеніи малороссійскихъ словъ, о свадебныхъ обычаяхъ и т. д. Въ статьѣ „Основы“ перепечатана изъ бумагъ Котляревскаго „Замѣтка о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ“, составляющая обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы, заданные Бантышъ-Каменскимъ.

Авторъ послѣдняго письма Орестъ Сомовъ довольно ревностно самъ подвизался въ сочинительствѣ. Подъ именемъ Порфирія Байскаго, онъ напечаталъ въ 30-хъ годахъ массу забытыхъ нынѣ, повѣстей („Юродивый“, „Гайдамака“, „Оборотень“, „Сватовство“, „Ночлежь Гайдамаковъ“, „Живой въ обители блаженства вѣчнаго“, „Кіевскія Вѣдьмы“ и пр. и пр.) Онъ издавалъ также книги для юношества (въ родѣ „Друга молодыхъ дѣвицъ или повѣя повѣсти, служація къ образованію склонностей ума и сердца“ Сиб., 1831 г.), учебники и т. п. Его письмо—типичная литературная болтовня того времени, одно изъ тѣхъ писемъ, которыя, при всей своей пустотѣ, будятъ умъ погрязшаго въ провинціальной глупи литератора, говоря ему о протекшемъ гдѣ-то, сравнительно большемъ, умственномъ движеніи. Изъ него видно также, какъ интересовался Котляревскій литературными новостями.

VI.

Спб., 1830 г., мая 26.

Письмо ваше отъ 19-го апрѣля получилъ я назадъ тому дней десять: бо николи было до почты чволати, а при листі була пятидесятиа гнация, то треба було самому взяти и листъ и гроши. Тотчасъ по полученіи денегъ пустился я къ нашимъ лучшимъ книжникамъ и фарисеямъ, Смирдину и Сленицу, чтобы узнать о выходѣ требуемыхъ вами книгъ. Вотъ вамъ полный отчетъ о моихъ поискахъ: «Монастырки» 2-й части отпечатано 13 листовъ; затѣмъ Ногорѣльскій уѣхалъ и не оставилъ оригинала (по терминологіи наборщиковъ) и до сихъ поръ еще не шлетъ оставшагося. Посему я рѣшился взять покажѣсть одну первую часть съ тѣмъ, чтобы доставить вамъ вторую, лишь только она здѣсь появится. О романѣ «Что такое хорошій топъ?» мнѣ сказали также, что онъ донечатывается слишкомъ медленно, по буквѣ въ день, ибо и донынѣ еще не вышло. Между тѣмъ переводчикъ (Мосальскій) женился, вѣроятно для поддержанія хорошаго тона, и выдалъ замужъ сестру, вѣроятно для того, чтобы ей не было завидно. Де-Шанлетъ также, говорятъ, донечатываетъ свой переводъ «Карла Великаго»; но видно также донечатываетъ не такъ снѣло, какъ герой его воевалъ, ибо до сихъ поръ еще не появилась ни одна часть его перевода. Слухъ плетъ впрочемъ, что онъ выдастъ всѣ пять частей вмѣстѣ, но я усталъ ждать и для того спѣшу вамъ доставить покажѣсть одну «Монастырку», тѣмъ болѣе, что давно имѣлъ неотразимое желаніе писать къ вамъ. При «Монастыркѣ» прилагаю маленькую книжонку для дѣтей, три повѣсти, мною написанныя, а пзданныя Сленинымъ и украшенныя безтолковымъ лицевымъ титуломъ и заглавною вишнеткой; это обыкновенныя слѣдствія книгопродавческихъ изданій. Наши книжники всегда умѣютъ переудрнить, когда сами примутся за дѣло, не спросясь у автора ..

Вотъ вамъ кое-что изъ литературно-свѣтскихъ здѣшнихъ новостей: Буларинъ уѣхалъ въ Дерптъ, въ свою деревню писать «Петра Нв. Выжигина» и хочетъ посадить своего героя въ книжной лавкѣ, гдѣ онъ будетъ судить о литературѣ и о большомъ свѣтѣ. Нѣкто Струевскій, являющійся въ стихахъ и прозѣ подъ именемъ Трлдунаго, пишетъ также романъ «Дмитрій Самозванецъ». Въ Москвѣ готовится еще нѣсколько романовъ и тамъ-же А. Пушкинъ женится на 17-лѣтней красавицѣ Гончаровой. Здѣсь еще печатается очень любопытный романъ Морьера «Хаджи-Баба въ Лондонѣ», переведенный съ англійскаго ориенталистомъ Селковскимъ...

Едва-ли есть надобность печатать многочисленныя письма сестры Котляревскаго, Анны и зятя его Сем. Троф. Скоробогача, бывшаго, какъ видно изъ переписки, управляющимъ огромнаго имѣнія Лопухиныхъ м. Златополя. Это—обращенія къ „братцу и благодѣтелю“, съ вѣчными просьбами о займѣ денегъ, клятвами объ отдачѣ, мольбами къ небу о здоровьи и проч. Какъ видно, письма достигали цѣли у добраго Ивана Петровича, такъ какъ заключаютъ не мало изъявленной благодарности. Скоробогачъ былъ „обремененъ семьей“:

у него было восемь дѣтей, въ воспитаніи которыхъ Котляревскій принималъ нѣкоторое участіе. Въ одномъ изъ писемъ Скоробогачъ говоритъ между прочимъ: „съ Володей хотѣлъ было поступить жестоко, совершенно противно условіямъ почтеннаго письма вашего. Но вы меня вразумили, и я дѣйствительно согласенъ, что совѣтъ, буде оная господствуетъ въ человѣкѣ, скорѣй можетъ исправить не застарѣлые пороки, нежели страхъ опрометчивой власти“... Сестра посылаетъ лошадей за дѣтьми къ празднику и спрашиваетъ совѣта въ письмѣ: „кому подарить дожину салфетокъ хорошихъ, при семь посылаемыхъ: Павлу Степановичу или новому начальнику дѣтей, г. Шелкановцеву?“ Подарокъ достался, кажется, вновь взошедшему свѣтилу... Эти и подобныя черты времени слишкомъ извѣстны, чтобъ умножать передачею ихъ наши выписки.

Литературную извѣстность при жизни доставили Котляревскому первая части „Энеиды“ и „Наталка“. Это дѣйствительно лучшее, что онъ произвелъ. Двѣ послѣднія части „перелицованной поэмы“ блѣдны и слабы, „Москаль“, при всей своей веселости, не болѣе какъ грубоватый фарсъ. Но вѣчно юная „Наталка“ упрочитъ за отцомъ новой малорусской литературы незыблемую славу. Помимо достоинствъ типичной картилы правовъ, живой и трогательной, она имѣла сильное вліяніе на изученіе украинской народности и, вмѣстѣ съ „Думами“ кн. Цертелеса, явилась первымъ сборникомъ народныхъ пѣсенъ. Послѣднее изданіе сочиненій Котляревскаго (Кіевъ, 1875 г.) убійственно по своей фантастической ореографіи и наиболѣе тщательнымъ остается до сихъ поръ маленькое изданіе Кулиша, исчезнувшее изъ продажи. Біографическій очеркъ, приложенный къ кіевскому изданію, составленный г. Катрановымъ, не исчерпываетъ и десятой доли извѣстныхъ печатно свѣдѣній о жизни полтавскаго поэта. Этотъ очеркъ на первой-же страницѣ украшенъ едва вѣроятнымъ курьезомъ. Рассказывая объ извѣстномъ „домикѣ Котляревскаго“, біографъ замѣчаетъ: „домикъ Ив. Петр., далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятыя руки и теперь еще существуетъ. Его показываютъ какъ *библіографическую рѣдкость*.“ Увы! Этотъ восхительный lapsus linguae теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, и на мѣстѣ его стоитъ полпивная уродливой новой постройки. Кому понадобился этотъ актъ вандализма и не грѣхъ-ли было полтавскому городскому управленію допустить сломку почтенной, старой, мирной „библіографической рѣдкости“.

В. Горленко

Библиографія.

Исторія русской церкви Макарія митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII, Спб., 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора).

На XII томѣ пересѣлся великій трудъ Карамзина: «Исторія государства российскаго»; XII томомъ заканчивается нынѣ и другой, не менѣе монументальный и долговѣчный трудъ — «Исторія русской церкви» Макарія митроп. московскаго. Оба названные томы изданы послѣ смерти ихъ авторовъ, оба обрываются на XVII столѣтіи, хотя митроп. Макарій ушелъ немного дальше своего предшественника: Карамзинъ не докончилъ XII тома; митроп. Макарій написалъ начало и XIII тома; Карамзинъ остановился на 1612 г., митроп. Макарій дошелъ до 1667 г. Есть сходство и въ манерѣ изложенія. Пресв. Макарій давно уже оставилъ свою искусственную систематическую архитектуру, по которой располагалъ первые главы своей исторіи, и обратился къ простому, ясному, основанному на внимательномъ изученіи источниковъ, обстоятельному разсказу, каковой мы находимъ и въ послѣднихъ томахъ Карамзина.

Послѣдній томъ исторіи митроп. Макарія обнимаетъ собою событія съ 1652 по 1667 г., слѣдовательно всего 12 лѣтъ. Центральнымъ лицомъ этого тома служитъ патріархъ Никонъ. Къ удивленію и отчасти къ стыду русскихъ историковъ, предшественникомъ своимъ въ изученіи патр. Никона высокопресв. авторъ имѣлъ не кого-либо изъ русскихъ ученыхъ, а англичанина Пальмера. «Никто столько не потрудился надъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи патр. Никона, (говоритъ митроп. Макарій XII, 10—11, въ подстр. прим.), сколько потрудился извѣстный англійскій ученый Пальмеръ. Онъ посвятилъ этому дѣлу десятки лѣтъ, и все, собранное имъ о Никонѣ на русскомъ и другихъ языкахъ, перевелъ на англійскій и напечаталъ вмѣстѣ съ своими оригинальными со-

ображеніями о значеніи дѣятельности Никона и о послѣдствіяхъ его изложенія въ шести большихъ томахъ подъ заглавіемъ: «The Patriarch and the Tsar. By William Palmer. London». 1871—1876 г.

Какъ не интересны жизнь и дѣятельность патр. Никона, по спеціальнымъ задачамъ «Кіевской Старины» заставляютъ насъ оставить Никона въ сторонѣ и обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ сравнительно немногихъ страницъ изъ XII тома *Исторіи* митр. Макарія, гдѣ идетъ рѣчь о судьбахъ южнорусской церкви (стр. 11—111 и 535—591).

Въ указанныхъ страницахъ изображается состояніе южно-русской церкви въ то смутное и переходное время, когда Малороссія, подъ водительствомъ Богдана Хмельницкаго и его преемниковъ по гетманству, отъ Польши отстала, а къ Москвѣ рѣшительно и безповоротно еще не пристала. *Шатость и колебаніе* въ мысляхъ и поступкахъ служатъ характерною чертою этого переходнаго времени; *шатость и колебаніе* не только между мірянами, но и между лицами духовнаго чина. Хмельницкій объявлялъ себя борцомъ за *святую* православную *вѣру*; подъ его знамена стекались православные русскіе люди также воевать за *вѣру*; *благочестивое*, т. е. православное духовенство, благословляло своихъ насомыхъ на *защиту вѣры*; подъ державу московскаго государя Хмельницкій въ концѣ концовъ преклонился главнымъ образомъ по причинѣ *единовѣрія*. Естественно, по видимому, было-бы ожидать, что малороссійское духовенство съ радостію будетъ привѣтствовать рѣшимость гетмана присоединиться къ православной единовѣрной державѣ и если само не приметъ на себя починъ этого присоединенія, то по крайней мѣрѣ съ полнымъ сочувствіемъ отнесется къ совершившемуся факту. На дѣлѣ было не то. Митроп. Сильвестръ Коссовъ правда привѣтствовала витѣватою рѣчью пословъ московскаго государя, явившихся въ Кіевъ принять этотъ городъ подъ царскую руку, но въ то-же время послалъ заявить въ городскомъ дѣлѣ судѣ слѣдующую протестацію: «*Москва, завладевъ Кіевомъ, принуждаетъ отца митрополита, архимандрита и все духовенство къ противузаконнымъ поступкамъ, чтобы, оставивъ короля, его милость, не считали его государемъ, а поддались-бы и присягнули московскому государю. Но все духовенство не желаетъ этого сдѣлать, а желаетъ имѣть государемъ короля, и какъ прежде духовные никогда не были буитовщиками, такъ и теперь не будутъ, о чемъ по всякъ городскимъ судамъ они дѣлаютъ заявленія.* Дальнѣйшія отношенія митроп. Сильвестра Коссова къ московскому правительству исполнены недоразумѣній и пререканій, а послѣдующіе митрополиты Діонисій Балабанъ (избранъ 6 дек. 1657 г., поставленъ 23 февр. 1658 г., скончался 10 мая 1663 г.) и Иосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій совсѣмъ не жили въ

Кіевѣ, гдѣ стоялъ московскій гарнизонъ, а пребывали во владѣніяхъ польскаго короля, подъ его державою и въ его подданствѣ.

Ярый руссофетъ не задумался-бы обвинить тогдашнихъ кіевскихъ митрополитовъ въ двоедушіи, фарисействѣ, измѣнѣ и предательствѣ.

Митроп. Макарій, взявъ опытный историкъ, привыкшій взвѣшивать условіи мѣста, времени и обстоятельства, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ дѣятельность человѣческаи, судить спокойнѣе и основательнѣе, и потому мягче и справедливѣе. Вотъ образчикъ его сужденій. Когда московскіе воеводы заявили митрополиту Сильвестру Коссову, что они хотятъ строить крѣпость на мѣстѣ близъ софійскаго собора, то митрополитъ отвѣчалъ, что на томъ мѣстѣ онъ города (крѣпости) ставить не дастъ, и пропизнесъ: *„если начнете на томъ мѣстѣ ставить городъ, я начну съ вами биться“*. По поводу этихъ словъ митроп. Макарій замѣчаетъ: *«московскимъ воеводамъ эти слова могли показаться страшнымъ преступленіемъ, но въ Литвѣ и во всей Малороссіи они вовсе не имѣли такого смысла: тамъ обыкновенно подобнымъ образомъ отстаивались имѣнія даже противъ королевскихъ указовъ не только свѣтскими, но и духовными владѣльцами. Такія сопротивленія королевскимъ грамотамъ и посланцамъ не разъ оказывали сами кіево-чечерскіе епископы, а еще прежде и православные владыки»* *).

Что касается до основнаго вопроса, чѣмъ объяснить шатость и колебаніе малороссійской іерархіи, которая не крѣпко тянула къ единоульрной Москвѣ, то въ объясненіе этого находимъ у митроп. Макарія три причины: вѣшнюю, внутреннюю и формально-каноническую.

Первая причина состояла въ томъ, что малороссійскіе іерархи не были увѣрены въ полномъ и окончательномъ торжествѣ Москвы надъ Польшею. «Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ боялся, что если онъ начнетъ сноситься съ московскимъ государемъ и просить его о принятіи Малороссіи въ подданство, а государь на это не согласится, то ему, митрополиту, со всѣмъ его духовенствомъ, съ церквами и монастырями, придется плохо отъ поляковъ въ случаѣ ихъ побѣды надъ козаками. Даже и теперь, когда царь московскій согласился взять Малороссію подъ свою руку, и когда гетманъ и старшины козацкіе уже присягнули ему, даже и теперь Коссовъ съ своимъ духовенствомъ считалъ за лучшее показывать полякамъ видъ, что онъ покоряется Москвѣ противъ воли: большая часть православныхъ кіевской митрополіи жила вѣдъ Ма-

*) Крѣпость близъ софійскаго монастыря, не смотря на сопротивленіе митроп. Сильвестра Коссова, была все-таки построена. Остатки крѣпостнаго вала, въ которомъ засицаны были Ярославъ Золотыя врата, раскопаны уже въ послѣдніе годы при планировкѣ Львовской площади. Память о крѣпости уцѣлѣла въ названіяхъ двухъ улицъ *Рейтарской* и *Стрѣлцкой*.

лороссія, подѣ властію Польши, и ихъ участь, и безъ того тяжелая, сдѣлалась бы еще невыносимѣе, въ случаѣ открытія измѣны митрополита; а съ другой стороны нельзя еще было ручаться, что поляки не овладѣютъ вновь Кіевомъ и Малороссією и не расправятся тогда съ измѣнниками» (стр. 58—59). Дѣйствительно это послѣднее предположеніе со всею очевидностію было высказано митроп. Сильвестромъ Коссовымъ въ его перебранкѣ съ московскими воеводами: „не ждите начала, ждите конца: увидите сами, что ескорѣ надъ вами будетъ“. Эта причина имѣла очень большую силу, особенно по отношенію къ западной Украинѣ, которая, за исключеніемъ Кіева, осталась во власти поляковъ. Мосева не успѣла воссоединить съ собою всей Малороссіи. Царь Алексѣй Михайловичъ, долженъ былъ, по его собственнымъ словамъ, *половину святого альба бросить собакамъ*. Бывали моменты, когда власть Москвы колебалась и въ восточной Украинѣ, напримѣръ послѣ конотопскаго пораженія.

Была и другая, болѣе общая, важная и глубокая причина *штатности* малороссійскаго духовенства на пути его сближенія съ Москвою. Въ теченіе 400 лѣтъ отдѣльной жизни *два русскія народности* — великороссійская и малороссійская выработались въ два типа, не только различные, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно противоположные. Это различіе достаточно отчетливо изложено въ извѣстной статьѣ Н. И. Костомарова (*Монографіи*, т. 1), и намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь ея выводовъ. Замѣтимъ только, что у малороссовъ на столько же преобладаетъ начало личности, на сколько у великороссовъ начало общности, а въ религіозномъ отношеніи малороссъ на столько же склоненъ къ мечтательному нигилизму, на сколько великороссъ къ буквѣ и обрядности. Неудивительно поэтому, что два родные брата — великороссъ и малороссъ, встрѣтившись между собою послѣ долгой разлуки, взглянули другъ на друга враждебно. Это отразилось во всѣхъ частностяхъ жизни, въ томъ числѣ и въ іерархическихъ отношеніяхъ. У преосв. Макарія пишется на эту тему не мало любопытныхъ фактовъ. Въ Малороссіи іерархи выбирались вольными голосами; въ Москвѣ назначались правительствомъ. Число лицъ, участвовавшихъ въ элекціи, было не очень значительно и повидимому исключительно принадлежало къ духовной и свѣтской аристократіи *); при элекціи бывали безпорядки и злоупотреб-

*) Актъ избранія Сильвестра Коссова подписали болѣе 20 духовныхъ особъ и до 50 свѣтскихъ. Относительно того, кто долженъ былъ участвовать въ элекціи, повидимому обязательныхъ правилъ не было, а все опредѣлялось удобствомъ и обстоятельствами. Такъ выбираютъ въ настоящее время въ приходахъ церковные старосты, и мы едва ли ошибемся, если въ томъ-же родѣ будемъ представлять себѣ элекцію малороссійскихъ архіереевъ.

бленія *); но тѣмъ не менѣе элекція была дорога для малороссіянъ, потому что соотвѣтствовала общему складу ихъ быта. Между тѣмъ малороссіяне не безъ основанія опасались, что Москва уничтожитъ элекцію вольными голосами, а будетъ посылать въ Кіевъ своего митрополита, назначасяго правительствомъ. Одна мысль объ этомъ наполняла ихъ яростію и негодованіемъ. «Если, говорили кіевскіе духовные, по изволенію государя, будетъ у насъ московскій митрополитъ, а не по нашему избранію, то пусть государь велитъ скорѣе всѣхъ насъ казнить, нежели мы на это согласимся. Какъ только пріѣдетъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ только за шею и за ноги выволокутъ насъ оттуда; тогда и будетъ московскій митрополитъ въ Кіевѣ... Лучше намъ принять смерть, нежели быть у насъ въ Кіевѣ московскому митрополиту» (стр. 588—589). Только такіе свѣтскіе карьеристы, какъ Брюховецкій, готовы были просить изъ Москвы русскаго святителя, и только такіе духовные карьеристы, какъ иѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ (въ архіереяхъ Меодій) готовы были принимать архіерейское поставленіе въ Москвѣ. За то малороссійскіе духовные и не хотѣли подчиняться Меодію, поставляя на видъ между прочимъ то, что «онъ посвященъ на епископство бесъ всякой элекціи (какая бывала въ епархіяхъ кіевской митрополіи) и что онъ только по своему желанію, не имѣя никакихъ заслугъ предъ церковію, выпросилъ себѣ блюстительство» (стр. 575—576).

Но не изъ за потери только дорогаго права элекціи безпокоились малороссіяне; еще болѣе опасались они релігіозной нетерпимости Москвы въ соединеніи съ упорною преданностію ея буквѣ и обряду. Въ самомъ ходячемъ и вульгарномъ, хотя и невѣрномъ, видѣ это опасеніе формулировалось такъ: *Москва будетъ насъ перекрещивать* (стр. 67 и стр. 589). Въ буквальный смыслъ такое опасеніе было несправедливо, но это было только усиленное выраженіе для обозначенія тѣхъ постоянныхъ пререканій и недоразумѣній, какіе возникали на каждомъ шагѣ при новомъ сближеніи двухъ давно разнакомившихся русскихъ народностей. «Люди злонамѣренныя», говоритъ митроп. Макарій. «могли съ умысломъ распространять объ этомъ слуха (т. е. о перекрещиваніи) въ народѣ, чтобы возбуждать противъ присяги московскому царю» (стр. 61).

Была наконецъ и третья причина нежеланія Малороссіи стать подъ іерархическую власть Москвы, причина формальная и легальная,

*) Такъ наприм. въ ноябрѣ 1673 года было избрано на кіевскую митрополію сразу двое: Автовій Винницкій и Юсифъ Нелюбовичъ-Тувадскій, и митрополитомъ остался тотъ, кому элекція давала на сіе менѣе права.

— это вѣковая, со временъ Владимира св., зависимость ея отъ константинопольскаго патріарха. На нее съ особенною силою указывалъ въ своей челобитной царю Алексѣю Михайловичу посланный отъ митроп. Сильвестра Коссова печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, утверждая, что она «служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей». Какъ порвать эту зависимость безъ согласія самаго патріарха? Кто приюпитъ недавнюю исторію греко-болгарскаго церковнаго вопроса, тотъ пойметъ, какія настойчивыя усилія требовались для того, чтобы освободиться изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха, который не прочь былъ хотя изрѣдка употребить духовную власть противъ ослушниковъ своей каведры, какъ показываетъ примѣръ Меодія (Филимоновича), мѣстоблюстителя кіевской митрополіи, котораго онъ предалъ проклятію *). Съ другой стороны зависимость отъ него южно-русской церкви, говоритъ митроп. Макарій, была только номинальною и давала полный просторъ кіевскому митрополиту жить и править своею церковію по своей волѣ, независимо ни отъ кого и безъ всякаго контроля (стр. 80). И въ самой Москвѣ хорошо знали, что по канонамъ церкви одинъ патріархъ не можетъ взять себѣ митрополіи, принадлежащей другому патріарху, безъ его на то согласія (стр. 83). Но для того, чтобы получить согласіе царградскаго патріарха, нужно было время; еще болѣе времени нужно было для того, чтобы покончить тягостную войну съ Польшею; и еще болѣе времени для того, чтобы приучить малороссовъ къ мысли о іерархическомъ подчиненіи Москвѣ. Для того, чтобы наполнить это переходное время, московская церковная полнѣща создала учрежденіе *мѣстоблюстительства кіевской митрополіи*, каковую должность занимали епископы Лазарь Барановичъ и Меодій Филимоновичъ.

Указаніемъ этой основной мысли послѣдованій митроп. Макарія о положеніи южно-русской церкви въ началѣ второй половины XVII ст. мы и ограничимся въ нашей замѣткѣ о его обширномъ посмертномъ изданіи, предоставляя любопытныя и драгоцѣнныя подробности онаго вниманію самихъ читателей.

Г—скій.

*) Читаа XII-й томъ *исторіи* митроп. Макарія, поражаешься обиліемъ проклятій, раздаваемыхъ направо и налево. Архимандритъ Феодосій Василевичъ проклинаетъ жителей Могилева, преданныхъ Москвѣ (стр. 301); царь Алексѣй Михайловичъ выражаетъ желаніе, чтобы патр. Пяковъ предалъ проклятію архим. Василегица и шляхтича Поляовскаго (ibid.) Митроп. Ѳонсій Балабанъ грозитъ *неблагодарностію* позтавскому позковскому Шушгарю (стр. 547). Патр. Никонъ проклинаетъ *крутацкаго* митроп. Нигиряна между прочимъ за то, что онъ поставилъ Меодія епископомъ въ чужую цковную область (стр. 570); патріархъ царградскій анаематствуетъ Меодія (стр. 571).

В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.

Родственная намъ, мнѣнатурная, сравнительно съ колоссомъ російскимъ, Галиція гораздо богаче насъ изслѣдованіями отдѣльныхъ мѣстностей и городовъ, у насъ-же только въ послѣднее время начали появляться нрѣдка книги такого рода. Не удивительно, что всѣ онѣ встрѣчаются публичною, особенно мѣстной, сочувственно и ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ. Также точно встрѣчена была полтавскимъ обществомъ и книга г. Бучневича. Къ сожалѣнію, оно обманулось въ своихъ ожиданіяхъ отъ этой книги.

Въ своей книгѣ г. Бучневичъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о Полтавѣ (7—34), о великой сѣверной войнѣ и въ частности о полтавской битвѣ (34—147), о полтавскихъ генераль-губернаторахъ, гражданскихъ губернаторахъ и епархіальныхъ архіереяхъ, со времени открытія полтавской губерніи (147—157), о достопримѣчательностяхъ Полтавы, а именно: первомъ памятникѣ въ воспоминаніе битвы 1709 г., намятникѣ, воздвигнутомъ въ столѣтній юбилей ея, памятникѣ на мѣстѣ отдыха Петра I, спасской церкви, крестовоздвиженскомъ монастырѣ шведской могилѣ, николаевской, рождество-богородичной, воскресенской, соборно-успенской и срѣтенской церквахъ, о домикѣ Котляревскаго и бывшей въ Полтавѣ славянской семинаріи (152—196), о селахъ: Жуевъ, Горбаневъ и Пушпаревка, о мѣстечкѣ Диканькѣ (196—212) и объ учебныхъ заведеніяхъ г. Полтавы (212—222); текстъ книги заключается «біографическимъ указателемъ уроженцевъ г. Полтавы, извѣстныхъ своею служебною и литературною дѣятельностію» (222—227), а въ концѣ книги приложены примѣчанія (I—XIX).

Да не подумаетъ кто-нибудь, что это изслѣдованіе самостоятельное, или что въ книгѣ есть какія-либо новыя свѣдѣнія. Самъ авторъ въ предисловіи къ ней говоритъ, что единственною цѣлю его труда было собрать въ одно цѣлое всѣ замѣтки и цѣлыя описанія историческихъ памятниковъ и частей города. Дурнаго въ этомъ намѣреніи ничего мы не видимъ: о полтавской губерніи есть нѣсколько весьма обширныхъ и серьезныхъ изслѣдованій, каковы: Бодянскаго — «Памятная книжка полтавской губерніи», Орандаренко — «Записки о полтавской губерніи», Богдановича, Терещенко и друг. Въ нихъ и о самой Полтавѣ говорится весьма обстоятельно, и какъ названныя книги въ настоящее время довольно рѣдки, притомъ касаются всей губерніи, то дѣйствительно желаніе, хотя бы на основаніи только ихъ, составить исторію г. Полтавы, имѣть свой резонъ. Но г. Бучневичъ, заручившись этими книгами, а

сверхъ того— исторіей Устрялова, Вантышъ-Каменскимъ и другимъ, не принявъ на себя трудъ сострипать хотя-бы какую-нибудь компиляцію, а просто выписываетъ буквально изъ указанныхъ книгъ подходящіи мѣста, не указывая даже, что откуда заимствовано, какъ это дѣлается въ хрестоматіяхъ. Г. Вучевичъ списанное рискуетъ выдавать за свое собственное и, перечисляя изслѣдованія, на основаніи которыхъ будто-бы составлены его «Записки», скрываетъ именно тѣ книги, изъ которыхъ дѣлаетъ прямыя заимствованія, какъ сочиненія Орандаренко и Бодянского. Таковы буквальныя и обширныя выписки изъ названныхъ сочиненій, составляющія всю главу Записокъ о войнѣ со шведами.

Въ основу списыванія у Вучевича положена книга Бодянского, въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ Бодянской разбавляется преимущественно Орандаренкомъ, а за тѣмъ Устряловымъ, Вантышъ-Каменскимъ и друг. Бываетъ даже такъ, что первая половина мысли выписана изъ одной, а другая изъ другой книги. Иногда же Вучевичъ беретъ на себя трудъ перефразировать чужую рѣчь, или дѣлаетъ перестановки въ словахъ и выраженіяхъ. Можно-бы такимъ образомъ всю положительно книгу Вучевича разложить на ея составныя части; но и тѣхъ указаній, какии мы на этотъ счетъ сдѣлаемъ, будетъ достаточно, чтобы подтвердить сказанное нами. Буквально выписаны изъ Бодянского слѣд. страницы: 19—20 (см. Бод. 20—21), 30—31 (Бод. 32—33), 41—42 (Бод. 30—31), 70—93, 103 (Бод. 35—46), 107—111 (Бод. 78—83), 147—152 (Бод. 70—75), 152—153 (Бод. 96—97), 153—157 (Бод. 90—101). Изъ числа первыхъ 12 стр. (текстъ книги начинается 7-й стр.) 5 заключаютъ описаніе (цитованное) Полтавы кн. П. М. Долгорукаго, а остальные взяты главнымъ образомъ у Орандаренко. Стр. 36—41 выписаны буквально изъ исторіи Устрялова (т. II, 57—60). Слѣдующія страницы списаны буквально также изъ Бодянского, но въ перемежку съ выписками изъ другихъ авторовъ: 57—59 (см. Бод. 32—34 и дал. отрывками), 158—164 (Бод. 87—94), 164—171 (Бод. 84—86) и такъ далѣе.

Но бѣда въ томъ, что г. Вучевичъ и списать не сумѣлъ только, обнаруживая и въ этой работѣ совершенное непониманіе и чисто механическое отношеніе къ своему труду. Списываетъ онъ все подъ ридъ, не разбирая, что относится къ дѣлу, а что нѣтъ, почему книга его и представляетъ ужаснѣйшую нескладницу и какой-то вепрь. Видно, что объ исторіи и географіи авторъ не имѣетъ ровно никакого представленія, и это онъ доказываетъ на каждомъ шагѣ.

Было-бы утомительно и бесполезно перечислять встрѣчающіяся въ огромной массѣ едва не на каждой страницѣ грубые промахи и искаженія историческія, географическія, логическія и даже грамматическія.

Для пригѣра довольно указать, что у г. Бучневича полтавская губернія постоянно отождествляется съ Малороссіей и Украйной, Золотая Орда противопоставляется Ордѣ Батыевой, великая сѣверная война заканчивается полтавской битвой, царствованіе Сигизмунда III отодвигается къ 50-мъ годамъ XVII ст., кіево-межигорскій монастырь основывается въ началѣ XV в. *иреками, пришедшими съ первымъ кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ*, часы на соборной колокольнѣ устрояются только по *окончаніи постройки* колокольни, городъ Полтава весь въ садахъ и на болотахъ, базары—*ежедневно* по средамъ, пятницамъ и носкресеньямъ и проч. и проч.

О языкѣ книги г. Бучневича нѣкоторое понятіе могутъ дать слѣдующія на удачу выбираемая мѣста: «въ 1648 г. *воздвигся* Богданъ Хмельницкій» (стр. 19), «избранный народнымъ *волненіемъ*» (20); «приказалъ построить оборонительную линію *отъ* засѣкъ, заваловъ и рвовъ» (37); «приняты были съ *чувствительнымъ оказаніемъ сожалѣнія* о ихъ несчастіи» (48); «*хотя* предполагаемое нападеніе было отмѣнено, *то* нѣкоторымъ образомъ»... и «*засѣсть открыто въ лѣсу*» (68); «*супрась* своею милостію», «*содержать ихъ какъ* пищю, такъ присмотромъ и лѣченіемъ» (111); «первоначально *куполу* церкви *служила* (?) деревянная крыша» (174); «колоколь называли еще субботникомъ, потому что въ него звонили *по субботамъ*, и также въ небольшіе праздники и въ *разнымъ литургіямъ*» (180); «внутренность церкви отличается благолѣпіемъ и *вкусомъ иконостаса*, рѣзной, богато *позлащенной работы*» (182); «*за стѣлою* на холстѣ *написана* икона» (188); «городъ... принимаетъ молитвенное *состояніе души*» (207); «*остатками* этой обители... *удѣляла* каменная церковь» (208) и проч. и проч.

Знаки пренинанія и правоисаніе представляютъ также неисчислимую массу ошибокъ, въ которыхъ трудно отличить ошибки типографскія отъ погрѣшностей автора, какъ напримѣръ: «король согласнѣсь; крепость; двѣ тріода; конарисный; кивотъ; авонность; никойбихъ; отразившіи полтавцы; колоната; пастыръ; отсюду (вм. отовсюду); Бутуринъ; на четверинькахъ; вавзалъ; лучшія Шленскія овцы Силезской породы; стольнику Юрьъ Сапегъ и т. д. Такия и другія ошибки дѣлають почти невозможнымъ чтеніе книги.

Книга г. Бучневича довольно объемистая: она заключаетъ въ себѣ 278 стр.; собственно въ Полтавѣ относятся около 100 стр., остальные-же посвящены слѣдующимъ предметамъ: 112 стр. занимаетъ великая сѣверная война, описаніе которой должно было-бы ограничиться одной лишь полтавской битвой, на что потребовалось-бы не 112, а стр. 10,—15 стр. отдѣлены на описаніе окрестныхъ сель и наконецъ 49 стр. на

совершенно ненужным и бесполезным для истории Полтавы примѣчаніямъ. Распространился объ излишнемъ и ненужномъ, г. Бучневичъ оставилъ безъ вниманія многое, что могло-бы имѣть существенное значеніе въ сочиненіи, спеціально посвященномъ Полтавѣ. Въ добавокъ ко всѣмъ указаннымъ нами недостаткамъ книги г. Бучневича, при ней нѣтъ плана города, рисунковъ памятниковъ, зданій и даже герба.

Иванъ Матченко.

Полтава 25 марта 1883 г.

Географія кievской губерніи (учебное пособіе по родимовѣдѣнію).

Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.

Названная книга по предмету своему не подходитъ къ разряду книгъ, разсмотрѣніе которыхъ входитъ въ программу нашего журнала, и мы бы не коснулись ея въ нашемъ бібліографическомъ обзорѣ, если-бы съ одной стороны она не была посвящена такой территоріи, которой каждый уголокъ вызываетъ на историческія замѣтки, а съ другой—не были сами убѣждены, что для географівъ столь-же важно историческое освѣщеніе, сколько для исторіи географическая основа. По видимому, и самъ авторъ названной книги не иначе смотрѣлъ на свой трудъ, судя по разсѣянному въ ней во множествѣ историческимъ поясненіямъ и замѣткамъ, равно по исчисленнымъ имъ въ предисловіи источникамъ и пособіямъ, которыми онъ руководствовался при составленіи своего труда и въ длинномъ ряду которыхъ стоятъ такія солидныя изданія, какъ Записки юго-западнаго отдѣла географическаго общества, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край (юго-западный отдѣлъ) Чубинскаго, Сказаніе о населенныхъ мѣстахъ кievской губерніи Похилевича, Описаніе Кіева—Закревскаго, Описаніе кievской губерніи, изд. Фундуклея, и т. под.

Мы вполне понимаемъ трудность работы автора, имѣвшаго предъ собою строго опредѣленную педагогическую задачу—передать ученикамъ начальнаго училища въ сжатомъ видѣ и доступной формѣ свѣдѣнія объ ихъ роднѣ и въ тоже время соблюсти научную точность и возможную полноту изложенія. Но авторъ, какъ мы отчасти уже замѣтили, не ограничился въ своей книгѣ только географическими свѣдѣніями о кievской губерніи, а пожелалъ присоединить къ нимъ нѣкоторые историческія и этнографическія поясненія. Такая сложность задачи, а быть можетъ неодинаковый уровень развитія учащихся въ его школахъ привели его

къ тому, что онъ въ изложеніи своего предмета не держался строго ни аналитическаго, ни синтетическаго метода, а примѣнилъ свой особый планъ, мало удовлетворяющій общимъ научнымъ требованіямъ, но быть можетъ представившій извѣстныя выгоды въ распредѣленіи обширнаго и разнообразнаго матеріала и ознакомленіи съ нимъ учащихся.

Послѣ краткаго предисловія г. Мукаловъ приступаетъ сразу къ обзорнѣю географическаго положенія Кіева и дѣленія его на части, описываетъ его поверхность и почву и съ особою подробностію достопримѣчательности Кіева, знакомитъ съ особенностями климата и вѣтровъ, трактуетъ о естественныхъ произведеніяхъ Кіева, его населеніи, промышленности, торговлѣ и тутъ-же перечисляетъ кіевскіе учебныя заведенія; за симъ онъ довольно обстоятельно говоритъ о болѣе примѣчательныхъ мѣстечкахъ и селахъ, въ различныхъ направленіяхъ отъ Кіева и наконецъ, дѣлаетъ общій обзоръ всего кіевского уѣзда въ административномъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Такимъ-же порядкомъ онъ описываетъ всѣ другіе 11 уѣздовъ кіевской губерніи, начиная съ историко-географическаго описанія уѣзднаго города. продолжая такими-же свѣдѣніями о главнѣйшихъ мѣстечкахъ и городахъ и заключая общимъ обзоромъ всего уѣзда. За симъ идетъ общее обзорнѣе губерніи, ея границъ, пространства, народонаселенія, поверхности, почвы, орошенія, климата, растительности, животныхъ и произведеній ископаемыхъ, промышленности добывающей и обрабатывающей, съ указаніемъ ремесленныхъ производствъ и крестьянскихъ заработковъ, — о торговлѣ, путяхъ сообщенія и учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, въ видѣ приложения къ своей книгѣ, г. Мукаловъ даетъ этнографическую характеристику бореннаго населенія — малороссовъ, ихъ характера и домашней обстановки, говоритъ о монастыряхъ и пустыняхъ, расположенныхъ на окраинахъ Кіева и прилагаетъ таблицу съ опредѣленіемъ пространства и населенія уѣздовъ кіевской губерніи, а также списокъ мѣстечекъ и селеній кіевской губерніи, въ которыхъ находится такъ называемыя министерскія школы, существующія независимо отъ школъ церковно-приходскихъ, а иногда и рядомъ съ ними.

Это общее обзорнѣе содержанія разсматриваемой книги показываетъ, что она страдаетъ отчасти безсистемностію, особливо во 2-й ея части, а это неизбежно ведетъ иногда автора къ повтореніямъ. Приложенія къ книгѣ, имѣющаго такое разнородное, ничѣмъ не связанное содержаніе, мы совсѣмъ понять не можемъ. Вѣроятно недостатокъ средствъ не позволилъ автору снабдить книгу картою кіевской губерніи и планомъ г. Кіева. Особою заслугою автора мы готовы были бы считать сообщеніе историческихъ свѣдѣній о большей части мѣстностей кіевской

губерніи; но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія весьма часто такъ кратки что не даютъ никакого представленія о судьбахъ и значеніи извѣстнаго города или историческаго памятника, какъ напримѣръ: «Въ старинное время Чигиринъ былъ очень важнымъ пунктомъ въ Малороссіи, вслѣдствіе чего и служилъ главнымъ городомъ», или: «Умань—городъ древній, знаменитый по подвигамъ Гонта и Желѣзняка», и только. Между тѣмъ надлежащее историческое освященіе извѣстнаго географическаго пункта—столь же важный педагогическій приемъ при изученіи географіи дѣтьми старшаго возраста, сколько такъ называемая наглядность въ объясненіяхъ съ дѣтьми младшаго возраста. Не будемъ касаться недостатковъ книги въ другихъ отношеніяхъ, но не можемъ не указать на такой недостатокъ, какъ то, что извѣстный сахарный заводъ гр. Бобринскихъ въ м. Смѣлой показанъ принадлежащимъ гр. Браницкимъ и имъ же приписывается заводъ въ Русской Полянѣ, принадлежащій, какъ извѣстно, администраціи б. заводовъ Яхненка и Симиренка.

Не смотря однако на указанные недостатки книги, она имѣетъ много хорошихъ качествъ: основной методъ ея подходитъ отчасти къ такъ называемому концентрическому; необходимыя свѣдѣнія собраны весьма тщательно; особенною полнотою отличаются свѣдѣнія статистическія. Языкъ книги въ большей части простъ и понятенъ; цѣна ея весьма умеренная, всего 50 коп. Во всякомъ случаѣ не можемъ не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этой первой попыткѣ честнаго труженика-педагога на собственныя скудныя средства дать своимъ питомцамъ обстоятельное учебное пособіе по родиновѣдѣнію. Пожелаемъ, что бы эта полезная книга была принята, какъ учебное пособіе, во всѣхъ безъ различія какъ министерскихъ, такъ и церковно-приходскихъ школахъ кievской губерніи. Главная цѣль нашей замѣтки была—указать на необходимость и пользу примѣненія историческаго приема въ изученіи столь важнаго въ элементарномъ курсѣ предмета, какъ географія. Рядъ такихъ книгъ, составленныхъ съ большею или меньшею самостоятельностью, по частнымъ, не вслѣдствію доступнымъ источникамъ, могъ бы способствовать не только пополненію географическихъ и статистическихъ свѣдѣній въ каждой данной мѣстности, но внесенію въ нашу историческую науку нерѣдко новыхъ данныхъ, а главное—распространенію хотя самыхъ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній въ средѣ учащихся въ нашихъ элементарныхъ школахъ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ и быть можетъ долго еще не будетъ мѣста отечественной исторіи.

Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію.

И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.

Такое заглавіе носить брошюра, написанная еще въ 1839 году покойнымъ И. И. Срезневскимъ и напечатанная теперь вторымъ изданіемъ харьковскимъ профессоромъ г. Сокальскимъ. Издатель предпослалъ тексту брошюры весьма интересный очеркъ біографіи и литературной и ученой дѣятельности покойнаго автора до 1846 года, т. е. того времени, пока онъ переѣхалъ изъ Харькова въ Петербургъ; въ примѣчаніяхъ къ очерку помѣщены полный списокъ всѣхъ сочиненій, изданныхъ Срезневскимъ въ Харьковѣ до 1846 года, а также бібліографическій указатель сочиненій и статей, посвященныхъ мѣстной исторіи Слободской Украйны. Весь указатель впрочемъ обнимаетъ только 12 названій и свидѣтельствуетъ о значительной скудости исторической литературы по данному предмету; въ виду этого обстоятельства, издатель оказалъ несомнѣнную услугу мѣстной исторіографіи, повторивъ изданіе труда знаменитаго ученаго, сдѣлавшееся въ наше время бібліографическою рѣдкостью, и занимающее понынѣ весьма почетное мѣсто среди немногочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ изученію Слободской Украйны.

Сама брошюра И. И. Срезневскаго представляетъ краткій, но весьма отчетливый очеркъ исторіи колонизаціи слободско-украинской области, затѣмъ сообщаетъ важнѣйшія характеристическія черты ея первоначальнаго устройства и исторію постепенныхъ видоизмѣненій этого устройства до того времени, когда, въ слѣдствіе указа императрицы Екатерины II, послѣдовавшаго въ началѣ 1765 года, слободскіе полки были преобразованы по образцу общегосударственнаго устройства и составили одну изъ губерній російской имперіи.

Заселеніе Слободской Украйны произошло только въ половинѣ XVII столѣтія (1640—1654 г.) и развилось весьма быстро. Переселенцы являлись сюда изъ польской Украйны, уезжая за предѣлами польскаго государства отъ тѣхъ религіозныхъ, національныхъ и экономическихъ притѣсненій, которымъ подвергались на родинѣ. Они въ теченіи 14 лѣтъ составили населеніе пустынной до того времени области, достигавшей цифры 80—100 тысячъ. Русское правительство, предоставивъ въ пользованіе переселенцамъ свободныя земли, возложило на нихъ исключительно обязанность военной службы, необходимой для огражденія границъ отъ татарскихъ набѣговъ, и освободило ихъ отъ всякихъ другихъ государственныхъ повинностей, предоставивъ притомъ пришлому населенію право устроиться и управляться почти совершенно независимо.

Переселенцы сгруппировались въ три козацкіе полки: сумскій, актырскій и харьковскій, къ которымъ къ концу столѣтія прибавилось еще два: изюмскій и острогожскій; полки состояли въ управленіи выборныхъ полковниковъ и старшинъ и распались на сотни, управлявшіеся также выборными сотниками и сотенною старшиною. Въ такомъ положеніи слободскіе полки находились до начала XVIII столѣтія, когда видоизмѣнившіеся историческія условія края, ослабленіе крымскаго ханства и быстрое развитіе на югѣ русской колонизаціи сдѣлали излишними существованіе пограничной козацкой стражи и побудили правительство къ ряду постепенныхъ мѣропріятій, клонившихся къ тому, чтобы прекратить особенное устройство края и подвести его подъ общую норму быта всего государства. Исторія этихъ мѣропріятій разсказана И. И. Срезневскимъ весьма подробно и доведена до указа 1765 года, уравнишаго права и обязанности жителей Слободской Украины и устройство этой области съ правами и устройствомъ, установленными для всего государства.

В. А.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ШКОЛА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ПѢВЧИХЪ, НАЗНАЧАВШИХСЯ КО ДВОРУ.

Какъ извѣстно, Малороссія въ прежнее время служила мѣстомъ, откуда поставлялись въ столицы лучшіе пѣвцы. Пѣвцы и музыканты изъ малороссіянъ служили не только при дворѣ, но и у русскихъ вельможъ; наприм., въ домѣ кн. Меншикова „при спѣвальной музицѣ“ состоялъ малороссіанинъ Афанасій Ревуковичъ¹⁾. Царица Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, во время пребыванія гетмана Данила Апостола въ Москвѣ въ 1728 году, обращалась къ нему съ требованіемъ дать универсалъ посылаемому въ Малороссію служителю Василю Евстратову „для сыску двухъ пѣвчихъ алцѣсть, которые необходимы къ ея двору“²⁾. По этому случаю гетманъ, между прочимъ, писалъ царицѣ, что „разными временами посылаючіеся въ Малую Россію для выбора пѣвчихъ многіе чинятъ обывателямъ тамошнимъ обиды, и явихъ не надобно, и такихъ, токмо для взятковъ, насильно отымають хлопцовъ“. Вслѣдствіе этого Апостоль обѣщаль самъ, по возвращеніи въ Малороссію, распорядиться о присканіи двухъ пѣвцовъ-алцѣсть и прислать ихъ ко двору царицы²⁾. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года, по возвращеніи въ Глуховъ, гетманъ получилъ вторичное требованіе прискаты еще двухъ дискантовъ. Гетманъ

¹⁾ Матеріалы для отечеств. исторія Судіенка, II, 11.

²⁾ Тамъ-же, стр. 108.

отвѣчалъ царичѣ: „Имѣючи я въ незабвенной памяти, что въ бытность мою въ Москвѣ соблагоизволили ваше высочество требовать присылки двоухъ пѣвчихъ алѣтъ, которымъ надобно быть при дворѣ вашего высочества, прибывши-же сюда въ Глуховъ, послала отъ себе въ полки рейменту моего малороссійскіе таковыхъ пѣвчихъ искать; а теперь получилъ вторично вашего высочества предложеніе, дабы до музыки спѣванной ко двору вашего высочества двоухъ дикантовъ, а двоухъ алтовъ прислать; и я по тому вашего высочества требованію, которіе теперь могли вынайтись хлопцы зъ тихъ, а именно двоухъ дикантовъ, а двоухъ алтовъ отправляю, и хотя еще къ тому оныя не обучены, ибо обученныхъ сискать теперь весьма трудно, понеже тутъ, въ Малой Россіи, спѣванные музыки звелися, за бывшимъ здѣшнимъ премѣненіемъ, однакъ, надѣюсь, когда обучатся, то до спѣванія будутъ не неудобны. Если-жь съ временемъ могутъ и способнѣйшіе обискатися для прислуги вашему высочеству, моею милостивѣйшей государинѣ, переслать пощуся“¹⁾.

При Аннѣ Іоанновнѣ въ особенности много отправлялось пѣвчихъ изъ Малороссіи въ Петербургъ, какъ къ ея двору, такъ и ко двору царицы Елисаветы Петровны. Эти пѣвчіе набирались по всеѣмъ полкамъ Малороссіи и подготовлялись въ Глуховѣ. По крайней мѣрѣ такъ было въ 1736—1738 годахъ.

На содержаніе подготовлявшихся пѣвчихъ въ Глуховѣ употреблено было изъ малороссійскихъ доходовъ въ 1736 г. 50 рублей, 1737 г. 100 руб., въ 1738 г. 250 руб. Изъ указанной суммы давалось каждому обучавшемуся пѣвию по 3 копѣйки на день, также изготовлялась одежда и обувь. Регенту назначалось также содержаніе.

Въ августѣ 1738 года изъ 19 человекъ пѣвчихъ, подготовлявшихся въ Глуховѣ, выбраны были 11, которые и отправлены ко двору Анны Іоанновны вмѣстѣ съ регентомъ Фѣдоромъ Яворскимъ. А 21 сентября того-же года послѣдовалъ царскій указъ, на имя майора лейбъ-гвардіи Шипова, въ которомъ, между прочимъ, пред-

¹⁾ Архивъ малорос. коллегіи, находящійся при харьков. универс. Дѣло о присылкѣ пѣвчихъ изъ Малой Россіи къ дворцовой капелли въ Москву къ царичѣ Екатерианѣ Іоанновнѣ, 1728 г., № 4199.

писывалось: „изъ оставшихся за отсылкою сюда пѣвчихъ оставить одного регента, которой-бы въ пѣніи четверогласномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ и учредить небольшую школу, въ которую набирать со всей Малой Россіи изъ церковниковыхъ, такожъ изъ казачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей и протчихъ, и содержать всегда въ той школѣ до двадцати человѣкъ, выбирая, чтобъ самые лутчіе голоса были и велѣть ихъ оному регенту обучать кievского, такожъ и партеснаго пѣнія, а при томъ, сыскавъ искусныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и изъ малороссіянъ, велѣть изъ оныхъ-же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно: на скрыщницѣ, на гусляхъ и на бандорѣ, дабы могли на оныхъ инструментахъ съ нотъ играть; и которые пѣнію, такожъ и на струнной музыкѣ обучены будутъ, и съ тѣхъ по вся годы лутчихъ присылать ко двору ея императорскаго величества человѣкъ по десяти, а на тѣ мѣста шаки вновь набирать, и пока тѣ учителя тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ опредѣлить на пропитаніе и платье и обувь сколько потребно по разсужденію его майора Шипова изъ малороссійскихъ доходовъ“.

Подробности относительно устройства школы были развиты канцеляріей министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ, которая изложила ихъ въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) Для содержанія пѣвчихъ и струнной музыки въ Глуховѣ устроить школу въ особномъ мѣстѣ, на которомъ построить описныхъ маестностей подданными двѣ горницы съ комнаты да пекарню; да изъ оныхъ-же маестностей для варенія въ школѣ с(ѣ)сть взять двухъ бабъ и одного мужика. 2) О присканіи угодныхъ къ пѣнію кievскаго и партеснаго пѣнія регента, человѣка добраго и въ пѣніи и въ составленіи нотъ искуснаго, и о присылкѣ въ Глуховъ онаго регента, и лучшихъ голосовъ къ тому пѣнію хлопцовъ человѣкъ до двадцати къ архіереямъ кievскому, переяславскому и къ присутствующимъ въ консисторіи черниговской писать. 3) Какъ отъ оныхъ архіереевъ къ пѣнію и къ ученію хлопцовъ искусный регентъ и лутчихъ голосовъ хлопцы присланы будутъ и которыхъ хлопцовъ, набравъ, приведетъ посланный въ нѣжинскій и черниговскій полки сотникъ Брежинской, то изъ тѣхъ выбравъ оставить угодныхъ въ Глуховѣ при школѣ, а именно регента одного, хлопцовъ лутчихъ голосовъ семнадцать, да для игранія на струнной музыкѣ прискать

мастеровъ гуслиста, бандуриста изъ малороссіянъ, которые-бъ довольно играть знали на гусяхъ, на бандурѣ и на скрипцѣ, и чтобъ оные мастера на оныхъ инструментахъ изъ показанныхъ хлопцовъ семь человекъ обучали струнной музыкѣ по нотѣ. 4) Для содержанія оныхъ пѣвчихъ, гуслиста и бандуриста, всего двадцати человекъ, ассигновать канцеляріи министерскаго правленія изъ наличныхъ денегъ сто рублей, и изъ тѣхъ денегъ расходъ держать, записывать особъ учиненную книгу съ росписками, и давать онымъ регенту, хлопцамъ, мастерамъ, гуслисту и бандуристу на одежду и на протчая въ годъ со вступленія ихъ къ показанному обученію, а именно: регенту 50 рублей, басисту одному 5 рублей, да ему-жъ басисту, такожъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, всего на 17 человекъ, на платья, на кафтаны, на штаны сукна каждому по пяти аршинъ, цѣною аршинъ по 80 копѣекъ, ибо хотя малымъ хлопцамъ пяти аршинъ сукна будетъ со излишествомъ, оное излишнее можетъ употреблено быть большимъ, которымъ либо и достать не можетъ; на полукафтаны всякому по 2 рубля, на прикладъ и за работу по два-жъ рубля, да вышепоказаннымъ-же пѣвчимъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, которымъ денежнаго оклада не написано, шестнадцати человекамъ, на сапоги, на рубахи, на порты, на шапки, на рукавицы и на протчая по два рубля; а егда изъ оныхъ хлопцовъ которые будутъ обучаться ревностнѣе, онымъ давать по десяти копѣекъ на мѣсяцъ каждому. Гуслисту да бандуристу, когда они присканы будутъ, въ годъ каждому по двадцати рублей, да онымъ-же регенту съ хлопцы и гуслисту и бандуристу въ школу въ годъ на свѣчи пять рублей, да имъ-же пѣвчимъ, такожъ гуслисту и бандуристу, всѣмъ двадцати человекамъ на пропитаніе каждому на день по двѣ копейки, да хлѣба на мѣсяцъ каждому муки по полуосмины, крупы по два гарнца, которой хлѣбъ взять изъ описнаго Марчихина-будьянскаго (с. Марчихина-Буда) дворца и держать въ расходъ съ росписками, а когда оная школа въ показанныя науки вступитъ, тогда къ смотрѣнію оной и чтобъ ученики не своеволили и не гуляли, опредѣлить изъ глуховскаго гарнизона ундеръ-офицера, человека доброго, которому, какъ, будучи при той школѣ у смотрѣнія, поступать, дать инструкцію.

Управлявшій Малороссіей А. И. Румянцевъ, который находился въ то время въ Переяславѣ, распорядился, чтобы оставшіеся за отсылкою ко двору четыре человѣка пѣвчихъ съ регентомъ были присланы къ нему изъ Глухова. А по явкѣ въ Переяславль, онъ командировалъ ихъ во всѣ малороссійскіе полки съ тѣмъ, чтобы они выбирали хлопцевъ съ лучшими голосами и къ апробаціи высылали бы къ нему, „а дабы оныя пѣвчіе во время того набора либо изъ взятокъ какихъ кого изыщутъ лутчихъ не отпускали и не тавли и поступали-бъ въ томъ порядочно, для смотрѣнія въ томъ за ними опредѣлить и послать съ ними нарочныхъ и унтеръ-офицеровъ, и въ иные полки, и значковыхъ товарищей по одному, а о неучиненіи пѣвчимъ во взятыхъ тѣхъ лучшихъ голосовъ хлопцовъ никакого препятствія во всѣ малороссійскіе полки послать указы“...¹⁾.

Въ силу этихъ распоряженій, забрано было въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ свыше восьмидесяти человѣкъ хлопцевъ. Изъ числа ихъ оказалось годныхъ 33 человѣка, а именно: басиста 2, тенористовъ 5, дышканцистовъ 6, алцистовъ 16, да опредѣлены въ музыканты 4. Выбраннымъ пѣвчимъ отведено было помѣщеніе въ Переяславѣ и на содержаніе давано каждому по алтыну въ день. Деньги отпущены изъ отписныхъ Кантокузипскихъ маестностей; для изготовленія же пици и для услуги назначено два человѣка да двѣ бабы изъ подданныхъ тѣхъ же маестностей²⁾.

Такъ-какъ Румянцевъ находился въ Переяславѣ недолго, то, по всей вѣроятности, школа пѣвчихъ была переведена въ Глуховъ. Впрочемъ дальнѣйшая судьба школы мнѣ неизвѣстна.

Въ заключеніе настоящей замѣтки считаю не лишнимъ привести историческую справку о бандуристахъ. Находящіеся пицѣ въ загонѣ бандура и бандуристы въ прошломъ столѣтіи были въ большомъ почетѣ. Какъ видно изъ приведеннаго выше, искусству играть на бандурѣ были обучаемы нѣкоторые изъ пѣвчихъ, назначавшихся ко двору, и это дѣлалось въ силу именного указа импе-

¹⁾ Предписаніе 11 января 1739 г.

²⁾ Дѣло архива малор. коллегія, находящагося при харьков. университетѣ, объ учрежденіи въ Глуховѣ школы для обученія пѣвчихъ и о наборѣ оныхъ, 1738 г., № 9184.

рагрицы Анны Іоановны. При Елизаветѣ Петровнѣ находился придворный бандуристъ Григорій Михайловичъ (слѣпой), который даже пожалованъ былъ въ дворяне. Къ этому бандуристу хаживали въ гости, въ бытность въ Петербургѣ, именитые наши павы, въ родѣ Маркевичей, и съ нимъ и съ придворными пѣвчими „куликали“. Мода держать бандуристовъ распространилась и между петербургскими вельможами. Такъ, по словамъ И. Маркевича, утекшій отъ него кравчикъ Данилко служилъ въ Петербургѣ въ бандуристахъ при Нестеровѣ. При самомъ Маркевичѣ находился *бандурка*, мальчикъ игрившій на бандурѣ, котораго онъ въ 1723 г. подарилъ кн. Голицыну, а въ 1728 г. встрѣтилъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ у Давыдова, адъютанта кн. Барятинскаго. Въ Малороссіи въ панскихъ домахъ бандура занимала почетное мѣсто въ числѣ прочихъ инструментовъ; ее даже размалевывали ¹⁾.

П. Ефименко.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

24 января с. г. въ Черниговѣ скончался соборный протоіерей о. Евфимій Пучковской. Для погребенія его избрано было мѣсто за алтарной стѣной зимняго соборнаго храма во имя св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Когда рабочіе, приступивъ къ рытью могилы, стали копать, отступя на одинъ аршинъ отъ стѣны пристроеннаго къ древнему храму алтаря, то на небольшой глубинѣ встрѣтили каменный сводъ; тогда они отступили еще на два аршина и стали копать могилу въ 3 арш. длины и въ 1½ арш. ширины. Тутъ продольная стѣна могилы, ближайшая къ алтарю, пошла по стѣнѣ кирпичнаго склепа древней кладки ²⁾; по снятіи мерзлаго верхняго слоя, земля оказалась разрыхленною. Рабочіе продолжали копать и на глубинѣ 2¼ аршинъ нашли человѣческій остовъ, а при немъ черепъ и челюсти съ отлично сохранившимися, бѣлыми

¹⁾ Дневныя записки малорос. подскарбія А. Маркевича, I, 28, 55, 271; II, 161, 169, 180, 191).

²⁾ Состоящая изъ рядовъ длиннѣе кирпичей и дакаго камня, связанныхъ очень крѣпкимъ цементамъ.

не испорченными зубами; нѣсколько ниже выкопанъ другой человѣческой остовъ, въ челюстяхъ котораго зубы оказались уже не всѣ и не такъ бѣлы. Открытый позже остовъ лежалъ въ деревянномъ дубовомъ гробѣ; стѣнки послѣдняго, плотно приставшія къ землѣ, по вынутіи ихъ кусками выброшенные изъ могилы, обратились въ прахъ. По положенію обоихъ скелетовъ видно, что погребенныя тѣла обращены были лицами къ востоку. Время было къ вечеру; рытье могилы производилось безъ всякой предосторожности, никто не ждалъ найти въ разрытой могилѣ чтонибудь особенное, тѣмъ болѣе, что лѣтъ 20-ть назадъ на этой мѣстности былъ вырытъ довольно большой ровъ подъ фундаментъ для алтаря. Очень можетъ быть, что рабочіе, вынувъ первый черепъ, ногами и заступами смѣшали верхнюю землю съ истлѣвшею крышкою гроба и даже вовсе не замѣтили перваго гроба, болѣе разрушившагося; могли они также растоптать и находившіяся въ гробахъ вещи и смѣшать ихъ съ землею; тѣмъ не менѣе нашлись уцѣлѣвшія и вынутыя изъ земли вещи. Это, во первыхъ, два золотые, круглые медальона; въ верхней части ихъ вмѣсто ушка дугообразная золотая проволока, что придаетъ имъ нѣкоторое сходство съ висячими круглыми замками. Медальоны эти, выпуклые по срединѣ, служены къ краямъ; внутри ихъ замѣтна пустота, по срединѣ съ обѣихъ сторонъ находятся покрытые эмалью кружки, отороченные рядомъ жемчужинъ; но послѣднія уцѣлѣли лишь на одномъ изъ медальоновъ, въ числѣ 19-ти, на другомъ-же замѣтны только ихъ мѣста; по краямъ медальоновъ рельефныя небольшія украшенія въ византійскомъ стилѣ, на эмалевыхъ кружкахъ въ увеличительное стекло можно замѣтить на одной сторонѣ медальоновъ розетку, нѣсколько похожую на крестъ, и подъ нею круглое очертаніе, а на другой—надъ такимъ-же очертаніемъ украшеніе изъ акантовыхъ листовъ; каждый изъ медальоновъ величиною въ діаметрѣ въ 1 верш., въсомъ—одинъ съ уцѣлѣвшими жемчужинами $7\frac{1}{2}$, а другой съ выпавшими жемчужинами около 7 золотниковъ. Судя по выпуклости медальоновъ, они вѣроятно открывались, но въ настоящее время затрудняются ихъ открыть изъ опасенія повредить. Къ сожалѣнію, въ Черниговѣ нѣтъ искуснаго ювелира, а было-бы весьма любопытно знать, нѣтъ-ли внутри медальоновъ какогонибудь изображенія или надписи.

Вмѣстѣ съ медальонами найдены двѣ серебряныя, сильно окисленныя, цѣпи. Одна изъ нихъ сплетена изъ довольно толстой проволоки и оканчивается прикрѣпленною къ ней змѣиною головою, съ другого-же конца такая-же голова отломана; но обѣ, какъ видно, соединялись кольцомъ; длина этой цѣпи 1 арш. 6 верш. Другая разломанная цѣпь, оканчивающаяся также змѣиною головою, изъ серебряной тонкой проволоки, внутри пустая, снаружи представляетъ мелкую сквозную рѣшетку, похожую на змѣиную чешую; длина ея съ разломанными частями $\frac{1}{2}$ аршина, а толщина $\frac{1}{4}$ верш. Эта послѣдняя цѣпь затѣйливой работы и представляетъ большое сходство съ змѣею или ужемъ. Къ одной изъ описанныхъ цѣпей долженъ принадлежать найденный, тоже окисленный крючекъ.

Кромѣ описанныхъ вещей, найдены съ ними вмѣстѣ три золотыя серьги овальной формы и 8-мь золотыхъ колець, похожихъ съ перваго взгляда на серьги, но мельшихъ размѣровъ. На серьгахъ не осталось ни одной жемчужины; на кольцахъ также видны мѣста украшавшихъ ихъ жемчужинъ или другихъ камней. Въ числѣ открытыхъ вещей находится также какой-то камень (кажется порфирь), имѣющій видъ небольшого цилиндра, просверленнаго внутри. Всѣ эти вещи имѣютъ признаки византійской работы.

Такова находка; попытаемся сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Змѣи всегда имѣли эмблематическое различное значеніе: у язычниковъ—жезлъ Меркурія и Эскулапа, у первыхъ христіанъ епископскіе жезлы украшались и теперь еще украшаются змѣиными головами, какъ эмблемою мудрости; змѣю согнутую кольцею, держащую во рту свой хвостъ, считаютъ эмблемою вѣчности. Итакъ найденныя змѣеобразныя цѣпи могли имѣть и эмблематическое христіанское значеніе и служить вмѣстѣ съ тѣмъ женскимъ украшеніемъ. Такія украшенія византійскіе императоры дарили крестившимся въ Константинополь скифамъ и вѣроятно женамъ ихъ вождей и дружинниковъ¹⁾. На черниговской гривнѣ, найденной 1821 года и двухъ Ониксахъ (intaglio), найденныхъ въ Готѣ 1834 года проф. дерптскаго универ. Крузе, съ помощію которыхъ онъ могъ разобрать надпись, не разобранную прежде на черниговской гривнѣ,

¹⁾ Дожашиій быть русскіхъ царцъ, Н. Забѣлна, Москва, 1869 г., стр. 571.

а также на другихъ подобныхъ гривнахъ (таковы: найденная на Куликовомъ полѣ и описанная г. Напирскимъ, находящаяся въ мюнцъ-кабинетѣ казанскаго университета и описанная проф. Эрдамономъ и наконецъ гривна-медаль найденная близъ села Городища, стародубскаго уѣзда, черниговской губерніи, хранящаяся теперь въ ризницѣ черниговскаго архіерейскаго дома и въ свое время описанная пр. Филаретомъ, черниговскимъ архіепископомъ) помѣщаются съ одной стороны человѣческая голова, окруженная змѣями, а съ другой на Ониксахъ надписи священнаго содержанія, а на медаляхъ, кромѣ надписей, еще и изображенія: на черниговской и казацкой архистратига Михаила, на найденной на Куликовомъ полѣ образъ пресвятыя Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на послѣдней св. Георгія Побѣдоносца. По объясненію упомянутыхъ ученыхъ, змѣи съ одной стороны и священное изображеніе и надписи съ другой заключали въ себѣ символическое значеніе поправія язычества христіанствомъ въ побѣдоносной брани съ змѣемъ, изображенной въ Апокалипсисѣ XII, 7—12 и у пророка Даниила X, 21¹⁾.

Мы склонны предполагать, что найденныя цѣпи весьма древняго и при томъ византійскаго происхожденія. Аллегорическій смыслъ змѣиныхъ головъ понятенъ самъ собою и не могъ быть инымъ, какъ общеприпатымъ въ языческомъ и христіанскомъ мірѣ; что-жъ касается символическаго значенія другой части медальоновъ, то сказать о немъ что либо определенное затрудняемся, такъ какъ лишь на одномъ изъ нихъ едва примѣтно изображеніе креста, а что внутри ихъ, пока неизвѣстно, хотя очень можетъ быть, что какъ наружныя, такъ и внутреннія изображенія погибли отъ неосторожности рабочихъ. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что найденные скелеты христіанскіе. Думать, какъ это хочется нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ цѣпителей древностей, что это была языческая могила, вѣтъ никакого повода; открытые скелеты, по обычаю христіанъ, обращены къ востоку; мѣста двухъ языческихъ кладбищъ въ Черниговѣ хорошо определены профессоромъ Самоквасовымъ и находятся на Болдинои горѣ, близъ троицкаго архіерейскаго дома и елецкаго монастыря, самое-же мѣсто, на кото-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просвѣд., 1856 г., ч. IX, стр. 335—363. Описаніе черниговской епархіи, архіеп. Филарета, стародубск. уѣздъ, книга 7, стр. 52. Черниговъ, 1873 г.

ромъ сооруженъ борисоглѣбскій храмъ, находилось въ древней крѣпости; наконецъ значительныхъ лицъ язычники сожигали, а простые люди не могли имѣть дорогихъ украшеній, къ каковымъ несомнѣнно принадлежать описанныя нами.

Черниговскій борисоглѣбскій соборъ, близъ котораго найдены эти вещи, сооруженъ черниговскимъ княземъ Давидомъ Святославичемъ, отцемъ пресподоб. Николы Святоши, въ 1120 году, и въ немъ погребены какъ самъ храмоздатель, такъ и сынъ его, великій князь Изяславъ, всѣ-же другіе черниговскіе князья погребены въ соборѣ спасскомъ. Итакъ, судя по найденнымъ вещамъ, можно думать, что въ раскопанной случайно могилѣ были похоронены въ гробахъ, поставленныхъ одинъ на другомъ, двѣ какія-то знатныя особы женскаго пола, можетъ быть, черниговская боярыня и ея дочь временъ князя Давида Святославича или его сына.

А. Ханенно.

ПИСЬМО ИЗЪ ВАРШАВЫ ОТЬ 6-го АПРѢЛЯ 1790 Г.

Помѣщаемое подь такимъ заголовкомъ письмо поступило къ намъ изъ бывшаго архива секретаря Потемкина В. С. Цопова. На послѣдней страницѣ надпись позднѣйшаго времени: „по приказанію императрицы Екатерины II переведено съ польскаго статсъ-секретаремъ В. С. Цоповымъ“. Итакъ письмо это было въ рукахъ Екатерины, относительно которой содержится въ немъ весьма важное, хотя, какъ увидимъ далѣе, совсѣмъ неосновательное обвиненіе. Кѣмъ и къ кому писано письмо, когда и какъ попало въ руки русскихъ властей, не извѣстно. Писано оно подь свѣжимъ впечатлѣніемъ совершавшихся въ Варшавѣ событій, обозначающихъ собою послѣдніе дни существованія Польши, и передаетъ такъ сказать новости дня. Одною изъ самыхъ крупныхъ новостей въ то время былъ сочиняемый не въ первый разъ приходившею въ отчаяніе волынской шляхтою мнимый бунтъ на Волыни, сопровождавшійся на этотъ разъ арестомъ и заключеніемъ въ крѣпость слуцкаго архимандрита, впоследствии минскаго и потомъ черниговскаго архіепископа Виктора Садковскаго, и съ нимъ нѣсколькихъ православныхъ священниковъ Волыни. Варварскія казни надъ участниками Коліив-

щины, производившіяся главнымъ образомъ на Волини, не давали покоя такъ настойчиво требовавшей въ свое время кровавой кары шляхтѣ, и она въ свою очередь ожидала такого-же для себя возмездія. Опасенія и страхи усиливались въ виду раздраженія народнаго, видимаго тяготѣнія всего русскаго и православнаго въ сторону Россіи, обычныхъ въ то время такъ называемыхъ „похвалокъ“ и наконецъ очевиднаго для всѣхъ окончательнаго разложенія Польши. Полякамъ не вѣрилось, что ихъ отчизна умираетъ смертью, которую сама для себя подготовила, и они искали причинъ оной въ постороннемъ вмѣшательствѣ и подущеніяхъ. Въ теченіи почти полустолѣтія сыпались уже со стороны поляковъ на русское правительство обвиненія въ тайномъ подущеніи къ бунтамъ православнаго населенія Польши, между тѣмъ какъ это послѣднее болѣе полутора ста лѣтъ само стремилось къ единенію съ Россіею, напрягая для этого всѣ свои силы, поднимая страшное кровопролитіе, но каждый разъ было отбрасываемо въ ненавистныя ему руки Польши, что еще разъ доказываетъ, что инстинкты народныя выше пониманія такъ называемыхъ государственныхъ дѣятелей. Одно изъ такихъ обвиненій содержится въ приводимомъ письмѣ, при томъ въ видѣ несомнѣнной, свѣжо добытой письменной улики. Нелѣпость этого обвиненія понятна сама собою. Екатеринѣ не было надобности въ подстрекательствѣ русскаго населенія Волини противъ Польши, когда сама Польша была всецѣло въ ея рукахъ и русскія войска наводняли польскія провинціи. Бунта и истребленія поляковъ, о которомъ здѣсь рѣчь, не послѣдовало, а спустя три года наступилъ окончательный раздѣлъ Польши и возвращеніе ея русскихъ областей въ лоно Россіи. Викторъ Садковскій томился четыре года въ заключеніи и выпущенъ на свободу, по настоянію Россіи, лишь предъ самымъ раздѣломъ Польши.

Какъ однако могло появиться извѣстіе объ отысканіи у Виктора Садковскаго письма или манифеста, посланнаго будто-бы Екатериною къ православному духовенству и населенію Волини и возбуждающаго „чернь противъ дворянства польскаго“? Объясненіе этого не представитъ затрудненія, когда припомнимъ обстоятельства возникновенія возстанія на Украинѣ въ 1768 году и появленія такъ называемой *Золотой грамоты*. И теперь, какъ и тогда, народъ слѣпо вѣрилъ въ защиту Россіи и что она приметъ его въ

свое подданство, не смотря на то, что она-же помогала Польшѣ усмирять ея непокорныхъ подданныхъ. Очень можетъ быть, что и теперь появился какой-либо подложный манифестъ отъ имени Екатерины, въ родѣ золотой грамоты 1768 г., или подобная вѣсть, либо мнѣніе передавалось въ какомъ-либо частномъ письмѣ, найденномъ у Виктора Садковскаго или кого-либо изъ арестованныхъ съ нимъ; очень можетъ быть, что находились и теперь люди, вѣрившіе въ подлинность такого манифеста и желавшіе воспользоваться имъ, какъ въ 1768 г., для поднятія народнаго возстанія. „Сами знатнѣйшіе вельможи польскіе не безызвѣстны были“ о письмѣ Екатерины, т. е. вѣрили въ существованіе оного. Нигдѣ однако, кромѣ приводимаго письма, мы не встрѣчаемъ другаго подобнаго указанія, не говоря о томъ, что производившееся долгое время надъ Викторомъ Садковскимъ слѣдствіе не открыло за нимъ никакого политическаго проступка.

Помѣщаемое письмо содержитъ и другія любопытныя извѣстія, не требующія однако какого либо объясненія; читатели ознакомятся съ ними изъ слѣдующаго текста письма въ современномъ переводѣ.

«Допросы архимандрита случкаго окончены. Депутация, къ тому опредѣленная, послала оныя сеймующимъ штатамъ, и вскорѣ дѣло сіе начнется въ сеймовыхъ судахъ. У архимандрита и священниковъ найдено писанныхъ бумагъ 400 листовъ, коими обнаружилось ужасное намѣреніе истребленія поляковъ; и между прочимъ находится письмо Ея Величества Императрицы российской, коимъ она увѣщаетъ архимандрита и священниковъ къ возмущенію черпъ противу дворянства польскаго, обдаживая ихъ великими наградами и достоинствами, ибо сямъ дѣйствіемъ и русскія области къ Польшѣ и Литвѣ принадлежація возвратятся въ подданство скипетра ея, какъ единой покровительницы греческаго исповѣданія. О такомъ злоумышленіи знатнѣйшіе изъ нашихъ вельможей были безызвѣстны. До 50-ти священниковъ сдѣлали присягу ея императорскому величеству въ вѣрномъ исполненіи предложеннаго намѣренія. Сколь скоро судъ надъ архимандритомъ начнетъ производиться, то сеймующіе штаты привнесутъ торжественно жалобу предъ лицемъ всѣхъ державъ противу Ея Величества Императрицы всероссийской, какъ губительницы польскаго государства.

Въ Галиціи нѣмцы много опасаются, чтобъ не послѣдовало возмущенія; почему изданы тамо указы, чтобъ народъ наблюдалъ, не собирается ли къ оному дворянство и за донесеніе опредѣлены великія награжденія. Червь много гѣмъ пользовалась, ибо коль скоро видѣла дворянина верхомъ ѣдущаго, тотчасъ дово-

сила директору и получала заплату, но когда посыланная команда никого не находила, то доносители сказывали, что дворяне подозрительные убѣгали въ дѣсь. Пѣшцы, узнавъ сіи обманы, больше уже награды не даютъ.

На сѣхъ дняхъ прѣѣхалъ изъ Стамбула отъ посланника Потоцкаго, старосты Щиржецкаго, курьеръ съ весьма важными письмами, о коихъ въ сеймовомъ засѣданіи чрезъ три часа по выходѣ не принадлежащихъ къ сейму особъ (semotis arbitris) разсужденіе продолжалось. Появнутой посланникъ весьма уважается въ Стамбулѣ не токмо отъ султана и дивана, но даже и отъ всѣхъ иностранныхъ министровъ и присутствуетъ во всѣхъ совѣтахъ. Съ министрами прусскимъ, английскимъ и шведскимъ частыи имѣеть конференціи, послѣ концы тотчасъ подаетъ ноги министрамъ дивана.

Войсковая коммисія отдала приказы нѣкоторымъ войнамъ, хоругвямъ народовой кавалеріи и региментамъ пѣхотнымъ пѣти на Украину. Сіе войско, составляющее 12,000 человекъ, имѣеть расположиться лагеремъ повыше Сѣблы подъ командою князя Михайла Любомирскаго. Недавно пошло отселѣ войско въ Литву съ 12 пушками и военными сварядами.

Король Леопольдъ прислалъ здѣшнему императорскому резиденту г. де-Кагеля извѣстіе объ кончинѣ брата его императора Иосифа II, гдѣ упоминаеть также, что вскорѣ пришетъ къ нашему двору полномочнаго посланника съ изъявленіемъ дружбы своей въ Рѣчи Посполитой польской.

По ревизіи оказалось, что въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ находилось жидовъ 28,000, кои дѣлали много помѣшательства здѣшнихъ мѣщанамъ въ торговлѣ и рудкѣдлѣихъ, но нынѣ Варшава отъ сея кучи освободится.

КНЯЗЬ ЯБЛОНОВСКІЙ ВЪ НЕЛОВКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія м. Стеблевымъ (кіев. губ., кансв. у.) владѣлъ польскій магнатъ князь Яблоновскій, послѣдній представитель знатной польской фамиліи: онъ умеръ бездѣтнымъ. Народная память забыла даже его имя, но не забыла личности этого оригинальнаго князя. Не смотря на свой громкій титулъ, на свое высокое положеніе въ Рѣчи Посполитой, князь Яблоновскій любилъ говорить по-украински, одѣвался по-крестьянски, въ будніе дни носилъ свиту или жупанъ, широкіе крестьянскіе шаровары, смушевую шапку. Разсказываютъ, что онъ часто являлся лично на громадскія сходки, происходившія въ орандѣ, обширномъ старинномъ зданіи среди мѣстечка, сохранившемся донныѣ, принималъ

участіе въ обсужденіи громадскихъ дѣлъ и послѣ сходокъ любилъ побалакать съ мужиками въ орандѣ и даже нерѣдко пилъ съ ними „по чарці, сидя за столомъ на бесѣдѣ“. Былъ-ли это капризъ знатнаго магната, или-же въ этомъ обнаруживалось демократическое направленіе небольшой фрѣвціи польской шляхты, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но въ мѣстномъ населеніи сохранилось очень хорошее воспоминаніе о Яблоновскомъ, какъ о помѣщикѣ. Онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Съ этимъ-то княземъ Яблоновскимъ, вѣроятно вскорѣ послѣ присоединенія юго-западнаго края къ Россіи, примѣрно 1794 или 1795 г. случился очень непріятный казусъ, по всей вѣроятности ускорившій его кончину.

Домъ князей Яблоновскихъ стоялъ на островѣ Замкѣ, образуемомъ рѣкою Росью и ея рукавомъ Самовілкою. Этотъ островъ вѣроятно представлялъ безопасное мѣсто отъ нападенія козаковъ и гайдамаковъ, благодаря скалистымъ отвѣснымъ берегамъ Роси и Самовілки. Послѣдній Яблоновскій оставилъ этотъ старинный палацъ, вскорѣ обратившійся въ развалины, и основалъ свой *дворъ* близъ самаго мѣстечка. Ворота двора выходили прямо на базарную площадь. Одно зданіе въ этомъ панскомъ дворѣ, двухъ-этажный павильонъ, вѣроятно предназначенный для ночлега гостей, сохранился до настоящаго времени. Въ этомъ-то новомъ панскомъ дворѣ разыгралась траги-комедія, имѣвшая печальныя послѣдствія для князя Яблоновскаго.

Князь Яблоновскій въ старости имѣлъ привычку въ лѣтніе жары отдыхать послѣ обѣда въ костюмѣ праотца Адама, запершись въ своей опочивальнѣ. Въ такомъ видѣ, вѣроятно отъ скуки, онъ часто надѣвалъ на себя какіе-то ордена, которые у него были, но которыхъ онъ никогда не носилъ, становился передъ огромнымъ зеркаломъ и произносилъ слѣдующую рацею, обращаясь къ отраженію своей персоны, убранной въ ленты и кресты:

— Князю Яблоновскій! Чого тобі недостача? Ты все маєшь, чого тільки твоя душа забажає. Въ тебе воли, въ тебе отары овецъ, въ тебе сила хлѣба, грошей, людей. Въ тебе такі коні, якъ ни въ одного пана. Ты маєшь ласку у короля. Тебе знає вся Польща. Въ тебе всяки регали. Тобі хіба птичого молока недостає. Князю Яблоновскій! Який ты розумний! Чи є хто въ Польщі розумніший одъ тебе? Ты розумніший одъ усіхъ.

При этомъ князь указывалъ перстомъ на свое чело, какъ на вмѣстилище необыкновеннаго ума.

Любопытные лакеи успѣли подсмотрѣть и подслушать, что творилъ и что говорилъ князь, запираясь въ своей спальнѣ. Нашелся одинъ шутникъ лакей, которому вздумалось подшутить надъ старикомъ и напугать его. Яблоновскій былъ суевѣренъ и боялся нечистой силы. Однажды лакей этотъ спрятался въ огромномъ старинномъ каминѣ, находившемся въ спальнѣ. Яблоновскій по обыкновенію раздѣлся, надѣлъ всѣ ордена, сталъ передъ зеркаломъ и началъ читать рацею самовосхваленія.

— Князю Яблоновскій! Чого тобі недостача? Ты все маешь, чога тільки душа твоя забажає. Въ тебе багато землі, въ тебе воли, въ тебе кони, въ тебе вівці. Въ тебе сила хлѣба, грошей. Тебе всі люблять, всі поважають. Въ тебе розуму сила. Ты розумный, розумный! розумніший одъ царя Соломова...

Въ этотъ моментъ въ комнатѣ раздался едва слышимый, но отчетливый голосъ:

— Князю Яблоновскій! Ты дурень, дурень, великій дурень!

Князь Яблоновскій оглянулся, услышавъ странный таинственный голосъ, отвѣчавшій въ тонъ его рѣчи, какъ эхо. Онъ осмотрѣлъ всѣ углы въ комнатѣ. Попробовалъ дверь—дверь заперта. Заглянулъ за зеркало, никого нѣтъ; посмотрѣлъ подъ кровать—никого нѣтъ. Онъ перевернулъ подушки, посмотрѣлъ подъ тюфякъ—нигдѣ никого и ничего. Яблоновскій успокоился, вѣроятно подумалъ, что ему послышалось, опять сталъ передъ зеркаломъ, поправилъ ленты на груди и началъ свою рацею: „князю Яблоновскій“... но едва онъ произнесъ: „ты, князю, розумный, розумный, розумніший одъ усіхъ“, опять послышался на этотъ разъ болѣе отчетливый голосъ, какъ будто раздающійся надъ головою князя въ воздухѣ: „князю Яблоновскій! Ты дурень, дурень, дурніший одъ усіхъ“. Яблоновскій струсиль, поблѣднѣлъ, отперъ дверь и какъ былъ, въ костюмѣ Адама и въ орденахъ, опрометью бросился бѣжать на базарную площадь. Крестьяне и жидаы, удивленные появленіемъ князя среди бѣлаго дня на базарѣ въ такомъ странномъ костюмѣ, окружили его и выслушали рассказъ о приключеніи. Князь рассказывалъ, что въ его спальнѣ завелся нечистый. Въ это время всѣ замѣтили черную фигуру, вылѣзшую изъ трубы и прыгнувшую на

крышу панскаго дома. Яблоновскій сейчасъ догадался, кто сыгралъ роль нечистаго и напугалъ его. Онъ крикнулъ: „давай рушницу!“ Ему подали заряженное ружье. Раздался выстрѣлъ, и нечистый свалился съ крыши на землю мертвымъ. За эту кару нечистаго князь попалъ подъ судъ и въ тюрьму и вскорѣ послѣ этого неприятнаго приключенія умеръ. Вѣроятно вся эта исторія случилась уже послѣ присоединенія Кіевщины къ Россіи, при новыхъ порядкахъ. Въ блаженные времена шляхетскихъ вольностей въ старой Польшѣ конечно все окончилось-бы благополучно для Яблоновскаго. Сохранилось одно распоряженіе въ Хировской экономіи 1796 г. (Хировка—сосѣднее село, тогда принадлежало Яблоновскому), подписанное уже рукою жены Яблоновскаго, княгиней Францишкою Яблоновскою.

И. Л.

ЗАПИСАВШІЙСЯ ВО ВЛАСТЬ ПОМѢЩИКА СВЯЩЕННИКЪ.

Канувшее навсегда въ вѣчность крѣпостное право оставило намъ на память слѣды отношеній помѣщиковъ не только къ бывшимъ у нихъ въ безапелляціонной зависимости крестьянамъ, но и къ духовнымъ руководителямъ сихъ послѣднихъ—священникамъ. Ниже приводимый документъ, списанный нами съ подлинника, хранящагося въ рождество-богородичной церкви села Масловои, чигиринскаго уѣзда, кіевской губерніи, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ недалекомъ прошедшемъ, именно въ первой трети настоящаго столѣтія, право полученія священническаго сана и мѣста во многихъ случаяхъ зависѣло не только отъ личныхъ достоинствъ и заслугъ искателя священнаго сана, но и отъ согласія господина, владѣвшаго приходанами извѣстной деревни. Можно полагать, что такому согласію помѣщиковъ придавалось не малое значеніе и высшею епархіальною властію.

Вотъ этотъ документъ, переписанный нами съ соблюденіемъ орфографіи подлинника:

„1825-го года февраля 16-го дня, я, нижеподписавшійся, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, мѣстечка Шполи, свято-троецкой церкви дьяконъ Василій Гдешинскій далъ сію подписку по-

мѣщику Василю Григоріеву сыну Цымбалистову въ томъ, что я съ рукоположенія во священника въ село Маслову къ рождества-богородичной церкви, состоящей въ чигиринскомъ повѣтѣ, никакихъ съ прихожанъ выматательствъ лишнихъ требовать не стану, а такъ какъ по указанному положенію; и вѣсть себя честно и добропорядочно, какъ церковные правила священному сану дозволяютъ, чтобы пьяства, ссоры, драки и буянства ни съ кимъ нивогда не было; также чтобы раждаемые младенцы безъ крещенія, а старые безъ исповѣды и безъ удостоенія святыхъ таинъ причащенія не умирали, и простолюдинами погребены не были; также у воскресные и праздничные дни церковь безъ богослуженія не оставалась, въ противномъ-же случаи могло-бы что послѣдовать выше прописанные пороки, то имѣть право помѣщикъ Цымбалистовъ безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой *отправить*; и начто выше помянутый діаконъ согласенъ, въ томъ самолично и подписался діаконъ Василій Гдешинскій“.

Тутъ одно изъ двухъ: или сказанный помѣщикъ Цымбалистовъ былъ столь усерднымъ радѣтелемъ религіозныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, что въ условіи съ будущимъ священникомъ прописалъ чуть не всѣ пункты ставленнической священнической грамоты, или искатель священническаго мѣста въ с. Масловой только путемъ такихъ условій съ помѣщикомъ, равно при протекціи послѣдняго, и могъ достигнуть священническаго сана. Какъ-бы то ни было, а Василій Гдѣшинскій удостоенъ былъ священства и прослужилъ въ с. Масловой лѣтъ около 30. Послѣдній пунктъ приведеннаго документа, предоставляющій право помѣщику Цымбалистову „безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой отправить“, ясно характеризуетъ взглядъ тогдашнихъ низшихъ членовъ причта на казавшееся имъ могущество помѣщиковъ въ своихъ владѣніяхъ.

Священникъ П. Саббатовскій.

1883 года, февраля 21 дня.

С. Толмачъ.

КЪ ИСТОРИИ БУГСКИХЪ КОЗАКОВЪ *).

Господину генералу отъ кавалеріи и кавалеру Мпхельсону 1-му генераль-лейтенанта, командующаго войсками въ 13-й дивизіи состоящими, инспектора изъ Дюка Де-Ришелье

РАПОРТЪ.

Войска бугскаго наказный атаманъ г-нъ полковникъ князь Кантакузенъ рапортуеть мнѣ, что сформированные имъ молдавскіе волонтирскіе полки въ Кишиневѣ 1-й и 3-й пѣшіе, 2-й и 4-й конные, изъ коихъ 1-й подъ командою майора Визиряна выступилъ на службу въ Бендеры, 2-го коннаго одна сотня съ хорунжимъ Свалѣвымъ въ Фалчи выкомандирована; 4-й конной полковаго есаула Шеміота выступилъ сего февраля 2-го числа. Остаются въ Кишиневѣ готовыми 2-го полка двѣ сотни, подъ командою ротмистра Гулдарія и третьяго пѣшаго 3 сотни подполковника Бицилія, за неполученіемъ оружія изъ ожидаемыхъ мѣстъ.

Вербовка въ волонтиры начало свое воспріяла съ небольшимъ полтора мѣсяца тому назадъ, въ столь короткое время успѣлъ полковникъ князь Кантакузенъ, собрать и устроить при малой помочѣ отъ казны до 2000 человекъ на службу. Ведаю совершенно, что онъ на пользу государственную не щадилъ здоровья и послѣдняго имѣнія своего; истиннымъ усердіемъ, отличными дѣяніями, рвеніемъ и неутомимыми трудами къ высочайшей его императорскаго величества службѣ, заставляетъ обязанностію моею отдать настоящую ему въ томъ справедливость. Онъ князь Кантакузенъ сверхъ того употребленъ мною заграницею въ соглашенію Булгаръ и другихъ христіанъ въ переселеніи оттолъ ихъ на нашу сторону и въ семъ предметѣ показалъ успѣхи въ успѣшномъ сформированіи тѣхъ четырехъ волонтирскихъ полковъ; полковникъ князь Кантакузенъ свидѣтельствуеть оказанную дѣятельность и совершенное усердіе. Содѣйствовавшихъ ему въ подвигахъ подполковника *Бицилія*, полковаго есаула *Шеміота*, ротмистра *Гулдарія*, сотниковъ *Петрушина*, *Грибовецкаго* 2-го, прапорщика *Самарина*, бугскаго козачьяго войска урядниковъ *Ромоданова* и *Боднирскаго* вашему высоко-превосходительству. Осмѣливаясь представить все описанное на милости-

*) «Кіевская Старина», 1882 года.

вое благоуваженіе, всепокорнѣйше прошу къ поощренію на дальнѣйшее служеніе и въ воздаяніе отличныхъ трудовъ исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя императора, полковнику князю Кантакузелу и прочимъ выше поименованнымъ чиновникамъ слѣдующихъ по заслугамъ каждому награды. Подлинной подписалъ генералъ-лейтенантъ *Дюкъ Де-Ришелье*.

Съ подлиннымъ вѣрно, князь Кантакузенъ⁴.

№ 748.

Въ Одессѣ.

Февраля 2 дня, 1807 года.

Этотъ документъ списанъ съ безграмотнаго списка, но онъ интересенъ для памяти потомковъ упомянутыхъ бугскихъ чиновъ, которые теперь въ дѣтяхъ и внукахъ находятся въ нашемъ краѣ.

А. Снальновскій.

ЕЩЕ ОБЪ УКРАИНСКОЙ ЗЛОПОЛУЧНИЦѢ.

Въ январской и апрѣльской книжкахъ „Кіевской Старины“ за настоящій годъ, въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замятокъ“ сообщены варианты пѣсни о несчастной дѣвушкѣ, соблазненной и убитой заѣзжими людьми, которые называются то чужеземцами, то козаками, то татарами, то наконецъ „двораками“ и „дворянами“, какъ въ вариантѣ сѣдлецкомъ.

Къ тому, что сообщено доселѣ объ этой пѣснѣ, мы прибавимъ, что она въ самыхъ разнообразныхъ вариантахъ распространена почти повсемѣстно и у поляков¹⁾. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ польскихъ вариантахъ пѣсни основная мысль та-же, что и въ малорусскихъ, но форма самая разнообразная. Не всегда соблазнитель три, чаще у поляковъ одинъ—„chłopiec cudzej krainy“ или просто „Jaś“ и обыкновенно жертва погибаетъ въ „głębokim Dunaju“, послѣ того, какъ съ нея сняли „bogaty strój“ и отняли деньги. О происхожденіи пѣсни, происшествіи, послужившемъ поводомъ къ

¹⁾ См. Kolberg O. Lud polski, I, № 5 a—z, VI № 316; Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej II, str. 78, № 89 и 90; IV str. 129, № 105.

составленію пѣсни, и личности соблазнителя трудно установить какой либо опредѣленный взглядъ. Несомнѣнно то, что пѣсня эта весьма древняя, подвергалась измѣненіямъ и наслоеніямъ въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ и окрашивается чисто мѣстными тонами; личность убійцы-соблазнителя совершенно зависитъ отъ мѣстныхъ общественныхъ условій. Роль такого соблазнителя и жестокаго убійцы на Украинѣ усвоится татарину или донцу, польская-же пѣсня ищетъ героя вообще среди людей „obcuch“ и даже родныхъ „Jasiów“. Большинство вариантовъ украинскихъ и польскихъ оканчивается правоученіемъ: умирающая дѣвушка взываетъ ко всѣмъ матерямъ или дѣвцамъ, указывая на печальныя послѣдствія то знакомства съ неизвѣстными людьми, то бѣгства отъ матери и отца,—послѣднее преобладаетъ въ пѣсняхъ польскихъ.

Намъ кажется, что авторъ замѣтки о подляской злополучницѣ, сообщаетъ вариантъ, въ которомъ соблазнитель носитъ названіе: „дворянинъ“, „дворакъ“, „двораченько“, и увлекшись созвучіемъ этого названія съ великорусскимъ словомъ дворянинъ, напрасно предполагаетъ такихъ соблазнителей въ средѣ дворянства и говорить по поводу этой пѣсни о ненависти подляскихъ малороссовъ къ своему дворянству, заклеймившему себя народнымъ и религіознымъ отступничествомъ. Малороссу, особенно подляскому, не извѣстно слово „дворянинъ“ въ смыслѣ русскаго дворянства, для котораго онъ имѣетъ общеупотребительное названіе „панъ“, а иногда „шляхтичъ“. Подляское „дворакъ“ и „дворянинъ“ отвѣчаетъ украинскому „двірський, дворовый“; „dworzanin“ и „dworak“ встрѣчаются постоянно въ пѣсняхъ польскихъ въ значеніи людей изъ панской двори, къ которымъ народъ также по разнымъ причинамъ относится весьма недружелюбно, но которые при своей обезпеченности и нарядности играютъ роль деревенскихъ львовъ. Кромѣ основной мысли пѣсни, въ польскихъ ея вариантахъ можно замѣтить очень много мѣстъ почти тождественныхъ съ соответственными мѣстами въ спискахъ малорусскихъ. Возьмемъ слѣд. мѣсто малорусскаго текста:

Привезли дівчину до зеленої сосны.
Вернись, дівчино, бо буде тошно!
Ой я не вернусь—не славы боюсь,
Зъ донськимъ возакомъ дай вірно люблюсь.

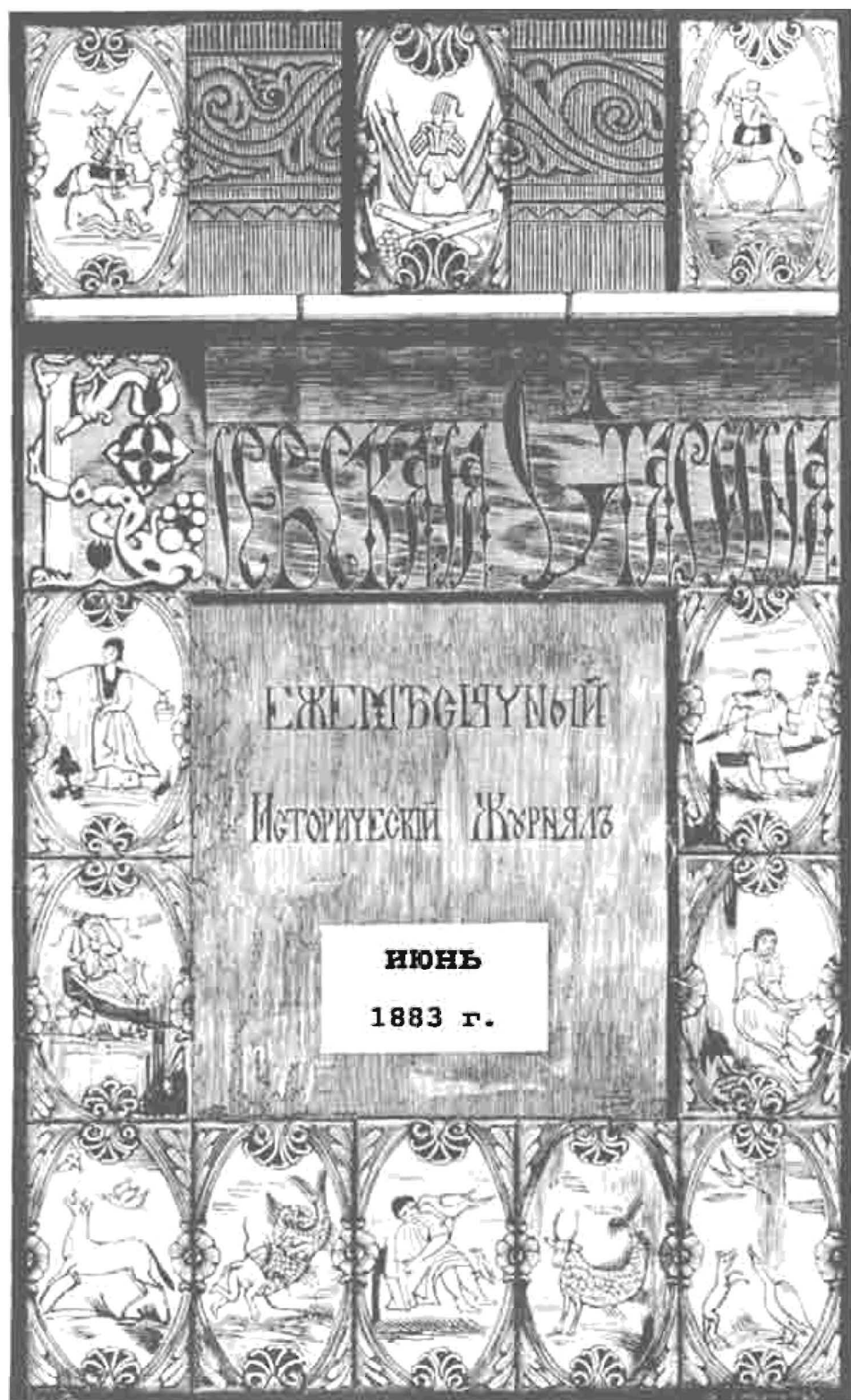
Этому мѣсту отвѣчаютъ слѣдующіе стихи той-же пѣсни, записанной въ плочкой губерніи:

I powędrowali do ciemnego lasu,
Wracaj się, Kasiuniu, do domu zawczasu!
Na cóż ja tę nocę z tobą wędrowała,
Abym się do domu sama wracać miała?

Первый стихъ седьмого куплета кѣлецкаго варианта: „*spójrzała Kasiuniu wysoko po jedli*“ очень напоминаетъ стихъ подляскаго спяка: „*Oj stała dziewczyna, сонны повила*“.

Принадлежить-ли эта пѣсня къ бродячимъ, какой народъ и у кого позаимствовала ея? Перепять-ли только сюжетъ и оформленъ по своему, или сдѣланъ просто первоначально переводъ?— все эти вопросы остаются открытыми. Интересныя указанія могло бы дать собраніе мелодій этихъ вариантовъ; къ сожалѣнію, я не знаю ни польской, ни малорусской музыки этой пѣсни.

Ц. Г. Нейманъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

	стр.
I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ (историко-этнографическія замѣтки). Ир. Житецнаго	1
II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. В. Ястребова	30
III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроникѣ начала тридцатыхъ годовъ). А. Барымова	49
IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, ковальгоръ кievскій. (<i>Продолженіе</i>). Г. Булашева	66
V. ФРЕСКИ КIEVO-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). Адриана Прахова	97
VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУЩИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНИИ. (Изъ старыхъ бумагъ колмакскаго архива). Сообщилъ В. Т. М—чъ	111
VII. ЗАПОРОЖСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). Ал. Андр—скаго	127
VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. В. Антоновича	140
IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. И. КОТЛЯРЕВСКАГО. В. Горленна	146
X. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г.— <i>Т—скаго</i> .— б) В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.— <i>Ивана Матченка</i> .— в) Географія кievской губерніи. Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.— г) Историческое обзорѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. Н. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.— <i>В. А.</i>	155

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. <i>П. Ефименка</i> — б) Археологическая находка въ Черняговѣ. <i>А. Ханенка</i> . — в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. — г) Князь Яблоновскій въ человкомъ положеніи. <i>И. Л.</i> — д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. <i>П. Саббатовскаго</i> . — е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. <i>А. Скальковскаго</i> . — ж) Еще объ украинской злополучницѣ. <i>Ц. Г. Неймана</i>	169
---	-----

Іюнь, 1883 г.

I. Г. О. КВИТКА - ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. <i>Н. Маркова</i>	193
II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. <i>В. Науменка</i>	212
III. БѢСЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. <i>Ф. Щербини</i>	233
IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (<i>Окончаніе</i>). <i>А. Л. Шиманова</i>	249
V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія І. (Переводъ съ польскаго).	268
VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщалъ свящ. <i>Левандовскій</i>	310
VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-Ѣ ВЪ 1764 ГОДУ. — Сообщ. проф. <i>А. О. Нистяновскій</i>	317
VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. О. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ	346
IX. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Малорусскія издавія 1882 года. — б) Повія, романъ П. Мирного. Частиня перша. («Рада», украинскій альмаважъ. Кіевъ, 1883 г.) — <i>В. Г'—ка</i>	353
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Ушыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій). — <i>П. Ефименка</i> . — б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Ивандѣ Куцковичѣ. — Сообщ. <i>А. С—ко</i> . — в) Малороссійскіе чины и должности и окладъ ихъ содержанія. — г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери? — <i>П. Л—ва</i> . — д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. — е) «Гнідко», варіантъ Кармелюба. — <i>Александра Ом—скаго</i> . — ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в. — Сообщ. <i>Ал. Маркевичъ</i> . — з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ. — Сообщ. <i>П. Д—въ</i>	371

Июль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (Продолженіе). Ир. Житецкаго	399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). Я. Г.	453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЬ. (Изъ еврейскихъ легендъ). Александра Тарнавскаго	473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). Ст. фонъ-Носа	492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). Ал. Лазаревскаго	506
VI. ПОСЪЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе).	539
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою комисіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. В. И.—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.— <i>Посторонній</i>	563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ могилевскомъ и мстиславскомъ Анатолѣ. Н. Пирожкова.—б) Подозрѣвіе, взведенное на проезжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. П. Ефименка.—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о конціи мѣра. П. Ефименка.—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. Ф. Щербина.—д) Покровская церковь въ Черкаскавѣ. А. Т.—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мизепы. Ф.—з) Современные стихи на пѣмѣху Мизепы. Сообщ. П. Л.	573

Августъ 1883 г.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. Ц. Г. Неймана	659
II. КЪ ИСТОРИИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). Я. Г.	645
III. ПРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадьюторъ кіевскій. (Окончаніе). Г. Булашева	664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст.	719

- V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генераль-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Борсакомъ. *Сообщилъ В. Т. М.—чѣ.* 735
- VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ 738
- VII. ВИБЬЮГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сводивжники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.—* б) О достопамятносыязъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаю.*—в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.—*П. Голубовскаю.*—г) Дополненіе къ «Покажчику новоі украинскоі літератури» М. Комарова.—*М. Гаврилова.* 741
- VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.—б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковъ извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л.—ва.*—в) Удѣлявшая Старина. *М. Гаврилова.*—Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвичьяго монастыря.—г. Не привившійся на полтавской почлѣ ремень. *Ө. Ни—ка.*—д) Во что обошлась опись библіотека преосв. Ириней Фальвовскаго послѣ его смерти. *А. Титова.*—е) Варіантъ лѣсни о правдѣ. *Сообщ. В. Горленко.*—ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.—з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаю.*—п) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О.* . . . 751
- IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

І Ю Н Ъ.

1883

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го мая 1883 года.

Г. Э. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

Историко-литературный очеркъ.

Въ началѣ XIX-го столѣтія въ исторіи нашей словесности впервые замѣтнымъ образомъ начало обнаруживаться то стремленіе къ самостоятельному движенію на почвѣ національныхъ интересовъ, которое съ половины того-же вѣка сдѣлалось господствующимъ и основнымъ. Это начальное стремленіе выразилось въ сознаніи принципа народности, который, по словамъ Пушкина, и сталъ лозунгомъ нашей литературы съ первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Уже въ то время ясно понимали, что какъ ни велики характеры героевъ античной поэзіи, какъ не гениальны классическія созданія французской словесности, тѣмъ не менѣе намъ русскимъ интереснѣе и полезнѣе наблюдать характеры собственной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ.

Уступая однако подражанія оригинальному не обошлась безъ борьбы, прикрытой даже своего рода ложнымъ стыдомъ.

Говорятъ, что Мерзляковъ, внутренне признавая высокое достоинство произведеній Пушкина, не рѣшался говорить о нихъ въ такомъ-же духѣ публично; когда-же оставался съ ними наединѣ, проливалъ слезы восторга. Таково было положеніе вещей: вѣянія времени говорили одно, усвоенный-же формализмъ требовалъ совершенно другаго.

Принципъ народности съ теченіемъ времени возросъ до такой степени, что Бѣлинскій говорить о народности въ такихъ выраженіяхъ: „Высочайшая похвала, какой только можетъ въ наши дни удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ почитать его современники или потомки, состоитъ въ словѣ народный поэтъ“. Это обращеніе къ народности было общерусскимъ;

оно сказалось и въ Малороссіи, для которой, надо замѣтить, оно не было такъ ново, какъ для сѣвера; но Украина должна отмѣтить это время, какъ годину своего возрожденія: утратившая при Екатеринѣ II-й послѣднюю тѣнь своей нѣкогда самостоятельной жизни, она уже близилась къ тому, чтобы окончательно потерять былыя, отличающія ея исторію черты. Теперь въ пей начинается снова энергичная общественная и литературная жизнь; этому, какъ справедливо замѣчаютъ, содѣйствовали между прочимъ слѣдующія обстоятельства: открытіе университета въ Харьковѣ, возвышеніе этого города, какъ центра сѣверной Украины, и появленіе двухъ выдающихся писателей малорусской литературы—Г. О. Квитки и Г. Г. Шевченка.

Данилевскій говоритъ: „Харьковъ преобразился, и скоро новая умственная жизнь, возникшая въ центрѣ сѣверной Украины, на отживающихъ остаткахъ стараго общества, соединила въ тѣсный кругъ семью молодыхъ профессоровъ и, подъ предводительствомъ Основьяненка, положила начало мѣстной литературѣ. Скоро въ Харьковѣ появились разомъ два журнала, полные любви къ просвѣщенію и общей русской отчизнѣ; рядомъ съ этимъ вошли въ моду литературные вечера; въ салонахъ вліятельныхъ особъ стали собираться для чтенія профессора, студенты и вообще любители просвѣщенія, между ними бывалъ и Основьяненко“.

Характеристика личности этого писателя, со стороны его убѣжденій и идеаловъ, и послужить предметомъ настоящаго очерка.

Отмѣчать именами дѣятелей страницы исторіи и жизни тѣмъ выгоднѣе и удобнѣе, что въ образѣ и нравственномъ складѣ этихъ дѣятелей часто можно черпать все содержаніе переживаемаго ими времени. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ исторіи русской литературы, какъ выразительницѣ мнѣній и въ тѣсномъ смыслѣ того времени, когда русское слово въ его поэтической формѣ стремилось къ самостоятельному развитію. Не признавая исключительности въ общерусскомъ вопросѣ, Г. О. Квитку-Основьяненку мы почитаемъ какъ одного изъ самыхъ типичныхъ представителей названнаго времени нашей литературной исторіи.

Былъ споръ, который Добролюбовъ называетъ старымъ, о томъ, возможна-ли малорусская литература, или нѣтъ. А Бѣлинскій спрашивалъ: есть-ли въ Украинѣ своя литература?

Такая постановка вопроса вызываетъ новый вопросъ: при

какихъ-же условіяхъ возможна литература вообще? Очевидно, что и тотъ и другой критикъ разумѣютъ литературу художественную, а поэтому, оставляя въ сторонѣ поэзію устную, мы сводимъ вопросъ на обстоятельства историческаго развитія народа, съ одной стороны, и на выработку того языка, который называется литературнымъ, съ другой. Въ такомъ случаѣ можно пользоваться положеніями уже готовыми.

Отличительной чертой духа малорусскаго народа было стремленіе къ особности, къ нѣкоторой, можно сказать, замкнутости.

Съ давнихъ поръ Малороссія, раскинувшаяся на плодотворной равнинѣ южной Россіи, стремилась къ сохраненію своего абсолютизма, плохо воспринимая стороннее вліяніе; она знала только сама себя, у ней была собственная, роскошно воспитанная въ поэзіи рѣка—чудный Днѣпръ, около котораго связалась цѣлая вереница самыхъ разнообразныхъ преданій, рассказовъ и дѣйствительныхъ событій. Она имѣла свой собственный государственный центръ, свою столицу—Кіевъ, который былъ первопрестольнымъ средоточіемъ древняго русскаго міра; она имѣла знаменитую Сѣчь, что-то въ родѣ гнѣзда, гдѣ коренились во всей чистотѣ оригинальныя способности малорусскаго духа; Малороссія наконецъ имѣла и своихъ особыхъ враговъ и особую форму съ ними расправы; она грудью защищала свои вѣрованія, въ которыхъ тоже было что-то особое. Поставленная или, лучше сказать, замкнувшаяся въ такое положеніе Малороссія естественно должна была въ устныхъ сказаніяхъ создать свою особую словесность, и такая словесность дѣйствительно создалась—она носитъ свой особый колоритъ, свою мелодію въ пѣсняхъ. Жизнь южной Россіи всегда была ближе къ своей природѣ, къ своему національному, хотя въ теченіи цѣлыхъ столѣтій ей приходилось переживать невзгоды, причиняемыя иноземными владычествами. Еще не изгладились въ народѣ впечатлѣнія отъ татарскаго разгрома, какъ юго-западная Русь подпадаетъ подъ власть Литвы и Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ выносить и тяжелое вліяніе іезуитовъ и уни, которые затрогивали и религиозные вопросы. На защиту этихъ вопросовъ долженъ былъ выходить на ряду съ воиномъ книжникъ. Поэтому вмѣстѣ съ козачьей удалю здѣсь зарождалась работа другаго рода—книжная, серьезная умственная дѣятельность. „Въ это время, говорить Прыжовъ, въ южной Руси совершается

необыкновенно замѣчательное явленіе: церковь и гражданинъ соединяются въ одно; монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды козаковъ, а козакъ дѣлался монахомъ. Монахи благословляли козаковъ на битву, они-же святили ножи и въ тоже время запорожець шель въ монахи, а войсковой судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и козакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію, заводили школы, изучали исторію, занимались поэзіей.

*Тимъ-то и сталась по всему світу
Страшная козацкая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля и дума єдина!...*

Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ двухъ великихъ людяхъ южной Руси начала XVI в., въ гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ и кievскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ¹⁾).

Въ эту пору Малороссія значительно выше стояла московской Руси; она могла высылать своихъ учителей на сѣверъ и въ числѣ ихъ по вызову Москвы въ 1649 году отпустила туда Елифанія Славенецкаго, которому поручено было школьное и переводческое дѣло. Такимъ образомъ въ кипучей, вѣчно дѣятельной жизни, жизни оригинальной, достойной глубокаго уваженія, Малороссія имѣла задатки въ будущемъ создать свою собственную художественную литературу и науку, еслибы она вышла побѣдительницей изъ обстоятельствъ, завершившихся переяславской радой въ 1654 году, „на которой, говоритъ Максимовичъ, была рѣшена окончательно историческая и нравственная необходимость присоединенія Малороссіи къ державѣ русской“²⁾). Въ Москвѣ Малороссія искала поддержки и защиты своей политической жизни, на которую было достаточно иноплеменныхъ и иновѣрныхъ посягателей. Сливаясь-же съ Великороссіей, съ которой у нея и безъ того было много общаго, она должна была, при воздѣйствіи на нее болѣе сильной по-

¹⁾ Малороссія въ ея словесности, „Вѣсти. Европы“, июль, 1870 г., стр. 775.

²⁾ Соч. т. 1-й, стр. 518.

литической організації, асимілюватися съ ней по крайней мѣрѣ до того времени, пока не уляжется въ ней тяжелое прошлое. Быть можетъ, возрожденіе малорусской словесности въ девятнадцатомъ вѣкѣ хотя отчасти слѣдуетъ объяснить и тѣмъ, что сама народность южной Россіи нѣсколько успокоилась отъ непрестанныхъ раздираній, какія она испытывала въ прошломъ вѣкѣ. Какъ-бы то ни было, но обстоятельства политики имѣютъ важное значеніе на развитіе литературы; реформы Петра I-го принесли Россіи большую пользу, но не слѣдуетъ забывать, что при этомъ государѣ окрѣпло и наше политическое могущество... Обращаясь къ вопросу о соединеніи Малой Россіи съ Великой и значеніи этого соединенія, укажемъ еще на историческій романъ г. Кулиша: „Черная рада“. Надо сказать, что авторъ придаетъ своему роману высокое значеніе; опъ, чтобы прочелся его романъ всею Россіей, написавъ его по-малорусски, перевелъ на великорусскій языкъ. Вотъ что говоритъ онъ о той идеѣ, которая руководила имъ въ собраніи матеріала и въ самомъ сочиненіи ¹⁾: „я подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникой въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ того, что читатель увидить въ немъ безъ объясненій, я желалъ выразить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи и доказать каждому колеблющемуся уму не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южнаго племени съ сѣвернымъ. А это соединеніе уже было шагомъ къ потерѣ своей индивидуальности. Въ XVIII же вѣкѣ подъ русскимъ вліяніемъ Малороссія окончательно отказалась отъ прежнихъ особенностей своего быта; паденіе гетманскаго управленія и введеніе крѣпостнаго права даже между свободнымъ козацествомъ рѣзкимъ образомъ разрушило тѣнь ея автономіи. Съ тѣхъ поръ Малороссія предстояла одна перспектива: все больше и больше превращаться въ русскую провинцію, принимать русскіе нравы, языкъ, образованіе и русскую литературу. Съ XVIII столѣтія Малороссія уже дала многихъ писателей этой литературѣ; языкъ ея

¹⁾ См. «Черная Рада», соч. Кулиша, «Эпилогъ».

стать мѣстнымъ жаргономъ... Для образованнаго класса болѣе широкія литературныя стремленія были теперь возможны только на русскомъ языкѣ: Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, малоруссы по происхожденію, не вносятъ въ свою дѣятельность ничего малороссійскаго. Гоголь сохранилъ малороссійскія симпатіи, но по пиротѣ своихъ замысловъ могъ быть только русскимъ писателемъ; малорусское нарѣчіе не давало ему достаточнаго поприща. Самые-же писатели XVIII вѣка, между которыми выдѣляются Зиновій Климентій и Григорій Савичъ Сворода, свидѣтельствуютъ о низкомъ уровнѣ малороссійской литературы; произведенія ихъ отзываются схоластикой, языкъ ихъ изуродованъ¹⁾.

Въ XIX вѣкѣ произошло измѣненіе; на причины этого измѣненія мы указали выше. Русская образованность стала распространяться равномѣрно на сѣверѣ и на югѣ; исторія сдѣлалась общеою; оставалось дѣло за выработкою и свободнымъ развитіемъ языка. Интересны въ этомъ отношеніи мнѣнія Бѣлинскаго на счетъ языка малорусской литературы; вотъ его общія мысль: „обыкновенно пишутъ для публики, публика-же собственно состоитъ изъ высшихъ образованнѣйшихъ слоевъ общества; а малороссійское нарѣчіе одно и тоже для всѣхъ сословій—крестьянское, поэтому наши малороссійскіе поэты пишутъ всегда изъ простаго быта и знакомятъ насъ только съ Марусями, Одарками, Прокопами... и тому подобными особами... Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума“¹⁾. О малорусскомъ языкѣ и о правахъ его гражданства говорили и писали очень много; одни указывали на ненадобность его при имѣннѣ выработаннаго и наукой и литературой великорусскаго языка, какъ языка общерусскаго; другіе желали его удержать на родинѣ, проводя его и въ литературу и въ школу, при чемъ замѣчали, что языкъ выработается и разовьется, пусть будетъ только дана ему возможность вырабатываться. Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ о малорусскомъ языкѣ полагаетъ его, какъ и всякій языкъ, между читающими (публикой) и пишущими; при этихъ, такъ сказать, факторахъ и возможно прогрессивное движеніе языка; но первые не мыслимы безъ вторыхъ, а слѣдовательно появленіе писателей, послѣдователь-

¹⁾ Бѣлинскій. Соч., т. 5, стр. 310.

ная взаимная ихъ смѣна есть уже существованіе языка и его исторія. Замѣчаніе, что въ малорусской литературѣ не было такого завершителя, который-бы, подобно Пушкину, „положилъ послѣдній камень въ формальномъ образованіи малорусской литературы“, быть можетъ и справедливо, но кто-же можетъ сказать, что онъ не появится; а литература существовала вѣдь и до Пушкина. Но намъ важно не объясненіе, а фактъ, что въ началѣ нашего столѣтія въ Малороссіи была своя литература, которая между именами писателей считала Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака, Основьяненка, Шевченка и др., а между ними „первымъ писателемъ, который болѣе непосредственно отнесся къ народнои жизни и основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи, малороссійскіе критики согласно считаютъ Квитку“¹⁾. Дѣятельность этихъ писателей обновившейся Малороссіи позволила Бѣлинскому отвѣтить на собственный вопросъ: „да, въ Украинѣ есть своя литература“.

Историкъ русской жизни въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ говорить о проявленіи у насъ національнаго сознанія и выработки принципа народности, сдѣлаетъ большой пробѣлъ, если въ должной мѣрѣ не остановится на Квиткѣ. Выше мы сказали, что этотъ писатель „основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи“; скажемъ теперь объ этомъ подробнѣе. Значеніе и важность изслѣдованія устныхъ народныхъ произведеній знатоки нашей этнографіи Даль возводитъ до степени вліянія ихъ на литературу. Въ письмѣ своемъ къ Квиткѣ онъ говоритъ: „отчего у насъ нѣтъ доселѣ достойной изящной словесности? развѣ мы не тѣ-же люди, что нѣмцы, да голландцы? или у насъ такъ земля родитъ, да такъ печь печеть? Совсѣмъ не то; мы попали не въ свою колею; мы сочинили какой-то книжный, надутый языкъ, пишемъ по-заморски русскими словами и удивляемся, что насъ не читаютъ и не понимаютъ! Да, не понимаютъ и не могутъ понимать... И лучшія произведенія нашихъ писателей хвораютъ этой болѣзнью; все, что они вышутъ, не русское по духу, не русское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него, какъ на прекрасный переводъ съ иностраннаго, а скажите, что это родное, и вамъ природ-

¹⁾ Пыпинъ. Ист. слав. лит., стр. 222.

ный русскій скажетъ: неправда!“ Въ другомъ мѣстѣ Даль выражается еще сильнѣй: „по мнѣ, говоритъ онъ, ужъ пусть-бы лучше припахивало сырѣемъ да квасомъ, лишь-бы въ носъ попибало!“ Квитка именно и былъ такимъ писателемъ, который всегда стоялъ на почвѣ роднаго; ободренный вниманіемъ Жуковскаго, совѣтовавшаго ему не бросать пера, а писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей жизни, онъ щедро надѣлялъ тогдашніе журналы повѣстями изъ украинской жизни. Г. Костомаровъ говоритъ, что „Квитка имѣлъ громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда ему читали произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ“¹⁾. Въ повѣстяхъ этого писателя отразилась Малороссія съ ея природой, нравами и типами. „Живя въ Украйнѣ, пишетъ Квитка Плетневу, пріучаясь къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина, признается авторъ, вниманію, коимъ удостоена „Маруся“ и другія, потому что онѣ списаны съ природы безъ всякой прикрасы и оттушевки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю“, „Галочку“ и проч., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собой непременно вычурность, подборъ словъ, подробностей, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе... я не произвелъ, а только списалъ“²⁾.

Такія выраженія писателя свидѣтельствуютъ о тѣсномъ его общеніи съ народомъ, въ средѣ котораго онъ жилъ. „Заграничныхъ людей, говоритъ онъ, въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благонравіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ ници для замѣчаній, наблюденій; нечего-же выставлять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ въ простомъ классѣ людей необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разуму, если замѣчу что такое, пицну! Вотъ и выходятъ мои „Маруся“, „Оксаны“, „Наумы“, „Мироны“ и „Ситниковы“. Въ

¹⁾ Поэзія славянъ, стр. 160.

²⁾ Данилевскій. Украинская старина, стр. 252.

этой выпискѣ сказывается взглядъ писателя на свою литературную работу и на характеръ ея содержанія. „Еслибы, говорить г. Кулишъ, Гоголю дать тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, то при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его „Вечера на хуторѣ“ были-бы столь-же неизмѣнно драгоценными твореніями, какъ и многія изъ послѣдовавшихъ созданій“. Но и народъ зналъ своего бытописателя; имя его пользовалось широкою извѣстностью. Однажды Гребенка, тогда молодой писатель, проѣздомъ черезъ Харьковъ, желая посѣтить „ветерана харьковской литературы“, завернулъ къ нему въ Основу и всю дорогу проговорилъ объ Основьяненкѣ съ своимъ извощикомъ. Гребенка радовался этой извѣстности.

Но Квитка не былъ человѣкомъ широкаго образованія, онъ былъ только талантомъ; обладая способностью подмѣчать и умѣишемъ читать самыя сокровенныя движенія человѣческаго чувства, онъ непосредственно силою своего дарованія какъ-бы психическимъ анализомъ воспроизводилъ въ образахъ, какъ начиналось, складывалось и разрѣшалось чувство. Онъ выражалъ, по словамъ г. Костомарова, „такую глубину, полноту и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу, и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва-ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника—Гоголя“¹⁾.

Съ такими качествами души и таланта Квитка долженъ естественно занять видное мѣсто въ небогатой именами малорусской литературѣ; имя его между прочимъ отмѣтилъ и Шевченко въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи: „Бьють пороги, місяць всходитъ“... въ которомъ онъ проситъ его напомнить народу о Свѣчѣ, о былой его славѣ, въ которомъ называетъ его „милымъ батькомъ“.

Помимо содержанія значенію повѣстей Квитки и его популярности много служило превосходное знаніе языка. Чужбинскій говоритъ, что „малорусскія повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя онъ пишетъ по-русски“. Такое замѣчаніе выразилъ Чужбинскій самому автору; хотя это огорчило старика, но тѣмъ не менѣе въ письмѣ своемъ къ Плетневу Квитка самъ признается, что

¹⁾ Поэзія славянъ.

русскій языкъ не передаетъ вполнѣ красоту малорусскихъ оборотовъ рѣчи. „По случаю, рассказываетъ онъ, былъ у меня споръ съ писателемъ о малороссійскомъ нарѣчїи. Я его просилъ написать что серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ не удобенъ и вовсе не способенъ. Зная его удобство, продолжаетъ Квитка, я написалъ Марусю и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться“. Даль-же говоритъ, что Квитка одинъ изъ первыхъ и лучшихъ раскащиковъ на родномъ нарѣчїи своемъ.

Основною темою произведеній Основьяненка, часто украшенныхъ свойственнымъ его народности юморомъ, было—по его собственнымъ словамъ—„показать, отчего у насъ зло“. Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношенїяхъ, онъ сходится съ Гоголемъ. „Мнѣ хотѣлось-бы умереть покойно, пишетъ онъ о себѣ; чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе—показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо“. Хотя глухо, но тѣмъ не менѣе достаточно слышно звучитъ въ этихъ словахъ нота сознанія незаслуженной обиды. Это еще яснѣй станетъ, когда мы рассмотримъ отношеніе столицы къ провинціи, практиковавшееся въ то время. Высокомѣріе столичныхъ обывателей, такъ громгласно заявляемое даже въ тогдашней печати и въ рѣчахъ Фамусовыхъ, считавшихъ Саратовъ глушью, чуть-ли не мѣстомъ ссылки, ставило провинціальныхъ писателей въ тяжелое положеніе; наиболѣе всѣхъ объ этомъ свидѣлствуетъ Квитка въ своихъ письмахъ. Малороссія, сдѣлавшаяся русской провинціей, притомъ отдаленной отъ сѣверныхъ столичныхъ центровъ, когда-то высылавшая своихъ учителей въ Москву, теперь отошла на задній планъ. На сѣверѣ ея не знали и даже подтрунивали надъ неловкими, нерасторопными ея жителями; интересенъ рассказъ Квитки въ его романѣ, въ которомъ онъ рисуетъ комическое положеніе украинца, попавшаго въ Петербургъ, гдѣ собираются цѣлыя толпы народа со смѣхомъ смотрѣть на него, какъ-бы на захвачшае чудовище. Надо и то сказать, что Малороссія иной разъ точно стыдилась сама себя; хотя это высказывалось въ пустой формѣ, но обойти его молчаніемъ не слѣдуетъ. Гоголь говоритъ, что малорусскіе помѣщики, прїѣхавши въ столицу, слѣшили прибавить къ своимъ фамиліямъ, оканчивающимся обыкновенно на *о*, „*овъ*“. Гребенка рассказываетъ о себѣ то-же самое: постукивши въ нѣжинскій музей, онъ долженъ былъ обратить себя изъ Гребенки въ Гребенкина.

Въ наибольшей мѣрѣ въ этомъ отношеніи терпѣла отъ столицы малорусская печать, хотя, принадлежа украинскимъ писателямъ, она являлась и на русскомъ языкѣ. Вотъ на примѣръ что пишетъ петербургскій рецензентъ о романѣ „Иванъ Халаявскій“: „есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемые изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойною и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже не видно отсюда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними—весь этотъ дрянной, выдыхлый губернской ядъ, котораго не боятся даже мухи, и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе вмѣсто общества въ лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается на читателей и т. д.—все это можетъ казаться замысловатымъ какойнибудь ярмаркѣ!“ Нѣтъ силъ приводить дальше эту трескотню фразъ: кружится голова, отъ нихъ отдастъ чѣмъ-то личнымъ, озлобленнымъ. Мы уже видѣли, какъ относится къ подобнымъ отзывамъ Квитка; они смущали его и стѣсняли его работу. Но надо и то сказать, что сама провинція дѣйствительно не высоко стояла; бюрократизмъ, заявлявшій здѣсь себя особенно, былъ гнетомъ на всякое свободное слово въ литературѣ; свидѣтельства въ этомъ отношеніи нашего автора поразительны. Въ письмѣ къ Плетневу по поводу своего романа о Столбиковѣ, онъ проситъ даже о пріостановкѣ печати. „Нельзя-ли, говоритъ онъ, въ заглавіи сказать, что издано сочиненіе какиминибудь буквами Х, Б, Ч, К или какъ лучше придумайте, что угодно, только-бы не мое или Основьяненки имя. Еще-бы я просилъ, разумѣется, когда уже не возможно пріостановить печатаніе, чтобы, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сажаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Савичъ*, а какънибудь иначе перекрестите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще: когда настоящій Пустолобовъ служилъ у какой-то барини, которая умничала и безпутно вела себя, сказано, что она *не имѣла волосъ и носила па-*

рика; выключите эту примѣту: по справкамъ оказалось, что у одной барини не имѣется волосъ на головѣ, и она носить парикъ; она меня съѣсть, хотя чортъ ее знаетъ, есть у нея волосы или нѣтъ..... А что касается губернскихъ чиновъ, такъ тамъ бѣда... А полиція что скажетъ? а дворянство? Ужась, ужась, ужась“¹⁾! И самъ Квитка, хотя понималъ, что въ столицахъ нельзя изучить простоту народнои жизни, что толки народные тамъ другого рода, однако отдавалъ должное тому обществу членовъ, котораго соединяли интересы болѣе широкіе и котораго нельзя было найти въ провинціи. Но и въ этомъ случаѣ въ чувствѣ его была должная мѣра. „Перечитывая журналы, говорить онъ, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ жизни, старанія достигнуть своей цѣли. А любопытно было-бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты; но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ! кажется послѣднее употребилъ-бы на дорогу, тотчасъ-бы явился у васъ, рассказалъ-бы, что на душѣ, послушалъ-бы васъ, да и назадъ ѣхать“²⁾! Слѣдовательно поприще его было не вдали отъ провинціи; онъ не хотѣлъ оставаться въ столицѣ, въ ней для него не все слилось, что было мило. Здѣсь-же на родинѣ завѣтною мыслью Квитки было, между прочимъ, составленіе для простонародія краткаго свода уголовныхъ законовъ съ цѣлью выяснить послѣдствія преступленій и предупредить горькія опибки невѣжества; а также составленіе листовъ, т. е. писемъ до любезныхъ земляковъ—родъ поучительныхъ посланій на малороссійскомъ языкѣ къ простонародію, за что онъ получилъ благодарность отъ правительства.

Картину застоя провинціальной жизни Квитка изобразилъ въ своей пятиактной комедіи „Пріѣзжіи изъ столицы“. Замѣчательное дѣло! Комедія эта и ходомъ дѣйствія и фигурами лицъ при чтеніи ея разительно напоминаетъ „Ревизора“ Гоголя. Здѣсь тоже дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, куда пріѣзжаетъ мнимый ревизоръ, тѣ-же перенуганныя лица съ своими „грѣшками“, съ двумя пріятными дамами, которыя также влюбляются въ „милашку“ ревизора. И тутъ вся кутерьма поднимается ради полученнаго темнаго, сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города. Чиновники

¹⁾ Данилевскій. Укр. стар., стр. 260.

²⁾ Тамъ-же, корреспонденція Основьян. стр. 265.

также представляются ревизору и даютъ ему въ займы деньги. Какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о храмѣ изящества, о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль. Наконецъ при развязкѣ происходитъ такая-же нѣмая сцена, и всѣхъ какъ громомъ поражаютъ слова частнаго пристава о повомъ—настоящемъ ревизорѣ: „вотъ бумага отъ губернатора съ жандармомъ присланная!“ говоритъ онъ. Такова сѣть, на которой построена пьеса Квитки. Здѣсь не мѣсто разбирать, было-ли у Гоголя заимствованіе; скажемъ только одно, что Гоголь въ перенискѣ своей говоритъ, что онъ дажъ не слыхалъ о ревизорѣ Основьяненка. Не подлежитъ сомнѣнію только то, какъ говоритъ Аксаковъ, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи очень широко и дали авторамъ мысль написать сходныя комедіи; для провинціальной жизни это фактъ знаменательный.

Современная Квиткѣ критика не обонла молчаніемъ его произведеній, по отношенію ея высказались въ какомъ-то великодушномъ снисходительномъ топѣ, хотя и съ признаніемъ достоинствъ. Бѣлинскій въ короткихъ характеристикахъ всюду ставитъ имя Квитки высоко; повѣсти его въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей называетъ „прекрасными, интересными, занимательными, остроумными, живыми и проч.“, но называетъ какъ-бы мимоходомъ; упомянувъ объ Основьяненкѣ, онъ спѣшитъ отдѣлаться коротенькой похвалой и идти дальше. Надо сказать, какъ это отчасти было замѣчено раньше, что Бѣлинскій не признавалъ необходимости малорусской литературы; говоря о самомъ языкѣ, онъ доказывалъ, что малорусскій языкъ когда-то существовалъ, а теперь его уже нѣтъ. „Какая глубокая мысль, замѣчаетъ критикъ, въ этомъ фактѣ, что Гоголь, страстно любя Малороссію, все-таки сталъ писать порусски, а не по-малороссійски! Но Гоголь, продолжаетъ онъ, не совѣмъ можетъ служить примѣромъ. Тѣмъ не менѣе жалъ видѣть, когда и мелкое дарованіе *попусту тратитъ* свои силы, пиша по-малороссійски—для малороссійскихъ крестьянъ... Въ самомъ дѣлѣ содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интересъ ихъ—мужицкая ваивность и наивная прелесть мужицкаго разговора“¹⁾. Такъ говоритъ Бѣлинскій, разбирая малороссійскій альманахъ „Ластовка“.

¹⁾ Соч. т. 5, стр. 309.

Писать по-малороссійски, писать для народа или изъ жизни на его собственномъ нарѣчїи Бѣлинскій называлъ „по-пусту тратить время“; но Бѣлинскій вѣроятно того не зналъ, какъ популярны были напримѣръ рассказы Квитки въ средѣ народа, какое доставляли они удовольствіе своимъ читателямъ, или какое дѣйствіе производятъ пѣсни Шевченка... Поэтому только и могъ написать Бѣлинскій, разбирая „Современникъ“, слѣдующія строки: „изъ прозаическихъ статей особенно замѣчательна „Солдатскій портретъ“ Грицька Основьяненка, прекрасно переведенный съ малороссійскаго г. Луганскимъ“; дальше критикъ прибавляетъ: „увѣряемъ почтеннаго Грицька Основьяненка, что если-бы онъ написалъ свои прекрасныя повѣсти по-русски, то, не смотря на мудреную для выговора фамилію своего автора, онъ доставили-бы ему гораздо большую извѣстность, нежели какою онъ пользуется на Руси, пиша по-малороссійски“. Такимъ образомъ отзывъ Бѣлинскаго можно резюмировать въ слѣдующей формѣ: Квитка обладаетъ полнымъ правомъ на широкую извѣстность въ Россіи, но не хочетъ пользоваться имъ въ должной мѣрѣ. Въ Бѣлинскомъ въ данномъ случаѣ мы видимъ ревнивое желаніе видѣть въ лагерѣ русской литературы возможно большее число талантливыхъ писателей; такое желаніе весьма понятно, оно понятно было также и въ той бесѣдѣ друзей, когда было выражено сожалѣніе о томъ, что Марко Вовчокъ пишетъ свои произведенія какъ на малорусскомъ, такъ и на великорусскомъ языкѣ. Говорятъ, что на это сожалѣніе Шевченко сказалъ: „пускай пишетъ хотя по-самоѣдски, но лишь-бы то, что написано, была правда!“ Но вѣдь Квитка писалъ тоже и по-русски, и мы слышали, какъ отзывался о его русскихъ повѣстяхъ Чужбинскій, а вотъ что говоритъ самъ авторъ ихъ въ письмѣ къ Плетневу: „извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски и совершенно по-русски, точно такъ, какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтенїи, и что-же? Малороссы—не узнаемъ своихъ земляковъ, а рускіе... зѣваютъ и находятъ маскарадомъ; выраженія не свойственныя обычаямъ; изъясненія не свойственныя національности, дѣйствія характерамъ, хотя, правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ имъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполне красоту малороссійскихъ оборотовъ“.

Совсѣмъ не такъ, какъ Бѣлинскій, относился къ малорусской словесности другой нашъ критикъ; если первый желаетъ въ Россіи видѣть только великорусскую литературу, то второй признаетъ полное право гражданства и за малорусскимъ языкомъ. Мы разумѣемъ Добролюбова, который говоритъ: „появленіе стихотвореній Шевченка интересно не для однихъ только страстныхъ приверженцевъ малорусской литературы, но и для всякаго любителя истинной поэзіи. Его произведеніе интересуетъ насъ совершенно не зависимо отъ спора о томъ, возможна-ли малорусская литература... Само собой разумѣется, продолжаетъ онъ, что никто не откажетъ малороссійскому, какъ и всякому другому народу, въ правѣ и способности говорить своимъ языкомъ о предметахъ своихъ нуждъ, стремленій и воспоминаній“¹⁾. О Полевомъ самъ Квитка говоритъ, что онъ воскуривалъ ему охмѣлы.

Изъ всѣхъ повѣстей Квитки больше всего подвергался критическому разбору, или лучше критическимъ замѣчаніямъ, его романъ „Панъ Халивскій“,—замѣчаніямъ, не всегда лестнымъ для автора. Г. Данилевскій говоритъ, что „два журнала стали систематически его (Квитку) преслѣдовать. Чтобы представить образецъ этихъ мнимошуточныхъ нападокъ, выпишемъ изъ „Библіотеки для чтенія“ за 1841 г., январь мѣсяцъ, отрывокъ изъ литературной лѣтописи, гдѣ говорится о названномъ романѣ и его авторѣ: „это, должно быть, ужасный провинціалъ, выжившій изъ юмора и шутокъ, за недостаткомъ слушателей, ищущій ихъ посредствомъ печати“.

„Я назвалъ его писателемъ и тутъ-же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло отъ того, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень нравится умъ господина Основьяненко, иные уже говорятъ просто Основаненко, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... на меня эти пошлости (говорится о произведеніяхъ) Квитки наводятъ скуку и уныніе“.

Скромный, застѣнчивый и мягкій по характеру, въ то время уже старикъ, Основьяненко съ грустью переживалъ такіе отзывы; „онъ, говоритъ его біографъ, отказывался впередъ печатать, просилъ возвратить все посланное въ журналы и сборники и огорченію

¹⁾ Добролюбовъ. Соч., т. IV, стр. 353.

его не было предѣловъ“. Бѣлинскій о „Панѣ Халавскомъ“ отозвался нѣсколько съ другой стороны въ письмѣ своемъ къ редактору „Отеч. Записокъ“; онъ говоритъ: „Панѣ Халавскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнить. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ... Впрочемъ, добавляетъ онъ, для журнала „Халавскій“ кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя“.

Группируя отзывы о произведеніяхъ Квитки, можно расположить ихъ на три отдѣла; одни изъ нихъ принадлежатъ тѣмъ лицамъ, которыя почему-либо соприкасались съ самою малорусскою національною—это отзывы положительные; всѣ они ставятъ и личность автора и его сочиненія на высшую степень значенія; другіе принадлежатъ тѣмъ сѣвернымъ рецензентамъ, которые не угадывали сущности содержанія повѣстей Квитки, мало знали самую народность Малороссіи—это отзывы отрицательные; наконецъ третій отдѣлъ миѣній, которыя признаютъ въ самомъ писателѣ талантъ, большую способность наблюденія и больше говорятъ объ авторѣ, чѣмъ о его произведеніяхъ. Мы держимся того миѣнія, что писатель, основывающій свои литературныя произведенія на этнографическомъ знаніи, на глубокомъ пониманіи языка, на умѣннн живо воспроизводитъ движенія человѣческаго чувства, самъ владѣющій искрою поэтическаго огня, достоинъ изученія и близкаго знанія его произведеній тѣмъ кругомъ, которому по преимуществу была посвящена его литературная дѣятельность.

Но Квитка примѣчательнѣе не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, какъ дѣятель на другихъ поприщахъ. Нравственная личность этого человѣка сложилась изъ суммы самыхъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ элементовъ. Память о Квиткѣ живетъ доселѣ между людьми, знавшими и любившими его, которые когда-то бесѣдовали съ нимъ въ его любимой Основѣ. Мы перецишемъ письмо Н. И. Костомарова, въ которомъ съ достаточною полнотою выскажется личность Григорія Федоровича. „Съ Г. О. Квиткою, говорится въ письмѣ, я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 годъ. Это былъ старикъ средняго роста, съ пѣшивою головою, съ однимъ глазомъ (другой въ лѣта юности онъ ~~вытеръ~~ ~~фейерверкомъ~~), съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, ~~или халатѣ~~, ~~принимавшн~~ по-

сѣтителей въ гостиной, въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домикѣ съ каменною оградой, на необозримомъ, почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переехалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольского; мебель очень простая, тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросъ, или въ алтарѣ, такъ что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ отличаетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя себѣ другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался потомъ, что у него зачитывали. Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно съ юношескимъ пыломъ слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно непереводной. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до „анекдотовъ“, никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самихъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Не смотря на старость, былъ вѣрнокъ и свѣжъ и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикою... Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературной славой и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти“. Жизненная карьера Квитки подвергалась самымъ крайнимъ перемѣнамъ; на 15-мъ году онъ поступаетъ въ военную службу, затѣмъ переходитъ въ гражданскую, которую потомъ оставляетъ снова для военной. Но точно ~~предметомъ его жизни~~ ~~онъ ташъ въ душѣ своей желаніе~~

уйти изъ міра въ удиненіе, ищеть подвига и наконецъ, задумчивый, мечтательный съ примѣсю мистицизма, на 23 году онъ поступаетъ въ монастырь, гдѣ остается послушникомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Но прошли эти четыре года; мечтанія разсѣялись; Квитка измѣнилъ своему желанію. И какая игра судьбы! Изъ скромнаго монаха, нѣкогда читавшаго каноны, изъ какого-то святоши Квитка вдругъ является передъ зрителями на сценѣ театра въ самой веселой комической роли. Страсть къ театру, къ музыкѣ поглотила на столько-же сильно умъ странно развивавшагося молодого человѣка, какъ нѣкогда страсть къ трудности монастырской жизни. Затѣмъ съ тридцатаго года его жизни начинается рядъ тѣхъ полезныхъ дѣяній, которыя дали Квиткѣ видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія южной Россіи. Онъ дѣятельно работалъ на пользу образованія и по порученію правительства открылъ харьковскій институтъ для дѣвиць (первый на югѣ Россіи), которому, по словамъ Срезневскаго, припесъ въ жертву почти все достояніе свое, заботился также о театрѣ, оставаясь въ то-же время то директоромъ танцевальнаго клуба, то правителемъ общества благотворенія, то предводителемъ дворянства, основалъ первый украинскій литературный журналъ, былъ энергичнымъ литературнымъ дѣятелемъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ провинціи. Можно судить по этому, сколько энергіи и жизни было въ этомъ человѣкѣ, сколько добрыхъ побужденій таилось и воплощалось на дѣлѣ! Вотъ какъ обобщаетъ нравственный портретъ Квитки г. Давилевскій: „Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ, — четыре года монахъ, затворникъ въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни, дѣятельный членъ благотворительнаго общества и директоръ страстующей труппы актеровъ, основатель института для дѣвиць и издатель перваго украинскаго журнала, директоръ танцевальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ и въ то-же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ институтѣ... наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!“

Не ускользнуло это противорѣчіе качествъ и отъ эниграммы, и въ ту-же пору чрезвычайно широко обошло мѣстность слѣдующее четверостишіе:

*„Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный языкъ:
Актеръ, поэтъ и засѣдатель
Одинъ и тотъ-же человекъ!“*

Убѣжденія Квитки, если еще нужно объ этомъ говорить, были демократическія; принципъ народности былъ основнымъ принципомъ его жизни и дѣятельности.

Н. Марковъ.

1883 года.
Екатериноградъ.

Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ.

«Міръ поэзіи, этотъ идеальный міръ чловѣка, не есть пустая, безцвѣтная область мечтаній и воздушныхъ призраковъ, одно произвольное созданіе фантазіи, а напротивъ — міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ чловѣческой-же дѣйствительности».

(Шевыр., Ист. поэзіи, стр. II.)

Вопросъ о происхожденіи и процессѣ созданія народныхъ произведеній представляетъ такъ много интереса для занимающихся изученіемъ народной литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ является такимъ запутаннымъ, что всякій новый фактъ, помогающій хоть сколько нибудь уясненію онаго, достоинъ того, чтобы остановиться на немъ, съ цѣлью уясненія основныхъ положеній о народномъ творчествѣ вообще. Такимъ новымъ фактомъ является помѣщаемый ниже рассказъ, содержащійся въ одной италіанской брошюрѣ 1643 года и представляющій много аналогичнаго съ содержаніемъ извѣстной малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ, а потому дающій нѣкоторыя данныя для уясненія вопроса о происхожденіи оной. Вопросъ-же о происхожденіи малорусскихъ думъ имѣетъ немаловажное значеніе: однѣ изъ нихъ создавались народомъ на основаніи историческихъ событій и очень часто служили матеріаломъ для историковъ, пользовавшихся ими, какъ историческими данными; другія-же явились, какъ поддѣлка подъ народныя произведенія, изъ-подъ пера грамотниковъ; поэтому весьма важно опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ какъ подлинность думы, такъ и историческую достовѣрность передаваемыхъ въ ней фактовъ.

Считаю необходимымъ сначала указать нѣсколько общихъ положеній о народномъ творчествѣ, которыя вполне могутъ быть

подтверждены частностями, проглядывающими въ разбираемой мною думѣ.

Если признать вѣрною мысль, высказанную въ эпиграфѣ, что мѣръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой дѣйствительности, то, относительно народной эпической поэзіи, мысль эта можетъ быть формулирована еще съ большей опредѣленностью, а именно: *для созданія народно-эпическаго произведенія необходимъ фактъ, какъ дѣйствительность.* Поэтъ-художникъ очень часто создаетъ фактъ, исключительно руководствуясь фантазіей, сдерживаемой только условіями типической достовѣрности; онъ, увлеченный извѣстною идеей, вымысляетъ сознательно, не вѣря самъ передаваемымъ разсказамъ, и только допускаетъ возможность ихъ въ дѣйствительности. Народъ же, какъ бессознательный творецъ поэтическихъ произведеній, въ моментъ творчества въ каждомъ данномъ случаѣ вѣритъ передаваемому имъ факту, предполагая въ немъ реальную достовѣрность, и слѣдовательно не можетъ создать основнаго разсказа въ произведеніи, руководствуясь только фантазіей. Онъ можетъ конечно исказить фактъ до неузнаваемости, перепутать различные факты, но создать совершенно новый фактъ на основаніи фантазіи, повторяю,—не въ его натурѣ. Однимъ словомъ, поэзія въ его сознаніи—не игра воображенія, не умышленное творчество, а безусловная истина, являющаяся то какъ сводъ его религіозныхъ вѣрованій, то какъ кодексъ нравственности, то какъ его исторія. Поэтому во всякомъ народномъ произведеніи долженъ быть въ основѣ реальный фактъ, а тѣмъ болѣе—въ произведеніи съ историческимъ сюжетомъ; но только фактъ этотъ или въ исторіи затерялся, или въ произведеніи исказился до того, что узнать его мы не можемъ. Въ иной исторической пѣснѣ такой фактъ видѣнъ ясно, такъ-что и сомнѣнія не можетъ быть въ исторической основѣ ея; въ иной—могло быть смѣшано два отдѣльныхъ, но однородныхъ факта, и наконецъ многія пѣсни болѣе общаго содержанія пользуются, какъ основой, фактами типическими, которые все-таки сложились изъ отдѣльныхъ историческихъ фактовъ, но совершенно забытыхъ, таковы: дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, да и вообще всѣ пѣсни, передающія разсказы о плѣнѣ у татаръ и турокъ. Конечно, во всѣхъ пѣсняхъ можно замѣтить присутствіе этой послѣдней черты, т. е. что историческій фактъ пополняется и пересоздается на осно-

вапіи обще-типическихъ подробностей, собственно и составляющихъ характерное отличіе народнаго творчества данной націи, но въ однихъ пѣсняхъ такихъ чертъ больше, въ другихъ меньше¹⁾).

¹⁾ Года три назадъ мнѣ пришлось услышать въ золотоншскомъ уѣздѣ, полт. губ., пѣсню, которая по складу своему относится не къ эпическимъ, а къ лирическимъ пѣснямъ, и которая составлена такъ, что большая часть ея, въ отдѣльныхъ стихахъ, представляется заимствованной изъ разныхъ пѣсень. Однако-же упомянаемый въ ней фактъ убійства да два собственныхъ имени навелъ меня на мысль, что пѣсня создана на основаніи какого-то дѣйствительнаго происшествія. Оказалось, что предположеніе мое было вѣрно: я узналъ впоследствии, что лѣтъ 10 назадъ въ м. Гельязовѣ, золотон. уѣзда, было совершено убійство старшины Ярмилки братьями Томиленками, и этотъ то фактъ и послужилъ новодоумъ къ созданію пѣсни. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ пѣсня эта будетъ совершенно забыта, или пересоздастся до того, что и собственные имена изъ нея совершенно исчезнутъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ будущій изслѣдователь народныхъ пѣсень, не зная этого факта, естественно можетъ прийти къ выводу, что пѣсня создана на основаніи фантазіи съ извѣстной типической обстановкой. Во избѣжаніе этого, считаю уместнымъ при случаѣ сообщить ее здѣсь.

*Не хилися, явороньку, — ще-жъ ты зеленекій!
Не журися, козаченьку, ще-жъ ты молоденькій!
Не радъ лаворъ хилитися — води корень мые,
Не радъ козакъ журитися — такъ серденько ние.*

Займствовано изъ пѣсни «Стоять явіръ надъ водою».

*Тий по морю, по синѣму два лебеді вьются,
А на тѣхъ-же Томыленкѣхъ кийданы куются.
Закували Томыленкѣхъ, повезли селомъ;
Селомъ везуть, селомъ везуть, сѣльцемъ накидають.*

Образъ лебедя весьма часто означаетъ разлуку съ свободой.

*За нимъ ёго стармати плече ти рыдие.
Не плачь, мати, не плччь, стара, — сами провинили.
Що хорошого сына породила, тий не оженила.*

Томиленки были двоюродные братья.

*Продий, мати, воли круторои, виручи зъ неволи;
Продий, мати, бычки и телычки, виручи зъ темнычки!*

*Лучше-жъ мени, моя мати, у полі орити,
А нижъ мени, моя мати, зъ тюрьмы выладити.
Лучше-жъ мени, моя мати, у лузі зъ косою,
А нижъ мени, моя мати, у тюрьмі зъ красою,
Лучше-жъ мени, моя мати, цѣпомъ молотити,
А нижъ мени, моя мати, залізо носити.*

Кажется, новый способъ сравненія, указывающій, какъ на крайнюю тяжесть, на земледѣльческія работы.

*Було-бъ тобі, мій сыночку, гурілки не пити,
Було-бъ тобі, мій сыночку, Ярмилки не бити.*

Томиленки совершили убійство, будучи подпоены.

Дума о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи, по моему мнѣнію, должна быть отнесена къ тому роду пѣсень, въ основѣ которыхъ находится историческій фактъ, соединенный затѣмъ съ такимъ-же историческимъ фактомъ, только относящимся совсѣмъ къ другимъ лицамъ, и наконецъ исполненный вышеуказанными типическими подробностями. Дума о Самуилѣ Кошкѣ, самая длинная и болѣе другихъ сохранившаяся, извѣстна была до послѣдняго времени только въ изданіи г. Лукашевича „Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни“ (1836 г.) и записана въ 30-хъ годахъ въ полтавской губ. Перепечатана она была затѣмъ въ Сборникѣ Максимовича (1849 г.) и въ „Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа“, изданныхъ въ 1874 г. Этотъ, къ удивленію, единственный варіантъ думы въ послѣднее время пополнился другимъ варіантомъ, сообщеннымъ г. Горленкомъ на страницахъ декабрьской книжки „Кіевской Старини“. Послѣдній варіантъ, записанный со словъ бандуриста Ивана Крюковскаго въ лохвицкомъ уѣздѣ, полтав. губ., представляетъ жалкіе обломки нѣкогда стройнаго цѣлаго, впрочемъ до извѣстной степени дополняющіе прежній варіантъ, записанный г. Лукашевичемъ. Излагая содержаніе думы, я буду руководствоваться обоими варіантами, такъ какъ начало ея сохранилось, хотя въ самомъ отрывочномъ видѣ, въ варіантѣ Крюковскаго.

„У лузі Базалузі“, въ куренѣ, проживаль гетманъ козацкій „Кішка Самійло“ зъ 40 человекъ „нетиръ“, не вѣдая никакого горя. Однажды по Черному морю ѣхало галерою „молоде паня, турецке баша“; увидѣлъ онъ Лугъ-Базалугъ, прибылъ туда, захватилъ въ плѣнъ Самуила Кошку съ товарищами и, заковавъ ихъ въ цѣпи, отправилъ на своей галерѣ „до дівки Санжаківны“. Такъ передаетъ фактъ плѣненія варіантъ Крюковскаго. Въ варіантѣ, записанномъ Лукашевичемъ, мы видимъ уже продолженіе, такъ какъ тамъ говорится, что изъ Трапезонта выѣхала парадная галера, на которой были „Алканъ-паша, трапезонськее княжа“, 700 турокъ, 400 янычаръ и 350 (півчвартаста) бѣдныхъ невольниковъ, между которыми находилась „Кішка Самійло, гетьманъ запорозьскій и Ляхъ-Бутурлакъ, ключникъ галерскій, сотникъ переяславській, недовірокъ христіянській, що бувъ тридцять лѣтъ у неволі, двадцять чотыре якъ ставъ на волі, потурчився, побусурманився для паньства великого, для лакомства нещасного“. Когда они далеко отѣхали

отъ пристани, Алкану-пашѣ приснился сонъ, предвѣщавшій что-то недоброе, а именно: что галера его ограблена, что его янычары изрублены, а невольники всѣ оказались на волѣ, и что гетманъ Кошка его самого на три части разрубилъ и въ море побросалъ. Бѣдные невольники хотя хорошо знали, что этотъ сонъ означаетъ, но ничего не сказали, а Ляхъ-Бутурлакъ, успокоивая Алкана-пашу, предложилъ только, чтобы ему поручено было зорче слѣдить за невольниками и крѣпче ихъ заковать. Затѣмъ подѣзжаютъ они къ городу Козлову, гдѣ проживаетъ „дівка Санжаківна“, въ гости къ которой и отправляется Алканъ-паша. Но, не довѣряя вполне Ляху-Бутурлаку, посылаетъ онъ къ галерѣ двухъ турокъ для наблюденія, чтобы Ляхъ-Бутурлакъ не вздумалъ отпереть Самуила Кошку и его товарищей. Посланные турки подслушиваютъ разговоръ Кошки съ Бутурлакомъ: на просьбы Кошки освободить его изъ оковъ Бутурлакъ предлагаетъ ему отречься отъ вѣры христіанской,—тогда, говоритъ, „будешь у нашего пана молодого за рідного брата пробувати“; на это предложеніе Кошка даетъ отвѣтъ исполненный негодованія и брани, за что Ляхъ-Бутурлакъ бьетъ его и общаетъ держать строже всѣхъ. Тогда посланные турки извѣщаютъ Алкана-Пашу, что онъ имѣетъ вѣрнаго слугу въ Ляхъ-Бутурлакѣ и потому можетъ спокойно пировать. Алканъ-паша, получивъ это извѣстіе, очень обрадовался и послалъ на галеру много всякихъ напитковъ для Бутурлака. Послѣдній, грустя о томъ, что не съ кѣмъ ему о вѣрѣ христіанской поговорить, рѣшился посадить рядомъ съ собою Кошку и сталъ угощать его; но Кошка, въ то время какъ Ляхъ-Бутурлакъ все выпивалъ, тайкомъ выливаетъ подаваемое ему угощеніе и, дождавшись того момента, когда Бутурлакъ такъ напился, что съ ногъ свалился, досталъ изъ подъ подушки его всѣ ключи и отдалъ невольникамъ съ словами: „одинъ другого одмыкайте, кайданы изъ нігъ—изъ рукъ не кидайте, полуночної години дожидайте“.

Вариантъ Крюковскаго не передаетъ этихъ подробностей и представляетъ Ляха-Бутурлака совсѣмъ инымъ, а именно: онъ, услышавъ сонъ пашы, коротко успокоиваетъ его и сейчасъ-же, давая Самуилу Кошкѣ ключи, говоритъ:

*Цытѣте хлопци, не тремте
И заізомъ не стучите;*

*Дружка дружку одмыкайте,
Залізо у Чорне море метаите,
И молодого паню, турецького башу, и паняты ёю
У Чорне море из галеры скидаите“.*

Фактъ этотъ, какъ увидимъ ниже, имѣеть очень важное значеніе. Но продолжу далѣе пересказъ содержанія.

Когда въ полночь прибылъ къ галерѣ Алканъ-паша и увидѣлъ своего вѣрнаго ключника крѣпко спящимъ, то отдалъ приказаніе осмотрѣть всѣхъ невольниковъ, при чемъ обманъ Самуила Кошки вполне удался, такъ какъ осматривавшимъ и въ голову не пришло попробовать, заперты ли замки при кандалахъ, и они ограничились только бѣглымъ осмотромъ. Когда все успокоилось, козаки сняли съ себя оковы, изрубили всѣхъ турокъ, а

*Кішка Самійлю Алкана-пашу изъ лѣжка взявъ,
На три части розтявъ,
У Чорнее море побросавъ...*

Между прочимъ онъ отдалъ приказаніе оставить спящаго Ляха-Бутурлака въ живыхъ, въ надеждѣ, что онъ можетъ оказаться еще полезнымъ для нихъ. Покончивши съ врагами, невольники пустились въ дальнѣйшій путь. Не скоро проснулся Ляхъ-Бутурлакъ, и когда узналъ о случившемся, то поклонился Самуилу Кошкѣ и, покаявшись въ своемъ прежнемъ поведеніи, подалъ совѣтъ половину козаковъ посадить на весла, а половину нарядить въ турецкіе костюмы, чтобы обмануть турокъ, которые выйдутъ изъ Цареграда встрѣчать Алкана-пашу. Такъ и поступили. Дѣйствительно, когда они стали подъѣзжать къ Цареграду, навстрѣчу имъ выѣхало 12 турецкихъ галеръ. Ляхъ-Бутурлакъ сталъ впереди, замахалъ турецкимъ флагомъ и сказалъ туркамъ, что Алканъ-паша съ похмѣльемъ крѣпко спитъ, и что побываетъ у нихъ на обратномъ пути. Затѣмъ козаки благополучно прибыли къ Днѣпру.

Тутъ я оставляю пересказъ думы, такъ какъ дальнѣйшее ея содержанія не относится къ интересующему меня вопросу о ея происхожденіи, и перейду къ сличенію разсказа думы съ сказаніями лѣтописцевъ о томъ-же фактѣ.

Какія же историческія данныя представляетъ собою разбираемая нами дума о Самуилѣ Кошкѣ?

Просматривая Лѣтопись Грабянки, Величка, Самовидца, Лѣтописи, изданныя Бѣлозерскимъ, Исторію Руссовъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельмана и др., мы находимъ краткія извѣстія о Самуилѣ Кошкѣ, и извѣстія почти вездѣ однородныя, а именно: почти всѣ эти источники упоминаютъ о томъ, что Кошка былъ плѣнень турками, но о бѣгствѣ его изъ неволи ничего не говорятъ.

Прослѣдимъ рассказъ о Кошкѣ по упомянутымъ и другимъ источникамъ, дабы опредѣлить, какія извѣстія были въ разныя времена объ этомъ героѣ думы, можетъ быть даже,—только какъ слухи.

Въ Исторіи Руссовъ читаемъ, что, когда въ 1598 году нѣкоторые малороссійскіе полки, въ противовѣсъ полякамъ, выбрали себѣ гетманомъ Сагайдачнаго, „поляки, въ опроверженіе гетмана Сагайдачнаго, а больше, чтобы всѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ малороссійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ полками гетманомъ изъ сотниковъ *Демьяна* Купку; а онъ, вздумавъ прославить себя военными успѣхами и заслужить общее тѣмъ уваженіе, отправился съ войсками своими въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ христіанъ, тамошними татарами на границахъ Подолія забранныхъ. Но, приближаясь къ г. Аккерману, былъ атакованъ турками и татарами и отъ нихъ взятъ въ плѣнъ и истребленъ“¹⁾. На основаніи этого источника, такой-же рассказъ переданъ въ Исторіи Малороссіи Н. Маркевича²⁾. Въ приложеніи къ лѣтописи Самовидца, подъ заглавіемъ „Краткое описаніе Малороссіи“, упоминается подъ 1620 годомъ Самойло Купка, какъ соучастникъ короннаго гетмана Жолкевскаго въ извѣстной цоцорской битвѣ съ турками, съ прибавленіемъ, что его „турки живого въ полонъ взяли“³⁾. Почти тѣми же словами передается это извѣстіе въ лѣтописяхъ изданныхъ Бѣлозерскимъ⁴⁾, а равно въ лѣтописи Грабянки⁵⁾, съ отнесеніемъ факта плѣненія къ 1620 г. Въ приложеніяхъ къ лѣтописи

¹⁾ Исторія Руссовъ, стр. 45.

²⁾ Т. I, стр. 104.

³⁾ Изд. 1849 г., стр. 4; изд. 1878 г., стр. 216.

⁴⁾ Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памятя достойныхъ дѣяствъ и случаевъ описаніе (стр. 56); Хронологія высокочлавныхъ, ясновельможныхъ гетмановъ (стр. 111); Имяная веренясь малороссійскихъ хетмановъ (стр. 131).

⁵⁾ Лѣтов. Грабянки, стр. 25; тамъ-же, стр. 260.

Величка находимъ такія же извѣстія, съ указаніемъ и мѣста погребенія Кошки; въ первомъ изъ нихъ читаемъ: „1620 года гетманъ Самойло Кошка на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, турками убитъ и въ городѣ Кацевѣ погребенъ“ ¹⁾, во второмъ находимъ и болѣе подробнос извѣстіе: „1620 года гетманъ козацкій Самойло Кошка съ козаками, при гетманѣ коронномъ Жолковскомъ, во время султана турецкаго Османа Гердаго, на коварной, подъ видомъ мира съ поляками, на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, войнѣ находился, но взятъ-ли онъ турками въ полонъ и выкупили-ль его козаки изъ того полону такъ, какъ Зѣновія Богдана Хмѣльницкаго, или ни,— неизвѣстно; токмо сіе заподозрено вѣстимо, что онъ гетманъ Кошка въ городѣ украинскомъ Кацевѣ погребенъ, чего въ доказательство тамъ его гробъ свидѣтельствуеетъ ²⁾. Въ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго Самуилъ Кошка является преемникомъ Сагайдачнаго, но о времени его гетманства и участіи въ походахъ козаковъ противъ турокъ 1614, 1615 г. и 1616 г. говорится крайне неопредѣленно и только замѣчается, что онъ „попался въ плѣнъ къ туркамъ“ ³⁾. Наконецъ въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи“ Ригельмана говорится, что „въ битвѣ при Цоцорѣ козацкій гетманъ Самойло Кошка и Богданъ Хмельницкій съ прочими попались въ полонъ, кои по дву годахъ искуплены на обмѣнъ плѣненными татарами“ ⁴⁾.

И такъ, почти во всѣхъ цитированныхъ нами источникахъ мы встрѣчаемся съ фактомъ плѣненія Самуила Кошки турками, при чемъ, какъ на мѣсто и время плѣненія, всѣ они указываютъ на цоцорскую битву 1620 года, за исключеніемъ малодостовернаго вообще источника—Исторіи Руссовъ, по которой Кошка попалъ въ плѣнъ во время похода въ Бессарабію, вблизи Аккермана, причемъ названъ онъ не Самойломъ, а Демьяномъ. Оставляя въ сторонѣ темное свидѣніе Исторіи Руссовъ, не можемъ не указать на два другія свидѣтельства, противорѣчащія приведеннымъ нами извлеченіямъ. Таковы, во 1-хъ, письмо извѣстнаго кошеваго атамана Сѣрка къ крым-

¹⁾ Лѣтоп. Величка, т. IV, стр. 151.

²⁾ Тамъ-же, стр. 155—156.

³⁾ Т. I, стр. 183—184.

⁴⁾ Ригельманъ. Лѣтоп. повѣств., стр. 36.

скому хану, писанное въ 1675 году, гдѣ о Самуилѣ Кошкѣ, какъ о гетманѣ, и его походахъ упоминается до 1575 г., такъ какъ далѣе говорится, что „по немъ року 1575 Богданко зъ козаками Крымъ воевалъ и плундровалъ“¹⁾, и во 2-хъ шесть писемъ самаго Кошки къ коронному гетману Жолкевскому, писанныхъ во время походовъ его въ 1601—1602 г.г. сначала въ Молдавію, а потомъ въ Ливонію²⁾. Правда, письмо Сѣрка въ вопросѣ о времени плѣна Кошки не имѣетъ значенія строго историческаго свидѣтельства, какъ писанное спустя сто лѣтъ и основанное на воспоминаніяхъ и слухахъ, за то письма Кошки, по времени написанія, занимаютъ такой срединный пунктъ между свидѣтельствомъ Сѣрка и извѣстіями лѣтописцевъ, что могутъ служить подтвержденіемъ какъ того, такъ и другихъ, и если предположить, что Самуилъ Кошка участвовалъ въ походахъ въ Молдавію и Ливонію по возвращеніи изъ плѣна, тогда извѣстію Сѣрка должно дать предпочтеніе, а если допустить, что походы были раньше плѣна его, тогда надо дать вѣру извѣстіямъ лѣтописцевъ. Издатели „Историческихъ пѣсень малорускаго народа“³⁾, основываясь на томъ, что письма къ Жолкевскому на обратномъ пути изъ похода въ Ливонію въ началѣ писаны Самуиломъ Кошкой, а послѣднее письмо изъ того-же похода писано нѣкимъ Гавриломъ Крутневичемъ, отдаютъ предпочтеніе извѣстію Сѣрка и дѣлаютъ предположеніе, что Самуилъ Кошка умеръ на обратномъ пути изъ похода. Подтвержденіемъ этому предположенію является повидимому Боркулабовская Хроника, изданная г. Кулишомъ въ матеріалахъ для „Исторіи воссоединенія Руси“, въ которой читаемъ: „року 601 были у Швеции козаки запорожскіе, люду четьре тысени. Надъ ними былъ гетманомъ Самуель Кошка. Тамъ-же того Самуила убито, а поховано у Києве“⁴⁾. Но извѣстіе Боркулабовской Хроники, такъ положительно говорящей о смерти Кошки, рѣшительно опровергается двумя письмами его къ Жолкевскому, помѣченными 1602 годомъ, изъ чего ясно, что Кошка былъ живъ во время обратнаго пути изъ похода и, слѣдовательно, не былъ

¹⁾ Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 380.

²⁾ Listy Stanisława Żolkiewskiego, стр. 107, 108, 114—117.

³⁾ Историч. пѣсни, Т. I, стр. 227.

⁴⁾ Кулишъ, Матеріалы, т. I, стр. 77.

убить во время войны, не говоря уже о несообразности таких двух извѣстій, какъ смерть Кошки въ Швеци и погребеніе его въ Кіевѣ. Мало вѣроятія за собою имѣть и предположеніе издателей „Пѣсень малорусскаго народа“ о смерти Кошки на обратномъ пути изъ похода, основанное на томъ, что послѣднее письмо съ похода писано другимъ лицомъ, именно Гавриломъ Крутневичемъ. Послѣдняго подпись въ качествѣ простаго каневского козака мы находимъ на рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря ¹⁾, съ датой 1610 г., и на письмѣ къ Жолкевскому онъ подписался просто: Гаврило Крутневичъ и все запорожское войско, а слѣдовательно онъ не заступилъ мѣсто Кошки въ качествѣ гетмана, Кошка же подписался вездѣ словомъ *старшій*, которое замѣняло тогда слово гетманъ. Самуилъ Кошка въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Жолкевскому причиною возвращенія своего изъ похода выставляетъ недовольство козаковъ и крайній недостатокъ въ содержаніи ²⁾ и согласно съ нимъ говорить объ этомъ Гейденштейнъ ³⁾. Составители сборника пѣсень въ подтвержденіе своего предположенія ссылаются еще и на то, что въ думѣ говорится, будто Кошка возвратился изъ плѣна при гетманѣ Скалозубѣ, т. е. около 1599 года. Но если довѣрять думѣ, то можно прийти къ выводу покойнаго М. А. Максимовича, что Кошка, пробывшій въ неволѣ 54 года, попалъ въ плѣнъ въ 1534 году, что ужъ совсѣмъ невѣроятно ⁴⁾. Свидѣтельство думы о возвращеніи Кошки изъ плѣна по всей вѣроятности есть типичная прибавка, вызванная желаніемъ представить цѣльный и законченный рассказъ.

Среди такихъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ о времени плѣненія Самуила Кошки, не дающихъ возможность рѣшить этотъ вопросъ хотя бы съ приблизительною точностію, мы желали бы удостовѣриться по крайней мѣрѣ въ томъ, подтверждается ли исторіей самый фактъ плѣненія его, а равно и возврата изъ неволи. Положительному разрѣшенію этого вопроса весьма много, повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что польскія извѣстія о цоцорской битвѣ молчатъ о плѣненіи такого крупнаго лица, какъ козацкій атаманъ; но по этому нельзя еще утверждать, что факта такого

¹⁾ Рук. № 1636. Переводъ Новаго Зав. на южнор. нарѣчіе, 1581 г., Валентина Некталевскаго.

²⁾ Listy Stan. Żolkiew., стр. 116.

³⁾ Rainolda Heidensteina. Dzieje Polski. Т. II, стр. 448.

⁴⁾ Сборн. украин. пѣсень 1849 г., стр. 31.

вовсе не было, скорѣе можно предположить, что наши историки фактъ этотъ, случившійся можетъ быть раньше, но слухамъ приурочили только къ такому крупному событію, какъ битва при Цоцорѣ, и это отчасти можетъ служить подтвержденіемъ того, что Кошка плѣненъ былъ около этого времени. Какъ бы ни было, мы не можемъ отвергнуть лѣтописныхъ свидѣтельствъ, единогласно удостоверяющихъ тотъ фактъ, что Кошка дѣйствительно былъ плѣненъ турками. Сопоставляя же рассказъ лѣтописцевъ съ рассказомъ думы объ обстоятельствахъ этого плѣненія, мы не видимъ въ нихъ ничего почти общаго. Лѣтописи передаютъ фактъ плѣненія, а основной рассказъ думы—освобожденіе изъ неволи. Если о фактѣ плѣненія упоминается въ вариантѣ думы, записанномъ со словъ Крюковского, то, какъ было уже сказано, это позднѣйшая прибавка, отличающаяся обще-типической картиной нападеній татаръ и турокъ на козацкія стоянки, лѣтописцы-же, говоря о плѣненіи Кошки, руководствовались народными о семъ преданіями, но только не тѣми, которыя вошли въ составъ думы.

О времени пребыванія въ плѣну ни дума, ни лѣтописи почти ничего не говорятъ, если не считать въ думѣ указанія на грубое обращеніе съ плѣнниками; но это также общетипическое мѣсто, встрѣчающееся во многихъ цѣсняхъ.

Что-же касается самаго факта бѣгства изъ неволи, т. е. главнаго предмета думы, то о немъ лѣтописцы совершенно умалчиваютъ. Только у Ригельмана сказано, что Кошка вмѣстѣ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ и прочими черезъ два года были выкуплены въ обмѣнъ на плѣнныхъ татаръ; но откуда почерпнуто Ригельманомъ это извѣстіе—неизвѣстно. Остальные лѣтописи сообщаютъ лишь о томъ, что Кошка былъ плѣненъ, а Исторія Руссовъ добавляетъ—и истребленъ. Одни приложенія къ лѣтописи Величка даютъ поводъ предполагать, что рассказы о возвращеніи Самуила Кошки изъ плѣна существовали, ибо въ одномъ изъ нихъ сказано: *выкупили-ль его козаки, или нѣтъ—неизвѣстно, но только извѣстно то, что онъ погребенъ въ Каневѣ* (о чемъ говорить и дума).

Если такимъ образомъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна лѣтописныя сказанія совсѣмъ молчатъ, то мы въ правѣ усумниться въ существованіи этого факта, особенно если примемъ во вниманіе, что тѣ-же сказанія почти въ одинъ голосъ сообщаютъ о плѣненіи

его; значить, о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна мало говорили народныя преданія, а можетъ быть ихъ и совсѣмъ не было, да и думы во время составленія сказаній можетъ быть также не существовало, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, потому что, будь она, наши лѣтописцы, не особенно разборчивые въ матеріалахъ, не премѣнно воспользовались-бы ею для разсказа.

Откуда-же, на основаніи какихъ данныхъ могъ явиться *народный разсказъ объ этомъ сомнительномъ бѣгствѣ?

О Самуилѣ Кошкѣ, какъ о народномъ героѣ, поповшемъ въ плѣнъ къ туркамъ, ходило конечно много разсказовъ; когда процессъ слухъ о его возвращеніи, хотя-бы посредствомъ обмѣна или выкупа плѣнныхъ, народная фантазія легко могла нарисовать по своему картину этого возвращенія, создавъ ее по типу готовыхъ разсказовъ о бѣгствахъ разныхъ плѣнниковъ. Правда, въ думѣ является много не типическихъ чертъ, а исключительныхъ подробностей; но они-то именно, при молчаніи лѣтописцевъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна, и заставляютъ насъ предполагать, что фактъ такого бѣгства существовалъ, но не съ Самуиломъ Кошкой, а съ кѣмъ-нибудь инымъ; народной-же фантазіи ничего уже не стоило приурочить этотъ фактъ къ своему герою, особенно если фактъ случился въ то время, когда въ народѣ очень свѣжа была память о Кошкѣ. Оправданіемъ этого моего предположенія можетъ, кажется, служить упомянутый мною въ началѣ разсказъ, переданный въ итальянской брошюрѣ, о бѣгствѣ одного знатнаго русскаго офицера вмѣстѣ съ другими невольниками и истребленіи ими богатой турецкой галеры и убійствѣ командовавшаго ею паши. Брошюра эта издана въ Римѣ въ 1643 году, а русскій переводъ оной сообщенъ мнѣ В. Б. Антоновичемъ, съ поясненіемъ о мѣстѣ храненія и отысканія оной, которое подлинникомъ приводится здѣсь-же въ примѣчаніи ¹⁾.

¹⁾ Брошюра издана въ Римѣ въ 1643 г. въ типографіи Гривини на итальянскомъ языкѣ. Авторъ разсказа не извѣстенъ, но можно догадываться, по его содержанію, что онъ составленъ участникомъ описываемаго событія Сильвестромъ изъ Ливорна, котораго дѣятельность во время подготовленія возстанія невольниковъ особенно тщательно отбѣнена. Итальянской брошюры намъ не удалось встрѣтить, но въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ во Львовѣ мы нашли два различные перевода этой брошюры на польскій языкъ. Одинъ переводъ, болѣе

Приводимъ любопытный текстъ этой брошюры съ слѣдующимъ пространнымъ ея заглавіемъ:

*Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи, недавно случившемся: о томъ, какъ взята была лучшая турецкая галера, бывшая подъ начальствомъ Анти-паши Маріоля, какъ получили свободу 207 чело-
вѣкъ невольниковъ христіанъ изъ польской Руси и 70 невольниковъ изъ другихъ христіанскихъ странъ, какъ взяты были въ плѣнъ 40 турковъ и 4 богатыхъ еврейскихъ купца, какъ убитъ былъ упомя-
нутый Анти-паша со многими другими турками, и какая богатая добыча найдена была на галерѣ.*

Нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, на-
ходился въ плѣну у турецкаго царя въ продолженіи многихъ лѣтъ
вмѣстѣ съ другими земляками своими. Онъ возимѣлъ твердое на-
мѣреніе освободить себя и земляковъ изъ тяжелой неволи и въ
теченіи трехъ лѣтъ обдумывалъ и подготавливалъ планъ избавленія
своего совмѣстно съ товарищами. Содержался онъ въ каторгѣ на
изящной и отборной цареградской галерѣ, находившейся подъ на-
чальствомъ жестокаго Анти-паши Маріоля. Наконецъ въ ноябрѣ
1642 года онъ началъ подготавливать средства для освобожденія съ
большою осмотрительностью и въ глубокой тайнѣ, съобща съ нѣко-
торыми болѣе близкими и вѣрными товарищами. Когда галера на-
ходилась у крѣпости Азова (въ подлинникѣ Asach?), онъ сталъ
приносить понемногу ружейный порохъ и, завязывая его въ мѣшки,
отдавалъ на храненіе нѣкому русину Микулѣ. Этого Микулу
Анти-паша считалъ вполне вѣрнымъ себѣ слугою и предоставилъ

древній, писанный почеркомъ XVII столѣтія, находится въ записной книгѣ Петра Яблонскаго (въ каталогѣ рукописей № 6). Эта записная книга содержитъ 19 раз-
личныхъ статей, по большей части ученыхъ трактатовъ и историческихъ повѣствованій,
переведенныхъ изъ языковъ: латинскаго, русскаго, италіанскаго и венгерскаго на польскій;
въ томъ числѣ находится и «Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи». Другой вариантъ перевода
находится въ рукописи, помѣченной въ каталогѣ номеромъ 967; это небольшая рукопись in quarto,
состоящая изъ восьми лѣтковъ; она содержитъ только одну статью—именно: переводъ указанной нами
брошюры. Рукопись эта писана почеркомъ начала XVIII столѣтія и представляетъ переводъ
того-же италіанскаго текста, только болѣе поздній и менѣе удачный. Нашъ переводъ
сдѣланъ по варианту, помѣщенному въ записной книгѣ Яблонскаго.—В. А.

ему должность эконома, поручивъ ему завѣдывать съѣстными припасами, назначенными какъ для его личнаго стола, такъ и для прѣдвольствія турецкихъ солдатъ и невольниковъ; турки поэтому не наблюдали надъ поведеніемъ Микулы, онъ во всякое время расхаживалъ безъ цѣпей по галерѣ, и только на ночь на него налагали оковы. Пользуясь своимъ положеніемъ, Микула припряталъ мѣшокъ съ порохомъ, котораго собралось до 40 фунтовъ, положивъ его среди мѣшковъ съ сухарями, гдѣ, по милости Божьей, его не замѣтили ни шпіоны, ни сторожа турецкіе. Въ ноябрѣ галера, совместно съ шестью другими, снялась съ якоря и приплыла въ Царьградъ; изъ одной галеры успѣлъ убѣжать невольникъ грекъ и донесъ султану, что, не смотря на его указы и распоряженія, обезпечившія безопасность грековъ, Анти-паша захватилъ въ плѣнъ на свою галеру 40 человекъ изъ этого народа. Султанъ сдѣлалъ выговоръ Анти-пашѣ и приказалъ ему отпустить грековъ на волю. Но паша не желалъ исполнить этого приказанія и потому 9 ноября, наканунѣ св. Мартина, онъ въ полночь снялся съ якоря, выпустилъ всѣ паруса и отправился въ путь; остальные шесть галеръ получили приказаніе на другой день слѣдовать за нимъ въ Наполи ди Романія, гдѣ паша предполагалъ провести зиму и вести выгодныя торговля сдѣлки съ купцами этого города. Когда галера достигла Бѣлаго (Мраморнаго) моря въ двухъ миляхъ отъ Царьграда, капитанъ (сотникъ?) Иванъ Симоновичъ и его товарищи русины сочли, что имъ представился случай освободиться изъ плѣна раньше, чѣмъ они надѣялись; они рѣшили ускорить исполненіе своего предпріятія, пока ихъ не настигнутъ остальные шесть галеръ. Переговоривши быстро между собою, они приготовились: каждый изъ нихъ запасся камнемъ, лопатою или топоромъ, нѣкоторые-же принесли сабли и спрятали ихъ между скамьями; сабли эти въ ту ночь роздалъ имъ юноша, по имени Сицивестръ изъ Ливорно, котораго и султанъ и Анти-паша считали искреннимъ и убѣжденнымъ ренегатомъ, между тѣмъ какъ онъ оставался въ тайнѣ христіаниномъ и состоялъ искреннимъ пособникомъ заговора. Юноша этотъ при наступленіи ночи улегся среди турецкихъ солдатъ и притворился спящимъ. Между тѣмъ капитанъ Симоновичъ, который былъ прикованъ цѣпью къ первой скамьѣ, сталъ фитилемъ поджигать порохъ, лежа подъ скамьею, одинъ-же изъ товарищей старался закрыть его собою;

порохъ этотъ былъ подложенъ подъ доски въ задней части галеры, подъ то помѣщеніе, гдѣ почевалъ самъ Анти-паша и съ нимъ 37 солдатъ турецкихъ. Шесть солдатъ были разставлены на ночь на галерѣ въ качествѣ часовыхъ; они замѣтили, что у капитана блестятъ въ рукахъ огонь и окликнули его, спрашивая, что онъ дѣлаетъ? Симоновичъ отвѣтилъ, что онъ курить трубку; турки удовлетворились этимъ отвѣтомъ и успокоились. Къ несчастью порохъ оказался отсырѣвшимъ и, не смотря на двукратную попытку, не вспыхнулъ; замѣтивъ это Сильвестръ, лежавшій среди турецкихъ солдатъ, незамѣтно проползъ по галерѣ и принесъ русскому капитану горящихъ углей, завернутыхъ въ тряпку; послѣдній бросилъ уголья внизъ въ то мѣсто, гдѣ былъ заложенъ порохъ; наконецъ послѣдовалъ взрывъ, хотя менѣе сильный, чѣмъ ожидали, по причинѣ порчи пороха отъ сырости; отъ взрыва тѣмъ не менѣе влетѣли на воздухъ 28 турокъ и загорѣлись каюты и паруса; огонь сталъ осмѣять остальныхъ турокъ, которые принуждены были полуживые бросаться частью въ море, частью среди русиновъ невольниковъ. Среди смятенія и криковъ, поднявшихся влѣдствіе взрыва и пожара, проснулся въ тревогѣ Анти-паша Маріоли; онъ выбѣжалъ на палубу исполненный ярости, сталъ громко браниться и кричать: „ахъ, вы христіанскія собаки! не трогаться съ мѣста, измѣнники! сидѣть смиренно!“ Но русины храбро схватили камни, сабли и другое оружіе и бросились на турокъ съ крикомъ: „вотъ, вотъ, сейчасъ овладѣемъ галерою!“ Въ это время капитанъ Симоновичъ схватилъ саблю, напалъ съ неотражимою отвагою на пашу и нанесъ ему смертельный ударъ со словами: „не сносить тебѣ головы, проклятая собака!“ Затѣмъ онъ бросился вмѣстѣ съ товарищами на другихъ турокъ. Вся задняя часть галеры покрыта была оторванными членами и отсѣченными, облитыми кровью головами, которыя русины сбрасывали въ море. По счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ, турки не могли пустять въ дѣло луковъ, ибо тетивы ихъ были уничтожены горящими углями, падавшими изъ плавающихъ каютъ, такъ что только два или три лука осталось годными къ употребленію. Изъ нихъ двумя стрѣлами раненъ былъ въ туловище и въ руку капитанъ Симоновичъ; затѣмъ онъ подвергся большой опасности, ибо одинъ старый, крѣпкій турецкій солдатъ бросился на него съ желаніемъ доконать его, но товарищи пришли ему на

помощь во время; турокъ храбро и упорно сражался съ дьявольскою неукротимостью; долго русины не могли его одолѣть, пока наконецъ не пронзили его копьемъ; онъ палъ съ страшнымъ пронзительнымъ крикомъ.

Послѣ продолжительной схватки невольники съ Божіею помощью одержали полную побѣду; они немедленно стали разбивать свои оковы съ большимъ грохотомъ и, вслѣдъ затѣмъ бросились къ канатамъ, желая распусить паруса, но при этомъ почувствовали необычную тяжесть; осмотрѣвъ паруса, они увидѣли, что многіе турки укрылись туда, пользуясь смятеніемъ; послѣдніе просили о помилованіи, и невольники согласились подарить имъ жизнь и объявили ихъ плѣнниками. Другіе турки бросились въ море изъ-за спасенія жизни, а человекъ 8 или 10, въ томъ числѣ и сынъ Антипашы, спрыгнули въ плюнку; изъ галеры видно было, какъ лодка эта, полузалитая водою, кружилась по морю; весьма вѣроятно, что она потонула.

Освободившихся невольниковъ на этой галерѣ оказалось болѣе 250; все это были отборные, молодые и храбрые христіанскіе воины. Лишь только кончилась битва и водворился порядокъ, тотчасъ всѣ бросились къ весламъ и стали грести со всѣхъ силъ; они быстро помчались по морю, тѣмъ болѣе, что дулъ попутный вѣтеръ. Они непрерывно работали веслами и плыли въ теченіи семи дней по направленію къ Калабріи, намѣреваясь пристать къ гавани въ Чивита-Веккии, портъ Орвіетской области, тамъ высадиться, поклониться святымъ въ Римѣ и оставить галеру въ подарокъ святѣйшему папѣ Урбану VIII. Во время пути случилось, что галера встрѣтила фелюку турецкую, въ которой плыли семь человекъ турокъ; послѣдніе, увидѣвъ одну изъ своихъ галеръ, приблизились къ ней, спрашивая, нѣтъ-ли на пути христіанскихъ кораблей? Одинъ изъ русиновъ, выдавая себя за турецкаго начальника, отвѣтилъ имъ, что кораблей христіанскихъ въ морѣ нѣтъ, и ласково пригласилъ ихъ къ себѣ, предложивъ угощеніе. Но когда они взошли на галеру, то русины разразились громкимъ хохотомъ, турки-же съ крайнею грустью увидѣли себя неожиданно въ плѣну. Въ восьмой день плаванія поднялась страшная буря; она поломала 17 веселъ и раздробила руль галеры; вслѣдствіе этого бѣглецы должны были сократить путь, они пристали къ берегу въ гавани Мессинѣ, гдѣ и по

ный находится упомянутая галера со всеми взятыми на ней богатствами, которые будут исчислены ниже.

Достоин замѣчанія то обстоятельство, что въ горячей схваткѣ съ турками убитъ былъ только одинъ русинъ и ранено до 20 человекъ; притомъ нѣсколько человекъ сидѣвшихъ въ той сторонѣ, гдѣ произошелъ взрывъ, получили обжоги.

Въ добычу освободившимся невольникамъ поступили плѣнники: 34 турка, 2 турчанки, 3 мальчика, два негра и 4 богатые купцы евреи, предложившіе 10,000 скудовъ (талеровъ) выкупа. Сама галера, принадлежавшая къ царградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она вся была вызолочена, снабжена 15 прекрасными парусами различной величины, 8 большими канатами, 12 якорями, 7 большими пушками, 12 меньшими мѣдными. Кромѣ того на ней оказалось: 250 мушкетовъ, большой запасъ сабель, изъ которыхъ болѣе 20 были обдѣланы въ золото и серебро; два полные прибора лошадиной сбруи съ сѣдлами, позолоченные, отдѣланные серебромъ и украшенные жемчугомъ и дорогими камнями въ прекрасной оправѣ; одна золотая булава, украшенная также дорогими камнями; 20 пурпурныхъ кафтановъ на соболяхъ, 20 одѣлъ изъ златолава, 40 кинжаловъ съ серебряными рукоятками, украшенными драгоценными камнями; цѣльный рогъ единорога ¹⁾—предметъ весьма рѣдкій и цѣнный; 8,000 талеровъ, 600 венгерскихъ червонцевъ, обѣмковъ серебра вѣсомъ на 300 талеровъ; 60 мѣшковъ пшеницы и множество другой живности; 20 прекрасныхъ и богатыхъ знаменъ и множество богатаго и тонкаго бѣлья; по два полные мундирные костюма для 250 солдатъ; 15 прекрасныхъ ковровъ, каждый цѣною въ 150 скудовъ; 250 деревянныхъ брусковъ и 150 большихъ желѣзныхъ полосъ, предназначенныхъ для постройки новой галеры; множество свертковъ дамасской ткани и другихъ предметовъ торговли.

Въ приведенномъ разсказѣ нельзя не видѣть очень многихъ мѣстъ совершенно сходныхъ съ разсказомъ думы, и не будетъ казаться слишкомъ смѣлымъ предположить, что именно этотъ случай

¹⁾ Въ XVI и XVII столѣтіяхъ рогомъ воображаемаго звѣря единорога считали зубъ китобразнаго животнаго—нарвала (*Monodon Monoceros*).

и подалъ поводъ къ сложенію думъ о Кошкѣ. Возвратившіеся изъ плѣна вмѣстѣ съ героемъ италіанскаго сказанія Симоновичемъ конечно разсказывали объ этомъ событіи; разсказъ переходилъ отъ однихъ къ другимъ, съ мѣста на мѣсто, быть можетъ отъ одного поколѣнія къ другому, личность и имя малоизвѣстнаго Симоновича забыты, а въ тоже время жила въ памяти народной личность героя Самуила Кошки, и ничего пѣтъ удивительнаго, если съ теченіемъ времени разсказъ о забытомъ Симоновичѣ пріуроченъ къ долго памятнаму Самуилу Кошкѣ, также бывшему въ плѣну, но умершему и погребенному на родинѣ. Въ общемъ фактъ остался тотъ-же, но дополненъ фантазіей; а, можетъ быть, и еще какими нибудь невѣдомыми намъ историческими случаями, бывшими съ другими лицами, и такимъ образомъ, до извѣстной степени пересоздался. Но, не смотря на такое пересозданіе, все-таки можно видѣть много такихъ рѣзкихъ особенностей въ думѣ, которыя сами напрашиваются на сопоставленіе съ разсказомъ брошюры. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наиболѣе характерны въ данномъ случаѣ русинъ Микула, въ брошюрѣ, и Ляхъ-Бутурлакъ—въ думѣ. Микула оказывается какъ-бы русскимъ ренегатомъ, но такимъ, который, занимая мѣсто эконома на галерѣ и пользуясь довѣріемъ турокъ, остается втайнѣ вѣрнымъ христіанской религіи; онъ-то главнымъ образомъ, въ сообществѣ съ Сильвестромъ изъ Ливорно, другимъ ренегатомъ, даетъ возможность невольникамъ освободиться изъ плѣна. Въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ мы тоже видимъ ренегата въ лицѣ Ляха-Бутурлака; по варианту, записанному Луканевичемъ, онъ представляется *колеблющимся*, какъ справедливо замѣчаютъ издатели историческихъ пѣсенъ; онъ не помогаетъ освобожденію невольниковъ, и только когда уже фактъ совершился, становится помощникомъ ихъ въ дальнѣйшемъ путешествіи. Но такое изображеніе Ляха-Бутурлака могло быть результатомъ желанія неизвѣстнаго народнаго художника подвести личность его подъ обыкновенный типъ ренегатовъ, отличавшихся по большей части жестокостью, каковымъ въ думѣ „Плачь невольниковъ на турецкой каторгѣ“ представленъ „баша турецкій, бусурманскій, недовірокъ христіанскій“. Такимъ же путемъ пересозданъ въ одномъ изъ вариантовъ думы и сочувствовавшій невольникамъ Микула, сохранивъ однако и здѣсь черты *колеблющагося*; за

то въ другомъ вариантѣ той же думы, записанномъ Горленкомъ, и который по многимъ чертамъ мы считаемъ болѣе древнимъ, превращенный въ Ляхъ-Бутурлака Микула рисуется не колеблющимся, а прямо лицомъбрящимъ предъ турками; тутъ между Микулою и Ляхомъ-Бутурлакомъ полное сходство; послѣдній, какъ и первый, состоитъ также завѣдующимъ на галерѣ провизіей и является прямо сочувствующимъ невольникамъ, отдавая имъ ключи отъ оковъ и съѣвша немедленно покончить съ турецкимъ пашей. Различіе въ ихъ названіяхъ только кажущееся: Микула могло быть собственнымъ и дѣйствительнымъ именемъ, а названіе Ляхъ-Бутурлакъ могло быть и приложено къ нему и замѣнять его, такъ какъ, очевидно, оно не личное историческое, а типическое, и, по справедливому толкованію г. Кулиша ¹⁾, произошло вслѣдствіе передѣлки слова *потурнакъ*, стараго названія потурчившихся ренегатовъ.

Другимъ такимъ же сходнымъ мѣстомъ въ думѣ и брошюрѣ является рассказъ о томъ, какъ обмануты были турки, выѣхавшіе на встрѣчу галерѣ. Въ брошюрѣ мы видимъ, что при встрѣчѣ съ турецкой фелюкой, одинъ русинъ, выдавая себя за турецкаго начальника, пригласилъ турокъ на галеру, гдѣ они и очутились плѣнниками; въ думѣ, въ обоихъ вариантахъ, говорится о подобномъ-же обманѣ, при чемъ эту роль исполняетъ Ляхъ-Бутурлакъ, который

Самъ на чердакъ выступаю,
Турецкимъ бѣленькимъ завиваюмъ лагавъ;
Разъ-то мовить по-турецьки,
У друге по-турецьки.

Что этотъ въ основѣ одинаковый фактъ явился въ частностяхъ различающимся, объяснить не трудно народнымъ желаніемъ пересоздать нѣсколько самый фактъ по типу случившихся фактовъ. Вѣгство изъ турецкой неволи сопровождалось частыми преслѣдованіями и препятствіями на пути со стороны турокъ: вотъ почему дума, по моему мнѣнію, измѣнила нѣсколько случай, рассказанный въ брошюрѣ, гдѣ рисуется случайная встрѣча съ турецкой фелюкой, и создала типическія подробности о томъ, какъ невольники, „мная турецькіи калавуры“—по Крюковскому, или проѣзжая мимо города

¹⁾ Кулишъ. Матеріалы, т. I, стр. 104.

Цареграда—по Лукашевичу, избавились, благодаря хитрости, от угрожавшей опасности.

Личность Анти-паши въ итальянскомъ разсказѣ и личность Алкана-паши въ думѣ (котораго варіантъ Крюковского не называетъ) очень легко могутъ быть сопоставлены, если принять во вниманіе естественное искаженіе имени. Что касается разсказа думы, который изображаетъ Алкана-пану пирующимъ въ Козловѣ у „дівчинны Санжаківни“, т. е. у дочери козловскаго губернатора, то весьма возможно, что подобный фактъ былъ съ кѣмъ нибудь изъ папеш и только приуроченъ къ данному случаю, а можетъ быть и просто дорисованъ фантазіей, чтобы объяснить причину оплошности турокъ. Типъ, подобный Санжаківни, хотя и не изъ часто встрѣчавшихся, но по указаніямъ издателей историческихъ пѣсенъ вполне возможенъ¹⁾. Нельзя не обратить вниманія и на то, что „дівка Санжаківна“ приурочена въ думѣ къ г. Козлову, а въ пѣснѣ объ Иванѣ Богуславцѣ рисуется очень свободно держащей себя „пані Кізлевская“, т. е. жена важнаго сивовника въ Козловѣ. Вѣроятно, былъ какой-нибудь подобный фактъ въ Козловѣ, и съ тѣхъ поръ козловскія мусульманки стали въ думахъ играть роль типическихъ самовольныхъ женщинъ.

Къ указаннымъ выше сходнымъ чертамъ нельзя не прибавить и еще одной—сходства въ описаніи галеры въ думѣ и брошюрѣ. Дума такъ описываетъ убранство галеры:

*Выступала шхера,
Трѣма цвітами процвітала, малѣвана.
Ой першимъ цвітомъ процвітала—
Златоснитими кидяками побивана,
А другимъ цвітомъ процвітала—
Гарматами арештована,
Третимъ цвітомъ процвітала—
Турецькою білою шобою покровена.*

Сверхъ того, въ концѣ думы разсказывается, что возвратившіеся на родину невольники производили дѣлежъ богатой добычи, захваченной на этой галерѣ. Однимъ словомъ, изъ думы ясно видно, что это была одна изъ самыхъ парадныхъ и богатыхъ галеръ ту-

¹⁾ Историч. пѣсни, т. I, стр. 226 и 244.

рецихъ. Описаніе галеры въ упомянутой брошюрѣ только можетъ подтвердить предположеніе, что этотъ случай съ Симоновичемъ далъ главныя черты для разсказа въ думѣ. „Сама галера, говоритъ авторъ брошюры, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она была вся вызолочена, снабжена прекрасными парусами, 7 большими пушками и 12 меньшими мѣдными“ и т. д. Конечно, описаніе галеры въ думѣ могло явиться просто какъ результатъ знакомства разсказчиковъ съ устройствомъ и убранствомъ галеръ парадныхъ вообще, но если мы имѣемъ въ этомъ случаѣ еще одно прибавочное совпаденіе къ цѣлому ряду другихъ, то это только можетъ подкрѣпить мое основное предположеніе о томъ, каковыя путемъ призошла дума о Самуилѣ Кошкѣ.

И такъ, исходя изъ того положенія, что народно-эпическія произведенія въ основѣ своей непременно должны имѣть дѣйствительный фактъ, можетъ быть только своеобразно понятый и переданный, и не находя въ исторіи всѣхъ тѣхъ данныхъ о Самуилѣ Кошкѣ, которыя отражаются въ думѣ, мы можемъ прийти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Иліяніе Самуила Кошки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII в., около 1620 г., фактъ-же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ, и это ведетъ къ предположенію, что такого факта вовсе не было.

2) Въ народѣ ходили толки о иліиѣ Самуила Кошки, которые, можетъ быть, облеклись даже въ ильсенную формулу, впоследствии совершенно утратившую свой первоначальный видъ.

3) Возвратившіеся вмѣстѣ съ Симоновичемъ изъ плѣна разсказывали о подробностяхъ своего освобожденія, при чемъ разсказы эти съ теченіемъ времени приурочены къ народному герою Самуилу Кошкѣ, о которомъ существовалъ уже раньше рядъ сказаній.

4) Въ такомъ видѣ преданія эти, видоизмѣняясь и пополняясь новыми подробностями, то какъ обще-типическими приемами пѣвцовъ, то какъ заимствованіями отъ другихъ фактовъ однородныхъ, распространились въ цѣлую думу, которая въ болѣе цѣльномъ видѣ записана была г. Лукашевичемъ въ 30-хъ годахъ, а въ обрывкахъ, свидѣтельствующихъ о существованіи и другихъ вариантовъ ея, сохранилась и донынѣ въ памяти народной, какъ удостовѣряетъ вариантъ записанный г. Герленкомъ.

В. Науменко.

Бѣгле и крѣпостные въ Черноморіи.

Южно-русскія окраины по справедливости могутъ быть названы своего рода историческимъ приютомъ для людей не мирившихся съ тяжелою экономическою долею и вольнолюбивыхъ. Тутъ, какъ извѣстно, образовалась Запорожская Сѣчь и донское войско, долго служившія потомъ мѣстами убѣжища для разнаго рода бѣглецовъ отъ панской неволи и гнетущихъ жизненныхъ условій. Таковую-же роль играли отчасти и новороссійскій край. Херсонская губернія и теперь еще извѣстна у народа подъ именемъ „невинчанной губерніи“, т. е. губерніи населенной людьми вольнобрачными, вступавшими въ брачный союзъ безъ церковнаго обряда, за отсутствіемъ метрикъ и официальныхъ указавій на личность, безъ чего, какъ извѣстно, помы не „винчаютъ“. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія была образована Черноморія, сѣверо-западная часть нынѣшней кубанской области, то и въ этотъ, до сихъ поръ идеально желательный для южно-русскаго переселенца, уголокъ ушло не мало бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь козацкой воли, свободныхъ земель и хозяйственнаго простора.

Притокъ въ Черноморію бѣглыхъ элементовъ начался одновременно съ заселеніемъ края. И это вполне понятно. Черноморія оказалась наследницею Запорожья, а Запорожье было роднымъ и законнымъ дѣтищемъ такихъ элементовъ. Бѣгле потянули, стало быть, въ Черноморію въ силу обычая, историческихъ прецедентовъ. Фактъ и обычай были на столько заразительны въ этомъ отношеніи, что, какъ увидимъ ниже, даже официальные документы не могли освободиться отъ смягчающаго вліянія ихъ на вопросъ о бѣглецахъ. Да иначе и не могло быть. Сами соціальныя условія способствовали тому. То было время, когда грубая сила и произволъ пана-помѣщика

часто не имѣли никакихъ границъ и когда самымъ дѣйствительнымъ протестомъ противъ насилія служилъ именно побѣгъ. Такъ представители черноморскаго войска, оставленные въ Екатеринославѣ въ качествѣ депутатовъ для защиты интересовъ переселенцевъ въ Черноморію, жаловались въ 1796 г. таврическому губернатору Жегулину, что „козаковъ изъ бывшихъ запорожцевъ многіе помѣщики отдають въ рекруты, отрѣзываютъ чуприны, бьютъ безчеловѣчно, отправляютъ въ тюрьмы, не смотря ни на какія ихъ (козаковъ) доказательства“, и что за одно съ помѣщиками дѣйствовали и земскія начальства. Изъ той-же жалобы видно, что помѣщики новомосковского уѣзда секундъ-майоръ Куличенко просто убилъ козака каневского куреня Кирилла Вапшаченка ¹⁾. Если такимъ образомъ поступали съ вольными козаками, то что-же приходилось выносить подневольнымъ людямъ? Естественно, что побѣги были самымъ естественнымъ отвѣтомъ на все то, что ложилось на спину этого безправнаго люда.

На первыхъ порахъ заселенія Черноморіи возникла довольно интересная переписка между войскомъ, съ одной стороны, и гражданскими властями екатеринославскаго намѣстничества, которому было подчинено черноморское войско, съ другой. Войсковая администрація жаловалась на то, что помѣщики не выпускали въ Черноморію людей, принадлежавшихъ войску; гражданскія власти требовали формальныхъ доказательствъ такой принадлежности, такъ какъ въ число переселенцевъ въ Черноморію попадали люди, не принадлежавшіе войску. Обѣ стороны были конечно правы по своему, но центръ тяжести, очевидно, лежалъ въ томъ обстоятельстве, что крѣпостные дѣйствительно бѣгали въ Черноморію. Этому отчасти способствовали и представители войска. Относительно войскаго судьи Антона Головатаго извѣстно, что онъ выдавалъ за своею подписью, подъ вымышленными фамиліями, паспорта крѣпостнымъ людямъ для переселенія въ Черноморію ²⁾. Ему помогали въ этомъ отношеніи священникъ села Очеретовскаго, новомосковского уѣзда, Емельянъ Марковъ и мѣст. Новоселицы Романъ Порохня. Въ 1794 г. довѣренный генераль-прокурора Самойлова Чер-

¹⁾ «Матеріалы для истор. колон. стѣв. Кавказа», Бентковскаго, стр. 23.

²⁾ Тамъ-же, стр. 26—30.

нявсѣй жаловался таврическому губернатору на то, что хорунжій черноморскаго войска Семепъ Бурносъ, „пріѣхавши съ командою, ночью разставя вездѣ караулы, взялъ съ собою на Тамань изъ слободы Князь-Григорьевки (теперь въ дѣвировскомъ уѣздѣ, таврической губерніи) принисанныхъ въ той слободѣ въ подданство 26 семей и просилъ отыскать ихъ, а съ хорунжимъ Бурносомъ „поступить по законамъ“¹⁾). Но главная пружина, двигавшая крѣпостныхъ, лежала конечно не въ поворствѣ черноморскаго войска бѣглецадъ, а въ общихъ социальныхъ условіяхъ того времени. Большинство крѣпостныхъ бѣгало по собственному желанію и почину, а Черноморія служила только однимъ изъ удобныхъ мѣстъ для такихъ побѣговъ. Такъ видимо смотрѣло на дѣло и само правительство, ограничиваемъ общими постановленіями на этотъ счетъ.

Уже въ грамотѣ 1 іюля 1792 г. говорится, что, во время прохода на пожалованную землю, войско черноморское „да возбранить у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ россійскихъ, какъ тогда, такъ и впредь по самовольному оставленіи жилищъ своихъ къ оному являющихся“²⁾). Если принять во вниманіе то соображеніе, что приведенныя слова грамоты служатъ отвѣтомъ на прошеніе войска о „совмѣстномъ поселеніи“ тѣхъ изъ его членовъ, которые „неподлежаще присвоены помѣщиками въ подданство“ и которыхъ могло-бы „собраться самаго мужскаго пола на двадцать пять тысячъ“³⁾), то не трудно конечно понять, почему правительство внесло въ законодательный актъ такую общую оговорку о непріемѣ въ войско бѣглецовъ. Это была обычная дань времени въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ. Впослѣдствіи и правительство, и войско не разъ прибѣгало къ этому мало успокоивавшему отводу глазъ отъ дѣйствительности. Такъ въ грамотѣ Александра I, данной 31 мая 1803 г., выражается надежда, что войско „не позволить себѣ принимать изъ внутри Россіи никакихъ людей, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, ибо подобныя переходы противны общему порядку и благоустройству государства“⁴⁾). Съ своей стороны, и войско не-

¹⁾ «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бентковскаго, стр. 30.

²⁾ «Черноморцы», Короленко. Прилож. XXII, стр. 23.

³⁾ Тамъ-же, прил. XVIII, стр. 22.

⁴⁾ Тамъ-же, прил. 13, стр. 61 и 62.

однократно дѣлало постановленія въ томъ-же духѣ. Такъ, въ „Инструкціи черноморскаго правительства окружнымъ правленіямъ“ 1794 г., въ пунктѣ 6-мъ говорится: „окружное правленіе бдѣніе имѣть, чтобы въ округѣ никто бѣглыхъ людей не принималъ, не держалъ и не укрывалъ“¹⁾. Отбирались даже подписки отъ куренныхъ обществъ о непріемѣ бѣглецовъ въ свою среду. Все, разумѣется, терпѣла бумага.

Но между такими, звучавшими вынужденнымъ формализмомъ, постановленіями и практикою всегда лежала значительная пропасть. Вотъ характерный фактъ въ этомъ отношеніи. 6 іюля 1793 г. войсковая администрація рапортомъ своимъ доносила таврическому губернатору, что въ Черноморіи „малороссійской породы люди, войску черноморскому не принадлежащіе, шатаются нѣкоторые съ женами и дѣтьми тайнымъ образомъ на войсковой землѣ по не-пріему, украдаясь промежду войсковыми жителями, подъ видомъ польскихъ выходцевъ, скрываются“. Хотя, поясняетъ рапортъ, войсковымъ старшинамъ и козакамъ и извѣстно, что такихъ шатающихся и прячущихся людей нельзя держать, но старшины и козаки такъ заняты „домостроительствомъ и хлѣбопашествомъ“, что положительно не имѣютъ времени „пересматривать постороннихъ людей“. Что-же касается присылаемыхъ въ войско сообщений „съ именами, прозваніями и примѣтами“ бѣглыхъ, то по этимъ указаніямъ нельзя отыскать людей, „бѣжавшихъ отъ разныхъ російскихъ помѣщиковъ“, потому что „таковые бѣглецы промежъ войсковыми жителями скрываются перемежною именъ и прозваній“. Эти нехитрые объясненія въ рапортѣ заключаются довольно ловкимъ предложеніемъ: „не можно-ли итцамъ для опознанія своихъ людей присылать повѣренныхъ съ письменными доказательствами“ въ Черноморію?²⁾

Посылали-ли „истцы“, т. е. помѣщики, своихъ довѣренныхъ въ Черноморію, не извѣстно, но послѣдующія оффиціальныя данныя указываютъ, что послыки эти могли сводиться ни къ чему въ практическомъ отношеніи. Черноморія дѣлала на столько гостепрійный приемъ Иванамъ, непомнящимъ родства, что отыскать ихъ было

¹⁾ «Черноморцы», Короленко. Прил. XXVII, стр. 39.

²⁾ Вентковскій, «Матеріалы» п пр., стр. 2.

трудно, а возвратить на родину еще труднѣе, чтобы не сказать невозможно. Да и какъ иначе могло относиться черноморское войско, когда въ основѣ и его возникновенія, и существованія Запорожской Сѣчи лежалъ постоянный притокъ бѣглецовъ? Въ сущности, когда Потемкинъ-Таврическій „препоручилъ Сидору Бѣлому и Антону Головатому собрать охотниковъ, и конныхъ и пѣшихъ, для лодокъ, изъ служившихъ въ бывшей Сѣчи Запорожской козаковъ“¹⁾, или когда тотъ-же Потемкинъ-Таврическій дозволилъ Захарію Чепегѣ „набрать охотниковъ изъ свободныхъ людей“²⁾, давался широкій просторъ для пріема въ число охотниковъ бѣглыхъ людей. Кто не могъ въ то время быть запорожскимъ козакомъ и какою бѣглець былъ на столько глупъ, чтобы не выдать себя за свободнаго человѣка? Съ другой стороны, и тогдашніе всемогущіе помещики, населяя свои обширныя помѣстья въ новороссійскомъ краѣ, не владѣли охотки на руку и, умысленно не отличая своего отъ чужаго, всѣхъ старались зачислить къ себѣ въ подданство“. Недаромъ въ послѣдствіи наказный атаманъ черноморскаго войска Г. Г. Котляревскій, въ своемъ докладѣ о нуждахъ войска императору Павлу, жаловался, что въ „новороссійской губерніи“ осталось много поженившихся козаковъ бывшаго Запорожья, именно: во Второмъ Кодакѣ, въ Голой Камянкѣ, Половицахъ, Новомъ Кодакѣ, Таранскомъ, Сухачевкѣ, Карнауховкѣ, Третузномъ, Камянскомъ, Романьвовомъ, Жовтой, Зеленой, Петровкѣ, Куцовкѣ, Вельможей, Московкѣ, Богородичномъ, Камянкѣ, Сокольскомъ, Бригадировкѣ, Ревуловкѣ, Пацьковкѣ, Шульговкѣ, Новосельцахъ, Петриковкѣ, Галушковкѣ, Сѣрковкѣ, Продавовкѣ, Лизновой, Цеглянкѣ, Бабенковкѣ, Половещанахъ, Могилевкѣ, Бабайковой, Гуцаловкѣ, Котовкѣ, Козарицкѣ, Перецелиной, Барвинковомъ Степкѣ и Камыпеватой, что, изъ числа жившихъ въ этихъ 42 селеніяхъ, „нѣкоторыя уже переселены въ другія той губерніи мѣста“ и что „сверхъ вышеписанныхъ селеній, по упраздненіи бывшей Сѣчи Запорожской, въ той-же губерніи поселены изъ запорожцевъ цѣлыя города, селенія и помѣщичьи слободы“³⁾. Очевидно, что это была не пустая жалоба, какъ-бы тамъ она ни была преувеличена.

¹⁾ Короленко, прил. 1, стр. 1.

²⁾ Тамъ-же, прил. 11, стр. 2.

³⁾ Тамъ-же, прил. 5, стр. 53.

Однимъ словомъ, благодаря царившей въ то время путаницѣ въ вопросѣ о свободныхъ людяхъ, бѣглецахъ и бывшихъ запорожцахъ, на всякій спорный фактъ можно было смотрѣть и съ точки зрѣнія деспота-помѣщика, и съ точки зрѣнія войска-колонизатора. Каждая сторона считала себя правой, но на сторонѣ помѣщиковъ была грубая сила, а на сторонѣ войска симпатія народа. Понятно, на чью сторону должны были склониться въ концѣ концовъ вѣсы; понятно также, что и черноморское войско не могло ни индифферентно, ни тѣмъ болѣе съ отпоромъ отважиться „къ умноженію своихъ людей“ приѣмомъ въ казачью среду разнаго рода бѣглецовъ.

Зная такой грѣхъ за черноморцами, само центральное правительство видимо сквозь пальцы смотрѣло на желанія войска увеличить свое народонаселеніе контрабанднымъ путемъ. Въ 1808 г. тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, въ докладѣ Александру I-му о необходимости переселенія въ Черноморію 25 тысячъ козаковъ изъ малороссійскихъ губерній, въ числѣ мотивовъ приводитъ между прочимъ то соображеніе, что переселеніе это могло бы парализовать приливъ въ Черноморію бѣглыхъ людей. По свидѣтельству этого министра, Черноморія оцущала сильную убыль въ людяхъ, благодаря непріязненнымъ отношеніямъ къ козачеству кавказскихъ горцевъ. Чтобы пополнить, поэтому, убыль въ населеніи, войско „принужденнымъ себя находило прибѣгать къ средствамъ, какія прежде были употребляемы, то есть, къ склоненію изъ разныхъ мѣстъ полуденнаго края Малороссіи людей всякаго званія къ побѣгу въ ихъ сословіе“¹⁾. Такимъ образомъ, обычный по тому времени грѣхъ совращенія крѣпостныхъ въ особую вину войску министромъ не ставился—войско вынуждено было. Въ министерскихъ правилахъ о переселеніи было только постановлено не принимать къ поселенію „таковыхъ, кои не будутъ имѣть надлежащихъ для того отъ малороссійскаго генераль-губернаторства свидѣтельствъ“, пересылая ихъ обратно чрезъ земскую полицію на прежнее мѣстожителство. „Мѣра сія, объясняется въ докладѣ, болѣе всего приѣмлется на тотъ конецъ, чтобы, подъ предлогомъ дозволеннаго переселенія козакамъ, не могли воспользоваться симъ и помѣщичьи крестьяне и наипаче бѣглые разнаго рода люди“²⁾. Само собою

¹⁾ Бельковскій, «Матеріалы» я пр., стр. 60.

²⁾ Тамъ-же, стр. 64 я 65.

понятно также, что „мѣра сія“ не удерживала ни бѣглыхъ отъ желанія уходить „въ казаки, въ Черноморію“, ни самихъ черноморцевъ отъ искупленія принимать въ свою среду бѣглецовъ. Когда въ 1820 г. правительствомъ вновь было рѣшено переселить 25 тысячъ душъ мужскаго пола изъ малороссійскихъ губерній, то одинъ изъ параграфовъ, заимствованныхъ изъ правилъ 1808 г., гласилъ о томъ, чтобы „войску не дозволять принимать другихъ поселятъ, кромѣ назначенныхъ въ спискахъ“¹⁾. Видно, практика далеко не согласовалась съ писанными правилами и постановленіями.

Но черноморцы не ограничивались одною пассивною ролью въ дѣлѣ водворенія на вновь колонизуемой землѣ бѣглыхъ элементовъ. Какъ показываютъ отмѣченные выше факты относительно войскового судьи Антона Головатого и хорунжаго Семена Бурноса, они сами являлись инициаторами въ этомъ дѣлѣ, не прочь были выдать при случаѣ фальшивый паспортъ или прибѣгнуть даже къ насилію. Этого мало. Когда черноморцы совсѣмъ переселились изъ-за Буга на новое мѣстожительство, то, все съ тою-же цѣлью привлеченія въ свою среду бѣглыхъ элементовъ, они завели даже на прежнихъ мѣстожительствахъ особыхъ агентовъ. Тотъ-же министръ Александра I, слова котораго мы привели выше, говоритъ между прочимъ объ этомъ: „съ изданіемъ указа, коимъ всѣ переходы поселянъ съ мѣста на мѣсто воспрещены, побѣги (крестьянъ) нѣкоторымъ образомъ прекратились, но со всѣмъ тѣмъ войско черноморское *посредствомъ своихъ повѣренныхъ* находило способы увлекать на землю свою людей тайно, что можетъ быть и донынѣ еще продолжается“; и оно, говорится далѣе, „по необходимости поступать на сію непозволешность, какъ-то и дѣйствительно полагать должно“. Такимъ образомъ, черноморское войско не только принимало и укрывало бѣглецовъ, но и само завлекало ихъ чрезъ повѣренныхъ.

Если теперь отъ официальныхъ документовъ мы перейдемъ въ области устнаго преданія и воспоминаній старожиловъ, то и здѣсь найдемъ не только подтвержденіе сказаннаго выше, но и нѣкоторыя разъясненія тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыми обуславливалось и поддерживалось на мѣстѣ, въ Черноморіи, разсматривае-

¹⁾ Бентковский, «Матеріалы» и пр., стр. 80.

мое явленіе. Черноморія прожила всего 90 лѣтъ, и вполнѣ естественно, что въ ней и теперь еще можно найти не мало людей когда-то, по остроумному выраженію малороссовъ, „накивавшихъ пятами“ на родину и еще больше такихъ, у которыхъ были бѣглецами отцы и дѣды. По общему говору народныхъ преданій, Черноморія въ разное время приняла и усыновила, какъ родныхъ дѣтей, достаточное количество людей, уходившихъ „изъ подъ пановъ“ и „отъ неволи“. Въ прежнее время, рассказываютъ старожилы, когда, бывало, „прибѣжить кто-нибудь изъ Россіи“ и когда Господь Богъ поможетъ ему благополучно переправиться черезъ рѣку Ейску²⁾, т. е. чрезъ р. Ею, служившую пограничною чертою Черноморіи со стороны Россіи, „то уже и бувъ свій чоловікъ“. Это, по рассказамъ, вошло даже въ обычай. Преслѣдовали бѣглеца только до р. Еи, и если онъ успѣвалъ перейти эту рѣчку прежде, чѣмъ нагоняла его погоня, то преслѣдовавшіе сами прекращали свое дальнѣйшее преслѣдованіе, на виду бѣглеца, „побачивши, що вінъ уже на козачій землі“.

Разъ бѣглець попадалъ въ Черноморію, онъ или сразу же здѣсь становился козакомъ, или находился нѣкоторое время въ переходномъ положеніи, служа въ качествѣ рабочей силы на хуторахъ, зпловникахъ и въ особенности „въ заброді“, т. е. въ рыболовныхъ ватагахъ. Надо волагать, что первый способъ усыновленія бѣглецовъ практиковался черноморцами на первыхъ порахъ заселенія края, а второй—впослѣдствіи. Такъ или иначе, но, по народному преданію, въ былое время въ Черноморіи многіе козаки во всякомъ случаѣ „выросли изъ падалицы“¹⁾; войско жало, не сѣявши, и всякіе бѣглецы считались не плевелами, а настоящею пшеницею. Мѣстная, ближайшая и самая побудительная причина такого воярда дѣль носила чисто экономическій характеръ. Черноморцы искони чувствовали настоятельную нужду въ рабочихъ рукахъ не только вслѣдствіе постоянной убыли въ мужскомъ населеніи, благодаря губительной войнѣ съ черкесами, но и по причинѣ непрерывнаго отвлеченія рабочихъ силъ этою войною и пограничною службою. Дома жили почти исключительно одни казачки да мало пригодные для труда старики и негодные къ службѣ „граж-

¹⁾ Повка, «Черномор. козаки», стр. 185.

дане“, т. е. лица, не могшія по физическимъ недостаткамъ выполнять военную службу. При такихъ условіяхъ всякій бѣглець цѣнился прежде всего, какъ рабочая сила. Если онъ былъ одинокъ, то шелъ въ забродъ, если же у него на прежней родинѣ оставалась семья, то въ такомъ случаѣ онъ „приставалъ“ къ какому-нибудь хозяину-хуторянину, наживалъ здѣсь добро въ видѣ „худобы“ и изыскивалъ средства къ тому, чтобы увести въ темную ночь отъ помѣщика и семью. Замѣчательно, что изъ лицъ этого втораго рода, предпочитавшихъ заброду хуторское хозяйство, вышли впоследствии богачи-хуторяне и даже паны. Черноморцы и въ настоящее время назовутъ вамъ еще такія фамиліи и расскажутъ, какъ такой-то за пару воловъ получилъ урядника, а такой-то за жеребца и нѣсколько кобылицъ—пана.

Недобрую память оставило по себѣ на этотъ счетъ панство. Въ бѣглыхъ оно видѣло прежде всего матеріалъ, годный для того, чтобы обзавестись на манеръ малороссійскихъ пановъ „подданствомъ“. Уже въ своемъ знаменитомъ „Порядкѣ общественной пользы“, письменномъ актѣ 1 января 1794 г., оно въ лицѣ войсковой старшины постановило, что „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселить дозволяется и опредѣлить имъ землю по прилагаемой штатной росписи“. Правда, оно тутъ же оговорило, что „старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, *кромя долговъ*, коими ежели кто будетъ обязанъ, *не имѣеть оми* вытѣти, дондеже долгъ хозяину возвратитъ“¹⁾. Последствія показали, куда гнуло панство. Имѣя въ виду захватить часть войсковыхъ земель въ вѣчно-спокойное владѣніе“, оно очевидно стремилось образовать изъ себя помѣстный классъ и обзавестись крѣпостными, какъ это велось на Дону. И дѣйствительно, изъ рескрипта Александра I на имя Ермолова видно, что въ 1820 г. генералъ Киселевъ доносилъ о томъ, „что нѣкоторые изъ чиновниковъ войска черноморскаго *учредили изъ земель оную частныя владѣнія и по-*

¹⁾ Короленко, Прил. XXVII, стр. 36.

сели на оныхъ крестьянъ“. „Предусматривая, говорится далѣе, что изъ сего произойти могутъ стѣсненія козаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія, предположено: сіе, несообразное съ существованіемъ войска черноморскаго и по единому послабленію допущенное установленіе уничтожить, крестьянъ же на войсковыхъ земляхъ поселенныхъ, коихъ чиновники ими владѣющіе не пожелаютъ перевести на земли, или въ имѣнія въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежація, обратить въ козаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе“. ¹⁾ Тѣмъ не менѣе прошло со времени изданія этого рескрипта около 8 лѣтъ, а никто, и даже самъ рьяный Ермоловъ, не думалъ приводить сго въ исполненіе. По собраннымъ, по распоряженію графа Паскевича, свѣдѣніямъ въ это время считалось по 7-й ревизіи 453 д. крѣпостныхъ, жившихъ у черноморскихъ пановъ въ качествѣ „дворовыхъ людей“, какъ политично поясняется въ доставленныхъ Паскевичу свѣдѣніяхъ. Впослѣдствіи эти крѣпостные были наконецъ зачислены въ козаки.

Съ своей стороны и бѣглецы были не такіе люди, чтобы, избавившись отъ помѣщичьей „пуги“ (кнута), добровольно поднасть подъ козацій „малахай“ (нагайку). Въ число бѣглыхъ всегда попадали самые крайніе протестанты и безъ нихъ, разумѣется, не могло обойтись дѣло и на Черноморіи. Выше мы сказали уже, что часть бѣглецовъ уходила въ забродъ. Тутъ часто скрывались самыя отчаянныя головы. Здѣсь и жизнь сложилась особеннымъ образомъ: для бѣглыхъ всегда были готовые притоны, содержались лавочные товары, съѣстные продукты и устраивались кабаки ²⁾. Тутъ даже въ наше время имѣютъ обыкновеніе скрываться безпаспортные. И вотъ изъ этихъ-то бѣглыхъ забродчиковъ, разнаго рода табунщиковъ и др. темныхъ личностей, ютившихся въ темныхъ уголкахъ Черноморіи, въ свое время и составлялись шайки бурлаковъ, гайдамакъ, которыя жестоко мстили панамъ и богачамъ. Это былъ слабый отблескъ южно-русскаго гайдамачества, и въ народѣ такъ и называли обыкновенно эти шайки грабителей гайдамаками. Архивные документы вѣроятно въ свое время освѣтятъ, подъ чьими-нибудь умѣлыми руками, это любопытное явленіе, если только такіе

¹⁾ Бентковский, «Матеріалы» и пр., стр. 91.

²⁾ Ф. Щербина. «Очерки южно-русскихъ артелей», стр. 192 и 193.

документы „не покрутили на цыгарки“ писаря и сторожа или не продали „на цудъ лавушникамъ“ для завертыванья мыла и салныхъ свѣчей своскорыстные „станичные правители“¹⁾. Вотъ что говорило между прочимъ въ пятидесятыхъ годахъ самое компетентное изъ лицъ писавшихъ о черноморцахъ по поводу затронутого явленія: „отъ времени до времени, на большихъ промежуткахъ, (здѣсь въ Черноморіи) вспыхнетъ застрывшая гдѣ нибудь въ глуши искра былого запорожскаго гайдамачества, и составитя шайка разбойниковъ. Укрываясь въ камышахъ и захолустьяхъ степныхъ балокъ, они нападаютъ на безнечные хутора, пекутъ растопленную сѣрю денежныхъ людей, чтобы исторгнуть у нихъ завѣтную кубышку съ карбованцами, преслѣдуются вооруженною силою и гибнутъ на вислицѣ“²⁾. Изъ слыпанныхъ нами рассказовъ о такихъ шайкахъ, какъ напр. о шайкѣ, ограбившей новоминскаго богача, Клеменчука, явствуетъ, что шайки эти отличались традиціонною гайдамаческою организаціею, имѣли ватажковъ, опредѣленные притоны и дѣйствовали въ теченіе довольно значительныхъ промежутковъ времени. Замѣчательно, что въ самыхъ народныхъ сказаніяхъ о приобрѣвшихъ въ былыя времена громкую извѣстность разбойниками, какъ напр. въ сказаніи объ Мбуковѣ, очень явственно сквозитъ нотка „героической стихіи“. Это были, по устнымъ сказаніямъ, мстители за горе народное, отъ которыхъ круто приходилось „на намъ та дукачамъ“.

Въ архивахъ нѣкоторыхъ станичныхъ правленій сохранился очень интересный документъ, проливающій нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о бѣглыхъ въ Черноморіи и отчасти на ихъ гайдамаческія замашки. Это довольно объемистое дѣло, заключающее въ себѣ свѣденія о бѣглыхъ изъ ростовскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Нижеслѣдующія данныя взяты нами изъ экземпляра уцѣлѣвшаго въ архивѣ новодеревянковскаго станичнаго правленія.

Дѣлая въ 1837 г. распоряженіе о томъ, чтобы прекратить возможность побѣговъ „изъ опредѣленныхъ войсковою землею мѣстъ всякаго рода сомнительныхъ людей“ и пресѣчь бродяжничество,

¹⁾ Къ сожалѣнію, пишущему эти строки недавно приходилось не разъ убѣждаться въ такого рода фактахъ при обзорѣ архивовъ въ нѣкоторыхъ станицахъ.

²⁾ Попка, «Черномор. козаки», стр. 70 и 71.

ейское сыскное начальство препроводило въ новодеревянковское куренное управление и подробнѣйшее дѣло о бѣглецахъ изъ екатеринославской губерніи, послужившихъ причиною самаго распоряженія. Изъ этого дѣла оказывается, что изъ имѣній помѣщиковъ Шабельскихъ, какъ жаловался объ этомъ ротмистръ Платонъ Шабельскій въ своемъ прошеніи на имя новороссійскаго генераль-губернатора Воронцова, „съ нѣкотораго времени усплились побѣги крестьянъ, которые увлекаются ложными слухами, будто-бы крѣпость Анапа есть мѣсто, дарующее всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, туда уходящимъ, вольность и свободу“. Опираясь на эти слухи, крестьяне уходили въ Анапу, приписывались здѣсь я, взявши паспорта, проживали потомъ въ сосѣдней Черноморіи, изъ которой дѣлали набѣги на помѣщичьи селенія и подговаривали другихъ крестьянъ къ побѣгу. Такъ крестьянинъ села Шабельскаго Семень Семенченко, возвратившись изъ Анапы въ іюлѣ 1836 г., „выкралъ“ изъ этого села двухъ своихъ сыновей, „а съ 13 на 14 октября, подговоривъ еще другихъ крестьянъ, отбился съ товарищами вооруженною рукою отъ преслѣдовавшихъ его крестьянъ отца его (Шабельскаго) при рѣчкѣ Ед и, будучи на борзѣхъ и сильныхъ скакунахъ, ушелъ съ товарищами и скрылся въ черноморскихъ степяхъ“. Отсюда Семенченко подговаривалъ къ побѣгу еще 6 крестьянъ изъ той-же деревни и 12 изъ деревни Николаевки. Какъ показывалъ внослѣдствіи одинъ изъ бѣглыхъ, Семенченко соблазнялъ крестьянъ тѣмъ, что „яко-бы въ Анапѣ открыта вольница для всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, и что всякій крестьянинъ, являсь туда и записавшись въ Анапѣ, можетъ получить заочно билетъ на все свое семейство, съ которымъ (билетомъ) имѣеть право слѣдовать для похищенія семейства изъ подъ владѣнія помѣщичьяго“. Какъ видно изъ дѣла, Семенченко заварилъ, что называется, „крутую кашу“, такъ что крестьяне, по словамъ Шабельскаго, стали уходить изъ имѣній его, жены его и отца „толпами въ Анапу и сопредѣльные мѣста безъ всякой боязни“.

Въ то же время, екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ, было поручено ростовскому земскому исправнику Маяковскому произвести слѣдствіе о побѣгахъ вообще въ этой мѣстности помѣщичьихъ крестьянъ. Маяковскій нашелъ, что „крестьяне, по учипеніи побѣговъ, собираются шайками и, наѣзжая на имѣнія за

оставшимся семействами и имуществомъ, вооружаются огнестрѣльнымъ оружіемъ, подъ защитою коего проводятъ цѣлые обозы и идутъ безъ всякаго препятствія чрезъ всю Черноморію за Кубань и въ Анапу“. Основываясь на разслѣдованіяхъ Маяковского, мѣстный предводитель дворянства причину такого порядка дѣлъ находилъ въ „послабленіи“ бѣглецамъ со стороны черноморскаго войска. Такъ онъ два раза просилъ войсковаго атамана генераль-маіора Завадовскаго сдѣлать зависящія отъ него распоряженія о розысканіи его, предводителя, крестьянъ, бѣжавшихъ въ Черноморію, но „г. наказный атаманъ“ по его прошеніямъ „не дѣйствовалъ“. А между тѣмъ, благодаря такому бездѣйствію и послабленіямъ, помѣщики лишились 1759 крестьянъ, „изъ коихъ нѣкоторые прописаны въ Анапѣ, а нѣкоторые таскаются по Черноморіи“. Бѣгали крестьяне отъ самаго предводителя, изъ имѣній гг. Шабельскихъ (отца, сына и его жены), помѣщика Сарондинаки и генеральши Гостемиловой.

Интересны показанія бѣглыхъ крестьянъ Халенка и Давиденка, добровольно воротившихся на родину къ помѣщику Шабельскому. Описавъ подробно путь, по которому они бѣжали мимо Щербиновки, чрезъ Деревянковскую, Каневскую, Переяславскую, Брюховецкую, Джереліевскую, Полтавскую, Котель и на Темрюкъ, первый изъ нихъ характеризуетъ бѣглыхъ, проживавшихъ въ то время по рыболовнымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ Темрюка, какъ людей, которые имѣютъ у себя оружіе—„ружья, пистолеты и пика“, а второй присовокупляетъ о крестьянахъ Головковыхъ (они-же Семенченковы), что крестьяне эти „занимаются разбойничествомъ и ходятъ всегда вооруженные, въ видѣ запорожцевъ“. Головковы были настолько опасный народъ, что одинъ изъ бѣглыхъ долженъ былъ ихъ обмануть при побѣгѣ на родину, сказавши, что онъ отправляется въ Анапу для прописки; въ противномъ случаѣ они убили-бы его. Съ своей стороны и помѣщикъ Шабельскій послалъ въ Черноморію и въ Анапу своего довѣреннаго человека Винникова для розыска бѣжавшихъ. Винниковъ, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ Черноморіи, дѣйствительно напелъ многихъ крестьянъ своего помѣщика, жившихъ по паспортамъ изъ Анапы. Въ Анапѣ онъ заявлялся къ коменданту графу Цукато, по комендантъ ему сказалъ, что такъ какъ бѣглецы крестьяне Шабельскаго приписаны

уже въ Анапѣ, „то возврату имъ изъ Анапы иѣту“. Въ это время, по словамъ Винникова, въ Анапѣ было приписано „семьсотъ въ одинъ мѣсяцъ“, какъ говорили ему объ этомъ бродяги, получавшіе паспорта для втораго бродяжничества по всей Черноморіи, и какъ убѣдился онъ по другимъ свѣдѣніямъ.

Такимъ образомъ официальные данныя тридцатыхъ годовъ относительно бѣглыхъ въ Черноморіи ни мало не расходятся съ устными разсказами козаковъ на этотъ счетъ. Въ разныхъ мѣстахъ цитируемыхъ нами документовъ упоминается и о рыболовныхъ забродахъ, какъ о главныхъ притонахъ для бѣглыхъ, и о хуторахъ, гдѣ также скрывались бродяги, и о томъ, что бѣглые составляли шайки, занимались разбоями и ходили всегда вооруженными, „въ видѣ запорожцевъ“. Въ дѣлѣ поименованы также нѣкоторые лица, занимавшіяся пристаподержательствомъ. Такъ въ новодеревянковскомъ куренѣ передерживалъ бѣглыхъ козакъ Смагликовъ, въ старощериновскомъ—Иванъ Супруненко, въ другихъ мѣстахъ—козакъ Гладкій, офицеръ Романъ Сербинъ (на Бейсугѣ), куренной атаманъ Романъ Коржевскій (около Темрюка), козакъ Дубина и друг. Побѣги видимо производились на виду у всѣхъ и ни для кого не составляли секрета въ Черноморіи. То обстоятельство, что комендантъ Анапы отказалъ повѣренному Шабельскихъ въ выдачѣ бѣглыхъ, даетъ понять, что крѣпостные не совсѣмъ ошибались на счетъ Анапы, какъ мѣста, которое даровало помѣщичьимъ крестьянамъ „вольность и свободу“. Дѣло въ томъ, что, по проекту тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Блудова, дѣйствительно было разрѣшено принимать бѣглыхъ въ Анапѣ и другихъ „закубанскихъ владѣніяхъ“, но положеніе объ этомъ не велѣно было „публиковать“ во избѣжаніе соблазна и смуты среди помѣщичьихъ крестьянъ. Оно, это положеніе, очевидно не составляло тайны и для крѣпостныхъ крестьянъ.

Впослѣдствіи въ Черноморіи также имѣли мѣсто факты въ родѣ отмѣченнаго. Такъ въ 1848 г., при населеніи города Ейска, бродяги заняли въ немъ не послѣднее мѣсто на ряду съ другими поселенцами. Многіе изъ прежнихъ Ивановъ, не помнящихъ родства, и теперь еще здравствуютъ и состоятъ въ числѣ почтенныхъ представителей этого своеобразнаго города. Въ свое время были сдѣланы также распоряженія о томъ, чтобы нѣкоторые станичные

общества зачислили въ свою среду бродягъ и безпаспортныхъ, жившихъ до того большею частію въ рыболовныхъ мѣстахъ. Такъ изъ приговора ст. Бриньковской за 1879 г. видно, что въ 1858 г. было зачислено въ эту станицу 45 семействъ крѣпостныхъ, „освобожденныхъ отъ г.г. чиновниковъ“ черноморскаго войска, и что съ 1865 по 1872 г. разповременно зачислено, „по распоряженію войсковаго правительства, 10 семействъ безпаспортныхъ людей, скрывавшихся по рыболовнымъ заводамъ“. Общество станицы Новонижнестеблѣвской приговоромъ 1874 г. просило начальство о томъ, чтобы это послѣднее надѣлило землю тѣхъ изъ бывшихъ бродягъ и безпаспортныхъ, которые были приняты въ станицы послѣ 1865 г., по распоряженію войсковой администраціи. Въ приговорѣ общества ст. Ивановской за 1871 г. упоминается, что въ эту станицу вѣдно было зачислить 25 семействъ безнисьменповидныхъ; а приговоромъ 1872 г. тоже общество просило администрацію о томъ, чтобы она причислила двухъ бродягъ, приписанныхъ въ Ивановской станицѣ къ другимъ обществамъ, располагающимъ большимъ земельнымъ надѣломъ. О зачисленіи бродягъ въ ст. Ахтанизовской видно изъ приговора за 1881 г. Жители ст. Курчанской просили въ 1872 г. о дополнительномъ надѣлѣ земли на 147 душъ бродягъ и безпаспортныхъ, зачисленныхъ въ ихъ общество.

Такъ-то медленно и постепенно угасаютъ чуть не на нашихъ глазахъ тѣ явленія, которыя играли такую видную роль въ прошлой соціальной жизни южнорусскаго населенія. Еще и теперь едва ли не въ любой черноморской станицѣ вы встрѣтите какого-нибудь Явтуха или Окатаго Омелька, которые когда-то давнымъ давно зашли изъ Россіи въ Черноморію и, проживъ здѣсь десятки лѣтъ, совсѣмъ забыли и о своей прежней родинѣ, и о паспортахъ; они такъ сжились съ козаками, что сама полиція не тревожитъ ихъ, да и грѣхъ было бы беспокоить этихъ бездомныхъ людей. Это послѣдніе могоканы изъ тѣхъ когда-то бродившихъ и беспокойныхъ элементовъ, которые занесены сюда общимъ потокомъ вмѣстѣ съ бѣглыми и бродягами. Но мѣняются времена, мѣняются и обстоятельства. 1861 годъ безповоротно разрѣшилъ вопросъ о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Съ этого времени побѣги оказались излишни. И вотъ, почуявъ свободу, не сдерживаемые больше помѣщичьей опекой, крестьяне дали волю своимъ завѣтнымъ желаніямъ, двинув-

шлись въ Черноморію толпами въ качествѣ вольныхъ переселенцевъ и увлекала за собою и другихъ. Результаты получились необычайные, хотя и печальные, въ смыслѣ формулированія класса безземельныхъ арендаторовъ. Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ переселенцы эти дали крупную цифру въ 250.000 душъ обоюго пола, т. е. цѣлыхъ 25% мѣстнаго кореннаго населенія. И что же даже теперь оказывается?—Пришла часть переселенцевъ въ ст. Неберджаевскую, поселилась на чужихъ земляхъ, сказала: „это наше; не станемъ платить ренты“ (аренды)—и не платитъ, не смотря на всѣ усилія станичныхъ властей. Заняла другая часть переселенцевъ войсковыя земли, арендуемыя мѣстными коневодчиками на Среднихъ Челбасахъ, и по той-же логикѣ отказалась платить аренду коневодчикамъ и уходить съ войсковыхъ земель, не смотря уже въ этомъ случаѣ на вооруженное даже вниманіе властей. Отыскала третья часть переселенцевъ пустующія владѣльческія земли за Кубанью — и водворилась на нихъ, какъ дома, считая ихъ Божьими землями, а себя ея ближайшими хозяевами... Видно, въ южно-русской массѣ сильны еще традиціи былаго, видно, по народнымъ воззрѣніямъ, Черноморія искони сулила разнаго рода бѣглецамъ и переселенцамъ не только одну юридическую „вольность и свободу“, но и вольныя, доступныя для труженика земли! Магическое помѣщичьихъ крестьянъ „на Черноморію за волей“ переродилось для теперешнихъ переселенцевъ въ назойливое „на Кубань за землей“.

Ф. Щербина.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(О к о н ч а н і е)*.

12) Спеціальныйъ законъ о старозаимочныхъ земляхъ.

Спустя годъ послѣ окончанія кадастра, наше законодательство обратило наконецъ спеціальное вниманіе на старозаимочныя земли. Законодательная разработка этого вопроса съ 1854 г. возбуждаема была нѣсколько разъ, длилась въ продолженіи одиннадцати лѣтъ и позднѣйшее слово закона по этому вопросу было сказано только въ 1865 году. Начало этихъ законодательныхъ работъ было вызвано однимъ частнымъ дѣломъ по харьковской или воронежской губерніи, причѣмъ государственный совѣтъ панель, что войсковые обыватели пользовались старозаимочными землями, какъ своею собственностію. Енѣ раньше, именно въ 1838 году, на разрѣшеніе сената восходить вопросъ о земляхъ сего рода, находящихся въ чертѣ г. Харькова; сенатъ также призналъ, что „обыватели этого города землями, принадлежащими имъ по старымъ займамъ и крѣпостямъ, могутъ располагать какъ своей собственностію“, направленіе сенатской судебной практики по этому вопросу, задолго предупредившее законодательное разрѣшеніе этого вопроса, относясь къ отдѣльнымъ и, быть можетъ, весьма скромнымъ по цѣнности гражданскимъ дѣламъ, не имѣло, какъ видно, никакого вліянія на административную практику, такъ энергично принявшуюся за превращеніе старозаимочныхъ земель въ казенныя и общинныя почти съ самаго

*) См. «Кіев. Ст.» на 1882 г., м. ноябрь и декабрь, и на 1883 г., генв. и мартъ.

начала текущаго столѣтія. Нельзя не цѣнить той правильной постановки этого дѣла, какая впервые дана ему государственнымъ совѣтомъ. „Принявъ во вниманіе, говорится въ мнѣніи его 21 февр. 1865 г., особенную важность сего дѣла, касающагося правъ многочисленнаго сословія войсковыхъ обывателей, и ту осторожность, съ которою должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія, государственный совѣтъ, не приступая къ разрѣшенію вопроса о старозаимочныхъ земляхъ, высочайше утвержденнымъ 6 декабря 1854 г. мнѣніемъ предоставилъ II отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи права на упомянутыя земли, какъ войсковыхъ обывателей, такъ и лицъ вышедшихъ изъ этого сословія, сообразить предварительно съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету изданными, и за тѣмъ, снесясь съ министерствами государственныхъ имуществъ и юстиціи, представить свое мнѣніе“. Собранныя II отдѣленіемъ свѣдѣнія обнаружили, что „войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались бывшіе слободскіе полки (въ дѣйствительности было наоборотъ: козаки слободскихъ полковъ были переименованы въ войсковыхъ обывателей), заселивъ пограничную Украйну по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на похѣстномъ правѣ, а на правѣ полной частной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, вольны были продавать своей же братьѣ, украинскимъ служилымъ людямъ и постороннимъ, могли закладывать, отдавать въ приданое дочерямъ, завѣщать и пр., и такія ихъ права въ теченіи 150 лѣтъ неоднократно были признаваемы правительствомъ“.

На основаніи этой официальной разработки вопроса состоялось уже 30 марта 1859 г. новое высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, который принялъ заключеніе министра государственныхъ имуществъ (вошедшее послѣ въ примѣчаніе къ 861 ст. IX т. зак. о сост. и къ 783 ст. X т. ч. 1 по прод. 1863 г.), состоявшее въ томъ, что „войсковые обыватели могутъ отчуждать, кому они пожелаютъ, только тѣ старозаимочныя земли, которыя приобрѣтены покупкою до 30 марта 1859 г.“ Такая странная редакція закона заключала въ себѣ уже новыя готовыя недоразумѣ-

нія, ибо, во 1-хъ, въ ней говорилось о земляхъ прибрѣтенныхъ только покупкой и ничего не упоминалось о массѣ старозаимочныхъ земель, которая съ незапамятныхъ временъ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству; а, во 2-хъ, неизвѣстно почему право отчужденія старозаимочныхъ земель признало только за землями купленными до 1859 г. Поэтому, вполнѣ естественно, что изложенное выше мнѣніе государственнаго совѣта возбудило на практикѣ недоразумѣніе, давшее поводъ ко вторичному пересмотру сего дѣла, при которомъ II отдѣленіе, между прочимъ, объявило: „во 1-хъ, что старозаимочныя земли всегда состояли во владѣніи войсковыхъ обывателей на правѣ не помѣстной, а полной частной собственности, и во 2-хъ, что войсковымъ обывателямъ харьковской губерніи слѣдовало-бы предоставить лично и въ составѣ обществъ право отчуждать не только войсковымъ-же обывателямъ, но всякаго званія лицамъ старозаимочныя земли, першедшія къ нимъ по наслѣдству отъ предковъ и составляющія ихъ собственность, какъ скоро эти земли принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны лишь въ пользованіе отъ казны“. Государственный совѣтъ призналъ такое заключеніе правильнымъ и на семъ основаніи высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1864 г. мнѣніемъ онаго, въ замѣну закона 30 марта 1859 г., постановилъ: „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неизмѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему таковой земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удосто-вѣренія харьковской палаты государственныхъ имуществъ о томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ“.

Послѣ враткаго историческаго обзора прежнихъ законодательныхъ мѣръ по этому вопросу, цитируемое нами послѣднее мнѣніе государственнаго совѣта (1865 г.) говорить, что его мнѣнія 1859 и 1864 годовъ „вовсе не устанавливали закона новаго, а только разъясняли и подтверждали смыслъ прежняго закона“ (какого—неизвѣстно), и поэтому въ послѣднемъ своемъ мнѣніи 1865 г. государственный совѣтъ призналъ, что сила законоположеній 1859 и

1864 годовъ „должна обнимать вполне старозаимочныя земли не только въ харьковской губерніи, которая собственно при этихъ мѣнѣяхъ имѣлись въ виду, но даже и въ воронежской губерніи и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, гдѣ-бы таковыя земли могли оказаться“, а потому „всѣ вообще старозаимочныя земли военныхъ обывателей, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны (?), дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неимѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему той земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія палаты государственныхъ имуществъ въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ; во 2-хъ, предоставить правительствующему сенату пояснить, что сила настоящаго постановленія распространяется и на всѣ возникшія до обнародованія онаго дѣла о старозаимочныхъ земляхъ, а потому судебныя мѣста должны приостановить теперь-же производство всѣхъ таковыхъ дѣлъ, препроводить оныя въ подлежащія палаты государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣднія по надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что означенныя земли не принадлежатъ къ разряду казенныхъ, сдѣлали отъ себя распоряженіе объ окончателномъ прекращеніи всѣхъ дѣлъ сего рода“. Таково было послѣднее слово спеціальнаго закона о старозаимочныхъ земляхъ.

Что-же положительнаго внесъ этотъ послѣдній законъ въ сферу старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, уже почти до основанія потрясеннаго цѣлою массою болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ „реформъ“ и „улучшеній быта“?

Прежде всего скажемъ, что столь важный по своему предмету законъ явился слишкомъ поздно; ошибочныя или произвольныя административныя мѣропріятія, тянувшіяся болѣе столѣтія, уже сдѣлали свое дѣло, превративъ почти повсюду исконное личное землевладѣніе въ общинное и лишивъ массы населенія и цѣлыя ихъ поколѣнія достоянія ихъ предковъ, обращеніемъ ихъ личной собственности въ собственность казны. Не только впрочемъ по этой, но и по другимъ причинамъ, этотъ крайне важный законодательный актъ остался безъ всякихъ послѣдствій, если не считать дан-

ной имъ юридической основы для нѣсколькихъ исковъ къ казнѣ изъ-за старозаимочныхъ земель, и оставилъ по себѣ такія-же почти недоразумѣнія, какъ и мѣропріятія предшествовавшія. Въ самомъ дѣлѣ, что гласитъ начальныя строки этого закона? „Всѣ вообще старозаимочныя земли военныхъ обывателей, коль скоро они принадлежать имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется отчуждать“ и т. д. Тутъ недоумѣніе въ первыхъ-же строкахъ: старозаимочныя земли, какъ показывается самая этимологія слова,—это именно тѣ земли, которыя записались вольной заимкой и потому никоимъ образомъ уже не могли даваться „лишь въ пользованіе отъ казны“; въ виду этого простаго соображенія не легко понять истинный смыслъ этой послѣдней оговорки, если только не видѣть въ ней простой уступки въ пользу будущихъ административныхъ благоусмотрѣній, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ.

Далѣе въ томъ-же законѣ говорится, что въ случаѣ отсутствія документовъ на старозаимочныя земли (а это отсутствіе было почти повсемѣстное) владѣльцы этихъ земель, для осуществленія своего права собственности, должны были получать „удостоверенія“ палаты государственныхъ имуществъ „въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ“, т. е., говоря иначе, владѣльцы этихъ земель отсылались за признаніемъ своихъ правъ къ тому вѣдомству, которое само, по меньшей мѣрѣ, не имѣло основательныхъ свѣдѣній по этому предмету, поэтому сперва вызывало многочисленныя дѣла „о розысканіяхъ казенныхъ земель“, а впоследствии подвергло кадастру всю харьковскую губернію, примѣненіе-же кадастра прямо показывало, что администрація не признавала за старозаимочными землями частной собственности, смѣшивала ихъ съ казенно-общественнымъ землевлдѣніемъ однодворцевъ и другихъ государственныхъ крестьянъ и всегда видѣла во всякомъ крестьянскомъ владѣніи одну только казенную землю.

Практическая безсѣдность закона 1865 года могла обусловливаться и современнымъ ему нравственнымъ состояніемъ крестьянскаго населенія изъ бывшихъ военныхъ обывателей: къ этому времени оно уже значительно утратило идею права на свои земли, права, которое всегда неразлучно съ возможностью его защиты; населеніе это путемъ длинныхъ пертурбацій могло убѣдиться

въ существенномъ значеніи только идеи милости начальства, которое вольно карать и миловать, а на этой ступени развитія, или, правильнѣе говоря, нравственнаго приниженія, идея права не имѣетъ для себя никакой подходящей почвы. Самое введеніе кадастра въ харьковской губерніи, занесшее почти всю массу старозаимочныхъ земель въ разрядъ казенныхъ, и на этомъ основаніи значительно измѣнившее самую систему податей, представляло слишкомъ серьезную преграду для полнаго и откровеннаго примѣненія къ жизни закона 21 февраля 1865 года. Безпрепятственное признаніе за старозаимочными землями правъ частной собственности и поэтому значительное измѣненіе цифры поземельныхъ налоговъ измѣнило-бы установленія при введеніи кадастра строго опредѣленія цифры налоговъ всей губерніи. Наконецъ вполне справедливое отношеніе къ этому вопросу со стороны специальной администраціи осложнилось еще введеніемъ въ кадастръ такъ называемыхъ сомнительныхъ земель, т. е. такихъ, которыя впоследствии могли-бы оказаться частной собственностію крестьянъ: съ этихъ земель подати также поступали, собираемымъ деньгамъ велись особые счета, а образующіяся отъ сего суммы отсылались въ кредитныя установленія съ тѣмъ, „дабы, по мѣрѣ разбора дѣлъ, обращать сіи деньги или въ пользу владѣльцевъ земель, если они присуждены будутъ въ крѣпостную собственность, или-же въ пользу казны, если земля будетъ признана казенною“. Понятно, что возвратъ въ частное владѣніе неправильно кадастрованныхъ земель, который неизбѣжно вынуждалъ измѣненіе въ переустановленныхъ цифрахъ поземельнаго налога по всей губерніи, а также возвратъ крестьянамъ условно собранныхъ съ нихъ суммъ, не могли иначе послѣдовать, какъ только путемъ судебныхъ процессовъ. Но вѣдомство государственныхъ имуществъ не брало на себя почива въ вызовѣ судебной оцѣнки такъ называемыхъ сомнительныхъ земель; а сами крестьяне лично и въ составѣ обществъ также не могли съ особой надеждой обращаться по этимъ вопросамъ въ прежнія судебныя мѣста, уже и потому, что сами они находились въ попечительномъ распоряженіи того же вѣдомства государственныхъ имуществъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ законъ 1865 г. остался, можно сказать, мертвымъ, безо всякихъ замѣтныхъ практическихъ послѣд-

ствій и могъ служить формальнымъ основаніемъ развѣ только для отдѣльныхъ случаевъ въ позднѣйшей судебно-гражданской практикѣ по дѣламъ крестьянскаго старозаимочнаго владѣнія, при чемъ свое исконное добро крестьяне должны были возвращать себѣ всюю тягостію трудныхъ гражданскихъ процессовъ. Понятно, почему о такихъ процессахъ, можетъ быть за весьма ничтожнымъ исключеніемъ, почти до самаго послѣдняго времени не было даже и слышно: старозаимочныя земли по прежнему спокойно оставались за казной, а собиравшіяся съ уцѣлѣвшихъ у крестьянъ харьковской губерніи старозаимочныхъ земель поземельныя подати, установленныя простымъ административнымъ распоряженіемъ, спокойно оставались въ кассѣ спеціальныхъ средствъ министерства государственныхъ имуществъ.

Въ заключеніе скажемъ, что если мнѣніе государственнаго совѣта совершенно игнорировало кадастровую инструкцію, то за то и кадастровая инструкція въ свою очередь игнорировала законъ, ибо до сихъ поръ, не смотря на давнее введеніе владѣнныхъ записей, внутреннее положеніе и судьба крестьянскаго землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ осталась обусловленной и регламентированной именно различными параграфами кадастровой инструкціи, главнымъ образомъ относительно внутренней раскладки и способа взысканія поземельныхъ налоговъ.

13) Нѣкоторыя особенности бывшаго строя южно-русскаго землевладѣнія.

Подное изученіе отличительныхъ свойствъ и внутренней организаціи старозаимочныхъ дачъ и земель харьковской губерніи не возможно безъ параллельнаго изученія особенностей и порядковъ землевладѣнія въ бывшей гетманщинѣ, т. е. нынѣшнихъ полтавской и черниговской губерніяхъ; но какъ тотъ, такъ и другой предметъ остаются у насъ въ полномъ забвеніи. Намъ, южанамъ, позволительно даже удивляться, какъ много было говорено и писано объ общинномъ владѣніи въ Россіи, порой даже при нашемъ горячемъ либеральномъ участіи, и какъ мало намъ вѣдома судьба и организація мелкаго поземельнаго владѣнія въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Большинство мыслящихъ людей юга предвзято увлеклось

принципомъ общности въ аграрномъ устройствѣ, безъ знанія исторіи происхожденія и реального положенія этихъ общинъ великорусскихъ губерній; точно также это большинство а priori предубѣдилось противъ начала индивидуальности въ крестьянскомъ и козацкомъ поземельномъ владѣніи юга, мало обращая вниманія на то, что въ дѣйствительной жизни явленія бывають нерѣдко гораздо сложнѣе, заключаютъ въ себѣ такіе разпородные элементы, что сущность ихъ трудно исчерпать какимъ нибудь абстрактнымъ началомъ. Не касаясь вопроса, на сколько великорусская община въ существѣ своемъ вызвана и обусловлена началомъ взаимной заботы всѣхъ за каждымъ и каждымъ за всѣхъ, мы позволимъ себѣ сказать, что и индивидуализмъ южнаго землевладѣнія не былъ выраженіемъ односторонняго, анти-соціальнаго личнаго эгоизма. Религія была всепроницающимъ началомъ въ жизни южно-русскаго народа: она была для него закономъ нравственнымъ и политическимъ, опредѣляла его ежедневный бытъ, все его житейское міровоззрѣніе; отсюда то огромное число различныхъ религіозно-благотворительныхъ учреждений, которыми на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ покрыта была вся территорія южной Руси, каковы церковныя братства, встрѣчающіяся и теперь въ малорусскихъ поселеніяхъ харьковской губерніи. Они имѣли свои подраздѣленія по возрастамъ, поламъ и даже профессіямъ и давали жизнь цѣлому ряду другихъ учреждений, какъ школы, богадѣльни, больницы, типографіи и дворы „братерскіе“. Не говоримъ о церкви и ея причтѣ, которые всегда и вездѣ составляли предметъ общественнаго попеченія. Все это высшія формы соціальнаго общенія въ народной жизни, тѣмъ болѣе примѣчательныя, что въ нихъ объединялись лица всѣхъ классовъ и общественныхъ положеній, и одно ихъ существованіе способно удостовѣрить каждого, что въ южнорусскомъ народѣ, не смотря на сильное развитіе личнаго права, высоко было сознаніе нуждъ общественныхъ, и оно примѣчалось не только въ сферѣ высшихъ интересовъ, но и въ кругѣ такихъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается и которыми поддерживается обыкновенная жизнь, и даже въ той спеціальной области землевладѣнія, разъясненію которой посвященъ нашъ настоящій трудъ. Лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить существованіе въ поселеніяхъ какъ гетманщины, такъ равно и Слобожанщины, на ряду съ личнымъ участково-наслѣдственнымъ зем-

землевлдѣніемъ, земель общественныхъ, бывшихъ предметомъ пользованія всѣхъ и каждаго. При прежнемъ обиліи земель, какъ это было въ особенности при заселеніи Слобожанщины, изъ огромной заимки, сдѣланной группою поселенцевъ, за удовлетвореніемъ земельно-хозяйственныхъ нуждъ каждаго изъ ея членовъ, оставались иногда обширныя пространства, которыя и становилась потому общественнымъ достояніемъ, находившимся въ распоряженіи всей поселившейся общины. Изъ этихъ общественныхъ земель, кромѣ пользованія ими по общему согласію и распредѣленію, выдѣлялись участки для церквей и состоящихъ при нихъ членовъ причта, равно религіозно-благотворительныхъ учреждений, переходившіе нерѣдко во всегдашнюю собственность тѣхъ и другихъ. Эти-то общественныя земли, существовавшія на ряду съ личными наследственными и получавшія то или другое назначеніе, въ общемъ составѣ и въ отдѣльныхъ частяхъ, не иначе, какъ по общему укладу и распредѣленію, и вводятъ, кажется, въ заблужденіе нашихъ общинниковъ; не умѣя справиться съ попадающимися имъ фактами общественнаго пользованія землею, на основаніи невѣрно понятыхъ частныхъ случаевъ такого рода, они силятся подорвать столь очевидный и цѣлымъ рядомъ официальныхъ данныхъ удостоверяемый фактъ личнаго участково-наследственного нашего землевлдѣнія. Указанія на существованіе земель общественныхъ и общинное ими пользованіе можно находить во множествѣ актовъ прежняго времени, относящихся къ различнымъ пунктамъ южно-русской территоріи. Намъ нѣтъ надобности приводить ихъ; это дѣлаютъ и сдѣлаютъ за насъ наши противники, мы-же ограничимся указаніемъ здѣсь, какъ на обще-извѣстное явленіе въ минувшей жизни южно-русскаго народа, на такъ называемыя „малороссійскія вольницы“. Теперь они представляютъ, скажемъ словами автора одной статьи о нихъ ¹⁾, „жалкіе остатки вѣкогда обширныхъ недвижимыхъ имуществъ, составившихъ собственность городскихъ и сельскихъ корпорацій старой Малороссіи“. По мнѣнію этого автора, „малороссійскія вольницы составляютъ категорію земель, совершенно соответствующую англійскимъ open fields“... Онъ приводитъ въ примѣръ одно село, гдѣ эта вольница является общиннымъ

¹⁾ «Новое Время» на 1880 г., № 1452, ст. «Малорусскія вольницы».

имуществомъ не однихъ только крестьянъ, но также и всѣхъ другихъ живущихъ здѣсь сословій, и затѣмъ продолжаетъ: „почти каждое старинное малороссійское село имѣло въ древности свою вольницу. Эти вольницы оставлены намъ прошедшими поколѣніями, какъ готовое рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи, о призрѣніи, объ общественныхъ сооруженіяхъ и т. п. въ тѣхъ селеніяхъ, которымъ принадлежатъ вольницы. Распространеніе великорусскихъ взглядовъ на общественныя отношенія Малороссіи и неразлучное съ ними уничтоженіе самоуправленія отдѣльныхъ сословныхъ общинъ еще въ XVIII вѣкѣ способствовали расхищенію вольницъ, этого имущества сословной малороссійской общины. На долю текущаго столѣтія осталось уже немного изъ этого некогда великаго общественного капитала... По межевымъ законамъ, сохранившимся по настоящее время вольницы дѣлятся между владѣльцами пропорціонально... владѣмому ими недвижимому имуществу“... „Теперь, говоритъ тотъ-же авторъ, намъ трудно судить, въ какой мѣрѣ эти вольницы восполнили тѣ или другіе недостатки начала личнаго землевладѣнія и служили-ли они какимъ-либо фондомъ для безземельныхъ“; мы же прибавимъ отъ себя, что принципъ общности относительно этихъ земель выдерживался строго и существованіе въ самой Слобожанщинѣ людей безземельныхъ, на что мы въ свое время указывали, служить лучшимъ тому доказательствомъ. Категория земель общественныхъ существовала еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія даже въ черниговской губерніи, гдѣ, какъ говоритъ авторъ статьи того времени, кромѣ небольшого количества собственно козацкихъ общественныхъ земель, „они имѣютъ еще и такія общественныя земли, въ коихъ участвуютъ обыватели другихъ сословій, вмѣстѣ съ ними живущіе въ селеніяхъ, которые по большей части не допускаютъ козаковъ наравнѣ съ собой пользоваться оными землями. Прежде козаки имѣли пристрастныя общественныя земли, такъ называвшіяся вольницы, но онѣ всѣ почти перепли во владѣніе другихъ сословій“¹⁾.

¹⁾ Общее обзорѣніе мѣста жительства козаковъ въ черниговской губерніи, составленное въ 1838 году черниговскою полиціею надъ козаками конторою. «Земскій Сборникъ черниговской губерніи», 1877 г., №№ 5—8.

Особенности характера и порядка южнорусскаго землевладѣнія вызывали особыя трудности въ примѣненіи въ южно-русскимъ мѣстностямъ общихъ межевыхъ инструкцій и требовали, да и нынѣ требуютъ, особыхъ правилъ межеванія, строго согласованныхъ съ историческимъ характеромъ южно-русскаго землевладѣнія. Мы представимъ здѣсь нѣсколько данныхъ изъ области прошлаго, относящихся къ указанному сейчасъ обстоятельству. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили объ обмежеваніи нѣсколькихъ старозаимочныхъ дачъ харьковской губерніи, еще въ 1770—1780 годахъ. Какъ ни трудно давалось тогда генеральное межеваніе этой губерніи, но оно окончилось еще при Екатеринѣ II. Иначе было съ землями бывшей гетманщины; межеваніе ихъ, не смотря на всю объединительную энергію центральнаго правительства, замедлилось почти до позднѣйшаго времени. Мы не можемъ представить себѣ другой причины для объясненія этого факта, какъ то, что правительство того и послѣдующаго времени имѣло неодинаковый взглядъ на одинъ и тотъ же предметъ въ двухъ смежныхъ мѣстностяхъ: въ мѣстности бывшихъ слободскихъ полковъ оно не усмотрѣло, какъ мы въ своемъ мѣстѣ указывали, особенностей аграрнаго строя и нашло возможнымъ при обмежеваніи оной примѣнить къ ней вполне межевую инструкцію, составленную для земель казенно-общественныхъ вообще и для четвертнаго владѣнія великорусскихъ однодворцевъ въ частности,—въ территоріи бывшей гетманщины оно поступаетъ съ большею осмотрительностію, быть можетъ по настоянію тамошнихъ чиновъ, и отъ того дѣло межеванія здѣсь затягивается и ведется на другихъ основаніяхъ. Еще въ 1781 г., въ указѣ тогдашнему малороссійскому генераль-губернатору графу Румянцеву-Задунайскому, императрица Екатерина возвѣщала: „о межеваніи въ губерніяхъ кievской, черниговской и новгородъ-сѣверской для успокоенія цѣлости имѣній тамошняго дворянства и прочихъ чиновъ народныхъ, соизволеніе наше въ свое время послѣдуетъ“. Но только въ началѣ царствованія Александра I, по представленію малороссійскаго генераль-губернатора князя Куракина, объ учрежденіи въ малороссійскихъ губерніяхъ генеральнаго межеванія, указомъ 1803 г. 10 апрѣля, повелѣно было учредить особый комитетъ для обсужденія вопроса и составленія инструкцій, „мѣстному того края положенію соответствующей“, генеральнаго межеванія Малороссіи.

Въ числѣ существенныхъ основанийъ для межеванія этихъ земель было между прочимъ признано необходимымъ: межевать земли не къ именамъ владѣльцевъ, а къ именамъ мѣстечекъ, селъ и деревень, разрѣшать поземельные споры, кромѣ различныхъ письменныхъ документовъ (между прочимъ и на основаніи гетманскихъ универсаловъ), также и по свидѣтельскимъ показаніямъ и по десяти-лѣтней давности владѣнія, на основаніи статута литовскаго не требовать документовъ отъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ не подвергались спору при межеваніи губерній... размежевать поземельную собственность: дворянъ, гражданъ, людей духовнаго званія, козаковъ и прочихъ, какъ бы мало ни состояло за ними земель ¹⁾...

Проекты, инструкціи и правила межеванія были предметомъ одновременныхъ канцелярскихъ обсужденій и справокъ въ продолженіе болѣе полулѣта, между тѣмъ объединеніе Малороссіи въ административномъ отношеніи ушло такъ далеко впередъ, что новое обсужденіе межеваго вопроса въ 1853 г. привело правительство къ убѣжденію, что „мѣры, изложенныя въ прежней инструкціи при настоящемъ устройствѣ малорусскихъ губерній, примѣнены быть не могутъ“.

Начались новыя соображенія о размежеваніи черниговской и полтавской губерній, а спустя пять лѣтъ указаны были новыя основанія этого дѣла отъ бывшаго въ то время управляющаго межевымъ корпусомъ, вполнѣдствіи графа М. П. Муравьева. Эти основанія заключались въ слѣдующемъ: „межеваніе Малороссіи производить согласно высочайшему повелѣнію (отъ 27 января 1838 года) по настоящему безспорному владѣнію; при разрѣшеніи споровъ принимать главнымъ основаніемъ десятилѣтнюю давность владѣнія до состоянія указа объ открытіи межеванія; казенную и частную собственность, съ небольшими исключеніями, подчинить одинаковымъ условіямъ; въ одно время съ генеральнымъ производить и спеціальное межеваніе, сообразно мѣстнымъ условіямъ края и дѣйствующимъ законамъ, принимая за главное основаніе полюбовное межеваніе; а такъ какъ оно, при дробности владѣній и по особенной привязанности владѣльцевъ къ своимъ угодыямъ въ Малороссіи, будетъ затруднительно и болѣею частію почти невоз-

¹⁾ Прибавленіе къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.», 1864 г., апрѣля 12.

можно, то установить правила для обязательнаго межеванія, опредѣливъ поземельныя единицы, при которыхъ землевлдѣльцы обязаны будутъ вымеживаться въ отрубныя дачи единственнаго владѣнія, и при которыхъ они могутъ остаться въ общихъ смѣнахъ, и наконецъ проектировать межевыя учрежденія для веденія межеванія и наблюденія за правильнымъ его ходомъ, составивъ ихъ изъ представителей разныхъ сословій и межевыхъ чиновъ, при чемъ губернскія и межевыя учрежденія должны быть судебными и вмѣстѣ административными мѣстами, а уѣздныя—только административными“¹⁾. 19 октября 1859 года было высочайше утверждено положеніе о размежеваніи Малороссіи на вышеизложенныхъ началахъ. Положеніе это не коснулось харьковской губерніи, въ которой землевлдѣніе, такъ много сходное по своему историческому происхожденію и характеру, имѣло свою особую, намъ уже извѣстную судьбу.

Эта вообще малоотрадная, какъ мы видѣли, судьба представляетъ еще одну особенность, которой не можемъ не отмѣтить въ заключеніе нашего о ней изслѣдованія. Какъ можемъ примѣчать по судьбѣ крестьянскаго землевлдѣнія въ послѣдніе годы въ ахтырской дачѣ, вѣковая путаница понятій въ этомъ жгучемъ жизненномъ вопросѣ, хотя успѣла выдѣлать въ самомъ крестьянскомъ обществѣ извѣстный процентъ, недоброжелательно относившійся къ участково-наслѣдственному землевлдѣнію и видѣвший свой прямой интересъ въ общемъ раздѣлѣ всей крестьянской земли на души, но не убило въ немъ окончательно традиціоннаго и фактическаго представленія объ исконномъ въ здѣшней мѣстности характерѣ и порядкѣ землевлдѣнія, а только внесла въ самую сердцевину крестьянскаго общества аграрный антагонизмъ, пробуждающійся при каждомъ новомъ случаѣ столкновенія двухъ противоположныхъ теченій. Любопытный и поучительный фактъ этой внутренней борьбы представляетъ намъ „заявленіе“ нѣсколькихъ десятковъ крестьянъ, владѣльцевъ старозаимочныхъ земель, поданное въ ахтырское волостное правленіе въ 1869 г., когда начались приготовительныя работы по выдачѣ владѣнныхъ записей на крестьянскія земли. Вотъ фактъ, какъ онъ изложенъ въ этомъ заявленіи. По распоряженію мирового посредника 1-го участка ахтырскаго уѣзда, 1 іюня 1869 г. было собрано крестъ-

¹⁾ Приб. къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.».

явное общество при ахтырскомъ волостномъ правленіи въ числѣ 607 человекъ; мировой посредникъ предложилъ собравшимся составить приговоръ о согласіи крестьянъ на выкупъ своихъ земель и получить владѣнныя записи... Бывшіе въ сборѣ, преимущественно безграмотные и безземельные, изъявили согласіе на выкупъ земель и другихъ угодій, раздѣливъ земли на души, о чемъ и написанъ того числа приговоръ. Легко понять, какую бурю долженъ вызвать этотъ приговоръ въ душахъ тѣхъ, которые владѣли землями по наследственному праву, и какую борьбу они должны были пережить, пока написали и представили слѣдующія простыя строки: „какъ-же владѣемъя нами на правѣ собственности земли и прочія угодья есть предковскія, старозаимочныя, переходяція изъ роду въ родъ по наследству и пріобрѣтенныя покупкою отъ разныхъ лицъ... слѣдовательно земли наши не составляютъ ни казенной, ни общественной принадлежности... и сею-же рода землями владѣютъ черезполосно съ нами дворяне, чиновники, купцы, мѣщане и цеховые на правахъ собственности, и таковыя земли выкупу не подлежатъ, какъ составляющія собственность того, кто ими владѣетъ..., а потому и приговоръ, составленный бывшимъ въ сборѣ 1 іюня 1869 г. обществомъ изъ 607 душъ есть неправильный“... Потянулась борьба на долгіе годы и трудно въ ней безусловно оправдывать или обвинять какую-либо сторону: на сторонѣ земельныхъ были исторія и право, а незадолго передъ этимъ выказался за нихъ и законъ (783 ст. 2 прим. по продолж. 1868 г. X т., I ч.); но за то на сторонѣ безземельныхъ была, можно сказать, вѣковая административная практика и цѣлый рядъ мѣръ, прямо или косвенно вводившихъ или вызывавшихъ общинное землевладѣніе. Первоначальный исходъ борьбы имѣлъ двойственный характеръ: крестьянскія земли ахтырской дачи остались фактически „на прежнемъ основаніи“, т. е. въ видѣ участково-наследственного владѣнія, но ахтырское сельское общество все таки получило общую владѣнную запись на свои старозаимочныя земли. Не смотря на то, оно продолжало, чрезъ избранныхъ изъ своей среды повѣренныхъ, ходатайство въ административномъ порядкѣ объ исключеніи старозаимочныхъ его земель изъ оклада кадастровой и государственной оброчной подати, и хотя ходатайство это вначалѣ не было удовлетворено и мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ предоставило ему

отыскивать свои права на земли, находящіяся въ оцѣнкѣ (т. е. въ кадастрѣ) судебнымъ порядкомъ, но въ концѣ это громкое дѣло, подъ названіемъ ахтырскаго, было рѣшено гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ сената въ пользу крестьянъ.

14) Нѣкоторыя общія черты козачьяго землевладѣнія полтавской и черниговской губерніи и старозаймки въ губерніи харьковской.

По общности происхожденія и прежней судьбы козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины съ старозаймочными землями харьковской губерніи считаемъ умѣстнымъ закончить сводъ матеріаловъ для исторіи послѣднихъ нѣкоторыми общими чертами въ судьбѣ первыхъ. — Здѣсь также, какъ и въ исторіи старозаймки, ярче выступаютъ заботы объ упорядоченіи землевладѣнія и обеспеченіи поступающихъ съ земли государственныхъ доходовъ, чѣмъ судьба самаго землевладѣнія. Тѣ немногіе факты, которыхъ мы хотимъ здѣсь коснуться, относятся къ позднѣйшему времени, но они дорисовываютъ общую картину пертурбацій въ южно-русскомъ землевладѣніи и уясняютъ нѣкоторыя изъ перипетій, которыя прошло старозаймочное землевладѣніе харьковской губерніи. „Попеченіе о благосостояніи малороссійскихъ козаковъ“ появляется въ то позднее время, когда главный источникъ ихъ благосостоянія волею судебъ значительно повзрѣлъ, когда историческій строй ихъ жизни путемъ переизмѣнъ въ судьбѣ цѣлаго края былъ разшатанъ и измѣненъ, а земельная собственность ихъ въ большей части перешла въ руки выродившагося изъ ихъ же среды дворянства. Въ 1834 г. учреждена была главная хозяйственная контора для малороссійскихъ козаковъ и изданъ особый уставъ для управленія ими, подъ главнымъ надзоромъ черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генераль-губернатора. Главная контора находилась въ Полтавѣ; ей подчинены были мѣстные попечительныя конторы, которыхъ въ одной черниговской губерніи было четыре. „Записки“ этой конторы ¹⁾ и дадутъ намъ нѣкоторое понятіе о по-

¹⁾ См. Земск. Сборникъ черниг. губ. 1877 г.

рядкахъ козачьяго землевладѣнія въ эту и ближайшую къ ней эпоху. Изъ нихъ мы видимъ, что хотя законъ признавалъ поземельное владѣніе козаковъ на правахъ собственности, но особымъ указомъ 25 іюня 1832 г. право распоряженія наследственными землями было для нихъ ограничено запрещеніемъ продавать эти земли лицамъ другихъ сословій, „дабы эти потомственные земли навсегда оставались козачьими, даже и въ томъ случаѣ, если-бъ владѣльцы ихъ службой или инымъ образомъ пріобрѣли права другаго сословія“... „Земли козаковъ, говорится въ названномъ источникѣ, составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, доселѣ не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ, и пространство ихъ опредѣлялось самымъ первобытнымъ способомъ: количествомъ высѣваемаго хлѣба, или числомъ косарей“. Общій хозяйственный порядокъ въ козачьихъ земляхъ былъ такой-же, какъ и въ старозаночныхъ дачахъ харьковской губерніи: они дѣлились на 3 руки, или поля—озимое, яровое и толоку или царь. „По неприведенію въ извѣстность количества земли, состоящей во владѣніи козаковъ, и по невозможности отъ сего разложить подати между козаками съ болыней уравнительностію, по мѣрѣ земли каждымъ владѣемой, для облегченія ихъ тѣмъ же указомъ велѣно было взимать и здѣсь съ каждой ревизской души по 2 р. с., включая въ сію сумму 55 коп. сер. за право вольной продажи вина. Полный же окладъ съ ревизской души, считая тутъ и другія повинности, а также поташеніе податной недоимки, былъ опредѣленъ въ 12 руб. 2 коп. ассигн.“. Такіе мотивы системы налоговъ на козачье сословіе черниговской и полтавской губерніи значительно уясняютъ и причины принудительнаго дѣлежа старозаночныхъ земель харьковской губерніи по ревизскимъ душамъ. Тамъ администрація имѣла еще передъ собою паличный фактъ—особое козачье сословіе, характеръ землевладѣнія котораго на правѣ собственности ясно былъ указанъ закономъ. Здѣсь-же козачье сословіе давно было упразднено, а между тѣмъ его личное и потомственное землевладѣніе также не было опредѣлено ни фактически, ни количественно у каждаго владѣльца; вотъ почему душевая система податей въ Харьковщинѣ, падая на полное имущественное неравенство населенія, и влеча за собою постоянно возрастающую массу недоимокъ, вызвала такъ рано соблазнъ простаго противоядія—уравнительный раздѣлъ земель.

Внутренняя раскладка общаго сбора въ населеніи козаковъ полтавской и черниговской губерній до 1833 г. предоставлена была, какъ и у крестьянъ—старозаимочныхъ владѣльцевъ харьк. губерніи, самимъ обществамъ, а съ 1833 г. козацкіе общества обязаны были распредѣлять подати соотвѣтственно количеству земли у каждаго члена и „сообразно другимъ принятымъ между козаками мѣстнымъ правиламъ“, при чемъ за всѣхъ почему-либо выбывшихъ, но изъ облада не исключенныхъ, а также и за несостоятельныхъ, подати должны были разлагаться „согласно тѣмъ-же правиламъ и обычаямъ на наличныхъ плательщиковъ“. Такимъ образомъ круговая порука въ извѣстной степени не миновала даже и козацкихъ обществъ.

Окладные листы составлялись на дѣля общества, а иногда на каждое село отдѣльно. Отсюда видно, что ни распредѣленіе податей по отдѣльнымъ статьямъ, ни внутренняя ихъ раскладка въ самыхъ обществахъ не были вполне согласованы съ началомъ личной собственности, ибо допускалась круговая порука и благоусмотрѣніе большинства членовъ общества.

На сколько далека была даже признанная закономъ личная собственность малорусскихъ козаковъ отъ того опредѣленія, которое сдѣлано ей въ X т., можно видѣть изъ того, что не только всѣ общія земскія натуральныя повинности отбывались одними только козаками и казенными крестьянами черниговской губерніи, но даже „самые сѣнокосы козаковъ отдавались въ распоряженіе командъ проходящихъ съ лошадьми безо всякаго вознагражденія“, а въ случаяхъ пожаровъ погорѣвшіе козаки, по распоряженію главной хозяйственной конторы, помѣщались квартирами у своихъ сосѣдей.

Черезполосность козацкихъ земель съ землями другихъ сословій—явленіе и здѣсь повсемѣстное, такъ какъ козацкіе земли были большею частію одного происхожденія съ старозаимочными землями харьковской губерніи, и одинаковую съ ними испытывали судьбу, то отъ вторженія элемента пришлаго, то отъ выдѣленія членовъ козацкой среды въ другія сословія.

Одинаково и здѣсь, не смотря на прежнее обиліе земли, примѣчается постепенное увеличеніе въ козацкомъ населеніи процента безземельныхъ. Въ концѣ 30 годовъ всѣхъ козаковъ черниговской губерніи считалось по даннымъ послѣдней ревизіи 197,800 душъ мужескаго пола, изъ нихъ безземельныхъ числилось 16,546 душъ

(8,273 семьи), что составляет около 8% на все населеніе. И причины обезземеленія и вообще обѣдненія козаковъ были въ большей части тѣ-же, что привели къ обѣдненію населенія б. слободскихъ полковъ и постепенному превращенію свободныхъ войсковыхъ обывателей въ крѣпостныхъ людей. Тотъ-же источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, довольно откровенно говоритъ о той борьбѣ, какая существовала тогда между мѣстными органами общей администраціи, бывшей подъ сильнымъ вліяніемъ крѣпостныхъ интересовъ, и специальными вѣдомствами козаковъ и казенныхъ крестьянъ, и которая тяжело отзывалась на положеніи этихъ послѣднихъ,—не скрываетъ и того, что само попечительное о козакахъ вѣдомство не приносило имъ никакой пользы. Чрезвычайные расходы по снаряженію козацкихъ полковъ въ 1812 г., простиравшіеся, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, по одной черниговской губерніи, до 16 милліоновъ и вызвавшіе усиленную продажу козаками своихъ земель, были конечно явленіемъ исключительнымъ, какъ и наступившій голодъ 1820 и 1821 года; въ обыкновенное-же время дѣйствовали постоянныя причины, которыя „Записки“ конторы, послѣ повсемѣстнаго давленія крѣпостнаго права, указываютъ въ самой системѣ податей и способѣ ихъ взисканія, которые съ одной стороны увеличивали пролетаріатъ, а съ другой заставляли самыхъ богатыхъ козаковъ, въ виду круговой поруки, выселяться въ другія мѣстности, что еще болѣе обременяло платежныя средства оставшихся на мѣстѣ людей средняго и малаго достатка.

Всѣ эти и многія другія, еще невѣдомыя намъ данныя, общія какъ б. гетманщинѣ, такъ и харьковскому старозаимочному землевладѣнію, необходимо брать въ расчетъ, дабы при опредѣленіи теперь % безземельныхъ, хотя-бы въ козацьемъ сословіи бывшей гетманщины, а также и въ тѣхъ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи, гдѣ еще сохранилось мелкое личное землевладѣніе крестьянъ, не отнести причину порожденія этой безземельной массы исключительно на счетъ начала самой природы мелкой земельной собственности. Психическая сторона вліянія на массоваго человѣка личнаго и общиннаго землевладѣнія при данныхъ условіяхъ происхожденія, исторіи и обстановки того и другаго, у насъ еще совсѣмъ не выяснена. Если мы не можемъ слишкомъ тѣсно понимать „зоологическую мораль“ человѣка, всецѣло состоящаго во власти

земли на общинномъ порядкѣ, то мы также не должны обходить вниманіемъ и прямаго указанія даже сухой официальной записки на многія симпатичныя стороны въ характерѣ людей, которые привыкли имѣть свое добро и ясно отличать его отъ добра ближняго.

На этомъ заканчиваемъ нашъ, можетъ быть, очень длинный, но, смѣемъ думать, не бесполезный сводъ матеріаловъ для исторіи землевладѣнія въ харьковской губерніи. Дополнительные свѣдѣнія объ этомъ весьма важномъ предметѣ, какія частію собраны нами, по окончаніи настоящей статьи, частію имѣются еще въ виду, а равно и заключительные изъ всего сказаннаго выводы, мы надѣемся въ послѣдствіи представить, если позволятъ обстоятельства.

А. Л. Шимановъ.

УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ *).

(Переводъ съ польскаго).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Жизнь польской женщины въ глубокой, коренной Польшѣ достаточно изслѣдована въ бытовомъ отношеніи; весьма подробно говорятъ объ этомъ Гурницкій, Бѣльскій, Папроцкій, подчасъ довольно интересныя частности сообщаютъ Кохановскій, Рей, Кленовичъ и другіе польскіе писатели...

Совсѣмъ иначе шла жизнь ея на окраинахъ, у границъ татарскихъ. Женщина располагала здѣсь гораздо большею свободой, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Правда, обязательныя для нея законы на Руси были тѣ-же, что и въ Литвѣ: какъ здѣсь, такъ и тамъ литовскій статутъ считался кодексомъ, съ которымъ нужно было согласовать свою жизнь; но иное дѣло законъ, и иное обычай.

*) *Niewiasty kresowe*. Историческіе рассказы д-ра Антонія І. Warszawa. 1883 г. — Вслѣдъ за выходомъ этой книги въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. данъ былъ о ней обстоятельный отчетъ. Теперь мы рѣшились передать нашимъ читателямъ въ возможно точномъ переводѣ тѣ очерки изъ этой книги, которые представляютъ намъ типы русской женщины XVI и XVII в., выросшіе на русской-же землѣ, но въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой и подъ неотразимымъ польскимъ влияніемъ. Читатели, надѣмся, по достоинству оцѣнятъ почтенный трудъ польскаго историка - беллетриста, который талантливо воспроизводитъ типы нашихъ женщинъ, по нашимъ преимущественно источникамъ, давая лишь самое незначительное мѣсто своей національной точкѣ зрѣнія. Они съ интересомъ, при томъ въ первый разъ, увидятъ эти живые образы русской женщины въ западной половинѣ Россіи, создавшіеся подъ иными влияніями и представляющіе совершенный контрастъ типу женщины того-же времени въ московской

Здѣсь, въ мѣстности полной опасностей, въ положеніи всегда угрожаемомъ, женщинѣ часто приходилось становиться на защиту семейнаго очага, на оборону домашняго скарбу... Вотъ почему, при болѣе близкомъ изученіи событій XVI-го и даже XVII-го столѣтія на окраинахъ Польши, и той выдающейся роли, какую занимала въ нихъ нерѣдко принимавшаяся за оружіе, закованная въ тяжелыя латы украинская женщина, невольно вспоминаются тѣ сказочныя амазонки, мѣсто поселенія которыхъ опредѣлялось историками между Днѣпромъ и Балтійскимъ моремъ. Не отъ этихъ-ли, въ туманѣ вѣковъ теряющихся, прототиповъ унаслѣдовали любовь къ войнамъ и наші украинскія героини?... Мягкость нравовъ внесла въ эти края лишь жена князя Василя Острожскаго, урожденная Тарновская; вмѣстѣ съ нею нахлынуло порядочное число польскихъ дворянъ и надворной шляхты, и они-то исподволь стали распространять въ волинской землѣ утонченность въ обращеніи, любовь къ музыкѣ, танцамъ, нарядамъ. Женщины, проживавшія въ укрѣпленныхъ жилищахъ, разбросанныхъ среди обширныхъ дикихъ полей, не имѣли ни малѣйшаго представленія о министраляхъ и трубадурахъ; старикъ-лирникъ, этотъ единственный степной цѣвецъ, не любовныя цѣспи приносилъ съ собою, но легенды о давнихъ битвахъ, подчасъ предостереженіе о близкой опасности, иногда измѣну,—высматривалъ, замѣчалъ слабыя стороны на-скоро укрѣпленнаго двора съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сообщить объ этомъ гайдамакамъ или инымъ своевольнымъ наѣзdnикамъ. Романъ не произрасталъ въ степи; жизнь летѣла стрѣлой; завтрашній день не принадлежалъ никому и менѣе увѣренности въ немъ было здѣсь, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

И въ самомъ дѣлѣ: какая разница въ нравахъ и обычаяхъ какой-либо богатой пани, жившей на равнинахъ Великой Польши, и владѣтельница многочисленныхъ имѣній на окраинѣ! Та любила изысканность, изящество. Вотъ для подтвержденія хотя бы ея сборы

Русь, и убѣдитесь, что, говоря о русской женщинѣ прежняго времени, что составляетъ у насъ любимый предметъ, надо строго различать ее въ двухъ отдѣльно тогда жившихъ половинахъ Россіи и нельзя хѣрять женщину южно-русскую на масштабъ московскому, по чертахъ Домостроя и «Быта русскихъ царицъ XVII в.». Быть можетъ, мы передаемъ не совсѣмъ точно заглавіе подлинника, употребили слово *украинскіи*, которое понимается теперь нѣсколько иначе; но мы принимаемъ его здѣсь въ его прежнемъ, болѣе общемъ историческомъ смыслѣ.—Ред.

къ утреннему одѣванію. „Передъ комнатою такой нарядницы стоялъ мальчикъ—пажъ, обязанностию котораго было носить шлейфъ своей госпожи и оберегать двери ея уборной, чтобы во время одѣванія никто не могъ туда войти, кромѣ ея комнатной прислуги. Когда приближалось время одѣванія, изъ дѣвичьей выходили панны-прислуживды, неся каждая, что къ ней принадлежало: одна пузырьки съ пахучими пижмами, цибетами, дорогими духами, другая зеркало, третья румяны и бѣлила, флакончики съ душистыми водами, розовымъ и балзаминовымъ масломъ, мускусомъ, амброй. Три другія дѣвушки несли кувшинъ и тазъ, рушникъ и покрывало; еще двѣ вниы слѣдовали за ними, чтобы, когда госпожа станетъ одѣваться, развлекать ее пріятными разказами“¹⁾).

Совершенно иначе въ концѣ XV ст. глядѣла „свѣтличка“ волынской княгини, хотя-бы даже знатнѣйшаго рода. Небольшой альковъ, незатѣйливая и твердая кровать, стекла въ окнахъ, какъ особая роскошь, стѣны, увѣшанныя иконами, а богатыя матеріи, альтемабасовые златоглавы и среброглавы²⁾, бархаты, канифасы, дорогія куньи и собольи шубы — спрятаны подъ замками въ кипарисовыхъ сундукахъ, готовыхъ въ далекую дорогу въ минуты опасности, всегда ожидаемой... Одна изъ наиболѣе богатыхъ владѣтельницацъ Волыни, урожденная княжна Гольшанская, вторая жена князя Курбскаго, обладавшая, кромѣ обширныхъ помѣстій, милліонами дохода и наличнаго капитала, довольствовалась однимъ, притомъ небольшимъ зеркальцемъ, штатъ-же прислуги ея состоялъ изъ четырехъ дѣвушекъ, занимавшихся шитьемъ. А вѣдь имѣла средства не отказывать себѣ; но она предпочитала содержать и разводить табуны лошадей, хотя очень заинтересована была возбужденіемъ любви къ себѣ въ своемъ мужѣ и для этой цѣли, по совѣту знахарки, держала въ кровати мѣшечекъ, наполненный пескомъ и лошадинымъ волосомъ!...

Набожность, отличающая польскихъ женщинъ, не имѣла какъ-то времени развиться на окраинахъ; къ религіознымъ вопросамъ

¹⁾ Maciejowski: Polska i Ruś. II. 260.

²⁾ Альтембасъ (отъ турецкихъ словъ: *алтынъ*—золото и *басъ*—ткань)—парча, въ которой основа шелковая, а ткань золотая или серебряная. Златоглавы и среброглавы—это головныя шапочки золотой или серебряной парчи.

Примѣч. переводчика.

относились тамъ равнодушно и только у насъ религіозное новаторство проявлялось съ такою легкостію, а главными пропагандистками онаго были женщины.

Особыя условія жизни на окраинахъ неотразимо вліяли на способности и характеръ женщины, вырабатывали изъ нея энергичную, полу-мужскую натуру, готовую на скорби и самыя ужасныя испытанія и не падающую предъ ними безъ борьбы. Пассивное противодѣйствіе нерѣдко переходило въ активное вмѣшательство: неразъ жена отправлялась вмѣстѣ съ мужемъ на развѣдки за непріятелемъ, совершала съ нимъ походы, лично командовала „заѣздами“, оканчивавшимися нерѣдко кровавой схваткой; настолько же хорошо пользовалась собственной силою, какъ и мужчина, умѣла стрѣлять, ловко вскакивала на коня, безъ усталости и отдыха совершала дальніе переѣзды, словомъ, приобрѣтала настоящій боевой закалъ.... Борзобогатая Красинская, Хмѣлецкая, воеводица кievская, княгиня Ружинская, о жизни которыхъ будемъ говорить здѣсь, не составляютъ исключеній: онѣ занимаютъ только болѣе видное положеніе въ современномъ намъ обществѣ; на протяжении полутора столѣтій можно бы насчитать много другихъ, какъ Мыльская, Тинкевичъ, Стрибылова, Трипольская и т. д. и т. д., жизни которыхъ переполнена заѣздами и тяжбами. А мелкота, глядя на женщинъ высокостоящихъ, увлекалась ихъ отвагою; и дѣйствительно, въ овручскихъ „застѣнкахъ“¹⁾ женщины продѣлывали то-же въ маломъ масштабѣ, на нѣсколько миль въ окружности, что первыя на территоріи цѣлой Волыни или Кіевщины.

Но не одна только женщина виновата въ этой разгульности и грубости нравовъ; довольно значительная часть этой вины падаетъ и на половину мужскую: слѣдуетъ признаться откровенно, что мы почитали женщину лишь на столько, на сколько послѣдняя импонировала намъ не только нравственною, но и физическою силою. Женщина рѣшительная, смѣлая пользовалась большимъ почетомъ, легко снискивала себѣ сторонниковъ, общество снисходительно смотрѣло на ея продѣлки. Къ молодой дѣвушкѣ относились, правда, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, нѣсколько по-козацки, а съ жен-

¹⁾ «Застѣнками» въ Литвѣ вазывались мелкіе, строго отграниченныя земельныя участки, которые обрабатывала сама шляхта, поселенная на нихъ.

щины, неспособной постоять за себя, мужчина въ ссорахъ частенько срывалъ „головную повязку“ (rodwike—чепчикъ), что считалось на Руси страшнѣйшею обидою; но съ другой стороны и дѣвушки поступали по своему, сами себѣ избирали мужей по вкусу, не очень-то слѣдуя совѣтамъ и наставленіямъ старшихъ. Если-же этотъ старшій имѣлъ достаточно силы, чтобы заставить своевольную дѣву стать съ немилымъ сердцу на подвѣнечномъ коврѣ, то она имѣла возможность и послѣ брака получить свободу, -- ей оставался еще разводъ („rozrust“), въ формѣ юридической всегдашней разлуки съ мужемъ, и возможность вступить въ новый бракъ уже по собственному выбору и вкусу. Скажете, что разводы случались не особенно часто? Напротивъ, они были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Унія, а подъ конецъ латинская обрядность только затруднили, но не искоренили разводовъ; болѣе доказательствъ, болѣе расходовъ нужно было, а потому только болѣе зажиточныя семьи прибѣгали къ нимъ; между тѣмъ въ средѣ простаго народа, исповѣдывавшаго восточную не унитскую вѣру, разводы удержались до конца XVII столѣтія.

Но возвратимся къ рыцарскимъ наклонностямъ украинскихъ женщинъ. Только этими свойствами можно объяснить себѣ выносливость этихъ женщинъ, когда ихъ угоняли въ „ясрь“ по пустыннымъ, знойнымъ степямъ. Ужъ конечно не въ люлькахъ транспортировали ихъ „поганцы“! Болѣе человѣчный изъ нихъ, или, можетъ быть, болѣе заботливый о томъ, чтобы его живой товаръ не сдѣлался непригоднымъ, помѣщаль плѣнную за собой на конѣ; обыкновенно-же пѣшкомъ, на привязи, нужно было совершать эту дальнюю дорогу. А потомъ въ ясрь ее, когда-то богатую и привыкшую повелѣвать барыню, ожидала тяжелая и унижительная доля невольницы гаремной. Тѣмъ не менѣе подобная участь была еще сносите тяжельхъ работъ, невольныхъ странствованій въ Азію или Африку, — сносите, но безнадежнѣе: ибо такая женщина, если она умѣла снискать себѣ любовь и расположеніе татарской семьи, съ которою связала ее судьба, теряла чрезъ это надежду когда-либо получить свободу, хотя-бы цѣною относительно громаднаго выкупа. Татаринъ или турокъ подобную находку считалъ за особый родъ благословенія Божія и вмѣстѣ съ тѣмъ за капиталъ, который въ случаѣ бѣдствія можетъ быть ему возвращенъ

съ излишкомъ. Несчастливая *бранка* принуждена была выжидать дипломатическихъ соглашеній между Крымомъ, Портою и Польшею, въ силу которыхъ могла-бы добиться свободы. Выкупы, производившіеся обществами тринитаріевъ, являются только въ концѣ XVII вѣка и наиболѣе дѣйствовали въ прошломъ столѣтіи. Многое дѣлалось для той-же цѣли и до появленія этого ордена, при посредствѣ договоровъ съ взаимнымъ обмѣномъ плѣнныхъ; часто происходили такіе обмѣны, но ни одинъ изъ нихъ не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ славный обмѣнъ невольниковъ между Москвою и Запорожьемъ съ одной и татарами съ другой стороны, продолжавшійся пять лѣтъ (1681—1685 г.) и производившійся подъ Переволочною. Происходилъ этотъ обмѣнъ ежегодно лѣтомъ; сюда пріѣзжали: царскій окольникій, полковникъ и правитель гетманской канцеляріи отъ заднѣпрянъ, а съ противной стороны мурзы и султаны; „бранцевъ“, какъ магометанъ, такъ и христіанъ, бывало по нѣсколько тысячъ; обмѣнъ шелъ голова за голову, хотя знатнѣйшихъ бояръ татаре утаивали; такъ Шереметьева, взятаго въ плѣнъ еще подъ Чудновымъ 1660 года, освободили только двадцать лѣтъ спустя, послѣ полученія 40,000 руб. выкупа. Вотъ на этихъ-то поляхъ подъ Переволочною можно было видѣть не одну землянку украинскіихъ провинцій; заручившись письмомъ Яна III къ старшинѣ запорожской, среди которой славный король пользовался большимъ почетомъ, и захвативъ съ собою набитый золотомъ мѣшекъ, она поспѣшала въ степь, чтобы при посредствѣ Кошевого выкупить изъ неволи родную „бранку“... А много, много ихъ попадало въ плѣнъ, особенно во второй половинѣ XVII столѣтія; на всемъ пространствѣ земли украинской не было такой семьи, которая не оплакивала-бы стонущаго въ неволѣ, близкаго и дорогаго сердцу существа... Несравненно легче было освободить изъ рукъ татарскихъ мужчину, чѣмъ женщину: послѣдняя, въ особенности молодая, предоставлена будучи сама себѣ, нерѣдко становилась женою своего господина; но и она, овдовѣвъ, съ значительнымъ числомъ дѣтей съ плоскими восточными чертами лица, возвращалась на родину,—на столько дорого было для нея родной земли воспоминанье!...

Въ XVII столѣтіи происходятъ коренныя измѣненія. Русь уже совершенно ополячена; польскій языкъ, латинская религія господствуютъ въ домахъ землевладѣльцевъ; всендѣзъ дѣлается учителемъ

и наставникомъ въ дѣтствѣ, становится впоследствии другомъ и совѣтникомъ въ семьѣ, перѣдко угождающимъ хозяйкѣ дома, такъ какъ она имѣла перевѣсъ надъ своимъ разгульнымъ супругомъ, предававшимся пьянству и забавамъ. Женщина, оставленная самой себѣ, не только внимательно слѣдитъ за „бабьимъ“ хозяйствомъ, но править всѣмъ имѣніемъ; усваиваетъ себѣ вкусы женщинъ запада, обучается игрѣ на арфѣ, гитарѣ, мелодиконѣ и клавикордѣ, изучаетъ пѣсни не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія; подобное направленіе распространяется такъ далеко и такъ широко охватываетъ даже бѣднѣйшіе шляхетскіе кружки, что уже къ концу прошлаго столѣтія боярскія дочери въ овручскихъ „застѣнкахъ“ и помѣщичьи дѣвушки (паніенкі) въ многочисленныхъ поселеніяхъ, разбросанныхъ по обширныхъ равнинамъ, входившимъ когда-то въ составъ барскаго староства, поютъ „Филона“¹⁾, сложеннаго Карпинскимъ, а въ то-же время по хуторамъ, среди украинскихъ полей, тамъ—близъ Черкасъ и Чигрина, гдѣ процвѣтала козацкая слава, услаждаются пѣснями хотя народными, но сочиненными гербовнымъ мѣщанствомъ и съ напѣвомъ на манеръ польскихъ пѣсень.

Прежде всего въ наиболѣе зажиточные шляхетскіе дома проникаетъ европейская роскошь, постепенно отодвигая на второй и задній планъ господствовавшую до того времени восточную обстановку: палатки, добытыя у турокъ подъ Вѣной, идутъ на обои спальныхъ комнатъ, на занавѣски, за которыми скрываются кровати, нагруженные мягкими пуховиками и множествомъ подушекъ, доходящихъ почти самаго потолка, для оружія является оружейная, для любителей табаку—курительная (fajkarnia), вмѣсто избъ для гостей—салоны, вмѣсто разныхъ лавъ—мебель краснаго дерева, которой остатки уцѣлѣли до настоящаго времени и за которые любители старины платятъ столь баснословныя цѣны. Въ салонѣ царствуетъ женщина разодѣтая, раздушенъная, напудренная, съ искусственнымъ румянцемъ на щекахъ,—точно такая-же на окраинѣ, какъ и въ Великой Польнѣ и въ Литвѣ. Своимъ чередомъ приходитъ страсть къ политикѣ; „мудриху“, подражающую каменецкой каштеляновой, можно встрѣтить чуть-ли не въ каждомъ уѣздѣ, да къ

¹⁾ «Филона» — это любимый въ ту пору романсъ.

тому-же и не одну. Онѣ принимаютъ участіе въ конфедераціяхъ, въ совѣщаніяхъ на сеймикахъ, въ сѣздахъ сельскихъ хозяевъ, проникають наконецъ въ трибуналы, въ сеймы; любезничаютъ нерѣдко съ предводителями союзныхъ армій, тоже ради пользы „застѣвковой“ дипломатіи... однимъ словомъ, верховодничаютъ въ краѣ.

И однако, рядомъ съ этими, на видъ непривлекательными чертами, съ этими проявленіями легкомыслія и распущенности,—простите, не умѣю идеализировать, пишу по источникамъ, на основаніи фактовъ,—часто встрѣчаются прекрасные примѣры и глубокой привязанности, и безграничнаго самопожертвованія, и терпѣнія въ несчастіи,—такомъ великомъ несчастіи, котораго ты, прелестная читательница, и вообразить не можешь,—ты, бѣдное, слабое существо, воспитанное въ нѣгѣ, окруженное роскошью и достаткомъ, или по меньшей мѣрѣ тѣми мелочными удобствами, которыя дѣлають для тебя жизнь пріятною и безъ которыхъ ты не въ состояніи и представить себѣ эту жизнь. Но нѣтъ, прости! погруженный въ воспоминанія о прошломъ, я совершенно забылъ, что и ты, когда полюбишь, когда рѣшишься на жертву,—сумѣешь отречься отъ всего и, выброшенная изъ колеи жизни потрясеніями, съ достоинствомъ сносишь недолю! Челомъ бью тебѣ и твоимъ предшественницамъ, хотя такъ не похожи вы другъ на друга!

Доселѣ вступленіе; теперь начерчу, одинъ за другимъ, нѣсколько типовъ.

АННА ИЗЪ КНЯЗЕЙ СОКОЛЬСКИХЪ .

Ворзобогатая-Красинская.

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI СТОЛѢТІЯ).

Было то въ началѣ сентября 1565 года.

Въ епископскомъ дворцѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ, жилъ панъ Василій Борзобогатый-Красинскій, королевскій секретарь, вмѣстѣ съ женою своею Анною, изъ князей Сокольскихъ, а жилъ тамъ по той простой причинѣ, что его отецъ незадолго передъ этимъ получилъ „отъ господаря“ привиллегію на владимірское епископство и въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, находился при королѣ въ Гроднѣ.

Всего только два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ поселилась здѣсь семья епископа; она еще не получила въ свое пользованіе всѣхъ епархіальныхъ имѣній, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ тяготѣли давнишнія обязательства, оставшіяся послѣ предшественника Красинскаго, епископа Іосифа.

И вотъ совершенно неожиданно является къ молодому Борзобогатому королевскій посланецъ, Петръ Семеновичъ, съ грамотой Сигизмунда-Августа, и говорить:

— Вотъ грамота „господаря“, которою владыка холмскій, Θεодосій Лазовскій, назначается епископомъ владимірскимъ; а потому спрашиваю тебя, панъ Василій, угодно-ли тебѣ названное епископство уступить новопоставленному святителю восточной церкви?

Натурально, онъ получилъ отвѣтъ отрицательный. Читатель не мало конечно удивится тому, какъ стало, что король одинъ и тотъ-же епископскій престолъ отдастъ одновременно двумъ кандидатамъ. Тѣмъ не менѣе это случалось нерѣдко, притомъ вслѣдствіе причинъ, распутать которыя, слѣдуетъ сознаться, мы не умѣемъ съ достаточною полнотою. По мнѣнію Вартошевича, подобныя явленія происходили будто-бы вслѣдствіе неточныхъ справокъ, находившихся въ распоряженіи королевской канцеляріи (*ad malam informationem cancellariae*) ¹⁾... Обыкновенно въ столицѣ и послѣ люблинской уніи немного знали о томъ, что происходило на окраинахъ, а что-жь до уніи?.. Иногда король давалъ на одинъ случай двѣ привилегіи, зная хорошо положеніе дѣла, но тогда послѣдняя привилегія получала значеніе только послѣ того, какъ первая почему-либо теряла свою силу. Кажется, что въ данномъ случаѣ именно было такъ, хотя могли существовать и другія побудительныя причины: нужно знать, что Красинскій тогда не получилъ еще посвященія и оставался свѣтскимъ, а въ то-же время, и уже нѣсколько лѣтъ, на лудско-острожскомъ епископскомъ престолѣ сидѣлъ шляхтичъ Маркъ Журавницкій, который торжественно обѣщавъ, что, принявъ епархію, облечется въ святительскія ризы, по слова не сдержавъ и до конца жизни оставался владыкою, употреблявшимъ вмѣсто рясъ — ферязъ, вмѣсто креста — саблю. Роптала на это шляхта грече-

¹⁾ Encyklop. powszechna Orgelbranta. T. XVII, стр. 569.

скаго исповѣданія, роптало и кievское духовенство; быть можетъ, именно эти уклоненія имѣя въ виду, король и склонился на сторону Лазовскаго, который уже издавна священствовалъ.

Послѣ этого краткаго разъясненія, возвратимся опять къ прерванному разсказу.

Василій Красицкій, какъ уже знаемъ, далъ королевскому посланцу отрицательный отвѣтъ, и именно въ такихъ словахъ:

— Пока ты, мости-шляхтичъ, не переплешь грамоты „господаря“ моему отцу, и я не получу отъ него инструкцій, какъ мнѣ быть, до тѣхъ поръ не допущу никого на епископскій престолъ.

Тогда Петръ Семеновичъ заявилъ, что къ насилію прибѣгать не намѣренъ, пригласилъ только вознаго и вмѣстѣ съ нимъ подалъ объявленіе о произшедшемъ во владимірскій гродскій судъ.

Прошло дней десять; молодой Красицкій приготовлялся къ оборонѣ, но какъ для этого средства у него были не большія, то оборона не обѣщала успѣха.

Между тѣмъ новый владыка подступилъ къ городу съ большою вооруженною свитою; онъ привелъ съ собою двѣсти конныхъ и триста чезовѣвъ пѣхоты, привезъ пушки, орудія для осады и занялъ старостинскій замокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ штурму епископін, Лазовскій еще разъ пытался покончить дѣлю миромъ; онъ послалъ къ пану Василю парламентаревъ, а именно: упоминаемаго уже выше Петра Семеновича, холмскаго подсудка Яна Верещинскаго, Яроша Тура и нѣсколько другихъ мѣстныхъ землянь. Подъ воротами епископскаго дворца произошла встрѣча враждующихъ сторонъ. Красицкій стоялъ на своемъ, требовалъ грамоты „господаря“, твердилъ особенно, что безъ отца ничего начать не можетъ.

Тогда Верещинскій вспылилъ и закричалъ:

— Владыка холмскій не станетъ посылать королевской грамоты твоему отцу, или просить у тебя уступки; онъ отберетъ это епископство, какъ свое собственное, а ты за то, что не хочешь добровольно уступить, уплатишь 10,000 копъ грошей штрафа. Пропадете вы оба съ отцемъ, такъ какъ пастырь нашъ будетъ твердо настаивать на взысканіи...

Стороны разошлись, а на другой день начался уже формальный штурмъ. 14 сентября, на разсвѣтѣ раздался звонъ колоколовъ

въ „лицомъ костелъ“, а вслѣдъ за тѣмъ заиграли орудія. Было девять пушекъ у Лазовскаго: четыре подкатили подъ епископскую резиденцію, четыре помѣстили въ старостинскомъ замкѣ и одну на плотинѣ. Ядра направлены были на русскій кафедральный соборъ и на дворецъ владыки, въ которомъ проживала семья Красинскихъ. При звукѣ выстрѣловъ собралось изъ окрестныхъ селъ до полуторы тысячи простаго народа; подохоченный водкой, онъ тѣмъ смѣлѣе шель въ огонь съ гаковницами и рушницами, что осажденные защищались слабо. Это былъ настоящій день страшнаго суда: гулъ выстрѣловъ не прекращался до сумерекъ; всѣ, кто жилъ въ епископской резиденціи, попрятались въ погреба, деревянныя строенія обрушились отъ дѣйствія ядеръ; каменная кафедральная паперть превратилась въ мусоръ; наиболѣе пострадали колокольня и украшавшія святыню разноцвѣтныя окна. Василій потерялъ надежду отбить нападеніе, но, что важнѣе, и храбрая его супруга Анна упала духомъ; первый разъ ей пришлось быть въ боевомъ огнѣ. Рѣшили они съ наступленіемъ темноты ночью уйти изъ замка. И дѣйствительно въ два часа ночи, предъ разсвѣтомъ, они безъ шума ушли верхомъ, безъ свиты и слугъ, и направились къ Соколю, родовому имѣнію князей Сокольскихъ, все свое имущество оставляя въ рукахъ непримиримаго врага.

На другой день утромъ новый владыка съ триумфомъ въѣзжалъ въ свою столицу и вступалъ на престолъ по ступенямъ, обограннымъ кровію вѣрныхъ, ибо эта своевольная расправа не обошлась безъ жертвъ: во рвахъ замка лежало нѣсколько труновъ, раненыхъ было вдвое больше; но стоны этихъ послѣднихъ заглушались привѣтственнымъ трезвономъ кафедральныхъ колоколовъ и благодарственными пѣснями за побѣду надъ врагомъ. Понятно, движимое имущество этого врага стало собственностію триумфатора. *

Красинскій подалъ жалобу королю; поднялся гвалтъ, обыкновенный впрочемъ въ эту эпоху. Уже не въ первый разъ пастыри приступомъ добывали свои епископіи. Въ данномъ случаѣ и Сигизмундъ-Августъ очевидно далъ предпочтеніе Лазовскому; онъ и не зинилъ его за насильственный захватъ владимірской кафедры, а только за разрушеніе святыни и ограбленіе Борзобогатаго. Только въ октябрѣ этого-же года, т. е. мѣсяць спустя послѣ описаннаго происшествія, прибылъ на Волинь новый королевскій посланецъ,

Явъ Богухваль, въ сопровожденіи луцкаго вознаго и нѣсколькихъ слугъ пострадавшаго, и отправился къ Лазовскому. Прибывшіе за-стали пастыря въ церкви,—это ободрило ихъ; они смѣло отправились въ храмъ въ увѣренности, что въ его стѣнахъ не встрѣтятъ дурнаго приѣма. Но они сильно ошиблись въ расчетѣ: епископъ Θεодосій, узнавъ о непріятномъ посѣщеніи, ускорилъ заутреню и съ посохомъ въ рукѣ выбѣжалъ изъ алтаря; тогда Богухваль подалъ ему королевское посланіе, но раздраженный владыка оттолкнулъ его и, бросившись на старшаго изъ слугъ Красинскаго, Ермолая Сѣвницкаго, избилъ его до крови, остальныхъ-же троихъ—Севастіана Осинскаго, Василя Костія и Яна Ястрембскаго повалилъ на земаю, топталъ ногами, метался въ бѣшенствѣ, а подъ конецъ закричалъ:

— „Если-бы сюда явился самъ Красинскій, то я велѣлъ-бы изрубить его въ куски и бросить собакамъ на съѣденіе“!

Обращаясь-же къ Богухвалу, прибавилъ:

— „Я и не думаю являться „на роки“¹⁾ не только въ двѣ, но и въ двѣнадцать недѣль; не зачѣмъ мнѣ ѣхать; письмо, которое ты мнѣ показываешь, должно быть поддѣльное, на немъ нѣтъ подписи короля... Уходи-же, чтобъ и тебя не постигло что-нибудь недоброе“...

Этимъ и кончилось дѣло. Могло статься, что Сигизмундъ и не зналъ о сопротивленіи, оказанномъ владыкою, а можетъ быть онъ и зналъ, но молчаливо спесъ обиду; только Лазовскій, не смотря на все безправіе, какое онъ допускалъ, до самой кончины своей, т. е. до 1588 года, возсѣдалъ на владимірской кафедрѣ.

Все это весьма походитъ на вымыселъ расхвалившейся фантазій, и тѣмъ не менѣе все это, отъ начала до конца, истинная правда, даже болѣе,—вполнѣ точная передача содержанія двухъ актовъ, извлеченныхъ изъ книгъ луцкаго гродскаго суда²⁾.

Но въ настоящее время намъ нѣтъ дѣла ни до владимірской епархіи, ни до пастыря, распоряжающагося въ ней слишкомъ сво-вольною; онъ введенъ нами въ рассказъ потому только, что имѣлъ

¹⁾ Роки—судебные, судебныхъ сессій сроки.

²⁾ Акты, относящіяся къ исторіи православной церкви въ юго-западной Росіи. Киевъ. 1859 г., т. I, ч. I, стр. 7—15.

столкновеніе съ Красинскимъ, а этотъ послѣдній былъ мужемъ Анны Сокольской, съ похождениями которой и желаемъ поближе ознакомить нашихъ благосклонныхъ читателей.

Анна, урожденная княжна Сокольская, принадлежала къ обѣднѣвшему и захудалому роду. Сокольскіе вымерли уже въ XVI в.; хотя Несѣцкій утверждаетъ, что въ Литвѣ они превратились въ Сокульскихъ, но намъ кажется это баснею¹⁾. О волынскихъ предкахъ Анны знаемъ немного. Подъ 1518 годомъ находимъ трехъ князей Сокольскихъ: Андрея, Солтана и Юрія. Двадцать лѣтъ спустя, при опшечъ лудцаго замка, выступаютъ съ этою фамиліею еще двое „землянъ“²⁾, Богданъ и Иванъ, оба изъ Соколя, небольшого селыца, лежащаго въ окрестностяхъ города Лудца; но они владѣли и въ предѣлахъ замка домами, въ которыхъ содержали большое число прислуги, ибо мѣщане жаловались ревизорамъ, что прислуга Сокольскихъ не исполняетъ городскихъ повинностей³⁾. Опять другіе три Сокольскіе подписали люблинскую унію: Максимъ изъ Схольинева, Остафій, подсудокъ земскій лудцій, и Маркъ изъ Соколя⁴⁾. Этотъ послѣдній, сынъ вышеупомянутаго Солтана⁵⁾, жилъ во второй половинѣ XVI столѣтія и состоялъ посломъ на избирательномъ сеймѣ 1573 года⁶⁾. Онъ былъ родной братъ Анны и часто пособлялъ ей въ спорахъ съ сосѣдями. Кто была матерью нашей героини, намъ совершенно неизвѣстно; не можемъ такъ-же сказать, въ которомъ именно году она сдѣлалась женою Василія Борзобогатого-Красинскаго; одно только вѣрно, что въ періодъ только-что описанной борьбы двухъ владыкъ ей было лѣтъ тридцать съ лишнимъ.

Кто-же были Борзобогатые, въ семью которыхъ вступила Анна? — Въ царствованіе Сигизмунда-Августа они начинаютъ уже преобра-

¹⁾ Когона, VIII, 447.

²⁾ Землянинъ — владѣлецъ земельной собственности, что давало ему право голоса на сеймахъ, — помещикъ.

³⁾ Źródła dziejów. V. Przedmowa. стр. XXXI и 61. Памятникъ, издаваемые вѣковною комиссіею. IV, 2, 146.

⁴⁾ Postanowienia prowinc. sejmików. Стр. 3, 7, 14.

⁵⁾ Жизнь князя Курбскаго. Кіевъ, 1849 г., I, 41.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 49.

жаться по типу польской шляхты и получаютъ гербъ „Jelita“ ¹⁾, но въ то-же время теряютъ имѣнія. Имъ принадлежала Заборольская волость, расположенная въ луцкомъ уѣздѣ; но они принуждены были отдать ее за долги Малинскому, вольнскому маршалку ²⁾. Въ ихъ владѣніи остался только небольшой клочекъ земли, называвшійся Краснымъ, Красинкомъ или Красникомъ; отсюда и стали они называть себя Красинскими. Въ памятный годъ люблинской уніи въ Рыканахъ жили изъ родичи или однофамильцы ³⁾.

Ихъ Борзобогатый, какъ самъ себя уже по-польски называлъ, сынъ Яцка, русинъ, обѣдѣвши, выпросилъ себѣ у Боны 1548 года луцкое войтовство, но на немъ состоянія не сдѣлалъ ⁴⁾, а семью имѣлъ, именно дочь и двухъ сыновей. Дочь сперва вышла замужъ за Добрыльчицаго, но вскорѣ развелась съ нимъ и вторично вступила въ бракъ съ Александромъ Журавницкимъ, ключникомъ и городничимъ, а впоследствии старостой луцкимъ. Одинъ изъ братьевъ, Петръ, скончался холостякомъ, а второй, по имени Василій, женился на княжнѣ Аннѣ Согольской. Последняя не принесла въ приданое мужу ничего, или-же весьма мало принесла; она была совсѣмъ бѣдная дѣвушка и разиѣ только ея энергія и готовность дѣлать съ мужемъ хорошую и дурную долю могли снисывать ей расположеніе семьи Красинскихъ.

Всѣ надежды представителя этой семьи, т. е. отца, сосредоточились теперь на дочери и на сближеніи, за ея посредствомъ, съ домою Журавницкихъ, которые пользовались большимъ почетомъ и обладали не малымъ состояніемъ. Имъ принадлежали тогда Журавницы и Жабокрийи; правда, эти имѣнія были у нихъ куплены княземъ Богушемъ Корецкимъ за 4,000 копъ литовскихъ грошей, но случилось это уже значительно позже ⁵⁾. Отецъ Александра, мужа Красинской, былъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ ⁶⁾. Но истиннѣ удивительный то былъ владыка! Съ именемъ только „нареченнаго“,

¹⁾ Niesiecki. II, 257.

²⁾ Памятники, изд. врем. ком. III, 2, 174, 187.

³⁾ Postanowienia szlach. prow. sejmików. Стр. 14.

⁴⁾ Polska starożytna, II, 825.

⁵⁾ Архивъ юго-западной Россіи. I, 1, 107.

⁶⁾ Script. rerum polonicarum IV. (Ostatnie Stebelskiego prace), стр. 288.

не принимая посвященія, онъ управлялъ епархіей цѣлыхъ десять лѣтъ, вплоть до самой кончины своей¹⁾. Естественно, о благосостояніи и процвѣтаніи церкви совершенно не заботился, въ обращеніи съ священниками былъ суровъ; иногда занимался съ ними диспутами; непонятливыхъ билъ кіями, и хотя имѣлъ нѣкоторую начитанность въ книгахъ церковныхъ, но святительскихъ ризъ на себя не возлагалъ; не обращая вниманія на частыя напоминанія кievскаго митрополита и предостереженія короля, жилъ и умеръ шляхтичемъ и велѣлъ даже похоронить себя въ кунтунѣ.

У этого-то Журавницкаго частенько бывалъ въ гостяхъ Янъ Борзобогатый. Прежде ихъ соединяла дружба, теперь—родство. Владыка горячо любилъ своего старшаго сына, а было ихъ у него четыре. Этотъ первенецъ, полагать должно, наиболѣе умѣлъ угождать отцу и жилъ при немъ постоянно, когда прочіе искали хлѣба по бѣлу-свѣту. Красинскій въ свою очередь любилъ единственную дочь больше прочихъ дѣтей, и вотъ любовь къ дѣтямъ соединила отцовъ еще болѣе тѣсными узами. Легко могло статься, что Борзобогатый, насмотрѣвшись на полную довольства, панскую жизнь епископа Марка, или, быть можетъ, по его-же совѣту обратился къ королю съ просьбой пожаловать ему владимірскую епархію, которая оставалась вакантною послѣ недавно умершаго Іосифа. Король принялъ просьбу благосклонно, но скоро пожалѣлъ о своей поспѣшности и обратилъ свою милость на другаго; впрочемъ, и это послужило Борзобогатому въ пользу, такъ какъ онъ, въ видѣ удовлетворенія за вышеописанную обиду, получилъ жидичинскую архимандрію (въ декабрѣ 1569, или-же въ январѣ 1570 года)²⁾... Онъ ждалъ терпѣливо, дождался смерти Журавницкаго и втиснулся въ Луцкъ, не смотря на соперничество Андрея Русина, владыки пинскаго. На этотъ разъ перевѣсъ оказался на сторонѣ перваго, такъ какъ теперь помогали ему и сыновья, и племянники,

¹⁾ Назначеніе получилъ 10 января 1561 г. (Жизнь кн. Курбскаго, II, 244).

²⁾ Script. rer. polon. 1878. (Ostatnie Stebelskiego prace). Въ спискѣ архимандритовъ слѣдуетъ исправить ошибку (стр. 366). Красинскій слѣдался жидичинскимъ архимандритомъ не въ 1551 г., но въ 1569 г. (можетъ быть, сейчасъ же послѣ подписанія люблинской уніи). Теофанъ Грекъ былъ только *de jure* пять лѣтъ архимандритомъ, но *de-facto* почти не жилъ въ Жидичинѣ: его выгнали оттуда Красинскій, а послѣ его смерти Гедеонъ Балабанъ.

и зять—ключникъ и городничій луцкій, уже давно, за плечами только теперь умершаго отца, хозяйничавшій въ имѣніяхъ епархіи. По канонамъ церкви православной, шансы обоихъ владыкъ были одинаковы: оба они были только „нареченными“. Красинскій началъ съ того, что удовлетворилъ требованію митрополита Проташевича: принялъ посвященіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Іоны ¹⁾. Все значить было въ порядкѣ. Совершена была инсталляція ²⁾, а послѣ нея и ввѣдъ во владѣніе имѣніями, приписанными къ епископіи. Бѣднякъ шляхтичъ сдѣлался магнатомъ. Но и его также немало не занимали судьбы церкви, и онъ также доходы съ имуществъ церковныхъ пряталъ въ свой собственный карманъ или раздавалъ дѣтямъ и родственникамъ.

Въ нашихъ рукахъ имѣются доказательства, что эти доходы были значительны. Луцко-острожская епархія по богатству уступала, правда, владимірской, но ее совершенно невозможно сравнивать съ имѣніями, находившимися въ распоряженіи латинскихъ епископовъ, управлявшихъ католическою церковью въ украинскихъ діецезіяхъ. Красинскому принадлежали кафедральный соборъ въ луцкомъ замкѣ, построенный еще великимъ княземъ Любартомъ, кафедральная церковь въ Острогѣ, церковь св. Владиміра во Владимірѣ,—всѣ обезпеченные значительными доходными статьями, да сверхъ того четыре мѣстечка и тридцать четыре села, разбросанныя по двумъ смежнымъ уѣздамъ—луцкому и владимірскому.

И чего тутъ недоставало человѣку, хотя бы даже привагншему къ большимъ удобствамъ? Прекрасная резиденція въ верхнемъ луцкомъ замкѣ, въ которой владыка проводилъ зиму; здѣсь удобно было отсидѣться отъ нападений и опасностей, здѣсь именно, за замковыми дверями, хранилъ онъ болѣе цѣнныя свои сокровища. Наиболѣе красивымъ дачнымъ мѣстомъ было Ружище, неподалеку отъ города. Еще князь Любартъ, строитель соборной церкви во имя Іоанна Божьего, отписалъ Ружище на содержаніе владыкъ на вѣчныя времена, и возлѣ села бобровые горы надъ Стыромъ, съ пущами и лѣсами, сверхъ того селенія Жолобовъ, Чудинь, Теремець, Ры-

¹⁾ Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 29.

²⁾ Инсталляція—офіціальныи актъ опредѣленія на должность.

ловъ-Боръ,—вообще говоря, прекрасный, всѣмъ изобилующій кусокъ земли ¹⁾).

Именно здѣсь поселился новый пастырь, въ обширномъ изъ дерева podrzew дворцѣ; здѣсь была у него домовая церковь, богатая дорогою утварью; здѣсь даже подписалъ онъ актъ люблинской уніи, доставленный ему сюда королевскимъ дворининомъ Вольскимъ, такъ какъ самъ лично по болѣзни не могъ явиться въ городъ ²⁾). И одинъ-ли онъ не явился по приглашенію? Чуть-ли не всякій волынской панокъ ждалъ, пока ему принесутъ этотъ документъ на домъ; несчастный Вольскій рыскалъ по Волыни въ теченіи вѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока собралъ эти подписи.—Далѣе, кромѣ Ружницъ съ окрестностями, луцко-острожскому владыкѣ принадлежали еще два оборонительные небольшіе замки, выстроенные въ принадлежащихъ епископіи мѣстечкахъ: одинъ въ Харауцѣ, другой въ Жабчѣ. Первый изъ нихъ, подаренный Свидригайлomъ, расположенъ былъ на возвышенности, окруженъ крѣпкою стѣною съ бойницами и, во время перехода его во владѣніе Красинскаго, имѣлъ достаточное количество амуниціи: три литыя и двѣ желѣзныя пушки, въ цехгаузѣ 20 гаковницъ, 56 ружей, порохъ, ядра и пули; селенія же Покощевъ, Бакоринъ и Новоселка поставляли пужное число способныхъ въ оборонѣ людей. Замокъ въ Жабчѣ высматривалъ еще красивѣе, былъ большіихъ размѣровъ и на случай обороны имѣлъ пять орудій, пятьдесятъ гаковницъ и сто двѣнадцать ружей. Впрочемъ владыка Іона засталъ здѣсь своего зятя Александра Журавницкаго, сына предшественника Красинскаго, засталъ и оставилъ его въ той-же волости бесплатнымъ арендаторомъ, прибавивъ ему еще два села: Рубинъ и Колодівъ. Журавницкіе уже привыкли къ владѣнію этою мѣстностью; переходила она отъ дѣда—епископа къ отцу—старостѣ, отъ отца къ сыновьямъ, такъ что одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Маркъ, луцкій старостичъ, считалъ ее уже своею собственностію и, когда Кирилль Терлецкій, сдѣлавшись луцкимъ епископомъ (1585 г.), силою выгналъ оттуда Марка, этотъ послѣдній жаловался на Кирылла въ судъ, какъ на грабителя ³⁾. Но, пока

¹⁾ Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 206.

²⁾ Postan. szlach. prowін. sejmików. Стр. 14.

³⁾ Акты къ ист. правосл. церкви. Стр. 197.

это случилось, Александръ былъ самовластнымъ господиномъ въ Жабчѣ, какъ и въ родовомъ своемъ Блудовѣ. Такимъ-же точно образомъ найстаршій сынъ Красинскаго, Василій, хозяйничалъ во всѣхъ епархіальныхъ имѣніяхъ, наблюдая одновременно и за доставшимся ему въ наслѣдство Красинькомъ.

Такъ сложились отношенія въ луцко-острожской епископіи къ концу 1570 года.

Собственно говоря, ни епископъ Красинскій, ни сынъ его Василій, ни даже зять его, ключникъ и городничій луцкій, не управляли епископіей: всѣмъ распорядилась здѣсь Борзобогатая, жена Василія, женщина желѣзнаго характера, буйнаго нрава, обладавшая всѣми достоинствами и недостатками свойственными *некрасной* половинѣ человѣческаго рода. И дѣйствительно, ничего не было женственнаго въ этой волинской амазонкѣ: заѣзды и тяжбы поглощаютъ все ея время; не хватаетъ у ней свободной минуты на ласки для дѣтей, а потому она возитъ ихъ за собою, они сопутствуютъ ей въ походахъ на сосѣдей и настолько успѣшно воспитываются въ этой школѣ, что, едва достигли юношескаго возраста, помогаютъ матери въ ограбленіи крестьянъ, населяющихъ епископскія земли, участвуютъ въ схваткахъ съ Курбскимъ, Пронскимъ, Бокіями и даже съ княземъ Острожскимъ, который является здѣсь правительственнымъ лицомъ, какъ маршалокъ Волыни и королевскій делегатъ.

Слѣдуетъ признать, что это была незаурядныхъ способностей женщина, ибо она сумѣла сгруппировать вокругъ себя людей вліятельныхъ. Прежде всего она подчинила себѣ мужа. Санъ Василій, обладавшій только однимъ, да къ тому-же бессодержательнымъ титуломъ королевскаго секретаря, былъ надежнымъ и вѣрнымъ въ рукахъ жены орудіемъ. Мужнинымъ отцемъ еще легче было завладѣть: старый, изжившійся, до страсти любившій пирушки и удобства жизни, онъ легко поддавался вліянію каждаго, кто только могъ ему обезпечить все это; Анна заботилась о тестѣ, а потому пользовалась у него большимъ значеніемъ; по ея старанію младшій братъ ея мужа, Петръ, получилъ отъ отца въ бесплатную аренду жидичинскую архимандрію, шурина Журавницкому она обезпечила Жабче, и вотъ сторонники уже готовы; если-же сюда прибавимъ

еще нѣсколькихъ родственниковъ, людей чѣмъ либо обязанныхъ, пріятелей, то получится довольно внушительная партія.

Какимъ однако образомъ выработался въ женщинѣ столь несвойственный ей полу характеръ? И на этотъ вопросъ легко найти отвѣтъ, стоитъ только внимательнѣе присмотрѣться къ тогдашнему волынскому обществу, ближе познакомиться съ окружавшей Анну средой. Весьма интересно, хотя и не совсѣмъ пріятно это изслѣдованіе; но такъ какъ безъ него нашъ рассказъ былъ-бы не полонъ, то мы сдѣлаемъ это хотя вратцѣ, ибо послѣ того намъ легче будетъ понять воинственныя и сутяжническія наклонности Василевой Красинской.

Волынь въ половинѣ XVI столѣтія пользовалась можетъ быть болшею свободой, чѣмъ остальныя провинціи Рѣчи-Посполитой; это было какъ бы удѣльное княжество, съ немалымъ числомъ князей, соединенное съ Литвой только слабыми административными узами, зависимое отъ короля лишь на столько, на сколько этотъ послѣдній былъ великимъ княземъ литовскимъ не только *de jure*, но и *de facto*,—слѣдовательно, почти совершенно независимое. Жители этого уголка не знали, что дѣлать со своею свободой: ея было столько, что, на подобіе цѣнистаго напитка, она проливалась черезъ край, а проливаясь нерѣдко переходила въ своеволіе.

Русныя по крови и кости, порвавши связь съ давними традиціями, они не успѣли еще приспособиться къ новому порядку жизни; извѣстно, какъ надменно принимали они королевскихъ посланцевъ, какъ пренебрежительно относились къ люстраторамъ, осматривавшимъ замки въ 1545 году, какъ потомъ, значительно позже, послѣ люблинской уніи, могущественный и энергичный Стефанъ Баторій не былъ въ состояніи укротить дерзкаго своеволія нѣкоторыхъ „землянъ“ и даже „землянокъ“ волынскихъ.

И не мало ихъ и было: однихъ княжескихъ родовъ было около тридцати; большинство изъ нихъ уже сходило со сцены, бѣдило, но и до могилы не оставляло прежняго высокохврія. Приобрѣтали силу и значеніе: коширскіе и ковельскіе Сангушки, Вышневецкіе, Чарторыжскіе, Заславскіе, Четвертинскіе, Пронскіе, Корецкіе, а надъ всѣми возвышался славный родъ Острожскихъ; по состоянію громаднымъ значеніемъ пользовались вымирающіе Гольшанскіе. Но въ гордости не уступали предъидущимъ и „ходачковые“ князья,

какъ напр.: Порицкіе, Курцевичи, Кропотки, Козики, Ероговичкіе, Дубровицкіе, Воронецкіе, Соколинскіе, Любецкіе, Ружинскіе, Масальскіе, Острожецкіе, Соломерецкіе, Велицкіе, Боремельскіе и Земляцкіе. Подлѣ нихъ, на территоріи трехъ волынскихъ замковъ, группировалось сто съ лишнимъ шляхтичей средней руки, въ числѣ которыхъ были и фивансовые потентаты, какъ напримѣръ: Загоровскіе, Сенюты, Гойскіе.

О колонизаціи польской шляхты еще не было рѣчи въ это время; королевскіе ревизоры внесли въ списки только одну чистокровную польскую семью, именно Стадицкихъ, поселившихся во владимірскомъ уѣздѣ.

Восточная церковная обрядность господствовала въ полной силѣ; король ей покровительствовалъ, духовенство пользовалось большими преимуществами, а высшіе сановники церкви—громадными имѣніями. Но, вообще говоря, клиръ стоялъ довольно низко: низшіе чины—малограмотные, темные, „омужичившіеся“ (schłoriady), а въ верху—владыки проникнутые болѣе рыцарскимъ, чѣмъ религіознымъ духомъ. А потому справедливо замѣчаетъ Бартошевичъ, что „церковь упала; управлялъ ею, кто хотѣлъ; русскіе паны находящіеся въ ихъ имѣніяхъ монастыри обратили въ староства, о службѣ Божьей не заботились“¹⁾. Дошло до того, что эти паны испрашивали себѣ у короля епископства, не получивъ еще посвященія въ духовный санъ; подобный владыка конечно не заботился о поднятіи подвластнаго ему духовенства; напротивъ, темные священники были ему на-руку, такъ какъ ихъ легче было обдирать безнаказанно.

Вотъ почему съ такою легкостью принялось здѣсь новаторство; ему помогала индифферентизмъ мѣстныхъ жителей.

При такихъ обстоятельствахъ и общественная и семейная жизнь имѣли видъ далеко не привлекательный. Мы готовы были-бы сказать, что подражаніе западу дало здѣшней женщинѣ слишкомъ много свободы, если-бы у насъ не было доказательствъ, что женщина на Волыни несравненно раньше пользовалась черезъ-чуръ большою свободой; она была окружена почетомъ, чуть-ли не поклоненіемъ, имѣла доступъ на совѣщанія, работѣнно, съ покорностью ее слу-

¹⁾ Encyklop. powszechna. XV, стр. 963.

шали,—все это въ концѣ концовъ отозвалось ущербомъ на ея нравственной сторонѣ. Отсюда разводъ сдѣлался обыкновеннымъ явленіемъ, что доказываетъ разпаванность семейныхъ основъ. Эти разводы, какъ уже было сказано ранѣе, получались судебнымъ порядкомъ, помимо церкви: неудачно подобранная пара поправляла дѣло въ судъ; иногда не обращались и къ посредничеству суда: супруги при свидѣтеляхъ выдавали другъ другу акты развода или „роспуста“, и тѣмъ кончалось дѣло.

Не думайте, впрочемъ, что это были исключительныя явленія; въ доказательство приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ случаевъ, которые имѣли мѣсто въ средѣ, окружавшей Анну Борзобогатую, — чуть-ли не съ ея сверстницами и сосѣдками. Прежде всего нужно упомянуть о Маріи Красинской, родной сестрѣ мужа пани Василевой: вступивъ въ бракъ съ Яцкомъ Стуковичемъ Добрыльчицкимъ, жила она съ нимъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ и десятки лѣтъ; у нихъ было уже четверо дѣтей—двѣ дочери и два сына. Но вотъ женихъ подвернулся на глаза Александръ Журавницкій; начала напризничать, доходить до ссоры, затѣмъ до развода, который и совершился въ 1564 году передъ рѣшеткою луцкаго суда: „поелику Богу угодно было, говорится въ соглашеніи, за грѣхи наши порвать брачныя наши узы, то, преклоняясь предъ волею Божією, позволяю пану Яцку жениться, на комъ захочетъ, а я также воляна выйти замужъ по желанію“. Сыновей взялъ отецъ, дочери остались при матери, и—дѣлу конецъ. Не забудьте, что этотъ разводъ происходилъ въ семьяхъ владыкъ: владимірскаго Іоны Красинскаго и луцкаго Марка Журавницкаго; обязанностью ихъ было охранять каноны церкви, хотя-бы даже съ ущербомъ для близкихъ имъ, и однако они не только не протестовали противъ новаго союза, но не безъ радости благословили оный¹⁾. Еще болѣе интересенъ случай съ Васиіемъ Загоровскимъ, каштеляномъ брацлавскимъ и городничимъ владимірскимъ: этотъ богатый и образованный панъ женился было на Марусѣ Збараской; имѣлъ отъ нея дѣтей, но не имѣлъ счастья, разопился поэтому въ силу частнаго „роспуста“; Маруса не искала уже лучшей доли въ новомъ бракѣ, а онъ вторично вступилъ въ

¹⁾ «Русская Старина», 1880 г., XI, 361. — Жизнь Курбскаго. I. Предисловіе, стр. XVII.

бракъ съ княжною Катериною Чарторижскою, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей. Отецъ попалъ въ руки татаръ, четыре года провель въ плѣну и умеръ среди варваровъ въ тоскѣ по родинѣ. Тогда жены заводятъ между собою процессъ объ имуществѣ: одна другой доказывала незаконность брака съ покойникомъ; много пума и соблазна произвелъ этотъ процессъ. По канонамъ церкви право было на сторонѣ Збараской, но духовный судъ, подъ предсѣдательствомъ Θεодосія Лазовскаго, тогдашняго владимірскаго епископа, рѣшилъ дѣло въ пользу Чарторижской; впрочемъ, обѣ женщины до смерти называли себя по фамиліи супруга¹⁾. И съ княземъ Курбскимъ, поселившимся въ ковельскомъ староствѣ, случилась такая-же исторія: женился онъ на Маріи Гольшанской; но скоро супруги разошлись; изгнанникъ вторично пригласилъ къ совмѣстной жизни Александру Сѣмашковну; тогда первая стала ему надоѣдать продолжительнымъ процессомъ, который окончился только со смертью пришельца²⁾.

Легкость полученія развода вела за собою деморализацію, и намски на это проглядываютъ даже въ актахъ тогдашнихъ судовъ, хотя сдѣлки о разводахъ принимались къ записи въ судахъ весьма неохотно. Правда, законъ строго наказывалъ супружескую невѣрность и еще строже распутство женщины, несвязанной таинствомъ брака; но законъ, очевидно, имѣлъ силу лишь для темнаго люда; въ слояхъ высшихъ можно было безнаказанно грѣшить,—деньги и связи обезпечивали снисходительность. Вотъ, для примѣра, хотя-бы таже, только-что упомянутая Марія Гольшанская: трижды возобновляла она супружескія связи—первый разъ съ Монтолтомъ, второй съ Тышкевичемъ-Козинскимъ и третій разъ съ княземъ Курбскимъ; отъ перваго брака имѣла двухъ сыновей, взрослыхъ уже юношей въ ту пору, когда сама съ московскимъ выходцемъ стояла на вѣнчальномъ коврѣ; отъ втораго супружества осталась у нея дочь, въ то время уже замужня... Пожилая, должно полагать, была женщина; на это указываютъ практиковавшіяся ею набожныя привычки: шагу не дѣлала она изъ дому безъ алтарика, искусство

¹⁾ «Русская Старина», 1880 г., XI, 368.—Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 165—181.

²⁾ Жизнь кн. Курбскаго, I, 234.

вырѣзаннаго изъ кипарисоваго дерева и заключавшаго въ себѣ мощи и изображенія святыхъ угодниковъ; всегда носила съ собой евангеліе въ изящномъ переплетѣ, псалтирь, октоихъ, сборникъ, — словомъ цѣлую духовно-нравственную бібліотеку ¹⁾; но, рядомъ съ этими свитостями, нашель доступъ къ сердцу набожной женщины молодой воспитанникъ ея, Ждапъ Мирановичъ, исправлявшій при ней обязанности секретаря. Вступивъ въ бракъ съ княземъ-выходцемъ, вмѣстѣ съ громаднѣмъ приданнѣмъ она ввела въ домъ его, какъ особо важную часть инвентаря, и своего фаворита. Можно себѣ представить, какую жизнь уготовила несчастному человѣку; не даромъ онъ жалуется, что судьба его бросила „межь людей черетвыхъ и весьма негостелюбивыхъ“ ²⁾. Впрочемъ, за тотъ адъ онъ оплачивалъ супругѣ съ наддачей: держалъ се по восточному обычаю подъ замками, часто пускать въ дѣло кулаки... Однако, не могъ одолѣть сыновей свосвольной жены, молодыхъ Монтолтовъ: забавлялись они грабежами и разбоемъ, принялись было и за князя; послѣдній вынужденъ былъ выгнать ихъ мать изъ заключенія ³⁾. А старуха, хотя и припрятывала въ кровати „мѣшечекъ, наполненный пескомъ, конскимъ волосомъ и другими чарами“ ⁴⁾, съ цѣлю будто пробудить въ мужѣ расположеніе къ себѣ, никогда однако не забывала Ждапа: онъ оставался при ней до конца, закрылъ распутницѣ глаза и заслужилъ признательное упоминаніе въ завѣщаніи вдовы по трехъ мужьяхъ, прислащенное записью 200 копъ грошей литовскихъ ⁵⁾. И другая жена Курбскаго, Александра Сѣманковна, по смерти князя, утѣшала себя, выдавая балы, на которыхъ безобразничала съ „товарицами польскихъ хоругвей“, квартировавшихъ въ окрестности Милановицъ ⁶⁾. Что ужъ... Анна Зелицкая, урожденная Монтолтъ, созналась публично въ судѣ, что позволила себя увести (wukraść) прежде рядовому Ковнацкому, а второй разъ гайдуку Андришиѣ Маньку... Эта веселая и свосвольная женщина утверждала, что се подговаривали къ этому дво-

¹⁾ Жизнь кн. Курбскаго, I, 160.

²⁾ Жизнь кн. Курбскаго, II, 303.

³⁾ I. c. I, предисловіе, стр. XIII. Księga grodzka-lucka, листъ 37.

⁴⁾ I. c. I, 95.

⁵⁾ I. c. I, 274.

⁶⁾ I. c. I, 256.

юродные братья, сыновья княгини Гольшанской; даже болѣе, наивнѣйшимъ образомъ созналась, что хотѣла отравить мужа, подмѣшивая къ его купаньямъ порошокъ, приготовленный изъ высушенной черной ядерицы... и послѣ всего этого волосъ съ головы ея не палъ... Подумаете конечно, что мужъ заточилъ певѣрную въ монастырь, пожалуй меньше, выгналъ изъ дому?... Совсѣмъ пѣтъ! Приголубилъ ее, обласкалъ, съ покорностію просилъ, чтобы его въ третій разъ не бросала ¹⁾). Павлиность, доведенная до крайнихъ предѣловъ! Но истинѣ, въ этой пледѣ раскутницъ мужья имѣютъ видъ жертвъ, не возбуждающихъ, впрочемъ, сочувствія къ себѣ...

Если Анна Красинская, постоянно вращаясь въ обществѣ женщинъ, многими отличавшихся отъ веселыхъ вивдзорскихъ кумушекъ, не пошла по той-же дорогѣ, за то тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ устремилась по пути сутяжничества и грабительства... кстати и здѣсь она имѣла образцы для подражанія, хотя, къ счастью, не служила поравняться съ ними. Все время хозяйничанья Анны въ луцко-острожской епископін тонулась ссора между дочерьми князя Гольшанскаго, на столько постоянная, что сдѣлалась общезвѣстной, и на столько задѣвшая самолюбія людскія, что изъ-за нея забывались нерѣдко обязанности относительно края. Это—весьма интересная, характеризующая эпоху исторія, а потому для полноты картины сообщимъ ее вкратцѣ.

Князь Семень Юрьевичъ Гольшанскій, женатый на Сангушковнѣ, умирая въ 1558 году, громадную свои имѣнія оставилъ пяти дочерямъ, такъ какъ не было у него мужескаго потомства.

По завѣщанію все имущество раздѣлено было между наследницами по-ровну: Марія получила половину Дубровицы и 11 селъ; Анна, средняя—вторую половину Дубровицы и 17 селеній; остальные три сестры получили соотвѣтственныя части. Старшая, какъ извѣстно, имѣла трехъ мужей (Монголта, Тышкевича и Курбскаго), изъ которыхъ первые два надѣлили ее значительными имѣніями; вторая вышла за Олизара Кердея Мыльскаго. На сколько мужъ этой послѣдней былъ спокойнымъ человѣкомъ и покорнѣйшимъ слу-

¹⁾ Жизнь кн. Курбскаго, I, 182—189.

гою своей жены, на столько сама она пылала тщеславіемъ, завистью и жаждою стяжанія. Сестру она никогда не любила и прежде, что-жъ теперь, когда та получала наслѣдство за наслѣдствомъ и хотя не особенно наблюдала за ходомъ хозяйства, но, по особому счастью, наживала несмѣтные богатства.

Дѣйствительно, болѣе чѣмъ состоятельна по тѣмъ временамъ была Марія, урожденная княжна Гольшанская; для доказательства достаточно привести длинный списокъ драгоценностей, которыя вмѣстѣ съ земельными имѣніями, принесла она третьему своему мужу. Величественный видъ имѣлъ поѣздъ молодой возлюбленной, когда она перѣѣзжала въ Милаповицы къ мрачному изгнаннику-мужу. Впереди въ коляскѣ, запряженной шестерней, сидѣла сама госпожа, окруженная тридцатью придворными; за ней слѣдовали двѣ небольшія коляски, обитыя внутри лунскимъ ¹⁾ сукномъ, рыдванъ ²⁾, обитый внутри алымъ сукномъ (шарлахомъ), длинный рядъ возовъ, наполненныхъ драгоценностями: на первомъ находился желѣзный сундукъ, въ которомъ хранились ожерелья, цѣпи, золотыя манели ³⁾, украшенныя рубинами, алмазами и сапфирами, кольца, серьги и другія украшенія; на второмъ возу—буфетъ (credens), а въ немъ масса серебрянныхъ, вызолоченныхъ кубковъ различной величины, изящной нюрнбергской работы,—кружекъ, поставцевъ, чарокъ и „рострухановъ“, всего пятьдесятъ четыре штуки, ложекъ золоченныхъ и украшенныхъ искусною рѣзбой четыре дюжины, солонки, тарелки, блюда и т. д. Далѣе, сундукъ съ гербами и документами на отдѣльномъ возу. На слѣдующихъ возахъ: цинковая посуда, выписанная изъ Англіи, погребцы, коробки, ящики съ данцигскими фляжками различной величины; кухня, снабженная всякою посудою и другими принадлежностями, приспособленная ко всемъ кулинарнымъ требованіямъ того времени; гардеробъ самой хозяйки и наконецъ возъ со всеми святостями—алтарикомъ, иконами, молитвенниками и богослужебными книгами; вокругъ этого воза толпилась дворня, преимущественно женская прислуга, состоящая изъ разнаго рода швей. Поѣздъ замыкалъ вооруженный отрядъ гайдуковъ, чисто

¹⁾ Лунское сукно или лундышь—обыкновенное, недорогое сукно.

²⁾ Рыдванъ—большая, длинная телѣга съ кибиткою.

³⁾ Манель—браслетъ.

и красиво одѣтыхъ. Въ коляскахъ, возахъ, подъ всадниками, составлявшими милицію, кони красивые, на подборъ, собственныхъ заводовъ; княгиня любила лошадей и имѣла два конскихъ завода: одинъ въ Дубровицѣ въ 296, другой въ Болтеницѣ въ 252 головы, а въ обоихъ однихъ матокъ было 135, все породистыхъ, славившихся по всей Волыни ¹⁾).

Такия богатства и роскошь возбуждали сильную зависть въ Мыльской, значительно менѣе состоятельной, чѣмъ ея сестра; она и не скрывала своей ненависти къ Маріи, и какъ у нихъ были счсты по дубровицкому имѣнію, находившемуся въ ихъ общемъ владѣніи, то нетрудно было дойти до судебного процесса и вооруженнаго, по тому времени, столкновенія; въ томъ и другомъ жена Кердея доказала свою желѣзную настойчивость. Споры по имѣніямъ начались вскорѣ послѣ смерти отца, но только спустя 18 лѣтъ полюбовный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Курбской. Судьями были: Александръ Чарторижскій, волынской воевода, и Гаврило Бокій Печихвоскій; послѣ тщательной провѣрки счетовъ, они пришли къ заключенію, что Анна Мыльская должна уплатить сестрѣ 3,000 воѣ грошей ²⁾ литовскихъ, а такъ какъ она не въ состояніи была уплатить этой суммы, то присудили Курбской другую половину Дубровицы. Дѣло пошло на утверженіе короля; тѣмъ временемъ Мыльская вмѣстѣ съ мужемъ покинула заѣздами сестру, а сыновья этой отъ перваго брака, извѣстные нахалы Монголы, метя за мать, выдѣлывали теткѣ всякія проказы (figle platali)...

Дошло до того, что взбѣшенная Анна дѣлала по дорогамъ засады на Курбскую; 1570 года, на челѣ вооруженнаго отряда, она напала на сестру и ограбила ее дочиста, причѣмъ не обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ... Двѣ разъяренныя женщины боролись между собою съ необычайнымъ озлобленіемъ: три сосѣдніе уѣзда — лунцкій, владимірскій и пинскій сдѣлались ареною ихъ печальныхъ подвиговъ. Жители съ любопытствомъ смотрѣли на эти довольно многочисленныя отряды всадниковъ, снующіе по дорогамъ и бросающіеся въ огонь по мановенію закованной въ сталь женщины:

¹⁾ Жлязь кн. Курбскаго, I, 182—189.

²⁾ Копа грошей литовскихъ во второй половинѣ XVI столѣтія составляла дѣйность отъ 3 р. 75 коп. до 3 р. 35 коп.

Мыльская всегда выступала въ походѣ въ панцырѣ; бѣдный сельскій людъ покорно сносилъ постои ошалѣлой и безпардонной барыни, выбирала-же она пункты для остановокъ, какъ-бы уполномочена была на это правительственными чинами и какъ будто-бы эта шайка вооруженныхъ людей явилась сюда для защиты страны, а не для защиты личныхъ интересовъ одной только женщины, неутомимой въ гнѣвѣ и до бѣшенства отважной, такъ отважной, что даже внушительный и храбрый конвой князя Курбскаго избѣгалъ встрѣчи съ нею...

Наконецъ Стефанъ Баторій утвердилъ рѣшеніе третейскаго суда и написалъ длинное письмо къ Кердею и его супругѣ, рекомендуя имъ уступчивость и примиреніе. Но не скоры были эти люди на уступки: Кердей, какъ-бы въ отвѣтъ на королевское письмо, подалъ жалобу на Чарторижскаго и Бокія, обвиняя ихъ въ пристрастіи, Мыльская-же попрежнему не переставала понукать сестру. Съ поля бранныхъ подвиговъ дѣло перешло предъ форумъ мѣстныхъ судовъ; жалобъ, исковъ, протестовъ образовался изрядный архивъ; въ регистрѣ, составленномъ княгинею Курбскою, они даютъ солидную цифру, превышающую двѣсти двадцать номеровъ—и все это за одинъ лишь годъ¹⁾.

Только смерть одной изъ сестеръ положила копецъ соблазнительной ссорѣ.

Итакъ, Анна Красинская имѣла предъ собою примѣръ, а что она была ученицею понятливою, въ этомъ читатель убѣдится, если пожелаетъ дослушать рассказъ нашъ до конца.

И хозяйничать въ епископскихъ имѣніяхъ она легко могла научиться раньше, чѣмъ самой пришлось примѣнять эту науку въ владычествѣ луцко-острожскомъ. Мы знаемъ, что тестъ ея сталъ епископомъ владимірскимъ еще въ 1563 г. послѣ смерти Іосифа, который тоже дѣлалъ много злоупотребленій. Покойникъ любилъ Борзобогатыхъ и позволилъ имъ не только (проживать въ селахъ, принадлежавшихъ къ епископскимъ имѣніямъ, но и пользоваться доходами съ нихъ, на что даже подавались жалобы королю еще 1551 года²⁾). Два года сидѣлъ Красинскій на владимірскомъ престолѣ,

¹⁾ Жизнь кн. Курбскаго. I, 152—156.

²⁾ Bartoszewicz. Encyklop. powszechna. XV, 963.

неустанно цируя со шляхтою. Хотя онъ и не былъ богатъ, — любилъ однако удобства, да и семья у него была не малая. На первыхъ порахъ какъ-то не дошло до того, чтобы невѣстка взяла на свои плечи всё дѣла по дому. Но когда владыка, возвращаясь однажды изъ Инушполя отъ княгини Плины Острожской, осенью 1563 года, на дорогѣ между Плисовкою и Дедеркалами встрѣтился съ московскимъ выходцемъ, Владиміромъ Заболоцкимъ, и задрался съ нимъ (кажется, оба они были немного подъ хмѣлькомъ), когда разсвирѣпѣвшій бояринъ бросился на владыку, разрубилъ его гайдука, другихъ изранилъ, а сына Василия и племянника Степана взявъ въ плѣнъ, захвативъ при этомъ шкатулку епископа съ 500 таллеровъ и 200 червонцевъ, какъ трофей побѣды¹⁾; тогда Анна, видя, что дѣло плохо, что все состояніе теста въ одно мгновеніе погибло, объявила, что управленіе имѣніями беретъ въ свои руки. Однако-же весьма медленно принималась за приведеніе дѣлъ епископіи въ порядокъ; не успѣла еще оглянуться вокругъ себя, какъ уже епископъ Θεодосій Лазовскій выгналъ ее вмѣстѣ съ мужемъ изъ Владиміра.

Пришлось опять возвращаться въ Красникъ, бѣдную, едва хватающую на содержаніе деревушку; тестъ проживалъ то въ жидичинскомъ монастырѣ, то у княгини Острожской, то у Збараской, то у владыки Журавницкаго; брать мужа тоже шатался по свѣту... даже мужъ часто уходилъ изъ дому. Женщина, оставленная самой себѣ, пережила не одну горькую минуту. Сыновья приходили въ возрастъ, а тутъ неначто снарядить ихъ въ свѣтъ; ницета глядитъ въ глаза, а черезъ между, какъ-бы для издѣвательства, — узурпаторъ, ибо такимъ въ глазахъ Анны былъ владыка Лазовскій, безнаказанно тянувшій въ свою пользу всё доходы епархіальныхъ имѣній... Что онъ грабилъ по дорогамъ „по райтарскому обычаю“, — это малость; кто-же въ эту эпоху, особенно на окраинахъ, не отстаивалъ подобнымъ способомъ своихъ правъ? Но ограбленіе церковей своей епархіи онъ первый довелъ до такой степени, онъ первый сталъ выжимать изъ всего доходы съ подобною жадностью. И вотъ, когда старикъ Красникскій, по смерти Марка Журавницкаго, занялъ луцко-острожскую кафедру, невѣстка сейчасъ-же взяла въ свои руки бразды правленія и въ теченіи пятнадцати лѣтъ была самовластною гос-

¹⁾ Жизнь кн. Курбскаго. II, 243—255.

пожею въ епархіи, подражая во всемъ своему сосѣду и не обращая никакого вниманія на жалобы и протесты духовенства и на королевскія намоинанія.

Сдѣлавшись распорядительницею имѣній епархіи, Анна оглянулась кругомъ. Жабче съ окрестностями, составлявшее треть епископскихъ имѣній, находилось въ бесплатной арендѣ у шурина ея, ключника и городничаго лущаго, Журавницкаго; поэтому пани Василева избрала другое мѣсто жительства, именно Харлупу. И здѣсь плодородная земля, и здѣсь изрядное ея количество, благоустроенныя деревни и много людей; но все это—чужое, рано или поздно, со смертью тестя придется передать его преемнику, а потому она исподоволь принялась за очищеніе харлупскаго замка отъ наиболѣе цѣнныхъ его принадлежностей, какъ рейхгаузъ, пушки, всякаго рода оружіе. А потомъ, когда ея сосѣдь князь Радзивиллъ, съ цѣлью округленія своихъ владѣній, предложилъ обмѣнъ харлупскихъ имѣній на двѣ деревушки — Фамилоче и Иванчицы, Анна охотно согласилась на это, съ условіемъ, что покупатель исходатайствуетъ королевскую привилегію, подтверждающую эту сдѣлку и... передастъ въ руки ея, пани Василевой, 1,500 золотыхъ. И те, и другое было исполнено княземъ: король Генрихъ, „яко подавца, фундаторъ и обронца хлѣба духовнаго“, согласился на обоюдное желаніе сторонъ, а епископъ Іона особымъ документомъ скрѣпить ихъ договоръ, а какъ подобныя сдѣлки не дѣлались безъ свидѣтелей, то пригласилъ въ свидѣтели повѣтовыхъ чиновниковъ, членовъ собственной мпогми родственными узами связанной семьи. Первое мѣсто между ними занималъ ключникъ и городничій лущкій, Александръ Журавницкій, зять епископа; второе — мостовничій Иванъ Борзобогатый, племянникъ и сборщикъ „мостового“ вмѣстѣ; третье — владимірскій войскій, Василій Гулевичъ, женатый на вдуцѣ владыки; наконецъ Маркъ Солтановичъ Сокольскій, родной братъ невестки. Происходило это въ 1574 году ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ Борзобогатые уже постоянно жили въ Красномъ, неуслынно заботясь объ увеличеніи состоянія; и дѣйствительно,

¹⁾ Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. 40 п 209.

вскорѣ приобрѣли два села: Кольнагычи и Ставровъ ¹⁾). Ихъ дѣла шли хорошо, тѣмъ болѣе, что отецъ, желая прійти въ помощь дѣтямъ, притѣснялъ духовенство, налагалъ на него „значныя податки“, а когда нѣкоторые изъ священниковъ не хотѣли или не могли исполнить его требованій, преспокойно закрывалъ церкви, въ которыхъ обязанности приходскихъ пастырей исполняли неисправныя священники, и до такой степени простеръ свою безцеремонность, что въ 1583 году, въ одномъ Луцкѣ, въ семи церквахъ разомъ прекратилъ богослуженіе ²⁾). Дѣлалось-ли это съ вѣдома Анны, — доискаться въ актахъ невозможно, хотя не надо забывать, что Іона Красинскій въ это время былъ старцемъ немощнымъ, значить, вполне послушнымъ орудіемъ въ рукахъ семьи.

За-то въ спорѣ съ Курбскимъ главная секретарша сыграла знатную роль, даже болѣе — учинила *баталію* съ Стефаномъ Баторіемъ, разумѣется, только чрезъ „прокурацію“ ³⁾, и изъ этой войны вышла побѣдительницею.

Увы! Изъ лавровъ, вѣнчавшихъ короля-героя, мы принуждены изъять одинъ листикъ, но — историческая правда важнѣе всего.

Князь Курбскій уже издавна тягался съ Красинскими: захватилъ Туличевъ, принадлежавшую имъ деревушку, и не хотѣлъ возвратить, не смотря на письма короля, предписывавшія повиновеніе обязательнымъ въ краѣ законамъ ⁴⁾. Теперь въ свою очередь Василій Борзобогатый задѣлъ князя - выходца: поводъ къ ссорѣ, какъ обыкновенно, былъ ничтожный, но распря вышла долгая и горячая.

Дѣло было такъ.

Князь Курбскій въ 1579 году на зовъ короля явился въ обозъ подъ Полоцкомъ съ вооруженнымъ отрядомъ въ сто коней (86 козаковъ и 14 гусаровъ), принималъ участіе въ походѣ, несъ службу боевую цѣлыхъ три мѣсяца; причиталось ему за это денежное вознагражденіе, именно 1,070 золотыхъ польскихъ.

¹⁾ Жизнь кн. Курбскаго, II, 77.

²⁾ Акты, относ. къ исторіи правосл. церкви. 162.

³⁾ «Przez prokuracya» — чрезъ успѣшное ходеніе по дѣлу и искусное веденіе онаго въ судахъ, съ помощью изворотовъ, задабриваній, угощеній и т. под.

⁴⁾ Жизнь кн. Курбскаго. I, 39 и 307.

Правительство (stany) предписало сборщику податей на Во-
лыни, чтобы тотъ удовлетворилъ князя, т. е. снялъ со счетовъ слѣ-
дующій съ князя сборъ, а недостающее доплатить наличными изъ
суммъ, находящихся въ его распоряженіи. А сборщикомъ на Во-
лыни былъ тотъ самый панъ Борзобогатый-Красинскій; онъ не ис-
полнилъ предписанія и, слѣдуетъ сказать, имѣлъ на этотъ разъ нѣ-
которое основаніе.

Панъ Василій неоднократно уже занималъ почетныя должности.
Въ былое время, до 1577 года, одинъ сборщикъ податей былъ
избираемъ и для Воыни, и для Кіевщины ¹⁾, а съ 1578 года эта
обязанность была раздѣлена между двумя изъ „землянъ“: послѣдняя
досталась Павлу Солтану, а первая мужу энергической Анны ²⁾.
Нужно замѣтить, что каждый сборщикъ находился въ зависимости
отъ шафара ³⁾, назначеннаго для всей Руси, а былъ имъ въ это
время каштелянъ перемышльскій, Станиславъ Дрогоевскій, и сверхъ
того, отъ шафара Малой Польши, гдѣ исполнялъ тогда эту обязан-
ность Андрей Голуховскій ⁴⁾.

Сборщики украинскихъ провинцій и деньги, и счета представ-
ляли въ Черемышль. Отправился туда въ 1579 году и Василій;
но каково было его удивленіе, когда каштелянъ не принялъ отъ
него податей съ Ковельщины, на томъ основаніи, что счетъ ихъ
былъ не вѣрный,—на половину меньше того, какъ опредѣлила лю-
страція ⁵⁾.

Ковельщиною межъ тѣмъ владѣлъ князь Андрей Ярославовичъ
Курбскій. Красинскій намоталъ это себѣ на усъ. Годъ спустя,
когда ему приказано было изъ вознагражденія князю за полоцкій
походъ вычесть тотъ-же годичный съ него сборъ, панъ Василій
принялъ за основу сумму, опредѣленную люстраціей, а не ту, какую
вносилъ доселѣ ковельскій владѣтель.

И вотъ первый шагъ къ недоразумѣніямъ.

— Мнѣ слѣдуетъ столько-то и столько-то доплаты, кричитъ князь.

¹⁾ Volum. leg. II, 180.

²⁾ Volum. leg. II, 196.

³⁾ Шафаръ — правитель, завѣдывавшій финансовою частью.

⁴⁾ Volum. leg. II, 204.

⁵⁾ Люстрація — ревизія.

— Именно нѣтъ, возражаетъ панъ Василій: далеко меньше, ибо ваша милость долженъ болѣе внести, чѣмъ вносили доселѣ.

Скиталець протестовалъ: твспуль письмо къ шафарямъ; тѣ, желая отвратить (*zazegnać*) бурю, — такъ какъ знали уже, что князь изъ-за нѣсколькихъ сотъ злотыхъ готовъ поднять на ноги всю Рѣчь-Посполитую, дали знать Красинскому, чтобы онъ удовлетворилъ требованіямъ московскаго боярина.

— Частнаго отзыва мнѣ недостаточно, сказалъ волыпскій сборщикъ прибывшему къ нему возному; я требую формальнаго „квиту“ отъ пановъ шафарей.

Присланъ былъ и „квитъ“, уже отъ имени короля; но, видно, былъ не въ порядкѣ, потому что Василій его не принималъ.

Когда было сообщено объ этомъ Курбскому, онъ съ огорченнымъ видомъ воскликнулъ: „вотъ уже въ третій разъ посылаю пану Борзобогатому королевскій приказъ и „квиты“ пановъ Дроговскаго и пановъ Голуховскаго; но панъ Борзобогатый не обращаетъ на это никакого вниманія, продолжаетъ упорствовать и приводитъ меня къ неизбежной потерѣ.

И послѣдшилъ съ жалобою къ Стефану Баторію. Король, — желалъ-ли онъ угодить пришельцу, или выказать предъ нимъ дѣятельность и подвижность судовъ, — самъ занялся этимъ дѣломъ. Сейчас-же отправилъ въ Луцкъ люблинскаго стольника, Петра Черниковскаго, съ предписаніемъ предъявить искъ противъ Красинскаго. Сталось по волѣ короля: судъ рѣшилъ спорную сумму взыскать съ имущества сборщика; стольникъ съ вознымъ отправились въ Красное, но подстаростій, завѣдывавшій селомъ отъ лица пани секретарши, не допустилъ исполнить *декрета*...

Непослушаніе и сопротивленіе повлекли за собою непріятныя послѣдствія, именно — внутреннюю (*domowa*) войну. Баторій отдалъ приказъ луцкому старостѣ, князю Пронскому, на челѣ всеобщаго ополченія, составленнаго изъ шляхты подвѣдомственнаго ему уѣзда, отправиться въ имѣнія Василя и удовлетворить требованіямъ справедливости. Королевскій приказъ отданъ былъ 10 октября 1581 года, но только къ концу февраля слѣдующаго года выступилъ отрядъ вооруженныхъ землянъ въ походъ на Красное; предводительствовалъ имъ подстаростій луцкій. Фаланга пресловутыхъ рыцарей остановилась въ окрестности деревушки, на полянѣхъ подъ лѣсомъ, а нѣ-

сколько знатнѣйшихъ обывателей отиравились ко двору съ вопросомъ: должны-ли они употребить вооруженную силу, или-же добровольно будутъ удовлетворены?

Депутацію приняла Анна Красинская съ гнѣвомъ и запальчивостію. Она объявила, что Красное съ прилегающими къ нему землями составляетъ ея собственность, что она приобрѣла это имѣніе въ видѣ залога отъ мужа за сумму 1,200 копей грошей литовскихъ, и вмѣстѣ какъ обезпеченіе приданого; а потому никто не имѣетъ права въ немъ распорядиться, „если-жъ кто рѣшится вторгнуться въ ея владѣнія, она сама отобьетъ нападеніе и будетъ защищаться, пока не падетъ“.

Шляхта осмотрѣлась кругомъ: морозно на дворѣ, въ теплыхъ бекешахъ они чувствовали холодъ, а воинственная женщина, въ легкой одеждѣ, стоя на совершенно открытомъ крыльцѣ, глядѣла какъ-бы согрѣваемая внутреннимъ пламенемъ; она опиралась на мечъ; въ глубинѣ сѣней виднѣлось нѣсколько хорошо вооруженныхъ надворныхъ шляхтичей; по двору сновало вдвое больше верховыхъ; ничего, значитъ, не оставалось дѣлать депутатамъ, какъ воротиться въ своимъ. Не успѣли они отдать отчетъ, какъ среди ихъ явился панъ Василій Красинскій. Онъ счелъ своею обязанностью объяснить предъ „братьями-землянами“ свои резоны и поблагодарить ихъ за вниманіе, оказанное ими его супругѣ; подъ конецъ, представилъ счеты, по которымъ слѣдовало князю Курбскому 420 золотыхъ, и уже вынулъ деньги съ готовностью вручить ихъ противнику. Но въ свитѣ подстаростія находились дворяне ковельскаго владѣльца; они не приняли денегъ, претендуя на сумму значительно большую. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пререканій и спора панки (drobiazg) стали разъѣзжаться; послѣднимъ сошелъ со сцены возный. Къ вечеру на полянкѣ воцарилась тишина.

И такъ, посполитое рушенъе, собранное со всего уѣзда для усмиренія одного дерзкаго землянина, кончилось ничѣмъ; его остановила женщина, пригрозивъ, что будетъ защищаться до послѣдняго.

Все это однако не повліяло на дальнѣйшій ходъ дѣла.

Къ слѣдующей князю суммѣ судъ прибавилъ гривны, и въ мартѣ опять выступила новая экспедиція на Красное, требуя съ волынскаго сборщика 920 копеекъ грошей королевскихъ въ пользу потерпѣвшаго ковельскаго владѣльца. Дошло даже до стычки: панъ

Василій, закованный въ сталь, „какъ будто-бы щель противъ не-
пріятеля“, вмѣстѣ съ вооруженной щитомъ и броней женой, разо-
гналъ нападавшихъ...

Борьба принимала все болѣе и болѣе грозныя размѣры; воин-
ственный король разгнѣвался не на шутку: издавъ универсалъ ко
всей волиньской шляхтѣ, призывая ее къ посполитому рушенью;
Луцкъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Въ августѣ три уѣзда
стали подъ ружье, а луцкій, владимірскій и кременецкій старосты
приняли начальство надъ этимъ гербовымъ легиономъ.

Василій совѣтовалъ окончить дѣло миромъ, епископъ-отецъ
тоже былъ на сторонѣ полюбовной сдѣлки, но Анна и слышать
объ этомъ не хотѣла; съ необыкновенною энергіей она начала со-
бирать пріятелей. Не мало ихъ было у Красинскихъ; на призывъ
явились съ довольно сильными отрядами: Францишекъ Крушь, Янъ
Игриновскій, Янъ Мишковскій, два князя Воронецкіе, два Гуле-
вича, Александръ Заборовскій, Федоръ Рудецкій и многіе другіе;
а Бѣлявскій и Василій Журавницкій, племянникъ Борзобогатаго,
прислали двѣ наемныя роты.

Стычка произошла 11 августа. На разсвѣтѣ сынъ луцкаго
епископа раздѣлилъ все сборище на три отряда: во главѣ одного
сталъ самъ, защищая проходъ въ Кольнатычи и Ставровъ, двумя
другими предводительствовала его супруга, одѣтая въ блестящій
панцирь и имѣя при себѣ своихъ юныхъ сыновей, которые разво-
зили ея приказы. Эти два отряда состояли изъ конницы и гайдю-
ковъ и были расположены на долинѣ вблизи дороги къ Красному.
Для большаго эффекта, на возвышенномъ мѣстѣ поставлены были
орудія, пущены въ дѣло гаковницы. Прежде всего загремѣли пушки:
мелкіе волиньскіе панки, составлявшіе ополченіе, съ любопытствомъ
смотрѣли на женщину, представлявшую изъ себя *Беллу*; но, когда
по знаку этой женщины открыли огонь, когда пало нѣсколько ра-
неныхъ, когда ополченцы замѣтили въ колоннахъ пани Василевой
готовность перейти въ атаку... тогда, не долго думая, съ позоромъ
оставили поле битвы, а по прибытіи въ городъ составили объ этомъ
саженный отчетъ! ¹⁾

¹⁾ Жизнь кн. Курбскаго. II, 54—79.

И опять могущественный король, гроза враговъ отечества, не смогъ одолѣть зазнавагося шляхтича, проигралъ баталію съ бабой, потерпѣлъ пораженіе на поляхъ какого-го Красника, хотя не разъ одерживалъ побѣды надъ болѣе сильнымъ и болѣе могущественнымъ противникомъ.

Пани секретарша торжествовала.

Князь-пришлецъ, имѣвшій столь возвышенное представленіе о „самодержавіи Божією милостію“, испугался челоуѣка, который далъ столь смѣлый отпоръ самому „господарю“, а потому безъ противорѣчій согласился на предъявленныя имъ условія.

Такимъ образомъ, взысканіе нѣсколькихъ сотъ золотыхъ, раздутыхъ въ сумму 920 копъ грошей литовскихъ, стоило заспорившимъ сторонамъ немного крови, немного дыма и значительно болѣе денегъ. Но за-то удовлетворена была фантазія...

И какъ послѣ всего этого не гордиться было шляхтѣ? Вѣдь Анна, дочь бѣдныхъ князей, болѣе имѣла вѣса и силы на окраинѣ, чѣмъ могущественный, сильный и энергическій Стефанъ Баторій! Или вы полагаете, что панъ Василій утратилъ милость короля, что оскорбленное королевское величество лишило его титуловъ, собственности, осудило его на *банницію* ¹⁾? И во снѣ даже не померещилось ему это.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того (6-го октября 1582 г.), онъ опять вступилъ въ подобную-же схватку съ Клодзинскимъ, который имѣлъ противъ него всѣ законныя основанія. И теперь король предивеалъ Красинскому уплатить слѣдуемый долгъ; и теперь Красинскій съ оружіемъ въ рукахъ воспротивился королевскому приказанію, запугалъ противника... тотъ отступилъ, умолялъ, а въ столицу послали донесеніе, что справедливость восторжествовала. Никто не протестовалъ и король этимъ удовлетворился ²⁾.

Борзобогатый преспокойно, въ качествѣ королевскаго секретаря, прожилъ въ своемъ замкѣ до самой кончины, только принужденъ былъ отказаться отъ званія волынскаго сборщика податей; но и это послѣдовало еще до окончанія борьбы съ княземъ Курбскимъ: сеймъ еще въ 1581 году избралъ въ эту должность Михаила Липевскаго ³⁾.

¹⁾ Баниція—лишеніе покровительства закономъ.

²⁾ Книга гродская-луцкая, 1582 г., листъ 1089.

³⁾ Volum. leg. II, 218.

Но что сходило съ рукъ въ столкновѣніяхъ съ частными лицами, то не такъ легко кончалось въ дѣлахъ общественныхъ, особенно если противною стороною являлся высокопоставленный вельможа.

Въ подтвержденіе того, что мы выше сказали, приведемъ здѣсь одинъ, уже послѣдній, эпизодъ изъ жизни Красинскихъ, который окончился не столь благополучно, какъ всѣ предыдущіе. Его можно озаглавить—борьба за Жидичинскій монастырь. И здѣсь Анна выступаетъ на первый планъ, защищая интересы рода, которые она такъ близко къ сердцу принимала. Должно полагать, необходимость выдвинула ее на первый планъ картины, такъ какъ тесть, уже дряхлый старикъ, позволялъ дѣлать съ собою что угодно, былъ орудіемъ въ рукахъ того, кто хотѣлъ владѣть имъ; мужъ недомогалъ, братъ мужа умеръ недавно, шуринь—староста луцкій тоже лежалъ въ постели, съ которой не суждено уже было ему подняться; взамѣнъ ихъ внуки владыки энергично помогали старухѣ-матери, безпрекословно повинувшись ея указаніямъ.

Пусть читатель припомнить, что послѣ смерти Юны, жидичинскаго архимандрита, Борзобогатый-Красинскій выпросилъ себѣ у короля осиротѣлую архимандрію. Отправился онъ въ Краковъ, воззвалъ къ сердцу Сигизмунда-Августа, выставилъ ему на видъ свое горькое положеніе—владыки безъ владычества,—и въ концѣ концовъ получилъ разрѣшеніе пользоваться монастырскими доходами до тѣхъ поръ, пока не будетъ издано новое распоряженіе.

Жидичинъ былъ кусочкомъ, которымъ нельзя было брезгать. Хотя и не богатое мѣстечко, но отстоящее отъ Луцка всего только на одну милю, расположенное на возвышенномъ берегу рѣчки Стырь, окруженное лѣсами,—какъ лѣтняя резиденція оно представляло много удовольствія; а близлежація села: Боржемицы, Боголюбовъ, Саноговъ и Подгайцы доставляли изрядный доходъ, который предназначался на содержаніе архимандрита и нѣсколькихъ монаховъ, состоявшихъ при церкви св. Николая. И церковь эта была доходною статью,—въ ней находился чудотворный образъ, славившійся уже нѣсколько столѣтій: такъ по словамъ лѣтописи, уже въ 1227 году князь Данилъ Галицкій совершалъ путешествіе въ Жидичинъ, чтобы поклониться святителю Николаю ¹⁾. Два раза въ годъ со всѣхъ концовъ

¹⁾ Полное собраніе русск. лѣтописей. II, 167.

волинской земли стекался въ эту пустынь простой народъ и не скупясь приносилъ свою лепту. Красинскій водворился въ архимандріи 1570 года и началъ по-своему хозяйничать. Прежде всего разогналъ монаховъ, оставивши только одного, престарѣлаго и послушнаго его приказаніямъ; въ имѣніяхъ назначилъ подстаростія; о церкви не заботился, все свое вниманіе обращая лишь на то, чтобы получить какъ можно болѣе дохода отъ земли. Сынъ владыки, Петръ, чаще всего проживалъ здѣсь; ему-же принадлежала и большая половина доходовъ.

Настало управленіе Баторія; и тотъ оставилъ Борзобогатаго на архимандріи. Такъ держалось лѣтъ десять; держалось-бы и долѣе, если бы не князь Василій Острожскій, кіевскій воевода, который обратилъ вниманіе короля на поступки Красинскаго. Какъ представитель восточнаго исповѣданія на окраинахъ въ эту эпоху, князь принялъ „русскую вѣру“ подъ особенное свое покровительство: заботился объ изданіи библіи, уговорилъ владимірскаго епископа основать школу, въ которой будущее духовенство получало бы должное образованіе; только съ однимъ Борзобогатымъ ничего не могъ подѣлать. Этотъ послѣдній лично готовъ былъ сдѣлать нѣкоторыя мелкія уступки, но невѣтка противилась... Отношенія дѣлались натянутыми; старшій-воевода радѣлъ о храмѣ въ своемъ замкѣ, а владыка распорядился въ своемъ, тутъ-же въ Острогѣ; подъ конецъ перестали даже видѣться другъ съ другомъ. Раздосадованный князь Василій началъ пробовать счастья въ верху, у трона: обратился къ Баторію, даже кандидата представилъ ему въ лицѣ Теофаца, нареченнаго епископа млинскаго. Теофанъ Грекъ прибылъ съ дальняго востока для наблюденія за точностію перевода печатавшейся иждивеніемъ волинскаго маршалка библіи.

Король милостиво согласился на просьбу русскаго вельможи.

— Хорошо, сказалъ, отберите монастырь, если считаете это полезнымъ для вашей церкви.

Жалованная грамота на имя Ософана сейчасъ-же была изготовлена въ королевской канцеляріи, и уже въ маѣ 1580 года лудскій староста получилъ предписаніе ввести Грека во владѣніе архимандріей.

Но издать приказъ и ввести его въ жизнь—это двѣ вещи разныя, особенно-же въ концѣ XVI столѣтія на Волыни. Опять-же,

если трудно было справиться съ епископомъ луцко-острожскимъ, располагавшимъ значительнымъ числомъ пріателей и безпокойною, готовою къ борьбѣ невѣсткою, то также трудно было мѣряться и съ княземъ Василиемъ. Послѣдній не медлилъ, хотя и соблюлъ священныи обычаемъ порядокъ: одного изъ своихъ придворныхъ послалъ къ владыкѣ Борзобогатому съ вопросомъ, не захочетъ-ли тотъ по своей волѣ очистить Жидичинъ; но, получивъ отрицательный отвѣтъ, во главѣ сильной дружины, составленной главнымъ образомъ изъ плѣнныхъ татаръ, завладѣлъ въ пользу Теофана и монастыремъ и принадлежащими къ нему угодьями. Одного дня достаточно было для окончанія предпріятія: на разсвѣтъ, въ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, князь прибылъ къ монастырю, вечеромъ-же управлявшій здѣсь отъ имени Красискаго подстаростій сѣвшиль въ Ружице съ донесеніемъ своему господину объ этомъ печальномъ происшествіи. Епископъ вступилъ въ пререканія; предъявилъ искъ противъ князя Острожскаго, требуя съ него 8,000 копѣй грошей литовскихъ за причиненные имъ убытки, но совершенно проигралъ дѣло, такъ какъ на право завѣдыванія архимандріею не могъ представить королевской привилегіи, которой и вовсе не имѣлъ.

Не выгорѣло дѣло такъ, можетъ быть удастся иначе: до сихъ поръ епископъ дѣйствовалъ самъ одинъ, застигнутый въ расплохъ; теперь на помощь поспѣшила Анна. Раньше она не могла этого сдѣлать, такъ-какъ мужъ, пораженный тяжкою болѣзнию, догоралъ въ Красникѣ; она закрыла ему глаза, отерла слезы, надѣла вдовье платье и вмѣстѣ съ сыномъ явилась на мѣсто опасности.

И вотъ, не взирая на то, что въ ноябрѣ король поручилъ новопоставленнаго архимандрита особому покровительству князя Острожскаго,—вдовствующая секретарша выгнала его изъ Жидичина. Грекъ уступилъ безъ сопротивленія. Цѣннымъ подаркомъ былъ этотъ уголокъ; но иннокъ привыкъ бороться только диспутами и побѣждать молитвою, а тутъ женщина, дышавшая дикимъ мужествомъ, не вдается съ нимъ въ диспуты, не приклоняетъ уха къ молитвамъ...—бѣжала бѣдняга опять къ своему благодѣтелю въ Острогъ. Послѣдній на этотъ разъ ограничился только извѣщеніемъ короля о всемъ случившемся, самъ уже не принимая непосредственнаго участія въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Почему? Это остается

тайною; можетъ быть не хотѣлъ болѣе бороться съ Красинскимъ, или быть можетъ обманулся въ греческомъ выходцѣ.

Епископъ съ невѣсткою и остальнымъ семействомъ поселился въ Жидичинѣ, чтобы защищать его отъ новаго посягательства. Съ этимъ уголкомъ онъ былъ связанъ печальными воспоминаніями: здѣсь онъ потерялъ взрослого сына Петра, здѣсь похоронилъ жену брата, къ которой питалъ большое почтеніе; не малое число внуковъ, умершихъ еще въ дѣтствѣ, покоилось въ церковныхъ стѣнахъ.

Стефанъ Баторій, узнавши о неповиновеніи Борзобогатаго, сдѣлалъ ему письменно выговоръ, прибавивъ, что до поры до времени будетъ ждать, но наконецъ прикажетъ поступать съ нимъ, какъ съ бунтовщикомъ; въ декабрѣ 1582 года король вновь выдалъ Теофану грамоту на архимандрію ¹⁾, а два мѣсяца спустя приказалъ владыкѣ представить отчетъ о десятилѣтнемъ хозяйничаньи въ Жидичинѣ. Коммисарами по этому дѣлу назначены были волынской каштелянъ Михайлъ Мышка и луцкій староста Александръ Пронскій ²⁾.

Но епископъ ничего этого не исполнилъ. Обиженный король прислалъ повѣтовымъ властямъ коротенькій приказъ—выгнать. Однако выгнанный изъ Жидичина владыка вторично туда возвратился...

Стефанъ объявилъ, что развѣ самъ уже лично прибудетъ, чтобы усмирить бунтовщика. Тогда староста князь Пронскій горячо взялся за это дѣло и рѣшилъ не только выжить Красинскаго изъ Жидичина, но въ то-же время лишить его возможности возвратиться туда. Онъ предпринялъ настоящій походъ: кромѣ посполитаго рушенья, составленнаго изъ трехсотъ человекъ, собралъ жолнѣровъ изъ роты Свѣявскаго. Епископъ проигралъ сраженіе: ничего не пособила отвага Анны, постоянно возбуждавшей своихъ воиновъ къ храбрости; они принуждены были оставить поле битвы, гонимые побѣдителемъ. Пронскій обнесъ монастырь палисадомъ, окопалъ глубокимъ ровомъ, оставилъ въ немъ караулъ изъ 100 человекъ, а разгулявшіеся солдаты даже бранные останки семейства Красинскихъ вынули изъ могилъ и выбросили за монастырскую стѣну ³⁾.

¹⁾ Акты, относящіяся къ исторіи правосл. церкви, стр. 157.

²⁾ Л. с. 159.

³⁾ Л. с. 189.

Одновременно, въ іюлѣ 1583 года, былъ изданъ новый королевскій актъ, въ силу котораго владыка Борзобогатый и внукъ его Михайлъ Гулевичъ преданы баниціи.

Баторій сдержалъ обѣщаніе. Дѣло приняло серьезный характеръ: стоящій на краю могилы старикъ вдругъ лишился повровительства закона! Прежнихъ помощниковъ не было: сыновья померли; зять, пользовавшійся благосклонностью престола, также повоиhsа въ могилѣ; невѣстка, впрочемъ, подстрекала къ сопротивленію, но владыка уже не внималъ ея совѣтамъ. Измученный, онъ совсѣмъ упалъ духомъ, смирился и просилъ у короля охраннаго листа (*gleit*) ¹⁾ для себя и родныхъ. Только послѣ долгихъ усилій онъ получалъ его въ февралѣ 1585 года; срокъ *мейта* былъ шестимѣсячный; поводъ—поруганіе святыни, совершенное владыкою надъ церковью св. Николая въ Жидичинѣ, дѣль—соглашеніе съ Теофаномъ Грекомъ, какъ съ стороною въ данномъ случаѣ потерпѣвшей ²⁾).

Недостало однако епископу Красинскому жизни для полюбовнаго окончанія дѣла, затѣяннаго подъ его именемъ невѣсткою; онъ вскорѣ, кажется, скончался, ибо уже въ сентябрѣ Кириллъ Терлецкій получилъ привилегію на очистившееся послѣ его смерти лудко-острожское епископство ³⁾).

Не суждено было и Теофану пользоваться покоемъ въ Жидичинѣ: въ августѣ изгналъ его оттуда Гедeonъ Балабанъ, галицкій и львовскій владыка. Грекъ жаловался, протестовалъ, но напрасно ⁴⁾).

Новопоставленный преемникъ Борзобогатаго не легко вступилъ во владѣніе входившими въ составъ епископіи имѣніями. Прежде всего ему пришлось выдержать борьбу съ Маркомъ Журавницкимъ, лудскимъ старостичемъ, по поводу Жабча съ окрестностями; внукъ двухъ епископовъ считалъ уже эти имѣнія своею собственностью и даже возбудилъ противъ Терлецкаго судебный искъ ⁵⁾).

Что-же Анна? Не хотѣлось-бы досказывать..., она не забыла о себѣ, да еще какъ не забыла! Въ имѣніяхъ лудко-острожскаго

¹⁾ Глейтъ—королевскій охранный листъ, выдававшійся на срокъ, до заглаженія вины, тѣмъ, которые были осуждены на баницію.

²⁾ Акты къ исторіи прав. церкви. Стр. 191.

³⁾ Л. с., стр. 195.

⁴⁾ Л. с., 193.

⁵⁾ Л. с., 197.

епископства оставаться она не могла, за то сейчас-же послѣ смерти отца опустошила эти имѣнія по татарски. Помогали ей въ этомъ два взрослые ея сына: Константинъ и Василій; помогали сосѣди: князь Янушъ Збаражскій, брацлавскій воевода, и князь Любецкій изъ Козина, помогали тѣмъ, что укрывали въ своихъ имѣніяхъ награбленное имущество. Сознаніе святости церковной собственности было совершенно потеряно; на принадлежащее русской церкви имущество смотрѣли, какъ на доходную аренду, удерживаемую на основаніи королевской привилегіи. Перечитывая отчетъ Николая Рокицкаго, командированнаго королемъ на Волынь для повѣрки имуществъ луцко-острожскаго епископства, приходится удивляться хищнической предупредительности Анны Красинской. Убивалась она, по видимому, надъ умирающимъ отцемъ и тотчасъ послѣ его смерти приступила къ грабежу. Прежде всего опорожнила сундуки, въ которыхъ хранилось церковное имущество, и заурядъ съ золотымъ крестомъ, стоимостью въ 1000 червонцевъ, дорогими епископскими облаченіями, церковными книгами, красовавшимися искусною и дорого стоившею оправою, не забыла о грамотахъ на духовныя имѣнія, объ изящно граненомъ изумрудѣ, украшавшемъ икону Богоматери въ Ружищѣ, за который она получила 600 таллеровъ, выславъ его для продажи въ Данцигъ. Пошли за тѣмъ кухонная посуда, зерновой хлѣбъ, живой инвентарь...

И если-бы только этимъ удовольствовалась! Но нѣтъ, она не пощадила и *кметей*; королевскій коморникъ составилъ длинный перечень обидъ, заявленныхъ мѣстными крестьянами: тотъ требовалъ коня, этотъ корову, иной козу или нѣсколько куръ¹⁾, и такъ безъ конца. И, знать, было это въ обыденномъ порядкѣ, потому что никто не удивлялся такимъ насиліямъ; напротивъ, въ глазахъ окружающихъ вдову это придавало ей извѣстную честь.

Анна отправилась въ Красникъ, чтобы тамъ провести остальную свою жизнь; ея пѣсня была слѣта: пережила она близкихъ своихъ, остались только сыновья; на нихъ и обратила свою заботу и любовь.

Впрочемъ, ея сыновья не приобрѣли себѣ особой извѣстности и болѣе не упоминаются; со смертію дѣда они вмѣстѣ съ матерью схо-

¹⁾ Акты, относящ. къ исторіи правосл. церкви. 204—212.

дять со сцены. Волянь перестаетъ интересоваться ими и они теряются въ расплывшейся массѣ другихъ шляхтичей.

Мы не доискались года смерти Анны; впрочемъ это для насъ имѣетъ второстепенное значеніе. Мы убѣждены, что послѣдніе дни своей жизни она провела покойно, подь кровомъ хорошо обстроенаго ея предпріимчивостію двора; сосѣди читли въ ней женщину, способную помочь себѣ въ бѣдѣ, умѣющую пользоваться благоприятными обстоятельствами; ея энергія и дерзкая отвага не удивляли современниковъ: украинскія женщины этой эпохи на столько же были воинственны, какъ и мужчины, и подобно послѣднимъ были грубаго нрава. Мягкость нравовъ, повторяемъ, является вмѣстѣ съ западною цивилизаціей. Идеаль женщины, столь распространенный у насъ въ XVIII вѣкѣ, образовался подь вліаніемъ татарскихъ набѣговъ, плѣна на дальнемъ востокѣ, а прежде всего, какъ послѣдствіе козацкихъ волненій. Несчастія и смутное теченіе судьбы покрыли пятнами бѣлую одежду ангела-хранителя домашнего очага; не сразу украинская женщина стала на пьедесталъ: прежде нужно было выковать его изъ жертвъ и безграничнаго самозабвенія, а выковавши—обмыть слезами любви и преданности...

Аняѣ Красинской чужды были вѣжныя чувства, какъ чужды онѣ были и другимъ современнымъ ей украинскимъ женщинамъ; многое безнаказанно сходило ей съ рукъ, ибо при видѣ успѣха люди оказываютъ, да и прежде оказывали снисходительность... задача-же историка нравовъ данной эпохи—показывать правду, правду прежде всего.

(Продолженіе будетъ).

Четыре письма Евгенія, митрополита кievскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору кievской академіи *).

1.

Высокопреподобѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Братское письмо ваше отъ 22 февраля я получилъ и усердно вамъ за оное благодарю, равно и за увѣдомленіе. Прошу и впредь увѣдомлять почаще—не рапортами, а письмами по просту; только на пакетахъ надписывайте: *репорты*, подъ академическою печатью.

Пріѣхавъ сюда 13 февраля, я двѣ недѣли дожидался представленія государю, потому что первую недѣлю онъ пробылъ въ Царскомъ Селѣ, а другую дворъ дожидался ежедневно разрѣшенія вел. княгини. 1-го марта потребовалъ онъ меня вечеромъ и милостиво бесѣдовалъ со мною 1½ часа. Послѣ сего вступилъ я въ должности по синоду и по комиссіи духовныхъ училищъ, но особыхъ дѣлъ еще не имѣю.

*) Письма эти препровождены намъ священникомъ г. Купянска, о. Іоанномъ Левандовскимъ, при слѣдующемъ его письмѣ:

Милостивый государь,
г. Редакторъ!

Разбирая бумаги, оставшія послѣ смерти тестя моего, протоіерея купянскаго покровскаго собора и смотрителя купянскаго духовнаго училища, воспитавника кievской духовной академіи (выпуска 1825 года), Петра Алексѣевича Протопопова († 1871 г., іюня 29 дня), я нашелъ между ними связку писемъ, числомъ 20, къ Мелетію, бывшему архимандриту и ректору кievской духовной академіи, влослѣдствіи викарію кievскому и епископу прикутскому, скончавшемуся архіепископомъ харьковскимъ 29 февраля 1840 года. Въ числѣ сихъ писемъ—9 отъ Евгенія, митрополита кievскаго (8 писемъ 1825 г. и одно письмо 1828 г.), 6 отъ Евгенія, архіепископа сперва псковскаго, а потомъ тобольскаго (1824, 1828 и 1829 г.), одно отъ Григорія, епископа ревельскаго (1824 г.), одно отъ Моисея,

По представленію вашему о Евгеніѣ ¹⁾, думаю, будетъ сходно рѣшено съ вами. Діакономъ пусть подастъ просьбу преосвященному викарію, а дикастерія со справкою и черновымъ доношеніемъ св. синоду пришлетъ ко мнѣ. Дѣло кажется удобное. Дипломъ Лелявскому пришлите ко мнѣ. Иларій, кажется, рѣхнулся умомъ и потеряетъ всю службу. Но въ комиссіи не слыхалъ я еще о немъ доклада.

Въ доказательство моеѣ приверженности и доброжелательства къ вамъ увѣдомляю, что я до свиданія еще съ государемъ и до засѣданія въ синодѣ представилъ уже васъ къ ордену св. Анны 2-го класса. Св. синодъ уважилъ же и уже послалъ къ государю представленія. Можетъ быть къ Пасхѣ поздравлю васъ, если государь до отъѣзда успѣетъ прочесть, ибо съ фоминой недѣли ѣдетъ въ Варшаву на сеймъ и возвратится въ началъ уже іюня.

Но съ другой стороны, къ прискорбію моему, открылъ я здѣсь шилонскую ²⁾ переписку вашихъ академикомъ. Одинъ изъ нихъ, по нашей рекомендаціи въ 1823 г. произведенный, дерзко и злобно писалъ

епископа старорусскаго (1824 г.), одно отъ Е. Лебедева (1826 г.), одно отъ Филарета, митрополита московскаго (1828 г.) и одно письмо отъ Филарета, архіепископа казанскаго (1829 г.). Когда и какими образомъ письма эти достались въ руки П. А. Протопопова, объяснить не могу; я даже никогда о нихъ и не слыхалъ отъ него, хотя, повидямому, и были поводы къ этому, такъ-какъ онъ весьма часто и съ особенною любовію и признательностію вспоминалъ о бывшемъ своемъ начальникѣ въ академіи и въ епархіи, преосвященнѣйшемъ Мелетіи, котораго милостями и расположеніемъ всегда пользовался.

Полагал, что нѣкоторые изъ этихъ писемъ бесполезны, какъ матеріалъ для исторіи кievской духовной академіи, а всѣ—для біографіи преосвященнаго Мелетія, глубоко чтимаго въ харьковской епархіи, какъ мужа святаго, имѣю честь препроводить вамъ при этомъ, милостивый государь, въ копіи, съ соблюденіемъ ортографіи подлинниковъ, четыре письма къ Мелетію Евгенію, митрополита кievскаго, писанныя изъ С.-Петербурга, для напечатанія въ издаваемомъ вами журналѣ. Прошу принять увѣреніе и проч.

Приносивъ искреннюю нашу признательность достопочтенному о. Левандовскому за сообщеніе этихъ интересныхъ писемъ знаменитаго нашего митрополита, надѣясь, что намъ не будетъ отказано въ полученіи и остальныхъ того-же іерарха писемъ, а равно и другихъ, пригодныхъ для біографіи пр. Мелетія.—Р е д.

¹⁾ Бывшій впоследствии архіепископомъ астраханскимъ.

²⁾ Это слово въ подлинникѣ написано чрезвычайно неразборчиво, почему въ правильности передачи его я не увѣренъ.

сюда. Вы узнаете виноватаго по глазамъ. Это отдоенное на матеръ свою... Сплетни его и небывалыя лжи повредятъ больше ему, нежели мнѣ. Учите сихъ ребятъшекъ незрѣлыхъ благованію и скромности.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, емь съ почетомъ доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній М. К.

7 марта, 1825 г.

2.

Получ. 24 мая.

Високопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Репортъ вашъ отъ 29 апрѣля съ планами и смѣтами я получилъ, и все сіе теперь же возвращаю съ отвѣтомъ на все пункты вашего письма.

Предписанія комиссія въ протоколахъ подписаны были и мною. Не смотря на то, продолжайте перечнемъ увѣдомлять меня о полученныхъ оныхъ.

Воронежская семинарія другой разъ уже самовольствомъ своимъ въ постройкахъ едва-ли нынѣ получить другое списхожденіе, ибо въ комисіи протоколомъ ей уже запрещено.

Объ удѣленіи бывшему бібліотекарю Евгенію изъ жалованья за вычетомъ, посліку отъ комисіи не предписано, да и отъ васъ прежде промолчано, то лучше вновь представить, или ему самому прислать прозбу. Вы даже не привели въ ясность и того, на сколько суммы недочету на немъ, и какихъ именно книгъ. Это не значитъ попеченіе о казенномъ.

Геромонахъ Владиміръ ¹⁾ нусть идетъ, куда ему угодно. Онъ въ Лаврѣ бесполезенъ, лѣнивъ, *гордъ*, но требуетъ всего наравнѣ съ служащими и нуждающимися. А по болѣзни своей скоро и въ Орлѣ негодится и накі навяжется въ Лавру на тунеядство, а о смотрительствѣ его въ Орлѣ представьте особый журналъ. Охотно утвержу. Можетъ быть исправится.

Хорошо едѣлаете, естли дублиеты изъ бібліотеки удѣлите семинаріи. Но отецъ ректоръ Кирилль и мнѣ не присылаетъ копіи ката-

¹⁾ Мусатовъ — кончалъ жизнь въ состояніи помѣшательства. Былъ въ 30-хъ годахъ смотрителемъ богуславскаго духовнаго училища, поимѣвался отъ гордости!...

лога книгъ, мною сданныхъ въ семинарскую библіотеку, да и вамъ должно бы представить каталогъ сей комисіи для показанія моего пожертвованія.

Планъ и фасадъ иконостаса въ вашу большую церковь я утвердилъ и возвращаю при семь съ планами и теплой церкви. Въ верхнемъ этажѣ быть ей не удобно, ибо старикамъ всходить въ оную зимою трудно, да и тѣсно будетъ для народа, а придѣламъ вовсе негдѣ тамъ помѣститься. Въ нижнемъ этажѣ лучше ¹⁾, и церковь сія съ пристройками украситъ весь корпусъ. Въ верхнемъ этажѣ можетъ остаться семинарская библіотека, для трапезы же много мѣста въ смежныхъ пристройкахъ. Нѣтъ нужды епѣшитъ въ одно лѣто отдѣлывать сію церковь; довольно нынѣ отдѣлать ее въчернѣ.

На побужденіе полиціи, по наущенію магистрата, къ сложкѣ и постройкѣ вашей ограды къ площади, отвѣтствуйте ссылкой на указъ св. синода отъ 23 февраля сего года, въ дикастерію отосланный; возьмите копію, изъ коей увидите, что дѣло идетъ о постройкѣ лавочекъ въ оградѣ, а не о простой оградѣ, и гражданское правительство обязано представить оныя планъ. А о планѣ хорошемъ попросите архитектора. Но дѣло сіе пойдетъ еще на годъ и до разсмотрѣнія министерства внутренняго полиція принудить васъ не можетъ. А я здѣсь настою. Между тѣмъ теплую церковь въчернѣ отдѣлаете.

Кровлю на братскомъ корпусѣ окрасить можете и безъ доклада.

Еще получилъ я отъ бывшаго вашего учителя Гловацкаго прозьбу о пенсіонѣ. Скажите ему, что комисія уже рѣшила по прежней его прозьбѣ и перерѣшать не будетъ. А о пенсіонахъ дѣло еще и не рѣшено, но оно касается только до новыхъ профессоровъ.

Кажется на всѣ статьи письма вашего теперъ я отвѣчалъ.

Доклады нани отъ государя и о сию пору еще не возвращены. А ждутъ и возвращенія его скорѣе назначеннаго срока.

Желая вамъ наилучшаго успѣха въ дѣлахъ и призывая на васъ благословеніе Божіе, есть всегда доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. кіевскій.

12 мая, 1825 г.

¹⁾ Она и устроена была въ нижнемъ этажѣ и соединена съ верхнимъ, съ добавкою боковыхъ пристроекъ, въ 1848—9 году; въ верхнемъ этажѣ помѣща-

Я нашелъ въ синодской архивѣ полное дѣло о кievской академіи, со всѣми древними и новѣйшими грамматами. Теперь у меня его снимаютъ. Справьтесь, пожалуйста, какія у васъ есть грамматы и документы академическіе; а едвали въ пожаръ 1811 г. не сгорѣли они всѣ. Въ синодскомъ дѣлѣ нашелъ я и духовное завѣщаніе Петра Могилы на польскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ не могъ я нигдѣ отыскать его. Это любопытный актъ.

3.

Получ. 11 іюля.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Возвращаю вамъ росписаніе порядка вашихъ экзаменовъ; оканчивайте благополучно.

Если ваши студенты предложеніемъ комисіи о представленіи диссертаций, какъ вы пишете, приведены въ уныніе, то это ясное доказательство слабости ихъ въ приготовленіи себя достойными служеніи нашей церкви; а если трудны имъ кажутся предметы, относящіеся собственно къ православной нашей церкви, то въ этомъ виноваты вы, при преподаваніи имъ общихъ богословскихъ лекцій не показывавшіе имъ источниковъ сихъ нашей церкви предметовъ. Если бы вы давно дали имъ въ руки весьма многія уже въ нашей церкви, на защиту ея написанныя, книги, то они давно были бы къ сему и готовы. Но у нашихъ школяровъ давно обычай заглядывать только въ иностранныхъ богослововъ, а не въ своихъ. Если бы имъ извѣстны были напримѣръ книги: Камень вѣры Стефана Яворскаго, Пращица Питиримова, Розыскъ Дмитріевъ и весьма многія сочиненія, на раскольниковъ изданныя, то бы не отговаривались они трудностию въ предметахъ Россійской церкви. Невскіе студенты воспользовались уже всѣми сими источниками, и мы слышали уже прекрасныя диссертации ихъ о почитаніи святыхъ, о постѣ, о крестѣ, о мощахъ святыхъ и проч. Вотъ это то надобно твердить нашимъ православнымъ. Вы не поняли задачи комисской. Когда

лась сначала бібліотека семинаріи, не имѣвшей еще отдѣльнаго помѣщенія, а потомъ окончившіе курсъ студенты академіи, до распредѣленія по мѣстамъ, что также было не удобно.

поймутъ ее и въ семинаріяхъ, то являться будутъ и оттуда студенты, готовые къ полученію усовершенія своего на достоинства пастырскія нашей церкви, а не *всеобщей*, для которой доселѣ вы воспитывали студентовъ. Пріѣзжающихъ же въ академію для полученія только академическихъ степеней безъ достоинства къ онимъ, естьли и мало будетъ, то не вредно ни академіямъ, ни церкви. Стыдно и давать степени недостойнымъ. Публика уже видитъ такихъ, и надобно будетъ придумать дѣло полезное нашей церкви и тѣмъ, кои уже возведены на степени и получили пенсіоны не для туеядства.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, емь доброзелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. к.

1 іюля, 1825 г.

Для ректорства своего и вы должны приготовить какой нибудь Specimen (ученый трудъ).

4.

Получ. августа 5-го.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христвѣ братъ!

Двѣ бумаги ваши отъ 12 и 15 іюля получилъ я и на одну отвѣчаю, а другую возвращаю. Комисскія бумаги пойдутъ своимъ чередомъ. Жаль, что пресвященный викарій не кончилъ экзаменовъ, и вы останетесь безъ рекомендаціи. А я послалъ ему и образецъ моего донесенія о первыхъ экзаменахъ, по коимъ академики получили и награжденіе.

При слушаніи донесенія вашего объ увольняемыхъ профессорахъ не забуду вступиться и за вашихъ питомцевъ¹⁾. Щастье и для васъ, что я здѣсь. А прежніе временщики замыслили даже уничтожить кievскую академію и обратить въ семинарію, дабы свѣтъ истекалъ только отселѣ и изъ Москвы!!! Но сего стыда не открывайте никому. Ното groronit, Deus disponit.

Здѣшняя академія напечатала уже 2 тома своихъ проповѣдей, не представлявши комисіи. Слѣдовательно и вы можете тоже сдѣлать. Но, пожалуйста, хорошенько выправьте.

¹⁾ Это была какая-то крупная катастрофа въ академіи, доселѣ еще не выясненная.

При нынѣшнемъ окончаніи курса не худо бы вамъ пожаловать нѣкоторыхъ членами своей академіи, напримѣръ владыкъ казанскаго, астраханскаго, тверскаго, ярославскаго, смоленскаго, курекаго, екатеринославскаго и—довольно пока.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. кіевскій.

25 іюля, 1825 г.

Сообщ. свящ. І. Левандовскій.

Прошение малороссійскаго шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданное Екатериной II-й въ 1764 году.

Настоящее прошеніе обязательно сообщено намъ достоуважаемому профессору университета св. Владиміра, А. Ф. Кляшкковскимъ, а имъ получено въ современной копіи изъ архива бывшаго малороссійскаго губернатора, князя Н. Г. Репнина. Въ немъ есть цифровые пропуски, указывающія на то, что, быть можетъ, это черновая прошенія, или первоначальный его проектъ.

Это прошеніе стоитъ въ тѣсной связи съ помѣщенной въ октябрьской кнѣжкѣ «Кіевской Старины» на 1882 г. рѣчью неизвѣстнаго малороссійскаго оратора, произнесенною на какомъ-то собраніи малороссійскихъ чиновъ. Въ объясненіи, которое предпослано нами этой рѣчи, мы относили ее къ 50-мъ годамъ XVIII ст., т. е. къ началу гетманства Разумовскаго, такъ какъ на это время есть прямое указаніе въ рѣчи. Было-ли послѣ этой рѣчи и собранія, на которомъ она произнесена, составлено и подано прошеніе, сходное съ настоящимъ, или малороссійская шляхта послѣ многихъ только лѣтъ рѣшилась на представленіе давно задуманнаго проекта, — сказать трудно; но, въ виду точной даты помѣщаемаго теперь прошенія и большого сходства его въ общихъ положеніяхъ съ рѣчью, мы склонны и самую рѣчь отнести къ болѣе позднему времени.

Говоримъ, что рѣчь и просьба въ общихъ положеніяхъ сходны и разнятся лишь по частнѣйшей ихъ обработкѣ, которая, какъ само собою понятно, въ прошеніи сдѣлана подробнѣе и обстоятельнѣе. И въ общемъ и въ частностяхъ прошеніе представляетъ собою весьма важный и поучительный историческій документъ, рисующій намъ въ одной картинѣ легальное и фактическое положеніе Малороссіи въ союзѣ съ Польшею и Россіею: оно то подтверждаетъ извѣстныя уже историческія данныя, то дополняетъ ихъ новыми неизвѣстными свѣдѣніями. Пресловутыя права и вольности, которыми надѣляла польскіе короли южную Русь, о которыхъ возмущаетъ и которыхъ возврата желаетъ малороссійское шляхетство, привели однако къ тому, что народъ возсталъ, какъ одинъ человекъ, противъ своихъ бла-

годителей и порвалъ всякую связь съ Польшею. Подтвержденіе этихъ правъ и вольностей царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его преемниками не дѣлаетъ страны счастливою. Продолжительная война съ Польшею, внутреннія междоусобія въ Малороссіи, взаимныя недоразумѣнія двухъ объединившихся послѣ долгаго разрыва половинъ Россіи, тяжело отзывающіяся на положеніи слабѣйшей, отдача западной Малороссіи во власть Польши и связанный съ нею длинный рядъ народныхъ возстаній, перешедшій наконецъ въ хроническое волненіе, съ другой стороны военная опека въ восточной Малороссіи и участіе ея въ войнахъ шведской и турецкихъ, въ связи съ огромными военными наборами, постояннымъ квартированіемъ русскихъ войскъ на счетъ мѣстнаго населенія, приниженіемъ козацкаго сословія и ограниченіями его самоуправленія, которыя вызваны были злоупотребленіями козачей старшины, долгое время держали обѣ части южной Россіи въ состояніи крайняго напряженія, непрерывной тревоги, какого-то судорожнаго одѣвленія, не давали и восточной ея половинѣ, сравнительно болѣе счастливой, даже короткаго промежутка времени для внутренней работы надъ устройствомъ и развитіемъ гражданскаго порядка и общественныхъ отношеній, сообразно новому политическому ея положенію. Составители настоящаго прошенія, эти представители гетманщины, не могутъ, какъ видно, высказать надъ общимъ ходомъ событій въ исторіи своей родины, не могутъ понять роковой необходимости переживаемаго ею неурядиства и приписываютъ все зло то ограниченіямъ ихъ шляхетскихъ правъ и вольностей, то случайностямъ, въ родѣ тягостей войны, неудачной колонизаціи южныхъ степей, водворенія въ Полтавщинѣ грузинскихъ выходцевъ и т. под. Они не додумались до какого-нибудь новаго идеала гражданскаго строя въ органической связи съ новымъ ихъ отечествомъ, мечтаютъ о своей обособленности, о возвращеніи прежняго, исторіею осужденнаго и разрушеннаго строя. Ихъ идеалы—старопольскіе, старошляхетскіе; ихъ стремленія и интересы—исключительные, сословные, своекорыстные. О положеніи массы, о благѣ народа они не заботятся и, если хлопочуть о законахъ, судахъ, комерціи, просвѣщеніи и проч., то только въ интересахъ своего тѣснаго круга. Малороссійская шляхта не стала выше шляхты польской, равно московскаго боярства и захватившаго ее дворянства. Въ этомъ всенародномъ, по видимому, заявленіи нужды и желаній вѣтъ ничего народнаго; мнимые представители народа хлопочуть только о себѣ, а народъ обзываютъ именемъ мужика, добиваются прикрѣпленія его къ ихъ землямъ и сами готовятъ то закрѣпощеніе, которое только освящено закономъ 1783 г. Но, и помимо чернососной массы, какъ мало они просятъ для другихъ, все таки привилегированныхъ, классовъ и какъ искусно добиваются водворенія ненавистныхъ народу жидовъ!... Понятно, что такія исключительныя домогательства малороссійской шляхты не были удовлетворены даже тогдашнимъ, однородно настроеннымъ русскимъ правительствомъ, а напротивъ послужили поводомъ къ уничтоженію гетманства и введенію края въ общій строй русской жизни; съ теченіемъ времени выработавшій иныя гражданскія понятія и отношенія.

Очертивъ общій духъ и характеръ прошенія малороссійской шляхты и ея гетмана, за любопытными его подробностями отсылаемъ читателей къ самому документу. — *Ред.*

ПО ТИТУЛЪ.

Восшествіе вашего императорскаго величества на всероссійскій императорскій престолъ вѣрноподданный малороссійскій народъ почитая за особливый промыслъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственнаго своего благополучія, съ дерзновеніемъ приступаетъ въ престолу вашего императорскаго величества, и тѣмъ благонадежиѣ въ просьбахъ и нуждахъ своихъ помилованъ быть уповаетъ, чѣмъ найсовершеннѣе увѣренъ, что вмѣстѣ съ вашимъ императорскимъ величествомъ царствуетъ правосудіе и милость. Сто лѣтъ уже прошло, всемилостивѣйшая государыня, какъ малороссійскій народъ, будучи въ прежнихъ вѣкахъ чрезъ поляковъ и литву разными случаями отторгнутъ отъ соединенія съ Россією, имѣлъ съ ними во всемъ равенство и пользовался тѣми-жъ, что они, вольностями, правами и преимуществами; а напоследокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и вольностей своихъ, послѣ многолѣтней кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, яго ихъ съ себя свергъ и подъ предводительствомъ славнаго своего гетмана, а моего антецессора Зиновія Богдана Хмельницкаго, презря всѣхъ, которые его ласкали, постороннихъ государей протекціи, не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избранію, ради единовѣрія, пришелъ подъ высокодержавную руку блаженнаго и вѣчностойнаго памяти государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всероссійскаго, и тѣмъ не токмо всю Малую Россію къ всероссійской Имперіи присоединилъ, но не малое участіе имѣлъ въ завоеваніи отъ поляковъ великаго княжества смоленскаго, не упоминая о другихъ чрезъ сіе присоединеніе всероссійской Имперіи принесенныхъ пользахъ. Сіе добровольное подданство учинилъ онъ на договорахъ, въ которыхъ такъ, какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, а именно: гетману и войску запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству грамотахъ, его царское величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ не токмо содержать и сохранять малороссійскій

народъ на всѣхъ тѣхъ правахъ, обыкновеніяхъ, привилегіяхъ, вольностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ оной былъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, но и большими награждать и пожаловать обѣцалъ. Оные договоры отъ времени до времени при постановленіи каждаго гетмана поновляемы и подтверждаемы были, а большій всѣхъ и твердѣйшій залогъ монаршей къ малороссійскому народу милости остался блаженный и вѣчнодостоиня памяти государя императора Петра Великаго; ибо его величество опубликованными въ народъ малороссійскомъ ноября 6 дня 1708 и февраля 3-го 1709 годовъ, за подписаніемъ собственныя своей руки, манифестами, упомянувъ то, что нѣкоторый подъ солнцемъ народъ такими свободами, привилегіями и легкостію хвалиться не можетъ, какъ, по его императорскаго величества милости, малороссійской, и что его императорское величество ни единого князя въ казну свою брать съ онаго не велитъ, всемилостивѣйше обладежилъ, какъ до того времени содержалъ оный при правахъ и вольностяхъ ненарушимо, такъ и впредь все то свято содержать, что при принятіи онаго въ подданство обѣцано его величества государемъ родителемъ. Таковыя предковъ вашего императорскаго величества милости чувствуя, малороссійской народъ служилъ имъ вѣрно и радѣтельно и не токмо ни на какія прелести поляковъ, которые ихъ по прежнему въ свое соединеніе привести старались, не склонился, и нѣкоторыхъ изъ своихъ гетмановъ, которые то сдѣлать покушались, не послушалъ; но еще какъ противъ помянутыхъ поляковъ, такъ и противъ всѣхъ російскаго государства непріятелей, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многіи и славнѣйшія отъ предковъ вашего императорскаго величества, а особливо отъ государя императора Петра Великаго имѣетъ засвидѣтельствованія; но за нѣсколько предъ снѣмъ лѣтъ помянутыя права, обыкновенія, привилегіи, вольности и самыя договорныя статьи какъ слабою малороссійскому народу стали быть защитою, то ваше императорское величество усмотрѣвъ изволите, всемилостивѣйше выслушавъ, хотя не всѣ, но токмо важнѣйшія просьбы и нужды наши, которыя я, гетманъ, съ старшиною, шляхетствомъ, войскомъ и народомъ малороссійскимъ предлагаю въ слѣдующихъ пунктахъ и, обще съ ними припавъ къ стопамъ вашего императорскаго величества, прошу на оныя всемилостивѣйшей резолюціи.

1.

О вольностяхъ малороссійскихъ вообще.—Прежде всего всеподданнѣйше вашему императорскому величеству просимъ подтвердить всѣ прежнія права, обыкновенія, привилегіи, вольности и преимущества, данныя и утвержденныя отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и отъ предковъ вашего императорского величества, все-россійскихъ государей, а особливо государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, во время подданства гетмана Богдана Хмельницкаго, малороссійскому гетману, шляхетству, духовному чину, войску, мѣщанству и всему народу, чтобъ оныя въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы были безъ всякаго нарушенія, и въ такомъ точно разумѣніи и силѣ, какъ оныя написаны и заключены, чтобъ какъ всѣ генерално, такъ и каждый партикулярно своими правами, обыкновеніями, вольностями и преимуществами пользоваться, оныхъ во всѣхъ случаяхъ употреблять и тѣми себя охранять могли.

2.

О чинахъ малороссійской старшины противъ великороссійскихъ.—Въ бытность Малая Россіи подъ Польшею, кромѣ другихъ преимуществъ, имѣлъ малороссійской народъ во всѣхъ чинахъ и достоинствахъ совершенное равенство съ коронными и литовскими чиновниками, такъ что и въ самыя первѣйшія достоинства воеводскія и каштелянскія, которыя всегда соединены съ достоинствомъ сенаторскимъ, малороссійское шляхетство допускаемо было. Сіе доказывается какъ всѣми исторіями польскими и малороссійскими, такъ и особливими сеймовыми установленіями и привилегіями при короляхъ Владиславѣ Ягеллонѣ въ 1433 г., при Сигизмундѣ первомъ въ 1507 г. и при Сигизмундѣ-Августѣ, во время присоединенія княженія кievскаго къ коронѣ польской въ 1569 годахъ, и при другихъ многихъ короляхъ состоявшихся, въ которыхъ точно изъясняется, что малороссійское шляхетство тѣми-же правами, вольностями и преимуществами пользоваться имѣютъ, коими и коронное, и присовокупляются къ коронѣ польской, какъ равныя къ равнымъ и вольныя къ вольнымъ.

А послѣ подданства Малая Россіи предки вашего императорского величества малороссійской народъ всегда отиѣнно отъ другихъ подъ

державою россійскою состоящихъ народовъ почитали: ибо гетманы всегда наравнѣ считались съ первыми классами, какъ то явствуетъ изъ пожалованія гетмана Брюховецкаго въ бояре, который чинъ былъ первый въ Россіи, а полковники жалуютъ были въ стольники. По заведеніи же въ Россіи государемъ императоромъ Петромъ Великимъ регулярства уставлены совсѣмъ другіе чины и по генеральной 1721 года табели о рангахъ всѣмъ какъ придворнымъ, такъ и гражданскимъ чинамъ вельно считаться противъ воинскихъ; о малороссійскомъ же гетманѣ, генеральной старшинѣ, полковникахъ и прочихъ чиновникахъ въ той табели ничего не упомянуто, почему великороссійскіе чиновники, а особливо военно-служащіе малороссійскую старшину презираютъ и во всякихъ случающихся комиссіяхъ и нарядахъ и самыхъ низкихъ чиновъ офицеры за право почитаютъ, чтобъ преимущество брать надъ знатною малороссійскою старшиною за то только одно, что нѣтъ никакого положенія, какъ имъ считаться съ великороссійскими чинами. И хотя о уравниеніи всей малороссійской старшины классами съ великороссійскими чинами, какъ прежде моего гетманства, такъ и отъ меня гетмана поданы всеподданнѣйшія прошенія, однако на оныя всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества не послѣдовало резолюціи; одному токмо мнѣ гетману, состоявшемуся іюля 24 дня 1750 года указомъ, вельно считаться по старшинству съ генералъ-фельдмаршалами. Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, какъ мнѣ и впредь по мнѣ будущимъ гетманамъ подтвердить вышепомянутый 1750 года указъ, такъ и всѣ малороссійскіе воинскіе и штатскіе чины уравнять классами противъ воинскихъ великороссійскихъ чиновъ, чтобъ служба вашему императорскому величеству малороссійская старшина, по большей части изъ своего имѣнія и безъ жалованья, хотя однимъ симъ въ чинахъ уравниеніемъ пользовались и презираемы быть не могли, въ чемъ мы на матернее вашего императорскаго величества милосердіе полагаемъ всю надежду.

3.

О возвращеніи малороссійскому шляхетству взятыхъ земель и имѣній.—Имѣнія и земли малороссійскаго шляхетства и другихъ чиновъ не меньше охранены правами и привилегіями, какъ и дру-

гія вольности и преимущества, въ оныхъ обѣщано сохранять ихъ въ вѣчныя времена безъ нарушенія и отчѣны при ихъ наслѣдныхъ, выслуженныхъ и другими образы пріобрѣтенныхъ имѣніяхъ и земляхъ и оныхъ никогда и никакими образы не отнимать и другому никому, кольми же паче иностраннымъ и прихожимъ людямъ не отдавать, а отданныя возвращать. Въ прошедшихъ же давнихъ годахъ на малороссійскихъ земляхъ насильно поселились слободскихъ полковъ жители и выстроили мѣстечка и деревни, какъ-то Коломакъ, Рублевъ и прочія, о чемъ хотя отъ гетмановъ Самойловича и Мазепы учинены куда надлежить представленія и комиссіи назначены были, на которыхъ со стороны Малыя Россіи старинною межою доказано было, что то малороссійскія земли; однако оныя и до сего времени при слободскихъ полкахъ остаются, а городъ Котельва съ уѣздомъ, принадлежавшій издревле къ полку гадяцкому, отлученъ уже при гетманѣ Скоропадскомъ къ тѣмъ-же слободскимъ полкамъ и за его промолчаніемъ отысканъ, о присоединеніи котораго къ вѣдомству малороссійскому и гетманъ Апостоль въ пунктахъ своихъ домогался. Такимъ же образомъ въ полкахъ Стародубовскомъ и Чернѣговскомъ на земляхъ, малороссійскому шляхетству принадлежащихъ, поселились изъ великороссійскихъ городовъ мужиковъ раскольники, и хотя указами 9 дня 1714 и марта 10 дня 1715 годовъ велѣно было вывести ихъ въ Великую Россію и крѣпостныхъ отдать по крѣпостямъ ихъ помѣщикамъ, а прочихъ селить въ бѣлогородской губерніи на пустыхъ земляхъ, однако оныя раскольники не выведены, но, по докладу бывшаго кіевскаго губернатора князя Голицына, и по состоявшейся на ономъ февраля 18-го дня 1715 года государя императора Петра Великаго собственноручной резолюціи велѣно обложить ихъ въ окладъ, а чтобъ ихъ изъ владѣнія помѣщиковъ выключить, о томъ нигдѣ и никакого указа не имѣется, не смотря на то кіевская губернская канцелярія обложивъ помянутыхъ раскольниковъ взяла въ свое вѣденіе, а помѣщиковъ къ владѣнію допускать не стала, чѣмъ они лишены наслѣдныхъ своихъ и выслуженныхъ земель. Въ 1731 году отошли у шляхетства и прочихъ малороссійскихъ чиновъ многія деревни, земли и прочія угодія какъ наслѣдныя, такъ жалованныя и другими правильными образы пріобрѣтенныя подъ строеіе украинской линіи и на поселеніе при оной однодворцовъ. Въ 1752 году взяты весьма

обширныя и пространныя земли и отданы подъ поселеніе Новой Сербіи, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ малороссійскому шляхетству и козакамъ по грамотамъ и крѣпостямъ, а прочія отъ самыхъ древнихъ временъ низовымъ запорожскимъ козакамъ, что доказывается имѣющимися у малороссійскихъ помѣщиковъ жалованными грамотами и крѣпостями, трактатомъ вѣчнаго міра, заключеннымъ съ Польшею въ 68 году, и пунктами гетмана Мазепы, въ которыхъ между прочимъ по 20 пункту всѣ пустыя мѣста и земли около Днѣпра велѣно населять малороссійскими жителями, для удержанія отъ набѣговъ и утѣсненія крымскихъ татаръ, въ силу котораго, такожъ присланныхъ изъ бывшаго кабинета въ 1741 и изъ правительствующаго сената въ 1744 годахъ указовъ, и началъ было малороссійскій народъ по той сторонѣ Днѣпра слободами на оныхъ земляхъ селиться и принадлежалъ къ малороссійскому вѣдомству и общія съ малороссіянами неслъ подати, въ... году и тѣ слободы изъ малороссійскаго вѣдомства исключены и отданы подъ вѣдомство камендатовъ крѣпости свитыи Елисаветы и, хотя о такомъ помянутыхъ земель и имѣній отобраніи учинены, куда надлежало, отъ меня гетмана въ разныхъ годахъ представленія, однако по онымъ возвращенія не воспослѣдовало. Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) какъ объ отшедшихъ въ давнія годы къ слободскимъ полкамъ малороссійскихъ земляхъ, такъ и о назначеніи генеральной малороссійской межи указать учредить особливую комиссію, на такомъ основаніи, какъ она въ... году учреждена была, и есть ли по слѣдствію сыщется, что помянутыя мѣстечка и деревни поселились на малороссійскихъ земляхъ, то какъ она, такъ и городъ Котельву съ уѣздомъ принисать къ малороссійскому вѣдомству. 2) Раскольниковъ, поселившихся на земляхъ малороссійскаго шляхетства, отдать въ подданство тѣхъ земель помѣщикамъ, чтобъ они по примѣру другихъ малороссійскихъ мужиковъ помѣщичьи работы несправляли, а притомъ бы и положенный на нихъ окладъ въ кіевскую Губерскую канцелярію, а есть ли сего за чемъ либо невозможно, то вывести ихъ всѣхъ въ Великую Россію на прежнія ихъ жилища по силѣ прежнихъ указовъ. 3) Указать отдать всѣ взятыя подъ линію и поселеніе однодворцовъ малороссійскаго шляхетства и прочихъ чиновъ земли, кѣо, по мнѣнію инженеровъ, линію на другія способнѣйшія и къ закрытію почти всѣхъ

вашего императорскаго величества границъ лучше служащія мѣста перенести можно. 4) Такимъ-же образомъ отдать всё взятыя подъ поселеніе Новой Сербіи земли, а поселившійся на оныхъ не одной сербской и прочихъ дозволенныхъ, но и зо всёхъ націй збродной и весьма многочисленной народъ перевести для жительства на другія внутрь Имперіи вашего императорскаго величества находящіяся пустыя и выгодныя мѣста, чѣмъ можно ихъ удержатъ и отъ побѣговъ, которыя они чинятъ, взявъ прежде довольное изъ казны вашего императорскаго величества жалованье, а малороссійской народъ, а особливо военно-служащихъ козаковъ сохранить при ихъ земляхъ и имѣніяхъ. 5) Новонаселеншіеся изъ малороссійскаго народа слободы присоединить къ Малой Россіи, о чемъ они я сами вашего императорскаго величества въ правительствующемъ сенатѣ просили, и позволить имъ и впредь населяться выходящимъ изъ Польши малороссійскимъ народамъ и запорожскими козаками, которые жениться пожелаютъ.

4(2).

О вольномъ избраніи гетмана.—Хотя договорными гетмана Богдана Хмельницкаго статьями, какъ скоро гетманъ умретъ, вольное малороссійскому народу избраніе другаго гетмана дозволено, а вашему императорскому величеству извѣщать о томъ велѣно, и тожь самое всёхъ другихъ гетмановъ статьями подтверждено; но понеже противное тому случилось послѣ смерти гетмановъ Скоропадскаго и Апостола, а между тѣмъ введены были новые уряды гетманскаго правленія, съ вольностями и прежними малороссійскаго народа обыкновениями несходныя, того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить вновь вышепомянутыя прежнихъ гетмановъ статьи, чтобъ, когда волю Божію гетману нашему смерть случится, вольно было намъ тогожь времени, по древнему обыкновению нашему, избрать новаго гетмана, и чтобъ помянутый новоизбранный гетманъ на томъ своемъ урядѣ отъ вашего императорскаго величества подтвержденъ былъ во всемъ противъ того, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій при принятіи своемъ въ подданство всероссійскихъ монарховъ.

3.

О судахъ и о трибуналь. — По правамъ малороссійскимъ положены подкоморскіе, то-есть межевые, земскіе и градскіе суда, которыхъ всѣхъ порядокъ дѣла и должности описаны въ книгѣ Статутъ и въ установленіяхъ сеймовыхъ, сверхъ того во время пребыванія Малая Россіи подъ королями польскими для апелляціи на вышенисаные суды, имѣла она главнѣйшій свой судъ, называемый трибуналь, который отправлялся въ городъ Люблинъ и на который изъ всѣхъ своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ избирала и отправляла депутатовъ изъ шляхетства. Въ пунктахъ-же гетмана Богдана Хмельницкаго и въ привилегіи, данной малороссійскому шляхетству, хотя тѣ земскіе и градскіе суда подтверждены, и велѣно имъ остаться на прежнемъ основаніи, а шляхетству вольное межъ себя на уряды земскіе и градскіе избраніе дозволено, однако нынѣ въ Малой Россіи тѣхъ судовъ нѣтъ, но всѣ межевыя, земскія и градскія дѣла стали быть вѣдомы въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ, отъ полковниковъ, сотниковъ и прочихъ старшинъ, вмѣсто-же трибунала учрежденъ войсковый генеральный судъ не на такомъ основаніи, какъ въ правахъ предписано, и хотя по правамъ нашимъ къ градскимъ дѣламъ можно опредѣлять и изъ воинскихъ старшинъ; однако сіи дѣла совсѣмъ другія учрежденія и порядки свои имѣютъ, нежели воинскія, и слѣдовательно съ оными мѣшаться никогда не должны; земскія-же дѣла, яко требующія совершеннаго знанія и употребленія правъ, особливыхъ своихъ судей, выбранныхъ изъ шляхетства, имѣть должны; а отъ такового вышепомянутыхъ судовъ уничтоженія произошло и происходятъ въ Малой Россіи немалое въ дѣлахъ и порядкахъ малороссійскаго народа замѣшательство, ибо тѣ войсковые старшины, будучи больше заобыкновенны къ воинскимъ дѣламъ, въ земскихъ дѣлахъ надлежащаго народу удовольствія и правосудія дѣлать, а при томъ и своей воинской должности по надлежащему исправлять не могутъ, и сіе было причиною, что помянутые старшины въ прежнія времена земскія и градскія такъ, какъ и воинскія дѣла, на словахъ производили и рѣшали по своему произволению, а книги, въ которыхъ заключаются малороссійскія права, весьма рѣдко и то развѣ отъ ученыхъ судей употребляемы были. По сей причинѣ принужденъ былъ я гетманъ вашему императорскому величеству представить объ учрежденіи

въ Малой Россіи подкоморныхъ, на что и высочайшее вашего императорскаго величества получилъ повелѣніе, въ силу котораго оныя подкоморныя нынѣ въ Малой Россіи учреждаются; но, понеже подкоморскіе суда всегданній союзъ и сношеніе имѣть должны съ судами земскими и градскими и быть подъ апелляціею трибунала, того ради о учрежденіи тѣхъ земскихъ и градскихъ судовъ нынѣ въ Малой Россіи распоряженія чинятся. Вашего-же императорскаго величества всеподданнѣйше просимъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобъ какъ тѣ земскія и градскія суда, такъ и малороссійской трибуналь учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ и опредѣляемая въ тѣ суда и трибуналь чиновники избираемы были вольными голосами изъ шляхетства, но понеже отъ онаго трибунала, по силѣ правъ нашихъ, никуда апелляція не должна быть, кромѣ къ вашему императорскому величеству, и то только въ такихъ криминальныхъ дѣлахъ, гдѣ о потерянніи чести и жизни дѣло идетъ, того ради предасмъ на высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, куда отъ онаго трибунала не токмо по показаннымъ въ правахъ нашихъ дѣламъ, но и по всѣмъ прочимъ имѣть апелляцію указать соизволите.

4.

О генеральной радѣ.—Вышеписанный трибуналь и суда по силѣ правъ должны во всемъ поступать по точности законовъ и рѣшить тѣ дѣла, которыя имъ во оныхъ предписаны, а по вновь случающимся дѣламъ никакихъ рѣшеній издавать и новыхъ установленій дѣлать не могутъ; но такія новыя дѣла рѣшены и установленія узаконяемы были во время польскаго владѣнія сперва на сеймикахъ нашихъ, а потомъ подтверждаемы были на главныхъ сеймахъ общимъ короля и всей республики согласіемъ. Послѣ-же подданства Малыя Россіи подъ россійскую державу на генеральныхъ гетмана и всѣхъ малороссійскихъ чиновъ радахъ, на которыя собирались обыкновенно къ новому году, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда нужда потребуетъ, какъ то явствуетъ изъ пунктовъ, данныхъ прежнимъ гетманамъ, и другихъ документовъ; почему и нынѣ всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ дозволить намъ единожды въ годъ въ такое время, которое мы къ тому за способное изберемъ и поставимъ, а въ чрезвычайныхъ слу-

чаяхъ, когда нужда потребуеть, имѣть сеймы или генеральныя рады, какъ для общихъ нашихъ постановленій и дѣлъ, такъ и для совѣтовъ въ нуждахъ малороссійскаго народа случающихся къ вашему императорскому величеству, на которыхъ сеймахъ или радахъ всѣ таковыя новыя постановленія и дѣла должны заключаемы и рѣшены быть по большинству голосовъ, но силы и дѣйствія своего до того времени имѣть не должны, пока гетманъ и прочіе малороссійскіе чины не представятъ вашему императорскому величеству чрезъ своихъ депутатовъ и не испросятъ на оныя всемилостивѣйшей конфирмаціи.

5.

О недачѣ иностраннымъ людямъ деревень и чиновъ въ Малой Россіи и о выводѣ грузинцовъ.—По праву малороссійскому книги статута раздѣла 3, артикула 12 и по пунктамъ прежнихъ гетмановъ никто изъ иностранныхъ и прихожихъ людей не имѣеть никакого права къ произведенію въ чины и къ награжденію деревнями и землями, но всѣ таковыя авантажи должны получать природныя знатныя и заслуженныя малороссійскіе люди; отъ нѣсколькихъ-же уже лѣтъ производится въ Малой Россіи въ чины и награждаются деревнями иностранныя пришельцы и заграничныя люди, незнающіе ни правъ, ни обыкновеній малороссійскихъ и никакихъ услугъ въ Малой Россіи не показавшіе, какъ-то сербы, греки, волохи и прочіе, а особливо по указу 1739 года розданы грузинцамъ города, мѣстечка и деревни болѣе пяти тысячъ дворовъ, и хотя именнымъ указомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императорицы Елисаветы Петровны 1742 года, на докладъ правительствующаго сената состоявшимся, оныхъ грузинцовъ вывести велѣно, однако и до сихъ поръ не выведены, а нынѣ и сами оныя грузинцы подавшимъ мнѣ гетману доношеніемъ просятъ о представительствѣ къ вашему императорскому величеству, чтобъ они выведены изъ Малой, а напротивъ того награждены были въ Великой Россіи.—Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, какъ оныхъ грузинцовъ нынѣ изъ Малой Россіи вывести, такъ и впредь иностранныхъ и заграничныхъ людей какъ деревнями и землями, такъ и чинами не награждать, кромя такихъ, которые, поселясь въ Малой Россіи, знатныя вашего императорскаго величества заслуги

покажутъ, и въ томъ отъ гетмана и старшины рекомендованы будутъ; но чтобъ всѣ таковыя награжденія и авантажи оставались навсегда при природныхъ малороссіянахъ.

6.

О вольностяхъ духовнаго чина.—Духовный чинъ въ Малой Россіи почти во всемъ равными правами, привилегіями и преимуществами пользуется, что и шляхетство, которые оному и отъ предковъ вашего императорскаго величества во время подданства и послѣ того, какъ договорными статьями, такъ и особливими подтверждены грамотами. Между-же прочими имѣлъ онъ право свободнаго избранія духовными и свѣцкими людьми въ знатнѣйшіе духовные чины, какъ то на митрополию кievскую, на архіепископію черниговскую и на прочіе архіерейства и знатнѣйшія архимандріи, и почти всегда въ тѣ чины кандидаты выбираемы были по силѣ правъ изъ шляхетства, а послѣ того представлялись для пожалованія въ митрополиты, архіереи и знатнѣйшіе архимандриты къ предкамъ вашего императорскаго величества, и кого они пожалуютъ, того святнѣйшіе патріархи и посвящали; другихъ-же духовныхъ чиновниковъ послѣ избранія посвящали архіереи. Таковое вольное избраніе уже и по состояніи святнѣйнаго синода при гетманѣ Скоропадскомъ производимо было; но за нѣсколько предъ сямъ лѣтъ оное въ дѣйство не производится и кромѣ одной кievо-печерской лавры, которая еще и доселѣ сіе право сохраняетъ, свободнаго на духовныя чины избранія не бываетъ, а производится на архіерейства представляемые отъ святнѣйнаго синода кандидаты, часто и изъ такихъ людей, которые въ Малой Россіи не постригались, никакихъ тутъ заслугъ не показали и обыкновеній и порядковъ здѣшнихъ не знаютъ, и для сего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) подтвердить малороссійскому духовному чину всѣ права, прежніи обыкновенія и привилегіи, исключая одну только свободную покупку и другими образы присовокупленіе земель и деревень; ибо та свобода имъ еще прежде подданства Малыя Россіи подъ россійскую державу установленіемъ сеймовымъ при королѣ Владиславѣ Четвертомъ, въ 1635 году состоявшимся, отсѣчена; и сіе-жъ самое подтверждено рѣшительными пунктами по прошенію гетмана Апостола. 2) Дозволить вольное, по

силѣ прежнихъ обыкновеній, духовными и свѣцкими чинами избраніе на митрополію кievскую и прочія архіерейства и на знатѣвшія архимандріи, такъ, чтобъ избранные на митрополію, архіерейства и ставропигіальные монастыри кандидаты представляемы были для пожалованія прямо къ вашему императорскому величеству и кого изъ нихъ пожаловать изволите, тотъ чтобъ отъ святѣйшаго синода посвященъ былъ.

7.

О положеніи на имѣнія духовнаго чина особливыхъ податей для содержанія училищъ.— Пользуясь тѣми-жъ правами, привилегіями и преимуществами, духовный чинъ въ Малой Россіи, что и шляхетство, имѣетъ по силѣ малороссійскаго права книги Статута роздѣла 2, артикула 9, и установленій сеймовыхъ тоже самое обязательство къ отправленію воинской службы изъ своихъ имѣній, которая отправляема была во время бытности подъ Польшею чрезъ опредѣляемыхъ къ тому отъ духовнаго чина воинскихъ людей; а послѣ подданства подъ російскую державу нѣкоторые изъ гетмановъ въ пунктахъ своихъ, не зная для какихъ причинъ, въ противность правъ и прежнихъ постановленій, оной духовной чинъ отъ податей на войско свободными учинили, съ тѣмъ только предобереженіемъ, чтобъ духовные въ свои вотчины впредь никого изъ мужиковъ не принимали, чего однако оны не наблюдали и до сего времени не наблюдаютъ; а отъ сего произошло то, что духовной чинъ, особливо-же монастыри, имѣя лучшія въ Малой Россіи деревни и угодія, не малымъ противъ шляхетства пользуются облегченіемъ, но чтобъ они особливыхъ ставили людей для отправленія воинской службы, въ томъ никакой не предусматривается нужды, ибо Малая Россія довольно военнотружущихъ козаковъ имѣетъ; почему просимъ вашего императорскаго величества дозволенія вмѣсто того, сверхъ общенародныхъ податей, по разсмотрѣнію гетмана съ старшиною, положить какой особливой на ихъ имѣнія или мужиковъ денежной окладъ и оной собирая употреблять на содержаніе училищъ, какъ о томъ ниже упомянуто будетъ.

8.

О вольностяхъ малороссійскихъ козаковъ. — Малороссійскіе козаки, издревле извѣстные подъ именемъ низоваго и городского запорожскаго войска, имѣютъ особливые свои привилегіи и вольности: оныя состоятъ въ вольномъ имѣ, вмѣстѣ съ прочими малороссійскими чинами, избраніи гетмана и старшинъ, отъ которыхъ они по воинскимъ дѣламъ всегда судиться должны, а по земскимъ издревле судятся они тѣмъ-же правомъ, что и шляхетство; они обязаны только къ одной воинской службѣ, а отъ прочихъ должностей, податей и работъ, какъ сами они, такъ по смерти ихъ жены и дѣти ихъ свободны быть должны. Ихъ дома, хуторы, рощи, сады, займища и огороды, сѣножати и прочія земли и угодія свободны были такъ, какъ и шляхетскія отъ всякихъ налоговъ, постоевъ, опустошеній и обидъ. Имъ-же дозволена была свободная звѣриная и рыбная ловля на свободныхъ поляхъ и рѣкахъ, не упоминая о другихъ пожалованныхъ имъ вольностяхъ. Сіе все какъ королей польскихъ, такъ и предковъ вашего императорскаго величества привилегіями подтверждено и при поставленіи гетмановъ поновляемо было: почему они къ службѣ вашего императорскаго величества всегда готовы и во оной исправны были. Но нынѣ весьма немногими изъ вышепомянутыхъ вольностей и выгодъ пользуются; ибо, какъ выше къ 3-мъ пунктѣ помянуто, узяты у малороссійскихъ козаковъ, такъ какъ у шляхетства и запорожскихъ козаковъ, и отданы подъ строеніе линіи и на поселеніе однодворцевъ и Новой Сербіи многія земли, которыми они пользовались и изъ тѣхъ службъ свою отправляли. Сверхъ сего малороссійскіе козаки обложены половинными противъ мужиковъ податями, для бесплатнаго содержанія провіантомъ и фуражемъ шести драгунскихъ полковъ съ ихъ генералитетомъ, такожъ главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизона, что учинено въ силу именнаго указа ... года по той необходимости, что одни малороссійскіе мужики, безъ всеконечнаго ихъ и ихъ помѣщиковъ разоренія, помянутыхъ полковъ и аптеки содержать не могутъ; у нихъ также, какъ и у другихъ малороссійскихъ обывателей, во время квартированія или проходу великороссійскихъ полковъ, часто и безъ отводу ставятся постои, а самихъ ихъ и ихъ лошадей берутъ въ подводы и повозки, по большей части безъ платы. Нѣтъ почти никакой многотрудной и тяжелой въ госу-

дарствѣ работы, гдѣ-бы малороссійскіе козаки употреблены не были, какъ-то: къ строенію каналовъ, линій, крѣпостей, шанцовъ, засѣкъ и прочего. А когда и въ воинскія наряды, какъ-то въ походы и для обереженія границъ вашего императорскаго величества отправляются, то и тутъ, вмѣсто настоящей ихъ воинской должности, командующіе ими великороссійскіе офицеры употребляютъ ихъ въ партикулярныя свои работы, а лошадей ихъ въ подводы и повозки, и въ таковыхъ командировкахъ и на работахъ малороссійскихъ козаковъ не токмо въ военное, но и въ мирное время, когда прочіе вашего императорскаго величества легкія войска покоятся, бываетъ болѣе десяти тысячъ, со всѣмъ тѣмъ всѣ таковыя отягченія отъ многихъ и за службу не почитаются. И для того всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить малороссійскимъ и низовымъ запорожскимъ козакамъ всѣ ихъ прежнія привилегіи и вольности, а именно: вольное избраніе гетмана и старшины и чтобъ они по воинскимъ дѣламъ между собою отъ нихъ и судимы были, а по земскимъ и градскимъ въ тѣхъ-же судахъ вѣдомы были, что и шляхетство, чтобъ какъ они сами, кромѣ воинской настоящей службы отъ всякихъ другихъ должностей, податей и работъ, такъ по смерти ихъ жены и дѣти ихъ тѣми-же свободами, что и они, пользовались; имѣнія-же ихъ, то есть: дома, хуторы, рощи, сады, займища, огороды, сѣножати и прочія земли и угодія чтобъ свободны отъ всякихъ налоговъ, постоевъ, кромѣ въ случаѣ необходимости, опустошеній и обидъ, и въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи ихъ всегда тверды были; чтобъ отданы имъ были взятая подъ линію и подъ поселеніе однодворцевъ и Новой Сербіи земли; чтобъ дозволена имъ свободная звѣриная и рыбная ловля на свободныхъ поляхъ и рѣкахъ, а продажа вина, меду, пива и прочихъ напитковъ въ своихъ домахъ по городамъ и селамъ; чтобъ сложены были съ нихъ подати, которыя они, будучи и сами воинскіе люди, на содержаніе драгунскихъ полковъ, генералитета, полевой аптеки и глуховскаго гарнизона вмѣстѣ съ мужиками платятъ; чтобъ какъ проходившимъ, такъ и командующимъ великороссійскимъ генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ, ктобъ какого званія ни былъ, найстрожайшимъ образомъ запрещено было какъ самихъ козаковъ, такъ и ихъ лошадей брать и употреблять не токмо въ партикулярныя свои, но ни въ казенныя ра-

боты подводы и повозки. Словомъ сказать: чтобъ они ни къ чему другому и никогда употребляемы не были, кромѣ настоящей воинской и вашему императорскому величеству должной службы.

9.

О распоряженіи малороссійскихъ козаковъ. — По пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго положено войску запорожскому быть *шестидесяти тысячамъ*, а по уступленіи, сперва Андрусовскими договорами, а потомъ и трактатомъ вѣчнаго мира заднѣпрской Украины полякамъ, въ пунктахъ другихъ гетмановъ положено быть только тридцати тысячамъ, и онымъ всеѣмъ обѣщано давать жалованье изъ малороссійскихъ доходовъ по тридцати золотыхъ польскихъ, что Россійскими деньгами учинять три рубля, которое они и въ бытность свою подъ Польшею получали; а сверхъ того за всякіе походы и воинскія дѣйствія награждаемы были немалыми суммами денегъ не въ зачетъ жалованья. Но съ самаго времени подданства Малыя Россіи подъ державу предковъ вашего императорскаго величества козаки, сперва по причинѣ многихъ бывшихъ на Малую Россію непріятельскихъ нападений и междоусобныхъ возмущеній и непорядковъ, для которыхъ никакихъ порядочныхъ податей и поборовъ ввести нельзя было, а потомъ, когда оныя подати и поборы введены были для весьма немногихъ, отъ оныхъ бывающихъ доходовъ, никакого жалованья не получали, развѣ когда что изъ милости во время походовъ или за знатныя ихъ военныя дѣйствія пожаловано, но служили всегда изъ своего имѣнія, довольствуясь одними пожалованными имъ вольностями, въ которыхъ нынѣ, какъ выше показано, чувствуя немалой ущербъ и не получая за службу свою никакого жалованья, въ такое пришли отощеніе и бѣдность, что хотя число ихъ не уменьшилось, однако рѣдкой козакъ сыщется, который-бы службу свою порядочно и исправно отправлять могъ, такъ что во время государыни императрицы Анны Іоанновны, по присланному Ея Императорскаго Величества въ 1736 году указу, съ нуждою можно было набрать 20,000 къ службѣ годныхъ козаковъ, почему принуждено было разбирать ихъ по статьямъ и убогихъ давать въ подмогу къ зажиточнѣйшимъ, со всеѣмъ тѣмъ нынѣ и изъ того двадцати-тысячнаго числа едва-ль половина набратъся можетъ, кон-бы во

всякой исправности на службу выйти могли. Почему вашего императорскаго величества просимъ для приведенія въ первобытное состояніе и исправность къ службѣ сихъ бѣдныхъ и разоренныхъ военнслужащихъ людей повелѣть учинить слѣдующія учрежденія: 1) разобрать всѣхъ козаковъ, которые могутъ служить конную, и которые пѣшую службу, и для сихъ учредить особливые пѣшіе полки, ибо при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ были въ Малой Россіи конные и пѣшіе полки, а потомъ распределить ихъ такимъ образомъ, чтобъ нѣсколько дворовъ козачихъ содержали одного доброго и всегда къ службѣ вашего императорскаго величества готоваго коннаго, а другихъ нѣсколько-жъ дворовъ пѣшаго козака. 2) Учинить коннымъ и пѣшимъ козакамъ особливые списки, по которымъ должны они всегда оставаться при своихъ полкахъ и сотняхъ, и чтобъ зъ одного полку въ другой, или изъ сотни въ сотню не переходили.

10.

О снятіи консистенскихъ дачъ и о расположеніи оныхъ въ Малой Россіи для жалованья козакамъ.—Но понеже и при такомъ распоряженіи весьма ненадежно, чтобъ козаки сами себя во всякой исправности къ службѣ содержать могли, ибо къ содержанію одного козака не можно больше опредѣлить, какъ два или три двора, которые должны его во всемъ обмундировать, покупать ему лошадь, ружье и всю воинскую аммуницію, а во время командированія давать провіантъ и фуражъ и повозку, того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ всѣхъ малороссійскихъ какъ козаковъ, такъ мѣщанъ и мужиковъ уволить отъ бесплатнаго содержанія консистующихъ въ Малой Россіи шести драгунскихъ полковъ съ ихъ генералитетомъ, главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизона, ибо таковое бесплатное содержаніе введено въ отѣиность правъ гетмана Богдана Хмельницкаго пунктовъ и обѣщанія государя императора Петра Великаго о невзиманіи ни единого пѣнзя въ свою казну изъ Малой Россіи, а хотя при жизни его величества во время шведской войны, по согласію гетмана Скоропадскаго, и было нѣсколько великороссійскихъ полковъ на содержаніи Малой Россіи, но за то присланною къ тому-жъ гетману генваря отъ 8 дня 1717 года изъ Амстердама грамотою, по

окончаніи оной войны, его величество Малую Россію милостию своею и содержаніемъ, безъ всякаго умаленія правъ и вольностей, награждаетъ общаь, что во исполненіе приводя, при росписаніи всѣхъ армейскихъ полковъ на вѣчныя въ Великой Россіи квартиры, не положилъ его величество ни единого драгуна или солдата на содержаніе Малой Россіи, но сіе вышенисаннхъ полковъ и аптеки содержаніе введено въ непрѣмный обычай при жизни государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1731 и 1732 годахъ, и тѣмъ для малороссійскаго народа тяжестию, что порціи и раціи требуются натурою, а не деньгами, по штатской цѣнѣ, по большей части въ неудобное время, въ которое ежели натурою малороссійскіе обыватели поставить не въ состояніи, то берутъ съ нихъ отъ двухъ до шести рублевъ за каждую рацію, съ неслыханными опредѣленными къ тому комиссарамъ и прочимъ обывателямъ нападками и озлобленіями, о чемъ отъ меня гетмана неоднократно, куда надлежитъ, представляемо было; однако Малая Россія чрезъ то никакого облегченія не получила; вмѣсто-же содержанія помянутыхъ полковъ и аптеки дозволилъ намъ ту сумму, которая на оныя полки и аптеку исходитъ, расположить на всѣхъ мѣщанъ, тако-же шляхетскихъ, духовнаго чина и всѣхъ прочихъ мужиковъ, равномернымъ образомъ и на цыганъ, которые указомъ апрѣля 2 дня 1755 года отъ всякихъ податей уволены и шатаются въ Малой Россіи праздно, не отбывая никакихъ общенародныхъ тягостей, для заплаты опредѣленному числу конныхъ и пѣхотныхъ козаковъ положеннаго имъ въ пунктахъ прежнихъ гетмановъ жалованья, а то-ли имъ производить жалованье, которое въ пунктахъ положено, или больше или меньше, то просимъ отдать на общее наше распоряженіе, которое, смотря по доходамъ, учинявъ, въ свое время вашему императорскому величеству мы донесемъ и будемъ просить всемилостивѣйшей конфирмаціи. Если-же сей матерней вашего императорскаго величества милости въ увольненіи отъ содержанія помянутыхъ полковъ и аптеки Малой Россіи не воспослѣдуетъ, то ниже козаковъ отъ положенныхъ на тѣ полки податей безъ всеконечнаго, какъ выше писано, мужиковъ и ихъ помѣщиковъ разоренія уволить не можно. Помянутый-же денежный сборъ долженъ собиравъ быть, въ силу тѣхъ-же Богдана Хмельницкаго пунктовъ, отъ малороссійскихъ урядниковъ и отдаваеъ въ скарбъ войсковый, а отъ онаго распре-

дѣляемъ на жалованье и прочіе воинскіе расходы, въ которыхъ, такъ какъ и во всёхъ прочихъ приходахъ и расходахъ, покарбій войсковый генеральный каждой годъ считанъ быть имѣть.

11.

О дачѣ особеннаго жалованья малороссійскому войску въ заграничныхъ походахъ.—Получивъ малороссійскіе козаки отъ вашего императорскаго величества вышеписанныя милости, безответны были-бы, естли-бы къ службѣ вашего императорскаго величества во всякое время не готовы или нерадѣтельны и во оной несправны были; но ежели случится имъ когда быть на службѣ вашего императорскаго величества въ дальнихъ и заграничныхъ походахъ, то ни какъ не можно, чтобъ они себя своимъ содержаніемъ и жалованьемъ, а особливо, ежели опредѣлится такое, какъ выше писано, или еще и меншее, тако-же провіантомъ и фуражемъ содержать могли: для чего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, чтобъ, въ случаѣ такихъ заграничныхъ походовъ, козаки и ихъ старшина и прочіе чины снабждаемы были въ добавку-же своему получаемому жалованью изъ казны вашего императорскаго величества конные противъ турскихъ, а иѣшіе противъ армейскихъ полковъ, а чиновники противъ тѣхъ чиновъ, которые имъ отъ вашего императорскаго величества пожалованы будутъ, съ такимъ-же провіантомъ и фуражемъ, какъ оныя получаютъ.

12.

О заплатахъ долговъ малороссійскому народу.—Сверхъ безплатнаго содержанія вышеписанныхъ шести драгунскихъ полковъ генералитета, аптеки и глуховскаго гарнизона во время прошедшей турецкой войны, не упоминая того, что Малая Россія всю тяжесть оныя чрезъ нѣсколько лѣтъ несла содержаніемъ арміи вашего императорскаго величества на квартирахъ, поставкою, провіанта и фуража дачею, а больше насильнымъ взятіемъ въ подводы лошадей и быковъ не токмо мужичихъ, но козачихъ, шляхетскихъ и всякаго званія людей, взяты съ нея многія и различныя коборы, а именно быками и лошадьми до нѣсколькихъ сотъ тысячей, и прочими нужными для арміи вещами, и сіе все взимаемо было на счетъ заплаты по квитанціямъ и безъ квитан-

цій: такимъ-же образомъ взято и во время нынѣшней прусской войны быковъ и лошадей, сверхъ того какъ въ прежніе годы содержались, такъ и нынѣ содержатся отъ Малой Россіи провіантомъ и фуражомъ нѣкоторые полки на щетъ заплаты. Но за все вышесказанное, кромѣ нѣкоторой суммы, заплаченной за быки и лошади, взятыя во время турецкой войны, никогда рощету и заплаты не было, а таковой къ заплать подлежащей суммы, но имѣющимся у насъ и посланнымъ въ правительствующій сенатъ и въ провіантскую канцелярію вѣдомостямъ, имѣеть быть, отъ чего какъ всѣ генерально обыватели малороссійскіе почувствовали не малое истощаніе, такъ особливо казаки и мужики пришли въ крайнее изнеможеніе и бѣдность. Какъ ни правильная малороссійскаго народа въ заплать за все вышесказанное къ вашему императорскому величеству можетъ быть просьба, однако мы полагаемъ болѣе на матернее нашего императорскаго величества милосердіе, того только одного всеподданнѣйше просимъ, чтобъ повелѣно было тѣмъ мѣстамъ, на щетъ которыхъ всѣ вышесказанные на армію поборы и содержаніе полковъ были, вѣзвать съ нами достовѣрныя рощеты, и изъ числа той суммы, которая въ заплату Малой Россіи слѣдовать имѣеть, единственно пожаловать то, что Богъ вашему императорскому величеству на сердце положить, и тѣмъ поправить пребѣдное многихъ тысячей народа состояніе, для будущихъ-же временъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобъ впредь таковыхъ бесплатныхъ поборовъ, содержанія полковъ и поставокъ не было; но ежели и случится армейскимъ вашего императорскаго величества полкамъ и другимъ войскамъ для какихъ либо нуждъ проходить Малую Россію, или квартировать во оной, то чтобъ все на готовныя деньги покупаемо было.

13.

О вольностяхъ мѣщанъ.—Мѣщанство нѣкоторыхъ малороссійскихъ городовъ имѣють особенныя свои привилегіи и вольности, данныя имъ отъ королей польскихъ и подтвержденныя отъ предковъ вашего императорскаго величества, и судятся особливимъ своимъ правомъ, называемымъ магдебургскимъ, а прочіе города и мѣстечка отъ владѣльцевъ или поставленныхъ надъ ними урядниковъ по своимъ древнимъ обыкновеніямъ, а въ земскихъ дѣлахъ тѣмъ-же правами, что и шля-

хетство; всеподданнѣйше вашему императорскому величеству просимъ подтвердить малороссійскому мѣщанству всѣ ихъ прежнія привилегіи и вольности, и чтобъ тѣ города, которые имѣютъ право судиться по правамъ магдебургскимъ, и впредь-бы оными судились, прочія-жь города и мѣстечка, чтобъ судимы были по своимъ обыкновеніямъ отъ владѣльцевъ и урядниковъ.

14.

О дозволеніивольнаго торгу въ Малой Россіи и введеніи по прежнему индукты и эвекты.— Малороссійская комерція прежде сего была въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели нынѣ, потому что дозволенное правами и привилегіями свободное отправленіе оныя возбраняемо и запрещася не было, ибо малороссійскому купечеству всякими какъ внутренними, такъ и иностранными товарами, а шляхетству и козакамъ своими продуктами и скотомъ безошлявно свободный, внутрь и внѣ Малой Россіи, торгъ сухимъ путемъ и водою дозволенъ былъ; а указами апрѣля 6-го 1714 года и ноября 20 го 1723 г. и прочими запрещено малороссійскимъ обывателямъ вывозить за границу важнѣйшія и прибыльнѣйшія ихъ продукты и товары, а именно: пеньку, потанъ, смальчугъ, сало, воскъ, масло коньяльное и прочія, и кромѣ российскихъ портовъ, нигуда оными торговать не велѣно. Подкрѣпляла-жь еще и послѣ такового запрещенія малороссійскую комерцію та малая пошлина, которая въ Малой Россіи собиралась и называлась индуктою и эвектою, ибо по силѣ древняго малороссійскаго обыкновенія отъ привозныхъ въ Малую Россію и вывозныхъ изъ оныя товаровъ взимаема была съ нѣкоторыхъ весьма малая пошлина, а съ другихъ по оцѣнкѣ по двѣ копейки съ рубля, да сверхъ того по ярмонкамъ отъ иностранныхъ купцовъ собиралась особливая весьма умѣренная пошлина, и сей доходъ употребляемъ былъ отъ времени гетмана Богдана Хмельницкаго на гетманскіе и войсковые расходы, что доказывается публикованнымъ отъ оного гетмана въ 1654 году универсаломъ, и письмомъ государя императора Петра Великаго къ гетману Скоропадскому изъ Амстердама, мая 13 дня 1715 года писаннымъ. Учрежденіе сей индуктовой и эвектовой пошлины отъ самаго подданства Малой Россіи пребывало всегда при предкахъ вашего императорскаго величе-

ства безъ всякія перемѣны и нарушеніи, и хотя въ разныя времена, а именно въ 1725 и въ 1747 г. были отъ нѣкоторыхъ мѣстъ представленія, чтобъ по малороссійскимъ границамъ для взятія по тарифу пошлинь учредить таможи, но оныя, яко вольностямъ малороссійскаго народа противныя, приговорами правительствующаго сената уничтожены и въ дѣйство не произведены, а вельно индуктовому и эвектовому сбору въ Малой Россіи остаться на прежнемъ основаніи, а ежели кто изъ Малой Россіи повезетъ въ Великую Россію товары, съ тѣхъ брать по тарифу пошлины въ учрежденныхъ по великороссійскимъ границамъ въ Брянскъ, Сѣвскъ, Курскъ и въ прочихъ мѣстахъ таможнякъ. Въ прошломъ-же 1754 году тотъ индуктовой и эвектовой и прочіе въ Малой Россіи собираемые внутренніе сборы, публикованные по конфирмаціи блаженныя и вѣчнодостойныя намяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны, указомъ оставлены, а вельно учредить по польской и турецкой границамъ таможи и заставы, въ которыхъ съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ пошлины собирать, какъ портовныя по тарифу, такъ и внутреннюю по тринадцати копѣекъ съ рубля, изъ сбора которыхъ, вмѣсто индуктовой и эвектовой пошлины, вельно мнѣ гетману изъ таможенныхъ доходовъ производить по 50,000 рублей, да вмѣсто внутреннихъ малороссійскихъ сборовъ, которые употреблялись на разныя общенародныя малороссійскіе расходы, указомъ 1755 года по 48,147 рублей и 85 копѣекъ. А понеже какъ запрещеніе свободного вывозу продуктовъ и товаровъ малороссійскихъ, такъ и сіе новое учрежденіе портовыхъ таможенъ воснослѣдовало въ отжѣну правъ, привилегій и вольностей малороссійскаго народа и крайнее оному принесло отягченіе, а купечество малороссійское привело въ конечное разореніе и бѣдность, такъ что во всей Малой Россіи едваль могутъ сыскаться два или три человекъ купцовъ, посредственный капиталъ имѣющихъ, а прочіе всѣ чужихъ капиталомъ и товарами торгуютъ и больше въ упадокъ и банкротство, нежели въ приращеніе приходятъ; того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) Дозволить малороссійскому купечеству всякихъ малороссійскихъ и иностранныхъ товаровъ, а шляхетству своихъ продуктовъ и скота безошлинно свободный торгъ и безпрепятственный сухимъ путемъ и водою привозъ и вывозъ, по примѣру тому, какъ ваше императорское величество всемилостивѣй-

шимъ августа 10 дня 1762 года указомъ великороссійскому купечеству отъ всѣхъ портовъ товары отпущать дозволили. 2) Оставить сборъ портовыхъ и внутреннихъ пошлинъ, собираемый въ учрежденныхъ по польской и турецкой границахъ таможенныхъ и заставахъ, и оныя таможи и заставы свести и учредить по прежнему по великороссійскимъ границамъ, а вмѣсто вышесказанныхъ пошлинъ повелѣть собирать издревле въ Малой Россіи обыкновенной индуктовой и эвектовой сборъ, съ котораго мѣ гетману получать опредѣленные 50,000 рублей. 3) Бывшіе въ Малой Россіи внутренние сборы, отставленные вышесказаннымъ 1754 года указомъ, чтобъ впредь никогда возобновляемы не были, а вмѣсто оныхъ дозволить намъ прибавить по нѣсколько процентовъ къ индуктовымъ и эвектовымъ пошлинамъ, которые на границахъ собираемы бытъ имѣютъ въ скарбъ войсковой и употребляемы въ недостатокъ другихъ податей на содержаніе войска и на прочія нужнѣйшія и полезнѣйшія малороссійскаго народа расходы.

15(13).

О деревняхъ и жалованьи малороссійской старшинъ.— Малороссійской старшинѣ, по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, такъ-же положено денежное жалованье и другіе нѣкоторые авансажи изъ малороссійскихъ доходовъ, а послѣ того какъ при прочихъ гетманахъ, такъ особливо при гетманѣ Апостолѣ, опредѣлены генеральной старшинѣ, полковникамъ и нѣкоторыхъ полковъ полковой старшинѣ и сотникамъ деревни, а другимъ опредѣлено денежное жалованье, и хотя сіе немного къ ихъ поправленію служить, ибо деревни опредѣлены самыя бѣдныя, а жалованье весьма малое, однако и тутъ однимъ передъ другими небезобидное сдѣлано распределеніе, потому что однимъ даны лучшія, а другимъ худшія деревни, также и жалованье не всѣмъ равное, а другіе и никакого не имѣютъ; прочіе-же малороссійскіе чины, какъ бунчуковые, войсковые и значковые товарищи, служатъ также изъ своихъ имѣній безъ жалованья. Того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ отдать на наше разсмотрѣніе, чтобъ, оставя генеральную старшину, полковниковъ и прочихъ старшинъ при ихъ деревняхъ, всѣмъ прочимъ старшинамъ, такожъ бунчуковымъ, войсковымъ и значковымъ товарищамъ опредѣлить равное по чинамъ

ихъ денежное жалованье изъ малороссійскихъ доходовъ; опредѣленнымъ же и впредь опредѣляемымъ къ гражданскимъ дѣламъ чиновникамъ опредѣлять-ли въ силу правъ отъ дѣлъ доходъ, или противъ вышеписанныхъ старшинъ жалованье, просияъ вашего императорскаго величества высочайшаго повелѣнія.

16.

О волюмъ торгъ жидамъ въ Малой Россіи.—Прежде сего малороссійская комерція и тѣмъ не мало подкрѣпляема была, что какъ всему прочему иностранному купечеству, такъ и жидамъ свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе дозволяемо было, которые, яко пограничнаго государства люди, наибольшее въ малороссійскихъ торгахъ имѣли участіе, покупая малороссійскіе товары гораздо большею, а заграничные меньшею противъ нынѣшней цѣною, и хотя въ 1727 году помянутымъ жидамъ въѣздъ въ Россію запрещенъ былъ, но по прошенію гетмана Апостола по прежнему дозволенъ, а состоявшимся 1742 года указомъ какъ во всей, такъ и въ Малой Россіи тѣмъ жидамъ не токмо жительство, но и въѣздъ вновь запрещенъ; чтобъ жительство въ Малой Россіи помянутые жиды имѣли, мы о томъ вашего императорскаго величества утруждать не смѣемъ, а единственно для распростра-ненія малороссійской комерціи о свободномъ ихъ для торговыхъ промысловъ въ Малую Россію въѣздѣ всеподданнѣйше просиямъ.

17.

О небытіи впредь никакимъ откупамъ въ Малой Россіи. Ваше императорское величество, въдал совершенно, сколь много комерціи и государствамъ вредять откупы, всемилостивѣйшимъ вашимъ августа 10 дня прошлаго 1762 года указомъ оныя во всей Россіи отставили; тѣ откупы и всякія монополіи столько правами малороссійскими и установленіями сеймоными запрещены, что и данныя на оныя привилегіи за неважныя почитать велѣно, почему ихъ въ Малой Россіи прежде сего и не бывало; однако за нѣсколько предъ симъ тѣтъ введены были и въ Малую Россію какъ прочіи откупы, такъ особливо табачный, который къ немалому малороссійскаго народа служилъ отягченію и разоренію. Всеняжайше вашему императорскому величеству

принося благодареніе за отставленіе сего откупа, просямъ подтвердить, чтобъ и впредь таковыхъ и сему подобныхъ, для народа разорительныхъ откуповъ никогда въ Малой Россіи не было.

18.

О непереходѣ съ мѣста на мѣсто и о несписываніи въ козаки малороссійскихъ мужиковъ. — Малороссійскіе мужики по правамъ малороссійскимъ и многимъ въ сходство тѣхъ правъ изданнымъ сеймовымъ установленіямъ не имѣютъ никакой вольности въ свободномъ изъ мѣста на мѣсто переходѣ, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда ихъ помѣщикъ уволить; ибо по силѣ вышесказанныхъ правъ всякъ помѣщикъ своего бѣлаго мужика и слугу, гдѣ бы онъ ни былъ, сыскавъ со всемъ его домою и пожитками взять и пожить на томъ, кто его прійметъ, доправить можетъ, какъ то и до сего времени въ Польшѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ водится; такожь и въ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ такова вольнаго съ мѣста на мѣсто перехода нигдѣ малороссійскимъ мужикамъ не дозволено; но, по бывшимъ въ давные годы въ Малой Россіи замѣнательствамъ, оной самовольной переходѣ, избывая отъ податей, работъ и другихъ должностей, мужики сами ввели въ обычай, и переходя съ мѣста на мѣсто, называли себе козаками, а отъ такового ихъ своевольства происходили многія непорядки и безчинства, что увѣдавъ предки вашего императорскаго величества въ данныхъ гетманамъ Дамяню Игнатову и Ивану Мазепѣ статьяхъ повелѣли для укрощенія такового ихъ своевольства содержать особливныя полки и въ пристойныхъ мѣстахъ дѣлать разѣзды; со всемъ тѣмъ вольнаго малороссійскихъ мужиковъ перехода отвратить нельзя было, до воснослѣдовавшаго въ Малой Россіи, въ сходство правъ войсковой генеральной канцеляріи, въ 1739 году опредѣленія, которымъ вольной оной переходъ запрещенъ былъ, по потомъ въ 1742 году, по докладу правительствующаго сената, именнымъ указомъ по прежнему дозволенъ, а отъ сего свободного мужиковъ съ мѣста на мѣсто перехода не токмо малороссійскому шляхетству, но и всемъ обще обывателямъ дѣлается несказанныя обида и разореніе; ибо чрезъ то помѣщики лишаются должныхъ себѣ отъ мужиковъ доходовъ и работъ, земледѣліе оскудѣваетъ, общенародныя подати умяляются

и никогда порядочно и уравнительно собираемы быть не могутъ, вмѣсто же того наполняются малороссійскими мужиками польскія мѣста, слободскіе полки и населяемыя на великороссійскихъ украинскихъ земляхъ слободы, а часто и сами малороссійскіе помѣшники, имѣя довольно землю, селятъ слободы и давъ мужикамъ нѣкоторую льготу, прилакиваютъ ихъ въ свои селенія, а околичныхъ помѣшниковъ разоряютъ. Для сего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества я гетманъ со всѣмъ малороссійскимъ шляхетствомъ просимъ: 1) таковой самовольный малороссійскихъ мужиковъ переходъ въ силу правъ малороссійскихъ впредь на всегда пресѣчь. 2) О перешедшихъ въ слободскіе полки и въ великороссійскія слободы приказать учинить публикацію, чтобъ они на прежнія свои жилища на положенной срокъ возвратились, а ежели не возвратятся, то чтобъ вольно было всякому помѣшнику своего мужика отыскавъ взять и пожилыя деньги за оного доплатить, по силѣ малороссійскихъ правъ, ибо о таковомъ несвободномъ малороссійскихъ мужиковъ на великороссійскія земли переходѣ и о высылкѣ оныхъ и отъ прежде меня бывшихъ гетмановъ къ предкамъ вашего императорскаго величества челобитье происходило. 3) Перешедшихъ отъ малороссійскихъ помѣшниковъ къ другимъ малороссійскимъ же помѣщикамъ мужикамъ, понеже тотъ вольный переходъ дѣлали они съ дозволенія, указать остаться навсегда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся. 4) Запретить всякаго званія мужикамъ впредь вѣчно не выписываться въ козаки. Всего вышенисанного мы отъ вашего императорскаго величества просимъ не токмо для сохраненія въ своей силѣ правъ нашихъ, но и для всеобщаго Малой Россіи благосостоянія, ибо ежели такового вольнаго переходу и выписыванія въ козаки мужикамъ запрещено не будетъ, то Малой Россіи никогда никакого постояннаго благополучія и добрыхъ порядковъ ожидать не можно, потому что обящаетъ шляхетство, а мужики, работая (и уплачивая) за другихъ свободно переходящихъ и въ козаки выписывающихся подати, придутъ въ крайнее изнеможеніе и разореніе, а наослѣдокъ вся Малая Россія опустѣеть.

19.

О учрежденіи университетовъ, гимназій и типографій.—
Къ безсмертной вашего императорскаго величества славы, а къ просвѣ-

щенію и пользѣ малороссійскаго народа весьма много служить можетъ, ежели всемилостивѣйше указать соблагоизволите, по примѣру находящихя въ иностранныхъ государствахъ университетовъ и гимназій и съ такими-же привилегіями, завести и въ Малой Россіи два университета и нѣсколько гимназій; первый изъ оныхъ университетовъ, состоящій въ четырехъ факультетахъ, можетъ быть въ Кіевѣ, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ нынѣ кієно-братскій училищный монастырь, изъ котораго монаховъ должно вывести, и на томъ мѣстѣ построить дома для учителей и учениковъ; ибо во время основанія кієвскихъ школъ антецесоромъ моимъ, малороссійскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичомъ-Сагайдачнымъ, а послѣ того митрополитомъ кієвскимъ Петромъ Могилою монастыря тамъ не было, а было только братство, то есть такое мѣсто, гдѣ могли жить свѣцкіе и духовные люди, приходящіе для ученія; а другой въ Батуринѣ, состоящій изъ трехъ факультетовъ, кромѣ богословскаго; а гимназій въ тѣхъ городахъ, которые мы къ тому за способные изберемъ и усмотримъ. Оныя университеты и гимназій всеподданѣйше просимъ, чтобъ въ вѣчныя времена состояли во всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества протекціи, а непремѣнными кураторами кієвскаго университета чтобъ былъ первымъ гетманъ, а вторымъ митрополитъ кієвскій для богословскаго факультета, въ который онъ согласно съ гетманомъ долженъ опредѣлять профессоровъ пѣ монаховъ, или изъ бѣлыхъ священниковъ, и наблюдать за ними, чтобъ они никакого противнаго православнои нашей вѣрѣ ученія не вводили, а батуривскаго и гимназій чтобъ кураторомъ былъ гетманъ. При тѣхъ-же университетахъ, а гдѣ за потребно судится, и при гимназіяхъ должно быть типографіямъ для печатанія какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, которыя, чтобъ не были противны вѣрѣ и самодержавному вашему императорскаго величества правленію, всегда будутъ свидѣтельствуемы отъ приставленныхъ кураторами цензоровъ; что-же касается содержанія оныхъ университетовъ и гимназій, то на оное могутъ употреблены быть экстраординарными изъ духовныхъ имѣній собираться имѣющія подати, о которыхъ въ 6 пунктѣ упомянуто, а достальную сумму можно будетъ опредѣлить изъ таможенныхъ малороссійскихъ сборовъ, ежели ваше императорское величество онымъ на такомъ основаніи быть укажете, какъ въ пунктахъ упомянуто, и ежели оныя отъ

расположенія на войско въ остаткѣ быть могутъ. Сверхъ того когда грузинцы выведены будутъ, то въ подмогу на содержаніе оныхъ университетовъ можно будетъ опредѣлить нѣкоторыя изъ свободныхъ войсковыхъ деревень.

20.

О бытіи на обидителей всегдашней комиссіи въ Малой Россіи.—Хотя многими строжайшими и смертною казнію грозящими предковъ вашего императорскаго величества, а особливо государя императора Петра Великаго 1708, государыни императрицы Анны Іоанновны 1740 и государыни императрицы Елисаветъ Петровны 1742 годовъ указами запрещено, какъ проходящимъ, такъ и квартирующимъ великороссійскимъ войскамъ не дѣлать малороссійскимъ жителямъ никакихъ обидъ и озлобленій, не занимать безъ отводу квартиръ, не строить новыхъ конюшенъ, но довольствоваться обывательскими, не брать безъ подорожныхъ и по подорожнымъ самовольно лошадей и проводниковъ, не требовать безденежно всякихъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, колыма паче не дѣлать примѣтокъ, навадокъ, озлобленій и побоевъ; однако и до сего времени нѣкоторые своевольники отъ того не унимаются. Того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ и нынѣ вышечисанные наглые поступки найстрожайше указомъ запретить, а для лучшаго малороссійскому народу защищенія учредить непремѣнную комиссію, состоящую изъ знатныхъ великороссійскихъ чиновъ на такомъ точно основаніи, какъ оныя въ силу указа марта 13 дня 1740 года учреждена была.

Сіи суть всемилостивѣйшая государыня важнѣйшія прозбы и нужды наши, въ которыхъ помилованія никто справедливѣе просить не можетъ, какъ вольный, но вольностью своими не пользующійся, вѣрный вашего императорскаго величества малороссійскій народъ, и никто великодушнѣе оного иль не можетъ оказать, какъ ваше императорское величество, премудрая и справедливая монархиня и мать отечества; ибо ваше императорское величество, по данной вамъ отъ Бога прозорливости, болѣе всѣхъ знать изволяете, что престолы владѣтелей и долгоденствіе государствъ болѣе утверждаются на правосудіи, милости и исканіи всеобщаго благополучія подданныхъ, нежели на собственной ихъ пользѣ и прибыткахъ.

Три письма Гр. В. Квитки къ М. А. Максимовичу*).

1.

Милостивый государь

Л. В.

Михаилъ Александровичъ!

Отзывъ вашъ, коимъ вы почтили меня, принесъ мнѣ важное утѣшеніе. Пріятно мнѣ было узнать, что вы, такъ много трудившійся и стязавшій для нашей родовой литературы и вообще для наукъ пользы, обратили вниманіе на мою болтовню. Давно роилось во мнѣ желаніе сблизиться съ вами и хотя въ легкія сношенія войти, и вы были такъ внимательны, что сами отыскали меня. Благодарю васъ за умноженное удовольствіе. На требованіе ваше поучаствовать въ составленіи „Кіевлянина“ скажу вамъ со всею откровенностію: пишу не по наряду, не дѣлаю изъ сего работы по обязанности, а такъ, какъ придется. Вспомнится какая Маруся, Галочка, отъ нечего дѣлать — напишу и такъ написанное все отправилъ къ пріятелю въ Петербургъ; онъ уже держитъ всё, и я въ распредѣленіи пьесъ вовсе не участвую и часто, получая какой журналъ, не ожидая въ немъ своей пьески, нахожу ее нечаянно. Теперь у меня совершенно нѣтъ ничего ни готоваго, ни придумываемаго; какъ вамъ пьеска нужна была-бы теперь, чтобы „Кіевлянинъ“ не задержанно явился предъ добрыхъ людей къ новому году.

Мысль ваша, что-бы издавать что-либо по *наскій мови*, кажется, съ наступающимъ годомъ должна осуществиться. Уже подана докладная записка (такъ, по крайней мѣрѣ, извѣщаютъ меня), что бы дозволено было при „Отечественныхъ Запискахъ“ на 1840 годъ издавать 4, 6, 8 прибавленій на малороссійскомъ языкѣ. Ожидаемъ рѣшенія. Матеріалы есть; редакторъ г. Гребенка, который вамъ извѣстенъ;

*) Изъ коллекціи писемъ, приобретенныхъ редакціей отъ наследниковъ Михаила Александровича; писаны по поводу начала изданія «Кіевлянина».

редакція не понесеть убытковъ, по крайней мѣрѣ на первый годъ: *Мы* должны пристыдить и заставить умолкнуть людей съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 мил. говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты неудобоязяснимы на другомъ, свои обороты, юморъ, яронію и все какъ будто у порядочнаго языка. Главное у насъ не рѣшено: какого или чьего правила держаться въ написаніи словъ? *В*, или *и*, *и*, или *и?* и проч. и проч. Столько раскольниковъ у насъ по этому предмету, что нужно-бы составить вселенскій соборъ изъ всѣхъ сектъ и дѣло рѣшить. Признаюсь, я по неволѣ остался при правописаніи, названномъ вами „харьковскимъ“, съ нѣкоторыми измѣненіями. Оно ближе къ порядку: писать какъ выговаривается, когда нѣтъ твердыхъ, постоянныхъ *правилъ*, которыя, если правила, то должны быть во всѣхъ отклоненіяхъ *правильны*. Пока до собора, то хотя-бы списывались. Я предложилъ-бы и свои мысли; показалъ-бы ихъ на дѣлѣ, но здѣсь нельзя произвести одной литеры не новой, но съ знакомъ; въ столицѣ-же насъ не поймутъ и не сдѣлаютъ по желанію.

Если нашъ планъ—о прибавленіяхъ къ „Отечеств. Запискамъ“ не состоится по обстоятельствамъ, не отъ насъ зависящимъ, то обдумайте: не можно-ли въ вашемъ Кіевлянинѣ удѣлить какого „закапелка“, куда мы бы могли складывать свое „збіжье“. Много было-бы благодарностей отъ жаждущихъ читать свое родное. Кажется, что будутъ сего ожидать въ Кіевлянинѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, приметъ какъ составленное авторомъ такъ извѣстнымъ.

Не взыщите за неисполненіе вашего требованія и не наказите меня прекращеніемъ переписки. Уваженіе и благодарность за труды ваши всегда сохраняю къ вамъ въ полной мѣрѣ и съ душевною преданностію имѣю честь быть всегда, милостивый государь, вашъ покорный слуга, Григорій Квитка.

3 октября, 1839 г.

Харьковъ.

Къ сожалѣнію, хотя-бы и могъ сообщить свѣдѣнія о Головатомъ, собранныи мною, но пославъ вмѣстѣ съ прочими въ Петербургъ, вижу изъ объясненія, что статья эта будетъ помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Вирши желаемой вами не имѣю, но буду стараться отыс-

вать вѣрный списокъ. Кажется, она не Головатого, а только въ дни славы Таврическаго она извѣстна стала и, сколько помню, тогда называли кого-то другаго сочинителемъ. Головатый-же въ то время былъ уже коротко знакомъ съ отцомъ моимъ и потому все относящееся къ нему насъ интересовало, и мы, дѣти, знали-бы, что вирша имъ сочинена, а то, не смотря на занимавшую насъ и твердую наизусть виршу, мы не относимъ ее къ Головатому.

2.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Поверхностно судя, я много виноватъ за мою невнимательность, даже неблагодарность; но если повѣрите, такъ желаніе исполнить требованіе ваше вовлекло меня и въ вину предъ вами. Лестное ваше приглашеніе участвовать въ полезномъ изданіи вашемъ и вниманіе присылкою мнѣ одной книжки его чувствительно меня тронуло, и я съ полною охотою, съ большимъ усердіемъ приступалъ къ исполненію требованія вашего—и все приступалъ. Не смотря на всѣ суды и пересуды, толковитые и безтолковыя, я самъ сдѣлалъ заключеніе, что въ Кіевлянинѣ должно быть все относящееся, болыне или меньше, къ Кіеву, косвенно, прямо, бокомъ, а все чтобъ сосредоточивалось на немъ или относилось-бы хотя къ краю. Ставъ на этой точкѣ, я терялся, что и о чемъ написать? Исторія не моя часть и ничего-бы новаго, неизвѣстнаго не сказалъ; бывши одинъ разъ, 40 лѣтъ назадъ, мѣстностей вовсе не зналъ; хотя-бы что и придумалось, такъ же не знаю, какою улицею повести и куда именно привести. Чудака какого, въ родѣ Хялявскаго или тому под., мой ближайшій цензоръ, жена моя, не одобрила изъ уваженія къ мѣсту, освященному столькими святынями, а изъ Кіева не должно было выступить! Согласитесь, что при такихъ условіяхъ задача была не легка, а тутъ еще служба, домашнія заботы, все съ своими требованіями, отвлеченіями отъ долга, почитаемаго мною необходимымъ, святымъ. Наконецъ кое-какъ уладивъ, принявъ ширь за память и вспомявъ о св. мужѣ о. Іліи, бывшемъ въ мое время (1830 г.) и о сдѣланномъ имъ необыкновенномъ приѣмѣ семей-

ству, посѣтншему его съ желаніемъ услышать назидательное слово или принять что на благословеніе, гдѣ и я былъ въ числѣ жаждущихъ, но съ прочими отошелъ съ однимъ удивленіемъ. Приклеивъ къ тому ни се, ни то, составивъ кое-что, осмѣливаюсь при самъ препроводить на ваше разсмотрѣніе. Полную волю имѣете поступить съ тетрадкою, какъ вамъ угодно: помѣстить-ли ее или оставить безъ вниманія. Въ первомъ случаѣ убѣдительно просилъ-бы васъ разсмотрѣть, прилично-ли заглавіе и буде нѣтъ, дать другое; негладкости, шереховатости въ слогѣ, излишекъ мѣстоимѣній и проч. и проч.—ужь не отказать исправить. И пишу съ плеча, а отъ невниманія къ *новому письму* художественности у меня не найдете, и я не умѣю, не могу ею заняться, и не нахожу ее у себя, какъ ни стараюсь; а отъ того каждая моя тетрадка всегда выходитъ въ такомъ точно видѣ, какъ юже предъ собою видите. Начну исправлять, перемараю, увижу, что еще хуже; примусь передѣлывать, и до того измараю, что брошу. Всему виною суетности, чтобъ не услышать приторнаго замѣчанія, на которія такъ щедръ нынѣшніе судьи, взявшіе на себя службу, какъ они называютъ, къ которой ихъ никто не приглашалъ и не возлагалъ на нихъ обязанности, яко не соответствующей силамъ и разумѣнію ихъ. И такъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Кіевлянинъ вашъ молодець. Конечно, ояъ еще птенець; идетъ и осматривается, говоритъ и оглядывается; но дайте ему опериться, тогда ояъ взлетитъ орломъ, налегитъ соколомъ. Только дай Боже почтенному издателю терпѣнія и равнодушія или даже презрѣнія къ пискамъ нетопырей, не могущихъ отличить, а принимающихъ и гнилушку за свѣтъ.

Настаиваю моею убѣдительною просьбою, подарите меня вашимъ разсужденіемъ о *малороссійскомъ писаніи*. Просвѣтите меня. Найдете въ V книжкѣ „Маякъ“ письмо мое, которое (къ удивленію моему пущено въ свѣтъ) писано за-просто къ Бурачку, такъ, желая знать его мысли о томъ, и писано чуть-ли не въ февралѣ, но въ мартѣ навѣрное. Что вы скажете на мѣнїе мое, о чемъ я или уже писалъ къ вамъ, или располагалъ еще писать. Это о введеніи „п“ стариннаго и въ печатномъ имѣющагося. Разрѣшите меня скорѣе. Если-бы я зналъ, что „Маякъ“ тишетъ письмо мое, и написалъ-бы ясяѣе. Но сдѣлано—и я читаю со вздохомъ.

Да и къ чему мы занимаемся своимъ правописаніемъ, когда велиіи мудрецы проповѣдуютъ, что и языка такого нѣтъ, а мы русскіе слова, формы, переворачиваемъ въ свои хохлатые, бородатые и проч. и проч. Смѣхъ писать, но размысливши горюешь!.. И это пишетъ во всеуслышаніе мужъ, славящійся ученостью? Что-же наши пѣсни, думы, пословицы, поговорки, выраженія въ лѣтописяхъ, которыхъ и подобно ни одинъ москаль не скажетъ.

Протягивая къ вамъ руку, дружески пожимаю вашу и умилятельную голосомъ говорю вамъ: не сердитесь на мое замедленіе, не взыщите за статью, какова есть, и не лишайте добраго расположенія не-крепно васъ уважающаго и преданнаго вамъ, Григорій (Федоровъ)

13 августа, 1840 г.
Харьковъ, на Основѣ.

Квитка.

Не нашаась другая причина къ монашеству, кровѣ любовной страсти, о которой ужъ не подѣ лѣта мнѣ росписываться, а потому кое-какъ сказала. (Разумѣется монашество его, Квитки).

Объ о. Іліи, я думаю, мало кто и помнитъ въ Кіевѣ, а охъ былъ точно такой.

Внизу рукою покойнаго Максимовича сдѣлана слѣдующая приписка: По поводу этого замѣчанія, я сдѣлалъ къ *Доброму Пану* біографическое примѣчаніе объ о. Іліи, на 82 стр. 2 кн. Кіевлянина, изъ отысканнаго для меня въ лаврскомъ архивѣ послужнаго списка его. Вслѣдствіе желанія Квитки и письма его въ Маякѣ, я написалъ длинное письмо къ нему о *малороссійскомъ правописаніи*, напечатанное тогда-же во 2-й кн. Кіевлянина; въ 3-й предполагалъ продолжать объ этомъ-же предметѣ; но роковая болѣзнь моя тогда всему моему дѣянію положила было конецъ... Казалось-бы тамъ ясно и достаточно означено *основаніе* правописи малороссійской..., а къ чему оно было, когда явился и *спѣвъ*, и уродливое *и* вмѣсто *и*!

З.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Я уже не зналъ, что и думать, не получая отъ васъ никакой вѣсточки, какъ вдругъ письмо ваше и обрадовало меня и огорчило,

что вы болѣзаете. Прежде всякаго объясненія, позвольте предложить вамъ и убѣдительно просить обдумать предложеніе мое. У насъ при университетѣ профессоръ Ванцети чудеса дѣлаетъ съ глазами: вылечиваетъ совершенно, возвращаетъ зрѣніе; операціи, сопровождаемы блестящимъ успѣхомъ, изумительны. Не найдете-ли полезнымъ поручить ему себя? Можетъ слава его дошла и до васъ. Чтобы вы не слышали о немъ, заранѣе увѣряю, все справедливо. Даже простой народъ, оставая своихъ знахарей и предрассудокъ, что такъ „починено“ и что „никто не можетъ согнать бѣды, кромѣ того, кто наслалъ“ — и тѣ отъ всѣхъ мѣстъ стекаются къ нему, какъ къ вѣрному цѣлителю; и еще не слышно, за какую-бы глазную болѣзнь онъ не взялся и не излѣчилъ-бы ее. Тутъ перѣздъ не далекъ: жить у насъ не дорого и, искренно скажу, не скучно проведете это тягостное время; многіе васъ знаютъ и не дадутъ скучѣ возобладать вами. Вы и не замѣтите, какъ леченіе кончится къ совершенному успокоенію вашему. Въ этомъ случаѣ згоизмъ отвергаю въ сторону: одно мое утѣшеніе было-бы, что вы получите совершенное исцѣленіе отъ болѣзни; а какое-бы я имѣлъ наслажденіе, познакомяся съ вами лично, бесѣдовать съ вами, объ этомъ молчу. Если мое предложеніе близко къ дѣлу, то, можетъ, нужно прежде списаться? Въ такомъ случаѣ, все что вамъ угодно передать ему или, что и лучше всего, изложить на бумагѣ точное описаніе болѣзни, я передамъ ему и мнѣніе его поспѣшу доставить къ вамъ. Подумайте, право.

Теперь о обязательномъ одолженіи вашей: пометите статью мою въ вашей Кіевлянѣ. Названіе *добрый панъ* очень и очень удовлетворительно, точно и, что главное *въ нинемъ* (здѣшняемъ) видѣ, незатѣйливо. Прекрасно, благодарю. Благодарю и за исправленіе вѣсто Четъ-миней Патерика; сѣтую на себя, что мнѣ это не пришло на мысль самому; авторъ такъ близко къ лаврѣ. Схимникъ мой дѣйствительно нарушилъ обѣтъ свой при приѣмѣ сего образа: забылъ о немноглаголаніи или даже о молчаніи; болѣе общую христіанскую обязанность забылъ: принялся за осужденіе ближнихъ. Не подобаетъ ему тако. Потрудитесь и рукою властною, какъ несущій на себѣ всю отвѣтственность въ проступкахъ нашихъ сотрудниковъ, урѣжьте ему язычокъ, чтобъ не болталъ лишняго, а все, что думаетъ, сказалъ-бы однимъ сло-

вомъ. Я самъ видѣлъ неизбѣжный мой порокъ, отъ котораго не могу воздержаться, *много* и *пусто* глаголаніе. Отъ поспѣшности не перечисляю ничего и не забочусь объ округленіи мысли, дую съ плеча. Вамъ располагалъ объяснить это и просить о трудѣ въ исправленіи; удивляюсь, если забудь. Полное и неограниченное имѣете право измѣнять, отмѣнять, сокращать и дополнять, все что угодно. Оно ваше и вы, принявъ его въ массу, отвѣчаете за выборъ и отдѣлку. Это право неотъемлемо, и я не надивлюся, если другіе за такія поправки сътуютъ.

Вообще доставка журналовъ къ намъ разстроиваетъ все и охлаждаетъ наше желаніе заниматься ими. На наступающій годъ обѣщаютъ доставку самую вѣрную и поспѣшную. Увидимъ, не останемся-ли и паки при одномъ обѣщаніи, какъ и въ прежніе годы. На г. Полякова совѣтую жаловаться *Петру Александровичу Корсакову*, одному изъ издателей *Маяка*. Я посоветовалъ здѣсь одному, также обманутому Поляковымъ, и тотъ съ первою почтою получилъ всѣ запоздалые книжки. А *Маякъ* не „Сынъ Отечества“ съ компанією, стоитъ поклонотать о немъ, будете довольны Письмо мое, не для печати писанное, а къ неудовольствію моему оглашенное, не стоитъ вниманія далѣе мысли о литерѣ *и* въ малороссійскомъ писаніи. Все мое мнѣніе оканчивается на старинной рукописной *иже* со знакомъ, дѣлающемъ ее мягкой, какъ *мы* выговариваемъ *ъ* для различія отъ обыкновеннаго *и* и чтобъ не пестрить словъ *ы*.

Обдумайте-же предложеніе мое и, съ Божиимъ благословеніемъ, приступите къ исполненію. А всего лучше: да пошлетъ вамъ Богъ, и безъ латинскихъ снадобьевъ, совершенное освобожденіе отъ всѣхъ болѣзней и укрѣпленія въ здоровьи. Благодарю за доброе расположеніе ваше, искренно преданный Григорій Квитка.

24 декабря, 1840 г.

Основа.

Поздравляю спсасительно съ праздникомъ и желаю, чтобъ старый годъ унесъ отъ васъ все тягостное и непріятное, а новый доставилъ-бы все по желанію.

Для приличія не нужно-ли, что-бы усталые богомольцы спѣшили скорѣе дойти до *добраго пана* и тамъ успоконтиться? Это-бы объясвляло заглавіе. Если найдете нужнымъ, вложите кому изъ нихъ въ уста такое желаніе—дойти скорѣе до добраго пана или что-нибудь въ подобномъ родѣ.

Библіографія.

Малорусскія изданія 1882 года.

Журналу, посвященному исторіи южной Россіи и ея этнографіи, нельзя обходить молчаніемъ современныя малорусскія изданія. Хотя они нѣкогда почти не касаются исторіи южно-русской, но не рѣдко, и по вѣншией своей формѣ и по внутреннему содержанію, представляютъ разработку историческаго матеріала, каковымъ являются въ нихъ съ одной стороны языкъ, а съ другой—народныя, вѣками сложившіяся воззрѣнія на жизнь и ея своеобразныя формы. Въ свою очередь и сами они, если не въ частности, то въ общемъ, какъ явленія переживаемой эпохи, становятся достояніемъ исторіи, котораго мы не должны оставлять безъ вниманія.

Эти нѣсколько словъ мы считаемъ нужнымъ сказать, начиная нашъ краткій, бѣглый обзоръ малорусскихъ изданій минушаго года.

Этихъ изданій такъ не много, такъ не велики они по своему объему и такъ ограничены въ своемъ содержаніи, что мы затруднимся, говоря о нихъ, употребить названіе малорусской литературы. Такова судьба этой литературы, и говорить о причинахъ настоящаго ея положенія было-бы долго, да и не совсѣмъ удобно. Но, располагая говорить о малорусскихъ изданіяхъ послѣдняго времени, мы не можемъ не коснуться двухъ главныхъ, выдающихся теперь взглядовъ на малорусскую письменность, чтобы установить какую либо точку зрѣнія въ отношеніи къ тѣмъ изданіямъ, которыхъ мы коснемся въ нашемъ обзорѣ. Мы разулѣемъ здѣсь съ одной стороны людей, скептически, съ презрѣніемъ относящихся къ идеѣ, какъ они называютъ, украинофильской, и съ другой—цѣлителей этой идеи, сочувствующихъ ей, но не согласныхъ съ нѣкоторыми пріемами въ ея разработкѣ.

Первые, находя, что въ настоящее время малорусская письменность не может играть никакой существенной роли, что иѣсня ея сѣбѣ, что она никому ни для чего не нужна, отрицають почти всѣя попытки творить что-нибудь на народномъ малорусскомъ языкѣ, утверждая, что для культурныхъ классовъ въ подобныхъ произведеніяхъ нѣтъ надобности, а для простонародія долженъ служить языкъ обще-русскій. Если и можно, по ихъ мнѣнію, допустить малорусскую письменность, то только какъ средство доставить возможность культурнымъ классамъ ближе ознакомиться съ этнографическими, бытовыми особенностями малорусскаго племени, при чемъ, какъ не трудно догадаться, разумѣется не какое-либо научное, а такъ сказать потѣшающее изображеніе особенностей характера южнорусскаго простолюдина, въ родѣ анекдотовъ изъ малорусскаго быта. Представители этого взгляда, сходя на прагматическую почву, дѣлають предостереженія въ тонѣ *saveant consules*, прибавляя, что при настойчивости всякое нарѣчіе можно возвести на степень языка, такъ какъ между нарѣчіемъ и языкомъ слишкомъ тонкая разница, и что поэтому нужно всѣ мѣры употребить для уничтоженія съ лица земли идеи украинфильской не только въ Россіи, но даже особенно—въ Галиціи и Буковинѣ. Всѣ попытки вступать въ споръ для выясненія дѣла съ подобными противниками не приводили до сихъ поръ ни къ какимъ результатамъ, да и не могутъ привести, потому что вопросъ ставится въ такой формѣ, что на него отвѣтить нельзя, при отсутствіи доверія. Напрасно кто-нибудь сталь-бы увѣрять ихъ, что политическое сепарированіе людьми противныхъ убѣжденій отнюдь не имѣется въ виду, что оно просто невозможно, что выработка мѣстной литературы имѣеть въ виду исключительно культурныя задачи; они готовы не въ шутку, а въ серьезъ отвѣтить классической фразой: «знаемъ мы, какъ вы въ карты играть не умѣете!»...

Представители другаго мнѣнія говорятъ, что въ настоящее время нѣтъ такой малорусской интеллигенціи, которая нуждалась-бы въ удовлетвореніи высшихъ духовныхъ потребностей путемъ малорусскаго слова, простой-же народъ настолько неразвѣтъ, что для него книгъ съ подобнымъ содержаніемъ совсѣмъ не нужно, и что, слѣдовательно, вся задача малорусской письменности до поры до времени должна состоять въ доставленіи возможности простому люду развиваться, читая на родномъ языкѣ произведенія, содержаніемъ своимъ вполне доступныя ихъ пониманію. Не отрицають они настоятельной потребности поддержать малорусскую письменность, способствовать ея развитію, но только думаютъ что искусственными, такъ сказать, мѣрами достигнуть этого нельзя, а что народъ, развившись, самъ изъ себя выработаетъ двигатели литературы.

Не смотря на принципиальную разность отмѣченныхъ взглядовъ, въ результатѣ они сходятъ къ одному и тому-же—къ ограниченію и даже совершенному превращенію малорусской письменности, по крайней мѣрѣ, къ застою въ ней—въ первомъ случаѣ невольному, въ послѣднемъ добровольному, но съ тѣми-же почти послѣдствіями, такъ какъ можно долго ждать и совсѣмъ прождать.

При такомъ положеніи основнаго вопроса о малорусской письменности странно было-бы заводить рѣчь о недавнихъ и текущихъ ея изданіяхъ: въ то время, когда одни ждали-бы появленія народныхъ гениевъ, которые двинули-бы впередъ малорусскую литературу, мы ждали-бы ихъ великихъ произведеній, чтобы повести объ нихъ рѣчь. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отбросить спорные вопросы о томъ, для кого или для чего нужно извѣстное литературное произведеніе, а отираляясь отъ факта существованія новыхъ произведеній въ малорусской письменности, смотрѣть на нихъ, какъ на шагъ впередъ или назадъ, хорошій или дурной, во всякомъ случаѣ, какъ на извѣстное проявленіе умственной дѣятельности. Скажемъ даже болѣе: въ тотъ моментъ, когда идетъ выработка литературнаго языка, ни одно произведеніе, сколько-нибудь сносное, нельзя считать лишнимъ, такъ какъ только изъ суммы всего, путемъ талантливаго выбора, получается болѣе совершенная форма языка. Мы совершенно признаемъ справедливость слѣд. словъ г. Пыпина: «обыкновенно заслуга улучшенія литературнаго языка считается дѣломъ великихъ писателей, и не подлежитъ сомнѣнію заслуга, оказанная Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ и проч.; но сущность ихъ дѣла состоитъ въ томъ, что талантъ дѣлалъ ихъ чуткими къ тому возстановляющему процессу языка, о которомъ мы говоримъ: они не занимались изобрѣтеніемъ словъ съ преднамѣреннымъ удаленіемъ чужихъ, но большею частью только художественно пользовались существовавшимъ въ оборотѣ матеріаломъ языка, и въ результатѣ ихъ дѣло казалось преобразованнымъ»¹⁾. Смотри съ этой точки зрѣнія, можно вполне оправдать всякое, болѣе или менѣе, талантливое произведеніе; если даже оно оказывается по содержанию своему лишнимъ для лицъ, за нимъ остается все-таки важное значеніе орудія для совершенствованія и выработки самого языка. Въ особенности это должно относиться къ переводной литературѣ; въ ней всего менѣе усматривается надобности, но она служитъ хорошимъ средствомъ, такъ сказать, шлифовки имѣющагося лексическаго матеріала. Понятно, что выработка литературнаго языка не можетъ быть произведена помимо

¹⁾ „Вѣсти. Евр.“ 1882 г. № 11, стр. 187.

вліяннїя самого народа; напротивъ, только постигшии въполнѣ духъ народа писатель въ состояннїи выработать культурный, книжный языкъ, не идущій въ разрѣзъ съ характеромъ народной живой рѣчи.

И такъ не будемъ очень строги къ выходящимъ вновь сочиненїямъ на малорусскомъ языкѣ и не станемъ много заниматься вопросомъ, для *кого* нужно каждое изъ нихъ, помни, что вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ второстепенный.

Переходи теперь къ обзорнїю вновь вышедшихъ въ 1882 г. книгъ на малорусскомъ языкѣ, мы раздѣлимъ ихъ на три группы: 1) изданїя повторенныя; 2) новыя произведенїя самостоятельныя, и 3) новыя переводы съ другихъ языковъ.

I.

Повторенныя изданїя, конечно, прежде всего должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнїя ихъ пригодности *для кого-нибудь*, — иначе самое появленїе ихъ вторично на свѣтъ не можетъ быть оправдано ничѣмъ, развѣ если они повторяются съ большими исправленїями прежняго. Въ 1882 г., насколько мнѣ извѣстно, вышло повторенныхъ изданїй 14. Скажемъ кратко о каждомъ изъ нихъ.

1) *Бабуся зъ тою соїту, оповїдання про померши души*. Кїевъ 1883 г. Ц. 5 к. (Хотя поставленъ 1883 г., но вышла она 1882 г.)

Этотъ маленькїй рассказъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ «Запискахъ о южной Руси» Кулиша, а въ 1861 году изданъ былъ въ Петербургѣ отдѣльной книжечкой и, вѣрнѣе всего, тогда-же предназначался для народнаго чтенїя. Понятно, если книга предназначается для народа, то можно оправдать не только второе изданїе ея, но и третье, четвертое и т. д., хотя все-таки нужно подумать и о томъ, пригодна-ли она для этой цѣли. По поводу данной книги мы должны признаться, что не вполне понимаемъ цѣль и перваго ея изданїя, а тѣмъ болѣе втораго, черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ, въ теченїе которыхъ болѣе правильно установилось воззрѣнїе на матеріалъ для народнаго чтенїя. Рассказъ этотъ есть народная сказка, записанная П. Кулишомъ подъ Кїевомъ, содержанїе которой состоитъ въ слѣдующемъ. Баба Дубиниха, умершая и побывавшая было на томъ свѣтѣ, вернулась опять на землю и рассказываетъ о разныхъ мученїяхъ, которымъ подвергаются въ аду различнаго рода грѣшники; характеръ этихъ мученїй вполне, конечно, согласуется съ очень распространенными въ народѣ типическими сказами о загробной жизни. Не говоря уже о томъ, что нѣсколько страннымъ кажется преподнести народу для чтенїя то, что отъ него самого взято, о чемъ онъ самъ рассказалъ намъ, особенно въ сказкахъ, лучше другихъ видовъ его поэзїи сохраняющихся у него и до сихъ поръ;

но данная сказка, изданная печатно для народа, имѣетъ еще и ту невыгодную сторону, что способствуетъ укрѣпленію въ немъ тѣхъ суевѣрій, которыми онъ и такъ переполненъ. Пока суевѣріе изустно бродитъ въ народѣ, оно имѣетъ для него нѣкоторую прелесть поэтическаго разсказа, отъ вѣры въ правдивость котораго можно и отбавиться, но подтвержденное печатно безъ всякихъ комментариевъ оно укрѣпляется въ немъ, такъ какъ народъ *печатному открытъ, какъ безусловной истинѣ*, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ загробное существованіе. Другое дѣло сказки бытовья, и особенно историческія пѣсни, почти исчезающія изъ памяти народной; онѣ, да и то не въ первоначальномъ, а обработанномъ видѣ или, лучше сказать, въ пересказѣ съ комментаріями, могутъ составить прекрасный матеріалъ для народнаго чтенія и поученія. Прекрасный примѣръ такого изданія мы видѣли въ книгѣ «Про украинскіихъ козакивъ, татаръ та туркивъ», изданной въ Кіевѣ 1876 г. и составленной въ формѣ историческаго популярнаго разсказа, освѣщеннаго народными украинскими пѣснями.

И такъ, ни перваго, ни тѣмъ болѣе втораго изданія разбираемой нами книги оправдать нельзя.

Нечего и говорить о томъ, что это изданіе не для культурныхъ классовъ, потому что кто-же издастъ этнографическій матеріалъ въ видѣ отдѣльной сказки, облеченной въ форму 5-ти копѣечной книжечки? Назначать ее для дѣтскаго чтенія, въ виду вышесказаннаго, тоже неудобно.

2) *Дві казки. I. Піпівники, цыганськи дитська казочка, по нашому розказавъ Панько Казюка. II. Цыганъ, уривокъ изъ казки П. А. Кулиша.* Кіевъ. 1883 г. Изданіе Нагольниа. (Вышла тоже не въ 1883 г., а въ 1882 году).

Подобно предыдущей книжкѣ, это изданіе является тоже повтореніемъ изданій, выходившихъ въ началѣ 60-хъ годовъ подъ названіемъ «Сільска бібліотека». Первая сказка вышла въ свѣтъ первоначально въ 1861 г. и напечатана была въ «Основѣ», а затѣмъ и отдѣльно, а вторая въ 1862 г. Сказки эти значительно отличаются содержаніемъ своимъ отъ только-что разобранной, и новое изданіе ихъ вполне понятно, принимая во вниманіе, что обѣ онѣ могутъ служить очень хорошимъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ, а также и простонародію. Въ сказкѣ «Піпівники» (половина пѣтушка) очень характерно и своеобразно объясняется обычное украшеніе на воротахъ и крыльцахъ домовъ, встрѣчающееся въ селахъ и уѣздныхъ городахъ, — пѣтушекъ металлическій, вращающийся при вѣтрѣ на шпиль. Въ сказкѣ «Цыганъ» очень недурно освѣщено состояніе пьянаго цыгана, которому снятся, что онъ

стать паномъ и предается разнымъ веселіямъ, живучи въ роскоши; но разбуженный прохожими, онъ насилу опомнился и съ горестію увидѣлъ себя въ своемъ прежнемъ положеніи. Обѣ эти сказочки, хотя и небогаты содержаніемъ и мало поучительныя, могутъ однако служить интереснымъ чтеніемъ для дѣтей потому, что фабула очень проста, вслѣдствіе чего переходъ отъ неестественнаго къ естественному весьма легокъ, а въ сказкахъ предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, какъ мы думаемъ, это—необходимое условіе, такъ какъ черезчуръ фантастической вымыселъ, вводящій дѣтскій умъ въ міръ чертей, вѣдьмъ и всякихъ духовъ, что такъ нравится дѣтямъ, только разстраиваетъ ихъ слабые нервы и способствуетъ ненормальному развитію фантазіи. Однимъ словомъ, новое изданіе обѣихъ книжекъ нельзя считать лишнимъ.

3) *Байки Леоніда Глѣбова*. Выданія третье. Кіевъ. 1882 г.

Г. Глѣбовъ очень хорошо извѣстенъ слѣдующимъ за малорусской письменностью, какъ талантливый передѣльщикъ басенъ, которыя первоначально печатались въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Основѣ» въ 1861—62 г., а затѣмъ два раза были изданы отдѣльной книжкой. Появленіе въ свѣтъ настоящаго третьяго изданія, сравнительно съ первыми оставшагося безъ измѣненія, свидѣтельствуетъ о томъ, что книжка басенъ его имѣетъ успѣхъ, особенно если принять во вниманіе, что первыя изданія уже года четыре тому назадъ разошлись и въ продажѣ ихъ не было. Настоящее, очень дешевое изданіе, выпущенное, какъ мы слышали, въ количествѣ 10,000 экз., сдѣлаетъ возможнымъ проникновеніе басенъ г. Глѣбова и въ крестьянскую среду, такъ какъ прежнія изданія были сравнительно дороги и потому не могли попадать къ офенямъ, черезъ которыхъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ и проникаютъ книги въ народъ. А проникновеніе подобной книги въ народъ болѣе чѣмъ желательно, особенно для чтенія крестьянскимъ дѣтямъ: языкъ безукоризненно хорошъ; фабула басенъ очень интересна и проста, аллегорія раскрывается легко, а нравоученіе высказано сжато, но сильно, что и составляетъ главное достоинство басни. Если прибавить къ этому, что сатирическій элементъ басенъ выполненъ прекрасно, какъ вслѣдствіе талантливости автора, такъ и благодаря украинскому языку, дающему всѣ средства для ироніи, то вполне станетъ понятнымъ, что басни Глѣбова могутъ служить весьма интереснымъ и педагогическимъ чтеніемъ для крестьянскихъ дѣтей и даже взрослыхъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и относительно дѣтей нашихъ культурныхъ классовъ, которые съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе отдаляются отъ роднаго мѣста; для нихъ чтеніе такихъ произведеній, какъ разбираемая нами книжка, даже необходимо, въ виду на-

стоятельной потребности развить чутье языка въ будущихъ культурныхъ дѣятеляхъ Украины, которая въ данный моментъ очень въ нихъ нуждается. А это чутье языка лучше всего можно привить въ дѣтскомъ возрастѣ, который, съ одной стороны, болѣе воспримчивъ, а съ другой—и на будущее время укрѣпить любовь къ родному языку и заставить помнить завѣтъ нашего украинскаго поэта: «чужому научайтесь и своего не цурайтесь».

4) *Війки по Крылову М. Старицькою*. Выданные друге, выправлене. Кіевъ. 1882 г.

Это изданіе, теперь сравнительно исправленное, вышло въ первый разъ въ 1874 г. и, подобно баснямъ Глѣбова, въ большинствѣ случаевъ составляетъ переводъ, а не передѣлку басенъ Крылова; слѣдовательно о самихъ басняхъ говорить нечего. Остается вопросъ, насколько удачно сдѣланъ переводъ, какъ по языку, такъ и по силѣ и меткости выраженій, которыя конечно должны были нѣсколько пересоздаться при переводѣ на другой языкъ. Сравнивая переводъ Старицкаго съ переводомъ Глѣбова, нужно признать, что относительно языка онъ уступаетъ послѣднему: у Глѣбова языкъ народный, ни на одномъ словѣ не заикнешься, не задумаетесь, ни одно выраженіе не рѣжетъ уха. У г. Старицкаго нрѣдко попадаются такія выраженія, надъ которыми остановишься по неволѣ. Быть можетъ, и у Глѣбова есть слова *кованья*, но ихъ не чувствуешь, значитъ—они скованы совершенно по народному типу, а въ этомъ и состоитъ задача творчества языка. У г. Старицкаго многое рѣжетъ ухо, идутъ подъ ридъ такія слова, что понять ихъ—поймешь, объ ихъ значеніи догадаешься, но чувствуешь въ нихъ такой букетъ, котораго конечно никакими реальными измѣреніями не опредѣлишь, но который даетъ понять, что слово сдѣлано гдѣ-то въ особой готовальнѣ. Для примѣра хоть-бы заглавіе книжонки: «Війки по Крылову», или заглавіе первой же басни «Гова та лисниця». Если это переводъ, переложеніе, то зачѣмъ-же: по Крылову, а не Крылова? «Війки по Крылову»—ни по русски, ни по малорусски. Опять, къ чему эта *Гова*, когда общеупотребительно у малороссовъ тоже слово—*ворона*? Или вотъ начало этой басни:

Вже скільки разъ наказувано *мыру*,
Що щиросты въ облесныма (зъстеца) нема,
Що *лестощі* (лесть)—брехня...

И далѣе:

І помынай, якъ звали *хвалія!*

Подчернутыя слова повитны, они и произведены отъ употребительныхъ корней и, быть можетъ, гдѣ нибудь и употребляются, но въ данномъ сочетаніи они рѣжутъ ухо; что-же касается послѣдняго слова *хвалій* (хвалящій, льстець), то въ народномъ языкѣ его нѣтъ, а явилось оно у переводчика только изъ необходимости выдержать размѣръ и подобрать риму къ словамъ: *моя, вона* (при чемъ рима вышла не изъ удачныхъ). Вообще замѣтно, что не всегда рима во власти г. Старицкаго, а иногда онъ подчиняется ей, что конечно очень затрудняетъ плавность рѣчи. Въ этой-же баснѣ есть выраженіе, повидимому, мѣткое, исполненное образности, фигуральности, но не только неупотребительное, а положительно неестественное: *сі все ті очі задрісні на сирові пасе* (пожираетъ завистливыми глазами сыръ; дословно—пасеть на сырѣ завистливые глаза). Можно-ли кусочекъ сыру сравнивать съ пастбищемъ и глаза приравнивать къ лошадемъ или воламъ?—Намъ кажется, что нашимъ переводчикамъ не достаетъ прежде правильной концепціи представленій, а потомъ уже знанія народнаго языка... Впрочемъ о языкѣ переводовъ г. Старицкаго намъ еще придется говорить по поводу новыхъ его изданій.

5) *Сороциньський ярмарокъ*, изъ «Вечерівъ на хуторі біля Дыканьки» М. Гоголя. *Переклавъ М. Старицький*. Изд. 2-е Ильинцаго. Кіевъ, 1883 г. (вышло тоже въ концѣ 1882 г.).

Когда читаешь произведеніи Гоголя, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ малорусской жизни, невольно, будучи малороссомъ по происхожденію, всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ переводить на народный языкъ, такъ какъ чувствуешь неестественность типическихъ малорусскихъ выраженій въ литературно-русскомъ пересказѣ. Но иное дѣло разговоры дѣйствующихъ лицъ и иное картины природы и размышленія автора, постоянно встрѣчающіяся въ разсказахъ Гоголя.

Послѣднія совсѣмъ недоступны народному пониманію, какъ по отвлеченности представленій, такъ и по изысканности поэтическихъ выраженій, совершенно несходныхъ съ поэтическими народными образами. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли простолюдинъ не то что проникнуться величіемъ слѣдующаго мѣста, но даже просто понять его: «Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣрмый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!» А вѣдь такихъ мѣстъ въ разсказѣ много. Да не только это мѣсто, но иное и цѣлоче при чтеніи представить неодолимое затрудненіе, напримѣръ, обтирать онъ потъ съ длинныхъ усовъ, знаменитыхъ тѣмъ неумолимымъ па-

рямахеромъ, который безъ зову является, и къ красавицѣ, и въ уроду и насильно пудрить нѣсколько тысячъ уже дѣтъ весь родъ человѣческой». Г. Старицкій, повидному, самъ чувствовалъ, что такія мѣста, какъ ихъ не переводи, будутъ непонятны для народа, и потому приведенное мѣсто онъ совсѣмъ измѣнилъ, не сдѣлавъ его нисколько понятнѣе, а въ художественномъ отношеніи просто исковеркавъ его: онъ нашель возможнымъ парикмахера замѣнить *мирошникомъ* (мельникъ), и вотъ этотъ *мирошникъ борошникъ* (обсыпаетъ мукой) *увесъ рідь людський* — картина далеко не изъ удачныхъ. Другое подобное мѣсто приведемъ цѣликомъ въ подлинникѣ и переводѣ, чтобы читатели могли судить о томъ, къ чему могутъ приводить усилія людей, которые не желаютъ знать никакихъ трудностей. Вотъ заключительныя слова разсказа Гоголя:

«Не такъ-ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышать уже грусть и пустыню и днео внемлетъ ему».

«Чи не такъ пакъ, радосте, хороша та непосыдачая госте, і ты одъ насъ лыпешъ-зыпкешъ, і даремне самотній згуєть дума зъявити веселоць? Въ своїмъ власнімъ луманні уже чує вінъ смутокъ і пустку і прыстухається дыко до ёго».

Оставляемъ въ сторонѣ частности языка, такъ какъ, повторяемъ, о языкѣ произведеній г. Старицкаго будетъ еще рѣчь впереди.

6) *Різдвяна нічъ, музыкальна комедія съ 4-хъ дѣяхъ. (Тема по Гоголю). Текстъ і вірші М. Старицького. Муз. М. Лысенка. Выданье 3-е. Кіевъ, 1882 г. Ц. 50 к.*

Третье, исправленное и даже передѣланное изданіе! Значить, оно пѣнятся, оно удовлетворяетъ чьимъ-то потребностямъ, или вкусамъ? Чѣмъ-же именно удовлетворяетъ? Тутъ разсказъ Гоголя «Ночь передъ Рождествомъ» въ драматической формѣ, при томъ съ музыкою г. Лысенка. Сюжетъ, форма, музыка—вотъ въ чемъ главная приманка изданія, но и языкъ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ г. Старицкаго; онъ менѣе страдаетъ вычурностью и свѣжеевыкованныхъ словъ въ «Різдвяной ночи» можно встрѣтить очень мало. Объясняется это тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица—изъ простонародія, при чемъ сама разговорная форма рѣчи не требовала отъ автора взлпшней ковки, такъ какъ всѣ разговоры не выходять за предѣлы обыденной народной жизни и, слѣдовательно, народнаго матеріала языка оказывалось вполне достаточно для передачи понятій.

7) *Простакъ, або хитрощі жыкы, перехитрени москалежъ. Кумедія оъ одній дѣій. Соч. В. О. Гоголя. Друге выданья. Кіевъ, 1882 г. Ц. 15 к.*

Это, такъ сказать, нашъ *старый другъ*; онъ хотя не лучше новыхъ двухъ, но, при настоящей бѣдности украинской драмы, можетъ сослужить свою службу. Это единственная уцѣлѣвшая отъ Гоголя - отца комедійца; о ней, со времени ея появленія въ свѣтъ (напечатана въ первый разъ въ «Основѣ» за 1862 г., № 2, и затѣмъ издана отдѣльно въ Кіевѣ въ 1872 г.; также помѣщена въ галицкомъ изданіи: «Руська Библиотека» т. I) и по поводу постановки ея на сценѣ было много самыхъ разнородныхъ отзывовъ. Приведемъ лучшей изъ этихъ отзывовъ, который принадлежитъ извѣстному П. А. Кулишу. «Василій Леонасовичъ Гоголь, говоритъ онъ, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея возсозданія. Шутка и пѣсни для пріятнаго проведенія времени—вотъ все, чего могъ вселѣть писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь - отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ-бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ немудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самаго положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь—сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустные размышленія»¹⁾. Этими словами г. Кулиша вполне характеризуется разбираемая нами пьеса и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и водевильное отношеніе нашихъ старыхъ писателей въ народу. По поводу этого послѣдняго конечно нужно желать, чтобы комедіи въ родѣ «Простака» ступенивались среди обилія серьезныхъ украинскихъ драмъ; но подвергать ихъ злomu осужденію и даже изгнанію, какъ это дѣлаютъ иные, право не слѣдуетъ, такъ какъ надо помнить, что не въ этой веселой шуткѣ скрывается насмѣшка надъ народомъ, а въ болѣе серьезныхъ и глубокіихъ сторонахъ жизни нашихъ культурныхъ классовъ.

8) *Орыса, іділля П. А. Кулиша*. Кіевъ, 1833 г. (вышла въ концѣ 1882 г.). Изд. Наголкина.

Она представляетъ собою такой задушевный, простой рассказъ, что мы безъ всякаго упрека встрѣчаемъ его и теперь, спустя 25 лѣтъ. Раз-

¹⁾ „Основа“, 1862 г., № 2, стр. 22.

сказъ этотъ дѣйствуетъ успокоительно на нервы, перенося насъ въ тотъ тихій, мирный кругъ, который и существуетъ только въ поэзія; для простолюдина-же разсказъ этотъ тѣмъ болѣе можно считать вполне пригоднымъ, что не все-же жить ему тяжелой будничной жизнью, а не мѣшаетъ хоть изрѣдка улетать мечтами въ никуда, пожалуй неосуществимую, но за то спокойно-радостную обстановку. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ идиллія издана безъ картинокъ, которыя были приготовлены для перваго изданія 1861 г., но не были къ нему приложены. Идиллія эта была переведена на нѣмецкій языкъ въ 1868 г. и помѣщена въ «*Fliegende Blaetter*». Какъ ни привлекательна и свѣжа «Орыся» и послѣ 23-лѣтней жизни, но новому издателю ея, г. Паголкину, все-таки не слѣдовало выпускать ее въ свѣтъ совсѣмъ молоденькою и хоть намекнуть на то, что это уже 2-ое изданіе.

9) *Не можна бабі Парасці вдержатись на селі. И. Левицького.* Кіевъ. 1882 г.

10) *Благословіть бабі Палажці скоростижно вмерти. Ю-же.* Кіевъ. 1882 г.

Эти маленькіе разсказы принадлежатъ хорошо извѣстному въ Малороссіи современному писателю И. С. Левицкому, который подарилъ украинскую литературу многими талантливыми произведеніями. Первый изъ этихъ разсказовъ, насколько помнится, былъ первоначально помѣщенъ въ «*Кіевлянинѣ*» и въ галицкой «*Правдѣ*» за 1874 г., потомъ вошелъ въ цѣлый томъ повѣстей автора, изданный въ 1874 г., затѣмъ вышелъ въ 1875 г. отдѣльной книжечкой, и наконецъ теперь явился вторымъ отдѣльнымъ изданіемъ. Второй разсказъ, напечатанный первоначально въ галицкой «*Правдѣ*» за 1875 г., появился отдѣльной книжечкой въ 1875 г. и теперь тоже изданъ 2-ой разъ. Оба разсказа совершенно противоположны по сюжету только-что разобранному: тутъ ужъ и намекъ нѣтъ на идиллію, а самая будничная крестьянская проза съ особымъ оттѣнкомъ сельской жизни, въ которой постоянно встрѣчаются выведенныя въ разсказахъ бабы Параска и Палажка. Это—типическія сварливыя бабы; каждая изъ нихъ желаетъ представить себя несчастной, обижаемой, никому не желающей зла, но въ то-же время лимовольно обнаруживающей самыя острые, ѣдкіе когти; это большія щебетухи, способныя въ одну минуту наказать всякой грязи противъ всѣхъ и въ то-же время рекомендующія себя какъ нельзя болѣе со стороны смиренія и полного незлобія. Надо отдать справедливость автору, что типы эти подмѣчены и схвачены имъ замѣчательно живо, но оба эти разсказа одинъ безъ другаго являются неполными; по нашему мнѣнію, необходимо читать ихъ оба подъ рядъ, а для этого лучше-бы и издать ихъ въ одной книжкѣ, а не каждый отдѣльно.

11) *Дві москowitzки. Повість Н. Левицького.* Київ. 1832 г. Ц. 40 в.

Эта повѣсть Левицкаго у насъ, въ Россіи, появляется теперь впервые въ печати, первоначально-же она была напечатана въ 1868 году въ Галиціи въ газетѣ «Правда», а затѣмъ вошла въ отдѣльный томъ сочиненій автора—«Повісті І. Нечуя» (псевдонимъ), изданныя во Львовѣ въ 1872 г. Сюжетъ ея, взятый изъ народнаго быта, относится ко временамъ давно минувшаго крѣпостнаго права, долгой солдатской службы и существованію военныхъ кантонистовъ. Разсказъ представляетъ полную горя и страданій жизнь двухъ солдатскихъ жещъ, или по народному «москowitzкъ», т. е. такихъ двухъ женщинъ, которыя выѣли несчастье выйти замужъ за двухъ односельчанъ, попавшихъ раньше въ военную службу и потомъ получившихъ безсрочный отпускъ. Это двѣ крестьянскія дѣвушки одного украинскаго села Ганна и Марина, не знавшія горя до замужества, горячо любившія другъ друга и даже влюбившіяся въ одного и того-же отпускнаго солдата. Марина должна была уступить Ганнѣ жениха и выдти замужъ за нелюбя, также солдата; но жизнь обонхъ одинаково печально идетъ и заканчивается. Мужей снова потребовали въ службу, и обѣ подруги остались такъ называемыми соломенными вдовами, лишившись своихъ кормильцевъ и выѣстѣ возможности вступить въ новое замужество. Обѣ живутъ въ нуждѣ и горѣ. Ганна сосредоточиваетъ свою любовь на сынѣ, а Марина гуляетъ съ «хлопцами», насколько позволяетъ строгость сельскихъ нравовъ и отношеній. Но едва подростшаго сына Ганны берутъ въ школу военныхъ кантонистовъ, гдѣ его чистая натура совершенно извращается и даетъ самый жалкій и уродливый типъ разгульнаго военнаго писаря, утратившаго въ казарменной атмосферѣ всякое природное и нравственное чувство. Уже одно то, что по уходѣ мужа Ганны, болѣе не возвращавшагося, отъ нея насильно оторвали единственное любимое существо—малолѣтняго сына, надломло ея силы; но когда она, спустя много лѣтъ, получила отъ него дикое письмо изъ Тулы, не оставившее сомнѣній въ томъ, что сынъ ея нравственно умеръ для нея,—одно сознаніе того, что не осталось уже для нея никакой радости и надежды въ этомъ мірѣ, помню подавляющей нищеты, подкосило ея жизнь, и она умерла на рукахъ подруги юности своей Маряны, а эта послѣдняя, не знавшая привязанности и счастья въ мимолетномъ бракѣ, послѣ недолгаго раздумья, переходитъ, по совѣту одной случайной знакомой, въ большой городъ, отдается грубому разврату и въ пьяныхъ ночныхъ оргіяхъ съ солдатами печально кончаетъ жизнь среди улицы.

Судьба этихъ двухъ москowitzкъ не придумана искусственно, но списана авторомъ съ натуры; въ старое время такіе факты семейнаго не-

счастья были обиденнымъ явленіемъ. По нѣжности струнтъ, которыя звучать въ повѣсти, по тишиности характеровъ, выведенныхъ въ ней, повѣсть «Дві московы» прочтется съ удовольствіемъ въ бѣдномъ сельскомъ кругу, не только, какъ воспоминаніе о недавнемъ прошломъ, но и какъ варіація тѣхъ испытаній судьбы, которыя и теперь такъ нерѣдки въ сельской жизни. Въ художественномъ отношеніи повѣсть представляетъ нѣкоторые недостатки; ея сюжетъ нѣсколько устарѣлъ, тема семейныхъ несчастій въ простомъ быту довольно избита и затаскана, въ добавокъ эта слащавость въ описаніяхъ природы и красоты того или другаго лица, составляющая органическій недостатокъ автора и повторяющаяся во всѣхъ почти его повѣстяхъ.

12) *Катерина. Т. Шевченки.* Кіевъ, 1882 г., изд. 4-е.

Хотя въ заглавіи этой книжечки только стоитъ «Катерина», но въ видѣ сюрприза для читателя въ концѣ помѣщена еще и повѣстная дума кобзаря «Перебендя». Говорить что-нибудь объ этомъ изданіи совершенно излишне; тутъ само за себя говоритъ имя Шевченка и то обстоятельство, что, не смотря на 10 изданій его «Кобзаря» и 3 изданія отдѣльными книжечками, настоящее изданіе вышло въ 25 тысячахъ экземпляровъ. Не въ убытокъ-же и не по прихоти предпринимаются такіа изданія!

13) *Де-що про свѣтъ Божій.* Выдан. 4-е Л. Ильницкаго. Кіевъ 1882 г. Ц. 20 к.

Это—единственная книжка изъ всѣхъ повторенныхъ изданій, относящаяся къ научно-популярнымъ изданіямъ, предназначеннымъ для народа. Если не ошибаемся, подобныя книги на малорусскомъ языкѣ ведутъ свое начало съ 1839 года, когда появилась книжечка *Грыцма Основьяненка*: «Лысты до любезныхъ земляківъ». издан. въ Харьковѣ. Содержаніемъ своимъ книжка эта обнимала главные вопросы, экономическіе, административные, судебные и др., которые ежедневно являются въ жизни простолюдина. Въ свое время книжечка Основьяненка (Квитки) произвела самое благоприятное впечатлѣніе, такъ что даже рецензентъ «Маяка» 1840 г. предлагалъ перевести ее на русскій языкъ и десятками тысячъ выпустить въ свѣтъ по дешевой цѣнѣ. Но, не смотря на такіе отзывы, «Лысты» эти долгое время не имѣли подражателей, и только въ концѣ 50-хъ годовъ стали появляться опять научно-популярныя книжки для народа, какъ, напримѣръ, хорошо извѣстныя всѣмъ «Лысты зъ хутора». Къ этому-же періоду относится и первое изданіе разбираемой нами книги «Де-що про свѣтъ Божій», изданной въ Кіевѣ въ 1863 году «коштомъ К. Гурта» (т. е. компанейскія). Второе изданіе ея тоже было въ Кіевѣ въ 1871 г., третье—въ Одессѣ въ 1874 г., и н.

конецъ, настоящее четвертое изданіе — опять въ Кіевѣ. Цѣль книги познакомить простолюдина съ міромъ Божиимъ въ его главнѣйшихъ проявленіяхъ, а именно: тутъ разсказывается о землѣ, о солнцѣ, о звѣздахъ, о мѣсяцѣ, о теплотѣ, о водѣ, о воздухѣ, о погодѣ, а въ видѣ предисловія стоитъ глава — о грамотности (про письменство). Книга эта оказалась составленной настолько хорошо, что не только выдержала три изданія, но и была переведена на русскій языкъ въ 1872 г. («Свѣтъ Божій», изд. Черкесова), каковой переводъ одобренъ в ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

14) *Сцены и разказы изъ малорусскаго народнаго быта. Петра Раевскаго.* 4-е издан. дополненное. Кіевъ, 1882 г. Изд. Корейво.

Если книжка появляется въ свѣтъ 4-мъ изданіемъ, значитъ она находитъ кругъ своихъ читателей. Несмотря на это, мы понять не можемъ, какія достоинства названной книги могутъ заставить читать помѣщенные въ ней разказы. Это цѣлый рядъ очень неостроумныхъ анекдотовъ, желающихъ представить нашего простолюдина въ смѣшномъ видѣ. «Смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что истинно смѣшно», и мы понимаемъ смѣхъ надъ порокомъ, какъ нравственнымъ недостаткомъ; но когда все остроуміе основано на томъ, что мужикъ лимоны называетъ «филымонамы» и, думая, что они неусны, поѣмаетъ и ѣсть ихъ, браня продавца, то невольно вспоминается очень дешевый балаганный пріемъ остроумія. А между тѣмъ во всей книжкѣ найдется не болѣе 5 разказовъ (изъ 48), заключающихъ въ себѣ сколько нибудь дѣйствительнаго остроумія и юмора.

Такова малорусская письменность 1882 г. въ изданіяхъ повторенныхъ!

Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. („Рада“, украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.)¹⁾

Романъ изъ крестьянскаго житія, картина жизни народа.... вотъ задача, передъ которой остановилась русская беллетристика. Попытокъ было много, но многое-ли сохранило жизнь изъ всего этого? Кому удалось справиться съ этой задачей? Тотъ, кому нѣтъ ничего недоступнаго: Левъ

¹⁾ Авторъ этой замѣтки, препровождая ее въ редакцію журнала, пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „историческая наука, повернувшая съ дороги протоколированія выѣшнихъ фактовъ и событій на путь изученія нравовъ, направленной мысли и измѣненій во времени характера и духа человѣка, все болѣе и болѣе даетъ цѣну художественному воспроизведенію жизни и стала вѣрить прозорливому, творческому оку поэтовъ наравнѣ съ несомнѣнными историческими документами. Художественный романъ, какъ

Толстой, въ «Утрѣ помѣщика», въ «Казакахъ», «Полкушѣ», военныхъ разсказахъ, — дать живые типы. Въ «Запискахъ Охотника» типы эти только угаданы, намѣчены силуэтами... Зналъ и умѣлъ писать ихъ Мельниковъ, Глѣбъ Успенскій, кой-гдѣ Рѣшетниковъ... Перечень не велѣтъ для такой литературы какъ русская, хотя въ ней произведеній изъ крестьянской жизни является много множество. Отличительная черта этихъ вещей — безграничность обобщеній, трактованье *народи*, какъ какой то однородной, собирательной единицы, воспроизведеніе его съ исключительной точки зрѣнія его сословнаго и имущественнаго положенія. Въ лицахъ этихъ произведеній нѣтъ правдивой внутренней жизни, нѣтъ индивидуальности, а то художественное произведеніе, гдѣ нѣтъ живого *человѣка*, — мертво и обречено заранѣе на равнодушіе и забвеніе. Вотъ почему такъ слабъ успѣхъ многочисленныхъ повѣствователей „изъ народнаго быта“ и не только шаблонныхъ, не знающихъ народной жизни, хотя и гуманно настроенныхъ, но и даровитыхъ, какъ напр. Златовратскій, облакающій въ простонародныя формы свои идеалы и мечтанія и тѣмъ лишающій свои произведенія существеннѣйшаго элемента въ искусствѣ — правды... — Нѣтъ знанія народной жизни и нѣтъ также въ изображеніи этой жизни *человѣка*, вѣрнаго чутья его внутреннего міра, его души, его характера.

Малорусская словесность всегда сохранила преимущество въ этомъ отношеніи. Будучи простонародною съ самаго возникновенія, элементарнымъ требованіемъ ставила она знаніе народной жизни. Она не избѣгла вліяній времени: сентиментализма и т. под., но въ коренныхъ своихъ представителяхъ высоко держала знамя правды. Шевченко, дивный самородокъ, сочетавшій „полеть орла съ сердцемъ голубицы“, даръ поэтическаго творчества съ непосредственностью крестьянскаго міросозерцанія, голосомъ самаго народа илѣтъ о его долѣ, о его прошломъ. Квитка

наибольше совершенная и наибольше захватывающая форма поэзіи, доведенный до того развитія, на которомъ оны находится нынѣ, становится картиной текущей жизни, уясняетъ ея смыслъ, освѣщаетъ общественные типы и будущему историку даетъ самый богатый, самый живой матеріалъ для изученія даннаго историческаго момента. „Comédie Humaine“ Бальзака, романы Диккенса, Текерэя, Додж — суть „человѣческіе документы“, историческіе матеріалы, обойти которые не будетъ въ правѣ будущій бытописатель. Что замѣнять Гоголя въ изученіи жизни и многообразныхъ типовъ ерѣвностной эпохи и въ представленіи гнили, вызванной удушливой атмосферой бюрократизма и отсутствія живой струи общественной самодѣтельности? Можеть-ли мнѣовать будущій историкъ русскаго общественнаго развитія романа Тургенева, и гдѣ, какъ не въ „Аннѣ Карениной“ найдетъ оны болѣе яркую картину жизни культурныхъ классовъ нашей эпохи и разложенія такъ называсмаго высшаго круга?... Повторяемъ эту азбуку для тѣхъ, кому могло-бы показаться страннымъ появленіе въ историческомъ журналѣ строкъ, посвященныхъ бытовому роману“...

въ «Маруся» представилъ неувыдаемое откровеніе сельскаго духа, начерталъ эпопею сельскаго трудового житья. Кулишъ, своимъ свѣтлымъ умомъ, бросалъ лучи на настоящее и прошлое.. Произведенія второстепенныхъ, даже мелкихъ, талантовъ держались требованій правдивости. Установился извѣстный уровень; всякая фальшь, безъ которой, конечно, не обходилось, скорѣе изобличалась, быстрее бросалась въ глаза... Въ послѣдніе годы, не оскудѣвающая нива украинской поэзіи вывела новаго дѣятеля: авторъ «Двухъ Московокъ», «Бурлачки» и другихъ превосходныхъ вещей г. Левинцій завоевалъ симпатіи своимъ многостороннимъ поэтическимъ дарованіемъ.

Предъ нами первая часть обширнаго произведенія новаго писателя. Нельзя представить себѣ ничего проще этого начала романа, гдѣ нѣтъ ни тѣни расчитанности, ни одной черты, бьющей на эффектъ. Отчего же нельзя оторваться отъ этихъ строгихъ, скромныхъ страницъ? Отчего исторія этой крестьянки, у которой въ зимнюю вьюгу замерзъ мужъ, возвращавшійся съ ярмарки, и которую преслѣдуетъ деревенскій міробѣдъ за то, что сынъ его любитъ ея молодую дочь и можетъ на ней жениться, отчего эта драма, простая какъ сама жизнь, такъ живо захватываетъ все существо? — Оттого что предъ вами живутъ люди во всей своей реальности, оттого что страданіе злополучной Приски почувствовано и передано съ такою силой и правдой, которыя говорятъ не только о большомъ талантѣ, но и о высокой душѣ. Предъ вами всѣ изгибы внутреннего міра несчастной старухи, съ ея мыслию, ея міровоззрѣніемъ; здѣсь она сама, съ ея изстрадавшимся, измученнымъ лицомъ, съ ~~ея~~ ^{ея} ~~большимъ~~ ^{большимъ} духомъ, съ смертной тоской. Эта искренность, эта сила образа дѣлаютъ его близкимъ и роднымъ. Въ сценахъ самыхъ простыхъ, бесконечно простыми „приемами“, обыденными, *простыми* словами, авторъ достигаетъ высокаго трагизма. Такова сила трезваго искусства и такова сила таланта, когда онъ направленъ на добро! Когда народная жизнь рисуется съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ душу выводимыхъ людей, съ такимъ неложнымъ знаніемъ, — тогда какимъ неожиданнымъ свѣтомъ озаряется она, насколько живѣе мы начинаемъ чувствовать и понимать ее!..

Г. Мирный — полный хозяинъ въ изображаемой средѣ. Народная жизнь — это ясно — извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ изгибахъ. Онъ проникнуть народнымъ міровоззрѣніемъ.. Писать по малорусски возможно всякому, знающему языкъ, но стать правдивымъ образителемъ народной малорусской жизни можетъ только писатель, дышавшій за одно съ той жизнью, жившій ею, полный ея образами, дымящій по-малоруски. Разверните любую страницу „Новін“. Какое

полное отсутствіе малѣйшаго усилія; какъ въ рѣчахъ, въ описаніяхъ, въ обстановкѣ все является само собою, на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Писатель видѣвшій народную жизнь мелькомъ, налетами, заботясь о вѣрности «обстановки», ударится въ фотографію и потеряется въ мелочахъ. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Языкъ живой и естественный, хранитъ цѣломудренность народной рѣчи и брезгаетъ «ковкой». Авторъ слишкомъ хорошо знаетъ его, чтобъ прибѣгать къ выдумкѣ. Читая «Новію», чувствуешь красоту и образность этой рѣчи и видишь воочию, какое значеніе имѣетъ она, когда ею, этимъ *народнымъ словомъ*, описывается жизнь народа. Этотъ языкъ слитъ со всѣмъ складомъ понятій, выросъ со всею духовною природою украинца, и гдѣ найти лучшихъ красокъ для изображенія его жизни, какъ не въ его родномъ словѣ?

Судьбу Присыки и ея дочери могутъ находить слишкомъ исключительною, краски писателя слишкомъ мрачными. Мы скажемъ на это, что нѣтъ въ этой судьбѣ ни одной черты, ни одной подробности, которая не была бы волюнѣ обыденна, волюнѣ реальна и возможна. Авторъ не говоритъ и не хочетъ сказать, чтобъ такъ жили всѣ женщины въ народѣ. Изъ массы типичныхъ явленій онъ беретъ то, которое нужно для задуманной имъ романтической коллизіи. Это — его право. На ряду съ жизнью этихъ двухъ женщинъ рисуются разнообразныя фигуры крестьянства, отъ бездушнаго, злого стяжателя и воротилы Грицька Супруненка, злого генія Присыки, до прямодушнаго, добраго Карпа и его жены, этой честной пары, оставляющей такое благое, умиротворяющее впечатлѣніе. Описываетъ ли онъ волостной судъ или сельскую сходку, въ крестьянской толпѣ вы узнаете знакомыя, живыя лица. Но центромъ дѣйствія, согласно жизни, остается все та-же тѣсная, низенькая хата, съ ея убогой обстановкой, длинными трудовыми буднями, ея вѣчной заботой...

Только разъ, въ одной главѣ, разсѣвается немного этотъ мракъ. На дворѣ рождественская ночь, колядец. Христя (очевидно главное лицо романа, находящееся еще на второмъ планѣ), урвавшись на минуту отъ матеря, идетъ колядовать съ дѣвчатами. Какой поводъ для шаблоннаго романшета уснастить всю эту сцену этнографическими подробностями и блеснуть легкой эрудиціей, доставляемой съ полковъ библиотек! У г. Мирного на первомъ планѣ *люди*, а не *обычи*, и все выступаетъ въ мѣру, все рисуется естественнѣе и ярче. Эта пятая глава заключаетъ въ себѣ сцену любви и проникнута поэзіей глубокой и непорочной, какъ лунный свѣтъ, озаряющій эту зимнюю ночь.

Говоря о первой части обширнаго цѣлаго, мы можемъ навлечь на себя упрекъ въ послѣдственности заключеній. По счастью г. Мирный далеко

не новичекъ въ литературу и дать блистательныя свидѣтельства своего дарованья. Извѣстенъ романъ его, написанный въ сотрудничествѣ съ другимъ писателемъ, вышедшій за границей. Это произведеніе рано или поздно должно быть возвращено родной литературѣ и занять въ ней видное мѣсто. Изъ львовской газетѣ „Правда“, въ тѣ годы, какъ она получалась въ Россіи, появились еще два разсказа автора «Новин». Къ несчастью они не вышли отдѣльно и теперь извѣстны только небольшому числу завзятыхъ книжниковъ.

„Лихій попутавъ“—первое, молодое произведеніе писателя—исторія горя и радостей сельской дивчины, убогой наймицы. Она служила въ городѣ и тамъ мелькнулъ ей заманчивый обликъ счастья. Неумирающая потребность этого счастья и жажда любви, присущая молодой порѣ, ослѣпили ее. Оказался обманъ. Наступили черныя дни искушенія, безъ просвѣта, безъ надежды впереди. Этотъ развѣтъ безхитростной, простой души и постепенное, тяжелое ея увяданіе исполнены свѣжести и чувства.

„Пьяница“—другой психологическій этюдъ.—Молодецкій чиновникъ, существо робкое, тихое, «осмѣлился» полюбить дочь хозяйки—мѣщанки, у которой стоитъ на квартирѣ. Первымъ поводомъ сближенія была его скрипка, его музыка. Потомъ пошли уроки грамоты. Тихое счастье этой художественной нѣжной натуры было разбито вдругъ, съ неожиданной, дружеской стороны. Приѣхалъ братъ чиновника и, съ опытностью браваго, красиваго молодца, посмѣялся надъ мечтами любви, одержавъ легкую побѣду. Маленькій чиновникъ запилъ съ горя и превратился скоро въ забитое, вѣчно пьяное, несчастное созданіе, шута и посмѣшище веселыхъ посѣтителей губернскихъ кабаковъ. Личность этого чиновника отличается несбыкновеннымъ рельефомъ и весь разсказъ дышетъ гуманнымъ чувствомъ.

Г. Мирный по преимуществу психологъ. Присѣтывая его съ глубокимъ сочувствіемъ, мы не можемъ не порадоваться той пользѣ, которую его замѣчательный талантъ душевнаго анализа, въ соединеніи съ его знаніемъ быта народа, можетъ принести въ изученіи народной жизни и типовъ народной среды. Всѣ любители малорусскаго слова ознакомятся конечно съ его романомъ. Въ сборникѣ «Рада» они найдутъ, кромѣ того, новую повѣсть Левцакаго, мастерской, граціозной «капризъ» Мордовцева и, съ подписью «Ратай», нѣсколько звуковъ той кобзы, къ знакомому голосу которой нельзя никогда оставаться равнодушнымъ.

В. Г—ко.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

У П Ы Р И.

(Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).

Цѣль настоящей замѣтки сообщить читателю нѣкоторые историческія свѣдѣнія объ упыряхъ, т. е. такія свѣдѣнія, которыя относятся къ извѣстному времени и мѣсту и даже къ опредѣленному лицу. Но, разумѣется, въ этомъ случаѣ нельзя обойтись безъ указанія на общія представленія народа объ упыряхъ.

Доннасьевъ, обобщивъ народныя вѣрованія малороссовъ и бѣлороссовъ въ упырей, пришелъ къ тому выводу, что упыри—это злобные, блуждающіе мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, вовкулаками и вообще людьми отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями ¹⁾. Не смотря на то, что приведенное опредѣленіе очень широкое, оно однако не обхватываетъ всего содержанія, заключающагося въ понятіи *упырь*. Нужно, слѣдовательно, обратиться къ самымъ народнымъ воззрѣніямъ.

По однимъ представленіямъ нашего народа, упырь есть ублюдокъ отъ чорта или вовкулака и вѣдьмы. Отсюда и поговорка: *упырь и непевый усімъ відьмамъ родичъ кривный*. Но онъ живетъ, какъ обыкновенный человѣкъ, отличающійся лишь злостью ²⁾. По другому вѣрованію, упыри имѣютъ только образъ человѣческій,

¹⁾ Поэтич. воззрѣніе славянъ на природу, 1869 г., т. III, стр. 557.

²⁾ Обычай, повѣрья и кухня Малорос. Н. Маркевича. К. 1860 г., стр. 78.

а въ сущности они настоящіе черти ¹⁾). Есть и такое вѣрованіе, что упыри—это трупы вѣдьмъ, колдуновъ и другихъ людей, въ которыхъ послѣ ихъ смерти помѣстились черти и приводятъ ихъ въ движеніе ²⁾). Упыремъ, впрочемъ, можетъ сдѣлаться всякій человѣкъ, если только его *овьетъ* стеной вѣтеръ ³⁾). По внѣшнему виду упырь въ однихъ мѣстахъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка, въ другихъ мѣстахъ его представляютъ человѣкомъ съ очень румянымъ лицомъ ⁴⁾). На правой сторонѣ Днѣпра есть еще особый видъ упырей. Упырями тамъ называютъ дѣтей съ большой головой, съ длинными руками и ногами, словомъ, страдающихъ размягченіемъ костей, или англійской болѣзнію. Такіе уроды „безъ костей“ носятъ названіе *одмины* (по великорусски обмѣнишь, или сѣдунъ), потому что ихъ подбрасываетъ людямъ нечистая сила въ замѣнъ выкраденныхъ человѣческихъ младенцевъ ⁵⁾). Въ проскуровскомъ уѣздѣ под. губ. народъ знаетъ дѣленіе упырей на двѣ категоріи—живыхъ и мертвыхъ. Отличительные признаки мертвеца-упыря тѣ, что у него лице красное, лежитъ онъ въ гробу навзничъ и никогда не разлагается; у живого лице тоже красное, хотя-бы онъ былъ и старикъ, и кромѣ того чрезвычайно крѣпкое тѣлосложеніе. Эта крѣпость тѣлосложенія необходима ему потому, что, по мѣстному вѣрованію, ему приходится таскать на своей спинѣ мертвого упыря; послѣдній безъ перваго не можетъ быть вреденъ, такъ какъ онъ не можетъ ходить ⁶⁾).

По общераспространенному вѣрованію малороссовъ, упыри-мертвецы днемъ покоятся въ могилахъ, будто живые, съ краснымъ или, лучше, окровавленнымъ лицомъ. Ночью встаютъ изъ гробовъ и бродятъ по свѣту. При этомъ они летаютъ по воздуху или вылазятъ на могильные кресты, производятъ шумъ, пугаютъ путниковъ, гоняясь за ними. Но болѣе страшны они тѣмъ, что, входя въ дома, бросаются на сонныхъ людей, въ особенности на младенцевъ, и

¹⁾ Труды этногр. стат. экспедиціи въ зап.-руск. край, Чубинскаго, т. 1, в. 1, стр. 205.

²⁾ Lud ukrain. Nowosielskiego, 1857, II, 161.

³⁾ Аванасевъ, III, 569.

⁴⁾ Lud polski, Golebiowskiego, 1830, стр. 150.

⁵⁾ Lud ukrain. II, 161.

⁶⁾ Труды экспед. въ зап.-р. край, т. I, стр. 206.

высасываютъ у нихъ кровь, причиняя этимъ смерть. Хожденіе ихъ по свѣту продолжается, какъ и остальной нечисти, до тѣхъ поръ, пока не запоютъ пѣтухи. Чуму и другія эпидемическія болѣзни, также засуху, неурожай и другія общественныя бѣдствія тоже приписываютъ упырямъ и упырицамъ¹⁾. Упирь—одмина, кажется, не вредитъ людямъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не ходитъ, а лишь можетъ сидѣть или лежать на одномъ мѣстѣ. Онъ приноситъ даже пользу, потому что, отличаясь предвѣдніемъ будущаго, занимается предсказываніемъ того, что должно случиться съ людьми. Такой упирь, собственно говоря, никогда не умираетъ; когда его похоронятъ, онъ появляется въ другомъ мѣстѣ и начинаетъ вновь предсказывать будущее²⁾.

Избавлялись отъ упырей, выходившихъ изъ могилъ, тѣмъ, что откапывали ихъ трупы и пробивали грудь осиновымъ коломъ. Но это средство не всегда помогало. Тогда считали необходимымъ прибѣгнуть къ болѣе радикальному средству—сжечь трупъ упыря. А если за упыря признавали живаго человѣка, то онъ долженъ былъ погибнуть на кострѣ. И дѣйствительно въ старину у насъ, какъ и на западѣ, во время засухъ и мора, сожигали на огнѣ упырей и вѣдьмъ³⁾. Для того, чтобы окончательно лишить упыря возможности вредить людямъ, передъ сожженіемъ его прибѣгали къ разнымъ символическимъ дѣйствіямъ: завязывали ему глаза, забивали глотку землей и т. п.⁴⁾.

Послѣ сообщенія народныхъ вѣрованій объ упыряхъ, укажемъ на отдѣльныя лица, которыхъ народъ признавалъ за упырей.

По словамъ Голенбовскаго, при королѣ польскомъ Станиславѣ-Августѣ былъ упирь въ Бѣлоруссіи. Былъ и на Полѣсьи въ Лосицахъ упирь Курейко, котораго называли такъ потому, что онъ пѣлъ по пѣтушину. Курейко повѣсился на подолокѣ въ 1824 году; по смерти, какъ и при жизни, каждый вторникъ, пѣлъ, свисталъ и плясалъ⁵⁾.

¹⁾ Аонасьевъ, Ш, 557; Маркевичъ, 79; Новосельскій, II, 56; Чубянский, I, 206 и Podania i legendy Siemieńskiego, 1845, 92.

²⁾ Новосельскій, II, 106.

³⁾ Аонасьевъ, Ш, 577; Чубянский, 206.

⁴⁾ Тамъ-же, 579.

⁵⁾ Lud polski, 1830 г., стр. 171.

Въ с. Новоселкахъ, пишеть Новосельскій въ книгѣ, изданной въ 1857 году, лѣтъ сорокъ тому назадъ родился мальчикъ безъ кости; голову имѣлъ большую, какъ взрослый человекъ, ноги длинныя, подобныя тычиламъ, а лице и глаза очень умныя. Подросши, онъ не могъ ходить, а всегда сидѣлъ въ мѣрѣхъ, облюженный подушками. На седьмомъ году началъ предсказывать. Предсказывалъ только по утру; кто прѣѣзжалъ днемъ, долженъ былъ ожидать до слѣдующаго дня, и только по утру получалъ отвѣтъ на свой вопросъ. Ясновидѣніе его открылось такимъ образомъ. Отецъ мальчика имѣлъ пасѣку, которую стерегъ дѣдъ. Однажды, передъ разсвѣтомъ, мальчикъ началъ звать отца и будить его, чтобы тотъ, какъ можно скорѣе, отправился на пасѣку, иначе воры убьютъ дѣда и покрадутъ медъ. Отецъ не повѣрилъ, повернулся на другой бокъ и хотѣлъ заснуть, но сынъ снова сталъ кричать ему, чтобы какъ можно скорѣе бѣжалъ, потому что непременно убьютъ дѣда. Наконецъ отецъ послушался, пошелъ, пришелъ на пасѣку и тамъ дѣйствительно засталъ двухъ воровъ, которые выжирали медъ изъ ульевъ, а въ сторонѣ увидѣлъ связаннаго своего стараго отца. Съ того времени начали вѣрить въ предсказанія мальчика-калѣки; вѣкорѣ вѣсть о немъ распространилась по всей окрестности: на полѣ, за селомъ всегда стояло множество повозокъ и возовъ тѣхъ людей, которые прѣѣзжали за предсказаніями къ ясновидящему. На десятомъ году жизни своей онъ умеръ. Говорятъ старыя люди, что онъ не умеръ: только тѣло его похоронили, а онъ гдѣ-то далеко снова появился и предсказывалъ. При этомъ Новосельскій замѣчаетъ, что въ 1852 году въ подольской губерніи такой самый калѣка безъ кости, Пвась, предсказывалъ будущее, какъ объ этомъ было сообщено въ корреспонденціи Адама Плуга въ Газетѣ Варшавской. Peut-être, это тотъ самый, какъ писала сестра тетенькѣ, въ комедіи Фредра ¹⁾).

Можетъ быть, въ основаніи настоящаго народнаго разсказа нѣтъ никакого реального факта. Но вотъ дѣйствительный случай, изъ болѣе далекаго прошлаго.

Лѣтомъ 1727 года кievскій полковникъ Антонъ Танскій прислалъ въ малороссійскую генеральную войсковую канцелярію кре-

¹⁾ Lud ukrainski, II, 163.

стьянина Семена Калениченка вмѣстѣ съ его показаніемъ, въ которомъ тотъ призналъ себя за упыря и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи вскорѣ будетъ эпидемія на людяхъ ¹⁾).

Кажется, что все вышеуказанные упыри принадлежать къ разряду незлобныхъ, ясновидящихъ. Но вотъ факты, относящіеся къ извѣстнымъ въ исторіи личностямъ. Эткихъ упырей можно назвать анти-соціальными упырями.

О томъ самомъ Антонѣ Михайловичѣ Танскомъ, который представлялъ упыря Семена Калениченка въ войсковую генеральную канцелярію, сложилась слѣдующая легенда.

Танскій богатъ былъ деньгами и землями. Первыя онъ получилъ въ видѣ приданого за женой, дочерью Палія, вторыя получилъ въ видѣ дара отъ Петра I, а еще болѣе нагребилъ отъ бѣдныхъ козаковъ и посполитыхъ. Тѣмъ не менѣе имя его часто упоминалось между строителями и благотворителями храмовъ. Однажды онъ подарилъ цѣлое барило червонцевъ монахамъ Асопской горы, пришедшимъ просить подаванія на свои обители и избравшимъ его домъ мѣстомъ складки всего собраннаго или по Украйнѣ. Но зависть и скупость одолѣли его, и онъ рѣшился воспользоваться всею напрошеннымъ добромъ. Слугамъ своимъ онъ велѣлъ утопить монаховъ въ Днѣпрѣ, а сокровища ихъ принести къ себѣ. Спасшійся одинъ изъ монаховъ разсказалъ о случившемся своему архимандриту, который и прибылъ въ Украину съ цѣлью уговорить Танскаго возвратитъ заграбленное. Но Танскій отъ всего отнерся. Тогда архимандритъ наложилъ на него клятву: „за то, что Антонъ Танскій погубилъ невинныя души, утаилъ церковныя деньги, земля не приметъ его; добро его, приобрѣтеное неправдою, исчезнетъ, *яко воскъ отъ лица огня*, перейдетъ къ чужимъ людямъ и родъ его изведется“. „Поховали его сыны, продолжаетъ легенда, ще не всніли и добромъ поділитись, якъ щось страшне почало діятись. Тільки-що зайде сонце и трохи притемніе, якъ изъ домовини вылазитъ старый полковникъ: борода по поясъ, очи палають пекельнымъ огнемъ, зъ рота поломья сыпле, права рука на

¹⁾ Архивъ малорос. коллегіи при харьк. университетѣ, дѣло 1727 г., подл. № 3779.

серці, въ ливій перначь держить и ходить вінъ, поки півни не заспівають, а тоди застогне, такъ що чубъ у гору лізе,—и зновъ лагодиця въ домовину. Думали—гадали сны, що имъ робити, бачуть, що правду казавъ пророкъ игумень. Позвали печерского архимандрита, росконали могилу, ажъ лежить старій Танскій, неваче живый, тільки борода одросла и кігги повыростали. Узяли сны осиковый кілъ и пробили Танского наскрїзь, а архимандритъ прочитавъ молитву и положивъ закляте, щобъ не выходивъ більшь изъ домовины. И теперь старі люде показують ту могилу, де проклявъ Танського игумень; да часомъ ошівночи, щось страшно, страшно стогне підъ землею, неваче терпить несказанну муку“¹⁾).

Еще съ большей несомнѣнностью утверждается фактъ объ упырствѣ генеральнаго обознаго Василія Бурковского, бывшаго ранѣе черниговскимъ полковникомъ. Это тотъ Бурковский, извѣстный богачъ, которому кн. Голицынъ предлагалъ гетманство, послѣ устранения Самойловича, за 10,000 рублей, и который по скупости отказалъ боярину. Какъ извѣстно, Мазеца вымолилъ у скупого богача въ займы эту сумму и купилъ себѣ гетманство²⁾). Бурковский, по семейному преданію, сообщаемому Маркевичемъ, былъ не только скупой, но и злой человѣкъ. Онъ ѣлъ скоромное въ страстную пятницу, таскалъ къ себѣ дочерей и женъ своихъ крестьянъ, самихъ крестьянъ тиранилъ: одѣвалъ ихъ въ медвѣжьи мѣха и травилъ медалями. Онъ умеръ въ Черниговѣ и былъ похороненъ въ троицкомъ монастырѣ. На другой день послѣ похоронъ его видѣли ѣдущимъ на шестеркѣ вороныхъ коней по Красному мосту, что на рѣчкѣ Стрижиѣ. Кучеръ, форрейторъ, лакей и три собесѣдника въ каретѣ были черти. Распространилась молва, упыря прокляли, и онъ съ поѣздомъ провалился въ Стрижень. Пошли, открыли гробъ и нашли въ немъ упыря красноснимъ, съ открытыми глазами; его пробилы осиновымъ коломъ. Все это происшествіе было изображено масляными красками на стѣнѣ троицкаго собора и только въ первомъ десятилѣтїи нынѣшняго столѣтїя закрашена легенда объ упырѣ³⁾).

¹⁾ «Основа», 1861 г., августъ, стр. 31.

²⁾ Исторія Малороссїи, Н. Маркевича, II, 310.

³⁾ Н. Маркевичъ, Обычаи, повѣрья, кухня Малорос., стр. 79.

Въ числѣ актовъ, заимствованныхъ изъ кіевскаго центрального архива и напечатанныхъ въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича о колдовствѣ, помѣщенъ одинъ, въ которомъ передается такой случай сожженія упыря.

Во время эпидеміи въ 1738 году жители села Гуменецъ обходили ночью въ церковной процессіи вокругъ села, чтобы избавиться отъ болѣзни. Встрѣтивъ шляхтича Матковскаго, который въ это время ходилъ по полямъ съ уздой и отыскивалъ своихъ лошадей, гуменчане жестоко избили его, принявъ за упыря, виновника мора. На другой день жестоко мучили и сожгли на кострѣ. Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, были не только крестьяне, но и шляхтичи, также мѣстный священникъ и дьячекъ. Когда громада колебалась, можно-ли жечь Матковскаго, одинъ изъ шляхтичей ободрялъ громадянъ, говоря: „сжгите скорѣй, я дамъ сто злотыхъ: хочеть онъ насъ и дѣтей нашихъ погубить, такъ лучше пускай самъ пропадаетъ“. А священникъ выражался: „я до души, а вы до тѣла, сжгите, какъ можно скорѣй“. Предъ сожженіемъ Матковскому замазывали ротъ свѣжимъ навозомъ, а глаза завязывали большой тряпкой, обжоченной въ деготь ¹⁾.

Также поступилъ народъ во время чумы 1770 года въ м. Ярмолинцахъ, подольской губерніи, съ захожимъ изъ Турціи Іосифомъ Маронитомъ. Маронитъ былъ иностранецъ, нѣсколько лѣтъ занимавшійся лѣченіемъ, впрочемъ, очень удачно. Прежде нежели сжечь, его опустили въ бочку съ дегтемъ ²⁾.

Все изложенное приводитъ къ тому заключенію, что въ старину вѣрованіе въ упырей не носило одного отвлеченнаго характера; народъ не довольствовался тѣмъ, что вообще признавалъ существованіе на свѣтѣ упырей. Нѣтъ, онъ стремился приурочивать свои представленія къ извѣстнымъ, дѣйствительно существовавшимъ личностямъ. Въ особенности въ моменты крупныхъ общественныхъ бѣдствій, мора, голода и т. п. воображеніе народа болѣзненно настраивалось и отыскивало виновниковъ этихъ бѣдствій (упырей) въ своей средѣ. Въ упыри обыкновенно зачислялись люди чѣмъ

¹⁾ Труды этногр.-статист. экспедиціи въ зап.-рус. край, т. 1-й, в. 1-й, стр. 425—432.

²⁾ Тамъ-же, стр. 339.

либо отличавшіеся отъ прочихъ, напримѣръ калѣки, знахари, умершіе „не своей смертью“, также люди, отличавшіеся хищнымъ и злымъ нравомъ. Впрочемъ, въ минуты общественныхъ бѣдствій всякому легко было попасть въ упыри, все зависѣло отъ случайности. Причипами, поддерживавшими настоящее вѣрованіе, какъ и многія однородныя, кромѣ невѣжества и общаго склада міросозерцанія, были: болѣзненные галлюцинаціи и иллюзіи чувствъ (наприм. видѣли упыри, выходящаго изъ могилы, гдѣ похоронено такое-то лице); открытіе людей заживо погребенныхъ, лежавшихъ во гробу лицъ, съ изодранной одеждой, иссушенными руками, окровавленнымъ лицомъ и т. п.; собственное сознаніе въ упырствѣ подозрѣваемыхъ лицъ, сознаніе, вылужденное пытками и истязаніями или просто произнесенное въ состояніи помѣшательства. Самые факты обвиненія тѣхъ или иныхъ лицъ въ упырствѣ и публичное сожженіе ихъ должны были сильно поражать воображеніе массъ и далеко распространять настоящее вѣрованіе. Соціальныя причины, имѣвшія мѣсто у насъ въ прошломъ столѣтіи, также должны были поддерживать вѣру въ упырей. Это именно существованіе цѣлой категоріи лицъ, которая стремилась всѣми неправдами захватить чужія земли и обратить крестьянъ и козаковъ въ свою собственность. Тѣ изъ указанныхъ лицъ зачислялись въ упыри, которые отличались особенной свирѣпостью по отношенію къ крестьянамъ и козакамъ.

Голенбюевскій въ книгѣ *Lud polski* (стр. 171) говоритъ, что въ Польшѣ въ старину вѣрили въ существованіе упырей люди всѣхъ сословій; только сочиненіе Богомольца *Diabeł w swojej postaci* и болѣе широкое просвѣщеніе уничтожило этотъ предразсудокъ, не искоренившійся въ народѣ и доселѣ. Тоже самое было и у насъ въ Украинѣ: въ прошломъ столѣтіи вѣра въ упырей была присуща не только простому народу, мелкому панству, сельскому духовенству, но и лицамъ, занимавшимъ высокіе посты въ мѣстномъ управленіи, какъ напримѣръ малороссійскимъ полковникамъ. Впрочемъ, надобно сказать, что и тогда уже встрѣчались у насъ люди на столько просвѣщенные, что относились вполне скептически къ этому вѣрованію. Въ подтвержденіе приводимъ промеморію малороссійской войсковой генеральной канцеляріи въ малороссійскую коллегію отъ 19 іюля 1727 года по дѣлу Семена Каленпиченка.

„Сего 1717 году, іюля 15 дня, полковникъ кievскій Антоній Танскій прислалъ въ войсковую генеральную канцелярію человека Семена Каленниченка и при ономъ его допросѣ, въ которомъ допросѣ показалъ себе быть упиромъ, и яко-бы въ городѣ Глуховѣ и въ Лохвици, прійдучой Спасовки сего 1727 году, мѣеть быть морвос повѣтре. Пре то въ войсковой генеральной канцеляріи оный Каленниченко и подлинный его допросъ при семъ въ малороссійскую коллегію послысается. А по усмотрѣнію упира оного разсудила войсковая генеральная канцелярія его быть несостоятельнаго ума, и потому оніе его слова отъ него показани знатно по нѣкоторомъ въ умѣ помѣшательству. О чомъ коллегія малороссійская да благоволишь вѣдать“¹⁾.

П. Ефименно.

КЪ СВѢДѢНІЯМЪ О КОЗАЦКОМЪ ГЕТМАНѢ ИВАНѢ КУЦКОВИЧѢ.

Въ статьѣ, озаглавленной: „Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ“ и помѣщенной въ майской книжкѣ „Кievской Старины“ за 1883 годъ (стр. 140—145), глубокоуважаемый В. Б. Антоновичъ дѣлаетъ попытку представить на основаніи документальныхъ источниковъ списокъ козацкихъ гетмановъ съ 1596 по 1618 г. На стр. 143 онъ говоритъ: „преемникомъ Копыи въ 1602 году былъ Гаврило Брутневичъ или Куртневичъ, бывшій въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьи и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи. Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ Иванъ Куцковичъ, который, не находя возможнымъ удержать дисциплину среди козаковъ, не получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Вѣлой Руси, сложилъ съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года“. Въ публичной бібліотекѣ графовъ Рачинскихъ въ г. Познани сохрани-

¹⁾ Архивъ малорос. коллегіи при харьков. унив. Дѣло по доношенію полковника кievскаго Танскаго съ присылкою упира Семена Каленниченка и допросовъ его 1727 г., № 3799. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ не оказалось признанія Каленниченка: оно, по всей вѣроятности, похищено кѣмъ-либо изъ любителей старины, рывшихся въ этомъ архивѣ.

лось письмо этого Ивана Куцковича къ канцлеру великаго княжества литовскаго Льву Сапѣгѣ отъ 4 декабря 1602 года. Оно еще разъ подтверждаетъ существованіе козацкаго гетмана *Ивана Куцковича* и представляетъ живую картину изъ походнаго быта козаковъ на службѣ польскаго правительства. Приводимъ его въ буквальный переводъ съ польскаго ¹⁾.

Адресъ письма: Высокоблагородному господину, господину его милости, господину Льву Сапѣгѣ, канцлеру великаго княжества литовскаго, господину нашему милостивому, усердно передаемъ.

Письмо: Высокоблагородный, милостивый господинъ канцлеръ великаго княжества литовскаго, господинъ, господинъ нашъ милостивый.

По чувству рыцарской нашей вольности, съ живѣйшимъ усердіемъ просимъ благосклоннаго расположенія вашей милости, нашего милостиваго господина и пр.

Увѣренные въ милостивомъ расположеніи вашей милости, нашего милостиваго господина, которое вы такъ охотно стараетесь оказывать, относясь съ любовью къ храбрымъ воинамъ вообще, а въ особенности къ намъ, вѣрнымъ подданнымъ и всегда готовымъ слугамъ его королевской милости, нашего милостиваго господина, не можемъ скрыть отъ васъ того, что произошло на витебскомъ трактѣ. Случилось намъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ коней, захватъ во дворѣ и въ имѣніе вашей милости, нашего милостиваго господина, въ Островно. Тутъ по уважительнымъ причинамъ мы должны были остаться нѣсколько дней и не обошлось безъ того, чтобы мы не попросили у управляющаго вашей милости харчей для коней и для самихъ себя. Хотя и слѣдовало минутъ и сохранить имѣніе вашей милости, какъ лица, которое издавна оказываетъ свое благоволеніе къ войску запорожскому; однако насъ принудили такъ поступить господа витебскіе мѣщане, которые, не желая добровольно дать намъ въ домахъ своихъ куса хлѣба, обильно обливаго нашу кровь, на смерть убили нѣсколькихъ отпавшихъ впередъ това-

¹⁾ Переводъ сдѣланъ нами съ копія письма, которая была снята 17 мая 1847 года и точность которой засвидѣтельствована подписью бібліотекаря, извѣстнаго Юсіа Лукашевича, и приложеніемъ печати бібліотеки съ изображеніемъ герба графовъ Рачинскихъ.

рищей нашихъ, и обнаружили недоброжелательство ко всему войску нашему. Все то мы отдаемъ на судъ Господа Бога и святой Его справедливости. Что касается ущерба, причиненнаго имѣнію вашей милости, нашего милостиваго господина, то мы увѣрены, что ваша милость, нашъ милостивый господинъ, постарается покрыть его вашимъ высокимъ прощеніемъ, зная, что безъ этого не можетъ обойтись никто изъ живущихъ войною. Затѣмъ мы вторично просимъ вашего милостиваго расположенія, предлагая и нашу всестрадальную готовность къ услугамъ. Дано въ Островнѣ, декабря 4 дня 1602 года.

Вашей милости, нашего милостиваго господина, готовые къ услугамъ Иванъ Куцковичъ, гетманъ, и все рыцарство войска е. к. м. запорожскаго. (М. II). Сообщилъ А. С—ко.

МАЛОРОССІЙСКІЕ ЧИНЫ И ДОЛЖНОСТИ И ОКЛАДЪ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Для ознакомленія нашихъ читателей съ военнымъ и гражданскимъ строемъ Малороссіи, какъ они удержались въ половинѣ XVIII ст., предлагаемъ два историческіе памятника того времени, изъ которыхъ одинъ даетъ намъ понятіе о числѣ, наименованіяхъ, категоріяхъ и іерархическомъ порядкѣ малороссійскихъ чиновъ въ смыслѣ должностей, а другой сообщаетъ свѣдѣнія о присвоенныхъ имъ въ то время денежныхъ окладахъ содержанія. Тутъ весь строй бывшей гетманщины—не только военный, но и гражданскій, покуда послѣдній проникался первымъ. Изъ существовавшихъ прежде гражданскихъ чиновъ и должностей не упомянуты подкоморіе и и суды городскіе и зѣмскіе, которые не могли удержаться во время козацкихъ войнъ и постоянного военного положенія страны. Подкоморіе были восстановлены при Разумовскомъ, но существовали не долѣе 10 лѣтъ. Изъ учрежденій болѣе можетъ быть военного, чѣмъ гражданскаго характера, не упомянута „гетманская рада“, давно замѣненная генеральною канцеляріею и экономическими при ней отдѣленіями, направленными къ ограниченію гетманской власти и злоупотребленій козачей старшины. Изъ низшихъ козацкихъ чиновъ не упомянуты, вѣроятно, не существовавшіе уже *довбинги, трубачи и литаврички*. Тотъ-же строй военный въ главныхъ чертахъ и

подраздѣленіяхъ сохранялся въ Сѣчи Запорожской, откуда и заимствованъ. Атаманъ, асаулы, сотники и хорунжіе удерживались въ правобережной Украинѣ и послѣ того, какъ не стало въ ней регулярнаго козачества и остались только кое-гдѣ городовые козаки и надворная (помѣщичья) милиція.

Что касается окладовъ содержанія, то во 2-мъ изъ помѣщаемыхъ документовъ показаны только денежные и ничего не говорится о количествѣ и размѣрѣ имѣній, которыя давались по разрядамъ должностей. Не упомянуть и самый крупный оклад гетманскаго жалованья въ 50,000 р., какой пожалованъ былъ Разумовскому не за военныя, конечно, его доблести.

О значеніи перечисляемыхъ въ документахъ чиновъ и ихъ функціяхъ, въ соответствіи съ чинами регулярной арміи, мы надѣемся сказать впоследствии, а пока, какъ матеріалъ для такихъ разъясненій, помѣщаемъ два нижеслѣдующіе памятника *):

1.

ВѢДОМОСТЬ

о малороссійской генеральной старшинѣ, полковникахъ, бунчуковыхъ товарищахъ, полковой и сотенной старшинѣ и другихъ чинахъ и рядовыхъ, съ показаніемъ, который чинъ за какимъ слѣдуетъ по малороссійскому обыкновенію, учинена 1756 году.

Чины и должности:

Какого правленія или ведомства:

1. Генералній обозній	} войскового.
2. Генералніе судіи	
3. Генералній подскарбій	} статскаго.
4. Генералній писарь	
5. Генералніе асаулы	} войскового.
6. Генералній хорунжій	
7. Генералній бунчучный	
8. Полковники	} войскового

*) Оба оны сообщены намъ А. М. Лазаревскимъ, а паче извлечены изъ суляжискаго архива. Первый, сколько намъ вѣдомо, видѣ не напечатанъ, а второй находится въ весьма рѣдкой и малоизвѣстной книгѣ Шафнскаго: «*Описаніе черниговскаго намѣстничества*» 1786 г., но намъ печатается съ современной рукописи. — Ред.

9.	Вунчюковыя товарищи		войскового.
10.	Полковники)	полковъ охоческомонныхъ.
11.	Асауль артилеріи генеральной		артилерійскаго.
12.	Обозныя полковныя		
13.	Писарь суда генеральнаго		статскаго.
14.	Старшій войсковой		
15.	Судин полковіе		
16.	Хорунжіи артилеріи генеральной)	артилерійскаго.
17.	Обозныя полковныя)	полковъ охоческомонныхъ.
18.	Писари войсковыя)	статскаго.
19.	Асаули полковныя		войскового.
20.	Хорунжіе полковныя		
21.	Сотскіи		войскового.
22.	Войсковыя товарищи		
23.	Писарь артилеріи генеральной)	артилерійскаго.
24.	Писарь суда полковаго)	статскаго.
25.	Писари полковныя		полковъ охоческомонныхъ.
26.	Асаули полковныя		
27.	Хорунжіе полковныя		
28.	Капитаны жолдацкихъ командъ)	войскового.
29.	Переводчикъ		статскаго.
30.	Протоколистъ		
31.	Атаманы артилеріи генеральной)	артилерійскаго.
32.	Атаманы городовъ полковныхъ		статскаго.
33.	Архивариусъ		
34.	Банцелярскія войсковыя		
35.	Сотники или ротмистры)	полковъ охоческомонныхъ.
36.	Звачковыя товарищи)	войскового.
37.	Асаули артилеріи полковой)	артилерійскаго.
38.	Атаманы сотенныхъ городовъ		статскаго.
39.	Городничіе полковныхъ городовъ		
40.	Атаманы ротныя жолдацкія)	войскового.
41.	Писари сотенныхъ городовъ)	статскаго.
42.	Писари артилерійскія полковныя)	артилерійскаго.
43.	Банцелярскія полковныя и судовыя)	статскаго.
44.	Асаули сотенныя)	войскового.
45.	Хорунжіе артилеріи полковой)	артилерійскаго.

48. Ассаули	} компанейскіе . . .	} полковъ охочекомонныхъ.
49. Хорунжіе		
50. Писари		
51. Атамани.		
52. Атамани курѣнніе)		войскового.
53. Городничіе сотенныхъ городовъ {		статского.
54. Атаманъ сѣлскій {		
55. Козакъ {		войскового.
Солдаты {		
Пушкаръ)		артилерійского.
Компанецъ)		полковъ охочекомонныхъ.

2.

ВЫПИСКА

По листу господина и кавалера, коимъ представляетъ, противъ какихъ великороссійскихъ чиновъ малороссійскимъ чиновникамъ читается, такожъ и до котораго класса ему господину гетману и кавалеру ихъ производить, въ которой между иными написано:

Въ новосочиненномъ Уложенію, въ 2-й части, въ главѣ 41, въ 24-мъ пунктѣ написано: состоящимъ въ Малой Россіи, кои противъ находящихся въ нашей регулярной, придворной и статской службахъ ранговъ не имѣютъ, нижесписаннаго званія по нижесписанному расположенію.

1) Генералному Обозному шестьсотъ рублей.

2) Генералному судѣ и генералному подскарбію по пятьсотъ рублей.

3) Генералному писарю, генералному асаулу, генералнымъ хорунжимъ, генеральнымъ бунчучнымъ по четыреста рублей.

4) Полковникамъ городовымъ по двѣсти по пятьдесятъ рублей.

5) Бунчуковымъ товарищамъ, асаулу генеральной артилеріи, писарю суда генерального, полковникамъ трехъ полковъ охочекомонныхъ, обознымъ полковымъ, генеральной канцеляріи, старшему канцеляристу по сто по пятидесяти рублей.

6) Хорунжимъ артилеріи генеральной, судямъ полковымъ, обознымъ полковъ охочекомонныхъ по сто рублей.

7) Полковимъ писарамъ, полковимъ асауламъ, полковимъ хорунжимъ, переводчику генеральной канцеляріи по пятидесять рублей.

8) Сотникамъ, канцеляристамъ войсковымъ, писарамъ полковимъ охочекомонныхъ полковъ, писару генеральной артилеріи, асауламъ полковимъ охочекомонныхъ полковъ, атаману артилеріи генеральной, хорунжимъ полковимъ охочекомонныхъ полковъ по сороку рублей.

9) Значковимъ товарищамъ, асауламъ артилеріи полковой, атаманамъ городскимъ, сотникамъ и ротмистрамъ охочекомонныхъ полковъ, писарамъ судовъ полковыхъ, капитану жалдацкому охочекомонныхъ полковъ по двадцаты рублей.

10) Писарамъ сотеннымъ, писарамъ артилеріи полковой, канцеляристамъ полковимъ, асауламъ сотеннымъ, хорунжимъ артилеріи полковой, старшинѣ компанійской охочекомонныхъ полковъ по пятнадцать рублей.

11) Атаману куринному, городничему, атаману селскому по 10 р., козакамъ по чотиры рубли, посполитымъ мужьякамъ по рублю.

Находящиеся въ нашихъ нелегулярныхъ войскахъ великаго званія, которіе чины имѣють, за безчестіе править по штатамъ противъ положенаго нашего денежнаго жалованья, а прочимъ козакамъ колмакамъ, кои никакихъ чиновъ не имѣють, по чотиры рубли.

ГДѢ ПОДЛИННИКЪ ЛЮБЕЦКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ?

Въ минувшемъ 1882 г. вышла въ свѣтъ брошюра владѣльца г. Любеча, гр. Гр. Милорадовича о любецкой иконѣ Божіей Матери, составляющая повтореніе его-же брошюры 1860 г. о той-же иконѣ, но болѣе обстоятельно и такъ сказать документально излагающая исторію этой народной святыни.

Нельзя не отдать чести благочестивому и просвѣщенному усердію графа и его любознательности, но нельзя и оставить безъ поправки его окончательнаго вывода объ иконѣ, составляющей предметъ народнаго почитанія.

Въ обѣихъ брошюрахъ своихъ гр. Милорадовичъ утверждаетъ, будто въ кіево-софійскомъ соборѣ находится копія этой чудотвор-

ной иконы, а подлинная икона находится въ Любечѣ и передана туда въ 1701 г., при митрополитѣ кіевскомъ Варлаамѣ Исинскомъ, по обновленіи оной усердіемъ монаха Иннокентія Щирскаго, извѣстнаго гравера XVII ст. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ брошюръ приводитъ грамоты митрополита Варлаама Исинскаго, при которыхъ отпущенъ изъ Кіева въ Любечъ Щирскій съ иконою Божіей Матери *новоотновленною*, для поставленія ея во вновь сооруженной тамъ церкви, дабы жители г. Любеча, родины преподобнаго Антонія печерскаго, могли въ субботніе дни слушать акаистное пѣніе предъ этою иконою.

Хотя такому предположенію гр. Милорадовича сильно противорѣчили и преданіе, и то усердіе, съ каковымъ жители г. Любеча ежегодно приходятъ къ любечской иконѣ, находящейся въ кіево-софійскомъ соборѣ, а также возбужденное въ 1805 г. дѣломъ автора, любечскимъ помѣщикомъ, тайнымъ совѣтникомъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ ходатайство предъ св. синодомъ о возвращеніи въ г. Любечъ находящейся въ кіево-софійскомъ соборѣ подлинной чудотворной любечской иконы Божіей Матери, перенесенной сюда при митрополитѣ кіевскомъ Силвестрѣ Коссовѣ, въ половинѣ XVII вѣка, и послѣдовавшій по сему ходатайству отказъ; но на основаніи нѣкоторыхъ неясныхъ выраженій вышеупомянутыхъ грамотъ митроп. Варлаама Исинскаго можно было дѣлать и другіе выводы *per bonam consequentiam*. Тѣмъ не менѣе, если и могло являться сомнѣніе въ вопросѣ о мѣстѣ нахождения подлинной чудотворной любечской иконы, то оно окончательно разрѣшается недавнимъ изданіемъ древнихъ изображеній знатока и любителя древностей Д. Ровинскаго. Въ его объемистой книгѣ: *Русскія народныя картины* (кн. III, Спб. 1881 г.) помѣщено полулистовое изображеніе любечской иконы Божіей Матери, гравированное на мѣди въ концѣ XVII вѣка; подлинникъ этого изображенія находится въ Олсуфьевскомъ собраніи, принадлежащемъ князю К. Е. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, а подъ изображеніемъ имѣется слѣдующая подпись: „изображеніе чудотворной иконы пресвятой Богородицы любецкой, юже блаженной памяти преосвященный Силвестеръ каковъ (Коссовъ), митрополитъ кіевскій, зъ странъ заднѣпровскихъ, съ подобающею честію, въ богоспасаемый градъ Кіевъ привезе и постави ю въ святяя Софія церкви, идеже до днесь на(дѣ) царскими враты

благословено покланяема есть, сихъ-же времяъ седмой тысящы 198, благословеніемъ ти въ Богу пресвященнаго, е. м. господина, отца Варлаама Ясинскаго, митрополита кievскаго, и благословеніемъ преосв. Лазаря Барановича и Θεодосія углицкаго архіепископа, въ Черниговъ з тосяжды чудотворной иконы истинное подобіе списася и въ градъ Любечи, ядеже первѣе чудодѣйствуема бѣ, во отечестве преподобнаго Антонія печерскаго, въ новосозданномъ храмѣ его поставлена есть“.

Приведенная подпись не оставляетъ уже никакаго сомнѣнія въ томъ, что при митроп. Варлаамѣ Ясинскомъ монахомъ Щирскимъ была сдѣлана и затѣмъ съ особою торжественностію доставлена въ Любечъ копія съ древней иконы, а подлинникъ оной казъ былъ, такъ и остался въ Кіевѣ, въ храмѣ св. Софiи.

П. Л—въ.

КЛАДЫ ВЪ КІЕВѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

Въ 1856 году въ Кіевѣ издана была небольшая, въ малую осьмушку, книжечка, подъ заглавіемъ: *Запорожская рукопись, указывающая, въ какихъ мѣстахъ и какіе сокрыты клады гайдамаками и мѣстными жителями*. Издатель этой рукописи, хорошо извѣстный кievлянамъ предприниматель Н. Сементовскій, титулюющій себя на заглавномъ листѣ книги членомъ императорскихъ русскихъ географическаго и археологическаго обществъ, но мало смыслившій въ исторіи и археологіи, придалъ рукописи не принадлежащее ей значеніе и не достигши тѣхъ научныхъ цѣлей, о какихъ заявлялъ въ предисловіи къ своей книжкѣ, сбывалъ однако се по весьма выгоднымъ цѣнамъ. По его словамъ, изданная имъ рукопись доставлена ему какимъ-то старикомъ, вышедшимъ будто изъ Запорожья, при чемъ онъ не обозначаетъ ни имени и фамиліи этого старика, ни его происхожденія и мѣста жительства, ни даже числа лѣтъ, о рукописи-же, со словъ его утверждаетъ, что она составлена какимъ-то грамотѣемъ въ самомъ Запорожьѣ, находилась у какого-то пана и получена тѣмъ старикомъ отъ этого пана. Такимъ образомъ если ничего невѣроятнаго, за то и ничего исключительнаго и сколько-нибудь опредѣленнаго и точнаго нѣтъ въ свѣдѣніяхъ о происхожденіи рукописи. Тоже должно сказать и о ея содержаніи. На обширномъ пространствѣ бывшихъ воеводствъ

Кіевскаго и брацлавскаго рукописи указываетъ 315 пунктовъ, въ которыхъ неизвѣстно кѣмъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ зарыты большей или меньшей цѣнности клады въ деньгахъ и металлическихъ вещахъ, а примѣты мѣстонахожденія кладовъ обозначены такія, что скорѣе въ неизвѣстномъ указчикѣ можно предположить намѣреніе сыграть шутку съ искателями кладовъ, нежели желаніе указать дѣйствительное мѣсто клада. Покойный издатель запорожской рукописи серьезно однако вѣритъ въ возможность отысканія кладовъ по указываемымъ примѣтамъ, хотя самъ признаетъ, что многія примѣты исчезли, увѣряетъ (въ чемъ, конечно, никто и сомнѣваться не могъ-бы), что открытіе этихъ кладовъ послужило-бы къ обогащенію исторіи и археологіи, и уже совѣмъ напрасно утверждаетъ, будто и при не отысканіи кладовъ, о которыхъ говоритъ рукопись, сама она послужитъ источникомъ для этнографіи украинскаго народа и поясненія событій мѣстнаго столѣтія въ западной Украинѣ. Ничего, конечно, не выиграли отъ изданія этой рукописи ни этнографія, ни исторія Украйны, но въ печатномъ видѣ рукопись проникла въ народъ и, говоря его языкомъ, *подвала подъ монастырь* не одного охотника до кладовъ, продавалась за большія деньги, расходилась въ новыхъ спискахъ и, что всего забавнѣе, въ затасканныхъ спискахъ снова, какъ старинныхъ, неизвѣстная рукопись, пересылалась на разсмотрѣніе и оцѣнку извѣстному нашему историку и археологу, В. Б. Антоновичу.

Мы сочли нужными эти нѣсколько строкъ о судьбѣ Запорожской рукописи о кладахъ, давая въ нашемъ изданіи мѣсто другой подобной рукописи о кладахъ не только въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ нынѣшней кіевской губерніи. Приводя свѣдѣнія о кладахъ по этой рукописи, мы отнюдь не придаемъ имъ какой-либо достовѣрности и еще менѣе имѣемъ намѣреніе повести кого-либо на поиски въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя указываетъ рукопись; напротивъ, мы пользуемся только этимъ случаемъ для того, чтобы высказать нашъ взглядъ на существованіе такихъ рукописей, уяснить ихъ происхожденіе, характеръ и значеніе, что было-бы затруднительно безъ приведенія самаго текста такой рукописи.

Что въ нѣдрахъ земли нашей и въ настоящее время сокрыто множество кладовъ, объ этомъ едвали слѣдуетъ упоминать въ виду

частаго нахожденія кладовъ самыхъ различныхъ эпохъ, но только случайнаго, а не нарочитаго—по преданіямъ и разсказамъ. Что территория южной Россіи даетъ наибольше такихъ находокъ, и это понятно всякому, кто знакомъ съ превратностями судьбы этого обширнаго края, продолжавшимися безъ перерыва до конца прошлаго столѣтія. Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что вѣра въ существованіе кладовъ такъ присуща нашему народу, такъ давно въ немъ зародилась и такъ долго держалась, держится и доселѣ, и такія странныя фантастическія формы приняла, и сохраняетъ до настоящей минуты. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ, живя въ деревнѣ, не слышалъ о красношъ пѣтухѣ, рассыпавшемся червонцами, о сипемъ огонькѣ, которымъ горять деньги въ пасхальную ночь, о дивныхъ старцахъ, которые, являясь въ эту ночь избранныкамъ, указывали, гдѣ находится извѣстный кладъ, о заколдованномъ цвѣтѣ папоротника, съ помощію котораго можно узнавать, гдѣ находятся клады, о происходящихъ дивахъ и страхахъ при добываніи этого цвѣтка и пр. и пр.? Но если эти повѣрья суть чистый вымыселъ пародной фантазіи, то не много истиннаго, точнаго, дѣйствительнаго и въ преданіяхъ и разсказахъ о кладахъ, не только изустныхъ, но даже и письменныхъ. Тутъ только первоначальная основа—дѣйствительный фактъ, все остальное—путаница, искаженіе и даже прямой вымыселъ. Зарываніе кладовъ, какъ само собою понятно, производилось въ минуты крайней опасности, подъ вліяніемъ страха за самую жизнь, съ большою поспѣшностію и, конечно, по большей части въ ночное время; оно сохранялось въ глубокой тайнѣ, составляло секретъ одного, или весьма немногихъ лицъ, которые участвовали въ сокрытіи клада, и какъ зарытіе кладовъ происходило во время болѣе или менѣе продолжительныхъ народныхъ бѣдствій, какъ набѣги татаръ, нашествіе шведовъ, набѣзды гайдамакъ и ихъ разгромы, то даже зарывавшіе кладъ не всегда помнили его мѣсто. Секретъ выдавался или случайно, или когда уже не было никакой надежды на отысканіе клада и примѣты того мѣста, гдѣ онъ зарытъ, терялись въ памяти и даже въ дѣйствительности. Секретъ шель отъ одного къ другому, передавался на далекія разстоянія, по большей части изъ Запорожья, и поповолѣ переничался, искажался до того, что оставались въ немъ самыя общія вѣрныя черты, въ родѣ того, что клады подъ

Кіевомъ, Уманью, Корсуномъ и т. д., тѣ-же частныя примѣты, по которымъ только и можно было-бы найти кладъ, измѣнялись и маскировались въ такой степени, что походятъ на прямой вымыселъ и намѣренный обманъ. Такіе секреты мы слышали въ дѣтствѣ, съ указаніемъ на лица, отъ которыхъ они шли, и десятокъ другихъ, чрезъ которыхъ передавались. Являлись охотники записывать ходившіе въ пародѣ рассказы о кладахъ — то съ благою цѣлію помочь извлечь сокровища изъ нѣдръ земли, то даже съ личною корыстною цѣлію, и это были несомнѣнно люди наивные и столь-же простодупные, какъ и тѣ, отъ кого они записывали, какъ въ этомъ легко убѣдиться по тексту списковъ о кладахъ. Говорить-ли о томъ, что рассказы, преданія записывались въ позднѣйшихъ редакціяхъ, когда всякая достовѣрность ихъ утрачена? Прибавлять-ли еще, что теперь, по прошествіи слишкомъ ста лѣтъ со времени послѣднихъ тревоженій въ странѣ и когда такія примѣты, какъ груша, яблоня, сосна, кустъ, корчма, какая-либо дорожка, давнымъ давно исчезли, рукописи о кладахъ потеряли всякое значеніе? Они будутъ служить памятникомъ пережитыхъ страцю бѣдствій, порядковъ и условій тогдашней жизни, показателемъ извѣстной степени развитія народнаго, и—ничего болѣе; но чтобы по нимъ можно было предпринимать какіе-либо поиски, производить какія-либо открытія, въ этомъ усумнится всякій, прочитавъ помѣщаемый нами списокъ кладовъ въ Кіевѣ, его окрестностяхъ и разныхъ мѣстахъ кіевской губерніи. Кто пожелалъ-бы опытныхъ доказательствъ высказаннаго нами, тому мы можемъ указать на живой примѣръ лица съ большимъ титуломъ, десятки лѣтъ и десятки тысячъ рублей убившаго на отысканіе большаго клада въ Кіевѣ, въ мѣстности близъ бывшаго кирилловскаго монастыря, и не нажившаго ничего, кромѣ несчастной мани, не открывшаго ни малѣйшаго предмета древности и ни одного стараго гроша. Клады существуютъ и ихъ находятъ нерѣдко въ самомъ Кіевѣ; но преданія и примѣты, самыя позднія и обстоятельныя, давно утратили всякое значеніе и кладъ находится только случайно. Въ мѣстностяхъ историческихъ для историковъ и археологовъ существуютъ въ наукѣ совсѣмъ инныя примѣты, но объ нихъ не мѣсто здѣсь говорить, и мы переходимъ къ находящемуся у насъ списку кладовъ.

Списокъ этотъ найденъ нами въ доставшихся намъ многочисленныхъ, дѣльныхъ и бездѣльныхъ, замѣткахъ и выпискахъ бывшаго профессора университета св. Владимира, А. Н. Ставровскаго. Тутъ онъ названъ спискомъ Лецинскаго, но откуда взятъ и въ какому времени относится, въ замѣткахъ Ставровскаго объ этомъ не сказано и доискаться мы не могли. Выписка изъ рукописи Лецинскаго сдѣлана рукою покойнаго профессора и судя по тому, что порядка мѣстностей въ ней вовсе нѣтъ, можно предполагать, что подлинный списокъ Лецинскаго обширнѣе и касается не одной кievской губерніи. Подовленный языкъ даетъ поводъ предполагать, что это переводъ, а не подлинный текстъ. Мы дѣлаемъ въ рукописи единственную поправку, — устанавливаемъ порядокъ мѣстностей, все остальное помѣщается, какъ выписано любознательнымъ профессоромъ.

Извѣстія о вкладахъ и древностяхъ

по списку Лецинскаго.

- 1) Въ Кіевѣ, на Брещатикѣ, въ прежнемъ дворѣ Попова, подъ колодою и гловымъ кустомъ зарыты казань денегъ.
- 2) Въ Кіевѣ, на Крешатикѣ, подъ черемхою зарыты глекъ червоицевъ.
- 3) На Лыбеди въ могилѣ зарыто 40,000 червоицевъ.
- 4) На дальнихъ нещерахъ подъ ясенемъ зарыто полтора ведра червоицевъ.
- 5) На Печерскомъ, подлѣ церкви Николая, съ угла отъ Краеницы горы, зарыты казань денегъ.
- 6) На горѣ Дитивкѣ, на краю, зарыты боченокъ червоицевъ.
- 7) На Старомъ Кіевѣ, противъ дома Федотова, въ саду наслѣдниковъ Кандибы есть могила, обсаженная деревьями и въ ней по преданію скрываются древности.
- 8) За Андреевскимъ валомъ есть могила, въ которой закопанъ сундукъ съ деньгами.
- 9) Въ Кіевѣ, во Львовской бранѣ, на нижнемъ смѣжномъ валу, съ лѣвой стороны, зарыто множество серебряной посуды.
- 10) Въ Кіевѣ, противъ Паньковщины, на горѣ Волковня, а противъ нее дубовый пенъ, отъ нея на три шага влѣво зарыты казань червоицевъ.

11) На горѣ Киселевкѣ, въ Кіевѣ, по лѣвый бокъ отъ церкви Воздвиженія, на краю горы, въ яру, есть погребъ съ 14 боченками серебра.

12) Въ Кирилловскомъ есть ставъ, подлѣ става нещера съ входомъ: при входѣ надъ головою вверху малая дыра, которая проведена насквозь въ землю. Въ той нещерѣ зарыты карбованцы, а въ шести шагахъ отъ входа въ нее будетъ чуланъ и подъ порогомъ чулана лежить казань червонцевъ.

13) Противъ Пріорки къ Вышгороду есть на долиинѣ три сосны по бѣлому озеру, на тѣхъ соснахъ примѣты (0)—на одной одна, на другой два, а на третьей три ноля нарѣзано, и между тѣми соснами воловая кожа денегъ.

14) На Звѣриницѣ противъ Петровецъ, пониже озера, противъ вербы, зарыть сундукъ съ деньгами.

15) Въ роцѣ подъ Кіевомъ, на краю, возлѣ васильковской дороги, между двумя валками, на которыхъ стоитъ по одной березѣ, зарыто серебряной посуды 200 пудовъ и серебряныхъ вещей.

16) Въ срединѣ роцѣ, въ яру, подъ Кіевомъ, возлѣ тройной сосны, изъ одного корня выросшей, изъ которыхъ на одной соснѣ паростъ, на другой ратищемъ кора пробита и по срединѣ забитъ желѣзный шворень, на западъ солнца въ три аршина отъ тройной сосны, зарыты большой горшокъ серебряныхъ рублей и меньшей червонцевъ.

17) На Лыбедской дорогѣ, которая начинается отъ роцѣ тамъ, гдѣ осыпается, въ три аршина зарыты казань и глечикъ червонцевъ. Примѣта—большой камень.

18) Подъ Кіевомъ, въ роцѣ, близъ валка, надъ дорогою стоитъ береза съ тремя вершинами или колѣнами, и отъ нея къ заходу солнца въ трехъ шагахъ лембикъ червонцевъ зарыть и разныя вещи.

19) Близъ Кіева, въ роцѣ, по той рѣчкѣ, какъ идти изъ Кіева въ Борцаговку, въ вершинѣ этой рѣчки есть среди ручья яма, въ которую гайдамаки и Пивень сотникъ впустили два боченка денегъ.

20) Подъ рощею, между дорогами, подъ кривою березею, въ трехъ шагахъ на западъ—казань червонцевъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

„ГНІДКО“, ВАРИАНТЪ КАРМЕЛЮКА.

Недавно я прочелъ въ „Кіевской Старинѣ“ замѣтку о разбойникѣ Кармелюкѣ. Эта замѣтка привела мнѣ на память рассказы о другомъ разбойникѣ—„Гнідкѣ“. Въ бытность мою въ г. Полтавѣ, когда я былъ еще „мала дитина“, у насъ въ домѣ служила кухаркой Варвара, замѣчательно словоохотливая женщина и притомъ знáвшая многочисленныя легенды о Малороссіи. Варвара перѣдко, въ долгіе зимніе вечера, собирала насъ—дѣтей вокругъ себя и рассказывала, большей частью, про жизнь „старого Гнідка“—разбойника, о которомъ она, впрочемъ, отзывалась съ замѣчательною любовью.—„Віетъ бідныхъ, говорила намъ Варвара, ніколи не зачіпавъ, а усе у богатыхъ бравъ гроші и дававъ біднымъ“. Въ этой чертѣ легенда о „Гнідкѣ“ поразительно сходится съ легендой о Кармелюкѣ и поэтому мы не ошибаемся, признавъ „Гнідка“ только варіантомъ Кармелюка. Можетъ быть, словоохотливые фантазеры—рассказчики и рассказчицы, въ родѣ Варвары, измѣнили имя Кармелюка, прибрасили его подвиги, но въ существѣ Кармелюкъ и „Гнідко“—одинъ и тотъ-же человѣкъ.

Александръ Ом—скій.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛУРУССКИХЪ ЭПИТАФІЙ XVIII В.

Помѣщаемая ниже надгробная надпись находится въ старой капличкѣ въ с. Гурбинцахъ, полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда. Очевидно, уцѣлѣвшая доселѣ капличка поставлена надъ гробомъ Е. И. Брежинской, урожденной Севастіановичевой. Много любопытнаго представляетъ и это желаніе сохранить память свою въ родѣ, и наивный рассказъ исторіи рода, и тонкій намекъ на господствовавшую въ то время раздачу чиновъ и помѣстій по дружбѣ и связямъ, и услаждавшій шляхетное ухо силлабъ, и начинавшееся претвореніе „почерка руки малороссійской“ въ великороссійскую. Въ эпитафіи, какъ видитъ читатель, попадаются описки и просто ошибки, которыя однако теперь трудно исправить. Эпитафія написана, конечно, при жизни лица, для котораго предназначалась и безъ сомнѣнія была имъ прослушана и одобрена, а въ содержа-

ни своемъ быть можетъ и продиктована. Ея замогильный, благоговѣнно набожный и нравоучительный тонъ, вполне характеренъ для того времени и много напоминаетъ распространенный тогда и удержавшійся до послѣдняго времени обычай многихъ готовить для себя при жизни гроба и даже укладываться въ нихъ для напоминанія о наступающей разлукѣ съ міромъ.

С. Гурбинцы, собственно та часть ея, которою владѣла Е. И. Брежинская, достались ей двумъ сыновьямъ Андрею и Николаю Богдановичамъ, потомству которыхъ она принадлежитъ и нынѣ. Мѣсто-же, гдѣ находится капличка, было при усадьбѣ (нынѣ уже сгорѣвшей) дочери Андрея Богдановича Евдокии Андреевны, по мужу Маркевичевой, и теперь принадлежитъ ея внукамъ Швинцкимъ.

Надгробокъ Евдокии Ивановны госпожи Брежинской.

Ежели кто отъ земныхъ хотить меня узнать,
 То, прочтя надпись сей, можетъ кратко понять,
 Кто я и отъ какихъ родителей родилась,
 Сколько въ свѣтъ жила и когда въ гробъ вселилась.
 Отецъ мой былъ Іоаннъ Севастіановичъ, сынъ Адріановъ;
 Вунчуковымъ жалованъ за прежнихъ гетмановъ.
 Сей титулъ и деревни ни изъ какой дружбы
 Жалованъ предкамъ нашимъ за отцевы службы.
 И такъ отецъ, по предкамъ спокойно владѣя,
 Ни отъ кого малѣйшихъ споровъ не имѣя,
 Породилъ насъ на свѣтъ трехъ сыновей родныхъ:
 Стефана, Θεодора, Матвѣя—единоутробныхъ
 И насъ трехъ дочерей съ утробы единой,
 По власти Всевышняго несповѣдимой.
 Старшей имя Марѳа, а мнѣ Евдокиа,
 Меньшей Фекла, и такъ всѣхъ насъ имена сія!
 И какъ старша сестра совершенныхъ лѣтъ была,
 По родителехъ славой и разумомъ слыла,
 Вышла-жъ и въ замужье рода не безславна,
 Іосифа Лисенка отъ предковъ названа.
 А мы еще какъ тогда малолѣтніе были,
 Покойныхъ родителей чуть знаемъ, что жили.

А какъ фортуна въ свѣтѣ есть непостоянна,
 Котора оныгомъ въ самѣхъ насъ дознана,—
 Отецъ и мать померли, не доживя вѣку,—
 Мы всѣ зятю отданы и сестрѣ въ опеку.
 Браты, чтобъ провестъ въ свѣтѣ жизнь безъ скуки,
 Оставя насъ при сестрѣ, отошли въ науки
 Мы-жъ, чтобъ не быть въ свѣтѣ отъ другихъ отличимъ,
 Вчилисъ наукъ, художествъ намъ приличнымъ.
 И какъ дошли уже мы лѣтъ пристойныхъ:
 То вышли замужь за людей достойныхъ.
 Я вышла за Богдана, есть то Брежневскихъ родъ,
 Съ коимъ поживъ 16 лѣтъ, оставя по себѣ плодъ,
 А меня тожъ вышла не безнатна рода,
 Какъ долгъ ей велѣлъ и самая природа.
 И такъ мы всѣ три сестры въ замужье выданы:
 Перва отцемъ, мы-жъ сестрой съ зятемъ выхованы.
 Оставя братьевъ нашихъ быть всегда спокойныхъ,
 Съ коихъ Феодоръ умре, едва дойшовъ лѣтъ законныхъ.
 Однакъ старшій съ природы какъ малоумень былъ,
 Лѣтъ 40 хотя на свѣтѣ жилъ,
 Но законы его наслѣдія лишили,
 Снабдѣвать съ имѣнія по смерти опредѣлили.
 Меньшой, какъ извѣстно всякому довольно,
 Только что вступилъ было во владѣніе полно,
 Но натура или судьба такъ опредѣлила:
 Смерть жизни въ юныхъ лѣтахъ и сего лишила.
 И такъ безъ наслѣдства братьевъ все осталось,
 То имѣніе тремъ намъ сестрамъ досталось.
 Съ коихъ одной село, а другой другое,
 Мы-жъ въ раздѣлки Гурбенцѣ достались за тое;
 Въ коихъ жила, считая лѣтъ моихъ отъ роду,
 Какъ родилась въ тысяча семсотъ сороковомъ году,
 А и съ мужемъ спокойно владѣя согласно,
 Пятнадцать лѣтъ съ залишкомъ и какъ своевластно:
 Хотя и наслѣдниковъ природныхъ имѣя,
 Дала все во власть мужу, какъ сама владѣя;
 Пусть, какъ хотить владѣеть, а по немъ природно,

Жаль несносной трогаетъ, какъ ихъ вспоминаю.
 Боже мой! на Твой Промыслъ я ихъ возлагаю.
 А я, оставя свѣтъ и всю веселость въ немъ,
 Почила точію спокойно въ гробъ семь
 Въ-семьсотъ семьдесятъ и девятомъ году,
 Декабря 23 дня лишилъ меня рокъ жизни и роду.
 Ахъ! коль несносно врать съ мужемъ и дѣтьми въ разлуки,
 Горчайшей, чаю, тому, кто остался, скуки.
 Мертвые больше ничего, какъ возмездія чають,
 А живые, кромѣ смерти, съ заботъ умирають.
 Впрочемъ никто обо мнѣ пусть не печалится,
 Зналъ, что временной сей жизни вѣкъ лишится.
 Объ одномъ только прошу васъ премилосердно,
 Простирать къ Всевышнему мольбы всеусердно,
 Бо кто я нынѣ въ гробъ, таковъ и всякъ будетъ,
 Смерти и преисподней самой не избудетъ.

Ал. Маркевичъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТЗЫВЪ КІЕВЛЯНЪ О В. И. АСКОЧЕНСКОМЪ.

Въ своихъ „Печерскихъ Антикахъ“ Н. С. Лѣсковъ, говоря о В. И. Аскоченскомъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее: „вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ безпристрастной замѣтки о тревоженной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва-ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ-бы ему выбрать его злѣйшій врагъ“.

Пока появится безпристрастная оцѣнка этого дѣйствительно даровитаго, но въ высшей степени оригинальнаго по своему характеру и судьбѣ человѣка, считаемъ не лишнимъ привести въ извѣстность современные, ему посвященные, хотя очевидно пристрастные стихи. Они заимствуются изъ случайно попавшаго къ намъ обширнаго стихотворнаго описанія бала, происходившаго въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, у бывшаго тогда кіевскаго генераль-губернатора, кн. И. И. Васильчикова. Такіе памфлеты были въ ту пору дѣломъ

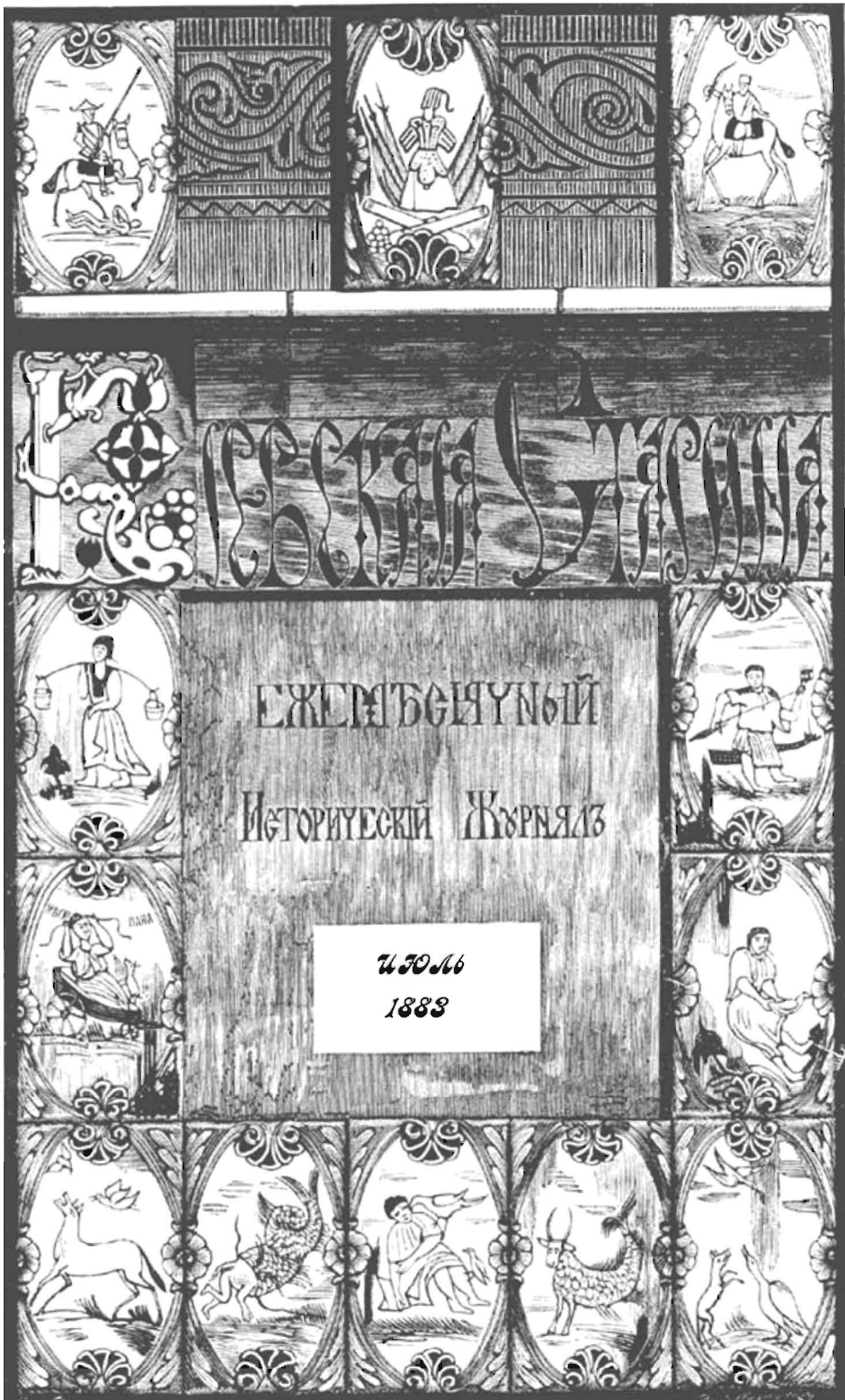
обыкновеннымъ; это называлось: „описать въ стихахъ“. Неизвѣстный авторъ стихотворенія: „Баль“, всего вѣроятнѣе изъ разряда конныхъ, не оперившихся Марсовъ, передаетъ въ стихахъ ходячіе, конечно, но нерѣдко весьма мѣткіе отзывы о явившихся на баль лицахъ губернской аристократіи, перебирая по одиночкѣ мужчинъ и дамъ и не пада, какъ водится, никого. Тутъ сводились, такъ сказать, счеты общественнаго мнѣнія съ недостатками и злоупотребленіями служебныхъ и общественныхъ дѣятелей, доставалось изъ-за нихъ ихъ женамъ и дцерамъ, и—такимъ образомъ мнѣніе общественное удовлетворялось. В. И. Аскаченскій былъ тогда не у дѣлъ, потерялъ совсѣмъ службу; но, находясь при Вибиковѣ, онъ успѣлъ насолить многимъ, злость къ нему еще жила въ лицахъ, окружавшихъ новаго генераль-губернатора, и вотъ неизвѣстный представитель мѣстнаго общественнаго мнѣнія изливаетъ свою желчь на небольшое падшее величіе, ставитъ это величіе, не попавшее на баль, у позорнаго такъ сказать столба—у окна дома, въ который ему нѣтъ болѣе доступа, и казнить его такими орудіями не глубокаго правда остроумія:

Пробираясь потихонько
 Я продралъ на задній ходъ,
 Сошелъ съ лѣстницы легонько
 И чуть вышелъ изъ воротъ:
 Какъ вдругъ вижу—нодь окномъ,
 Обвернувшись весь плащомъ—
 Кто-жь? *Аскаченскій* поэтъ
 И для васъ готовъ куплетъ:
 Пономарь роди дьяка,
 Дьякъ роди намъ бурсака,
 Непочтительный-же звукъ
 Въѣсто ясы сшилъ сюртукъ.
 Фракъ надѣлъ онъ и жабо
 И вотъ перереженный Согъеаи.
 Онъ аристократъ, онъ и плебей
 Онъ вамъ и попъ и архіерей.
 Подъ часъ онъ кропаеть стихи,
 Подъ часъ прозу извергаетъ,

Подъ часъ поретъ много чепухи,
 Всегда-жъ въ немъ такту не хватаетъ.
 Не спору, дарованье въ немъ есть,
 Но лицемерьемъ запыло,
 Онъ любить выпить, любить съѣсть.
 Лишь-бы даромъ въ ротъ тепло.
 Ну ужъ это по наслѣдству
 Досталось ему въ удѣлъ,
 У поповъ одно вѣдь средство:
 Даромъ выпилъ, даромъ съѣлъ.
 Чуть-ли праздникъ гдѣ въ приходѣ,
 Иль собранье гдѣ шумить,
 То вездѣ уже въ народѣ—
 Хлопъ!—Аскоченскій торчать.

Въ приведенныхъ стихахъ, кромѣ личныхъ такъ сказать счетовъ и свирѣпствовавшаго тогда во всей силѣ сословнаго антагонизма, на которомъ и зиждется все остроуміе провинціального поэта, видѣнъ и установившійся въ кіевскихъ сферахъ взглядъ на Аскоченскаго: надъ нимъ смѣются, его осуждаютъ, но *дарованье* въ немъ признаютъ.

Сообщ. П. Д.—въ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 106
1883

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

	стр.
I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ (историко-этнографическія замѣтки). Ир. Житецнаго	1
II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. В. Ястребова	30
III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской провинціи начала тридцатыхъ годовъ). А. Барымова	49
IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, ковадьюгоръ кіевскій. (<i>Продолженіе</i>). Г. Булашева	66
V. ФРЕСКИ КІЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ обществѣ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). Адріана Прахова	97
VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУШИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНИИ. (Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). Сообщилъ В. Т. М—чъ	111
VII. ЗАПОРОЖСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). Ал. Андр—снаго	127
VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. В. Антоновича	140
IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО. В. Горленна	146
X. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г.— <i>Т—скаго</i> .— б) В. Е. Вучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.— <i>Ивана Матченка</i> .— в) Географія кіевской губерніи. Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.— г) Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. Н. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.— В. А.	155

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. <i>П. Ефименка</i> — б) Археологическая находка въ Черняговѣ. <i>А. Ханенка</i> . — в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. — г) Князь Яблоновскій въ человкомъ положеніи. <i>И. Л.</i> — д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. <i>П. Саббатовскаго</i> . — е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. <i>А. Скальковскаго</i> . — ж) Еще объ украинской злополучницѣ. <i>Ц. Г. Неймана</i>	169
---	-----

Іюнь, 1883 г.

I. Г. О. КВИТКА - ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. <i>Н. Маркова</i>	193
II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. <i>В. Науменка</i>	212
III. БѢСЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. <i>Ф. Щербинны</i>	233
IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (<i>Окончаніе</i>). <i>А. Л. Шиманова</i>	249
V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія І. (Переводъ съ польскаго).	268
VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщалъ свящ. <i>Левандовскій</i>	310
VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-Ѣ ВЪ 1764 ГОДУ. — Сообщ. проф. <i>А. О. Нистяновскій</i>	317
VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. О. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ	346
IX. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Малорусскія издавія 1882 года. — б) Повія, романъ П. Мирного. Частиня перша. («Рада», украинскій альмавахъ. Кіевъ, 1883 г.) — <i>В. Г'—ка</i>	353
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Ушыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій). — <i>П. Ефименка</i> . — б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Ивандѣ Куцковичѣ. — Сообщ. <i>А. С—ко</i> . — в) Малороссійскіе чины и должности и окладъ ихъ содержанія. — г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери? — <i>П. Л—ва</i> . — д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. — е) «Гнідко», варіантъ Кармелюба. — <i>Александра Ом—скаго</i> . — ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в. — Сообщ. <i>Ал. Маркевичъ</i> . — з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ. — Сообщ. <i>П. Д—въ</i>	371

Июль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (Продолженіе). Ир. Житецкаго	399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). Я. Г.	453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЬ. (Изъ еврейскихъ легендъ). Александра Тарнавскаго	473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). Ст. фонъ-Носа	492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). Ал. Лазаревскаго	506
VI. ПОСЪЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе).	539
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою комиссіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. В. И.—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.— <i>Посторонній</i>	563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ могилевскомъ и мстиславскомъ Анатолѣ. Н. Пирожкова.—б) Подозрѣніе, взведенное на проезжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. П. Ефименка.—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о конціи мѣра. П. Ефименка.—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. Ф. Щербина.—д) Покровская церковь въ Черкаславлѣ. А. Т.—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мизепы. Ф.—з) Современные стихи на пѣмѣху Мизепы. Сообщ. П. Л.	573

Августъ 1883 г.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. Ц. Г. Неймана	659
II. КЪ ИСТОРИИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). Я. Г.	645
III. ПРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадьюторъ кіевскій. (Окончаніе). Г. Булашева	664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст.	719

- V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генераль-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Борсакомъ. *Сообщилъ В. Т. М—чъ.* 735
- VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ 738
- VII ВИБЬОГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.—* б) О достопамятносязъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаю.*—в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.—*П. Голубовскаю.*—г) Дополненіе къ «Покажчику новоі украинскоі літератури» М. Комарова.—*М. Гаврилова.* 741
- VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.—б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л.—ва.*—в) Удѣлѣвшая Старина. *М. Гаврилова.*—Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвчьяго монастыря.—г. Не привившійся на полтавской почлѣ ревень. *Ө. Ни—ка.*—д) Во что обошлась опись бібліотека преосв. Иринея Фальковского послѣ его смерти. *А. Титова.*—е) Варіантъ лѣсни о правдѣ. *Сообщ. В. Горленко.*—ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.—з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаю.*—п) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О.* . . 751
- IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

І ЮНІ Ъ.

1883 Г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собст.

Дозволено цензурою. Київ, 28-го іюня 1883 года.

Смѣна народностей въ южной Руси.

(историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе).

ГЛАВА 2-я.

Лѣтописный періодъ.

Съ VI-го столѣтія обитаніе славянъ въ южной Руси дѣлается фактомъ несомнѣннымъ, безспорнымъ¹⁾. Въ началѣ періода съ VI по IX в. славянское населеніе южной Руси извѣстно по чужимъ памятникамъ—подъ общимъ именемъ *антовъ*²⁾, а по нашей лѣтописи—славянъ, и только нрѣдка проскальзываютъ на страницы источниковъ частныя названія южныхъ славяно-русовъ, напримѣръ названія *хорватовъ* и *сербовъ* для прикарпатскаго населенія, *дубовъ*—для обитателей западнаго Буга. Начиная Юрнандомъ и Прокопіемъ (въ VI в.) и кончая Павломъ Діакономъ (770), всѣ источники

¹⁾ Разсматриваемый нами періодъ съ VI по XIII в., по характеру источниковъ и по самымъ этнологическимъ особенностямъ жизни края, можетъ быть раздѣленъ на три эпохи: первая—съ VI по IX в., когда жизнь обитателей южной Руси мало чѣмъ разнится отъ перваго періода, и когда по прежнему приходится довольствоваться отрывочными и неясными свѣдѣніями изъ иноземныхъ источниковъ, главнымъ образомъ византійскихъ; вторая эпоха—IX и X ст. воспроизводится уже главнымъ образомъ по русской лѣтописи; эта эпоха можетъ быть названа переходною отъ первобытнаго проживанія къ политической жизни южныхъ славяно-русовъ; наконецъ третья эпоха—съ X по XIII в.—эпоха политической жизни обитателей южной Руси. Общее-же между всеми тремя эпохами, въ этнографическомъ отношеніи, это преимущественное вліяніе *кочевнаго населенія алтайской группы*.

²⁾ Объ антахъ говорятъ: Юрнандъ и Прокопій (въ 552 г.), Агафій (590 г.), Мевандръ (594 г.), императоръ Маврикій (582—602 г.), Теофилактъ (627 г.), «Цареградская лѣтопись» или «Синтоицизмъ расчале» (630 г.), Павелъ діаконъ (770 г.) и Теофанъ (817 г.). (*Шафарикъ*, I, 112—113, III, 33—34).

указываютъ на *антовъ*, какъ на жителей страны на сѣверо-востокъ отъ устьевъ р. Дуная ¹⁾, въ частности, какъ на обитателей при устьяхъ рр. Диѣстра ²⁾ и Днѣпра ³⁾, на сѣверѣ ⁴⁾ въ пространствахъ отъ Диѣстра до Днѣпра ⁵⁾ и далѣе на востокъ отъ Днѣпра ⁶⁾ къ р. Дону. Руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, не безъ основанія слѣдуетъ отнести къ исторіи южной Руси древнія извѣстія объ антахъ. Но какъ невозможно, чтобы подъ именемъ антовъ разумѣлись только днѣстранскіе жители, потому что, какъ говоритъ г. Костомаровъ, „этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе“ ⁷⁾, такъ съ другой стороны едва-ли есть основаніе распространять названіе антовъ на все славянское населеніе Россіи, къ сѣверной половинѣ которой отъ верховьевъ Днѣпра ⁸⁾ естественнѣе всего отнести имена *венеды* (*vinidi, venexi, venedi* и пр.) и *славяны*, съ которыми анты только сосѣдствовали (*Ανται, οἱ Σλαβῆνων ἀγισταῶχληται*, по выраженію Прокопія ⁹⁾), становясь съ ними иногда во враждебныя отношенія ¹⁰⁾. Антское населеніе, расселяясь по всей южно-русской территоріи, было громадно и по численному своему составу, слывя, какъ мы уже видѣли въ 1-й главѣ, за „*безчисленный антскій народъ*“ (*Ἐθὸς τῆ Ἀντοῦδιεστρα*) ¹¹⁾. Теперь славянское населеніе юга Россіи не представляло уже изъ себя патриархальное, земледѣльческое населеніе, слабое внутренней организаціей, какимъ мы находимъ его въ періодъ до VI в.; напротивъ, оно успѣло уже выдѣлится изъ себя воинственныя полчища, которыя тревожатъ нападеніями своихъ сосѣдей византійцевъ, то переправляясь черезъ Дунай ¹²⁾, то давая себя чувствовать на побережьяхъ Понта, гдѣ обитало греческое

1) Императоръ Мавркіи (Шафарикъ, II, 36).

2) *Шафарикъ*, ч. III, 90.

3) *Ibid.*, 28.

4) *Ibid.*, 35, 97.

5) *Ibid.*, 33—34.

6) *Ibid.*, 37.

7) *Костомаровъ*, «Моногр.», т. I, 59.

8) *Шафарикъ*, III, 33.

9) *Ibid.*, 35.

10) *Ibid.*, 90.

11) *Ibid.*, 35, 87.

12) *Ibid.*, 38.

населеніе. Со времени императора Юстиніана (527 г.), читаемъ у Шафарика, „не проходило года, чтобы гунны (т. е. болгаре и др.), славяне и *анты* не разоряли областей греческой державы“, не переставая переправляться черезъ Дунай ¹⁾... Одновременно съ враждебными дѣйствіями своими противъ грековъ анты вступали въ мирно-воинскаго характера отношенія съ послѣдними, то становясь ихъ союзниками, то вступая въ службу къ греческимъ императорамъ ²⁾. Воинственныя наклонности антовъ на столько сдѣлали ихъ имя знаменитымъ уже въ первой половинѣ VI-го столѣтія, во всемъ Черноморьѣ мужество и опытность ихъ доставили имъ такую славу, что западные писатели выдѣляли антовъ, какъ сильнѣйшихъ между славянами ³⁾. На отмѣченныхъ свойствахъ антовъ основывается и заслуживающее вниманія мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что свое имя „анты“ (англо-сакс. *ants*, готск. *ent*), по нѣмецки *исполнимы*, великаны ⁴⁾, южные славяне получили за свои воинственныя особенности ⁵⁾.

Понятно, что въ этомъ періодѣ у южно-русскихъ славянъ необходимо предполагать и соотвѣтственную этой дѣятельности организацію, на что и указываетъ разсказанная готомъ Иорнандомъ исторія расправы остъ-готскаго вождя Винитаря съ антами. Винитарь, стараясь избавиться мало по малу отъ ига гунновъ, и желая показать другимъ свое мужество, вторгся съ оружіемъ въ рукахъ въ предѣлы антовъ (*in antarum fines*) и для устрашенія покореннаго, но давшаго сильный отпоръ населенія приказалъ распять на крестѣ короля ихъ (вѣроятно вождя или родового князька), по имени Божа (*Booz nomine*), или по другому чтенію—Бокса ⁶⁾ съ его сыновьями и семьюдесятью вельможами ⁷⁾. Очень правдоподобно, что антскій Божъ и его вельможи Иорнанда своего рода древлянскій Малъ и его „лучшии мужи“ русской лѣтописи ⁸⁾.

¹⁾ Ibid., 90—91.

²⁾ Ibid. ³⁾ Ibid., 33.

⁴⁾ Ibid., 40—41.

⁵⁾ Ibid., 90—91, *Костомаровъ*, «Моногр.», т. I, 60.

⁶⁾ *Иловайскій*, «Пересмотръ вопроса о гуннахъ», «Русск. Старина», 1882 г., № 3, стр. 726.

⁷⁾ *Шафарихъ*, т. I, стр. 247, Ш, 33—41.

⁸⁾ «Ипатьев. лѣт.» (945 г.), стр. 35.

Какъ мы уже сказали выше, кромѣ общаго названія—антовъ, для славянскаго населенія южной Руси въ источники, относящіеся къ этому періоду, случайно попали два-три раза частныя имена южно-русскихъ славянъ. Такъ лѣтописецъ нашъ, разсказывая, несомнѣнно со словъ византійскихъ хроникъ, о проходѣ аваровъ (обровъ) черезъ южную Русь (во второй половинѣ VI-го и въ первой—VII-го ст.), говоритъ между прочимъ: „бри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы, суцая словѣны“, а ниже „дулѣбы-же живяху по Бугу, где нынѣ волыняне“¹⁾. Второй фактъ, относящійся къ VII ст.—это переселеніе хорватовъ (около 630 г.) въ Далмацію²⁾, о чемъ мы уже упоминали въ первой главѣ. Какъ ни единичны приведенныя нами указанія на существованіе уже въ періодъ съ VI по IX в. дробленія антскаго населенія, но они, въ связи съ фактомъ широкаго территоріальнаго распространенія антовъ (отъ Днѣстра до Дова и отъ Понта до верховьевъ Днѣпра) и при сопоставленіи съ свѣдѣніями о существованіи подраздѣленія туземнаго населенія южной Россіи въ первый періодъ (съ V-го в. до Р. Хр. по VI в. по Р. Х.), утверждаютъ насъ въ мысли, что такое подраздѣленіе несомнѣнно было и съ VI по IX в. на всемъ пространствѣ южной Россіи, и въ тоже время готовятъ насъ къ пониманію того историческаго факта, почему въ IX в., а еще болѣе въ X, когда являются пособіемъ наши туземные источники—лѣтописи, на историческую сцену мало по малу выступаетъ такое множество отдѣльныхъ славяно-русскихъ народцевъ въ предѣлахъ южной Руси. Несомнѣнно, что многія изъ этихъ народностей (если не все) обитали подъ своими отдѣльными именами въ южной Руси и до IX в., но только они не попали въ письменные источники, такъ какъ греки единственные почти наши сосѣди, сообщившіе намъ что-нибудь о южной Россіи за эти два-три столѣтія, сами едва знали края и народы по Днѣстру и около Понта.

Съ первымъ появленіемъ собственныхъ источниковъ въ видѣ лѣтописей, завѣса, скрывающая отъ насъ славянскихъ обитателей южной Руси, падаетъ, и мы видимъ страну отъ карпатскихъ горъ

¹⁾ Ibid., стр. 7.

²⁾ Шафар., IV, 13.

до донецкаго края не только занято довольно многочисленнымъ славяно-русскимъ населеніемъ, но и самое населеніе находимъ уже разбившимся на отдѣльные народцы подъ многочисленными названіями. Общимъ названіемъ для славянскаго населенія южной Руси служить не анты (такого названія съ IX и X в. не встрѣчается нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ)¹⁾, а *славяне*, частныя-же, болѣе распространенныя такія: *сѣверяне*, *поляне* (или *русы*), *древляне*, *дреговичи*, *воляныне* (*бужане* или *дулѣбѣ*), *хорваты*, *уличи* и *тиверцы*. Среди этихъ вѣтвей обитало много меньшихъ, не столько извѣстныхъ въ исторіи, отраслей, это: *лотичи*, *пружане*, *наревяне*, *поросяне*, *запрази*, *низовцы*, *лукомляне*, *бродничы* и пр.²⁾. Самымъ восточнымъ народцемъ были *сѣверяне* („сивера“)³⁾—единственные славяно-русскія обитатели на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ его среднемъ теченіи. Поселенія ихъ группировались по рр. Пселу, Сулѣ, Семи (Сейму) и Деснѣ⁴⁾, до верхняго теченія послѣдней, сосѣдя: на западѣ, по р. Днѣпру, съ полянами, на сѣверо-западѣ—съ *кривичами* (спачала по р. Днѣпру⁵⁾, затѣмъ по р. Сожи къ верховьямъ Десны и Угры⁶⁾, и *радимичами*—по водораздѣлу между Ипутью, притокомъ р. Сожи, и р. Словью, притокомъ Десны.

На сѣверѣ поселенія сѣверянъ сходились съ вятичами, границею между которыми служили, можно думать, лѣсистый и холмистый водораздѣлъ между рѣками Нерусою, Невлею, Ревною и Волвою, притоками Десны съ одной стороны, и Жиздрою—притокомъ Оки,—съ другой⁶⁾; на сѣверо-востокѣ—съ муромой, у истока сѣвернаго Донца, на востокѣ съ болгарамъ по р. Дону; на юго-востокѣ и югѣ съ различными степняками, главнымъ образомъ по р. Сулѣ⁷⁾ и отчасти по Пселу. Такимъ образомъ территорія сѣ-

¹⁾ Шафарикъ, III, 18.

²⁾ Ibid., 85.

³⁾ Иловайскій, «Исторія Россіи», т. II, стр. 50—51.

⁴⁾ Базальи, «Исторія сѣвѣрскаго вѣн.», стр. 12; Голубовскій, «Ист. сѣв. вѣн.», стр. 17.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Голубовскій, стр. 17; Соловьевъ, «Ист. Рос.», т. I, стр. 23.

⁷⁾ Базальи, 12; Бестужевъ-Рюминъ.

верянь занимала части теперешнихъ губерній черниговской, курской и полтавской, а именно: 1) *бассейнъ р. Десны* въ черниговской губерніи, т. е. уѣзды остерскій, козелецкій, нѣжинскій, черниговскій, борзенецкій, сосницкій, кролевецкій и новгородъ-сѣверскій, 2) *бассейнъ Сейма*: въ курской губерніи, въ уѣздахъ дутинльскомъ, рыльскомъ, львовскомъ и отчасти курскомъ, и въ черниговской—въ конотопскомъ и глуховскомъ, 3) *бассейнъ Сулы* въ полтавской губерніи, въ уѣздахъ лубенскомъ, лохвицкомъ и роменскомъ, 4) *между Десною и Сулою* въ переяславскомъ и золотоношскомъ уѣздахъ и бассейнъ р. Псла—кремнучугскаго и хорольскаго уѣзда. Изъ всей нынѣшней харьковской губерніи развѣ только сѣверо-западная часть ея, бассейнъ Псла, Ворсклы и Сейма, притоковъ р. Днѣпра, имѣла славянское населеніе, распространившееся здѣсь изъ земли сѣверянь, вѣроятно, нѣсколько позже призванія князей.

2) *Поляне* обитали на западномъ Поднѣпровьѣ, отдѣляясь такимъ образомъ р. Днѣпромъ отъ сѣверянь; западная грань полянскихъ поселеній не шла далѣе верховьевъ южнаго Буга на западѣ и верхняго Тетерева на сѣверо-западѣ¹⁾. Что касается сѣверной границы, то здѣсь поселенія древлянъ доходили, какъ кажется, до р. Тетерева. Южною границею полянь безъ сомнѣнія нужно считать р. Рось²⁾, хотя по временамъ, въ періоды ослабленія натисковъ степнаго кочеваго населенія, поселенія полянь могли достигать того „Угла“, гдѣ съ восточной стороны вливается въ Днѣпръ р. Орель („Ерель“, „Угль“), а съ западной находятся источники Ингула и Ингульца (тоже Углы), т. е. „Углы“, или границы осѣдлаго племени³⁾. Приблизительно, поляне занимали почти всю кievскую губернію, кромѣ сѣверной половины радомысльскаго уѣзда, и прилегающія къ Тетереву части волынской и къ Бугу части подольской губ.

3) *Древлянамъ* принадлежала лѣсистая страна на сѣверо-западѣ отъ полянь, между рѣками Припетью и Тетеревомъ, въ те-

1) *Забѣлинь*, т. 2, 95—96.

2) Иловайскій, т. II, 1—2; Бест.-Рюм., 70.

3) *Забѣлинь*, II, 95—96.

перешниихъ кievской, волиньской и отчасти минской губерніяхъ и Случью¹⁾.

4) *Воляняне* жили далѣе на западъ отъ полянъ и древлянъ. Сначала на мѣстѣ волянянъ можно различать двѣ народности: *бужане* (которыхъ Шафарикъ отождествляетъ съ сербами²⁾), на западномъ Бугѣ по его верхнему теченію, и *дулѣбовъ*³⁾, на юго-востокѣ отъ нихъ между бужанами, съ одной стороны, и полянами и угличами съ другой; но чѣмъ болѣе къ X в., тѣмъ рѣже встрѣчаются указанныя названія: ихъ замѣняетъ общее имя *воляняне*⁴⁾, которое скорѣе всего, особенно судя по смыслу слова воляняне, однозначаще со словомъ великій или „*антъ*“⁵⁾ и обозначаетъ не одинъ какой-нибудь народецъ, а союзъ южныхъ славяно-русскихъ народцевъ⁶⁾. Западная граница волянянъ достигала р. Сана и Днѣстра, хотя она постоянно видоизмѣнялась, такую-же неопредѣленностью запечатлѣны сѣверная и южная грань поселеній волянянъ. Во всякомъ случаѣ поселеніями ихъ были заняты: остальная часть волиньской губерніи, сѣверо-западная подольской, восточная прилегающая полоса Галиціи, юго-западный уголъ люблинской и можетъ быть гродненской губерніи, такъ что волянянъ окружали съ востока поляне и древляне, съ сѣвера—ятвяги, ляхи и отчасти дреговичи въ сѣверо-восточномъ углу; съ запада хорваты, и съ юга угличи.

¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, 70; *Забѣл.*, II, 171. Проф. Антоновичъ полагаетъ поселенія древлянъ между рр. Ушью и Случью.

²⁾ *Шаф.*, III, 84—86.

³⁾ Г. Срезневскій полагаетъ дулѣбовъ на южномъ Бугѣ (314).

⁴⁾ *Костомаровъ*, «*Мон.*», I, 60—62.

⁵⁾ Вѣроятность отождествленія общаго имени «антовъ» съ волянянами оправдывается также аналогіей съ переходомъ общаго имени *славяны* къ одному изъ сѣверныхъ славянскихъ народовъ—именно къ новгородцамъ. Можно думать, что воляняне—было общее названіе тиверцевъ, бужанъ, дулѣбовъ, и на нихъ то указываетъ Массудя, говоря, что воляняне были нѣкогда слѣпымъ народомъ и имѣли своего князя Мажока (*Симашикевичъ*, «*Историко-геогр. и этногр. очеркъ Подолія*», вып. 2-й, 89 стр. и «*Основа*», 1861 г., № 2, стр. 15.

⁶⁾ *Костом.*, *Ibid.*

5) *Уличи* и 6) *тиверцы* *) по южному Бугу и Днѣстру *) и въ степяхъ припонтійскихъ, доходя на востокъ до устьевъ р. Днѣпра *) и на западъ до устьевъ р. Дуная *). Территорія уличей и тиверцевъ—это страна геродотовыхъ алазоновъ *) и „Великая Скуфъ“ византійцевъ *). Только на сѣверѣ эти двѣ народности примыкали къ славяно-руссамъ, на востокъ-же у нихъ были сосѣдями разные степняки, на югъ—греки, а на западъ—славянскія народности и потомки дабовъ.

7) *Хорваты* (древніе карпы или карпін, они-же и бѣло-хорваты), крайній на западъ славяно-русской народецъ, раскинулись на сѣверо-восточныхъ склонахъ и отрогахъ карпатскаго хребта, орошаемыхъ притоками Вислы, Днѣстра и Прута, почти до впаденія Сана въ Вислу, или точнѣе на горномъ кряжѣ Карпатъ, подгорья, которое окаймляется р. Саномъ и Днѣстромъ *). Составляя на западѣ нѣкоторое время крайнюю грань славяно-русскихъ поселеній, хорваты отдѣлялись отъ угровъ и (сѣвернѣе) отъ чеховъ карпатскимъ хребтомъ со своими лѣсистыми скалами и ущельями; границею съ ляхами на сѣверѣ была р. Вислокъ, впадающая слѣва въ р. Санъ, немного ниже г. Ярославля, хотя можно предполагать русско-славянскія поселенія и далѣе, между Вислокомъ и Вепремъ, въ области судомирско-люблинской *); съ запада хорваты примыкали, какъ мы уже видѣли выше, къ волынянамъ, съ юго-востока—къ тиверцамъ *).

Семь отмѣченныхъ славяно-русскихъ народцевъ цѣликомъ обитали въ предѣлахъ южной Россіи, но кромѣ нихъ по сѣвернымъ окраинамъ страны были поселенія еще *дреговичей* и *радимичей*. Дреговичи южною своею частью населяли территорію древнихъ на-

1) Гг. Брувъ и Забѣльнъ первоначальнымъ мѣстомъ поселенія уличей считают Поддѣпровье отъ р. Углы (Орель) до зап. берега азовскаго моря (въ «Лукоморьѣ»). Брувъ, 101; Забѣл., II, 142—3.

*) Брувъ, 101, 106.

*) Бест.-Рюм., 70.

*) Брувъ, 101, 106.

*) Заб., II, 142—143.

*) Костомар., I, 60; Срезневскій, 314.

*) Иловайскій, II, 26.

*) Ibid., 26—27.

*) Смирновъ, II, 14.

ревлянъ и, можетъ быть, будиновъ, заселяя *поитское Полесье* и область Яцольды ¹⁾, лѣваго притока Припечи ²⁾. Позже дреговичи на своей юго-западной границѣ слились съ постепенно колонизовавшими этотъ уголь волянянами и частію выдвинуты были отсюда ятвягами и другими литовскими народцами, но до XI в. по обѣимъ сторонамъ бѣловежской пуци жили славяно-руссы. Слѣдовательно, въ южно-русскихъ частяхъ минской и гродненской губ. въ началѣ лѣтописнаго періода жили дреговичи. Что касается радимичей, то они, спускаясь по р. Сожи, ея притоку и пути, врѣзывались въ поселенія сѣверянъ и ихъ поселенія можно предполагать, между прочимъ, въ частяхъ городнянскаго и новозыбковского уѣздовъ черниговской губерніи ³⁾.

Такимъ образомъ въ первой половинѣ лѣтописнаго періода славяно-русскія народности занимали всю почти сѣверную половину южной Россіи; только южная степная полоса на востокъ отъ южнаго Буга и до Дона, потомъ сѣверо-восточная часть донецкаго края не принадлежали еще славяно-русскому племени, будучи ареною для кочеваго населенія; можно думать также, что и нѣкоторыя южно-русскія части привислянскаго края были подъ поселеніями лаховъ и ятвяговъ.

Если мы выше показали, что славяно-руссы въ IX—X в. занимали своими поселеніями половину теперешняго пространства Малороссіи, то это не значитъ, что въ ту эпоху поселеніями ихъ было покрыто сплошь отмѣченное пространство. Поселенія славянъ группировались по рѣкамъ, которыя служили проводниками первому населенію, и по нимъ шло и распространеніе района славяно-русскаго поселенія ⁴⁾. Междурѣчья часто на десятки и сотни верстъ оставались не заселенными ⁵⁾. Если мы въ XVI—XVII в. при за-

¹⁾ Г. Бестужевъ-Рюминъ назначаетъ предѣломъ населенія дреговичей рр. Березну и Припеть (Ист., 6).

²⁾ По лѣтописи дреговичи обитали «межи Припечью и Двиною» (Ип. лѣт., 7), примыкая такимъ образомъ на сѣверѣ къ кривичамъ у Нѣмана, на западѣ къ ляхамъ по р. Нареву и Нуржку, на югѣ къ дулѣбамъ и бужавамъ (волянянамъ) по р. Бугу и на сѣверо-западѣ по берегамъ р. Буга — къ ятвягамъ (Илов., II, 22—24).

³⁾ *Базалтъ*, 17.

⁴⁾ *Соловьевъ*, I, 5, 23.

⁵⁾ *Сажковасовъ*, 123.

селеніи нынѣшней воронежской губерніи видимъ, что населеніе шло, углубляясь все далѣе и далѣе въ незаселенный край, слѣдуя теченію рѣкъ и при этомъ главнымъ образомъ по тому берегу, который былъ обращенъ къ заселенному и тѣмъ самымъ болѣе безопасному краю¹⁾; если въ наше время прирѣчное населеніе преобладаетъ надъ прочимъ (напримѣръ въ малороссійскихъ уѣздахъ гродненской губерніи оно доходитъ до 53%²⁾, а въ земли войска донскаго еще выше)³⁾, то тѣмъ болѣе въ то время, когда народъ еще болѣе находился въ подчиненіи естественно-историческимъ условіямъ, населеніе должно быть приковано къ рѣкамъ. Такъ что въ рассматриваемую нами эпоху плотность населенія между прочимъ опредѣлялась густотою рѣчной сѣти и способностью рѣкъ къ судоходству; изыятіе изъ этого положенія должно быть сдѣлано лишь для такихъ мѣстъ, какъ южно-русское Полѣсье, гдѣ клочки сухой, удобной для воздѣлыванія земли разбѣяны въ видѣ оазисовъ или острововъ и гдѣ потому сравнительно рѣдкое населеніе Полѣсья сосредоточивалось на нихъ⁴⁾. Трудно, по скуднымъ матеріаламъ русской лѣтописи и по случайнымъ отрывкамъ русскихъ писателей, возстановить картину расселенія славяно-руссовъ въ южной Россіи въ IX—X в., и volens-polens приходится прибѣгать къ аналогіи. Въ XVII—XVIII в. у малороссовъ, потомковъ южно-русскаго населенія IX—X в., мы можемъ наблюдать при естественномъ свободномъ заселеніи новаго края наклонность колонизовать его посредствомъ мелкихъ поселеній-хуторовъ: такъ по крайней мѣрѣ заселялся новороссійскій край въ предѣлахъ владѣній Запорожской Сѣчи, гдѣ хутора или „зимовники“ выходцевъ изъ разныхъ концовъ Руси разбросаны были по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и воднымъ балкамъ теперешней екатеринославской, отчасти херсонской и даже полтавской губ. (конст. у.). Ту-же привычку мы можемъ наблюдать и въ наше время въ сословіи малорусскихъ козаковъ, которые имѣютъ свою собственную землю и могутъ поэтому болѣе или менѣе свободно располагать своими поселеніями, система расселенія хуторами

¹⁾ *Германовъ*, «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ воронеж. губ.». Зап. имп. геогр. общ.

²⁾ *Бобровскій*, «Мат. для геогр. и стат.», т. 1.

³⁾ *Красновъ*, «Мат. для геогр. и стат.»

⁴⁾ *Иловайскій*, II, 18.

существуетъ и у тѣхъ малороссовъ, которые въ XVIII—XIX в. вышли на готовыя земли, напримѣръ въ кубанскую область, въ астраханскую губ. ¹⁾).

Аналогію съ поселеніемъ хуторами представляютъ „починки“, путемъ которыхъ колонизуется сѣверно-русскій край, даже и въ наше время. Послѣдній примѣръ указываетъ, что наклонность къ хуторской жизни есть свойство не исключительно малорусскаго населенія, а по крайней мѣрѣ всего русскаго народа ²⁾), если только не общечеловѣческое свойство въ извѣстной фазѣ культуры. Если мы отъ аналогій обратимся къ писаннымъ источникамъ, относящимся къ той отдаленной эпохѣ, то и въ нихъ мы найдемъ рядъ хотя темныхъ, краткихъ указаній, но все таки могущихъ навести на болѣе или менѣе вѣрный выводъ по занимающему насъ вопросу.

Иностранные писатели говорятъ, что славяне жили въ дрянныхъ избахъ, *находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга и часто перемѣняли мѣсто жительства*. „У нихъ, говоритъ Маврикій, недоступны жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; необходимыя вещи они скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя, какъ разбойники“ ³⁾). О томъ-же говоритъ и смыслъ общественнаго выраженія Торнанда: „*sclavini paludes silvarque pro civitatibus habent*“, т. е. болота и лѣса вмѣсто городовъ (укрѣпленій) служатъ славянамъ ⁴⁾). Конечно, мѣста изъ Маврикія и Торнанда могутъ быть отнесены къ населенію

¹⁾ Въ послѣдней, какъ намъ пришлось убѣдиться личнымъ наблюденіемъ, малорусское населеніе представляетъ собою полу-кочевниковъ. Только незначительная часть малороссовъ, и то на короткое время въ году, живетъ въ городахъ и селахъ, къ которымъ они приписаны, какъ къ административнымъ и религіознымъ центрамъ, большинство-же населенія живетъ въ хуторахъ; при этомъ съ марта и по сентябрь его мѣстопребываніе — это хутора въ степи, гдѣ находятся степные сѣнокосы и главное — лѣббъ; вторую-же половину года — зиму оно проводитъ въ хуторахъ, разсѣянныхъ по лугамъ, гдѣ сдѣланы запасы луговаго сѣна и находятся рыбныя угодья. Понятно, что при этомъ малорусскому населенію приходится два раза въ году — въ мартѣ и въ сентябрѣ кочевать со всѣмъ своимъ домашнимъ скотомъ и скотомъ — въ первый разъ изъ луговъ въ степи, во второй разъ — обратно.

²⁾ У центральныхъ великороссовъ отсутствіе хуторовъ есть уже результатомъ позднѣйшихъ поляτικο-экопомическихъ условій.

³⁾ *Соловьевъ*, т. 1, стр. 66.

⁴⁾ *Шифарикъ*, III, 35.

странъ, обильныхъ лѣсомъ и болотами, какъ волыняне, дреговичи, древяне и отчасти сѣверяне; что-же касается остального славяно-русскаго населенія безлѣсныхъ степныхъ пространствъ (поляне, уличи, тиверцы и отчасти сѣверяне и хорваты), то они, *живя также отдѣльными поселеніями по берегамъ рѣкъ и водныхъ балокъ, вмѣсто болотъ и лѣсовъ строили себѣ „города“, т. е. укрѣпленныя мѣста.* Первоначальное значеніе городовъ, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ, въ которые стекалось разбросанное по окрестностямъ населеніе въ случаяхъ опасности, выясняется изъ многихъ мѣстъ лѣтописи; но мы ограничимся двумя-тремя выписками изъ нея. Въ 1126 г. послѣ смерти Владиміра Мономаха половцы „присунушася къ Баручю, рече: возмемъ торки ихъ. Бѣже вѣсть Ярополку и повелѣ гнати люди и торки въ *Баручь* и въ *прочая грады*“¹⁾. Въ 1150 г. Изяславъ „поиде отъ Звенигорода къ Тумицю; и ту придоша къ нему *черныя клобуки, жены своя и дѣти въ городныхъ затооривше на Поросы*“ (279). Ясно, что города были мѣстомъ лишь временнаго пребыванія населенія и въ экстра-ординарныхъ случаяхъ; въ обыкновенное-же время населеніе жило внѣ ихъ. О такихъ, думаемъ, городахъ упоминаетъ и Птоломей, когда называетъ нѣкоторые города въ Сармагіи²⁾, и такъ называемый „Равенскій географъ“, по словамъ котораго въ VII ст. черноморскіе славяне, раздѣляясь на два племени—угличей и тиверцевъ, имѣли 644 города (civitates), а равно и русскій лѣтописецъ, когда говорить, что уличи и тиверцы живутъ „по Бугу и Днѣстру, и присѣдяху къ Дунаеву... ози до моря... и бѣ множество ихъ... и суть города ихъ и до сегодне“³⁾. Остаткомъ славяно-русскихъ городовъ служатъ въ наше время „городища“, число которыхъ весьма значительно. Г. Соловьевъ считаетъ въ кievской области болѣе 40, въ чернигово-сѣверской 70, въ передславской около 40, а во всей Руси до 300; а г. Самоквасовъ считаетъ ихъ въ нѣсколько тысячъ⁴⁾.

¹⁾ Ипатск. лѣт., 208.

²⁾ Самоквасовъ, 92.

³⁾ Ипатск. лѣт., 7.

⁴⁾ Самоквасовъ, 121, 123. Постепенно, кромѣ указаннаго назначенія, города дѣлались пунктами для исполненія священныхъ обрядностей, а также и центрами торговыми и административными.

Въ полномъ, по нашему мнѣнью, соответствіи жизнь отдѣльными поселеніями находится съ характеромъ занятій южныхъ славяно-русовъ. Какъ мы уже указывали въ первой главѣ, населеніе сѣверной половины южной Руси уже въ VI в. до Р. Хр. занималось земледѣліемъ, продавая въ изобиліи хлѣбъ грекамъ, и отдавало много времени охотѣ за звѣрами, рыбой и медомъ, доставляя тѣмъ же покупателямъ мѣха, кожи и медъ. Спустя 12 вѣковъ послѣ Геродота, мы находимъ южно-русовъ въ общей массѣ при тѣхъ-же занятіяхъ: какъ при Геродотѣ, и въ лѣтописное время они представляли, если не земледѣльческое населеніе въ совершенномъ нашемъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ переходное—охотничко-земледѣльческое¹⁾. Хотя, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, несомнѣнно только, что поляне, *древляне* и *вятichi* были народцами земледѣльческими²⁾, но есть много другихъ оснований думать, что земледѣліе было распространено по всему югу Россіи еще до X-го вѣка³⁾. По системѣ обработки земледѣліе было тогда въ примитивномъ состояніи: подъ хлѣбъ занимались только нови, которыя и бросались, какъ только замѣчалось истощеніе почвы; кромѣ того съ земледѣліемъ было связано неразрывно не только скотоводство (особенно въ степяхъ), но и звѣроловство, рыбная ловля и всякаго рода охота. При отмѣченной-же нами системѣ хозяйничанья населенію, тѣснящемуся при рѣкахъ и въ лѣсахъ, естественнѣе всего было жить въ раздробь, сообразуясь не только съ видомъ на урожай, но и съ обиліемъ въ окрестностяхъ звѣрей, дикихъ пчелъ и рыбъ. Отсюда вытекаетъ еще новая черта—это *легкость передвиженія населенія съ одного мѣста на другое*, что мы видимъ въ быстротѣ тогдашней колонизаціи и въ постоянномъ измѣненіи границъ поселеній южныхъ славяно-русовъ.

Существуетъ мнѣніе въ исторической наукѣ, имѣющее за собой много вѣроятностей, что угличи прежде жили по обоимъ берегамъ р. Днѣпра, и даже, главнымъ образомъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки, у „Лукоморья“, т. е. въ углу между рѣкою Углой и берегомъ азорскаго моря⁴⁾. Можетъ быть, угличей и нужно разу-

¹⁾ *Соловьевъ*, т. 1, стр. 29.

²⁾ *Тумисовъ*.

³⁾ *Виллевъ*.

⁴⁾ *Брунь*, 101—105, 106—108; *Забѣлинъ*, II, 142—143.

мѣтъ въ имени „лукомлянъ“¹⁾). Подъ натискомъ кочевниковъ они передвинулись на западъ, на берега южнаго Буга, и въ IX в. несомнѣнно жили при извѣстномъ развитіи осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности отъ сосѣдей кочевниковъ, углича, вмѣсто того, чтобы уйти прочь, подобно номадамъ, долго предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своей защиты *въ городахъ*²⁾), и только при болѣе сильномъ натискѣ кочевыхъ массъ они, вмѣстѣ съ тиверцами, вновь выселяются, такъ какъ мѣста осѣдлости тѣхъ и другихъ, какъ увидимъ дальше, представляютъ пустыя пространства для новой галицкой колонизаціи. Подобную-же быстроту мы можемъ наблюдать и у хорватовъ и у полявъ, особенно-же у сѣверянъ. Подъ давленіемъ азіатскихъ кочевниковъ южно-русскія степи очищаются отъ осѣдлаго славяно-русскаго населенія до верховьевъ сѣвернаго Донца, Сулы, Роси, средняго теченія Днѣстра и верховьевъ Прута; но вслѣдъ затѣмъ, съ ослабленіемъ кочеваго населенія, славяно-руссы спускаются по рѣкамъ и сравнительно быстро колонизуютъ побережья съ тѣмъ, чтобы при новой волнѣ кочевниковъ снова подняться въ районъ прежней осѣдлости. Такъ, сѣверянское населеніе до хазаръ не только имѣло свои поселенія по сѣверному Донцу, но и по Дону шло сплошное населеніе до самаго Азовскаго моря, и, можно думать, что сѣверянами была колонизована и древняя тмутараканская (нынѣшняя кубанская) область³⁾). Хозары въ первое время ослабили сѣверянское населеніе, которое выселилось вглубь страны своего племени, потомъ сѣверяне вновь дѣятельно колонизуютъ побережья Дона и Донца, и при половцахъ вновь возвращаются вглубь своей страны⁴⁾), но ко времени монголовъ въ низовьяхъ этихъ рѣкъ мы видимъ довольно значительное славяно-русское населеніе—это „Бродники“⁵⁾). По р. Днѣпру славяно-русское населеніе, очевидно по-

¹⁾ *Шафирскъ*, III, 85.

²⁾ *Брунь*, 101, 105.

³⁾ *Костомаровъ*, «Моногр.», т. 1, 60—62.

⁴⁾ *Биаалль*, 25; *Голуб.*, 5, 6.

⁵⁾ Полагають, напр., что жители Саркела или славянскаго поселенія Бѣлой вежа (Бѣл. города) переселились въ 1117 г., поселились у верховьевъ Остра, гдѣ въ XVII в. было городище Бѣлая-вежа; а съ XVIII ст. вѣмецкая колонія Беламешъ. *Голуб.*, 8.

⁶⁾ *Голуб.*, 12.

лане, въ промежутки, свободные отъ кочеваго броженія, спускались за пороги. Здѣсь, вѣроятно, жили „*Zabrosi*“ мюнхенской рукописи и „низовцы“¹⁾). Даже въ періодъ власти надъ запорожскими степями печенѣговъ славяно-русское населеніе достигало, хотя только временно, устья Днѣпра, куда его влекли рыболовныя угодья. На это вполне указываетъ то мѣсто изъ договора Игоря, гдѣ говорится: „аще обратуть Русь корсуняны рыбы ловяща въ устьи Днѣпра, да не творятъ имъ зла никакого-же. И да не имѣють Русь власть зимовати въ устьи Днѣпра, Бѣлобережа, ни у святого Елеуфѣрія; но егда придетъ осень, да идути въ дома своя въ Русь“²⁾). Еще быстрѣе чѣмъ по Днѣпру славяно-русская колонизація, главнымъ образомъ хорватская, спускается по р. Днѣстру и Пруту, въ устьяхъ которыхъ, вскорѣ послѣ освобожденія ихъ отъ нашествій кочевниковъ, находимъ мы извѣстныхъ „*берладниковъ*“.

Привычка и легкость, съ какою въ то время перемѣнялись славяно-руссами мѣста, не могла исчезнуть долгое время и въ княжескій періодъ, и у населенія сравнительно культурнаго. Такъ, подъ 1147 г. мы читаемъ въ лѣтописи: „слышавше инии гради: Уненѣжъ, Бѣловежа, Бахмачъ, еже Всеволожъ взять (Ізяславомъ Мстиславовичемъ) и побѣдоша Чернилову и инии гради мнози бѣжаша“³⁾).

Если въ цитируемомъ мѣстѣ мы наблюдаемъ сравнительную легкость въ передвиженіи, то слѣдующее мѣсто лѣтописи прямо говоритъ о привычкѣ къ переселеніямъ. Кіевляне въ 1069 г., видя приближеніе къ своему городу прогнаннаго ими князя Ізяслава, послали къ князьямъ Святославу и Всеволоду, приглашая ихъ явиться на защиту города; при этомъ говорятъ имъ: „аще ли не хотите, то намъ неволя: зажегши городъ свой, и ступити въ грѣцискую землю“⁴⁾), т. е. угрожаютъ сдѣлать то, что съ такою легкостью продѣлывалъ кн. Святославъ съ тѣми-же киевлянами, мѣняя Кіевъ на *придунайскій Черкасловень*.

Если мы, во всему сказанному уже о системѣ поселенія южныхъ славяно-руссовъ въ первую половину лѣтописнаго періода, прибавимъ тотъ фактъ, что лѣтописецъ почти совсѣмъ не говоритъ о

¹⁾ *Шафарикъ*, III, 100—102.

²⁾ Ипатск. лѣт., стр. 32 (945 г.).

³⁾ Ипатск. лѣт., 252.

⁴⁾ *Ibid.*, 122.

поселеніяхъ славяно-руссомъ внѣ городовъ, что едва-ли могло-бъ случиться, если-бы внѣ городовъ была развита жизнь большими поселками—селеніями, деревнями и т. п., то мы этимъ закончимъ приведеніе всѣхъ тѣхъ основаній, которыя утверждаютъ насъ въ мысли, что *преобладающая система разселенія славяно-руссомъ была поселеніе мелкими поселками, своего рода „хуторами“, „точинками“.*

IX и X стол. въ южной Россіи было послѣднимъ періодомъ, когда населеніе края росло натуральною жизнью этнологическаго индивидуума подъ преобладающимъ вліяніемъ двухъ условій: природы страны и сосѣдства, и, можно думать, что это былъ періодъ возможной чистоты въ смыслѣ этнографическомъ. Славяно-русское населеніе сплошь покрывало страну въ указанныхъ границахъ и вездѣ, на каждомъ извѣстномъ пунктѣ представляло однородную этнографическую массу. Тѣ чуждые элементы, какіе, безъ сомнѣнія, входили въ составъ славянскаго населенія отъ послѣдовательно налетавшихъ волнъ алтайскихъ народностей, а равно и отъ другихъ, были сравнительно ничтожны и сравнительно быстро всасывались, ассимилировались съ славяно-руссами. Если и встрѣчались представители народностей иного типа, въ ихъ нормальномъ видѣ, то развѣ въ торговыхъ центрахъ и при этомъ въ незначительномъ количествѣ, и это не оказывало этнологическаго воздѣйствія на внѣ-городскую славянскую массу, разбѣянную по лѣсамъ и степямъ, вблизи рѣкъ, озеръ и рѣчныхъ балокъ. Внутри этой массы нѣтъ данныхъ даже предполагать существованіе сословности, если, конечно, мы согласимся съ мыслию, что до-историческіе князья („аптскіе“, древлянскіе и пр.) были лишь родоначальниками племенныхъ группъ. Однако, уже въ это время въ славяно-русскомъ населеніи можно наблюдать зарожденіе новой жизни, подъ вліяніемъ которой постепенно разлагаются натуральныя формы быта; это приходится сказать если не о всѣхъ южныхъ народахъ, то о нѣкоторыхъ, особенно о полянахъ. Въ пробужденіи южныхъ славянъ къ новой жизни оказываютъ между прочимъ существенное вліяніе рѣки. Говоря о греческихъ колоніяхъ въ Геродотскую эпоху, мы указали на Днѣстръ, западный Бугъ, Днѣпръ и Донъ, какъ на единственные пути, на которыхъ сходилосъ населеніе южной Россіи съ другимъ міромъ Европы—съ греками; позже мы предположили, что и движеніе германскихъ дружинъ — *готомъ* произошло по рѣкамъ, главнымъ

образомъ по *Днѣпру* и вызвано было стремленіемъ завладѣть этимъ торговымъ путемъ. Въ лѣтописный періодъ указанное значеніе рѣкъ вообще и въ частности Днѣпра выступаетъ съ большою очевидностью. На первой страницѣ лѣтописи мы читаемъ цѣлый трактатъ о европейскомъ значеніи Днѣпра, какъ пути „изъ варягъ въ греки“, благодаря которому можно объѣхать всю Европу, отправившись по нему вверхъ¹⁾. По этому пути шло постоянное сообщеніе не только славянъ, но и самыхъ крайнихъ „варяжскихъ“ народцевъ съ Византіей и обратно: по нему двигались норманскія дружины на службу греческихъ императоровъ, по нему ходила „Русь“ добывать Царяграда и возила туда свои товары, по нему же, конечно, и Византія слала вверхъ торговцевъ въ южную Русь. И вотъ на томъ днѣпровскомъ побережьѣ, гдѣ къ Днѣпру подходятъ побочные пути отъ западныхъ и восточныхъ славянскихъ народцевъ, по многочисленнымъ притокамъ Днѣпра и обитали поляне. Въ центрѣ ихъ поселеній находился другой путь изъ Азіи въ Европу, именно—ниже впаденія Десны въ Днѣпръ. Ниже устья Десны Днѣпръ представляетъ одинъ стволъ, тогда какъ сѣвернѣе приходится встрѣчать на пути большіе притоки Днѣпра (Припеть, Десна, Сожь и болота), а южнѣе самъ Днѣпръ дѣлается гораздо шире и грознѣе во время разливовъ и естественно, что къ этому пункту Днѣпра стремились всѣ народы, двигавшіеся съ востока на западъ, и что главная переправа черезъ Днѣпръ и въ самую отдаленную эпоху была ниже устья Десны²⁾. Такъ извѣстно, что въ лѣтописное время здѣсь переправились *уры*, о которыхъ лѣтописецъ подъ 998 г. отмѣчаетъ два случая, когда они шли мимо Кіева³⁾. Можно думать, что тою же дорогою шли первоначально и *печенги*, которые, по словамъ лѣтописца, въ 915 г. „придоша первое на русскую землю

¹⁾ Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и вергъ Днѣпра волокъ до Ловати, а по Ловате вгнѣти въ Ильмень озеро великое, изъ него-же озера потечеть Волховъ и втечетъ въ озеро великое Неву, и того озера впадетъ устье въ море варяжское, и по тому морю вгнѣти даже и до Рѣка прѣти по тому же морю къ Царяграду и отъ Царяграда прѣти въ Контъ море, въ немже втечетъ Днѣпръ рѣка (Ипат. лѣт., стр. 4).

²⁾ *Русоѡ*, «Травты», 122.

³⁾ Ипатск. лѣт., 7, 14.

и сотворивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю¹⁾, конечно, переправившись черезъ Днѣпръ. Вѣроятно въ этомъ же мѣстѣ переправлялись позже половцы и монголы, первою жертвою которыхъ на западной сторонѣ Днѣпра былъ Кіевъ; а раньше—обры, путь которыхъ шель далѣе на западъ черезъ землю дулѣбовъ и Карпатскія горы; вообще, кажется, въ доисторическое время здѣсь практиковался переѣздъ черезъ Днѣпръ²⁾. Такимъ образомъ, поляне оказываются живущими на большой дорогѣ (Днѣпръ) и „на великомъ, по выраженію г. Забѣлина, сумѣжью разныхъ племенъ“. Понятно, что при такихъ естественныхъ условіяхъ, полянская страна вообще и Кіевъ въ частности не могли сохранять въ своемъ населеніи характера однородности и не могли оставаться чистыми безъ примѣси иныхъ народностей, кромѣ полян³⁾. Центральный городъ полянъ—Кіевъ, само собою разумѣется, былъ уже въ IX—X в. городомъ въ нашемъ смыслѣ, какъ центръ промышленно-торговой, и его, по мнѣнію г. Костомарова, приходится вообразить себѣ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ пашлывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще фізіономію смѣси⁴⁾. Здѣсь были тогда греки и варяги, шведы, датчане и поляки, печенѣги, нѣмцы, евреи и болгары⁵⁾, и городъ, по выраженію г. Забѣлина, „представлялся колоніей людей, пришедшихъ изъ разныхъ сторонъ“⁶⁾.

Населеніе чужеродное не только временно проживало здѣсь, но и осѣдало совершенно, что можно, между прочимъ, видѣть и изъ нѣкоторыхъ названій частей города: такъ въ Кіевѣ на южной сторонѣ въ городской стѣнѣ находились „лядскія ворота“⁷⁾, а на сѣверной сторонѣ изъ „Копырева конца“ вели въ городъ „жидовскія ворота“⁸⁾. Можно думать, что прилегающія къ этимъ воротамъ части города или, вѣроятнѣе, предмѣстья были заселены евреями

¹⁾ Ibid., 26.

²⁾ Русовъ, «Тракты», 122.

³⁾ Забѣлинъ, II, 97; Костомаровъ, «Монорг.», I, 85—86.

⁴⁾ Костомаровъ, ibid.

⁵⁾ Ibid., 84.

⁶⁾ Забѣл., II, 106.

⁷⁾ Ипатск. лѣт. (1151 г.), 296, 522.

⁸⁾ Ibid.

и поляками (ляхами) ¹⁾. Нечего уже и говорить, что въ Кіевѣ постоянно жили греки и варяги, явившіеся сюда ранѣе такъ называемаго призванія князей.

Подъ вліяніемъ инородцевъ, особенно войнолюбивыхъ варяговъ, само народонаселеніе полянь измѣнило свой характеръ: у него развились воинственныя наклонности, которыя питались походами на грековъ ²⁾ и сосѣдствомъ со степными кочевниками. Черезъ это поляне носятъ на себѣ отпечатокъ военного поселенія, а земля ихъ, по выраженію г. Иловайскаго, дѣлается „страною козаковъ“ ³⁾. Отсюда-то, изъ страны полянь, какъ извѣстно, вышло объединеніе южныхъ славяно-русскихъ племенъ и здѣсь зародилась впервые политическая жизнь.

Съ этого историческаго момента въ южной Россіи рядомъ со всегда дѣйствующими агентами (природою и сосѣдствомъ) становится факторъ культурнаго порядка—*государственность*. Подъ вліяніемъ указаннаго фактора создается новая соціальная обстановка для этнологическаго развитія обитателей страны и происходятъ явленія, видоизмѣняющимъ образомъ дѣйствующія на типы славяно-русскаго населенія. Къ такимъ явленіямъ мы должны отнести слѣдующія: 1) *взаимное смѣшеніе славяно-русскихъ народцевъ*; 2) *привлеченіе въ національный организмъ южной Россіи разнообразныхъ инородческихъ элементовъ*, и 3) *культурное воздѣйствіе образовательныхъ центровъ Европы на населеніе края*.

Съ первыми князьями южная Русь начинаетъ покрываться искусственно-создаваемыми городскими центрами. Обыкновенно лѣтописецъ, говоря о постросіи новыхъ городовъ, бываетъ къ несчастію кратокъ и ограничивается общими выраженіями: „нача ставити города“, „заложити городъ“, „нача города рубити“ и т. п. Но мѣстами онъ прорывается и вдается въ подробности. Такъ подѣ 988 г. онъ рассказываетъ, что князь Владиміръ „нача ставити города по Деснѣ и по Остри; по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужи лутши отъ словенъ, и отъ Кривичи, и отъ чюдей, и отъ вятичъ, а отъ сихъ насели и грады“ ⁴⁾ Потомъ

¹⁾ Илов., II, 4.

²⁾ Костом., I, 144.

³⁾ Илов., II, 14.

⁴⁾ Ипатск. лѣт., 83.

въ 992 г. Володиміръ, по словамъ бытописателя, „заложи градъ Бѣль и нарубѣ въ нь отъ инѣхъ градъ, и много людей сведе въ оны“ ¹⁾. Позже, съ развитіемъ промышленности, города, вновь создаваемые, населяются уже не черезъ насильственное сведеніе съ разныхъ концовъ славяно-русскаго міра населенія, а путемъ призыва.

Такъ въ 1259 г. князь галицій Даніилъ „сотвори градъ иный (Холмъ) и нача призывати прихожанъ нѣмѣцъ и Русь, иноязычивыи и ляхы; идаху день во день, и уоты и мастера всяци бѣжаху ись татарь, сѣдѣльницы, и лучницы, и тульницы, и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру; и бѣ жизнь, и наполниша дворы, окрестъ града, поле и села“ ²⁾. Указанными путями, можно думать, создавались вообще въ лѣтописный періодъ города, да иного пути и трудно указать при множествѣ создаваемыхъ городовъ и при быстротѣ ихъ постройки. Можно, впрочемъ, отмѣтить еще одинъ способъ—это заселеніе городовъ военно-плѣнными. Въ ту эпоху, гораздо болѣе чѣмъ въ послѣдующія, война сопровождалась плѣномъ населенія, а при многочисленности, или лучше непрерывности, тогдашнихъ войнъ плѣнное населеніе доставляло значительный контингентъ для заселенія края. Въ 946 г. Ольга „взя городъ (Искоростень) и пожеже и, старѣйшины-же города ижьже, и прочая люди овыхъ избы, а другия работъ преда мужемъ своимъ, а прокъ оставѣ ихъ платити дань“ ³⁾; понятно, что та часть древлянъ, которая отдана была дружинѣ Ольги перешла на территорію полянъ ⁴⁾. Позже, въ 1067 г. Изяславъ съ другими князьями „взяша Минскъ, изсѣкоша мужи, а жены и дѣти взяша на щиты“, опять таки переведши ихъ въ свою землю ⁵⁾. Еще обстоятельнѣе о поселеніи плѣнныхъ находимъ рассказъ лѣтописца подъ 1116 г., когда былъ взятъ въ кривичской землѣ городъ „Дрютескъ“ князьями Давыдомъ и Ярополкомъ, причемъ послѣдній князь „срубѣ городъ Желѣди Дрючаномъ, ихже бѣ полонилъ“ ⁶⁾. Такъ поступали князья и съ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ипатск. лѣт., 558.

³⁾ Ibid., 38.

⁴⁾ Костомаровъ, «Моногр.», I, 72.

⁵⁾ Ипат. лѣт., 1117.

⁶⁾ Ibid., 203.

инородческими плѣнными: поляками, уграми, половцами и пр. Въ 1031 г. Ярославъ и Мстиславъ „идоста на ляхы, и заяста грады червенскыя опять, и повоеваста лядьскую землю, и многи ляхы приведоста и раздѣлиша я, и посади Ярославъ своя по Руси, и суть до сего дне“¹⁾. Можно думать, что путемъ поселенія плѣнныхъ возникъ не одинъ городъ; такое предположеніе, напримѣръ, можно сдѣлать о галицво-владимірскомъ городѣ Угорскѣ²⁾ и др. Обыкновенно взятыхъ на войнѣ плѣнныхъ вмѣстѣ съ остальной добычей дѣлили раньше между княземъ и дружиною³⁾, а позже—между участвовавшими князьями⁴⁾, и каждый изъ участниковъ свою долю *плѣннаго населенія велъ въ свой край и поселялъ или въ городахъ, или вни оныхъ*. Если мы примемъ во вниманіе непрерывность тогдашнихъ войнъ и количество мѣстъ въ лѣтописи, гдѣ говорится о плѣнѣ населенія, то должны согласиться, что этимъ путемъ довольно обильное населеніе и самое разнообразное вливалось въ среду южныхъ славяно-русовъ, между прочимъ: дреговичи, кривичи, торки, половцы, ясы и касоги, поляки, угры, литовцы, чехи и др.

Однородное значеніе, хотя и въ меньшей, мѣрѣ въ этнологической жизни края мы должны приписать и другимъ явленіямъ княжескаго періода, изъ которыхъ мы отмѣтимъ лишь болѣе рельефныя по своей результатности, именно: *организация войска, набирание дружины и браки князей*. Въ рассматриваемый нами періодъ удовлетвореніе потребности въ военныхъ силахъ, какъ извѣстно (мы не говоримъ о дружинѣ), происходило черезъ наборы войскъ въ каждомъ данномъ случаѣ, особенно это можно сказать о началѣ княжескаго періода. Такое сбродное войско стекалось со всѣхъ сторонъ подвластнаго или союзнаго извѣстному князю края и сопровождало его какъ въ войнахъ внѣшнихъ, такъ и во внутренней междоусоб-

¹⁾ Ibid., 105.

²⁾ Въ 1259 г. «Давилови-же, княжищу въ Володиміръ, созда градъ Угорскъ и постави въ немъ «пискупа» (Ипат. лѣт., 558).

³⁾ Смotr. выше о плѣнѣ древлѣвъ, Ипат. лѣт., 38.

⁴⁾ Въ 1146 г. Изяславъ рече: «что-же будетъ Игорева въ той волости (киевской), челядь-ли, товаръ-ли, то мое, в что будетъ Святославѣ челяди и товара, то раздѣлимъ на части» (259). Въ 1258 г. Давилъ городъ Възвясгль жажьже, люди-же изведе и *адистъ я на надплъ*, ово брату си, ово же Льови, другвя Шварнови» (556).

ной борьбѣ. Вслѣдствіе этого княжеское ополченіе всегда представляло изъ себя болѣе или менѣе пестрый этнографическій конгломератъ. Такъ Олега при завладѣніи имъ южно-русскою областю сопровождаютъ: варяги, чудь, словѣны, меря, весь, кривичи ¹⁾, а въ походахъ его на Царьградъ участвуютъ, кромѣ перечисленныхъ, еще: поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, дулѣбы, тиверцы ²⁾. Въ войскѣ Владиміра находимъ: варяговъ, словѣнъ, чудь и кривичей ³⁾. Ярополкъ въ 1138 г. собралъ противъ Ольговичей „вои изъ всѣхъ земель“ ⁴⁾. Тотъ-же князь въ 1139 г. вель противъ Всеволода князя—суздальцевъ, ростовцевъ, полочанъ, смолянъ, угровъ, берендичей и т. д. ⁵⁾. Такое мозаично-образованное войско въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не могло быть удовлетворено изъ добычи „полонѣ“, поселялось въ странѣ на „покормѣ“. Святополкъ въ 1018 г. своихъ союзниковъ (поляковъ) ляховъ, приведенныхъ въ страну полянъ, развелъ „по городамъ на покормѣ“ ⁶⁾; также поступилъ и Изяславъ въ 1069 г., когда „распустилъ ляхы на покормѣ“ ⁷⁾. Въ смыслѣ поселенія войска на кормленіе мы должны читать и тѣ выраженія лѣтописца, гдѣ онъ говоритъ: „устави дань“ кому-нибудь или „раздалъ города“ ⁸⁾. Такъ въ 882 году Олегъ „нача ставити города и устави дани словѣномъ, и кривичемъ, и мерямъ“ ⁹⁾, которыхъ онъ привелъ съ собою въ южную Россію и которыхъ, вѣроятно всего, поселилъ въ городахъ для кормленія. Владиміръ въ 980 г. варягамъ, оставшимся при немъ, „разда градъ“ ¹⁰⁾, очевидно, опять на покормѣ. Указаннымъ обычаемъ объясняются, конечно, и тѣ явленія, что по смерти Юрія Владиміровича въ Кіевѣ въ 1185 г. въ странѣ полянъ показываются живущими суздальцы, которыхъ избиваютъ по городамъ и селамъ ¹¹⁾,

¹⁾ Ипат. лѣт. (882), 13.

²⁾ Ibid., (907), 17.

³⁾ Ibid. (980), 50.

⁴⁾ Ibid., 215.

⁵⁾ Ibid., 216.

⁶⁾ Ibid., 108.

⁷⁾ Ibid., 122.

⁸⁾ Ibid., 13.

⁹⁾ Ibid., 52.

¹⁰⁾ Ibid., 336.

а товаръ ихъ грабятъ, или что въ 1140 г. въ предѣлахъ кievскаго княжества проживаютъ новгородцы ¹⁾) и т. д. Мы думаемъ, что фактъ проживанiя по долгу въ разныхъ пунктахъ страны участниковъ войнъ—приведенными лѣтописными датами установленъ; а разъ представители извѣстной народности жили въ средѣ другой, слѣды отъ этого, болѣе или менѣе глубокiе, оставались на типѣ населенiя.

Еще болѣе мозаично по своему составу, чѣмъ общее войско, была княжеская дружина: здѣсь подборъ народностей былъ самый разнообразный ²⁾). Извѣстно, что во все время существованiя дружины, она была сбродная по своему составу и безпрерывно наполнялась пришельцами изъ разныхъ концовъ не только южной Россiи, но и изъ странъ, лежащихъ вѣ ея предѣловъ ³⁾). Пестроту состава дружины особенно обстоятельно и картинно рисуютъ намъ былины, эти народныя свидѣтели сѣдой старины; но не мало матеріала по этому вопросу заключаютъ и лѣтописи. Кромѣ южныхъ славяно-руссоевъ въ княжескую дружину входили особенно варяги (чѣмъ ближе къ началу періода, тѣмъ ихъ больше): послѣднихъ воинственныхъ пришельцевъ было особенно много въ южно-русской землѣ, и они разлились, вмѣстѣ съ расширенiемъ области княжескихъ владѣнiй, по всей странѣ въ видѣ многочисленныхъ дружинниковъ князей. Затѣмъ въ числѣ дружины и слугъ княжескихъ находимъ: печенѣговъ ⁴⁾), ляховъ ⁵⁾), сѣверно-руссоевъ ⁶⁾), чюдъ ⁷⁾), ясовъ ⁸⁾) и т. д. Каждый князь, переходя изъ удѣла въ удѣлъ, переводилъ съ собою свою дружину; изъ нея же разсылались по го-

¹⁾ Ibid., 220.

²⁾ Не вольно, при вопросѣ о составленiи князьями своей дружины въ первый періодъ южно-русской исторiи, переносятся ко времени болѣе близкому къ намъ—къ XVII и XVIII в., когда въ Запорожьѣ крестное знаменiе и обшчание не имѣтъ при себѣ семьи кодифицировало приемъ въ среду запорожскихъ братчиковъ: можно думать, что также невелики были требованiя и такъ-же не сложены были процессуальный порядокъ при поступленiи въ княжескую дружину.

³⁾ *Ностомаровъ*, «Моногр.», I, 144.

⁴⁾ Ипат. лѣт., 95.

⁵⁾ Ibid., 360, 376.

⁶⁾ Ibid., 575.

⁷⁾ Ibid., 120, 140, 614.

⁸⁾ Ibid., 401.

родамъ и волостямъ княжескіе посадники ¹⁾), которые являлись на посадничество, конечно, со своею дружиною, въ видѣ гарнизона; бывали случаи, что дружина поселялась на постоянное жительство въ княжескія области и не переходила уже съ княземъ на новый удѣль ²⁾).

Не безъ вліянія на этнологическое измѣненіе населенія южной Руси были браки князей съ иностранцами. Въ рассматриваемый нами періодъ бракъ правящей семьи не былъ ничѣмъ регламентированъ и южно-русскіе князья женились на дочеряхъ своихъ дружинниковъ; но не мало было браковъ русскихъ князей и съ иноземками: съ „грекинями“ ³⁾, „чехинями“ ⁴⁾, „болгарынями“ ⁵⁾, „половчанками“ ⁶⁾, „ляховицами“ ⁷⁾, брались жены и отъ угровъ ⁸⁾, и отъ ясовъ ⁹⁾. Подобные-же браки вѣроятно происходили и между дружинниками, а равно и въ остальномъ населеніи, что совершенно возможно было при сравнительной многочисленности и разнообразіи иноземцевъ въ странѣ. Черезъ подобные браки само собою происходило фізіологическое перерожденіе южнаго славяно-русскаго населенія. Въ частности перерожденіе многочисленной тогда княжеской семьи отразилось на типѣ высшаго класса въ южной Руси, съ которымъ члены княжеской семьи постепенно сливались.

Но кромѣ пересмотрѣнныхъ нами путей, черезъ которые вливался иноземный элементъ въ среду южно-руссовъ, были пути и иного характера. Въ лѣтоисчисленный періодъ южная Русь не отдѣлена была ни физическими, ни нравственными преградами отъ прочей Европы и отъ остальнаго міра. Южная Русь и западная Европа принадлежали еще въ одной семьѣ, сношенія были часты, безпре-

¹⁾ Ibid., 204, 251, 358, 406, 460 и т. д.

²⁾ Въ 1150 г. Изяславъ съ дружиною своею пошелъ «къ Мичьску» и «ту ускрытоши и дружины многое множество, иже сидяхуть по Тетереви, и ту поклонившася Изяславу и мичане съ нимъ, рече: «ты нашъ князь», Ипат. лѣт., 286.

³⁾ Ипат. лѣт., 53, 113.

⁴⁾ Ibid., 53. ⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid., 161, 357, 443.

⁷⁾ Ibid., 207, 414.

⁸⁾ Ibid., 228.

⁹⁾ Ibid., 202.

рывны. Подтвержденіе этому даютъ указанныя женитьбы князей ¹⁾, а также обычай искать спасенія у своихъ европейскихъ сосѣдей—угровъ, ляховъ, чеховъ, грековъ ²⁾ и пр., процвѣтаніе языкознанія въ княжеской семьѣ (кн. Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ) и торговля сношенія. Особенно сильнымъ побужденіемъ къ сношенію съ иноземцами была торговля. Въ княжескій періодъ торговля охватывала въ южной Россіи далеко большую часть населенія, чѣмъ въ наше время, такъ какъ (мы уже видѣли) оно было не исключительно земледѣльческое, а правильнѣе охотничье-земледѣльческое. Продукты земледѣлія, а особенно промышленности: рыба, мѣха, воскъ, медъ и срубленный лѣсъ главный сбытъ могли пайти за предѣлами страны, такъ какъ внутри страны масса жителей удовлетворялась собственными продуктами. Частию сырье это спускалось на югъ по рѣкамъ Днѣпру, Бугу и Днѣстру, частию отвозились и сухимъ путемъ по трактамъ „Залозному“, „Соляному“ и „Греческому“ ³⁾, но въ значительной степени сбывались *внутри страны* иностранцамъ, проживающимъ здѣсь по городамъ. По торговымъ побужденіямъ приливалъ въ страну самый разнообразный элементъ, между прочимъ евреи, съ конца XII ст., армяне, венеціане и генуэзцы, тогда всемірные коммерсанты, также греки, а очень вѣроятно и нѣмцы. Иностранцы-торговцы, конечно, проживали, главнымъ образомъ, въ большихъ, центральныхъ городахъ, какъ Кіевъ, Львовъ, Владиміръ Волынской и проч. Такъ въ Кіевѣ, по словамъ „Слова о Полку Игоревѣ“, жили „греци и моравы, нѣмцы и венецици“; во Владимірѣ Волынскомъ обитали „нѣмцы, и суражцѣ, и новгородци, и жидове“ ⁴⁾. Особенно торговый иностранный элементъ мы должны предполагать въ западной половинѣ южной Руси, въ галицко-владимірскомъ княжествѣ, которое было и ближе къ западной Европѣ, и черезъ которое проходили транзитныя дороги изъ Азіи въ Европу.

¹⁾ *Костом.*, I, 138.

²⁾ Особенно часто князья убѣгали «въ ляхы» (Ипат. лѣт., стр. 100, 121, 128, 144, 176, 384, 488, 521, 535, 562), а подъ конецъ періода— «въ Угры» (*ibid.*, стр. 97, 445, 518, 523, 528, 535).

³⁾ Ипат. лѣт., 360, 370.

⁴⁾ *ibid.*, 605.

Доступность южной Россіи иноземной торговлѣ позволяла проникать иноземному элементу и съ задачами культурно-религіозными. Изъ легенды о принятіи христіанства, занесенной въ лѣтопись подъ 986 г. ¹⁾, въ Кіевѣ были съ цѣлью религіозной пропаганды: евреи, греки, нѣмцы и болгары. О томъ-же говорятъ намъ и кровавыя трагедіи человѣческихъ жертвоприношеній Владиміра язычника ²⁾. Съ принятіемъ христіанства къ намъ явилось греческое духовенство ³⁾: Греція съ Ольги и до конца періода продолжаетъ высылать духовныхъ греческой національности въ южную Русь ⁴⁾. Такъ въ 1164 г. въ Черниговѣ былъ епископъ Антонъ, „родомъ грѣчинъ“ ⁵⁾; въ 1124 г. „изъ грекъ“ пришелъ къ намъ митрополитъ Никита ⁶⁾ и т. д. Но рядомъ съ византійскимъ православіемъ, сдѣлавшимся преобладающею религіей, въ южной Руси шла проповѣдь и римскаго католицизма, что ясно видно изъ полемическихъ рѣчей нашихъ духовныхъ проповѣдниковъ, напримѣръ Θεодосія печерскаго; съ католическою проповѣдью проникала на югъ Россіи и латинско-католическая культура. Однажды лѣтописецъ прямо указываетъ, что въ Кіевѣ жили римско-католики, именно въ 1175 г. князь Ярославъ „на гнѣвѣхъ замысли тяготу кыяномъ—попрода весь Кыевъ, игумены, и пошы, и черныцѣ и черницѣ *латину* ⁷⁾ и гостѣ“. Судя по такимъ срезамъ, какъ секта жидовствующихъ, можно предполагать, что между славяно-руссамы не ослабѣвало и религіозное вліяніе послѣдователей Моисея. Тѣмъ болѣе послѣднее предположеніе вѣроятно, что въ содѣйствіе съ южными славяно-руссамы и въ близкихъ взаимныхъ сношеніяхъ съ ними, именно съ сѣверянами, находилось долгое время хозарское царство, въ которомъ

¹⁾ Ibid., 56—74.

²⁾ Ibid. (983 г.), 54.

³⁾ Ibid., 79, 83.

⁴⁾ Плат. лѣт., 352.

⁵⁾ Ibid., 358.

⁶⁾ Ibid., 215.

⁷⁾ Ibid., 393. Мы дуаемъ, что названіе *«латины»*, каковымъ именованъ у насъ въ тотъ періодъ и позже назывались римско-католики (напр. въ путешествіи Данила Маломыка *«Латины начаша верещати»*) и постановка рядомъ съ *«черяцы»* и *«черяпы»* именно позволяетъ понимать слово *«латины»* не въ этнографическомъ смыслѣ, а въ религіозномъ.

господствующее значеніе, какъ мы увидимъ ниже, имѣла религія Моисея. Такимъ образомъ, въ лѣтописный періодъ южные славяно-русы оказываются *подъ многоразличными религіозными вліяніями, тождественными тогда съ общимъ просвѣщеніемъ*¹⁾.

Мы до сихъ поръ имѣли дѣло съ инородцами, которые являлись въ южную Русь изъ предѣловъ западной Европы, и вліяніе которыхъ было въ большей степени культурное, чѣмъ физиологическое на коренныхъ обитателей страны; но въ этотъ-же періодъ, какъ и въ предшествующій, непрерывно азіатскіе кочевые народы являлись массами въ страну, держали ее въ напряженіи долгое время, вызывая коренное населеніе на энергическую дѣятельность, и цѣлыми массами ассимилировались съ нимъ. Этнологическое значеніе кочеваго азіатскаго населенія для южно-русовъ, въ смыслѣ физиологическаго видоизмѣненія этнографическаго типа послѣднихъ, гораздо больше, чѣмъ всѣхъ другихъ инородцевъ. Но, чтобы не дробить вопроса о южно-русскихъ кочевникахъ, поговоримъ объ этомъ во второй половинѣ главы, а теперь перейдемъ къ тѣмъ измѣненіямъ, какія явились въ южномъ славянскомъ населеніи въ XI—XIII в.

Соціальныя и политическія условія исторической жизни южной Руси въ лѣтописный періодъ имѣли то значеніе, что во второй его половинѣ значительно стираются тѣ этнографическія дробленія, на

¹⁾ Мы далеки отъ мысли, чтобы иноземнымъ представителямъ религіи въ краѣ, равно какъ и иноземнымъ коммерсантамъ, проживавшимъ въ южной Россіи, приписывать національное вліяніе на южныхъ славяно-русовъ: первые, какъ носители религіозной идеи, вторые, какъ и всякіе торговцы, не могутъ, собственно говоря, считаться никогда за представителей тѣхъ національностей, къ которымъ они относятся,—это прежде всего и больше всего космополиты, а потомъ уже сыны націи. Мы не можемъ по этому поводу отказать себѣ въ удовольствіи указать на статью г. Ядрищева («Русск. Мысль», 1883 г., № 3), въ которой такъ рельефно показано, что національное ассимилирующее значеніе по отношенію къ инородцамъ Сибири оказываютъ лишь русскіе крестьяне, а не русскіе купцы, вліяніе которыхъ — одно обѣдненіе инородцевъ и постепенное ихъ вымирание («Русск. Мысль», 1883 г., № 3). Но и тѣ и другіе въ южной Россіи съ своей стороны способствовали атрофированію той національной исключительности, къ какой бывають склонны народы на первобытныхъ ступеняхъ культуры, а внесеніемъ въ южный славяно-русскій міръ интересовъ обще-человѣческихъ, образовательныхъ и религіозныхъ помогали объединенію самихъ славяно-русовъ.

которыя распался южно-русскій край въ IX—X в.; прежнія названія южныхъ славяно-русовъ (древляне, поляне, хорваты и пр.) совершенно исчезаютъ со страницъ писанныхъ памятниковъ (да, кажется, и въ жизни), и группировка населенія въ южной Руси съ конца IX в. начинается не по этнографическимъ свойствамъ населенія, а по административнымъ центрамъ, хотя районъ каждой административной единицы опредѣляется не безъ вліянія этнографическихъ особенностей ¹⁾).

До татарскаго нашествія въ предѣлахъ южной Руси мы видимъ слѣдующія земли: I земля *кіевская*; II *волынская*; III *галичская земля* (она-же *Galicia*), *червоная* или *черная Русь*, IV *чернигово-сѣверская*, V *переславская* и VI *болоховская земля* (или точнѣе „болоховскіе города“).

Чернигово-сѣверская земля XII и начала XIII вѣка на востокѣ ограничивалась верхнимъ теченіемъ р. Дона, отсюда граница направлялась къ устью праваго притока Оки, и оканчивалась на р. Лопасиѣ, ея лѣвомъ притока; на сѣврѣ она сходилась съ землями суздальскою и смоленскою, пересѣвая теченіе Протвы, Угры, Сожи и упираясь въ р. Днѣпръ, который почти до устья Десны служилъ западною гранью черниговской земли съ кіевскою; лѣвый притокъ Десны—Остеръ отдѣлялъ ее на югѣ отъ переславской земли, а далѣе на юго-востокъ чернигово-сѣверская земля сливалась съ половецкою степью ²⁾). Такимъ образомъ территория чернигово-сѣверскаго княжества охватывала жилища радимичей и вятичей, народностей, живущихъ за предѣлами южно-русской страны, и большей части сѣверянъ. Другая, меньшая часть послѣднихъ входила въ составъ *переславской земли* ³⁾, которая была ограничена на сѣврѣ Остромъ, на западѣ южнымъ теченіемъ Десны и лѣвымъ берегомъ Днѣпра приблизительно до устья р. Сулы, а отсюда граница ея шла по Хоролу, притоку Псла, пересѣкала Псель и Ворсклу, и приблизительно простиралась до верхняго Дона; на югѣ и востокѣ переславская земля сливалась со

¹⁾ *Костом.*, «Монogr.», XII, 21; I, 150 стр.

²⁾ *Илов.*, II, 52.

³⁾ *Ивд.*, 69.

стью¹⁾. Земля переяславская, по этнографическому составу однородная съ чернигово-сѣверскою, всегда болѣе тянула къ землѣ кievской, отдѣленной отъ нея и отъ черниговской земли р. Днѣпромъ. Киевскую землю составляли земли полянъ, древлянъ. Предѣлы этой центральной земли южной Россіи терялись съ одной стороны въ болотахъ и пущахъ припетскаго полѣсья²⁾, а съ другой стороны— въ степныхъ пространствахъ, почти достигая до порожистыхъ частей Днѣпра, хотя постоянною границею можно считать р. Росъ³⁾; на западѣ она тянулась до рѣкъ Горыни и Случи, на востокѣ естественною гранью служилъ Днѣпръ. *Волинская земля* занимала область верхней Припети и важнѣйшихъ правыхъ ея притоковъ, какъ Турія, Стоходъ, Стырь и Горынь⁴⁾, принадлежала съ одной стороны къ системѣ вислянской, а съ другой, черезъ притоки Припети,—къ днѣпровской⁵⁾.

Какъ уже указано было, на востокѣ границу волинской земли съ кievской нужно предполагать по р. Горыни и ея притоку Случи; на сѣверѣ волинская земля граничила съ пинско-гуровскимъ полѣсьемъ⁶⁾, западная-же и южная граница постоянно мѣнялись при борьбѣ волинскихъ князей съ галицкими, результатомъ чего было слияніе обѣихъ этихъ земель. Во всякомъ случаѣ въ область волинской земли входили *волиняне* (т. е. бужане, дулѣбы) и частью дреговичи. Западную часть южной Россіи занимала *памичья земля*, начинаясь недалеко отъ впаденія Сана въ Вислу и простираясь на югъ до устьевъ р. Дуная⁷⁾. На западѣ отъ венгерскаго народа отдѣлялъ галицкую землю карпатскій горный кряжъ, на сѣверномъ склонѣ котораго находился городъ Савокъ—„ворота угорскыя“, по выраженію лѣтописца; пограничье съ Польшею составляла территория между рѣками Дунайцемъ и Попрядомъ; на югѣ галиція

¹⁾ Отъ черниговской земли переяславская отдѣлялась водоускомъ, дающимъ начала рѣкамъ полт. губ.: Трубску, Суною, Удаю и Ромну (Соловьевъ, I, 16), отъ кievской—Днѣпромъ.

²⁾ *Илов.*, II, 15.

³⁾ *Ibid.*, 14—16.

⁴⁾ *Ibid.*, 22.

⁵⁾ *Соловьевъ*, 14—16.

⁶⁾ *Илов.*, II, 22.

⁷⁾ *Ibid.*, 30; *Сол.*, 14—16.

поселенія встрѣчались по притокамъ Дуная—Пруту и Серету, до самыхъ устьевъ Дуная и, такимъ образомъ, сходились съ землями валаховъ и болгаръ ¹⁾, хотя при постоянныхъ въ этомъ пунктѣ передвиженіяхъ кочевниковъ изъ южно-русскихъ степей въ придунайскія страны населеніе здѣсь было рѣдко. Изъ народностей, образовавшихъ галицкую землю, должно считать прежде всего *хорватовъ*; къ послѣднимъ примкнули отчасти тиверцы, часть которыхъ, отъ р. Ушицы до карпатскаго подгорья въ половинѣ XII в., при князѣ Володимірѣ Володиміровичѣ примкнула къ Галичу; сѣверо-восточная часть земли галицкой образовалась изъ поселеній дреговичско-волинскихъ. Къ концу лѣтописнаго періода, при распаденіи галицко-волинскаго княжества, между Случью и Горынью составляетя группа городовъ, подъ названіемъ Болоховской земли, съ сильно развитымъ общиннымъ устройствомъ. Они вступаютъ въ связь съ приднѣстровскими городами и съ бывшимъ галицкимъ понизовьемъ. Къ болоховскимъ городамъ присоединяются города по р. Тетереву изъ кіевской земли и съ другой стороны—Бѣло-Бережцы и Чернятинцы по Горыни. На непродолжительное время возникали и другія земли, напр. туровская, въ которую входили, главнымъ образомъ, дреговичи, но скоро она распалась на два удѣла—туровскій и шипскій, которые при князѣ Данилѣ примкнули къ Галиціи. Въ указанныя нами пять земель не вошли только уличи и тиверцы (кромѣ части послѣднихъ, вошедшей въ составъ галицкой земли). Съ самаго пачала они стоятъ особнякомъ отъ событій южно-русской исторіи и не служатъ удѣломъ ни одному князю. Въ XII в., по тексту лѣтописца, эти народности еще существовали („и суть грады ихъ и до сегодне“) ²⁾, но потомъ они исчезаютъ съ историческаго горизонта; можно думать, что подъ давленіемъ кочевниковъ (венгры, печенѣги и половцы), населеніе уличей и тиверцевъ подвигалось далѣе на западъ, въ Болгарію, разрѣжая густоту населенія въ своихъ прежнихъ жилищахъ, пока и совсѣмъ не исчезли, предоставивъ свою территорію для новой колонизаціи изъ земли галицкой. Остальныя южныя славяно-русскія народности (сѣверяне, поляне, древяне, хорваты и часть дреговичей) остались въ главной массѣ на преж-

¹⁾ *Илов.*, II, 30.

²⁾ *Ипат. лѣт.*, 14.

нихъ мѣстахъ, но только подъ вліяніемъ уже частію разсмотрѣнныхъ этнологическихъ условій, на столько, можно думать, потеряли типичность свою, что совершенно исчезаютъ со страницъ источниковъ; вмѣсто нихъ выступаютъ административно политическія названія по „землямъ“, какъ мы указывали, и по городамъ: „вѣяне“, „черниговцы“, „чернятишцы“, „владимірцы“, „берладники“ и т. д. Но нельзя не замѣтить, что къ концу лѣтописнаго періода начинаютъ обрисовываться новыя этнографическія группы; въ такимъ мы причисляемъ: 1) *жителей Посемья* ¹⁾, гдѣ прежде сходились сѣверяне съ вятичами и радимичами; 2) *поросянъ* ²⁾ (*поршанъ*), гдѣ совмѣстно жили поляне и осѣдлые печенѣги; 3) *бродниковъ* ³⁾, жившихъ среди кочевого населенія; 4) *болоховцевъ* и др. Вообще-же этнографическія подраздѣленія населенія уступаютъ группировкѣ характера административно-политическаго, и въ этомъ случаѣ дробленность, судя по названіямъ, была велика и соответствовала тому дробленію, какое мы привыкли читать на страницахъ нашихъ историко-политическихъ трактатовъ.

Нельзя не замѣтить и другой перемѣлы въ этнологическихъ свойствахъ славяно-русскаго населенія южной Руси, именно, что одно Родная до того времени масса расчленилась на классы или сословія. Въ южной Руси въ XI—XII в. образуется классъ духовенства, являются „лучшіе мужи“, „державціе землю“, „людіе, граждане, народъ, земля“ и „смерды“ ⁴⁾; скоро и низшій слой общества—„людіе“ вновь распадается—на лучшихъ людей—старость и на худшихъ—рядовичей; потомъ и эти разряды распались еще на живущихъ за князьями и на живущихъ за боярами ⁵⁾, а въ XII в. были уже въ южной Руси ралейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ ⁶⁾. Кромѣ того существовали и рабы (челядь), бывшіе даже предметомъ торга на иноземныхъ рынкахъ ⁷⁾.

¹⁾ Ипат. лѣт., 236, 251, 435 и т. д.

²⁾ Ibid., 230, 265, 267, 329, 368, 391.

³⁾ Ibid., 242.

⁴⁾ *Въляевъ*, 11.

⁵⁾ Ibid., 12.

⁶⁾ Ibid., 17.

⁷⁾ Ипат. лѣт., 44.

Историками установлено обязательное положеніе, что южная Русь во вторую половину лѣтописнаго періода (въ эпоху княжескихъ междоусобиць) была несравненно болѣе раздроблена, чѣмъ въ первую; но мы ошиблись-бы, понявъ это положеніе въ этнографическомъ смыслѣ. Напротивъ, этнографическое дробленіе до X в. включительно было болѣе рельефно, чѣмъ въ тяжелую пору княжескихъ неурядиць: всѣ племенные группы (поляне, древяне, сѣверяне, уличи и т. д.) были дѣйствительно обособлены своими типическими особенностями, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ скорѣе можно предполагать тѣ анти-соціальныя чувства¹⁾, какія обыкновенно имѣютъ мѣсто между разными первобытными племенами, чѣмъ сознание своего племеннаго единства; послѣднее могло быть скорѣе въ инстинктѣ, если можно такъ выразиться, чѣмъ въ сознаниіи патриархальнаго славяно-русскаго населенія. На отсутствіе всякаго племеннаго единства между славяно-руссами указываетъ между прочимъ неимѣніе общаго для нихъ названія: имя „анты“ было не народное, а иноземное и употреблялось иностранцами, да къ IX—X в. оно и совсѣмъ утратилось; имя волынянъ, аналогичное съ антами, было въ это время названіемъ частнымъ, то же нужно сказать и объ имени „славянъ“ (словѣне); употребленіе-же этого названія лѣтописцемъ и нашими духовными писателями въ смыслѣ общемъ для всѣхъ народностей славянскаго племени, во первыхъ, относится къ XI—XII в., а во вторыхъ, здѣсь имя „словѣне“—названіе книжное и употребляется искусственно²⁾.

Иное мы видимъ во вторую половину періода: перетасовка южныхъ славяно-русскихъ племенъ, благодаря которой въ области сѣверянъ поселились дреговичи, поляне, хорваты и пр., и обратно—сѣверяне жили у полянъ, у волынянъ и у другихъ, одинаковое вѣроисповѣданіе, единство княжескаго рода, общія культурныя вліянія, объединяющее дѣйствіе инородныхъ поселенцевъ и иностранныхъ миссіонеровъ и торговцевъ—все это вмѣстѣ не только способствовало ступшеыванію оригинальностей въ отдѣльныхъ славяно-русскихъ народностяхъ, но и помогало объединенію южныхъ славяно-руссовъ.

¹⁾ Ibid., 7.

²⁾ Ibid.

Конечно, сознание племенного единства при раздробленности на удѣлы отчетливѣе было у князей и у представителей тогдашней культуры—у духовенства, но нельзя отказать въ этомъ сознаниіи и общему населенію, конечно, на столько, на сколько оно и теперь, напримѣръ, существуетъ у нашего простонародья. Князья очень часто въ разгарѣ взаимной борьбы обращаются къ примиряющему влиянію племенного единства, напримѣръ кн. Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ; но болѣе рельефнымъ образчикомъ этого можетъ служить послѣдній актъ до-монгольской исторіи—это битва на Калкѣ. Въ 1224 г., при первомъ появленіи татаръ въ южной Россіи, противъ нихъ выступили „половецкыя полки и рускыя“; подъ послѣдними разумѣются войска Мстислава кievскаго, Мстислава черниговскаго, Мстислава галицкаго, смоляняне, волынцы, галичане, черниговцы, князе, трубчане, путивльцы, „выгонцы галичскыя“¹⁾, т. е., въ составъ „русскихъ полковъ“ вошли представители отъ всей почти южной Россіи, со смежными съ нею смолянянами, путивльцами, курищами и трубчанами. Имена „русскіе“ и Русь начинаютъ служить въ эту эпоху объединяющимъ названіемъ для всей южной Россіи. Сначала „Русь“ (и производныя отъ этого корня названія) служатъ частнымъ названіемъ преимущественно для полянъ кievской области. Но, рядомъ съ частнымъ значеніемъ, слова „Русь“, „русская земля“ употребляются и въ болѣе обширномъ смыслѣ, какъ названія общія для всей южной Руси въ тогдашнихъ ея предѣлахъ (кромѣ галицко-волынской земли). Прежде всего въ такомъ смыслѣ употребляется слово „Русь“, когда сла-

1) Такъ подѣ 898 г. лѣтописецъ говоритъ: «Словѣны-же съѣдуху по Дунаю, нхъ-же приіша угре, и моравы, и чехи, и ляхове, и *поляне*, яже плчѣи зовется «Русь» (Ипат. лѣт., стр. 15). Въ 1115 г. кн. Юрій завладѣлъ кievской землей, и «прия (его), говоритъ лѣтописецъ, съ радостью вси земля русская, тогда-же съѣд, раздал волости дѣтемъ: Андрѣя посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба въ Черыяславѣ, а Василькови да Пороскѣ» (ibid., 329). Въ 1185 году Всеволодъ, кн. суздальскій, проситъ собѣ части въ русской землѣ: «Торцького, Треполя, Корьсуни, Богуслава, Канева» (ibid., 459, и др. мѣста: 94, 242, 314, 379, 429, 540 и т. д.). Мы опускаемъ безъ вниманія употребленіе лѣтописцемъ слова «Русь» въ болѣе раннюю эпоху (напр. подѣ 852 г., стр. 10, или подѣ 882 г., 13), такъ какъ это есть только архаизмъ: слову Русь здѣсь придаво то значеніе, какое давалось ему во время лѣтописца, т. е. въ XII в.

вяно-русское населеніе противопологается иноземному: печенѣгамъ ¹⁾, половцамъ ²⁾, ляхамъ ³⁾, уграмъ ⁴⁾, пѣмцамъ ⁵⁾ и др.

Но и безъ такого противоположенія названія „Русь“, „русская земля“ относится въ лѣтописи исключительно къ южной Россіи, при чемъ послѣдняя противопологается всей области сѣверно-русовъ—суздальцамъ ⁶⁾, володимірцамъ ⁷⁾, ростовцамъ ⁸⁾ и вообще сѣверу Россіи ⁹⁾. Почти до конца XII в. изъ южно-русскихъ земель подъ названія „Русь“ „Русская земля“ не подходятъ лишь галицко-владимірская земля, которая также перѣдко лѣтописцемъ противопологается южной Россіи ¹⁰⁾. Но съ XIII в. галицкая земля не только начинаеть причисляться къ „русской землѣ“, „Руси“ ¹¹⁾, но со времени особенно монгольскаго нашествія, когда оустѣвилсе придиѣровье переселило пенстребленную часть своего населенія въ Галицію, за Галиціей остается, такъ сказать, преимущественное названіе „Руси“, „русской земли“. Мы думаемъ, что существованіе особаго названія для всего южно-русскаго населенія въ лѣтописный періодъ и его частое употребленіе при другихъ, изложенныхъ нами выше условіяхъ, указываетъ на то, что въ ту эпоху, при видимой расчлененности края въ административно-политическомъ отношеніи, этнографическое единство южной Руси не потерялось, а скорѣе окрѣпло. Выводъ этотъ подкрѣпляютъ и такія полу-народныя произведенія, какъ „Слово о полку Игоревѣ“, проникнутое отъ начала до конца мыслью о единствѣ южныхъ славяно-русскихъ земель.

Когда внутри славяно-русскихъ поселеній водворялось ино-родное населеніе и шли кардинальныя измѣненія національной ор-

¹⁾ Ипат. лѣт., 94, 262.

²⁾ Ibid., 421, 429, 435, 438 и 516.

³⁾ Ibid., 462, 516.

⁴⁾ Ibid., 534.

⁵⁾ Ibid., 558, 596.

⁶⁾ Ипат. лѣт., 213, 302, 314, 392, 449.

⁷⁾ Ibid., 411.

⁸⁾ Ibid., 392.

⁹⁾ Въ 1148 г. Изяслакъ кіевскій «да дары Ростиславу, что отъ русскыя земли отъ всѣхъ царскихъ земель (т. е. Византия), и Ростиславъ (Сюленскій) да дары Изяславу, что отъ Верхл ихъ земель и отъ Варягъ» (Ипат. лѣт., 549, 260).

¹⁰⁾ Ипат. лѣт., 262, 289, 310, 312, 313, 314, 446 и др.

¹¹⁾ Ibid., 479, 505, 507.

ганизаціи, славяно-русская народность продолжала двигаться къ периферіямъ страны и захватывать колонизаціей новыя области. Въ противоположность первому періоду, когда славянское племя направлялось главнымъ образомъ на западъ, въ лѣтоисчисный періодъ общее движеніе южныхъ славяно-руссковъ тянется болѣе всего на востокъ и проч. Болѣе рельефно вырисовывается расселеніе славянскихъ обитателей южной Россіи на восточныхъ и западныхъ ея окраинахъ. На западѣ, изъ земли галицкой и отчасти изъ волынской колонизація идетъ по побережьямъ рѣкъ Днѣстра, Прута и Серета къ устью Дуная, и такимъ образомъ наша западная окраина связывается съ Чернымъ моремъ и дѣлается посредницей въ торговлѣ Азіи съ Европой. Въ этихъ вновь заселенныхъ мѣстахъ упоминается значительное число городовъ; между ними: Дрествинь, Вѣлгородъ, Черпъ, Аскій-Торгъ, Ромаповъ-Торгъ, Сочава, Середъ, Ваня, Берладъ и др., и здѣсь, какъ увидимъ, даже послѣ монголовъ были еще не только деревни, но и города, населенные русскими ¹⁾, на южномъ-же побережьи Прута возникаетъ одинъ изъ удѣловъ галицкихъ—Берладскій. Нѣсколько позже, чѣмъ на югѣ, колонизируются на сѣверѣ низовья западнаго Буга: Подлипская земля, т. е. малороссійскія части пышынскихъ губерній сѣдлецкой и гродненской, гдѣ между другими возникаютъ города: Брестъ (Верестье), Драгочинъ, Каменецъ, Вѣльскъ, Холмъ и др.; всѣ эти города съ территоріей между западнымъ Бугомъ и Паревомъ съ XIII ст. сливаются съ галицкимъ княжествомъ. Съ присоединеніемъ къ галицкому княжеству туровскаго и пинскаго удѣловъ, особенно съ кн. Романа, въ ятвяжскихъ земляхъ, которыя прикасались къ Волыни, по зап. Бугу начинаютъ селиться славяно-русскіе колонисты и всячески притѣсняютъ туземцевъ, въ силу чего ятвяги подвигаются далѣе на сѣверъ, а земли ихъ присоединяются къ волынскому княжеству, и здѣсь при Васильѣ Ромаповичѣ является каменецкій удѣлъ съ городомъ Каменцемъ-Подольскимъ. Если мы теперь обратимся къ восточной окраинѣ южной Россіи, то и здѣсь замѣтимъ тотъ-же колонизаціонный процессъ. Славяно-русскіе обитатели, даже съ занятіемъ степей кочевымъ населеніемъ, продолжали спу-

¹⁾ Брунь, 273.

скался по рѣкамъ с. Донцу и Дону (ихъ поселенія можно предполагать по всему побережью этихъ рѣкъ), и для огражденія отъ кочевниковъ должны были обезопасить свои жилища городами и начать борьбу съ ними. Въ борьбѣ со своими кочевыми сосѣдями население Подонья, а также тмутараканской области приобрѣло стройность и неустрашимость, выработало въ себѣ болѣе независимый характеръ и стало въ нѣсколько натянутыя отношенія къ своей метрополіи¹⁾. Въ лѣтописи подонское населеніе извѣстно подъ именемъ бродниковъ, которые въ 1147 г. помогаютъ повгородьсѣверскому князю Святославу Ольговичу²⁾, а въ 1223 г. вожакъ бродниковъ Плоския, находясь въ союзѣ съ монголами, предлагалъ Мстиславу кievскому свободу за выкупъ³⁾. Около того-же времени, въ 1227 г., папа Григорій IX заботился о распространеніи христіанства „*in Scythia et Brodnik, terra vicina, de cuius gentis conversione speratur*“⁴⁾. Къ этимъ-же бродникамъ или, по крайней мѣрѣ, къ обрусѣвшимъ между бродниками инородцамъ могутъ быть причислены козаки, поселившіеся въ ахматовыхъ слободахъ, въ курской области, а потомъ бѣжавшіе оттуда къ баскаку Ахмату въ Калевъ, въ сосѣдствѣ коего они основали въ 1282 г. Черкасы на Днѣпрѣ⁵⁾.

Изъ земли чернигово-сѣверской шли черезъ Допъ славяно-русскія поселенія въ сосѣдней муромской области⁶⁾, и этой-же землѣ нужно приписать колонизированіе вообще финской области на юго-востокѣ Россіи, хотя сюда, безъ сомнѣнія, шла колонизація и изъ областей сѣверныхъ славяно-руссовъ, но такъ какъ движеніе съ юга отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ и ея притокамъ шло отъ главной сцены дѣйствія—отъ кievской земли, то естественно, что оно было быстрѣе, чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, мало еще населенной области верхней Волги. Движеніе съ юга скоро переходитъ изъ области Десны въ область Оки⁷⁾.

¹⁾ Голуб., 12.

²⁾ Ипат. лѣт., 242.

³⁾ Брунь, 116; Голуб., 12.

⁴⁾ Брунь, *ibid.*

⁵⁾ *Ibid.*, 119.

⁶⁾ Голуб., 25.

⁷⁾ Соловьевъ, I, 23.

Такимъ образомъ изъ территоріи южной Россіи славяно-русскаго населенія мы не можемъ указать лишь въ предѣлахъ новороссійскаго края, въ юго-восточной части подольской губерніи, въ южной половинѣ харьковской и въ теперешнихъ малороссійскихъ частяхъ воронежской губерніи. Эти незанятые тогда южно-руссами области были достояніемъ кочеваго азіатскаго населенія.

Въ теченіи всего разсматриваемаго періода Азія, какъ и въ первый періодъ, продолжала надѣлять южную Русь своими обитателями, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ непрерывной смѣнѣ. Съ VI по XIII в. наша страна принимала послѣдовательно болгаръ, аваровъ, угровъ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и наконецъ монголовъ. Всѣ эти народы двигались съ востока на западъ черезъ южно-русскія степи, раскинувшіяся отъ Дона до устьевъ Дуная, и разница между ними главнымъ образомъ заключается во времени, какое они проживали въ южно-русскихъ предѣлахъ. Народы кочевые ранняго періода (болгары, авары, угры) только, такъ сказать, перешли черезъ нашу страну, направляясь въ западную Европу, гдѣ они или исчезали (авары), или же осѣдали (болгары, угры); остальные-же кочевники (хозары, печенѣги, половцы и монголы) дальше южной Россіи не пошли. Очевидно, западная Европа достигла въ это время такой культурной и политической мощи, что имѣла силу закрыть доступъ внутрь своихъ странъ (какъ это сдѣлала въ XV ст. и Россія) новымъ народамъ, и имъ пришлось остановиться навсегда въ предѣлахъ южной Россіи. *Болгары* принадлежали къ урало-алтайскому (или угро-татарскому) племени туранскаго семейства и жили первоначально при соединеніи Камы съ Волгой (остатки ихъ тамъ мы видимъ въ настоящее время въ Черемисахъ и Мордвѣ)¹⁾. Одна изъ вѣтвей волжско-камскихъ болгаръ, отдѣлившись около V в., осѣла въ Мизіи въ VIII ст., употребивъ такимъ образомъ на переходъ съ береговъ рѣки Волги къ устью Дуная около двухъ столѣтій. Время проживанія этихъ перекочевывавшихъ болгаръ на территоріи южной Россіи обыкновенно полагаютъ въ промежуткѣ между концомъ VI-го в. и началомъ VII-го. Перешедши потомъ черезъ Дунай и овладѣвши Ми-

¹⁾ *Максъ Миллеръ*, «Наука о языкѣ», I т., лекція 8.

зей, они смѣшались съ пришедшими туда раньше славянами, передавши послѣднимъ свое названіе ¹⁾). Съ болгарами закрываются такъ называемыя „железные ворота“ Дуная, потому что здѣсь возникаетъ сильное болгарское государство, и послѣдующія кочевныя орды проникали въ западную Европу уже черезъ Карпаты.

За болгарами въ VI—VII в., какъ мы уже говорили въ первой главѣ, пришли авары (обры). Время проживанія аваровъ въ южной Россіи было, можно думать, особенно тяжелымъ временемъ для славянскихъ обитателей: у нихъ въ подчиненіи были анты, жестокое обращеніе съ одною вѣтвью которыхъ—дульбами, осталось памятно не только до времени лѣтописца, но и до нашихъ дней въ видѣ народныхъ преданій о древнихъ исполнахъ—„обрахъ“ ²⁾). Ослабленные въ своей кочевой мощи соседствомъ осѣдлага славяно-русскаго населенія, авары частью погибли въ борьбѣ съ антами ³⁾ и отъ какой-то повальной болѣзни ⁴⁾, частью, подъ давленіемъ слѣдующихъ кочевниковъ, переместились въ западную Европу. Изъ столкновеній аваровъ съ побужскимъ населеніемъ—дульбами можно заключать, что они прошли въ западную Европу не вторымъ путемъ—черезъ устья Дуная (путь этотъ былъ запертъ славяно-болгарскимъ населеніемъ), а сѣвернѣе, черезъ среднюю часть Карпатъ, менѣе возвышенную и перерѣзанную долинами горныхъ рѣкъ и ручьевъ ⁵⁾. Тою-же дорогою шли потомъ и угры (венгры). Отдѣлившись отъ урало-алтайской группы, угры явились въ предѣлы южной Россіи между 884 и 898 г., когда степное ея пространство было занято уже хозарами. Можно думать, что они, переходя южную Русь, подняли подъ зависимость хозарь ⁶⁾; но потомъ они подвигаются западнѣе, въ Атель-Кузь (Бессарабію), откуда и перебираются по

¹⁾ Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, въ русской исторической наукѣ, что болгары были не урало-алтайцы, а славяне.—*Иловайскій*, «Пересмотръ вопроса о гунахъ». «Русск. Старина», 1882 г., № 3, стр. 731—733.

²⁾ *Симашикевичъ*, «Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подолія», вып. 2-й, стр. 29.

³⁾ *Шафарикъ*, I, 117.

⁴⁾ Ипат. лѣт., 7.

⁵⁾ *Илов.*, II, 26—27.

⁶⁾ *Вест.-Рюм.*, 70.

дорогѣ аваровъ за Карпаты ¹⁾). Угры были послѣднимъ азіатскимъ народомъ, который успѣлъ помѣститься въ предѣлахъ западной Европы; послѣ нихъ кочевникамъ открыта была только южная равнина Россіи. Слѣдующіе потоки кочеваго населенія, разбившись о западныя преграды, залили собою южную Русь, которая съ этого времени одна, безъ раздѣла со своими западными сосѣдями, выноситъ на себѣ всѣ послѣдствія отъ сожителства съ кочевниками. Эпоха съ IX по XIII в. можетъ быть отнесена къ періоду самаго экстенсивнаго вліянія народовъ урало-алтайской группы на южное славяно-русское населеніе. Въ указанный промежутокъ по южной границѣ земель галицко-волынской, а потомъ кievской и переяславской и на востокъ отъ послѣдней, по всему юго-востоку земли чернигово-сѣверской широко раскинулись кочевья азіатскихъ ордъ, обнимавшихъ всю степную полосу отъ Днѣстра до Яика ²⁾). Здѣсь проживали послѣдовательно одни за другими: хозары, печенѣги, половцы и наконецъ монголы.

Хозары, кочевавшіе на хвалынскомъ поморьѣ съ III по VII ст., передвинулись въ южно-русскія степи къ концу VIII в. ³⁾); въ IX в. мы видимъ въ подчиненіи у нихъ изъ южно-русскихъ славянъ: сѣверянъ и полянъ, которые платили имъ дань „по бѣлѣ“ и „по вывѣрицѣ“ и „отъ дыма мечь“ ⁴⁾); но едва-ли власть хозаръ не распространялась и на остальныхъ славяно-руссовъ до р. Днѣстра. Исторія застаётъ хозаръ въ исходѣ ихъ проживанія въ южной Россіи. Въ это время они главною своею массою обитали на Подоньѣ и представляли изъ себя полу-кочевое населеніе, образуя такъ называемое хозарское царство. По своимъ бытовымъ и общественнымъ свойствамъ хозары напоминаютъ намъ скивоовъ съ одной стороны и монголовъ съ другой въ тотъ періодъ, когда у послѣднихъ являлась Золотая Орда съ богатымъ и блестящимъ городомъ Сараевомъ, полнымъ всякаго ипоземнаго населенія. Видимо, они находились подъ культурнымъ вліяніемъ другихъ народностей, между которыми выдѣляются евреи, религія которыхъ была господствующею у хо-

¹⁾ Ibid.

²⁾ *Слов.*, II, 74.

³⁾ *Шафарикъ*, III, 100—108.

⁴⁾ *Ипат. лѣт.*, II.

зарь: по крайней мѣрѣ ее исповѣдывали тогда хозарскій каганъ и городское хозарское населеніе. Центромъ хозарскаго царства былъ городъ Саркель или Бѣлая-Вежа, но существовали и другія городскія поселенія, какъ Шуруканъ (нынѣшній Харьковъ), Сугровъ (близь Изюма), Баличъ, Чемлюевъ¹⁾). Въ хозарскихъ городахъ, ведшихъ торговлю съ Европой и Азіей, обитали, кромѣ хозарь, евреи, славяно-русссы, греки, арабы (скорѣе персы) и другія народности²⁾). Въ городовъ хозарское населеніе не отставало отъ своихъ кочевыхъ привычекъ. Поселенія сѣверянъ по рѣкамъ сѣверному Донцу и Дону первая подверглись вліянію хозарь; можетъ быть, тогда еще изъ смѣси сѣверянъ съ хозарами зародилось то славянское поселеніе Подонья, которое потомъ, около эпохи монголовъ всплыло подъ именемъ „Бродниковъ“. Изъ предѣловъ сѣвернаго Донца и Дона хозары распространились на югъ до Тмутаракани³⁾, и даже на крымскій полуостровъ, и на сѣверѣ глубоко врѣзывались въ предѣлы сѣверянъ. Памятниками, по которымъ можно болѣе или менѣе вѣрно опредѣлять районъ поселеній хозарскихъ, остаются до нашего времени хозарскія „городища“. По этимъ остаткамъ можно предполагать поселенія хозарь въ харьковской губерніи, въ уѣздахъ харьковскомъ, сумскомъ, валковскомъ, изюмскомъ⁴⁾, а также въ черниговской губерніи⁵⁾ и въ полтавской по р. Сулѣ, въ уѣздахъ кременчугскомъ, кобелякскомъ, полтавскомъ; а частію въ зѣньковскомъ, миргородскомъ и хорольскомъ⁶⁾. Изъ тѣхъ немощныхъ

¹⁾ Голуб., 9.

²⁾ Общеизвестный фактъ о судьяхъ въ Саркелѣ: двухъ для хозарь іудеевъ, двухъ для христіанъ и одного для русскихъ и другихъ язычниковъ (Вест.-Рим., 80).

³⁾ Ишт. лѣт., 144.

⁴⁾ «Каганово городище» и «Кагановъ перевозъ» близъ города Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, около сс. Ковегы и Одринки — «хозарское городище» въ хозарскомъ урочищѣ. Въ 1847 г. въ сумскомъ уѣздѣ, около слободы Нижней-Сыроватки найденъ былъ кладъ изъ 206 монетъ. По заключенію академика Френа монеты, здѣсь найденныя, принадлежатъ частію Азіи, частію сѣверной Африкѣ, одна монета явилась изъ Андалузій; многія изъ монетъ относятся къ VII в., большая часть къ XIII и началу IX. Вѣроятнѣе всего, что означенный кладъ тоже служилъ памятникомъ хозарь и ихъ всемірной торговли. (Филаретъ. «Историко-стат. описаніе харьк. епархіи»).

⁵⁾ Голуб. 41—42.

⁶⁾ Списки населенныхъ мѣстъ (полт. губ.).

свѣдѣній, которыя занесены на страницы лѣтописей, мы видимъ, что южные славяно-руссы находились въ болѣе или менѣе сходныхъ отношеніяхъ къ хозарамъ, въ какихъ были позже къ печенѣгамъ и половцамъ: сначала южные славяно-руссы были въ подчиненіи у хозаръ ¹⁾, а позже южно-русскіе князья то ходили противъ нихъ съ войскомъ ²⁾, то приглашали ихъ къ себѣ въ военные союзники ³⁾. Долгое сожительство хозаръ съ славяно-руссами, одинаковость торговыхъ и промышленныхъ интересовъ и близость культурнаго развитія обоихъ народовъ даютъ основаніе заключить по аналогіи съ печенѣгами о томъ, что значительная часть хозаръ ассимилировалась со славяно-русскимъ населеніемъ на восточной окраинѣ южной Россіи; другая-же половина хозаръ, проживавшая въ степи, вѣроятно, была поглощена своими замѣстителями — *печенъгами*. *Печенъги* (или *узы*) въ началѣ X в. заняли своими кочевьями все степное пространство отъ р. Дона до р. Дуная ⁴⁾, но первоначально они расположились по сторонамъ нижняго Днѣпра ⁵⁾, вблизи пороговъ ⁶⁾. Продолжая кочевать по свободному отъ славяно-русскаго населенія пространству южной Россіи, они при первомъ появленіи нападаютъ на осѣдлое населеніе ⁷⁾, вступая въ борьбу съ южно-русскими князьями ⁸⁾; но потомъ, какъ и ихъ предшественники, дѣлаются военными союзниками послѣднихъ ⁹⁾. Сосѣдство и общіе военные интересы сближаютъ печенѣговъ со славяно-руссами, они, видимо подпадаютъ вліянію осѣдлаго населенія и начинаютъ постепенно и сами осѣдлать. Приходъ во второй половинѣ XI вѣка половцевъ приближаетъ вежи печенѣжскія къ жилищамъ славяно-руссовъ, и скоро печенѣги окружили какъ-бы кольцомъ всю южную и юго-восточную границу славяно-русскихъ поселеній юга Россіи. Осѣданіешло, конечно, постепенно, кочевники частями (мо-

1) Ипатьск. лѣт. 9, 11.

2) Ibid. 142, 144.

3) Ibid. 103.

4) Ипатьск. лѣт. 26, *Забѣлать* II т. 149.

5) *Забѣл.* Ibid.

6) Ипатьск. лѣт. 48, 83.

7) Ibid. 26, 105 и т. д.

8) Ibid. 43.

9) Ibid. 52, 99.

жеть быть родами, родственными группами) ¹⁾ поселялись вблизи осѣдлыхъ обитателей; отсюда является къ этому времени множество названій для разныхъ отдѣловъ печенѣжскаго населенія, именно: *печенныи* ²⁾, *торки* ³⁾ (торцы), *берендичи* ⁴⁾ (берендѣи); *тургѣи* ⁵⁾, *коуи* ⁶⁾ (куи, коусы), *каспичи* ⁷⁾ и *бастѣсва гадь* ⁸⁾. Въ это время названіе печенѣговъ теряетъ свой общій смыслъ, получаетъ болѣе узкое значеніе, а вмѣсто него общимъ именемъ является—„черные клобуки“ ⁹⁾ или „черный клобукъ“ ¹⁰⁾; по крайней мѣрѣ можно утвердительно сказать, что послѣднее названіе обнимаетъ собою *торковъ*, *берендѣевъ*, *печенѣговъ* и *коуевъ* ¹¹⁾. Поселенія „черныхъ клобуковъ“ шли на правой сторонѣ Днѣпра по р. Роси, гдѣ были впоследствии на одномъ изъ притоковъ этой рѣвки, или-же у самаго устья р. Роси ¹²⁾ и ихъ городъ Торческъ, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Украинѣ переяславской, вѣроятно, по обоимъ берегамъ р. Сулы (на „Посуль“) и преимущественно въ углу, который образуется Днѣпромъ и Сулою, въ окрестностяхъ города Боруча, лежавшаго вблизи городовъ Горань-Княжа, Нежатица, Городка и Серебрячаго ¹³⁾ и въ чернигово-сѣверскомъ княжествѣ, вѣроятно, въ полосу, заключающуюся между Семью и Остромъ ¹⁴⁾. Разселившіеся на окраинахъ славяно-русскихъ поселеній, печенѣги не отрѣ-

¹⁾ *Кост.*, I, 144—147, *Илов.* II, 70—71.

²⁾ *Ип. лѣт.*, 174, 204, 205 и т. д.

³⁾ *Ibid.*, 114, 143, 154, 210.

⁴⁾ *Ibid.*, 186, 216, 353.

⁵⁾ *Ibid.*, 277.

⁶⁾ *Ibid.*, 296, 354, 372.

⁷⁾ *Ibid.*, 348.

⁸⁾ *Ibid.*, 372, 375.

⁹⁾ *Ibid.*, 251, 262, 454.

¹⁰⁾ *Ibid.*, 356, 421.

¹¹⁾ *Ibid.*, 296, 354.

¹²⁾ *Костомар.*, I, 144—147.

¹³⁾ *Багалій*, 125—126.

¹⁴⁾ Поселенія печенѣговъ можно предполагать и на западѣ отъ кievской земли по южной границѣ—въ теперешней Подоліи, или древнемъ Понязѣ (Самашкевичъ, стр. 111), и далѣе; по крайней мѣрѣ извѣстно, что печенѣги находились въ распоряженіи угорскихъ князей: такъ въ 1334 г. угорскій король послалъ Ярополку въ помощь отъ себя «Берендичевъ 30 тысящъ» (Ипатск. лѣт. 216).

пились сразу отъ кочевыхъ привычекъ: они продолжали жить въ открытомъ полѣ, подвижными „вежами“, или селеніями изъ войлочныхъ кибитокъ, хотя имѣли и постоянныя становища, огороженныя валами, куда они собирали свои семьи и стада въ военное время. Въ болѣе-же опасныхъ случаяхъ, напримѣръ при нападеніи половцевъ, укрывались подъ защиту русскихъ городковъ ¹⁾, пока на окраинахъ, гдѣ соприкасалось славяно-русское населеніе съ печенѣжскимъ, не возникаютъ городки, вѣроятно со смѣшаннымъ населеніемъ. Кромѣ упомянутого уже города Торческа на р. Роси, были еще города Древень, Чюрняевъ ²⁾. Можно предполагать также, что печенѣжскія городскія населенія были на лѣвомъ берегу Днѣпра; памятникомъ такихъ поселеній служатъ названія ихъ городищъ ³⁾.

Кромѣ такого признака осѣдой жизни печенѣговъ, какъ города, у нихъ можно предполагать и существованіе земледѣлія ⁴⁾; но оставаясь народомъ полу-кочевымъ и воинственнымъ, печенѣги образовали изъ себя по окраинамъ южной Россіи подвижное войско князей, которое съ одной стороны отражало набѣги кочевниковъ, а съ другой—участвовало и въ другихъ (напримѣръ междоусобныхъ) войнахъ князей. Наравнѣ со славяно-русскими обитателями, печенѣги были въ подчиненіи тѣхъ князей, во владѣніяхъ которыхъ они обитали: такъ были „коуи черниговскіе ⁵⁾“, „торки переяславскіе ⁶⁾“, и т. д., по это, впрочемъ, не мѣшало имъ при междоусобной борьбѣ князей переходить то къ одной, то къ другой сто-

¹⁾ Ипатск. лѣт., 208, 296.

²⁾ Ibid., 450 456.

³⁾ Печенѣжскія городища между прочимъ указываются въ предѣлахъ харьковской губерніи: такъ въ ахтырскомъ уѣздѣ, между деревнями Литовкою и Боголюбовкою находятся два городища Кукуеви, въ лебединскомъ уѣздѣ въ 5 верстахъ отъ с. Боровеньки — также Кукуево городище, которое преосвященный Филаретъ сблизжаетъ съ кубузи или ковузи, и въ Богодуховскомъ уѣздѣ, гдѣ слобода Горедная, находилось «*Торчиново Городищево*», т. е. остатокъ города торковъ. О торкахъ-же напоминаетъ паяз и прежнее названіе города Славянска-Торчъ по р. Торцу, а на печенѣговъ указываетъ своимъ племенъ мѣстечко Печенѣги (или Ново-Вѣлградъ) лебединскаго уѣзда (Филаретъ).

⁴⁾ *Костом.*, I, 144—147.

⁵⁾ Ипатск. лѣт., 431.

⁶⁾ Ibid., 143.

ронѣ. Трудно дать точный отчетъ, какъ велико было полу-осѣдлое населеніе печенѣговъ, во всякомъ случаѣ оно было значительно. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по тому значительному цифровому контингенту, какой они посылали своимъ влязьямъ на помощь въ видѣ войска. Такъ въ 1160 г. „послалъ князь Ростиславъ изъ Кіева помочь Рогъволоду съ Жироиславомъ съ Нижировичемъ торкъ 600¹⁾“. Въ 1142 г. Глѣбъ „посла брата своего Михаила, и съ нимъ переяславецъ сто, а берендѣевъ полторѣ тысящѣ²⁾“, въ 1183 году у Мстислава Володиміровича берендѣевъ было 2100³⁾; въ 1185 г. съ Контувдѣемъ (торцкимъ княземъ) было 6900 воиновъ⁴⁾. Попятно, что при такой численности печенѣги имѣли важное, а иногда и рѣшающее значеніе въ княжескихъ междоусобіяхъ, на что и указываютъ многія мѣста лѣтописи, напр.: въ 1161 г. „начаша молвити дружина Ростиславля: княже! се братія твоя къ тобѣ не притягнули, и берендичѣ ни торця, а сихъ сила велика⁵⁾“; или Изяславъ говоритъ своей дружинѣ: „Шаки ны кѣльзѣ будетъ поѣхати на Бѣль-Городъ, а въ Черныи Клобуки вѣдемъ; аже уже въ Черныи Клобуки вѣдемъ и съ ними ся скушимъ, то падѣмся на Бога, то не боимся Гюргя, ни Володимира⁶⁾“.

Поселившись на южныхъ предѣлахъ Руси, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ осѣдлыми славяно-руссами, печенѣги естественно подверглись вліянію послѣднихъ⁷⁾, и съ конца XI в. всѣ эти торки, берендѣи, печенѣги, ковуи и проч. начали входить въ южно-русскую жизнь и, сливаясь постепенно съ туземцами, составили часть южно-русскаго народа⁸⁾, принесли, конечно, въ этнологическія особенности южно-русскаго славянина не мало нравственныхъ чертъ и бытовыхъ отличій.

¹⁾ Ibid., 346.

²⁾ Платск. лѣт. 380.

³⁾ Ibid. 426.

⁴⁾ Ibid. 436.

⁵⁾ Ibid. 353.

⁶⁾ Ibid. 287.

⁷⁾ *Иловійск.*, II, 70—71.

⁸⁾ *Костомар.*, I, 144, 147.

Въ половинѣ XI в. ¹⁾ южно-русскія степи приняли къ себѣ изъ Азіи новое кочевое населеніе *половцевъ* (или кумановъ ²⁾). Сначала главные силы половцевъ кочевали только въ придонскихъ степяхъ и далѣе на востокъ до Яика ³⁾, но скоро онѣ придвинулись и къ Днѣпру и стали своими вежами на побережьи рѣкъ Самары, Углы (Орели) ⁴⁾, Скопороди ⁵⁾ на югѣ, можетъ быть, до Чернаго моря ⁶⁾. Кочевья орды половцевъ, передвигая постоянно по степямъ свои вежи, дѣлились на роды, во главѣ которыхъ стояли наследственные ханы; кромѣ племенной связи, едва ли всѣ ихъ роды имѣли какое либо единство. При чистотѣ бытовыхъ фирмъ кочеваго періода, чѣмъ половцы разнятся не только отъ хозарь, но и отъ печенѣговъ во все время ихъ пребыванія въ предѣлахъ южной Россіи, трудно предполагать у нихъ существованіе какой-либо политической организаціи, а равно и признаковъ осѣдой жизни. Правда, у подонскихъ половцевъ лѣтописъ указываетъ намъ на существованіе городовъ: Шуракаля, Сугрова ⁷⁾, Болвня ⁸⁾; но едва ли это не города, оставшіеся еще отъ хозарь и теперь служившіе для зимнихъ ставокъ половецкихъ хановъ.

Въ отнѣщеніи нами районѣ постоянно пребывали вежи половцевъ съ ихъ женами и дѣтьми, рабами и скотомъ ⁹⁾; все же мужское населеніе, способное носить оружіе и управлять войскомъ, отъ мала до велика ¹⁰⁾, по выраженію лѣтописца, уходило за добычею. Въ своихъ военно-разбойничьихъ поѣздкахъ половцы доходили на западъ до Дуная, гдѣ „воеваша на Грѣкы“, а на сѣверѣ ихъ набѣгамъ подвергались, главнымъ образомъ, земли: *чернигово-ствоерская, переяславская* и кіевская, хотя отъ половецкаго опустошенія не ускользнули, конечно, и земля галицко-волинская, по осо-

¹⁾ Ипатск. лѣт., 114, 115.

²⁾ Костомар., I, 133.

³⁾ Ипатск. лѣт., 192, 204, 431.

⁴⁾ Ипатск. лѣт., 317, 369.

⁵⁾ Ibid., 369, 440.

⁶⁾ Ibid., 451.

⁷⁾ Ипатск. лѣт., 192.

⁸⁾ Ibid., 204.

⁹⁾ Ibid., 317, 444, 455, 455.

¹⁰⁾ Ibid., 431.

¹¹⁾ Ibid., 186, 314, 427, 444, 453; Брунь, 269.

бенно много пострадали отъ нихъ побережья р. Роси на правой сторонѣ Днѣпра, и Сулы на лѣвой¹⁾; здѣсь рѣдкій годъ проходилъ безъ набѣга половцевъ. Набѣги половцевъ отличались большими опустошеніями; они разоряли города²⁾, а жителей уводили въ плѣн³⁾. Населеніе не только запиралось отъ нихъ въ городахъ, но вынуждено было бѣжать въ глубь страны и даже совершенно выселиться изъ областей, подвергавшихся ихъ набѣгамъ: такъ можно думать, что съ XII в. побережье р. Сулы очистилось отъ славяно-русскаго населенія, благодаря лишь половцамъ⁴⁾. Разрушительнымъ характеромъ этихъ кочевниковъ объясняется и та враждебность, съ какой лѣтописецъ, довольно объективно рассказывавшій о хозарахъ и печенѣгахъ, говоритъ о половцахъ: онъ ихъ именуетъ то „дикии половци“⁵⁾, то „безбожнии измаильтяне, окаяннии агаряне, печистии исчадія“⁶⁾. Подобными-же эпитетами онъ надѣляетъ и ихъ хановъ („князей“), напр. „Копцакъ, зауначальникъ, правовѣрный крестыиномъ“⁷⁾. Изъ того-же источника происходитъ и радость, съ какою встрѣчались на Руси побѣды надъ половцами, и въ немъ-же находимъ объясненіе, почему война Игоря Святославича въ 1175 г. возведена была въ подвигъ и сдѣлалась предметомъ народной поэмы „Слово о Полку Игоревѣ“. Ежегодныя нападєнія половцевъ на южно-русскія земли доставляли имъ большой контингентъ плѣнныхъ обоюго пола, которыхъ они обращали въ рабство и въ большинствѣ случаевъ продавали корсунскимъ и таманскимъ евреямъ, а отъ послѣднихъ славяно-русскіе плѣнники или преимущественно въ восточныя мусульманскія страны⁸⁾. Однако вредъ, какой приносили южно-русской странѣ половцы, не помѣшалъ сближенію послѣднихъ съ славяно-руссами. При междоусобицахъ войнахъ князья начинаютъ принимать къ себѣ въ союзники кочевыхъ

¹⁾ Ibid. 154, 185, 186, 208, 456, 480.

²⁾ Ibid. 343.

³⁾ Ibid. 317, 186.

⁴⁾ Ипатск. лѣт., 480.

⁵⁾ Ibid., 228, 337, 292, 354, 466 и т. д.

⁶⁾ Ibid., 414, 424.

⁷⁾ Ibid., 414.

⁸⁾ Голуб., 78.

враговъ своей родины¹⁾). Вслѣдъ за этимъ возникаютъ и родственныя отношенія между семьями южно-русскихъ князей и семьями половецкихъ хановъ. Последнее обстоятельство указываетъ между прочимъ на то, что внѣшняя физическая красота не чужда была половцамъ. Повидимому, это былъ крѣпкій и красивый народъ: не даромъ-же красота половецкихъ женщинъ отмѣчена въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, гдѣ восхваляются „красивыя дѣвки половецкыя“. Можно думать, что вслѣдъ за князьями, браки съ половецкими женщинами вошли въ обычай и у прочаго славяно-русскаго населенія, что было весьма естественно, такъ какъ князья съ походомъ противъ половцевъ, напр. въ 1103 и въ 1111 г. возвращались съ полономъ, и тогда половецкіе плѣнники умножали населеніе южной Россіи²⁾). Сближеніе южно-руссовъ съ половцами черезъ совмѣстные походы и браки вело къ ихъ взаимному вліянію: половцы безъ сомнѣнія поддавались культурному вліянію южно-руссовъ, а на послѣднихъ отражалось обратное вліяніе половцевъ, какъ вольныхъ наѣздниковъ и болѣе опытныхъ воиновъ³⁾). Дальнѣйшее сосѣдство половцевъ съ южными славяно-руссами, вѣроятно, имѣло-бы результатомъ своимъ такое-же сліяніе, какое мы констатировали относительно печенѣговъ, но этому помѣшали монголы, которые, нахлынувши въ южно-русскія степи, поглотили половецкихъ кочевниковъ.

Кромѣ хозарь, печенѣговъ и половцевъ въ близкихъ отношеніяхъ съ южно-руссами того времени стояли и другіе выходцы изъ Азіи—это *ясы* и *косоги* или черкасы. Составляя, можетъ быть, одну изъ вѣтвей хозарь, косоги обитали въ предѣлахъ Тмутаракани еще до водворенія тамъ сѣверянъ; въ періодъ тмутараканскаго княжества часть ихъ оставалась въ краѣ, составляя здѣсь, по мнѣнію г. Иловайскаго, мѣстную аристократію⁴⁾), тогда какъ остальное черкасское населеніе было отодвинуто къ кавказскимъ горамъ.

При половцахъ черкасы жили у Азовскаго моря и были, безъ сомнѣнія, въ сношеніяхъ съ сѣверянами, а позднѣе особенно въ

¹⁾ Ипатск. лѣт., 242, 314, 375 и т. д.

²⁾ *Костомаровъ*, I, 144—147.

³⁾ *Голуб.*, 91—92.

⁴⁾ *Илова.*, т. II, 86.

близкихъ отношенійхъ съ бродниками, которые жили въ землѣ черкассовъ ¹⁾). Но и раньше сношенія ясовъ и косоговъ съ славяно-русскимъ населеніемъ было несомнѣнно: мы уже отмѣтили выше, что „Ясинъ родомъ“ былъ въ числѣ княжескихъ дружинниковъ, и что отъ ясовъ была взята жена князю Ярополку, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи г. Костомарова, что въ то время часть яскаго племени вошла въ составъ южныхъ славяно-руссовъ ²⁾; г. Изловайскій дѣлаетъ болѣе смѣлое въ этомъ отношеніи предположеніе, полагая, что прикавказскіе жители, въ томъ числѣ конечно ясы и косоги, во время угнетеній цоловецкихъ, селились на русскихъ крайнахъ ³⁾).

Менѣе интересна и важна въ этнографическомъ отношеніи въ разсматриваемый нами періодъ исторія другихъ ипородческихъ поселеній въ южной Россіи, къ которымъ нужно отнести *грековъ, итальянцевъ, евреевъ, талццевъ, поляковъ, венгровъ и литовцевъ*. Съ самымъ началомъ лѣтописнаго періода византійскимъ грекамъ ⁴⁾ принадлежали устья Дуная, весь таврической полуостровъ и сѣверная побережья Азовскаго моря, гдѣ были расѣяны, главнымъ образомъ при устьяхъ рѣкъ, ихъ города. Изъ такихъ греческихъ поселеній особенно важны по своимъ сношеніямъ съ южной Россіей Ъблградъ на р. Днѣстрѣ, Олешье на р. Днѣпрѣ, Корсунъ (Херсонесъ), Руссія (Керчь), Таматарха (Тмутаракань, Тамань) и Тана у устья Дона. Съ VI по XI в. южные славяно-руссы, дѣлаютъ свои нападенія на эти греческія колоніи; послѣдній изъ такихъ походовъ намъ извѣстенъ въ 1084 г., когда, по словамъ лѣтописи, „Давыдъ зая грѣкы въ Олешьи и зая въ нихъ все имѣніе“ ⁵⁾. Были сношенія славяно-руссовъ съ греками также и мирнаго характера: во 1-хъ, южно-русскіе промышленники (рыболовы) спускались по рѣкамъ къ самымъ побережьямъ Чернаго и Азовскаго морей и, какъ видно изъ договора Игоря ⁶⁾, занимались рыбною ловлею въ греческихъ

¹⁾ Брунъ, 116.

²⁾ Костомаровъ, I, 147.

³⁾ Излов., т. II, 17—18.

⁴⁾ Византійскія колоніи являются на черноморскомъ берегу очень рано, но крайней мѣрѣ мы ихъ находимъ тамъ ранѣе VI-го вѣка.

⁵⁾ Ипатск. лѣт., 144.

⁶⁾ Ibid., 32.

водахъ, оставаясь тамъ на жительство все теплое время года. Здѣсь-же происходила продажа и мѣна южно-русского сырья на произведенія греческой страны, между прочимъ на соль, и очень вѣроятно, что въ такихъ городахъ, какъ напримѣръ Олешье, были постоянными жителями и славяно-руссы. Но особенно видное вліяніе грековъ, какъ извѣстно, начинается съ X-го в., когда съ принятіемъ христіанства въ южную Русь пошла, кромѣ греческихъ торговцевъ, еще греческое духовенство и греческая интеллигенція.

Моментъ самаго большаго вліянія грековъ на южную Русь совпалъ съ началомъ паденія греческихъ торговыхъ колоній по побережью Чернаго и Азовскаго морей: ихъ мѣсто начали занимать здѣсь итальянцы (генуэзцы и венеціане), оживившіе торговлю на югъ ¹⁾. Пробираясь постепенно со своими торговыми судами въ воды Чернаго моря, генуэзцы въ 1170 г. заключаютъ договоръ съ императоромъ Мануиломъ Комниномъ, по которому имъ сдѣлался открытымъ доступъ во всея порты Чернаго моря, за исключеніемъ Руссїи и Таматархи, т. е. для нихъ осталось закрытымъ съ этого момента лишь Азовское море ²⁾. Но вѣроятно вскорѣ послѣ этого договора итальянцы уничтожаютъ и эту послѣднюю преграду, такъ какъ уже въ XII в. они принимали участіе въ торговлѣ города Таны (Азовъ), которая съ этого времени сдѣлалась на долго складочнымъ пунктомъ, находясь на великомъ торговомъ пути изъ средней Азіи въ Европу. Другимъ складочнымъ мѣстомъ для торговли остался городъ Олешье ³⁾, гдѣ кромѣ греческихъ и русскихъ торговцевъ проживали также и итальянцы. Тану и Олешье можно считать тѣми пунктами, изъ которыхъ итальянцы проникали во внутренніе торговые центры южной Россїи, на примѣръ Кіевъ.

Таврический полуостровъ и черноморско-азовское побережье дали тогда-же южной Россїи и третій торговый народъ—*сарреговъ*. Въ VI в. по Р. Хр. сарреги были уже въ предѣлахъ крымскаго полуострова ⁴⁾; конечно, они были и въ греческихъ колоніяхъ на

¹⁾ *Плав.*, II, 83.

²⁾ *Ibid.*, 85.

³⁾ *Ibid.*, 82.

⁴⁾ Въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія въ Чуфутъ-Кале, близъ Бахчисарая, въ Караубазарѣ, въ Феодосіи и др. мѣстахъ таврическаго полуострова открыто

сѣверномъ побережьи Азовскаго моря. Въ IX в. ихъ вліянію подпадаетъ обширное хозарское царство, въ которомъ, какъ мы уже видѣли, еврейское племя выступаетъ, какъ органическій элементъ государства, а религія Моисея становится господствующей въ странѣ. При половцахъ евреи становятся посредниками въ торговлѣ и между прочимъ при сбытѣ первыми своихъ рабовъ изъ плѣнныхъ южно-руссомъ въ предѣлы Азіи. Очень рано слѣды еврейскаго населенія мы находимъ и внутри поселеній южныхъ славяно-руссомъ, между прочимъ въ Кіевѣ. Такъ при Владимірѣ св., какъ показываетъ лѣтописное сказаніе о принятіи христіанства, евреи уже были здѣсь; были они также и во время Θεодосія печерскаго, и во время митр. Иларіона, на что указываютъ проповѣди этихъ послѣднихъ. Судя по культурной роли евреевъ въ хозарскомъ царствѣ, а равно и у насъ въ Кіевѣ въ первое время, можно думать, что евреи X-го в. были *библисты*, выходцы непосредственно изъ Азіи, отдаленныхъ потомковъ которыхъ, ассимилировавшихся позже съ татарами, мы знаемъ теперь подъ именемъ караимовъ. Но съ юга южная Русь получила незначительное количество еврейскаго населенія, сравнительно съ тѣмъ ихъ числомъ, какое дала ей западная Европа. Есть основаніе думать, что уже съ XI в. къ намъ стали перелетаться западные евреи—*талмудисты*, специализировавшіе свою дѣятельность, благодаря исключительнымъ условіямъ своей европейской исторіи, на торговлѣ и ростовщичествѣ. По крайней мѣрѣ этими признаками, которыми отличаются евреи-талмудисты въ наше время, характеризуются кіевскіе евреи временъ Святополка II и Владиміра Мономаха. Извѣстно, напримѣръ, что по смерти Святополка II кіевляне взяли евреевъ „на потокъ“ и „разграбиша я“¹⁾, въ отместку за ихъ ростовщичество и захватъ мѣстной торговли. Противъ тѣхъ-же язвъ борется и Владиміръ Мономахъ, издавая постановленія о „рѣзахъ“ и изгоняя евреевъ изъ Кіева. Въ это время евреи составляли уже не временныхъ, а постоянныхъ жителей города Кіева: такъ извѣстно, что при пожарѣ въ 1124 г. въ Кіевѣ по-

много надгробныхъ памятниконъ и рукописей, указывающихъ на присутствіе здѣсь евреевъ въ VII ст.—Военно-Стат. об. Рос. Имп. 1844 г., т. XI, ч. 2 («тавр. губ. 103 стр.»).

¹⁾ Ипатск. лѣт., 198.

горѣли и „жидове“¹⁾). Вѣроятно, они жили въ отдѣльномъ предмѣстьѣ, на сѣверо-восточной сторонѣ Кіева, гдѣ были „жидовскія ворота“²⁾). Нельзя допустить, чтобы поселенія евреевъ ограничивались городомъ Кіевомъ, вѣроятно, они были и въ другихъ торговыхъ городахъ, какъ Львбечъ, Черниговъ. Но крайней мѣрѣ евреи оказываются даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ по случаю смерти кн. Андрея въ 1175 г. „жидове“ плакали по немъ³⁾). Особенно-же можно предполагать значительное еврейское населеніе въ галицко-владимірской⁴⁾ землѣ, какъ области ближайшей къ западной Европѣ и притомъ отличающейся вѣдншей торговлей.

Изъ западной Европы въ лѣтописный періодъ начали выселяться въ южную Россію еще *нѣмцы, поляки и венгры*. Въ X в., какъ мы уже видѣли выше, нѣмецкое населеніе было въ Кіевѣ и съо мы должны разумѣть между прочимъ въ католикахъ, съ которыми боролось православное духовенство, не исчезло оно и въ XI и въ послѣдующихъ вѣкахъ⁵⁾); но въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ нѣмецкое населеніе находимъ въ галицко-волинской землѣ, начиная съ XII в., когда эта часть южной Россіи чрезъ угровъ, чеховъ и поляковъ становится въ близкія отношенія къ западной Европѣ, спосится съ католическимъ міромъ и подпадаетъ его вліянію. Нѣмецкое населеніе въ галицко-волинскомъ княжествѣ являлось въ двухъ видахъ: то наемныхъ военныхъ отрядовъ, то ремесленниковъ и торговцевъ. Первыхъ приводили въ край главнымъ образомъ польскіе короли, когда имъ приходилось завладѣвать сѣверными городами Галиціи, и оставляли здѣсь какъ свой гарнизонъ. Такой нѣмецкій гарнизонъ находился въ Краковѣ, напримѣръ, въ 1290 г.⁶⁾). Но есть основаніе предполагать, что нѣмецкія войска были на службѣ и у южно-русскихъ князей: такъ въ 1149 г., по разсказу лѣтописца, г. Луческъ защищался осаж-

1) «Тогда погорѣ Подолье... въ утрій же день погорѣ Гора и монастыревѣ вен, что изъ на Горѣ въ градѣ, и жидове». Ипатск. лѣт., 208.

2) Ibid., 232, 296.

3) Ibid., 401.

4) Ипатск. лѣт., 605.

5) Ibid., 393.

6) Ibid., 614.

денными въ немъ нѣмцами ¹⁾, потомъ въ 1280 г. Владиміръ галиційскій, посылая помощь кн. Льву, отрядилъ тогда-же и какого-то Кафилата-Силезца ²⁾ съ войскомъ, вѣроятно, одного изъ начальниковъ нѣмецкаго отряда. Мирное-же нѣмецкое населеніе постепенно проникало въ страну, и, какъ ремесленно-торговый народъ, селилось въ городахъ ³⁾, образуя городское населеніе: такъ въ г. Холмъ при первомъ его основаніи въ 1259 г. вмѣстѣ съ „Русью“ явились и нѣмцы ⁴⁾. Въ городѣ Владиміръ Галицкомъ нѣмцы пользовались одинаковыми правами горожанъ съ южно-руссами и, можно думать, уже тогда начали представлять изъ себя городскую денежную аристократію; къ такому предположенію приводитъ сказаніе лѣтописца о томъ, какъ въ г. Владиміръ „немѣчичи“ Маркольтъ угощаль у себя князей Василька, Льва и Войтелка ⁵⁾. Слѣдовательно, еще въ лѣтописный періодъ положено начало опѣмеченію западныхъ южно-русскихъ городовъ, развитіе коего мы находимъ въ послѣдующее время.

Тогда-же западная часть южно-русскаго края начала подпадать вліянію другаго народа, игравшаго впоследствии еще болѣе видную роль, какъ въ политико-экономической, такъ и въ этнологической судьбѣ галицкаго населенія,—*поляковъ*. „Ляхи“, какъ называется обыкновенно поляковъ лѣтописецъ, были, и постоянными сосѣдями южнаго славяно-русскаго населенія на западѣ. Въ началѣ лѣтописнаго періода, по своимъ этнологическимъ особенностямъ, ляхи и южные славяно-руссы мало имѣли еще между собою различительныхъ признаковъ, какъ мало ихъ было тогда и вообще между всеми славянскими народностями: народъ южно-русскій, по мнѣнію г. Костомарова, былъ въ такомъ отношеніи къ польскому, какъ и къ болгарскому,—какъ русскіе при Святославѣ могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ, явившись въ южную Русь и занявши Кіевъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ ⁶⁾, считаль Русь за продолженіе Польши ⁷⁾. Понятно,

¹⁾ Ibid., 272.

²⁾ Ibid., 582.

³⁾ Ibid., 605, 596.

⁴⁾ Ibid., 558.

⁵⁾ Ипатск. лѣт., 573.

⁶⁾ Ibid., 100—101.

⁷⁾ Костомаровъ, I, 93—94.

что при такихъ условіяхъ край сосѣдней съ ляхами галицко-владимірской земли занялъ исключительное положеніе по отношенію къ полякамъ. Очень рано, при Владимірѣ св. ¹⁾) и Ярославѣ, объединительныя стремленія изъ Полянской области коснулись и хорватовъ, равно какъ и ляховъ; но тутъ не имѣли того успѣха. По близости хорватовъ возникалъ тогда другой объединяющій центръ въ племени польскомъ, и хорваты болѣе другихъ южныхъ славяно-русскихъ народностей подчиняются польскому вліянію ²⁾). Галицкая земля по частямъ входила въ предѣлы польскихъ владѣній, и понятно, что въ ней рано явилось польское населеніе. Ляхскій элементъ былъ самый разнообразный въ галицко-волынской землѣ: здѣсь были и ляхи бояре, и войско ляхское, и ляхи-торговцы, и ляхи ремесленники ³⁾); жило это населеніе по преимуществу въ городахъ. Но если мы здѣсь указали населеніе польское только въ галицко-владимірской землѣ, то этикъ мы старались показать преимущественное вліяніе ляховъ въ этомъ краѣ, польскій же элементъ несомнѣнно присутствовалъ во всѣхъ другихъ областяхъ южной Россіи, на что мы уже указывали выше, когда говорили о князьяхъ, о плѣнѣ и пр.

Еще большею исключительностью, чѣмъ относительно поляковъ, галицкая земля отличалась между другими частями южной Россіи относительно угровъ. Очень рано завязываются сношенія южно-руссавъ съ Венгеріей: сюда убѣгаютъ южно-русскіе князья отъ своихъ враговъ; здѣсь они перѣдко женятся и отсюда приводятъ въ помощь себѣ довольно значительные военные отряды угровъ ⁴⁾), которые приникаютъ до Кіева. Но въ XII в. угры являются въ южную Русь уже не какъ союзники, а какъ господа, такъ какъ Галицкая земля на нѣкоторое время дѣлается удѣломъ угорскихъ князей ⁵⁾).

Изъ этотъ промежутокъ времени въ край галицкій явилось, понятно, и угорское населеніе, какъ привилегированный классъ; такъ угры, сдѣлавшись господами страны, перебили много галичанъ, противныхъ новому порядку, *раздавали имѣнія и должности сво-*

¹⁾ Ипатск. лѣт., 54, 105.

²⁾ Смирновъ, 15.

³⁾ Ипатск. 492, 558 и т. д.

⁴⁾ Ibid., 177, 178, 284.

⁵⁾ Ibid.

имъ, отстраняя галичанъ¹⁾), кромѣ того, что по городамъ расположились гарнизоны изъ угровъ.

На сѣверо-западѣ, въ предѣлы южной Россіи, хотя и весьма незначительною частью заходили населенія литовскаго племени. Сосѣднимъ къ южно-руссамъ литовскимъ племенемъ были ятвяги; населенія ихъ въ X в.²⁾ отдѣляли отъ славяно-русскаго населенія на юго-западѣ р. Наревъ, на югѣ Бѣловѣжская Пуца, а къ востоку полоса лѣсовъ между рѣками Свислокомъ и Россотою³⁾, т. е. имъ принадлежали малорусскія части теперешней гродненской и сѣдлецкой губерніи. Когда началось въ южной Россіи объединеніе славяно-русскихъ народностей, оно коснулось и ятвяговъ: къ нимъ ходили съ войскомъ въ 983 г. Владиміръ св., въ 1036 г. Ярославъ и временно территорія ихъ была въ зависимости отъ Кіева⁴⁾). Вмѣстѣ съ ними подчинились и сосѣди ятвяговъ—голядь⁵⁾); но эта зависимость была не прочная и сопровождалась цѣлымъ рядомъ войнъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ почти литовскія вѣтви: ятвяги, голядь, литва, пруссы, жмудь и др., и тогда часть плѣнныхъ литовцевъ могла быть уведена въ глубь страны южно-русской. Болѣе прочно стали укрѣпляться за славяно-руссами области ятвяговъ лишь съ того времени, когда въ страну ихъ направилась колонизація изъ галицко-волынской земли. Въ началѣ XIII в. населенія ятвяговъ были еще около Берестя⁶⁾), вблизи г. Дорогочина⁷⁾ и во всей Холмщинѣ⁸⁾), но во второй половинѣ XIII ст. здѣсь водворяется славяно-русское населеніе⁹⁾), которое, вѣроятно, проникло до сѣверной половины теперешняго бѣльскаго уѣзда гродненской губ.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе будетъ).

Г. Царевъ, астраханск. губ.
1883 года, марта 12-го.

¹⁾ Костомаровъ, I, 206.

²⁾ Ипатск. лѣт., 501.

³⁾ Бобровскій, 8.

⁴⁾ Ипатск. лѣт. 54, 108.

⁵⁾ Ibid., 114.

⁶⁾ Ibid., 501.

⁷⁾ Ibid., 538.

⁸⁾ Ibid., 531.

⁹⁾ Ibid., 558.

СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО *).

(Къ біографіи Івана Николаевича Вагилевича).

Въ виду совершающихся въ Галиціи событій и безвозбранно тамъ и у насъ разширяющихся новыхъ польскихъ затѣй, не безинтересны и въ нѣкоторой степени поучительны могутъ быть воспоминанія объ одномъ, не такъ давно сошедшемъ въ могилу, галицко-русскомъ ученомъ, который сталъ жертвою тѣхъ-же польскихъ затѣй и заплатилъ жизнью за свое печальное увлеченіе польскою шуткою и справою, за свой самообманъ и наивное довѣріе къ польской лести и чести (honorowi).

Такою жертвою былъ мало кому извѣстный на Руси Иванъ Николаевичъ Вагилевичъ. Родился онъ 2 сентября 1811 г. въ с. Горній Исень, стрійскаго уѣзда, лежащемъ въ Карпатскомъ погорьѣ, на р. Ломницѣ, въ Галиціи, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Иванъ былъ старшимъ сыномъ въ семьѣ. Средній, Николай, послѣ окончанія университета, былъ чиновникомъ судебного вѣдомства, младшій-же, Михаилъ, до сихъ поръ священствуеетъ въ с. Гозбевѣ стрійскаго уѣзда. У нихъ была еще одна сестра, о которой я ничего не знаю. Въ Галиціи нѣтъ особыхъ сословныхъ училищъ (духовныхъ); кандидаты священства проходятъ курсъ богословскихъ наукъ на богословскомъ факультетѣ университета, а на этотъ факультетъ поступаютъ молодые люди, кончившіе предварительно

*) Вскорѣ, въ отдѣльной статьѣ, мы надѣемся предложить читателямъ «Киев. Старины» еще нѣсколько воспоминаній объ И. Н. Вагилевичѣ, по поводу яко-бы найденныхъ имъ въ карпатскихъ пещерахъ *ручическихъ надписей*, которыя около полустолѣтія назадъ сильно волновали русской и вообще славянскій ученый міръ и несмотря на послѣдовавшіе разъясненія были вновь опубликованы покойнымъ Подольнымъ въ его «Древнемъ періодѣ русской исторіи, изд. въ 1871 г.—Я. Г.

четыре приготовительныхъ (нормальныхъ или нѣмецкихъ) класса, 6-ти классную классическую гимназію и два курса философскаго факультета. Духовною русскою семинаріею во Львовѣ называется конвиктъ студентовъ богословскаго факультета, которые до поступленія сюда должны воспитываться на свой счетъ. Нѣмецкіе (нормальные) классы находились во всякомъ уѣздномъ городѣ и даже въ большихъ мѣстечкахъ, но русскіе священники не охотно отдавали своихъ сыновей подъ начальство католиковъ директоровъ, нѣмцевъ или оиѣмеченныхъ поляковъ, а предпочитали отдавать дѣтей въ учебныя заведенія базилиановъ, кому только было возможно. Греко-ушіатскіе монахи, такъ называемые базилианы, издавна занимались обученіемъ и воспитаніемъ молодежи, содержали школы и конvikты, въ которыхъ воспитывались даже сыновья помѣщиковъ и богатой шляхты. Австрійцы уничтожили много такихъ монастырскихъ школъ, остальные были подчинены общему школьному регулятиву съ введеніемъ нѣмецкаго преподавательнаго языка; не смотря на то базилианскія школы не потеряли своей прежней популярности. Базилианы содержали на свой счетъ нормальныя (нѣмецкія) школы и шести-классную гимназію въ г. Бучачѣ, на р. Стрыпѣ, въ австрійской Подоліи.

Отецъ Вагилевича отдалъ своего сына Ивана въ бучачскую 4-хъ классную нормальную школу. Только въ приготовительномъ и въ первомъ классахъ учили на польскомъ языкѣ чтенію, закону Божію и ариметикѣ, хотя совмѣстно съ нѣмецкимъ. Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ все преподаваніе шло по нѣмецки. До 1848 г. русскій (большею частью природный ученикамъ) языкъ былъ совсѣмъ исключенъ изъ всѣхъ публичныхъ школъ въ Галичинѣ. Для удобнѣйшаго усвоенія совсѣмъ чуждаго для поступающихъ дѣтей нѣмецкаго языка принимаемы были строгія мѣры. Всѣ преподаватели и наставники говорили исключительно по нѣмецки, а для учениковъ заведенъ былъ „*Sprachzeichen*“. Чуть кто изъ нихъ въ школѣ, дома или на улицѣ заговорилъ по польски или по русски, тому давали этотъ *Sprachzeichen* и онъ долженъ былъ вписать свою фамилію въ тетрадку. У кого находился *Sprachzeichen*, хотя-бы въ продолженіи 5 минутъ, тотъ обязанъ былъ заучить наизусть 10 нѣмецкихъ словъ изъ лексикона; а кто продержалъ его во время обѣда, долженъ былъ вызубрить 20 словъ; продержавшій-же всю ночь—30 словъ

и т. д. Кромѣ того получалъ еще 5 розокъ. Помяну, какъ старался получившій этотъ знакъ (доску) скорѣе сбыть съ себя эту обузу, бѣгая по городу, чтобы найти неосторожнаго ученика, который-бы отозвался, хоть однимъ не нѣмецкимъ словомъ. При этомъ надо замѣтить, что получившій *Sprachzeichen* могъ безнаказанно говорить по польски. Въ такомъ заведеніи, въ Бучачѣ, семьяѣтній Вагилевичъ началъ развивать на нѣмецкой грамматикѣ свои умственные способности. Послѣ успѣшнаго окончанія четырехклассной нѣмецкой школы, отецъ повезъ своего сына въ шестиклассную гимназію, находившуюся въ уѣздномъ городѣ Станиславовѣ, который отстоялъ отъ нихъ на половину ближе, чѣмъ Бучачъ. Талантъ молодого ученика развивался быстро. Иванъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ классѣ. Вообще деревенскіе ученики отличались необыкновенными способностями и прѣфекты (директора) гимназій отзывались о поповичахъ такъ: „Bei mir sind die Popensöhne immer die besten Köpfe“. Они превосходили памятью, быстротою соображенія сыновей нѣмецкихъ чиновниковъ, не смотря на то, что эти послѣдніе выносили изъ дому знаніе нѣмецкаго языка и лучшую подготовку. Въ то время гимназій поспѣшасы были почти исключительно сыновьями чиновниковъ, которыхъ ожидали мѣста на государственной службѣ, и дѣтьми русскихъ священниковъ, которые должны были до поступленія въ духовную семинарію кончить гимназію. Священники (за рѣдкими исключеніями) не посылали своихъ сыновей на лекціи юридическаго или медицинскаго факультетовъ, такъ какъ для нихъ было слишкомъ дорого содержать дѣтей на свой счетъ въ университетскомъ городѣ, два года на философическомъ и 4 года на юридическомъ факультетахъ. А если кто-нибудь по окончаніи курса поступалъ на службу въ какое-нибудь вѣдомство, то начальники-нѣмцы не давали ему ходу, замѣщая всѣ мѣста пришлыми нѣмцами. Медицинскаго факультета во Львовѣ не было, а посылать сына въ Вѣну для священника было немыслимо. Помѣщики держали гувернеровъ для своихъ дѣтей. Ихъ приказчики довольствовались нормальными классами и поступали въ пнецы при ринокурияхъ и мандаторіяхъ¹⁾, въ родѣ становыхъ, вообще при барскихъ дворахъ,

¹⁾ Мандаторъ, *mandatorius*, что-то въ родѣ пристава или волостнаго судьи, содержащаго на жалованьи помѣщика.

чтобы изъ паничей скорѣе выкарабкаться въ подпанки, арендаторы, или просто въ паны. Мѣщане и крестьяне рѣдко отдавали своихъ сыновей въ гимназіи, а подучивъ немного грамотѣ, отдавали въ ремесло или въ услугу панамъ.

Въ Станиславовѣ, кромѣ классическихъ и другихъ школьныхъ книгъ, молодой Вагилевичъ приобрѣлъ вкусъ къ чтенію книгъ и частнымъ образомъ познакомился съ лучшими произведеніями нѣмецкой и польской литературъ и на столько, что, поступивши въ университетъ, онъ, при своей счастливой памяти и усидчивости, былъ достаточно развитъ.

Въ 1830 году Вагилевичъ, представивъ хорошіе аттестаты, былъ принятъ въ львовскую духовную семинарію на полное казенное содержаніе, на философскіе университетскіе курсы, хотя желающіе поступить на богословскіе курсы, кандидаты, должны были обыкновенно кончить философскій факультетъ на своемъ содержаніи, довольствуясь только духовной стипендіей въ 80 гульден. въ годъ. Развившаяся страсть къ чтенію отвлекала молодого кандидата отъ школьной науки, дала его уму особое направленіе, привязавъ его мысли къ ближнему стоящимъ народнымъ дѣламъ, къ исторіи, къ языковѣднью, къ этнографіи и къ археологіи славянскихъ народовъ, потому Вагилевичъ на первомъ экзаменѣ по математикѣ провалился и долженъ былъ выйти изъ корпуса семинаріи и въ слѣдующихъ годахъ слушать лекціи на свой счетъ. Въ 1830 и 1831 г. во время польскаго возстанія броженіе польской агитаціи не могло не имѣть вліянія на Вагилевича. Кромѣ чтенія научныхъ книгъ, которыя ему доставляли бібліотеки университетская и Оссолинскихъ, поляки снабжали учащуюся молодежь множествомъ книгъ и брошюръ заграничной печати политическаго содержанія, которыя волновали молодую душу, располагали къ разнымъ мечтательнымъ комбинаціямъ и отвлекали отъ школьныхъ занятій. Въ такомъ душевномъ тревоженіи на счетъ невѣрной будущности, большая часть студентовъ посѣщали первый семестръ, но, не выдержавъ экзамена, оставляли весной коллегіи для того, чтобы осенью опять записаться на лекціи. Кромѣ того этнографическія и археологическія экскурсіи препятствовали въ свою очередь Вагилевичу серьезно заниматься лекціями, оттого и вышло, что Вагилевичъ, послѣ многократнаго прекращенія курсовъ, только въ 1837 г. кончилъ философскіе курсы

и поступилъ въ духовную семинарію на богословскіе курсы въ львовскомъ университетѣ, которые онъ кончилъ въ 1840 году.

Во время броженія 1833 и 1834 г. молодые люди—студенты университета вздумали составить кружокъ, который-бы имѣлъ цѣлью возрожденіе галицко-русской словесности¹⁾. Иваль Вагилевичъ (назвавшись славянскимъ именемъ Далиборъ) принималъ дѣятельное участіе въ этомъ кружкѣ, писалъ статьи на галицко-русскомъ нарѣчій, которыя были напечатаны въ Русалкѣ Дибстровой, въ Будинѣ, 1837 г., и въ то-же время вошелъ въ переписку съ Погодинымъ и другими учеными, за что и былъ въ подозрѣніи у львовской полиціи. Когда польскіе эмигранты и разбитыя революціонныя войска перебрались изъ-за Вислы въ Галицію и составили политическія общества и заговоры, мѣстная полиція начала слѣдить за всѣми броженіями въ краѣ. Во всѣхъ сословіяхъ находились платные и бесплатные шпионы и доносчики. Всѣ тюрьмы были переполнены арестованными поляками. Полиціймейстеръ²⁾ имѣлъ даже между студентами своихъ агентовъ. Еще усерднѣе въ этомъ отношеніи былъ главнокомандующій Лянгенау³⁾, надобдавшій своимъ нахальствомъ даже нѣмцамъ, которые, при переводѣ его въ Стирію, съ злорадствомъ сочинили сатирической стишке про него:

*Ei, schau, schau,
Langenau,
Wohin geht's?
Nach Grätz.
Traurige Stadt;
Keine Wachtparad,
Keine spionerie,
Adieu Lumpenparthie!*

Въ то время считали преступленіемъ заниматься славянской литературой и читать славянскія книги. Литературная дѣятельность

¹⁾ Гербель Н. Поэзія славянъ 1871 г., стр. 198. См. статью «Червоно-русская литература.

²⁾ Захеръ-Мазохъ, отецъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя, праздновавшаго недавно свой 25-лѣтній юбилей.

³⁾ Генералъ Лянгенау былъ послѣ австрійскимъ посланникомъ при російскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Вагилевича и его друзей была въ глазахъ полиціи преступной, по крайней мѣрѣ она показалаея полиціи неудобной. Полиціймейстеръ Пайманъ прямо заявилъ: Wir haben mit einer Nationalität (т. е. съ польской) voll auf zu schaffen und diese Tollköpfe wollen noch die todsbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken. Не нашедши причины придрагаться къ личностямъ студентовъ, полиція хваталася за нихъ послѣ окончанія студій, когда кандидаты намѣреши были поступать на должность. По австрійскимъ законамъ, правительство, до посвященія кандидатовъ въ духовное званіе, обезпечиваетъ каждому изъ нихъ *tutelum mensae*, т. е. содержаніе до смерти, но предварительно развѣдываетъ все его прежнее поведеніе и тщательно испытываетъ политическую благонадѣжность. Полиція нашла случай заявить свое подозрѣніе въ неблагонадѣжности Вагилевича и правительство, по официальному выраженію, отказало дать ему *tutelum mensae* ¹⁾, т. е. не дозволило іерархіи припятъ его въ духовный санъ и посвятить въ священники.

Бывшій тогда ректоромъ семинаріи и профессоромъ Веспедиктъ Левицкій, вице-ректоръ Іоаннъ Витошпекскій, а послѣ ректоръ и номинатъ-епископъ Григорій Яхпимовичъ, префектъ Михаилъ Малиновскій ²⁾ и др. относились весьма благосклонно къ Вагилевичу, когда онъ былъ въ семинаріи, признавали его знанія и поощряли его въ полезныхъ трудахъ. Онъ получалъ особую комнату, въ которой могъ свободно заниматься во всякое время, никѣмъ нестѣсняемый, такъ какъ въ общемъ залѣ весь день въ неуточное время помѣщается 50 — 80 человекъ и семинаристы, сиди на общей скамьѣ съ другими, имѣетъ передъ собой не болѣе аршина ширины пульта, на которомъ долженъ читать, писать, вообще заниматься определенное время, отъ одного до двухъ часовъ, и хотя колокольчикъ призываетъ всѣхъ соблюдать во время занятій

¹⁾ Къ этому событію относятся слова Зубрицкаго, въ письмѣ 1842 года: В. и Г. (т. е. Вагилевичъ и Головацкій) «подозрительны правительству». Ся. П. Попова «Письма къ М. П. Погодину», М. 1879, стр. 563.

²⁾ Еще живущій первый прелатъ (архипресвитеръ) носящій епископскую мятру Мих. Малиновскій, въ прошломъ году отставляетъ отъ должности по настоянію иезуитствующей польской партіи.

тишину — *silentium*, но здѣсь неудобно было заниматься, ибо по окончаніи *silentium* всякій могъ по произволу говорить громко, пѣть, играть на инструментахъ и производить шумъ. По этому-го отведенная Вагилевичу отдѣльная комната была большимъ для него благодѣяніемъ.

Вышедши изъ семинаріи и изъ-подъ непосредственнаго вліянія своихъ руководителей, Вагилевичъ, не заботясь о *titulum mensae*, намѣревался продолжать частнымъ образомъ свои литературныя занятія, копчать задуманныя сочиненія и осуществлять свои планы и проекты. Имя Вагилевича уже было извѣстно въ Прагѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ, а русскіе возлагали на него большія надежды. Польскіе львовскіе литераторы приняли его въ свои избранныя кружки. Вагилевичъ былъ весьма полезнымъ Вѣлевскому и другимъ литераторамъ польскимъ, будучи для нихъ живою энциклопедіею. На литературныхъ вечерахъ онъ былъ въ состояніи разсказать обо всемъ, касающемся Польши, даже передать со всею точностью и подробностью факты и высчитать всю генеалогію знатнѣйшихъ родовъ Польши. Поляки нашли полезнымъ такую личность, льстили ему въ глаза, уговаривали его писать по польски и лучше работать для широкаго круга польской литературы, чѣмъ для мѣстнаго русскаго народа, письменность котораго не имѣетъ будто-бы никакой будущности. Они говорили ему: „вѣдь ты все таки будешь трудиться для славянской литературы и для славянскаго дѣла“. Друзья его и товарищи по университету, члены русскаго кружка, разбрелись по разнымъ странамъ Галиціи. Зубрицкій и его друзья чехи, Владиславъ Запъ, Православъ Коубекъ и другіе, не могли имѣть на него вліянія, и Вагилевичъ мало по малу очутился въ исключительно-польской сферѣ, сталъ питимнымъ другомъ Вѣлевскихъ, Борковскихъ, Сѣменскихъ, Магнушевскихъ и другихъ мнимыхъ львовскихъ знаменитостей, или, говоря словами Зубрицкаго (въ письмѣ отъ 4 января 1843 г.), *„Вагилевичъ являлся совсѣмъ и, шатаясь между яглами, питался фантастическими мечтами“*. Графъ Осипъ Борковскій, одинъ изъ передовыхъ львовскихъ литераторовъ того времени, взялъ Вагилевича къ себѣ въ компаньоны, далъ ему у себя квартиру, столъ, прислугу и все содержаніе, приказалъ спать ему модное франтовское платье, разрѣшилъ говорить себѣ на ты, водилъ его въ театры, на балы, на литературные вечера,

въ аристократическія общества, рекомендовалъ его ученымъ, мѣстнымъ и прѣѣзжимъ, какъ своего друга и человѣка необыкновенныхъ талантовъ. Вся эта обстановка льстила честолюбію Вагилевича; при немъ удивлялись его знаніямъ и высокимъ идеямъ, а за глаза, конечно, смѣялись и издѣвались надъ неопытнымъ и небывалымъ провинціаломъ. Борковскій своимъ обхожденіемъ сбилъ Вагилевича совсѣмъ съ толку, вскружилъ ему голову, увѣрилъ застѣнчиваго семинариста, наговоривъ ему всякой всячины, что онъ гениальный человѣкъ, свѣтило изъ свѣтилъ, а въ добавокъ красавецъ изъ красавцевъ, въ котораго влюблены всѣ аристократки. Борковскій строилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ мужчинъ и дамъ, такъ что онъ ни отъ кого не слыхалъ слова правды. Во всѣхъ обществахъ имъ забавлялись, какъ шуткомъ или блазномъ. Будучи во Львовѣ, я сдѣлалъ выговоръ Бѣлевскому за то, что онъ допускаетъ Борковского играть человѣкомъ, какъ куклой, и настаивалъ на томъ, чтобы онъ вразумилъ Вагилевича. „Что-жь?—отвѣчалъ Бѣлевскій, когда Вагилевичъ самъ охотно разыгрываетъ такую роль. Впрочемъ, это ему не вредить, а Борковскому доставляетъ большое удовольствіе“.

Напрасно старались мы, его старые друзья, разубѣдить его и увѣрить, что все это обманъ и издѣваніе надъ его неопытностью и наивностью, Борковскій овладѣлъ его дулей до такой степени, что однимъ словомъ разсѣялъ всѣ сомнѣнія Вагилевича. На наши увѣщанія онъ отвѣчалъ: „вы понятія не имѣете о томъ, что дѣлается въ аристократическомъ мірѣ. Вы воспитаны въ кругахъ буржуазіи или простопародья“... И нельзя было его ничѣмъ разубѣдить. Измаиль Ивановичъ Срезневскій во время своихъ путешествій 1839 и 1840 г., остановившись во Львовѣ, былъ свидѣтелемъ разныхъ неслѣпыхъ разсказовъ и анекдотовъ о Вагилевичѣ, которые въ то время ходили по всему городу.

Для вѣрнѣйшей характеристики этихъ отношеній и того, какъ безсовѣстно поступалъ Борковскій съ Вагилевичемъ, я долженъ привести нѣкоторые, хотя весьма скандальные факты. Прихотливый польскій аристократъ и холостой баловень великаго свѣта, графъ Борковскій—растлилъ и развратилъ невинную душу молодого человѣка, далъ ему вкусить заманчивыхъ сластей порока, отравилъ его простой наивный правъ, взбилъ его высокомѣріе на неимовѣрную высоту, свелъ его воображеніе на грязную бездородъжъ—однимъ

словомъ убилъ морально-непорочнаго труженика науки и сдѣлалъ его игрушкой своихъ барскихъ прихотей.

Борковскій началъ съ того, что возбудилъ у Вагилевича тщеславіе; онъ превозпосилъ, будто-бы, красоту его ярко-свѣтящихся черныхъ глазъ, его чудесно-красивые черные волосы. Во всѣхъ обществахъ, конечно по уговору съ Борковскимъ, всѣ дамы подтвердили это, съ тысячею разныхъ лестныхъ прибавленій. Вагилевичъ сталъ вѣрить тому, что онъ не въ шутку красавецъ и можетъ быть львовскимъ донъ-жуаномъ; онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ предъ зеркаломъ, дѣлалъ разныя затѣйливыя прически и любовался своими черными глазами. Борковскій, конечно, шутилъ надъ этимъ себялюбиемъ своего кліента и подсыщалъ его страсти. Въ дружескихъ разговорахъ выѣдавъ, какой у него идеалъ красоты, Борковскій построилъ Вагилевича, чтобы онъ писалъ стихи, поддавая ему темы и мотивы. Вагилевичъ писалъ мечтательные стишонки и декламировалъ свои произведенія ¹⁾. Всѣ дамы были, будто-бы, въ восторгѣ, весь польскій ученый кружокъ не находилъ довольно похвалъ, и по внушенію Борковского превозносили Вагилевича, сравнивали его съ Петраркой, Байрономъ, Мицкевичемъ и конечно ставилъ его выше всѣхъ. Идеалъ женской красоты у Вагилевича была блондинка съ голубыми глазами... и Борковскій убѣдилъ его, что онъ долженъ прискаты себѣ предметъ любви, подобно всѣмъ великимъ поэтамъ. Борковскій перебралъ всѣ благозвучныя жевскія имена, и Вагилевичу всего лучше поправилось имя *Юлія*—блондинка съ голубыми глазами. Все общество стало увѣрять Вагилевича, что у него есть поэтическое, ясновидящее предчувствіе, магнетизмъ сердца, безсознательное влеченіе къ особѣ незнакомой, которая съ такимъ-же симпатичнымъ настроеніемъ страстно любитъ его и мечтаетъ объ немъ. Нѣсколько времени спустя Борковскій сообщилъ Вагилевичу тайну: есть Юлія—блондинка съ голубыми глазами, изъ высоко аристократическаго дома, которая на смерть влюблена въ черныя глаза и черныя кудри Вагилевича. Она томится, страдаетъ безнадежно, и проч. и проч. Кто-то тамъ, кака-то бабушка сказала тетущкѣ такого-то графа, а графъ такому-то и на-

¹⁾ Нѣсколько стиховъ Борковскій далъ напечатать въ язд. въ Львовѣ журналѣ «Dziennik pió»,

конецъ подъ секретомъ сообщили Борковскому. Сблизиться съ ней нельзя—ея обстановка и особенно злая мачиха никакъ того не допускаютъ. Вагилевичъ опять писалъ сонеты, которые Борковский нашелъ возможность сообщать чрезъ тетушекъ, бабушекъ и пр. самой Юліи: завязался интересный фантастическій романъ мечтательнаго любовника съ необывальной любовницей. Весь кружокъ Борковского, особенно дамы принялы съ сочувствіемъ затѣянную интригу. Пошла длинная переписка. Вагилевичъ получалъ чрезъ сострадательныхъ тетушекъ любовныя письма отъ Юліи, и посылалъ такимъ-же путемъ свои страстные отвѣты стихами и прозой. Наконецъ мечтатель началъ сомнѣваться и пожелалъ видѣть предметъ своей любви, и Борковский устроилъ дѣло такъ, что въ уреченный часъ на *элиантской мши* (панской мессѣ), въ езуитскомъ костелѣ, въ такой-то скамьѣ, будетъ мнимая Юлія съ тетушкой и завистливой мачихой. Вагилевичъ пошелъ въ езуитскій костелъ и изъ-за угла осторожно заглядывалъ, чтобы незамѣтно встрѣтиться съ голубыми глазами мвимою Юліи. Перипетіи такой встрѣчи длились долгое время; мои друзья сообщали мнѣ разныя разности, неимовѣрныя басни.

Борковский былъ неистощимъ въ фантастическихъ выдумкахъ. Однажды онъ сообщилъ Вагилевичу подъ секретомъ, будто-бы Юлію вывели за городъ въ с. Кривичи, на дачу, и она желаетъ повидаться съ своимъ милымъ. По наущенію Борковского Вагилевичъ ходилъ за шесть верстъ въ Кривичи, поджидалъ въ саду, наконецъ рѣшился зайти въ самую дачу и спросилъ: *Gdzie tu jest ta Julia, co ja ją Kocham nad życie?* Предупрежденные дачники насмѣялись вдоволь надъ полусумасшедшимъ и отправили его ни съ чѣмъ назадъ. Борковский увѣрялъ, что злая мачиха разстроила все.

Подобныя исторіи повторялись постоянно. Влюбленная Юлія будто пожелала обмѣняться кольцами съ Вагилевичемъ. Посредствомъ разныхъ тетушекъ, бабушекъ, вѣрныхъ горничныхъ, лавсеевъ и пр. Борковский будто-бы успѣлъ передать кольцо отъ Вагилевича, и Юлія будто-бы передала Вагилевичу свое кольцо съ своею шифрой и разными эмблемами. Ему вскружили до того голову, что всякій могъ придумать какой угодно вздоръ, и Вагилевичъ вѣрилъ всему.пустили въ ходъ разныя проакты—бѣжать обоимъ влюбленнымъ за границу—во Францію, Швейцарію, Англію, Америку. Юлія будто-бы соглашалась на все. И Вагилевичъ мечталъ о ка-

кой-то райской жизни въ дальнихъ странахъ съ предметомъ своей страстной любви, и изливалъ свои мечты въ письмахъ къ Юліи и получалъ (будто-бы) отъ нея такія-же любовныя письма; но зоркій глазъ мачихи разстроилъ, будто-бы, всё планы:—Юлію невозможно было увести, и т. д.

Любострастная фантазія холостяка Борковскаго придумала еще одну скверную шутку, которая дала новый матеріалъ къ фантастическимъ баснямъ. Борковскій обѣщалъ устроить для мнимо-обрученныхъ и въ фантазіи повѣнчанныхъ Далибора и Юліи брачную ночь (!), увѣряя, что такія исторіи случаются въ аристократическихъ кругахъ. Вагилевичъ повѣрилъ, что Юлія согласилась изъ-за него сдѣлать этотъ шагъ. Въ одну прекрасную ночь на масляницѣ заѣхала замаскированная дама въ квартиру графа. Борковскій молча отвелъ ей комнату, гдѣ было приготовлено брачное ложе. Мнимая Юлія, раздѣвшись, потушила свѣчу; на звонъ колокольчика Борковскій впустилъ Вагилевича въ одномъ бѣлѣ въ совершенно темную комнату, сказавъ ему, въ которомъ углу лежать Юлія, и взявъ съ него обѣщаніе *подъ игономъ*, что онъ не заговоритъ съ ней ни одного слова... Въ ту-же ночь въ опредѣленный часъ уѣхала безмолвная маска, которую Вагилевичъ больше не видалъ.

Переписка не прекращалась: послѣ нѣкотораго времени Юлія сообщала о своемъ состояніи, что она почувствовала плодъ ихъ любви, а послѣ 9-ти мѣсяцевъ—что она родила сына, здороваго, красиваго ребенка, точь точь въ отца, съ яркими черными глазами и черными бровями. Всѣ знакомые поздравляли Вагилевича съ сыномъ, и пр., и пр. Съ тѣхъ поръ всѣ, не исключая и Бѣлевскаго, стали его называть: *ojcino Wagilewicz*.

Эти грязныя, нелѣпыя исторіи съ разными эпизодами тянулись нѣсколько годовъ и забавляли извѣстные кружки. Абсурды за абсурдами, одни сквернѣе другихъ. Борковскій превзошелъ себя въ выдумываніи глупыхъ и недостойныхъ порядочнаго человѣка неблицъ. Онъ приписалъ Вагилевичу еще особаго рода свойство—плодородность; будто-бы по увѣренію извѣстныхъ докторовъ, наблюдавшихъ его незамѣтно въ багѣ, онъ слыветъ во всемъ городѣ *незаводнымъ* муциной для неплодныхъ женщинъ. Вслѣдствіе того къ Вагилевичу будто-бы и адресовались нѣкоторыя аристократки, сѣтовавшія о своей неплодности, что у нихъ нѣтъ прямыхъ на-

свѣдниковъ и пр., и пр. Тѣфу, стыдно и писать о такихъ нелѣпостяхъ!

А все таки главное въ томъ, что Борковскій обуялъ голову своего кліента до того, что онъ вѣрилъ всеѣмъ этимъ нелѣпостямъ и даже самъ любилъ рассказывать о нихъ.

Вотъ теперъ вамъ ясно, какое значеніе имѣютъ слова Зубрицкаго, что Вагилевичъ *зляхилися совсѣмъ и шаталися между ляхами, питається фантастическими мечтами.*

Гдѣ-же ему въ то время было думать о серьезныхъ литературныхъ трудахъ и занятіяхъ? Онъ резонировалъ въ салонахъ о всякихъ книгахъ, относелъ ко всему съ высока, остальное-же время проходило въ пустой болтовнѣ о нелѣпныхъ попластяхъ!

Наконецъ надоѣли Борковскому эти шутки и онъ оттолкнулъ отъ себя Вагилевича. Только тогда убѣдился этотъ послѣдній въ обманѣ и не могъ простить Борковскому, который, сильно заболѣвши, со слезами молилъ Вагилевича простить ему его шалости и подать руку въ знакъ прощенія, чтобъ онъ могъ спокойно умереть.— „Нѣтъ, не подамъ руки и не прощу ему, сказалъ Вагилевичъ; пусть Борковскій умираетъ и на тотъ свѣтъ возьметъ съ собой сознаніе, что Вагилевичъ твердый и упрямый русинъ.“

Наконецъ, въ 1845 году, вслѣдствіе хлопотъ и ходатайства русской консисторіи, мѣстное правительство согласилось дать Вагилевичу *titulum mensae*. Онъ женился на дочери священника въ Павловѣ, въ 1846 г. былъ рукоположенъ во священника и получилъ мѣсто завѣдывающаго приходомъ въ Нестаничахъ. Вагилевичъ очутился одинокимъ среди деревенской глуши золочевского полѣся, конечно, въ слишкомъ тѣсной сферѣ для мечтательнаго дѣятеля съ такими высокопарными претензіями и съ такой научной подготовкой. Прошелъ 1846 годъ, годъ мазурской рѣзни ляховъ въ западной Галиціи, прошелъ и слѣдующій, полный внутренняго броженія годъ, и вдругъ весною 1848 г. была провозглашена конституція—полная амністія, свобода, равноправность и братство всеѣхъ народовъ Австріи. Поляки завязали *польскую раду* (комитетъ), посылались въ Вѣну петиціи, организовалась гвардія народова въ Львовѣ и въ другихъ городахъ. Польща овладѣла всеѣмъ, потребовала господства польскаго языка и народности вездѣ, въ школахъ и въ администраціи, а о русскомъ языкѣ и народности въ пети-

ціяхъ не упоминалось ни слова. При всеобщемъ политическомъ и національномъ движеніи не могла молчать и галицкая Русь. Передовые русины основали *русскую раду* во Львовѣ, начали издавать газету *Галицкую Зарю*, послали петицію къ императору, требуя *равноправности* для русскаго языка на равнѣ съ польскимъ и тѣхъ-же правъ для себя. Прошеніе русскихъ было принято вѣнскими властями благосклонно. Возваніе русской рады къ народу нашло въ народѣ горячее и искреннее сочувствіе. Въ большихъ городахъ учреждались филиальныя рады. Голосъ народа заглушилъ скопища шляхты. Чтобы парализовать русское движеніе, львовскіе матадоры открыли польско-русскую раду или политическій комитетъ подъ названіемъ *русскій соборъ*. Князя Сапѣги, Сангушки, Чарторыйскіе, графы Дѣдушицкіе, Голеевскіе, Дрогоевскіе и другіе, признавши себя русинами¹⁾, пожертвовали суммами на основаніе польско-русскаго „Дневника“; остановка была только въ томъ, гдѣ найти редактора. Тутъ прежніе друзья вспомнили давно забытаго Вагилевича, обѣщали ему содержаніе 1200 гульденовъ и обезпечили его пожизненною пенсіей въ 600 гульденовъ въ случаѣ закрытія газеты. Вагилевичъ возразилъ на это: „согласится-ли консисторія, начальство?“— „Намѣвать на консисторію, пустяки начальство“, отвѣчали ему; „Австрія распадается. Польша воскреснетъ и тогда мы будемъ всеѣмъ распоряжаться, а не русская консисторія“. Вагилевичъ согласился, оставилъ свою церковь и приходъ и, не извѣстивъ даже благочиннаго, пересѣхалъ во Львовъ и принялъ редакцію *Русскаго Дневника*, который издавался кириллицей, по вмѣстѣ съ тѣмъ въ другомъ экземплярѣ и польскимъ алфавитомъ. Но колесо событій вращалось быстро, реакція правительства взяла верхъ и 2-го ноября 1848 г. главнокомандующій Гаммерштейнъ бомбардировалъ Львовъ, сжегъ театръ, ратушу и нѣсколько домовъ, разогналъ польскую гвардію, закрылъ раду и все польскіе журналы и объявилъ осадное положеніе. Вмѣстѣ съ поляками разбѣжался и польско-русскій соборъ. Въ маѣ слѣдующаго 1849 г. русская армія вступила въ городъ и заняла всю Галицію. Вагилевичъ съ семействомъ оставленъ былъ своими соборовыми протекторами на про-

¹⁾ Изъ русскихъ приступая къ польско-русскому собору Юліанъ Лавровскій, Тустановскій, Ходывскій, Вѣацковскій, Домбчинскій и другіе *перекимичи*.

изволь судьбы, безъ куска хлѣба. Объ обѣщаной пенсіи никто и не думалъ. Вагилевичъ совѣтовался у адвокатовъ, желая начать искъ; адвокаты, разсмотрѣвъ дѣло, заявили, что документъ составленъ хитро, но есть основаніе, по которому можно начать процессъ, хотя усѣхъ сомнителенъ. И Вагилевичъ принужденъ былъ питаться корректурой и перепиской статей,—заработками, которыми снабжалъ его Бѣлевскій при библіотекѣ Оссолинскихъ. Открылась вакансія русскаго переводчика при львовскомъ намѣстничествѣ. Вагилевичъ подвергся конкурсу. Конкурсныя элабораты были предложены для оцѣнки профессору русскаго языка и литературы. Конкурсъ Вагилевича оказался рѣшительно лучше всѣхъ и по представленію профессора онъ получилъ это мѣсто. Между тѣмъ графъ Голуховскій прекратилъ изданіе законовъ въ русскомъ переводѣ, будто-бы излишнее, и Вагилевичъ опять потерялъ казенное жалованье. Только съ 1854 г., когда по внушенію Голуховскаго институтъ Оссолинскихъ приступилъ къ новому исправленному изданію польскаго словаря Самуила Линде и редація ввѣрена была Бѣлевскому, этотъ послѣдній поручилъ весь трудъ по пополненію, исправленію и корректурѣ Вагилевичу за очень скудную плату¹⁾. И такъ вышелъ польскій словарь подъ редакцію А. Бѣлевскаго 1854—1861 г., а между тѣмъ это былъ усидчивый добросовѣстный трудъ Вагилевича. Вагилевичъ перевелъ на польскій языкъ лѣтопись Нестора и подъ его диктовку, такъ сказать, Бѣлевскій издалъ свои (?) коментаріи къ *Monumenta Poloniae*. И многія другія изданія украшались знаніями и критикой Вагилевича. Sic vos non vobis. Наконецъ и попечитель института Оссолинскихъ кн. Любомирскій обратилъ вниманіе на добросовѣстнаго труженика и опредѣлилъ его на вакансію кустоса при библіотекѣ Оссолинскихъ, а въ 1862 г. львовская городская дума призвала его къ описанію магистратскихъ актовъ за ничтожное вознагражденіе.

Въ 1850 г. Вагилевичъ, находясь въ безвыходномъ положеніи, пытался возвратиться назадъ къ духовному званію. На ходатайство

1) Самъ Бѣлевскій въ предисловіи своемъ къ I тому Словари Линде стр. 11 сознается, что Вагилевичъ *za bardzo miernem wynagrodzeniem część korektur mozolnych na sobie przyjąwszy, wspiera nas oraz przez samo zamiłowanie przedmiotu rozległemi swemi filologicznemi wiadomościami.*

его бывшій тогда капониѣ Куземскій, впоследствии епископъ холмскій, заявилъ, что, не вмѣняя ему въ вину его политическаго мнѣнія и направленія его литературной дѣятельности, епархіальное начальство не можетъ безнаказанно оставить того поступка, что онъ,—пастырь церкви, не спросясь никого, оставилъ свою паству. Духовная власть должна убѣдиться, было-ли это съ его стороны временнымъ увлеченіемъ или-же пренебреженіемъ уставовъ церкви, имѣющимъ основаніемъ вознодужство или даже безвѣріе. Поэтому Вагилевичъ долженъ подвергнуться эпитиміи (реколлекціи), долженъ пробыть опредѣленный срокъ при соборной церкви, участвовать въ священнослуженіи подѣ наблюденіемъ начальства. Если директоръ духовнаго исправительнаго дома (domus recollectionis) засвидѣтельствуетъ о его искреннемъ раскаяніи, благонравіи и приверженности къ церковнымъ службамъ, то консисторія не прочь возстановить его прежнія права. Безъ этого испытанія консисторія въ виду гражданскихъ и церковныхъ законовъ не вправе его помиловать. На замѣчаніе Вагилевича, что онъ семейный и долженъ зарабатывать себѣ на пропитаніе, а потому не можетъ жить при соборѣ и участвовать во всѣхъ службахъ,—ему сдѣлано было сви-схожденіе собращеніемъ времени испытанія, съ тѣмъ, чтобы онъ въ удобное для него время являлся къ викарному священнику Михаилу Малиновскому на богословско-назидательный разговор (colloquia) и если Малиновскій засвидѣтельствуетъ о его благонадежности (въ чемъ нельзя было сомнѣваться), то онъ будетъ возстановленъ въ чинѣ и званіи.

Наступила минута перелома. Вагилевичъ готовъ былъ рѣшиться—и дѣло въ шляпѣ. Но, къ несчастію, по своей природной откровенности, онъ посоветовался съ своими польскими друзьями. „Нѣтъ, не довѣрайся, предостерегали его ляхи; это хитрая святоюрская ловушка: святоюрцы хотятъ сманить тебя и заключить подѣ *сгоды* (буквально подѣ лѣстницу), и будутъ держать тамъ 20 лѣтъ, какъ держатъ Лобковича¹⁾. Бѣлевскій спросилъ меня однажды по дружески:

¹⁾ Николай Лобковичъ былъ бѣжавшій въ 40-хъ годахъ изъ Россіи униатскій священникъ, который, по причинѣ ограниченнаго образованія и незнанія языковъ, не могъ быть употребленъ въ душъ-пастырствѣ и содержался на счетъ духовнаго фонда при соборной церкви. Квартиру ему опредѣлили въ нижнемъ этажѣ флигеля,

„Скажи мнѣ откровенно, мой другъ ¹⁾, что думаетъ сдѣлать консисторія съ Вагилевичемъ, если онъ поддастся имъ? Правда-ли, что они хотять его посадить подъ сходы и будутъ терзать до безконечности? Мнѣ жаль его, что онъ пропадетъ, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію“.

Я увѣрялъ Бѣлевскаго, что никто не питаеть къ Вагилевичу никакой злобы, что всѣ жалѣють его. Здравый-же смыслъ говорить, что такого человѣка нужно поддерживать, и русская партія о томъ только и думаетъ, чтобы возвратить его себѣ, такъ какъ онъ можетъ имъ принести много пользы. Вагилевичъ писалъ грамматику; онъ можетъ писать учебныя книги и помогать скорѣйшему введенію русскаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ чемъ такъ нуждаются. Все, что говорятъ на счетъ мстительности такъ называемыхъ святоюрцевъ, сущій вздоръ и пустяки. Вѣдь его считаютъ все таки русскимъ, хотя заблудшимся. Пусть только обратится назадъ—и все забудутъ. Я знаю навѣрно, что реколлеція будетъ одной формальностью. Должно-же начальство соблюдать законы. Ему (Вагилевичу) слѣдуетъ зайти два, три раза къ Малиновскому на колліюквію, и такъ, получивъ свидѣтельство благонадежности, онъ получитъ и приходъ. У помѣщиковъ-коллежаторовъ онъ легко можетъ получить презенты и черезъ годъ

въ помѣщеніяхъ исправительнаго дома (реколлеціи), построенаго на сѣверномъ откосѣ консисторскихъ зданій, къ которымъ съ юга нужно сподить по лѣстницѣ, и поэтому жить *подъ сходами* равносильно значенію попасть въ исправительный домъ. Кромѣ того Лобковичъ помѣшанъ былъ на томъ, что его въ Россію ожидаютъ большія почести и значительная пенсія, но ему не даютъ паспорта, одианъ словомъ Лобковичъ былъ безпомощный ядѣотъ. Д. Зубрицкій (Шисъма къ М. П. Погодину стр. 574) подалъ объ этомъ человѣкѣ совѣтъмъ другія свидѣнія. Но рассказъ его весьма сомнительный. У Лобковича не было ни жены, ни дѣтей, развѣ онъ оставялъ ихъ въ Россіи.

¹⁾ Знакомство мое съ Бѣлевскимъ началось еще тогда, когда я былъ студентомъ университета,—въ 30-хъ годахъ. Онъ настаивалъ, чтобы я ему не говорилъ *пань*, а просто *ты*, и самъ также бросился къ своимъ *молодымъ* друзьямъ, говоря: у насъ *Речь Посполитая*; въ нашихъ кружкѣ нѣтъ *пановъ*, а всѣ равны, всѣ братья-обыватели. Съ этого времени онъ всегда говорилъ *пань* на *ты*, *шановни обывателю*, *браціе шляхтицу*, п.п.: *муй козаны Станиславе*, *Казимиржу* и т. п.

или черезъ два будетъ имѣть богатѣйшій приходъ, будетъ жить безбѣдно и заниматьея своими литературными трудами“.

„Хорошо, отвѣтилъ Бѣлевскій, я ему разскажу все, что отъ тебя слыхалъ“.

Я думалъ, что все устроено, какъ нельзя лучше, для того, чтобы спасти Вагилевича отъ гибели. Не тутъ-то было. Бѣлевскій ничего не сказалъ Вагилевичу, а передалъ мой откровенный разговоръ синедріону польскихъ передовыхъ дѣятелей. Тамъ всѣ запротестовали.

„Нѣтъ, говорятъ, русины хотятъ его къ себѣ приглубить и потомъ эксплуатировать его труды и знанія для *русской* sprawy. Тогда онъ для нашей sprawy пропасть и еще можетъ дѣйствовать въ непріятельскомъ лагерѣ противъ польской sprawy. Не допустимъ этого, не отдадимъ его ни за что“.

Адвокатъ Корцецкій бывший редакторъ польскаго Дзенника (самъ когда-то русскій, сынъ священника) сказалъ такъ:

„Послушайте, пановные обыватели! они его все еще считаютъ русскимъ, который рано или поздно можетъ обратиться къ нимъ. А я имъ такую штуку подведу, что онъ никогда не явится въ лагерь святоюрцевъ. Я его уговорю принять лютеранское вѣроисповѣданіе. Помогите мнѣ, и онъ послушается“.

„Браво! браво! крикнуло въ одинъ голосъ все избранное общество: поможемъ, Вагилевичъ будетъ лютераниномъ. Что скажутъ на это святоюрцы? Они должны будутъ отречься отъ него, а онъ все таки останется у насъ и будетъ нашимъ“.

Черезъ недѣлю или двѣ читаю я въ пѣмеккой газетѣ *Neue Zeit*, издававшейся въ Бернѣ, въ Моравіи, и которую польская партія считала своимъ органомъ, почти мои собственныя слова изъ разговора съ Бѣлевскимъ, конечно, извращенныя въ польскомъ смыслѣ, что святоюрцы хотятъ поймать въ свои сѣти лишеннаго прихода Вагилевича и отомстить ему за его политическое убѣжденіе. Желая избавиться отъ святоюрскихъ клерикаловъ, несчастный Вагилевичъ рѣшился, будто-бы, принять лютеранство. Любопытство знать (такъ кончается статья), будутъ-ли святоюрцы еще считать Вагилевича-лютеранина русиномъ или нѣтъ?

Мы думали, что это пустая угроза. Но это не была только угроза. Вагилевича уговорили, повели къ лютеранскому пастору—

и ояъ принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе! Въ Галиціи лютеране всѣ почти нѣмцы, и Вагилевичъ, въ душѣ славянинъ, врагъ нѣмецкаго, присоединился къ нѣмцамъ! Впрочемъ, нѣмцы приняли его совершенно равнодушно и прямо заявили: „По высшимъ побужденіямъ мы должны его принять, но мы не сдѣлали никакого пріобрѣтенія для себя. Это, просто, польская комедія, и больше ничего“!

Польская партія радовалась своему мнимому торжеству надъ святоюрцами, но Вагилевичъ болѣе всего пострадалъ отъ этого: навязанныя ему обязанности и работы отрывали его отъ главныхъ занятій. Онъ писалъ небольшія статьи въ журналахъ: въ *Варшавской Библіотекѣ*, въ *львовской—Оссолинскихъ*, въ *Дзенникъ Литерацкомъ*, въ *Денницъ*, въ *Родимомъ Кружкѣ* и пр., по главные его труды: *Малорусскій Словарь*, *Слово о Полку Игоря*, *Славянская демонологія* и другія историческія сочиненія остались въ проектахъ, незаконченными. Вагилевичъ своими талантами и собственнымъ трудомъ пріобрѣтенными познаніями могъ быть весьма полезнымъ наукѣ и обществу, а между тѣмъ, брошенный поляками на жертву ихъ политическихъ затѣй и прихотей, онъ истощилъ свои силы въ *мозолиныхъ* трудахъ корректуры, въ перепискѣ актовъ и другихъ черныхъ работахъ среди архивной пыли. Не смотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, онъ занемогъ сильной грудной болѣзнію, которая, послѣ продолжительныхъ страданій, кончилась преждевременною его смертію 10 мая 1866 г. (до н. ст.).

Жена его и четверо малолѣтнихъ дѣтей остались безъ всякихъ средствъ. Львовскій магистратъ отпустилъ имъ изъ своихъ суммъ сто гульденовъ (!) вспоможенія. Одинъ сынъ его, крещенный лютераниномъ, заболѣлъ и скоро умеръ. Родившуюся послѣ этого, еще за жизни отца, дочь мать не дозволила крестить въ лютеранство и ее крестилъ униатскій священникъ городской церкви Лозинскій. Когда Вагилевичъ былъ боленъ и я посѣтилъ больного, жена его просила меня, чтобы я уговорилъ его возвратиться къ отцевской религіи. Ей было-бы отрадише, еслибы онъ умеръ не въ иновѣрчествѣ, и она съ дѣтьми имѣла-бы надежду получить пенсію изъ духовнаго вдовьяго фонда. Я вошелъ къ исхудалому, блѣдному, съ запавшими глазами страдальцу, сталъ его утѣшать, вспоминать наши молодые годы, наши надежды... Вагилевичъ слушалъ съ уми-

леніемъ, но послѣ, махнувъ рукою, проговорилъ: „все прошло, пропало!... теперь нужно готовиться туда“... и поднявъ немного правую руку. Я началъ убѣдительно уговаривать его возвратиться къ русской вѣрѣ; „ты жилъ, говорю, русскимъ, трудился и страдалъ за Русь, такъ и умирай-же русскимъ“. Вагилевичъ слушалъ меня съ сочувствіемъ и видно было, что онъ готовъ послушаться. На бѣду пришелъ полякъ Хондзынскій, какъ чортъ за грѣшной душой. Я объяснилъ ему, что я стараюсь склонить больного къ прежней родной вѣрѣ и хочу пригласить русскаго священника для исповѣди. Ляхъ пробормоталъ подь носъ:

— Если такъ, то лучше призвать католическаго ксендза; я самъ пойду сейчасъ за нимъ.

— Не хочу, не хочу, не нужно,—нетерпѣливо замахалъ рукою умирающій: ни за что не хочу.

— Если такъ, сказалъ Хондзынскій, то за чѣмъ тревожить больного? пусть останется, чѣмъ есть.

— Я подумаю, сказалъ Вагилевичъ, оставьте меня въ покоѣ.

— Я передалъ женѣ, что Вагилевичъ склоненъ возвратиться къ своей вѣрѣ, совѣтуя послать за священникомъ. Но къ вечеру больной потерялъ сознаніе и на другой день умеръ.

На его похороны собралось множество народа. Были поляки, были и русскіе. Пришелъ пасторъ въ своей черной блузѣ, процѣлъ или прочелъ нѣсколько словъ по нѣмецки; молча, вынесли его гробъ и положили на дроги, молча, повезли на кладбище. День былъ теплый, весенній. Пошли толки о томъ, что хоронять русскаго ксендза, который *присталъ на лютра*. „Небывалыя вещи! говорили, повачивая головами, наши бабки; неслыханное дѣло! просто, свѣта преставленіе. Когда-бы онъ не сталъ лютромъ, не такіе-бы ему похороны справили. Весь соборъ выступилъ-бы въ ризахъ, а аліюмны (семинаристы) зашѣли-бы такъ, что весь міръ расплакался-бы. Что и говорить! какъ-бы зашѣли ему: „Вѣчная память“, то душечки въ раю возрадовались-бы. А то совѣмъ небывальщина какая-то, нѣмецкіе похороны: хейлькь, да хейлькь¹⁾; мы знаемъ, что всѣмъ люграмъ хейлькь, и ему грѣшному хейлькь!“

¹⁾ Нѣмцы поютъ псалмы: *Heilig, heilig*; отсюда у народа взялось слово *хейлькь*, т. е. кажутъ, конецъ, гибель.

Въ 1870-хъ годахъ, когда львовская городская дума занялась переименованіемъ улицъ на народныя польскія и исчерпала весь запасъ знаменитыхъ Коперниковъ, Мицкевичей, Косцюшковъ, Снядецкихъ и т. п., кто-то вспомнилъ о покойномъ и дума согласилась почтить его память, переименовавъ въ глухомъ предмѣстьѣ Горшечный переулокъ въ переулокъ Вагилевича. Вотъ и вся память объ немъ.

Et sic transit gloria mundi!

Я. Г.

РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ*).

(ИЗЪ ЕВРЕЙСКИХЪ ЛЕГЕНДЪ).

I.

И теперь у насъ много хорошихъ цадиковъ: ребъ Янкевъ-Ицхоклъ Макаровекій, и братья ребъ Авремеле и Гецеле ржищевскіе, и ребъ Гойхинце черныбыльскій... Они велики и славны... Но что они передъ ребъ Лейбъ-Суресомъ!.. Такого, какъ онъ, нѣтъ и не будетъ у насъ... Что предъ нимъ гусятинскій, даже садгурскій цадикъ!.. Ребъ Лейбъ-Суресъ!.. Онъ былъ... Развѣ вы можете судить, какъ онъ былъ великъ!.. Вотъ какъ онъ былъ великъ... Слушайте!

II.

Когда Адамъ согрѣшилъ, и его выгоняли изъ рая, и когда плакалъ Адамъ, и заливался горячими слезами: тогда сжалился надъ нимъ Иегова и далъ ему книгу. И что это за книга!.. На первой страницѣ

*) Предлагаемые вниманію читателей рассказы слышали мы не разъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. По словамъ евреевъ, передававшихъ эти рассказы, цадикъ ребъ Лейбъ-Суресъ жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ изъ мѣстечекъ подольской губерніи. Рассказы воспроизводятся съ совершенною точностію, безъ малѣйшаго измѣненія ихъ духа и содержанія. Что до внѣшней формы, трудно было-бы и передавать и читать ихъ на томъ особомъ малороссійскомъ жаргонѣ, съ пріемъ словъ русскіхъ и польскіхъ, на которомъ намъ приходилось ихъ выслушивать. Въ языкѣ подлинника особенно поражаетъ дугъ и складъ рѣчи библейской, который такъ легко усваиваютъ себѣ евреи, проводя много времени въ чтеніи книгъ библейскихъ, и мы не рѣшились отступить отъ нихъ въ передачѣ рассказовъ, давъ имъ лишь внѣшнюю оболочку русской рѣчи. О значеніи рассказовъ въ смыслѣ историко-этнографическаго матеріала считаемъ излишнимъ говорить и можемъ выразить сожалѣніе развѣ о томъ, что остается не тронутымъ этотъ матеріалъ, способный освѣтить внутреннюю жизнь столько вѣковъ живущей среди южно-русскаго населенія массы еврейства, темной, какъ и наше простонародье.—
Примѣч. автора.

ея самъ Ягова своими перстами написалъ имя нашего дивнаго цадика... Это святѣйшая книга!... Стоитъ только честному еврею держать эту книгу у себя въ домѣ, и онъ не сгоритъ, хотя бы кругомъ былъ самый сильный пожаръ. Вотъ какая это книга!... А ребъ Лейбъ-Суресъ былъ сильнѣе ея!... Онъ былъ великій избранникъ, дивный и преславный цадикъ!... И вы думаете, что только „наши“ уважали его!... Его все почитали, ибо сами наисвятѣйшіе паны совѣтовались съ нимъ... Вы скажете, что и теперь „наши“ бываютъ у хорошихъ пановъ... Ну, бываютъ... И что съ того?... Они бываютъ для того, чтобы ѣсть „трэфъ“ и погавое животное „хазеръ“... И они, чтобы поласть къ панамъ, не носятъ пейсовъ, подстригаютъ себѣ бороды и не просятъ за своихъ единовѣрцевъ... А ребъ Лейбъ-Суресъ!... Онъ былъ святѣйшій, и всюду бывалъ, не подстригая пейсовъ и бороды, и не снимая ермолки, пантофлей и длиннаго капота, и онъ бывалъ у самыхъ наисвятѣйшихъ пановъ, графовъ, и князей, и выше... У кого выше?... Вы это узнаете... И онъ бывалъ у нихъ не для своего блага. . онъ бывалъ, чтобы просить наисвятѣйшихъ пановъ за нанихъ бѣдныхъ и гонимыхъ единовѣрцевъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ великій защитникъ народа нашего!...

Слушайте!

III.

Въ одномъ мѣстечкѣ жилъ одинъ бѣдный еврей, и была у него жена, благочестивая и дѣтородная женщина, и дѣти были... И была у нихъ хата, и все они жили въ ней; и была у нихъ маленькая „краница“, и все они, и жена еврея того, и дѣти ея, торговали въ ней, продавая разные товары „хлопамъ“, и дѣлали небольшія дѣла, и жили. И то былъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и жена его была его жена, и дѣти ихъ были дѣти его...

И никто въ мѣстечкѣ томъ не зналъ, какое сокровище хранится въ немъ, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ, живя бѣдно и скромно, всецѣмъ удалялся отъ „дѣла“, и изучалъ великую книгу—талмудъ, и не являлся людямъ.

И прошло не мало времени, и окончилъ ребъ Лейбъ-Суресъ изученіе талмуда, и вышелъ изъ дому, и показался народу нашему, жив-

шему въ томъ мѣстечкѣ, и не былъ узнавъ онъ, и не былъ признанъ учителемъ... И вышелъ ребъ Лейбъ-Суресъ изъ мѣстечка, и началъ разъѣзжать по городамъ и мѣстечкамъ и посѣщать знаменитыхъ рабиновъ, чтобы побесѣдовать съ ними. И бесѣдовалъ съ ними ребъ Лейбъ-Суресъ, но не показывалъ предъ ними ни учености своей, ни добродѣтелей своихъ. И объѣздивъ всѣхъ извѣстныхъ рабиновъ, и поговоривъ съ ними, возвращался ребъ Лейбъ-Суресъ къ себѣ домой, къ женѣ своей и дѣтямъ своимъ. И совершилъ путь свой ребъ Лейбъ-Суресъ такъ, какъ совершаютъ его всѣ единовѣрцы наши, останавливаясь для совершенія шабаша въ попутныхъ корчмахъ. И совершилъ ребъ Лейбъ-Суресъ во время одной изъ такихъ остановокъ свое первое чудо.

Слушайте!

IV.

На пересѣченіи двухъ большихъ дорогъ стояла огромная корчма. Въ ней всегда было много нашихъ; извѣстно, всегда ѣздить по своимъ дѣламъ. И подѣхалъ къ этой корчмѣ ребъ Лейбъ-Суресъ, и вышелъ изъ брички, и вошелъ въ корчму, и остановился въ ней, съѣлъ рыбы и погрузился въ свои хмыли... Вы хотите знать, о чемъ онъ думалъ?... Развѣ можно знать это намъ, простымъ евреямъ?... Можетъ быть, что онъ думалъ... Ну, я не знаю... Извѣстно, хорошее думалъ... И было вечеръ... И полѣзла Поха, жена корчмаря Іося, на чердакъ, и уронила искру, и вспыхнула крыша, ибо она была изъ соломы, и сдѣладежъ великій пожаръ... И подняли въ корчмѣ великій гвалтъ!... И корчмарь Іосъ, и Поха, и ихъ дѣти: Хаймъ, Пинхосъ, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухля, Борухъ и остальные бѣгаютъ и кричатъ: „гвалтъ!... ратуйте!“... А ребе сидитъ и молчитъ... Почему онъ сидѣлъ и молчалъ? Развѣ мы знаемъ... Можетъ быть, такъ было нужно... И можетъ быть, и тотъ пожаръ нарочно случился, чтобы прославиться великому цадіку... И бѣгаютъ, и кричатъ Іосъ и Поха, Хаймъ и Пинхосъ, Пейсахъ и Сура, Ривка и Іосыле, Малка и Рухеле, Борухъ и остальные, и не обращаютъ вниманія, что *онъ* сидитъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ по виду совсѣмъ какъ бы простой „жидокъ“... И шуба его была простая, и „штроймиле“ былъ такой, какъ у всѣхъ, и глаза были, и борода была, и пейсы были, и все было простое,

„жидовское“. И развѣ знали Іосъ и Поха, кто у нихъ быть?... И развѣ они могли знать, когда ученые рабины не узнавали великаго цадика? — Этъ!—думали всѣ, простой жидокъ...—И бѣгаютъ они, и кричатъ, и хватаютъ разныя вещи, и выпускаютъ ихъ изъ рукъ... А пожаръ все болѣе и болѣе увеличивается... И крыша уже сгорѣла, и потолокъ началъ пылать...

И тутъ ребе всталъ, и чуть слышно сказалъ: „ша!“ И они всѣ смолкли... И это было первое чудо: они смолкли!... Іосъ, Поха, Хаимъ, Пинхось, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухеле, Борухъ и другіе смолкли!... И они увидѣли, и уразумѣли, что у нихъ былъ не простой жидокъ, и возложили уваніе на него... И сказалъ имъ ребе: „дайте мнѣ бутылку“... И они дали ему бутылку. И взялъ ее ребе, и вышелъ изъ корчмы, и шелъ тихо и важно, такъ, какъ-бы шелъ изъ „школы“.

Онъ шелъ и молился. И развѣ мы можемъ знать, какую молитву читалъ онъ!... И пришелъ ребе назадъ, и принесъ бутылку, и сталъ около корчмы... А ужъ и въ корчмѣ горитъ, и „бебехи“ вотъ—вотъ загорятся... И жалко Похъ „бебеховъ“... И ей еще были нужны они, ибо она могла еще увеличить число народа нашего, и нужны были въ приданое Сурѣ, Ривкѣ, Малкѣ, Рухлѣ и другимъ... Великой дочери Израиля нужны „бебехи“, ибо безъ нихъ не возможно настоящее плодородіе женъ нашихъ... И рыдаетъ Поха... И пришелъ ребъ Лейбъ Суресъ, и услышалъ вопль Похи, и сказалъ: „ша!“ Они успокоились. И сказалъ: „не пугайтесь!“ И они стихли, и смолкли... взялъ тогда ребе бутылку, и поднялъ ее, и брызнулъ изъ нея водою, и стихло пламя, и какъ бы не было пожара...

И то было второе чудо великаго рабина! И узнали его, и прославили, и говорили о ребѣ Лейбъ-Суресѣ Іосъ и Поха всѣмъ оставливающимся въ ихъ корчмѣ, и распространилась слава о ребѣ Лейбъ-Суресѣ.

И много другихъ чудесъ совершилъ потомъ нашъ дивный ребе.

Слушайте!

V.

Недалекъ отъ того мѣстечка, гдѣ проживалъ нашъ знаменитый цадикъ, жилъ въ одномъ селѣ татаринъ. И былъ онъ сильный человекъ, ибо ему служили бѣсы... Известно, намъ служить Богъ, а гоимъ — бѣсы... И знали объ этомъ татаринъ все ближніе и дальніе люди, и приводили къ нему своихъ больныхъ, одержимыхъ бѣсами... И бралъ татаринъ больныхъ въ свой домъ, и морилъ ихъ голодомъ, и билъ палками, и сѣкъ плетями, и изгонялъ бѣсовъ... И былъ славенъ татаринъ между гоими, даже между нашими известенъ былъ... Но возсіяла слава нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, и стала меркнуть слава татарина. И позавидовалъ онъ нашему цаднику, и воздвигъ противъ него разные гоценія, и взвелъ на него разные напасти; но не могъ ничего сдѣлать, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ былъ неуязвимъ... И поднялъ тогда татаринъ свое зло на средняковъ святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса... И то было такъ...

Слушайте!

VI.

Въ одномъ селѣ жилъ нѣкій корчмарь, именемъ Фридель, человекъ бѣдный, простой, неученый, но благочестивый и честный... И былъ тотъ Фридель простъ умомъ, но великъ сердцемъ, ибо не дѣлалъ никакихъ дѣлъ, но читалъ и изучалъ талмудъ... И это было досадно бѣсамъ... И вошли они въ жену корчмаря Фридели Гоху, и заставили ее мучить честнаго Фриделя.

Велика женская злоба, и нѣтъ равной ей! Ужалить пчела, и исчезаетъ съ земнаго лица. А злая жена досаждастъ мужу до конца дней его!..

И досаждала, и уязвляла, и терзала Гоха мужа своего, Фриделя, ежедневно и ежечасно. И терпѣлъ Фридель мученія свои, и не разводился съ мучительницею своею. Въ книгахъ судебъ народа нашего написано было, чтобы Гоха мучила Фриделя, дабы дать возможность прославиться святѣйшему ребъ Лейбъ-Суресу. И было такъ: разъ Гоха заставила Фриделя отпускать водку гоимъ... И началъ Фридель отпускать водку полною мѣрою. И, увидѣвъ это, Гоха начала на Фриделя, и

ухватили его за шейсы, и терзала долго, и выгнала изъ корчмы. И онъ пошелъ, вышелъ и скрылся. И обрадовалась Юха, и улыбнулась, ибо не знала, что нападетъ на нее смертная тоска.

Какъ часто бываетъ, что скучаютъ другъ за другомъ мужъ и жена, когда расходятся въ разные стороны!—Вы навѣрное знаете нашего Янкеля? Не ладно жилъ онъ съ своею женою Шейвою, ибо она была великая перяха. И порѣшилъ Янкель развестись съ своею Шейвою, и развелся... И нужно было Янкелю и Шейвѣ пойти къ рабину, чтобы получить утвержденный и правильный разводный листъ. И собрался Янкель съ Шейвою идти къ рабину. А въ ту пору на дворѣ было холодно и сыро... И сказала Шейва Янкелю: „Душка Янкель! ты можешь простудиться, ибо надѣлъ только одинъ легкій капоть. Возьми свой большой зеленый шарфъ и положи его на плечи и грудь“. И пріятны были эти слова Янкелю, и онъ помирился съ Шейвою, и такъ какъ Шейва была въ тѣ дни чистюю, то Янкель облобызалъ ее и поцалъ ее...—И радовалась Юха, когда изгнала Фриделя, но скоро прошла радость и наступила печаль, ибо то было передъ шабашемъ... Известно, не добро мужу и жевѣ встрѣчать святой шабашъ въ одиночествѣ... И тоскуетъ Юха, и печалится, и напрягаетъ свое зрѣніе, глядя въ доль дороги, и предполагаетъ, что увидитъ Фриделя. И она увидѣла, но не Фриделя, а быстро мчавшихся лошадей. То ѣхалъ татаринъ, и пріѣхалъ, и остановился, и вошелъ въ корчму, и поздравствовался, и спросилъ у Юхи: „а гдѣ твой Фридель“? „Нѣтъ его, ушелъ“, сказала Юха и заплакала.—„Хочешь вернуть его“?—„Хочу“. — „Дай же зеркало и воску“, сказалъ татаринъ. И послушалась Юха, и подала зеркало и воскъ, и стала смотрѣть на татарина и на дѣло рукъ его. И сдѣлалъ татаринъ изъ воску свѣчу, и поставилъ зеркало, и повѣсилъ свѣчу передъ зеркаломъ, и сказалъ: „та свѣча не догоритъ до конца, какъ твой Фридель будетъ около тебя“. И Юха повѣрила, ибо татаринъ былъ „сильный“ человекъ, дивный лѣкарь, и могъ многое сдѣлать... Известно, глупая... Развѣ можно вѣрить голымъ?.. И погибъ-бы Фридель, но его спасъ святѣйшій ребъ Лейбъ-Суръсъ. Онъ явился на помощь. „Кто былъ у тебя?“ грозно спросилъ ребе у Юхи.—„Ну-у, кто былъ у меня?“ пересчитывала Юха, какъ все наши дѣлаютъ, чтобы выиграть время и обду-

мать отвѣтъ.—„Никого не было“, сказала Гоха, ибо не знала, что передъ нею святѣйшій ребе.—Извѣстно, иногда наши не скажутъ правды даже своему, не только чужому.—„У тебя былъ татаринъ и предлагалъ тебѣ возвратитъ Фриделя“? спросилъ ребе. И призналась тогда Гоха, и рассказала все, и заплакала. И покачалъ головою ребе, и взялъ зеркало, и оборотилъ его къ стѣнѣ, и взялъ свѣчу, и оборотилъ ее внизъ свѣтильней, и сказалъ Гохъ: „О бессмысленная! Фридель прилетѣлъ бы къ тебѣ, но мертвый, и верхомъ на кочергѣ“. И, услыша слова тѣ, Гоха испугалась, и испугалась такъ, что и сказать невозможно, и стала кричать и рыдать. И сказалъ ей ребе: „на!“ и вышелъ изъ корчмы, и обвелъ кругъ вокругъ нея, и вошелъ опять въ корчму. И было: поднялся вихрь, набѣжали тучи, почернѣло небо, полился страшный дождь, и была страшная буря, и все трещало и падало. И была тишина, и былъ покой только въ корчмѣ, ибо она была очерчена кругомъ... И вы думаете, что то была буря?.. Ну-ну!.. То летали бѣсы, и хотѣли разорить корчму, и потушить свѣчу, и разбить зеркало... И были напрасны старанія ихъ, ибо свѣча догорѣла и зеркало разбилось. И знаете ли вы, что это было?.. То ребе побѣдилъ татарина... И уничтожилась мерзкая жизнь татарина, ибо догорѣла его свѣча, и разбилось его зеркало... Такъ есть.. Татаринъ думалъ побѣдить нашего великаго цадика, того, о комъ самъ Іегова извѣстилъ Адама,—того, въ комъ воплотился великій духъ нашего великаго народа, дивнаго Израила!.. Ну-ну, побѣдить его!.. развѣ то можно?!.. И было потомъ: настала тишина, просвѣтлѣло небо, возсіяло солнце, и зашѣли штицы, и улыбнулись деревья, и явился Фридель, здравый и невредимый... И была въ тотъ день великая радость въ корчмѣ... И зачала въ ту ночь Гоха, и породила, и понесла сына, и назвали его при обрѣзаніи Лейбъ... И прославили Фридель и Гоха, и все чада ихъ, и сродники ихъ великаго цадика, ребъ Лейбъ-Суреса, и сдѣлали имя его извѣстнымъ во всей своей хѣтности, и даже далеко за предѣлами ея. И пошли, и побѣжали евреи къ ребъ Лейбъ-Суресу... И никого не отпуская онъ безъ помощи и много совершилъ чудесъ..

Слушайте!

VII.

Нѣкоторый „злотникъ“ ѣхалъ далеко по своимъ торговымъ дѣламъ. И былъ онъ честный еврей. И было это завидно бѣсамъ, и они вздумали соблазнить этого „злотника“. И ѣдетъ злотникъ, и видитъ: на дорогѣ лежитъ крестъ. И былъ онъ золотой, драгоценными камнями украшенный, и сіялъ, и блестѣлъ онъ перлами, изумрудами, топазами и яхонтами. И разгорѣлись глаза у злотника того, и появилось желаніе въ сердцѣ его, и мысль въ головѣ его—овладѣть драгоценнымъ крестомъ, и не удержался злотникъ, и взялъ... „Мнѣ не будетъ бѣды, но великая прибыль“, думалъ злотникъ тотъ, — „я передѣлаю крестъ въ кольца и сережки, въ браслеты и брошки, и сдѣлаю хорошей гешефтъ“, — и возрадовался въ сердцѣ своемъ, и любовался своею находкою злотникъ тотъ. И не зналъ онъ, что это только бѣсовское лавожденіе, и сталъ думать, куда спрятать находку свою. Въ карманъ положить? Крестъ былъ великъ. За пазуху вложить? Онъ выпадетъ. Въ мѣшокъ схоронить? Въ немъ „богомолье“ лежитъ. И горюетъ еврей, злотникъ тотъ. И смугили его бѣсы, и вложили въ его голову мысль—надѣть крестъ на шею. И отѣхалъ злотникъ въ сторону, и зашелъ за дерево, и за кусты, и сталъ надѣвать... И была у злотника прекрасная еврейская борода, ибо она была широка у подбородка и узка въ исходѣ своемъ, и мѣшала борода надѣванію креста. И озлобился злотникъ на свою прекрасную бороду, и вынулъ ножницы, и обрѣзалъ свою бороду... И стало у злотника того поганое лицо, но онъ не чувствовалъ и не подозрѣвалъ безобразія своего, ибо затмѣвался уже разумъ его. И ѣдетъ злотникъ дальше, и видитъ: идутъ люди и пристально смотрятъ на него; и онъ видѣлъ это, и смотрѣлъ на нихъ, и замѣчалъ, что они переводятъ глаза съ его подбородка на вьющіеся пейсы его. И догадался злотникъ, что пейсы выдадутъ его, и ухватился за голову, и сказалъ себѣ: „на что мнѣ пейсы мои?“ и срѣзалъ ихъ. И возрадовался злотникъ, и возвеселился, и безъ боязни смотрѣлъ на встрѣчающихся людей, и думалъ, что уже ничто не выдастъ его. И была дума его напрасною, ибо остановили его люди, и говорили: „что ты за человѣкъ?“ И онъ отвѣчалъ: „ну, что я за человѣкъ?... Я человѣкъ“... И они говорили: „у тебя еврейское платье, и нѣтъ

ни пейсовъ, ни бороды“. И онъ молчалъ. И они продолжали говорить: „ты, должно быть, шарлатанъ“. И испугался злотникъ, и сказалъ: „какой я шарлатанъ! я такой-же человѣкъ, какъ и вы“. И отстали отъ злотника люди тѣ, и пошли впередъ, и скрылись. И когда скрылись они, злотникъ тотъ помыслилъ про себя: „Ой-вей! Они говорили правду, ибо платье мое выдастъ меня... И меня схватятъ, и найдутъ крестъ, и скажутъ, что я воръ“. И увидѣлъ злотникъ шляхтича съ платьемъ въ рукахъ, и остановилъ его, и спросилъ: „не продастъ-ли вельможный панъ платья своего?“ И согласился шляхтичъ, и продалъ. И купилъ злотникъ платье гоя, и свилъ свое прекрасное еврейское платье, и одѣлся въ платье гоя, и похвѣлъ, и радовался, ибо былъ близокъ къ окончательному затѣнію разсудокъ его. И по маломъ времени вѣхалъ злотникъ въ нѣкое чудное мѣстечко, и встрѣтилъ людей, идущихъ изъ костела. И смотрѣли люди на злотника, и озирали его, и сказали ему: „кто ты? не шарлатанъ-ли ты, ибо у тебя нѣтъ ни бороды, ни пейсовъ, ни длиннаго капота, ни пантофлей, ни хѣровой шапки, и есть еврейское лицо... Кто ты? не шарлатанъ ли ты? не воръ ли я убійца?“... И сказалъ имъ злотникъ: „Нѣтъ, я не шарлатанъ“... И спросили у него: „чѣмъ докажешь ты слова свои?“ И отвѣчалъ имъ злотникъ: „чѣмъ докажу я?“... И они говорили: „вотъ костель, и двери его открыты, и идетъ въ немъ святое служеніе“... И сказалъ злотникъ: „ну-у, что изъ этого?“—И они говорили: „иди съ нами, и омочи персты свои въ святую воду“... И помутился разсудокъ у злотника, и слѣзъ онъ на землю, и шелъ за людьми... Известно, пропала евреѣйская душа... И вы думаете: пропала? — Пу-ну!.. Развѣ можетъ пропасть наша душа?.. Не можетъ, ибо число душъ нашихъ опредѣлено, и хранить насъ звѣзда народа нашего... Не можетъ погибнуть ни одна изъ душъ народа нашего! Нѣтъ. И вы скажете мнѣ: „погибаютъ, ибо становятся гоями по вѣрѣ своей“. И вновь говорю вамъ: не погибаютъ, ибо внутри душъ своихъ они наши, и они сохраняютъ любовь къ вамъ, и при концѣ жизни своей раскрываются въ заблужденіяхъ своихъ, и вновь становятся нашими, и покрываются грѣхи ихъ страданіями ихъ и тайными заслугами на пользу народа нашего... И не погибла душа злотника того. И былъ ему голосъ: „Шая!“ И обернулся злотникъ, и увидѣлъ: нѣкій дивный еврей

стоять, и смотрѣль, и киваль головою. И то быль святѣйшій ребь Лейбъ-Суресъ. И подошелъ онъ къ Шаѣ, и посмотрѣль на него. И вспомнилъ Шая школу, тору, семью свою и мать свою, честную Фрейду, и прояснилъ разумъ его, и взмолился Шая къ святѣйшему цадикъ. И разрушилъ ребь чары, и тотъ крестъ упалъ на землю, и былъ онъ не золотой съ камнями, а мѣдный, изломанный. И спасъ ребь злотника Шаю, и была великая радость. И посрамялись враги наши, и разсѣялись, какъ дымъ, и та дорога была пуста, и было всего: въ воздухѣ, съ шумомъ и воемъ, въ вечернемъ полумракѣ, пропадали бѣсы. И разнеслась слава о великомъ цадикѣ между всеми злотниками и всеми работающими руками своими. И потомъ было новое чудо, великое и славное.

Слушайте!

VIII.

Въ нашемъ чудесномъ городѣ Бердичевѣ была большая ярмарка. И съѣхались въ него наши купцы изъ всѣхъ „мѣсть“ и „мѣстечекъ“, и заняли лавки, и стали „вести гандель“. И занялъ одну „крамницу“ нѣкій дивный купецъ, и онъ сидѣлъ въ ней, не имѣя никакого товару, и по маломъ времени выходилъ изъ нея, и становился среди дороги и какъ будто говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ. И это было дивно всемъ нашимъ купцамъ, великимъ и малымъ, славнымъ и простымъ, и даже факторамъ и носильщикамъ. И стали всѣ они говорить про дивнаго купца: или то „мишигнеръ“, или то нѣчто дивное. И у всѣхъ въ тотъ годъ были хорошіе гешефты и большіе барыши, и у одного *его* не было никакихъ дѣлъ. И появилось возбужденіе у всѣхъ, и всѣ стали спрашивать другъ у друга: „что оно такое?“ И, когда не могли рѣшить, пошли къ рабину и сказали ему. И былъ въ то время въ Бердичевѣ знаменитый рабинъ, и онъ зналъ многое, и долго обдумывалъ каждое дѣло. И началъ рабинъ думать, что *оно* такое, и искать отвѣта въ талмудѣ, и ничего не придумалъ, и ничего не нашель. И всталъ рабинъ съ мѣста своего, и позвалъ прислужниковъ своихъ, и пошелъ къ „крамницамъ“. И привель рабинъ къ дивному купцу, и сказалъ ему: „шелоймъ-алейхемъ!“ И услышалъ въ отвѣтъ: „алейхемъ-шелоймъ!“ И спрашиваетъ рабинъ у дивнаго купца: „вы торгуете?“

И отвѣчаетъ ему дивный купецъ: „торгую“. „И я не вижу вашего товара“, говоритъ рабинъ. И всталъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо это былъ онъ въ образѣ дивнаго купца, и сказалъ: „вотъ мой товаръ“. И видитъ рабинъ: зимо ребе бѣжить какой-то еврейчикъ... И сказалъ ребъ Лейбъ-Суресъ рабину: „сидите!“ И рабинъ глядѣлъ. И остановилъ ребъ бѣжавшаго еврейчика, и спрашивалъ у него: „куда ты бѣжишь?“ „Бѣгу дѣлать гандель“, отвѣтствовалъ еврейчикъ. И подошелъ тогда ребе къ еврейчику, и взялъ полъ его капота, и развернулъ ихъ, и сказалъ рабину: „смотрите!“ И посмотрѣлъ рабинъ, и увидѣлъ подъ капотомъ саванъ, и понялъ, кто предъ нимъ, и испугался, и хотѣлъ было крикнуть, но, услышавъ грозное: „ша!“, убоился и смолкъ. И сказалъ тогда ребе бѣжавшему еврейчику: „ты мертвецъ!.. Иди на покой!“... И былъ принятъ мертвецъ на мѣсто упокоенія.

И знаете вы, что это было?—Многіе изъ народа нашего предаются излишней суетѣ, и небрегутъ о духовной жизни, и забываютъ про добрыя дѣла, исполненіе святѣйшихъ повелѣній божественной книги—талмуда, и не исполняютъ шабашей, и небрегутъ о размноженіи народа нашего, ибо проводятъ праздники внѣ домовъ своихъ, въ разлукѣ съ женами своими, и получаютъ они за то великую казнь: не находятъ мѣста упокоенія по смерти своей.

И скорбѣлъ о нихъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и просилъ за нихъ Бога вышняго, Бога Израилева, и умолилъ его. И дана была святѣйшему наднику великая сила—давать мертвымъ покой. И успокоилъ онъ въ то время всѣхъ несчастныхъ сыновъ народа нашего.

И было: разнесся по всему прекрасному городу Бердичеву слухъ о ребъ Лейбъ-Суресѣ, и всѣ, богатые и бѣдные, знатные и простые, стекались къ нему, и приносили ему дары, И не бралъ ничего святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ. И то было дивно и непонятно. И былъ слухъ такой въ народѣ нашемъ.

Слушайте!

IX.

Ребъ Лейбъ-Суресъ владѣлъ всѣми ангелами, и каждый изъ нихъ, по роду своему, доставлялъ все преславному цадикъу. И вамъ это не давно: вы знаете, что и теперь есть такіе цадикъи, кои владѣютъ ан-

гелами. И это такъ: владѣютъ. И что изъ того выходитъ, что владѣютъ? И ревь Мотыле владѣть ангелами, и желалъ воспользоваться услугами ангела. И погрузился ревь Мотыле въ мысли, и сталъ думать надъ кнпгою книгъ, святѣйшнхъ талмудомъ, и думалъ долго, и захотѣлъ пить. И позвалъ ревь Мотыле ангела, и ошибся въ наименованіи его. И явился тотъ ангелъ, который завѣдываетъ огнемъ, и принесъ его къ ревь Мотыле въ великомъ количествѣ. И былъ въ мѣстечкѣ большой пожаръ, и странное несчастье, ибо погорѣли дома и „краницы“, постели и „бебехи“, вещи и деньги, и обѣдыло цѣлое „мѣсто“, и не увеличилось въ тотъ годъ количество народа нашего, ибо въ томъ „мѣстѣ“ было потомъ необильное число дѣторожденій и зачатій. И боятся теперь цадки, и трепещутъ, и не зовутъ для услугъ ангеловъ, и обходятся услугами „габоимъ“, прислужниковъ своихъ, и приношеніями единоврцевъ нашихъ, приходящихъ къ цадикамъ. И эти цадки, и ревь Лейбъ-Суресъ!.. Ну-ну!.. Они—золоты, онъ—червонецъ!.. Теперешнхъ цадикамъ несутъ деньги и хлѣбъ, масло и яйца, куръ и рыбу, и великую живность. Ревъ Лейбъ-Суресъ самъ раздавалъ деньги бѣднымъ единоврцамъ нашимъ... И много было денегъ у ревь Лейбъ-Суреса: золоты и гроши, червонцы, рубли и копѣйки, дукаты и шфениги, лудоры и сантимы... И они были носимы ангелами, носимъ инымъ! И великая слава была о ревь Лейбъ-Суресъ! И распространилась слава изъ Бердичева по всемъ городамъ и мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ, по нашей землѣ и чужой... И все шло къ дивному цаднику, святѣйшему ревь Лейбъ-Суресу, и шли поодиночкѣ, и шли каталомъ. И ребе всемъ помогать и творилъ великія чудеса.

Слушайте!

Х.

И была въ то время великая смута въ нашемъ краѣ: паны воевали сами съ собою. И было безначаліе великое и непорядки страшные. И пришли московскія войска и стали въ нашемъ краѣ, и заняли города и мѣстечки, села и деревни. И одно войско стало въ мѣстечкѣ, а оно было сплошь еврейское. И тягостно было нашимъ держать москалей въ домахъ своихъ. И заплакалъ кагалъ мѣстечка того къ ревь Лейбъ-Суресу, и умолялъ его снасти нашихъ отъ московскаго постоа. И вишалъ

ребе плачу и стону, волю и слезамъ, и сказать: „успокойтесь!“ И успокоились ходатаи, и возрадовались, и возвеселились. И была великая радость въ мѣстечкѣ, и всѣ ожидали скорого и чуднаго избавленія. И оно не замедлило. Поѣхалъ нашъ пречудный ребе къ московскому генералу и просилъ его вывести войско свое изъ домовъ единовѣрцевъ нашихъ и поставить въ дома гоевъ. И не виный генералъ деляватной просьбѣ нашего преславнаго заступника, и оборотился къ нему спиною, и сказалъ своимъ прислужникамъ: „выгоните этого нархатаго жйда!“ Ну-ну!... Такъ поступить съ ребѣ Лейбъ-Суресомъ!.. И оборотился тогда нашъ дивный ребе спиною къ московскому генералу, и поднялъ голову вверхъ, и сказалъ: „нѣ-сѣ!“ и вышелъ. И когда онъ вышелъ, плюнулъ на землю и растеръ ногою плюновеніе свое. И явилось солнце, и послало лучъ свой на плюновеніе ребе, и высунило его. И поднялся вихрь, и разметалъ прахъ изъ плюновенія ребе по всему мѣстечку, и уналъ прахъ на москалей, на всѣхъ, отъ старшаго до младшаго. И наслалъ ребе съ прахомъ тѣмъ болѣзнь на москалей, и напала на нихъ короста, и было большое несчастье у москалей! И по маломъ времени вышли москали изъ домовъ нашихъ и стали жить между гоями. И жители того мѣстечка поблагодарилъ святѣйшаго ребе Лейбъ-Суреса за избавленіе отъ москалей. И не принялъ дивный ребе вещественной благодарности, и повелѣлъ родать ее бѣднымъ единовѣрцамъ нашимъ и сказалъ: „восхваляйте Бога вышняго, Бога Израилева, ибо онъ, а не я, творить чудеса“. Ну-яу, какія слова!.. Ребе былъ великій и скромный Божій угодникъ!.. И былъ ему дивный почетъ. Ребе сталъ ходатаемъ за большую часть народа нашего. И то было такъ.

Слушайте!

ХІ.

Всюду покушаются на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ, и всюду ихъ преслѣдуютъ, и вездѣ ихъ гонятъ. И то должно быть такъ: не уживается тѣмъ со свѣтомъ, и зло съ добромъ, и глушость съ разумомъ.

И жилъ въ то время въ Австріи Кесарь. И возненавидѣлъ онъ евреевъ, и поднялъ онъ гоненіе на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ. И издалъ кесарь повелѣніе быть всѣмъ евреямъ съ фамиліями. И пошли

съ тѣхъ поръ Штерны и Штейны, Берги и Крапцы, Ванштейны и Бронштейны, Розенберги и Манделъберги, и инныя были фамиліи и прозвища. И издавъ это повелѣніе кесарь для страшнаго дѣла: и то было для переписи. И она была для ужаснаго дѣла: издавъ кесарь повелѣніе брать напихъ въ войско! И былъ въ народѣ нашемъ громкій плачь, великое стenanіe, ужасная скорбь и страшный ужасъ. И плакали, и рыдали, и вопіяли старыя и малыя, юноши и дѣвы, отроки и отроковицы, весь мужескій полъ и женскій. И наложили наши цестъ на всѣхъ, и моленія, и милостыни. И собирались въ школы, и молились, и плакались къ Богу Израилеву о избавленіи и помилованіи. И встали князья народа нашего на защиту правъ напихъ, и совѣтовались, и разослали письма во всѣ страны и концы, гдѣ проживаетъ народъ нашъ, и пригласили всѣхъ для обсужденія положенія нашего. И встали всѣ кагалы, и собирались, и обсуждали, и говорили, и выработывали мѣрныя и планы для отвращенія бѣды отъ народа нашего. И поданы были многія мысли, и многіе планы, и разнообразныя ередствы. Но никто не могъ переубѣдить того кесаря, чтобы отмѣнилъ ужасное повелѣніе свое. И вновь былъ плачь и вопль, и рыданіе, и скорбь. И думали всѣ, что погибнуть..., Они не знали, что у народа нашего былъ скромный, но дивный защитникъ, свѣтѣйшій ревь Лейбъ-Суресъ, и не подозревали, что близокъ день отмщенія за скорби народа нашего.

Слушайте!

ХІІ.

И было: пришла пятница, предверіе святаго шабаша. И стали готовиться всѣ въ встрѣчѣ, принятію великаго дня. И затопили хозяйки печи, и стали варить и печь шабашныя кушанья: и супъ, и рыбу, и мясо, и компотъ и гугель. И прекратили всѣ мужчины дѣла свои и пошли въ бани. И очистившіяся жены пошли въ миквы, чтобы быть совѣмъ чистыми и угодными мужьямъ своимъ. И одѣлись дѣти, мальчики и дѣвочки, въ нарядныя платья и выбѣжали на улицу. И стали доставать жены и дѣвы драгоценныя уборы,—перлы и брильянты, шелкъ и бархатъ, золото и серебро изъ хранилицъ и готовить къ возложенію на себя. И всѣ дающіе деньги на проценты сосчитали барыши свои и прибыли свои и восхваляли Бога вышняго, Бога Из-

райлева, дающаго намъ гоенъ — должниковъ для увеличенія богатствъ нашихъ. И склонялось уже солнце къ западу, и золотило большую половину неба, и большую часть хѣстечка, и дома наши, и крыши, и окна. И падали лучи на столы, и на посланные на нихъ скатерти, и на поставленные на нихъ подевѣчники съ шабашевыми свѣчами. И радовались уже дѣти, и кричали; „близокъ шабашъ, близокъ дивный день, несущій намъ и рыбу, и мясо, и „цымесь, и гугель!“ И торжествовали всѣ дѣвы, осматривая наряды свои и украшенія свои. И ликовали всѣ молодые повобрачные, и сладко смотрѣли на пышно взбитые „бебехи“, и съ нетерпѣннѣмъ ожидали шабашевой вечера и сладкаго сна. И всѣ веселились и радовались, и всѣ ликовали и говорили: „шабашъ, шабашъ! прекрасная и благословенная суббота!“ И веселился, и торжествовалъ, и ликовалъ нашъ дивный заступникъ, святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо онъ готовился къ великому дѣлу, защитѣ народа нашего. И то было такъ.

Слушайте! Слушайте!

XIII.

Призвалъ ребе въ домъ свой балагулу Волька и сказалъ: „иди и запрягай коней, ибо мы поѣдемъ“. И отвѣтствовалъ Волько: „ребе, шабашъ близко!“ „Къ шабашу будемъ назадъ“, сказалъ ребе и сталъ одѣваться въ парадное платье. И облекся ребе въ длинный, блестящій своимъ подобнѣй самой блестящей ваксѣ, шелковый капотъ, и опоясался поясомъ, и одѣлъ свои тонкія ноги въ длинные чулки, и возложилъ на главу свою новую бархатную ермолку, и поверхъ ея большую мѣховую шапку, и на стопы свои новыя нантофли, и подвѣлъ свои длинныя пейсы, и пригладилъ свою бороду, и сѣлъ и ожидать прибытія Волька. И черезъ нѣсколько времени загромыкало и загрещало, застучало и застучало. И то вѣхалъ Волько на своихъ четырехъ коняхъ и въ своей величественной будѣ. И были тѣ кони: одинъ буланнй, а другой нѣгій, и третій рыжій, а четвертый сивый; и первому и второму было по десяти съ половиною годовъ, а третьему и четвертому по пятнадцати годовъ; и были тѣ кони — спокойные кони, ибо никогда не бѣгали быстро, но шествовали медленно и важно. И была та буда — знаменитая буда, ибо

она служила Вольку въ теченіе долгихъ лѣтъ, и въ теченіе столькихъ-же лѣтъ служила отцу Волька, и столькихъ-же лѣтъ дѣду его. И былъ на будѣ полотняный навѣсъ отъ заднихъ колесъ до переднихъ, и было въ будѣ довольно количество сѣна и соломы, и разпой мягкой трухи. И подъѣхалъ Волько къ дому ребѣ Лейбъ-Суреса и остановился. И вышелъ ребѣ, и сѣлъ въ буду и сказалъ: „поѣзжай!“ И взмахнулъ Волько кнутомъ, и крикнулъ: „вью, вью! вью!“ и заколыхалась буда, и затрещала, и загремѣла, и покатила. И по маломъ времени выѣхали ребѣ и Волько за самое мѣстечко, въ поле. И только выѣхали они, услышалъ Волько тихій голосъ ребѣ: „Волько! оборотись ко мнѣ лицомъ, и сиди смирно, и не смотри ни вправо, ни влѣво.“ И оборотился Волько, и сидѣлъ смирно, и не смотрѣлъ ни вправо, ни влѣво. И по маломъ времени снова услышалъ Волько гласъ ребѣ: „оборотись къ конямъ и останови ихъ“. И оборотился Волько, и сказалъ конямъ, чтобы они стали, и они остановились. И сошелъ Волько съ сѣдалища своего и помогъ ребѣ выйти изъ буды. И когда помогъ, тогда глянулъ вокругъ себя и испугался великимъ страхомъ, и былъ охваченъ большимъ трепетомъ, ибо увидѣлъ себя Волько въ большомъ и чудномъ городѣ, среди огромной площади, и вокругъ себя неизвѣстно какихъ людей, говорящихъ страннымъ языкомъ. И поблѣднѣлъ Волько, и затряса, и задрожалъ. И сказалъ ему ребѣ: „не бойся и наси своихъ коней“. И успокоился Волько, и сталъ смотрѣть вокругъ себя. И видѣлъ онъ, что ребѣ пошелъ, и шелъ, и пришелъ къ огромному дому, и вошелъ въ него, и былъ тамъ, и по маломъ времени вышелъ изъ него, и подошелъ къ Вольку, и сказалъ: „помоги мнѣ сѣсть“. И когда сѣлъ ребѣ, тогда сѣлъ Волько, и крикнулъ: „вью! вью! вью!“ И поѣхали. И только поѣхали, какъ услышалъ Волько приказъ: „оборотись ко мнѣ“. И не успѣлъ Волько оборотиться, какъ увидѣлъ, что лошади стали, и почувствовалъ, что они пріѣхали въ мѣстечко свое. И то было такъ: они пріѣхали въ мѣстечко прямо къ дому двпнаго ребѣ Лейбъ-Суреса. И было еще: до шабаша успѣлъ Волько распречь своихъ коней, и поставить свою буду, и вымыть концы своихъ мальцевъ, и одѣться въ праздничную одежду, и заблаговременно придти въ школу, и занять свое наслѣдственное мѣсто, и раскрыть книгу, и начать молитву. Но не могъ Волько молиться, ибо пораженъ былъ чудною по-

ѣздкою, и дивнымъ видѣніемъ страннаго города, и необычнымъ сіяніемъ лица святѣйшаго ребѣ Лейбъ-Суреса. И прошла недѣля, и наступила пятница. И вразѣ поѣхалъ ребѣ въ неизвѣстный городъ и былъ въ большомъ домѣ. И въ третью пятницу ѣздила такъ, какъ въ первую и во вторую. И привыкъ уже Волько къ неизвѣстному городу, и освоился съ чудною поѣздкою своею, и не чувствовалъ уже страха, и осмѣлился, и сталъ любовителъ. Извѣстно, еврейская голова! И купилъ Волько въ чудномъ городѣ трубочку и чубучекъ, и привезъ домой, и показалъ свое приобрѣтеніе. И было въ мѣстечкѣ волненіе и ликованіе, ибо по трубочкѣ и чубучку узнали и уразумѣли, что ребе былъ въ австрійскомъ городѣ Виднѣ (Вѣнѣ). И разнеслась вѣсть объ этомъ по всемъ мѣстамъ и мѣстечкамъ, корчмамъ и шинкамъ, между всемъ народомъ нашимъ. И была великая радость между всеми единовѣрцами нашими, ибо рабины говорили и объявляли: „ребѣ защититъ народъ нашъ!“ И все вѣрили словамъ рабиновъ, ибо знали, что ребѣ Лейбъ-Суресъ великій и дивный защитникъ народа нашего, и все желали знать, что дѣлаетъ ребе въ Виднѣ и къ кому онъ ходитъ. И возрастало любовитство, и увеличивалась любознательность у всехъ, ибо и въ четвертую, и въ пятую пятницу совершилъ ребе чудную поѣздку свою. И, когда пришла шестая пятница и услышалъ Волько повелѣніе запрещеній въ буду, то загорѣлось въ Волькѣ любовитство, и порѣшилъ онъ спросить у дивнаго ребе, гдѣ онъ бываетъ и что дѣлаетъ. И закинулся Волько предъ ребе о желаніи своемъ, и услышалъ въ отвѣтъ: „еще немного времени потерпите, и все узнаете“. И терпѣлъ Волько, и терпѣли все, и ожидали. И пришла седьмая пятница, и приготовлялся Волько къ поѣздкѣ, и приготовился заранѣе; и то было напрасно, ибо былъ позванъ Волько къ ребе задолго до наступленія шабаша. И сѣлъ ребе съ Волькомъ, и поѣхали. И настало великое волненіе, и все ожидали чего-то дивнаго. И было: возвратился ребе быстрѣе, чѣмъ въ прежнія поѣздки, и вошелъ въ домъ свой и сказалъ: „сегодня буду я не здѣсь шабашовать“. И сказавъ эти слова, ребе отошелъ въ вѣчность къ праотцамъ Аврааму, Исааку и отцу нашему Іакову. И постигла всехъ евреевъ скорбь великая, и поднялся плачь, и вопль, и стenanіе. И стеклось великое множество народа къ дому дивнаго ребе, старые и малые, богатые и бѣдные, и провожали ребе до мѣста

вѣчнаго упокоенія, и проводили, и погребли. И вознеслась душа нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, въ горнія селенія, и ликовала тамъ, ибо подоспѣла къ самому шабату. И не успѣли все возвратиться къ домамъ своимъ, какъ узнали все, что дѣлалъ ребе въ Виднѣ. И говорили объ этомъ въ теченіе всего наступившаго на-баша, и говорили въ слѣдующіе дни, и недѣли, и мѣсяцы, и годы, и десятилѣтія, и будутъ говорить до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и свѣтитъ луна. И говорили такъ.

Слушайте! Слушайте!

XIV.

Когда дошла вѣсть до ребъ Лейбъ-Суреса о повелѣніи брать нашихъ въ войско, тогда онъ скорбѣлъ, печаловался и мучился, и молился о избавленіи единовѣрцевъ нашихъ. И порѣшили наши дивный заступникъ предстать предъ кесаря и молить его о помилованіи единовѣрцевъ нашихъ. И предсталъ ребе предъ кесаря, и деликатно просилъ его не брать нашихъ въ войско. И былъ пораженъ кесарь умою святѣйшаго цадика, и сказалъ ему: „хорошо, я подумаю“. Но востали враги наши, и окружили кесаря, и вложили въ сердце его не отмѣнять повелѣнія своего. И измѣнилъ кесарь слову своему, и не думалъ. И явился къ нему ребъ Лейбъ-Суресъ, и пристыдилъ его, и говорилъ ему о бѣдности царства его и о богатствѣ единовѣрцевъ нашихъ. И вновь сказалъ кесарь: „я подумаю“. Но опять восторжествовали ненавидящіе насъ. И явился тогда ребе къ кесарю съ грознымъ взглядомъ, и суровымъ обличеніемъ, и великими угрозами. И было: кесарь испугался, и взмолился. И смягчился ребе, и ограничился лишь одними угрозами. И снова восторжествовали враги наши. И узналъ объ этомъ ребе. Какъ онъ узналъ?... Развѣ мы, простые люди, можемъ знать это? И ребе началъ казнить кесаря, и тѣ казни были дивныя и необычныя. И начнетъ ребе чесать волосы, и у кесаря голова болитъ; и начнетъ ребе стричь свои ногти, и у кесаря лозить руки; и кричитъ кесарь: „гвалтъ! ратуйте!“ И явился къ кесарю, какъ жрецъ къ фараону, одинъ изъ ксендзовъ его, и исцѣлялъ кесаря, и озлобилъ сердце его противъ единовѣрцевъ нашихъ. И наложилъ кесарь тягости на единовѣрцевъ нашихъ, и сталъ притѣснять ихъ, и угнетать ихъ. И предсталъ

тогда ребе предъ кесаря съ гнѣвнымъ взоромъ и карающею рѣчью, и пагнать на кесаря страхъ и великій ужасъ, и на близкихъ къ нему. И ужаснулся кесарь, и просилъ ребе о помилованіи, и обѣщаль сдѣлать все по желанію его. И отошелъ отъ кесаря ребе и былъ въ надеждѣ, что кончатся страданія народа нашего. Но былъ тотъ кесарь многокъ сердцемъ, и вповь восторжествовали враги наши. И умыслилъ ксендзъ злой умыселъ на ребе, и передалъ его кесарю, и убѣдилъ его принять совѣтъ свой. И тотъ совѣтъ былъ слѣдующій: кесарь долженъ былъ выстрѣлить въ тѣнь головы ребъ Лейбъ-Суреса, лишь только онъ предстанеть предъ кесаря. И былъ тотъ совѣтъ погибелень... Вы думаете: ребъ Лейбъ-Суресу? Ну-ну!... Погибелень совѣтнику кесаря. И было: предсталъ ребъ Лейбъ-Суресъ предъ кесаря. И подялъ кесарь ружье, и выстрѣлилъ въ тѣнь головы. И вы думаете: то была голова святѣйшаго падиака?... Ну-ну!... То была голова ксендза, совѣтника кесаря!... И воспылалъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ гнѣвомъ и яростію, и казнилъ враговъ нашихъ казнями жестокими, муками и смертію. И былъ удостоенъ великой чести ребе нашъ за подвигъ свой, ибо онъ подошлъ на небо къ самому шабашу.

XV.

Великій и дивный падиакъ былъ ребе Лейбъ-Суресъ! И нѣтъ равнаго ему!... Предъ нимъ даже гусятинскій и садогурскій падики какъ звѣзды предъ солнцемъ, какъ ручей предъ моремъ, какъ тростинка предъ дубомъ, какъ березка предъ кедромъ ливанскимъ, какъ гои предъ избраннымъ изъ народа избраннаго!

И я говорю вамъ о немъ, и вы слушайте, и прославляйте Бога Израилева, Бога вышняго, и его дивнаго, пресвѣтлаго слугу, нашего защитника и покровителя, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса!

Александръ Тарнавскій.

УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ.

ЕГО КЕЙФЪ И СУДЪ.

(По фамильнымъ воспоминаніямъ).

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндратъ
Зъ Тараномъ зрівнятися;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушею зіваятися.

Изъ народн. вѣсн.

Отколѣ міръ стоять, во всѣ времена, при всѣхъ обществен-
ныхъ, гражданскихъ и государственныхъ порядкахъ, жили въ че-
ловѣчествѣ перазлучно богатство и бѣдность, и всегда бѣднымъ
людямъ жилось плохо, а богатымъ хорошо.

Въ былые дни гетманщины хорошо жилось козацей старшинѣ.
Широкая децентрализація управленія—остатокъ давней свободы,
не смотря на постоянныя ограниченія оной, и въ послѣдніе годы
существованія гетманщины, оставляла еще много мѣста не только
власти, но и произволу. Козачіе полковники облечены были болѣе
широкими прерогативами власти, чѣмъ могъ придумать въ наше
время самый смѣлый проэктъ разширенія власти губернаторовъ. Въ
предѣлахъ поселенія полка они были полными распорядителями не
только по военной, но гражданской, судебной и хозяйственной части.
Они владѣли обширными земельными угодьями, могли прикупать
и прихватывать, вели на широкую руку хозяйства, эксплуатирова
козачую рабочую силу, не брезгали и всякими промыслами. Стояло
лишь искусно изворачиваться предъ генеральною канцелярією, да
ловко прятать концы, или же съѣздить иной разъ въ Москву, а
позже въ Петербургъ, и задобрить кого слѣдуетъ хорошими „цодно-

шніями“, и можно было болѣе и болѣе расширять свои „мастности“. — Что значилъ въ полку полковникъ, тѣмъ былъ сотникъ для своей сотни, состоявшей изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ. И сотники, какъ и полковники и другіе войсковые чины, получали земли и разныя угодья на свой рангъ, были полными распорядителями въ своихъ участкахъ по всѣмъ частямъ управленія, и отчитывались да и приплачивались предъ старшиною полковою, какъ эта послѣдняя предъ генеральною. Чѣмъ болѣе близилось уничтоженіе гетманщины, тѣмъ меньше чувствовалась тягость воинской службы и хотя пропорціонально тому возросталъ гнетъ экономическій, но вся тяжесть его падала на простое козачество и умножавшихся въ числѣ посполитыхъ, подсуѣдковъ, коморниковъ и захребетниковъ. Учащавшіяся перемѣны гражданскихъ порядковъ не предвѣщали для старшины ничего худаго. Въ воздухѣ все сильнѣе пахло рабствомъ, но тѣмъ болѣе привилегированнымъ и почетнымъ видѣлось въ пересиктивѣ положеніе войсковой старшины, всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ жизни далеко отодвинувшейся отъ народа. Естественныя инстинкты насилія и хищенія при такомъ порядкѣ вещей могли только усиливаться и расти, а не ослабѣвать. Разлагавшійся старый строй жизни и царившій всюду какой-то хаосъ давалъ правда не выгодно чувствовать себя отдѣльнымъ личностямъ изъ среды самой старшины, происходили крупныя кражи въ хозяйствахъ и грабежи, приходилось приплачиваться частью имущества, иногда и всѣмъ достояніемъ и урядомъ, но ловкій, какъ и всегда, умѣлъ изворачиваться и самыя тягости общественнаго порядка обращать въ свою пользу.

Въ таку-тою, отчасти трудную, отчасти привольную пору жилъ сотникъ Тарашъ. Онъ правилъ смѣлянскою сотнею и резиденція его была въ м. Смѣломъ, близъ Роменъ. Имѣлъ онъ, какъ и другіе сотники, „ранговые и благопріобрѣтенные“ грунты и левады, гаи и сѣпозати, ставы съ мельницами и сады. Правилъ онъ сотнею и хозяйствомъ занимался; на его грунтахъ жило нѣсколько подсуѣдковъ и если все сотенное вассаленіе было въ его распоряженіи, то эти послѣдніе были какъ-бы его подданными. Правилъ онъ по старинѣ—и грозно, и милостиво, не давалъ спуска своемувольнымъ, но и не доходилъ до жестокости и издѣвательства надъ бѣднымъ и слабымъ. Не любилъ онъ, подобно другимъ, притягать

захудалыхъ козаковъ; съ людьми бѣдными, съ тѣми, что помогали ему въ хозяйствѣ, любилъ даже подѣлиться, особливо тѣмъ, что какъ вѣрили тогда все, „родить Богъ на всякого долю“. Обращался сотникъ со всеми просто, права былъ веселаго, любилъ пошутить, особливо, по вдовству, съ женскимъ поломъ, еще болѣе любилъ въ сласть побѣсть и попить. Сотничалъ онъ долго; тутъ-же на сотничествѣ и „госпожу“ свою похоронилъ; теперь, за смертію ея, хозяйство вели обученныя „пансю“ Стеха и Приська, всемъ-же въ домѣ распорядилась молодая дочь его „Ганнуся, пыльная краля“. Было и въ жизни Тарана много невзгодъ; въ его сотничество разбойничалъ здѣсь Гаркуша и жилъ не вдалекѣ на хуторѣ Бардака близъ Бесѣдовки. Тарана заподозрили не только въ попустительствѣ, но и въ соучастіи съ Гаркушею. Онъ былъ притянутъ къ суду, но вывернулася, благодаря своей изворотливости, поплатившись впрочемъ значительною частью своего имуществва. Это было въ 1780 г. Катастрофа служебная, въ связи съ недавнимъ семейнымъ горемъ, разстроили было дѣла Тарана и его самага повергли въ скорби; онъ сталъ угрюмъ и задумчивъ, каждый новый слухъ о подвигахъ Гаркуши приводилъ его въ трепеть и онъ не разъ подумывалъ о томъ, какъ-бы не поднято было вновь это проклятое Гаркушино дѣло. Но крѣпкій организмъ, правильная жизнь и природный веселый нравъ снова взяли свое, особливо, когда Таранъ удостоившися, что Гаркуша далеко—въ Казани.

Уладивъ окончательно свои служебныя и хозяйственныя дѣла, Таранъ отдался своей прежней беззаботной жизни. Онъ не любилъ большихъ компаній, сидѣлъ больше дома и наслаждался жизнью, какъ она шла вокругъ него. Былъ онъ большой эстетикъ, до нѣкоторой степени поэтъ и безконечно любилъ природу. Когда наступало лѣто, онъ большую часть времени проводилъ на *ганку* своего незагнѣливаго дома, стоявшаго на возвышеніи надъ однимъ изъ смѣлянскихъ овраговъ; на подворье его и хозяйство, на все мѣстечко и даже на отдаленныя окрестности съ крыльца его дома открывался прекрасный видъ. Отсюда онъ наблюдалъ движеніе прохожаго и проѣзжаго люду, отсюда давалъ приказанія на право и на лѣво, по службѣ и по хозяйству, здѣсь принималъ доклады, выслушивалъ жалобы, творилъ судъ и расправу, и здѣсь-же совершалъ свой долгій кейфъ съ коротенькой трубочкой въ зубахъ.

По привычкамъ того времени лучшею порой дня было утро, и Таранъ умѣлъ пользоваться имъ, особливо лѣтнею порою, не только для дѣла, но и для полнаго своего удовольствія. Вставъ рано, съ восходомъ солнца, умывшись „погожею“ водоцею и переговоривъ: *Отче нашъ* и *Богородице Дѣво*, а также „за померши души“, сотникъ или отмахаетъ вереть десять на своемъ „татаринѣ“ на какую нибудь изъ своихъ сѣножатей—посмотрѣть, собрались-ли косари, и при этомъ для примѣра самъ пройдетъ *ручки* двѣ, либо пѣшкомъ переберется черезъ нѣсколько овраговъ на одну изъ своихъ нивокъ взглянуть „на толоку“, либо посвятить все утро обзору своего домашняго хозяйства, да такъ, что не оставитъ безъ своего посѣщенія ни коморы, ни сажа, ни стайни и обору, ни клуни и огорода, ни ставка и млынка, ни отдаленнаго баптана, и только почувствовать, что уже давно въ желудкѣ червякъ точить и что пора уже его и заморить, возвращаясь къ своему „ганку“ и усаживаясь за „снѣданье“, приговаривая, когда былъ въ духѣ: *отъ-це-жъ, якъ пише Давидъ, сѣдоша людѣ снѣдающіи хлѣбъ въ снѣдъ.*

Насталъ одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, которыхъ вся краса чувствуется особенно въ несравненной Украинѣ. Чудныя окраины сотеннаго города лубельскаго полка освѣтились ранними лучами восходящаго солнца; золотистые лучи его дрожали, пробираясь по кустамъ „огрудка“, и точно спомомъ ударили въ желтую, какъ воскъ, недавно крытую соломенную крышу сотникова дома; слезинки утренней росы блестяли, какъ изумрудъ, на листьяхъ растущихъ подъ окнами цвѣтовъ. Вдали изъ околъ чуть видѣлась зеркальная поверхность скрывавшагося въ оврагѣ стагу; золотистая рыбка, играя въ водѣ, радостно привѣтствовала восходящее солнце: играла, плескалась, ловила летавшую моншку. Въ воздухѣ вѣяло какою-то влагою и нѣгою, вся окружающая домъ атмосфера насыщена была парами и чуднымъ запахомъ „бузку, черемхи“ и всякой иной зелени.

Таранъ сидѣлъ на „ганку“ и тянулъ изъ своей стамбулки ароматъ собственнаго виргинскаго табаку; по раннему восходу солнца и по тому, что блохи, „якъ зговорились“, не дали спать ему, онъ вывелъ заключеніе, что быть сегодня дождю.

— Теперь рыба грае, подумалъ сотникъ; то-бъ то неводъ закинуть! и съ этимъ онъ крикнулъ проходившему по двору хлопцу:

— Гей, Павелко, щобъ були заразъ жінки до невода! Гапка, Пріську, Стеху, Параску, Тетяну... по чотири на крыло... та заразъ!

— Чую добродію! отозвался Павелко и стрѣлой понесся черезъ плетни и огороды къ подусѣдкамъ.

„Жінки“ охотно собирались и даже торопились, зная, что старшій панъ любить пошутить, а по удачномъ уловѣ не обойдетъ молодежи и ковтомъ рыбы. Не прошло и полчаса, какъ летитъ назадъ Павликъ, только чубъ пляшетъ на головѣ у него и шлепаютъ широкіе шаровары, цѣпляясь за огородину и бұрьяны.

— Заразъ будуть, пане!

— Ну, то-то! Иди-жъ, справляй човецъ, та воду выхлюпай; я заразъ буду!

Павликъ мигомъ полетѣлъ на ставъ, видно, что и ему было по нутру приказаніе пана сотника.

Выкуривъ стамбулку и поковырѣвъ ее „прятычкою“, сотникъ выколотилъ зоду, крикнулъ раза три и пошелъ тихо, взявши „ціпокъ“, чтобы, спускаясь подъ гору, не поскользнуться на влажной отъ росы травѣ.—Осторожно спустившись въ обрагъ, подошелъ онъ къ човну. Павликъ усердно выплескивалъ остатки воды изъ средней части лодки; молодежи въ приличныхъ костюмахъ— „куцныхъ и рваныхъ“ обнажили свои сочныя, здоровыя икры, что нѣсколько щекотало воображеніе пана сотника и давало поводъ къ игрѣ словъ и шуткамъ. Зная правъ своего пана, Гапка (самая смазливая) не безъ умысла стала подбирать свою „куцую сорочку“, собираясь идти въ воду.

— Ты бъ ще выше підвлялась; гляди, щобъ не выпурхнуло! подшучивая, сказалъ Таранъ, лукаво моргнувъ бровью.

— Гапка съ достатку, добродію, замѣтила бойкая Тетяна.—Молодицы съ хохотомъ входили въ воду, таща неводъ; одна затянула:

*Ой вырву я лопушину
Да пошлю фартушину...*

— А нуте, нуте! какъ-бы сконфуженный, прервалъ сотникъ; вытягайте крыло, та заходите далі, далі... Бачъ, якъ рыба грае; онъ выкинувсь карась, мовъ порося добре!

— То й напъ, добродію, буде!..

— Хто піймае, доброй вишнівки достане, поощряя сотникъ.

— А треба, добродію, треба по трудахъ; тільки чогось мицнішого, хотъ-бы тси коробскою!

— А може новомлинки?

— Новомлинка, кажуть, пане, воды половинка, а коропська суца.

— Якъ піймаешъ!

— Въ умілого и долото рмбу ловить, добродію!

Такъ весело начиналось это любимѣйшее въ старые годы въ Малороссіи занятіе, представлявшее не то трудъ, не то отдыхъ, походившее скорѣе на праздничное торжество и мапвившее къ себѣ всякаго самымъ процессомъ своимъ, доставлявшимъ высокое, неизъяснимое наслажденіе. Молодицы весело брели по топкому дну пруда, ощущая всѣмъ тѣломъ прелесть утренней свѣжей ванны. Обѣ партіи ихъ какъ-бы соперничали другъ съ другомъ, расходясь все дальше; огромный неводъ давно погрузился въ воду; одна изъ молодежи, придерживая слегка крыло, заносила „гузырь“ и наконецъ бросила его ко дну. Сотникъ зорьво слѣдилъ, съ видомъ знатока и охотника, за движеніями бредущихъ, за направленіемъ крыльевъ, за охваченнымъ ими пространствомъ, за плескомъ мелкой рыбы, то тамъ, то здѣсь выбрасывавшейся изъ воды, приказывалъ заносить дальше „гузырь“, заходить глубже, расходиться дальше, не поднимать крыльевъ, не наклонять ихъ на бокъ, тянуть прямо по землѣ. Какъ вдохновенный дирижеръ, онъ знаками дополнял, чего не досказывалъ на словахъ, подмигивалъ, водилъ въ воздухъ пальцемъ или всей рукой, и когда все пришло въ стройный порядокъ и машина плавно пошла въ ходъ, онъ быстро вскочилъ въ челнъ и обгоняя бредущихъ, сдержанно проговорилъ:

— Теперь-же идіть такъ—тихенько, рівненько, а я поїду до плаву, та звідтила важсцу, тамъ у лозахъ вона мошкву хапае.

И онъ быстро, изо всѣхъ силъ, погналъ челнъ въ вершину пруда. Бьетъ болтомъ по водѣ, выгоняетъ рыбу на просторъ, колотить весломъ по кустамъ, по очерету... И опять командуеъ:

— Росходьтесь, росходьтесь ширше... тихенько, рівненько, та тамъ коло Кимликового саду виходьте! Ліве крыло вольно! Праве падавай... тихо, тихо... праве шагу прибавляй—и поволі заходь... И опять: бовть, бовть... и опять команда: ліве крыло...

Въ это время выпрыгнулъ карась въ чертѣ невода, какъ-бы поддразнивая.

— Стой! стой! командуєть сотникъ; заходьте справа пошибчѣе, пошибчѣе! Теперь разомъ! Выходьте скоріше, та держите неводъ при землі!..

Быстрыми движеніями стали молодіцы неводъ собирать, выходя изъ воды; на крыльяхъ невода зардѣли тамъ и здѣсь золотистые караси. Огромный кулъ невода плавно выползалъ по мягкому влистоу дну на берегъ; масса рыбы виднѣлась въ немъ, почивали покойно караси погруженные въ тину, а тѣ, что были ближе къ крыльямъ, почувствовали прикосновеніе воздуха, бились, трепетали, перепрыгивали съ мѣста на мѣсто.

— Збирай матню!.. Осторожно, осторожно! командоваль Таранъ.

— Ух! крикнула, отскочивши, Гапка; такъ ударивъ въ груди, трохи не впала, моя матінко! Се той самый!..

— Ладно! не упусти, якъ тоді въ клуни! памятаєшь?

— Се-жъ не той, пане, вьюнъ... та ще моя доля не вмѣрала! все село отчеканила Гапка...

Накопецъ неводъ на сушѣ. Всѣ бросились выбирать уловъ, вытряхали *гузырь*, обирали съ крыльевъ мелкоту, ловили прыгавшихъ карасей и отбрасывали подальше на траву. Суєта, шумъ, говоръ, смѣхъ...

На эту оживленную сцену любовно съ горы смотрѣла дочь сотника. Только что заплела она свои роскошныя косы и украсила свою головку макомъ, настурцами, кручеными панычами. Шитая заплочью рубаха, голубая корсетка или, какъ нельзя лучше, къ ея бѣлому, свѣжему, какъ утрення заря, личику и шелковистымъ блестящимъ волосамъ; алыя губы и щеки пламенѣли избыткомъ здоровой крови, стройная легкая фигура свѣтлой точкой рисовалась на окаймленномъ густымъ орѣшникомъ холмѣ, по сторонамъ котораго шли два другіе возвышенія, съ крутыми обрывами.

И по той бѣгъ гора,

И по сей бѣгъ гора;

*А межъ тими гірочками
Ясная зоря!...*

— А що, Гапусю, влякнула Галя Сотниківна, буде могоричъ!...

— Буде, панночко, буде!...

— А ты, Галю, пришли Ясика зъ відрами, та скоріше: чуешъ! отозвался отець.

— Чую!... чую!... прозвенѣла Галя и какъ серпа полетѣла съ горы, перегоняясь съ Дойдою, любимою собачкою.

Несли ведра, собирали рыбу, скатывали неводъ. Шли всѣ не съ пустыми руками, съ торжествующимъ видомъ, взбираясь гуськомъ по крутой горѣ, а дома, у колодца, по приказу Гали, вытягивали воду, паливали въ ночовки, на кухнѣ разводили огонь, готовили сковороды, горшки, масло, сметану. Принесли добычу; закипѣла новая работа: стали сортировать рыбу—ту варить, эту для сушки, другую на сковороду. Сотникъ самъ распорядился, и молодичъ, по обыкновенію, не забылъ, а онѣ весело, съ шутками, съ прибаутками, развѣшивали неводъ на плетнѣ для просушки и сами переодѣвались въ сухое платье.

— А я черепаху вхопила въ руки, да якъ кину! думала, що ратиця.

— Та и наловили-жь! Давно вже такого счастья не було.

— Э, якъ-бы не пепѣкъ, то у Кимликового саду ще-бъ и білше попало!

Пошло „частованье“ и новыя прибаутки. Сотникъ подшучивалъ, подмигивалъ, молодичицы цокотали.

— Се така смачна, боюсь, щобъ и язика не проковтнуть! прибавила Катерина, смакуючи водку.

— Не лишне-бъ було, отозвался панъ сотникъ, бо вінъ у тебе, якъ липовській дзвінъ!...

— Охъ, лишенько! може тронки голоснишій!

Галасъ, смѣхъ, общее веселье.

А между тѣмъ караси въ сметанѣ, производившіе соблазнительный трескъ на сковородѣ и обдававшіе всѣхъ раздражающимъ запахомъ, очутились уже на столѣ, покрытомъ „килимомъ“ самодѣльной работы, а сверху скатертью.

Сотникъ чувствовалъ себя въ надлежащемъ вкусѣ, весело усаживался за столъ и моргнувъ бровью по направленію карасей,

провзнесь: „ничого, зажилась золота коло болота!“ затїмъ выпивъ звїробоевки, накинудся на карасей съ тїмъ аппетитомъ, который чувствуютъ люди рано встающіе и проводящіе утро въ механическомъ трудѣ на открытомъ воздухѣ.

Поївъ плотно и всполоснувъ зубы звїробоевкою, сотникъ пабожно помолился Богу, набилъ стамбулку самороднымъ виргинскимъ и отправился къ любимому своему мѣсту на „гапокъ“. Здѣсь въ прїятномъ кейфѣ онъ любовно наблюдалъ движеніе всей своей хозяйственной машины и заливался добродушнымъ смѣхомъ, глядя, какъ напр. шлепнется со всего размаху разбѣжавшаяся Оксана, не замѣтивъ подъ ногами у порога пекарни *Мурзу* или *Мамая*, или какъ телепockъ, вылизавъ подойникъ и вскинувъ его себѣ на голову, пойдетъ выдѣлывать съ нимъ пляску по двору. Но вотъ свинья *Рохля*, ставъ на заднія лапы, зубами прилаживается къ обрывку веревки, которымъ заперта калитка, чтобы сбросивъ оный съ верхушки столбика, пробраться въ огородъ. Сотникъ рывкнетъ: *аля!*—стѣны задрожать и на другомъ концѣ двора пугливыя лошади шарахнутся и собьются въ кучку. „Розумна bestія! якъ собака зубами, або чоловікъ рукою. Такои еще въ насъ не було!“ скажетъ сотникъ, видимо довольный, что все въ домѣ трепещетъ его, и погрузится въ размышленія.

Въ то время, какъ панъ сотникъ, потонаувъ въ размышленіи и продолжая пыхтѣть стамбулкою, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, во дворѣ показалась чья-то дівчина; вооружившись длиною хворостиною и робко озиралась по сторонамъ, она тихо направлялась къ пекарнѣ, стараясь пробраться незамѣченною собаками.

Маневръ удался, дівчина въ пекарнѣ и привѣтствуетъ Стеху:

— Здорови були! съ сегодняшнимъ днемъ поздравляю!

— Снасибі; сїдайте!

— Хай усе добре сїдає!

— Чи панъ сотникъ дома?

— Дома! А чого тобі?

— Та мени діло є! Чи можно до ихъ доступиться?

— Можно, иди прямо, онъ сидить на ганку.

— Проведить-же мене, бо я собакъ боюсь!

— Иди, я постою!... А ну, *Мурза!* не займай!

Главный отаманъ двора, изучившій нравъ своей благодѣтельницы Стехи, когда надо, былъ покоренъ ей, какъ ягненокъ. Дѣвчина прошла до пана сотника, низко кланяется и говоритъ:

— Я до вашей милости, добродію, діло маю.

— Почуемо!

— О така річь, паночку! Той Корній Заволока збезчестивъ мене; такъ, пануючи Бога и вашу честь, збавивъ мене, що стыдно сказати!...

Сотникъ моргнувъ бровью, слегка улыбулся,—видпо, хотѣлъ пошутить, но воздержался.

— Ну, и що-жь?...

— Да такъ, якъ бачите, збезчестивъ, тай годі!

— Ахъ, вінъ бестіянський сынъ! Та я ёго... я-жь ему... Не дурно ёму и призвище таке богомерзске—Заволока! Такъ вінъ тебе оце обезчестивъ? Ге, шкода, та вже не вернется. Що-жь, заміжь ты за ёго мабуть не підешь?

— Крый Мати Божа! съ негодованіємъ и какъ-бы обидой произнесла Гапка.

Но сотнику показала уже какая-то немскренность въ ея голосѣ и движеніяхъ и онъ слова спросилъ:

— А певно на безчестье зъ ёго хочешь?

— Або-жь то панъ каже дарувати? нѣсколько смѣло переспросила Гапка.

Сотникъ какъ будто призадумался, потянулъ раза два изъ стамбулки, сплюнулъ на бокъ и серьезнымъ тономъ обнадеживъ Гапку расправой съ озорникомъ и взысканіемъ съ него за безчестье, велѣлъ ей на утро явиться слова въ ранній обѣдъ, а лишь только она вышла, отдалъ Яцьку приказъ доставить къ нему на утро и Корнія Заволоку.

Полетѣла грозная вѣсть. Корній всю ночь не спалъ, въ ожиданіи грознаго суда пана сотника, а онъ шутить не любилъ,—это всё въ сотнѣ знали.

— Рано утромъ, какъ только солнышко взошло, еще не оправившись совсѣмъ отъ дремоты, послѣ короткой и смутной ночи, сот-

никъ, по обыкновенію, сидѣлъ уже на крыльцѣ и сосалъ свою стамбулку.

Корній Заволока съ понижшею головою ожидалъ въ сотниковской кухвѣ и маѣлъ душою.

— Чи можно доложитися до пана-сотника? робко спросилъ онъ Стеху.

Стеха, чѣмъ-то разсерженная, неохотно проговорила:

— Аже бачишь, сидить давно вже на ганку.

Подходить Корній Заволока и лизко кланяясь, съ невольнымъ страхомъ произноситъ:

— Я до вашої чести и милости, добродію.

— Знаю, знаю! Дакъ ты оце выдумавъ въ горохъ скакать!—важно произнесъ судья, возвысивъ надлежаче голосъ.—Дакъ ты сміє оце дівчину безчестить! Отъ я тобі, бестіянській сыну... въ колоду велю тебе забить, да ще панотцеви скажу, що-бъ у дзвиниці въ куцу тебе закувавъ, що бъ всі на тебе дивились, та памятали, що то значить дівчину збезчестить.

Корній голову повѣсилъ; сотникъ продолжалъ:

— Ахъ ты бестіянская невіжа! я-жъ тебе...

— Та вона, паночку такая... осмѣлился проговорить Корній.

— А хочъ-бы и такая, перебилъ его сотникъ.—Та ты знаешь, якъ на улиці калюжа (лужа), то хѣба добрый человекъ ползе въ калюжу? Аже-жъ добрый человекъ завше обійде собі стороною! А ты що здумавъ, собачій сынъ?! Щобъ ты мени завтра въ ранній обѣдъ, какъ есть, принієшь безчестья двадцать золотыхъ! И не думай собі! Ступай.

Пошелъ Заволока съ понижшею головою. Гдѣ то ихъ взять тѣхъ золотыхъ? думалъ онъ про себя, бредя вдоль плетня и оглядываясь на собакъ. И невольно пришли ему на мысль слова пѣсни:

*А у мою двора
А ни току, ни кола,
Тільки куцъ камини
Да и тия сука!..*

Сотникъ межъ тѣмъ отдавалъ своему Яцѣу приказъ на утро, также въ ранній обѣдъ, доставить къ нему потерпѣвшію Галку.

Самодовольная улыбка промелькнула при этомъ у него на лицѣ, правая бровь невольно къверху поднялась, что у сотника всегда выражало мыслительную работу; онъ съ какою-то увѣренностію, но слегка стукнулъ рукой по столу; видимо его осѣнила какая-то счастливая мысль, отпосившаяся къ разбираемому теперь дѣлу и онъ мечталъ удивить своихъ подвластныхъ еще разъ справедливымъ и мудрымъ рѣшеніемъ. Но, покончивъ съ этимъ, онъ снова обхватилъ губами коротенькій чубучекъ и началъ нескончаемый процессъ сосанія своего виргинскаго и перебиранья въ памяти разнообразныхъ причудливыхъ приключеній въ своей долгой и бурной жизни. По временамъ мелькалъ предъ нимъ образъ Гаркуши, подчасъ слышалось, будто кто-то въ огородѣ, или гдѣ-то въ полѣ начинаетъ такъ близко задѣвавшую его, свѣже сложенную пѣсню...

На другой день, будто сговорившись, въ одно время, хотя съ разныхъ сторонъ, тянулись къ пану-сотнику Корній Заволока и Гапка Левадівна. Сотникъ, по обыкновенію, сидѣлъ на крыльцѣ, когда обѣ противныя стороны предстали къ нему на судъ. Взглянувъ на нихъ, онъ добродушно моргнулъ бровью и велѣлъ Гапкѣ подождать, а Корнію позвать въ горницу.

— Ну, а що гроши?—обратился онъ къ нему, когда тотъ переступилъ порогъ.

— Е, добродію!

— Ахъ, ты пеській сынъ!—не естественно какъ-то заворчалъ сотникъ, принимая деньги отъ Корнія. Розласувався на дівчатъ? Та ты такъ и всю сотню мени перепортивъ! и вся моя сотня сорому не оберется, и мени сотнику придется за тебе ледацого у сірка очей позичать!

— Змилуйтесь, добродію, даруйте мени сей разъ!—завопилъ Заволока. Не буду до віку, и десятому закажу!...

Ну, то-то десятому! Смотри мени... другій разъ не попадайся. Стучай, да подожди тамъ на пекарнѣ!

Вышелъ Заволока, едва ноги волоча. Раздался снова зычный голосъ пана сотника, требовавший къ ставкѣ Гапку.

Входитъ Гапка, низко кланяясь, въ предчувствіи выпрыпа. Сотникъ моргнулъ бровью, какъ-бы въ предзнаменованіе шутки; но воздержался и съ достоинствомъ произнесъ:

— На, отъ тобі двадцять золотыхъ за твою обиду. Теперь не поспіє тебе тронуть; но смотри, береги и сама свою честь. Иди съ Богомъ!...

Гайка, ви́въ себя отъ радости, живо прячетъ деньги за *пазуху*, кланяется сотнику въ поясъ, благодарить его въ самыхъ отборныхъ фразахъ: „спасибі вамъ, добродію! легко вамъ дихать! Попли вамъ, Господи, вікъ довгій, що вы за мене сироту заступились“!

— Ну, ну, иди съ Богомъ! торопилъ ее сотникъ и опять велѣлъ позвать къ себѣ Заволоку.

Входитъ Заволока съ поникшею головою, ождая новой грозы; между тѣмъ Левадівна уже успѣла выйти за ворота сотническаго двора.

— Ступай, безтыднику, скорѣе, крикнулъ Заволокѣ сотникъ, да отними у ней свои деньги; только смотри сейчасъ! Не отнимешъ, барбарами на пекарни будешъ битый. Живо!

Заволока стремглавъ бросился за Гайкою, и какъ только догвалъ, сейчасъ прямо къ ней за пазуху.

— А, такъ ты зновъ до пазухи? крикнула Гайка и такъ толкнула парубка, что тотъ, какъ говорится, и другой стѣпны досталъ.

— Пстой-же! продолжала она; такъ ты такъ попанувався, піду-жъ я пану сотнику розкажу, и мигомъ пустилася къ сотницкому крыльцу.

Сотникъ, видѣвшій все, что происходило, отъ удовольствія постукивалъ только своею стамбулкою о столбикъ и когда подлетѣла къ нему Гайка, выразительнѣе прежняго моргнулъ бровью, собираясь выслушать.

— Такъ отъ, добродію, начала она, якъ вінъ панується! Що ему валя, выбачайте, кара? Тільки я за двіръ, а вінъ за мною, та заразъ до пазухи, та трохи грошей не выдеръ.

— И щожъ отнявъ?

— Эге, отнявъ! Я якъ штурхнула ёго, то вінъ и тину доставъ.

— Ну, а тогді... чомъ-же ты не штурхнула ёго, якъ вінъ те ечки, якъ ёго?!

Левадівна и глаза потупила.

— Ну, небого, давай-же назадъ гроши! Да впередъ не скачи, а то звелю целену тобі підрізати, и голову дѣгтемъ вымазати, та ще и шіръ наткати. Така тобі буде честь!...

Межъ тѣмъ подошелъ и Заволока и сталъ предъ сотникомъ, не зная, съ чего пачать и что сказать.

А що одная?—спрашиваетъ сотникъ.

— Э, де вамъ, добродію! такъ мене пырхнула, що я й типу доставъ.

— Такий-же съ тебе козакъ! Тільки соромъ робить козакамъ. На тобі твои гроши, тай никому не признавайся, якъ козакувавъ, та памятай, явъ-то люди калюжу обходять...

— Спасибі, добродію, за науку!—сердечно произнесъ Заволока и, отвѣсивъ низкій поклонъ, тихо побрелъ со двора, а сконфуженная Гапка, не поклонившись и не сказавъ ни слова, раньше пролетѣла за ворота и изо всѣхъ силъ улетывала домой.

Солнце высоко стояло на горизонтѣ, освѣщая и пригрѣвая трудящійся людъ. Въ мѣстечкѣ было пусто, на улицахъ ни одной души; точно все вымерло, или неприятель все населеніе угналъ въ полонъ. Всѣ способные къ работѣ, взрослые и подростки, давно работали на поляхъ и сѣвжатахъ; лишь кое-гдѣ, въ глубинѣ огородной зелени чуть видѣлась голова козачки, невидимая рука которой вырывала сорную траву, или слышалось, какъ дѣвчина въ огородѣ тихо *Гриця* пѣла; на завалинахъ по мѣстамъ грѣлись на солнцѣ старые дѣды, вспоминая свою козацую славу, а подлѣ нихъ игралась босоногая надежда страны... Одинъ въ мѣстечкѣ человекъ, казалось, не былъ за работой; то былъ мѣстный дячекъ. Онъ возвращался теперь съ утренняго *пожемея*, не твердыми шагами бредя по улицѣ домой. Повстрѣчавшись съ Корніємъ, онъ съ обстоятельностью досужаго человека распросилъ его обо всемъ и когда узналъ о повомъ мудромъ рѣшеніи сотника, съ паэсомъ воскликнулъ:

— Э! се нашъ, бачишь, украинскій Соломонъ, якъ-то бувъ колись-то царь жидівській Соломонъ. Розумна голова! Де вже тому Бардакови та зъ нашимъ Тараномъ було рівнятися?

И съ легкой руки дячка утвердилось за сотникомъ смѣляпскимъ Тараномъ названіе украинскаго Соломола, и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи, какъ сохранилось имя его въ народной пѣснѣ, а въ дѣлахъ архивныхъ неясная молва о соучастіи его въ дикихъ подвигахъ Гаркуши.

Ст. фонъ-Носъ.

Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товарищъ.

(1665—1703 г.).

(Отрывки изъ семейнаго архива).

Петръ Михайловичъ Забѣла—администраторъ борзенскій. Пожалованіе маестностей. Дѣти отъ перваго брака. Вторая женитьба его на вдовѣ Семена Герцика. Дѣти отъ втораго брака. Завѣщанія П. М. Забѣлы, 1681 и 1686 г. Женитьба сына Ивана на дочеря Борковского. Вліяніе Мазены на семейную жизнь старшины.

1.

Генеральный обозный Петръ Михайловичъ Забѣла, радночальникъ этой фамиліи, во время войны Хмельницкаго за освобожденіе, былъ польскимъ „администраторомъ“ борзенскаго повѣта. Перейдя на сторону козаковъ, онъ назначенъ былъ сотникомъ въ Борзну-же, и кромѣ того, за эту заслугу Забѣлы, царь далъ ему пять сель около Кролевца: „пожаловали есмя нашего царскаго величества войска запорожскаго борзепскаго сотника Петра Забѣлу и потомковъ его, что въ нынѣшнемъ, въ 169 году, билъ челомъ намъ онъ, Петръ,—въ прошломъ де въ 164 г. (1656) дано ему Петру наше жалованье, за сво къ намъ многую службу, въ маестность, въ борзенскомъ повѣтѣ, пана Вышлева, с. Обговъ, да с. Ревутицы, да с. Лучники и Погорѣловка, да с. Клишки, да на редѣ Ретѣ мелница и рудня; и на тѣ де села и на мелницы дана была ему жалованная грамота—и та де грамота въ Борзнѣ, въ пего, Петра, згорѣла и намъ бы, великому государю, его, Петра Забѣлу, пожаловати и велѣть ему дати на тѣ сво маестности ную жалованную грамоту“.

Въ войсковой службѣ Петръ Забѣла постепенно занималъ уряды—борзенскаго сотника, генеральскаго судьи и наконецъ выс-

шій урядъ въ войскѣ генеральнаго обознаго; послѣдній урядъ онъ сложилъ себя въ 1687 г., будучи стосемилѣтнимъ старцемъ ¹⁾. По-видимому Петръ Михайловичъ имѣлъ притязаніе и на булаву; по-крайней мѣрѣ, интригу противъ неповиннаго Перевязки-Многогрѣшнаго (1672 г.) велъ главнымъ образомъ Забѣла, продолжая его преслѣдовать и по лишеніи гетманства ²⁾. Естественнымъ преемникомъ Многогрѣшнаго, Забѣла, какъ старшій урядникъ войска, считалъ себя; но хитрый Поповичъ ³⁾ булаву перехватилъ.

Петръ Михайловичъ женатъ былъ два раза; первая жена его умерла еще при Брюховецкомъ, оставивъ ему четырехъ сыновей: Ивана, Тараса, Степана, и Василія, которые въ это время занимали уже видные уряды: Тарасъ—сотника борзепскаго, Степанъ—полковника иѣжинскаго, а Василій—генеральнаго хорунжаго; старшій, Иванъ, убитъ былъ въ извѣстномъ чигиринскомъ походѣ. Оставшись восьмидесятилѣтнимъ вдовцемъ, Петръ Михайловичъ, какъ видно, скучалъ своимъ вдовствомъ и задумалъ жениться; для этого онъ выбралъ было себѣ вдову одного изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, Ивана Искры, мать извѣстнаго полтавскаго полковника, казеннаго вмѣстѣ съ Кочубеемъ; поѣхавъ свататься въ Полтаву, Забѣла сталъ здѣсь квартирою у вдовы выкренченнаго еврея Гердики, Агафьи; и когда Искриха, рассказывасть современникъ, „замужъ пойти не захотѣла, поставивши себѣ до смерти вдовою быти, тогда Забѣла взялъ за себя Герцичку“ ⁴⁾. Видно, Забѣла разъ рѣшившись жениться, не хотѣлъ возвращаться домой безъ жены: новая его жена уже по одному замужеству своему съ Герцикомъ никакъ не подходила въ жены генеральному обозному; да и бѣдна она была такъ, что сынъ ея отъ Герцика, Павелъ, въ это время торговалъ на полтавскомъ базарѣ иглами и шильками ⁴⁾.

¹⁾ По показанію родословія Забѣлъ, Петръ Михайловичъ родился въ 1580 г.

²⁾ Письма Забѣлы по этому дѣлу къ царю хранятся въ моск. арх. мн. ин. дѣлъ, 1672 г., №№ 230—33, 239, 242, 250—51.

³⁾ Самойловичъ въ народѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Поповича (сынъ красноколядинскаго священника Самойла) и Самойловичемъ его звали только въ официальныхъ бумагахъ; такъ точно и Многогрѣшный извѣстенъ былъ въ народѣ подъ прозвищемъ Перевязки, а иногда просто Демка.

⁴⁾ Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1859, I, 146.

Но случайная жена удалась старому вдовцу, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ завѣщаніяхъ; она родила ему дочь Федору и сына Ивана (род. около 1665 г.), которые, какъ зачастую это бываетъ, стали отцу самыми дорогими дѣтьми.

Въ 1679 г. столѣтній Забѣла въ первый разъ надумался написать завѣщаніе да и то будучи гдѣ то на походѣ; впрочемъ по этому первому завѣщанію Петръ Михайловичъ одѣлилъ только старшаго своего сына, Тараса, назначивъ ему с. Лучники и „млянѣ“ на р. Есманѣ. Впослѣдствіи онъ написалъ другое, тоже не полное, завѣщаніе; и только въ 1681 г. распредѣлилъ межъ дѣтьми окончательно свое имущество. Завѣщаніе это приводимъ подлинникомъ.

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Бгды найвышшій Судія живыхъ и мертвыхъ Сынъ Божій, оразъ и человекій (sic), рачитъ насъ упоминати о невѣдомость години смерти нашей, абыско на кождшій часъ чуйними были, молячися ему уставичне и жебыско могли зъ лѣвшимъ сумленемъ стати предъ судомъ Божиимъ: за таковыиъ теды напоминаемъ, я, Петро Михайловичъ Забѣла, обозній войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого енералній, ажъ колвекъ будучи подейшлимъ въ старости лѣтъ моихъ и хоробою отъ Господа Бога обнятіи на тѣлѣ, еднакъ на умыслѣ моемъ зостаючи здоровимъ, и о вшемъ зъ добримъ розмышлянемъ всѣхъ приятелей моихъ, о маестности моей рухомой и нерухомой, когую миѣ Господь Богъ, з ласки своей, презъ вѣрную великому государю услугу и всему войску запорозкому, узичити и даровати рачилъ, хотичи поставовенемъ учинити, памятуючи на тое, абы мене въ сей хоробѣ, въ которой теперь зостаю, albo у войску, кгда мя Господь воздвигнетъ, на службѣ великого государя, на которую я завше при боку ясневелможного его милости пана Иоана Самойловича, гетмана войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого, виправуюся и на смерть иду, тал-жъ неужитая, якъ зсохшиое смоговнищи, не поствѣла; теды сихъ двойга дѣтей моихъ зъ маткою ихъ на отправе зоставуючи, тотъ мой тестаментъ въ той списую способъ. Напродѣ, учтивой мал-жонце моеи Агафін, для еи противко мене милости и услугованія, не роздѣвне зъ синаомъ моимъ Ивахпомъ и цоркью Федорою, щосмо набыли працею нашою, то есть готовіе гроши, сѣбро, цѣнь, жѣдъ, охендество

бѣлоголовское (*женскія одежды — ochędostwo*), што есть шати (одежда—szata) и шпелякое ношене, то все при малжонце моей, подлугъ тестаменту отъ мене ей данного, мѣсть zostавати. Кгдыжь-бо вѣмъ по знесеню Бруховецкого, нѣ з чимъ zostавшия, вийшовши зъ Борзни, тое все працею нашею зъ малжонкою моею набылисмо. До того село Обтовъ зъ дворцемъ такимъ, зъ якимъ самъ одъ его царского пресвѣтлого величества и всего войска запорозкого (о)держалель, провѣнтами, людьми и зо всѣми повинностями подданчими, кгрунтами, полями, за сѣвами, сѣножатми и лѣсами, до него належитими. Другое село Кляшки зъ провѣянами, людьми и зо всѣми повинностями подданчими и зъ двома млинами, стоячими на рицѣ Осотѣ, въ которыхъ каменей мучнихъ чтири, а двѣ ступинихъ, до того и Харченкова млина половина, на кгрунтѣ моемъ, на то есть и писмо; млинъ въ Обтове, на рецѣ Ретѣ, зъ двома колами, у Ивана меньшого Тищенко за мои власнiе гроши куплений; другiй млинъ на той-же рецѣ, зъ двома колами мучными, а третимъ ступинимъ и фалюшами, у старшого Тищенко Ивана и Бѣлоуса, тожь за гроши мои куплений; на той-же рецѣ млинъ Пархомовъ и Михайловъ нижей, зъ двома колами и фалюшами, тамже въ селѣ Обтове, млинъ Ивана Безверхаго, на рецѣ Мазирцѣ; млинъ на рецѣ Есмани своимъ коштомъ на греблѣ занятой и збудованiй, зъ двома колами и фалюшами; такъ-же и село Погорѣловку, въ которомъ дворовъ двадцать, зъ кгрунтами и озерами. До того дворъ въ Батуринѣ ¹⁾, тожь дворовъ два въ Короцѣ, одинъ въ мѣстѣ, а другiй на иредмѣстю Боровомъ; тамже и броваръ (*твоварня*) належитий отказую. При томъ коней, быдла, овецъ, свиней, все отъ мала до велика, Агафiи жонѣ моей и Ивасеви, сынови моему, зъ Федорою, милимъ дѣткамъ моимъ, перездѣлае отказую и отписую. А любо зъ першою жонкою моею сложении едни дѣти на отпирвѣ (*видѣлены*) суть, меновите Тарасъ, Стефанъ, Василь, и що влѣ належало, то есть дома,

¹⁾ Въ кунцей 1671 г., сохранившейся въ архивѣ, значится: «Солоза Евклиха Гречаничка, зъ силами своимъ Романомъ и Василемъ, дворъ свой жидовскiй, стоячiй въ рынку батуринскомъ, на рогу улицы пробитой, межею одъ двора Лищневскаго, которiй теперь остался Ярмолѣ, продалъ урзожому его милости пану Петровѣ Михайловичу Заблѣ, обозному генеральному, за суму певную копѣ пятьдесятъ».

вгрунта, поля, сѣножати, лѣси, займища, конѣ, быдла, всякіе шати, гроши готовіи, серебро, цѣнь, мѣдь, поотдавалемъ; еднакъ якося нижей положить, еще маестности причиняю и тямъ сынамъ моимъ; напродъ Тарасови—готовихъ грошей золотихъ пятсотъ и млинъ на рецѣ Есмани, где бувала рудня; Стефанови—Лучники, готовихъ грошей золотихъ тысячу; Василеви—село Ревутиницѣ, зъ провентомъ, людьми и зо всеми повинностями подданничими, и зъ двома млинами на рецѣ Ретѣ, въ которихъ колѣсъ три, а четвертое ступное; а то если въ тямъ будетъ ласка его царского пресвѣтлого величества и яснегелможного его милости пана гетмана. Прето варую инляо того, абы тие добра всѣ Агафіа, малжонка моя, нероздѣлие зъ дѣтками моими, Ивахномъ и Федорою, спокойне уживала и оними дяспоовала до смерти своей; а при конци живота своего воляю будетъ всѣ тие добра, яко свои власніе, распоряжаючи дѣтей своихъ, котрому хотячи, нехто иншіи, тылко она сама, яко matka ближшая до дѣтей своихъ, отъ себе асктовати, отдати и записати. А если-бы мѣла выпродъ матки дѣтей постигнути смерть (чого не зичу), теды также нехай будетъ воляю Агафіи, малжонце моей всѣ тие добра, вижей менованніе и въ тямъ тестаментѣ вираженніе, яко сполне зъ дѣтками нашими до уживаня вижей подалемъ, такъ и по смерти сихъ-же дѣтей нашихъ двойга спокойне уживати ажъ до смерти своей, кромѣ вишелякой перенюды и ретрузии отъ сыновъ моихъ, зъ перною женою моею спложенихъ, бо южъ сынове мои старшіи мимо поданіе добра своя, до тихъ добръ видѣленихъ реченой малжонце моей Агафіи и дѣтемъ еи, тиватися и впоминати и жаднимъ правомъ доходити не могутъ и мочи не будутъ вѣчними часи; еднакъ-же имъ всѣмъ варуючи мѣти, и того хочю, абы тую остатную волю мою отцевскую ажъ по смерти моей исполнячи, въ тотъ часъ всеми тыми добрами кождий собѣ належитимъ завладѣлъ и ку своему пожитковни отобралъ. А теперь еще собѣ заховую моцъ и панство, поки буду живъ, коли колвекъ буду хотѣвъ, тотъ мой тестаментъ уняти и првчинити такъ на милосердніе учянки, то есть церквамъ Божиимъ, шпнталемъ, яко и предреченимъ дѣтемъ, ведлугъ моего уподобани. А егды не поспѣю презъ декретъ Божій, тогды повинна будетъ жона моя и дѣти, все што належитъ до милосерднихъ учяковъ, на церкви и дорожоніе поминки и сорокоуста до троухъ церквей дати и отдавши,

отправить. Которій то тестаментъ мой нынѣшній, свидѣтели моиа, съ подписомъ ихъ власнихъ рукъ и прѣ звяклой моей печати, отъ мене упрошеними, для лѣвшой ваги потвержаю. А хто-бы важилса его, такъ зъ дѣтей моихъ перное жони, яко зъ далекихъ и близкихъ покровнихъ моихъ касовати и аянѣгиловати, таковаго каждого позивати буду на страшній и нелицемѣрній судъ Христа Бога нашего и ставши предъ справедливымъ судією, будуса судити зъ таковымже послоду. Въ остатку и того шило жадаю и прошу, абы тотже мой тестаментъ въ котомніе часы, у каждого суду и права, такъ духовного, яко и свѣцкоаго, и на вшелякомъ мѣсцу, безъ нарушеня найменное части, за моцній былъ захованъ, подъ мандатомъ самого-жъ справедливаго Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, предъ которимъ всѣмъ намъ подобаетъ явитись и стати. Дѣялося въ Коропове, року 1681, іануаріа, 21 дня“¹⁾.

Назначая по этому завѣщанію бѣльшую часть имѣній женѣ и меньшимъ дѣтямъ, — въ дѣйствительности одному сыну Ивану, — обозный выказывалъ явное предпочтеніе къ послѣднимъ; но юридически онъ былъ правъ, такъ какъ по литовскому статуту онъ могъ „именя чрезъ него самого набытые записать, кому хочечи, подлугъ доброе воли свое“; поэтому старшимъ сыновьямъ оставалось подписаться на завѣщаніи, какъ хотѣлъ отецъ, что всѣ они „зостають на волѣ отцевской“. Предпочтеніе къ меньшимъ дѣтямъ еще болѣе выразилось по смерти ихъ матери, когда завѣщаніе 1681 г. нужно было измѣнить. Новый тестаментъ былъ написанъ въ 1686 г., и вотъ что говорить въ немъ старшій обозный:

„Поневажъ каждая речъ, которая не бываетъ пискомъ обварована и ограничена, зъ памяти людской завне сплывааетъ и въ замятане приходитъ. Якожъ и самъ Господь нашъ Ісусъ Христосъ, правдивый Сынъ Божій, рачить насъ всѣхъ упоминати, абысмо на каждый

1) Завѣщаніе свидѣтелями однакожъ не подписано; подписались на немъ только старшіе сыновья: «Тарасъ Петровичъ Забѣла руку свою подписаю и печать приложилъ, на волѣ отцевской зостаючи, абы напогнѣ турбаціи....» — «Стефанъ Забѣла до сего тестаменту руку свою и печать приложилъ и турбаціи одъ мене жадаюи не буде, тымъ кштую по смерти...» — «Василій Петровичъ Забѣла руку свою подписалъ, на волѣ отцевской зостаючи».

часть чули и памятали на смерть, молячяся ему завше, абысмо могли, якъ зъ найлѣпшимъ сумненемъ стати предъ судомъ его божимъ; за котормъ теды напоменемъ я, Петро Михайловичъ Забѣла, обозный войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого генералный, видячи себе въ глубости лѣтъ моихъ, презъ которія цале будучи въ силѣ южъ ослабѣлымъ и ближнимъ до смерти, анѣжели живота; которой смерти, що часъ и година, сподѣваючися и боячися того, бы мѧ неготоваго тая неужитая смерть, яко неплодной смоковницы не поскла, теды по смерти малженки моеи Агафѧ, сихъ двойга дѣтей моихъ, Іоана сына и Фодору цорку, умислилемъ сямъ южъ остатнимъ моимъ тестаментомъ расправити, абы по смерти моеи межѧ оными жадныхъ не было ростирковъ и посваровъ, которій сей мой тестаментъ остатній въ таковой списую способъ. Напродъ Фодори, цорце моеи, зъ мужемъ еи Василюемъ, а затемъ моимъ, которая любо еще за живота матки своей въ станъ малженскій есть выдана и выposaжена, такъ охендзтвомъ бѣлоголовскимъ, то есть шатами, срѣбромъ, цѣню. мѣдо и готовыми грошми, еднакъ и еще той-же причиняю зъ милости своей отцевской, которой легкую дворъ въ Батуринѣ зъ пляцомъ и будинкомъ, млинъ горѣшній на рецѣ Рети, за власны мои гроши купленный, которій южъ отдадемъ имъ въ держаня; другій млинъ ажъ по смерти моеи онымъ-же обещую, коней чтиридесять, зъ которихъ южъ десять и отобрали, овецъ сто, свиней сто и ишше засъ всѣ добра мои, такъ двори въ мѣстѣ Коронѣ, зъ броваромъ, казаномъ и посудками принадлежтыми, яко и въ селахъ двори зъ вишницями и всѣми кгрунтами, огородами, лѣсами, полями пахарными и пасѣками, озерами, которіи я всѣ покупилемъ за власны гроши мои, яко тежъ и рухомые добра, гроши, срѣбро, цѣни, мѣдъ, шаты, кони, товаръ, овцы и млины всѣ, кромѣ злтевыхъ, що легговалемъ ему, а то всѣ за власны мои гроши куплены, и што колвекъ есть, все Иванови, синову моему, сямъ тестаментомъ моимъ остатнимъ легкую, абы онъ спокойне въ своємъ держаяю мѣлъ и жадной трудности и пренагабованя такъ отъ першой жоны моеи дѣтей не поносилъ, яко отъ цорки Фодоры и всѣхъ кривныхъ моихъ; которій то тестаментъ мой нынѣшній свѣдителями моими, съ подписомъ ихъ власныхъ рукъ и при звыклой моеи печати, отъ мене упрощеными, для лѣпшой ваги потвержаю; а хто-бы важился его, такъ

зъ дѣтей моихъ першої жоны, яко зъ далекихъ и близькихъ покровныхъ моихъ касовати и аннѣгиловати, такового каждаго позывати буду на страшный и нелицемѣрный судъ Христа Бога нашего и ставши предъ справедливымъ судією, будуся судити зъ таковымъ посполу. Въ остатку и того пилно жадаю и прошу, абы тотъ-же мой testamentъ въ потомные часы, въ кожного суду и права, таеъ духовного, яко и свѣц-кого, и на вшеякомъ мѣсцу, безъ нарушеня найменшой части, за мощный былъ захованъ, подъ мандатомъ самого справедливого Господа Бога и Спаса нашего Иуса Христа, предъ которимъ всеъмъ намъ подобаетъ явитися и стати. Дѣялося въ Коропѣ, року 1686, генвара въ день 19¹⁾.

Послѣднимъ завѣщаніемъ Петръ Михайловичъ окончательно устроилъ будущность любимѣйшаго своего сына. Въ завѣщаніи говорится между прочимъ, что въ это время дочь Оедора выдана уже была замужъ за Василія; Василій этотъ былъ сынъ нѣжинскаго полковника Якова Жураховскаго; въ это время онъ былъ сотникомъ Ямпольской сотни, а въ послѣдствіи занималъ урядъ генеральнаго есаульства и владѣлъ богатыми маестностями въ глуховскомъ уѣздѣ²⁾. Старому обозному оставалось еще женить своего Иваса, который, какъ увидимъ, давно уже „размышлялся своею склонностью до дому“ Василія Борковскаго, преемника своего отца по уряду. Высватать дочь Борковскаго Анну поручено было брату жениха Степану Цетровичу, которому новый обозный на это сватовство отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Мосцѣ пане полковнику нѣжинскій, мнѣ велце мосцѣ пане и приятелю. Любо не помалу отраженный былемъ тими доношеними мнѣ за певне повѣстми, ижъ якобы навъ Иванъ, рожоний ранимости лана, розмішлялся зъ своею до дому моего склонностью; лечь кіды поновляешъ

¹⁾ Подписаны: «Петро Михайловичъ Забѣла обозный войсковый генеральный. Тихонъ Довжгеда, сотникъ короповскій. Оедоръ Ворожбитъ, атаманъ городовый. Иванъ Кичкарувскій. Василь Мануйловичъ, войтъ. Леонтій и Оникій, бурмистри короновскіи». Все эти подписи сдѣланы однимъ и тѣмъ-же лицомъ, что между прочимъ рождаетъ вопросъ: умѣлъ-ли Забѣла писать? ни на одномъ актѣ мы не видѣли собственноручной его подписи, которая замѣняется приложеніемъ его печатя, какъ и на этомъ testamentѣ.

²⁾ Обзорніе Гуляниц. Описк, 287 и 346.

им. пань самого его милости пана родича своего неотвѣдную волю и умысль, з якимъ мнѣ покылка кротъ освѣдчался, еднакчи пану сынови своему доживотную в дому моемъ пріязнь, а цѣлую я верозмыслную потвержати рачишь пана рожогого певую до того склонность. Зычачи из мѣсца своего, по волѣ и диспозиціи всеправуючого Бога, злучея нерозерваного пріязнь домовъ нашихъ, теда яко первѣй не отмовляемъ, поважачи старожитность и годность значную заслугами в отчизнѣ дому вашего; такъ и тецерь повторяю неотмовность мою и, по звыклости в такомъ дѣлѣ до повзятя початкового пріязного контракту, радъ оглядати въ дому моемъ безоткладную бытность, хочъ-бы къ сей близко наступуючой неделѣ присланныхъ людей, а найбарзѣй того прагну и по любовной вми пана склонности, витягаю, жебысь самъ, а при собѣ якихъ разумѣючи людей заживли и ясновелможного его мил. пана гетмана, добродѣя общого, о тое доложившися, прибыти рачилъ в домъ мой, якобы тимъ и кррунговнѣй и достатечнѣй вшлякое до предсызятной пріязни и о терминѣ справованя веселного акту учинились зъ собою постановленье. Тимъ кончачи и неотмовную пріязнь мою деклариючи, зостаю вми пану зычливый всего добра приятель и радъ служити. Василий Борковскій, обозный войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого енералный. О незабвенный отвѣтъ на сей мой листь прошу вашей милости мосцѣ пана. Зъ Чернѣгова. 23 октовріа 1687 г.“

Въ этомъ письмѣ особенно замѣчательно напоминаніе Борковского о необходимости получить согласіе на предполагаемый бракъ отъ его милости пана гетмана; фраза эта показываетъ, какъ скоро Мазепа сумѣлъ поставить старшину въ полную свою зависимость; гетманомъ онъ избранъ въ іюлѣ этого года (1687), а въ октябрѣ Борковскій, которому Мазепа не мало обязанъ былъ за булаву, считаетъ необходимымъ „доложиться“ ему о дѣлѣ совершенно частномъ, семейномъ. И это не былъ какой-нибудь исключительный случай: Кочубей рассказываетъ, что посватавъ свою дочь за Чуйкевича, онъ ходилъ съ отцомъ жениха къ Мазепѣ „и просили есмо себѣ у его милости на тое позволенья“)“.

1) Чтенія въ моск. общ. вст. и др., 1859 г. I, 100.

И Забѣла и Борковскій — оба были настолько заслуженные урядники въ „войскѣ“, что не могли встрѣтить у гетмана препятствія, и молодой Иванъ Петровичъ повѣчанъ былъ съ Анною Васильевною, въ Черниговѣ, гдѣ жили Борковскіе. Женитьба эта была очень выгодная, какъ по положенію тестя въ тогдашнемъ обществѣ, такъ и по его богатству. Сохранилось преданіе, что, по изложеніи Самойловича, Голицынъ предлагалъ Борковскому булаву за 10 т. рублей, но обозный по скупости отказался, а Мазепа, купившій эту булаву, взялъ для этого деньги у Борковского-же.

2.

Смерть П. М. Забѣлы. Письмо Борковского къ зятю по этому случаю. Хозяйство И. П. Забѣлы. Покупка водяныхъ мельницъ П. М. Забѣлою въ Обтовѣ, у своихъ «подданныхъ». Стоимость мельницъ. Отобраніе у И. П. Забѣлы с. Кляшекъ Мазепою; его оправданія и обѣщанія. Письма о возвращеніи Кляшекъ: Ст. П. Забѣлы, Лукьяновича, Вас. Кочубея и самаго И. П. Забѣлы. Взятка Мазепѣ.

Устроивъ „милыхъ“ своихъ дѣтей, старый Забѣла въ 1689 г., умеръ и похороненъ въ сосѣднемъ къ Обтову рыхловскомъ монастырѣ. Тесть Ивана Петровича въ это время былъ въ крымскомъ походѣ съ Голицынскимъ, гдѣ узнавъ о смерти свата, писалъ своему зятю:

„Поневажь Господь Богъ изволяеть привити милого родича вашего душу до вѣчной хвалы своей, а тѣло его землѣ предати, тебѣ зъ тыхъ вы жѣръ фрасунку (скорбѣ) до головы своей не припускаючи и бынаймижѣи не журачися, чинѣте за душу его ялмужну, сорокоустами Господа Бога за его молѣте. А мы васъ отцевскою увѣняемъ ласкою нашою, же яко теперь, такъ и впередь отцемъ вамъ обещуемъ бути; тылко вы пристойяе справуючися, вѣкуда на мѣстна непотребныне не ходѣте, але въ дому день и ночь найдуючися, пиляуйте господарства, якобы опому (ховай Воже за якимъ педозоромъ вашимъ) не сталь ущербокъ який. А такъ и повторе васъ о пилность господарства отцевско упминаючи, Господу Богу въ сохраненіе вѣхъ васъ домашнихъ поручаемъ. Зъ табору надъ Татаркою, априля 22, року 1689. Василий Борковскій, обозный войска енеральный.

Совѣты тестя были, кажется, излишни. Иванъ Петровичъ, противъ обычая, не занималъ въ войскѣ никакихъ урядовъ, считался только „знатнымъ войсковымъ товарищемъ“; по смерти отца, онъ окончательно обѣлся въ Обтовѣ и кромѣ хозяйства, другой дѣятельности у него и не было. А хозяйство у молодаго Забѣлы было достаточное: мы видѣли уже, что отецъ ему оставилъ три села, Обтовъ, Клишки и Погорѣловку; это были сами по себѣ богатая маестности, какъ находившіяся вблизи торговаго мѣстечка Коропа, которыя старый Забѣла устроилъ еще покупкою нѣсколькихъ водяныхъ мельницъ. Въ малороссійскомъ хозяйствѣ XVII—XVIII в., по дешевизнѣ хлѣба, на первомъ мѣстѣ стояло винокурение, бывшее главнымъ источникомъ доходовъ¹⁾. Но для винокурениа одного хлѣба было еще мало; нужны были мельницы водяныя для безостановочнаго добыванія муки. Поэтому въ старой Малороссіи водяныя мельницы были особенно цѣнною принадлежностью маестностей. И вотъ старый Забѣла, переселившись изъ Борзны въ Обтовъ, прежде всего позаботился о заведеніи въ немъ достаточнаго количества мельницъ; для этого онъ сталъ скупать водяныя „млины“ по р. Ретѣ, при которой расположенъ былъ Обтовъ. Назовемъ эти пріобрѣтенія, по сохранившимся купчимъ, чтобы показать, отъ кого и какъ пріобрѣтались малороссійскими „державцами“ этого рода собственность.

1. 1674 г. Иванъ Тишченко, житель обтовскій державы пана Петра Михайловича Забѣлы, продалъ на вѣчность, цепорушно, млинь, стоячій по близу села Обтова, на р. Ретѣ, камонъ одинъ, ничего въ немъ собѣ самому, малжонцѣ, дѣтямъ и братомъ рожонимъ, отцу Леонгію, священнику обтовскому и Ивану, меншому брату, не оставяючи, а продалъ славетному его милости пану Петру Михайлавичу Забѣлѣ, обозному епералному за певную сумму ляхбы полской, золотыхъ чтириста безъ двадцяти (золотой—20 к.).

2. 1674 г. Семень Бѣлоусъ, житель кролевещій, „продалъ млинь свой власный, стоячій на р. Ретѣ, поблизу с. Обтова, славетному его милости пану Петру Михайловичу Забѣлѣ, обозному епералному, державци того

¹⁾ О развитіи винокурениа въ Малороссіи XVII в. Акты зап. Россіи, V, 190, 218 и 246.

села, за сумму личбы полское, золотыхъ чотириста безъ двадцяти, въ вѣчистую посессію и державу“.

3. 1675 г. Иванъ Тищенко меншіи, сожитель обтовскій, продалъ млинъ половинній зъ Яскомъ, того-жъ млина мельникомъ, и дворъ съ полемъ и сѣножатми, за сумму певную готовыхъ грошей, за пултрета ста золотыхъ (250), его милости пану П. М. Забѣлѣ, во всемъ половину, т. е. камень единый съ Яскомъ мельникомъ подаю, хотя-жъ и не мянучи въ томъ млинѣ камня, чи передній, чи задній; тилько жъ тое варую, же въ томъ млинѣ, ведлугъ давного фундушу еще небожчика Тишка, отцви моему поданого съ тимъ Яскомъ мельникомъ, масть его милость завше ровную часть держати.

4. 1677 г. Яско Станиславенко, обыватель обтовскій, продалъ половину млина своего на р. Ретѣ его милости пану П. М. Забѣлѣ, за сумму золотыхъ двѣсте и двадцять.

5. 1681 г. Иванъ Безвершенко, житель обтовскій, млинъ свой, столцій въ Обтовѣ, на р. Мозырцѣ, съ ступами и фалюшами (сукновальнями) и до него со всѣми грунтами, нивами и цѣлинами, сѣножатми и займищами, продалъ пану П. М. Забѣлѣ, пану своему, за певную сумму за золотыхъ шестсотъ.

6. 1684 г. Иванъ Безвершенко, житель обтовскій, млинъ няже Обтова, на р. Ретѣ, въ Кулешовцѣ (должно быть Кунашовцѣ) маючи по половинѣ съ Пархомихою, свою часть продалъ его милости пану П. М. Забѣлѣ, обозному епералному, за готовую сумму литовской монеты золотыхъ чтириста.

7. 1681 г. Марья Кунахова Пархомиха, съ сыномъ своимъ, продала еденъ камень мучный съ двома ступами просянными, съ еднимъ гнѣздомъ суконнымъ, въ млинѣ ниже Обтова на Кунашовцѣ, на р. Ретѣ, а до того млина веѣ належачіе, яко то пляцъ съ всѣми будинками, гумно изъ овяною и городомъ, лѣсомъ и съ сѣножатью и займище березнякъ, окопанное, пану П. М. Забѣлѣ, за сумму золотыхъ полпятаста (450)“.

Изъ этихъ отрывковъ видно, что водяная мельница П. Забѣла скупалъ систематически и въ 14 лѣтъ скупилъ едва-ли не все, существовавшія въ Обтовѣ, заплативъ за пять мельницъ съ семью камнями (иначе „колами“, т. е. поставами) и съ принадлежавшими къ

мельницамъ землями 2680 золотыхъ, т. е. 536 рублей. Всѣ покупки сдѣланы были у „жителей“ Обтова, т. е. у помещицкихъ крестьянъ, бывшихъ тѣмъ самымъ „подданными“ Забѣлы¹⁾; въ концѣ XVII в. отношенія державцевъ къ крестьянству были такъ еще мало опредѣлены временемъ, что Забѣла, не смотря на всю свою силу, по его уряду, смотрѣлъ на нихъ, какъ собственниковъ той земли, на которой они жили. Такія отношенія державцевъ къ крестьянамъ измѣнились затѣмъ очень скоро.

Мы видѣли уже, что старый Забѣла обдѣлилъ старшихъ своихъ сыновей. Второй изъ нихъ Степанъ, иѣжинскій полковникъ, во время смерти отца, былъ въ крымскомъ походѣ, который кончился постыднымъ отступленіемъ отъ Перекопа, готоваго уже сдаться. Неудовольствія, возникшія въ козацкомъ войскѣ изъ-за этого отступленія, Мазепа уладилъ только своею ловкостью: онъ повезъ старшину въ Москву за „милостями“. Здѣсь Степанъ Забѣла сталъ просить у Мазепы отобрать для него у младшаго брата с. Клишки. Мазеиъ Степанъ Забѣла, какъ полковникъ одного изъ важнѣйшихъ полковъ (Батуринъ былъ въ иѣжинскомъ полку), былъ гораздо пужнѣе обтовскаго домосѣда, и Клишки были отданы Степану. Узнавъ объ этомъ тогда-же, Иванъ Забѣла поѣхалъ самъ въ Москву и подалъ здѣсь царямъ челобитную, такъ какъ Клишки пожалованы были Петру Забѣлѣ царскою грамотою и поэтому гетманъ не имѣлъ уже никакого права на распоряженіе „грамотною“ мастностію. Клишки велѣно было возвратить Ивану Петровичу. Тогда, какъ рассказываетъ сынъ послѣдняго, Мазепа „хитростію своею призвавши отца моего, сказалъ, же нужда мнѣ чинится; не съ умыслу взялъ и отдалъ Степану; што мушу дать еще и больше и лишне, только абы не наприкрался и въ дѣлахъ препятія ніякого не чинилъ; а до того предложилъ, же я тутъ невольникъ, на столицѣ, а на Украинѣ моя воля буде“. Послѣ этого Иванъ Петровичъ болѣе пятнадцати лѣтъ хлопоталъ о Клишкахъ, не теряя надежды получить ихъ обратно, какъ видно изъ переписки его по этому поводу съ братомъ Степаномъ, Мазепою и его приближенными.

¹⁾ Въ юридическихъ актахъ малороссійскіе крестьяне никогда почти не указывали на свое сословіе, называясь, за весьма рѣдкими исключеніями, «жителями» такой-то мѣстности; козаци въ тѣхъ-же актахъ—такъ и писались «козаками» такой-то мѣстности. Иногда крестьяне называли себя «подданными», но и то тогда только, когда договорный актъ писался между державцею и его «подданными».

Письмо Степана Забѣлы. Мнѣ вельце милый рожоний, мосцѣ пане Иване Забѣла.—Досконалюю о томъ завзялемъ вѣдомость, ижъ ваша милость, предсявлявши неясуюсь братерскую нелюбовь и подобно въ забвеніе подавши мене, надъ собою старшого, таіе своей нелюбовѣ и противности оказуешъ документа, ижъ не толко таковимъ своимъ поступкомъ принуажашъ до розерваня милости братерской, леть зневоляешъ мене до того, же мусить бути вашей милости за таковое дерзновеіе отъ мене нагана и наказаніе; поневажъ ваша милость противний будучи лекгаціей блаженной и славной памяти сего милости, пана родича наного, и межи нами утверженое розриваючи постановлене, кажешъ и посылаешъ своихъ подданныхъ цуци мои и на моихъ кгрунтахъ будуче займища пустошити и перестерѣгающихъ и боронячихъ моего доброго забивати; и на упоминаючихся о мою кривду и шкodu похвалки чинишъ и посилаешъ на мой дворъ слугъ моихъ забивати. Не вѣдаю, въ якую надѣю и въ какое намѣреніе зъ такую ваша милость отзываетесь такими своими нелюбовными и противными учинками смѣлостю; лучшей-бы вашей милости, заховавши братерскую любовь и ку старшому должное пошановане, не наражатися мнѣ я не прикритися непотребне таковыми своими противными поступками. Маешъ ваша милость, зъ ласки родительской (не поминяюся, любо пицу) и нашей, свои доволные добра и групта, а моихъ не потреба чепати и вганятися за окопи, за греблю рудницкою будучіе, конечно не повищемъ ваша милость. А поневажъ ваша милость дерзнулесь такъ чинити, теды вѣдатиму винайти таковой способъ, яковимъ бымъ могль вмяную ко мнѣ нагородити противность, а тимъ, которіе набѣгали на дворъ забивати моихъ дозорцовъ, дастся наука и поветоване. О томъ вашей милости наменивши, мое братерское засилаю поздоровлене. Зъ Оржицы, фєвраля 5, 1693 року.

Письма Ивана Петровича Забѣлы къ гетману, писанныя по смерти Степана Петровича. а) Яневелможный мосцѣ пане гетмане, премилостивий папе и добродѣю мой.—Промоторовъ жаднихъ по себѣ не мѣючи, тилко на милость яневелможности вашей, пана и добродѣи моего, надѣючись, зъ покорною прозбою моею до ногъ панскихъ упадаю, слезне жебручи милостиваго призрѣнія панского и святое справедливости, на которую южъ четвертый годъ ожидаю и доселѣ получитьи не могу; що прето за нещасливість

себѣ почитати мушу, поневажъ не такъ, яко иншіе въ Малой Россіи отцевъ заслужонныхъ сыни, по ласце ясневелможности вашей, на своѣхъ отцевскихъ добрахъ перебувають и право каждому есть; тилко мнѣ единому презъ такъ долгій часъ справедливости и праву конца нѣтъ. А внуки отца моего, братаничъ мой (дѣти Степана), не тилко маестностю отцевскою, которая на ласце добродѣйской залежить, але и моѣми купленными кгрунтами, яко то дворомъ, нивѣмъ, сѣножатни и лѣсами владѣють и пожитки отъ многихъ лѣтъ збирають; а я, будучи сынъ по отцеви, отъ того естемъ отдаленій. Въ такомъ тебѣ укривженю моемъ повторе до ногъ паяскихъ упадаючи, милосердія и ласки добродѣйской слезно прошу; а въ томъ за доброе велможности вашей здорове и за щасливое на долгій вѣкъ пановане маестать Вожій благати долженствую.—Ясневелможности вашей, пану и добродѣви моему премилостивому, нижайшій слуга и подножокъ Иванъ Забѣла.

б) Ясневелможный мосцѣ пану гетмане, мнѣ великомилостивий и особливий добродѣю.—На двукратную челобитность мою презъ килка часовъ милостивного отвѣту добродѣйского ожидаючи и доселѣ оного не получивши, смѣю еще по третій разъ, зъ моимъ найпокорнѣйшимъ служебничимъ уклономъ, подъ доброчиніе стопы упадши, въ тоей-же справѣ предной милосердія паяского просити, а по Бозѣ единого тилко ясневелможность вашу добродѣя себѣ хѣючи, кривду мою отъ небожчика пана Стефана, роженого брата моего, мнѣ нанесенную, слезно прекладаю въ той способъ: небожчикъ панъ Стефанъ оставши по ласце ясневелможности вашей полковникомъ нѣжинскимъ, а звѣрхность надо мною, яко еще въ лѣтехъ тогда незуполнымъ, повзявши, село Клипки небожникомъ паномъ родичемъ моимъ легованное и духовницею подтвержденное мнѣ, не уважаючи на тое, же самъ на тоей-же духовници, еще за живота небожчика пана родича, своею власною рукою, при печати, подписался, что ясневелможности вашей есть свѣдомо, отъ мене подъ свою власть отобразъ. Въ таковой кривдѣ моей до сихъ часовъ отзыватись для того не можемъ, же небожчикъ власть талую мѣлъ, которой мнѣ було противитись трудно. Тенерь вѣдаючи, же тое въ высокопаважной паной рейментарской власти также на воли и ласцѣ добродѣйской zostаетъ, до ногъ премилостиваго пана и добродѣя моего слезно упадаю, просячи благопризрителной милости, въ приверненю

того-жъ с. Клишокъ, где дворъ мой власный, за гроши купленный, такъ-же лѣсъ, поля и сѣножати купованіе, на що и теперь записи купчїе мѣю, що небожчикъ, якъ село отъ мене отбиралъ, все подъ власть свою подгорнулъ. Еще и млинъ, зовемый харченковскій, вышше Клишокъ, на р. Осетѣ стоячій, которій пополамъ зъ Харченкомъ небожчикъ панъ родичъ мой трималъ и мнѣ тую половину еще за живота своего леговалъ; другій млинъ, зовомый коряѣвскій, въ селѣ Обтовѣ, на рецѣ Мозирцѣ стоячій, тотъ млинъ даровалъ былъ небожчикъ, панъ родичъ мой, зятюви своему, а пивагрови моему, пану Василеви Жураховскому; и за сей коряѣвскій въ Обтовѣ стоячій млинъ небожчикъ панъ Стефанъ, будучи на Москвѣ, якъ Клишки отбиралъ, прибицалъ былъ пану Василеви Жураховскому млинъ харченковскій, вышше Клишокъ стоячій, весь пустити, а Харченкови часть належачую сплатити, жебы южъ панъ Василь Жураховскій до млина коряѣвского не належалъ, тилко мнѣ самому онымъ жебы то владѣти. Що небожчикъ панъ Стефанъ прибицавши, ажъ до смерти своей словами тилко мене уводилъ, а skutкомъ того не выполнилъ, о чомъ и панъ обозный енералный килко-кrotnie до небожчика за мною причину вносилъ, на що небожчикъ бы-наймнѣй не респектуючи, самъ тимъ млиномъ владѣлъ и теперь дѣти его надъ тимъ-же властвують и пожитокъ мѣють; а я мусѣземъ прошлого великого посту, годъ тому минулъ, на тысячу талировъ за тотъ млинъ пана Василя Жураховского поеднати. Въ таковой кривдѣ моей милосердія отческого и святое сираведливости слезно прошу, за которую милостивную добродѣтель о добромъ ясновелможности вашой здравіи и о щасливомъ многолѣтнемъ панованю всемилостивого Бога благати должествую и до конца живота моего вѣрно служить готовъ“.

Письмо Лукьяновича.—Мосцѣ пане Забѣла, велце мнѣ зичливый прїятелю.—По желанію вашей милости, моего мосцѣ пана, доносилемъ ясновелможному въ давной справѣ вашностиной; теда ясновелможный, якъ передъ симъ, такъ и теперь велѣлъ отвѣтовати: болше, мовить, чекалъ и еще нехай почакасть, нѣмъ тая особа здасть себе опекунство¹⁾; а скоро здасть, въ тотъ часъ будетъ потреба около тоей

¹⁾ Здѣсь, видяко, идетъ рѣчь объ опекунѣ дѣтей Степана Забѣлы, Степана и Семена.

справы заходится усилене и не откладне; а теперь целе, кажетъ добродѣй, удержитесь. О семъ извѣстивши, зичу вашей милости доброго отъ Господа Бога здоровья и зостаю вашей милости, милостивому пану во всемъ зичливый пріятель и радъ служить Никифоръ Лукіановичъ, господарь замку батурвянскаго. Зъ Батурина. Декаврѣя 9, року 1699.

Письмо Кочубея.—Мой велце ласкавый пріятелю и свате, мосцѣ пане Забѣло.—Тая справа, о которой ваша милость м. панъ пишегъ до мене, належитъ до самого неслелможнаго его милости пана гетмана; належитъ теды вашей милости писати о оной до его милости; тилко-жъ поневажъ теперь его милость, по указу монаршому, на-скорѣ мѣтеъ виходити въ походъ военный, для чого и о малихъ справахъ подаваніе до себе отъ людей суплики назадъ велѣлъ отдавати, откладаючи sprawy оніе до повороту, дай Боже—щасливаго, зъ дороги военной: теды и дѣло вашей милости мосцѣ пана, яко не малое и до его панскаго суду и децизіи належашое, муситъ до того-жъ отложено быти термѣну; а и о томъ предложивши, зичу вашей милости мосцѣ пану доброго отъ Господа Бога здоровья и щасливаго въ многіе лѣта заживати повожени. Зъ Батурина. Юня 15, року 1701. Вашей милости мосцѣ пану всего добра зичливый пріятель и служити готовъ. Его царскаго пресвѣтлаго величества войска запорозкаго генералный судія Василий Кочубей.

Такимъ образомъ лѣтъ пятнадцать Мазепа водилъ Ивана Петровича своими обѣщаніями. Думая, что дѣлу этому можно помочь деньгами, Иванъ Петровичъ, по разказу его сына, далъ Мазепѣ 400 червонцовъ; но и взятка не помогла: Клишки возвращены ему не были. Трудно объяснить себѣ такую „неласку“ Мазепы къ зятю своего генеральнаго обознаго и можно только догадываться, что родня Степана Забѣлы была вліятельнѣе скунаго Борковскаго.

3.

Приобрѣтеніе земельныхъ угодій въ Коронѣ и около. Осажене слободки на купленныхъ грунтахъ. Постоянная повинность въ маестностяхъ Ивана Петровича для компанейскихъ полковъ. Письма о развѣрахъ и частностихъ этой повинности: Мазепы, Ломовскаго, Кочубея и Обидовскаго. Отношенія Ивана Петровича къ гетману и его приближеннымъ. Посѣщеніе Ивана Петровича Мазепою; письма Борковскаго о приготовленіяхъ къ этому посѣщенію.

хлопоты по клишкѣвскому дѣлу не мѣшали Ивану Петровичу вести свое хозяйство. Веденіе панскаго хозяйства въ тогдашнее время

заклучалось главнымъ образомъ въ увеличеніи земельныхъ угодій, которыя пріобрѣтались разными способами у нуждающихся сосѣдей, козаковъ и крестьянъ. Слѣдующій списокъ покажетъ, какъ дѣлалъ эти пріобрѣтенія Иванъ Петровичъ.

1. „1692 г. Агафья Осташиха, обывателька коропская, съ сынами своими: отцомъ Петромъ, Яцкомъ Нѣмцемъ и Манкомъ, продали млинь свой власный, съ двома колами, на р. Короповѣ стоячій, съ дворомъ и грунтомъ, займищами лѣсными и сѣнокосными, до него належитыми, пану Іоанну Петровичу Забѣлѣ за полторы тысячи золотыхъ.

2. 1695 г. Параска Горбачиха продала пану Ивану Петровичу Забѣлѣ свой власный лѣсъ, отъ конца гребля палеской начинающійся, за 13 копъ литовскихъ.

3 Григорій Сапелій продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ дворъ свой власный въ м. Короповѣ, за 200 золотыхъ.

4. 1696 г. Гаврило Загородченко, хѣщанинъ короповскій, продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ лѣсъ съ сѣнокатью, за греблюю оставшею, межн горбаневскимъ лежащій, за 13 копъ литовскихъ.

5 Парасевія Дмитриха продала пану Ивану Забѣлѣ гай свой власный, около гаю его милости Забѣлы, за 20 талеровъ.

6. Илья и Василь Лаврѣенки я мать ихъ Водя Лаврѣниха продали пану Ивану Забѣлѣ все свое поле, десять нивъ, за 100 золотыхъ.

7. Данило Васильевичъ Забѣла продалъ Ивану Петровичу (двоюродному своему брату) купленный у Василя Жураховскаго млинь на р. Ретѣ, съ грунтами, за 2000 золотыхъ.

8. Григорій Пантелѣевъ продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ лѣсъ свой тузиковскій съ сѣнокатью, около займища его-жъ пана Забѣлы, за 14 копъ.

9. Марья Павлиха Гудимиха и Яцко Слюсарь, зять ея, продали дворъ свой въ м. Коропѣ, за 190 золотыхъ.

10. Анастасія Проциха вдова продала Ивану Петровичу Забѣлѣ дворъ свой въ м. Коропѣ подъ такою кондиціею, абы его милость ея буднянокъ своимъ контохъ на Миценковъ плацъ перевезти розказалъ.

11. Отець Іоаниъ Савенко, священникъ свитоуспенскій и намѣстникъ короповскій, продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ гай съ сѣнокатью около Корона и лѣсокъ съ сѣнокатью, за 40 талеровъ.

12. 1697 г. Иванъ Петровичъ Забѣла помѣнялся нивами съ „жителями“ обтовскими, своей „державы“, при чемъ послѣдніе заявили предъ судомъ: „щосмо подавали за оныя нивы панскія свои власныя и некому непенныя и незаставленныя (незаложеныя) що тежъ побралися добровольно ни отъ кого неямовленныя, но съ доброй волѣ нашей, вѣчисто и на вѣки непорушно его милости пану нашему“.

13. 1699 г. Обыватели райгородекіе Петръ и Романъ, съ товариствомъ, продали пану Ивану Забѣлѣ изъ ¹⁾ курѣнь изъ нитами ²⁾ и працу свою, такожь на рецѣ берегъ за 70 золотыхъ.

14. Иванъ Синепокій, мѣщанинъ коропской, былъ долженъ Ивану Забѣлѣ 11 копѣ, за которнй долгъ отдалъ дворъ свой подъ Коропомъ, за 8 копѣ, а за 3 копы отдалъ ему-же, Забѣлѣ, на услугу, на полтора года, братавича своего, Грицка Олексеѣнка.

15. Войсковою товарищъ Трофіямъ Химичъ продалъ Ивану Забѣлѣ солодовню свою за Коропомъ, за 115 золотныхъ“.

Рядъ названыхъ пріобрѣтешій показывасть, что панъ, поселяясь среди посполства и располагая свободно капиталомъ, имѣлъ полную возможность округлять свои маестности на выгодныхъ условіяхъ. Исчисленныя пріобрѣтенія Ивана Петровича находились преимущественно въ Коропѣ и около него, т. е. вдали отъ его маестностей; обрабатывать купленные угоды было поэтому невыгодно—обтовцами и погорѣловцами. Забѣла обратился къ гетману съ просьбою позволить ему „осадить“ на купленныхъ земляхъ новую слободку. Позволеніе дано было Мазепою въ слѣдующемъ универсалѣ 1695 г.

„Ознаймуемъ симъ нашимъ універсаломъ пану полковняковѣ пѣ-жвинскому и проч., ижъ просилъ насъ панъ Иванъ Забѣла о позволене до власного своего крунту, прозываемаго остаповского, зъ мянкомъ (купленного у Остапихи въ 1692 г.) подъ мѣстомъ Коропомъ положенемъ будущимъ, человека съ десятокъ, якіи-бы лучилися, принявши, слободкою осадити; а то для лучшее въ господарствѣ его потребы и выгоды, а найбарзѣй для ратунку тамъ-же будущее греблѣ. Теды мы

¹⁾ Изъ — загородъ въ рѣкѣ для рыбной ловли.

²⁾ Ниты, должно думать, невода и другіе рыболовные снаряды, плетенные изъ пеньки.

по тому его прошенію, а респектуючи на давнюю небожчика родича его, Петра Забѣлы, службу, до которе и его видячи способности, даемо сей нашъ листъ, позволяемъ до меншого кгрунту именно десятокъ человекъ осадити; однакъ не тыхъ, которіи маюча въ мѣстѣ (Коропѣ), або въ якомъ селѣ, осѣдлости и спродавши оніи, мѣли-бы туды на житте приходити, але тихъ волочачихся (шатающихся), якіи жадныхъ осѣдлостей у себе нигде не мають“.

Распоряжая свое хозяйство, обговскай державца часто затрудняемъ былъ *стациями*, т. е. постоемъ въ его маестностяхъ войска. Въ тогдашней Малороссіи, кромѣ реестровыхъ козаковъ-домохозяевъ, жившихъ на своихъ земляхъ и отправлявшихъ службу на собственные средства, было восемь такъ называемыхъ компанейскихъ или охотничьихъ полковъ¹⁾, набравшихся изъ разнаго рода бездомниковъ; въ мирное время компанейскіе полки располагались постоемъ между Сеймомъ и Десною, поближе къ Батурицу, въ которомъ они всегда отправляли караульную службу. Державцы всеми способами старались избавляться отъ постоа этихъ полковъ; Забѣла дѣлалъ тоже и часто жаловался гетману и его приближеннымъ на излишнія требованія компанейскихъ урядниковъ. Помѣщаемъ рядъ отвѣтныхъ писемъ на эти жалобы и просьбы.

Письма Мазепы. а) Пане Забѣла.—Мѣлисмо на вашей милости нашъ респектъ потоль, поколь было можна тому быти; а тецерь кды квалтовная (настоятельная) того указуетъ потреба, поневажъ зъ сотнѣ пѣхотной въ Острѣ на службѣ государской найдуючойся и повернувшой южъ одтоль на за-сеймское свое становиско, килкадесять человекомъ не манъ мѣстца, теда зъ тоей мепсиной пѣхотной сотнѣ человекъ дванадцать въ маестности ваши посылаючи, пилю мѣти хочель, абисъ ваша милость онымъ козакомъ по селяхъ своихъ становиско поназначивши, господа (квартиры) расположилъ, жебы они мѣли отголь себѣ выживленна; якіе дванадцеть человекъ мають тимъ консиетоватися и приставати на томъ, що и сами господарѣ уживатимуть, жадныхъ не поносячи кривдѣ, якобы люде по селяхъ тяглеі отъ нихъ козаковъ не узнавали утиженья и долегливости. Тое вашей милости наменивши,

¹⁾ Четыре конныхъ (комовныхъ) и четыре пѣхотныхъ; послѣдніе назывались—*сердюками*.

приказуемъ и поручаемъ егожъ Господу Богу. Зъ Батуриша. 27 марта 1691 року. Вашъ ласкавый Иванъ Мазена гетманъ рукою власною.

б) Пане Забъла.—Дойшло намъ вѣдати зъ скарги полку пана Ясилковского¹⁾, же вы въ своихъ селахъ на станціи имъ будущому товариству, теперъ зостаючому въ Кіевѣ, не позволяете давати мѣсячнаго борошна; зачянь мы тому дивуючися, пишно вамъ приказуемъ, абысте за отобранемъ сего писма нашего заразъ любъ грошми, якъ належать на одного козака за мѣсяць по чтири золотыхъ, любъ ведлугъ давней уставы борошнохъ, выстативши на два мѣсяць, велѣли своими подводами до Кіева оному товариству запровадити, якобы насъ не заходила болшь ихъ, товариства, скарга, що и повторе приказавши, Господу Богу поручаемъ (1 сент., 1691 г.).

в) Паве Забъла.—На донесене ваще листовное, а на скаргу жителей села Обтова, подданныхъ вашихъ, приказалисмо изыскати передъ судъ вашъ войсковій енералній товариство полку пѣхотного, для усраведливеняся на очню ставку зъ людьми вашими, яка росправа теды въ кривдахъ починенныхъ передъ судомъ войсковымъ енералнымъ точилася, тую могутъ ваши-жъ люде, тутъ очне будучи, вамъ оловѣсти; а мы оныхъ отпускаючи назадъ, поручаемъ васъ Господу Богу. (19 юля, 1693 г.).

г) Мой ласкавый пане Забъла.—Приходявъ до насъ атаманъ курѣнный тихъ пѣхотинцовъ, которые въ маестностяхъ вашихъ на станціи знайдуются, скаржачися, же ваша милость збороняешъ имъ корму давати, же многіе зброднѣ чинятъ, доносячи намъ; теды мы за тіе зброднѣ тутъ его добре барбарами (пагайками) вычесавши, отпускаемъ знову на станцію въ маестности ваши, сподѣваючися пощи того, ижъ южъ поперестануть того чинити, въ чомъ и вашей милости жадаемъ, абы ваша милость не зборонялъ имъ корму давати, а они повинны тимъ кормитися, чого и сами господари уживають, безъ жадныхъ вымысловъ; що вашей милости наменивши, Богу васъ поручаемъ. (8 марта, 1694 г.).

¹⁾ Кознапейскіе полки назывались по именамъ своихъ полковниковъ. Лѣтоп. Грабники, 315.

Письма Ломиковского. а) „Мяѣ велце мосцѣ пане Забѣла, мой велце мосцѣ пане я куме. Послалъ ясевельможный добродѣй, его милость, паня гетманъ товариство полку небожчика пана Яремы, человекъ дванадцать, на станцію у маетность вашей милости пана, зъ такымъ указомъ, жебы тия сити були, що колвекъ убогий чили богатий госнодарь для себе наготуесть, а вымысловъ бы жадныхъ за тое не чинили; о яковомъ указѣ вина милость паня вѣдаючи, не позволяй болше тому товариству позволеня; а еслибы що вымыслили, о томъ ваша милость паня ознайми. Конюшь, чи два, чи три хто маеть, толко единъ четверикъ овса приказуесть ясевельможный добродѣй, его милость, паня гетманя давати, на товариша, а не на коня, на тыждень. Тихъ зась чотири человекъ, куди они назначени, виправъ ваша милость паня заразъ, не даючи имъ станціи въ своихъ маетностяхъ; и такъ не слушне стало, же имъ позволилъ вм. паня наприкратися своимъ подданнымъ безъ указу; и впередъ еслибы яка избитечная людемъ доука была, рачъ, вм. паня, о томъ ознаймовати, въ чомъ змогу, услуги моеи не одмовлю. 1 марта, 1691, зъ Батурина. Зостаючи зичливый вашей милости пану пріятелю, хоружий енералній Иванъ Ломѣковскій“.

б) „Мой велце мосцѣ пане куме. Передъ выѣздомъ зъ дому въ подлежащую дорогу ясевельможного его милости добродѣя, писали до мене короповцѣ, ускаржаючи на сердюковъ (пѣхота компанейскихъ полковъ), которимъ по указу добродѣйскомъ выписалемъ, якъ мають постуновати зъ пѣхотинцами и конми ихъ, такъ вм. паня можешъ зъ своимъ поступити, изъ новогними. А если будутъ противными, зичу удаватися зъ скаргою до его милости пана писара енералного (Кочубей), зостаючого теперъ на мѣстцу ясевельможного его милости добродѣя, а доуцать пѣхотинцюмъ чинити вымысли не ражу. 16 ноября (безъ года). Вашей милости пану зичливый гумъ, асаулъ енералній, Иванъ Ломѣковскій“.

Письма Кочубей. а) „Мой велце ласкавый пріятелю, мосцѣ пане Забѣла. По жадаю вашей милости пана, взглядомъ пѣхотинцовъ, докладавъ ясевельможному добродѣеви, его милости, пану гетману; теды его милость такъ на тое мовиль: если правѣ въ колеъ той на порожние мѣстца не поставимо, въ дополнене, якого товариства, то можетъ и такъ бути, що сѣмъ человекъ въ маетности вашей милости пана свою мѣтку

мутъ станцію; если-жь таковая потреба будетъ, же на оіи порожніи мѣтца товариство новотное принято будетъ, теда только будетъ въ той вашей милости пана маестности товариства, якъ было и прежде. Если-жь-бы уже мѣло бути на тихъ мѣтцахъ товариство, теда о томъ оныйми великій мосцѣ панъ сюди и за чіимъ оны приняты вѣдомомъ; кгда-жь если принято, то безъ вѣдома его милости добродѣи; о сюмъ теда дѣлъ докладать его милости добродѣеви и его милость панъ Обѣдовскій¹⁾ по тому велможнаго пана желанію. И тое предложивши, пощаюся неоглябной велможнаго пана ласце и приязнѣ. Въ Батурина. Ногбра 27, року 1696. Велможнаго пана всего добра зчливый свать и служити готовъ Василий Кочубей, писарь егералній“.

б) „Мой велце ласкавый прителю, мосцѣ пане Завѣла. О утяженю подданныхъ вмтвнхъ и о скорби самого км. пана, ставшойся чрезъ легкомыслный запорожцовъ поступокъ, доносивъ я яспе-велможному его милости пану гетману, же оны наѣхавши на маестность вмтнгу, не только людамъ кривды, галасы, квалты и зброднѣ великіе починили, але и самого км. пана безрозсудными дерзнули безчестити словами; по якожъ доносевю, велѣтъ его милость писати листъ свой упоминательный (при которомъ и я свой листъ до км. мосцѣ пана посылаю) до пана Радича²⁾, уличаючи его за тое и ганячи такое его безрядіе, що оны, не держачи ихъ при боку своемъ, роспускаеть ихъ одъ себе, на людскіе великіе кривды и незносиме утяженя, якій листъ посылаеться до рукъ вмтвнхъ. Въ томъ-же листѣ доложено и о томъ, жебы челядника чили старостку вмтного, которий певное учинивши вашей милости ункжење, межи тое охотничье войско увойшоль, обскано и выдано, для котораго старостки поискаля и припроваженя до вашей милости, посылай ваша милость своего человекъ, якого доброго, при листу томъ панскомъ втропы за войскомъ, где-бъ и листъ, где можетъ постигнути, пану Радичу отдать и мененного бѣглого старостку вынайшовши, до вашей милости припровадилъ. А я соболѣзную такой вмтной скорби, чрезъ не узорный и

¹⁾ Иезиививъ Мазени и злѣ Кочубей.

²⁾ Отрядъ Радича, составленный, какъ видно, пѣз запорожцевъ, также принадлежалъ къ числу компанейскаго войска. Лѣтоп. Грабенка, 256.

безбожный тихъ своевольцовъ вашей милости нанесенной, и зичу, абы Господь Богъ, по сей скорби, послалъ вм. мосцѣ пану увеселеніе и въ здоровю слабости поправу. Притомъ звяклой вашей милости милости-ваго мосцѣ пана отдаюся пріязни. Зъ Батурина. Іюня 1, року 1702. Вашей милости мосцѣ пану зичливый пріятель и служити готовъ генеральный судія Василий Кочубей“.

Къ числу этихъ писемъ, касающихся постоянной повинности въ маестностяхъ Забѣла, слѣдуетъ отнести и слѣдующее письмо Обѣдовскаго, съ увѣдомленіемъ о принятіи въ Батуринѣ ржаной муки, вѣроятно для тѣхъ-же компанейскихъ цолковъ, находившихся при гетманѣ.

„Мосцѣ пане Забѣла, мнѣ велце мосце пане и ласкавый пріятелю. Борощо выслало отъ вашесци мосци пана, до двору ясневелможного добродѣи, въ цѣлости есть одобрано, для чого пишется въ педулѣ и до пановъ высланныхъ, ажебы въ томъ дѣлѣ не интересовалися; а до того ознаймую вашей милости мосци пану, же хочай-бы и меншь того борошна вм. мосцѣ панѣ прислалъ, теды-бы было принято, ктды-жъ то сталося для вѣзерунку (для видимости) пнянымъ. Тее ознаймивши, застаю вм. мосци пана и ласкаваго пріятеля жичливый пріятель, его царского пресвѣтлого величества столникъ, Іоанъ Обѣдовскій. Данъ въ Батуринѣ, року 1695, ноямврія 18 дня“.

Всѣ эти письма показываютъ, что Мазепа былъ довольно милостивъ къ Забѣлѣ; но при этомъ не нужно забывать, что всѣ эти льготы дѣлались для зятя генеральнаго обознаго; этому-же родству съ Борковскимъ Иванъ Петровичъ обязанъ былъ и своимъ пріятельствомъ съ Ломиковскимъ и Кочубеемъ, ближайшими людьми къ Мазепѣ. Милость гетмана и пріятельство его подручниковъ Забѣла, кромѣ того, поддерживалъ маленькими подарками, „обсылая“ ихъ напр. своимъ мартовскимъ пивомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ писемъ:

а) „Мосцѣ пане Забѣла, велце мнѣ мосцѣ пане и зичливый пріятелю. За присланное пиво дякуеть вашей милости ясневелможный, а взглядомъ задержаного челядника вашого въ Сѣчи зъ грошми пишеть ясневелможный до Кошового, жебы его оттоль зовсѣмъ отпущено, которого сподѣватися межисты (на святкахъ); о семъ ознаймивши, зичу ва-

шей милости доброго отъ Господа Бога здравія и остаю назавше вм., милостивому мосцѣ пану всего добра зичливый пріятель и радѣ служити Никифоръ Лукіяновичъ, господарь замку батуринаьского. Зѣ Батурина, марта 18, року 1700“.

б) „Мосцѣ пане Забѣла, мой велце мосцѣ пане и благодѣтелю. Изволилесь вм. мосцѣ панъ чрезъ умисльного своего обслати пивомъ мартовимъ ясневельможного добродѣя, его милости, пана гетмана и самую велможную, еи милость, добродѣйку, которого за донесенемъ моихъ принято бочокъ три до пивницѣ велможного добродѣя, а четвертую до самой пивницѣ отдадемъ; зѣ которого обсланья вдяченъ есть велце ясневельможный добродѣй панъ гетманъ и рейментарскою ласкою и респектомъ приобѣцуетъ вм. мосцѣ пану нагрожати. Тое вм. мосцѣ пану пріятельско донешши, неостѣбной приязни отдаючися, остаю вм. мосцѣ пану всѣхъ благъ желающій пріятель и повольный слуга Иванъ Чернышъ, господарь замку батуринаьского. Зѣ замку батуринаьского, 1701, марта 29 дня“¹⁾.

в) „Мосцѣ пане Забѣла, мой мосцѣ пане и куме. Зѣ любовного ефекту вм. мосцѣ пана частокротъ пивомъ послаючися, миле спомиваю таковой учинокъ, яко и на сей часъ присланую бочку пива чрезъ пана Сороку принявши, вдячие за присланье того велце вм. мосцѣ пану дякую и желаю того, же бымъ моею зичливостю могли таковую вм. мосцѣ пана любовь завдячити. При семъ остаю вм. мосцѣ пану зичливый пріятель и повольный до услугъ асаулъ евералній Иванъ Домѣковскій. 18 марта, 1700. Зѣ Батурина“.

г) „Мосцѣвыи пане Забѣла, мнѣ велце зичливый пріятелю. Зѣ пріятливой вм. мосцѣ пана любви и особливого ку мнѣ памятованія, принявши дарованое пиво, вдяченъ естемъ и дякуючи велце, завдячить вм. мосцѣ пану старатимуся. Былъ должный за ренту долгу, зѣ порахунку ценою, отдать пану Сороцѣ, посланникоки вм. мосцѣ

¹⁾ Упомянутая въ этомъ письмѣ «добродѣйка» была, должно думать, жена Мазепы, удержавъ въ 1704 г., о которой едва-ли не единственное печатное упоминаніе находимъ въ жалобѣ Петру В. Кочубея на обельщеніе Мазепою дочери его Матроны (Чтен. моск. общ. ист., 1859 г., кн. I, 125). Иванъ Чернышъ— впоследствии известный своимъ лихоимствомъ гадяцкій полковникъ и генеральный судья.

пана горилкою, о чомъ извѣстно предложивши, неизмѣнной вѣ. мосцѣ пана вручаюся любви и застаю вѣ. мосцѣ пану всего добра зичливый пріятель и радъ служить полковникъ стародубскій, М. Миклашевскій. Апрѣля 17, 1701“.

Обсылая гетмана и пріятелей, Иванъ Петровичъ не забывалъ при этомъ и тестя, который по этому случаю писалъ ему въ февралѣ 1697 г.

„Мой милый сыну, пане Забѣла. Рачиль вѣ. мосцѣ панъ домъ мой по достатку свѣжою на сіе дни сярніе обмыслити рибою; за тое велце вѣ. папу дякую, которую яко принялисмо вдячне, такъ упрейме того желаемо, абы здариль Господь Богъ тую вашмоетну ласку пріязню моею часу своего виплатити; а за тимъ повторе подяковавши, зичу вашей милости, мосцѣ пану примноголѣтного житія, доброго отъ Господа Бога мѣти здоровья. Обозный еперальный Василій Борковскій“.

Добрыя отношенія съ тестемъ для Ивана Петровича уже и потому нужны были, что Борковскій по своему уряду былъ челоувѣкомъ близкимъ и къ гетману и къ генеральнымъ урядникамъ. Конечно, благодаря тестю, Ивану Петровичу случалось принимать у себя въ Коропѣ за гостей, не только генеральную старшину, но и самого „ясневельможнаго добродѣя“; какою милостью считалось гетманское посѣщеніе и какъ хозяева заботились о доставленіи удобствъ этому гостю съ его приближенными, видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ Борковского къ зятю.

а) „Пане Иване. Любо то вже суть въ васѣ въ Коропѣ назначеніе госпѣди для приѣзду ясневельможнаго пана гетмана, еднакъ ирошу вашей милости, абы были яко певніе, такъ и всіомъ вигодніе; особливо его милости пану писарю и его милости пану хоружкему еперальнимъ¹⁾ абы были госпѣди просторніе, бо кгдижь они будуть обадва зъ своими паніями; его милость панъ судія еперальный²⁾ самъ тилко приѣде, которому абы также была господа; тіѣ избы своѣ на гори

¹⁾ Писаремъ былъ Кочубей, а хоружкимъ—Ломиковскій, оба—самые близкіе Мазепѣ люди.

²⁾ Судьею въ это время былъ, кажется, Савва Прокопѣвичъ.

стоячіе роскажи добре випатрати, жеби были тепли, бо кгдажъ теперь буде яневелможный къ вамъ и въ тихъ свѣтлицяхъ буде стояти; мнѣ также неподалецѣ знайди госноду; а о що колвекъ просивъ ви. мене, не фрасуйся, тое все я самъ привезу и буде все гараздъ. Що все до ознаймене подавши, жадаю пилю, абися тое все стало, бы и насъ люде не обмовили. Зачимъ Господу Богу васъ поручаю. Въ Батуряна, 18 генваря, року 1698. Вамъ ласкавий Василий Борковскій“.

б) „Папе Забѣла. Завтрешнего дня сподѣвайся велможного добродѣя, его милости, нана гетмана изъ самою панею (жена Мазепы?), для которихъ ихъ милостей наготуй верхиѣ свѣтлицъ, одну для пана, другую для самоѣ паневѣ, и постарайся ваша милость, жебы веѣмъ старшинамъ енералнимъ госноди слушніе были наготовани, не вважаючи нѣ на кого¹⁾; я мнѣ госноду колибъ близко гдѣ васъ, щобъ мнѣ недалеко ходить. О напотокъ, особливе о медъ добрый, постарайся, хочъ бы вибравши гдѣ у корчмѣ доброго меду, черезъ той часъ заказалъ продавать, ежели бы у васъ не стало меду, щобъ било чимъ подпертися. Самъ близко о приѣздѣ панскомъ дочувшися, съ напомяъ Василемъ виѣдите сподкати (встрѣтити), учинивши слушный порадокъ. Риби осетрина и бѣлужины по пять штукъ посылаю, ковьяру (икры) подѣжечкѣ, вина барилце. Не все мнѣ выразити; самъ старайтеся, що потребно для такоѣ особы. Для столыца и полковника (Обидовскаго) господа жебы была порядная; такихъ господаровъ винаходте, щобъ не все зъ ратуна; ивише я самъ одинъ той день могли(бъ) людемъ выгоду учинити. При томъ зостаю вашей милости личливымъ отцемъ. Василий Борковскій, обозный енералний“.

4.

Дѣтя Ивана Петровича. Исканіе для нихъ «инспектора». Смерть Ивана Петровича. Письма къ его вдовѣ Черныша, Кочубея и Шалуботка. Разореніе Обтова Мазепюю нослѣ пзмѣны. Оборонный универсалъ Скоропадскаго. Завѣщаніе Анны Расильевны Забѣлиной.

У Ивана Петровича были дѣти: сынъ Иванъ и три дочери, Евдокія, Анна и Настасья. По тогдашнему обыкновенію, для перво-

¹⁾ Какъ видно, квартиры для старшинъ заготовлялись по разнымъ домамъ коронскихъ обывателей.

начальнаго обученія дѣтей, малороссійскіе паны брали къ себѣ такъ называемыхъ „инспекторовъ“ изъ кievскихъ академистовъ; такого инспектора искали для своихъ дѣтей и Иванъ Петровичъ. Пгумень кievскаго михайловскаго монастыря Захарій Корняловичъ, хорошій пріятель Забѣлы, въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ ему: „на желаніе вашей милости, м. пана, який винайдеться инспекторъ, пришлется, котораго самая цюта залѣцѣть его: будетъ добрый, ему добре“. Такой инспекторъ вѣроятно и нашелся; но поставить на ноги своихъ дѣтей Иванъ Петровичъ не успѣлъ: онъ, какъ кажется, въ 1703 г. оставилъ дѣтей на руки вдовѣ. Анна Васильевна оставшись, по тогдашнему выраженію, на „вдовипомъ столыцѣ“, съумѣла сохранить добрыя отношенія съ пріятелями умершаго мужа и съ помощью ихъ поддерживала свое „домовство“. Вотъ нѣкоторыя изъ писемъ, писанныхъ къ Аннѣ Васильевнѣ:

Письма Черниша. „Моя велце лавкава пріятелко, мосцѣ панѣ Забѣлиная. Бывши въ Батуринѣ, Остапъ Литвинъ, житель Коропскій, хотѣлъ подати суплѣку свою яневелможному добродѣви, его милости, пашу гетману, ускаржаючи на Андрѣя Яцученка, подданнаго в. м. мосцѣ паней, жителя обтовского, же рокъ тому дѣтеть, якъ онъ, Андрѣй, клячъ у Остапа Литвина, будто опознавши, взялъ; я теи его не допустивши турбовати яневелможного, зыскати казалъ Прокোпа Юрченка, жителя подлинянскаго, подданнаго панского (с. Подлинное принадлежало „на булаву“), въ котораго онъ, Остапъ, тую клячъ, въ шереть, рыжогпѣдую, купи, а тотъ Проконъ Юрченко поставилъ по себѣ Мартина Шевченка, тожъ жителя подлинянскаго, въ котораго онъ купи; сей заєъ Мартинъ постави Степана Ганоненка, жителя подлинянскаго, въ котораго онъ кушалъ тую клячъ, а тотъ Стефанъ поставилъ Апанаса Довгаленка, жителя ковогонского, въ котораго онъ тую клячу доморослую купилъ. Яко теи лѣпшійно помененный Остапъ Литвинъ поставилъ туй клячи доводъ, такъ я пишучи до в. м. мосцѣ паней сей мой листъ, залацаю и предлагаю тое, абысь в. м. панѣ изволили того челоуѣка Андрѣя Яцученко, подданнаго своего, зъ тоею клячою въ Батуринѣ присылати, пожеважъ доводитъ тое, же абыци (sic) не вклепалъ въ тую клячъ и дарма еѣ себѣ взять. А такъ и повторе тое в. м. мосцѣ паней залацаю и предлагаю, абысь в. м. пани того челоуѣка, Андрѣя Яцученка, зъ клячою тоею при-

сидати изволила въ Батурина, которому если оиъ слушный дастъ на оную клячь выводъ, то жадной турбацѣи не будетъ; еслижъ не дастъ выводу слушного, то мѣсть клячу Остапу Литвину отдать, предлагаю и зичу вашей милости м. паней доброго отъ Господа Бога заживати здоровья. Въ замку батуринаского, року 1703, іюля 3. Вашей милости м. паней всего добра щире зичливый пріятель и готовый до услугъ Иванъ Чернышъ, господарь замку батуринаского“.

Письма Кочубея. а) „Моя велце ласкавая пріятелко, мосць панѣ Забѣлиная. Дякую велце вашей милости м. паней за привѣтствование мнѣ сего святого чотырдесятневного поста, которого взаимне зичу и вм. м. паней, абы Господь Богъ даровалъ вашей милости зо всѣмъ милымъ домовствомъ оный въ добромъ здоровю и благополучномъ поведенію, благоутодно, зъ позискаліемъ зобялно душевнасителныхъ пожитковъ презити, страсти Христовы благочестно лобизати и пресвѣтлий побѣдоносного воскресенія Господа праздникъ веселимъ сердцемъ обходити. О дѣлѣ томъ, о которомъ изволила вм. м. панѣ до мене писати, заразъ обыцую мое предложене учинити паномъ Забѣламъ, взглядомъ млина клишковского, жэбы они зъ вашею милостью пріятелско о томъ учинили успокоение, а який отвѣтъ отъ ихъ пановъ Забѣлъ одержу, заразъ вм. м. паней дамъ вѣдати. При томъ отдаюся вмтняой зичливой пріянии. Зъ Батурина, марта 10 року 1705. Вашей милости м. паней всего добра зичливый пріятель и служити готовъ. Василий Кочубей, судіа енеральный войсковой“.

б) „Мосць панѣ Забѣлиная, моя велце ласкавая панѣ и пріятелко. Въ томъ дѣлѣ, о которомъ изволила вм. м. панѣ до мене писати, треба вм. до самого ясневелможного, его милости, пава гетмана о томъ своимъ предложенемъ занести скаргу, кдѣжъ сама вм. рачившъ вѣдати, же тая сторона, до которой скарга вмтняа стягається, подъ обороною его жъ велможности зостається. А я зъ своей стороны радъ вашей милости во всякомъ дѣлѣ помочествовати; при томъ зичу вм. м. паней доброго отъ Господа Бога здоровья, при благополучномъ поведенію, въ многіе лѣта заживати. Зъ Батурина, марта 13, року 1705 (*Подпись тоже*)“.

в) „Мосць панѣ Забѣлиная, моя велце ласкавая пріятелко. Писала вм. м. панѣ до мене, прекладаючи о армашу Ивану

Порадченку, бившому подданному своему, который частокротне приездячи до жонки своей въ Обтовъ, великие чинить зброднѣ подданнѣмъ вмстиннѣмъ, вимислами, напоскъ и подводами, яко и теперь и брать его зуфале поступючи, спалилъ килко человекъа за всѣмъ убозетвомъ; о чомъ я, по жаданію вк. м. паней, докладалемъ ясневелможному, его милости, пану гетману, добродѣви нашему; теде его милость мовилъ: которимъ людемъ кривда и долегливость отъ кого дѣется, нехай суплѣкують въ своей делегливости, а по суплѣкахъ будетъ учинена справедливость; а такъ зволь вапа милость тихъ людей зъ суплѣками до его милости прислати. При томъ зичу вк. м. паней доброго отъ Господа Бога здоровья и щасливого поведенія въ многие лѣта. Зъ Батурина, мая 3, року 1705. (*Подпись таже*)“.

Письмо Полуботка. Мосцѣ панѣ Забѣлиная, мнѣ велце ласкавал и зичливая приятелко. Благодаренъ естемъ такой любвѣ вк. м. паней, же рачишь и мене воковати въ домъ свой на актъ веселный милой дочки своей; на который любо охочо радъ былъ прибыти, по желанію вк. м. паней, але же одобраемъ указъ ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана до скорого прибиратися походу, теде прошу ласкавого вк. м. паней выбаченя, же тому акту не буду въ дому вк. м. паней притомнымъ, зичачи однакъ оный щасливе вк. м. паней зачинати и весело кончати, ей же паней назавше доброй полецаю приязнѣ. Зъ Чернѣгова, мая 8, року 1713. Вашей милости м. паней всего добра зичливый приятель, его ц. пр. величества войска запорожского полковникъ чернѣговскій, Павелъ Полуботокъ“.

Одну бѣду пережила Анна Васильевна—разореніе Обтова Мазепою, когда онъ шель черезъ это село, въ началѣ поября 1708 г., уже со шведами вмѣстѣ. Разореніе это описываетъ сынъ Анны Васильевны въ одной изъ своихъ жалобъ: „подъ часъ шведской руины, когда Мазепа Десну переправилъ, съ войскомъ прійдя въ Обтовъ, зруйповаль и выпалилъ нашу отчину и домъ нашъ велѣлъ разграбить со всѣмъ, что было нажитку; тогда жъ и коней стадо неученое, на пакость, пистолемъ велѣлъ позабывать, за то, что не давалось ловиться“. Любопытный фактъ о разореніи Обтова Мазепою въ то время, когда онъ въ своихъ универсалахъ звалъ на-

родъ за собою, предрекая „згубу отъ потенціи московской,“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое объясненіе той непопулярности, которою Мазепа пользовался въ народѣ и которую уносилъ, идя со шведами на восстановление „правъ и вольностей“ этого самаго народа.

Анна Васильевна хотѣла было воспользоваться разореніемъ Обтова, чтобы за это разореніе выхлопотать возвращеніе Клишскъ, отнятыхъ тѣмъ разорителемъ Обтова; на этотъ разъ хлопоты о Клишкахъ, можетъ быть, и удались-бы, такъ какъ въ это время многіе изъ жаловавшихся на Мазепины обиды получили великія милости, но случилось такъ, что одновременно сталъ просить тѣ-же Клишки и князь Григорій Федоровичъ Долгорукій; само собою разумѣется, что преимущество осталось за послѣднимъ ¹⁾.

За неудачу въ Клишкахъ Аннѣ Васильевнѣ удалось выхлопотать себѣ у гетмана слѣдующій такъ называемый „оборопный“ универсалъ, которымъ подданные ея освобождались отъ многихъ земскихъ повинностей.

„Его ц. пр. величества войска запорожскаго гетманъ Іоанъ Скоропадскій. — Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ, кому бы колвекъ о томъ вѣдати належало, ижъ панѣ Анна Иванова Забѣлиная жалосне намъ прекладала, что людей села Обтова, маестности ея, въ сотнѣ короновеской будущого, розно то до Глухова выстаченемъ и воженемъ провіанту и выгнанемъ на роботу до того жъ города Глухова, то до Королевца и Коропа, въ случаючіея оказіи потягають; черезъ що не малыхъ узнаючи долегливостей, не могутъ оныхъ зпести; въ томъ яко просила она, панѣ Забѣлиная, напои гетманской обороны и такового унѣверсалу, абы подданныхъ ея села, вышмененного Обтова, пѣкуда болягъ не потягано, кромѣ до одного Коропа, поневажъ оное здавна до того уезду належать; такъ мы, гетманъ, прошеніе ея напои Забѣлиной принявши за слушное, повагою сего унѣверсалу яшого варуемъ, абы старшина глуховская, урядъ королевецкій и пѣхто ииній, нѣ въ чомъ под-

¹⁾ При этомъ Клишки были отобраны у дѣтей Степана Петровича Забѣлы, повидимому, за родство изъ съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ Мазепъ; едвали старшій сынъ Степана Петровича не былъ женатъ на дочери племянника Мазепы, — Трошинскаго, бывшаго гадяцкаго полковника.

данныхъ мененой паней Забѣлиной до своихъ городовъ потягати не важились; до Коропа зась, яко того уѣзду суть, въ случающихся оканяхъ должны будутъ подлугъ мѣры чинити помощь, рейментарско приказуемъ. Далъ въ Глуховѣ, иуарія 3, року 1712^а.

Проживъ вдовою около десяти лѣтъ, Анна Васильевна за это время вырядила сына на службу (въ войсковую артиллерію, стоявшую въ Коропѣ) и выдавала всѣхъ дочерей замужъ; послѣднюю, Настасью, выдавала она въ маѣ 1713 г., за пѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти; черезъ мѣсяць послѣ свадьбы Анна Васильевна написала свое завѣщаніе, помѣщаемое здѣсь, а въ ноябрѣ того-же года сынъ ея жаловался на „печальный и сиротинный свой домъ“.

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Отъ Господа единого установленное пѣкогда неизмѣнимо есть, иже всѣ единою рече, будите готови, яко въ онъ-же часъ не мните Сынъ человѣческой придетъ; и сего ради азъ, раба божая Анна Іоаннова Забѣлиная, отъ его вишнего смотраія будучи долгою присѣщева болѣзнію, не ложною смертного долга увѣщательницею, поставиламъ подлугъ христіанской совѣти моей, такъ о души моей, яко и о дѣтехъ моихъ, будущая устрои; а яко вищному дая мѣсто, благословеніемъ матернимъ увѣщаю чада моя, дабы во обичное присутствовали погребеніе мое, наипаче-же о душахъ насъ, родителей своихъ, еже есть главизна христіанского уповаія, должны чрезъ все житіе свое сродное имѣти попеченіе. Вначалѣ, сынъ мой Іоаннъ, вищнихъ естественнымъ закономъ наслѣдникъ, долженъ честно погребети тѣло мое тамо, идѣже дѣдъ и отецъ его тѣломъ положишася и въ той обители святой (рыхловскомъ монастырѣ) особными литургіями роковое учинити помишаніе; въ иныхъ зась обителейъ и мірскихъ церквахъ еликоможная любовь его сыновняя похощеть. Аже законъ Божій и законъ человѣческой родителемъ предпостави еже дати чадомъ своимъ по неизмѣвлемой волѣ родительской правное и умѣрительное узаконеніе, дабы по смерти ихъ не чинили между собою мятежу и смущенія, яко обикомша нынѣ между многими быти. Сего ради увѣщаю Богомъ и благословеніемъ нашимъ родительскимъ чадъ моихъ, да со всякимъ благодареніемъ умроторатся сею остатнею волею моею: напредъ старшой дочцѣ моей Евдокинъ Григорьевой (по имени мужа) и

по ней Аннѣ Иоановой и третьей моей дочцѣ Анастасиѣ Прокоповой мѣтъ сынъ мой Иоанъ по тысячи золотыхъ дати и то видячи доброе ихъ житіе; зъ охендозства, ношеня, сръбра, цѣни, мѣди, подлугъ долгу палкого, подъ часъ виносагу (выдачи замужь) ихъ зможности, далося; для чого неблагословеніемъ Божиимъ и родительскимъ запрѣщанъ дочерамъ моимъ и панамъ зятямъ, абы не турбовали нѣ в чомъ сына моего и до наименшихъ лежачихъ кгрунтовъ и всѣхъ добръ нашихъ не втручались; понеже яко и право въ статутѣ великого князства литовского, въ розд. 5, артик. 14, того панамъ зятямъ забороняетъ; а сынови моему Иоанну, яко по дѣду и по отцу совершенному наслѣднику, подаю въ спокойное вѣчностое владѣніе млини, именно: кунашевскій, другій—ближній, третій корнѣевскій, четвертій—новій, пятій на Жкураховщій, со всѣми прилеглостми, также и Остаповщину зъ млиномъ и зо всѣми прикушленными крунтами и гаями; къ тому всякіе пахатніе поля и сѣнокосы, такъ въ Обтовѣ, яко и въ Погорѣловцѣ; тамъ-же и прилегліе озера, въ Коропѣ пляци, сколько есть, дворовъ три и броварь и всякіе рухомости; на якіе всѣ добра наши лежачіе, виже спецѣфѣкованіе, покойнимъ отцемъ нашимъ и нами купленіе, оному сыну моему Иоанну подаю купчіе, и сверхъ того, подлугъ унѣверсаловъ рейментарскихъ, потвержателіе милостивіе ихъ царского пресвѣтлого величества двѣ грамотѣ, при которыхъ милостивнихъ царскихъ величествъ грамотахъ, прошу всякой власти, абы при наданныхъ двохъ селцяхъ, Обтову и Погорѣловцѣ, за заслугу покойного дѣда своего, блаженное памяти Петра Михайловича Забѣлы, обозного енералного, и отца своего покойного Иоанна Петровича, и за свою, которую впередъ мѣтъ его царскому величеству и власти рейментарской и всякой робити, зоставалъ. Дѣялося при гродѣ Короповѣ, въ дому нашомъ забѣловскомъ, называючомся Остаповщій, при уряду мѣскомъ. Рову 1713, мѣсяци іюня 2 дня. *(Слѣдуютъ подписи свидѣтелей).*

Всѣ приведенные здѣсь письма и другіе акты, списаны съ подлинниковъ, подаренныхъ намъ умершимъ уже любителемъ мѣстной старины, Петромъ Максимовичемъ Острянскимъ.

Ал. Лазаревскій.

Посѣщеніе Кіева в. кн. Павломъ Петровичемъ и в. кн. Марією Федоровною.

(СОВРЕМЕННОЕ ОПИСАНІЕ).

Помѣщаемое здѣсь *Описаніе* разсчитано на вниманіе потомства, и мы не можемъ отказать ему ни въ приведеніи подлиннаго его текста, ни въ предварительныхъ пѣкоторыхъ замѣчаніяхъ.

Оно наивно отъ начала до конца, и не только по изложенію, но и по самой постановкѣ сюжета. Это памятникъ жизни, поражающей всегда напыщенностію, ходульністію, отсутствіемъ искренности и простоты,—памятникъ параднаго краснорѣчія, въ которомъ много словъ и мало мысли и еще менѣе искренняго чувства. Мы имѣли въ рукахъ нѣсколько такихъ описаній: можно, и не заглядывая въ нихъ, знать ихъ содержаніе, можно, и не читая ихъ, сказать напередъ, что тутъ шли предварительныя совѣщанія о встрѣчѣ и пріемѣ, чистился городъ, строились триумфальныя ворота, производилась пальба, давались обѣды и ужины, балы и вечера, играла музыка, горѣли огни, и пр., и пр. Не этотъ, конечно, декорумъ, мало уступающій прогрессу, можетъ привлечь вниманіе читателя;—въ приводимомъ описаніи, помимо воли составителей, желавшихъ увѣковѣчить свои имена и фигурированіе въ такомъ случаѣ, проглянуло нѣсколько историческихъ чертъ—интересныхъ и поучительныхъ.

Любопытна прежде всего тогдашняя ситуація города, совсѣмъ не похожая на нынѣшнюю,—эта не существующая теперь старгородская крѣпость, обнесенная валами, съ воротами львовскими и черскими, и этотъ спускъ съ Крещатика на Подоль по глубокому взвозу, который шелъ тамъ, гдѣ нынѣ на значительномъ возвышеніи

находится заведеніе минеральныхъ водъ, и этотъ подъемъ съ Подола по старому Боричеву взвозу. Есть въ описаніи много и другихъ данныхъ для топографіи г. Кіева. Любопытно тогдашнее благоустройство древней матери градовъ російскихъ, требующее прокладки мостовыхъ лишь на случай проѣзда наслѣдника престола, нарочитаго устройства фонарей только по два предъ каждымъ домомъ, изгнанія или усмиренія наказаніями пьяницъ и воровъ, запиранія спующихъ по улицамъ коровъ, собакъ и свиней и даже убиванія ихъ на улицахъ.

Остонавливаютъ на себѣ вниманіе многія другія особенности того времени. Городское представительство, такъ называемый здѣсь привилегированный магистратъ, сохраняетъ еще свой древній престижъ, хотя только по наружности, ибо въ сущности кругъ его вѣдѣнія былъ до крайности ограниченъ, его власть совсѣмъ стѣснена, общественные и военные титулы его членовъ были пустыя вѣчки, и даже блестяще одѣтая городская милиція употреблялась лишь исключительно для парадовъ. Только грамоты русскихъ государей и польскихъ королей, съ особымъ почетомъ имъ хранимыя, напоминаютъ ему о прежней его жизни, не разъ предъ симъ и послѣ сего прерываемый, а потомъ еще разъ возобновленной милостію того самаго государя, котораго теперь, въ качествѣ наслѣдника, онъ принимаетъ. Сохраняютъ еще свою самостоятельность пастыри кіевскихъ монастырей: они сами строятъ почетныя встрѣчи, говорятъ рѣчи и принимаютъ царственныхъ особъ въ своихъ келіяхъ. Въ числѣ ихъ выдается по своему высокому положенію архимандритъ лавры, тотъ самый Зосима, который пережилъ ея ставропигію и умеръ, забытый всѣми, въ безвѣстной голосіевской пустыни. Въ ряду 12 архимандритовъ, встрѣчающихъ высокихъ посѣтителей, встрѣчаемъ извѣстнаго въ свое время петербургскому и варшавскому двору и возбуждавшаго горячую дипломатическую переписку, славнаго защитника украинскаго народа, Мелхиседека Значка-Яворскаго, нынѣ, какъ видно, затертаго уже жизнью. Интересную особенность встрѣчи составляютъ пѣвніе въ бѣлыхъ одеждахъ, съ лаврами на головахъ, съ пальмами въ рукахъ. Еще болѣе интереса возбуждастъ эта группа городскихъ „дамскихъ персонъ“, окружающихъ великую княгиню и вызывающихъ ея отчасти ироническую похвалу ихъ національнымъ костюмамъ, не требующимъ булавокъ, но видимо

тѣснимымъ уже нѣмецкой модой. Нельзя обойти вниманіемъ торжественной рѣчи войта, обнаруживающей крайне слабый интеллектъ представительства тогдашняго Кіева, равно—символовъ и аллегорій для иллюминаціонныхъ картинъ. Достоинъ примѣчанія вопросъ наследника престола о томъ, кто прежде присоединенъ къ Россіи: Кіевъ, или Малороссія, публичное цѣлованіе имъ подписи на грамотѣ Екатерины, а также *qui pro quo* въ вопросѣ его о подданствѣ къ одному изъ лаврскихъ крестьянъ г. Василькова и отвѣтъ этого крестьянина. Свѣтлой и наиболее прямой точкой во всей картинѣ вырисовывается *хождение* великаго князя къ наиболее бѣднымъ жителямъ г. Василькова, съ цѣлью оказать имъ пособіе, и набожное моленіе его и его добродѣтельной супруги на обѣднѣ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

Наивно и малоискусно начертанная картина проѣзда, встрѣчи и провожанья в. кн. Павла Петровича и в. кн. Маріи Федоровны начинается такимъ витіеватымъ заглавіемъ:

Хронографія или достопамятнаго происшествія, бывшаго въ нынѣшнемъ 1781 году, въ посѣщеніе ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева и магистрата, для памяти потомственной, въ кіевскомъ магистратѣ хранимое Описание.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Человѣкъ, проходившій мямотекущую жизнь свою, въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлахъ и что въ жизни его случится можетъ великаго, знаменитаго и достопамятнаго, забвенію по смерти его на вѣки предается, если онъ не радитъ оставить по себѣ память о томъ въ хронографіи, или исторіографіи, или въ замѣчаніяхъ на бумагѣ случающейся въ жизни его эпохи, еже всякій вѣкъ и роды людей, въ щасливыхъ и неблагополучныхъ премененіяхъ, премененіемъ временъ случающихся, узнавать могутъ. И сколь сіе забвеніе. отнимаетъ свѣтъ знанія и свидѣнія мямотекущихъ временъ отъ ихъ достопамятности у будущихъ родовъ; столь несравненно хронографія открываетъ симъ родамъ разумъ и просвѣщеніе въ знаніи происшедшихъ прежде ихъ бытія на свѣтѣ, происхожденія дѣлъ и дѣйствій предковъ ихъ.

Сіе самое побуждаеть насъ, въ единомъ союзѣ любви богоспасе-
маго града сего Кіева пребывающихъ гражданъ, для славы тѣхъ, о
которыхъ достопамятная сія повѣсть учинена, а для любви къ нашимъ
потомкамъ, къ свидѣнію ихъ, одолженными себе здѣлать, описавъ сію
вѣка нашего эпоху, въ нынѣшнемъ 1781-мъ году, въ мѣсяцѣ октябрѣ
случившуюся, оставить оную въ магистратѣ къ знанію сего, съоль ошач-
сливленъ городъ нашъ, мы всѣ граждане и учрежденное мѣсто наше,
кіевскій привилерованный магистратъ высокимъ посещеніемъ природнаго
нашего Государя Всероссийскаго престола наслѣдника, великаго князя
Павла Петровича и вседражайшія Его Императорскаго Высочества су-
руги, государини, великой княгини маріи Теодоровни, симъ оказав-
шихъ городу и мѣсту сему высокое свое благоволеніе, удовольствіе и
многіе неоценно дражайшіе милостей своихъ знаки.

О всемъ томъ, то есть какъ о приуготовленіи на всевождедѣльное
ихъ императорскихъ высочествъ пришествіе въ Кіевъ, такъ и о всѣхъ
происхожденіяхъ бывшихъ въ присутствіи ихъ высочествъ въ Кіевѣ, до
отбытія отъсель за границу, въ Польшу, подробное слѣдуетъ описаніе.

Сего 1781-го года іюля 31-го числа полученымъ отъ его вы-
соко-графскаго сіятельства, высокоповелительнаго господина генералъ
фельдмаршала, Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, орде-
ромъ оповѣщено кіевскому магистрату о приготовленіяхъ для вождеден-
наго посвщенія края сего и города Кіева въ будущую осень; съ онаго
ордера точная копія есть сія.

Кіевскому магистрату.

„По обстоятельству ожидаемаго вождеденнаго посвщенія, коимъ
сей край и городъ Кіевъ, въ будущую осень, ошасливленъ быть имѣть;
долгъ отъ насъ взыскиваетъ при семъ чрезвычайномъ случаѣ изъяснить
всѣ чувства усердія и радости. А какъ городъ Кіевъ славится своею дре-
вностію и иными преимуществами предъ всѣми прочими, то я не
могу сумнѣтся, что магистратъ по тому и другому заключенію не упу-
ститъ наблюсти все подобающее, какъ отъ лица магистрата, такъ и
отъ всѣхъ гражданъ, въ разсужденіи приуготовленія себѣ въ одѣяніи и

збруи на лошадахъ, и пѣшо, съ своими знаками и притомъ воздвиженія торжественныхъ при въѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ оного воротъ и иныхъ до украшения города служащихъ объектовъ, по соглашенію о семъ послѣднемъ съ тамошними духовными властями и съ пособіемъ, что до лучшаго расположенія, господина инженеръ генераль маіора Тучкова, о семъ особливо отъ мене къ нему писано, и я ожидаю, что тутъ нячего упущенно не будетъ. чего долгъ усердія нашего требуетъ“.

На подлинномъ: г. Румянцовъ-Задунайскій

Получивъ въ такой силѣ ордеръ, какъ о семъ единовременно и къ преосвященному митрополиту кievскому Гавриилу, также къ инженерному господину генераль маюру Тучкову его сіятельство, графъ Петръ Александровичъ изволилъ писать, того-жъ времени съѣхались къ преосвященному, всѣ госнода генералы, здѣсь находящіеся при командахъ, а именно: господинъ генераль поручикъ и кавалеръ, кievскій оберъ комендавъ Кохиусъ, артиллеріи господинъ генераль маіоръ Бегичевъ, инженерный господинъ генераль маіоръ Тучковъ, господинъ генераль маіоръ Мезенцовъ, находящіеся при комисаріатѣ; также господинъ войтъ, коллежскій совѣтникъ Дивоваровъ, и госнода правящіе: бургомистръ и городскій голова Давидовскій, райца Рыбальскій и обще у преосвященнаго учиня о приуготовленіяхъ ковскаѣумъ, сколько и на якихъ мѣстахъ бытъ триумфальнымъ воротамъ, поѣхали отъ архіерея осмотрѣть и назначить тѣ мѣста. И положили *первыми* бытъ у неподвижкой пристани, при самомъ мосту, *вторіе* на выѣздѣ изъ оной пристани, на горѣ у рогатки, *третіи* при выѣздѣ на Подоль у хрещатской рогатки, *четвертіи* на выѣздѣ съ Кіева къ Василькову у рогатки каменнаго затону. И учиня господинъ генераль Тучковъ всѣмъ воротамъ планы, при рапортѣ съ курьеромъ пославъ на апробацію къ графу, которые, по апробаціи, всѣ начались весьма поспѣшно дѣлаться, для которой работы, особливо на сіи хрещатскіе ворота отъ магистрата собрано всѣхъ майстеровыхъ людей: то есть, плотниковъ, столярей, слѣсарей, живописцевъ и малярей, и къ сему дѣлу опредѣлено отъ магистрата у слотрѣнія бытъ, матеріалы покупать, майстеровымъ за работу заплату производить чиновникамъ майстерскимъ: лавянику Косачинскому, инстигаторамъ Стрелевскому и Лобку, коимъ всѣ деньги на то получать отъ правящихъ госнодъ: бургомистра Давидовскаго и райца Ры-

бальскаго, и тетрадь на записки и росписки прошнурную съ магистрата дано.

Между симъ въ магистратѣ вседневно вѣхъ членовъ присутствіе происходило, въ коемъ, что къ лучшему украшенію и распорядженію касалось, чиними были совѣти и определѣно: *первое*: предъ магистратомъ иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу иллюминировать разныхъ цвѣтовъ фонарями, къ сему дѣлу для наблюденія надъ работниками, такожъ покупки матеріаловъ, то есть: холста, красокъ, сала, плешекъ и прочего принадлежащего къ тому, опредѣлено лавника Юрія Рыбальскаго и шафара Ивана Данилова, которымъ такожъ выдаваемы были деньги отъ правящихъ господъ на расходы и на вивсаніе оныхъ изъ магистрата дана прошнурная тетрадь, *второе*: внутрь и влѣ магистрата, очистивъ и обѣливъ, пристойными мебелями и украшеніями въ портретахъ, люстрахъ, хрустальныхъ канделяхъ цалати приздобить; *третье*: реестровой корогвѣ дать приказъ о стройности, какъ единогокалибернаго платья, такъ збрун и въ лошадяхъ, для чего на смотрѣ ихъ, которые въ семь несправны оказались, исключени съ параду, *четвертое*: двѣнадцати цехамъ пересмотръ учинить и которые платьемъ, ружьемъ и собою не сообразовали пригошеству исключени были; *пятое*: во всемъ городѣ, при воротахъ всякаго двора, отъ хозяевъ, по два столба (для фонарей) выкрашенныхъ поставитъ, *шестое*: всякое въ городѣ ветхое безобразное строеніе и иное сломать, а другое обковить, *седмое*: всѣ мостовіе вычистить, иныя починить, а другіе вновь сдѣлать, въ томъ числѣ и торговіе площади отъ навозу очистить, пескомъ бѣлымъ усыпать и соснами утыкать; *осмое*: всякаго сорту безъ потребности праздношатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ города выслать, или наказаніемъ унимать; *девятое*: дать приказъ чрезъ городничаго всемъ хозяевамъ, чтобъ собакъ и свиней изъ домовъ не выпускали, а въ противномъ случаѣ оный скотъ убивать велѣно.

Все сіе распорядивъ и учредивъ, еще надлежало было съ нѣкоторыми доложеніями въ зависящихъ отъ резолюціи самого графа отправить къ его сіятельству изъ членовъ присутствующихъ въ магистратѣ, почему августа 8-го отправлены господа бургомистръ Дмитрій Александровичъ, да райци Николай Леонтовичъ, Алексѣй Дмитровичъ въ Вишенки, гдѣ между прочего его сіятельству отъ нихъ когда было

доложено, что можно-ль осмѣлится кievскому магистрату просить ихъ императорскихъ высочествъ въ магистратъ, а притомъ и на обѣденный 'столь, то на сіе въ резолюцію получили, что понеже ихъ высочества не долго въ Кіевѣ быть изволятъ, то развѣ на ужинъ, когда время дозволить. Такъ сіе казалось, будто-бы несовершенно обнадежиться могли магистратъ въ счастіи высокаго ихъ императорскихъ высочествъ пощещенія онаго, а наче удостоеніи столоваго присутствія. Когда-жъ всѣ приуготовленія и триумфальныя на всѣхъ мѣстахъ ворота начали приходить къ окончанію, тогда изволилъ пріѣхать самъ графъ Петръ Александровичъ для обозрѣнія всего того. Пріѣздъ его былъ септября 18 числа, по утру, въ 11-мъ часу, прямо во дворецъ, гдѣ въ короткомъ времени обозрѣвъ всѣ покои и службы во дворцѣ, заразъ поѣхалъ на Подоль, гдѣ у хрещатскихъ триумфальныхъ воротъ остановился и осмотра оные, пошелъ иѣсно, недалеко отъ сихъ, въ домъ живописныхъ работъ и увидя всѣ картины для воротъ хорошо сдѣланныя, изволилъ похвалить мастерство тѣхъ, оттудова въ магистратъ, а съ его сіятельствомъ и генералитетъ, здѣсь находящійся, въ магистратѣ изволили смотрѣть планъ иллюминаціи, былъ въ судовой палатѣ и канцеляріи, а въ большой скарбовой просили на водку, и по одной чарки его сіятельство и всѣ то же бывшіе вынули. Отходя изъ магистрата, изволилъ сказать: можно де осмѣлится магистрату просить ихъ высочествъ; отсюдова поѣхалъ къ преосвященному митрополиту, часу въ 1-мъ, отъ митрополита въ крѣпость печерскую и изволилъ купать у господина оберъ-коменданта. Тамъ были представлены въ парадѣ нѣсколько чловѣкъ реестровыхъ на смотръ его сіятельству. Тутъ печерскій отецъ архимандритъ на вызитъ пріѣздила, а послѣ и графъ у него былъ. На другой день, то есть 19-го септября по утру въ 7-мъ часу, изволилъ изъ Кіева отѣхать въ Гомель, гдѣ ихъ императорскихъ высочествъ, изъ С.-Петербурга чрезъ Псковъ и Могилевъ имѣвшихъ до Кіева маршрутъ, пріѣзду дождался, а и съ того мѣста многими ордерами о разныхъ распоряженіяхъ въ Кіевѣ къ кievскому оберъ-коменданту, господину Кохиусу предписывалъ, въ коихъ и о встрѣчахъ разныхъ чинамъ и командамъ, съ назначеніемъ и мѣстъ, по нижеслѣдующему расположилъ: у первыхъ триумфальныхъ воротъ на неводницкой пристани—магистрату кievскому, отъ сихъ воротъ къ крѣпости расположится

конницѣ, впереди магистратовой, за сими легкоконный кіевскій, далѣе легкоконный сѣверскій, а нацолѣ ахтырскій гусарскій эскадроны; во вторыхъ триумфальныхъ воротахъ на выѣздѣ господину оберъ-коменданту съ штабомъ гарнизоннымъ встрѣтить, а отъ сяхъ воротъ до крѣпости вооруженнымъ цехамъ съ ихъ знаками, такожъ о караулахъ изъ полковъ пѣхоты ряжскаго, беліовскаго и двухъ ротъ гренадерскихъ сѣвскаго полка, которые на сей случай командированы въ Кіевъ, и въ которыхъ мѣстахъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева и во дворцѣ, повелѣно, гдѣ кому держать. О пушечной пальбѣ при въѣздѣ ихъ высочествъ, о наблюденіи полиціи за неутѣсненіе постояли обывателей сими ордерами изъ Гомеля и оттудова къ Кіеву изъ разныхъ мѣстъ, въ пути находилъ при ихъ императорскихъ высочествахъ, предписывалъ графъ, а магистрату кіевскому отъ 8-го октября изъ Чернігова слѣдующаго содержанія прислано извѣщеніе.

Кіевскому магистрату.

„Изволеніе есть ихъ императорскихъ высочествъ усащивить сей магистратъ высочайшимъ ихъ посѣщеніемъ; что прозба присутствующихъ о удостоеніи тамъ вечерняго стола ихъ присутвіемъ милостивѣйше принята будетъ, я долгомъ моимъ нахожу предварительное тому магистрату сдѣлать извѣщеніе, дабы онъ могъ къ сему случаю, который долженъ быть для всего города изъ найщастливѣйшихъ, могъ заранее во всемъ себе предуготовить“.

На подлинномъ: г. Румянцовъ Задунайскій.

Сіе магистратъ получа, совершенно обнадежился въ толь высококъ счастіи посѣщенія императорскихъ высочествъ онаго и опредѣля изъ чиновниковъ молодыхъ людей многихъ, такожъ въ помощь господъ правящихъ разныхъ: бургомистра Давидовскаго и райца Рыбалскаго, изъ членовъ господъ райцовъ троихъ: Леонтовича, Гаврилу и Дмитровича, подъ-смотрѣніемъ сихъ, все къ столу принадлежащее, пригласивъ кухмейстера его сіятельства графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго (бывшаго уже тогда въ Кіевѣ), заготовлять начали.

Съ 10-го противъ 11-го октября ночью, часу въ 10-мъ, его сіятельство графъ Петръ Александровичъ съ пути пріѣхать изволил въ Кіевъ, предшествуя ихъ высочествахъ. Тогда, поутру 11-го числа

октября, часу въ восемьъ, господинъ войтъ со всѣми членами магистратскими явились у его сіятельства квартирѣ у губернаторскомъ дому, и получили о встрѣчахъ, по вышепрописанному въ ордерахъ его сіятельства повелѣнію, подтвержденіе, а притомъ изволилъ сказать: „когда ихъ высочества изволятъ проѣхать изъ крѣпости во дворецъ, то вы будете во дворцѣ въ то время, и я васъ представляю ихъ высочествамъ“. Рѣчи подаки были на аширобацію его сіятельства—двѣ русскіе и одна французская, съ которыхъ велѣлъ русскую, краткую, говорить въ магистрате едину, а тѣ отставить. Сии повелѣнія приявъ, магистратъ, часу въ 9-мъ по утру, отъ его сіятельства поѣхалъ въ назначенному своему у первыхъ отъ мосту триумфальныхъ воротъ мѣсту. Сии ворота были сдѣланы изъ брусса и досокъ, такъ, какъ и протчи, съ карнизами и томбами, но украшены были зеленью, то есть увиты были мѣльными вѣтвями сосны, а по сторонамъ въ передѣ воротъ съ таковымъ же украшеніемъ поставлены были пирамиды, съ герландами, украшенными цвѣтами. Въ началѣ 12-го часа виѣхали сюда къ воротамъ изъ горы цугами, богато убранными и ливреею, пять парадныхъ каретъ, а шестая лѣтя графа Петра Александровича, и остановились у воротъ, а вскорѣ потомъ и самъ графъ съ многими генералитетомъ и штабомъ изволилъ пріѣхать верхами, при немъ заводныхъ богато-убранныхъ верховыхъ лошадей было пять, и немного остановясь у воротъ, поѣхали съ графомъ до подполковничья чина за Днѣпръ къ Лисой горѣ. Сюда скоро изволили прибыть и ихъ высочества, гдѣ графъ и встрѣтилъ и препровождалъ узъ карету ихъ высочествъ ѣдучи; и какъ только пріѣхалъ къ первой по ту сторону мосту верстѣ, тутъ данъ первой сигналъ ракетою и на крѣпости выпалено изъ 51-й пушки, доколь мостъ переѣхали, переѣхавши же мостъ, изволили остановитя немного предъ воротами въ каретѣ (на сихъ воротахъ играла музыка). Тутъ подошли къ каретѣ господинъ войтъ съ членами и принесли подданическое свое поздравленіе съ счастливымъ прибытіемъ въ Кіевъ, а господинъ бургомистръ и городской голова Давидовскій поднесли хлѣбъ ржаной ситной и соли на немъ стуика, за что ихъ высочества поблагодаря, изволили проѣхать ворота, и тамъ выйдя изъ дорожной своей кареты, изволили сѣсть въ парадную графскую, и слѣдовать за передовыми конвойными, таковымъ порядкомъ: въ самомъ передѣ магистратская реестровая кон-

ница, подъ предводительствомъ господина райци Коистенскаго, состояла въ ста тридцати человѣкахъ, въ одинакокалиберныхъ и единоформенныхъ тонкозеленаго сукна, съ золотымъ балетомъ, черкескахъ, а кафтанахъ красныхъ шолковыхъ, шапки малиновые бархатныя съ кисти серебряными, съ околицами еврыи крымскими, саблѣ наголо въ рукахъ держа, по четыре человѣка въ рядъ ѣхали шеренгами съ знамямъ и прапоромъ, съ трубами и лятаврами; за реестровыми три эскадрона: 1) легкоконнаго кіевскаго, 2) легкоконнаго сѣверскаго и 3) ахтырскаго гусарскаго полковъ ѣхали подъ командою подполковника полку кіевскаго легкоконнаго, барона Леонтія Леонтьевича Бенексена, и карета, въ которой изволили сѣдѣть ихъ высочества, а графъ всю узъ карету съ боку верхи ѣхалъ; за сею другіе кареты парадныя графскіе, въ которыхъ сѣдѣли свита ихъ высочествъ, какъ то: господинъ генералъ аншефъ, статсъ дамы, фрейливы, камергеры и протіе, и какъ подъѣхалъ съ взвозу и въ верстѣ второй отъ крѣпости, тутъ другой сигналь ракеткою данъ къ пушечной пальбѣ, и за симъ выпалено на крѣпости изъ ста одной пушки, и начался колокольной звонъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева, при всѣхъ церквахъ и монастыряхъ, ^{взвѣхавши} же ихъ высочества на гору, къ другимъ триумфальнымъ воротамъ, встрѣчени были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ съ штабомъ и баталіономъ. На сихъ воротахъ сверху играла музыка; тутъ не останавливаясь проѣхали ворота.

Отъ сихъ триумфальныхъ воротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги двѣнадцать цеховъ въ ружье съ знаменами до тысячи человѣкъ, между которыми въ срединѣ изволили ѣхать ихъ высочества, а цеховые сѣдѣли на караулъ, по примѣру карабинеровъ ружьемъ. И взѣхавши въ крѣпость, прямо въ Лавру, гдѣ у троичныхъ воротъ, за тѣ ворота вышедши, ожидалъ освященный соборъ во всемъ богатѣйшемъ облаченіи священномъ, состоящій: изъ двухъ митрополитовъ, кіевскаго Гавріила, греческаго Серафима, единого архіепископа греческаго Никодима, и единого епископа Кирилла, двѣнадцати архимандритовъ: 1, печерскаго Зосимы, 2, никольскаго Енихванія, 3, михайловскаго Тарасія, 4, братскаго Касіяна, 5, кирильскаго Кирилла, 6, глуховскаго Мелхиседека, 7, гамалѣвскаго Антонія, 8, батуринаскаго Владимера, 9, густинскаго Елисея, 10, мгарскаго Волошина,

11 и 12, въ лаврѣ живущихъ сербина Витковича и Варсанофія, и многихъ игуменовъ, іеромонаховъ, прогопоповъ, іеродіаконовъ. И какъ только изволили ихъ высочества изъ кареты выйти, митрополитъ кievскій подошелъ съ крестомъ святымъ, которому изволили приложиться, и проговори краткое привѣтствіе, въ передѣ шествовалъ къ церкви сей соборъ, за онымъ изволили ихъ высочества по дорогѣ отъ троїцкихъ воротъ до самой церкви большой, подсланной сукнамы, а по сторонамъ пѣвчіе идучи, кантъ пѣли, которые убрани были въ платье бѣлое, на головахъ лаври, и въ рукахъ несли дѣланные зеленіе пальми. Во входѣ церковномъ окропляемы были святою водою, а по входѣ въ церковь пѣли: *Достойно есть*, и низпущена чудотворная Успенія Богоматере икона, которой изволили прикладываться съ доземными поклонами. Послѣ сего отецъ архимандритъ Зосима показывалъ, препровождая, дорогу къ мощамъ святителя Михаила, оттуда къ гробу преподобнаго Феодосія и къ мощамъ преподобныхъ нечеремныхъ, въ складняхъ частицами вложеннымъ, и къ раки, гдѣ персть архидіакона Стефана и Владимірова глава положени. Окончивши сіе поклоненіе, отецъ архимандритъ довелъ до мѣста уготованнаго пониже праваго крылоса къ стѣнкѣ, которое изъ внѣ обито золотою шарчею суютою, а внутри малиновымъ бархатомъ, съ золотымъ позументомъ съ бахромою, гдѣ ихъ высочества изволили стать. Тогда митрополитъ кievскій подошелъ ближе, говорилъ пространную поздравительную рѣчь съ изъявленіемъ величайшія радости въ высокому посѣщенію ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева. По окончаніи сего, перводіаконъ проговорилъ ектенію и многолѣтствіе, пѣто было оное, а за сѣмъ изволили изъ церкви за арата монастирскіе шествовать таковыиъ-же порядкомъ, какъ и въ монастирь, то есть за препровожденіемъ освещеннаго собора. А во дворецъ ѣхали за тѣми-жъ конвойными командами и между цехами, до дворца построенными шеренгами.

Пріѣхавши во дворецъ и перешедъ залу, въ боковіе изволили пойти покои, въ залѣ-же собрались оба господа фельдмаршалы: Разумовскій и Румянцовъ-Задунайскій, графъ Понятовскій, генералъ Цесарскій, весь генералитетъ, весь штабъ и оберъ-офицеры, малороссійское шляхетство, господня въйтъ съ членами магистрата, и дожидались съ полъ часа, пока изволили войти въ залу, гдѣ жаловали всѣхъ къ рукѣ, въ началѣ оба фельдмаршалы, потомъ графъ Понятовскій и другіе

генерали — польскій и цесарскій и весь генералитетъ, и всё прочіе, здѣсь собравшіесь. Ея высочество каждому подходящегоъ къ рукѣ изволила целовать въ щоку. графъ-же Петръ Александровичъ, со стороны его высочества стоя, подходящихъ представлялъ, кто таковъ, въ томъ числѣ и магистрата кіевскаго войта съ членами. По окончаніи сего со двора вышли всё, только фельдмаршалы и другіе изъ генералитета остались. Въ вечеру того дня съѣхались во дворецъ всё знатнѣйшіе дамы, которые допущены были къ рукѣ ея высочества. Сего вечера иллюминировано было во всёхъ тронхъ частяхъ Кіева, а во дворцѣ садъ весь, разныхъ цвѣтовъ фонарями и плашками, и особливою какъ въ саду, такъ и предъ дворцемъ на площадѣ холщевой трюхасткою, изображающею — на одной Плутона и Прозерпину, съ другими символическими знаками, которая въ прорѣзныхъ каѣгчатыхъ фигурахъ состояла; на другой Нептукъ съ кунидонами изображенъ. Печерская колокольная фигураю пирамиды иллюминирована было.

Сей день ихъ высочества обѣдъ и ужинъ изволили во дворцѣ имѣть.

Сей день оповѣщено его сіятельствомъ магистрату, что завтра, то есть 12-го октября, изволятъ ихъ высочества удостоить магистратъ посвященіемъ на ужинной столъ, почему магистратъ отъ себя чрезъ посланныхъ пригласилъ къ тому столу обоихъ господъ фельдмаршала и графа Понятовскаго, цесарскаго генерала и всёхъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ генераловъ съ ихъ супругами и дочерми на утренній вечеръ.

12-го числа октября мѣсяца, по утру, часу въ 11-мъ, его высочество изволилъ ѣздить осматривать крѣпости печерской верхами, съ Петромъ Александровичемъ и съ генералитетомъ; поворотясь оттуда во дворецъ, накі съ ея высочествомъ въ каретѣ изволили поѣхать въ лавру и на ближнюю пещеру, гдѣ отецъ архимандритъ Зосима въ пещерахъ ихъ высочествамъ предшествовалъ и показывалъ дорогу. Изъ пещеры вышедъ, изволили пойти въ большую церковь: тутъ архимандритъ всё дорогіе утвари и сосуды церковные какъ въ олтартѣ, такъ и въ тезофилакїи открывалъ, объясня притомъ укладчиковъ оныхъ — какъ государей російскихъ, такъ (и прочихъ). Съ большой церкви изволили пойти къ архимандриту въ келїи и тутъ кушали рыбное кушанье, откушавши-же здѣсь изволили поѣхать въ Старый Кіевъ, гдѣ при

въѣздѣ въ оный изъ цунекъ выпалено по военному уставу, и проѣхавъ прямо къ монастырю михайловскому, гдѣ отецъ архимандритъ Тарасій, въ облаченіи, съ іеромонахами и іеродіаконами встрѣтили за брамою, съ крестомъ святымъ, и препроводили въ церковь, гдѣ пѣли крилошане: *Достойно, ектенію* и многолѣтствіе; ихъ высочества изволили прикладыватси мощамъ святія велико мученица Варвары и другимъ новопробрѣтеннымъ святыхъ Пантелѣймона, Харлампія и Спиридона. Послѣ сего отецъ архимандритъ рѣчь говорилъ, и до окончанія той, въ препровожденіи архимандрита съ братією въ облаченіи, за монастырь изволили ити, и отсюда мимо софійскій кафедральной монастырь въ печерскіе ворота и Хрецацкимъ взвозомъ на Подоль. Тутъ у триумфальныхъ воротъ вторая встрѣча была, съ хлѣбомъ и солью, господина войта съ членами магистрата; на воротахъ въ верху играла музыка графа Петра Александровича. Сіи ворота въ живописныхъ картинахъ и строеніи расположенія были таковы. (Здѣсь пропускъ и отхѣтка) *описаніе воротъ триумфальныхъ хрецацкихъ.*

Отъ сихъ воротъ расположилася конница такимъ порядкомъ: предъ воротами къ крещатику командиръ оной, господинъ Копыстенскій предъ фрунтомъ стоялъ на лошади съ обнаженною саблею, въ фрунтѣ стояли знамя и значекъ, трубачи и литаврички, и нѣсколько реестровыхъ по обѣ стороны въ шеренги, протчіе-же по ту сторону воротъ къ городу, въ двѣ-же шеренги, а за ними двѣнадцать цеховъ въ фрунтѣ съ знаменами протянулись по обомъ-же сторонамъ улицы мостовой до покровской церкви. И какъ приближились къ воротамъ, то командиръ конницы саблею честь сдѣлалъ, а господинъ войтъ съ членами подошелъ къ каретѣ, господинъ-же голова поднесъ хлѣбъ-соль такимъ-же порядкомъ, какъ и у первыхъ воротъ, то его высочество при благодареніи изволилъ сказать, изъ кареты выдавшись: „мы ваши гости“; и проѣхавъ ворота между шеренгами, конницы и цеховыхъ, которые на караулъ сдѣлали, изволили пріѣхать въ фроловскій монастырь, часу въ шестомъ пополудни. Тутъ встрѣчу сдѣлалъ съ священствомъ сего монастыря кириловскій архимандритъ, въ облаченіи, и игуменія Калѣстена со всѣми монахинями сего монастыря, и проводивъ къ церкви, гдѣ пѣли монахини: *Достойно, ектенію* и многолѣтіе. Изъ церкви изволили посѣтить игуменскіе келіи, гдѣ и монахини были, и

поелику въ семь монастырѣ многіе суть изъ російскихъ знатныхъ мужей жены и дворяне, то изволили съ ними разговаривать и спрашивать, въ расужденіи монашеской ихъ жизни и монастырскаго поведенія, о многомъ. И такъ побывъ въ семь монастырѣ часа до полутора, въ окончаніи седьмага часа изволили отбыть отсюда, и поѣхали съ Подолу во дворець, а съ ихъ высочествами и графъ Петръ Александровичъ въ одной каретѣ, отъѣзжалъ же изъ монастыря фроловскаго, его сіятельство изволилъ прислать оттуду офицера, поручика Красовскаго, въ магистратъ сказать, что какъ будетъ восемь часовъ, то чтобъ у магистратѣ столъ былъ готовъ и кушанья поставлено бѣ было. До пріѣзду же ихъ высочествъ въ магистратъ, въ седмомъ часу собрались дамы и кавалери, приглашенные отъ магистрата, а именно: графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій, графъ Понятовскій, графъ Цесарскій, изъ генералитета Прозоровскій, два Гудовичи, Намцокинъ, Энгельгардъ, Кульберсъ, Кохіусъ, Бегичевъ, Тучковъ, Мезенцовъ, изъ бригадиръ же Энгельгардъ и Бухгольцъ, дамскіе персони: госпожа Тепловна съ дочерми, госпожа Кохіусова, госпожа Бегичева съ дочерми, госпожа Тучкова съ дочерми, и другіе. Въ сіе время по билетамъ только вступающими были въ магистратъ, какъ изъ гражданъ, такъ и изъ пріѣзжихъ знатныхъ людей, какъ мужеска, такъ и женска полу, то и давали оніе были гражданству, чиновникъ людямъ и ихъ женамъ со взрослыми дѣтьми ихъ, по которымъ какъ госпожа войтица съ дочерью, такъ всѣхъ членовъ магистратскихъ жены съ дочерми и другихъ чиновниковъ присутствовали тутъ, такожь и изъ пріѣзжихъ благородныхъ не мало было.

Въ началѣ же девятаго часа всевождедѣнно изволили пріѣхать ихъ императорскіе высочества, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ въ единой каретѣ, такъ же и придворные. Предъ магистратомъ вся площадь до тѣхъ мѣстъ, пока иллюминація занимала, вся была свободна, потому что въ кругъ сей площади стояли цеховые съ ружьемъ, а другіе съ факелами, и недопускали народу входить сюда.

Иллюминація занимала мѣста на четырнадцать саженой длины, а висоти въ средине шесть съ половиною, по концамъ же верхами по три съ половиною. Въ верху красками изображено было въ промѣняхъ ея императорскаго величества подъ короною везеловое имя, по сторо-

намъ ихъ высочествъ Павла Петровича и Маріи Федоровны, въ среднѣ, пониже ихъ высочествъ, Александра Павловича и Константина Павловича, внизу въ храмѣ жертвенникъ, а на немъ тринадцать сердець пылающихъ, знаменующіе по числу членовъ въ магистратѣ кievскомъ присутствующихъ, по обѣимъ сторонамъ въ храмѣ по шесть человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два человѣка между томами и держащіе въ рукѣ сердце пылающее, а подѣ ногами у всякаго изъ оныхъ ремесла его знаки, въ храмѣ, выше жертвенника, на томахъ, съ единой стороны на право книга высочайшей грамоты, жалованная городу Кіеву, съ завѣсною печатю и съ кистьми, съ левой стороны магистратскій гербъ. За сею иллюминаціею съ низу до верха на полкахъ до тысячи плашекъ горѣло. Вежа иллюминирована была разныхъ цвѣтовъ фонарями. На входѣ въ магистратъ и при всѣхъ дверяхъ въ оной, то есть у пяти мѣстъ, поставлены были реестровіе, а въ первыхъ сѣняхъ, въ рядъ чрезъ оныя, семь паръ, всѣ съ обнаженными саблями, при ладункахъ, которыми и честь дѣлали на караулъ входящимъ ихъ высочествамъ. Предъ магистратомъ встрѣтилъ ихъ высочествъ господинъ войти съ членами магистрата, когда-же изволили ихъ высочества войти внутрь магистрата, гдѣ на всѣхъ переходахъ уложено было красными сукнами, и первѣе въ судейскую палату, которая богатыми коврами постлана была и освѣщена зеркалами, люстрами и многими свѣчами, то немножко походя, обѣ сіи высокіе персони, стали вмѣстѣ о средѣ палаты въ право; тогда бургомистръ Дмитрій Александровичъ, выступя предъ ихъ императорскихъ высочествъ, началъ рѣчь говорить слѣдующую:

Пресвѣтлѣйшій государь!

„Се новая эпоха вѣка нашего, се открылась потомственнымъ вѣкамъ и роду нашему высокочлаивная знаменитость въ память ихъ, се день всевождедѣйнаго посѣщенія вашихъ императорскихъ высочествъ прародительной отчины своей есть сущее наше блаженство: се бо духъ нашъ стремится вверять въ себе всѣ радости знаки, всѣ благодушія виды, всѣ благоденствія чувства. Отроки, юноши, мужи и старцы наши, духъ свой ободряя, виды свои увеличивая, текутъ въ стрѣтеніе ваше, нося благовѣнно усердствующаго въ кротости духа въ видахъ своихъ

радости и веселія знаки, нося, посвящая, тебѣ, о всероссійскаго престола наслѣднице, жертву хваления и благодаренія! Прійми отъ рабовъ твоихъ сіе приношеніе и буди милость твоя на градъ сей и на насъ, якоже уповаемъ“.

По окончаніи рѣчи сей, изволили ихъ высочества, приближась къ говорившему рѣчь бургомистру Александровичу, сказать: „мы довольны вашимъ усердіемъ, мы видимъ, что вы любите насъ и усердно принимаете насъ“, а ея высочество изволила сказать: „мы будемъ помнить ваше усердіе“. И въ сихъ рѣчахъ столь вѣяло высокіе свои виды оказывать изволили. Далѣ начали спрашивать у всѣхъ тутъ вмѣстѣ съ господиномъ войтомъ стоящихъ членовъ о строеніи палатъ магистратскихъ, какъ давно построены, нотомъ о выборахъ бургомистровъ и райцовъ, по баламъ-ли, или голосами избираются, и какъ перемѣняются. На сіе по точности правъ магдебургскихъ отвѣтствовано. Послѣ сего изволилъ его высочество спросить: „гдѣ у васъ хранятся жалованные грамоты и привилегіи“? На сіе когда господинъ войтъ рукою показавъ путь въ скарбовую палату, что онѣ тамъ, а притомъ предшествовалъ самъ, тогда ихъ высочества заразъ изволили въ ту палату пойти, въ слѣдъ за ними и всѣ тутъ бывшіе фельдмаршалы, графы, генералитетъ и дамскіе персоны. Тутъ на переходѣ въ сѣняхъ, на хорахъ, загремѣли состоящая изъ двадцати девяти человѣкъ музыка Петра Александровича. Скарбовая-же сія палата, или приличіе сказать парадная зала убрана была портретами, зеркалами, люстрами, мебелями богатыми, канапами, креслами и освѣщена весьма прозрачно и благолѣпно. И какъ изволили туда войти къ мѣсту, гдѣ сіе сокровище содержится, то господинъ голова Давидовскій открывъ ковчегъ, которой на убранномъ столику, покрытомъ зеленою кожаню наволокою, лежалъ, въ промежуткахъ окна праваго, въ тылу скарбовой палаты, съ высочайшими грамоты. Въ началѣ вынулъ грамоту нынѣ царствующей государини Екатерины второй, императрицы, которую ея высочество разгнувъ читать изволила, а потомъ собственноручный подпись ея величества обое целовать изволили. Далѣй государя Петра Великаго всѣ три имѣющіеся грамоты смотрѣли, потомъ спросили о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича и оную изволили смотрѣть, такожъ и прочіе. Тутъ спрашивали, кто въ подданство Россійское прежде войшоль: Кіевъ-ли, или Ма-

лороссія? На сіе г. голова отвѣтствовалъ, что: одновременно. По семя увидѣвъ государя Петра I-го, императора, особливо магистрату жалованный указъ, за собственноручнымъ подписомъ, оный подписъ оба целовать изволили; потомъ спросяся о привилегіяхъ королей польскихъ, которыя въ лѣвомъ тѣловомъ окнѣ, такъ-же въ ковчезѣ, и на такомъ-же убранномъ столику стояли, не доходя, заразъ изволили сѣсть за столъ, который набранъ былъ на пятьдесятъ кувертовъ, и всѣ приглашенныя дамскіе персоны и кавалеры, до чина полковничья, тутъ кушали. У кресель ихъ высочество, при кушаньи, стояли со стороны великія княгини госпожа войтова, съ женами членомъ магистратовихъ, а отъ стороны великаго князя господинъ войтъ съ членами: ихъ высочества заужиною, кромѣ воды, ничего пить не изволили. При ужинѣ въ разныхъ матеріяхъ съ господиномъ войтомъ и съ членами разговаривать изволили, какъ-то: о войтовствѣ его, какъ войшолъ, и гдѣ женился, а изъ членомъ имекъ и фамиліи изволялъ спрашивать, ея же высочество изволила сказать: „хорошо де насъ кормите и хорошо принимаете“. При окончаніи ужина довольно милостиво изъявивъ свое благоволеніе и удовольствіе магистрату, изволили, вставъ отъ стола, шествовать наки въ судовую палату, гдѣ его сіягельство представилъ ея высочеству госпожу войтову съ прочими членомъ женами и ихъ дочерми, которыя жалованы ея высочествомъ къ рукѣ. Тутъ были и другихъ чиновниковъ магистратскихъ жены съ дочерми, такожъ и пріѣзжіе изъ Россіи и изъ Малороссіи дворянскіе жены. Послѣ сего ея высочество изволила разговаривать съ женами членомъ о платьи ихъ малороссійскомъ, похваляя, что оно покойное и незаботное, не требующее долгого времени для убору, что тутъ булавки ко употребленію не нужны, и изволила спросить, всѣ-ли въ такомъ платьи ходятъ; на что они отвѣтствовали, что старыя только придержатся еще сего природнаго своего платья, а молодыя и дочери ихъ переодѣлись въ нѣмецкое. Потомъ изволила сказать: „мы теперь у васъ очень веселы, но не въ тягость-ли мы вамъ?“ На что бургомистръ Александровичъ отвѣчалъ: „о, ваше императорское высочество, чрезвычайно счастливы мы высокимъ посѣщеніемъ! Предки наши ве имѣли такового счастья“. Поговоря еще нѣсколько времени и усугубивъ свое благоволеніе о удовольствіе, его высочество изволилъ сказать: „объявите всѣмъ гражданамъ

ваше благодареніе“, и въ половинѣ двѣнадцатаго часа изъ магистрата изволили отбыть во дворець, а до того времени цехи и конница въ парадѣ стояли на своихъ мѣстахъ.

На другой день по утру, то есть тринадцатаго октября, господинъ войтъ съ членами ѣздили во дворець благодарить ихъ высочествомъ за милостивое посѣщеніе города и магистрата, гдѣ наки его высочество вновь изволилъ оказать свое благоволеніе и благодареніе гражданству, сказуя: „вы наши хозяева“.

Сего утра, часу въ 10-мъ, его высочество изволилъ смотрѣть двухъ ротъ гранадерскихъ сѣвскаго полку экзерцицію и приеудствовать при разводѣ ихъ, и какъ сего-же дни благоволили ихъ высочества быть на Подолѣ у братскомъ училищномъ монастырѣ, то и наки господинъ войтъ съ членами у триумфальныхъ воротъ встрѣчу дѣлали; кто-же въ сіе время при господинѣ войту, коллежскому совѣтнику Григорію Сидоровичу Пивоварову въ магистратѣ члены были, незапотребно для памяти тѣхъ (которые во все сіе время приеудствовали) здѣсь написать по порядку присутствія ихъ въ магистратѣ; 1) господинъ бургомистръ и городскій голова, бунчуковій товарищъ, Яковъ Ивановичъ Давидовскій; 2) господинъ бургомистръ и депутатъ, бунчуковій товарищъ, Іосифъ Васильевичъ Гудимъ; 3) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Герасимъ Романовичъ Кувичинскій, 4) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Дмитрій Михайловичъ Александровичъ; 5) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Ілля Николаевичъ Сребицкій, 6) господинъ райца, войсковій товарищъ, Петръ Михайловичъ Дубровскій, 7) господинъ райца, войсковій товарищъ, Василій Степановичъ Копистенскій, 8) господинъ райца, войсковій товарищъ, Николай Алексѣевичъ Леоятовичъ, 9) господинъ райца, войсковій товарищъ, Гавріилъ Ивановичъ Ђарило, 10) господинъ райца, войсковій товарищъ, Романъ Даниловичъ Чишинечъ Власенко, 11) господинъ райца, бунчуковій товарищъ, Алексѣй Степановичъ Дмитровичъ, 12) господинъ райца, войсковій товарищъ, Степанъ Ивановичъ Рыбальскій. Всѣ сіи вышеупомянутые члены во все время пріуготовленія и бытія ихъ высочествъ въ Кіевѣ неотлучны были, и во всѣхъ распоряженіяхъ участвовали, у письменныхъ-же дѣлъ тогда были: писарь Василій Григоровичъ Максимовичъ, а реентъ Корушь.

У сихъ воротъ дожидались прїѣзду ихъ высочествъ; такожь конница и цехи такимъ порядкомъ, какъ и вчера расположились, только на воротахъ музыки уже не было, и встрѣчали безъ хлѣба. Въ 11-мъ часу по утру изволили ѣхать въ братскій монастырь; тутъ отъ господина войта и членовъ ихъ высочествамъ сдѣлавъ покловъ, отъ командира конницы саблюю отдана честь, а цеховые сдѣлали на караулъ, и прїѣхалъ къ братскому монастырю, гдѣ отецъ архимандритъ и ректоръ Кассіанъ, съ свѣтымъ крестомъ, съ префектомъ и учителями академіи сей, и другими того монастыря іеромонахами, въ священническомъ облаченіи, свѣтымъ крестомъ ихъ высочествъ за воротами монастырскими встрѣтили, и препроводили въ большую церковь, а студенты отъ воротъ къ церкви стояли въ два ряда, пѣвчіе-же въ бѣломъ платьѣ, съ лаврами на головахъ, а въ рукахъ пальмы держа, по сторонамъ шли и пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь усланъ былъ сукнами, въ церкви ико: *Достойно*, эктеію и многолѣтствіе. Ихъ высочества здѣсь изволили прикладываться чудотворной Вожей Матери икоу, послѣ сего отецъ архимандритъ Кассіанъ говорилъ весьма изрядную рѣчь, а по окончаніи рѣчи предшествовалъ архимандритъ съ іеромонахами и іеродіаконами изъ церкви средними дверьми, а за ними ихъ высочества изволили пойти на верхніе школы, при пѣніи студентами канта, и начавъ отъ философской, чрезъ большую залу и школу богословскую до церкви студенческой, называемой конгрегаціею; изъ церкви сошли на низъ другимъ ходомъ отъ школы риторіи въ монастырь и въ келіи префектовскіе (понеже новостроющіяся архимандритскіе не были отдѣланы келіи). Тутъ академисты мальчики привѣтствіе сказывали по единому семи языки: 1-е по русску, 2-е по польску, 3-е по латинѣ, 4-е по нѣмецку, 5-е по французску, 6-е по еллиногречески, 7-е по еврейску. По сказанію сихъ рѣчей, отецъ архимандритъ поднесъ ихъ величествамъ рукописаніе оды въ тетрадахъ, обложенныхъ парчою, а обоямъ фелдмаршаламъ, графу Понятовскому (его величества король польскаго племяннику), генералисту, тутъ бывшему, зеленою кожею. И за симъ изволили отбыть изъ монастыря, въ провожаніи архимандрита съ соборомъ, и съ пѣвчими, и сѣвъ въ кареты, поѣхали мостовою къ воскресенскимъ воротамъ, а отъ воротъ поворота налево, по надъ каналомъ изъ Бударявца текучой воды, оныя выѣхали на большую мо-

стовую, идущую мимо притисконикольскую церковь, петронавловскій монастырь, и мимо соборноуспенскую и доброниколаевскую церковь, въ триумфальные хрищатскіе ворота и во дворець, реестровая-же конница и цехи до сего времени на своихъ мѣстахъ къ триумфальнымъ воротамъ стояли въ парадѣ.

Ихъ высочества сей день обѣдной столъ имѣть изволили во дворци, а въ вечеру на балѣ и на ужинѣ у его сіятельства, графа Петра Александровича, въ губернаторскомъ дому.

Четырнадцатаго числа октября, то есть въ день рожденія государини, великія княгини Маріи Феодоровны, въ 9-мъ часу поутру, собрался во дворець оба господа фельдмаршала, графъ Понятовскій, графъ Цесарскій, весь генералитетъ, штабъ и оберъ офицеры, малороссійское шляхетство, господипъ войтъ съ членами магистратовими, которое собраніе занимало большую часть залы, часу же въ десятомъ въ предшествіи господъ камергеровъ Юсупова и Куракина, изволили ихъ высочества войти въ залу, гдѣ отъ всѣхъ члнствъ ея высочеству приносими были поздравленія и всѣ жалованы къ рукѣ.

По окончаніи сего изволили поѣхать въ софійскій кафедральный монастырь на литургію. Тутъ митрополитъ кіевскій, съ трома другими архіереями, и восемь челоувѣкъ архимандритами, и протчимъ духовенствомъ, въ облаченіяхъ, встрѣтили за мапастрекими воротами, и препроводя въ большую церковь, начали шѣть службу Божию. Ихъ императорскіе высочества стояли въ церквѣ на уготованномъ, богато убранномъ мѣстѣ, гдѣ правій крылась стоялъ, и слушали литургію весьма внимательно и благоувно, дѣлалъ ежечаго поклоненіе крестное, полагая на челахъ своихъ прямій крестъ. По окончаніи литургіи приличную сему торжеству и сему случаю бытія ихъ высочествъ въ Кіевѣ, весьма хорошую говорили проповѣдь михайловскій отецъ архимандритъ Тарасій. По окончаніи литургіи молебствіе съ пшечною съ обѣяхъ крѣпостей пальбою; по молебствіи изволили ихъ высочества приглядываться къ мощамъ святителя Макарія, и другимъ, въ ковчезнахъ здѣсь поставленнымъ; потомъ митрополитъ кіевскій говорилъ ея высочеству поздравительную рѣчь, и въ провожаніи онаго изъ церкви изволили пойти въ архіерейскіе келіи. Тамъ накороткѣ побывавши, отбыли во дворець. Во дворцѣ обѣдали съ ихъ высочествами до полковничьяго

сына, а съ духовенства четыре архiereи, да печерскій архимандритъ. Въ вечеру во дворцѣ былъ балъ; иллюминаціи, такъ какъ и всякую ночь въ бытность ихъ высочествъ въ Кіевѣ, во всѣхъ троицхъ частяхъ Кіева и во всѣхъ мѣстахъ приготовленныхъ была. Въ 11-мъ часу сего вечера предъ дворцемъ зажженъ былъ фейерверкъ, весьма богатый и изрядный, за который офицеру конной роты, порутчику Крупяникову, дѣлавшему оный, позволили ихъ высочества пожаловать сто червонцевъ и табакерку. Въ сей день на богадѣльни и вдовамъ раздавала была милостина, въ томъ числѣ и на городовую подольскую богадѣльню изъ числа двохъ сотъ рублей, выданныхъ на всѣхъ, 30 р. дано, такъ же двоимъ женскимъ монастырямъ: іорданскому и богословскому жаловано по сто рублей ассигнаціями, а ея высочество изволила дать своего платья парчевую пару.

Пятнадцатаго числа октября былъ день отъѣзда ихъ высочествъ съ Кіева, толь всѣмъ прискорбей, сколь до сего всѣ радовались, видя наследнаго своего государя ко всѣмъ милостива, кротка, любезна, а равныхъ качествъ и супругу его, государиню милостивую, добродѣтельную, ко всѣмъ благосклонну, а что ихъ высочествамъ самимъ Кіевъ понравился, сами въ томъ изволили призвать, а особливо въ отъѣздѣ свидѣтельствовали ихъ слезы въ очахъ бывшіе и рѣчь выговоренная митрополиту Гавріилу: „жаль де намъ съ вами разставатся“, что въ своемъ мѣстѣ написано будетъ. Когда сей день, столь болѣе чувствителенъ былъ въ скорби, сколь день пришествія ихъ императорскихъ высочествъ въ Кіевъ радостенъ, сего безъ слезъ и печали описать не можно: одиннадцатое октября былъ праздникъ веселія, триумфа и торжества, а пятнадцатое того-жъ октября сдѣлалось печалью. Почему? — Потому, что тогда мы увидѣли своего наследнаго государя и дражайшую его высочества супругу, ихъ же видѣть желала душа наша; нынѣ, увидѣвъ и дознавъ высокіе милости и любовь ихъ къ намъ, видимъ вмалѣ отлучающихся отъ насъ. Но Богъ да пошлетъ имъ въ пути ангела своего свята, хранителя мирна, и будемъ молить Его, чтобъ сподобились и слышать и видѣть впредъ наследнаго своего государя, великаго князя Павла Петровича и дражайшую супругу его, государиню, великую княгиню Марію Федоровну въ отечествіи своемъ здравихъ и покрываемыхъ всеюю божескою благодіею.

Пятнадцатое числа по утру, въ восьмомъ часу, собрались во дворецъ всѣ чины вышепрписанные и дожидались въ залѣ, а въ девятомъ часу изволили выйти ихъ высочества изъ своихъ чертоговъ въ залу, и поклонясь всѣмъ, простылись съ слезами, и сѣвъ въ дорожную карету, поѣхали чрезъ крѣпость прямо въ лавру, за прежними всѣхъ вышепрписанныхъ командъ передовыми конвоями, майстратовою конницею и пѣхотными цехами, стоящими отъ дворца къ крѣпости въ парадѣ. Подъѣзжая же къ крѣпости, началась пальба на валу изъ пушекъ, а приѣхавъ къ троицкимъ печерской лавры воротамъ встрѣтилъ архимандритъ Зосима съ своимъ соборомъ, въ священномъ облаченіи, и препроводилъ ихъ императорскихъ высочествъ въ большую церковь, гдѣ заразъ начался о путешествіи молебенъ, а ихъ высочества изволили стать въ своемъ мѣстѣ. По молебствіи прикладывались чудотворной успенія Богоматери икопѣ. Тутъ ея высочество изволила во украшеніе церкви печерскіи архимандриту дать икопу, въ четверть листа, въ драгоценномъ окладѣ, въ брилліантахъ и другихъ дорогихъ камняхъ, изображающую Христа Спасителя, ищѣящаго больнаго. По семъ отъ лица лавры говорилъ рѣчь типографъ и проповѣдникъ Теофанъ, пришея благодареніе за высокое посвщеніе ихъ высочествъ святыхъ мѣстъ сихъ; по окончаніи рѣчи, за препровождающимъ архимандритомъ, съ соборомъ, изволили изъ церкви выйти за монастырь до кареты (тутъ опять началась пушечная пальба). Изъ крѣпости изволили слѣдовать на выѣздъ къ Василькову къ триумфальнымъ воротамъ; не доѣзжая-жь сихъ, на пути остановились у пущаго двора и ходили въ арсеналь; тамъ съ полчаса (осматривали онаго) помѣшкавъ, вышли и сѣвъ въ карету, доѣхали до триумфальныхъ воротъ. Тутъ дожидались митрополитъ Гавріилъ въ мантіи и подносилъ ихъ высочествамъ на пути хлѣбъ и соль, а съ нимъ епископъ Кирилъ и архимандриты; тутъ ихъ высочества остановясь вышли изъ кареты и прощаясь съ митрополитомъ, его высочество изволилъ сказать: „жалъ намъ съ вами разставаться“. Сѣвъ въ карету, поѣхали ворота (Пропущено описаніе воротъ).

Проѣхавши-жь отъ сихъ воротъ съ полверсты, конница наша воротилась назадъ, потому что придворной лакей, прискакавши къ предводителю оной, сказала: „просить его высочество воротится вамъ“. И такъ ихъ высочества часу въ первомъ по полудни отъ сихъ воротъ

къ Василькову путь воспріали, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ, провожающій, поѣхалъ. Въ Васильковъ пріѣхали часу въ пять по полудни. Тамъ его высочество, прохаживаясь въ ономъ городку и отлучась одинъ съ придворнымъ лакеемъ взшелъ въ одинъ убогій домишокъ, гдѣ церковный паламарь живетъ, изволилъ тому паламарю сказать, поведи де меня къ самымъ бѣднымъ, у васъ живущимъ людямъ. Паламарь, вѣдая своихъ убогихъ людей, къ нимъ и повелъ, и перваго мужичка застали, хижину свою накрывающаго соломой, котораго его высочество изволилъ спросить, чей онъ подданный?—отвѣтствовалъ: пещерскаго монастыря.—Хорошо-ли вамъ жить?—отвѣтствовалъ: добре пане, и сему пожаловалъ имперіала. Отсюду къ другому мужику, и сему пожаловалъ колумперіала; назадъ воротясь, изволилъ зайти опять къ паламарю, которому пожаловалъ имперіала. Здѣсь въ Васильковѣ изволили имѣть ночлежь, а на другой день, то есть октября шеснадцатаго, часу въ 9-мъ по утру, изволили путь свой воспріять за границу, въ Позцу, къ первому хѣстенку польскому Фастову. Тутъ на виѣздѣ изъ Василькова старый отставной солдатъ купилъ на базарѣ на двѣ копейки ржаной хлѣбъ и ступку соли, поднесъ ихъ высочеству, на пути уже ѣхавшимъ, за что оному солдату пожаловали имперіала.

Графъ Петръ Александровичъ, проводивъ ихъ высочества, возвратился въ Кіевъ 17-го октября, по того-же числа два письма—одно отъ ея высочества, а другое отъ его высочества писанине къ нему изъ Жидовець, получивъ, съ которыхъ копіи подъ симъ приобщаются.

Изъ Жидовець октября 16-го 1781 года.

Графъ Петръ Александровичъ!

При самомъ оставленіи нашей границы, я считаю моимъ долгомъ изъявить мое благодареніе за хорошія пріютотворенія, вами учиненныя, для проѣзда нашего чрезъ Малороссію. Въ семъ пощеченіи видѣла я поный и пріятнѣйшій знакъ вашего къ намъ усердія; такъ-же прошу васъ засвидѣтельствовать малороссійскому дворянству мою благодарность за пріемъ отъ нихъ сдѣланный, который не престану въ памяти моей съ удовольствіемъ сохранять, въ прочемъ пребываю я ваша благоклонная.

Подлинное подписано собственною ея императорскаго высочества рукою.

ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Оставивъ сего дня границу, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ изъяснить вамъ мое искренное благодареніе за труды и попеченія ваши во učinенныхъ вами хорошихъ прѣготовленіяхъ для моего проѣзда чрезъ Малороссію, не меніе признаю я себя обязаннымъ оказать вамъ то совершенное удовольствіе, съ каковымъ примѣтить я желаю порядокъ и благоустройство, во всѣхъ частяхъ оной вами введенныя; съ отъвѣною чувствительностію видѣлъ я знакъ усердія малороссійскаго дворянства, — пріемъ намъ отъ оныхъ сдѣланный. При изъясненіи моей благодарности оному, прошу быть истиннымъ истолкователемъ моихъ чувствованій и расположенія. Въ прочемъ пребываю я вамъ благосклонный.

Подлинное подписано собственною его императорскаго высочества рукою.

Библиографія.

Акты, издаваемые виленскою археографическою комиссіею. Т. XII. Акты главною литовскаго трибунала. В. 1883. XX+651+67. Ц. 2 р.

Почти каждые два года появляется въ свѣтъ новый томъ означеннаго изданія. Въ общемъ составѣ актовъ, издаваемыхъ комиссіею, этотъ томъ представляетъ собою *вторую часть актовъ главною литовскаго трибунала*, служившаго высшимъ апелляціоннымъ судилищемъ края.

Въ настоящій томъ вошло 136 документовъ, изъ коихъ 99 относятся къ исторіи западно-русской церкви; 23—къ исторіи евангелической церкви или кальвинизма; остальные 14 представляютъ *духовныя заповѣданія*. Матеріалы, относящіеся къ исторіи западно-русской церкви, начинаются лишь съ половины XVIII вѣка, притомъ значительная часть ихъ касается *экономическаго и юридическаго* положенія духовныхъ учреждений—монастырей и церквей, которыя нерѣдко подвергались тогда опасностямъ и захватамъ со стороны шляхты въ своихъ имущественныхъ правахъ, а это было время крайняго произвола и безправія въ Рѣчи Посполитой. Въ настоящемъ случаѣ достаточно замѣтить, что, по возникшемъ тогда искамъ, 13 монастырѣвъ была присуждена значительная по тому времени сумма—144,260 польскихъ злотыхъ, 4,445 талеровъ и 100 червонныхъ злотыхъ. За небольшимъ исключеніемъ, монастыри и церкви, къ которымъ относятся акты, издаваемые въ разсматриваемомъ томѣ (до 33-хъ), принадлежали уже *унитскому исповѣданію*. Но уніи дѣлала все большіе успѣхи (№ 12), а многочисленные ревнители ея продолжали поддерживать это движеніе новыми, значительными пожертвованіями и дарованіемъ новыхъ льготъ въ пользу ея учреждений (до 20 актовъ). Чтобы отстоять свое существованіе, православному духовенству приходилось обращаться за помощію къ цокровительству

сильныхъ, каковы напр. просьба случкаго духовенства (1768 г.), посланная въ Варшаву, бывшему въ то время тамъ генеральному сеймовому маршалу коронной провинціи, князю Карлу Радзивилу, какъ пріемнику случкихъ князей, древнихъ фундаторовъ этихъ церквей. Просьба эта состоитъ изъ 26 пунктовъ и обнимаетъ весь экономическій и юридическій бытъ послѣднихъ. Нѣкоторые изъ нихъ касаются произвольныхъ дѣйствій *евреевъ-арендаторовъ*. Чтобы охарактеризовать ближе эти отношенія, укажемъ на одинъ изъ пунктовъ, какъ весьма характерный по своей крайней грубости. Въ отвѣтъ по этому пункту, князь Радзивиль объясняетъ, что ему ничего неизвѣстно было о дерзкихъ поступкахъ арендаторовъ-жидовъ, но онъ пошлетъ распоряженіе, чтобы арендаторы не смѣли шарить въ карманахъ духовенства, возвращающагося съ дарами послѣ совершенія *требъ*. Въ особомъ пунктѣ духовенство ходатайствуетъ о возвращеніи ему плаца, на которомъ стоялъ прежде судовой домъ, извѣстный подъ названіемъ митрополычьяго, отнятаго управленіемъ князя подъ театръ. Вообще князь Радзивиль отнесся съ сочувствіемъ къ просьбѣ духовенства и обѣщавъ разсмотрѣть или удовлетворить его желанія.

Второй отдѣлъ актовъ посвященъ состоянію *евангелическихъ общинъ* въ Литвѣ съ начала XVII до первой четверти XVIII стол. вѣлчительно. Главнымъ образомъ они также касаются матеріальнаго обезпеченія этихъ общинъ, а самыми ревностными покровителями ихъ нерѣдко являются представители мѣстнаго знатнаго шляхетства (какъ Янъ и Криштофъ Радзивилы и др.). Другіе изъ этихъ актовъ касаются отношеній католицизма къ евангелическому ученію и его послѣдователямъ. Таковы: 1) дѣло о богохульствѣ (1672 г. № 113); 2) дѣло о совершенномъ разрушеніи евангелическаго собора въ Вильнѣ (причемъ церковь, зданія, имущество, даже кладбище были уничтожены или разграблены), произведенномъ иезуитами, студентами академіи, францисканцами, ремесленниками, съ участіемъ даже евреевъ, при явномъ поощреніи городскаго магистрата (№ 116, 1682 года); оно окончилось до извѣстной степени въ пользу потерпѣвшихъ, благодаря участію къ нему короля Яна III (Собѣскаго); 3) дѣло объ истязаніи должностными лицами управляющаго дворцомъ княж. Радзивиловыхъ, маркграфини заненбургской, 80-ти лѣтнаго старика—*кальвиниста* Станислава Словинскаго (1684 г., № 115). Замѣчательно, что въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ лица, наиболѣе виновные и подвергшіеся болѣе строгому приговору (смертной казни), оказались невинными въ судѣ и потому были осуждены на изгнаніе. Не смотря, однако, на подобныя отношенія двухъ враждебныхъ исповѣданій, даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ (какъ

приговоръ надъ цѣлою общиною за *стрѣляніе въ католическій кругъ*, послѣдствіемъ чего были присужденіе обвиняемыхъ въ смертной казни, конфискація имущества и закрытіе общины), можно было посредствомъ денегъ и записи имущества (въ пользу епископа и мѣстнаго чашника, взявшаго на себя посредничество) достигнуть совершенной отмѣны приговора и восстановленія прежнихъ правъ.

Нельзя не отмѣтить существенной черты въ актахъ, относящихся къ евангелическимъ общинамъ въ Литвѣ: тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ имущественномъ обезпеченіи ихъ, мы постоянно встрѣчаемся съ заботами о школахъ, госпиталяхъ и богадѣльняхъ (№ 103, 106, 118, 119, 120, 121).

Послѣдній отдѣлъ актовъ, заключающій въ себѣ духовныя завѣщанія съ 1612—1797 г., знакомитъ насъ съ потомками древнихъ богатыхъ фамилій вел. кн. Литовскаго, оставшимися вѣрными православію; съ ихъ достатками, отношеніями, міросозерцаніемъ и нравами (напр. въ нихъ говорится о *завѣздахъ* для удержанія имѣнія въ родѣ, въ случаѣ отступленія отъ вѣры; многочисленная прислуга отпускается на свободу). Лица униатскаго исповѣданія поручаютъ опекунамъ отослать дѣтей для обученія въ виленскій *іезуитскій коллеіумъ*. Распоряженія послѣдователи евангелическаго ученія отличаются нѣкоторымъ аскетизмомъ въ отношеніи обряда погребенія и т. п. (№ 128). Въ числѣ завѣщаній лицъ *католическаго* исповѣданія обращаютъ на себя вниманіе, болѣе по историческому значенію имени, чѣмъ по содержанію, два духовныхъ завѣщанія двухъ родныхъ братьевъ, маршалка унитскаго по вѣта, *Андрея* (1668 года, № 131) и унитскаго же городского писаря *Ивана* (1672 г., № 132) — *Курбскихъ Ярославскихъ*, сыновей унитскаго подкоморія Дмитрія и знаменитаго московскаго выходца — князя Курбскаго. Въ этихъ завѣщаніяхъ упоминается о женахъ завѣщателей и сестрѣ ихъ — Аннѣ — Курбской Ярославской, бывшей два раза замужемъ, а также о братанчикахъ, но ничего не говорится о третьемъ братѣ, о которомъ Устряловъ сообщилъ свѣдѣнія на основаніи актовъ московскаго архива иностран. дѣлъ, доходящіи до 1687 года.

Изъ остальныхъ актовъ этого отдѣла заслуживаетъ вниманія завѣщаніе гетмайора королевскихъ войскъ Эриста Корфа (1680), въ которомъ онъ рассказываетъ всю свою жизнь, полную приключеній, какими отличались тогда люди военнаго сословія, перебивавшіе на службѣ въ разныхъ государствахъ и до конца оставшіеся вѣрными себѣ. Изъ такого же бродячаго элемента, разсѣявшагося по всей Европѣ послѣ тридцатилѣтней войны, набирались офицеры и вапраны въ московскія войска, въ царствованіе Алексѣя Михайловича и его ближайшихъ преемниковъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ разсмотрѣннаго нами тома *виленскихъ* актовъ. Нѣтъ сомнѣній, что они знакомятъ съ весьма выдающимися сторонами тогдашняго политическаго и общественнаго быта Западной Россіи; но, кромѣ того, они представляютъ значительный юридическій интересъ, котораго мы не считали нужнымъ касаться здѣсь въ отдѣльности. Къ настоящему тому приложены указатели: личныхъ именъ, географическихъ названій и предметовъ.

В. И.

Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г.—Замостье.

Церковныя братства пользуются у насъ столь малою извѣстностію, что нельзя говорить о дѣятельности какого либо изъ нихъ, не коснувшись, такъ сказать, его исторіи, не сказавши о его происхожденіи и судьбѣ, а подѣ часть и о мѣстѣ, въ которомъ оно находится. Скажемъ по этому нѣсколько словъ о братствѣ замостьскомъ прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію его отчета.

Исторія замостьскаго братства и очень коротка, если разумѣть его въ нынѣшнемъ его видѣ, и очень длинна, если говорить объ немъ, какъ вообще о религіозно-благотворительномъ учрежденіи г. Замостья: въ нынѣшнемъ видѣ братство существуетъ лишь съ 1876 г., а какъ братство вообще оно ведетъ свое начало съ конца XVI в.

Замостье, какъ извѣстно, находится въ люблинской губерніи, въ правислянскомъ уѣздѣ. Не смотря на то, что край этотъ доселѣ еще удерживаетъ названіе Царства Польскаго, территорія замостьскаго вѣками занята была русскими поселеніемъ и въ официальныхъ польскихъ актахъ XIV ст. носитъ названіе Русн. Во второй половинѣ XVI ст., въ полуверстѣ отъ нынѣшняго города, гдѣ былъ одно изъ его предмѣстій, такъ называемая Новая Осада, было чисто русское поселеніе, имѣвшее у себя церковь Вознесенія Господня, а при ней братство, шпиталь и школу. Графъ Янъ Замоискій, заложивши близъ этого мѣста въ 1580 г. городъ, названный его именемъ, исключоталъ отъ короля и далъ отъ себя нововозникшему городу различныя льготы торговли, а это привлекло къ нему скоро множество поселенцевъ, главнымъ образомъ торговаго люда. Въ числѣ ихъ преобладали греки и русскіе, и они-то на первыхъ порахъ своего поселенія построили здѣсь церковь во имя св. Николая, уцѣлѣвшую и доселѣ, а при ней учредили братство, утвержденное грамотою Гедедона Балабана, епископа львов-

скаго 1600 г. Братство это, возникшее и развившееся подъ вліяніемъ охраны вѣры и народности русской отъ посягательства латинно-польской пропаганды, болѣе ста лѣтъ вело съ нею упорную борьбу и измѣнило вѣрѣ отцевъ лишь къ концу первой четверти XVIII в., а свое существованіе въ измѣненномъ видѣ прекратило на нашихъ глазахъ, когда не стало ни одного почти уніата въ приходѣ древней никольской церкви, а существовалъ при ней только по имени уніатско-русскій, на самомъ же дѣлѣ польско-католическій монастырь.

Такова вкратцѣ судьба древняго замостьскаго братства; оно имѣло свою исторію и въ нашихъ рукахъ нѣсколько записей его, свидѣтельствующихъ о его дѣятельности. Нынѣшнее замостьское братство, котораго послѣдній годичный отчетъ предъ нами, учреждено, какъ выше сказано, въ 1876 г. Учрежденіе его, какъ писалъ намъ въ свое время его первый предсѣдатель, было осуществленіемъ проэкта учрежденія братства въ г. Холмѣ, представленнаго тамошнимъ православно-уніатскимъ обществомъ епархіальному начальству еще въ 1871 г., но неутвержденнаго по обстоятельствамъ тогдашней нашей политикѣ относительно уніатовъ. Въ 1875 г. послѣдовало, какъ извѣстно, воссоединеніе уніатовъ Царства Польскаго съ православною церковью, и новый архіепископъ холмско-варшавскій самъ указалъ замостьскому русскому обществу на осуществленіе проэкта, задуманнаго въ Холмѣ, гдѣ братство открыто лишь два года назадъ сему. Тамъ и здѣсь братства являются не новыми учрежденіями, а возстановленіемъ того, что существовало цѣлыя столѣтія, мѣнялось и погибло подъ давленіемъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ религіозно-національной борьбы. И если вникнуть въ причины, вызвавшія возстановленіе этихъ братствъ, то окажется, что онѣ одинаковы почти съ тѣми, которыя вызвали въ первоначальной жизни эти учрежденія въ давно прошедшее время. Таже борьба за духовное существованіе, за цѣлость вѣры и народности нашей и тѣ-же посягательства на нее, и тѣ-же вѣковые факторы этой борьбы. Вся разница лишь въ томъ, что противная намъ сторона утратила совершенно политическую свою силу, но выросла традиціею и совершенными ею на нашъ счетъ завоеваніями и что прежде намъ надо было охранить отъ систематическаго подавленія православіе и народность, а теперь надо возводить ихъ изъ состоянія совершеннаго упадка, поддѣрживать и поддерживать и способствовать постепенному ихъ росту. Вѣковое зданіе народной жизни нашей на этой оградѣ, подъ напоромъ историческихъ бурь, рухнуло и теперь надо воздвигать его изъ обломковъ отъ самаго почти основанія. Такова здѣсь задача всего нашего общества, такова въ частности и въ миньютюрѣ задача и названныхъ нами братствъ!

Мы имѣли случай говорить о томъ, какъ стремится въ этой задачѣ братство холмское, суди по его отчету за минувшій годъ; теперь намъ приходится говорить о дѣятельности въ этомъ отношеніи братства замостьскаго.

Само оно говоритъ, что дѣятельность его въ отчетномъ году выразилась въ слѣдующемъ: 1) въ назначеніи пособій, въ видѣ премій, учителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ, наиболѣе ревностно относящихся къ дѣлу народнаго образованія въ русскомъ направленіи и содѣйствующимъ къ укрѣпленію воссоединившихся униатовъ въ православніи; 2) въ поощреніи, выдачею премій, псаломщиковъ особенно усердно занимающихся обученіемъ церковному пѣнію и устройствомъ хоровъ въ приходскихъ церквяхъ; 3) въ оказаніи пособій бѣднѣйшимъ ученикамъ народныхъ училищъ, прилежно посѣщающимъ школу и церковь, въ особенности участвующимъ въ церковныхъ хорахъ, а также въ оказаніи пособій ученикамъ ремеслъ; 4) въ выдачѣ пособій бѣднѣйшимъ православнымъ изъ крестьянъ; 5) въ распространеніи въ народной средѣ православныхъ крестиковъ, образковъ, иконъ и пр.

Въ приведенныхъ словахъ и программа братства и ея исполненіе. Последнее вызвало со стороны братства расходъ въ 584 р. 91 к., изъ которыхъ 150 р., розданные бѣднымъ въ церквяхъ замостьскаго благочинія, въ день коронаціи, составляютъ расходъ экстраординарный, остальные—обыкновенный. Сверхъ денежныхъ выдачъ, братство роздало 3800 экземпляровъ изображеній Кирилла и Меѳодія, брошюръ о божественной литургіи и какихъ-то картикъ патріотическаго содержанія, а также продало по уменьшенной цѣнѣ болѣе 3500 крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ и проч. Премій и пособій братства шли въ размѣрѣ отъ 2 до 30 р. Учителямъ выдано 150 р., псаломщикамъ 150 р., ученикамъ 77 р. 91 к. и бѣднымъ крестьянамъ 57 р. Общій приходъ братства, съ остаткомъ отъ предыдущаго года, составилъ 4,446 р. 21 к., а расходъ 3,984 р. 81 к. Братство имѣетъ, кромѣ того, каменный 2-хъ этажный съ флигелемъ домъ, дающій 600 р. годоваго дохода, запасной капиталъ въ 3000 р. и лавку, стоимостью въ 1350 р. 18 к.

Если принять во вниманіе, что это существуетъ на отдаленной западной окраинѣ, въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ и держится горстью служащихъ тамъ русскихъ, то нельзя не признать самаго факта въ высокой степени отраднымъ, а дѣятельности трудящихся весьма почтенною. Какъ-бы ни были малы средства этого небольшого кружка русскихъ людей, какъ-бы ни была ограничена ихъ дѣятельность, она имѣетъ глубокія историческія основанія, цѣль ея высоко патріотическая и нельзя не относиться къ ней съ полнымъ уваженіемъ и живѣйшимъ сочувствіемъ.

Тѣмъ отрадиѣ вамъ видѣть эту скромную дѣятельность, что она служитъ продолженіемъ давно замершей на этой окраинѣ русской жизни.

Присматриваясь вѣскольکو ближе къ этой дѣятельности, какъ она очерчивается сухимъ и краткимъ отчетомъ, не можемъ не высказать относительно ея нѣскольکو замѣчаній, надѣясь, что совѣтъ братства не усмотритъ въ нихъ ничего болѣе, кромѣ полного уваженія къ его высокой задачѣ, какимъ, конечно, и самъ онъ проникнуть.

Сопоставляя эту задачу съ дѣятельностію братствъ, какъ она имъ самимъ показана, и тѣми средствами, какія оно избрало на это только или и на дальнѣйшее время, мы можемъ сказать, что между ними нѣтъ полного соответствія, что братство не исчерпываетъ возможныхъ для него въ избранномъ направленіи дѣйствій, что нѣкоторые изъ его средствъ расходуются безъ особой нужды, иные недостаточны для преслѣдуемыхъ цѣлей и вообще не показываютъ, чтобы братство было во всеоружіи своихъ средствъ, а быть можетъ и въ полномъ живомъ сознаніи своихъ священныхъ обязанностей. Подтвердимъ это доказательствами, изъ отчета взятыми, въ связи съ другими доступными намъ свѣдѣніями.

Братство не указываетъ района своихъ дѣйствій, но по нѣкоторымъ даннымъ отчета догадываться можно, что этотъ районъ ограничивается предѣлами замостьскаго благочинія, или что то-же замостьскаго уѣзда, такъ какъ тамъ уѣзды небольшіе и заключаютъ въ себѣ по одному лишь благочинію. Дѣйствуя въ этомъ районѣ въ видахъ поддержанія и укрѣпленія православія и русской народности, братство проявило свою дѣятельность выдачею премій хорошимъ учителямъ, хорошимъ псаломщикамъ и хорошимъ ученикамъ, выдачею пособій бѣднымъ крестьянамъ, бесплатною раздачею и продажею по уменьшенной цѣнѣ крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ и пр.

Собственно говоря, дѣятельности тутъ не много: братство собираетъ и распределяетъ деньги, какъ ему кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ. Конечно, и это заслуга; но главное въ томъ, на что обратить собранныя средства. Братство назначаетъ преміи учителямъ и какъ-бы говоритъ имъ: вы дѣйствуйте за меня, — учите въ русскомъ направленіи, содѣйствуйте укрѣпленію воссоединившихся въ православіи, а я буду давать вамъ за это деньги. Конечно для бѣднаго сельскаго учителя, при жалованьи въ 150 и много 200 р. въ годъ, — находка и 30 и 20 р., — выше этой нормы братство не идетъ; но во 1-хъ мы не можемъ представить себѣ тамошняго учителя дѣйствующимъ въ направленіи не русскомъ, во 2-хъ аттестацію дѣйствующихъ въ задачахъ братства учителей оно получаетъ отъ начальника учебной дирекціи, а не по непосредственному наблюденію, начальникъ-же учебной дирекціи, по огромному

числу училищъ и учителей (ихъ тамъ до 400), едва-ли въ состояніи видѣть каждая изъ нихъ и одинъ разъ въ годъ, а въ 3-хъ въ распоряженіи начальника учебной дирекціи есть значительная сумма (2 т. р. въ годъ), назначаемая главнымъ образомъ на награды и пособія учителямъ, не считая остаточныхъ училищныхъ суммъ, въ холмской дирекціи довольно иногда значительныхъ. Мы, конечно, не противъ этого расхода, крайне при томъ ограниченнаго, но думаемъ, что учебная дирекція и училищныя общества располагаютъ гораздо болѣе средствами для награжденій и поощреній учителей, нежели братство, и если послѣднее само указываетъ въ отчетѣ на ограниченность своихъ средствъ, то не естественнѣе-ли было-бы ему, устроить, за посредствомъ своихъ членовъ, наблюденіе надъ состояніемъ сельскихъ училищъ, самому рекомендовать дирекціи и училищнымъ обществамъ дѣйствующихъ съ особымъ успѣхомъ въ цѣляхъ братства учителей, ходатайствуя объ ихъ награжденіи.

Братство назначало въ такихъ-же размѣрахъ преміи псаломщикамъ за обученіе церковному пѣнію и устройство хоровъ. Нечего и говорить о томъ, что оно имѣетъ въ семъ случаѣ вѣрный взглядъ на дѣло: хорошее, благоговѣйное пѣніе скорѣе всѣхъ другихъ средствъ привлечетъ къ церкви отпавшихся тамъ во множествѣ прихожанъ; оно одно въ состояніи было-бы прекратить воздыханія о вынесенныхъ изъ церкви органахъ. Справедливо и то, что обученіе церковному пѣнію и устройство церковныхъ хоровъ лежитъ на прямой обязанности псаломщиковъ и что всякій трудъ въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ особаго поощренія. Мы не доумѣваемъ только, не види въ столь важномъ дѣлѣ участіи учителей, которые въ прежнес время одни несли на себѣ этотъ трудъ, были въ большинствѣ нарочито къ этому подобраны, подготовлены и снабжены всеми необходимыми средствами. Опять-же и въ этомъ случаѣ братство дѣйствуетъ не по собственному наблюденію, а по указанію благочинныхъ, и въ своемъ краткомъ отчетѣ ничего не говоритъ о дѣйствіяхъ награжденныхъ имъ за этотъ полезный трудъ. Понятно, что, располагая малыми средствами, братство должно сообразовать свои дѣйствія въ этомъ отношеніи съ дѣйствіями другихъ учреждений, особливо съ дѣйствіями школы, гдѣ пѣніе вообще и въ частности церковное—предметъ обязательный.

Братство давало пособія бѣднѣйшимъ учащимся; но и частные размѣры этихъ пособій (2 и 3 р.) и общая ихъ сумма (77 р. 71 к.) такъ незначительны, что едва-ли этимъ сколько-нибудь удовлетворена дѣйствительная потребность такого рода въ избранномъ братствомъ районѣ, и особливо, если принять въ расчетъ, что большая половина общей суммы (39 р. 91 к.) выдана въ однѣ руки — окончившему курсъ про-

гимназіи. Братство, какъ-бы въ полсненіе столь крупнаго по его средствамъ расхода, прибавило въ отчетѣ, что это бывший его воспитанникъ, и хотя изъ этого случайнаго указанія можно было-бы заключать, что братство имѣеть своихъ воспитанниковъ, но никакихъ другихъ указаній и расходовъ на этотъ предметъ въ отчетѣ не находимъ. Намъ припоминается при этомъ, что въ Замостьѣ, въ слѣдъ за учрежденіемъ тамъ въ 1867 г. мужской прогимназіи, была учреждена на частныя средства услыми лицъ учебнаго вѣдомства квартира для бѣдныхъ учениковъ, въ которой до 30-ти дѣтей, преимущественно крестьянскаго званія, получали полное содержаніе квартирою, столомъ, одежою и обувью, книгами и учебными пособиями, пользуясь кромѣ того особымъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ; съ такимъ-же содержаніемъ и числомъ учениковъ, учреждена была квартира въ сосѣднемъ г. Грубешовѣ при тамошней прогимназіи, а позже въ самомъ Холмѣ для учениковъ изъ галичанъ, поголовно бѣдныхъ. Цѣль этихъ квартиръ была привлечь въ прогимназіи и для дальнѣйшаго образованія дѣтей кореннаго русскаго населенія, дотолѣ задавленнаго и на половинну ополченнаго, утратившаго по мѣстамъ даже сознаніе своей народности. Гдѣ теперь эти учрежденія и что съ ними? Число русскихъ теперь тамъ больше, сознаніе ихъ можетъ быть крѣпче, а дѣятельность ихъ, по видимому, уже, слабѣе и жертвы ихъ на то же дѣло значительно меньше. — Въ числѣ получившихъ пособіе отъ братства учащихся значится особо два ученика *ремесль*. — Что это? какая связь ремесль съ задачами братства? Былъ, помнится, года четыре назадъ, циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія о введеніи и въ тамошнихъ училищахъ обученія ремесламъ. Не этимъ ли циркуляромъ навѣйна братству мысль поощрять ремесла.. въ видахъ уврѣсленія православія и народности русскаго?

Братство выдавало пособія и пуждающимся изъ крестьянъ, и хотя сумма этихъ пособій крайне ничтожна, но кто знаетъ безпомощность нашего сельскаго люда и его безденежье, тотъ не откажетъ въ нѣкоторомъ значеніи и этой скудной братской лептѣ.

Безмездная раздача, равно и продажа по уменьшеннымъ цѣнамъ крестиковъ, иконъ, разныхъ изображеній, молитвенниковъ и брошюръ также имѣеть значеніе въ цѣлой системѣ дѣйствій, направленныхъ къ одной извѣстной цѣли; но трудно судить о степени пригодности вообще этой мѣры, не имѣя для этого никакихъ данныхъ въ отчетѣ. Тутъ примѣръ говорится: разслано въ приходы благочиній замостьскаго, грубешовскаго и томашевскаго для безмездной раздачи крестьянамъ столь-и такихъ-то иконъ, брошюръ и картинъ, но нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, вѣмъ и гдѣ они раздавались, какъ принимались и употреблялись

и были-ли гдѣ-либо сирашиваемы кѣмъ-либо изъ народа. Нѣтъ также свѣдѣній и о томъ, кѣмъ покупились по упомянутой цѣвѣ крестики, образки, иконы, молитвенники и пр.—самимъ-ли народомъ, или разными его благожелателями и просвѣтителями, раздававшими потомъ безмездно то, что покупалось за незначительную цѣну. Не довольно приобрѣтать что либо на собранныя средства и раздавать бесплатно, но надо быть увѣреннымъ, что даваемое желательно для тѣхъ, кому оно дается, что оно принимается ими охотно, употребляется сообразно цѣли дающаго, приноситъ имъ извѣстную пользу и т. под. Намъ кажется, что братство замостьское, какъ и холмское, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по предвзятой мысли и желаетъ привить тамошнему населенію то, что а priori, или по аналогіи признаетъ для него необходимымъ, какъ напр. обычай ношенія крестиковъ и образковъ на шеѣ, вовсе тамъ неизвѣстный, или почитаніе славянскихъ первоучителей Кирилла и Меодія, которыхъ отчетъ братскій называетъ даже прямо св. апостолами, но которыхъ память, не смотря на многія и долгія усилія, никакъ не можетъ привиться въ средѣ русскаго народа. Въ раздачѣ книгъ, брошюръ и картинъ такъ называемаго патріотическаго содержанія, судя по нѣкоторымъ ихъ названіямъ, братство едва ли руководится чѣмъ-либо инымъ, кромѣ евангельскихъ словъ: *туне пріятне, туне дадите...* Братство холмское пришло къ счастливой мысли составленія и раздачі брошюръ, приспособленныхъ къ положенію, понятіямъ и обычаямъ тамошняго населенія, но пока издало одну только брошюру и на томъ остановилось. Не поможетъ-ли ему братство замостьское?

Въ рассматриваемомъ нами отчетѣ, въ числѣ доходныхъ статей, обращаютъ на себя вниманіе собственныи домъ братства и лавка, гдѣ рядомъ съ церковными вещами продаются чай, стеариновыи свѣчи и еще какой-то мелочный товаръ, о названіи котораго благоразумно умолчано.

Число членовъ братства весьма значительно: 12 почетныхъ и 223 дѣйствительныхъ; но цифра членскихъ взносовъ, даже съ единовременными пожертвованіями, составляетъ едва 187 р. 90 к., при членскомъ взносѣ въ 5 р. Что это значитъ, догадаться не трудно.

Число членовъ совѣта братства 12-ть, — втрое больше, чѣмъ въ древнихъ братствахъ. И все это лица учебнаго вѣдомства и священники; лицъ военнаго вѣдомства, всегда здѣсь многочисленнаго, равно чиновниковъ гражданскихъ совѣтъ нѣтъ. Почему такъ? Значитъ-ли это, что они не сочувствуютъ цѣли и задачамъ братства, или только постановкѣ его дѣятельности?

Пожелаемъ отъ души братству увеличенія его *дѣйствительныхъ* членовъ и болѣе цѣлесообразной системы дѣйствій.

Посторонній.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ АРХІЕПИСКОПѢ МОГИЛЕВ- СКОМЪ И МСТИЛАВСКОМЪ АНАТОЛІѢ.

Судьба привела меня встрѣтиться на своемъ жизненномъ пути съ человѣкомъ преисполненнымъ лучшихъ душевныхъ качествъ и христіанскихъ добродѣтелей. Человѣкъ этотъ былъ не кто другой, какъ архіепископъ могилевскій и мстиславскій Анатолій (Мартиновскій). Періодъ моего знакомства съ нимъ и весьма близкихъ отношеній, какъ его личнаго врача и какъ врача устроеннаго имъ въ губернскомъ городѣ Могилевѣ пріюта для дочерей священниковъ, продолжался съ 1848 года по 1856 г. Восемь лѣтъ постоянныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ этимъ достойнымъ пастыремъ, положили въ душѣ моей то неизмѣнное убѣжденіе въ высоко-нравственной натурѣ его, которое останется въ не помрачаемой чистотѣ на всю мою жизнь. Служебное назначеніе заставило меня выѣхать въ 1856 г. изъ Могилева и навсегда потерять высокопреосвященнаго Анатолія. По газетнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно было, что въ 1860 г. онъ, по разстроеному здоровью, уволенъ отъ служебныхъ обязанностей и получилъ назначеніе пребывать на покой въ въ одномъ изъ монастырей своей родины—въ каменецъ-подольской губ. И такъ послѣ 16-ти-лѣтняго служенія въ Могилевѣ онъ переселился на югъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ въ послѣднее время я прочелъ во 2-мъ томѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Архіерейскія пегали“, нѣкоторыя свѣдѣнія о достойномъ архипастырѣ и, въ дополненіе къ біографическимъ подробностямъ объ немъ, рѣшаюсь высказать свой взглядъ на

эту вполне замѣчательную личность. Начну съ того, что преосвященный Анатолій былъ глубокой мыслитель и дѣйствительно весь проникнутъ любовью къ своей паствѣ. При многочисленныхъ занятіяхъ своихъ по дѣламъ епархіи онъ ревностно посвящалъ свои труды на богослуженіе и поученіе народа въ проповѣдяхъ церковныхъ. Его особенное вниманіе было обращено на послѣдователей раскола. Въ часы продолжительныхъ моихъ бесѣдъ съ преосвященнымъ, мнѣ приходилось много разъ выслушивать изъ устъ его многія посланія, съ которыми онъ обращался къ *вѣтковскимъ* раскольникамъ. Названіе вѣтковцевъ происходитъ отъ имени с. „Вѣтка“, могилевской губ. въ которой сконцентрировалось издавна поселеніе раскольниковъ. Неизвѣстно мнѣ, были-ли все эти труды Анатолія напечатаны. Многія изъ этихъ посланій преосвященный прочитывалъ мнѣ тотъ часъ послѣ того, какъ онѣ являлись изъ подъ его неустаннаго пера. Надобно было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ онъ останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя отличались силою убѣжденія и поражали, такъ сказать, въ самое сердце неправильно мыслящихъ отщепенцевъ православія.

Въ домашней жизни преосвященнаго я всегда видѣлъ самую строгую, суровую монашескую обстановку. Пища самая простая— по преимуществу щи и каша; никакой потребности у него не было ни въ лакомствахъ, ни въ винѣ; иногда, очень рѣдко онъ позволялъ себѣ фрукты. Обыкновенно онъ обѣдалъ на томъ-же столѣ, за которымъ занимался писаніемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Этотъ столъ былъ длиною въ 2 сажени и весь заложень книгами, исписанными бумагами и консисторскими дѣлами. Къ обѣду разчищалось небольшое пространство между горами учености, и на свободномъ мѣстѣ ставилась простая, часто глиняная мисочка, и одна или двѣ тарелки. Вотъ образецъ той скромной трапезы, которую неизмѣнно довольствовался благочестивый пастырь. Въ жизни своей я много видѣлъ лицъ, занимавшихъ тотъ-же почетный постъ, какъ и преосвященный Анатолій, но нигдѣ ничего подобнаго не встрѣчалъ. Такой образъ питанія, безъ сомнѣнія, обусловливался хорошими силами желудка, и дѣйствительно, преосвященный никогда не страдалъ разстройствомъ какимъ-либо въ системѣ органовъ пищеваренія. Вообще здоровье его, не смотря на преклонныя лѣта (тогда ему было за 60 лѣтъ), всегда было въ очень хорошемъ поло-

женіи. Изрѣдка страдалъ онъ отъ простуды лихорадкой и ревматизмомъ. Смѣшно съ его рабочимъ кабинетомъ была комната для ночнаго отдохновенія, также блистающая своею простотою, доходившею до степени невѣроятной. Жесткое ложе, не затѣливый покровъ, одна подушка — вотъ тѣ атрибуты, которыми пользовался смиренный инокъ.

Высокою чертою души преосвященнаго Анатолія была любовь къ ближнему, которая проявлялась въ разнообразныхъ формахъ: при своихъ весьма огражденныхъ средствахъ—онъ охотно помогалъ просившимъ у него пособія, заботился объ ученикахъ подвѣдомственныхъ ему духовныхъ училищъ. Апотеозомъ его любви къ человѣчеству можно назвать созданное его трудами и заботами училище, подъ названіемъ пріюта для дѣвицъ духовнаго званія, преимущественно сиротъ. Училище это помѣщалось за городомъ при небольшомъ женскомъ монастырѣ. Дѣти принятые въ училище содержались вполне добросовѣстно, получали соответственное образованіе и въ особенности занимались различными женскими работами, руководѣлемъ. Окружающая природа дополняла хорошую обстановку и дѣлала пріютъ самымъ благотворнымъ учрежденіемъ. Почти еженедѣльно, а иногда и чаще, преосвященный ѣздилъ туда, приглашая нерѣдко и меня съ собой, какъ врача этого пріюта. Всю дорогу, верстъ 5, туда и обратно онъ говоритъ, бывало, съ особеннымъ оживленіемъ о любимомъ своемъ пріютѣ. Не разъ и меня многогрѣшнаго поучалъ своими замѣчаніями въ какомъ-нибудь недосмотрѣ, въ легкомъ упущеніи. Вся душа его, казалось, была поглощена постоянною мыслью объ училищѣ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я расскажу слѣдующій случай. Однажды, среди многихъ занятій, я забылъ извѣстить его объ вѣсколькихъ большихъ дѣтяхъ въ пріютѣ—и на другой день получаю большое посланіе отъ него, въ которомъ онъ горячо упрекать меня въ забвеніи своего долга. Какъ теперь помню его слова, которыми начиналось это письмо: „тревожусь, мучаюсь, терзаюсь, не получая отъ васъ извѣстія о больныхъ“. Только у любящаго отца готовы вырваться такія слова, когда врачъ почему либо замедлитъ съ извѣстіемъ о дорогомъ дѣтищѣ. Сколько я помню, преосвященный отдавалъ за содержаніе пріюта свой литературный гонораръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы преосвященный жилъ на дачѣ, въ селѣ Печерскѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Могилева. Архіерейское помѣщеніе тутъ состояло изъ небольшого дома, въ 5 комнатъ, съ обстановкою также очень простою. Домъ былъ окруженъ садомъ. Въ саду никакой претензіи на искусственную отдѣлку; въ немъ не было ни цвѣтовъ, ни дорожекъ; скорѣе его можно назвать не садомъ, а природною небольшою рощицею. Подъ горой бѣжала небольшая рѣченка и поставленная на ней водяная мельница однообразнымъ шумомъ своимъ прерывала по вечерамъ глубокое молчаніе деревенскаго затишья. Здѣсь, среди полного уединенія, проводилъ свои трудовыя дни за учено-литературной работою неутомимый дѣятель православія.

Желая дать себѣ необходимый часовой отдыхъ отъ умственныхъ занятій, онъ нерѣдко садился за мольбертъ и рисовалъ картины по преимуществу духовнаго содержанія. Живописныя работы свои преосвященный разсылалъ въ бѣднѣйшіе сельскія церкви своей епархіи. И тутъ онъ былъ все та-же вѣчно трудящаяся пчела, которая собираетъ медъ—не для себя!.. *Sic vos non vobis...*

Въ отношеніяхъ своихъ съ городскимъ обществомъ преосвященный Анатолій представлялъ образецъ самаго миролюбиваго и благосклоннаго человѣка, не смотря на различіе религіозныхъ исповѣданій членовъ его. Населеніе Могилева весьма разнообразно: кромѣ преобладающаго православнаго элемента въ немъ было значительное число католиковъ и еще болѣе евреевъ. Мы имѣемъ всѣ очевидныя доказательства, что глубокое уваженіе оказывалось преосвященному, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны еврейскаго населенія. Въ Могилевѣ существовало въ мое время, да вѣроятно существуетъ и теперь особое духовно-правительственное учрежденіе, такъ называемая духовно-католическая консисторія, во главѣ управленія которой состоялъ весьма заслуженный прелатъ *Лиски*. Какъ съ прелатомъ лично, такъ и съ другими сочленами его и прочимъ католическимъ духовенствомъ города, преосвященный держалъ себя въ такихъ отношеніяхъ, которыя были и должны были быть единственнымъ всепримиряющимъ мотивомъ при встрѣчахъ съ той и другой стороны. Эта прекрасная черта у преосвященнаго Анатолія вызвала сама по себѣ исключительное уваженіе, съ которымъ

относилось къ нему все католическое общество отъ высшихъ до низшихъ степеней его.

Къ своему подчиненному обществу духовнаго званія преосвященный Анатолій былъ всегда доступенъ, внимателенъ къ ихъ нуждамъ и неизмѣнно отстаивалъ съ необыкновенной энергіей всѣ ихъ интересы, основанные на законѣ. О судьбѣ сельскаго духовенства онъ заботился съ любовью отца. Въ особенности его всегда глубоко разстроивали дѣла по жалобамъ помѣщиковъ (тогда крѣпостное право было еще во всей силѣ) па своихъ сельскихъ священниковъ. Всякая подобная жалоба вызывала въ немъ тяжелую душевную борьбу. Онъ воплѣ сознавалъ, что передвиженіе священника съ мѣста его жительства на другое есть всегда тяжелое наказаніе для него лично и для семьи, и потому въ виду этого обстоятельства старался, въ случаѣ неизбѣжности перевода, сдѣлать его въ такомъ родѣ, чтобы онъ не носилъ на себѣ характера наказанія, а скорѣе поощренія, если владыка былъ убѣжденъ въ правотѣ священника. Поступая такимъ образомъ, преосвященный выигрывалъ душевно вдвойнѣ: неуживчивый, претендательный помѣщикъ воплѣ былъ удовлетворенъ, а переводимый священникъ нисколько не терялъ въ своихъ интересахъ.

Преосвященный очень хорошо понималъ, что отстаивать священника передъ помѣщикомъ было-бы напрасно: рано или поздно его настойчивость взяла-бы верхъ и только усугубила-бы всѣ невзгоды бѣднаго, гонимаго служителя православной церкви. Защита своихъ подчиненныхъ ставила всегда преосвященнаго въ глубокое раздумье: онъ всею душою болѣлъ за невинно преслѣдуемыхъ священниковъ и еще болѣе скорбѣлъ, если обвиненіе со стороны помѣщиковъ оказывалось справедливымъ и требовало отъ владыки законнаго удовлетворенія просьбамъ землевладѣльца.

Такова была въ сущности труженическая жизнь многоуважаемаго пастыря, истиннаго печальника за русскую православную церковь! Съ чувствомъ глубокаго удовольствія, вѣроятно, прочли всѣ знавшіе преосвященнаго Анатолія тѣ не многія воспоминанія объ немъ, которыя впервые показались на страницахъ „Кіевской Старины“. Говоря откровенно, надобно сказать, что жизнь преосвященнаго Анатолія Мартыновскаго заслуживаетъ глубокаго уваженія, и въ назиданіе русскому обществу какъ духовному, такъ и свѣт-

скому, слѣдовало-бы передать ее въ печати съ большими подробностями. Желательно, чтобы и другія лица, близко стоявшія по служебному посту, по общественнымъ отношеніямъ къ покойному пастырю, откликнулись на вызовъ „Кіевской Старины“.

Если и сказалъ, какъ частный человекъ, правдивое искреннее слово—въ память незабвеннаго борца за православіе, то это было слѣдствіемъ невольнаго душевнаго порыва, живымъ голосомъ сердца, преисполненнаго уваженіемъ къ несомнѣннымъ заслугамъ предъ русскимъ обществомъ блаженной памяти преосвященнаго архіепископа могилевскаго и мстиславскаго Анатолія.

Д-ръ мед. Н. Пирожковъ.

1883 г. іюня 9 дня.
Г. Ярославль.

ПОДОЗРѢНІЕ, ВЗВЕДЕННОЕ НА ПРОЪЗЖАЮЩИХЪ, ВЪ ОТРАВЛЕНІИ ВОДЫ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ 1848 Г.

Люди обыкновенно ищутъ источника своихъ общественныхъ бѣдствій не тамъ, гдѣ онъ въ дѣйствительности находится. Правильное сопоставленіе явленій, въ особенности сходныхъ, каковы общественныя бѣдствія, и ихъ причинъ достигается медленнымъ процессомъ, часто мучительнымъ какъ для ищущихъ связи явленій, такъ въ особенности для тѣхъ, въ которыхъ они видятъ корень зла.

Взять хоть-бы такое физическое общественное бѣдствіе, какъ эпидеміи. Первоначально эпидемическія болѣзни приписывались духовнымъ существамъ, которыя однимъ своимъ появленіемъ вносили заразу (сербское Мора, польско-литовское—Morowa dziewica, наша Мара—морь). Затѣмъ эпидеміи объясняли чародѣяніями людей (упырей и вѣдьмъ), вступавшихъ въ извѣстныя сношенія съ духами. Наконецъ стали дѣлать болѣе реальныя объясненія, но все таки далекія отъ истины, приписывая заразу отравленію источниковъ злонамѣренными людьми; при этомъ въ объясненія вводили политической элементъ. Такъ, на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ населеніе знакомо съ эксплуататорской дѣятельностью англичанъ, крестьяне приписывали послѣднюю холеру *англичантъ*, т. е. говорили, будто-бы англійская королева нанимала людей, чтобы отравлять воду и тѣмъ причинять болѣзни. Въ Слободской Украинѣ, какъ можно убѣдиться изъ излагаемаго ниже, холеру приписывали отравленію источниковъ.

Замѣчательно, что уѣздныя полицейскія власти не только раздѣляли народное возрѣніе на причину холеры, но даже въ существованіи ея видѣли (подобно нынѣшнимъ дальновиднымъ политическимъ про-рочателямъ) участіе польской sprawy. Но приступимъ прямо къ изложенію дѣла.

Сивашская экономія помѣщика, конной артиллеріи штабсъ-капитана, Виктора Федорова сына Лихачова, 30 іюня 1848 года, представила становому приставу 1-го стана змievского уѣзда трехъ человекъ, мужчину, женщину и ребенка, съ такимъ донесеніемъ: „взятый въ сивашовской экономіи празно проѣзжающаго нѣсколько разъ по деревнѣ Сиваше, показующій себя служащимъ офицеромъ, а послѣ того неслужащимъ дворяниномъ, и при немъ по его неоднорѣчію называемая разъ матерью, а въ другой разъ женою, и при нихъ малолѣтнее дитя! человекъ съ лошадей, упряжью и повозкою, съ разными въ повозкѣ поклажами, неизвѣстными экономіи— не имени и фамилии онъ нѣ себѣ, нѣ женщинѣ не объяснилъ, которой при семь къ вашему благородію посылается, сивашовская экономія покорнѣйше проситъ ваше благородіе представляемаго при семь неизвѣстнаго человека, съ старою женщиною и малолѣтнимъ дѣтямъ, принять подъ ваше строжайшее наблюденіе—потому что: при взятіи его въ господской дворъ онъ угрожалъ такъ: „не живъ развѣ буду я, чтобы не лишилъ жизни экономическаго писаря, дай самой этой проклятой экономіи! А потому экономія имѣетъ теперь весьма большое на него подозрѣніе; такового мнимаго человека, какъ можно предохранитѣ вашимъ строгимъ приказомъ, гдѣ онъ будетъ находится подъ арестомъ, сивашскую экономію, и не оставьте ваше благородіе представленіемъ подлинникомъ сего объявленія въ змievской земской судъ“. Прикашикъ Захарій Кравченко, а за неграмотнаго подписалъ экономическій писарь Колосовъ.

На слѣдующій день сивашская экономія дополнила первоначальное извѣщеніе донесеніемъ, что „эти человекъ и женщина, проѣзжая нѣсколько разъ по деревнѣ Сивашу, и тотъ-же день безъ всякой надобности, гдѣ-бы не былъ въ деревнѣ Сиваше колодезь, подходили къ онымъ, засматривали; даже были и у прудовъ, безъ всякой надобности, и вѣроятно не съ благонамѣренною цѣлію“.

Тотчасъ по отправленіи становымъ приставомъ въ змievской земской судъ представленныхъ сивашовскою экономіею подозритель-

ныхъ людей, которые называли себя Адамомъ и Варварой Лотецкими, прибыли въ станovouю квартиру прикащикъ и писарь экономинъ Лихачева и объявили, что въ деревнѣ господина ихъ Сивашовкѣ пойманы такіе-же люди въ одинаковомъ экипажѣ съ тѣми, которые ими представлены, и тоже женщина, мужчина и мальчикъ, которые, безъ всякой надобности остановясь въ той деревнѣ, ходили къ устроенымъ тамъ колодезямъ и ими взяты и отправлены въ станъ съ десятникомъ, но ѣдучи дорогою они ихъ нигдѣ не догнали. Вслѣдствіе этого приставомъ были тотчасъ посланы полицейскіе сощкіе по разнымъ дорогамъ для преслѣдованія указанныхъ людей, но нигдѣ ихъ не отыскали. Одинъ изъ возвратившихся сощкихъ заявилъ становому, что онъ, розыскивая тѣхъ людей, былъ въ селѣ Верхней-Берскѣ и когда объявлялъ въ сельскомъ управленіи, чтобы припать мѣры къ поимкѣ, то находившіеся тамъ на почлегѣ, препровождавшіеся въ земскій судъ Адамъ и Варвара Лотецкіе спрашивали „кого они ищутъ“, и когда имъ сказали, то про нихъ Адамъ сказалъ сіи слова: „нѣтъ, вы тѣхъ не возьмете, скорѣе сами сядете: насъ ѣдитъ много, и вамъ не унять холеры“.

Энергическій становой приставъ, услышавъ эти слова, столь ясно выражающіе ужасное преступленіе, и соображал, что болѣзнь эта происходитъ отъ одной воды, ибо кто только выпьетъ таковой съ жаждою, то получаетъ тотчасъ воспаленіе и отъ сего смерть, что доказывается даже и тѣмъ, что простонародье, употребляя самыя простыя противуядныя средства, получаетъ облегченія, тотчасъ принялъ слѣдующія мѣры: 1-е распорядился во всѣхъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ и хуторахъ своего стана вычистить колодцы до повои воды, которую пересваривать и тогда употреблять; 2-е имѣть бдительный надзоръ въ почное время за появленіемъ илгородныхъ людей, которые „большею частію слѣдуютъ въ простыхъ повозкахъ, упряженныхъ одною или двумя лошадьми, сверху поклѣтъ покрытъ бѣлымъ хрящевымъ холстомъ, въ день они располагаются для растаха близъ большихъ дорогъ, показываютъ себя будто-бы слѣдующими въ путь, а въ ночное время скитаются въ ближайшихъ селеніяхъ и навѣрно не съ благонамѣренною цѣлью, каковыхъ брать, не взирая ни на какіе предъвляемые ими документы“.

Обо всемъ изложенномъ выше становой приставъ донесъ змѣвскому земскому суду, который „для принятія строгихъ и бдительныхъ со всею аккуратностію мѣръ за проѣзжающими иномородными людьми, особенно польской націи, на коихъ падаетъ сильное подозрѣніе къ зараженію въ колодцахъ воды, и объ учрежденіи при переправахъ и водочерпательныхъ ископахъ постоянно ночного и дневного караула, даль знать приставамъ 1 и 2-го стана и сообщаять сопредѣльнымъ градскимъ и земскимъ полиціямъ, а также и змѣвской градской полиціи и окружному управленію, извѣстилъ и комитетъ украинскаго военнаго поселенія“, для зависящихъ со стороны ихъ распоряженій, и кромѣ того донесъ обо всемъ харьковскому губернатору и губерискому правленію.

По полученіи донесенія земскаго суда военный губернаторъ г. Харькова и харьковскій гражданскій губернаторъ Муховъ предложилъ своему адъютанту произвести о настоящемъ происшествіи обстоятельное изслѣдованіе. По изслѣдованіи, адъютантъ донесъ, что люди задержанные по подозрѣнію въ отравленіи колодцавъ оказались въ этомъ случаѣ невинными, ибо на это доказательствъ и при нихъ отравительныхъ веществъ никакихъ не найдено. Людей этихъ было шесть человекъ, въ двухъ телѣгахъ, изъ которыхъ въ одной ѣхалъ показывавшій себя дворяниномъ Адамомъ Лопицкимъ съ своею матерью и малолѣтнимъ сыномъ, а въ другой двоюродный братъ Адама, показывавшій себя дворяниномъ Максимомъ Лопицкимъ и при нихъ находилась жепица и дѣвочка полуторыхъ лѣтъ, взятая на воспитаніе кавказской области въ селеніи Бѣлоглинкѣ. Тѣ и другіе проѣзжающіе были взяты разновременно въ селеніи Сиванахъ и отправлены въ первый станъ. Изъ нихъ называвшій себя Максимомъ Лопицкимъ при въѣздѣ въ селеніе Алексѣевское вдругъ погналъ лошадей и оставилъ пѣшаго десятскаго. Адамъ-же Лопицкій былъ препровожденъ изъ становой квартиры въ Змѣвъ. При слѣдованіи его туда черезъ с. Тарановку мать его заболѣла холерою и черезъ два дня умерла, почему онъ и задержанъ былъ при сельской расправѣ для погребенія матери. За нѣсколько часовъ передъ смертію ея пріѣхалъ туда и смрившійся отъ десятскаго Максимъ Лопицкій. Онъ былъ заарестованъ сельскимъ засѣдателемъ, который отобралъ отъ него видъ, деньги 24 золотыхъ и вещи, заключающіяся въ слѣдующемъ: 40 жеп-

скихъ платьевъ шелковыхъ и ситцевыхъ, нѣсколько женскихъ шляпокъ, 30 рубахъ, 8 одѣялъ, 27 аршинъ тонкаго полотна, нѣсколько молотковъ разной величины, ружье со всѣми припасами, большой кинжалъ и разная мелочь, въ родѣ платковъ и тому подобнаго. Представленный становому приставу арестантъ былъ послѣднимъ освобожденъ, такъ какъ по разсмотрѣннн вещей и паспорта ничего не оказалось у него подозрительнаго. При допросѣ Адамъ Лопицкій, содержавшійся въ змѣевскомъ тюремномъ замкѣ, показалъ, что фамилія Лопицкихъ была имъ принята по просьбѣ его покойной матери, по той причинѣ, что плакатному паспорту, выданному ему черниговской губерніи, суражскаго уѣзда, казеннаго селенія Рудки Касицкой, прошелъ срокъ, а потому онъ и воспользовался паспортомъ, принадлежащимъ его матери; настоящая же его фамилія Иванъ Васильевъ сынъ Маршалка, званіемъ государственный крестьянинъ, какъ и значится въ плакатномъ его паспортѣ. Что же касается до отпущеннаго становымъ приставомъ Максима Лопицкаго, то онъ его родной братъ Никифоръ Васильевъ сынъ Маршалка, тоже государственный крестьянинъ того-же селенія, которому и принадлежитъ платежная книжка, приложенная къ дѣлу; билета же у него собственнаго не было, такъ какъ начальство не выдало ему, по случаю находженія его подъ слѣдствіемъ за найденную у него какую-то фальшивую печать; въ дорогѣ же онъ пользуется паспортомъ своего шурина, дворянина Максима Афанасьева сына Лопицкаго, съ его согласія, почему онъ и принялъ званіе и фамилію упомянутаго шурина.

По приведеніи въ извѣстность всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, харьковское губернское правленіе отмѣнило распоряженіе змѣевскаго земскаго суда о задержаніи всѣхъ проѣзжающихъ иногородныхъ людей, распространяя это правило только на людей, которые окажутся дѣйствительно подозрительными и не имѣющими узаконенныхъ документовъ. Становому-же приставу и земскому суду сдѣлацъ строгій выговоръ, съ опубликованіемъ, и предписано, чтобы впредь дѣйствовали осмотрительнѣе¹⁾.

П. Ефименко.

¹⁾ Извлечено изъ дѣла харьковскаго губернскаго правленія, хранящагося въ харьковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Названіе дѣла: о выведенномъ змѣевскимъ земскимъ судомъ подозрѣніи на проѣзжающихъ людей въ заразы воды для доставленія болѣзни холеры, началось 14 іюля 1848 года.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ ПО ПОВОДУ СЛУХОВЪ О КОНЧИНѢ МІРА.

Извѣстно, что въ средніе вѣка и позднѣе на западѣ періодически возникали и быстро распространялись слухи о предстоящей кончинѣ міра. Обыкновенно предсказывался годъ, когда нужно ожидать конца вселенной, и это предсказаніе производило волненіе умовъ, иногда принимавшее опасныя размѣры. И у насъ время отъ времени народъ проникался мыслью о кончинѣ міра. Ожиданіе страшнаго суда обнаруживалось чаще всего при какомъ нибудь общественномъ бѣдствіи, напримѣръ во время мора или голода, или при какихъ-либо необыкновенныхъ явленіяхъ природы, въ родѣ солнечнаго затмѣнія, паденія аэролитовъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ въ старину, какъ свидѣтельствуя лѣтописцы, „бысть на всѣхъ страхъ и трепеть велий, и смутишася и ужасошася людіе, и отчаяшася живота, мпяше, яко скончаніе міра прииде“. У насъ, въ Малороссіи, общее ожиданіе страшнаго суда было вызвано моромъ и голодомъ, свирѣпствовавшими съ 1710 по 1712 годъ. Тогда народъ „думалъ, что пришла уже кончина міра, упражнялся въ моленіяхъ, приготавлился къ смерти и мало заботился о своей нестерпимой жизни“ (Ист. Малор. Маркевича II, 538). Солнечныя затмѣнія, какъ извѣстно, до позднѣйшаго времени возбуждали въ народѣ толки о кончинѣ міра. Въ 1840 году полное солнечное затмѣніе произвело въ Черниговѣ сильную тревогу. Въ то время была тамъ ярмарка; собравшіеся на торгъ крестьяне, побросавъ все, одни спѣшили убраться поскорѣе домой, а другіе съ воплемъ бѣжали, сами не зная куда; явился какой-то проповѣдникъ и обратился къ толпѣ съ назидательными увѣщаніями покаяться въ сей послѣдній день. Солнце просіяло—и всѣ успокоились (Поэтич. возвр. славянъ на природу I, 755).

Кромѣ того, появленію слуховъ о грядущемъ страшномъ судѣ у насъ способствовала иногда и письменная литература. Иногда между нашими грамотняками вдругъ распространялось, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, какое-нибудь рукописаніе, которое заключало въ себѣ предсказаніе о роковой міровой катастрофѣ и приглашало населеніе къ покаянію. Очень можетъ быть, что эти рукописанія были просто переводами съ польскаго или съ иностранныхъ языковъ. Но такого-же рода произведенія, вѣроятно,

появлялись также изъ-подъ пера мѣстныхъ грамотѣевъ, въ родѣ городскихъ и сельскихъ дяковъ, которымъ почему-либо правилось произвести извѣстную сенсацію въ народѣ. Старики нашихъ деревенскихъ захоlustевъ можетъ быть еще до сихъ поръ хранить у себя нѣкоторыя произведенія въ этомъ родѣ, которыя ходили по рукамъ, какъ мы помнимъ, еще въ сороковыхъ годахъ и переписывались на перерывъ всѣми грамотными людьми въ селахъ.

Объ одномъ изъ произведеній упомянутой категоріи, появившемся въ концѣ прошлаго столѣтія, мы находимъ указаніе въ ниже приводимомъ распоряженіи воронежскаго и харьковскаго генераль-губернатора Черткова. Пастоящее предложеніе заключаетъ въ себѣ циркуляръ, разосланный въ 1785 г. полицейскимъ властямъ генераль-губернаторства, объ искорененіи слуховъ въ народѣ относительно предстоящаго въ 1788—89 годахъ свѣтопреставленія. Слухъ былъ возбужденъ появленіемъ рукописи со стихами, которые будто бы были начертаны на гробницѣ какого-то бернардина и переведены съ латинскаго по распоряженію одного изъ архіереевъ. Приводимый документъ найденъ нами въ связкѣ старыхъ бумагъ, хранящихся въ харьковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ и заключающей въ себѣ дѣла разныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ харьковской губерніи, преимущественно бывшаго бѣловодскаго городническаго правленія. Г. Бѣловодскъ принадлежалъ сначала слободскому острогожскому полку, за тѣмъ входилъ въ составъ воронежскаго намѣстничества, нынѣ это слобода старобѣльскаго уѣзда, харьковской губерніи.

П. Ефименко.

ОРДЕРЪ ВЪЛОВОДСКОМУ ГОРОДНИЧЕМУ ГОСПОДИНУ СЕ-
КУНДЪ-МАІОРУ АЛТУФЬЕВУ.

Случилось мнѣ видѣть копию съ перевода о смысломъ яко-бы въ Венеціи, близь города Праги, называемомъ Вѣна, въ рудокопныхъ заводахъ, гробъ какого-то бернада, въ рукахъ коего на каменной доскѣ, являлись написанные стихи касательно до кончины мира и прочаго.

Чтая тѣ стихи, ничего въ нихъ, кромѣ пустословія, не сыскалъ я; но сколько означеніе мѣста доказывастъ сочинителя или выдумщика такого, который на малѣйшаго свѣдѣнія о географіи не являлъ, написалъ противъ всякаго съ мѣсто-

положеніемъ тѣхъ городовъ сходства, что тѣ стихи сысканы въ Венеціи близъ города Праги, называеомъ Вѣна. А какъ извѣстно, что всѣ оныя три города суть столѣтныя: 1-й венеціанской республики, 2-й королевства Богеміи, а послѣдній эрцъ-герцогства австрійскаго и столица римскаго императора; изъ которыхъ, какъ по генеральной европейской картѣ видѣть можно, отстоятъ Прага отъ Венеціи по линіи перпендикулярной не менѣе 300, а Вѣна отъ Венеціи-жь не менѣе пятисотъ верстъ. Столь исплетенное къ обману въ тѣхъ стихахъ предсказаніе не заслуживаетъ никакого вѣроятія, какъ и изъясненная въ нихъ о 1788 годѣ матерія, 1789 году противорѣчащая, ясно то отбрасываетъ. Да и можно-ли повѣрить въ замышленному человѣкомъ писанію о такихъ матеріяхъ, кои вовсе отъ свѣдѣній смертныхъ сокрыты и никакою наукою не испытаны.

Хотя-жь какой-то злоумышленникъ дерзнулъ написать въ переводѣ, что тѣ стихи съ латинскаго языка переведены будто-бы по повелѣнію знатной духовной особы, въ переводѣ томъ по имени изъясненной; но благоразуміе того мужа свѣту извѣстное вовсе отнимаетъ вѣроятіе о дачѣ такова позволенія, яко ко вреду простолюдноровъ и легкомысленныхъ людей служащаго. И какъ оны будучи не озарены просвѣщеніемъ, разсѣваемымъ объ ономъ предсказаніи слухомъ (что слышу по многимъ мѣстамъ уже и разсѣяно), легко могутъ быть не токмо обмануты, и повѣрить оному, но достаточные изъ нихъ, представляя яко-бы толь краткое для жизни ихъ время, могутъ сдѣлаться расточительными, и о собственности небрежущими, а бѣдные вовсе оставлять попеченіе и труды о приобрѣтеніи жизненному содержанію своему нужного, и тѣмъ, какъ самымъ себѣ, такъ и обществу сдѣлаются вредными; то въ предварительное такова зла престѣненіе предлагаю вамъ о приложеніи всевозможнаго старанія ко истребленію того неблагонамѣренна разсѣянаго слуха между простолюдноровъ и о побужденіи ихъ къ неотложному трудолюбію и упражненіямъ ихъ свойственнымъ и къ ихъ-же пользѣ относящимся. А для такова-жь исполненія дать съ сего предписанія копію и уѣздному стряпчому.

Василей.

Октября 4 дня 1785 года.

Р. С. О семъ внушеніи надобно взять такія пристойныя мѣры, чтобъ пустоту сію разглашаемую искоренить несподытно, безъ всякой огласки, и подъ видомъ, что не по повелѣнію сіе дѣлается, но что вы сами услыша тѣ разглашенія вздорныя признали пустословными и злоумышленными, и по долгу званія своего ихъ истолковать и ихъ отъ того воздержать за нужно поставяете. А между тѣмъ, если, паче чаянія, усмотрите, что тѣ разглашенія часъ отъ часу размножаются и утверждаются еще съ различными къ тому неистовыми прибавленіями, въ такомъ случаѣ, ради истребленія таковаго вздорнаго и неистоваго разглашенія, за отбытіемъ изъ Воронежа г-на правителя намѣстничества, донесите мнѣ, а когда возвратится, къ нему г-ну губернатору.

Чертковъ.

НАГОВОРЫ ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ У ЧЕРНОМОРЦЕВЪ.

Нижеслѣдующіе „наговоры“ отъ болѣзней записаны нами въ станицѣ Новомиинской, ейскаго уѣзда, кубанской области. На сколько намъ извѣстно, наговоры эти распространены вообще по всему ейскому уѣзду, т. е. въ мѣстности, составлявшей раньше часть бывшаго черноморскаго войска. Составляя продуктъ историческаго прошлаго, они годъ съ годомъ утрачиваютъ все больше и больше свое прежнее значеніе, уступая мѣсто болѣе здравымъ понятіямъ о физическихъ недугахъ. Тѣмъ не менѣе и теперь еще не мало населенія слѣпо вѣритъ цѣлительной силѣ „наговора“ и въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія черноморцы даже изъ привилегированныхъ классовъ. Хранителями наговоровъ являются шептухи, знахари и знахарки и отчасти люди „начитанные“, побывавшіе въ Кіевѣ, въ разныхъ монастыряхъ и слѣпо вѣрящіе въ то-же время въ дѣйствительность событій, воспѣтыхъ Мильтономъ въ „Потеряномъ раѣ“, высоко ставящіе сказаніе о пятницахъ и пр. Записанные нами „наговоры“ мы передаемъ въ той редакціи, которая наиболѣе близка къ мѣстному разговорному языку.

Наговоръ отъ остуды.

Добрый вечеръ тобі Уляно, святая, орданская, ангельская и архангельская! Ты прибываешь изъ горъ и долинъ, лугівъ и берегівъ, що-бъ такъ и до мене рабы Божой (такой-то или такого-то) прибывали добри люди и дѣвчата (или женщины); ты очищася и облиवासя долины, луга, берега, камінья и кремінья,— очисти-же и обмый одъ мене (такой-то или такого-то) рабы Божой остуду, студидище, клевету, клеветище, поговоръ, поговорище и прозоръ, прозорище—чоловічи, жівоци, хлопьячи, дівочци, подумани, погадави, полівски, дяківски, діанковски и одъ всякой скверноты—колдунника, колдунницы, епатника, епатицы и ерегици.

Наговоръ отъ напрасныхъ нападокъ людей и судовъ.

Надо предварительно проговорить: „вѣрую во единого Бога“...

Ой на морі, на окиві, на острові, на Буяні, стоять дубъ, а на тѣмъ дубу стоять три стовпи дубовіе и на тѣхъ стовпахъ біли білокамени палаты, а въ тѣхъ палатахъ стоять столы тесовіе, позастилани, а за тими столами сидятъ судьи, а хто-жъ буде мене у цілѣ суді судити, то той-же буде изъ мене кровь пити. Я

цей судъ опровергаю, заключаю и замыкаю въ сімдесятъ ключей залізникъ и въ окіянь-море, підъ білорізь камінь ключи закидаю, а хто-жъ твоі ключи доставе, то той жени раби Божій (такой-то или такому-то) въ цімъ суді супротивникомъ стане.

Наговоръ „въ пути ночлега и въ науці волівъ“.

Господи благослови! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, матірѣ Елену и жену Елисавету! Сохранявь Господь царя Давида отъ царя Савула—сохрани и мене раба Божого (имя рекъ) на цімъ місті въ ночлезі и одъ всякои напасти и лихого чоловіка. Аминь, аминь, аминь.

Наговоръ отъ гадины.

Надо предварительно проговорить: „вѣрую во единого Бога“...

Ой на морі, на окіяні, на острові, на Буяні, стоять дубъ, а въ тімъ дубу—срубъ, а въ срубі—зміяный зубъ. Змія окатила, опалнла, одяжила, омжила! Въ чистомъ полі на рябому коні Господь Самъ поїзжае, искае змія окатихи, опалнихи, одяжихи, омжихи. Выймать изъ раба Божого (такого-то или такой-то) или ихъ худобы зміяный зубъ та положить гадові въ срубъ, а не выймете, вановати будете.

Наговоръ отъ бишихи.

Надо предварительно проговорить: „Отче нашъ“...

Ишло сімъ попівъ, несло по сімъ ціпівъ, ишло сімъ попівъ, несло по семи грабель, ишло сімъ попівъ, несло по семи лопать, ишло сімъ попівъ, несло по семи метель, зостріли бишиху водяну, вітряну и пристрітну на рабу Божому (имя рекъ). Мы тебе бишиху ціпами розмолотимо, граблями розгребемо, лопатами рєскидаемъ, а метлами розметемъ, тутъ тобі на раби Божому не бути, тіла не рвати и не сушити, кости не ламати, кровя не пити. Идя собі на чорні луга, де буйный вітеръ свиставъ, перебувавъ! Аминь.

Наговоръ отъ колючки.

Надо предварительно проговорить три раза: „Богородице, Дѣво радуйся“...

Богородице, Діво радуйся! Благодатна Маріє! Съ усердіємъ прошу Тебе, Прєсвятая, ставъ въ помощь ежечасно и минутно, изжени ци злиє помыслы—колючку, колючяще! Подумала, погадала, вітряная, мужича, жіноча, хлопьяча, дівоча и пристрітвая! тебе вышптую и выговорю Божюю помощію, щобъ ты въ цімъ рабу Божому (или Божій) не стояла, червонои крови не пивала, білого тіла не стягала. Изойди собі одъ раба Божого на чорній луга, на перепалы, де буйный вітеръ свиставъ, перебувавъ.

Наговоръ отъ огня.

Господи Боже нашъ, спасай одъ огня! Яко-же спасавъ еси въ поща огненной трезъ отроковъ Ананія, Азарія и Михаила, не попустивъ тямъ ни мало вредитися отъ пламени, и Данила отъ устъ львовыхъ забавявый и Мойсея отъ рукъ Фараона. соблюдивъ и святую Феклу отъ огня и звирей, также спомни и мени рабу твоему (пмя рекъ) отъ дѣго огня и страданія, цѣи пламени горящомъ.

Наговоръ отъ крикливца.

Надо предварительно три раза проговорить: „Богородице Дѣво радуйся“ ...

Богородице, Дѣво радуйся, благодатна Маріе! Съ усердіемъ прошу тебе, Пресвятая Дѣво, ставъ въ помочи естечасно, мнугно дѣму младенцевъ (пмя рекъ), взжепъ цѣи злыи помыслы—криклявци, плаксивци, вочници, полупочивци, дсн-ивци, полудешивци и не сплячка, помыслени, погадани, вітрянїи и паслаини. Я васъ изсылаю на очерета, на болота, щобъ вы въ цѣмъ младенци не стояли, головы его не лагали, семидесяти семи суставивъ не лагали и червонїи крови не ливали, вышнїую и выговорю Божою помощію и Пресвятою Богородицею, со всіяи святыи во віки ампнѣ.

Сообщ. Ф. Щербина.

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ.

Маститый нашъ историкъ П. И. Костомаровъ въ іюньской книжкѣ „Русской Старинѣ“ за нынѣшній годъ помѣстилъ замѣтку о судьбѣ успенской церкви въ Переяславѣ, съ именемъ которой соединено воспоминаніе о присоединенїи Малороссїи къ московскому государству. Оказывается, что той церкви, въ которой приносили присягу Богданъ Хмельницкій, уже нѣтъ, а осталось лишь нѣсколько отъ нея брусьевъ, вонедшихъ въ стѣны нынѣшней весьма вострой церкви.

Но въ Переяславѣ есть другой исторической памятникъ, менѣе древній, но болѣе сохранившійся; разумѣемъ церковь Покрова Божіей Матери. Первоначальное построеніе этой церкви относятъ къ 1614 году, и вѣроятно она была деревянная. То было время господства поляковъ, а вмѣстѣ съ ними и польско-католическаго духовенства. Въ Переяславѣ, какъ и въ Черниговѣ были вводимы ихъ обычаи, языкъ и управленіе. Пробовали вводить и свою вѣру,

въ видѣ уніи; храмы православные обращались въ уніатскіе и католическіе. Староста переяславскій и воевода брацлавскій Лука Жолкевскій, племянникъ гетмана Жолкевскаго, построилъ (въ 1638 г.) при покровской церкви іезуитскій коллегіумъ. Взбунтовавшійся впоследствии народъ (въ 1666 г.) разметалъ коллегіумъ и прахъ основателя его, погребеннаго при той церкви, вырылъ изъ земли и разбросалъ съ ожесточеніемъ.

Полковникъ переяславскій Мировичъ, племянникъ гетмана Мазепы, положилъ основаніе новой покровской каменной церкви, въ 1704 г., но на томъ-ли мѣстѣ стоитъ она, гдѣ была прежде, или на другомъ, не знаемъ. Въ рукописномъ сказаніи о построеніи этой церкви, которое въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія хранилось въ ризницѣ ея, отмѣчено только, что изъ прежней церкви перенесены всѣ церковныя вещи въ новую, при освященіи ея въ 1709 годѣ.

Нынѣшній покровскій храмъ въ Переяславѣ имѣетъ мѣстами стѣны чрезмѣрно массивныя, до 3-хъ аршинъ толщины; съ южной и сѣверной сторонъ подѣланы вверху надъ дверями тайники, которые выведены въ стѣнахъ, на подобіе комнатъ. Говорятъ, что въ нихъ, при нападеніи непріятели, скрываются были церковныя вещи и казна. Къ тайникамъ ведетъ небольшая, въ родѣ окна, дверь, которая легко закладывается кирпичемъ, и никто не можетъ знать о потаенномъ мѣстѣ. Съ южной стороны находится, внутри церкви, потаенная каменная лѣстница, ведущая на верхъ купола, гдѣ стояла, какъ полагаютъ, стража, наблюдавшая за движеніями проходившими вокругъ города, особенно по теченію Дѣбры, отстоящаго отъ Переяслава въ 7 верстахъ. По первому извѣстію объ опасности, угрожавшей жителямъ, давалось имъ знать колокольнымъ звономъ.

О построеніи каменной покровской церкви передаютъ, между прочимъ, такой рассказъ. Полковникъ Мировичъ, возводя ее по плану художественному, навелъ на себя негодованіе гетмана Мазепы за то, что храмъ въ архитектурномъ отношеніи превосходилъ вознесенскій монастырь, построенный гетманомъ. „Есть люди“, сказала однажды Мазеца племяннику своему, „которые заботятся о приобрѣтеніи богатыхъ экипажей и ими щеголяютъ; строятъ пышныя зданія и ими тщеславятся, а мы съ тобою начали строить храмы,

кажется, не для того, чтобы щеголять другъ предъ другомъ“. „Такъ, ясновельможный гетмане, отвѣчалъ ему племянникъ; я никогда не думалъ объ этомъ; строилъ такъ, какъ мнѣ казалось лучше. Я никогда не осмѣливался выказывать себя предъ народомъ“.

Церковь была уже возведена до половины и Мировичъ, послѣ этого разговора, приказалъ поскорѣе окончить ее, какъ попало, не заботясь о строгомъ выполненіи плана.

Несмотря на то, построенный гетманомъ въ 1700 г. вознесенскій монастырь, не имѣетъ той красоты, какъ покровская церковь; въ послѣдней соблюдена стройность и правильность въ размѣрахъ, но только до куполовъ.

Посвящая созидаемую церковь Покрову Божіей Матери, Мировичъ въ тоже время поручилъ парисовать запрестольный образъ Покрова, вслѣдствіе около двухъ аршинъ. На немъ представлены, по его желанію: государь Петръ I и государыня Екатерина I, въ царской одеждѣ; государь со скипетромъ и державою. Подлѣ царя стоитъ гетманъ Мазепа, въ своей гетманской одеждѣ; близъ государыни придворныя дамы, въ придворномъ парадѣ; въ сторонѣ казаки въ ихъ народной одеждѣ; напротивъ императора Теофанъ Прокоповичъ, въ своемъ полномъ архіерейскомъ облаченіи; около него священство... Надъ всѣми ими, на облакахъ, покровъ Божіей Матери, явившійся въ Греціи въ X вѣкѣ...

Образъ покрова замѣчательнъ изображеніями лицъ и кистью художественною. Государь и государыня довольно похожи, только государь нарисованъ молодежымъ. Мазепа и Теофанъ Прокоповичъ болѣе всего похожи. О другихъ особахъ, какъ-то: дамахъ, казакахъ и духовенствѣ, трудно сказать, кто они; строитель храма нарисованъ такъ-же здѣсь и, какъ должно думать, онъ тотъ самый, что стоитъ подлѣ гетмана...

Живопись прекрасная, и надобно удивляться, что по тогдашнему состоянію изящнаго искусства въ Малороссіи, соблюдена отчетливая отдѣлка въ нарядахъ современныхъ, въ правильной разстановкѣ всей группы, а главное достоинство—превосходныя изображенія лицъ, переданныя вѣрно и живо.

Какой же былъ поводъ къ изображенію главныхъ современныхъ лицъ, и откуда взяты настоящіе ихъ лики? Говорятъ, что

Мировичъ велѣлъ изобразить ихъ въ ознаменованіе благодѣтельнаго вліянія на Малороссію, которая наслаждалась покоемъ подъ державой Россіи, что онъ желалъ представить Малороссію въ ликахъ первенствующихъ малороссіянъ, а Россію въ царственныхъ особахъ и что онъ въ образѣ Покрова поручалъ Россію и Малороссію заступничеству Божіей Матери.

Лица державныя, придворныхъ особъ и Оеофана Прокоповича писаны, какъ рассказываютъ, съ погретовъ, имѣвшихся у художника. Гетманъ и козаки взяты съ дѣйствительности; что же касается государя, то онъ бывалъ въ Переяславѣ, и художникъ могъ видѣть его и схватить выразительныя черты его лица.

Сохранилось еще одно знаменательное преданіе о Мазепѣ, связанное съ импемъ этой церкви. Когда онъ замыслилъ отторгнуться отъ Россіи, что глубоко скрывалъ въ своемъ сердцѣ, то однажды проѣзжалъ мимо покровской церкви, еще прежней, стоявшей около вновь строившейся, и лишь только поровнялся съ храмомъ, какъ лошадь подъ нимъ упала и разшиблась. Народъ, провожавшій его, пришелъ въ ужасъ, изъ толпы раздались голоса: *не не къ добру, що нашъ вельможный упаде!* Никто изъ стоявшихъ не зналъ, что тайлось въ его душѣ, а народъ выразилъ свою боязнь, не думая о томъ, что голосъ народа—голосъ Божій. Преданіе прибавляетъ, что гетманъ немедленно пошелъ въ церковь, палъ на колѣна предъ иконой Божіей Матери и долго молился; слезы капались изъ глазъ его, и когда онъ приложился къ святому лику, то выкатилась будто слеза изъ очей Богоматери, остановилась съ правой стороны Ея лица, почти посреди носа, и что отъ той слезы остались на иконѣ слѣды, въ видѣ точки, которую и нынѣ показываютъ.

Гибельный конецъ гетмана извѣстенъ веѣмъ; послѣ битвы подъ Полтавою, 1709 г. іюня 27, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ королемъ шведскимъ Карломъ XII въ турецкіе предѣлы, а съ нимъ и строитель покровской церкви Мировичъ; и онъ и Мировичъ умерли внѣ своего отечества.

Остававшаяся въ Переяславѣ жена Мировича, Пелагея, родомъ Годубина, докончила церковь и украсила ее.

Откуда заимствовано свѣдѣніе о паденіи гетмана?—Одна духовная особа въ 50-хъ годахъ передавала намъ, что двадцать лѣтъ

предъ тѣмъ въ Переяславлѣ жила слишкомъ столѣтняя женщина, которую любопытные часто спрашивали, не помнитъ-ли она чего нибудь про гетьманщину? Старуха пересказывала, что видѣла и что слыхала, и между прочимъ о томъ, какъ говорила ей родная ея мать, что вельможный гетманъ Мазепа упалъ съ лошадыю предъ покровской церковью и что всѣ стоявшіе тамъ, въ томъ числѣ и ея мать, говорили тогда же, что это не къ добру.

А. Т.

Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ*).

(По списку Лещинскаго).

21) За золотыми воротами, вправо, въ нижней 2-й батарее, именуемой Зміевою лещерою, подъ правый бокъ, на 12 шаговъ въ сторону отъ вознесенской церкви, въ колѣно зарыта прикапчикомъ у хозяина винарни, бывшей на Подолѣ близъ церкви Воздвиженія надъ Канавою, богатаго и безроднаго грека, шкатулка съ червонцами, во время Гайдматчины.

22) По дорогѣ изъ Кіева въ Бѣгородку, въ вершинѣ Святошина, есть раздолъ или яръ, въ яру стоитъ сосна толстая, въ корень ея заколочены шиналь, противъ него закопаны деньги.

23) Тамъ-же ниже отъ рѣки есть сосна бортяная, въ которую вѣзанъ конскій копытъ. Противъ сего мѣста недалеко закопана большая трехгранная бутылка червонцевъ.

24) Тамъ-же въ Святошинѣ, близъ рѣки, терновый кустъ надъ дорогою и въ этомъ кусту зарыты казанъ червонцевъ.

25) Въ селѣ Мостицахъ подлѣ ямы и двухъ дубовъ, на востокъ, цѣлая коша серебрянныхъ рублей въ ряднѣ, а подъ этимъ кладомъ, глубже въ колѣно, положены кувшинъ червонцевъ.

26) По дорогѣ изъ Мостиць въ Горянки и отъ Горянки къ Межигорью, не доѣзжая, надобно смотрѣть въ лѣвую сторону три сосны съ примѣтами, между которыми зарыты деньги въ колѣно.

27) По дорогѣ изъ Мостиць въ Горянки и изъ Горянокъ къ Межигорью, не доѣзжая, стоитъ по лѣвую сторону дубъ, въ него забить

*) См. «Кіев. Ст.» 1683 г., м. іюль, стр. 387.

стволь, отъ этого дуба на сѣверъ въ пяти шагахъ зарыть казань червонцевъ.

28) Ниже Мостиць находится островъ, выдавшійся изъ р. Ирениа въ пустыню. На этомъ островѣ разбойники зарыли 7,000 червонцевъ и золотой крестъ. Сверху примѣта надъ червонцами крушиновый кустъ и близъ него дубовый кустъ, подъ которымъ и кладъ.

29) Въ межигорскомъ бору, близъ Демидова Острова, есть Лоева гора, въ концѣ которой есть рубленая криница, противъ криницы въ 10 шагахъ толстая сосна. Отступивъ отъ сосны на востокъ солнца пять шаговъ, надо искать огнища, подъ которымъ казань червонцевъ; а отъ этого клада на пять шаговъ къ востоку зарыть сундукъ съ серебрянными деньгами и серебряною посудю на 10 человекъ.

30) По дорогѣ изъ Кіева къ Броварамъ на супротивъ 9-й версты направо стоитъ сосна розведена, подъ тою сосною большой кладъ денегъ разнаго сорта и много серебряной посуды.

31) Противъ стараго перевозу Сорочитичъ есть камень противъ села Рытяти, а подъ мамнемъ кладъ денегъ.

32) За Днѣпромъ подлѣ краснаго трактира стоитъ сосна, а на той соснѣ вырѣзаны знаки: сабля и кивка, и не глубоко подъ сосною зарыты саквы червонцевъ.

33) Въ Межигорѣ, на горѣ, противъ церкви, подлѣ Владимірова дуба, въ древнемъ саду монашескомъ былъ глубокой колодезь, а на дно онаго опущены разныя драгоценныя вещи церковныя и домашнія, и колодезь зарыть землею до верху.

34) Въ селѣ Пироговѣ недалеко отъ корчмы есть кленъ, подъ которымъ казань червонцевъ.

35) За Днѣпромъ, въ софійскомъ бору есть яръ, по которому надо идти до самой вершины на раздолье: тутъ будетъ большая куча муравьевъ и дубъ межъ ними изрытый (sic)

36) Насупротивъ перевозу, гдѣ въ водопаицу полную паромъ пристасть, стоитъ сосна на востокъ отъ пристани и въ трехъ шагахъ отъ нее казань червонцевъ на 3 человекъ.

37) По дорогѣ въ Межигорье по правую сторону крестъ съ изображеніемъ распятія, внизу-же криница, выше той криницы на бугрѣ сундукъ денегъ.

38) Тамъ-же, противъ пустой капицы колодезь, чрезъ ярь по дорогѣ отъ Межигорья—по правую сторону или по лѣвую, не доѣзжая Межигорья, стоитъ лапа въ песку, а подъ лапою мѣдное барило денегъ, три полумиски серебра и 20 стакановъ серебряныхъ вызолоченныхъ.

39) По пути изъ Кіева въ Бровары есть мѣсто у Вигуровки надъ яромъ съ крестомъ и подлѣ кладъ.

40) Надъ водницею есть дубъ и сосна, между которыми подъ сосною, на край, вырѣзаны голова и посреди крестъ, зарыты деньги на 12 человекъ.

41) За Днѣпромъ бѣжитъ ровчакъ изъ Дарницы и около него стоятъ три сосны, изъ которыхъ на одной вырѣзаны конь и сабля. Тамъ съ края лѣса лѣжатъ червонцы.

42) Ниже Вишенокъ въ Оберку близъ толстой сосны съ отклоненнымъ верхомъ кладъ.

34) Въ селѣ Дмитровичахъ подъ корчмою лѣваго угла гдѣсь червонецъ.

О ПОРТРЕТАХЪ МАЗЕПЫ.

И. И. Костомаровъ въ минувшемъ году помѣстилъ въ журналѣ „Русская Мысль“ обширную монографію о Мазепѣ, а въ началѣ этого года издалъ ее отдѣльной книгою. Въ сожалѣнію, почтенный историкъ не только не приложилъ къ ней портрета Мазепы, но не коснулся даже вопроса о томъ, гдѣ искать наиболѣе точнаго портрета этого лица. А между тѣмъ это вопросъ, требующій разрѣшенія нашихъ историковъ и археологовъ.

Наиболѣе распространенный портретъ Мазепы тотъ, котораго подлинникъ находится въ академіи художествъ. Но вотъ справка объ этомъ портретѣ изъ записей императорской академіи художествъ, которую сдѣлалъ для насъ уважаемый Т. В. Кибальчичъ.

„Императорская Академія Художествъ.

Галлерей русской живописи № 2-й.

Портретъ напомаго гетмана малороссійскихъ войскъ“.

„Гетманъ изображенъ съ непокрытою головою и съ лицомъ, обращеннымъ нѣсколько влѣво; на немъ голубоватая пижмая одежда

и разстегнутый коричневый кунтушь, обложенный на груди золотымъ позументомъ. Фонъ темный.—Грудное изображеніе. Вышина портрета: 17, ширина: 13 $\frac{1}{2}$ —X.

„Вѣроятно, это портретъ Скоропадскаго. Художникъ имѣлъ случай написать его въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ, въ 1722 году. *Доло слылъ за портретъ Мазепы* (sic).

Портретъ—работы Ивана Максимовича Никитина. Родился не позже 1690 г., ум. послѣ 1744 г.“

Итакъ это не портретъ Мазепы, какъ говоритъ наша академія, но и не портретъ Скоропадскаго,—скажемъ мы. Портретъ Скоропадскаго есть и доселѣ въ гамальбевскомъ монастырѣ, имъ основанномъ (стѣнное изображеніе во весь ростъ) и ничего общаго съ академическимъ портретомъ не имѣетъ. Мазепа вовсе не былъ *наказнымъ* или *напольнымъ* гетманомъ, да и самаго этого названія наказныя малороссійскіе гетманы никогда не носили. Чей-же портретъ въ академіи долго слылъ за портретъ Мазепы и гдѣ искать точнаго его портрета? На первый вопросъ отвѣчать не беремся, а для рѣшенія втораго предлагаемъ слѣд. свѣдѣнія.

Въ типографіи кіево-печерской лавры сохранились гравировальныя доски конца XVII в., работы, вѣроятно, извѣстнаго гравера кіевского Иппокентія Щирскаго, а недавно сдѣланные оттиски съ этихъ досокъ находятся въ музеѣ древностей при кіевской духовной академіи. На одномъ изъ нихъ изображено взятіе Кизи-керменя въ 1697 г. и при этомъ портреты царей Иоанна и Петра Алексѣевичей и Ив. Ст. Мазепы, на другомъ—апогеоза Мазепы, гдѣ всю середину картины занимаетъ портретъ Мазепы, а вокругъ него знаменія его дѣла. Какъ ни блѣдны полученные теперь оттиски, но и по нимъ ясно видно, что здѣсь Мазепа это совсѣмъ не то лице, что на портретѣ академіи художествъ. Безъ всякаго сомнѣнія, оба современныя изображенія предназначались для подписанія Мазепѣ и, конечно, художникъ приложилъ все стараніе о точности ихъ, такъ что сомнѣнія въ вѣрности общихъ чертъ лица быть не можетъ. А эти черты лица совершенно сходны опять съ чертами лица Мазепы на современномъ также его портретѣ, сообщенномъ намъ въ фотографическомъ снимкѣ В. П. Горленкомъ, потомкомъ того самаго полковника Димитрія Горленка, который бѣжалъ съ Мазепою и не скоро возвратился, получивъ прощеніе. Въ домѣ столь близкаго къ

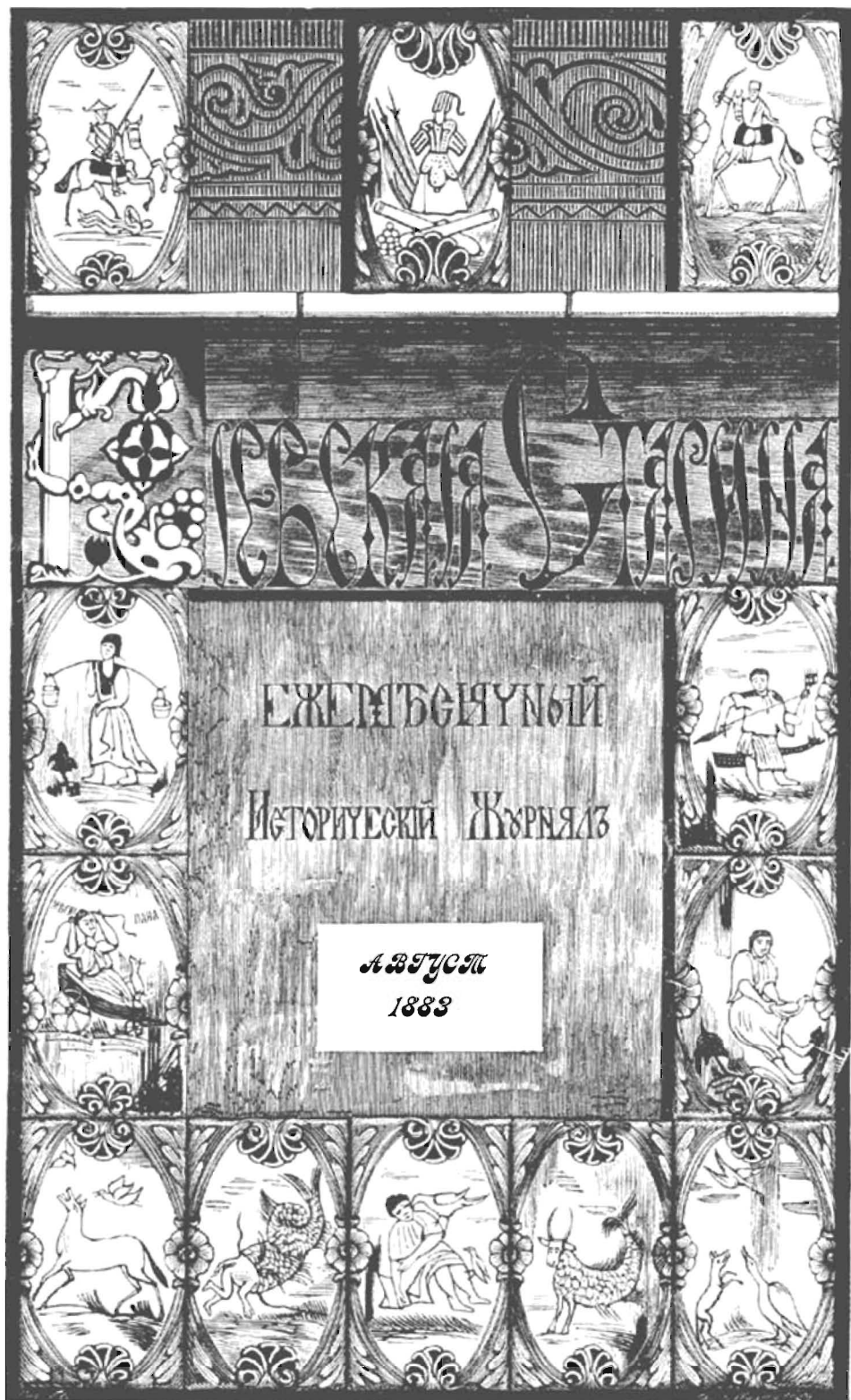
Мазепѣ лица не могло быть плохого его портрета. На этомъ, какъ и на лаврскихъ изображеніяхъ, черты лица гетмана совершенно правильныя, лице нѣсколько продолговатое, благообразное, возрастъ средній—лѣтъ за 40, бороды нѣтъ, а только небольшіе красиво лежащіе усы. Первое изображеніе грудное, два другія во весь ростъ. Весьма сходный съ ними портретъ Мазепы былъ, говорятъ, у Михаила Ал. Максимовича, но мы его не видѣли и ничего о немъ сказать не можемъ.

Есть за тѣмъ рядъ портретовъ Мазепы польскаго типа, гдѣ гетманъ представленъ старымъ, съ раздвоенною небольшою сѣдою бородою. Въ лицѣ болѣе хитрости, коварства, запечатлѣвшихъ послѣдніе годы его жизни. Такой портретъ въ коніи помѣщенъ въ альбомѣ де-ля-Флиса, находящемся въ музеѣ кievской академіи, а копія снята съ весьма стараго портрета, находившагося въ с. Монастырькѣ, кiev. губ., звен. у., близъ м. Лысянки, гдѣ былъ униатскій монастырь, закрытый въ 1839 г. Тутъ поражаетъ своею нестротою разноцвѣтный костюмъ Мазепы, шитые золотомъ заостренныя сапоги и высокая шапка съ двойнымъ перомъ. Не смотря на старыи возрастъ гетмана, черты лица здѣсь напоминаютъ кievскія современныя изображенія и портретъ, принадлежащій г. Горленку. Сходный съ нимъ портретъ помѣщенъ въ исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго. Подобный же портретъ, писанный придворнымъ Станислава-Августа художникомъ съ неизвѣстнаго оригинала, былъ у кievскаго жителя г. Иванцкаго и недавно отправленъ имъ въ краковскую академію.

Наконецъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что старинный, вѣроятно, современный, портретъ Мазепы находится на Афонѣ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей.

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХИ НА ИЗМѢНУ МАЗЕПЫ.

Въ синодальной библиотекѣ, въ отдѣлѣ рукописей подъ № 5-мъ находятся слѣд. стихи неизвѣстнаго современника, старающагося выразить чувства Россіи, по поводу измѣны Мазепы, напоминающіе службу церковную, составленную по повелѣнію Петра, на день полтавской викторіи.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Август
1883

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

А В Г У С Т Ъ .

1883 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Доволено цензурою. Київ, 26-го іюля 1883 года.

КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ.

Есть предположеніе, что въ древнѣйшій періодъ возникновенія искусства поэзіи рѣчь, музыка и мимика были связаны между собою въ одно цѣлое такими тѣсными узами, какъ въ живописи контуры съ тѣнями и красками. Нѣчто подобное въ настоящее время мы видимъ въ современной оперѣ. Постепенно съ развитіемъ искусства начинается отдѣленіе самостоятельныхъ искусствъ: поэзіи, музыки и мимики, идетъ самотытное ихъ существованіе и развитіе.

Несомнѣнно, что народъ до сихъ поръ, за исключеніемъ немногихъ поговорокъ и загадокъ, не знаетъ стиховъ безъ музыки; эта послѣдняя если и существуетъ среди народа самостоятельно, то во всякомъ случаѣ каждая мелодія, сыгранная на бандурѣ, лирѣ, сопилкѣ, скрипкѣ, гармоніи и т. п., не составляетъ самостоятельной пьесы, а только мотивъ какой нибудь пѣсни.

Народная пѣсня не создается отдѣльно отъ своего мотива; мотивъ и пѣсня зарождается вмѣстѣ, одновременно; вмѣстѣ они живутъ въ устахъ и сердцахъ пѣвцовъ, вмѣстѣ и развиваются въ полной другъ отъ друга зависяности. Связь, слѣдовательно, народной пѣсни съ музыкой очень сильна и знаменательна, а посему и складъ стиха народнаго и форма мотива вліяютъ другъ на друга гораздо болѣе и сильнѣе, чѣмъ это бываетъ въ пѣснѣ культурной.

Такимъ образомъ полное и всестороннее изученіе склада народнаго стиха должно быть непременно соединено съ изученіемъ народной музыки, что весьма затруднительно, а для меня, непосвященнаго въ тайны музыкальной теоріи и техники, и совсѣмъ почти невозможно. Поэтому въ моихъ замѣткахъ объ избранномъ пред-

метѣ я долженъ, къ великому моему сожалѣнію, оставить музыку въ сторонѣ, касаясь ея только въ случаяхъ самыхъ необходимыхъ.

При изученіи народной версификаціи я пользовался многими общезвѣстными южно-русскими сборниками, сборникомъ великорусскихъ пѣсень Шейна и сборниками польскихъ пѣсень, изданными антропологической комиссіей краковской академіи¹⁾. Долженъ однако замѣтить, что всѣ эти сборники страдаютъ однимъ общимъ недугомъ: на версификацію и музыкальность пѣсень и думъ рѣдкій собиратель обращалъ вниманіе, или не придавая этой сторонѣ народнаго творчества ровно никакого значенія, или вовсе не понимая пѣсенныхъ формъ; отъ этого большинство пѣсень въ сборникахъ искажены въ формѣ, подчасъ до безобразія. Въ подтвержденіе сказаннаго, я приведу слѣдующіе примѣры изъ сборника Чубинскаго.

Ой підъ гаємъ зелененькимъ,	8	словъ
Тамъ орала дівчинонька волюкомъ чорненькимъ.	14	»
Орала, орала—не віла гукати,—	12	»
Найняла козачевька на скрипочку грати.	13	»
Козаченько грає, бровами моргає...	12	»
Вража мати ёго знає, на що вінъ думає:	14	»
Чи на мої воли, чи на корови,	11	»
Чи на мое біле личко,	8	»
Чи на мої чорні брови?	8	»
Воли та корови всі поздихають,	11	»
Біле личко, чорні брови по вікъ не здинаять.	14	»

По видимому, пѣсня эта не имѣетъ никакой опредѣленной формы; состоитъ она изъ 11 неправильныхъ стиховъ самой разнообразной длины, съ рифмами, кромѣ стиха восьмого, но при этомъ чувствуется почти вездѣ хорейный ритмъ. Между тѣмъ общезвѣстная эта пѣсенка, провѣренная мною въ пѣніи деревенской дѣвушки, является сложенной весьма правильно, и выдерживающей отъ начала до конца опредѣленные куплеты [(6-|-6)—(8-|-6)]²⁾. Вотъ ея живая форма:

Ой підъ гаємъ, гаємъ, || гаємъ зелененькимъ,
Тамъ орала дівчинонька || волюкомъ чорненькимъ.

¹⁾ Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej. Kraków.

²⁾ Въ формулахъ число означаетъ количество слоговъ части стиха, въ () заключается одинъ стихъ, въ [] куплетъ.

Орала, орала, || не вмѣла гукати,
 Ти наняла козаченька || на скрипочку грати.
 Козаченько грає, || бровами моргає...
 Вража ёго мати знає, || на що вінъ гадає:
 Чи на мов волы, || а чи на коровы,
 Чи на мое біле личко, || чи на чорни брови?
 Волы та коровы || усі поздижають,—
 Біле личко, чорни брови || по вікъ не злиняють.

Это пять двустопныхъ, вполне правильныхъ куплетовъ; оба стиха хорейные, правильно раздѣленные цезурой на двѣ части, при чемъ первая часть втораго стиха 8-сложная, а остальная 6-сложная. Подчеркнутыя мною слова у Чубинскаго выпущены, въ девятомъ стихѣ вставлено: „мой“, въ десятомъ, вмѣсто двусложнаго „усі“, явилось односложное „всі“, и ко всему этому изъ втораго стиха предпоследняго куплета сдѣлано два самостоятельныхъ стиха. Въ такой изуродованной формѣ эту пѣсню не только что правильно, но даже совсѣмъ слѣть невозможно.

Другой примѣръ я возьму изъ щедривокъ. У Чубинскаго щедривка № 36, вар. 13, звучитъ такъ:

Наша Малавка господня,	5+4
Въ ополонці ложки мила,	4+4
Ложку, таріну упустила	5+4
А тоненькій хвартухъ замочила.	6+4
Повій вітре черезъ ворота,	4+5
Высуши хвартухъ краше злота.	5+4
Щобъ неьба не пізнала,	3+4
Щобъ шелькою не назвала.	4+4

Неправильность стиха явняя, и положительно нѣтъ возможности опредѣлить по этому списку первоначальную формулу этой щедривки; она подходит болѣе всего къ двумъ типамъ: [(4-|4)—(4-|4)] или къ [(5-|4)—(5-|4)]. Принимая во вниманіе, что первая формула въ щедривкахъ господствуетъ, вторая-же встрѣчается только въ купальныхъ и немногихъ весняныхъ пѣсняхъ, я былъ убѣжденъ, что имѣю дѣло съ искаженіемъ первой формулы. Но затѣмъ мнѣ удалось записать ту-же щедривку съ музыкой отъ деревенской женщины и убѣдиться въ совершенно противоположномъ. Вотъ какъ она поется:

Наша Мезанка || не лівява,
 На ополовці || ложки мыла (2)
 На ополовці || ложки мыла,
 Ложку, тарілку || упустила. (2)
 Ложку, тарілку || вытягала,
 Тоненькій хвартухъ | замочала. (2)
 Ой повій вітре || буйцесенькій, (2)
 Высуши хвартухъ || тонесенькій. (2)
 Ой повій вітре || через ворота,
 Высуши хвартухъ | краше злата. (2)
 А щобъ мачуха || не пізнала,
 А щобъ шельмою || не назвала. (2)

Всѣ шесть куплетовъ выдерживаютъ съ замѣчательной стойкостью формулу [(5-4)—(5-4)], при чемъ для достиженія правильности ритма вставляются разныя слова (ой, а), иныя сокращаются (черезъ).

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ трудно довѣрять сборникамъ при изученіи склада стиха. Мнѣ на каждомъ шагѣ приходилось встрѣчаться съ подобными искаженіями, болѣе или менѣ крупными, при которыхъ подѣль часъ совершенно невозможно опредѣлить типъ стиха. А между тѣмъ тѣже сборники доказываютъ, какъ украинскій народъ замѣчательно чувствителенъ къ формѣ, какъ онъ стремится къ достиженію благозвучія, вставляя для правильности ритма совсѣмъ ненужныя для содержанія слова, сокращая и распространяя слова, повторяя одно и то же слово или даже цѣлыя фразы.

Наблюденія мои надъ стихомъ пѣсенъ въ сборникахъ приводятъ меня къ тому убѣжденію, что только та пѣсня можетъ считаться правильно занесенной въ сборникъ, которая была точно списана непременно съ пѣнія, такъ какъ народъ только въ пѣніи произноситъ стихъ правильно и не понимаетъ стихотворной формы безъ мелодіи.

Тотъ или другой характеръ склада народной пѣсни зависитъ отъ гармоническаго согласованія мелодіи со словами. Каждая пѣсня дѣлится на отдѣльные повторяющіеся періоды, называемые куплетами. Куплетъ въ музыкальномъ отношеніи имѣетъ полную закон-

ченную мелодію, раздѣленную на 2, 4, 6 или болѣе музыкальных фразъ, болѣе или менѣе разнообразныхъ по сочетанію тоновъ. Со стороны стихотворной такой куплетъ представляетъ болѣе или менѣе распространенное предложеніе съ нѣсколькими главными понятіями, около которыхъ группируются слова съ значеніемъ второстепеннымъ. Какъ въ каждой музыкальной фразѣ есть одна основная нота (тоника или доминанта), такъ соотвѣтственно въ стихахъ эти главные понятія выдѣляются среди прочихъ своимъ логическимъ удареніемъ. Каждая музыкальная фраза объемлетъ непременно одно логическое удареніе съ принадлежащими къ нему второстепенными словами, при чемъ логическое удареніе совпадаетъ съ основной нотой музыкальной фразы. Второй единицей въ составѣ куплета есть стихъ; онъ слагается изъ одного, двухъ или трехъ музыкальных фразъ и логическихъ удареній, составляющихъ какъ по законченности мелодіи, такъ и по словесному содержанію опредѣленную цѣльную часть куплета, которой соотвѣтствуетъ такая-же часть или второй стихъ. Возьмемъ примѣръ:

1. Ай не шш ми лу же, зе ле ный бай ра ге;

2. Не плаче, жури ся, мо ло дий ко за ге.

Въ этомъ примѣрѣ, какъ видимъ, 4 музыкальныя фразы, которымъ соотвѣтствуетъ столько-же логическихъ удареній, совпадающихъ съ основными звуками мелодіи; куплетъ раздѣленъ на два стиха, соотвѣтствующіе одинъ другому какъ по мелодіи, такъ и по словесному смыслу.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что народный куплетъ основанъ на логическихъ началахъ; онъ составляетъ рамки для цѣлой мысли, высказанной въ цѣльной законченной мелодіи. Въ стихотвореніяхъ литературныхъ мы зачастую встрѣчаемъ, что въ куплетѣ мысль не кончена и продолжается въ слѣдующемъ куплетѣ; еще чаще найдемъ стихи, въ которыхъ первая часть составляетъ конецъ какого-нибудь предложенія, а вторая начало слѣдующаго, составляю-

паго мысль совершенно самостоятельную. Ничего подобного не может быть въ пѣснѣ народной: дѣленіе куплета на стихи и части стиховъ всегда въ ней совпадаетъ съ дѣленіемъ на логическія и гармоническія фразы. Какъ создавались пѣвцами прототипы пѣсенныхъ куплетовъ, трудно сказать опредѣленно; по всему вѣроятію, известная прочувствованная мысль выражалась сразу въ соответствующемъ словесномъ предложеніи, пропѣтомъ въ соответствующей мысли и чувству мелодіи. Оттого такая сильная связь между содержаніемъ словеснымъ и комбинаціей тоновъ. Но прототипъ созданной пѣсни не остается неизмѣннымъ; онъ живетъ и развивается, переноса на себѣ отпечатокъ и времени и мѣстности. Создаваемые варианты къ старой пѣснѣ носятъ уже пѣсколько другой характеръ; здѣсь пѣвецъ не создаетъ мотива вмѣстѣ съ пѣсней, а только подбираетъ слова для выраженія новой мысли соответственно шаблону, опредѣленному мотивомъ. При этомъ встрѣчаются непреодолимая подѣ часть препятствія; трудно подобрать предложеніе такъ, чтобы логическія его ударенія вполнѣ совпадали съ основными нотами музыкальнаго куплета. Но вліяніе музыкальной мелодіи на удареніе въ словахъ на столько сильно, что въ неудачно подобранныхъ въ этомъ отношеніи стихахъ удареніе въ пѣніи переносится съ дѣйствительнаго своего мѣста на то, въ которомъ оно должно быть по формулѣ прототипа пѣсеннаго куплета. Зачастую мы слышимъ въ пѣніи, что вмѣсто „тебѣ, молодá, дівчина, козакі, була, ұлица“ и т. п. поется: „тебе, молóда, дівчина, козáки, була, ули́ца“. Примѣровъ подобнаго перемѣщенія можно найти очень много; въ приведенной, напр., выше щедривкѣ „Меланки“, въ четвертомъ куплетѣ слова: „буйнѣсенський“ и „тонѣсенський“, а въ шестомъ слово „мáчуха“ поются: „буйнѣсѣнький, тонесѣнький, мачу́ха“, вслѣдствіе того, что мотивъ сложенъ для такого куплета, въ которомъ логическое удареніе стоитъ на предпоследнемъ слогѣ каждой части стиха и имѣетъ соответственно акцентированный тонъ въ этомъ мѣстѣ мелодіи. Подобное перемѣщеніе ударенія есть безспорно диссонансъ, нарушающій благозвучіе пѣсни; изуродуванныя слова сильно рѣжутъ ухо, хотя мы уже и свыклись съ многими нарушеніями и часто даже ихъ не замѣчаемъ, какъ напр. въ словахъ: „мѣне, тебе, дівчина“. Постоянное употребленіе выраженія: „дівчина-рибчина“ въ пѣсняхъ амфибрахического ритма сдѣ-

лало то, что многіе полагають, что въ данномъ случаѣ удареніе стоитъ правильно и оно должно произноситься также и въ прозѣ.

И такъ связь мелодіи пѣсни съ текстомъ видна не только въ построеніи куплета, въ соотвѣтствіи логическихъ частей стиха музыкальнымъ фразамъ, но и въ соотвѣтствіи тонического построения мелодіи, акцентировкѣ словъ. Мелодіи не только составляетъ гармоническую окраску пѣсеннаго стиха, но она съ нимъ настолько связана, что малѣйшее нарушеніе правильнаго сочетанія тоновъ гласныхъ звуковъ съ тонами мелодіи производитъ диссонансъ.

Сообразивъ все вышеизложенное, я съ увѣренностію скажу, что изучать архитектуру пѣсеннаго народнаго куплета можно только въ пѣніи; только въ пѣніи мы можемъ безошибочно опредѣлить формулу куплета, только пѣніе можетъ надлежащимъ образомъ освѣтить характеръ звуковаго тембра пѣсни; одинъ текстъ пѣсни безъ мелодіи—это не болѣе какъ скелетъ куплета, часто угловатый и неправильный. Но подобное изученіе безъ музыкальныхъ данныхъ, теоретическихъ и техническихъ, невозможно, по неимѣнію надлежащаго матеріала. Кромѣ сборника Н. В. Лисенка (120 пѣсенъ), я не знаю другаго серіознаго сборника мелодій; но и этотъ страдаетъ большимъ недостаткомъ, какъ матеріалъ для изученія стиха. Пѣсенъ купальныхъ, русальныхъ, заживившихъ, веснянокъ, колядокъ и щедривокъ въ сборникѣ этомъ совсѣмъ нѣтъ, а историческихъ эпическихъ очень мало.—Пробѣлъ этотъ можно восполнить до нѣкоторой степени немногими мотивами, занесенными въ III т. сборника Чубинскаго, но матеріалъ этотъ очень бѣденъ и, какъ замѣтилъ г. Лисенко, искаженъ въ корректурномъ отношеніи. Несмотря однако на все это, я нашелъ возможнымъ и изъ этого матеріала вывести заключеніе о существованіи въ южно-русскихъ пѣсняхъ двухъ типовъ склада куплетовъ, которые я назову *древнимъ* и *новымъ*; различіе между ними я нахожу въ характерѣ тонического согласованія мелодіи съ словеснымъ текстомъ.

Древній складъ основанъ только на логическомъ удареніи; вся ритмичность древняго куплета въ правильномъ чередованіи логическихъ подъемовъ, ясно акцентированныхъ въ основныхъ тонахъ музыкальныхъ фразъ. Куплетъ состоитъ изъ стиховъ, стихи дѣлятся на логическія части. Такая логическая часть съ соотвѣт-

ственной музыкальной фразой составляет меньшую единицу въ ритмѣ, который и зависитъ отъ правильнаго построения стиховъ въ логическихъ частей, подобранныхъ въ соответственномъ количествѣ и соответственной распространенности.

Складъ новый, кромѣ чередованія логическихъ удареній, имѣетъ еще правильный подборъ высокихъ и низкихъ тоновъ, группирующихся возлѣ основнаго. Часть стиха съ логическимъ удареніемъ дѣлится еще на меньшія единицы, каждая съ однимъ высокимъ и однимъ или двумя низкими слогами. Такія единицы въ стихахъ литературныхъ называютъ стопами. При пѣніи пѣсенъ новаго склада, вы слышите въ каждой части стиха, кромѣ главнаго логическаго ударенія, еще правильное чередованіе менѣе высокихъ удареній, подчиняющихся тѣмъ-же музыкальнымъ требованіямъ, что и логическое удареніе; т. е. въ случаѣ неудачнаго подбора слова, мелодія измѣняетъ его удареніе для соблюденія ритма. Мелодія этихъ пѣсенъ построена такимъ образомъ, что вы и безъ словъ слышите въ ней стройное чередованіе, и подъ такую мелодію народъ складываетъ пѣсни съ опредѣленными стопами, правильно чередующимися.

Есть убѣжденіе, что стопный складъ составляетъ исключительную принадлежность стиха литературнаго, что это форма искусственная, не присущая народному творчеству. Это не болѣе какъ предъубѣжденіе, ни на чемъ не основанное. Масса провѣреннаго мною пѣсеннаго матеріала южно-русскаго, польскаго и великорусскаго доказываетъ совершенно противоположное. Какъ увидимъ ниже, стопный складъ въ южно-русской пѣснѣ преобладаетъ, онъ вполне выработанъ, имѣетъ свой опредѣленный характеръ и достигъ высшаго развитія въ самыхъ оригинальныхъ и изящныхъ куплетахъ.—Я не знаю, кто первый ввелъ въ литературу тоническій стопный складъ, но не думаю, чтобы стопа была выдумкой кабинетной, по образцу стиха метрическаго, и полагаю, что стопный складъ не привился-бы въ литературномъ стихѣ, если-бы не имѣлъ ничего общаго съ природными свойствами новыхъ языковъ. Я склоненъ думать, что стройный ладъ, возникшій на началахъ чисто народнаго языка, перешелъ вмѣстѣ съ народной пѣсней и въ литературу; это объясненіе, во всякомъ случаѣ, правдоподобнѣе; иначе пришлось-бы сказать, что народъ позаимствовалъ этотъ складъ

отъ поэтовъ. Разсмотримъ оба типа южно-русскаго пѣсеннаго склада по очереди.

Складъ древній безстопный. Я назвалъ его древнимъ по слѣдующему соображенію. У южно-руссовъ онъ употребляется на ряду съ стопнымъ во всѣхъ родахъ пѣсни, развѣ только въ плясовыхъ я его не встрѣчалъ; но за то всѣ пѣсни древняго происхожденія, какъ-то: колядки, щедрилки, обрядовыя почти исключительно сложены по образцу безстопному. Колядки искусственныя, сложенныя духовенствомъ и семинаристами, имѣютъ всегда стихъ стопный, такъ что я считаю древній безстопный складъ характеристической отличительной чертой всѣхъ народныхъ колядокъ. Далекъ рѣже встрѣчается этотъ складъ въ пѣсняхъ любовныхъ, бытовыхъ и даже историческихъ; тамъ стихъ стопный преобладаетъ. Сравнивая пѣсни южно-русскія съ польскими и великорусскими, я вынесъ впечатлѣніе, что по складу южно-русская пѣсня стоитъ по серединѣ между польскою и великорусскою; у поляковъ преобладаетъ уже складъ стопный, и только изрѣдка попадаются слѣды древняго стиха; зато у великороссовъ стихъ новый слышится очень рѣдко и то въ весьма неразвитыхъ примитивныхъ формахъ.

Опредѣлить точно типы древняго южно-русскаго стиха мнѣ не удалось, какъ по трудности задачи, такъ и по недостатку надлежащаго, не искаженнаго матеріала. Вотъ нѣсколько мнѣхъ наблюденій.

Южно-русскій куплетъ древняго склада обыкновенно дѣлится на два стиха, составленные изъ двухъ или трехъ частей. Каждая часть стиха, вынося опредѣленное количество тоновъ, обыкновенно имѣетъ и однообразное соотвѣтственное количество слоговъ, хотя и части бывають отступленія, нисколько не нарушающія ритма. Прибавленіе сверхъ нормы или убавленіе одного слога въ древнемъ складѣ совершенно не чувствуется, такъ какъ весь строй куплета, сохраняя однообразіе въ чередованіи логическихъ удареній, отъ этого не разрушается. При лишнемъ слогѣ соотвѣтственный тонъ мелодіи раздѣляется на два, даже короткіе, а при недостаткѣ слога соотвѣтственный тонъ присоединяется къ сосѣднему и тогда одинъ слогъ стиха произносится въ два тона. Ничего подоб-

наго нѣтъ въ стихѣ стопномъ; тамъ всякое отступленіе влечетъ за собою неизбежное явное неблагозвучіе. Насколько мелодія древняго безстопнаго склада податлива и эластична, легко провѣрить, пропѣвъ нѣсколько куплетовъ любой пѣсни древняго склада изъ сборника Лысенка.

Изъ четырехъ-фразныхъ куплетовъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе куплетъ: (5-|-5)—5-|-5); форма эта считается древнѣйшей славянской формой. Она присуща большинству южно-русскихъ древнихъ колядокъ; попадаются этого склада и щедривки и веснянки.

Ишли мѡлодні || равно съ цѣрковці,
Ой ишли, ишли, || раду рѡдили,
Раду рѡдили || не еднакую,
Не еднакую, || а тройкую... (Антон. I. 1. Коляда).

По этой формѣ сложены, несомнѣнно записанныя довольно искаженно, *коляды*: Т. III. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 27, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 41, 43, 45, 63, 74, 75, 76, 80, 85, 88, 124, 126, 128, 129, 151, 168, 171.—*Щедривки* *ibidem* №№ 1, 10, 11, 19, 29, 34, 48, 45, 61. *Веснянки* *ibid.* №№ 1, 4, 5, 6, 12, 19, 50. *Русальная* *ibid.* №№ 7, 9. *Купальная* *ibid.* № 82. *Любовныя* Т. V. № 36, 47, 91.

У поляковъ эта форма единственная, какую я встрѣтилъ въ болѣе чистомъ видѣ, хотя она нигдѣ въ колядкахъ не выдерживается отъ начала до конца. Рѣдкій примѣръ неискаженной формы представляетъ слѣдующая бытовая пѣсня:

Rozgniewała się || zona na męża,
Wzięła kogútka, || poszła do księdza:
Panie probószcu! || doradz ze temu,
Co ja mam zrobić || mężowi memu?
Zapał ze swięce, || wypał mu ócy,
Weź mu pienióndzki, || przydź do mnie w ócy.
Ja ciebie wóźme || za gospodyniom,
Bydzies safárka, || bydzies jedynom.
Za jego dúse || ja odprawić muśe,—
Ciebie safárko || ja kochać muśe. (Zbiór W.D. A. Pr. IV. 246).

Пѣсня эта замѣчательна тѣмъ, что содержаніе ея доказываетъ совсѣмъ не древнее происхожденіе; по народность ея и безыскусст-

венность не подлежит никакому сомнѣнію. Тоже явленіе, т. е. присутствіе древней формы при новомъ содержаніи, встрѣчаемъ и въ южно-русскихъ колядкахъ. Изъ указанныхъ мною выше колядокъ мы можемъ указать на 63 и 80, въ которыхъ содержаніе несомнѣнно новое—христіанское, ничего однако не имѣющее общаго съ колядками искусственными. По всему вѣроятію эти новыя пѣсни слагались подъ мотивъ какой нибудь древней колядки и получили вслѣдствіе этого и древнюю форму.

Другая, несомнѣнно тоже древняя форма куплета есть (4-|-4) —(4-|-4), замѣчаемая преимущественно въ щедривахъ, хотя попадаютъ и колядки этого склада, какъ напримѣръ слѣдующая:

Ой у полі || широкіому,
 Ой у морі || глибокому,
 Ой тамъ шіла |; Пречістай,
 Пречістая | Мати Бѣжа и т. д. (Чуб. Коляда № 91).

Складъ этотъ несомнѣненъ въ *щедривахъ* Т. Ш. №№ 6, 7, 8, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 33, 35, 38, 40, 63; въ *колядахъ* *ibid.* №№ 11, 26, 28, 91, въ *веснянкахъ* *ibid.* № 8, 28, въ *купальной* *ibid.* № 4.

Менѣе употребителенъ, хотя типиченъ по мелодіи, куплетъ (5-4) —(5-|-4); онъ господствуетъ въ пѣсняхъ купальныхъ.

Ой розвивайся, || сухій дѣбе,
 Бо вже на тебе | морозъ буде.
 А я морозу | не боюся,
 И въ петрівку | розвивюся.
 Не сподивайся, | дѣбровнѣю,
 Зъ сухого дѣба || зеленого и т. д. (Чуб. Ш. № 17).

Несомнѣнное его присутствіе я нашелъ въ *купальныхъ* Т. Ш. №№ 2, 3, 5, 11, 14, 17, 36, въ *веснянкахъ* *ibid.* №№ 33, 78 и въ одной *щедрихѣ* № 36, помѣщенной мною въ началѣ этой статьи. Собственно говоря, эта послѣдняя пѣсня не щедриха; она только поется въ богатый вечеръ при представленіи Меланки, которою одѣвается одинъ изъ парубковъ.—По своему бытовому сатирическому содержанію пѣсня о Меланкѣ существенно отличается отъ всѣхъ щедривокъ и примыкаетъ даже къ пѣснѣ обрядовой.

Еще съ большимъ сокращеніемъ второй части является форма: [(5-|-3) —(5-|-3)], замѣченная мною въ *веснянкахъ* (Чуб. Ш, №№ 42, 56, 79, 80, 117. Любовная, Чуб. V № 52).

Ой тамъ на горі || динь та динь,
 Тамъ соловейко || гвіздо звійвъ.
 Да всю ніченьку || не всипавъ,
 Собі галочку || приликавъ.
 «Ой чи будешъ ты, || галочко,
 Та моямъ діткамъ || маткою?»

Къ этимъ четыремъ куплетамъ подходитъ по размѣру куплетъ (4-|-3)—4-|-3); онъ царятъ въ пѣсняхъ обжиночныхъ. Почти всѣ обжиночныя пѣсни, занесенныя въ Ш. т. сборника Чубинскаго, сложены по этой формулѣ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ имѣють припѣвъ (5-|-5).

Уже сонце || кóбитися
 Намъ до добу || хочеться
 А мы не йдемо, || приказу ждемо. (Припѣвъ).
 или Пуге, нуге, || до межі,
 Варѣнячки || у діжі.
 Ай нуге, робить, || себе не барять. (Припѣвъ).

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ въ чтеніи слышны стопы; но слышны ли онѣ въ пѣніи, я, не зная ни одного ихъ мотива, опредѣлить не могу. Относительно припѣва надо замѣтить, что онъ составляетъ обычную принадлежность всѣхъ обрядовыхъ пѣсенъ. Характеръ его самый разнообразный; обыкновенно онъ меньше по размѣру основнаго куплета, но случаются, хотя рѣдко, припѣвы и равные и даже больше самаго куплета. Вотъ нѣсколько примѣровъ припѣва:

Тамъ військо йшло, || ладу не вайшло
 Святий вечерь!
 Иванко вшовъ || ладъ війську найшовъ
 Святий вечерь! (Коляда).

Стоять верба || кінець села.
 Рости, вербо зелененька!
 Підь вербою || три дівчини.
 Рости вербо зелененька! (Веснянка).

Поставлю сторожу, || тай посію рожу.
 Стороною доща йдуть, || стороною,
 Надь мою рожю || повною.

Поставлю сторо́жу || рідного батевька.
 Стороною дощи йдуть, || стороною,
 Надь мою рожбу || повною (Купальна).

Чаще же всего, вмѣсто особаго припѣва, повторяется послѣдній стихъ куплета или послѣдняя его часть.

До сихъ поръ мы говорили о древнихъ куплетахъ, состоящихъ изъ стиховъ короткихъ, величина которыхъ отъ 7 до 10 слоговъ. Далеко менѣе типичны безстопные куплеты болѣе распространеннаго склада; ихъ очень много разбросано по всеѣмъ родамъ пѣсенъ. Такъ въ веснянкахъ встрѣчаемъ куплетъ (6-|-5)—(6-|-5) (№ 22, 29).

Буду дивѣтися, || де мій мѣлий йде,
 Мені молодѣнькій || гостинця несе.
 Не який гостинецъ — || дротявая пліть:
 Буду-жь тебе, мѣла, || що дя ею битъ.

Въ семейной пѣснѣ, записанной въ сборникѣ Лисенка, въ III вып., подъ № 10, ясно опредѣляется куплетъ [(5-|-7)—(5-|-7)].

Ой, ты богачу, || я-жь тебе давно знаю,—
 Не сватай мене, || бо я корівъ не маю.

Еще болѣе растянутымъ является стихъ въ одной козацкой пѣснѣ (Лисенко. II, 9); тамъ стихъ 17-сложный [(8-|-9)—(8-|-9)].

Ой кривула | лебедонька, || изъ за хвѣля | вириваючи,
 Заспѣвали | козаченьки, || зъ за лиману | виступаючи.

Тотъ же размѣръ встрѣчается и въ другихъ родахъ пѣсенъ, напр. въ семейныхъ (Чуб. V. № 148, 149). По своей распространенности каждая часть стиха какъ бы раздѣляется еще на двѣ части съ самостоятельнымъ удареніемъ: по слѣдующей формулѣ, (4-|-4—4-|-5)—(4-|-4—4-|-5), образуя стихъ въ 4 ударенія; но записанный у Лисенка мотивъ отгѣняетъ только четыре ударенія во всемъ куплетѣ и дѣлится только на четыре фразы.

Во всеѣхъ приведенныхъ выше куплетахъ первый стихъ всегда бываетъ подобенъ второму. Встрѣчаются куплеты, въ которыхъ второй стихъ распространяется на два слога, разнообразя ритмъ; но такихъ куплетовъ очень немного и среди шести-фразныхъ я ихъ не встрѣчалъ. Вотъ три примѣра:

[(4 + 4) — (5 + 5)]

Якъ загрѣбить || въ роговѣю —

Пошли голосá || въ темняи лѣса.

Якъ загрѣбить || въ видявѣю —

Пошли голосá || въ чистии поля. (Колядка Чуб. № 132).

[(5 + 5) — (6 + 6)].

Охъ, я бачытса || лѣсокъ не высокъ, —

Яжъ тамъ походила, || заблудила була.

Охъ, и бачытса || лѣсокъ не высокъ, —

Не доходь до бáтька || жалібний голосокъ. (Любовная.

Лисенко, III т., № 16).

[(4 + 5) — (6 + 5)].

Ой матѣсю, || ты не гáй мене,

Въ далеку дорóгу || вырижай мене.

Теперь вѣчка || та темнѣпкъзя,

Козаку дорóга || та далѣкая.

Иавъ кóзакъ || та дорóгою,

Пустьавъ голосóчокъ || та дѣровою. (Автопов. I).

Шести-фразные древнѣе куплеты всегда дѣлятся на два подобные стиха, построениями однообразно. Они свойственны пѣснямъ серьезнымъ съ широкимъ размахистымъ напѣвомъ; это куплетъ эпическѣй и бытовой. Въ противоположность напѣвамъ легкимъ и игривымъ, послѣдняя (3-я) часть стиха если не равна, то всегда длиннѣе предыдущихъ. Укороченія послѣдней части почти не бываетъ въ шести-фразныхъ куплетахъ. И нашелъ очень немного примѣровъ такого укороченія въ куплетѣ (4-¹-4-¹-3) — (4-¹-4-¹-3).

Перелети || соколóньку, || пролетѣ

Черезъ наше || Боряшпóле || да въ пóле. (Веснянка Чуб. III, № 60). См. то-же Чуб. III. Дожиночныя № 45, 53.

Чѣмъ короче послѣдняя часть стиха, тѣмъ мотивъ и ритмъ рѣзвѣе, чѣмъ эта часть длиннѣе, тѣмъ мелодѣя протяжнѣе и ритмъ сериознѣе. По этой-то конечной части стиха я дѣлю шести-фразные куплеты на три разряда: съ пяти, шести и семисложною послѣднею частью стиха. Всѣ куплеты этихъ трехъ разрядовъ не имѣють опредѣленныхъ типовъ, приуроченныхъ къ извѣстному роду

пѣсни; можно сказать только, что чѣмъ длиннѣе стихъ, тѣмъ серьезнѣе содержаніе, тѣмъ размахистѣе мелодія. Я не встрѣчалъ исторической пѣсни съ 5 сложной третьей частью и нашель у Чубинскаго только одну веснянку съ 7 сложной послѣдней частью; хотя собственно говоря эта послѣдняя (№ 10), по своему содержанію, ничего съ веснянками общаго не имѣеть; это грустная любовная пѣсня, и почему она попала въ разрядъ веснянокъ—не знаю.

Вотъ примѣры ясно опредѣленныхъ куплетовъ всѣхъ трехъ разрядовъ:

Съ пятисложной конечной частью: [(4-|4-|5)—(4-|4-|5)].

Колябъ мені !! да Господи, || повечоріло,
На моєму-бъ !! да сѣрденьку || поздоровіло.

Чуб. III Веснянки № 99, 108.

[(4-|5-|5)—(4-|5-|5)].

Жила собі !! да удівовька || да на край села,
Мала собі !! да удівовька || сына сокола. (Лисенко II 20. Семейя.)

Съ шестисложной конечной частью: [(5-|4-|6)—(5-|4-|6)].

Да всі зірочки || до кўпочка, || місяць иде різно,
Да не лай мене, || моя мати, || що я хожу пізно. (Чуб. III Вес. № 104).

[(5-|5-|6)—(5-|5-|6)].

Ты на тїмъ боці, || я на сімъ боці— || обоє надъ водою;—
Не суди-жъ мене, || сѣрденько мое, || стоячи зъ другою.

Чуб. III, Веснянки, № 36, 91, 113.

[(4-|6-|6)—(4-|6-|6)].

Розвивайся, || а ты сухой дубе, || завтра морозъ буде;
Убірайся, || молодой козаче, || завтра похоть буде. (Лисенко. I. № 11. Коз.)

Съ семисложной конечной частью: [(5-|5-|7)—(5-|5-|7)].

Ой зійшла зоря || вечірова, || надъ Пичаївомъ стала;
Ой выступило || турецьке військо, || якъ та чорная хиара.

Лисенко I, 1. Историческая. II, любовная, № 33, 34. Чуб. III. Веснянка, № 10, V. Козацкая, № 28. Любовная у Чуб. V. № 55.

[(4-|6-|7)—(4-|6-|7)].

Ой, якъ візьме || Нечай молодецький || та одъ брамы до брамы,
Ой ставъ класти || та превражизъ ляхівъ || ажъ у чотырі лавы.

Лисенко, III, про Нечая, II, про Палія и бурлацкая № 13.

[(5-|-6-|-7)—(5-|-6-|-7)].

Ой, заведужавъ || славный чумаченько, || та либонь хоче вмерти;
Ой, не дай Боже, || сѣму чумакові || на чужиновній смерти.

Чумацкія, Лисенко. I, 14, II, 10, III, 7. Чубин. V. № 172.

[(6-|-6-|-7)—(6-|-6-|-7)].

Ой, полетп, галко, || ой, полети чорна, || дай на Січъ рыбы істи;
Ой, принеси, галко, || ой, принеси чорна, || відъ Кошового вістя.

Лисенко, III, про Кальнишевского. I, чумацк., № 15.

Кромѣ приведенныхъ 21 куплета древняго склада, есть еще много самыхъ разнообразныхъ вариаций, болѣе или менѣе часто встрѣчающихся. Бываютъ, напримѣръ, куплеты трехъ-стишные и вмѣстѣ съ тѣмъ трехфразные, гдѣ одна музыкальная фраза отвѣчаетъ цѣльному стиху. Но такъ какъ трехъ-стишное построение не свойственно южно-русской пѣснѣ, то для выполненія музыкальнаго куплета повторяется одинъ стихъ два раза. Вотъ примѣръ одной чумацкой пѣсни (Лисенко. II. № 11).

[(7)—(7)—(8)].

Ой, чумаче, чумаче,
Ой, чумаче, чумаче!
Ой! въ тебе личко козаче,
Чомъ не сієшь, не орєшь,
Чомъ не сієшь, не орєшь,
Ой, а не рано зъ Крыму йдєшь?

Но подобное трехфразное построение мелодіи весьма рѣдко; надо при этомъ замѣтить, что въ приведенномъ примѣрѣ повторение перваго стиха не можетъ быть разсматриваемо, какъ refrain (припѣвъ), такъ какъ отвѣчающая этому повторенію вторая музыкальная фраза составляетъ интегральную часть мотива, совершенно несходную съ прибавочными припѣвами.

Всѣ представленныя мною виды древнихъ куплетовъ относительно своего построения не возбуждаютъ никакого сомнѣнія въ

своей древности; въ нихъ нѣтъ ничего случайнаго. Я записалъ только тѣ формы, которыя мною были проверены или въ пѣсни, или въ разныхъ пѣсняхъ, или наконецъ тѣ, которыя выдерживались пѣсней отъ начала до конца и не возбуждали подозрѣнiя въ искаженiяхъ, которыми полны сборники, даже сборникъ Лисенка.

Мѣсто логическаго ударенiя, какъ мы выше видѣли, находится въ тѣсной связи съ мѣстомъ основнаго тона въ музыкальной фразѣ. Мы видѣли также, что если слова подобраны къ мотиву неудачно, то мелодiя измѣняетъ въ пѣсни мѣсто дѣйствительнаго грамматическаго ударенiя. Имѣя въ виду частыя искаженiя словеснаго текста, при весьма маломъ материалѣ музыкальномъ, я не рѣшаюсь дѣлать какихъ либо выводовъ относительно разстановки логическихъ ударенiй, хотя вездѣ въ пѣсняхъ видно стремленiе къ правильному чередованiю повышенiя голоса. Можно только сказать, что ударенiе стоитъ почти всегда на предпоследнемъ или третьемъ съ конца слогѣ каждой части стиха, рѣдко на четвертомъ или последнемъ; при этомъ бываетъ, что части одного стиха подобны соответственнымъ частямъ другого. Такъ наир.:

Ой далеко *чѹти* || такую *повину*,
Ще вбито *Петруна* | въ глубокай *долині*. (Лавренко).

Или:

Ишла *молодци* || рано въ *цѣрковци*,
Ой ишли, *ишли*, || раду *радили*. (Антонович).

Въ обоихъ примѣрахъ всѣ части куплета подобны между собою, при чемъ въ первомъ ударенiе всегда стоитъ на предпоследнемъ слогѣ, а во второмъ на третьемъ съ конца каждой части. Въ слѣдующемъ примѣрѣ ритмъ построенъ не такъ однообразно; въ немъ всѣ первыя части стиховъ имѣютъ ударенiе на предпоследнемъ, а вторыя на третьемъ съ конца слогѣ:

Ой у *пѣлі* || широкому,
Ой у *мѣрі* || глубокому (коляда).

Благозвучiе стиховъ шестифразныхъ куплетовъ построено по большей части по первому образцу, хотя не безъ частыхъ исключенiй, въ родѣ слѣдующаго:

Коли-бъ *мѣти*, || да *Гѣсподи*, || повечоріло,
На *хоѣму-бъ* || да *сѣрденьку* поздоровіло.

Относительно *рифмы* слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Стихи древняго типа бываютъ или рифмованные или бѣлые. Эти послѣдніе, вообще говоря, встрѣчаются далеко рѣже рифмованныхъ и то только въ колыдкахъ, щедривкахъ, купальныхъ и другихъ пѣсняхъ древняго происхожденія; ихъ почти нѣтъ въ пѣсняхъ бытовыхъ и даже въ историческихъ попадаются они случайно. Чаще всего бываетъ, что среди рифмованныхъ стиховъ попадаются куплеты съ бѣлыми стихами, которые звучатъ среди ихъ явнымъ неблагозвучіемъ, свидѣтельствующимъ или объ искаженіи пѣсни, или о неудачномъ подборѣ куплета.

Рифмованные куплеты представляютъ два главные типа: или рифмы разставлены въ концѣ стиховъ куплета, или въ концѣ частей стиха. Въ первомъ случаѣ бываетъ, обыкновенно, что одной рифмой связаны только два стиха куплета, но часто случается, что новый куплетъ начинается повтореніемъ послѣдняго стиха предыдущаго куплета и однообразная рифма идетъ черезъ два куплета. Связаніе въ частяхъ стиха бываетъ только въ четырехфразныхъ куплетахъ; въ шестифразныхъ я такихъ рифмъ не встрѣчалъ, напр.:

Ой въ полі, полі, || блязько дором,
 Могала сѣе, || вѣско гуле.
 Могала сѣе, || вѣско гуле,
 Иванко прийшовъ, || ладъ вѣську найшовъ,
 Ладъ вѣську найшовъ, || попередъ пішовъ...
 А ёго венька || барзо старенька
 Выпроважала, || тай научала (Коляда Чуб. № 00).

Подобныя рифмы въ чистомъ видѣ встрѣчаются довольно рѣдко; онѣ чаще бываютъ смѣшаны съ рифмами перваго типа, т. е. стоящими только въ концѣ стиховъ; напр.:

По полю, по полю, || по полю хмара,
 Ой то не хмара, || то зъ коня парь.
 Ой тамъ Иванко || конька гонивъ,
 Конька гонивъ, || короля ловивъ.
 Погравъ короля || впередъ коня,
 По чагарочку, || й по пожарочку.
 А пожаръ віжки || дай поджигас;
 А кровь слідочки || дай заливає. (Коляда. Чуб. № 00).

Рифмы мужескія и женскія очень часто, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, встрѣчаются въ перемѣшку въ одной и той-же пѣснѣ, хотя односложная рифма чаще слышится въ стопномъ, чѣмъ въ древнемъ куплетѣ.

Складъ новый. Мнѣ не приходилось читать ни одной серіозной работы по вопросу о складѣ южно-русскаго стиха, кромѣ коротенькой, поверхностной замѣтки А. Потебни въ рецензій его на сборникъ Головацкаго, помѣщенной въ 37 томѣ Зап. Имп. Ак. Наукъ, за 1881 г. Я потому не знаю, выработаны-ли наукой какія нибудь положенія по настоящему вопросу, сдѣланы-ли какія нибудь выводы относительно характера построенія ритма и связи его съ музыкой. Извѣстно мнѣ однако, что господствуетъ предубѣжденіе, якобы народному стиху не присущъ стопный складъ ритма. Я лично былъ того-же мнѣнія, принимаясь за мои наблюденія надъ построеніемъ нѣсколькихъ формъ у южно-руссовъ, но, къ великому моему удивленію, на каждомъ шагу бросалось мнѣ въ глаза однообразіе стопнаго построенія. Не довѣряя выводамъ, сдѣланнымъ при чтеніи пѣсень, я началъ провѣрять ихъ въ пѣніи, на сколько давалъ мнѣ матеріала сборникъ Лисенка, Бѣдличка и Гулака-Артемовскаго. Масса провѣреннаго матеріала въ чтеніи и весь извѣстный мнѣ матеріалъ музыкальный убѣдили меня въ томъ, что ритмъ стопный безспорно присущъ южно-русскому куплету, имѣетъ свой народный типъ и характеръ. Но я долженъ оговориться. Стопная ритмичность народной пѣсни не вполне сходна въ основаніи съ такою-же ритмичностью книжнаго стиха. Ритмъ этого послѣдняго основанъ на чередованіи грамматическихъ удареній, разставленныхъ въ извѣстномъ порядкѣ относительно слоговъ безъ удареній. Въ народной-же пѣснѣ центръ тяжести стопнаго построенія переносится изъ словъ на музыку, которая въ звуковой гармоніи безспорно господствуетъ надъ текстомъ словеснымъ, такъ что стопный ритмъ имѣетъ свое основаніе въ мелодіи, и удачно подобранные подъ извѣстную мелодію словесные куплеты посятъ на себѣ слѣдъ стопнаго построенія музыки. Какъ логическое, такъ и грамматическое удареніе имѣютъ въ чтеніи одно и тоже основаніе—вышешеніе голоса или лучше акцентировку. Въ пѣніи высота тона

мало вліяць на удареніе, а больше протязность звука и напряженность его. Это легко провѣрить, произнося въ какомъ нибудь одномъ музыкальномъ тонѣ цѣлое слово, причемъ для соблюденія и яснаго указанія мѣста ударенія достаточно будетъ произнести соответственный слогъ протязнѣе или сплнѣе—громче. Если мы произнесемъ протязнѣе въ томъ-же (одинаковой высоты) тонѣ слогъ не имѣющій грамматическаго ударенія, то почувствуемъ явное искаженіе ударенія въ словѣ. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые мы можемъ наблюдать у Лисенка, я укажу на слѣдующій въ пѣснѣ: „Що за слава въ свѣті стала“ (III. № 34). Пятый куплетъ этой пѣсни заканчивается словами: „й Ярина молода“, составляющими вторую часть второго стиха куплета. Слово „молода“ имѣетъ грамматическое удареніе на послѣднемъ слогѣ, но въ пѣніи этой пѣсни вы явно слышите: „моло́да“, т. е. удареніе перенесено подъ вліяніемъ мелодіи на предпоследній слогъ, не смотря на то, что оба слога поются въ одномъ и томъ-же тонѣ fa, но предпоследній слогъ произносится въ мелодіи нѣсколько разъ протязнѣе послѣдняго. Искаженіе въ данномъ случаѣ звучитъ очень рѣзко, избѣжать его безъ окончательнаго искаженія мелодіи невозможно. Далѣе мы видимъ, что во всѣхъ остальныхъ куплетахъ послѣднія слова имѣютъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ. Изъ сказаннаго, кажется, вполне ясно, что удареніе словъ въ пѣніи вполне зависитъ отъ построенія мелодіи. Однообразное построеніе мелодіи, повторяющейся черезъ всѣ куплеты, требуетъ однообразія въ чередованіи слоговъ съ удареніемъ.

Я мало свѣдущъ въ музыкѣ, но замѣтилъ слѣдующее явленіе въ мелодіяхъ: одни мелодіи отгѣняютъ всѣ ударенія правильно сложеннаго куплета, другія менѣе связаны въ звуковомъ отношеніи съ текстомъ и отгѣняютъ только ударенія логическія, причемъ всѣ остальные ударенія какъ-бы безразличны въ пѣніи. Въ мелодіяхъ перваго рода замѣчается въ построеніи куплетовъ словесныхъ постоянство однообразнаго чередованія грамматическихъ удареній, между тѣмъ какъ въ мелодіяхъ втораго рода это постоянство примѣнено только относительно удареній логическихъ.

Возьмемъ примѣръ:

Якъ до тебе ходити,
Тебе вірно любятъ?—

Въ тебе мыши лжи, въ тебе мыши лжи,
Серце мое, серце мое!

Мелодія этой пѣсни построена такъ, что во всѣхъ словесныхъ куплетахъ требуетъ слѣдующаго расположенія слоговъ съ удареніемъ:

— — | — — | — — —
— — | — — | — — —
— — — | — — — || — — — | — — —
— — | — — || — — | — —

Малѣйшее отступленіе отъ этой схемы въ разстановкѣ удареній влечетъ въ пѣніи искаженіе ударенія слова, что мы можемъ видѣть въ первомъ стихѣ приведеннаго куплета. Логическое удареніе стоитъ на словѣ: „ходить“ но мелодія ясно отгѣняетъ и остающія два грамматическія ударенія, при чемъ въ словѣ: „тебе“ переноситъ это удареніе съ послѣдняго слога на первый, такъ что въ пѣніи слышится: „тебе“ вмѣсто „тебѣ“. Переходъ ритма въ третьемъ стихѣ въ анакестный поразительно ясно чувствуется въ самой мелодіи. Совершенно другое явленіе мы видимъ въ пѣсняхъ древняго склада; тамъ музыка настойчиво требуетъ правильнаго чередованія только удареній логическихъ, расположеніе-же прочихъ удареній совершенно случайно и отъ мелодіи не зависитъ, что легко провѣрить въ пѣніи примѣровъ изъ сборника Лисенка. Констатируя два эти различныя свойства мелодій, я отказываюсь давать имъ какое-бы то ни было объясненіе. Есть-ли существенная разница въ основаніи построенія этихъ мотивовъ, или стопное построеніе мотивовъ составляетъ дальѣйшее развитіе построенія логическаго— это для меня вопросъ открытый, хотя для послѣдняго предположенія у меня имѣются слѣдующія данныя. Есть много такихъ пѣсень, которыя я готовъ назвать пѣснями *смѣшаннаго* склада, составляющими переходъ отъ древняго склада къ новому. Въ пѣсняхъ этого рода опредѣленныя части куплета имѣютъ ритмъ только логическій, другія-же постоянно посятъ на себѣ слѣдъ извѣстнаго построенія стопнаго, правильно повторяющагося черезъ всѣ куплеты. Такъ напр.:

Що на той бочокъ, ! и на цей бочокъ | річка рѣзлілася—
Та стоять дівка || та взъ парубкомъ, ! стоять об'ялася.

Ой якъ же вінъ , та звездѣ зъ ума, во будѣ | любити—

Ой де бiльше . та челядонька, || тамъ будѣ й . судити. (Лавренко).

Въ этой пѣснѣ послѣднія шестисложныя части всѣхъ стиховъ построены изъ двухъ амфибрахіеихъ (— — | — —), не смотря на то, что остальные части стиховъ не имѣютъ совершенно стопнаго ритма. Однообразіе стопнаго построения этихъ послѣднихъ частей стиховъ во всей пѣснѣ указываетъ на неслучайное сочетаніе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія, хотя, разумѣется, безъ проверки мелодіи нельзя сказать опредѣленно, чувствуется-ли это сочетаніе въ ритмѣ музыкальномъ. Константируя фактъ этого явленія, я не рѣшаюсь пока опредѣлять типа смѣшаннаго склада, оставляя этотъ вопросъ до того времени, когда мнѣ удастся подобрать достаточный соотвѣтственный музыкальный матеріалъ.

Что стоичное построение куплетовъ есть дальнѣйшее развитіе логическаго лада, видно еще и изъ того, что во многихъ, безспорно древнихъ пѣсняхъ, какъ напр. колядкахъ, въ пѣніи случается слышать всегда въ опредѣленномъ мѣстѣ отгнѣненіе, кромѣ удареній логическихъ, еще и нѣкоторыхъ, хотя не всѣхъ, грамматическихъ. За тѣмъ уже въ чистомъ стопномъ ладѣ, все таки при правильномъ чередованіи удареній грамматическихъ, отмѣчается всегда въ мотивѣ тотъ-же древній логическій подъемъ съ явнымъ преобладаніемъ надъ прочими стопными удареніями.

Опредѣляя типы куплетовъ новаго склада и стопное ихъ построение, мы, разумѣется, не въ состояніи ограничиться только музыкальнымъ матеріаломъ; его слишкомъ мало для этой цѣли. По неволѣ приходится имѣть дѣло съ глухимъ и искаженнымъ текстомъ. Изъ сборниковъ я выбиралъ пѣсни, въ которыхъ замѣчалъ правильное стоичное построение, однообразно повторяющееся во всѣхъ куплетахъ, оставляя въ сторонѣ тѣ пѣсни, въ которыхъ грамматическія ударенія не укладывались въ опредѣленный порядокъ. Въ приводимыхъ мною ниже примѣрахъ изъ сборника Лисенка стопный ритмъ проверенъ мною въ пѣніи, а въ остальныхъ примѣрахъ я убѣдился въ существованіи стопнаго не случайнаго построения вслѣдствіе постоянства однообразнаго сочетанія слоговъ съ удареніемъ и безъ удареній во всей пѣснѣ.

Отъ гармонической различной комбинаціи разныхъ по высотѣ, напряженности и протяженію тоновъ зависитъ характеръ благозвуч-

чія мелодіи. Южно-русская пѣсня вообще отличается спокойствіемъ, мелодичностью и плавнымъ однообразнымъ теченіемъ мелодій; рѣзкихъ переходовъ отъ одного темпа къ другому встрѣтить трудно. Какъ-бы длиненъ куплетъ ни былъ, напр. 6-ти-фразный, въ немъ всѣ части мало другъ отъ друга отличаются по характеру мелодіи; только пѣсни шуточные, пѣкотормя плясовыя болѣе разнообразятся въ ритмѣ мелодіи. Этотъ характеръ южно-русской музыки, въ силу ея сильной связи съ словесными звуками, отразился на характерѣ стопнаго построенія словесныхъ куплетовъ. Различное сочетаніе слоговъ съ удареніемъ и безъ удареній имѣетъ свою характерную мелодію.

Спокойное теченіе мелодіи съ хорейнымъ или амфибрахическимъ ритмомъ рѣзко отличается отъ ритма ямбаго или анапестнаго; такъ напр.:

Шовкомъ шила, шовкомъ шила, золотомъ рублила,
Все-жь для того чумаченька, що я полюбила.

Или:

Ой ты-жь казавъ, вражий сыну, що гарбузъ не дорісь, —
Якъ я-жь тоби учеплаа, то ты ледво довісь.

Обѣ пѣсни сложены по одной формулѣ [(8-)-6]—(8-)-6]; но какая разница въ ихъ тембрѣ, вслѣдствіе различнаго сочетанія слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія; первый куплетъ имѣетъ плавный хорейный ритмъ, а второй имѣетъ ритмъ смѣшанный съ преобладаніемъ ямба и анапеста:

(- — | - — | — ∪ | — ∪ | ∪ ∪ — | ∪ ∪ —).

Въ силу этого свойства стопнаго ритма, какъ увидимъ ниже, въ южно-русскихъ пѣсняхъ царитъ хорейный ладъ; онъ составляетъ главную основу ритма всѣхъ почти пѣсень, нарядка разнообразяется другими стопами, преимущественно амфибрахического склада; есть даже пѣсни съ чистымъ анапестомъ; но иногда не бываетъ чистаго ямба, онъ даже въ ритмѣ смѣшанномъ слышится рѣже другихъ стопъ.

Переходя къ рассмотрѣнію типовъ куплета новаго склада, я еще долженъ обратить вниманіе на то, что не всѣ формы древняго склада являются съ стопнымъ ритмомъ; такъ напр. форма [(5 + 5) — (5 + 5)], столь распространенная въ пѣсняхъ древняго лада, не

встрѣчается вовсе въ пѣсняхъ стопныхъ; и наоборотъ форма [(8+6) —(8+6)] всегда имѣетъ развитой стопный ритмъ.

Принимая во вниманіе, что стопный складъ куплета есть только высшая ступень развитія куплета логическаго, что въ новомъ куплетѣ остается тоже дѣленіе на музыкальныя фразы и соотвѣтственныя имъ логическія части стиха, и при классификаціи куплетовъ новаго склада принялъ тоже основаніе, что и относительно древняго типа, т. е. количество слоговъ, указывая при каждой формулѣ присущій ей стопный ритмъ.

Самую простую форму представляютъ четырехфразные куплеты, въ которыхъ всѣ части стиховъ подобны. При этомъ замѣчаются двѣ формы: въ первой музыкальная мелодія выполняется четырьмя одинаковыми короткими стихами съ однимъ логическимъ удареніемъ, а во второй—въ куплетѣ только два болѣе длинныхъ стиха, разделенныхъ цезурою на совершенно подобныя части. Изъ куплетовъ перваго рода обращаетъ на себя вниманіе куплетъ изъ четырехъ 8-ми сложимыхъ стиховъ. Это весьма распространенный стихъ:

— 0 | — 0 | — 0 | — 0

Гоминь, гоминь по діброві,
Тузань поле покрывае—
Тузань поле покрывае,
Матя сына прогоняе.

Или:

Ой ты Гандзю мялостива,
Чия ты брови памастиза?
Купервасу куповала,
Черни брови малѣвала...

См. Лисенко. Козацкая. II, 7. Любовныя. II, 36, 40, I, 20, 38; Чубинскій. V, Любовныя: 7, 16, 30, 33, 41, 50, 59, 73, 74, 80, 89, 8, 9, 90, 97. Козацкія: 19, 21, 22, 23, 26, 27, 37, 38, 43, Бурлацкія: 125, 126, Чумацкія: 146, 155, 156.

Есть пѣсни, въ которыхъ весь словесный куплетъ занимаетъ всего два восьмисложныхъ стиха и для выполненія четырехсложной мелодіи въ пѣиіи каждый стихъ повторяется два раза; напр.

Що то въ лісі зашуміло?
Що то въ лісі зашуміло?

Сосна зъ вітромъ говорила,
Сосна зъ вітромъ говорила.

См. Лисенко, II. Семейная, 23. Любовная, 30.

У Лисенка есть пѣсня козацкая (II. 8) съ трехфразной мелодіей, выполняемой двустипнымъ хорейнымъ куплетомъ, причемъ первый стихъ повторяется два раза, напр.:

Ой не пугай, пугаченьку,
Ой не пугай, пугачевьку,
Въ зеленому бабраченьку.

Рѣже слышится 7-сложный стихъ въ четырехсложныхъ куплетахъ; онъ представляется какъ-бы укороченіемъ стиха восьмисложного, оканчивается слогомъ съ удареніемъ и паузой вмѣсто недостающаго послѣдняго слога:

— ~ | — ~ | — ~ | — ?

Терень, терень, та не хміль,
Пришовъ милый, та не мій:
Мою душу порыва,
Кого люблю, той неса. (Лавренко).

Есть семисложные стихи самостоятельные смѣшаннаго ритма съ амфибрахіемъ на концѣ:

— ~ | — ~ | — ~ ~

Но прислушавшись къ единственной мнѣ извѣстной мелодіи съ этимъ стихомъ (Лисенко. II, 18), скорѣе можно полагать, что подобные стихи укладываются въ куплетъ [(4+3) — (4+3)].

У Кііві || на рынку
Пють чужаки || горілку.
Ой пють вони, || гуляють
На шивкарку ! гукають.

См. у Чубинскаго. V, любовная 15; козацкая 24; чумацкая, 157.

Рѣдко можна найти шестисложные стихи; обыкновенно изъ нихъ составляются два 12-сложныхъ стиха съ подобными шестисложными частями. Зачастую такой куплетъ [(6+6) — (6+6)] бываетъ чистымъ хорейнымъ

— ~ | — ~ | — ~ | — ~ | — ~ | — ~

Ой не шумя луже, || зеленый байраче;
 Не плачь, не журися, || молодой козачо.
 Якъ мені не шуміти, || бувши зеленому;
 Якъ мені не плакати, || бувши молодому.
 Сусідопьки блазькі, || ворогоньки тяжкі,
 Не велить ходити, || дівчяны любляти.

См. Лисенко. I, 32 (любовная); II, 37 (любовная); III, 17 (семейная). Чубинский. III, щедривки 2, 9; веснянки 7, 54, купальная 30. V, любовныя 5, 69, 94, 104.; козацкая 48; бурлацкія 132, 139; чу-мацкая 168.

Записанная у Чубинского съ музыкой щедривка № 9 представляет оригинальный примѣръ музыкальнаго двуфразнаго куплета, при чемъ фразѣ отвѣчаетъ шестисложный хорейный стихъ:

Василева мати
 Пішла щедрувати.
 Край стола стояла,
 Чесный хрестъ держала.

Мотивъ очень монотонный и скучный.

Въ словесномъ текстѣ куплетовъ (6-1-6)—(6-6) мы часто встрѣчаемъ обыкновенно во второй части стиха вмѣсто трехъ хоресвъ два амфибрахіа.

— — — — — || — — — | — — —

Ой не шумя луже, || зеленый байраче.

Два эти амфибрахіа никогда однако не выдерживаются въ пѣснѣ, насколько я могъ провѣрить въ музыкѣ, хотя въ вышеприведенномъ примѣрѣ такіе амфибрахіа поются ритмомъ хорейнымъ:

Зелѣный байраче.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о амфибрахіяхъ и другихъ трехсложныхъ стопахъ въ первой части, напр:

Чумачѣ бурлачѣ || чого зажурися;
 Чи воли пристали, || чи зъ дороги збѣвся?

Въ пѣснѣ этотъ куплетъ поется въ чистомъ, явственномъ хорейномъ ритмѣ.

Пѣсень этой формулы не хорейнаго ритма весьма мало. По музыкѣ мнѣ известна только одна анапестная пѣсенка:

— — — | — — — || — — — | — — —

Ой и жаль же мені́ || що любовь л ія,
 Що любовь та не зявѣ, тільки світь завлявѣ.
 Та узявѣ напена, || та не рівня моя,
 Та бопься воца || йти по воду сама.
 Якъ по воду йду, || то за ручку веду.
 Якъ зъ водою йду, || тай відерця несу. (Молшпнская, стр. 57).

Пѣсня эта, какъ въ мелодіи, такъ и въ словесномъ текстѣ выноситъ отъ начала до конца по два анапеста въ каждой части стиха. У Лавренка есть пѣсня, въ которой первая часть стиха анапестная, а вторая хорейная, и ритмъ этотъ выдержанъ правильно:

— — — | — — — || — — — | — — —

Таки дубъ, таки дубъ || таки зеленський
 Таки бувъ, почувавъ || хлопецъ молоденький.

Чисто амфибрахического ритма я не могъ прослѣдить ни въ музыкѣ, ни въ текстѣ пѣсень. Есть у Лавренка одна любовная пѣсня, выдерживающая постоянно въ словесномъ текстѣ чистый амфибрахій:

Ой перепелячка,
 Мала невеллчка,
 По полю літає,
 Траву прогортає,
 Гвіздечка шукає.
 Знайшла сокілочка:
 » Сокілочку ясний,
 Мій мляий, прекрасний,
 Гордуєшь ты явою,
 Якъ вітеръ горою.

Изъ послѣднихъ четырехъ стиховъ слѣдуетъ заключить, что пѣсенка эта въ пѣніи имѣетъ ту же формулу [(6 + 6) — (6 + 6)]; у Чубинскаго (V, № 9) она искажена совершенно. Не зная мелодіи, трудно положительно утверждать, что она выдерживаетъ въ пѣніи амфибрахическій ритмъ, не смотря даже на его постоянство въ тек-

стѣ,—въ виду того, что подобный примѣръ въ моихъ наблюденіяхъ единственный. Преобладаніе амфибрахическаго ритма представляетъ одна русальная пѣсни (Чуб. III, № 2).

Сиділа русалка || на білій березі,
 Просила русалка || въ жіночокъ намітки.
 Жіночки, сестрички, || дайте мені намітки
 Хочь не топенької, || абы біленької.

Не смотря однако на эти примѣры, можно сказать, что чистый ритмъ амфибрахическій, если и случается, то, какъ и анапестный, составляетъ исключеніе среди массы пѣсень хорейнаго склада.

Четырехфразные куплеты, въ которыхъ части стиха разнообразны, а стихи подобны между собою, представляютъ значительно больше видовъ, хотя и не имѣющихъ широкаго опредѣленнаго примѣненія. Къ числу такихъ принадлежитъ:

$$[(4 + 6) - (4 + 6)]$$

Ритмъ пѣсень этой формулы тоже чисто хорейный, съ тѣмъ же присутствіемъ во второй шестисложной части амфибрахіевъ въ словесномъ текстѣ:

Щой у полі | край дороги рівно,
 Ходивъ козакъ || до дівчини пізно.
 Ой не ходя, || козаче, до мене,
 Буде слава | на тебе й на мене.

Лисенко. II, 17 рекрутская, III, 14 семейная, 26, 28 и 30 любовныя. I, 35 любовная. См. Чуб. III, веснянки 92, 101; купальная 8; V, чумацкая 145.

Тотъ-же размѣръ встрѣчается при куплетѣ четырех-стишномъ, который вслѣдствіе четырехъ-фразной мелодіи скорѣе можно опредѣлить такъ [(10)—(10)—(10)—(10)]:

Ой пуцу я копиченька въ саду,
 А самъ піду къ отцю на пораду,
 Отець-же мій по садочку ходять,
 За повода копиченька водить (Лисенко. I. 6. историческ.).

Съ тѣмъ-же хорейнымъ ритмомъ, съ постояннымъ анапестомъ въ первой части стиха, представляется форма.

$$[(7 + 6) - (7 + 6)]$$

— — | — — | — — — || — — | — — | — —

А вже тому третій день, || якъ конопля терла,
Побачила джагува, || трохи я не вмерла. (Чуб. V. любовная 28).

Любовная пѣсня у Чубинскаго (V, 168), сложенная по той-же формулѣ, имѣеть въ первой части стиха чистый хорей:

— — | — — | — — || — — | — —

Ой по тобі, дуже, || не пахожуся,
Кого вірно люблю, || не надивлюся.

Постоянное присутствіе характернаго анапеста съ однимъ лишь хореемъ въ концѣ стиха представляетъ куплетъ: [(6 + 5)—(6 + 5)]

— — — | — — — || — — — | — —

Не ходи, не люби, || не носи грошей;
Не пійду за тебе || тижь не хороній.
Не ходи, не люби, || не заляцайся
Не пійду за тебе, || не сподівайся. (Чуб. III. весн. 49).

Затѣмъ есть еще въ этой формулѣ два вида ритма съ амфибрахической первой частью:

— — — | — — — || — — — | — —

Дівчино кохана, || здорова була,
Чи-жъ ты вже за мене || тай позабула?
Призивъ до тебе, || Богъ тебе знае,
Чи твое серденько || мене кохае. (Чуб. V. Любов.).

— — — | — — — || — — — | — —

Гусята, гусята || гречку поїли,
До ставу, до ставу || нить полетіли. (Лавренко).

Самую любимую однако и самую распространенную форму среди этого рода куплетовъ представляетъ:

[(8 + 6)—(8 + 6)]

Пусти мене, моя мати, || на той бочокъ прѣсти,
Чи не вийде козаченько || сірихъ воливъ пасти. (Лавренко).

См. Лисенко, историческія: I. 8, 9, 12; II. 3, 4, 6; III. 4, 5; рекрутская, II. 16; чумацкая, III. 9; любовная, I. 30, 31; II. 38. III. 20. Чубинскій. III, всяцки 3, 16, 20, 27, 31, 32, 37, 38, 39, 40, 52, 53,

63, 77, 81, 87, 89, 90, 93, 95, 96, 97, 98, 100, 103, 106, 107, 110, 114, 115, 118, 119, 120, 127; V, любовныя: 3, 8, 13, 22, 27, 31, 34, 35, 37, 45, 54, 58, 65, 67, 68, 72, 84, 95; III, 174; козацкія: 4, 8, 17, 18, 20, 39, 40, 44, 47; гайдамацкія: 50, 51, 52, 53; бурлацкія: 123, 127, 131, 135; чумацкія: 147, 148, 149, 150, 158, 161, 164, 166.

Нѣкоторыя пѣсни этой формулы по логическому смыслу представляют по шести логических ударений въ куплетѣ: $[(4 + 4 + 6) - (4 + 4 + 6)]$, но въ 13 мелодіяхъ, пробѣренныхъ мною по Лисенку, я не замѣтилъ ни одного шести-фразнаго куплета.

Ритмъ этой формулы довольно разнообразенъ, хотя хорейный чистый преобладаетъ.

Зібравъ війска сорокъ тисячъ : въ місті Жаботни;
Обступила городъ Умань || у єдиій години.

Или:

Тамъ дівчина воду брала, || ружу поливала,
Молодого козаченька || въ гости зазывала. (Лавренко).

Изъ числа смѣшанныхъ видовъ болѣе типичны слѣдующіе:

а) съ амфибрахическою второй частью стиха:

— — | — — | — — | — — || — — — | — — —
Ой зъ за горы вітеръ віє, || калпа не спіє,
Козакъ дівку вірно любить, || зайняти не сміє.
Тіль єі не займаю, || що сватати маю,
Тіль до неі не горкуся, || що славы боюся. (Чуб. V. люб. 174).

б) съ анапестомъ и амфибрахіемъ во второй части стиха:

— — | — — | — — | — — || — — — | — — —
Не світи якъ, місяченьку, || ня теперъ, николи,
Тільки мому милевькому, || якъ иде до дому. (Лисенко II, 38).

в) весьма оригинальный жанровый ритмъ съ двумя ямбами въ первой части стиха и съ анапестной второй частью:

— — | — — | — — | — — || — — — | — — —
Ой ты-жъ казавъ, вражий сыну, || що гарбузь не доріє!
Якъ ажъ тобі ученила, || то ты ледво довіє. (Мошійская, стр. 56).

Какъ-бы распространенной формой является куплетъ съ девяти-сложной второй частью стиха: $[(8+9)-(8-9)]$; хорейный его ритмъ на концѣ каждаго стиха заканчивается дактилемъ:

— — | — — | — — | — — | — — | — — | — —

А чи мені брестя, плести, || а чи мені утопитися,—
Біднажъ моя головонько, || ни до кого прихилитися. (Лисенко II, 39).

Сокращенныя формы я замѣтилъ только двѣ: одна съ пяти-
сложной второй частью стиха: [(8+5)—(8+5)].

— — | — — | — — | — — || — — | — —

Якъ поїзавъ мій миленькый || далеко у степь,
Ой, яжъ свою куделицю || підъ лавочку геть.
Лежить моя куделиця, || лежить, падулась,
А я молодая горілка || дуже напилась. (Лисенко III, 38).

Другая съ трехсложной второй частью: [(8 + 3)—(8 + 3)] или
[(4 + 4 + 3)].

— — | — — | — — | — — || — — —

Якъ ходила дівчинонька || по межі,
Червонні черевички : на носі.
Носи, носъ, дівчинонько, || не лілуйсь,
Щобъ до тебе козачевько || пригорнувсь.

См. Лисенко. I, историческая 3; Чуб. III, веснянка 94.

Переходя къ указанію видовъ четырехъ-фразныхъ куплетныхъ
формъ, въ которыхъ стихи не подобны, я долженъ замѣтить, что
всѣ они, какъ и формы предыдущаго разряда, при всемъ своемъ
разнообразіи, не имѣють широкаго примѣненія, за исключеніемъ куп-
лета [(6+6)—(8+6)]; всѣ прочія формы, хотя и выдержаны совер-
шенно опредѣленно, но встрѣчаются довольно рѣдко, часто въ еди-
ничныхъ случаяхъ, попавшихся въ моихъ наблюденіяхъ.

Общей характеристической чертой всѣхъ четырехъ-фразныхъ
куплетовъ съ неравными стихами есть то, что второй стихъ всегда
больше перваго и вторая часть втораго стиха бываетъ равной или
больше соотвѣтственной части перваго стиха, но никогда не бы-
ваетъ меньше. Исключеніе въ обоихъ этихъ отношеніяхъ представ-
ляетъ единственныи подмѣченный мною въ любовной пѣсенкѣ
(Лисенко III, 29) куплетъ [(6+7)—(4+6)], въ которомъ второй стихъ
на три слога меньше перваго и вторая часть втораго стиха на
одинъ слогъ меньше второй части перваго стиха. Этотъ лишній
седьмой слогъ во второй части перваго стиха явился вслѣдствіе

введенія въ пѣсню передъ второй частью перваго стиха каждаго куплета восклицанія „гей!“, составляющаго родъ оригинальнаго припѣва. Если отбросить это „гей“, которое и произносится совершенно независимо, то получимъ чистый хорейный складъ, отвѣчающій хорейному ритму мелодіи:

— ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪ | — ∪
— ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪ | — ∪

Матр-жъ моя, матр, | гей! || що-жъ маю дѣяти,
Що нікому || воливъ поганяти.
Ой выйшла дівчина, || гей! || зъ карымп очима,
Вона жъ ёму || воливъ поганяла.

Совершенно съ другимъ характеромъ является подобное-же постоянное восклицаніе въ любовной пѣснѣ (у Лисенка въ томъ-же томѣ, № 32) формулы: $[(4 + 4) - (6 + 5)]$; здѣсь восклицаніе стоитъ передъ второй частью втораго стиха, не имѣетъ такого самостоятельнаго звуковаго значенія и введено въ общій ритмъ.

— ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪
— ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪

Чп ты жива, || чп здорова,
Красавица мила, || ой! чорпоброва?
Хочъ я жлва, || такъ не стану,
Вышлю жешну сестру || ой! на заставу.

Чистый хорейный ритмъ слышится въ куплетѣ $[(4+4) - (6+4)]$ одной любовной пѣсни въ сборникѣ Лисенка (II, 32),

— ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪
— ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪

Ой я въ батька || сдвнця,
Полюбила Гряця | чорпобрвця.
Я нячого | не робила,
Тільки по садочку || походила.

Куплетъ $[(4 + 6) - (6 + 6)]$ имѣетъ тоже чистый хорейный ритмъ:

Ой и зрада || карі очн, зрада:
Чому въ тебе, милый || не вся пира правда. (Лисенко I, 19. Люб.).

Какъ я выше замѣтилъ, болѣе всего въ употребленіи куплетъ [(6 -|- 6)—(8 -|- 6)]; онъ по преимуществу имѣетъ чистый хорейный ритмъ.

— — | — — | — — || — — | — — | — —
 — — | — — | — — | — — || — — | — — | — —

Нова рада стала, || якъ на небі хвала,
 Надъ вертепомъ звѣзда ясна || світу возсіяла.
 Въ Давидовімъ дому || выгравують ёму;
 На всі струны ударяють, || Бога выхваляють.
 Пастушка зъ ягняткомъ || передъ тямъ дятяткомъ
 На колінка упадають, || Бога выхваляють. (Чуб. III, коляда 59).

См. Лисенко. I, гайдамацкая 10, семейная 18; II, любовная 29; III, историческая 6, семейная 12, 21, любовная 18.

Изъ числа смѣшанныхъ ритмовъ я обращаю вниманіе на слѣдующій амфибрахическій ладъ съ хорейной первой частью втораго стиха:

— — — | — — — || — — — | — — —
 — — | — — | — — | — — | — — — | — — —

Ой горе тій чайні, || горе тій небозі,
 Що вивела чайнятокъ || при битій дорозі. (Лисенко. III, чумацкая 8).

Пѣсня эта не выдерживаетъ постоянно этого куплета, въ дальнѣйшемъ текстѣ она переходитъ въ куплетъ [(8 -|- 6)—(8 -|- 6)]; то же самое явленіе мнѣ приходилось замѣчать и въ другихъ случаяхъ при опредѣленіи пѣсеннаго размѣра [(8 -|- 6)—(8 -|- 6)]; въ виду этого я полагаю, что куплетъ [(6 -|- 6)—(8 -|- 6)] есть сокращенная форма весьма сродственного ему предъидущаго куплета.

Есть четырехфразные куплеты еще болѣе распространенные, въ которыхъ части стиха доходятъ до девяти и даже десяти слоговъ; вотъ два примѣра: [(9 -|- 6)—(8 -|- 8)]:

— — — | — — — | — — — | — — — || — — — | — — — | — — —
 — — — | — — — | — — — | — — — || — — — | — — — | — — — | — — —

Та бодай тая стеновая || могла занала,
 Де я вчора жито жала, || вчора й вечеръ утерала.
 Ой, утерала вчора вечеръ, || втеряю й тепера:
 Чогось моя жєнщина || та смутная й не весела. (Лисенко. I, люб. 28).

[(6 + 6) — (10 + 6)], въ немъ первый стихъ амфибрахическій, второй хорейный.

— — — | — — — || — — — | — — —
 — — — | — — — | — — — | — — — || — — — | — — — | — — —

Ой сынку-жь, мій сынку, || не гараздъ ты робишь:

Жалкували чужи молодци, || що ты шкоду робишь. (Лисенко. III, Семейн. 13).

Шестифразные куплеты новаго склада поддаются далеко труднѣе наблюденію въ сборникахъ, чѣмъ четырехфразные, по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Собиратели пѣсень ровпо никакого не обращали вниманія на форму, поэтому не различали стиховъ отъ частей ихъ; чѣмъ живѣе мелодія, чѣмъ болѣе разнообразія въ музыкальныхъ фразахъ, тѣмъ болѣе выдѣляются соотвѣтственныя имъ части стиховъ, какъ нѣчто самостоятельное, и для неопытнаго уха и вниманія собирателей казались отдѣльными стихами и въ такомъ видѣ записывались. Въ южно-русскихъ пѣсняхъ замѣчается постоянно излюбленный приѣмъ—повтореніе частей стиха и даже цѣлыхъ стиховъ; небрежность собирателей по отношенію къ формѣ выразилась въ игнорированіи этихъ повтореній; ихъ считали лишнимъ балластомъ въ изданіи и весьма часто отбрасывали. Затѣмъ очень и очень многія пѣсни, особенно обрядныя, имѣютъ припѣвъ, часто по содержанію весьма простой и не интересный; собиратели, не обращая вниманія на форму, зачастую совершенно его игнорировали. Запесенныя въ сборники въ подобномъ искаженномъ видѣ пѣсни представляютъ совершенно непригодный матеріалъ для наблюденій надъ формами куплетовъ. Такъ какъ шестифразные куплеты, по своей распространенности и разнообразію въ музыкальныхъ фразахъ, легче другихъ даютъ поле для подобнаго искаженія, то я нашелъ, по крайней мѣрѣ для себя, совершенно невозможнымъ опредѣлять куплетныя формулы по сборникамъ безъ музыки. Тѣ немногія формы шестисложнаго куплета, какія указаны мною ниже, взяты исключительно изъ сборника Лисенка.

Съ пяти-сложной конечной частью стиха у Лисенка есть только одна бурлацкая пѣсня (II, 15) съ куплетомъ [(6+6-5) — (6-6-5)]; ритмъ ея чистый хорейный разнообразится амфибрахіемъ въ третьей части.

— — — | — — — | — — — — — | — — — | — — — | — — — | — — —

Та щобь мое тіло || бурлящее біле || тай не чорніло,
Одь ясного сонця, || одь буйного вітру || тай не марніло.

Въ одной веснянкѣ, записанной у Чубинскаго (III, 43), замѣчается куплетъ [(6-|-6-|-6)—(6-|-6-|-6)] съ двумя амфибрахіями на концѣ стиха; безъ музыки, разумѣется, нельзя сказать опредѣленно, какой имѣеть ритмъ послѣдняя часть стиха, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ куплетѣ въ словесномъ текстѣ слышится не амфибрахіи, но анапестъ.

— — | — — | — — || — — | — — | — — || — — | — —

А по той калині || пташечки ходили, || ходили, ходили!
А тамъ(то) молодці || дівчину любили, | любили, любили!
Ой не жаль мені того || кубка золотого, || зъ тимъ виномъ, зъ тимъ виномъ!
А жаль мені того, | що я звичалася || зъ тимъ жидомъ, зъ тимъ жидомъ!

Очень оригинально звучитъ куплетъ [(5 + 5 + 6)—(5 + 5 + 6)] при соединеніи въ ритмѣ ямба, анапеста и хорей:

— — | — — — || — — | — — — | — — | — — | — —

Милая моя || неправда-жъ твоя: | тільки-жъ бо ты одва,—
Ты въ мене сама, || язь ясна зоря || вечірняя, світавшъ. (Лисенко. II, 25).

Въ этой пѣснѣ очень часто послѣдняя шестисложная часть стиха удлиняется на одинъ хорей, не нарушая притомъ въ цѣни благозвучія ритма, и куплетъ получаетъ форму [(5 + 5 + 8) —(5 + 5 + 6)] или [(5 + 5 + 6)—(5 + 5 + 8)], напр.:

Колѣбъ-же я взявъ, || кого я бажавъ, тобъ я не журався,
Звідкіль-бы прийшовъ, || звідкіль прихавъ, | тобъ на неі подпився.

Въ прелестной исторической пѣснѣ: „Гей, не дивуйтесь“ (Лисенко. I, 13) куплетъ [(5 + 5 + 8)—(5 + 5 + 8)] выдерживается постоянно и перехода восьми-сложной конечной части въ шестисложную не замѣчается; но тамъ музыка какъ-бы тѣснѣе связана съ текстомъ: на каждый слогъ имѣется отдѣльный звукъ мелодіи; нѣтъ того расчлененія и переливовъ, какими обладаетъ мелодія предъидущей пѣсни. Ритмъ серьезный этой пѣсни смѣшанный; въ немъ чередуются хорей съ амфибрахіемъ, при чемъ въ конечной части втораго стиха ритмъ начинается не съ хорей, а съ амфибрахіа:

— ◡ | ◡ — ◡ | ◡ — ◡ || — ◡ | ◡ — ◡ | ◡ — ◡
 — ◡ | ◡ — ◡ || — ◡ | ◡ — ◡ || ◡ — ◡ | — ◡ | ◡ — ◡

Гей, не дивуйте, | добрі люди, | що на Україні повстало:
 Що за Дашевомъ, | підъ Сорокою || множество ляхівъ пропало.

Съ той-же восьми-сложной конечной частью есть еще одна чумацкая пѣсня (Лисенко, 16) чисто хорейнаго ритма съ куплетомъ [(8 + 8 + 8) — (4 + 6 + 8)], при чемъ въ словесномъ текстѣ конечная часть перваго стиха есть повтореніе предыдущей части:

Ой у полі кривиченька, || зъ неї вода протікає, || зъ неї вода протікає
 Ой тамъ чумаць || сіри волы пасє, || шей зъ врилиці напуває.

Кромѣ куплетовъ четырехъ и шестифразныхъ, новая пѣсня въ своемъ развитіи дала еще болѣе разнообразныя и распространенныя формы. Есть куплеты въ пять, семь, восемь и десять даже фразъ музыкальныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Куплетъ пятифразный въ два стиха [(6 + 6) — (4 + 5 + 5)].

— ◡ | — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡ | — ◡ —
 — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡ —

Ой учора оравъ, || и сѣгодня оравъ;
 Гей, хтожъ тобі, || мое серденько, || волы поганявъ. (Лисенко. I. 33).

Куплетъ семифразный въ пять стиховъ [(6 + 4) — (6 + 4) — (7) — (7) — (8)].

— ◡ | — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡
 — ◡ | — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡
 ◡ — | — ◡ | — ◡
 ◡ — | — ◡ | — ◡
 — ◡ | — ◡ | — ◡ | — ◡

Та не спавъ я вічку || темпенькую,
 Та не буду спати || не й другую,
 Та чогось мені вудно,
 И на серденьку трудно,
 Самъ я молодой не знаю. (Лисенко. II, 14 бурлацкая).

Куплетъ семифразный въ пяти стихахъ [(6 + 6) — (8 + 6) — (8) — (8) — (6)], ритмъ по всей вѣроятности такой:

— — — | — — — || — — — | — — — | — — —
 — — — | — — — | — — — | — — — || — — — | — — — | — — —
 — — — | — — — | — — — | — — —
 — — — | — — — | — — — | — — —
 — — — | — — —

Хрещатый барвінокъ || рано процвітає,
 А запашный василёчокъ || три запахи має,
 А надъ тую повну рожу,
 А надъ тую червовую.
 И въ світі не має. (Чубинск. 5 стр. 485).

Куплетъ восьми-фразный въ шести стихахъ [(6 + 6)—(6 + 6)—(8)—(8)—(6)—(6)]; ритмъ хорейный:

Безъ тебе, Олесю, || ишеницю возяти,
 Безъ тебе, Олесю, || тяжко въ світі жити.
 Якъ день, такъ нічъ, то рве душу,
 Я до тебе прийти мушу,
 Хоча й не раненько,
 Олесю сёрденько. (Лясенко. III. 35).

Куплетъ десятифразный въ пяти стихахъ [(4 + 6)—(4 + 6)—(4 + 4)—(4 + 4)—(4 + 4)]; ритмъ его чисто хорейный.

Ой на гору || козакъ воду носитъ,
 Дівчинонька || козаченька просить:
 Козаченьку, || мій собою,
 Возьми-жъ мене || изъ собою,
 Помандрую | я зъ тобою. (Лясенко. I. 26).

Непремѣнная принадлежность стопного куплета есть *рифма*. Бѣлыхъ стопныхъ стиховъ въ южно-русской поэзи нѣтъ; бываетъ рифма не развитая, съ весьма слабымъ созвучіемъ, бываютъ отдѣльные стихи не введенные въ систему рифмъ, но рифма въ каждой пѣснѣ слышится непременно. Хотя обыкновенное мѣсто рифмы, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, на концѣ двухъ стиховъ, но иногда случается слышать созвучіе между частями стиха или между частями стиха и вмѣстѣ съ тѣмъ и между стихами; напр.:

Он зъ-за гори вітеръ віє, || калина не спіє,
 Козакъ дівку вірно любить, || зайняти не сміє
 Тяжъ я єї не займаю, || що сватати маю,
 Тяжъ до неї не горюся, || що славы боюся.

Или:

Коваленко грає, || бровами моргає...
 Вража ёго мати знає, || на що вінъ гадає.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что подобныя рифмы не выдерживаются въ пѣсняхъ отъ начала до конца и даже никогда не преобладаютъ надъ обыкновенной рифмой между двумя стихами. Вслѣдствіе того, что въ южно-русской пѣснѣ царитъ хорей, обыкновенно рифма бываетъ двусложная; односложная рифма, возможная при ямбѣ или анапестѣ въ концѣ стиха, весьма рѣдка, а трехсложная—дактильная еще рѣже; вотъ ея примѣръ:

Стояла я въ затімку,
 Затирала затірку;
 Гірка моя затірка,
 Била мене матімка.

Изъ всего вышесказаннаго нельзя не вывести заключенія, что форма южно-русской поэзіи весьма богата, разнообразна и при всей своей безыскусственности чрезвычайно осмысленная и художественная.

Вездѣ замѣчается соответствіе формы содержанію. Умѣніе согласовать форму съ содержаніемъ, измѣняя постоянно ритмъ сообразно тому или другому настроенію чувства—это высшая ступень эстетическаго чутья, это сознаніе, что разнообразное содержаніе не можетъ быть оправлено въ шаблонную однообразную форму. Я полагаю, что такая вольная форма съ измѣняющимся ритмомъ составляетъ исключительное достоинствіе поэзіи искусственной, и не мало поэтому былъ удивленъ, встрѣтивъ ясныя доказательства присутствія этого художественнаго чутья въ простонародныхъ безыскусственныхъ пѣсняхъ, сложившихся безспорно самостоятельно безъ всякаго искусственнаго вліянія писанной поэзіи. Приведенная мною ниже пѣснь состоитъ изъ трехъ частей: эпическаго вступленія, обращенія и энергической реплики; всѣ онѣ имѣютъ свой характеръ

ристическій ритмъ, въ первой впрочемъ части не особенно чисто выдержанный, но совершенно опредѣленный:

Стояла я въ затірку,
 Затирала затірку.
 Гірка моя затірка,
 Была мене матінка.
 Стояла я на колодці,
 Моргала на молодцівъ:
 «Сюди, сюди, молодець,
 Въ мене чорня брови есть!»
 — Чортъ тебе бери зъ ими,
 Давно-жъ ты дуришь ними.
 Якъ-бы ты не манила,
 Тобъ була моя мила. (Лавренко).

Въ первой части вы слышите хорей съ дактилемъ, во второй ямбъ съ анапестомъ, а въ третьей анапестъ съ хорсемъ. Интересно было-бы провѣрить мотивъ этой пѣсенъки. Во всякомъ случаѣ въ словесномъ ея текстѣ ритмъ измѣняется не случайно, а сообразно съ измѣненіемъ содержанія и притомъ совершенно удачно.

Читатель могъ замѣтить, что я указывая подмѣченные мною пѣсенные куплеты, не указалъ ни одной свадебной пѣсни. Дѣло въ томъ, что я обошелъ этотъ отдѣлъ умышленно, по слѣдующимъ основаніямъ.

Весь обрядъ свадебный у южно-руссовъ, съ цѣлымъ цикломъ пѣсенъ и мотивовъ, удержалъ болѣе другихъ обрядовъ древніе элементы, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Свадебная пѣсня настолько отличается отъ всѣхъ другихъ, что я счелъ болѣе удобнымъ не смѣшивать свадебныхъ формъ съ другими, а рассмотреть ихъ самостоятельно, тѣмъ болѣе, что я самъ не увѣренъ въ правильности моихъ выводовъ при опредѣленіи тѣхъ немногихъ типовъ, которые я нашелъ въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Свадебная мелодія не пріурочена къ какой нибудь опредѣленной пѣснѣ, какъ это бываетъ съ другими мотивами. Всѣ напѣвы свадебные имѣютъ всѣ свойства обрядовой музыки, представляющей небольшія музыкальныя формулы, весьма податливыя, способныя

для сокращеній, модуляцій и варіацій сообразно съ словеснымъ содержаніемъ. Мотивъ, приуроченный къ извѣстному обряду, можетъ быть только тогда пригоденъ, если онъ въ состояніи выносить какъ особенности разнообразнаго содержанія пѣсень даннаго обряда, такъ и разнообразныя импровизаціи, встрѣчающіяся при постоянно драматической формѣ всѣхъ обрядовыхъ пѣсень; словомъ обрядовый мотивъ всегда свободенъ и непостояненъ. Въ немъ всѣ тоны весьма легко расчлѣняются при многосложности стиха; въ немъ въ случаѣ надобности безъ всякаго нарушенія или искаженія мелодіи вставляются переходные тоны и въ слѣдующемъ-же стихѣ выбрасываются. Вслѣдствіе такой податливости мотива и вслѣдствіе свойствъ самыхъ свадебныхъ пѣсень, создаваемыхъ при каждомъ случаѣ и при разныхъ обстоятельствахъ, число слоговъ въ стихѣ весьма непостоянно и не имѣетъ на ритмъ равно никакаго вліянія. Также самая свобода въ большинствѣ свадебныхъ пѣсень замѣчается и относительно количества фразъ въ куплетѣ; одинъ и тотъ-же мотивъ превосходно укладывается въ три, четыре, пять, шесть и т. д. фразъ, сколько въ данномъ случаѣ необходимо пропѣть стиховъ. Въ одной и той-же пѣснѣ можете встрѣтить вполне законченные куплеты и въ 4 и въ 6 фразъ. Въ пѣсняхъ любовныхъ, бытовыхъ, историческихъ и т. д., какъ мы видѣли, созданный разъ музыкальный куплетъ составляетъ постоянную форму, желѣзную тѣсную рамку, въ которую вставлялись вновь сочиняемые словесные куплеты и варианты. Мы видѣли, какъ настойчиво было требованіе округленной законченной мелодіи, даже относительно чередованія грамматическихъ удареній. Ничего подобнаго нѣтъ въ пѣснѣ свадебной. Въ ней замѣчается нѣкоторое сходство съ напѣвомъ думъ. Какъ извѣстно, думная мелодія есть ничто иное, какъ постоянная варіація одного мотива черезъ всю думу, причѣмъ этотъ мотивъ то сжимается, то распространяется согласно волѣ и чувству пѣвца, а также сообразно количеству словъ логической словесной фразы. Но податливость свадебныхъ мотивовъ не такъ широка, какъ думныхъ, и имѣетъ свои границы, опредѣляемыя всегда опредѣленными музыкальными тактами, которыхъ нѣтъ въ думкахъ.

Принимая во вниманіе вышеуказанную особенность свадебныхъ мелодій и пѣсень, мы не станемъ удивляться, что пѣсни въ сборникахъ представляются, сравнительно съ прочими, какими-то без-

форменными. Ни опредѣленнаго количества слоговъ въ стихахъ, ни куплетовъ опредѣлить невозможно, даже рифма—эта весьма удобная мѣрка для другихъ пѣсень, или совершенно отсутствуетъ, или неразвита и спутана. Изъ этого ясно, что опредѣлять формы свадебной пѣсни можно только при музыкѣ. Безъ напѣва свадебная пѣсня не имѣетъ никакой почти формы и совершенно не пригодна для заключеній о ея дѣйствительной живой куплетной формѣ. Весь слѣдовательно матеріалъ, которымъ я могъ воспользоваться, это 138 пѣсень, положенныхъ на ноты Н. В. Лисенкомъ, помѣщенные въ приложеніи къ описанію свадьбы въ м. Борисполѣ (Чубинск. IV). Всѣ эти пѣсни однако представляютъ въ сущности только какихъ-нибудь пять мотивовъ и еще меньше куплетныхъ формъ. Насколько мнѣ извѣстно, свадебныхъ мотивовъ вообще очень не много, и они извѣстны повсюду, гдѣ только живутъ южно-руссy, но все таки я думаю, что въ сборникъ Лисенка занесены далеко не всѣ мотивы и не всѣ формы, такъ какъ ихъ слишкомъ мало, а изъ сборника Чубинскаго можно догадываться о существованіи и другихъ формъ.

Среди пѣсенныхъ формъ въ этомъ сборникѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе весьма часто употребляемый куплетъ, состоящій изъ двухъ главныхъ частей: вступленія и изложенія.

Вступленіе состоитъ изъ двухъ, рѣдко трехъ стиховъ, изъ которыхъ первый съ двумя логическими удареніями, а второй съ однимъ. Въ этомъ вступленіи мотивъ всегда опредѣленный, протяжный. Затѣмъ въ изложеніи, состоящемъ изъ ряда короткихъ стиховъ съ однимъ удареніемъ, часто съ рифмами, мотивъ перемѣняется и повторяется однообразно черезъ всѣ стихи, поднимаясь въ предпоследнемъ стихѣ къ доминантѣ и падая на концѣ послѣдняго стиха въ тонику. Въ этой части куплета бываетъ обыкновенно четыре или шесть стиховъ, изъ которыхъ первый всегда бываетъ повтореніемъ послѣдняго стиха вступленія. Возьмемъ примѣръ:

Вступленіе: У садочку | дві квіточки,
На сватанні були.

Изложеніе: На сватанні булл,
Та горілочку пили;
За малую да часпочку
Найшли собі та роллячку.

Вступленіе: У садочку || дві квіточкі:
Первая квітка, || тожъ Івашко!
На сватанні були.

Изложеніе: На сватанні були,
Та горілочку пили;
За малую да часяночку
Найшли собі та родиночку.

Другая пѣсня:

Вступленіе: У садочку || дві квіточкі:
Нікто-жъ не вгадае.

Изложеніе: Нікто-жъ не вгадае,
А хто у насъ коровай бгае,
А чи зъ міста да міщаночки
Чи зъ села да селяночки,
Чи зъ Киіва да буймистрая.
Въ сему дому да пречистая.

Вступленіе: У садочку || дві квіточкі:
Не вій вітре въ гору.

Изложеніе: Не вій вітре въ гору,
Та повій по роздолу,
Да на наши коровайнички,
Розийи серпоночки.

Во многихъ случаяхъ вступленіе, которое всегда начинается со словъ: „У садочку дві квіточкі“, совершенно отбрасывается вмѣстѣ съ соотвѣтственной частью мотива. Построеніе по этому типу видно въ слѣдующихъ пѣсняхъ продолженія: №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 18, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 61, 62, 63, 66, 67, 67, 69, 70, 71, 72, 74, 116, 117, 118, 119, 125, 127, 128, 129, 131 и 138, а всего пятьдесятъ пять пѣсень.

Другая типичная форма имѣетъ тоже вступленіе только одностишное въ два ударенія (4 -| 4) или (5 -| 4): „У садочку дві квіточкі“, или: „Другая квітка тожъ Маръечка“. Въ изложеніи тоже идетъ рядъ стиховъ однообразнаго построенія; всѣ они съ двумя удареніями, но вторая часть каждаго стиха почти всегда трехсложная, первая-же часть значительно распространнѣе и имѣетъ разное ко-

личество слоговъ отъ пяти до восьми въ одной и той-же пѣснѣ, но чаще всего шесть и семь слоговъ. Число стиховъ изложенія въ куплетѣ также не опредѣленно и зависитъ отъ требованія содержанія, какъ и въ первой формѣ. Въ музыкальномъ построении тоже стихи дѣлятся на соотвѣтственные частямъ стиха музыкальныя фразы, изъ которыхъ вторая всегда короче первой и имѣеть особый тактъ и другой музыкальный размѣръ.

Вступленіе: А въ садочку || дві квіточки. (4+4)

Изложеніе: 1. Татарня братикъ, || татарня, (5+3)
 2. Продавъ сестрицю || задаромъ: (5+3)
 3. Русюю косовьку || за пятакъ, (6+3)
 4. Білее личенько || одавъ такъ. (6+3)

Другая пѣсня:

Вступленіе: Другая квітка— || тожь Марьечка. (5+4)

Изложеніе: 1. Не сиди, Марьечко, || не сиди, (6+3)
 2. Одяни кватирочку, || погляди, (7+3)
 3. Чи высоко сонечко || на небі, (7+3)
 4. Чи багато бояръ || ва землі. (6+3)
 5. Чи хороший Иванко || ва коні? (7+3)
 6. Хороший, матинко, || чорнобривъ, (6+3)
 7. Деь мені, матинко, || Буйгъ судивъ. (6+3)

Распространеніе трехъ-сложной второй части стиха бываетъ весьма рѣдко, такъ напр.:

А въ садочку || дві квіточки.

Дружбоньку, || коровой край, (3+4)

Да-й намъ, дружечкамъ, || оставляя, (5+3)

Бо мы, дружечки, || молоденькі, (5+5)

Треба намъ шашечки || золотенькі. (6+5)

Слѣдующія пѣсни приложения сложены по этому типу: №№ 6, 11, 12, 13, 17, 22, 24, 27, 35, 36, 38, 39, 40, 54, 58, 65, 68, 73, 75, 79, 80, 81, 86, 95, 96, 114, 115, 123, 126, 132, 134, 136, и 137, а всего тридцать три пѣсни.

Между ними есть много пѣсней того-же построения, но только безъ вступительнаго стиха и съ другимъ напѣвомъ, но также съ трехъ-сложной второй частью и отвѣчающею ей короткой музыкальной фразой. Куплеты обыкновенно четырехъ-стишны:

Да ворохи свазл, || ворохя, (6+3)

Дайте намъ да ворохи || хочъ трохи; (7+3)

Мы у тебе да-й учора || не були, (8+3)
 И твоей да ворохи || не пила. (8+3)

Затѣмъ, кромѣ этихъ широкихъ свободныхъ формъ съ растяжимыми куплетами, есть и куплеты подходящіе къ знакомымъ намъ типамъ древняго склада, отличающіеся отъ этихъ послѣднихъ только большею эластичностью мелодіи, выносящей самое разнообразное количество слоговъ. Больше всего выдѣляются двѣ формулы шести-фразнаго куплета, изъ которыхъ первая довольно опредѣлена по размѣру и состоитъ изъ двухъ стиховъ съ тремя удареніями $[(4+4+4)(4+4+4)]$; при моихъ наблюденіяхъ я этой формулы въ другихъ родахъ пѣсни не встрѣтилъ ни разу.

Наша Марся || одъ батенька || одѣжае,
 Попереду || соколонька || посилае.
 Летя, летя, || соколоньку, | до свекорка въ двіръ,
 Нехай двори, || вежай двори || вымітають.
 Нехай столы | тісовни || застилають,
 Нехай хлѣбъ || пшевишни | накладають. ;

Какъ видимъ, въ словесномъ текстѣ отступленія отъ формулы весьма незначительны. Шести-фразная мелодіи для всѣхъ пѣсень этого склада одна. Въ рассматриваемомъ мною сборникѣ по этому типу сложены пѣсни: №№ 77, 78, 83, 84, 85 и 88.

Очень подходитъ къ этой формулѣ и по мелодіи и по размѣру пѣсня № 29, отличающаяся отъ предъидущей весьма немногими несущественными отступленіями. Она строго выдерживаетъ куплетъ $[(5+4+4)-(4+4+4)]$; но постоянное присутствіе пятисложной первой части перваго стиха можетъ быть и случайнымъ; можетъ быть другія пѣсни съ этой-же мелодіей имѣютъ прежнюю форму:

Да ой на що ты, | да Марусю. || уповала,
 Що ты собі | да Иванка || вподобала?
 Да чи на ёго || худібоньку, || чи на гроши?
 Чи на ёго || урідовьку, || що хорошій?
 Да не на ёго || худібоньку, || не на гроши,
 А на ёго | урідовьку, || що хорошій.

Вторая формула очень распространена. Музыкальный шести-фразный куплетъ грустнаго серіознаго напѣва дѣлится въ мелодіи какъ-бы на два стиха, словесный-же текстъ вслѣдствіе распространенности и рифмы скорѣе можно раздѣлить на шесть самостоятельныхъ стиховъ, хотя по логическому смыслу каждый три стиха

напоминають одинъ распространенный стихъ, такъ что формулу этого куплета можно опредѣлить такъ: $\{(6 + 6 + 9) - (6 + 6 + 9)\}$

Ой летать галочки ||
 Да у три рядочки ||
 Зозуленька попереду;
 Що усі галочки ||
 По вышенькахъ сіли, ||
 Зозуленька закувала.

По этой формулѣ съ немногими отступленіями сложены: №№ 5, 64, 76 и 82. Но и эта формула способна по требованію содержанія распространяться; такъ пѣсня № 5 представляетъ куплетъ въ восемь фразъ:

Ивашкова мати,	6
По уловці ходить	6
И сусідочекъ просить:	7
Вы сусідочки моя,	7
Та ходимъ и къ мені	6
До моего дитяти	6
Короваю бгати,	6
Сырохъ-маслохъ да поспати.	9

Какъ сравнительно ни немного разсмотрѣно мною пѣсенъ со стороны ихъ формы, но все таки я рѣшаюсь подвести моимъ наблюденіямъ числовые итоги. Я увѣренъ, что эти итоги будутъ весьма далеки отъ тѣхъ данныхъ, какія можно-бы было извлечь при болѣе обширномъ матеріалѣ, но все таки они могутъ дать нѣкоторое представленіе объ относительномъ распространеніи тѣхъ или другихъ куплетныхъ формъ въ пѣсенномъ творествѣ южнорусскаго народа. При этомъ я долженъ замѣтить слѣдующее. Для опредѣленія формъ, я, кромѣ другихъ сборниковъ, главнымъ образомъ пользовался III и V т. Сб. Чуб., причежъ III томъ разсмотрѣнъ мною почти весь, а изъ V тома я разсмотрѣлъ всѣ только бытовые пѣсни, любовныхъ-же и семейныхъ я разсмотрѣлъ сравнительно очень немного. Изъ всего матеріала я успѣлъ опредѣлить несомнѣнный складъ только 365 пѣсенъ. Если-бы я разсмотрѣлъ болѣе пѣсенъ семейныхъ, любовныхъ и шуточныхъ, отношеніе цифръ безспорно-бы измѣнилось. За тѣмъ слѣдуетъ приять еще во вниманіе, что классификація пѣсенъ на роды у Чубинскаго, которой и я придерживался, полна погрѣшностей, такъ что въ числѣ всеня-

нокъ и купальныхъ часто встрѣчаете пѣсни семейныя и любовныя, а въ числѣ семейныхъ и любовныхъ—чумацкія и т. п.—Далеко точнѣ классификація колядокъ и обжиночныхъ пѣсень. Изъ этого слѣдуетъ, что въ прилагаемыхъ мною таблицахъ, имѣющихъ итоги различныхъ пѣсень по каждой формулѣ и итоги пѣсень различныхъ формулъ по каждому роду пѣсни, первые итоги болѣе вѣрны, чѣмъ вторые.

Изъ этихъ таблицъ видно, что изъ 365 пѣсень чувствуется несомнѣнное присутствіе стопнаго лада въ 195 пѣсняхъ. Относительное значеніе этой цифры далеко ниже дѣйствительнаго, такъ какъ стопный ладъ преобладаетъ въ пѣсняхъ любовныхъ и семейныхъ, рассмотрѣнныхъ мною въ числѣ весьма пезначительномъ. Въ этихъ 365 пѣсняхъ я нашелъ 51 самыхъ разнообразныхъ куплетовъ, причемъ полно-стопнаго лада 29, а древняго, въ которомъ стопы не слышатся, 22 куплета.

Мнѣ кажется, что и этихъ немногихъ данныхъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ неимовѣрномъ богатствѣ и художественности формъ южно-русской пѣсни. Но сколько труда надо потратить, и то весьма часто безуспѣшно, чтобы возстановить тѣ формы въ сборникахъ, на половицу искаженныя до невѣроятія. Собиратели, по моему, всегда дѣлаютъ одну капитальную ошибку при записываніи пѣсень; они за единицу пѣсенной формулы принимаютъ кажущійся для слуха словесный стихъ, отдѣленный рифмой или остановкой въ пѣніи (ферматой); между тѣмъ, если-бы они принимали за единицу полный логическій куплетъ, одѣтый въ такую-же полную законченную и вполне осмысленную мелодію, то настолько-же могли-бы поразить всей свѣжестью и богатствомъ художественныхъ формъ народнаго творчества, на сколько теперь поражаютъ своимъ безобразіемъ и уродливостью.

Предлагая вниманію читателей мои поверхностныя наблюденія надъ складомъ южно-русской пѣсни, я далеко отъ убѣжденія въ ихъ непереложности, но смѣю надѣяться, что богатство и разнообразіе представленныхъ мною формъ привлечетъ болѣе опытныхъ исследователей, которые будутъ въ состояніи раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить забытую и заброшенную сферу художественнаго народнаго творчества.

Ц. Г. Нейманъ.

I.

Формы древняго склада.		Колядк.	Щедрыя.	Веснянки.	Купальныя.	Русальныя.	Досяночныя	Любовныя.	Семейныя.	Чужацкія.	Бурлацкія.	Исторычскія	Итогъ.
1	[(5+5) — (5+5)]	40	9	7	1	2	—	3	—	—	—	—	62
2	[(4+4) — (4+4)]	4	14	2	1	—	—	—	—	—	—	—	21
3	[(5+4) — (5+4)]	—	1	2	7	—	—	—	—	—	—	—	10
4	[(5+3) — (5+3)]	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—	—	6
5	[(4+3) — (4+3)]	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	—	35
6	[(6+5) — (6+5)]	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
7	[(5+7) — (5+7)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
8	[(8+9) — (8+9)]	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	3
9	[(4+4) — (5+5)]	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
10	[(5+5) — (6+6)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
11	[(4+5) — (6+5)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
12	[(4+4+3) — (4+4+3)]	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	3
13	[(4+4+5) — (4+4+5)]	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
14	[(4+5+5) — (4+5+5)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
15	[(5+4+6) — (5+4+6)]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
16	[(5+5+6) — (5+5+6)]	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
17	[(4+6+6) — (4+6+6)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
18	[(5+5+7) — (5+5+7)]	—	—	1	—	—	—	3	—	—	—	2	6
19	[(4+6+7) — (4+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3
20	[(5+6+7) — (5+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	4
21	[(6+6+7) — (6+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
22	[(7) — (7) — (8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Итого		45	24	26	9	2	37	8	4	6	1	8	170

II.

Формы новаго склада.		Колядк.	Щедрыя.	Веснянки.	Купальныя.	Русальныя.	Любовныя.	Семейныя.	Чужацкія.	Бурлацкія.	Исторычскія	Итогъ.
1	[(8) — (8) — (8) — (8)]	—	—	—	—	—	18	1	3	2	9	33
2	[(7) — (7) — (7) — (7)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
3	[(10) — (10) — (10) — (10)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
4	[(4+3) — (4+3)]	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	3
5	[(6+6) — (6+6)]	—	2	2	1	1	9	1	1	2	1	20
6	[(4+6) — (4+6)]	—	—	2	1	—	4	1	1	1	—	10
7	[(7+6) — (7+6)]	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1
12	[(8+5) — (8+5)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
13	[(6+7) — (4+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
14	[(4+4) — (6+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
15	[(4+4) — (6+4)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
16	[(4+6) — (6+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
17	[(6+6) — (8+6)]	1	—	—	—	—	2	3	1	—	2	9
18	[(9+6) — (8+8)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
19	[(6+6) — (10+6)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
20	[(6+6+5) — (6+6+5)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
21	[(6+6+6) — (6+6+6)]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
22	[(5+5+6) — (5+5+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
23	[(5+5+8) — (5+5+8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
24	[(8+8+8) — (4+6+8)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
25	[(6+6) — (4+5+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
26	[(6+4) — (6+4) — (7) — (7) — (8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
27	[(6+6) — (8+6) — (8) — (8) — (6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
28	[(6+6) — (6+6) — (8) — (8) — (6) — (6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
29	[(4+6) — (4+6) — (4+4) — (4+4) — (4+4)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Итого		1	2	41	2	1	74	8	17	12	37	195

Къ исторіи галицко-русской письменности.

(Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину).

Въ 1878 г. профессоръ Н. А. Поповъ, приступая къ изданію писемъ славянскихъ ученыхъ къ М. П. Погодину¹⁾, обратился ко мнѣ съ просьбою доставить ему нѣкоторыя замѣчанія и объясненія касательно литературной дѣятельности въ Галичинѣ 1835—1860 г., что я тогда-же охотно сдѣлалъ для него. Но многое изъ сообщеннаго мною тогда не вошло въ его интересную пояснительную въ сборнику статью, какъ выступающее за предѣлы его специальной задачи, иное воскресло въ моей памяти впоследствии, иное подсказала мнѣ происходящая теперь въ Галиціи ожесточенная борьба русской и польской партіи. Всѣмъ этимъ пожелалъ я подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“ и послѣ сообщенныхъ мною біографическихъ воспоминаній о Вагилевичѣ²⁾ передаю теперь нѣсколько замѣчаній объ одномъ изъ писемъ его къ М. П. Погодину, въ надеждѣ, что въ виду возбужденнаго въ русскомъ обществѣ вниманія къ происходящимъ въ Галиціи событіямъ, и мои воспоминанія про былое въ ней прочтутся нѣкоторыми съ любопытствомъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ изданіи Н. А. Попова писемъ Ивана Николаевича къ М. П. Погодину, еще одно письмо его было напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ за 1836 г. № VII, стр. 289. По моему мнѣнію, это было первое письмо Вагилевича изъ Львова, вызвавшее слѣдующую за тѣмъ переписку его съ Погоди-

¹⁾ См. Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель (1835—1861). Москва, 1879, стр. 533—666.

²⁾ См. юльскую книжку »Кіевской Старины« за 1883 г.

нымъ. Вагилевичъ обращается къ Погодину, какъ къ незнакомому лицу. Самъ-же Погодинъ ссылается на это письмо и на сообщеніе ему извѣстія о карпатскихъ руническихъ надписяхъ. Оно писано вслѣдъ за отъѣздомъ профессора Погодина и его спутниковъ изъ Львова въ Россію и въ немъ живо отражается то впечатлѣніе, какое произвело на русскій кружокъ посѣщеніе г. Львова русскими учеными. Я не могу припомнить, о какомъ ложномъ извѣстіи, напечатанномъ въ С.-Петербургскомъ журналѣ, говоритъ Вагилевичъ; вѣроятно, что-то было напечатано въ Tygodnik'ъ Petersburg'sкомъ, единственный экземпляръ котораго получала бібліотека института Оссолинскихъ, гдѣ Вагилевичъ и могъ читать извѣстіе (ложное) изъ польскаго источника. Нѣмецкая австрійская полиція и польское общество старательно заботились тогда, чтобы ни одинъ русскій журналъ, ни одна русская книга не попадали въ руки русскимъ галичанамъ. Въ бібліотекѣ львовскаго университета, считавшей тогда до 50 т. книгъ, не было ни одной русской книги ¹⁾ кромѣ стараго изданія грамматики Гейма. Такъ какъ во всей Галиціи и Буковинѣ ни въ одной публичной школѣ не учили ни русской, ни церковно-славянскою грамотѣ, то мы, немногіе гимназисты и студенты, учились по этой грамматикѣ русской грамотѣ и русскому письму. Кто успѣлъ ее захватить раньше, пришедши въ бібліотеку, тотъ и пользовался. Изъ гравированнаго при ней скорописнаго алфавита мы учились писать, копируя русскія буквы. Связанной русской скорописи не довелось и въ глаза увидать, и я долго не могъ отвыкнуть отъ привычки писать по буквамъ, ставя отдѣльно каждую букву, какъ въ печатномъ курсивѣ. Іосифъ Левицкій также заимствовалъ изъ грамматики Топпе скорописную таблицу для своихъ грамматикъ. Въ бібліотекѣ Оссолинскихъ было нѣсколько русскихъ книгъ, но завѣдующіе неохотно давали ихъ читать ученикамъ и студентамъ, а навязывали польскія книги Мицкевича, Одица, Нѣмцевича, Лелевеля. Даже исторіи Карамзина въ польскомъ переводѣ Бучинскаго не выдавали, а совали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству,

¹⁾ Только въ 1850-хъ годахъ бывши университетскимъ профессоромъ, я заявилъ о необходимости выписать для бібліотеки важнѣйшія книги изъ русской литературы. Правительство согласилось дать 300 гульд. на выписку нѣкоторыхъ сочиненій, преимущественно малорусскихъ.—Я. Г.

свали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству, добился выдачи Калайдовича, Кирши Данилова и малороссійскихъ пѣсень Максимовича, которыя я переписывалъ тутъ-же, въ бібліотекѣ, въ часы, опредѣленные для чтенія, и переписалъ всю книжку ¹⁾).

Надо признаться, что Вагилевичъ сообщилъ въ своемъ письмѣ много замѣчательныхъ извѣстій, бросающихъ свѣтъ на тогдашнія отношенія и состояніе русскихъ галичанъ. Онъ правъ, что въ то время только что *начала пробуждаться любовь къ русской словесности*. Онъ весьма наглядно изобразилъ возникшіе споры о введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русской письменности; всему этому далъ поводъ полякъ Вацлавъ Залескій своимъ изданіемъ народныхъ пѣсень, заявивъ откровенно въ предисловіи къ нему, что галицкіе русскіе (*nasi Rusini*) должны присоединиться къ польской литературѣ, такъ какъ полякамъ вовсе не желательно, чтобъ русскіе галичане развивали *особую* литературу. Залескій соблазнилъ было молодого нашего священника Осипа Лозинскаго, который подѣятельнымъ вліяніемъ своего колятора Гвальберта Павликовскаго напечаталъ статью „О введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русскую письменность“. Постороннимъ можетъ показаться маловажнымъ этотъ фактъ, но въ сущности вопросъ о замѣнѣ русской азбуки на польское абецадро не маловаженъ; онъ глубоко врывается по своимъ послѣдствіямъ въ народную жизнь, это—вопросъ о существованіи... быть или не быть русскимъ въ Галичинѣ. Прійми галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадро,—пропала-бы русская индивидуальная народность, уступился-бы русскій духъ и изъ галицкой Руси сдѣлалась-бы вторая Холмщина, какою она была въ 60-хъ годахъ. Всѣ передовые люди возстали противъ зятя Залескаго и вознегодовали на Лозинскаго. Зубрицкій написалъ возраженіе, но оно осталось въ рукописи. Тогдашній капелланъ перемышльскаго епископа Сиггурскаго Іосифъ Левицкій (авторъ галицко-русской грамматики) написалъ на польскомъ языкѣ рѣзкую

¹⁾ Игнатій Жегота—Пауля, мазуръ, слушавшій вѣсть со мною лекціи на 1-мъ курсѣ университета, выманилъ у меня черновыя тетради этниъ и другія народныя пѣсень и издалъ въ Перемышлѣ 1839 г. въ II томѣхъ «*Pieśni ruskie ludu w Galicyi*». Самъ-то онъ плохо понималъ по русски и впрочемъ не общался съ русскими народомъ.

статью противъ проэкта Лозинскаго въ защиту кириллицы. Епископъ Іоаннъ Свѣтгурскій наградила автора и привазалъ напечатать ее въ епископской типографіи, а редакторъ официальной львовской газеты и экстраординарный профессоръ польскаго языка и литературы Ник. Михалевичъ (русинъ), по благоволенію къ своимъ единовѣрцамъ, прибавилъ оттиски ко всѣмъ высылаемымъ №№ газеты. Въ то время такой поступокъ считался весьма рискованнымъ, и едва-ли не этотъ шагъ былъ главной причиною удаленія Михалевича отъ редакціи и назначенія на его мѣсто заядлаго поляка Яна Каминскаго. Лозинскій пытался провести свой проэктъ на дѣлѣ и сочинилъ грамматику съ польскимъ алфавитомъ, но профессоръ и докторъ богословія Венедиктъ Левицкій, бывшій цензоръ русскихъ книгъ, три раза отвергъ грамматику Лозинскаго. Напрасны были жалобы Лозинскаго, поддерживаемыя поляками, напрасна апелляція въ Вѣну въ центральный цензурный комитетъ. Разъ написанный цензоромъ Левицкимъ приговоръ: *Non admittitur ad imprimendum* (не одобрено къ печати), остался въ полной силѣ, хотя придворный славянскій цензоръ Варсоломей Копитаръ и стоялъ за латинскій алфавитъ. Нѣсколько времени спустя, Лозинскій успѣлъ таки добиться разрѣшенія и напечатать сборникъ свадебныхъ пѣсенъ: *Ruskoje wesile, opisannoje szereg I. Łozinskoho*. Не менѣ негодованія на Лозинскаго выражалъ кружокъ молодыхъ русиновъ, которое отпечатлѣлось и въ письмѣ Вагилевича. Студентъ Маркіянъ Шашкевичъ написалъ статью: *Азбука и Abecadło*; цензура одобрила ее, студенты и семинаристы сдѣлали грошовую складчину, меня послали въ Перемышль, и черезъ 2 недѣли статья Шашкевича была напечатана и разослана во всѣ концы Галиціи въ 3-хъ тысячахъ экземпляровъ. Вагилевичъ въ упомянутомъ своемъ письмѣ торжественно заявляетъ, что теперь никто (зпачить, изъ русиновъ) не сомнѣвается въ настоятельной необходимости славянской азбуки для русскаго языка и каждый признаетъ прееходство ея предъ чужимъ алфавитомъ.

Но странно:—старшіе русскіе въ Галиціи, признавая прееходство славянской азбуки надъ латинскимъ алфавитомъ и защищая ее, всѣми мѣрами препятствовали введенію гражданскаго шрифта и отстаивали церковно славянскія буквы. Они видѣли въ гражданскѣ частичное введеніе латинки. Зубрицкій первый напеча-

талъ въ примѣчаніяхъ своего сочиненія: *Rys historyi narodu ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej. Lwów 1837*, грамоты князя Льва гражданскимъ шрифтомъ,—и цензоръ Левицкій не посмѣлъ придраться. Вѣнскіе наши семинаристы печатали въ Вѣнѣ гражданкою свои вирши безнаказанно. М. Пашкевичъ, при моемъ посредничествѣ и при помощи моихъ сербскихъ друзей, напечаталъ въ Будинѣ „Днѣстровую Русалку“ 1837 г.; но несмотря на разрѣшеніе будимскаго цензора и на позволеніе вѣнской цензуры, львовская цензура заарестовала 1000 экземпляровъ „Русалки“ и запретила продажу. Такая-же участь постигла стихи Антонія Могильницкаго по случаю приѣзда архикнязя (эрцгерцога) Карла Людовика во Львовѣ, напечатанные гражданскимъ шрифтомъ.

Это была первая борьба за русскую азбуку, которая возобновилась съ большей силой во время голуховщины въ 1859 г. и дала поводъ къ горячей полемикѣ и официальному столкновенію въ учрежденной по этому дѣлу графомъ А. Голуховскимъ комиссіи¹⁾. Въ 1835 г. правительство стояло въ нейтральномъ отдаленіи, въ сторону; въ 1859 г. затѣями противъ кириллицы руководили: министръ графъ Левъ Тунъ (Thun, чехъ) и намѣстникъ Галиціи графъ Агеноръ Голуховскій. Первый выслалъ своего секретаря Іосифа Иречка (чеха), второй лично участвовалъ въ засѣданіяхъ и призывалъ на помощь двухъ измѣнившихъ русскихъ (докторовъ философіи)—Евсевія Черкавскаго и Полядскаго, и двухъ президіальныхъ чиновниковъ; коалиція состояла изъ поляковъ, вѣмцевъ, чеховъ и русскихъ перекидчиковъ. Іосифъ Лозинскій, долголѣтнимъ опытомъ убѣдившись въ интригахъ польскихъ, въ ихъ лжи и обманѣ, стоялъ за насъ и ратоборствовалъ за кириллицу.

Въ томъ-же письмѣ Вагилевичъ сдѣлалъ перечень сочиненій, относящихся къ галицко-русскому языку и исторіи Галиціи, и написалъ краткія, но иногда довольно меткія замѣчанія о достоинствѣ ихъ: Вагилевичъ чувствовалъ, что грамматикъ Іосифъ Левицкій, рожденный и воспитанный въ странѣ болѣе ополяченной (при Нижнемъ Сялѣ), не могъ употреблять болѣе чистаго нарѣчія. Мнѣніе о грамматикѣ Іосифа Левицкаго, заявленное профессоромъ пра-

¹⁾ См. Die ruthenische Schrift und Sprachfrage. Lemberg. 1859.

воучительнаго богословія Венед. Левицкимъ, характеристично. О грамматикѣ Лучная Вагилевичъ отозвался очень свисходительно, даже лестно. О сочиненіяхъ Зубрицкаго не далъ никакого сужденія.

Затѣмъ Вагилевичъ упоминаетъ о трудахъ своихъ друзей, въ то время еще ненапечатанныхъ, но извѣстныхъ ему, какъ принадлежащему къ тому-же молодому кружку. Онъ упоминаетъ о моемъ сборникѣ народныхъ пословицъ, которыя изданы послѣ въ 1841 г. въ Вѣнѣ, о переводѣ сербскихъ пѣсень, напечатанныхъ послѣ въ 1847 г. въ „Вѣнѣ“; упоминаетъ и о „Русалкѣ“, изд. Шапкевичемъ въ Буднѣ въ 1837 г. Наконецъ говоритъ и о своихъ собственныхъ трудахъ: о *Словѣ о Южку Игора*, которое не было напечатано изъ опасенія передъ львовской цензурой, которая такъ безцеремонно поступала съ „Русалкой“ и со II выпускомъ *Очерка исторіи Зубрицкаго* и пр.

Что-же касается до словаря народнаго галицко-рускаго языка, то онъ существовалъ такъ-сказать въ идеѣ и въ проектѣ. У Вагилевича было записано значительное количество словъ, которыя онъ или запомнилъ изъ родительскаго дома (гдѣ говорили всѣ большею частью на мѣстномъ нарѣчій, по русски), или подслушанныхъ у крестьянъ, или-же заимствованныхъ изъ народныхъ пѣсень, пословицъ и поговорокъ. Но Вагилевичъ, полагаясь на свою счастливую память, обыкновенно ставилъ въ своихъ тетрадкахъ одно выраженіе, безъ всякихъ объясненій и толкованій. Образцомъ словаря онъ считалъ Вука Стефановича; онъ имѣлъ въ планѣ прибавлять соотвѣтствующія значенію слова латинскія и нѣмецкія, описанія, народныхъ обрядовъ и повѣрій, и даже съ филологическимъ разборомъ, а между тѣмъ мысль его никогда не пришла къ исполненію. Я имѣлъ случай разсматривать, по смерти Вагилевича въ 1866 г. (*Naučny Slovní. X, стр. 10*), его бумаги и нашелъ задуманный имъ словарь въ томъ-же неоконченномъ видѣ, хотя въ продолженіе 30 лѣтъ у него накопилось много словарнаго матеріалу. Что-же касается до задуманной имъ грамматики народнаго галицко-рускаго языка, то онъ издалъ въ 1845 г. на польскомъ языкѣ грамматику (*Gram. Małoruskiego języka w Galicyi. Lwów. 1845*), но вмѣсто грамматики простонароднаго языка, по образцу Вука Стефановича, при развивающейся между тѣмъ галицко-русской письменности, онъ

перебънилъ свой взглядъ на языкъ (русскій) и сдѣлалъ переводъ грамматики Н. Греча.

Далѣ Вагилевичъ бросаетъ въ своемъ письмѣ бѣглый взглядъ на преданія русскаго народа и его языкъ, защищая его чистоту и неспорченность, изъ чего видна его горячая приверженность къ своему народу. Раздѣленіе галицко-русской рѣчи на два нарѣчія и два разнорѣчія не совсѣмъ вѣрно. Нѣкоторыя замѣчанія относительно употребленія буквъ хорошо подмѣчены. Угорско-русское нарѣчіе онъ осуждаетъ слишкомъ строго: оно не столько потерпѣло отъ мадьярскаго и румынскаго вліянія, какъ предполагалъ никогда не бывшій въ Венгріи Вагилевичъ. Приписываніе галицко-русскому языку свойства долготы и краткости гласныхъ—ошибочно и основано на воображеніи и стараніи превознести свое родное нарѣчіе и противопоставить чешскому языку, способному подражать ритму греческо-латинскихъ стиховъ¹⁾, которымъ величался жившій въ то время во Львовѣ чехъ, Иванъ Православъ Коубекъ (съ 1848 г. преподаватель чешской литературы въ пражскомъ университетѣ). Приведенныя Вагилевичемъ слова съ латинскимъ или нѣмецкимъ переводомъ показываютъ, что въ самомъ дѣлѣ въ Карпатскихъ горахъ сохранилось много старинныхъ славянскихъ выраженій, которыя на равнинахъ въ Галичинѣ давно замѣнены новыми польскими. Форма глагола *frequentativum iterativum*, *бъговати, бѣговувати*, опять придумана Вагилевичемъ по образцу чешскаго языка. Вообще, это мѣсто письма знаменательно; оно показываетъ, какъ въ то время умы молодого кружка заняты приведеніемъ въ извѣстность характеристическихъ чертъ языка, обычаевъ, преданій и жизни своей родины. Въ это время Вагилевичъ владѣлъ лучше всѣхъ насъ народной рѣчью; свѣдѣнія его о народномъ бытѣ были полнѣе другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ пристрастнымъ защитникомъ *индивидуализаціи* нарѣчій, увлекаясь соблазнительными словами Копитара, который, слѣдуя, вѣроятно девизу австрійской политики: *divide et impera*, утверждалъ въ своей грамматикѣ, что у славянъ не четыре нарѣ-

¹⁾ Въ то время и сербы подражали стопосложенію классическихъ поэтовъ и величались этимъ свойствомъ своего языка. Шафарикъ хвалилъ просодическое стихосложеніе. *Gesch. der sl. Sprache*, стр. 42.

чія должны быть письменными, какъ у грековъ, а всѣ нарѣчія, и съ большимъ правомъ, такъ какъ территорія славянъ значительно больше древней Греціи.

Что касается до находокъ у графа Тарновскаго въ Дяковѣ, о которыхъ упоминаетъ Вагилевичъ въ объясняемомъ его письмѣ, то это произошло по слѣдующему поводу. Въ 1834 году графъ Адамъ Тарновскій, имѣвшій богатую рѣдкими книгами и рукописями бібліотеку, просилъ своего знакомаго помѣщика Василевскаго прислать ему кого-нибудь изъ студентовъ, знающихъ церковно-славянскій и русскій языки, для разсмотрѣнія и описанія старославянскихъ рукописей и старинно-русскихъ памятниковъ письменности. Нашъ общій другъ Марціанъ Шашкевичъ, о которомъ, какъ о сиротѣ священника, жившаго въ его имѣніи Княже, Василевскій имѣлъ попеченіе, рекомендовалъ для этой цѣли меня и Вагилевича. Василевскій снабдилъ насъ письмомъ къ графу. Мы сказались больными въ университетѣ и весной 1834 г. отправились въ путь. Вагилевичъ былъ знакомъ съ южной, подкарпатской страпою родины, мнѣ же знакома была сѣверная часть галичины; но ни я, ни мой другъ никогда не бывали въ западной половинѣ галичины, по этому въ экскурсіи нашей намъ все представлялось новымъ, интереснымъ. Мы находили различіе съ тѣмъ, что знали прежде, при видѣ мѣстности, распредѣленіи селъ и хозяйственной обстановкѣ, костюмѣ и всей наружности населенія, съ которымъ мы теперь встрѣтились. Вагилевичъ находилъ большую разницу между его горцами—Бойками и туземными крестьянами, я же, на оборотъ, замѣчалъ только постепенные переходы или переливы галицко-русскаго народа, живущаго возлѣ Львова. Вагилевича возмущало чрезвычайно сильное ополяченье страны, когда мы слышали польскіе *южъ*, вм. уже, вже; *дзись дзисяй*, вм. сегодня, нынѣ; *биты* (*bóty*), вм. чоботы, сапоги, или формы: я не *хчу* (*chce*), ты не *хцешъ*, вінъ не *хце*, мы не *хцемы*, вы не *хцете*, вони не *хцутъ*, вм. я не хочу и т. д., или же: мы будемъ *робѣтъ*, *ходѣтъ*, вм. почти густаго выговора *робыты*, *ходыты*; вінъ *ходи*, *носи*, вм. ходить, носить или я *быжъ*, мы *быжи*, вм. я бувъ, мы булы; все это онъ приписывалъ вліянію полонизма и готовъ былъ признать мѣстный говоръ просто польскимъ нарѣчіемъ. Я же, напротивъ, признавалъ сильное вліяніе польщизны въ лексическомъ отношеніи, но въ формахъ: *хчу*,

хцешъ, ходи, носи видѣлъ аналогію съ сербскими *ћу, ћешъ, оди, носи*, а въ произношеніи *ходить, робити, бывъ, была, были* я искалъ первоначальнаго древне-славянскаго произношенія, именно различіе гласныхъ *и* и *ы*, потерявшееся въ малорусскомъ и югославянскихъ нарѣчіяхъ. Въ такихъ этнографически-лингвистическихъ упражненіяхъ проѣхали мы черезъ мѣстечка Городокъ, Судовую Вишню, Мостиска (Gródek, Sądowa Wisznia, Mościska), пользуясь всякой остановкой въ корчмѣ или въ *остеріи* для распросовъ и разговоровъ съ крестьянами. Въ Перемышлѣ мы осмотрѣли развалины замка и полюбовались прескраснымъ видомъ на равнины рр. Сяна и Вѣгоря (Вяра) и на амфитеатрально возносящіяся карпатскія горы. Вспомнивъ о бывшихъ временахъ, мы въ раздумьѣ оставили опояченную столицу Володаря. За Перемышлемъ уже мало слышалась русская рѣчь,—жители впрочемъ говорили наравнѣ по польски и по малорусски. Тутъ мы нашли народъ тихій, смиренный, во всемъ уступающій, запуганный преобладающимъ колонизмомъ. Вотъ въ одномъ изъ постоянныхъ дворовъ, или въ корчмѣ крестьянинъ въ черной свиткѣ и жепщина въ холстяной кофточкѣ почти шопотомъ говорятъ по русски, попивая водку. Вдругъ съ шумомъ входятъ два челоуѣва, рослыхъ, крѣпосложенныхъ, въ сапогахъ съ длинными голенищами, одѣтыхъ въ синіе суконныя камзолы съ висячими до колѣнъ клапанами. У одного была на головѣ красная шапка съ высокимъ рогатымъ верхомъ и полрковой опушкой, у другаго-же черная шляпа съ широкими полями. Это были два извожника—мазура изъ Тарнова или изъ подѣ Кракова. Они начали развязно похаживать по комнатѣ, ведя оживленный разговоръ на своемъ мазурскомъ нарѣчій, обращаясь другъ къ другу не на *ты* или *вы*, какъ водится у крестьянъ, но говоря одинъ другому: *пона, нязъ пона безъ ласкавъ, просенъ униженъ*; подтрунивая такъ обыкновенно надъ господами, рисовались смѣлой жестикуляціей,—наконецъ остановились возлѣ разговаривающихъ русиновъ и, подступая все ближе и ближе, почти толкали ихъ. Крестьянинъ взялъ фляжку съ водкой и отошелъ съ своей собесѣдницей къ другому концу стола. Но мазуры не отстали: они подступили къ другому концу, ведя громкій разговоръ,—русины посторонились къ другому столу, но нахалы—мазуры и туда поспѣли и прижали ихъ опять. Русскіе оставили и это мѣсто и стали въ уголокъ близъ двери, держа въ

ручь фляжку. Насъ поразило нахальство мазуровъ, но еще болѣе удивила уступчивость загнанныхъ русскихъ. Когда мазуры вышли къ своимъ лошадамъ въ конюшню, мы начали укорять русина, зачѣмъ онъ позволилъ такъ стѣснять пріѣзжихъ мазурамъ у себя дома; *агды на своемъ смѣтлю и коцутъ смѣлый*. „Панциу, вы не знаете, якій то лукавый народъ, ты мазуры; они наумысне шукали зачѣпки, а мы люди спокойны, всякому чорту уступаемъ,—на што намъ бѣды? вѣдь мазура и полу врѣжь, та втѣйка“. Вотъ какія отношенія сложились въ этой несчастной странѣ; не только шляхта, но и мазурскій мужикъ дасть чувствовать свое превосходство надъ бѣднымъ русиномъ.

Ярославль,—древній русскій городъ, мы проѣхали мелькомъ, не осмотрѣвъ его вовсе. Въ окрестностяхъ Ярославля народъ весьма красивый, говоритъ чистымъ польскимъ, почти книжнымъ нарѣчіемъ, *не мазуруетъ*. Мы убѣдились, что Снядецкій былъ правъ, говоря, что теперь самую чистую польскую рѣчь говоритъ народъ возлѣ Ярославля въ Галиціи. Кто хочетъ заслушаться мелодіей польскаго языка, пусть послушаетъ разговаривающихъ крестьянъ возлѣ Ярославля. Слѣдовательно не въ Гнезнѣ (этомъ гнѣздѣ Пястовъ), не въ Краковѣ или Варшавѣ—двухъ столицахъ Польши, а на русской землѣ, на рубежѣ Польши—самая чистая рѣчь, такъ-же какъ и чистѣйшій нѣмецкій языкъ не внутри древней Германіи, а на бывшей когда-то славянской землѣ—въ Саксоніи! Поэтому Вагилевичъ въ письмѣ своемъ къ М. П. Погодину порицаетъ Над-Сянское нарѣчіе за то, что оно ополячено и превозноситъ русскій языкъ, который, будто-бы, имѣлъ громадное вліяніе на письменный польскій языкъ.

Мы миновали границу русскаго и польскаго народонаселенія, и, проѣзжая песчаную низменность, лѣсную равнину между Сяномъ и Вислой, нашли народъ, говорящій на польскомъ нарѣчій съ слабымъ отгѣнкомъ мазурскаго, хотя народъ тихій, добродушный, совсѣмъ похожій на русскихъ полѣскоковъ, живущихъ въ сосновыхъ борахъ жолковскаго и золочевскаго округовъ, отъ Бродовъ до р. Сяна. За Преворскомъ (Przeworsk) мы направились вдоль рѣки Сяна на сѣверъ, черезъ Соколовъ, Грибовъ, находя вездѣ тотъ-же народъ и мы были почти увѣрены, что это ополяченные русины. Цѣль нашей поѣздки—мѣстечко Дяковъ расположено на равнинѣ надъ

Вислой, въ виду города Судоміря (Сандомібржа), лежащаго на противоположномъ высокомъ берегу; видны его старинныя зданія, костелы и башни. Глядя на него, мы вспоминали историческія событія, происходившія на этой границѣ галицкой Руси и Польши, вспоминали, что въ 1206 году князь Романъ Мстиславовичъ, недалеко отсюда подъ Завихвостомъ, въ войнѣ съ ляхами, былъ нечаянно убитъ нападшимъ на него отрядомъ поляковъ. Длинные и высокія, какъ валы, тянуціяся по берегамъ Вислы дамбы обратили на себя наше вниманіе. Не менѣе замѣчательнъ палацъ или замокъ гр. Тарновскаго, построенный на живописномъ мѣстѣ, съ карнизами, въ готическомъ вкусѣ, съ прилежащимъ паркомъ и видомъ на привислянскую окрестность. Гр. Тарновскій принялъ насъ весьма радушно, показалъ намъ свои картины, замѣчательныя искусствомъ, портреты своихъ предковъ Тарновскихъ и другихъ знаменитыхъ поляковъ, славянскія глиняныя урны и другія древнія вещи доисторическихъ временъ, вырытыя въ ршовскомъ уѣздѣ, рѣдкія старопечатныя книги и рукописи, относяціяся къ исторіи Польши. Всѣ эти предметы хранились въ богатой замѣчательными изданіями библиотекѣ. Въ особенности-же графъ поручилъ намъ разсмотрѣть славянскія рукописи, писанныя кириллицей, русскія грамоты и другіе скорописные памятники. Съ жаромъ молодыхъ энтузіастовъ мы принялись за разборъ этихъ памятниковъ, видѣнныхъ нами первый разъ въ такомъ количествѣ и подборѣ. Мы работали, не уставая, съ утра до поздней ночи, описывали рукописи, излагали содержаніе, объясняли, переводили на польскій языкъ и ежедневно по утрамъ представляли графу результаты нашихъ разысканій, который на радости изъявлялъ свое удивленіе нашимъ неуспыннымъ трудамъ, похваляя нашу ревность и любовь къ разслѣдованіямъ старины и наши познанія. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій Вагилевичъ писалъ М. П. Погодину объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ (виѣстѣ со мною) въ библиотекѣ ученаго гр. Тарновскаго въ Диковѣ. Вагилевичъ пишетъ о Кормчей книгѣ, которую онъ, смотря по почерку (по письму, какъ онъ выразилъ) и по языку, относилъ къ XII или началу XIII вѣка. Я спорилъ тогда съ нимъ, относя рукопись къ XIV столѣтію, тѣмъ болѣе, что она писана на бумагѣ. Вагилевичъ былъ до нѣкоторой степени фантазеромъ; онъ заупрямился и для поддержки своего мнѣнія утверждалъ,

ссылаясь на Мадѣвскаго, который будто-бы говорилъ, что еще въ XIII столѣтіи въ Галичѣ была изобрѣтена выдѣлка тряпичной бумаги и этимъ искусствомъ будто-бы занимались два брата изъ галицкихъ мѣщанъ. Конечно, мы, сверстники Далибора ¹⁾ (Вагилевича), относились скептически къ этому заявленію. Но онъ все настаивалъ на своемъ и въ доказательство вѣрности, а по крайней мѣрѣ вѣроятности этого событія, указывалъ на то, что на его родинѣ народъ называетъ бумагу, цедулку, записку—*термьткой* ²⁾ и что, будто-бы, это названіе народъ наслѣдовалъ отъ своихъ галицкихъ изобрѣтателей бумаги. Онъ гордился тѣмъ, что ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ нѣтъ названія бумаги на своемъ говорѣ, а всё заимствовали названіе отъ греческаго или латинскаго языка. Въ своемъ письмѣ къ историку Погодину Вагилевичъ не упоминаетъ о мнимомъ изобрѣтеніи, а говоря о *термьткѣ*, прибавляетъ, что „слово это можетъ быть взято съ греческаго языка, или происходитъ отъ *термьтка*—бумага; я полагаю, что тогда (въ XII и XIII стол.) на Руси были термьтныя (писче-бумажныя) заводы“. Дальше Вагилевичъ упоминаетъ о другой рукописной книгѣ, содержащей *отрывки изъ Кормчей книги XV вѣка*; по языку она похожа, но замѣчательна тѣмъ, что въ ней находятся: *уставъ Владимира* о церковныхъ судахъ и *уставъ Ярослава* и др.

Послѣ этого Вагилевичъ сообщаетъ о находящихся у гр. Тарновскаго грамотахъ, договорахъ и международной корреспонденціи польскихъ королей съ крымскимъ ханомъ, турецкимъ султаномъ и великими князьями московскими. Должно быть, Вагилевичъ неслсно написалъ или переводчикъ невѣрно перевелъ, называя ихъ *переводными* или *переписными*. Это собственно четыре пергаменныхъ грамоты съ конца XIV и начала XV стол., а именно: 1) жалованная грамота великаго князя Витовта 1392 г., 2) грамота галицкаго старосты Бенка 1398 г., 3) передаточная грамота на имѣніе Тростянецъ 1409 г. и 4) мѣшная грамота Ивана Тучыяка 1418 г. ³⁾.

¹⁾ Ивалъ Вагилевичъ привалъ славянское имя Далиборъ, которымъ я подпывался на своихъ ученыхъ трудахъ.

²⁾ Этого слова нѣтъ въ нѣмецко-русскомъ словарѣ Эм. Партшпакаго. Львовъ 1871 г.

³⁾ Всѣ эти грамоты я переписалъ съ графическою точностью, сообщилъ ихъ Д. Зубрицкому, откуда онѣ напечатаны въ Актахъ западной Россіи, а послѣ напе-

Кромѣ того мы нашли нѣсколько документовъ съ XVI в. на русскомъ языкѣ, договоры польскихъ королей съ великими князьями московскими и крымскимъ ханомъ. Въ особенности заинтересовала насъ переписка съ крымскимъ ханомъ Давлетъ Гиреємъ на русскомъ языкѣ, писанная современною русскою скорописью. У графа Тарновскаго одна статья была въ трехъ экземплярахъ, и я осмѣлился просить графа, чтобы онъ подарилъ мнѣ экземпляръ. Графъ похвалилъ мою любовь (zamiłowanie) къ памятникамъ старины и обѣщаль объ этомъ подумать. Вѣроятно, онъ провѣрилъ съ кѣмъ-нибудь, вѣрно-ли было мое заявленіе о тождественности ихъ текста. На другой день онъ вырвалъ листки изъ тетради, составлявшей отрывки какого-то сборника, вѣроятно, тетради Метрики великаго князя литовскаго и передалъ мнѣ экземпляръ. Нашей радости не было границъ. Мы открыли памятники дипломатическаго и дѣловаго языка изъ столь отдаленныхъ временъ, и на основаніи этихъ открытій рѣшили, что эти документы ничто иное, какъ продолженіе той политически-бытовой жизни русскаго (галицкаго) народа, которая жила и процвѣтала во время самостоятельности галицкаго княжества со временъ Володаря, Василька, Ярослава, Романа, Давида и Льва. Мы представляли себѣ въ своемъ воображеніи могущественное государство на всемъ погоріи Карпатовъ, простирающееся отъ источниковъ Нѣмана до устья Дуная и Чернаго моря. Въ письмѣ своемъ Вагилевичъ намекнулъ только о важности этихъ памятниковъ для исторіи языка, какъ „вѣрнаго изображенія языка самаго древняго времени“. Мы нашли, что кромѣ памятниковъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) мертваго церковно-славянскаго языка, мы напали на памятники древняго живущаго, настоящаго народнаго русскаго языка; что этотъ „языкъ—простъ и красивъ и сходенъ съ древнимъ; языкъ-же XVI и XVII ст. передѣланъ по образцу латинскаго (?), потому что онъ очень *ополонизировался* и испортился“.

Сообразно съ мнѣніемъ ученыхъ того времени, сужденіе наше было правильно, хотя мы не были въ состояніи дать научнаго удовлетворительнаго отчета и не умѣли сдѣлать правильнаго лексико-грамматическаго разбора найденныхъ памятниковъ.

чтаны мною въ Науковомъ Сборникѣ 1865 и 1866 г. и особыми оттисками во Львовѣ.

Наконецъ Вагилевичъ нашелъ возможнымъ сообщить о своихъ находкахъ, которыя его въ то время (1835 г.) преимущественно занимали. Онъ назвалъ ихъ громкимъ именемъ *ваятельныхъ* памятниковъ, и писалъ, что „*хотя они и необъяснены* еще, но весьма важны *для вѣстьхъ славянъ*“; далѣе онъ увѣряетъ, что: „истинно они начертаны *перстомъ Божиимъ* (?) въ горахъ карпатскихъ *для первыхъ славянъ*“ (?). Мнѣ помнится, что тогда шелъ въ славянствѣ живой споръ о подлинности пральвицкихъ надписей. Нѣмецкіе скептики отказали славянамъ (какъ низшей культурной націи) въ знаніи письменъ, приписывая сѣверныя руны только германскому племени. Находя у Ибнъ-Фоцлана, у мниха Храбра и въ Судѣ Любуши намеки на существованіе у древнихъ славянъ употребленія письма, разыгравшееся воображеніе молодого 20-ти лѣтняго человека нашло возможность открыть настоящія славянскія руническія надписи. Открытіе славянскихъ руническихъ надписей было постояннымъ желаніемъ Вагилевича, которое всегда волновало его душу и наводило на фантастическія мечты. Онъ давно мечталъ объ открытіи памятниковъ древняго языческаго культа, т. е. языческихъ идоловъ, капищъ или жертвенниковъ и находящихся на нихъ надписяхъ. Чтеніе путешествій по востоку и Индіи, усидчивыя студіи и разсужденія о руническихъ и клинообразныхъ надписяхъ подстрекали его пылкое воображеніе. Но мы не довольствовались въ нашемъ студенческомъ кружкѣ теоретическими разсужденіями, а требовали, чтобы аргументація была подтверждена фактами, и Вагилевичъ, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ друзей, въ одно прекрасное утро собрался въ путь для разслѣдованія своихъ излюбленныхъ *ваятельныхъ* памятниковъ.

Черезъ недѣлю или двѣ Вагилевичъ вернулся во Львовъ, полный радости отъ того, что открылъ доисторическіе памятники въ скалахъ вытесанныхъ храмовъ, а на ихъ стѣнахъ древнія руническія надписи. Онъ показывалъ всѣмъ копіи многихъ найденныхъ имъ надписей, къ прочтенію которыхъ онъ однакожь не могъ найти ключа, такъ какъ его знаки не подходили ни къ какимъ до сихъ поръ извѣстнымъ письменамъ. Онъ съ восторгомъ разсказывалъ о своихъ открытіяхъ. Одни повѣрили; другіе не довѣряли. Эти разсказы заинтересовали всѣхъ литераторовъ во Львовѣ. Вагилевичъ писалъ о своихъ находкахъ къ Шафартику, который также много

ожидалъ отъ этихъ открытій. Подъ такими впечатлѣнiями писалъ Вагилевичъ свое письмо къ М. П. Погодину, который принялъ извѣстiя за чистую монету. Объ этихъ находкахъ съ его-же (Вагилевича) словъ писалъ изъ Львова Карль-Владиславъ Запъ къ Шафарыку, а Иванъ Православъ Коубекъ къ Вяч. Ганкѣ, которые сообщили эти извѣстiя Погодину. Михайль Петровичъ напечаталъ письмо (самого Вагилевича) изъ *Лемберга* въ „*Моск. Наблюдателѣ*“ за 1836 г. (№ VII, стр. 289) въ переводѣ, сообщилъ копии надписей, найденныхъ Вагилевичемъ въ Трухановѣ, Розгорчю и Верхнемъ Синеводскѣ, находя въ нихъ „*примѣчательное сходство съ письменами синайскими древнихъ руссовъ, сообщенными знаменитымъ ориенталистомъ Френкомъ изъ арабскаго писателя X вѣка*“.

Въ древней русской исторiи до-монгольскаго ига (Моск. 1871 г. Т. III. Отдѣлъ I) Михайль Петровичъ отпечаталъ совсѣмъ вѣрное факсимиле *надписей, высѣченныхъ на скалахъ въ Карнатахъ* съ письма Вагилевича, съ краткимъ объясненiемъ (стр. 6), въ которомъ изъявилъ желанiе сравнить ихъ съ надписями, высѣченными на разныхъ горахъ въ Сибири, такъ называемыми чудскими. Стало быть, Михайль Петровичъ нашелъ ихъ неподлежащими сомнѣнiю.

Толки, споры, передраги длились у насъ продолжительное время. Вагилевичъ съ жаромъ отстаивалъ существованiе надписей, мы, скептики, старались доказать основательность нашихъ сомнѣнiй. Всѣ споры и толки оказались голословными передрагами и не привели ни къ чему. Близкiй кружокъ Вагилевича отнесся скептически къ его находкамъ, особенно Маркiанъ Шашкевичъ, прямо назвавъ все это Вагилевичевою фантазмагорiей.

Эти споры, кружась по Львову, сильно заинтересовали польскихъ литераторовъ, и Августъ Бѣлевскiй рѣшилъ отправиться на мѣсто находокъ, чтобъ удостовѣриться въ подлинности существованiя карпатскихъ надписей. Онъ нанялъ тройку лошадей у львовскаго мѣщанина русина Яснскаго, имѣвшаго свой домъ возлѣ св. Иоанна на Сѣнявцинѣ¹⁾, и взялъ съ собою эмигранта Килѣсинскаго, рисовальщика, чтобы срисовать описанныя Вагилевичемъ

¹⁾ Въ то время было еще много мѣщанъ, владѣльцевъ недвижимостей, занимавшихся разными промыслами и причтывавшихъ себя къ русской народности, которыхъ потомки теперь ополчались, а ихъ дома и земли перешли въ жидовскiя руки. — Н. Г.

капища и скопировать славянскія руны. Встрѣтивъ меня, Бѣлевскій уговаривалъ присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ поѣхать въ Карпаты, на что я охотно согласился, давно желая собственными глазами посмотрѣть на эту рѣдкость. Бѣлевскій, съ своей стороны, рассчитывалъ, что ему понадобится въ руководители русинъ. Несмотря на то, что Бѣлевскій переводилъ *Слово о полку Игоря* и народныя малорусскія пѣсни, онъ плохо зналъ по русски и, хотя былъ рожденъ въ восточной Галичинѣ, но, живя постоянно въ городѣ и вращаясь въ польскомъ обществѣ, съ трудомъ могъ изъясняться на русскомъ нарѣчій. Спутникъ его, эмигрантъ изъ Царства Польскаго, Янъ Кплѣсинскій, какъ мазуръ, вовсе не зналъ по русски. Такимъ образомъ я могъ быть имъ во многомъ переводчикомъ и толкователемъ, тѣмъ болѣе, что Бѣлевскій зналъ о моихъ экскурсіяхъ по Галичинѣ, изъ которыхъ я всегда приносилъ нѣсколько тетрадокъ народныхъ пѣсень, повѣрій и другихъ свѣдѣній о народномъ бытѣ. Бѣлевскій откровенно сказалъ, что я, русинъ, буду ему руководителемъ и посредникомъ въ распросахъ съ народомъ. При томъ-же, говорилъ онъ, если случится побывать у священника, то съ русскимъ какъ-то ловчѣе. Собрались и условились ѣхать въ назначенный день. Но такъ какъ у насъ ни у одного не было вида или паспорта, а на львовской заставѣ полицейскій фельдфебель (въ качествѣ пристава) могъ-бы придратъся, то мы, по одиночкѣ гуляя, вышли за Стрыйскую заставу и возлѣ кладбища поджидали нашу бричку. Только тамъ усѣвшись вмѣстѣ, мы весело помчались по шоссе на югъ. Бѣлевскій принималъ всякія предосторожности, не останавливался ни въ мѣстечкахъ, ни въ селахъ, ни въ уѣздномъ городѣ Стрыѣ, а только на отдыхъ въ корчмахъ, стоявшихъ особнякомъ въ полѣ. На ночь мы тоже не заѣхали въ корчму, а свернули съ шоссе въ лѣвую сторону и заѣхали уже ночью къ молодому помѣщику въ Довге (Долгое). Этотъ послѣдній, знакомый Бѣлевскому еще съ возстанія 1831 года, принялъ насъ съ большимъ радушіемъ. Воспоминанія о войнѣ 1831 г. оживляли разговоры. До поздней ночи продолжались рассказы о 4-мъ полку улаповъ, о 5-мъ пѣхотномъ полку легіи надвислянскою, о разныхъ корпусныхъ начальникахъ, стычкахъ, сраженіяхъ съ москалями подъ Остроленкой, подъ Дембомъ, подъ Волей и пр. Всѣ три на перерывъ ввалили не хуже заказныхъ охотниковъ.

Помѣщикъ, обративъ вниманіе на то, что я молчу, намекнулъ, что я навѣрно также былъ за Вислой, а Килѣснскій, не много думая, на угадъ сказалъ, что я служилъ въ корпусѣ Дверницкаго на Волыни, давая мнѣ этимъ столь-же обильную тему для вранья. Но я въ одинъ голосъ съ нимъ возразилъ рѣшительнымъ отказомъ, что я не участвовалъ въ революціи. „Панъ запевне русинъ“, заикнулся ляхъ. „Да“, сказалъ я. Но Бѣлевскій тутъ-же замѣтилъ: „але добры чловѣкъ. Не стѣсняйтесь, говорите смѣло“. И пошла дальше болтовня, которая кончилась разсказомъ, какъ всѣ три богатыря съ 20-ти тысячнымъ корпусомъ Ромарино перешли черезъ Вислу и сложили оружіе передъ австрійцами.

На другой день нашъ путь продолжался. Мы проѣхали черезъ г. Болеховъ, не останавливаясь въ немъ. За городомъ мы повернули въ сторону и поѣхали вверхъ рѣки Сукаль каменистой проселочной дорогой въ с. Тисовъ, а оттуда дальше и остановились только въ горной корчмѣ. Не медля, взяли мы проводниковъ изъ крестьянъ и пошли горами, поросшими лѣсомъ, на Бубнице между Трухаловомъ и Бубнищемъ, гдѣ находятся въ скалахъ вытесанныя пещеры въ родѣ комнатъ. Громадность раскинутыхъ скалъ—великановъ среди словыхъ лѣсовъ произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Очнувшись отъ изумленія, мы осмотрѣли всѣ комнаты, или собственно говоря пещеры, съ внѣшней и внутренней стороны и, держа въ рукахъ копіи мнимыхъ надписей, искали Вагилевичевыхъ рунъ, но не нашли ничего. На стѣнѣ одной изъ комнатъ были насѣчки, похожіе на одну изъ надписей, сообщенныхъ Вагилевичемъ, но послѣ тщательнаго осмотра мы положительно убѣдились, что это естественная насѣчка отъ неоконченной работы. Вверху мы нашли пробобы отъ дождей, которыя Вагилевичъ припаялъ за надписи, изображенныя въ „Наблюдатель“ съ замѣткой „наверху“. Килѣснскій срисовалъ видъ Бубнскихъ свалъ, а Бѣлевскій написалъ послѣ статейку, которая была напечатана въ „Зѣвоніи“, альманахѣ, изд. въ 1835 г. въ Лейпцигѣ; тутъ-же представленъ рисунокъ этихъ скалъ. Но Львовская цензура, захвативъ на границѣ изданіе, объявила на него запрещеніе и весь заводъ альманаха былъ копфискованъ, изрубленъ и сожженъ, такъ какъ цензура нашла тамъ запрещенныя статьи другихъ авторовъ. Статья Бѣлевскаго не была нигдѣ вторично отпеча-

тана, но заявленіе Бѣлевскаго, который у Вагилевича пользовался большимъ авторитетомъ, сильно повліяло на этого послѣдняго и онъ наконецъ призналъ, что *въ Трухановѣ*, можетъ быть, и нѣтъ надписей, но тѣмъ сильнѣе отстаивалъ существованіе надписей на скалахъ въ Розгорчю, о которомъ онъ написалъ статью въ часописи Чешскаго Музея (написалъ онъ по польски, а К. В. Запъ перевелъ на чешскій языкъ). Нечего было дѣлать, надо было провѣрить, есть-ли надписи на стѣнахъ розгорецкихъ скалъ или нѣтъ, и если есть, то какія именно надписи? Въ 1836 году, въ одинъ прекрасный осенній день я собрался въ путь, взявъ съ собой моего брата Ивана. Мы отиравились въ Стрый, а дальше пошли пѣшкомъ по шоссе въ с. Разгорчье, лежащее на р. Стрию у самого предгорья карпатскихъ горъ. Мы перевезлись на лодкѣ черезъ Стрый и пошли селомъ, спрашивая, гдѣ розгорецкіе *уцобвы* (скалы). Намъ показали за помѣщичьимъ огородомъ большія скалы съ открытыми дверями или входами въ комнаты, высѣченныя въ скалахъ, и другія, которыя выступали изъ горъ. Крестьяне указывали на какія-то царапины, но мы не могли ихъ признать за надписи отдаленной древности, а скорѣе должны были признать въ нихъ размытыя дождемъ и сыростью слѣды именъ посѣтителей. Въ одной даже мы ясно замѣтили польскую фамилію *Krutowicz*.—Съ тѣхъ поръ никто не упоминалъ о надписяхъ и въ Галиціи всѣ были убѣждены, что ихъ нѣтъ.

Въ статьѣ моей объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, напечатанной въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г., я положительно высказался на счетъ этихъ мнимыхъ древнихъ надписей ¹⁾, но, не смотря на это, покойный М. П. Погодинъ въ своей древней русской исторіи до монгольскаго ига, изд. въ 1871 году, отпечаталъ карпатскія руническія надписи, сообщенныя ему Вагилевичемъ, находя ихъ похожими на какія-то сибирскія надписи.

Въ концѣ письма Вагилевичъ жалуется на трудности, которыя были нами встрѣчаемы при выпискѣ русскихъ книгъ. Нѣмцы

¹⁾ Желательно было бы со всею тщательностію осмотрѣть большую пещеру розгорецкихъ скалъ. Мнѣ помнится, что я на лѣвой стѣнѣ замѣтилъ что-то похожее на еврейскую надпись. Любопытво, что оно таково?..

и поляки не желали, чтобы галицкіе руссы знакомились съ русскою литературой, поэтому въ Галиціи русской книги нельзя было ни зазоромъ увидать. Я случайно нашель у еврея русскую грамматику Гейма, переведенную на польскій языкъ Гродзицкимъ, изд. въ Варшавѣ, и нѣсколько одъ Державина съ польскимъ переводомъ, изд. въ Вильнѣ. Стихи я заучивалъ наизусть и хранилъ, какъ драгоценный кладъ. Ни одинъ книгопродавецъ не хотѣлъ выписывать русскихъ книгъ, извиняясь тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ сношеній съ русскими книгопродавцами.

Съ трудомъ я уговорилъ Ивана Милликовскаго выписать исторію Малороссіи Бантышъ-Каменскаго и Эпейду Котляревскаго. Только черезъ 10 мѣсяцевъ были присланы книги. Я былъ въ восторгѣ. Но не долго продолжалась моя радость: Милликовский потребовалъ за эти 4 книги 29 гульд. серебромъ! Денги (сбереженные денежки) были уплачены, но книги отданы въ цензурный комитетъ. Мы ходили, узнавали, просили, ходатайствовали, пока наконецъ чрезъ полтора года намъ не доставили книгъ въ руки. Другой разъ я хотѣлъ выписать русскую исторію Полеваго (о которой въ то время много говорили въ печати), пѣсни малороссійскія Максимовича, Запорожскую Старину и др. книги, но Милликовскій отказалъ на отрѣзъ (вѣроятно, по внушенію поляковъ). Нужно было отказаться отъ Полеваго, а Максимовича одинъ экземпляръ мы нашли, какъ я сказалъ въ началѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ, и съ этого-то единственнаго экземпляра я списалъ всю его книгу.

Вотъ все, что я нашель нужнымъ объяснить по поводу письма Вагилевича, напечатаннаго въ „Моск. Наблюдатель“.

Я. Г.

Иринеѣ Фальковскій *),

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

(Окончаніе).

VI.

Мы подошли теперь къ тому періоду въ жизни Иринея Фальковскаго, когда онъ занялъ такой важный выдающійся постъ, на которомъ могъ проявить вполне свою обширную эрудицію, свои блестящія дарованія вообще и въ частности свой многообъемлющій систематическій умъ. 20 марта 1803 г. Иринея вступилъ въ должность ректора кіевской академіи, этого древнѣйшаго училища въ въ Россіи, къ тому времени значительно обветшавшаго въ силу не отразимаго общаго хода событій въ странѣ.

Раньше мы видѣли, въ какомъ положеніи была академія кіевская въ ту пору, когда Фальковскій переходилъ со школьной скамьи въ кругъ ея преподавателей. Многое сдѣлали для ея обновленія и улучшенія умъ и опытность митрополита Самуила Миславскаго; но его реформаторская дѣятельность была направлена болѣе, такъ сказать, на обрусѣніе академіи, введеніе ея въ общую жизнь нововозникавшихъ учебныхъ заведеній. Поднять уровень академическаго образованія, привести все преподаваніе въ стройное цѣлое, усилить преподавательскій составъ, возвысить воспитательную сторону заведенія—все это составляло задачу другаго времени и другаго лица, и блестящаго выполненія этихъ задачъ можно было ждать отъ многосторонняго ума и неутомимой дѣятельности Иринея Фальковскаго. Къ сожалѣнію, время ректорства его было слишкомъ кратко, продолжалось менѣе года и въ добавокъ о дѣятельности его за это

*) См. майскую кнѣжку «Кіевской Старины» на 1883 г.

время, въ званіи ректора, мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній. Самое то обстоятельство, что Ириней, прослуживши въ академіи 20 лѣтъ и достигши ректорскаго званія, появляется въ пемь на академическомъ горизонтѣ на мигъ, какъ блестящій метеоръ, составляетъ для насъ загадку. Біографы его, отмѣчая, какъ фактъ, эту и другія перемѣны въ его жизни, не касаются вызвавшихъ оныя причинъ; остается мѣсто догадкамъ и предположеніямъ. При отсутствіи положительныхъ данныхъ относительно столь крупнаго факта, какъ добровольное, по видимому, оставленіе Иринесемъ важнаго поста ректора академіи и удаленіе въ монастырь, разъясненія этого дѣла надо искать въ отличительныхъ чертахъ жизни его самаго и въ смѣнѣ начальствовавшихъ надъ нимъ лицъ. Что возвышеніемъ на степень ректора академіи Ириней обязанъ былъ своимъ талантамъ, знацію и неустанному труду, въ этомъ едва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе. Единственный покровитель его, митрополитъ Самуилъ Миславскій давно покоился въ землѣ; не было въ живыхъ и Героея Малицкаго, такъ очерниваемаго его предъ св. синодомъ, а на митрополичьей кафедрѣ въ Кіевѣ возсѣдалъ выдвинутый случаемъ трансильванецъ Гавріилъ Банулеско, человѣкъ безъ всякаго вліянія и значенія. Очевидно, что послѣ столкновенія съ митрополитомъ Героеемъ, и свѣтлыя и темныя черты Ириней коротко извѣстны были синоду и судьба его зависѣла прямо отъ него. Извѣстный недугъ Фальковского дѣлалъ вообще положеніе его шаткимъ, особенно-же при перемѣнѣ начальствующихъ лицъ, и самъ онъ, конечно, долженъ былъ прислушиваться къ тому, какъ смотрять на него въ сферахъ правящихъ. Но не прошло и полгода со времени назначенія его ректоромъ, какъ ближайшій его начальникъ, митр. Гавріилъ также легко былъ смѣщенъ съ митрополичьяго стола, какъ и посаженъ на оный. Вопросъ о преемникѣ Гавріила и о томъ, какъ онъ отнесется къ Иринесю, не могъ не занимать этого послѣдняго. Между тѣмъ къ концу ноября, въ ту именно пору, когда до Кіева могла дойти первая вѣсть о назначеніи на кіевскую митрополию казацкаго архіепископа Серапіона Александровскаго, указомъ на имя кіевскаго викарія Θεофана Шілюва, синодъ требовалъ свѣдѣнія о томъ, продолжаетъ-ли ректоръ академіи Ириней, согласно синодальному указу отъ 1798 г., писать толкованія на посланія апостольскія. Какъ смотрѣть на этотъ за-

прось? Что хотѣли сказать этимъ напоминаніемъ? Намъ неизвѣстны мотивы этого запроса, какъ и мотивы порученія, даннаго Иринею въ видѣ особаго послушанія; но вопросы, которые ставимъ мы, не могли не родиться и въ головѣ Ирины и не заставить его придумать. А тутъ новый митрополитъ... Какъ взглянетъ онъ на недавно назначеннаго ректора, пойдетъ ли совмѣстимымъ управленіе академіей и преподаваніе богословія съ составленіемъ толкованій на посланіе и что признаетъ болѣе важнымъ: процвѣтаніе ли академіи, или толкованія? Не иначе, какъ послѣ долгаго раздумья и разныхъ постороннихъ соображеній Ириней могъ написать тотъ отвѣтъ, который такъ не согласуется съ запросомъ и такъ поражаетъ своею неожиданностію. Онъ писалъ, что кромѣ представленныхъ имъ въ московскую цензуру для апробаціи къ печати толкованій на два посланія къ солунянамъ и первое посланіе къ коринѳянамъ, у него готовы вчернѣ толкованія на посланія къ римлянамъ, галатамъ и второе къ коринѳянамъ, что затѣмъ онъ хотя и ведетъ толкованіе апостольскихъ посланій предъ братіею своего монастыря, но ведетъ, не придерживаясь системы, какъ-то дѣлалъ прежде, и что если св. синоду угодно, чтобы онъ продолжалъ это дѣло по прежнему, то онъ немедленно приступитъ къ нему, но, будучи обремененъ должностями, сознаетъ, что не успѣетъ окончить толкованій на остальные восемь посланій ап. Павла раньше четырехъ лѣтъ, а потому проситъ уволить его отъ должности ректорской, особливо же отъ преподаванія богословія, и тогда онъ беретъ на себя окончить этотъ трудъ чрезъ два года¹⁾. Что это? увлеченіе ли идеей дѣла, послушаніе ли до крайности, или своего рода политика? Болѣе вѣрнымъ кажется намъ послѣднее. Монашество, особливо такъ называемое ученое, ведетъ иногда игру не менѣе тонкую, какъ и пайболѣе искусные изъ мірянъ. И новоназначенный въ это время митрополитъ кievскій Серапіонъ не задолго предъ сямъ, замѣтивъ охлажденіе къ себѣ въ сферѣ синодской, просилъ уволить его на покой, но, взявъ, по совѣту м. Платона, прошеніе обратно, вскорѣ получилъ кievскую митрополию. Архимандритъ Ириней не искусился, правда, плавать въ волнахъ

¹⁾ Акты кievобр. уч. моваст. и акад., III. IV, № 12.

жителейскихъ, да и не въ натурѣ его была тонкая политика; но на этотъ разъ онъ, видимо, хотѣлъ оградить себя, быть можетъ, просто по чувству самосохраненія. Имъ сдѣланъ былъ слишкомъ очевидный намекъ на несомвѣстимость сложныхъ и важныхъ служебныхъ обязанностей съ исполненіемъ навязаннаго ему порученія. Можно было затѣмъ ожидать, что или вовсе освободятъ отъ этого порученія, или не станутъ по крайней мѣрѣ торопить имъ и медленное исполненіе опаго не отпесутъ къ небрежности и лѣности. Вышло то, чего всего менѣе ожидать было можно и чего желать Принею не было, кажется, никакой причины. Указомъ 25 февраля 1804 года онъ уволенъ былъ „отъ ректорскаго званія и преподаванія Богословія“, *во уваженіе*, какъ говорилось въ указѣ, *двадцатилѣтняго прохожденія ея въ академіи учительской должности и трудовъ его надъ разными сочиненіями* и дабы препорученіе ему толкованій на послѣднія восемь посланій, по примѣру прежде сочиненныхъ, не могло быть *отяготительно* для него. Сущность дѣла, какъ видитъ читатель, совсѣмъ закрыта здѣсь; а мотивы увольненія выставлены такіе, что ихъ скорѣе можно-бы признать за шутку или насмѣшку. Соображая, что новоназначенный митрополитъ Серапіонъ, къ всеобщему и митрополита Платона удивленію, былъ возведенъ на этотъ постъ стараніями и протекціею земляка его, петербургскаго митрополита Гавріила Подобѣдова, и что назначеніе Серапіона, равно и случайное заименіе Ириней объ увольненіи его отъ службы при академіи, послѣдовали почти одновременно, нельзя не прійти къ заключенію, что неожиданное увольненіе Ириней отъ должности ректора и профессора богословія было дѣломъ услуги могущественнаго протектора его кліенту—земляку. Гавріилу была извѣстна слабость Ириней; она могла ставить его кліента въ затрудненіе, а тутъ самъ Ириней вызывался на увольненіе... Такимъ образомъ ничего необыкновеннаго на этотъ разъ не произошло, а случилось лишь то, что обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ бываетъ, именно: лица, почему-либо неудобныя, или негодныя для новаго начальника, такъ или иначе смѣщаются и устраняются,—по желанію-ли его, или протезирующихъ ему, все равно. Была-ли у Ириней, какъ у Ломоносова, увѣренность, что скорѣе академію отстаивать отъ него, нежели его отъ академіи,—трудно допустить;

скорѣ онъ сталъ жертвою посторонней политики, отчасти-же, можетъ быть, и собственной трусости, столь присущей людямъ, чувствующимъ за собою какую-либо слабость. Какъ-бы ни было, Ириней потерпѣлъ, потерпѣла вмѣстѣ съ нимъ и академія. 5 февраля новый митрополитъ подъѣзжалъ къ Кіеву. Ему на встрѣчу выѣхало кіевское духовенство, черное и бѣлое, и во главѣ его Ириней. Встрѣча происходила въ м. Броварахъ, въ 24 верстахъ отъ Кіева. Не предчувствовавшій, быть можетъ, своего увольненія знаменитый ректоръ академіи сказать встрѣчную рѣчь, которую новый владыка въ своемъ „Дневникѣ“ назвалъ *хорошею*, а спустя три недѣли состоялся указъ объ увольненіи Ириня.

Ириней оставленъ въ управленіе кіевскій пустынно-ніколаевскій монастырь, а широкая церковно-общественная и училищная дѣятельность его заключена въ стѣны кабинета и ограничена составленіемъ толкованій на 8-мь посланій ап. Павла, академія-же оставлена доживать послѣдніе годы своего двухъ вѣкового существованія, въ качествѣ всенароднаго училища, подъ руководствомъ малосвѣдущаго, не блиставшаго ни умомъ, ни даромъ слова митрополита.

Въ лицѣ Ириня академія кіевская понесла огромную, невознаградимую потерю, которая, полагать можно, привела ее къ необходимости новаго преобразованія, помимо условленнаго общимъ государственнымъ строемъ превращенія ея въ заведеніе сословное, духовное. Ириней оставилъ намъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи академія перешла подъ его управленіе, равно и о томъ, какъ устроена была имъ, въ самомъ началѣ его ректорства, инспекторская часть, или надзоръ за обученіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ академіи. Перваго рода свѣдѣнія заключаются въ обширномъ, самимъ Иринеемъ составленномъ „*Описаніи* кіевской академіи противу вопросовъ, данныхъ отъ министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Петра Васильевича Завадовскаго 1802 г.“, вторая — въ „*Инструкціи суперъ-интендантской* для благонамѣреннаго смотрѣнія и наблюденія по предметамъ въ ученіи и благопріавіи“ воспитанниковъ. Извлеченіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ этихъ двухъ произведеній пера Ириня мы и закончимъ нашу рѣчь о немъ, какъ о ректорѣ академіи.

„Описаніе академіи“, какъ видно изъ его заглавія, вызвано запросомъ перваго министра народнаго просвѣщенія. То было начало царствованія Александра I-го, пора горячихъ начинаній, широкихъ проектовъ и реформъ. Кіевская академія ничего отъ нихъ не выиграла, но отъ даннаго по этому случаю запроса остался этотъ единственный, весьма важный документъ, свидѣтельствующій о внѣшней и внутренней жизни академіи въ ея прежнемъ историческомъ существованіи, въ качествѣ училища, открытаго для всѣхъ и совмѣщавшаго въ себѣ курсы низшаго, средняго и высшаго образованія, не раздѣленнаго, какъ въ послѣдствіи на духовное и свѣтское. Академія вмѣстѣ въ это время 1146 учащихся, съ значительнымъ контингентомъ въ этомъ числѣ дѣтей священно и церковно-служительскихъ. Послѣдніе принимались въ возрастѣ 7—14 лѣтъ, такъ какъ большинству ихъ приходилось выслушивать трехлѣтній богословскій курсъ, дѣти-же другихъ сословій принимались въ какомъ угодно возрастѣ и выходили изъ какого угодно класса, — „сообразно ихъ намѣреніямъ“, прибавляетъ „Описаніе“. Всѣхъ классовъ было 32 и кромѣ того классъ такъ называемой *русской школы*, для неспособныхъ и не желавшихъ учиться въ академіи. Классы подраздѣлялись по главнымъ отдѣламъ изучаемыхъ предметовъ: были, напр., нижній, средній и высшій грамматическій и арифметическій классъ, существовали подобныя подраздѣленія и другихъ предметовъ, упоминаются четыре историко-географическихъ класса, безъ названій: низшій, средній и высшій. Судя однако по числу классныхъ комнатъ, какъ оно значитъ въ „Описаніи“, по отношенію количества учащихся къ числу учащихся (19 на 1146) и наконецъ по громадному числу учениковъ въ классѣ одного наименованія (въ низшемъ напр. грамматическомъ классѣ 489 уч.), надо заключать, что обученіе такъ сказать начаткамъ шло не только въ аудиторіяхъ академіи и въ такъ называемомъ сиротскомъ домѣ, *старой бурсѣ*, но и по приходскимъ школьнымъ домамъ, съ помощію такъ называемыхъ *директоровъ*, проще репетиторовъ или старшихъ учениковъ. Эти-же директора служили главными органами инспекціи, облегчая трудъ не только учителей по приготовленію учениками уроковъ, но и инспекторовъ и суперъ-интендента по наблюденію за поведеніемъ учащихся.

На такое большое число классовъ и огромную массу учащихся было всего 19 учителей,—*восемь* духовнаго сапа и *одинадцать* бѣльцевъ или свѣтскихъ. Въ числѣ первыхъ былъ 1 архимандритъ, 3 соборныхъ іеромонаха кievo-печерской лавры и 1 іеродіаконъ, 2 священника и 1 протоіерей, а въ числѣ свѣтскихъ 1 докторъ медицины, 1 отставной капиталь для практики въ французскомъ языкѣ и обученія рисованью, 1 братъ—славянинъ, австрійскій подданный, воспитанникъ пресбургскаго университета, остальные—воспитанники кievской академіи, изъ которыхъ 3, по окончаніи здѣсь полнаго курса, посылаемы были для усовершенствованія въ московскій университетъ.

Высшіе оклады жалованья получали учителя богословія и философіи—первый 350, второй 300 р., жалованье остальныхъ понижалось отъ 200 до 40 и даже 30 р. въ годъ. Въ числѣ учителей послѣдняго оклада были 2 учителя исторіи и географіи; но въ подмогу этому, крайне скудному и для тогдашняго времени содержанию, учитель богословія имѣлъ второклассный монастырь и пользовался отъ него доходами, квартирою и столомъ, соборные іеромонахи получали жалованье по монастырскому своему званію, священники имѣли приходы въ Кіевѣ, а свѣтскіе жили съ монашествующими въ избахъ, при академіи для учителей построеныя, пользуясь дровами и свѣчами, на академическую сумму доставленными.

Кругъ предметовъ, въ академіи преподававшихся, былъ слѣдующій: языки русскій, латинскій, еврейскій, греческій, французскій и польскій, и науки: богословіе, философія, риторика, исторія, географія, арифметика, чистая и смѣшенная математика, врачебная наука, сельская и домашняя экономія, рисовальное искусство и потное ирмолойное пѣніе. Вообще число учителей совпадало съ числомъ предметовъ, но подраздѣленіе этихъ послѣднихъ было иногда такъ велико, что преподаваніе одного предмета требовало нѣсколькихъ учителей и весьма значительнаго числа уроковъ. Такъ въ кругъ философіи входили: исторія философіи, логика, метафизика, физика, нравственная философія, естественная исторія и опытная физика, а *въ классъ смѣшенной математики* читались: гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, аерометрія, гидрав-

лика, оптика, катоптрика, диоптрика и перспектива, тригонометрія сферическая, астрономія, географія, гидрографія, гномоника и математическая хронологія.

Курсы богословскій, а равно русскаго, латинскаго и греческаго языковъ представляли также большія подраздѣленія. Преподаватели соединяли иногда самыя разнородные предметы, но не въ цѣломъ ихъ видѣ, а въ отдѣльныхъ ихъ курсахъ, или частяхъ. Ученики различныхъ возрастовъ соединялись для слушанія одного курса того или другаго предмета. Курсы считались вмѣстѣ и классами, а эти въ свою очередь подраздѣлялись. Отъ того такое огромное число классовъ. Но не смотря на это, не смотря на разбросанность курсовъ, въ общемъ ходѣ ученія примѣчается самая строгая постепенность и весьма стройная система. Академія видимо подвинулась впередъ, заимствовала многимъ отъ заведеній новыхъ, расширяла кругъ изучаемыхъ предметовъ, давала имъ новую, лучшую постановку, обзаводилась новыми руководствами и учебными пособиями. Русскій языкъ завоевалъ себѣ право гражданства въ преподаваніи многихъ предметовъ и исключеніе составляли, кромѣ языковъ, только богословіе, философія и риторика, читавшіяся на латинскомъ языкѣ. Предметы изученія дѣлились на главные и второстепенные, обязательные и необязательные; къ послѣднимъ принадлежали языки новые со включеніемъ польскаго, но для изученія всѣхъ языковъ, кромѣ еврейскаго, существовали особыя практическіе классы, для упражненія въ разговорахъ. Изученіе главныхъ предметовъ и языковъ, особливо древнихъ, вызывало поражающую массу письменныхъ работъ: оккупацій, экзерцицій, переводовъ, извлеченій, имитацій и самостоятельныхъ сочиненій, но кромѣ ихъ существовалъ цѣлый рядъ словесныхъ, изустныхъ упражненій, начиная отъ вокабулъ и фразъ и кончая классными публичными декламаціями подражаній, рѣчей, стиховъ, разсужденій и проповѣдей и славными въ то время диспутами. На этихъ занятіяхъ сосредоточивалась вся умственная работа школы, дрессировавшая мысль, и даръ слова, и дикцію.

Мы не коснемся „образа ученія“, частнѣйшаго содержанія наукъ, обзора руководствъ и учебныхъ пособій, о которыхъ съ такою подробностію трактуетъ Иринево „Описаніе академіи“, дѣлающее честь его ясному систематическому уму; но не можемъ

не упомянуть о той массѣ труда, какая требовалась отъ учащихся, а слѣд. и учащихъ въ то время. Уроки начинались тогда съ 6-ти часовъ утра и кончались въ 6-ть часовъ вечера, съ промежуткомъ отъ 11-ти и до 2-хъ часовъ по полудни, который давался на обѣдъ и приготовленіе послѣ обѣдненныхъ уроковъ. Уроки были часовые, но ихъ было 9-ть, не считая домашнихъ работъ. Одно существованіе необязательныхъ предметовъ, впрочемъ весьма не многихъ, могло облегчать эту непомерно продолжительную и тягостную работу. Только въ „русской школѣ“ ежедневныя занятія продолжались всего 6-ть часовъ. Тамъ учили чтенію и писью, катихизису, свящ. исторіи и церковному уставу,—учили тѣхъ, которые не посягали на высшую премудрость и почему-либо признавались неспособными къ изученію другихъ предметовъ и языковъ. Пѣнію обучались ученики русской школы въ классѣ ирмолойнаго пѣнія вмѣстѣ съ тѣми учениками, которые не изучили этого предмета до поступленія учениковъ въ латинскій классъ. Особого курса для этой школы не полагалось, а учились, пока не выучатся. Последняго принципа держались и въ другихъ классахъ, хотя тамъ полагались опредѣленные уже курсы. Такъ въ латинскихъ, грамматическихъ, поэтическихъ, арифметическихъ, историческихъ и географическихъ классахъ и въ нижнемъ математическомъ ученикъ долженъ былъ пробыть одинъ годъ; въ риторическомъ, въ высшемъ чистомъ математическомъ два года и въ смѣшенномъ математическомъ классахъ три года; въ классѣ высшаго краснорѣчія пять лѣтъ, въ философіи два года, въ богословіи три года. Говоря яснѣе, каждый учащійся столько времени долженъ былъ слушать курсъ извѣстнаго предмета, но многіе курсы шли параллельно. Въ нижнихъ классахъ нѣмецкаго, французскаго и греческаго языковъ слушали по одному году; а въ высшемъ классѣ этихъ-же языковъ, равно въ классахъ еврейскаго и польскаго языка, опредѣленнаго срока не полагалось, а учились, „пока кто достигнетъ надлежащаго изученія онымъ“. Ученіе обыкновенно всегда начиналось 1-го сентября и продолжалось по 15-е іюля. Экзамены были ежемѣсячныя и кромѣ того экзаменъ главный по окончаніи года. Мудрая старина ухитрялась производить первые экзамены въ теченіи одного дня, употребляя на то шесть часовъ, а экзаменъ годичный въ теченіи двухъ недѣль. Своего рода экзаменами были ежесубботныя

чтенія лучшими учениками богословія и философіи собственных ихъ рѣчей и диссертаций, а также диспуты, бывавшіе въ неопредѣленные сроки. Всѣ вообще испытанія производились въ общемъ собраніи всѣхъ пачальствующихъ, учащихъ и учащихся. Испытывали каждаго ученика, хотя вѣроятно не по каждому предмету; испытывали учителя другихъ классовъ, а не тѣ, что преподавали. На экзаменѣ годичномъ письменныя упражненія предшествовали устнымъ отвѣтамъ. Наградъ, по недостатку денежныхъ средствъ, не полагалось никакихъ, а только „усиѣвающіе въ публикѣ бывали похваляемы, а лѣнливцы терпѣли выговоръ“.

На содержаніе заведенія, такъ обширнаго по числу изучаемыхъ предметовъ и количеству учащихся, отпускалось изъ государственнаго казначейства всего 12,000 р., изъ которыхъ одна треть расходовалась на содержаніе всего наличнаго состава служащихъ, другая на больницу и лекарства, на содержаніе и ремонтъ зданій и бібліотеку, а третья на содержаніе академическихъ питомцевъ, помѣщавшихся въ сиротскомъ домѣ, или бурсѣ, и присылаемыхъ по синодальнымъ указамъ для образованія воспитанниковъ другихъ семинарій.

Помѣщеніе академіи было до крайности бѣдно, тѣсно и въ добавокъ разбросано: на дворѣ братскаго монастыря нынѣшній такъ называемый старый академическій корпусъ, имѣвшій 8 аудиторій, залу и церковь; особый домикъ изъ 3-хъ комнатъ, гдѣ теперь больница, для правленія; другой въ 2 этажа, гдѣ нынѣ теплая церковь, для бібліотеки и трапезы, и нѣсколько деревянныхъ построекъ, въ которыхъ помѣщались префектъ академіи и свѣтскіе учителя; чрезъ дорогу отсюда конюшенный дворъ и въ сосѣдствѣ съ нимъ больница, а на берегу Днѣпра одноэтажный каменный, такъ называемый сиротскій домъ; въ немъ тѣснилась наибольшая часть бѣдныхъ учениковъ, содержавшихся на казенный счетъ, остальные помѣщались въ приходскихъ домахъ при церквяхъ притиско-никольской, васильевской (на житномъ базарѣ, теперь не существующей) и воздвиженской, а также въ частныхъ домахъ. Ректоръ академіи помѣщался въ своемъ никольскомъ монастырѣ, нѣсколько учителей и монаховъ въ лаврѣ. Надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ, а также и содержаніемъ учениковъ, былъ до крайности затрудненъ. Этимъ и объясняется та крайняя заботливость объ нихъ

и скрупулезная регламентация, которая проходит по всей, оставленной намъ Иринею, суперъ-интендентской инструкціи, а также особой инспекторской инструкціи. Надзоръ раздробленъ между инспекторами, директорами и сеніорами, сосредоточиваясь въ лицѣ суперъ-интендента и правленія академіи, но онъ доходитъ до заботы о бумагахъ и книгахъ, пищѣ и одеждѣ и условливается массою вѣдомостей, списковъ, репортовъ, письменныхъ и словесныхъ докладовъ. Инструкція направлена главнымъ образомъ не къ улавливанію и высѣживанію небрежныхъ и шаловливыхъ учениковъ, а къ тому, чтобы помочь имъ, поддержать и оградить отъ обидъ и злоупотребленій. Достояна особаго вниманія забота инструкціи о поддержаніи хоровъ и академическаго оркестра, а также тѣхъ учениковъ, которые, не пользуясь казеннымъ содержаніемъ, не имѣютъ пищи, одежды или обуви. При скудости казенныхъ средствъ, при всеобщей почти бѣдности учащихся, въ огромной массѣ ихъ шла усиленная, но мирная, регулируемая заведеніемъ борьба за существованіе, выражавшаяся въ подачѣ *упражнений* не только *de loco*, но *de calceis* и *de pane*. И рядомъ съ этимъ изо дня въ день, съ утра до ночи шла неустанная, горячая работа надъ изученіемъ науки, работа, о которой мы, привыкшіе къ удобствамъ, потомки и понятія составить себѣ не можемъ. И надъ всею этою копошней, надъ этой муравьиной работой тысячной массы царитъ всѣхъ одушевляющая и увлекающая мысль Ирины, отдавашаго наукѣ жизнь свою отъ дней юности. Его любятъ, имъ восхищаются и увлекаются, ему подражаютъ во всемъ: въ неустанномъ трудѣ, бойкой и одушевленной дикціи, даже почеркѣ письма, поразительно правильномъ и изящномъ,—подражаютъ въ этомъ послѣднемъ такъ успѣшно, что иногда невозможно отличить письма Ирины отъ почерка иныхъ изъ его учениковъ¹⁾.

Понятно, какимъ ударомъ для академіи было неожиданное увольненіе Ирины отъ должности ректора и профессора богословія.

¹⁾ Въ «Актахъ кіево-братскаго училищнаго монастыря и академіи» сохранилось не мало документовъ и подписей съ видимою поддѣлкой подъ почеркъ Ирины, и эти-то поддѣлки нерѣдко вводятъ изслѣдователей въ ошибку, заставляя считать ту или другую рукопись за автографъ Ирины, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она писана вовсе не имъ. Укажемъ изъ многихъ другихъ зотъ на В. Аскоченскаго («Кіевъ», II. 423), по недоразумѣнію считающаго автографомъ Ирины упомянутое нами «Описаніе кіевской академіи».

Время его пребыванія въ академіи и кратковременнаго управленія ею было послѣднею свѣтлою страницей въ ея прежней исторической жизни, послѣдней яркой вспышкой свѣточа науки. Академія перешла теперь на руки малоспособныхъ и просто бездарныхъ Іоакимѣвъ, Мелетіевъ и Авксентіевъ, и глубоко пала прежде, чѣмъ наступило превращеніе ея въ высшее сословное заведеніе. Памятный академіи Иринеи, повидимому, добровольно удалился въ пустынно-никольскую обитель... Послѣдуемъ и мы за нимъ въ его скромную иноческую келію.

VII.

*Пусть смертныя къ земнымъ владыкамъ приближуютъ,
Пусть счастья отъ нихъ и защитенья чаютъ;
Я, въ удаленіи всегда живя отъ нихъ,
Пріемлю все отъ рукъ, о Боже мой, Твоихъ! ¹⁾*

Если-бы кто могъ проникнуть въ душу Иринея въ то время, когда онъ оставлялъ свою любимую и горячо его любившую академію, онъ прочелъ-бы въ его сердцѣ не инья, какъ только эти, раньше этого времени написанныя имъ строки. Удаленіе его было во всякомъ случаѣ недобровольное. Оно отразилось на ближайшей его дѣятельности. Если-бы вѣрить искренности тѣхъ мотивовъ, которыми Иринеи обставилъ свое увольненіе отъ ректорской и преподавательской должностей, можно было-бы думать, что съ оставленіемъ академіи онъ исключительно займется выполненіемъ возложеннаго на него св. синодомъ порученія. Но наши рукописи ничего не говорятъ въ пользу этого, исполнѣ законнаго и вѣроятнаго предположенія. Въ одной только изъ нихъ сохранилось начало толкованія на книгу Іова ²⁾ такого-же характера, какъ и толкованія на извѣстныя уже посланія св. ап. Павла. Другихъ трудовъ его въ области экзегетики, если только они были, время не сохранило. На основаніи имѣющихся у насъ подъ руками первоисточниковъ,

¹⁾ См. рукоп. кіево-соф. соб. № 489, іеромонаха Иринея Фальковскаго «Стязи російскіе» изъ предложенія: *отъ лица Твоею судьба моя изыдетъ.*

²⁾ Сл. № 68 (приложеніе къ рукописи XIX. V).

мы даже имѣемъ полное право сказать, что насколько прежде Ириней былъ исключительно труженникомъ науки и только отчасти аскетомъ, настолько, по оставленіи академіи, онъ сдѣлался исключительно аскетомъ и только отчасти труженникомъ науки. Почему такъ? Съ нимъ случилось нѣчто подобное тому, что бываетъ съ людьми, испытавшими неудачу въ любви. Любовь загнала было Основьяненка въ монастырь, какъ откровенно сознался онъ въ томъ въ одномъ изъ писемъ къ М. А. Максимовичу ¹⁾. И мало-ли такихъ примѣровъ. Большинство такихъ неудачниковъ навсегда остаются въ монастырѣ и становятся дѣйствительными аскетами, хотя первоначальный толчекъ къ такой жизни вовсе не аскетическаго свойства. Ириней въ свою очередь былъ влюбленъ... въ науку, въ академію, и эта любовь доходила въ немъ до страсти, составляла стихію его жизни. Теперь онъ потерпѣлъ ударъ, и одна сторона его организма была парализована на долго, если не навсегда, продолжалъ-же онъ жить другой стороною,—тѣми стремленіями, которыя вызваны въ немъ домашнимъ воспитаніемъ, средой и преобладающимъ въ ней духомъ времени. Вообще-же жизнь его была надломлена; онъ выбитъ былъ изъ колеи и не могъ идти прежней ровной дорогой. Все, что ни начиналъ теперь Ириней, валялось у него такъ сказать изъ рукъ. Многое затѣвалъ онъ въ монастырскомъ уединеніи для дѣла науки, на пользу юношеству и обществу, и рѣдко что оканчивалъ: иное задумывалось въ широкихъ размѣрахъ, а кончалось почти ничѣмъ. Порученныхъ ему отъ синода толкованій на посланія ап. Павла, какъ выше замѣчено, онъ не продолжалъ, хотя брался за это, какъ мы видѣли, съ увѣренностію кончить въ два года и этимъ именно мотивировалъ свое будто-бы добровольное увольненіе отъ академической службы. Предложеннаго ему отъ синода, вскорѣ по увольненіи, критическаго разбора на переведенную съ цѣмцкаго языка и только что изданную въ Петербургѣ книгу: *Пастырское богословіе*—не докончилъ и только уже въ 1811 г., предъ вторымъ изданіемъ этой книги, по новому требованію, послалъ свой о ней отзывъ, принятый синодомъ ²⁾. Отъ задуманнаго имъ обширнаго историческаго труда, подъ заглавіемъ: *Полнѣйшее историческое*

¹⁾ См. юж. кн. «Кіев. Старинны» на 1883 г., стр. 347.

²⁾ Рукоп. кіев.-соф. соб. № 265.

извѣстіе о древней и новой кievской іерархіи, осталось одно только введеніе (1—90 стр.): „О состояніи Кіева прежде воспріятія вѣры христіанской“ и планъ, показывающій, что это изслѣдованіе онъ хотѣлъ закончить XIX вѣкомъ ¹⁾). Отъ другаго, еще болѣе обширнаго сочиненія: „*Лѣтопись о іерархіи россійской*“ ²⁾) (1810 г.), сохранились одни только приготовленія къ лѣтописи, если не считать позже составленнаго имъ „*Описаніа златоверхаго кievо-михайловскаго монастыря*“, въ дополненіе къ IV части „Исторіи россійской іерархіи“, арх. Амвросія. Начатый, по всему вѣроятію, въ это-же время и также компилятивнаго характера „*Мартирологъ или Мученико-словіе*“ ³⁾) также не оконченъ, по крайней мѣрѣ въ нашихъ рукописяхъ сохранилась только первая часть его, содержащая въ себѣ первые три мѣсяца. Оконченъ, хотя и неизвѣстно, когда именно, другой такого-же объема и характера трудъ, именно: „*Сокращенный прологъ*“ или „*Краткій церковный прологъ*“ въ 4 томахъ—по три мѣсяца въ каждомъ ⁴⁾), напечатанный только въ 1876 г. въ типографіи кievо-печерской лавры, равно „*Сокращеніе и толкованіе находящихся во 2 части Кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства*“, напечатанное въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ за 1876 г., а затѣмъ и отдѣльною брошюрою. Не въ силахъ будучи справиться съ большими трудами, для которыхъ требовалось болѣе спокойное состояніе духа, Ириней, по многолѣтней привычкѣ къ научнымъ занятіямъ, принимался, и кажется съ бѣльшимъ успѣхомъ, за малыя работы: писалъ критическія замѣчанія на нѣкоторыя мѣста книги Экартсгаузена: „*Поставленіе мудраго къ испытанному другу*“ ⁵⁾), а также на нѣкоторыя мѣста статей „*Сіонскаго Вѣстника*“ за 1806 г. ⁶⁾), перевелъ съ латинскаго „*Слово утѣшительное къ Теодору папшemu второе*, св. Іоанна Златоуста ⁷⁾), и съ славяно-польскаго „*Духовныя бесѣды (50) пр.*

¹⁾ Рукоп. кievо-соф. соб. № 163.

²⁾ Рукоп. кievо-соф. соб. XVI (оба-же и № 358).

³⁾ Рукоп. кievо-соф. соб. № 136.

⁴⁾ Рукоп. кievо-соф. соб. № 135.

⁵⁾ См. рукоп. кievо-соф. соб. № 275.

⁶⁾ См. рукоп. кievо-соф. № 754.

⁷⁾ Рукоп. кievо-михайл. мон. № 79 (при первомъ печатномъ словѣ Іоанна Златоуста къ Теодору папшemu).

Макарія єгипетскаго о совершенствѣ христіанъ православныхъ¹⁾), написалъ „Новое краткое руководство къ арифметикѣ и нѣсколько разъ исправлялъ и дополнялъ свое любимое „Compendium“ богословія.

Какъ видно по всему, ученыя труды не составляли, какъ прежде, жизненной стихіи Иринея; онъ отдавался имъ по временамъ, урывками, въ силу привычки или воспоминаній, а быть можетъ и изъ желанія напомнить о себѣ. Крупная катастрофа въ жизни давила его, какъ и всякаго въ его положеніи, и понятно, что въ такомъ состояніи онъ съ большею, чѣмъ прежде силою отдавался не непривычной затворнической жизни. Ни на мигу почти не оставлялъ своей келіи, все время проводилъ въ строгомъ уединеніи, выполняя монашеское правило и добровольно возложенныя на себя благочестивыя упражненія. Какъ въ давніе годы, и теперь Иринея начиналъ молитвою съ „доземными“ поклонами свой день и оканчивалъ тѣмъ-же; проводилъ большую часть времени въ чтеніи священнаго писанія Ветхаго и Новаго Заветовъ, сочиненій св. отцевъ и прочихъ „душеспасительныхъ“ книгъ, дѣлая собственноручныя пометки на нихъ, сколько разъ какая книга прочитана имъ и въ теченіе какого времени²⁾ а прочитыванія эти, такъ характеризующія Иринея, считались рѣдко десятками, но большею частію нѣсколькими сотнями разъ. Остающіеся краткіе досуги онъ посвящалъ на текуція монастырскія дѣла, занимался въ то же время списываніемъ и переписываніемъ не только своихъ собственныхъ сочиненій (нерѣдко по нѣсколько разъ), но и книгъ печатныхъ и рукописей чужихъ³⁾).

Среди подобныхъ занятій засталъ Иринея высочайшій указъ отъ 31 янв. 1807 г. о посвященіи и нареченіи его во епископа чигиринскаго, викарія кievской митрополіи, на мѣсто выбывшаго на полтавскую кафедру викар. епископа Теофана. 24 февр. 1807 г. въ софійскомъ соборѣ произведено и самое нареченіе⁴⁾).

¹⁾ Рукоп. кievо-соф. соб. № 16.

²⁾ Тамъ-же, № 620 въ концѣ.

³⁾ Рукоп. кievо-соф. соб. №№ 11, 1. 142, 354, 255, 545, 555 и кievо-мих. мон. № 738 и 1750. Иныя рукописи до 300 и 400 листовъ.

⁴⁾ Архивъ кievо-мих. мон. оп. № 1, § 1, дѣло № 2.

Кому обязаць былъ Иринеи перемяною своего положенія, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній въ безчисленной грудѣ оставшихся отъ него рукописей; въ нихъ есть все, кромѣ писемъ, а они одни могли быть дать намъ понятіе о его отношеніяхъ и открыть обыкновенныя человѣческія стороны его жизни. Мы видимъ его или ученымъ, или аскетомъ, и рѣдко гдѣ можно подмѣтить въ немъ черты обыкновеннаго человѣка. Извѣстный уже намъ образъ жизни и занятій Иринеи даетъ основаніе заключать, что у него не было времени для обыкновенныхъ отношеній, что онъ чуждался ихъ, былъ нелюдимъ, жилъ просто невидимкой и ничего, кромѣ книги и молитвы, не зналъ. Объ немъ, значить, вспомнили другіе, всего вѣроятнѣе тотъ-же митр. Серапіонъ, съ назначеніемъ котораго связало было увольненіе Иринеи,—вспомнили, конечно, потому, что опросталось подъ бокомъ подходящее мѣсто и нуженъ былъ подходящий, свой человѣкъ. Но Иринеи самъ зналъ себя цѣну, и ново-созданное, во всемъ зависимое и, по видимому, безцѣльное положеніе викарія не могло ни удовлетворить, ни тѣмъ болѣе плѣнить его. Онъ любилъ трудъ, но трудъ свободный, любилъ дѣятельность—широкую, кипучую, но самостоятельную и независимую. Ничего подобнаго не представляло ему новое его званіе. Неразлучныя съ нимъ чествованія могли даже претить его трезвому взгляду, а удобно обставленная и обеспеченная жизнь не прельщала его, который отъ дѣтства не зналъ ничего, кромѣ нужды и лишенія, питался и теперь кашницею, а булку считалъ лакомствомъ. Не удивительно поэтому, что, ставъ епископомъ, Иринеи нисколько не измѣнилъ своего прежняго образа жизни и что отъ пятилѣтняго его пребыванія въ должности викарія не осталось никакихъ памятниковъ его дѣятельности, кромѣ проповѣдей и нѣкоторыхъ научныхъ трудовъ, то вновь начатыхъ, то продолженныхъ. Неопредѣленность его служебнаго положенія не могла не тяготить его, а однообразная жизнь между клигой и молитвой и разными аскетическими упражненіями держала его въ той сферѣ представленій, которая мало граничитъ съ жизнью и способна напоминать человѣку лишь *о часѣ смертномъ*. Это высшее состояніе христианина—аскета имѣетъ свои тревоги. Послѣ минутъ самозабвенія, духовнаго упоенія наступаютъ часы утомленія и ослабленія, духовной тоски, недовольства всею окружающимъ, желанія уйти отъ міра,

закрыться въ самомъ себѣ. Одностороннее направленіе развивается само изъ себя, силою собственнаго теченія; въ Иринеѣ оно поддерживалось недугами физическими, — послѣдствіями всей его прежней и нынѣшней замкнутой жизни. Отъ сидячей жизни, упорной мозговой работы и скуднаго питанія онъ чувствовалъ упадокъ силъ, испытывалъ сильныя головныя боли, простуживался легко. Осень и зиму 1810 г. пришлось пролежать въ постели; „продолжительная болѣзнь привела ему на память близость кончины“... Иринеѣ возобновились бывшій прежде въ его мысляхъ обѣтъ предъ Богомъ — „для вѣщаго споспѣшествованія своему душевному спасенію принять образъ большаго иноческаго житія“, и 26 апрѣля 1811 г. отправилъ прошеніе въ синодъ, которымъ просилъ уволить его отъ должности викарія и дозволить постричься въ схиму въ принадлежащей кіево-печерской лаврѣ китаевской пустыни ¹⁾).

Люди живые иначе судили объ этомъ заживо погребшемъ себя даровитомъ человѣкѣ, но съ испорченною карьерою, и какъ-бы въ отвѣтъ на его просьбу, спустя три дня послѣ отправки оной, вручили ему высочайше пожалованный для него 16 апрѣля орденъ св. Анны 1-й ст. ²⁾). Горькая иронія жизни надъ мыслию о смерти! Случившаяся неожиданность взволновала эксцентричнаго Иринея и онъ не принялъ пожалованнаго ему ордена, не открылъ футляра, въ которомъ онъ ему доставленъ и не смотри на убѣжденія и настоянія митрополита, никогда не возлагалъ его на себя даже въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ ³⁾). Обѣтъ Иринея забылъ и просьбы о схимѣ до конца жизни не возобновлялъ, а въ Кіевѣ въ званіи викарія пробылъ еще около году.

19 февраля 1812 г. пр. Иринеѣ былъ назначенъ самостоятельнымъ епископомъ въ Смоленскъ, и 14 апрѣля того-же года привѣтствовалъ новую царству свою словами Апостола: „радуйтесь всегда о Господѣ: и паки реку, радуйтесь“ ⁴⁾).

¹⁾ Приложение къ рукописи кіево-соф. соб. XIX. 1.

²⁾ Приложение къ рукописи кіево-соф. соб. XIX. 1. «Желая удостовѣрить васъ, сказано въ рескриптѣ, сколько я уважаю служеніе ваше по званію архипастыря в труды по ученой части, всемілостивѣйше» и проч.

³⁾ Дневн. митр. Серапіона подъ 29 апр. и 10 мая 1811 г.

⁴⁾ Архивъ кіево-яик. мол. Оп. № 1, дѣло № 2; рукоп. проф. П. И. Щеголева «Слово привѣтственное къ богоспасасмоисмоленскія епархіи паствѣ».

Спустя два мѣсяца открылась великая отечественная война: 600-тысячная армія Наполеона вступила въ предѣлы Россіи; новая паства Иринея стала вскорѣ театромъ войны, а его резиденція приняла на себя первый натискъ вражескихъ силъ и пала жертвой за спасеніе Россіи. 9 іюля былъ въ Смоленскѣ императоръ Александръ, 21-го того-же мѣсяца соединились подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи, а 4-го августа 200-тысячный отрядъ арміи Наполеона и самъ онъ сдѣлали первый приступъ на Смоленскъ. Положеніе владыки Иринея въ эту трудную для всѣхъ пору видно отчасти изъ того рескрипта, который имп. Александръ выдалъ на его имя, оставляя Смоленскъ. „Узнавъ“, говорилось въ этомъ рескриптѣ, „что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разбѣдовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ, и не токмо отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружаться, чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакаго пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ, и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ“ ¹⁾. Слова рескрипта служили частичѣйшимъ примѣпленіемъ высказанныхъ въ манифестѣ 6-го іюля началъ о всеобщемъ вооруженіи страны. Сколько по собственному побужденію, столько-же и во исполненіе высочайшаго порученія, Иринея съ 10-го іюля открылъ цѣлый рядъ „увѣщательныхъ рѣчей къ смоленской паствѣ“, имѣвшихъ цѣлю возбудить и поднять въ слабыхъ духъ патріотизма. Онъ проповѣдывалъ *непрестанно во время каждаго богослуженія*, увѣщевалъ всѣхъ и каждаго „потщиться на брань, всякими удобовозможными средствами весь градъ и всю принадлежащую ему область мужественно вооружать..., ободрять себя, и укрѣплять, и наставлять на предлежащіе пылѣ великіе и достославные подвиги, каковыхъ защита отечества нашего, а съ нимъ купно и защищеніе самихъ домовъ, и женъ, и дѣтей нашихъ, да и всего вообще, каждому изъ насъ собственно принадлежащаго, необходимо отъ насъ требуетъ...,

¹⁾ Рукоп. кіево-соф. соб. № 582.

дабы противные наши изъ самой неустрашимости и готовности нашей могли уразумѣть, что самъ Господь нашъ крѣпость людямъ своимъ дастъ, и благословить люди своя миромъ“¹⁾. Какъ показываютъ сдѣланныя изъ проповѣдей Ириныея выдержки, онъ необладалъ ни силою одушевленія, ни особымъ даромъ пламенной рѣчи, чтобы поднять высоко духъ паствы; его логически-построенные доводы едва-ли производили на кого особенно сильное дѣйствіе; но сама жизнь сильнѣе всякаго слова говорила теперь, что надо дѣлать и какъ поступать.

Пока Иринаей одушевлялъ и ободрялъ смольянтъ, непріятель все ближе придвигался къ городу. 4-го августа отбитъ былъ первый приступъ къ Смоленску отрядомъ Раевского. Архипастырь Иринаей не оставлялъ вѣреннаго ему *словеснаго стада*; но въ тотъ же день получивъ приказаніе высшаго начальства, удалился отъ Смоленска за 30 верстъ и здѣсь ожидалъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери Одигитріи²⁾. 5-го августа было роковымъ днемъ для Смоленска. Церква, дома, башни—все, что могло горѣть, запылало отъ кучи ядеръ и гранатъ, полетѣвшихъ въ городъ изъ 150 непріятельскихъ орудій. Три дня длилась ожесточенная битва, три дня не затворялись церкви, служители алтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ пушекъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви; но всенощное бдѣніе на канупѣ праздника Преображенія Господня не прерывалось. Въ сумерки изъ благовѣщенской церкви, а потомъ и изъ самаго города вынесли чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Встрѣченная Иринаемъ святая икона отнесена имъ, при громадномъ стеченіи народа, въ Москву, и поставлена здѣсь въ церкви св. Василия Неокесарійскаго, что на Тверской ямской улицѣ³⁾, самъ-же Иринаей отправился въ Ярославль, гдѣ ему назначено было пребываніе до окончанія военныхъ дѣйствій въ районѣ смоленской губерніи. Тѣмъ и ограничилась его второстепенная, болѣе страдательная роль въ эту тяжкую для Россіи годину.

¹⁾ Рукон. проф. Щеголева: «Браткія слова 1812 г.»

²⁾ «Чтенія моск. общ. ист. и древн.», 1869 г., кн. III, стр. 375.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1875 г., кн. III, стр. 171.

Не радостнымъ оказалось начало самостоятельной службы его въ санѣ епископа. Не успѣлъ онъ ознакомиться съ новою паствою, не успѣлъ что-либо сдѣлать для нея, какъ долженъ былъ оставить ее на довольно продолжительное время. Съ сентября и до конца почти ноября онъ пробылъ въ Ярославѣ, сказалъ здѣсь шесть „краткихъ словъ“, а 20 декабря прибылъ въ совершенно разоренный и опустошенный Смоленскъ¹⁾. Здѣсь онъ засталъ синодальнаго члена, рязанскаго архіепископа Теофилакта Русанова, которому поручено было св. синодомъ приведеніе въ надлежащее устройство тѣхъ епархій (кромѣ московской), которыя были заняты непріятелемъ... съ полномочіемъ „дѣйствовать по своему благоразсужденію, дабы отвратить медленность переписокъ епархіальныхъ архіереевъ съ высшимъ начальствомъ“²⁾. Опустошительная война вызвала громадную массу дѣлъ по возстановленію разоренныхъ церквей, замѣщенію приходоѡвъ, воспособленію пострадавшему духовенству и т. под. Въ добавокъ пр. Иринею поручено было временное управленіе могилевскою епархіею, которой епископъ Варлаамъ Шишацкій былъ удаленъ за принсеніе присяги на вѣрность Наполеону. Громадное производство было утомительно даже для безпримѣрнаго трудолюбія Иринея и не подъ силу его плохому здоровью, ослабленному тревогами войны и продолжительнымъ скитальчествомъ. Десятки годовъ провелъ онъ въ тиши кабинета, не зная никого и ничего, кромѣ книги, а тутъ жизнь привела его въ непрерывныя столкновенія, требовала совсѣмъ иныхъ знаній и крайняго напряженія. Присутствіе синодальнаго члена, въ качествѣ наблюдателя и руководителя, не могло не стѣснять Иринея, тѣмъ болѣе, что Теофилактъ Русановъ извѣстенъ былъ своимъ высокоомѣриемъ и широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ поступать по своему благоразсужденію. Почувствовавъ себя въ роли ревизора и контролера, Теофилактъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ епархіи и забрасывалъ Иринея своими предложеніями. По поводу ихъ Иринею своеручно писалъ отвѣты и распоряженія. „Читая ихъ, говоритъ архіеп. Антоній Амфитеатровъ, нельзя не-

¹⁾ Ркп. кiev.-соф. соб., № 620; см. также № 582.

²⁾ Ркп. кiev.-соф. соб., № 620.

удивляться ясности ума, занію нуждъ епархіи и благонамѣренности архипастыря ¹⁾.

Въ ясности ума Иринея, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, какъ и въ его благонамѣренности, но знаніе нуждъ епархіи, послѣ 4-хъ мѣсячнаго въ ней пребыванія, приписано ему совершенно излишне. Въ распоряженіяхъ Иринея спорѣ могъ сказаться чело-вѣкъ не только новый, но и не видацій вичего изъ-за груди своихъ книгъ. Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ покойнаго архі-епископа Антонія и о томъ, что всѣ предложенія синодальнаго члена Иринея принималъ „съ неограниченною кротостію“. Раньше мы видѣли (припомните, читатель, письмо Иринея къ митрополиту Героею) и послѣ увидимъ, что подѣ формою смиренія, покорности и долга Иринея высказывалъ иногда весьма непріятныя и слишкомъ смѣлыя сужденія, показывающія не только его прямому, стойкость, но и то, что онъ по своему умѣлъ выдерживать свое достоинство. Такъ случилось и въ отношеніяхъ его съ Теофилактомъ Русановымъ, которыя окончились полнымъ разрывомъ между этими двумя іерархами. Въ предложеніяхъ синодальнаго члена, въ видѣ братскихъ совѣтовъ и вѣжливыхъ указаній, обнаружено не мало правды относительно недостатковъ Иринея въ управленіи смоленскою епархією; но иное въ нихъ было не точно, иное преувеличено и это давало Иринею поводъ не только оправдывать себя въ глазахъ своего пристаивика, но и азвить обидой за обиду. Въ одной изъ рукописей кіево-софійскаго собора сохранились два интересные документа, прекрасно рисующіе натянутыя отношенія обоихъ іерарховъ, ихъ характеры и отчасти управленіе Иринея смоленскою епархією. Это копія съ послѣдняго письма Теофилакта Русанова къ преосв. Иринею и копія-же съ отвѣта на него послѣдняго²⁾, послѣ чего преосв. Иринея съ горькимъ чувствомъ оставилъ Смоленскъ и попросился снова въ Кіевъ. Приводимъ и письмо и отвѣтъ.

Преосвященнѣйшій владыко!

любезный братъ о христь!

„На основаніи даннаго мнѣ высочайшаго рескрипта въ 27 день ноября минувшаго (1812) года о приведеніи смоленской епар-

¹⁾ «Историко-статист. опис. смол. епархіи», стр. 142.

²⁾ Рукоз кіев.-соф. соб., № 620, стр. 95—97.

хи въ подлежащее устройство по всѣмъ ея частямъ, я забирала справки изъ смоленской консисторіи по нѣкоторымъ статьямъ и по разсмотрѣніи оныхъ долгомъ поставляю передать вашему преосвященству на усмотрѣніе слѣдующіе недостатки вашего правленія епархіею.

„1) Здѣшняго дѣвичьяго монастыря игуменья еще въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года лежала на одрѣ недвижима; а о болѣзни ея поступилъ къ вашему преосвященству рапортъ отъ благочиннаго 21 сего апрѣля, то есть, послѣ уже того, какъ я потребовалъ отъ консисторіи вышеозначенной справки. При нѣмнѣшнихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ сего монастыря и здоровой пастоятельности не легко править онымъ, а недужной и неключимой и вовсе не возможно. Сіе могли ваше преосвященство знать и безъ рапорта благочиннаго, потому что оный монастырь находится почти передъ глазами.

„2) Поступившіе въ надворотную церковь доходы съ 1 января 1812 года по 24 апрѣля сего года простираются до 17,282 рублей 8 коп., а на лице нѣмѣ имѣется оной только 325 рублей 98³/₄ коп. А между тѣмъ крыша на сей церкви течетъ по всѣмъ почти швамъ желѣзныхъ листовъ; отведенныя для служащихъ при оной кельи остаются безъ печей, безъ рамъ и безъ дверей. При предметникѣ вашемъ, преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Серафимѣ, поступали въ сію церковь такіе-же доходы; но всей смоленской епархіи извѣстно, что его преосвященство на содержаніе и украшеніе оной едва ли не вдвое больше употребилъ противъ того, что собиралось отъ богомольцевъ и христолюбивыхъ подаяній въ кружки. Я опасуюсь, чтобъ прекрасная церковь сія не пришла въ запускѣніе, а народъ не охладѣлъ и не сталъ-бы блазниться, зная, что доходы собираются не малые, а по церкви не вида никакихъ приращеній. Ваше преосвященство властны располагать доходами домовою церкви по своему усмотрѣнію; но братски совѣтую вамъ хоть третью часть оныхъ удѣлять на приличное содержаніе надворотной церкви и служащихъ при ней.

„3) Предметникъ вашъ, преосвященнѣйшій архіепископъ Серафимъ, старался при многихъ церквахъ причты уменьшитель; уменьшитель также и число протопоповъ постановкою производства къ такимъ церквамъ, гдѣ по штату не слѣдуетъ быть протопопу. Ваше

преосвященство, въ отмѣну его резолюцій, при многихъ церквяхъ снова размножили причты, а при нѣкоторыхъ рукоположили и въ протопопы; напимѣрь: кафедральнаго собора ключаря Василія Сокколова, котораго опредѣлили и благочиннымъ, не смотря на то, что благочинный обязанъ часто обозрѣвать ввѣренныя ему церкви, а ключарю, яко блюстителю соборной и архіерейской ризницы и казенныхъ суммъ, надобно безотлучно находиться при соборѣ. Сверхъ того, званіе благочиннаго ослабляетъ зависимость ключаря отъ кафедральнаго протоіеря.

„4) Я рекомендовалъ вашему преосвященству никого изъ не разоренныхъ отъ непріятеля не производить и не опредѣлять на мѣсто, доколѣ не размѣстятся разоренныя; однако-жъ нѣкоторыхъ вы произвели и опредѣлили.

„5) Можетъ быть до вашего еще вступленія на смоленскую кафедру находились при одной и той-же церкви многіе благочинные, въ одномъ и томъ-же правленіи присутствовали одни только родственники. Напимѣрь: города Сычовокъ при соборной церкви находилось одинъ протопопъ и два священника въ проѣздъ мой чрезъ оный городъ, и всѣ трое они благочинными; въ Бѣльскомъ духовномъ правленіи два только присутствующихъ: по одинъ изъ нихъ дядя, другой племянникъ. Таковое распредѣленіе смотрителей за духовенствомъ и производящихъ судъ надъ онымъ можетъ произвести нареканіе на мѣстное епархское начальство; ибо о родствѣ въ духовномъ регламентѣ сказано, что и при церквяхъ священникъ можетъ имѣть у себя не болѣе одного родственника, а сжали при какой церкви всѣ священники будутъ благочинными; то не можетъ быть тамъ пастоящей подчиненности.—Изъ сего замѣчанія изымается одинъ протоіерей Васильевъ, потому что онъ причисленъ къ кафедральному собору только до возобновленія Нижне-Николаевской церкви.

„6) Ставленническія дѣла и просьбы о позволеніи вступать въ браки, указами 1771 года ноябрю 14 дня и 1810 года февраля 17 дня, предоставлены непосредственному и личному разбирательству епархіальныхъ преосвященныхъ. Но всей смоленской епархіи извѣстно, что большая часть ставленниковъ имѣетъ счастье видѣть ваше преосвященство только въ служеніяхъ, или когда произво-

дятся вами; а просьбы о позволеніи вступать въ браки разсматриваются консисторією.

„7) Утверждаются вашимъ преосвященствомъ консисторскія опредѣленія, не всѣми еще присутствующими подписанныя. Это можетъ быть только въ случаѣ тяжкой болѣзни кого-нибудь изъ нихъ, или за отлучкою на долгое время. И тогда долженъ секретарь ввиду опредѣленія означить, по какой именно причинѣ не подписался кто подъ онымъ.

„8) Не слѣдовало вашему преосвященству священника Солнцева производить въ протоіерея въ городъ Дорогобужъ, потому 1) что онъ при преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Серафимѣ неоднократно былъ судимъ и штрафованъ; 2) имѣется за нимъ еще не рѣшенное дѣло; 3) неспособность свою быть присутствующимъ въ духовномъ правленіи доказалъ уже онъ и на самомъ дѣлѣ, что не безызвѣстно смоленской консисторіи и самъ я замѣтилъ изъ непростительной Дорогобужскаго духовнаго правленія медленности въ исполненіи чинимыхъ оному предписаній.

„Ласкаю себя надеждою, что сіе отлошеніе будетъ принято съ таковымъ-же расположеніемъ къ общему добру, съ каковымъ оно писано, и что ваше преосвященство не оставите меня безъ надлежащаго отзыва.

„Одолжаюсь быть навсегда“ и т. д.

(Слѣдуетъ подпись).

1813 года, 28 апрѣля.

На основаніи не многихъ архивныхъ бумагъ смоленской епархіи, вѣроятно случайно вывезенныхъ преосв. Принеемъ изъ Смоленска и хранящихся въ архивѣ кіево-михайловскаго монастыря, мы можемъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Принея по шестому пункту письма Теофилакта. Такъ, въ „докладномъ ресстрѣ“ на 1813 годъ находится цѣлый рядъ резолюцій преосв. Принея на прошенія ставленниковъ о дозволеніи вступленія въ законный бракъ и нѣсколько резолюцій, направленныхъ противъ страннаго обычая, по которому не женихъ подавалъ это прошеніе, а сама невѣста и при томъ отъ своего-же имени. Равнымъ образомъ, и что касается собственно *ставленническихъ дѣлъ*, то они не только лично и непосредственно разсматривались самимъ

преосв. Иринею, но и разсматривались съ замѣчательною тщательностію и осторожностію. Объ остальномъ скажетъ слѣдующій отвѣтъ Ирины на приведенное выше письмо.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

милостивый о господь отецъ и сослужитель!

„Пріемли все, прописанное въ отношеніи вашего высокопреосвященства ко мнѣ отъ 28 апрѣля за № 282 о недостаткахъ моего правленія смоленскою епархією съ должнымъ благоговѣніемъ и полагая основаніемъ къ моему на оное отзыву главнѣйшія мои должности къ Богу и къ ближнему, а равно и къ проповѣдуемому мною, по непремѣнному моему обѣщанію, слову Божию, долгомъ поставляю довести вашему высокопреосвященству слѣдующее:

„1) Касательно недостатковъ моего правленія вообще, я самъ уже оныя, въ отвращеніе излишнихъ вашихъ безпокойствъ и неблагопріятствующихъ общему сей епархіи добру народныхъ мнѣній, по особенному вашему милостивому на то дозволенію и словесному обѣщанію по моей просьбѣ употребить свое ходатайство, представлялъ въ собственноручномъ моемъ къ вашему высокопреосвященству отношеніи отъ 8 марта, при чемъ просилъ и о переведеніи меня изъ сей епархіи въ Полтавскую, по изъясненнымъ въ ономъ отношеніи причинамъ. Но отвѣта на оное даже до сего времени ни какого не удостоился получить.

„2) Какимъ образомъ тогда сознавалъ я вообще недостатки своего правленія и самихъ своихъ силъ: такъ и нынѣ сознаю все то добровольно, но не столько по вычисленію вашимъ высокопреосвященствомъ въ помянутомъ вашемъ отношеніи 8 особенныхъ недостатковъ моего правленія, сколько по слѣдующему не ложному слову Божію свидѣтельству: *Господь съ небесе прииде на сыны человеческія, видѣти, аще есть разумѣаая, или взыскаая Бога. Все уклонихася, окупъ неключими быша: нѣсть творяій благостыню, нѣсть до единого.* (Исал. XIII, 2—3). И поуже сіе писанія свидѣтельство не одни моего правленія или житія недостатки, но и превеликіе недостатки всѣхъ вообще земныхъ правленій явно обличаетъ: то и явствуетъ, что если я за недостатки своего правленія обличаю бытъ долженъ, то и всѣ прочія земныя

правления, а слѣдовательно и собственное ваше правленіе, за недостатки свои, съ таковымъ-же подробнымъ оныхъ вычисленіемъ, какъ то и съ недостатками моего правленія учинено, обличасмо быть долженствовало-бъ, по снмъ онаго слова Божія изрѣченіямъ: *имъ-же судомъ судите, судятъ вамъ, и въ тоже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. VII, 2).

„3) Понеже къ наилучшему успѣху въ исправленіи недостатковъ какого-нибудь правленія предлагается въ Законѣ Божіемъ слѣдующее единое только средство: *да не отступитъ книга закона сею отъ устъ твоихъ, и да поучаеши въ ней день и ночь, да уразумеши творити вся писанная; тогда благоуспеши и исправшии пути твоя, и тогда уразумеши* (Ис. Нав. 1, 8); то отсюда можете ваше высокопреосвященство ясно увидѣть, что я о исправленіи всякихъ важныхъ недостатковъ какъ собственнаго моего епархіею правленія, такъ и всѣхъ подчиненныхъ мнѣ духовныхъ правленій никакъ не оказываюся перадыщимъ: поелику изъ представленныхъ вашему высокопреосвященству чрезъ секретаря консисторіи декабря 1812 года говоренныхъ мною здѣсь въ томъ году 30 поучительныхъ словъ (которыя нѣнѣ прошу для собственнаго моего и другихъ пользованія обратно представить, ибо и я ваше поучительное печатное слово, говоренное 26 поября 1812 года, врученное мнѣ тогда онымъ-же секретаремъ, нынѣ при семъ обратно въ цѣлости препровождаю), и вашему высокопреосвященству не безъ извѣстно сдѣлалось, сколько ревностно и неослабно я по сей самой главнѣйшей пастырскаго своего званія должности трудился да и доселѣ тружуся, хотя братолюбнаго таковыхъ трудовъ моихъ вашего высокопреосвященства слышать и не удостоился, а напрогивъ слышалъ одни неблаговольтельныя объ оныхъ отзывы, что все предаю нелицепріятному суду Божію и всей святой Христовой церкви.

„4) Какъ вычисленные вашимъ высокопреосвященствомъ недостатки моего правленія происходятъ самую большую частію отъ недостатковъ подчиненныхъ мнѣ разныхъ по духовной части правленій: то касательно оныхъ долгомъ поставлю донести вашему высокопреосвященству, что мнѣ не токмо всѣ оныя по надлежащему исправить, но даже и увѣдать нѣкоторыя изъ нихъ прежде свѣдѣнія объ нихъ вашего высокопреосвященства никакой не было воз-

возможности. Причина сему для всякаго очевидна. Коль скоро увидѣла епархія, что ваше высокопреосвященство намѣрены не только устроить епархію, но и судить и пересуживать ось епархескія дѣла по собственному своему благоразсужденію и при томъ безъ всякой формы законовъ (о немъ ни въ именномъ высочайшемъ, ни въ синодальномъ указахъ ни мало не значится), то и обратились всѣ неблагопріятствующіе епархескому правленію со всякаго рода донесеніями о мнимыхъ онаго правленія недостаткахъ къ вашему высокопреосвященству, и никто уже не сталъ почитать за должность доносить объ оныхъ по порядку первѣе самому мѣ: что и было причиною даже и незнанія моего о таковыхъ недостаткахъ въ то время, когда уже и вашему высокопреосвященству объ оныхъ извѣстно учинилось“.

VIII.

Еще 13 марта 1813 г. Ирией, донимаемый синодальнымъ членомъ, просился у синода на молдавскую кафедрѣ. Теперь послѣ такого обмѣна язвительныхъ вѣжливостей, не ожидая для себя добра, онъ поспѣшилъ съ новою просьбою объ увольненіи его отъ смоленской кафедрѣ и переводѣ на прежнее мѣсто викарія кievской митрополіи и вѣроятно принялъ особія мѣры для успѣха своей просьбы, такъ какъ при возвращеніи его на прежнюю должность указомъ 28 іюля того-же года ему не только придавъ особый титулъ *коадьютора* кievской митрополіи, но выдано 5,000 р. изъ остатковъ свѣчнаго дохода смоленской епархіи¹⁾, Въ августѣ Ирией былъ уже въ Кіевѣ и снова занялъ то мѣсто, которое такъ тяготило его прежде и довело его даже до *схимы*. Мы не нашли нигдѣ указа, или инструкціи, которая опредѣляла теперешнія отношенія Ирией къ митрополиту, но множество просмотрѣнныхъ нами бумагъ съ его резолюціями удостовѣряетъ насъ въ томъ, что положеніе его теперь было гораздо лучше. Пользуясь почетнымъ титуломъ *коадьютора*, для него одного придуманнымъ, онъ самостоятельно управлялъ своею чигиринскою паствою, заключавшеюся въ предѣлахъ чигиринскаго уѣзда, и лишь въ общецерковныхъ дѣ-

¹⁾ Архивъ кievо-мил. мон. Оп. № 1, § 1, дѣло № 2, см. рукоп. кievо-соф. соб., № 582.

лахъ сносился съ митрополитомъ за посредствомъ консисторіи. Какъ онъ смотрѣлъ на свое положеніе въ епархіи кievскаго митрополита, видно изъ того, что когда однажды кievская консисторія затребовала отъ него свѣдѣній объ имуществѣ михайловскаго монастыря, онъ поручилъ монастырскому управленію отвѣтить ей, что монастырь этотъ никогда не былъ въ непосредственномъ управленіи кievскихъ митрополитовъ, что имяннымъ Высочайшимъ указомъ учреждена въ немъ особая архіерейская каеэдра, отъ которой онъ всегда былъ и будетъ управляемъ, и что безъ особаго имяннаго Высочайшаго указа требованіе консисторіи исполнено быть не можетъ. Бывали случаи, что онъ перерѣшалъ дѣла, касавшіяся его района въ отгънцу резолюцій митрополита ¹⁾). Положеніе исключительное, не бывающее въ исторіи нашей іерархіи. Даже положеніе б. епископа люблинскаго Маркелла Попеля, по воссоединеніи униатовъ царства польскаго въ 1875 г. и образованіи холмско-варшавской епархіи, было менѣе самостоятелно. Объясняется оно тѣмъ, что Иринеи перешелъ въ Кіевъ съ самостоятельной каеэдры и кромѣ предоставленной ему *de jure* нѣкоторой независимости, силою своего характера разширилъ ее на счетъ добродушнаго и необладавшаго особыми талантами митрополита Серапіона. Какъ-бы ни было, Иринеи умѣлъ пользоваться предоставленною ему властію съ честію для себя и съ пользою для ввѣренной ему маленькой паствы. Много видимъ въ его дѣйствіяхъ эксцентричности, много идеальнаго, теоретическаго и книжнаго, но всюду руководятъ имъ прямота, честность, рѣдкое безкорыстіе, самая высокая гуманность, а главное—забота о другихъ, стараніе изучить и исчерпать всякое дѣло, и—опять все тоже поражающее трудолюбіе.

Началъ Иринеи свою дѣятельность съ михайловскаго монастыря, братія коего вела самую безпорядочную жизнь. Пересуды, лихоимство, воровство, святотатство, буйство въ монастырѣ и за стѣнами его съ кровавою развязкою, заночевыванія въ городѣ и его мрачныхъ притонахъ, пьянство запоемъ и другія весьма не благочестивыя упражненія были обычнымъ времяпровожденіемъ братіи. Возвратившемуся настоятелю михайловской обители пред-

¹⁾ Арх. кiev.-жлв. мон. «Докладный реестръ» монастырскихъ дѣлъ, 1823, № 13 и 1815 г., № 267.

стояло умѣрить пылъ расходившихся „чернцовъ“, надо было направить ихъ на добровольно избранный путь спасенія, надо было наполнить досужее время такими занятіями, которыя, отвлекая монашествующихъ отъ неблаговиднаго поведенія, въ тоже время вели-бы ихъ къ одной опредѣленной цѣли—къ усиленному достиженію идеала монастырской жизни.

Первою мѣрою преосв. Ириней въ этомъ направленіи было болѣе точное распредѣленіе обязанностей между монашествующими. „Никто изъ штатныхъ монаховъ, писалъ онъ въ изданныхъ въ 1815 году „*Правилахъ*“ не долженъ быть „безъ особаго *послушанія и званія*; ибо общаго для всѣхъ дѣла, состоящаго въ церковномъ служеніи и слушаніи церковныхъ цѣній, къ благоустройству братіи не довольно“. Для того Ириней, сверхъ бывшихъ уже въ обители должностей, учредилъ новыя: одному указалъ быть смотрителемъ кельянавъ, другому проповѣдникомъ монастыря, тому смотрителемъ архіерейскаго дома, тому смотрителемъ келейной церкви, а одного назначилъ смотрителемъ колокольни. Уравнявъ такимъ образомъ всѣхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ отпращеніи монастырской службы, Ириней уравнилъ ихъ, конечно также приблизительно, и въ полученіи подѣловъ изъ кружки, при чемъ заботою его было, какъ значится въ правилахъ, чтобы никто изъ высшей (болѣе заслуженной) братіи не получалъ меньше кого нибудь изъ низшихъ, Оль нарушилъ, правда, въ этомъ случаѣ древнее право братіи—самой, съ общаго согласія, распредѣлять кружечный доходъ, но сдѣлалъ это, вѣроятно, не только въ виду бывшихъ злоупотребленій, но и для того, чтобы путемъ слишкомъ неравнаго раздѣла не скоплялись деньги въ рукахъ немногихъ, притомъ молодыхъ и не служили поводомъ къ роскошной или безпутной жизни. Ириней даже воспретилъ братіи составлять и представлять росписанія кружечныхъ подѣловъ, составляя ихъ самъ вчерпѣ и потомъ уже передавалъ на обсужденіе братіи, что невольно уже ограничивало произволь и своего рода стачки¹⁾.

Сдѣлавъ главное, Ириней старался, по возможности, совершенно изолировать монашествующихъ отъ „мірскихъ соблазновъ“, для этого предписалъ всей братіи своего монастыря отлучаться въ

¹⁾ Арх. кіево-млх. мон. «Докл. р. еп. дѣлъ», № 385.

городъ не иначе, какъ въ случаѣ крайнихъ нуждъ и то предвѣ- рительно взявши отпускнуя билетъ ¹⁾), равнымъ образомъ и въ свои келіи никого изъ постороннихъ не принимать безъ вѣдома и осо- баго на то разрѣшенія начальства ²⁾). „Для лучшаго-же сбереженія... чести всей братіи и послушниковъ“, погрѣшавшей верѣдко противъ седмой заповѣди, „къ продажѣ молока и прочихъ съѣстныхъ или питейныхъ припасовъ никого изъ женска пола впредь не допускать ³⁾“). Честь монастыря и доброе имя его вообще стояли на первомъ планѣ у пресв. Иринея. Онъ скорѣе готовъ былъ пожертвовать матеріальными выгодами его, чѣмъ дать хотя малѣйшій поводъ къ заподозрѣнію монастыря въ чемъ-либо недостойномъ его высокаго назначенія. Въ 1817 году помѣщица псковской губерніи, новоторж- скаго уѣзда, Надежда Чихачева дарила кіево-михайловскому мо- настырю домъ въ вѣчное владѣніе. Иринея приказалъ возвратить ей купчую и планъ и отъ принятія дома на отрѣзъ отказался, „по- тому, во 1-хъ, что владѣніе мірскими, или посредѣ мірскихъ жилищъ состоящими домами нынѣшнимъ благоустроеннымъ и наипаче штат- нымъ и достаточнымъ монастырямъ ни по какимъ правамъ присвоено быть не можетъ; потому, во 2-хъ, что таковой домъ для монастыря сего вовсе не нуженъ: обратить его въ гостинницу монастырскую зна- чило-бы сдѣлать изъ него богомерзкое и пренагубное блудилище; а отдавать его въ наемъ—значило-бы подвергать себя и весь мона- стырь всякимъ мірскимъ заботамъ, ссорамъ, тяжбамъ и самой все- конечной потери принадлежащаго благоустроеннымъ монастырямъ спокойствія и добраго имени“ ⁴⁾).

Примѣтивъ въ братіи кіево-михайловскаго монастыря страсть къ сутяжничеству и *мисимству*, пресв. Иринея предписалъ всей братіи и послушникамъ, дабы они... никому впредь ничего въ долгъ не давали, по только или въ подарокъ, или въ милостыню; а впослед- ствіи и подписками къ тому обязалъ, „понеже, заключалъ онъ, да- вать въ долгъ дѣло есть мірянъ, а не истинныхъ монаховъ“ ⁵⁾). Въ- стѣ съ тѣмъ онъ не позволялъ братіи одолжать у кого-либо, а тѣмъ

¹⁾ Арх. кіево-лнх. мон. «Оп. дѣлъ» за 1816 г., № 21.

²⁾ Ibid. «Оп. дѣлъ» за 1822 г., № 81.

³⁾ Ibid. «Докл. р. мон. дѣлъ» 1818 г., № 145.

⁴⁾ Ibid. 1813 г., № 136.

⁵⁾ Ibid. 1822 г., № 5.

болѣе у *мірскихъ людей*: „поезвку монахамъ записатьъ деньги“ вообще, и „у мірянъ“ въ особенности, *есть не малое преступленіе* ¹⁾“. И самъ подавалъ братіи примѣръ исполненія всѣхъ этихъ своихъ требованій: раздавая нищимъ ежемѣсячно около 75 рублей и болѣе черезъ послушника, опъ въ тоже время дарилъ еще деньгами заслуживающихъ изъ братіи, а иногда уплачивалъ за нихъ ихъ кредиторамъ ²⁾, что-бы только пресѣчь сугубленіе. Чѣмъ-то необычайнымъ покажется въ настоящее время слѣд. случай. Златопольская экономія помѣщика генерала Высоцкаго оспаривала какія-то земли у Лебединскаго георгіевскаго монастыря, какъ незаконно будто бы приобрѣтенныя. Когда доложили объ этомъ преосв. Иринейю, онъ приказалъ возвратитъ спорныя земли, такъ какъ, писалъ онъ, „евангельская заповѣдь или совѣтъ, относящійся найпаче къ монастырямъ, повелѣваетъ хотящему судитися съ ними и ризу ихъ взять—отдать ему и рубашку, только-бы не имѣть нужды судитися съ нимъ ³⁾“. Той-же однако экономіи Ириней далъ сильный отпоръ, когда она коснулася чести монаховъ того-же монастыря, обвиняя ихъ во всегдашнемъ якобы обращеніи съ женскимъ поломъ и пр. ⁴⁾.

Становясь самъ въ роль судьи, преосв. Ириней отправлялъ эту священную и трудную обязанность съ величайшею осторожностію. Онъ никогда не позволялъ себѣ осудитъ не только безвиннаго, но даже такого подсудимаго, противъ котораго не было особенно вѣскихъ уликъ. Обыкновенными рѣшеніями его въ послѣднихъ случаяхъ были: „сіе дѣло предать суду Божію, пока впредь само обнаружится, потому что оно нынѣ есть сумнительное“ ⁵⁾ и т. п. Рѣшенія и приговоры его отличаются чисто отеческою снисходительностію. Въ каждомъ провинившемся онъ видѣлъ прежде всего *человѣка* и его задачею было поднять падшаго, поддержать изнемогающаго, ободрить ослабѣвающаго. „...Монашествующіе, писалъ онъ, какъ и прочіе всѣ вспомоныя чловѣки, даже и за неоднократныя явно доказанныя преступленія не должны вдругъ

¹⁾ Арх. к.-инх. мѣр. Докл. р. мѣр. л. 1822 г., № 227.

²⁾ Ibid., № 267.

³⁾ Ibid. Докл. р. еп. дѣль, 1814 г., № 435.

⁴⁾ Ibid. Докл. р. мѣр. дѣль, 1811 г., № 29.

⁵⁾ Ibid., № 33.

безъ пощады лишаемы быть мѣсть и чиновъ своихъ, но прежде должно имъ, такъ какъ и всѣмъ прочимъ человѣкамъ, дать довольно времени и способовъ къ покаянію и исправленію жизни“¹⁾). Приводить онъ къ покаянію и исправленію монастырскую братію монастырскими-же средствами, преимущественно *земными поклонами*. Силу непрестанныхъ и безчисленныхъ поклоновъ признавалъ онъ въ особенности для страдавшихъ запоемъ. Понались какъ-то послушники михайловскаго монастыря, которые побуждались страстію воздержанія и шянства: велѣлъ онъ „привзвать ихъ въ правленіе и притвердить имъ крѣпчайше, дабы они... рѣшились добровольно ежедневно полагать земныхъ поклоновъ, какъ въ церкви по сто и по двѣсти, такъ-же по своимъ келіямъ по столько-же или и побольше, а молитву Иисусову, или *Святый Боже* читали-бы на каждой часъ по сто разъ или и болѣе“²⁾). Это было средство традиціонное, испытанное и вмѣстѣ универсальное. Не ночевалъ въ монастырѣ послушникъ Евѳимій Чернявскій,—приказано и ему „черезъ три дни полагать въ церкви по сто доземныхъ поклоновъ, а потомъ ежедневно по столько-же класть въ своей келіи и читать Псалтири по двѣ, или три каѳизмы на каждый день“³⁾). Пономарь Акимъ Супряжичскій получилъ привычку заходить въ питейные дома... „для воздержанія отъ сего притверждено и ему упражняться чаще въ домашнихъ молитвахъ и на тотъ конецъ прочесть Псалтирь, или-же другіе какіе каноны въ дому своемъ нѣсколько разъ“, хотя пономарь жилъ гдѣ-то далеко и никакой контроль тутъ былъ невозможенъ⁴⁾). Но братія давно привыкла къ этому средству и оно мало уже дѣйствовало на нее; приходилось употреблять болѣе сильныя, специфическія средства, назначались: *лишеніе* на нѣсколько дней *вареной трапезной пищи*⁵⁾, уменьшеніе кружечнаго подѣла⁶⁾, временное запрещеніе священнослуженія⁷⁾, даже „умѣренное сѣченіе

¹⁾ Арх. кіево-пч. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1814 г. № 435.

²⁾ Ibid., № 110; см. *ibid.* 1816 г. №№ 60, 121, 221, 243 и мн. др.

³⁾ Ibid., 1816 г. № 239.

⁴⁾ Ibid., «Докл. Р.» еп. дѣлъ 1814 г. № 279.

⁵⁾ Ibid., «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1816 г. № 256.

⁶⁾ Ibid., 1820 г. № 110.

⁷⁾ Ibid., «Опнѣс дѣлъ» за 1816 г. № 70.

батогахъ или плетью“¹⁾). Но многіе и этимъ не исправлялись; тогда, по выраженію Иринея, оставалось „однимъ одно“—затворъ, прощѣ карцеръ. Но „черничая“ природа только глумилась надъ этимъ, по видимому, несомнительнымъ средствомъ. Мѣстомъ заключенія служила тѣсная комнатка подъ колокольнею съ небольшимъ просвѣтомъ на главный ходъ („святыя ворота“). Товарищи заключеннаго не рѣдко рекомендовали его предъ богомольцами, какъ *затворника*. И если то былъ молодой—простодушные богомольцы обыкновенно удивлялись ревности мнимаго подвижника; если-же пожилой, то подходили къ просвѣту карцера, съ благоговѣніемъ смотрѣли на импровизованнаго *затворника* и, прося молитвъ его, полагали предъ нимъ деньги, ладонь и масло. Иринея терялся, недоумѣвалъ, чѣмъ унять проказниковъ. Вышелъ даже такой случай. Одинъ изъ нихъ умеръ въ *затворѣ*. Иринея устраивалъ карцеръ у сѣверо-восточнаго угла своего настоятельскаго дома, въ саду, и всегда съ готовностію самъ служилъ заключеннымъ, говоря, что такъ какъ ему никогда не приходилось послужить заключеннымъ въ темницѣ, то онъ радъ послужить хотя своимъ заключеннымъ. Приходилось наконецъ содержать ипыхъ изъ братій „подъ крѣпкимъ карауломъ“, „въ оковахъ“, сослать куда либо въ запятный монастырь, а наконецъ просто пускать въ свѣтъ, изгоняя на всегда изъ обители, какъ пуцецъ былъ въ свѣтъ фепоменальный іеродіаконъ Меодій, который, пройдя всѣ виды пороковъ и наказаній и будучи всегда пьянъ, вышелъ однажды въ стихарѣ, надѣтомъ на изнанку, а въ другой разъ не сдержалъ даже своей естественной нужды.

Читатель придетъ въ изумленіе при видѣ въ обители такихъ пороковъ и такихъ наказаній и скажетъ быть можетъ: „гони природу въ дверь, она пройдетъ въ окно“, и подивится тому, что столь свѣтлый умъ, каковъ былъ Иринея, не могъ придумать болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ упорядоченію и возвышенію жизни подчиненныхъ ему непосредственно монаховъ. Но не въ силахъ его было измѣнить цѣлый строй жизни, хотя-бы только монастырской, не въ силахъ перевоспитать поколѣнія созрѣвшія, хотя къ послѣднему онъ видимо стремился относительно подчиненнаго ему

¹⁾ Арх. кіев.-лик. мон. «Докл. Р.» мон. дѣль 1822 г. № 23.

михайловскаго монастыря. Болѣ всего онъ старался возбудить въ монашествующихъ охоту и любовь къ чтенію ¹⁾. Библіотека киево-михайловскаго монастыря во время его настоятельства успѣла значительно обогатиться рукописями ²⁾, новыми книгами и періодическими изданіями ³⁾. Самая организація бібліотечныхъ операцій была поставлена на прочныхъ основаніяхъ. Преем. Иринеи составилъ и собственноручно переписалъ каталогъ алфавитный, и по настоящее время хранящійся въ бібліотекѣ монастыря ⁴⁾; онъ-же самъ велъ и записи книгъ, получаемыхъ монашествующими для чтенія.

Но что могъ онъ сдѣлать этимъ путемъ для братіи не только въ большей части невѣжественной, но не рѣдко не знавшей даже русской грамоты и названій предметовъ обыкновенныхъ? Разъ преемникъ его *Аванасій*, во время обѣдни замѣтивъ, что на дворѣ дождь, послалъ принести ему *калоши*. Отправился самъ о. *ризничій* и прямо въ кабинетъ, потомъ въ спальню. Послѣ нѣкотораго разглядыванья, замѣтивъ ботинки, онъ схватилъ ихъ и съ словами: „оце-жь вони—*холоши*“, пустился было уходить обратно; но когда келейникъ переспросилъ его о томъ, что именно нужно, указавъ при томъ на стоявшія въ передней *калоши*, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „та це-жь черевики! яки-жь вони *холоши*?“

Заботился пр. Иринеи и о томъ, чтобы приучить монаховъ, имѣвшихъ священниій санъ и нѣкоторое образованіе, къ занятіямъ проповѣдью слова Божія. Обыкновенно онъ самъ назначалъ тѣ или другіе сборники поученій для прочтенія ихъ въ церкви во время богослуженія (*бесѣды св. Іоанна Златоустаго, Маргариты, Соборникъ* и др.) ⁵⁾. Прочитывался одинъ сборникъ, тотчасъ-же назначался другой, а читавшимъ первый выдавалось особое денежное

¹⁾ Арх. киево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣль 1821 г. № 59 и др.

²⁾ Ibid. «Докл. Р.» еп. дѣль 1817 г. № 147 и др.

³⁾ Ibid. 1815 г. № 509; «Докл. Р.» мон. дѣль 1821 г. № 262; 1822 г. № 245 и др.

⁴⁾ Подъ № 1760.

⁵⁾ См. напр. Арх. киево-мих. мон. «Опись дѣль за 1815 г. № 37; «Докл. Р.» мон. дѣль 1814 г. № 180; 1815 г. № 74 и др.

вознагражденіе „изъ монастырскихъ суммъ для трудящихся“¹⁾. Размѣръ этого, обыкновенно довольно скромнаго, вознагражденія значительно увеличивался за *самостоятельными* проповѣди іеромонаховъ. Правда, и за особый гонораръ проповѣдей являлось не много²⁾; но когда они являлись, преосвященный съ любовію самъ прочитывалъ ихъ, дѣлая на нихъ собственноручныя поправки и предписывая произносить ихъ въ церкви не иначе, какъ предвѣрительно „выучивъ твердо“ наизусть³⁾.

Мы перечислили и указали далеко не все то, что дѣлалъ Ириней для упорядоченія монастырской жизни, для удаленія обителей отъ міра, для изгнанія изъ нихъ всего, что привзошло къ нимъ отъ міра, для поднятія умственной и нравственной жизни монашествующей братіи; но и въ томъ, что сказано нами, видѣнъ такой глубоко вѣрный взглядъ на монашескую жизнь и средства къ ея поправленію, что имъ съ успѣхомъ для дѣла могло-бы воспользоваться и наше безыдейное время. Никогда еще не слышалось столько ожесточенныхъ палатковъ на наши монастыри и обличеній монашествующихъ въ стѣжательности, тупеядствіи, забвеніи обѣтовъ, снотой и порочной жизни, какъ въ наше время признаннаго хищенія, безчестной наживы, служенія только чреву и мамонѣ, попранія всякихъ идеаловъ жизни. Нерѣдко не признающіе надобности въ спасеніи собственныхъ душъ хлопочутъ о спасеніи монаховъ. И что-же придумали для поднятія жизни и значенія нашихъ монастырей?—Навязать имъ дѣла, къ которымъ они не подготовлены, до которыхъ не досрели и которыя во всякомъ случаѣ лежатъ внѣ ихъ основныхъ задачъ,—учрежденіе школъ, больницъ для раненыхъ воиновъ, богадѣлецъ и пр. и пр. Людей отрешившихся отъ міра хотять заставить служить міру, хотя-бы и въ его добрыхъ интересахъ; тѣхъ, которые поставили себѣ задачею выработанными въ теченіи вѣковъ формами и способами стремиться къ высшему нравственному совершенству, желали-бы привлечь къ служенію обыкновеннымъ цѣлямъ общества и тѣмъ исправить и возвысить

¹⁾ Арх. кіево-лях. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. №№ 110, 260 и др.

²⁾ Ibid. 1822 г. № 102.

³⁾ Ibid. «Докл. Р.» еп. дѣлъ 1815 г. № 48.

ихъ жизнь. Тутъ противорѣчіе въ стремленіяхъ однихъ и другихъ, фальшь въ самомъ основаніи. Монастырь самъ въ себѣ носитъ свою цѣль,—училъ и писалъ великій мыслитель и аскетъ Иринеѣ. Но одного отправленія службъ церковныхъ и выполненія монашескихъ правилъ для монаховъ недостаточно. Надо, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ *свое послушаніе*, свою долю въ общей жизни обители и всѣ вмѣстѣ стремились къ высшей ея задачѣ. Не школу для міра долженъ заводить монастырь, но самъ обратиться въ школу,—школу грамотности для притекающихъ къ иноческому житію неграмотныхъ и полуграмотныхъ, школу самообразованія для недокончившихъ образованія, школу науки для причастившихся ей, школу пѣнія и устава церковнаго, школу благолѣпнѣйшаго и богоговѣннѣйшаго богослуженія, школу исповѣди и проповѣди слова Божія. Такъ смотрѣлъ на дѣло исправленія монастырской жизни Иринеѣ, преслѣдуя только всѣми мѣрами нарушенія регулы монастырской и ограждая братію отъ виѣшняго соблазна, а дѣло личнаго подвижничества оставляя внутренней работѣ каждаго. Десять лѣтъ такого управленія слишкомъ незначительный промежутокъ, чтобы можно было ждать видимыхъ его результатовъ, да и не въ такомъ положеніи оказались тогда наши монастыри, чтобы можно было скоро и съ успѣхомъ дѣйствовать на ихъ исправленіе. Конецъ XVIII в. былъ ознаменованъ не только отнятіемъ у монастырей ихъ имѣній, но и утратою ими внутренней автономіи и всего прелепаго ихъ строя и характера, приниженіемъ ихъ значенія и превращеніемъ ихъ изъ самостоятельныхъ общинъ въ казенное учрежденіе въ родѣ любого присутственнаго мѣста. Случилось при этомъ, что болѣе богатые монастыри очутились подъ непосредственнымъ якобы управленіемъ архіереевъ, на самомъ-же дѣлѣ только половина доходовъ монастырскихъ стала переходить въ руки этихъ послѣднихъ, а всѣ дѣла монастырскіе, по указной формѣ, стали вѣдать ихъ намѣстники, представляя собою обезличенныхъ, лишенныхъ власти и инициативы начальниковъ надъ обезличенною-же братією. Менѣе богатые монастыри очутились подъ властію такъ называемыхъ учепыхъ архимандритовъ, управлявшихъ также чрезъ своихъ намѣстниковъ; самоличные настоятели остались только въ бѣднѣйшихъ 3-е классныхъ и заштатныхъ монастыряхъ, не представлявшихъ уже ни для кого приманки. Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно пони-

жался цензъ намѣстнической и настоятельской, въ роли-же поминальныхъ настоятелей и священно-архимандритовъ вскорѣ сплошь стали люди, никогда не жившіе въ монастыряхъ и не знающіе монастырской жизни. Преосв. Ириней представляетъ собою рѣдкій, едва-ли не единственный примѣръ дѣйствительнаго настоятеля монастыря, въ званіи правящаго архіерея, и не только вполне компетентнаго въ своемъ дѣлѣ, но въ такой степени ему преданнаго, что онъ съ излишкомъ отдавалъ монастырю то, что получалъ отъ него, жертвуя для него своими личными доходами и отдѣляя отъ привычныхъ научныхъ трудовъ время даже на такія для него занятія, какъ распредѣленіе дневныхъ чтеній и записываніе не бывшихъ въ церкви монаховъ.

Взглядъ Ириней на общественное значеніе монастырей не только идеальный, но въ высшей степени оригинальный. Мы воспроизведемъ этотъ взглядъ по одной огромной резолюціи преосв. Ириней, не приводя ее въ подлинникѣ, такъ какъ языкъ ея крайне тяжелъ для современнаго слуха и очень затруднителенъ для пониманія. Резолюція состоялась по слѣд. поводу: 22 апрѣля 1814 г. къ нему поступило два отношенія кievской консисторіи, сообщавшія распоряженія высшаго правительства 1) о не передерживаніи въ монастыряхъ никого безъ подлежащихъ письменныхъ видовъ и 2) о не приниманіи никого въ число братіи безъ такихъ-же видовъ. Ириней былъ подчиненъ не только михайловскій, но и всѣ штатные и не штатные монастыри кievской епархіи; предстояло сдѣлать общее распоряженіе по содержанию обоихъ указовъ и имѣть наблюденіе за точнымъ ихъ исполненіемъ. Ириней на отрѣзъ отказался отъ ихъ исполненія, протестовалъ противъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, сообщилъ свой отвѣтъ консисторіи, объявилъ объ немъ монастырямъ и велѣлъ заготовить въ томъ-же смыслѣ *прошеніе* на имя митрополита для представленія онаго въ синодъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе соборомъ всей русской церкви. Вотъ чѣмъ и какъ онъ мотивировалъ свое рѣшительное несогласіе принять къ исполненію объявленные указы.

„Сіе *требованіе* ¹⁾ свѣтскаго начальства произошло отъ однихъ слыхкомъ взыскательныхъ помѣщиковъ; оно не подтверждено за-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ здѣсь и далѣе.

коннымъ св. синода разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ и я не могу признать его по слѣд. причинамъ: 1) монастыри всегда были и должны быть единственнымъ *пристанищемъ* всѣхъ ищущихъ избавленія отъ вѣчнаго суда Божія за совершенныя ими преступленія, или-же только удобнѣйшаго, нежели въ мірѣ, служенія Богу. 2) Относительно передерживанія и приниманія людей безъ видовъ никакъ нельзя равнять монастырей съ мѣстами мірскими; это *грады убѣжища*, которые узаконилъ самъ Богъ (Числѣ, гл. 35, ст. 11 и 12). Если такія убѣжища узаконены для убійць, хотя и невольныхъ, то тѣмъ болѣе они должны быть для людей, вившихъ въ меньшія преступленія и успѣвшихъ укрыться подъ сѣнь церкви. Судъ Божій, правда Божія выше человѣческихъ; послѣдніе храмлютъ. 3) Исторія древняя и новая свидѣтельствуетъ, какія непоимѣрныя противозаконныя притѣсненія совершаются надъ людьми провинившимися и сколько несправедливыхъ гоненій и озлобленій терпятъ люди ни въ чемъ неповинные; *насиленные порабощенія однихъ другими въ мірѣ сего не только не прекратились, но, къ общему несчастію рода человеческого, и гораздо, можетъ быть, больше прежняго умножились*. Не то-ли это время, когда, по слову евангельскому, за умпоженіемъ беззаконія, *иссякнетъ любви многихъ* (Матѣ. 24, 19)? И не гораздо-ли болѣе теперь нужны священныя убѣжища, чѣмъ въ В. Завѣтѣ? Пусть люди въ нихъ Бога молятъ не только о своихъ, по и всего міра грѣхахъ, пусть умоливаютъ Бога, молясь день и ночь... А такими убѣжищами кому и быть, какъ не православнымъ нашимъ монастырямъ? Св. лавра печерская, монастырь кіево-михайловскій... тутъ благоустройство, смотрѣніе архіерейское, тутъ мощи истлѣнныя угодниковъ святыхъ почиваютъ... 4) А чтобы не было злоупотребленій, довольно обязать благоустроенные монастыри, чтобы они, принявъ временно кого либо безъ письменнаго вида, доносили-бы о томъ духовному начальству, а это сносилось-бы съ подлежащимъ свѣтскимъ, можетъ-ли быть принятое лице навсегда оставлено въ монастырѣ, и если нѣтъ, то по какимъ законнымъ причинамъ. Самимъ монастырямъ должно быть предоставлено даже право ходатайствованія о такомъ лицѣ... Конечно, они должны смотрѣть за нимъ, не давать ему отпуска; но если-бы временно принятый въ обитель бѣжалъ, не ставить ей, какъ представительницѣ священнаго права свободнаго убѣжища, этого въ

вину, но считать такіе случаи дѣйствіемъ Промисла Божія. Сверхъ того, если-бы принятый въ монастырь, по розыскамъ свѣтскихъ властей, и дѣйствительно оказался виновнымъ въ какомъ либо преступленіи (кромѣ, конечно, государственныхъ и уголовныхъ), власти свѣтскія не спѣшили-бы брать его подъ карауль, но прежде изслѣдовали-бы, *не по причинамъ ли непомѣрныхъ азысканій и не праведныхъ притѣсненій отъ своихъ помѣщиковъ, или отъ другихъ какихъ либо людей принужденъ былъ онъ убѣжати въ священное убѣжище*, и если такъ, пусть окажутъ ему всю закономъ Божиимъ требуемую защиту, а иначе падеть на нихъ гнѣвъ Божій.—Таково мое внутреннее убѣжденіе... Я не могу принять общеннаго мнѣ требованія свѣтской власти. Пусть выскажутся по этому всѣ архіереи, пусть разсмотрятъ и рѣшить это синодъ... *И да не умретъ убивый; дождеже стаетъ предъ саномъ на судъ!*¹⁾...

Помимо оригинальности въ комбинированіи понятій, ихъ формулировкѣ и выраженіи, какой въ сущности возвышенный взглядъ на міръ человѣческой и отношенія людскія! Какой глубокой протестъ противъ развѣдавшей тогда наше общество вѣповой язвы крѣпостничества и грубаго произвола сильныхъ надъ слабыми! Какое нѣжное состраданіе къ гонимымъ и угнетеннымъ, какая безграничная христіанская любовь къ жертвамъ собственныхъ страстей и правосудія человѣческаго! Устами Ирины тутъ дышетъ безконечная любовь Божественная. И когда читаемъ эти строки его, невольно приходитъ на память тотъ-же принципъ убѣжища и всепрощенія, который безъ формулировки, не сознанный, не освященный именемъ религіи, но подсказанный однимъ лишь естественнымъ народнымъ чувствомъ, положенъ былъ въ основу строя цѣлой общины запорожской и выдержалъ тревоженія цѣлыхъ столѣтій. Онъ шелъ въ разрѣзъ съ основнымъ тогдашнимъ строемъ общества, но на сторонѣ его было болѣе правды и болѣе человѣчности. Не то же-ли и здѣсь? Мы прославляемъ гуманистовъ конца прошлаго и пачала пылшняго столѣтія, хотя-бы пророковъ одно словце противъ рабства на письмѣ, или въ дружеской бесѣдѣ; а тутъ предъ нами въ лицѣ Ирины открытый, формальный протестъ—безъ ограниченій, безъ недомолвокъ и уклоненій—противъ позорящей человѣчество язвы,

¹⁾ Арх. кіево-мяз. мон. Докл. реестръ мон. дѣль 1814 г., № 196.

противъ порабощенія однихъ другими, угнетенія, произвола, насилія.

Къ сожалѣнiю, бывшія въ нашемъ распоряженіи бумаги не дали намъ возможности прослѣдить, имѣлъ-ли этотъ крайне оригинальный протестъ какой-либо дальнѣйшій ходъ и какія-либо послѣдствія..., конечно, для самаго Ириней.

Того-же строгою законностію, нѣкоторою идеальностію, крайнею заботою и всегдашнею сердечностію отличались отношенія пр. Ириней къ его маленькой паствѣ, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ. Опъ сносился съ нею то непосредственно въ лицѣ приходившихъ къ нему по дѣламъ, то чрезъ посредство подчиненнаго ему чигиринскаго духовнаго правленія, то наконецъ чрезъ личный, очень однако рѣдкій обзоръ этого отдаленнаго уголка кіевской епархіи. Тутъ на первомъ планѣ таже забота о проповѣди слова Божія. Болѣе способнымъ и образованнымъ священникамъ своей паствы онъ назначалъ приготовленіе проповѣдей собственнаго ихъ сочиненія, всѣмъ вообще предписывалъ приобрѣтать для церковныхъ библиотекъ вышедшую въ то время въ свѣтъ „Книгу поученій воскресныхъ и ежедневныхъ, какъ самую нужнѣйшую для душевной пользы прихожанъ“, и по возможности чаще предлагать изъ нея поученія къ пароду во время богослуженій¹⁾). Нерадивыхъ въ составленіи проповѣдей онъ подвергалъ взысканіямъ. Священникъ Ефимъ Кедриневскій не представилъ въ срокъ обязательной по личному росписанію преосвященнаго проповѣди. На донесеніе объ этомъ чигиринскаго духовнаго правленія Ириней отвѣчалъ: „священникъ Ефимъ Кедриневскій пусть уцупенную имъ на новый годъ проповѣдь въ семь-же году непременно сочинить и въ духовное правленіе представить; а для побѣжденія впредь душевной лѣности *въ столь важномъ должности его пунктѣ* ежедневно полагать ему въ уединенномъ мѣстѣ доземныхъ поклоновъ по 200 или болѣе, съ чтеніемъ и Псалтыри, на каждый день по двѣ или по три каэвзмы, въ чемъ его и подпискою обязать въ духовномъ правленіи²⁾“. За

¹⁾ Арх. к. мпх. мон. «Докл. р. мон. д.», 1817 г. №№ 160, 214 и др.

²⁾ Ibid. № 22.

то если кто-либо из священников не ограничивался составленіем однихъ только *обязательныхъ* проповѣдей, но занимался этимъ дѣломъ по собственному усердію, то такими людьми пр. Иринея весьма дорожилъ и отличалъ ихъ отъ другихъ служителей алтаря разными наградами, даже *палицею* ¹⁾, составляющею теперь высшее отличіе наибольше заслуженныхъ протоіереевъ.

Въ такъ называемыхъ *ставленическихъ дѣлахъ* пр. Иринея поступалъ съ особою разборчивостью. Искавшіе священнаго сана подвергались предварительному „прилежному испытанію въ качествахъ и достоинствахъ“ ²⁾. Кромѣ личнаго усмотрѣнія Иринея и личныхъ документовъ кандидата, нѣкоторою гарантіею его пригодности служилъ бывшій тогда въ полной силѣ выборъ прихожанъ и ихъ одобреніе, а также рекомендація духовнаго правленія. Кто не удовлетворялъ этимъ требованіямъ, тому преосвященный совершенно отказывалъ въ посвященіи. Отказывалъ онъ и по причинѣ „малого ученія“ вообще, по причинѣ „плохого знанія догматовъ“ въ частности и проч. Рѣшительно отказывалъ не бывшимъ въ богословскомъ классѣ, такъ называемымъ *философимъ*, „дабы отъ того не произошло презрѣнія ученія богословскаго“, обязывая ихъ „непремѣнно... хотя чрезъ нѣсколько времени обучаться въ богословскомъ классѣ“.

Не имѣвшіе 25-ти лѣтъ отъ роду не были посвящаемы имъ въ санъ діакона, и 30-ти лѣтъ въ санъ священника. *Рядкія* исключенія дѣлались только для студентовъ богословія, которые *иногда* удостоивались священническаго сана нѣсколько и раньше, но отнюдь не моложе 25-лѣтняго возраста ³⁾. При самомъ опредѣленіи кандидатовъ на вакантные приходы преосв. Иринея старался по возможности склонять ихъ къ выдачѣ хотя-бы-то самого небольшого пособія сиротамъ или вдовѣ ихъ (новыхъ священниковъ) предшественника, чтобы тѣмъ по возможности облегчить бѣдственное положеніе семьи, лишившейся кормильца ⁴⁾. Но такъ какъ пособія эти были обыкновенно довольно скудны и не всегда добросовѣстно

¹⁾ Арх. міево-лях. моп. «Докл. р. мон. д.», № 146.

²⁾ Обо всѣхъ см. «Докл. р. еп. дѣль», 1814 г., № 93, 203, 214, 217, 221, 222, 258, 378, 386 и 463; 1815 г., № 86, 405 и 445.

³⁾ Ibid., 1817 г., 1814 г., №№ 209, 256.

выплачивались; то впоследствии онъ болѣе серьезно занялся вопросомъ объ изысканіи средствъ на пособіе престарѣлымъ священно и церковно-служителямъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Въ 1822 году, по его распоряженію, учреждена была въ церквахъ чигир. уѣзда особая кружка, треть сбора которой предназначалась для указанной цѣли ¹⁾).

Заканчивая рѣчь нашу объ управленіи Иринеемъ своею паствой, не можемъ не упомянуть о его заботахъ относительно поддержанія того древняго церковно-народнаго напѣва, которымъ всегда славился Кіевъ, въ которомъ народъ отобразилъ свою многоскорбную поэтическую душу и который прошелъ чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ, не бывъ никогда записанъ, но сохраняясь въ памяти поющихъ и передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Не можемъ не упомянуть также и о его нѣжной любви къ маленькимъ пѣвчимъ, о которой съ такою сердечностію повѣствоваль намъ два года назадъ находившійся еще въ живыхъ пѣвчій его хора, потомъ старецъ кіево-михайловскаго монастыря о. Тихонъ Цариковскій.—Еще будучи въ составѣ академіи, Ириней настоялъ на введеніе въ число обязательныхъ предметовъ обученія въ ней *пѣнія* ирмологійнаго по напѣву кіево-печерской лавры. Вступивъ въ управленіе кіево-михайловскимъ монастыремъ, онъ открылъ здѣсь школу такого-же пѣнія для послушниковъ этого монастыря ²⁾). Не зависимо отъ сего, онъ прилагалъ особое попеченіе о поддержаніи и развитіи такъ называемой „русской школы“, которую онъ засталъ въ своей архіерейской резиденціи, въ періодъ перваго своего въ ней пребыванія въ званіи викарія. Школу эту учредилъ здѣсь предмѣстникъ Иринея, первый викарій кіевскій Феоданъ Шляповъ, сформировавшій для себя хоръ пѣвчихъ изъ монастырскихъ послушниковъ (басы и тенора) и изъ мальчиковъ духовнаго званія, преимущественно чигиринскаго уѣзда. Кому неизвѣстно печальное положеніе маленькихъ пѣвчихъ въ большей части архіерейскихъ хоровъ прежняго времени? Ихъ брали наборомъ, какъ въ рекруты; въ обществѣ взрослыхъ басовъ и теноровъ, большею частію цыпаиць, они развращались, ничему не выучиваясь, а когда теряли голосъ, ихъ выбрасывали, какъ измя-

¹⁾ Арх. кіев.-хлм. мон. «Докл. р. мон. д.», 1822 г., №№ 143, 158.

²⁾ Ibid, № 177.

тый цѣтокъ, и сами они съ возрастомъ переходили не рѣдко въ разрядъ „предѣльныхъ пѣницъ“, забулдыгъ и „химерогоновъ“. Цѣль учрежденной еп. Теофаномъ „русской школы“ была обучать именно этихъ *дѣтей-пѣвчихъ*, подготавливая ихъ къ поступленію въ высшіе классы кievской академіи. При еп. Теофанѣ учили въ этой школѣ два монаха михайловскаго монастыря и одинъ вольнонаемный изъ свѣтскихъ. Но если Теофану принадлежитъ честь учрежденія этой школы, то Ириней она обязана своимъ долгимъ, до самой смерти его, существованіемъ, упорядоченіемъ и развитіемъ. При немъ школа была раздѣлена на два класса— *высшій* и *низшій*, точно установленъ порядокъ занятій и программа обученія, опредѣленъ и постоянный штатъ. Учили здѣсь чтенію и письму, русской грамматикѣ, всеобщей географіи и исторіи, ариметикѣ и нотному пѣнію. Учителей выбиралъ самъ Ириней, обученіе производилось *подъ его личнымъ руководствомъ и смотрѣніемъ*; учитель ариметики и нотнаго пѣнія получалъ 100 рублей, когда въ академіи учителя высшихъ предметовъ получали 40 и 30 рублей въ годъ. Но не смотря на полное устройство и обезпеченіе школы, Ириней тянула къ ученію старая привычка, а можетъ быть особая любовь къ дѣтямъ, и онъ самъ почти ежедневно занимался съ ними въ школѣ, преимущественно по ариметикѣ и катихизису, какъ важнѣйшимъ предметамъ программы.

Въ 1812 году преосв. Ириней, какъ мы уже знаемъ, назначенъ былъ на смоленскую кафедру, и „русская школа“ совсѣмъ прекратила свое существованіе. Въ теченіе слишкомъ 13 мѣсяцевъ учителямъ не выдавали жалованья, пѣвчимъ не отпускали провіанта на томъ основаніи, что школа и хоръ содержались на викаріатскіе доходы и жалованье, между тѣмъ какъ, по тогдашнимъ смутнымъ государственнымъ обстоятельствамъ, все это время не опредѣляли новаго викарія, безъ разрѣшенія котораго монастырское правленіе не имѣло права отпускать суммъ на подобные расходы. Дѣти были распущены по домамъ родителей и родственниковъ. Только въ 1813 году, съ возвращеніемъ преосв. Ириней изъ Смоленска въ званіи коадьютора, дѣти снова были собраны и возстановленная русская школа ¹⁾ продолжала существовать до са-

¹⁾ Объ этой школѣ см. арх. кievо-мих. мон. оп. № 1, § 13, № 17.

мой смерти Иринея. Держалъ онъ себя съ пѣвчими дѣтьми просто и близко, часто дарилъ ихъ деньгами и сладостями, не рѣдко звалъ ихъ въ свои палаты, предоставлялъ имъ играть и рѣзвиться въ волю и не только не выражалъ ни малѣйшаго неудовольствія или стѣсненія отъ ихъ шуму и гаму, но съ любовію глядѣлъ тутъ-же на радость дѣтей.

IX.

Намъ остается сказать о проповѣднической дѣятельности Иринея.—Въ ней, какъ и въ другихъ родахъ своей дѣятельности, онъ обнаружилъ поражающее трудолюбіе и плодovitость и по количеству сказанныхъ имъ проповѣдей не имѣетъ себѣ равнаго въ ряду русскихъ проповѣдниковъ всѣхъ временъ. Мы разыскали проповѣдей его сочиненія 1294, и не ручаемся, что этимъ исчерпывается безъ остатка все, что написано имъ для произнесенія съ церковной кафедрой. Иринея не обладалъ даромъ импровизаціи и не говорилъ по вдохновенію, а напередъ обдумывалъ, составлялъ, исправлялъ, заучивалъ наизусть и только тогда уже восходилъ на церковную кафедру. Но до возведенія своего въ епископскій санъ онъ говорилъ не болѣе 2-хъ проповѣдей въ годъ; значитъ, вся почти масса этихъ словъ и бесѣдъ сказана въ 15-ть лѣтъ его архіерейства. Какой колоссальный трудъ при другихъ неимовѣрныхъ трудахъ! И не удивительно: проповѣдь Иринея считалъ своею священнѣйшею *обязанностью* и проповѣдывалъ не только каждый воскресный и праздничный день, но не рѣдко и въ дни будничные¹⁾. И вся эта груда словъ, бесѣдъ и поученій почіетъ въ рукописяхъ, главнымъ образомъ въ бібліотекѣ кіево-софійскаго собора. Два раза принимался Иринея за изданіе отборнѣйшихъ своихъ проповѣдей, въ числѣ около 200, и въ оба раза намѣреніе его почему-то не осуществилось. Только 6-ть изъ нихъ, и то въ весьма недавнее время, напечатаны въ нѣкоторыхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Было-бы излишне подвергать хотя сколько-нибудь подробному и обстоятельному разбору этотъ архивный, обреченный на вѣчное

¹⁾ Истор. ст. оп. см. еп., стр. 142; «Кіевъ» Аскоченскаго, т. II, стр. 333; «Труды к. д. ак.» на 1867 г., т. I, стр. 131.

забвене матеріалъ; ограничимся только общими замѣчаніями о проповѣдничествѣ Ирины, направленіи, характерѣ и приѣмахъ онаго.

Проповѣдническое слово преев. Ирины не было огнемъ и силою, поражающею и подчиняющею себѣ умы и сердца слушателей; не было оно тонкою и глубокою, всеразличающею и всеопредѣляющею мыслию; *не всегда* было оно также служеніемъ какой-либо завѣтной идеѣ, овладѣвшей всеѣмъ сознаніемъ проповѣдника, и не выражало настойчиваго желанія провести въ жизнь какія-либо опредѣленныя начала или правила. Это было ясное слово, бросающее свѣтъ на разные предметы христіанской мысли и сообщавшее его простымъ и ученымъ людямъ, приходившимъ въ церковь по движенію благочестиваго чувства. Современники могли не поражаться Иринею, какъ ораторомъ, но они не могли не признать, что съ ними говоритъ умный человекъ и христіански образованный пастырь, желающій передать всеѣмъ церковное ученіе, свои здравыя сужденія и доброе благочестивое настроеніе. Проповѣдь преев. Ирины общаго характера по своему содержанію; но чрезъ это общее въ разныхъ мѣстахъ живо проторгаются отголоски времени. Если разсматривать его проповѣди въ связи съ исторіею христіанскаго краснорѣчія вообще, то можно сказать, что онъ держится древняго направленія—изъяснительнаго, которое выходитъ изъ словъ писанія и церкви и изъ нихъ извлекаетъ уроки назиданія для общества. Проповѣдь его дѣйствительно воспроизводитъ въ себѣ перѣдко древнюю первобытную изъяснительную христіанскую бесѣду и вообще характеромъ своимъ въ общемъ болѣе приближается къ ней, чѣмъ къ произведеніямъ христіанскаго краснорѣчія, не только назидательнаго, но и сильнаго энергіею жизненнаго слова и блескомъ ораторскаго искусства. Въ ряду представителей русской проповѣди конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія преев. Ириней безъ сомнѣнія долженъ быть упомянутъ съ уваженіемъ; но не ему здѣсь принадлежитъ первое мѣсто. По складу своихъ умственныхъ способностей онъ не могъ, какъ проповѣдникъ, сдѣлаться вліятельнымъ руководителемъ цѣлыхъ поколѣній. Человекъ умный и глубоко-ученый, онъ не обладалъ особымъ ораторскимъ талантомъ, ни сильнымъ одушевленіемъ, ни знаніемъ жизни и близостію къ ней.

Есть рядъ проповѣдей его, посвященныхъ разрѣшенію весьма важнаго, догматическаго, и въ то же время сильно волновавшаго умы современниковъ вопроса; въ нихъ онъ старается проникнуть до глубины его и опровергнуть всё существующія и даже возможныя возраженія противъ правильнаго отвѣта; но это скорѣе ученые трактаты, чѣмъ слово взятое изъ жизненныхъ наблюденій. Таковы его „краткія поучительныя бесѣды къ народу о безконечности имѣющихъ быть по смерти праведныхъ Божиихъ воздаяній каждому по дѣламъ, съ опроверженіемъ пагубнаго въ семь догматѣ заблужденія новѣйшихъ оригеніалъ“. Всѣхъ бесѣдъ, посвященныхъ этому вопросу, 186, считая и 3 „предназначительныя бесѣды“. Онѣ направлены противъ современныхъ проповѣднику ложныхъ западныхъ ученій объ этомъ предметѣ, успѣвшихъ проникнуть въ русское общество и сильно привившихся въ либеральный вѣкъ Екатерины II на новой почвѣ. Въ числѣ прочихъ лжеучителей проповѣдникъ нашъ ведетъ полемику, главнымъ образомъ, съ *Гертардомъ*, подробно разбирая и опровергая сочиненія его: „Разсужденія о будущемъ возстановленіи всѣхъ отпавшихъ отъ Бога тварей“, „Краткое понятіе о вѣчности казней Божиихъ“ и др., — а затѣмъ уже съ *Шеферомъ* ¹⁾, *Теопемтомъ Мисаиловымъ* ²⁾ и наконецъ, даже съ знакомыми своими, державшимися подобныхъ-же возрѣній ³⁾. Названныя бесѣды и въ настоящее время могли-бы занять почетное мѣсто въ проповѣднической литературѣ, какъ *достойныя подражанія образцы догматико-полемическихъ поученій*.

Въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, которыхъ касался въ своихъ проповѣдяхъ Иринея, не видно особеннаго напряженія анализирующей мысли, не видно усилія взвѣсить всю силу вопроса, проникнуть до глубины его. Вопросъ набѣгаетъ какъ-бы случайно, и рѣшеніе его является правильнымъ, пожалуй яснымъ, но часто не сильнымъ и не глубокимъ. Развѣтѣмъ этого рѣшенія не можетъ удовлетворяться человѣкъ, любящій углубляться въ вещи и доискиваться ихъ основаній. Видна чрезмѣрная краткость, даже какаятто поспѣшность у проповѣдника при рѣчи о важномъ предметѣ

¹⁾ Противъ его «Вѣчнаго Евангелія».

²⁾ Противъ статья его въ журналѣ «Сіонскій Вѣстникъ» за 1806 г., августъ.

³⁾ См. напр. рѣш. кіево-соф. соб., № 37, бесѣда 147.

христіанскаго ученія: указаль онь одну, другую черту въ немъ— и старается поскорѣе поставить и выразить заключительное слово. Безъ сомнѣнія, въ этомъ видѣнъ живой характеръ Иринея, не любившаго медлительной процедуры какого-бы-то ни было дѣла и спѣшившаго жить и дѣйствовать,—поскорѣе оканчивать прежде начатую работу и приниматься за новую.

Въ выборѣ предмета для проповѣди Иринея обыкновенно не показывалъ особой заботы и большого разнообразія; здѣсь онь шель тѣмъ простымъ и обыкновеннымъ путемъ, какой практикуется въ церкви еще съ древнихъ временъ: беретъ дневное евангельское или апостольское чтеніе, останавливается на какомъ-либо текстѣ и изъ него развиваетъ главную мысль своей проповѣди.

Проповѣди Иринея по преимуществу теоретическаго характера. Догматъ христіанскій—основаніе проповѣди и первый предметъ ея. Догматизмъ его очень чистый, но онь не имѣетъ той утонченности и той подробности анализа, какими отличается догматическое слово древнихъ отцовъ восточной греческой церкви. Изъ числа догматовъ вопросу *объ искупленіи* рода человѣческаго посвященъ рядъ проповѣдей. Тема эта мало отгѣпняетъ собою направленіе мысли вѣка; она свидѣтельствуетъ только о чистотѣ христіанскаго богомыслія Иринея, съ благоговѣніемъ погружавшагося въ глубокую тайну нашей вѣры.

Другими излюбленными, такъ сказать, вопросами, къ которымъ часто обращался преосв. Иринея въ проповѣдяхъ своихъ, были вопросы о необходимости подчиненія разума вѣрѣ, о важности вѣры въ жизни человѣческой и безразсудности невѣрія, о не вниманіи къ слову Божію, о христіанской мудрости и т. п.—И эти бесѣды имѣютъ у преосв. Иринея большею частію общій характеръ и вращаясь въ логической отвлеченной сферѣ, въ своей отдѣльности не являются отголоскомъ времени и личныхъ наблюденій оратора, но въ *общей ихъ совокупности* представляютъ волпеліе чувства проповѣдника и ясно опредѣляютъ его отношенія къ направленію поколѣній, имъ поучаемыхъ. Онь видѣлъ оскуднѣніе вѣры въ своихъ современникахъ; его поражаело распространеніе невѣрія и усиленіе холодности къ христіанской мудрости въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ. Онь скорбѣлъ объ этомъ, съ сожалѣніемъ вспоминая о древнихъ христіанахъ, о старыхъ временахъ, когда уважа-

лись отеческіе обычаи и вмѣстѣ съ ними отеческая вѣра, и старался словомъ своимъ содѣйствовать охраненію вѣры и противо-дѣйствовать разливу новаго невѣрующаго направленія. Противоді-емъ этому направленію, какъ извѣстно, явилось между прочимъ такъ называемое *Библейское Общество*, котораго отдѣленіе было и въ Кіевѣ. Иринея сочувствовалъ ему словомъ и дѣломъ ¹⁾, ревностно побуждая къ тому-же монашествующихъ ²⁾ и бѣлое духовенство ³⁾, но на отрѣзъ отказался принять предложенное ему званіе вице-президента въ кievскомъ отдѣленіи этого общества, находя это несообразнымъ съ положеніемъ архіерея, какъ проповѣдника слова Божія ⁴⁾.

Проповѣдей правоучительнаго содержанія у Иринея сравнительно немного и излюбленныхъ темъ, направленныхъ противъ преобладающихъ въ обществѣ того времени пороковъ, также нѣтъ. По вызову святельскихъ и апостольскихъ чтеній или другихъ сопряженныхъ обстоятельствъ, проповѣдникъ говоритъ то о надлежащемъ чествованіи праздниковъ, то о братолюбіи или любви ко врагамъ, то о милосердіи, то о послѣдованіи волѣ Божіей, а не человѣческимъ страстямъ и пр.,—вездѣ вы видите тонкое нравственное чувство, образованное и развитое, и нигдѣ не находите жизненнаго опыта и анализа. Въ частности проповѣдникъ и не пускается; но положительная заповѣдь высказывается всегда прямо, ясно, безъ околичностей, съ простотою практическаго смысла. Нравоученіе Иринея не отличается излишнимъ суровымъ ригоризмомъ и не преслѣдуетъ исключительныхъ аскетическихъ цѣлей. Гдѣ кого застаеъ онъ въ обществѣ, тамъ и старается облегчить или уяснить своему брату подвигъ жизни, указываемый каждому его общественнымъ положеніемъ и христіанскимъ призваніемъ. Лишь изрѣдка и для немногихъ возвышалъ онъ слово за пустынножителство, въ виду множества соблазновъ среди міра, лежащаго во злѣ.—Возгласы о чистотѣ и высотѣ естественной нравст-

¹⁾ Гил. кiev.-соф. соб., № 582.

²⁾ Арх. кiev.-мнх. мон. «Док. р.» еп. дѣлъ, 1815 г., № 450; *ibid.* «Докл. р.» мон. л., 1816 г., № 226; 1817 г., № 2; 1821 г., №№ 232, 243 и др.

³⁾ *Idid.*, «Докл. р.» еп. дѣлъ, 1815 г., №№ 453, 458 и др.

⁴⁾ Библ. кiev.-соф. соб., отдѣльный листъ безъ номера.

венности слышны были и во время преосв. Ириней и, можетъ быть, не менѣе часто, чѣмъ теперь. Они были отголоскомъ послабляющей морали просвѣтительной философіи XVIII вѣка, умѣвшей найти слишкомъ широкій кругъ поклошниковъ. Противъ этого опаснаго самообольщенія возставалъ въ проповѣдяхъ преосв. Ириней и доказывалъ, что вся честность наша тогда только имѣетъ свою цѣну, когда основана на вѣрѣ и благочестіи.

Обращая, наконецъ, вниманіе на внѣшній характеръ проповѣди преосв. Ириней, прежде всего видимъ въ ней правильность расположенія и построенія. Составъ его проповѣди всегда прозраченъ и ясенъ: всегда видна въ немъ главная мысль, въ ея частныхъ видоизмѣненіяхъ, и при этой прозрачности она какъ-бы сама собою ложится въ сознаніе слушателей. Практическій тактъ Ириней не позволялъ ему отягощать вниманіе слушателей сложною аргументаціею, излишними дробленіями, извитіями діалектики, вообще грузомъ представленій, дающихъ одно другое и не дающихъ возможности сознанію слушателей сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ; отъ того проповѣди его всегда довольно кратки, исключая весьма немногихъ *первыхъ* словъ, писанныхъ еще въ бытность Ириней профессоромъ академіи.

Въ манерѣ изложенія преобладаетъ *библейзмъ*, или частое употребленіе библейскихъ текстовъ или выраженій, что не просто было модою времени, какъ теперь изгнаніе текстовъ изъ проповѣди, но было естественнымъ послѣдствіемъ постоянного чтенія Иринеемъ книгъ св. Писанія, многолѣтняго преподаванія оваго и спеціальнаго толкованія. Не мало въ проповѣдяхъ Ириней примѣровъ изъ области священной исторіи, житій святыхъ, исторіи гражданской; но приводитъ ихъ въ подтвержденіе разныхъ положеній проповѣдуемаго имъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго, ояъ далеко отъ крайности проповѣдниковъ XVIII в., прибѣгавшихъ верѣдко для оживленія своего слова даже къ области миеологіи. Теперь въ русской проповѣди установился уже чистый церковный вкусъ или строгое благоговѣнное приличіе. Ириней также былъ пуристомъ и дѣлалъ строгій выборъ между вещами и явленіями, какими владѣла его память и какими можно было пользоваться для уясненія и большаго впечатлѣнія въ памяти слушателей извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ. Вы у него

встрѣтите ссылку на лѣтописи, найдете указанія на пожертвованія Минина и раны Пожарскаго, на доблести воиновъ Игоря и воиновъ Петра, Екатерины, Павла и Александра; но все это въ тѣхъ только его проповѣдяхъ, которыя онъ говорилъ не только какъ пастырь, а и какъ гражданинъ Россіи, да и здѣсь, когда слово начинаетъ говорить не гражданскому только чувству, но вмѣстѣ и религіозному, изъ возбужденнаго патріотическаго тона оно тотчасъ-же переходитъ въ спокойное назидательное разсужденіе.

Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ преосв. Ириней встрѣчаются выдержки изъ твореній отцовъ церкви или только ссылки на нихъ, свидѣтельствующія о его глубокомъ знакомствѣ съ отеческою литературою; но такія свидѣтельства употребляются имъ только тогда, когда слово его или касалось малоизвѣстнаго преданія, или представляло истину, могущую возбуждать сомнѣнія и не сильную съ разу склонить слушателя къ убѣжденію.

Что касается языка проповѣдей преосв. Ириней, особенно написанныхъ имъ до полученія епископскаго сана, то въ этомъ отношеніи Ириней можетъ быть поставленъ въ числѣ лучшихъ представителей чистой литературной русской рѣчи между писателями конца прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія. Въ языкѣ его проповѣдей замѣтно полное отрѣшеніе отъ церковно-славянскихъ формъ¹⁾; въ немъ нѣтъ и тѣни какой-либо грубости, вульгарности; вы не найдете въ немъ словъ иностранныхъ, такъ обыкновенныхъ у предшествовавшихъ и современныхъ Иринейю проповѣдниковъ, ни архаизмовъ, за которые упорно стояла партія противниковъ карамзинскаго слога, ни даже словъ южнорусскихъ и польскихъ, которыми испещренъ языкъ южно-русскихъ проповѣдниковъ XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе складъ рѣчи Ириней вообще тяжелый и больше походитъ на строй рѣчи латинской, чѣмъ русской. Это условливалось не только тѣмъ, что онъ воспитанъ былъ на языкахъ древнихъ и постоянно обращался съ книгами латинскими, греческими и церковно-славянскими, но отчасти особымъ складомъ его

¹⁾ Исключеніе представляетъ *первое* слово къ ягиринской паствѣ (въ субб. 1-ю поста, декабр. 1807 г., см. ркп. киево-соф. соб., № 277), написанное на славянскомъ языкѣ.

мысли и тономъ рѣчи всегда спокойной, холодной и рѣдко оживленной движеніемъ чувства. Изъ тона спокойнаго разсужденія Ириней почти никогда не выходитъ въ своихъ проповѣдяхъ; и потому пѣтъ у него живыхъ ораторскихъ оборотовъ, мало пламенныхъ восклицаній и обращеній, нельзя указать искусственнаго извита слова, разчитаннаго на то, чтобы понравиться слушателямъ и произвести на нихъ особенное впечатлѣніе. Только иногда выпадаетъ немного ровное, спокойное его слово и проповѣдникъ теплою молитвою заканчиваетъ свою бесѣду.

X.

Мы прослѣдили всю жизнь преосв. Ириней Фальковского, начиная съ дня его рожденія и до послѣднихъ лѣтъ его службы, обозрѣли съ большею или меньшею подробностію всѣ стороны его продолжительной и разнообразной дѣятельности, и какъ ни много въ общей массѣ собрано нами о немъ данныхъ, трудно по нимъ начертить живой, цѣльный его образъ. Это потому, быть можетъ, что все въ немъ оригинально и не подходитъ подъ общепринятыя мѣрки представленій о дѣятеляхъ историческихъ и людяхъ обыкновенныхъ. Оригинальна его родословная и происхожденіе, оригинально все его обученіе и воспитаніе, первые годы его службы и принятіе монашества, столкновеніе съ митр. Героосемъ, вся профессорская и ректорская служба, первые годы епископства, едва не заключившіеся схимой, возвращеніе на викариатство послѣ самостоятельной каѳедры, исключительное его положеніе на прежнемъ мѣстѣ викарія и самый этотъ титулъ коадьютора, исключительно для него придуманный и не бывшій пустымъ титуломъ. Оригиналенъ складъ его ума, оригинальны его воззрѣнія по самымъ важнымъ и даже мелочнымъ вопросамъ, оригинальна вся его жизнь и самая обстановка жизни, а его трудолюбіе и плодовитость положительно феноменальны. Ничего въ немъ гениальнаго, это просто талантъ, но талантъ удивительно разпосторонній. И если Богъ дать ему талантъ, то онъ пріобрѣлъ на него десять талантъ. Живой, обыкновенный человѣкъ рано въ немъ похороненъ,—вмѣсто него жилъ человѣкъ возрожденный и одухотворенный аскетизмомъ; но во всякомъ новомъ своемъ положеніи онъ создаетъ для себя особую

форму жизни. О родныхъ онъ не упоминаетъ, друзей и людей близкихъ онъ по видимому совсѣмъ не имѣлъ; по всюду ищетъ онъ человѣка и дѣлаетъ для него добро, не оставляя для себя почти ничего. Когда онъ умеръ, отъ него, при его питаніи кашицей, осталось лишь около двухъ тысячъ ассигнаціями и ни одной цѣнной вещи, кромѣ массы книгъ. Когда не удалось ему изданіе его проповѣдей, онъ посылаетъ въ чигиринское духовное правленіе своеручно писанный сборникъ и деньги для переписки онаго и передачи въ кресто-воздвиженскую церковь ¹⁾. Разъ правленіе михайловскаго монастыря постановило купить для выѣздовъ его цугъ въ 6-ть лошадей;—онъ отвѣчалъ: „сей цугъ могъ-бы быть надобенъ развѣ для моего преемника, я-же, въ случаѣ крайней какой надобности, могу выѣзжать и одною парюю какихъ нибудь лошадей?“ ²⁾. Обыкновенныхъ знакомствъ не только съ свѣтскими лицами, но и съ кѣмъ-бы то ни было Ириней не водилъ никогда; его сношенія могли быть только дѣловыя и служебныя. Консисторіи онъ, по видимому, не долюблялъ, судя по тону нѣкоторыхъ его отвѣтовъ. Въ ней засѣдали тогда преимущественно архимандриты и игумены кievскихъ монастырей, а въ канцеляріи царило великое взяточничество. Во время одной изъ своихъ поѣздовъ въ чигиринскую свою паству, преосв. Ириней, при выходѣ изъ какой-то церкви, остановился предъ картиной страшнаго суда, на которой въ числѣ грѣшниковъ, идущихъ въ адъ, нарисованы были и лица иноческаго чина и міряне не простаго званія. Указывая на картину, преосвященный спросилъ стоявшаго здѣсь дьячка: что это? Простодушный дьячекъ не затруднился отвѣчать: „Кievская дикастерія“. Ириней прослезился и прекратилъ дальнѣйшее испытаніе. Въ отношеніяхъ его къ начальствовавшимъ надъ нимъ владыкамъ едва слабыми литрихами отмѣчены расположеніе и покровительство митр. Самуила, гнѣвъ и прощеніе митр. Героою, отсутствіе пеладовъ съ митр. Сераціономъ и полное отчужденіе отъ митр. Евгенія. Послѣдній не менѣе Ириней славился умомъ и ученостію, а между такими лицами въ нашей іерархіи рѣдко существовали добрыя отношенія и примѣровъ на то можно-бы

¹⁾ Арх. кievо-мих. мон. «Докл. р.» еп. дѣль № 354.

²⁾ Ibid. «Докл. р.» мон. дѣль № 6.

привести не мало ¹⁾. Не лишено значенія, что ни въ обширномъ „Дневникѣ“ митр. Серапіона, ни въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ митр. Евгенія не находится замѣтокъ, характеризующихъ ближайшаго ихъ соправителя. Остался единственный отзывъ о немъ современника, при томъ свѣтскаго и знатнаго лица, именно кн. И. М. Долгорукаго, отзывъ не сочувственный, основанный на мимолетномъ видѣнномъ впечатлѣніи, но прибавляющій нѣкоторыя новыя черты къ тому, что намъ извѣстно объ Иринеѣ. Приводимъ оный дословно.

„Въ этомъ (кіево-златоверхо-михайловскомъ) монастырѣ живетъ викарій митрополита кіевского, епископъ чигиринскій, Иринея: я любознательствовалъ видѣть его въ служеніи. Онъ уже не молодъ (писано въ 1810 г.) и отправляетъ званіе свое *безъ всякой сановитости*; нѣтъ въ немъ *ни величія, ни приятной простоты*. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенія его всѣ отиѣнно скоры; рѣдко смотритъ вверхъ или по сторонамъ; всегда взоръ его потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. Всякое воскресенье онъ *поетъ обѣдню (?) и вмѣсто проповѣди онъ толкуетъ апостольскія посланія съ амвона всенародно*. Ни слово его, ни обращеніе не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келію: *пріемъ принужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень ученъ; и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать своихъ умственныхъ сокровищъ“* ²⁾).

Годы шли за годами, замѣтно налагая печать старчества на преосв. Иринея. Но онъ по прежнему весь отдавался своимъ занятіямъ. Сравнительнымъ отдыхомъ онъ пользовался только въ воскре-

¹⁾ Когда митр. Евгенийъ, какъ гласятъ, преданіе, возвратилъ Иринею пріазнакомъ ему этикъ послѣднимъ въ день именинъ Евгенія кулекъ вины, съ намекомъ на одолевавшую когда-то его страсть, Иринея пересталъ являться къ нему по дѣламъ и сносился съ нимъ письменно. Когда наступилъ въ михайловскомъ монастырѣ храмовой праздникъ и пріѣхалъ митрополитъ для служенія, Иринея не вышелъ къ нему, не принявъ его и послѣ обѣдни, сказавшись больнымъ. Въ день именинъ своихъ онъ снова не принялъ Евгенія, пріѣзжавшаго съ поздравленіемъ; не принявъ я тогда, когда тотъ заѣхалъ къ нему пріеститься предъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

²⁾ См. «Чтенія въ вѣст. общ. ист. и древн. рос.» 1869 г., кн. III, стр. 274: «Славны бубны за горами или путешествіе кое-куда 1810 г.»

сные и праздничные дни, оставляя въ эти дни—да и то лишь на закатѣ жизни своей—всякое дѣлопроизводство по монастырю и епархіи ¹⁾). Все-же остальное время онъ по прежнему проводилъ въ непрестанныхъ занятіяхъ, живя буквально *безвыходно* въ киево-михайловскомъ монастырѣ. По словамъ старожиловъ, преосв. Ириней, подъ конецъ жизни, не только нигдѣ внѣ монастыря не появлялся, ни на какихъ торжествахъ и праздненствахъ не участвовалъ, а и пересталъ бывать даже у митрополита.

Но постоянные труды и добровольныя лишенія не совсѣмъ благопріятно отзывались на слабомъ и безъ того здоровьѣ преосвященнаго. Еще въ 1815 году онъ отказался отъ участія въ торжественномъ благодарственномъ молебствіи „о успѣхахъ оружія союзныхъ войскъ и о занятіи оными французской столицы“, отказался и навсегда отъ подобныхъ церемоній и служеній, „ради непрестанныхъ въ пользу двухъ епархій—киевской и черниговской, священнослуженій и чувствуя непрестанное силъ своихъ излуреніе“ ²⁾). Впослѣдствіи-же времени здоровье его совершенно разстроилось. 26 апрѣля 1823 года самимъ Иринеемъ подписана и внесена въ „реестръ“ послѣдняя бумага ³⁾). Слѣдующіе два дня онъ совсѣмъ уже не могъ заниматься дѣлами.

Было воскресенье 29 апрѣля 1823 года. Въ домово́й архіерейской церкви шла ранняя обѣдня. Преосвященный Ириней сидѣлъ въ своихъ покояхъ и въ 814-й разъ прочитывалъ „Чинъ присяги архіерейскія“, сдѣлавши объ этомъ на ней собственноручную отмѣтку. Во время чтенія Евангелія еще слышны были шаги преосвященнаго. Но послѣ обѣдни его нашли сидящимъ надъ раскрытою бібліею безъ всякихъ признаковъ жизни. Въ два часа по-полудни собралось духовенство; останки преосвященнаго были святы со стула, перенесены въ домовую церковь и, послѣ обычнаго помазанія елеемъ, положены здѣсь во всемъ архіерейскомъ облаченіи. Въ 10 часовъ утра 30 апрѣля покойника перенесли въ большую церковь, въ придѣлъ св. великомуч. Екатерины; а 1 мая, послѣ совершенія

¹⁾ См. Арх. киево-мих. мон. «Докл. р.» мон. дѣль 1821 г. № 54.

²⁾ Арх. киево-мих. мон. «Докл. р.» мон. дѣль № 86; ср. *ibid.* «Докл. р.» еп. дѣль 1815 г. № 328.

³⁾ № 70.

литургии и отпѣванія панихиды, онъ погребенъ былъ митр. Евгеніемъ по срединѣ прѣдѣла ¹⁾). Впослѣдствіи, на аркѣ по завѣщанію усопшаго написано было изображеніе святителя Ирины лугдунскаго (имя котораго принялъ Фальковский въ монашествѣ), представлявшее собою портретъ 'самаго преосвященнаго ²⁾). Нѣсколько повыше находятся три иконы, принесенныя въ даръ благодарнымъ преосв. *Александромъ Павловичемъ* ³⁾), предъ которыми горитъ неугасимая лампада.

Такъ скончался преосв. Ириней Фальковский на 61 году жизни. Духовенство кievской епархіи въ рѣдкихъ представителяхъ того времени и теперь еще хранитъ благодарную и свѣтлую память объ немъ, а въ братіи кievо-михайловскаго монастыря живетъ убѣжденіе въ негнѣннѣи его тѣла. Упомянутый нами выше старецъ Тихонъ Цариковскій сообщалъ намъ, что даже въ самый день погребенія Ирины онъ не только не показывалъ никакихъ признаковъ разложенія, но, напротивъ, все члены его обладали почти такою-же мягкостію, какъ и члены живаго человѣка.

Георгій Булашевъ.

¹⁾ См. записъ на «Чинѣ прѣдсѣи архіерейскія», хранящемся въ библіотекѣ кievо-михайловскаго монастыря подъ № 241. Это мѣсто для своего погребенія, говорятъ, назначалъ самъ преосв. Ириней, когда заходилъ посмотрѣть на работы по обновленію прѣдѣла (въ 1820 г.)

²⁾ См. объ этомъ въ эпитафіи его. Впослѣдствіи святитель Мелетій *Леонтовичъ*, являвшій весьма много вѣщальнаго сходства съ преосв. Иринеемъ, велѣлъ нѣсколько передѣлать этотъ портретъ (см. «Кievск. Епарх. Вѣд.» 1879 г., іюль). Другой портретъ преосв. Ирины можно видѣть въ конгрегационной залѣ кievской духовной академіи на лѣвой сторонѣ отъ входа.

³⁾ Преосв. Александръ въ дѣтскіе годы держалъ книгу при служеніяхъ преосв. Ирины и былъ однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ имъ воспитанниковъ извѣстной уже намъ «русской школы» мизайловскаго монастыря. Впослѣдствіи онъ былъ рукоположенъ (15 іюня 1820 г.) преосв. Иринеемъ во священника, а овдовѣвъ, поступилъ въ полкъ, былъ архимандритомъ соловецкаго монастыря и епископомъ архангельскимъ и полтавскимъ. Во время пребыванія своего въ Кіевѣ на покой онъ часто посѣщалъ гробницу преосв. Ирины и служилъ по неѣ панихиды. По его-же вкладу ежегодно 15 іюня совершается здѣсь заупокойная литургія и панихида.

Два документа о хозяйствѣ кievскихъ монастырей въ половинѣ XVIII ст.

Два печатаемые ниже акта достались намъ изъ совершенно различныхъ источниковъ и касаются хозяйственнаго управленія двухъ отдѣльныхъ монастырей; но оба относятся къ одной и той-же мѣстности.

Одинъ изъ этихъ документовъ полученъ нами отъ священника м. Триполья о. Семперовича и касается условій землевладѣнія въ имѣніи каедръ кievской митрополіи (м. Триполья, кievской губерніи и уѣзда). Нынешній кiev-софійскій соборъ былъ тогда не только каедрой митрополита, но вѣстѣ и монастырехъ, и духовный соборъ или совѣтъ монастыря велъ хозяйство такъ называемыхъ каедральныхъ имѣній, дававшихъ средства къ содержанію братія и поддержанію достоинства первосвятительскаго сана митрополитовъ кievскихъ.

Какъ видно изъ этого документа, власть митрополичыя не изменяетъ и не ограничиваетъ того общаго коллегіальнаго управленія имѣніями, какижъ пользовались и прочіе монастыри, хотя имѣнія здѣсь считались специально „митрополитанскими“; митрополиту принадлежитъ лишь высшее наблюденіе и санкція постановленій и дѣйствій монастырскаго управленія. Мы отмѣчаемъ эту сторону въ документѣ лишь въ виду другихъ историческихъ фактовъ ревниваго обереганія монастырями своей автономіи въ имущественномъ отношеніи отъ вліянія митрополичьеи власти. Большой интересъ предлагаемый документъ представляетъ въ другомъ отношеніи, какъ примѣръ чиншеваго владѣнія въ митрополичьеихъ имѣніяхъ, правда, какъ-бы случайнаго, еще не опредѣливагося, но видимо поощряемаго и желательнаго, а потому и льготнаго, и какъ указаніе на нѣкоторыя особенныя повинности митропо-

личьихъ и вмѣстѣ монастырскихъ подданныхъ, равно нѣкоторые государственныя платежи и налоги.

Крестыяннн деревни Веремья, принадлежавшей кафедрѣ митрополичьей, Яковъ Богатыренко, пользовавшійся тамъ пахатною и сѣнокосною землею и отбывавшій, конечно, за это общія повинности монастырскихъ подданныхъ, пожелалъ эксплуатировать предоставленную ему землю еще иными двумя способами, устроилъ на ней „два млинка со ступами и винокурню на два котла“. Одинъ изъ млинковъ устроенъ былъ имъ раньше, при митрополитѣ Рафаилѣ Забаровскомъ, но документъ на право пользованія имъ гдѣ-то затерявъ, — другой млинокъ и винницу онъ устроилъ теперь, и проситъ закрѣпить за нимъ и его родомъ эти статьи доходовъ, равно опредѣлить его обязательства по нимъ предъ монастыремъ. Видно, что такая эксплуатация была еще дѣломъ отчасти новымъ. Соборъ собираетъ справки и, съ утвержденія митрополита, удовлетворяетъ просьбу Богатыренка, освобождая его, какъ чиншевика, отъ повинностей общахъ для другихъ „подданныхъ“. Замѣтимъ при этомъ, что митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, утверждавшій опредѣленіе собора о Богатыренкѣ, былъ сыномъ одного изъ тѣхъ-же подданныхъ и даже той-же деревни Веремья. Отмѣтимъ также, что управлявшіе монастырскими имѣніями назывались *городничими*, — титулъ менѣе громкій, чѣмъ *губернаторы* въ польскихъ имѣніяхъ.

Другой документъ представляетъ подробную инструкцію *собора* кіево-выдубицкаго монастыря своимъ „городничимъ“. Въ этой инструкціи указывается не только порядокъ веденія монастырскаго хозяйства, но также и тѣ случаи, въ которыхъ отецъ городничій долженъ былъ испрашивать разрѣшенія собора. Время составленія этой инструкціи не обозначено, — во всякомъ случаѣ она не позже половины XVIII вѣка. Рукопись ея отыскана случайно въ селѣ Безрадицахъ, кіе夫скаго уѣзда, покойнымъ П. И. Ревякинымъ, на чердакѣ у неграмотнаго крестьянина Семена Паламарчука, отецъ котораго состоялъ нѣкогда въ Печерскомъ монастырѣ, въ должности „кухаря“, во времена архимандрита Зосимы (т. е. Валькевича, 1762—1786). Безрадица были тоже имѣніемъ печерскимъ, и по этой-то связи инструкція была занесена туда грамотнымъ старикомъ, вполне предавшимся хозяйству. Но первоначаль-

ное составленіе „Наказа“ должно быть отнесено къ болѣ древнему времени, такъ какъ въ языкѣ замѣтны слѣды подновленій.

Мы не будемъ разсматривать инструкціи съ ея, такъ сказать, спеціально технической стороны. Предоставляемъ знакомымъ съ сельскимъ хозяйствомъ читателямъ оцѣнить эту массу правилъ и наставленій, — плодъ, безъ сомнѣнія, вѣковой народно-хозяйственной мудрости. Намъ гораздо важнѣе отмѣтить въ ней черты отношеній монастыря къ своимъ „подданнымъ“. Монастырь, регламентируя до мельчайшихъ подробностей хозяйственную дѣятельность своего городничаго, предписываетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ поведенія въ отношеніи крестьянъ, который-бы, не унижая его достоинства, не давалъ-бы также простора корыстнымъ побужденіямъ или угнетенію подданныхъ. Такъ, городничій не долженъ входить съ крестьянами въ неприличную близость, „не засѣдати зъ подданными и не упиватися“; но въ дѣлахъ хозяйственныхъ не только можетъ, а и обязанъ обращаться къ нимъ за совѣтами, въ случаѣ недостатка собственной опытности. Входить съ крестьянами въ товарищество по обработкѣ земли городничему запрещается, равно какъ и заниматься скупкою у нихъ хлѣба, „бо то есть подозрительно“; запрещается также заводить отъ себя шинки или какіе-либо промыслы; мѣрн предписывается держать „справедливнѣ“. Повинности крестьянъ состояли въ денежныхъ платежахъ, „чиншѣ“ и барщиной работѣ, — но къ сожалѣнію размѣры ихъ не указаны, также какъ и крестьянскихъ надѣловъ; кромѣ послѣднихъ, крестьяне могли брать для посѣвовъ пустоши, съ которыхъ монастырь получалъ третью часть урожая или *по уговору*. По упоминанію о самыхъ разнообразныхъ хозяйственныхъ работахъ, — такъ какъ монастыри старались эксплуатировать по возможности всѣ силы имѣнія, — можно полагать, что барщина была у нихъ нелегка; но съ другой стороны въ „Наказѣ“ всего замѣтнѣе стремленіе къ устраненію произвола, а это было едвали не наиболѣе важнымъ преимуществомъ здѣшнихъ порядковъ передъ обычнымъ тогда управленіемъ въ имѣніяхъ частныхъ; монастырь даже не даетъ своему городничему права суда и расправы, какимъ пользовался каждый „экономъ“ въ имѣніяхъ частныхъ. Рядомъ съ Трипольемъ и Безрадичами, на польской сторонѣ, всякій губернаторъ и даже арендаторъ имѣлъ право жизни и смерти надъ крестьяниномъ,

туть-же монастырь не мечтаетъ даже удержатъ не желающихъ остаться въ подданствѣ и желаетъ лишь того, чтобы они не оставляли своихъ полей незабываемыми, а въ такомъ обстоятельствѣ видитъ только признакъ скорого ухода „зъ подданства“.

Вообще можно полагать, что положеніе крестьянъ монастырскихъ было легче, чѣмъ у большинства частныхъ владѣльцевъ: у послѣднихъ крестьянина въ зависѣлъ только отъ *личнаго* усмотрѣнія, тогда какъ здѣсь управляла коллегія, и злоупотребленія кого-либо изъ ея членовъ прямо нарушали выгоды всѣхъ остальныхъ, уменьшая цѣнность ихъ имѣнія. Монастырь, какъ лицо юридическое, не умирающее, не могъ не дорожить поддержаніемъ и прочнымъ увеличеніемъ доходности имѣній, а она прямо зависѣла отъ развитія благосостоянія крестьянъ.

Но, конечно, фактическое выясненіе положенія крестьянъ монастырей требуетъ изданія, по возможности, большаго числа документовъ, въ родѣ почтенныхъ здѣсь.

Наказъ Кіево-каѳедральному собору управляющимъ трипольскимъ имѣніемъ.

По указу великаго господина, ясне въ Богу преосвященнѣйшаго кирь Тимофея Щербачкаго, архіепископа, митрополита кіевского, галицкаго и Малыя Россіи, отца и архіепастыря нашего, изъ священно-духовной каѳедры митрополіи кіевскаго собора, всечестному іеромонаху Михайлу городничему и честному іеродіакону Семенову шафару трипольскимъ

ПРЕДЛАГАЕТСЯ.

1751 года мая 4 дня поданнаго ясне въ Богу преосвященнѣйшему господину, кирь Тимофею Щербачкому, архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи, отцу и архіепастырю нашему, отъ подданнаго деревни Веремья, Якова Богатыренка, настоящаго 1751 года, марта 14 дня, доношенія, соборная братія слушала, въ которомъ дополненіи оны, Яковъ Богатыренко, представлялъ, что де по дозволенію катедральному угатилъ оны, Богатыренко, на рѣкѣ Бобрлицѣ своимъ собственнымъ коштомъ двѣ гребельки—одну выше, а другую ниже двора, и что выше двора, на той отъ 1741 года, по дозволенію свято-усопшаго преосвященнѣйшаго Рафаила Заборовскаго, построилъ оны млянокъ о единомъ камени и ступнику и вилкоурню на два котля, и отъ того года по сегодню уплачиваетъ въ катедрѣ, уполень будуча отъ всякой павщины и прочихъ подданныческазъ работъ, и за мля-

нокъ, безъ всякаго борошна взятку, чьяшовыхъ по 5 руб. денегъ, а за котли два по четыре рубля, о чемъ и контрактъ ему, Богатыренку, былъ съ катедры выдавъ, да прошлаго же 1750 года, по дозволенію катедральному, и по другой гребельцѣ, пняже двора, построилъ оны млинокъ о единомъ камени и ступнику, контракта же на оной еще даннаго не имѣеть, да и прежде данной контрактъ, невѣдомо какимъ случаемъ, въ дому затерялъ, и просилъ оны, Богатыренку, какъ за жизни преосвященнѣйшаго Рафаила отъ всякихъ подданныческихъ повинностей, шарварковъ весняныхъ и осеннихъ, заорковъ, оборковъ, закосковъ, обкосковъ, зажинковъ и обжинковъ былъ уволенъ и уплачивалъ едиными только деньгами за млинокъ и за чиницъ по пяти рублей, а отъ казана по два рубля, такъ и вынѣ на томъ основаніи, причислявши къ тому и другой его млинокъ, ему жить и за все уплачивать, по усмотрѣнію преосвященнѣйшаго архипастыря нашего, государевы же указыше, консистевскіе и другіе дачи взимаю бѣ отъ него, якъ и отъ прочихъ подданныхъ трипольскихъ, тяглыхъ, малю промышленныхъ, безъ излишества, и при подтвержденіи архипастырскомъ, не да воли катедральной, но навсегда ему, Богатыренку, и потомъ будущия дѣтямъ, или свойственнымъ его близкимъ, на владѣніе всѣхъ угодій концесъ выдать. На которомъ допосеніи состоялась высоко повелѣнная архипастырская помѣта такова: >во священно-духовномъ катедральному намомъ соборѣ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе, со мнѣвіемъ на сіе прошеніе, учинивъ, некоспательно намъ предложить для вѣдома и особливой корфирмаціи». По которой высокоповажной помѣтѣ предложено было ордеромъ къ всечестности вашей справку учинить, на якою окладѣ подданные трипольскіе содержатъ мельницы, и по оному ордеру всечестность ваша учиня съ подданными трипольскаго уѣзда справку, почему кто держитъ млинокъ и сколько чиншу въ катедру по ежегодно за млинка уплачиваетъ, репортомъ представили, что де жители трипольскіе Леонтій Тимченко, да Павелъ Лѣтковскій за одну мельницу о двухъ колахъ уплачивають едиными деньгами отъ кола по талару, Псвалъ Хвилоненко и Мойсей Илипенко и прочіе даютъ всегда половинную часть размѣру, а Марія Выхристка и кіевская жителька дачица уплачивають чиншовыхъ денегъ и за млинка едиными деньгами только по шести рублей; того ради зѣ согласнаго соборной катедральной братіи приговора, на которомъ преосвященнѣйшаго архипастыря нашего высокоповажная помѣта состоялась такова: «быть по сему приговору неотмѣнно. Арзіерейско подтверждаемъ». По высокоповажной архипастырской таковой помѣтѣ въ священно-духовномъ катедральному соборѣ опредѣлено: силъ откровеннымъ ордеромъ вамъ съ притверженіемъ нижеслѣдующее объявить, чтобъ ему, Якову Богатыренку, якъ еще за жизни преосвященнѣйшаго архієпископа, митрополита кіевскаго, господина Рафаила Забаровскаго и всей соборной братіи опредѣленными, пахатными и сѣвокосными, и оными Богатыренкомъ распашанными полями и устроенными угодіями, тако-жъ и выше двора здавна здѣланнымъ собственнымъ его коштомъ о двухъ ступномъ и каменномъ колахъ на рѣчицѣ

Бобрлицѣ всѣмъ млиножъ живучи на чиншѣ, владѣль и уплачивалъ за все пять рублей, такъ и нынѣ владѣть свободно и якъ всечестность ваша, такъ и послѣдде имѣющіе быть трипольскаго уѣзду городничіе, ни къ какимъ подданническимъ повинностямъ и шарваркамъ, всеснянимъ и осеннимъ, заоркамъ и оборкамъ, зажинкамъ и обживкамъ, закоскамъ и обкоскамъ и пи къ еданнымъ складкамъ, крошѣ государевыхъ общенародныхъ, и ни какихъ прочіихъ указныхъ, не въ образецъ прочимъ подданнымъ, его Якова Богатыренка не привлекаль-бы и въ случающихся подъ ездоковъ подводы лошадей и воловъ съ него Богатыренка не взиать, овъ-же Яковъ Богатыренко за такое увольненіе за оной весь млинокъ по ежегодно въ катедру еднимъ деньгами пять рублей уплачивалъ бы; 2-е, за вновь о двухъ колахъ устроенные ниже двора млинокъ, имія его въ безпрепятственномъ своемъ владѣніи, уплачивать овъ Богатыренко въ катедру ежегодно должень, какъ и трипольскіе жители Лѣтковскій и Тимченко, отъ кола по талеру; 3-е, имѣть ему винокурню на два котла и когда на оныхъ котлахъ горѣлку будетъ курить, то по всегодно уплачивать въ катедру по два рубля отъ котла, за квитанціями, все-непремѣнно должень, а выробленную горѣлку кухвами, боченками и большими барялами, кому гдѣ случится, трипольскаго завѣдомомъ Шафара, какъ и прочіе трипольскаго уѣзду показанщика, продавать свободно; ведеркамъ-же и квартами въ маестностяхъ катедральныхъ горѣлки продавать всячески запрещается; 4-е, отъ казановъ зборщикамъ—показанщику и покуховщику уплачивать ему Богатыренку самому отъ себя и государевы косястенскіе дачи отдавать противъ статьи написанной при сочиненіи ревизіи, по обыкновеію, безъ изьящества. По такомъ-же священно-духовнаго катедральнаго собора утверженіи ему Якову Богатыренку и на томъ грунтѣ дѣтямъ и внукамъ или близкимъ сродникамъ владѣть всѣми угодами сѣнокосными и пахатыми полями свободно, владѣть и на свои корысти, якъ хотя, употреблять; и буди покошеть овъ, Яковъ Богатыренко, и по немъ наслѣдника при дворѣ устроенный имъ два млинка и прочее строеніе кому трипольскаго уѣзда съ подданныхъ катедральныхъ за деньги продать, за вѣдомомъ преосвященнѣйшаго архіепископа и священно-духовнаго катедральнаго собора, дозволяется: только-бы овъ, Богатыренко, или по немъ имѣющіе остаться наслѣдники о добровольной своей продажи, съ представленіемъ охотнаго купца, доношеніемъ въ катедру обивили, а оное дозволеніе катедральное ниже подданнымъ катедральнымъ ни подъ какимъ видомъ продавать или въ замѣну давать отнюдь не дерзая-бы, подъ лашеніемъ всего имущества запрещается; всечестность ваша и потомъ имѣющіе быть трипольскаго уѣзду городничіе какъ прочіихъ катедральныхъ подданныхъ, такъ и его Богатыренка отъ случающихся нападковъ охранить; изъ обядамъ и другимъ начальничимъ озлобленіямъ и по немъ дѣтей, внуковъ и близкихъ наслѣдниковъ не допускать и въ особливомъ ресектѣ и милости содержать должны-же, о бываемыхъ-же виновностяхъ вѣрно и обстоятельно рассмотрѣвши безъ посягательства въ священно-духовной соборъ доносить, а маловажные безъ обидно

рѣшать, всечестному іеромонаху Мизаилу городничему и честному іеродіакону Симоону шафару, о всемъ выше писанномъ вѣдая, чинить непрешѣнное исполненіе и ради неотвѣтнаго впредь по сему дѣйствія и знанія, святъ вамъ точныя съ сего копія, и подлинное сіе съ священно-духовнаго катедральнаго собора данное, за подписаніемъ рукъ и при катедральной печати, дозволеніе ему, Якову Богатыренку, и по немъ наслѣдственно дѣтятъ, внукамъ и близкимъ свойственнымъ въ свободное и спокойное владѣніе всѣми принадлежащими тому его Якова Богатыренка двору грунтами и угодіями въ защищеніи для содержанія отдать непрешѣнно. Данъ въ катедрѣ 1751 года мая 31 дня.

На подлинномъ подписались: Катедральный писарь іеромонахъ Досифей, архидіакопъ Манасей, іеромонахъ Пахомій, іеромонахъ Филаретъ уставщикъ, іеромонахъ Іосифъ еклісіархъ.

По листамъ скрепиль катедральный свято-софійскаго монастыря соборный писарь, іеродіакопъ Наркисъ.

Наказъ управляющимъ имѣніями Выдубицкаго монастыря.

Наказъ кіево-выдубецкаго свято-михайлова монастыря прикажчикамъ, или правителямъ, или городничымъ, чего имъ, будучи при своихъ званіяхъ, смотрѣть.

I. Прикажчики по вотчинамъ искусныи и въ господарствѣ должны знать, когда орать и когда сѣять. Опредѣленніи къ господарскимъ дѣламъ пристави и надиратели должны быть у нихъ вѣрніи и исправніи.

Прикажчики, гдѣ кто учреждаеъ, должны знать всѣ владѣнія монастырскія и оному крѣпостніи границы и урочища и оніи объѣздить съ тамошними монастырскими подданными, а о неизвѣстныхъ вывѣдывать, и времена ко сѣябамъ и къ зовуду ннихъ господарствъ не упущать. Должны оны земля всѣ монастырскія и монастырскихъ подданныхъ вѣдати и, чтобы они въ пустошахъ не были, стараться.

Прикажчики, когда сами до земли не знаются, должны спрашиватися и совѣтоватися, что гдѣ сѣять; всякое пашеное насѣвни прежде сѣвбы испытывать, чи можетъ оно проростать.

Досматривать, чтобы справедливо пашню гуженій на карби карбоваль.

Досматривать, чтобы релю добре выправлено, безъ упущенія времени сѣяно, дуки низко божено, сѣно добре гребено и кладено, пашню заблаговременно свожено до гужа, въ полѣ не крадено, скотомъ на нивахъ и въ полѣ не травлено, заблаговременно и добре молочено, солому и полову собираю и прятано.

Карби гуженіи осѣяни, солодовіи и броварніи щобъ въ порядкѣ били: карбъ одинъ чтобы былъ у прикажчика, а другій у гуженнаго.

Зъ подданныи не должно засѣдять, а ни съ ними упиваться. Мѣри справедливныя для мѣрванія пашни имѣть должно.

Зъ подданныи въ половину сѣвѣи не входить. Пустошей подданическихъ и монашарскихъ прикажчику на себе не засѣвати.

За уменьшеніе папщины подарковъ не брать.

Для подарковъ подданнымъ чашовъ на дальшее время не откладывать.

На себе шинковъ употреблять и промысловъ дѣлать не должно.

Смотрѣть, чтобъ подданныи засѣвали свои поля для того, что когда не засѣвають, готовятся исходить зъ подданства.

Въ книгу записывать по менамъ всѣхъ подданныхъ, якіи когда якую пашину отбывавъ и на какой работѣ былъ.

Пашки всегда по вотчинамъ, гдѣ только можно разводить, и содержать въ порядкѣ.

У подданныхъ для своей корысти пашни не покупать, бо то есть подзрительно.

Пашню завременно вымолочивать.

Пашню, если-бъ была продажна, на торгъ водъ мѣроу вывозить.

Чиншъ отъ подданныхъ въ опредѣленное годовое время отбирать, а при томъ надъ урѣченный чиншъ себе вничего не брать.

Пустоши засѣвающія подданныи монашарскіи должны отдавать на монашаръ третое, или по уговору.

Зъ скопа волни полтора фунта, зъ овци фунтъ, зъ ягнати полфунта волни брать.

Зъ четырехъ гусей брать фунтъ перья, каждую три раза въ лѣто подскубючи.

Зимю, въ дни короткіи, борошно за доброй дороги подводами припровозить въ монастырь.

А пѣшихъ подданныхъ, не имѣющихъ коней, ни воловъ, зимю, въ дни короткіи, до работи въ гумвахъ употреблять, а при томъ, въ тижъ короткіи дни, и заготовлять всякіи вѣти.

Въ тижъ дни, за краткость оныхъ, подданныхъ употреблять къ заготовленію въ способныхъ лѣсахъ дерева на строеніе и дрова на оналъ, и березове, ользове, и осинове дерево чтобъ село, не скоро гнило, на исходя мѣсяця, а соснове, хвоіюве, ялинове дерево по першему снѣгу, и тую деревню тамъ же складовать, а когда стануть большіе дни, за доброй дороги вывозить; а если тогда вывезти за чинъ будетъ не можно, то въ лѣтѣ въ непогодніи дни вывозить. Въ тижъ дни вечерами загадывать работникамъ, при дворѣ находящимся, вѣть веревки, робить рибніи сѣти и протчое, кто что можеть.

II. На исходя зимя заготовить дрова на борони, и тое дерево, то есть голлѣ, суччѣ, въ настатѣ мѣсяця рубить на борони. Борони, до твердои клеаватой роли или до новини употребляемъ, должны зъ крѣпкихъ голлей или зъ суковъ быть сдѣлани, а доска при сукахъ должны имѣть полтретья локтя въ должъ, а

дошокъ такихъ же зъ шестнадцать въ одну борону должно быть связано. Такая борона пальци каждаго тыждня должно заострять, а зъ сукровъ здѣланинъ шо разъ надобно въ воду намочовати, то моцѣйшіа будутъ и не поломяться.

III. На веснѣ, скоро земля только на долонку зверху розмерзниться, то затвердѣлю, которая отлогомъ лежала, ролю или новину подори, скибу подлѣ скибы владучи, а по зъораню пусть роля чрезъ двѣ недѣли висхнетъ, а потомъ знову въ должъ только заборонуй; то будетъ лень коштовнй, чистій и рослй. Когда же, по зимѣ, на веснѣ земля добре подсохнетъ, а свѣжна вода стечетъ или висхнетъ, то заразъ во імн Божіе орать, такъ чтобъ между ролею цѣлику не оставалось, а ежели трава подорана травястая была и полная цѣрею, то ожидать, пока трава зачнетъ сходитъ, потомъ заразъ добримн боронами въ должъ и поперець вибороновать.

IV. Скоро новина виорани будутъ, заразъ перше горохъ сѣять, и то есть первая сѣва; на горохъ же ролю виоравши, надобно побороновать и передъ сѣвою паки виорать, а по сѣвоѣ гороху третій разъ горохъ переорать. А если на томъ мѣстѣ, де хворостъ недавно витягъ, горохъ будетъ сѣянъ, то довлѣтъ два рази орать, и на такой ролю гороху подъ соху не сѣять, только бы за першимъ разомъ, по вишепоказанному, роля виорана була; такожь на ярую пшеницу, сѣмя лянное и овесъ довольно два рази орать, кромѣ если бы ярка яля пшевица на выпаленной новини сѣяна была; то можно на выпаленную землю сѣяти, потомъ переорать и забороновать. Овесъ можно два рази на ролю ораной сѣять, толко роля за першимъ разомъ по вишепоказанному виправлена була; также и сѣмя лянне разъ зъорать и перебороновать ролю, и смотрѣтъ, щобъ деряу и грудя не было, а когда черезъ день и другій провянетъ земля, то лень застѣй добре и заборонуй, а если и по втораниъ ораная роля грудя или дерячъ будетъ, то напередъ сѣви лпу вибороновать надобно.

Когда новина какава не подѣоравши випалена будетъ, ячмень вольно заразъ ва тую перепаленую землю, не орючи, сѣять, а посѣявши заорать и прибороновать; однакъ, если не добре випалена будетъ земля, хочабъ разъ и другій попередъ сѣви переорана була, на добраго ячменю не будетъ.

Если такая новина не могла добре випаляться, то лучше на ней гречку або жито посѣять. Ролю для сѣви ячменю и всякой пашни ва сходи мѣсяця переоровать и перебороновать должно, чтобъ перегнила, а коренне зелій погнуло.

Горохъ сѣяти на самоъ сходѣ мѣсяця или другаго дня по настатѣ мѣсяця.

Ярку и пшевицу на ново мѣсяцѣ или еще лучше подъ самую поляну; толко-бы того мѣсяця затменія мѣсяця не припало.

Сѣмя лянное сѣяти на сходѣ мѣсяця.

Ячмень сѣять на ново мѣсяцѣ, а особливо на свѣжомъ гною, на которому жито не росло; а на старомъ гною, на которомъ жито бывало, на старомъ мѣсяцѣ ячмень сѣять наилучше.

Гречку сѣять подѣ поляно, или когда съ поляни рушить мѣсяць.

V. Горохъ должно сѣять на ролѣ не дуже гнойной; иначе горохвины много, а струча мало, и то недоспѣлаго будетъ; на мѣрной однакъ, а не на яловой ролѣ горохъ мѣрно родится, хоть не великій въ зѣллѣ, но полный струча и трудъ надгродитъ. Въ твердую ролю и глееватую не должно гороху сѣять, для того, что его зѣллѣ окронтъ и вигубить. Шарая и зъ дробниии камечками мѣшаная земля наилучше на горохъ. Горохъ хорошо сѣять, когда восточнй и западнй вѣтеръ повѣваетъ. Зъ между востока и полудня вѣтеръ самйй найшкодливйй и до сѣвби не полезнйй. Полунощнйй во время сѣвби твердйй, а полуденнйй червнйй горохъ дѣлаеть, и пережбняеть его въ чернйй и малйй. Горохъ долженъ быть полною горстью сѣянйй.

Сѣвба гороху отъ 8 апрilia триваетъ до 20 апрilia, однакъ ранѣе и поздне, смотря по ролѣ и теченю мѣсяца, горохъ сѣять можно.

VI. Ярка на ролѣ нѣсколько песчанной наилучше родится, тожъ на новнѣ свѣжо-випаленой и на землѣ яловой ярку наилучше сѣять подѣ поляно мѣсяца и въ два дни по полнѣ. Ежели можно—подѣ вѣтеръ полунощнйй или восточнйй или западнйй.

VII. Ярую пшеницу лучше сѣять въ глинистой ролѣ, когда глина или глей шаравйй или бѣлавйй, въ настатѣ хѣсяца и подѣ поляно, когда вѣтеръ полунощнйй восточнйй или западнйй—все равно.

VIII. Овесъ сѣять на песчястихъ и яловнхъ роляхъ позднеше, а нѣсколько гнойнхъ роляхъ ранѣе овесъ сѣять подѣ скибу, а посѣявши подѣорать и потомъ по прошестви пяти или шести дней, побороновать добре, то будетъ добрйй овесъ. Наилучше сѣвба есть между первую квадратю и полнѣю мѣсяца и подѣ самую поляно, только-бы затмѣнйя не было. Вѣтеръ полунощнйй наилучшйй до сѣвби овса, да и восточнйй и западнйй добрйй.

IX. На яловой випаленой новнѣ, на свѣжйй заразъ пепель, не орючи, подѣ вѣтеръ восточнйй и западнйй сѣянйя зъ рѣдка ячмень той, которйй на гнойной роли прошлаго года уроднвся; а посѣявши поорать и добре забороновать. Ячмень сѣючи отвѣдовать прежде, весь-ли прорастаетъ, то добрйй къ сѣваню. Которйй ячмень на випаленой новнѣ уродился, тотъ до гнойной роли згодится на сѣвбу. Если сѣвба ячменю опоздаеть за чймъ; то взявши ячменю, намочить его въ водѣ часовъ на восемнадцатъ, потомъ помоченйй насипать у мѣхъ и положить на землѣ, чтобы лзякъ, и потомъ безъ дальнаго отлагательства горстию сѣять и заразъ подѣорать. Таковнмъ способомъ и на гнойной землѣ ячмень уродится. Еслнжбы новина была випалена, гдѣ скотъ и свнпѣ не биваютъ, и тая новина была-бъ подла и глиновата, то придать до ячменю, до сѣвби заготованнаго, четвертую часть жита свѣжаго доброго и посѣять, подѣорать и ввборонить надлежаще, то по снйатн ячменя за одною работою, на придучйй годъ, жито будетъ не худое.

X. На сѣмъ льяное ролю подьорать и побороновать, а передь сѣвбою паки сьорать, и давши той роли черезъ одинъ и другій день, чтобы ошла, полежать. Если-бы въ ней ще груди были, другій разъ перебороновать, а сѣять лень не густо. Если мѣсто крѣпкое отъ гною было, то сѣять лень между числами 28 апреля и 3-го мая. На прияловожь-же мѣстѣ сѣяти отъ 9 мая по 16. Раннюю лву сѣвбу на исходъ, а поздѣйшую на новѣ мѣсяцѣ отправляти. На роли послѣ жита въ гной добрій лень родится; но на мѣсцѣ, гдѣ прошлого года ярка была.

XI. Сѣячи въ добрую ролю ячень, ежели она не травяста и не зѣлената, сѣять оній ячень ранѣе, то есть отъ 19 апреля по 12 мая. Ежели жъ такая роля травяста и зѣлената, сѣять ячень поздѣе отъ 12 мая по 17-ое. На гнойной роли ячень не густо сѣяти, чтобы одно зерно другого не поглушило и большею частію въ траву не обратился и отъ гвалтоваго дождя не вилягъ. Ежели гнойной роли нѣтъ, — сѣять ячень и на подѣйшіи и добре управленной роля и забороновать; токмо потомъ навозитъ гною и оній добре руками, а не вилами, разбить, передробить и разслать, чтобы всходъ волю, якъ котя, и прорости могъ, а трава и зѣлде не множилося. Въ осень гной явезши и передь зимою подьоравши, жито на немъ посѣяти, а на прйдучее лѣто ячень на томъ мѣстѣ посѣять. Сѣвба ячменя во время вѣтра западнаго весьма, а полунощій вѣтеръ есть весьма вредній. На старожъ гною ячень сѣяти на всходѣ мѣсяца, а на свѣжомъ гною сѣяти на новѣ мѣсяцѣ, дабы на сѣянное купно зѣ гносемъ въ земля не погнуло.

XII. Остатна ярина сѣвба гречана. На доброй роля можно оную сѣяти на исходѣ мая; на роля средственной сѣяти мая около 14 или 18 дня.

XIII. Окончавши яринну сѣвбу, вывозъ гной на поляръ для жита, сколько можно, на исходѣ или на новѣ мѣсяца, и во время того поори оній, а ежели можно, побороной заразы; а въ мѣсяцъ або мало поздѣе, зновъ той гной переори и побороной, чтобы солнце гною не палило. На новѣ мѣсяцѣ вывозной гной не скоро солѣбеть, а на такой роля, послѣ жита, на прйдучее лѣто, если ячень будешь сѣяти, то червѣ на исходѣ мѣсяца переори и тогда посѣй. Потомъ на мѣсяцѣ для новина или для на сѣкп, дерева елину или хойлу вятнай на исходѣ мѣсяца. Послѣ той работи лукн коси, на котѣрихъ еслп хочешь, чтобы была всякаго рода трава добрая, вели оную на новѣ мѣсяца всегда косить. Ежели-же будетъ на исходѣ мѣсяца кошена, — не надѣйся травы доброй въ прйдучее лѣто.

XIV. Когда уже сѣвба житня наступаетъ, то тяжолоу и подѣйшую, такожъ витеребленую ролю напередъ засѣвай; тяжкую-же ролю за тиждень передь днемъ святыхъ апостолъ Спла и Сплуана 30 юля, и то полугорстію на сѣвнѣ беручи, засѣвай; понеже та ранняя сѣвба скорѣе вкорениться можетъ. На свѣжомъ же гною, за три дня передь днемъ семя Отроковъ 4-го августа, то есть 1-го августа, потомъ на новѣ мѣсяцѣ, или подь полною добре сѣяти. На гнойной свѣжей роля густо не сѣй, чтобы у прйдучее лѣто жито не полягло. Найлучше житня

сѣва биваетъ, когда восточній полунощній или западній биваетъ; во время-же полуденнаго вѣтра жито сѣяное гвѣтъ: сонце ему вредитъ и завременно дозрѣваетъ и подлое родится.

Смотрѣть надобно, чтобъ въ мокрую ролю и во время дождя жита не сѣяно, ничого съ того труда не будетъ. Ежелибъ роля была збитно мокрая, то великую глибоко сохою сягати и густо скиби складати, а потомъ зновъ подѣлать, чтобъ скоро оскла; потомъ подефъ и скоро заборонуй и такъ будетъ доброе жито, а иначе жалко будетъ труда. На боровазѣ рано не сѣй. Жито до пасѣня должно быть твердое, бѣлую муку въ собѣ имѣющее, доспѣлое, дробное, но полное. Чтобы черви жита сѣяннаго не портали, возми добрую горсть чеснока, сотри его добре и розведи бочкою води, или сколько треба будетъ. Пусть такъ черезъ 24 часа тая вода стойтъ, потомъ тою водою жито, которое сѣять имѣешь, накropи добре и пережъшай. Пусть такъ черезъ два дни полежать; потомъ сѣй, то будетъ безопасно отъ червей.

XV. Озимую пшеницу августа мѣсяца на твердой ролѣ сѣять, на сѣжкомъ гною; на овечьѣ-же гноя лучше ростеть. Августа на сходѣ мѣсяца лучше биваетъ, нежели тая, котру на новѣ мѣсяца сѣють; ибо на новѣ мѣсяца сѣяна въ жито пережъшается, и въ солому только удается, а поздѣше сѣяна колосиста биваетъ. Озимую пшеницу стараться, сколько можна, за суха жать, и въ маліи кони складати и чтобъ колосія въ середину били сложени. За вымолотомъ и въ осень поспѣшаться, понеже осенняя молотѣба четвертымъ зерномъ больше даетъ.

XVI. Лну ровному и рослому не давати стоять долго збитъ на пѣѣ, по завременно погоднаго дня зобрать и головки зъ пасѣнцемъ отсѣвши, имѣтъ въ поготовности мѣсто, на которомъ зъ звоини или елния, коли насажена вздолжъ, витятія зъ голяжи, на средини оставленими, побивши густо и нѣсколько жертями притиснувши, на тое логовиско головки подсѣченнии висипать, на локоть висотою одъ земли, и около тѣмъжъ голяжи оплести, якъ скряню, чтобъ вѣтеръ могъ проходить; тія головки травою чи соломою для дождя прикрить, и такъ висхнутъ безъ затненія. Самій-же лень въ воду обыкновеннимъ образомъ, такъ чтобъ подъ тяхиремъ четверть локтя въ водѣ былъ; ибо иначе зрудѣтъ и зопсуется, и то во время вѣтра восточнаго или западнаго, — полунощній вѣтеръ также западній весьма суть вредни. Ежелижбы по забвенію учинился о такомъ положеніи оныхъ вѣтровъ, то восточнаго вѣтра дождавшися, лень трохи витоптати, то поправится. Хотячи вѣдати, когда его зъ води вѣжати, возми зъ тридцать стебель мокнуцата, обвини ихъ разомъ на около пальца, ежели волокно отдѣлится отъ кострица, а кострица неламлется, то уже лень добрій, и избравши на сухомъ мѣстѣ сповками поставитъ не густо, чтобы не гняли: потомъ по врешествіи трехъ недѣлъ, трѣхъ его въ осѣтъ осушивши, отвѣдати стерти, и ежели въ треніи волокно отдѣлится, то его на жертяхъ развѣшати и отвѣдывати по вышешоказанному.

Мокрого лну въ осѣтъ не ставь, бо спортится. Головки къ насѣиванью по вышесказанному высушивши и не сушивши въ осѣтѣ, на току вымолотить; котороуже насѣива на сѣвбу скоронить имѣешь, то еще и въ осѣтѣ высушь, а потомъ вымолоти, ибо въ осѣтѣ не сушеное не будетъ скодить. Ежели на домовую потребу хочешь имѣть зень хорошій, оберя ролю, съ которои жито или пшевицу озвную собрано и которая подъ паромъ лежала, и тую ролю по знятѣ сѣри и такъ, якъ на горохъ, выправь и мягко виборонуй; потомъ снова персѣ сѣяніемъ за три дни оную сѣри и лень густо на ней посѣй и заборонуй добре. Передъ дозрениемъ сего лну вели его вирвать, а головки черезъ гребель деревянній одергать, и на землѣ заразъ розослать, чтобъ черезъ двѣ недѣли лежалъ; послѣ того времени перевернуть и пусть еще черезъ только времени полежать. Ежелижъ не виджался, znovu его переверни, но не на такъ уже долгое время. Ежели дожди на него часто будутъ падати, то частѣе его переворачуй, пока ажъ улежатся, что скоро познаешь. Улежалій лень въ снопы повязавши подъ прикрытие зложн; потомъ вскорѣ сѣри, то будетъ коштовнй лень, токмо насѣива отъ такого лну, яко прежде до зрѣнія вирваннаго, предадають.

XVII. Жито и иное збоже или пашню лучше серпомъ, нежели косою, собирати, бо чистѣе и стерня болшій—болшею пашею будетъ скоту въ полѣ, такоужъ, что безъ глюю звовъ жито, овесъ и гречка родятся. Зъ подъ коси только солома болша будетъ, а менше умолоту и не скоро отъ дождовъ висиваетъ. Ежелижъ еще безъ шкоди хочешь оставаться, вложи часни(къ?) между снопы, то того звѣр не порушить, такоужъ порохъ, между згребіе утертий и вложеннй на тое спосебнѣсть.

XVIII. Когда жито молотить, смотри, чтобъ добре молочено, по одному боку вымолотивши добре, поверочуючи на другій, znovu выбивать, потомъ долую солому vybrать и оную добре витрусивши, разложить рядомъ и вбить znovu, потомъ въ снопи связать и подымаючи граблями, чтобъ зерно на токъ випало, снова разовъ чотири выбять и такъ вымолотивши вынести. Когда хочешь хлѣбъ бѣлий съ того жита имѣти, то когда возять съ поля до гумна снопи, тогда ударено каждай до подобанья снопъ о стѣну колосами, чтобъ випало жито, сколько можеть, то будетъ съ того хлѣбъ бѣлий. Жито чтобъ подъ дахомъ отъ дожда было зложено. Жито скоро молотить надобно, ибо за откладаннемъ долгимъ четвертая часть въ солому пропадетъ. И то спосебъ добрій: околосоовать жито сирое, потомъ въ осѣтъ зложить и домолотить, бо сирій зъ сушеннымъ околотъ змѣшавши, дѣлаешь позорнее жито и прибитокъ въ мѣрѣ.

Когда ячмень молотить даешь, смотри по нѣсколько-краткомъ битіи и оборачиваніи чтобъ солома заразъ не вивошевана, бо половина колосовъ въ ней оставется. Еще-же по каждомъ битіи, солому не граблями, но вилами оборочать и выбивать znovu добре, пока надобно будетъ. Потомъ солому слегка граблями свять, берло зъ короткою соломою, которая въ весь осталася, погребать разпростерши

и добре выбить. Солому-же короткую чисто выгребши и еще злову разпростерши, берло оное поворочуючи, выколосовать ости отъ зерна; то будетъ чистый и свѣтлый ячмень. Овесъ-же и гречка удобно вымолочуются. Жито и иншая пашня наилучше вычистится лопатою зъ плѣвъ, на току выкидиваючи, потомъ на вѣтрѣ черезъ сито житное высѣваючи. Ежели жито або инша пашня стоколосовата, дарсоваяна, зѣлловата; то ея одною ручною лопатою два раза провѣявши, достаточно матемишь чистую.

XI. Во время косовици всегда, сколько можно, на новъ мѣсяцѣ до полни лунки сѣнокосиѣ косить потребно и притомъ смотрѣть надобно, чтобъ сѣна воыгаго или мокраго въ копечи и стога, такожь и въ гумна не кидано, вредное бо будетъ скоту и отъ такого сѣна на веснѣ скотъ здихать будетъ. Ежели непогода на сѣно упадетъ, сушатъ его такъ: вирубуютъ колья зъ голлемъ, загострюютъ ихъ и на полсажня одначь отъ другого въ землю вбиваютъ и сѣно на нихъ накладыютъ, не топчучи, чтобъ влехло, или на преплотахъ вывѣшуютъ, чтобъ его вѣтеръ и солнце осушило.

XII. Ставъ или сажалку хотячи имѣти, на захожденіи гребли, чтобъ долго тривала, спнъ глицу и землю на новѣ мѣсяцѣ, то наилучше сдѣлаешъ и досвѣдчишь. Гдѣ надобно, въ пристойныхъ мѣстахъ, загороды и хлѣви для скота, въ гумнахъ—шопи, а стодоли для званія пашни, оста или овини для сушенія пашни устраивать зъ вѣдожа и согласія общерастввенного. Въ осень стараться надобно, чтобы скотъ въ оборѣ или хлѣвѣ на гною не стоялъ, для того, что тогда влажность черезъ ноги въ скотъ втягается и въ утробѣ засѣдаетъ, и оттого на веснѣ скотъ здихаетъ; для того надобно тѣ загороды и хлѣвы, гдѣ скотъ въ осень содержится, соломою выстилать, которая не только скоту будетъ полезна, но потому зъ нея и гной или навозъ на роли будетъ полезенъ и надобенъ.

XIII. Рано и вечеръ должно осматривать коровъ и телятъ. Коровы когда выѣютъ телятъ, передъ тѣмъ черезъ двѣ недѣли водою теплою лѣтнею наповають ихъ, да и когда отелятъ, тое-жь чрезъ столько времени чинить должно.

XIV. Въ осень когда уже дожди начнутъ падать, тогда скотъ въ хлѣвахъ заимать, чтобъ ему вреда не было; а когда дождей нѣтъ, то тогда зъ скотомъ вопреки поступать, то есть зъ хлѣвовъ выгонять.

XV. Телята при коровахъ должны быть недѣль черезъ четыре или пять и чрезъ тое время не поить нишимъ молокомъ, для того, что тое имъ вредить.

XVI. По прошествіи пяти или четырехъ недѣль телята отлучать и по отлученіи давать имъ поило, которое такъ дѣлать: взять молока и вода по ровной части и придать сколько надобно муки овсяной, гречаной или ячменной и расколывши давать; а жывая мука телятамъ въ поилѣ вредить.

XVII. Не держать телятъ съ овцами, для того, что овцамъ не здорово и здихаютъ отъ того; а кромѣ того овцамъ сѣно дробное, хорошее давать, водою лѣтнею ихъ наповають.

XXVI. Когда уже телята недѣль двѣнадцать имѣть будутъ, тогда сдѣлай твердое тѣсто зъ якого хотя борошна, и когда телятъ имѣешь поить, розбій часть того тѣста въ водѣ, пока ажъ пѣна повстанеть, и если можно сиворотки примѣшавши, тѣмъ пойломъ лѣтнимъ наповай телятъ, а тое тѣсто що дня свѣжое готовить.

XXVII. Лучше учинишь, когда сѣномъ въ лѣтѣ, а не травомъ кормить телятъ будешь, по крайней мѣрѣ іюля по 14-е число, то есть до святого апостола Акули, а еще лучше учинишь, когда телятъ до полтора года или черезъ годъ съ четвертю на свѣѣ содержишь. Однакъъ наилучше молодой скотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ среднихъ чиселъ на полѣ выпускать; а чѣмъ ранѣе прежде того выпустишь, тѣмъ скорѣе можно имъ поздыхать; токмо на молодую траву, ни на стерню, гдѣ жито было, ни туда гдѣ покосено траву, не выпускай.

XXVIII. Коровы дойніе въ лѣтѣ когда придуть до дому, призвичаить до поила тако: имѣть корито на способномъ мѣстѣ, и въ тое собирать помой отъ всякихъ петравъ яриннихъ, рибнихъ, мясныхъ и прочіихъ въ той помийной водѣ, наваривши цвѣтовъ не вредныхъ въ котлѣ и змѣшавши зъ поміями, когда приходятъ коровы о полудни, тѣмъ поить: то будетъ молоко доброе, сметана хорошая, тлустая, масло желтое, тлустое, и самимъ коровамъ тое весьма здорово такъ, что послѣ они стоячи и на соломѣ не худнуть, и телята сити и хорошии будутъ, и отъ напованнѣихъ такимъ образомъ коровъ далеко болшъ будетъ масла и сира.

XXIX. Телятъ молодѣихъ смотрѣть, сколько они зубовъ имѣють, и если которе зубовъ осемъ или семь имѣеть, такое рѣдко विकормится, но сходнѣе его продать на убой.

XXX. Корова если на обонхъ бокахъ бородавки въ губѣ имѣеть, то на сходѣ мѣсяця оны повирѣзуй; а иначе сосзнетъ и здохнетъ.

XXXI. Посуду чистую до молока имѣть, сметану збирать, масло, сира чисто робить.

XXXII. Овцамъ на готованную утробу лѣкарство такъ дѣлать: взять хмѣлю, которой на сдѣланномъ павѣ остается, и оной зъ полинемъ отварить, сверхъ того налить росолу отъ соленого мяса волового и давать овцамъ пять, то отъ того они выздоровѣють.

XXXIII. Солодъ, на земли или на току въ солодовни усушевіи, выдасть желтавое, здоровое и доброе пиво. Солодъ не добре впрощеніи мало пива выдасть, а на збитъ впрощеніи, такъ что ажъ траву пуститъ, выдасть пиво не годное, для чего смотрѣть надобно, чтобъ солодъ былъ въ мѣру впрощенъ, а не на збитъ или не добре впрощенъ. Солодъ змелений, который не полежаитъ, больше пива добраго выдасть. Для того солодъ завременно треба молотъ. Солодъ умолотій видихается, для того солодъ змоловши до пива, надобно въ кадуба зспавши добре прикрять.

XXXIV. Для дѣланія солода старатися имѣть свою солодовню.

XXXV. Хмѣль огородній между листочками имѣеть насѣвничко жолтое, дробное, якъ пиль; а хмѣль лѣсний крупный, якъ конопляне сѣмя. Хмѣль чтобъ былъ зрѣлый, ибо отъ незрѣлого пиво кваситѣть. Хмѣль чтобъ не видзался, надобно, добре высушивши, въ дѣжка и кадуби зкласть и накрывъ въ сухихъ мѣстахъ содержать по разнымъ сортамъ, т. е. крупный и мелкий особливо разобрать.

XXXVI. Въ мартѣ на слодѣ мѣсяця варить пиво и на вареніе оваго брать воду зъ рѣки или зъ ставу: то долго будетъ тривать.

Подлянявикъ подписали: Кіево-Выдубецкаго монастыря игуменъ Іаковъ, нашістикъ іеромонахъ Іоанникій, соборній старецъ іеромонахъ Спиридонъ, дузовникъ іеромонахъ Парфеній, іеромонахъ Нектарій казначей, іеромонахъ Гавріилъ эконномъ.

Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.

Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ.

Послѣ раздѣла Польши, случай въ родѣ приводимаго въ названной запискѣ, не единственный. Преобразуемые на манеръ католическихъ, русско-уніатскіе монастыри, въ теченіи XVII ст., добились полной независимости отъ своихъ митрополитовъ и епископовъ и сплотились въ одно стройное цѣлое, съ названіемъ базилианскаго ордена, подѣ властію собственныхъ протоархимандритовъ. Базилианскій орденъ сталъ послушнымъ орудіемъ римской куріи, которая нерѣдко сама распоряжалась его огромными доходами. Раздѣлъ Польши разбилъ на части конгрегацию уніатскихъ монастырей, создалъ для нея цѣлый рядъ затрудненій и былъ одною изъ главныхъ причинъ паденія ея впослѣдствіи. Нѣкоторые изъ монастырей отошли подѣ власть Австріи, туда-же временно отошла и бывшая холмская епархія, другіе возвращены Россіи, при чемъ административныя и экономическія отношенія разрозненныхъ частей базилианской конгрегациі совершенно перепутались, такъ что напримѣнія и доходы находились въ одномъ государствѣ, а ихъ распорядители и получатели въ другомъ. Терявшіе на этомъ прибѣгали къ хитростямъ, которыя не всегда удавались. Одинъ изъ такихъ случаевъ хитро задуманнаго, но неудавшагося обмана представляетъ настоящая записка.

Тимошей Ивановичъ Тутолмень былъ первымъ генералъ-губернаторомъ возвращенныхъ отъ Польши, во время послѣдняго ея раздѣла, юго-западныхъ нашихъ провинцій; ему подчинены были новообразованныя тогда губерніи: мивская, волынская, подольская и брацлавская, въ скоромъ времени вновь переформированныя.

Впослѣдствіи ,при имп. Павлѣ I, онъ поплатился арестомъ за свой твердый образъ дѣйствій, вслѣдствіе интригъ и доносовъ польской шляхты, но успѣлъ оправдаться. Въ 1806 г. онъ устраивалъ милицію, а въ 1809 г. помогалъ Сперанскому въ образованіи государственнаго совѣта.

Вотъ текстъ записки арх. Корсака и состоявшейся по ней резолюціи Тутоллина.

(переводъ съ польскаго).

Въ 1789 году преосв. Важняскій изъ архимандрита жидичинскаго возведенный въ санъ холмскаго епископа, для поправленія матеріальнаго положенія этого епископства, исходатайствовалъ въ Римѣ разрѣшеніе на уплату ему ежегоднаго жалованья деньгами и годовымъ сборомъ хлѣба изъ доходовъ жидичинскаго монастыря.

Я, какъ преемникъ его по архимандріи, обязался платить этотъ тяжелый налогъ и выплачивалъ его до тѣхъ поръ, пока холмское епископство находилось подъ властью польской короны. А такъ какъ теперь холмское епископство находится во владѣніи всемилостивѣйшаго римскаго императора, а я съ своей архимандріей состою въ подданствѣ императрицы всероссійской Екатерины II-й, то и отъ дальнѣйшей уплаты такого тяжелаго налога отказался, боясь совершить преступленіе противъ высочайшей монаршей воли, выраженной въ указѣ всемилостивѣйшей императрицы, данномъ 17 января 1782 года, въ которомъ сказано: „чтобы всѣ монахи католическаго исповѣданія не зависѣли ни отъ какой духовной власти внѣ нашей имперіи; высылать имъ доходы или часть таковыхъ, или-же имѣть къ нимъ какое либо отношеніе, подъ страхомъ отвѣтственности за преступленіе неисполненія предписаній высшей власти, запрещается“. Преосв. Важняскій, не имѣя возможности потребовать у меня жалованья отъ своего имени, поручилъ владимірскому базилианскому монастырю взять его отъ меня, *какъ будто-бы удовлетвореніе за позанимствовавшую у него (Важняскаго) сумму денегъ*. Архимандрія моя находится въ волынской губерніи въ луцкомъ округѣ и потому владимірскіе базилиане, начавши со мною тяжбу въ уѣздномъ судѣ этого округа, получили рѣшеніе въ ихъ пользу:

чтобы слѣдующаго 23-го мая, по счету дней римскаго календаря, рассмотреть ежегодныя квитанціи въ выплатѣ вышеупомянутаго жалованья и что *будетъ слѣдовать за невыплаченныя годы 1794 и 1795 г., мнѣ приказано (названное жалованье) уплатить владимірскимъ базилианамъ.*

Падежъ скота, пожары и пребываніе здѣсь войскъ всемилостивѣйшаго императора римскаго привели фольварки моей архимандріи въ несчастное и бѣдственное положеніе, а плата упомянутаго жалованья будетъ для моей архимандріи послѣднимъ разореніемъ. Вслѣдствіе такихъ причинъ истощенія моихъ доходовъ, обращаясь къ высокому покровительству и высокой власти, поборнѣе прошу ваше превосходительство уволить меня отъ уплаты этого тягостнаго жалованья, установленнаго въ пользу доходовъ холмскаго епископства, которое находится внѣ російской имперіи, а владимірскимъ базилианамъ пусть будетъ приказано остановиться съ приведеніемъ въ исполненіе тягостнаго рѣшенія, какъ происшедшаго по *дологательству и притисненію со стороны холмскаго епископа.*

Флоріанъ Корсакъ, жидичинскій архимандритъ.

Копія резолюціи генералъ-аншефа, минскаго, волынскаго, брацлавскаго и подольскаго генералъ-губернатора, Туттолмина, луцкому земскому суду:

Изъ прилагаемой при семъ записки жидичинскаго архимандрита Флоріана Корсака оказывается, что дологательство владимірскихъ базилианъ незаконно и подыскано только для выгоды заграничной духовной власти. Вслѣдствіе чего, предписываю луцкому земскому суду дѣло, начатое по этому иску, не выдавая по нему никакого рѣшенія, отослать при рапортѣ въ волынское намѣстническое управленіе, какое, по открытіи волынской губерніи, по закону всемилостивѣйшей императрицы (будетъ) установлено.

Туттолминъ.

5-го іюля 1796 года.

Сообщая В. Т. М — чь.

Указъ имп. Екатерины II объ учрежденіи малороссійской коллегіи *).

Указъ нашему сенату.

По всемилостивѣйшемъ отъ насъ увольненіи графа Разумовскаго, по прошенію, отъ гетманскаго чина, повелѣваемъ нашему сенату для надлежащаго въ Малой Россіи управленія учредить тамъ малороссійскую коллегію, въ которой присутствовать главнымъ: нашему генералу, графу *Румянцеву* и съ нимъ четырьмя великороссійскимъ членамъ изъ генералитетскихъ и штабъ-офицерскихъ чиновъ, да изъ малороссійскихъ-же старшинъ четырьмя-же членамъ. Великороссійскимъ всемилостивѣйше опредѣляемъ мы нынѣ генераль-маіора *Бранта*, да полковника князя *Платона Мецгерскаго*, на протчія-жь двѣ вакансіи избравъ сенату немѣдленно кандидатовъ къ намъ представить; а малороссійскихъ — обозного генералнаго *Кочубея*, писаря генералнаго *Туманскаго*, асаула генералнаго *Журавку*, да хорунжого *Данила Апостола*; избрать и находячюся не у дѣль подполковника *Семенова*, а секретарей — одного изъ великороссійскихъ, а другого изъ тамошнихъ, такъ-же и дру-

¹⁾ Заимствуемъ этотъ документъ изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ обширнаго некогда архива В. С. Попова. Онъ былъ отвѣтомъ на прошеніе гетмана Разумовскаго и малороссійской шляхты о возстановленіи прежнихъ малороссійскихъ правъ и привилегій, помѣщенное въ Юрьевской книжкѣ «Кіев. Старинъ» на 1883 г., и составляетъ начало подведенія Малороссіи подъ общегосударственные законы и формы управленія. Любопытно въ немъ это уравниваніе въ новомъ главномъ управленіи элементовъ малорусскаго и великорусскаго, равно вправивваніе чиновъ великороссійскихъ къ малороссійскимъ. — Р е д.

гихъ нижнихъ канцелярскихъ служителей выбрать ему графу Румянцеву по своему разсмотрѣнію.

Мы, желая, чтобъ между опредѣленными въ сію коллегію чинами никакого различія не было и каждой мѣсто свое по чину старѣйшинства занимать могли, всемилостивѣйше жалуемъ сихъ малороссійскихъ чиновъ уравненіемъ у классахъ съ великороссійскими нижеслѣдующими чинами, а именно: обозного генералнаго Кочубея генераль-маіорскимъ, писаря генералнаго Туманскаго чиномъ статскаго совѣтника, асаула генералнаго Журавку и хорунжого Апостола полковничими.

А какіе у прошломъ 1763 году, по имянному нашему указу, учрежденни въ Малой Россіи суди подкоморскіе и суди земскіе, въ каждомъ полку по два, а въ нѣжинскомъ три, въ которне и опредѣляются подкоморне, судьи, подсудки и писарѣ, выборомъ къ тому повсегодно, яко временные, то новелѣваемъ и симъ, пока они въ такихъ по выборамъ званіяхъ будутъ, считаться заурядъ, а именно: подкоморимъ — первымъ по полковникѣ малороссійскомъ, судьямъ земскимъ съ первостатейными бунчуковыми товарищи, по старшинству, подсудкамъ съ бунчуковыми второстатейными, писарямъ земскимъ противъ асауловъ полковыхъ, по старшинству, а вознимъ быть первымъ подъ сотникомъ малороссійскимъ.

Сему, за пеніиіемъ нынѣ гетмана, опредѣленному отъ насъ главному малороссійскому комендиру быть въ такой силѣ, какъ генераль-губернатору и президенту малороссійской коллегіи, гдѣ онъ по дѣламъ суда и росправи имѣеть голоси предсѣдателя по генералному регименту, а въ протчихъ дѣлахъ, яко-то въ содержаніи въ народѣ добраго порядку, общей безопасности и исполненія законовъ, долженъ онъ поступать съ властію губернаторскою, то есть какъ особливый повѣренный нашъ въ отсутственномъ мѣстѣ.

Запорожской Сѣчи, которая состояла подъ вѣдомствомъ гетмана, быть нынѣ вѣдомой въ семь правительствѣ малороссійскомъ.

Въ разсужденіи-же излишнихъ предъобыкновенныхъ расходовъ, которые въ семь званіи имѣть должно, всемилостивѣйше жалуемъ ему графу Румянцеву, сверхъ настоящаго по чину его жалованья, зъ тамошнихъ доходовъ по четырѣ тысячѣ рублевъ на годъ столовихъ денегъ,

да на генералъ-губернаторскій урядъ—вѣдомства кучеровскаго село Кучеровку, съ принадлежащими къ нему селами и хуторами, да село Середину Буду.

На копіи значится, что подлинной подписанъ ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

Состоялся 1764 году
ноября 10 дня.

Бібліографія.

Київскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія). Т. 1-й. С. Голубева. Киевъ. 1883 г. 1225 стр.

Митрополитъ кievскій Петръ Могила былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей на югѣ Россіи въ 1-й половинѣ XVII вѣка и игралъ наиболѣе выдающуюся, главную, можно сказать, роль въ борьбѣ за православную вѣру и русскую народность. При немъ прочно укрѣпились прежде существовавшія и новыя учреждались церковныя братства, открывались школы, заводились типографіи, издавались книги и посланія въ защиту православія, исправлялись богослужебныя книги, очищалась и прочно организовалась церковная обрядность. Онъ возвратилъ права западно-русской церкви, попортившия униєю, возстановилъ изъ развалинъ древніе православныя храмы, основалъ кievскую академію, имѣвшую великое вліяніе на церковную и гражданскую жизнь южной Руси и проложилъ путь къ воссоединенію южно-русскаго народа съ сѣверо-восточными братьями по вѣрѣ и крови.

Къ сожалѣнію, доселѣ у насъ не было полного научнаго очерка этой великой личности. Г. Голубевъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ на розысканіе и изслѣдованіе матеріаловъ, относящихся къ лицу и дѣятельности митроп. Петра Могилы, весьма успѣшно полагаетъ начало исполненію этого недостатка нашей русскои исторіи своимъ сочиненіемъ, въ которомъ собрано значительное количество неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ, добытыхъ имъ при поѣздкахъ въ Москву, С.-Петербургъ, Варшаву, Краковъ и Львовъ, и дѣятельность Петра Могилы рассмотрѣна въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческыхъ событій этого времени. Вышедшій первый томъ, обнимающій собою періодъ дѣятельности Петра Могилы до вступленія его на кievскую митрополию, составляетъ только меньшую часть труда г. Голубева, между тѣмъ онъ заключаетъ

въ себѣ 559 страницъ изслѣдованія и 576 стр. приложений, какъ матеріаловъ для исторіи западно-русской церкви. Въ изслѣдованіи изложены свѣдѣнія о рожденіи, воспитаніи и первыхъ годахъ жизни Петра Могилы, о вступленіи его и посвященіи на кіево-печерскую архимандрію; попытки къ соглашенію униатовъ съ православными, съ очеркомъ дѣятельности Мелетія Смотрицкаго и свѣдѣніемъ о соборахъ кіевскихъ 1627 и 1628 г., городскомъ 1628 и львовскомъ 1629 г.; состояніе кіево-печерской обители въ XVI вѣкѣ и дѣятельность Петра Могилы въ управленіи этою обителью; состояніе просвѣщенія въ юго-западной Руси въ концѣ XVI вѣка и мѣры Петра Могилы къ восполненію его недостатковъ; движеніе въ средѣ южно-русскаго общества, вызванное смертію Сигизмунда III, участіе Петра Могилы въ этомъ движеніи предъ конвокаціоннымъ и избирательнымъ сеймами и избраніе Петра Могилы на митрополію кіевскую; посвященіе его въ санъ митрополита въ Львовѣ, пріѣздъ въ Кіевъ и отобраніе кіево-софійскаго собора отъ униатовъ. Изложенію каждаго изъ этихъ предметовъ предпосланъ критическій разборъ существующихъ о немъ мнѣній, а равно источниковъ; все сочиненіе изложено точнымъ, чистымъ и яснымъ языкомъ, вполне соответствующимъ важности предмета. Авторъ обѣщаетъ еще издать отдѣльною брошюрой, въ качествѣ введенія къ своему сочиненію, очеркъ исторіи западно-русской церкви въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, а къ 2-му тому своего сочиненія приложить указатель личныхъ именъ и географическихъ названій. Душевно радуемся такому почтенному труду молодого ученаго, который можно считать цѣннымъ вкладомъ въ церковно-историческую науку литературу, и искренно желаемъ его окончанія.

15-е іюля.

П. Л.

О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г. (Перепечатано изъ единственнаго сохранившагося въ Черниговѣ экземпляра).

Брошюрка, заглавіе которой мы выписали, заключаетъ въ себѣ всего лишь 47 страничекъ, in 8°, и представляетъ краткій очеркъ исторіи Чернигова и его древностей. Въ научномъ отношеніи ея содержаніе не имѣетъ никакого значенія. Существуютъ гораздо лучшимъ описаніямъ Чернигова въ историческомъ отношеніи, напр. Маркевича, изданное въ 1852 г., арх. Филарета — Историко-статист. описаніе черниговской епархіи, Шафонскаго — въ сочиненіи «О черниговскомъ нахѣтничествѣ», не говоря объ изслѣдованіяхъ чисто историческаго характера, какія находимъ

у Соловьева, Иловайскаго и др. Историческая часть брошюры г. Маркова наполнена большими неточностями, невѣрностями. Если и есть вѣрные сообщенія, то для незнакомаго съ предметомъ весьма трудно отдѣлать ихъ отъ искаженій историческихъ фактовъ.

Было-бы малопродуктивнымъ трудомъ входить въ разборъ погрѣшностей автора этой давно изданной и теперь повторенной брошюры, могущей интересовать весьма немногихъ, преимущественно изъ мѣстной черниговской публики. Нѣкоторые изъ ошибокъ автора такъ очевидны, что едва-ли введутъ кого либо въ соблазнъ; таково напр. положительное его увѣреніе о томъ, что Черниговъ былъ подчиненъ кievскимъ князьямъ въ 884 г., когда мы не можемъ даже сказать, Олегъ или кто другой изъ князей заставилъ повиноваться Киеву племя сѣверянъ. Таблица преемственного правленія князей (7—8), составленная г. Марковымъ, полна неточностей и невѣрностей. Говори о судьбѣ Брянска, авторъ утверждаетъ, что «по кончинѣ князя Романа городъ сей присоединенъ къ владѣніямъ великихъ князей Владимірскихъ». Это уже полная историческая нелѣпость. Брянскъ самостоятельно продолжалъ существовать до 1355 г. и потомъ былъ присоединенъ къ Литвѣ, послѣ чего и вся разбитая на мелкіе удѣлы сѣверская земля признала власть князей литовскихъ. И много такихъ промаховъ въ брошюрѣ, доказывающихъ полную несостоятельность ея въ научномъ смыслѣ. Для чего-же повторено ея изданіе? Она имѣетъ нѣкоторое значеніе совершенно въ другомъ отношеніи — своими историко-топографическими свѣдѣніями. Въ то время, когда она писалась, въ Черниговѣ сохранялось еще много остатковъ старины, слѣды которыхъ постепенно все болѣе и болѣе изглаживаются.

Не смотря однако на такое ограниченное значеніе повторенія этого изданія, нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ такому дѣлу, особливо, если оно приметъ болѣе широкіе размѣры. Объ этомъ послѣднемъ, по поводу перевыданной брошюры, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Дѣло въ томъ, что съ начавшимся въ нашей исторической наукѣ развитіемъ областного метода разработки исторіи получаетъ особое значеніе исторія городовъ древней Руси. Между тѣмъ Черниговъ игралъ видную роль, какъ центръ сильнаго племени сѣверянъ, въ удѣльно-кнѣжеской періодъ русской жизни. Разверните лѣтописи, и вы увидите тамъ, что первыя событія удѣльнаго періода связаны съ именами столько-же почти Чернигова, какъ Кіева и Новгорода Великаго. Весь періодъ отъ 1054 г. до 1241 г. Черниговъ въ постоянной борьбѣ. Онъ борется за свою самостоятельность противъ притязаній Кіева, поддерживаетъ своихъ князей въ борьбѣ за права старѣйшинства въ русской

землѣ, энергически противится зародившемуся на сѣверѣ московскому направленію, и въ лицѣ Ольговичей вдается въ огромное предпріятіе—соединить въ рукахъ своего рода всѣ южныя области. Въ связи съ политическимъ значеніемъ его стояла и торговля, и промышленность. Еще въ IX в. мы видимъ его торговыя сношенія съ Византіей и востокомъ. Еще въ это время, какъ видно изъ данныхъ археологій, племя сѣверянь стояло на довольно высокой ступени культуры. Богатства Чернигова были извѣстны на Руси, и память о золотой казѣ черниговской сохранилась въ былинахъ.

Всей своей прошлой жизнью, полной иногда глубокаго трагизма, Черниговъ заслуживаетъ вниманія историка. И однако, изученіе его прошлаго оставалось доселѣ въ тѣни, немного сдѣлано даже для собранія матеріаловъ по его исторіи. Въ прежнее время его судьбами занимались больше; много цѣнныхъ статей этнографическаго и историко-топографическаго содержанія помѣщалось въ «Черниговскихъ губери. Вѣдомостяхъ», которыя въ настоящее время недоступны для пользованія историка. Намъ казалось-бы, что тѣмъ, которые сдѣлали теперь перепечатку брошюры Маркова, если они заинтересованы исторіею своего города и края, весьма не мѣшало-бы выбрать, если еще существуетъ хоть одинъ полный экземпляръ мѣстныхъ Вѣдомостей, всѣ статьи этнографическаго и историко-топографическаго характера и переиздать ихъ снова, съ указаніемъ, въ какомъ году и кѣмъ первый разъ статья напечатана. Историческое общество преш. Цесара лѣтописца постановило издать программы для собраній этнографическаго матеріала, куда должны войти не только бытовыя черты, но и всѣ преданія, приуроченныя къ извѣстнымъ мѣстностямъ, описанія сохранившихся остатковъ старины. Въ переизданныхъ статьяхъ, писавшихся нѣкогда старожилами, напелсд-бы, можетъ быть, отвѣтъ не на одинъ вопросъ его программы.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1883 года.

30-го іюля.

*О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I.
А. Маркевича. Одесса. 1883 г.*

Сочиненіе, заглавіе котораго выставлено, заключаетъ въ себѣ одинадцать отдѣленій. Самое важное изъ нихъ второе, носящее заглавіе: *Библиографія русскихъ лѣтописей*. Въ этой части названнаго труда довольно полно собраны указанія о всѣхъ вышедшихъ сочиненіяхъ по вопросу о лѣтописяхъ; сверхъ того нѣсколько дополненій къ этому-же

предмету сдѣлано въ концѣ книги. Чтобы вѣрнѣе оцѣнить трудъ г. Маркевича, необходимо начать съ разрѣшенія вопроса: для кого и съ какою цѣлю онъ предпринять, ибо тогда ясно будетъ, на сколько онъ достигаетъ хотя предположенной цѣли, если нельзя признать за нимъ безотносительнаго научнаго достоинства.

Названіе книги г. Маркевича даетъ понятіе, что это лекціи по историографіи, и конечно для воспитанниковъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, при которыхъ авторъ состоитъ преподавателемъ. Но какова бы ни была практическая цѣль подобнаго изданія и для кого-бы оно ни предназначалось, общія научныя основанія должны быть въ немъ выдержаны, главныя задачи историографіи должны быть удовлетворены. Такъ-ли поступилъ г. Маркевичъ? Историографія имѣетъ двѣ главныя задачи: во 1-хъ критическій анализъ источниковъ первой руки и свѣдѣнія о нихъ, и во 2-хъ изложеніе исторіи изученія извѣстнаго вопроса, въ генетическомъ его развитіи. Это такъ сказать двѣ части этой науки и вторая изъ нихъ должна *непременно* слѣдовать за первой, потому что только послѣ ознакомленія съ самимъ источникомъ можно критически отнестись ко всѣмъ тѣмъ теоріямъ и ученіямъ, которые могутъ о немъ существовать. Когда авторъ выставилъ заглавіе «О лѣтописяхъ», мы въ правѣ ожидать, что онъ представитъ намъ изученіе лѣтописи на основаніи ея же самой. Но этого нѣтъ. На всѣхъ 183 страницахъ мы видимъ только перечисленіе чужихъ мнѣній и ни одного факта. Можетъ быть, авторъ хотѣлъ изложить исторію изученія лѣтописи? Въ такомъ случаѣ онъ неправильно озаглавилъ свое произведеніе. Но если допустить такую частнѣйшую цѣль его труда,—авторъ идетъ къ ней не вѣрнымъ путемъ. Можно-ли получить ясное понятіе о томъ, какъ развивалось изученіе вопроса о лѣтописяхъ, когда я вижу лишь рядъ мнѣній, повторяющихся безпрестанно по всякимъ мельчайшимъ деталямъ вопроса? Для полнаго и яснаго пониманія этого вопроса необходимо раздѣлить существующія теоріи по извѣстнымъ группамъ или школамъ, показать, какъ онѣ способствовали уясненію вопроса, какъ старанія одной школы отстоятъ свое мнѣніе содѣйствовали развитію теоріи другой. Ничего подобнаго у автора нѣтъ, а стало быть, и какъ вторая часть историографіи о лѣтописяхъ, книга г. Маркевича не имѣетъ научнаго, а потому самому и практическаго значенія.

Нѣкоторые мѣста книги г. Маркевича наводятъ на мысль, будто онъ желалъ быть вѣренъ своему заглавію, хотѣлъ представить не исторію изученія вопроса о лѣтописи, а анализъ самой лѣтописи. Къ этому приводятъ какъ названія главъ, такъ и сдѣланные въ нихъ нѣкоторые выводы. На страницѣ напр. 113 авторъ говоритъ: «На основаніи всѣхъ

этих соображений надо признать, что сохранившаяся древняя летопись написана не пр. Несторомъ, а самая летопись Нестора могла войти въ нее лишь въ качествѣ одного изъ источниковъ. На чемъ однако основываются у автора этотъ и другіе выводы? Какіе факты *изъ самой летописи и изъ источниковъ первой руки* приводятъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія? Никакихъ и ровно никакихъ. Онъ утверждаетъ такъ на основаніи только чужихъ мнѣній. И это первое попавшееся намъ въ руки сочиненіе, въ которомъ серьезные вопросы рѣшаются не на основаніи научныхъ данныхъ, а только чужихъ соображеній. На страницахъ 107—113 читатель найдетъ только: Погодинъ и Бутковъ думаютъ такъ-то, Шевыревъ рѣшаетъ такъ-то, Голубинскій—иначе... все въ этомъ родѣ. Приводится всѣ эти мнѣнія, какъ аксіомы, при чемъ не видно даже, на чемъ каждый изъ нихъ основывалъ свой выводъ. Вотъ, напр., какъ представляется у г. Маркевича положеніе вопроса о летописи Нестора: «Вопросъ (о различіи фактическомъ между житіемъ Бориса и Глѣба и летописью) былъ рѣшенъ сочиненіемъ Виларскаго, указавшаго на несогласную разницу въ языкѣ обоихъ памятниковъ, доказывающую непринадлежность ихъ одному и тому лицу, Липинюковъ былъ склоненъ отрицать даже принадлежность житія св. Бориса и Глѣба пр. Нестору, чтобы защитить принадлежность ему летописи, но безъ всякихъ доказательствъ. Такое-же мнѣніе недавно высказалъ и Н. Владимірскій, разобралъ всѣ предыдущія мнѣнія; но для него является, повидимому, несомнѣннымъ фактъ, что летопись писана пр. Несторомъ: онъ даже объ этомъ и вопроса не подымаетъ. За принадлежность-же пр. Нестору житія стоятъ такіе крупныя авторитеты, какъ митр. Макарій и Срезневскій. Летописное житіе св. Бориса и Глѣба, кажется, сокращено изъ «Сказанія страстей» и «Похвалы объ убіеніи святаго мученика Бориса и Глѣба» Іакова Мнixa; такъ полагаютъ Сухомлиновъ, Срезневскій и мн. друг.; но и это оспариваютъ. Иные писатели (напр. Бутковъ) считали летописный рассказъ о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшею вставкою въ древнюю летопись». Послѣ этого перечисленія мнѣній различныхъ ученыхъ можно было-бы ожидать, что авторъ «воздастъ кому-ждо по дѣломъ его». Но, нѣтъ; авторъ не вошелъ въ разборъ ихъ мнѣній, не привелъ ни одного факта въ подтвержденіе или опроверженіе того или другаго, а прямо переходитъ къ выводу, который выше нами указанъ: «На основаніи всѣхъ этихъ соображеній...» и т. д. На стр. 152 читаемъ «Преданія объ Игорѣ и Ольгиной местн... Они относятся къ цѣлу преданій (народныхъ, по мнѣнію Хрущова) о завоеваніи древлянской землн. Хрущовъ видитъ въ этихъ преданіяхъ сліяніе двухъ рассказовъ (по Срезневскому—летописныхъ). Нѣкоторыя подробности, находящіяся

въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, едва-ли могутъ быть отнесены къ раннему времени» (152). Что изъ этого понять и принять можно? Тутъ на каждомъ шагѣ надо спросить: почему? Въ такомъ-же родѣ стр. 154-я, гдѣ приводятся лѣтописныя преданія, безъ всякихъ фактическихъ указаній. Въ другомъ мѣстѣ авторъ спрашиваетъ: «кто такой этотъ рассказчикъ Василій?» и отвѣчаетъ: «Карамзинъ видѣлъ въ немъ священника галицкой области; но Бутковъ (Оборона) отвѣчаетъ, что при обращеніи къ нему князей они не разу не называютъ его: *отче*, какъ это было обычно въ то время относительно духовныхъ лицъ. Татищевъ, на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, сообщаетъ, что Василій на Волыни осматривалъ училища. Наконецъ, Хрущовъ приводитъ *нѣкоторыя соображенія* объ отношеніяхъ Василія къ Выдубицкому монастырю. «(161). Кто-же такой въ концѣ концовъ этотъ Василій? Что думаетъ о немъ самъ г. Маркевичъ?—Подобнымъ образомъ трактуетъ авторъ на стр. 132-й о Меодіѣ Патарскомъ, а на стр. 163-й о первой части лѣтописи, приводитъ мнѣнія гг. Костомарова, Соловьева, Вустужева-Рюмина, Хрущова, безъ всякаго ихъ обсужденія и провѣрки фактическими данными. Авторъ игнорируетъ ту простую истину, что мнѣнія ученыхъ, какъ-бы они не были авторитетны, не могутъ служить основой для выводовъ.

Мы ограничиваемся этими указаніями. Ихъ можно было-бы привести гораздо больше, но размѣры журнальной рецензіи не даютъ намъ для этого возможности.

Приводя постоянно чужія мнѣнія, ссылаясь на нихъ, авторъ наводитъ тѣмъ на мысль, что самъ онъ недостаточно знакомъ съ лѣтописями; и не отъ того-ли и зависитъ полная неопредѣленность и шаткость его взглядовъ относительно такихъ важныхъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о лѣтописной хронологіи? Не входя въ подробности этого вопроса и мнѣній о немъ автора, не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее мѣсто его книги. «Нельзя, говоритъ онъ на стр. 90, отрицать, что нѣкоторые лѣтописцы ставили годы въ лѣтописяхъ совершенно неправильно, подъ вліяніемъ какой-нибудь ошибки, *какъ это случилось съ составителемъ галицко-волинской лѣтописи*. Г. Маркевичу, повидимому, неизвѣстно, что галицко-волинскій лѣтописецъ не могъ ошибиться въ годахъ, по той простой причинѣ, что самъ писалъ совершенно безъ годовъ, Вотъ его собственныя слова: «хронографу-же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда-же писати в передняя, овогда-же возстupati в задниа, чьтый мудрый разумѣть; *число-же лѣтомъ здѣ не писатомъ* в задниа впишемъ...» (И. Л. 544). Но и послѣ не самъ лѣтописецъ поставилъ годы, ибо заглавіе: «Начало княженія великаго князя Романа...» поставлено подъ 1201 г., подъ которымъ говорится о его смерти, чего, оче-

видно, не могъ сдѣлать самъ лѣтописецъ. Очевидно также, что годы разставлены послѣ потери начала Галлицко-Волынской лѣтописи.

Интересны и другія мнѣнія г. Маркевича въ области изслѣдованій о лѣтописяхъ. Онъ говоритъ, напр., что «древніе польскіе лѣтописцы обильно черпали изъ русскихъ лѣтописей» и прибавляетъ, что «извѣстія, заимствованныя изъ русскихъ лѣтописей, можно найти и въ лѣтописяхъ западно-европейскихъ». Намъ приходилось читать польскіе источники; но мы нашли дѣйствительное заимствование изъ лѣтописей (или лучше остовы многихъ лѣтописей) лишь у Длугоша и Стрыйковского, изъ которыхъ первый XV, а второй XVI в. Имѣли мы случай заглядывать и въ западно-европейскія хроникн, и тутъ уже можемъ положительно сказать, что никакихъ заимствованій изъ русскихъ лѣтописей не нашли. Есть самостоятельныя извѣстія по исторіи Руси.

Вообще говоря, авторъ разсматриваемой книги съ своими мнѣніями вездѣ почти скрывается, если-же гдѣ и показывается, то, какъ мы указали, весьма неудачно. Сочиненіе его не можетъ быть отнесено ни къ первой, ни ко второй части исторіографіи. Правильнѣй было-бы озаглавить его хотя-бы такъ: «Собраніе мнѣній по различнымъ деталямъ вопроса о лѣтописяхъ, съ примѣчаніями автора». Библиографіи съ исторіографіей смѣшивать нельзя.

Мы разсматривали книгу г. Маркевича, какъ сочиненіе, изданное въ свѣтъ. Еще меньше хорошаго можно о немъ сказать, какъ о лекціяхъ. Мы не видимъ тутъ признаковъ анализа, такъ сказать, анатоміи лѣтописи, а только приученіе неопытныхъ, еще не богатыхъ свѣдѣніями, слушателей къ повторенію чужихъ мнѣній.

П. Голубовскій.

Кіевъ, 1883 года,
юля 9 дня.

*Дополненія къ „Показчику нової украинскої літератури“
М. Комарова.*

Пусть не подумаетъ читатель, что это заглавіе новой книги; это только дополненіе къ книгѣ, о которой была помѣщена библиографическая замѣтка въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старинѣ». Авторъ этой замѣтки, г. Науменко, между прочимъ, говоритъ: «мы признаемъ, что пропусковъ въ подобномъ трудѣ никто избѣжать не можетъ... Единственною возможностью пополнить пробѣлы библиографическаго указателя — сдѣлать извѣстными имѣющіяся у каждаго свѣдѣнія путемъ печати».

Имя нѣсколько такихъ свѣдѣній, мы дѣлимся ими съ издателемъ «Показчика» и читателями «Кіевской Старины». По этимъ свѣдѣніямъ въ «Показчикѣ» не указаны слѣдующія изданія по части исторіи и этнографіи малорусской:

1. *Левшини*. «Письма изъ Малороссіи». Харьковъ. Года, къ сожалѣнію, не помнимъ.—Въ письмахъ есть много историческихъ и этнографическихъ замѣтокъ, записанныхъ на мѣстѣ; кромѣ того—свѣдѣнія о раскольникахъ сѣверной части черниговской губерніи.

2. *Кулжинскаго*. «Малороссійская деревня». Москва. Годъ также не записанъ. Въ брошюрѣ, между прочимъ, есть о малорусскихъ пѣсняхъ.

3. Нѣсколько (15 пѣс.) народныхъ пѣсень, извѣстныхъ за Днѣпромъ и въ Галиціи. «Вѣстн. Евр.» 1829 г. № 7.

4. Малороссійскія пѣсни. «Вѣстн. Евр.» 1830 г. № 6 (8 пѣс.).

5. *Вадима Пассека*. Купало. «Москов. Паблюд.». Октябрь, кн. 1-я. 1835 г.—О празднованіи Купала и 10 пѣсень.

6. *Ею-же*. Малороссійскія новѣрья. «Кіевлянинъ», 1840 г., 19—20 стр.—Заговоры отъ глаза и противъ укушенія зми.

Ею-же. Новый годъ. «Кіевлянинъ». 1840 г., кн. 3, 71—120 стр.

8. *Ею-же*. Веснянки. Очерки Россіи, кн. V, 140—187 стр. Москва. 1842 г.—Въ статьѣ 15 веснянокъ.

9. *Кулиша*. Малороссійскіе рассказы. «Кіевлянинъ». 1840 г. 205—228 стр.—Два преданія, записанныхъ въ черниговской губерніи.

10. *Срезневскаго*. Козаки—гайдамаки уніатской войны. «Кіевлянинъ». 1840 г., стр. 121—138. Тутъ-же помѣщено нѣсколько пѣсень и думъ о подвигахъ Лободы и др.

11. Малороссійская пѣсня. «Кіевлянинъ». 1840 г., стр. 16.

12. *В. В—скаго*. Объ украинскихъ народныхъ преданіяхъ. Пер. съ польскаго. Москвитянинъ, № 11—12, стр. 140—158.

Содержаніе: 1) Легенда о кіевскихъ золотыхъ воротахъ. 2) Легенда о Мазепѣ и царѣ Петрѣ. 3) Легенда о Кириллѣ Кожемякѣ. 4) Содержаніе замѣчательнѣйшихъ изъ мнѣологическихъ преданій. 5) Путешествіе по другому свѣту.

13. *Марачевича*, протоіерей. Село Кобылья (волынской губ., новгородовльн. уѣзда). «Этнографическій сборникъ». Изданіе географическаго общества. Вып. 1, стр. 294—312.—Народныя преданія, одежда, обычай и пр.

14. *Базилевича*, священника. Мѣст. Александровка (черниговской губ. сосницкаго уѣзда). «Этнографическій сборникъ». Изданіе географическаго общ. Вып. 1-й, стр. 313—336.—Тутъ между прочимъ—дума о Богданѣ Хмельницкомъ.

15. Четыре старинныя малорусскія думы, *записанныя Афанасьевымъ*. Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Издан. II отдѣл. акад. наукъ, тетр. 2-я.—Вотъ эти думы: 1) О Самуилѣ Кушкѣ. 2) Объ Иванѣ Коновченкѣ. 3) О трехъ братьяхъ. 4) Бандуристь.

16. Украинская дума про невольниковъ. Извѣстія II отдѣленія академіи наукъ, т. III, стр. 282.

17. *Афанасьева*. Народныя русскія сказки. Москва, 4 выпуска.— Въ 1-мъ и 3 выпускахъ помѣщены 4 малорусскія сказки, а въ 4-мъ малор. анекдоты.

18. *Костомарова*. О мнѣнческомъ значеніи Горя-злосчастія «Соврем.» 1856 г. № 10, стр. 113—124.—Приведено нѣсколько украинск. пѣсень и указаны заимствованія въ нихъ малороссами у великороссовъ и обратно.

19. *Гаданіе*. Народная малорусская сказка. Мѣ. (?) т. IX, вѣ. XVII, стр. 38—41 ¹⁾).

20. *A. Nowosielski*. Lud ukrainski. Wilno. 1857 г.

21. Пѣсни малороссійнѣ. Изд. Прѣснова. Москва. 1872 г. Ц. 50 в.

22. Пѣсня малороссійскія. Изд. Глушкова. Москва. 1874 г. Ц. 30 в.

М. Гавриловъ.

¹⁾ Такъ какъ статья эта записана мною давно, то я и самъ не могу припомнить, что обозначалъ буквами Мѣ.—Москва или Москвитиннѣ.—Прим. авт.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

КАКЪ ПОЛУЧАЛИ ЗАПОРОЖЦЫ ДЕНЕЖНОЕ И ХЛѢБНОЕ СВОЕ ЖАЛОВАНІЕ.

Въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія сохранились обрывки полуистлѣвшаго и разбитаго, нѣкогда объемистаго (на 136 л.) дѣла о жалованіи запорожцевъ, возбужденнаго въ 1752 г. по почину самаго гетмана, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, и неизвѣстно, чѣмъ и когда закончившагося. По этимъ остаткамъ можно однако составить понятіе не только о размѣрѣ отпусканнаго въ то время Запорожью отъ казны жалованья деньгами и натурою, но и о канцелярскихъ и интендантскихъ порядкахъ нашихъ того времени и о томъ, какъ приходились они по вкусу запорожцамъ, не имѣвшимъ представленія ни о какомъ бюрократизмѣ и ни о какихъ казенныхъ поставкахъ и отпускахъ.

Запорожскіе козаки пользовались жалованьемъ отъ казны еще со времени перваго присоединенія ихъ къ Россіи. Оно было возобновлено имъ вскорѣ послѣ возвращенія ихъ изъ Турціи въ 1733 г. Размѣры его были неодинаковы, а давалось оно деньгами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцомъ. Въ 1757 году, съ назначеніемъ въ гетманы бывшаго придворнаго пѣвчаго, тогда-жъ графа уже Разумовскаго, высочайшею на имя его грамотою жалованье запорожцамъ было нѣсколько возвышено и опредѣлено въ такомъ размѣрѣ: деньгами 4660 р. (гетманъ получалъ 50,000 р. собственно по одной этой должности), муки 1000 четвертей, крупъ 62½ четвертей и пороху и свинцу по 50 пудовъ. Точное число запорожцевъ никогда не было извѣстно; но если полагать ихъ, по послѣднему во время

разоревія Сѣчи счету, 12,000—15,000 т., если притомъ принять въ расчетъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ, во время походовъ и разныхъ командировокъ, имѣть свою лопадъ и все вооруженіе и содержаться на свой счетъ, то нельзя не признать, что это было лишь незначительное пособіе запорожцамъ отъ казны въ отправленіи ими пограничной воинской службы, главный-же фондъ ихъ составляли ихъ собственныя доходы отъ рыбныхъ и соляныхъ заводовъ, охоты и мелкаго курсиннаго хозяйства. Но и это небольшое царское жалованье доставалось имъ не скоро, не безъ труда и хлопотъ, благодаря тѣмъ интендантскимъ пріемамъ, которые продолжаютъ свою печальную исторію и до нашихъ дней.

Еще баронъ Вейсбахъ, при самомъ принятіи запорожцевъ въ подданство Россіи, послѣ возвращенія ихъ изъ Турціи, исходатайствовалъ для нихъ высочайшее разрѣшеніе на присылку отъ нихъ депутаціи ко двору. Депутація принята была весьма милостиво и, кромѣ богатыхъ подарковъ, получила и возобновленное Запорожью жалованье. Съ тѣхъ поръ депутація отиравалась въ Петербургъ ежегодно и сверхъ жалованья получала еще и подарки отъ высочайшаго двора. Депутація состояла обыкновенно изъ 20-ти чловѣкъ „знатнаго войсковаго товариства“ съ кѣмъ либо изъ запорожской старшины (напр. войсковымъ судьей) во главѣ. Такія поѣздки тѣмъ болѣе были выгодны и даже лестны, что депутатамъ давались въ оба конца пути прогонныя дельги, въ самомъ-же Петербургѣ они роскошно содержались на счетъ казны, встрѣчали ласковой пріемъ и „удоставались видѣть высоко-монаршее лице“. Въ то же время порохъ и свинець, равно мука и крупа отпускались изъ кременчугскихъ магазиновъ—первыя по ассигновкѣ конторы главной артиллеріи и фортификаціи, а вторыя изъ провіантской канцеляріи, и доставлялись оттуда въ Сѣчь „казенными судами и людьми за надлежащимъ копвоемъ“.

Высочайшею грамотою 26 ноября 1751 г. поѣздки депутатовъ отъ Запорожья въ Петербургъ за жалованьемъ были отмѣнены, а назначенное Запорожью жалованье велѣно было доставлять въ Сѣчь изъ кіево-губернской канцеляріи съ нарочно командироваемымъ оберъ-офицеромъ, въ остальномъ оставленъ прежній порядокъ. Но въ ту пору барона Вейсбаха, покровителя запорожцевъ, уже не было въ

живыхъ и на мѣстѣ его кіевскимъ генераль-губернаторомъ былъ Леонтьевъ, ненавидѣвшій запорожцевъ до глубины души и видѣвшій въ нихъ необузданныхъ своевольниковъ, грабителей и разбойниковъ, готовыхъ притомъ измѣнить правительству и всячески провести и обмануть его. Онъ напрягалъ всё усилія, чтобы сломить ненавистную ему вольницу запорожскую и едва-ли не подъ его вліяніемъ произошла эта перемѣна въ порядкѣ полученія запорожцами жалованья, къ тому времени въ сердцѣ, такъ сказать, Запорожья учрежденъ былъ такъ называемый новосѣченскій ретраншаментъ въ видахъ постоянного за нимъ наблюденія. Придуманная теперь ежегодная отправка въ Сѣчь денежнаго жалованья, съ „добрымъ и надежнымъ оберъ-офицеромъ“, едва-ли не была особымъ видомъ согладатейства, развитаго Леонтьевымъ до крайнихъ предѣловъ. Какъ-бы то ни было, но отпѣна ежегодной отправки Запорожьемъ депутаціи въ Петербургъ была знакомъ немилости къ нему и давала поводъ разнымъ властямъ не церемониться съ запорожцами и на мѣстѣ. Это отразилось и на полученіи слѣдующаго имъ отъ казны денежнаго и хлѣбнаго жалованья.

Прежде всего притѣснилъ запорожцевъ въ выдачѣ денежнаго жалованья самъ Леонтьевъ. Оно выдавалось за годъ впередъ; но окончился 1751 г., а о жалованьи не было и помину. При тогдашнихъ сообщеніяхъ отдаленному Запорожью, отдѣленному притомъ отъ Кіева обширнымъ пространствомъ польскихъ владѣній, мудро было наводить справки о жалованьѣ въ кіево-губернской канцеляріи. Прошла первая четверть слѣд. года,—жалованья не было. Запорожцы не вытерѣли и прибѣгли съ жалобою къ гетману. Разумовскій въ апрѣлѣ обратился съ письмомъ по этому предмету къ Леонтьеву. Гетманъ настаивалъ, чтобы деньги и провіантъ отпускались „безъ всякаго медлительства“, чтобы не было нареканій и недовольства. Леонтьевъ отвѣчалъ, что денегъ нѣтъ, что они не получены еще изъ бѣлогородской канцеляріи (послѣднее указываетъ, быть можетъ, на источникъ выдававшагося запорожцамъ пособія—изъ доходовъ бывшихъ слободскихъ полковъ). Только въ іюнѣ прибылъ изъ Бѣлгорода въ Кіевъ транспортъ съ деньгами и для доставленія ихъ отсюда въ Кошъ отправленъ былъ поручикъ Фроловъ съ однимъ капраломъ и 12 солдатами на 5-ти подводкахъ. Деньги получены были въ Кошѣ 21 іюня.

Труднѣе было запорожцамъ получить „хлѣбное жалованье“. Не смотря на ясно подтвержденный въ высочайшей грамотѣ прежній порядокъ отправленія въ Сѣчь „казенными судами и людьми“ назначаемаго къ отпуску ежегоднаго количества хлѣба и крупы, пороху и свинцу, запорожцамъ предложено было теперь самимъ получить и перевезти все это изъ Кременчуга, конечно, сухимъ путемъ. Расстояніе отъ Кременчуга до Сѣчи было около 300 верстъ, на поднятіе годичной пропорціи слѣдуемаго Запорожью провіанта требовалось до 400 подводъ, а въ Сѣчи ихъ вовсе не было и добыть ихъ въ голой степи не было никакой возможности. Интендантская продѣлка говоритъ сама за себя. Запорожцы тѣмъ болѣе были ею возмущены, что если провіантскому вѣдомству не желательнѣе было доставлять провіантъ въ Сѣчь „казенными судами и людьми“ изъ кременчугскаго магазина, то ничего не стоило ему отпустить оный изъ новосѣченскаго магазина, находившагося у нихъ подъ бокомъ. Запорожцы добивались полученія провіанта именно изъ этого магазина, заявляя, что въ немъ во всякое время находится отъ 3 до 4 тысячъ четвертей хлѣбнаго продовольствія, а относительно жалованья настаивали на восстановленіи прежняго порядка полученія онаго, посредствомъ ежегодной отправки ко двору особой депутаціи. Пошла длинная переписка. Князь Семенъ Волконскій, занимавшій видное мѣсто по провіантской части на югѣ, доказывалъ, что изъ новосѣченскаго ретраншаменту производить Запорожью хлѣбнаго довольствія не возможно, такъ какъ тамъ, при внезапномъ востребованіи провіанта для какихъ либо другихъ цѣлей, можетъ оказаться въ немъ недостатокъ, и настаивалъ на полученіи запорожцами слѣдуемой имъ провіантъ изъ кременчугскаго магазина, который де одинъ указанъ въ высочайшей грамотѣ 1751 г. Когда-же это представленіе не было уважено и хлѣбъ и крупу запорожцамъ за 1751 г. велѣно было отпустить изъ новосѣченскаго магазина, оберъ-провіантмейстеръ заявилъ, что безъ особаго указа главной провіантской канцеляріи оль исполнить этого не можетъ. Только 18 сентября 1752 г. былъ наконецъ полученъ кошелевымъ Павломъ Ивановымъ провіантъ за 1751 г. изъ ново-сѣченскаго, а не изъ кременчугскаго магазина.

Но наступилъ 1753 годъ, и не смотря на сенатскій указъ отъ 12 августа 1752 г., которымъ категорически предписывалось „хлѣб-

ное жалованье“ запорожцамъ отпускать изъ новосѣченскаго или „изъ другихъ способныхъ и близкихъ къ тому войску магазейновъ“, тотъ-же Кошевой Павелъ Ивановъ снова жалуется кіево-губернской канцеляріи на не выдачу провіанта за 1752 г. Кошъ добывался и на этотъ разъ получить провіантъ изъ новосѣченскаго магазина, какъ ближайшаго, и опять указывалъ на хранившіеся въ немъ запасы, по ближайшимъ, конечно, справкамъ; но оберъ-провіант-мейстеръ Смецкій, къ которому онъ обратился за этимъ дѣломъ, отвѣчалъ, что новосѣченскій и другіе ближайшіе магазины находятся въ вѣдѣніи бригадира и переволоченскаго коменданта Кошелева. Кошелевъ сначала отказалъ, а потомъ далъ приказъ о выдачѣ провіанта, не указавъ однако магазина, изъ котораго тотъ провіантъ долженъ быть отпущенъ, а сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ главную провіантскую канцелярію. Неожиданно для запорожцевъ и Кошелева послѣдовало благоприятное для нихъ разрѣшеніе, по ходатайствамъ, возбужденнымъ еще раньше. Изъ обрывковъ находившагося въ рукахъ нашихъ дѣла видно, что переписка о жалованьи запорожцевъ восходила до государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи и указомъ ея еще 15 января 1753 г. возобновленъ былъ прежній порядокъ полученія онаго. Въ началѣ этого года отправлена была въ Петербургъ запорожская депутація съ полковникомъ Давиломъ Гладкимъ во главѣ. Жалованье выдано депутаціи изъ штатсъ-конторы по отношенію коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ то-же время кіево-губернской канцеляріи строго подтверждено отпустить „безъ замедленія“ провіантъ, порохъ и свинецъ за 1752 г., и все это принято тою-же депутаціею на обратномъ пути изъ Петербурга.

На этомъ обрываются свѣдѣнія полуисгнившаго дѣла о жалованьи запорожцевъ, и мы не знаемъ, какія новыя перипетіи прошло оно, благодаря сильному и тогда канцеляризму и хитрому на выдумки во дни юности своей интендантству.

ПОЧЕМУ ДЕСЯТИННАЯ ВЪ КІЕВѢ ЦЕРКОВЬ ИЗВѢСТНА ВЪ НАРОДѢ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ДЕСЯТИНАГО НИКОЛАЯ?

Древняя десятинная церковь, созданная въ Кіевѣ св. Владиміромъ, въ лѣтописяхъ извѣстна подъ именемъ десятинной и Бого-

родичной. Исторически извѣстно также, что митрополитъ кievскій Петръ Могіла на развалинахъ этой церкви, изъ ея остатковъ, устроилъ въ XVII вѣкѣ малый храмъ съ престоломъ во имя Рождества Богородицы, надъ которымъ неизвѣстно кѣмъ надстроены были еще деревянный придѣлъ во имя св. апостолъ Петра и Павла. Въ 1826 году, послѣ слома могилинской церкви, помѣщикомъ Анненковымъ начата постройка новаго большаго храма на фундаментахъ Владиміровыхъ, который оконченъ и освященъ въ 1842 году; въ этомъ храмѣ главный престолъ во имя Рождества Богородицы, а два боковые—во имя св. Владиміра и святителя Николая. Такимъ образомъ въ десятинныхъ храмахъ владимірскомъ и могилинскомъ не было престола во имя святителя Николая; въ храмѣ повѣйшемъ Анненкова николаевскій престолъ—одинъ изъ придѣльныхъ, а между тѣмъ народъ называлъ и продолжаетъ называть десятинную кievскую церковь *десятиннымъ Николаемъ*.

Въ объясненіе этого явленія, противорѣчащаго общему обычаю называть церкви по имени святаго лица или святаго событія, которому посвященъ главный престолъ, начали дѣлать предположенія, будто названіе десятиннаго Николая усвоено десятинной церкви отъ имѣвшагося въ могилинской церкви образа св. Николая; такъ сказано въ описаніи Кіева—Закревскаго и въ краткомъ описаніи кievской десятинной церкви, изданномъ въ 1826 году въ С.-Петербургѣ. Предположеніе неосновательное и потому уже, что образъ св. Николая, бывший въ могилинской церкви, не принадлежитъ къ чудотворнымъ или особенно чтимымъ.

Наконецъ оказалось, что народное преданіе вѣрше догадокъ, сочиняемыхъ археологами, оказалось, что еще раньше времени митрон. Могилы, на развалинахъ десятинной Владиміровой церкви существовала деревянная церковь во имя св. Николая, которой народъ усвоилъ названіе десятиннаго Николая, называлъ тѣмъ именемъ могилинскую Рождество-Богородичную церковь и продолжаетъ называть этимъ-же именемъ существующую нынѣ 3-хъ престольную десятинную Анненковскую, не смотря на то, что въ могилинской вовсе не было николаевского престола, а въ Анненковской—одинъ изъ придѣльныхъ. О существованіи церкви во имя св. Николая на развалинахъ десятинной свидѣтельство находится въ одномъ документѣ архива бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, именно

въ выписи изъ градскихъ книгъ кievскаго воеводства (№ 718). Въ этомъ актѣ заявляется кievскому мѣстному суду, что митрополитъ кievскій Петръ Могила въ 1633 году отобралъ отъ униатовъ, вмѣстѣ съ софійскимъ соборомъ, и 3 церкви, находившіяся на Старомъ Кievѣ: деревянную святаго *Микола*, названнаго *десятиннаго*, другую, также деревянную, святаго *Семена*, возлѣ брамы мѣстской на горѣ лежащую и третью мурованую (каменную) святаго *Василія*, названнаго *каюрнаго*. Итакъ народъ имѣлъ основаніе называть десятинную церковь десятиннымъ *Николасмъ*.

Можно спросить еще, почему на развалинахъ десятинной Богородичной церкви создапа была въ XVII вѣкѣ не Богородичная-же, а Николаевская церковь, тогда какъ въ Кievѣ и въ то уже время было 4 православныя церкви во имя св. Николая и 1 католическая? Построеніемъ малаго деревяннаго николаевскаго храма на развалинахъ церкви, погибшей отъ татарскаго разгрома, не была-ли ознаменована память взятія Кieва Батыемъ 6 декабря, въ день святаго Николая? Вѣроятно кievляне съ памятью о гибели своего града хотѣли соединить молитву къ святаго Христову Николаю о побѣдѣ на супостатовъ, какъ „побѣдѣ тезоименитому“.

П. Л—въ.

УЦѢЛѢВШАЯ СТАРИНА.

Еще въ 1878 году, когда П. С. Ефименко собиралъ матеріалы для помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кievской Старины“ статьи: „Шпитали въ Малороссіи“,—я сообщилъ ему, что въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ существовалъ при благовѣщенской церкви заштатнаго города Березнаго (чернигов. губ. и уѣзда) шпиталь, но существуетъ-ли онъ и доселѣ, мнѣ неизвѣстно. Вмѣстѣ съ этимъ я рассказалъ П. С. Ефименку то, что зналъ объ этомъ шпиталѣ. Вѣроятно П. С. Ефименко болѣе ничего не узналъ объ этомъ шпиталѣ, такъ какъ въ своей статьѣ ни слова не говоритъ о Березинскихъ шпиталяхъ.

„Какъ извѣстно, говоритъ П. С. Ефименко, приходскіе *шпитали въ настоящее время представляютъ лишь достояніе исторіи*. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ городахъ, до сихъ

поръ сохранились или слѣды ихъ существованія, или живые преданія о нихъ“.

Между тѣмъ, какъ оказывается, г. Березное является упорнымъ хранителемъ старины, давно уже исчезнувшей въ другихъ мѣстахъ: въ немъ еще и до сихъ поръ существуютъ два шпитала, церковныя школы, два братскихъ дома и цехи: кравецкій, шевскій и різницкій.

Въ первыхъ числахъ іюня этого года пришлось мнѣ побывать въ Березномъ и кое что узнать объ этихъ учрежденіяхъ. Спѣшу подѣлиться съ редакціей и читателями тѣми свѣдѣніями, которые мнѣ удалось собрать (между прочимъ) въ теченіи одного дня, а также и тѣми, которые сохранились въ моей памяти съ дѣтства, проведеннаго мною въ Березномъ.

Шпиталей—два: одинъ при церкви Благовѣщенія, другой при церкви Вознесенія. Первый находится недалеко отъ церкви, черезъ улицу, а второй—на вознесенскомъ кладбищѣ, за городомъ.

Благовѣщенскій шпиталь въ 70-хъ годахъ, состоялъ изъ одной полуразвалившейся избы съ небольшимъ дворикомъ и влѣчкомъ огорода; на послѣднемъ „шпитальные“ садили нужные для себя овощи; а на дворѣ бѣгало 3—4 курицы, а иногда и поросянокъ, составлявшіе убогое хозяйство „старцевъ“. На стѣнѣ шпиталя, выходящей на улицу, снаружи была прибита икона. Шпиталь носилъ названіе „бородавчихино“, по всей вѣроятности отъ того, что былъ построенъ на землѣ владѣлицы Бородавкыной („Бородавчихи“), а можетъ быть и на ея средства. Жившіе въ шпиталѣ старики и старухи ни отъ кого никакого опредѣленнаго содержанія не получали, а питались милостыней: здоровые ходили по городу за подаваніемъ, а немощныя выходили на улицу и, сидя на „привѣбѣ“ шпиталя, выпрашивали подаваніе у проходившихъ. Кромѣ того шпитальные первые узнавали о похоронахъ, такъ какъ жили около церкви, и непременно являлись „на обѣдъ“. Мѣстные жители мѣщане приглашали шпитальныхъ „посидѣть“ къ больному, обмытъ умершаго, а иная робкая женщина, въ случаѣ отъѣзда своего мужа, отправлялась въ шпиталь и звала какую нибудь старуху почевать „для смѣлости“. Подобныя услуги, конечно, оплачивались. Къ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова богобоязливые жители присылали въ шпиталь колбасу, кусокъ сала, пасху и т. п.

Иной хозяинъ присылалъ зимой возокъ соломѣ или хворосту для отопленія. Вообще шпитальнымъ нищимъ отдавалось предпочтеніе предъ другими, въ томъ смыслѣ, что имъ почти никогда не отказывали въ подавннн. По отношенію къ церкви шпитальные были обязаны нѣкоторыми бесплатными услугами, такъ напр. они мыли въ церкви полы наканунѣ большихъ праздниковъ, убирали въ церкви, содержали въ чистотѣ „двнтаръ“ и пр.

Въ настоящее время Благовѣщенскій шпиталь выстроены заново на счетъ церкви. Теперь онъ состоитъ изъ двухъ хорошихъ, свѣтлыхъ хатъ, съ крылечкомъ на улицу, раздѣленныхъ сѣнями на двѣ половины и напоминаетъ собою избы нашихъ зажиточныхъ козаковъ и крестьянъ.

Помню одну пословицу, въ которой фигурируетъ шпиталь, очевидно знавшій всехъ и все въ городѣ. Если кто нибудь начиналъ хвастать, выставлять свои достоинства, то ему обыкновенно говорили: „та що й казать! Про васъ и бабы у шпитали шепчуть!“

Въ шпиталѣ вознесенской церкви въ настоящее время живетъ пять душъ нищихъ. Средства къ жизни ихъ такія-же, съ небольшимъ различіемъ, происходящимъ отъ того, что шпиталь находится на кладбищѣ. Вознесенское кладбище напоминаетъ собою садъ: масса простыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, дорожки, кое-какіе памятники на могилахъ дѣлаютъ его настолько привлекательнымъ, что купцы, мѣщале, а частію и другіе сословія пользуются имъ, какъ мѣстомъ общественнаго гулянья. Въ праздничные дни немало народа отправляется гулять на кладбище: иной увидитъ, что могила близкаго человѣка пришла въ запустѣніе и попроситъ „шпитальнаго дѣда“ поправить ее, за что дѣдъ и получитъ 5—10 коп. На обязанности шпитальныхъ лежитъ наблюденіе за кладбищемъ.

Что касается братствъ и цеховъ, то о нихъ, кромѣ самаго факта ихъ существованія, мнѣ извѣстно очень мало. Въ Березномъ есть два братскихъ дома; оба они занимаются евреямъ. Куда идти деспги за наемъ домовъ, отъ постороннихъ лицъ узнать не удалось. Вступающій въ цехъ долженъ пожертвовать опредѣленное количество воску, но насколько въ настоящее время вступленіемъ въ цехъ обуславливается право лица заниматься извѣстнымъ ремесломъ, не знаю. Кажется, вступленіе въ цехъ обязательно для ремесленника. Въ церквахъ цехи имѣютъ свои хоругви, кресты и ставники (боль-

шія свѣчи). Отъ времени до времени цехи дѣлають пожертвованія на церкви священными принадлежностями. Помнится, въ дѣтствѣ я слышалъ, что цехи, сдѣлавши „звѣзду“, ходили съ нею Рождественскими праздниками по домамъ и изъ вырученной суммы часть отдѣляли въ пользу церкви.

При благовѣщенской, вознесенской и петропавловской церквяхъ остались еще школы. Школами въ Березномѣ, по старой памяти, называются зданія при церквяхъ, въ которыхъ живутъ причетники, хотя бы они и не занимались обученіемъ. Въ школѣ вознесенской церкви учится до 30 дѣтей, съ которыми занимаются причетники подъ наблюденіемъ священника.

М. Гавриловъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СБОРНИКА УКРАИНСКАГО ДВ- ВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

Въ іюльской книгѣ „Кіевской Старинѣ“ нынѣшняго года, въ замѣткѣ г. Ефименко, озаглавленной „Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра“, помѣщенъ былъ „Ордеръ“, разосланный въ 1785 г. воронежскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ Чертковымъ полицейскимъ властямъ объ искорененіи слуховъ въ народѣ относительно предстоящаго въ 1788—1789 годахъ свѣтопреставленія. Въ самомъ „ордерѣ“ находится указаніе, что слухъ этотъ былъ возбужденъ появленіемъ рукописи со стихами, которые будто-бы были начертаны на гробницѣ какого-то бернардина, открытой близъ г. Праги, и переведены съ латинскаго языка, якобы по повелѣнію „знатной духовной особы“, имя которой составителемъ ордера деликатно умолчано.

Недавно мнѣ удалось случайно видѣть въ гадячскомъ уѣздѣ полтавской губ. рукописный сборникъ конца прошлаго столѣтія, составленный въ новомлинскомъ двичьемъ монастырѣ (черниговской епархіи) и заключающій въ себѣ самаго разнообразнаго содержанія статьи: проповѣди, богословскіе трактаты, выписки изъ Синописа, стихотворенія, самостоятельныя лѣтописныя замѣтки и т. под. Здѣсь-же находится и замѣтка со стихами, давшими поводъ генералъ-губернатору Черткову къ составленію розысканнаго г. Ефименкомъ „ордера“. Вотъ эта замѣтка и при ней стихи.

„Вблизи города Праги, называемомъ Вина, въ рудокопныхъ заводахъ сикантъ гробъ, въ коемъ гробѣ лежащій нетлѣнный трупъ, въ коего рукахъ сіи стихи были написанны на каменной таблицѣ. Имя ему Іоаннъ бернадъ, и какъ онъ умре, то уже тому протекло болѣе трехъ сотъ лѣтъ; ис чего явилось, что онъ былъ наученъ математики“.

Посля Рождества Христова 1778 года,
 Кой наступивши зъ собою печальной рокъ принесеть:
 Ежели-жъ сего года въвесь міръ не падеть
 И ежели ня во что земля и море не обратятся,
 То однакъ всё государства на землѣ разорятся
 И всздѣ великая печаль будетъ,
 Отъ Дѣвы Рождества Христова 1788-го.
 Потомъ наступитъ годъ, приспѣетъ жалостна на свѣтѣ тогда судьбина,
 Да чуть-ли и всему уже міру угрогъ кончина:
 Стихи если всё сему не припадуть,
 То много государствъ отъ бунтовъ пропадуть.
 Отчаяніе, вопль, страхъ усилятся тогда,
 Печальніе слѣдствіи и развіе рода.
 Прохожіи! Посмотри на прахъ здѣ человекъ,
 Лежащаго уже въ послѣдніа времена вѣка.

Предсказатель сего Іоаннъ бернадъ, скончался 1500 года.

„1789 годъ владѣнія есть планета мѣсяць небесный (sic!) былъ повелѣнія Афродита (sic!). Сей годъ покажется плодоносній на все. Зима будетъ посредственна, такъ-же и весна; лѣто дождливое и по сей причинѣ шеницѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спортиятся, кайпаче въ полуденной странѣ. Настоящей-же годъ покажетъ великую войну и смерть въ человѣческомъ родѣ; государѣ обременять своихъ подданныхъ великими окладами и объявятся много разбойниковъ, для которыхъ всё дороги будутъ опасны, посредствомъ нѣкоторой силы и многіе невольники отътуда избавлены будутъ, куицѣ или мудріе ученіе люде унадутъ изъ своихъ достоинствъ“.

„Сии стихи переведени съ латинскаго на російскій по повелѣнію его преосвященства, митрополита кіевского Самуила“.

„Сіе сяскано въ Венеріи (Венеціи?), 1785 года, яваря 20 дня“.

Въ томъ-же сборникѣ, между разными стихотвореніями, я нашелъ невжеслѣдующій плодъ манашескаго пѣнческаго упражненія, который я назвалъ-бы „Монашеское самообличеніе“, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и который долгое время былъ распѣваемъ въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра людьми духовными и мірскими. По мимо характерной наивности представленій и картинъ, во всемъ складѣ и напѣвѣ этой пѣсни звучить какая-то неуловимая надъ чѣмъ-то иронія.

*Ахъ монахъ! Умными очима
Посмотри, что смерть за плечима.*

*Куда въ мысли бродилъ,
Почто въ міръ ходилъ?
Какъ живелъ?*

*Какъ живелъ! Точилъ смѣхъ и балы,
Бавилъся частими пикалы (бокалы?),
Впивалъся часто,
Граелъ въ свирѣль гласно.
Ахъ монахъ!*

*Скучно тебѣ въ келіи сидѣти
И въ слезахъ надъ правиломъ бѣдѣти,
Ты-жъ шукаешъ въ селахъ
Молодыцъ веселыхъ
И дѣчатъ.*

*Ахъ монахъ! идѣ твои обѣты,
Что клялся честно, свято жити!
Гдѣ совесть, гдѣ вѣра,
Чтобъ не любить міра
Нурислалъ.*

*Горлиця, какъ друга лишится,
Во вѣки зъ другимъ не спарится,
Гдѣ древо зелено,
Цвѣты украшено,
Не слѣдетъ;*

*Но летитъ съ тоски, горя, туги
Въ далеки страны, пусти дуи,*

*Чтобъ не возвратиться,
Ктому не спариться
Зъ другою.*

*Ты жъ не такъ живешь разумно,
Какъ она поступаетъ умно.
Се только и зѣры
Суть тебѣ примѣры
Подобны.*

*По бѣжисизъ пакы во калъ тинный
Иль какъ песъ на своя блевотины.
Видиши, что не кстати,
Пора перестати,
Бо стыдно.*

*И мраморъ, весьма хладенъ камень,
Великій зъ себе пуститъ пламень;
Тотъ часъ возгорится,
Какъ съ другимъ скотится
Каменемъ.*

*Но изволь, разсудивши тое,
Оставиъ зло, озми вже благое,
Чтобъ Творца молити,
Дабы въ небо жити
Во вѣки.*

Finis.

Въ томъ-же сборникѣ имѣется:

Средство отъ чарованія или колдунства надъ скотомъ.

Взять тертого рогу отъ мертвой животины, тертого-же коновья копыта и тертой спинной кости отъ оленя, отъ лелій, гдѣ скотина ѣсть, со всѣхъ четырехъ угловъ по немногу дерева обтереть, къ сему прибавить свиного калу, головокъ или сѣмя отъ руты травы, тейфельс-дреку (?), сахару лять квинтелей, а вышеписанныхъ вещей по равной небольшой мѣрѣ; ктому-же приложить сушеную щучью печенку, сердце и желчь, и снѣжъ всѣмъ по три утра до восхожденія солнца, а ввечеру

по захожденіи онаго какъ животину, такъ и тѣ ясли, гдѣ скотина стоять, гораздо окуривать.

Писаль 1783 года, генваря 18, двѣцѣя Новомлинского монастыря дѣяконъ Григорій Перехожинскій“.

НЕ ПРИВИВШІЙСЯ НА ПОЛТАВСКОЙ ПОЧВѢ РЕВЕНЬ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка министру внутреннихъ дѣлъ пришла идея увеличить отечественную промышленность новой статьѣй—разведеніемъ *ревеннаго корня*. Малороссійскій генераль-губернаторъ получилъ по сему поводу „предложеніе“, въ которомъ министръ между прочимъ писалъ: „разведеніе ревеню положено производить посредствомъ медицинскихъ чиновниковъ въ губерніяхъ и уѣздныхъ городахъ, безъ всякаго пособія правительства, въ награжденіе-же тѣмъ изъ врачей, кои окажутъ большіе успѣхи въ распространеніи сихъ плантацій, въ 1800 году опредѣлено выдавать по 14 рублей за пудъ ревеню. Посредствомъ сихъ награжденій старательные не токмо могутъ достать деньги на огорожу плантацій своихъ и на обработываніе земли, но даже имѣютъ выгоды, споспѣшествуя при томъ благотворнымъ видамъ правительства. Миѣніе сіе опытомъ подтверждается; ибо во многихъ губерніяхъ плантаціи въ хорошемъ положеніи и врачи, добывающіе ревень получаютъ свои выгоды“¹⁾.

Можетъ быть и многіе врачи старались „споспѣшествовать благоприятнымъ видамъ правительства“, но что-бъ „во многихъ губерніяхъ“ плантаціи были „въ хорошемъ положеніи“, въ этомъ очень можно усумниться, въ виду слѣдующаго.

Въ 1808 году полтавская врачебная управа получила отъ министра внутреннихъ дѣлъ запросъ: „существуютъ-ли (въ полт. губ.) ревенные плантаціи, сколько оныхъ пространствомъ и гдѣ

¹⁾ Дѣло № 343, въ думскомъ архивѣ г. Кременчуга.

именно отведено мѣсто, имѣютъ-ли полную существенность, или есть въ оныхъ недостатки и какіе, а буди нѣтъ (не недостатковъ, конечно, а плантацій), то существовали-ли прежде, когда именно оныхъ существенность превращена и по какимъ случаямъ“, и проч. Врачебная управа обратилась въ губернское правленіе, а послѣднее предписало городскимъ думамъ и городничимъ немедленно довести въ управу, гдѣ, кто и какъ разводить ревень. Въ управѣ чрезъ нѣсколько времени получились изъ уѣздовъ слѣдующіе отвѣты: повѣтовые штабъ-лекари лохвицкій, миргородскій и кобеляцкій писали коротко, что подъ плантаціи „мѣста въ отводѣ не было и нынѣ нѣтъ“. „Хорольскій повѣтовый штабъ-лѣварь Святновскій, что съ 1801 года въ отводѣ мѣсто имѣется длиною въ 22, а шириною въ 12 трершинныхъ саженей, но оно гористое, отъ воды въ отдаленности и земля для сей надобности не выгодная, по каковымъ обстоятельствамъ ревенной плантаціи разведено очень мало“. „Зеньковскій, Зерцаловъ, что за вступленіемъ его въ настоящую должность мѣста для разведенія ревеня не получалъ, хотя-же и требовалъ онаго въ прошломъ 1807 году отъ тамошней ратуши, но удовлетворенія не получилъ. Стараясь-же онъ Зерцаловъ ревенными сѣменами неотведенное мѣсто (засѣялъ) и въ семь годѣ по время удобное пересадилъ онаго корней до ста на другое уже мѣсто, неотведенное-жъ, а сего года, по вторительному его требованію, ратуша таковое мѣсто отвела вновь, но отъ огорожи онаго безъ предписанія начальства отказывается“. „Лубенскій Яновскій, что мѣсто есть отведенное длиною въ 45, а шириною въ 7 трершинныхъ саженей, на которомъ мѣстѣ ревенная плантація производится, но какъ сіе мѣсто гористое, то вода во всякое время отъ дождей вымываетъ корни и даже отваливаетъ изъ грядъ землю, почему и нужно для поправленія знатную сумму имѣть“. „Прилуцкій, Яновскій, что онъ мѣсто отъ предмѣстника своего Соболя припаялъ неограниченное (sic) и не имѣющее на себѣ ревенныхъ сѣменъ, кромѣ разнаго другаго произрастенія, которое мѣсто едва обрался огородить въ семь 1808 году, ревень-же разводить въ собственномъ своемъ огородѣ очень мало“. „Константиноградскій, Гилевскій, что „мѣста въ отводѣ не имѣется, ревень-же разводить онъ въ собственномъ своемъ огородѣ, и уже въ слѣдующей осени надѣется получить нѣсколько ревенныхъ кореньевъ къ употребленію

годныхъ“. „Исправляющій должность кременчугскаго лекаря Плословный, что мѣсто было отведено внутри города, по оное пыѣ занято строющеюся церковью и казенными домами, потому и существенность оной прекращена, а сколько было прострапствомъ и имѣла ли полную существенность, за всѣми его стараніями, не могъ онъ узнать, ревенная-жъ плантація производится въ полной существенности стараніемъ аптекаря тамошней волной аптеки Миллера въ саду богоугоднаго заведенія и въ собственномъ его“.

Такъ какъ городскія думы, по „строжайшихъ“ предписаніяхъ, очевидно руководствовались все-таки при отводѣ мѣсть подъ ревенъ пословицей: „на тоби, небоже, що мені негоже“, то медицинская управа опять обратилась въ губернское правленіе съ просьбой предписать думамъ отвести медицинскимъ чиновникамъ мѣста подъ ревенныя плантаціи,—тѣ именно, „которые они сами по климату земли признають къ тому способными“.

Между тѣмъ саму управу безпрестанно попукалъ гражданскій губернаторъ. Наприм. 6 апрѣля 1809 года кременчугскій штабъ-лекаръ такъ пишетъ въ городскую думу: „полтавская врачебная управа получила отъ господина гражданскаго губернатора предложеніе, при которомъ онъ, господинъ губернаторъ, препровождаетъ въ оную управу доставленные къ нему отъ господина министра внутреннихъ дѣлъ ревенные сѣмена для разведенія въ здѣшней губерніи и требуетъ оныя сѣмена разослать къ повѣтовымъ лѣкарямъ съ подтвержденіемъ имъ, что какъ сѣмена сіи выписаны его сіятельствомъ изъ мѣсть китайскихъ, то употребили-бъ всемѣрное стараніе къ разведенію ревеня, имѣя за опытъ особенное наблюденіе, и буди не отведены гдѣ для того удобныя мѣста, требовали-бъ отъ полицмейстеровъ и градскихъ думъ отводу и огорожи оныхъ“.

А гражданскому губернатору, вѣроятно, самому не было покоя отъ высшаго начальства, ибо 29 того-же апрѣля онъ опять пишетъ, уже непосредственно въ повѣты, слѣдующее: „посиѣшаю строжайше подтвердить всѣмъ гг. полицмейстерамъ, городничимъ и городскимъ думамъ, чтобы они, есть-ли гдѣ мѣста для посѣву ревеню о сю пору еще не отведены, нимало не медля назначили оныя и исправили-бы во всемъ по содержацію указовъ, изъ губернскаго правленія послѣдовавшихъ, дабы не упустить ныѣшняго

удобнаго времени безъ поспѣва толь полезнаго растенїя, о которомъ правительство много заботится“.

Должно быть много бумаги было изведено, прежде чѣмъ его сїятельство убѣдился, что новая статья отечественной промышленности „полной существенности“ имѣть не можетъ. Какъ долго безпокоили честныхъ обывателей штабъ-лекаря въ другихъ уѣздныхъ городахъ полтавской губерніи, неизвѣстно; въ Кременчугѣ-же эта исторїя тянулась еще 2 года, пока не улеглось мало по малу ревешное рвеніе властей.

Въ 1810 году лекарь Захаржевскій обращается въ думу съ жалобой, что на отвещной городомъ землѣ нельзя разводить ремень, потому что земля негодна (вѣроятно гдѣ нибудь на пескахъ!) и огорожи нѣтъ. Черезъ нѣсколько времени онъ жалуется „вторично“. Дума наконецъ вняла жалобамъ и назначила гласнаго Сидора Прохорова удовлетворить штабъ-лекаря. Гласный 2 года строилъ ограду и судя по показаннымъ имъ расходамъ (295 р. 80 к.; по тому времени, да на „треаршинныя сажени“—сумма очень солидная!), долженъ былъ соорудить ее на подобіе крѣпостной стѣны. Разумѣется, этого не было: деньги просто черезъ полюбившій дѣлежъ перешли въ карманы гласнаго и лекаря.

Въ какомъ видѣ плантація была въ Кременчугѣ потомъ, въ дѣлахъ архива нигдѣ не упоминается, въ воспоминаванїи-же обывателей она несомнѣнно представлялась „ограниченной“.

Ө. Ни—кѣ.

ВО ЧТО ОБОШЛАСЬ ОПИСЬ ВИБЛИОТЕКИ ПРЕОСВ. ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКАГО ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

Послѣ смерти Иринея Фальковского, епископа чигиринскаго, коадьютора кїевской митрополїи († 1823 г.), осталась обширная бібліотека и много неизданныхъ сочиненїй въ рукописяхъ.

Разбирая бумаги покойнаго профессора московскаго университета І. М. Бодявскаго, которыя достались намъ всѣ безъ исключенїя, мы нашли своеручное письмо преосв. Иринея, писанное изъ Кїева къ отцу І. М., Максиму Гавриловичу, съ препровожденїемъ въ даръ изданной Иринеемъ книги: *Толкованїе на посланїя св. ап. Павла къ галаталъ*, а вмѣстѣ съ этимъ письмомъ записку, въ видѣ отчета

по поводу описи бібліотеки преосв. Иринея. Записка эта, судя по знаку бумаги (1840 г.), сдѣлана въ началѣ 40-хъ годовъ роднымъ дядей І. М., протоіереемъ Павломъ Гавриловичемъ Бодянскимъ.

Вотъ этотъ любопытный документъ:

„Сколько издержливо протоіереемъ Павломъ Бодянскимъ денегъ, по смерти преосв. Иринея при приведеніи въ порядокъ его бібліотеки и составленіи вновь описи, по приказанію митрополита Евгенія, на пріемъ консисторскихъ и полицейскаго члена и на прочее.

1. Дано намѣстнику Кассіану на пріемъ членовъ	35 р.
2. Писцу за написаніе описи	7 р. 20 к.
3. Полицейскому члену приставу	10 р.
4. Консисторскому секретарю разновременно . . .	46 р.
5. Оцѣнщикамъ, дабы не малую полагали книгамъ цѣну и на пріемъ	30 р.
6. Уѣзднаго суда секретарю разновременно . . .	30 р.
7. Того-же суда засѣдателю при повѣркѣ бібліотеки и вещей	10 р.
8. При таковой повѣркѣ іеромонаху Петру и благочинному на пріемъ	10 р.
9. На гербовую бумагу на 6 листовъ	6 р.
<hr/>	
Итого 184 р. 20 к.“	

Такимъ образомъ изъ 184 р. 20 к. только 7 р. 20 к. уплачены за *написаніе* описи, и 6 р. на гербовую бумагу, а 171 р. пошли то на угощеніе, то на поручную подачу разнымъ лицамъ, такъ или иначе прикасавшимся къ составленію описи. Любопытно что духовныя персоны угощались, а свѣтскія брали деньгами. Непонятно, какъ и за что ухитрились стянуть консисторскій секретарь разновременно 46 р. и уѣздный одновременно 30 р.

Преосв. Иринея, какъ оказывается, былъ близкій родственникъ Бодянскимъ (кажется, дѣдъ по матери) и отказалъ имъ послѣ смерти часть своего имущества. Изъ замѣтокъ Бодянскаго видно, что племянникъ составителя описи, родной братъ І. М., Ѳеодоръ, ѣздилъ въ Кіевъ „за полученіемъ Иринеевскихъ денегъ и мѣста надзирателя въ г. Полтавѣ“. Одна замѣтка Осипа Максимовича, писанная на ключѣ къ неизвѣстному лицу, показываетъ, что онъ справлялся

о судьбѣ рукописей Ириней: „узнали-ли о свосручной книгѣ жизнеописанія *) преосв. Ириней Фальковского? Напишите мнѣ при случаѣ“.

А. Титовъ.

ВАРІАНТЪ ПѢСНИ О ПРАВДѢ.

Пѣсня о правдѣ записана Л. М. Жемчужниковымъ отъ Вересая. Варіантовъ ея нѣтъ въ сборникахъ. Единственный, болѣе пространный, варіантъ продиктованъ тѣмъ-же Вересаемъ позднѣйшимъ записывателямъ его ренертуара. Предлагаемый списокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ отступающій отъ текста Вересая, записанъ отъ лирника въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи.

Нема въ свѣті правды!.. Правды не зіськати.

А звыкла неправда теперъ правдовати!..

Шо вже теперъ правду ногаля топчють,

А тую неправду медожь-виномъ наповують.

Шо вже теперъ правда слезаи рыдає,

А тая неправда зъ панами гуляє.

Шо вже теперъ правда сидить у порога,

А тая неправда сидить конецъ стола.

Шо тепера правда у тешиой темици,

А тая неправда зъ панами въ свѣтлиці.

Чи ты-жъ, свята правда, умерла, чи ты заключена,

А чи ты, мати рідна, одъ насъ отречевна?

Уже-жъ давно правда, уже-жъ давно вмерла,

А тая неправда увесь свѣтъ пожерла!..

Нема въ свѣті правды! Правды не зіськати!

Тільки въ свѣті правды, що рідный отецъ та мати,

*) Жизоописанія, кажется, не было, а остался Дневникъ Ириней, часть котораго принадлежитъ профессору университета св. Владимира М. Ф. Буданову-Владимірскому. — Р с л.

Горє малымъ дѣткамъ безъ отца, безъ матери, горє ичъ пробути,
Шо завжди плачуть и рыдають, не можуть забути!

Колись були дѣтки—остались сирѣтки,
А не мають помочи собі ни звѣдки...

Ой колибъ намъ Богъ давъ орловыи крыла,
Изнялись мы-бъ, полетѣли ажъ на тее мѣсто,
Де насъ отець-мати спородили.

Колибъ то намъ Господь давъ соловьиини очи,
Изнялись мы-бъ, полетѣли до отца-пепьки хотъ посередь ночи!

Бо вже-жъ кѣнець віку и къ намъ приближився.
Хотъ рідного брата теперъ стережися.

Бо віня хочъ и рідный братъ, то правды не міе,
Вінь тильки устами якъ перами віс.

Изъ няня у судъ стати—правды не зискати,
Тильки срібломъ та злотожъ судью насичати.

Который чоловікъ буде неправду хвалити,
То буде душа пекломъ карана, а тіло горіти;

А который буде чоловікъ святу правду смолняти,
То ему шлетъ Господь милосердныи що день благодати!

Самъ Госнедь есть правда,
Сокрушить неправду,
Сумарить гордыню,
Вознесеть святыню!..

Сообщ. В. Горленко.

ЖЛАДЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

(По списку Лециискаго).

44) Въ Гатномъ подъ корчмою въ углу зарытъ кувшинъ червонцевъ.

45) Въ селѣ Пригоровкѣ подъ корчмою въ углу зарытъ казанъ денегъ.

*) См. «Кіев. Стар.» 1883 г., м. іюль, стр. 592.

46) Въ селѣ Григоронкѣ подѣ горою есть колодезь, въ которомъ разбойники заточили 5-ть звоновъ.

47) Въ Пристѣлкахъ подѣ корчмою кувшинъ червонцевъ.

48) Въ селѣ Пироговѣ недалеко отъ корчмы есть кленъ, подѣ которымъ казанъ червонцевъ.

49) Въ селѣ Гвоздовѣ подѣ корчмою, въ углу, зарыто четыре вѣдра червонцевъ и шпага золотомъ обвитая, а по срединѣ корчмы глекъ червонцевъ.

50) На обуховскомъ полѣ есть гай, въ томъ гаю могила, а въ могилѣ по срединѣ казанъ денегъ.

51) Въ мѣстечкѣ Обуховѣ подѣ колокольнею зарытъ казанъ съ деньгами.

52) Въ селѣ Коначевѣ зарытъ глечикъ червонцевъ въ плотинѣ подлѣ мельницы въ углу.

53) По дорогѣ изъ Дубровки въ Брусиловъ старинъ шляхомъ, который идетъ по надѣ бродомъ, по лѣвую руку, надѣ яромъ, въ 50 саженьяхъ отъ дороги, зарытъ большой казанъ золота и серебра и посуды серебряной.

54) По дорогѣ изъ Лазаровки въ Карашинъ, близъ дороги, надѣ бродомъ, въ одной изъ тѣхъ могилокъ, которые по срединѣ, разбойники закопали казанъ денегъ—золота и серебра.

55) Въ мѣстечкѣ Фастовѣ, въ старомъ замкѣ, насупротивъ стараго бискупскаго дома, прямо отъ угла, на лѣво въ 6 шагахъ зарыта цопозка съ серебромъ.

56) Въ мѣстечкѣ Фастовѣ, во время гайдаматычины, человекъ съ ссѣла Угарашняго положилъ подѣ угломъ церковнымъ, на июльчъ, саквы червонцевъ и послѣ съ Черноморья писалъ объ этомъ своей сестрѣ, но она не умѣла и не успѣла взять денегъ.

57) Палей съ 7000 человекъ шель по приказу Мазепы изъ Житомира въ Богуславъ съ суммою отъ турокъ отнятою, подѣ которою было шесть паръ воловъ. Во время ночлега, по причинѣ худой переправы и изъ страха погони, на васильковскихъ поляхъ, выше села Яхновъ и выше Половецкой, подѣ Яхны вправо, а въ Половецкую влѣво, въ руканѣ черного лѣса и близъ криницы, на разстоянiи наденiя брошенной палки, вырылъ яму и зарылъ деньги, именно: шѣдъ къ лѣсу

на западъ, а отъ мѣди въ 12 шагахъ на востокъ 12 полубочковъ серебра. Примѣты клада суть три дороги: первая на Ставищи, вторая на Романовку, а третья на Кійловку.

58) Въ селѣ Плисецкомъ васильк. уѣзда есть озеро, подлѣ него могила песчаная, а въ могилѣ зарыта польская большая бричка денегъ серебромъ и золотомъ. Это преданіе вѣрное.

59) Подъ Плисецкимъ есть круглое озеро, посреди его бугоръ, а въ бугрѣ воловая кожа денегъ.

60) На васильковскомъ полѣ стоитъ лозовый кустъ, подъ коимъ зарыто гетманомъ въ казанѣ 50,000 червонцевъ.

61) Въ Гребенкахъ подъ церквою казанъ денегъ.

62) На васильковскихъ поляхъ, подлѣ гаю, есть могила, въ которой зарыты казанъ серебряныхъ денегъ.

63) Въ Бѣлой-Церквѣ подъ церковию Рождества Христова гайдамаки Швачка, Гонга, Початуха сотникъ и Гнида Покотило десятникъ, вырѣзавъ Умать, спрятали три сака денегъ съ примѣтою: въ 3-мъ деревѣ отъ подвалины проверчена дырочка, въ дырочку для знака вложено три червонца и опять она забита колочкомъ. Противъ той дырочки подъ подвалиною не глубоко и деньги.'

64) Въ м. Бѣлой-Церквѣ трое сбили ящичъ изъ досекъ, насыпали оные золотомъ и серебромъ и закопали подъ церквою св. Николая каменною, куда св. Николай стоящій до крылоса плечами смотритъ чрезъ окно прямо на это мѣсто, отъ котораго для знака положено три камня, въ пяти шагахъ по правую руку при входѣ въ церковь.

65) Въ Ржищевѣ, подъ горою, близъ дороги лощина, въ лощинѣ береза, отъ которой понинѣ одивъ пень остался, а подъ пнемъ полный котель денегъ.

66) Въ селѣ Стайкахъ, не доходя Ржищева, въ крайнемъ домѣ у козака есть великій садъ, огороженный лозовымъ плетнемъ до самаго Днѣпра, въ томъ саду, въ углу, около Днѣпра, казанчикъ червонцевъ.

67) Въ селѣ Гусачовкѣ подъ корчмою, съ лѣвой стороны, въ углу зарыты 4100 рублей серебромъ.

68) Въ Орешковѣ зарыты колоколъ съ червонцами и перлами и накрытъ камнемъ тамъ, гдѣ была шибиница.

69) Въ селѣ Германовкѣ, въ греблѣ или плотинѣ, возлѣ скрини, по которой вода бѣжитъ, именно на три аршина отъ скрини, зарыто много денегъ.

70) За Германовкою двѣ могилы близняты, между ними фастовскій шляхъ и изъ Германовки на Фастовъ. На перекрестной дорогѣ кладь.

71) Отъ Вогуславля въ пристанищѣ подѣ крестомъ два глека червонцевъ подѣ огнищемъ.

72) Въ Ведмедицахъ при выходѣ изъ села крестъ и на крестѣ слова вырѣзаны: погребенъ Иванъ козакъ, и тамъ три ведра рублей серебряныхъ.

73) Въ лѣсу Лебедянъ есть монастырь, по имена Мокрынъ дѣвичій, около котораго есть могила, на могилѣ верба, въ среднѣхъ пустая, а въ вербѣ червонцы.

74) Понизе этой могилы стоятъ три граба, подѣ среднимъ изъ нихъ лежить три пуда памистъ еврейскихъ.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ одномъ изъ номеровъ „Кіевской Старины“ былъ отмѣченъ интересный фактъ, что обитатели острова Лети, въ бывшей Задунайской Сѣчи, называютъ себя не иначе, какъ „запорожцами“. Однородный фактъ можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны, Такъ въ овручскомъ уѣздѣ, волынской губерціи, въ мѣстечкѣ Народичахъ жители не знаютъ себѣ другаго названія, какъ „запорожці“.— Что означаетъ этотъ фактъ и пѣтъ-ли другихъ подобныхъ ему?

Кстати, въ томъ-же мѣстечкѣ, еще не далѣе четырехъ лѣтъ. въ ярмарочные дни можно было встрѣтить одного изъ представителей рѣдкаго уже теперь типа „старосвѣтскихъ кобзарей“. То былъ „лірникъ Савка“, знавшій очень много старыхъ думъ. Постоянное жительство онъ имѣлъ въ одной сосѣдней слободѣ. Другой-же кобзарь, Иванъ, житель самаго мѣстечка, зналъ, кромѣ думъ, много историческихъ преданій.—Привожу свѣдѣнія о нихъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, найдутся любители украинской старины, которые пожелаютъ воспользоваться народическими кобзарями (они вѣроятно, еще живы) для цѣлей историко-этнографическихъ.

Прапорщикъ Т. Зиньковскій.

Житомиръ, 11 іюля.

ИЗЪ ОБЛАСТИ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРЬЙ.

Подобно тому, какъ голубь въ Великороссіи, такъ у насъ, въ Малороссіи аистъ считается священной птицею. Если онъ советъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на крышѣ, или около жилья, то это у нашихъ поселянъ считается милостью Божіею и никто его оттуда не гонитъ. Деревенскія дѣти, гоняясь за птицами, никогда не затрутъ „черногоза“, даже спугнуть его считается грѣхомъ. Такъ почитается крестьянами эта птица. Недавно я узналъ почему. Привелось мнѣ говорить съ крестьяниномъ села Т....а (что въ острожскомъ уѣздѣ, волынской губерніи) и онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ слѣдующій рассказъ.

— Когда Богъ сотворилъ гадовъ, Онъ спрягалъ ихъ въ мѣшокъ и велѣлъ человѣку отнести (куда?—неизвѣстно), строго-на-строго приказавъ не заглядывать внутрь. „Але що то чоловікъ: не витерпівъ, та й подивився“. А какъ увидѣлъ, чѣмъ наполненъ мѣшокъ, то у него отъ ужаса подкосились ноги и мѣшокъ выпалъ изъ рукъ. А гады возьми да и распозись. Что тутъ дѣлать? Идетъ человѣкъ къ Богу: такъ и такъ, говоритъ: не выдержалъ... Богъ ужасно на него разсердился и въ наказаніе за это превратилъ его въ аиста: иди, говоритъ, и собирай гадовъ, которыхъ ты выпустилъ.

По этому повѣрью выходитъ, что аистъ—это человѣкъ превращенный въ птицу. Не удивительно, что въ нашихъ поселянахъ такое къ нему уваженіе.

В. О.

Библиографическое извѣщеніе.

Вышла книга: *Печерская Лавра и къ ней главнѣйшіе пути чрезъ Кіевъ, съ 5 планами и 3 видами*, П. Тарановскаго, составляющая дополненіе къ его-же путеводителю: *Кіевъ и его окрестности*. Ц. 75 к. Продастся въ книжныхъ магазанахъ г. Кіева, въ Лаврѣ и на вокзалѣ ю. з. ж. дороги. Разборъ отлагается до слѣдующей книжки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VI томѣ «Ніевской Старины» *).

Августинъ блаж., запад. церковный писатель IV в., 17.
Авлида, гавань, 30.
Адрианъ, папа римск., 119.
Азовъ, гор., 213, 447.
Аккерманъ, гор., 14, 219.
Александровичъ, кiev. бургомистръ XVIII ст., 554, 555, 556.
Александровскій Серапіонъ, архіеп. каз., затѣмъ митр. кiev., 665, 666, 691 715, 715.
Александръ Павловичъ, в. кн., затѣмъ имп. Александръ I, 235, 238, 241, 259, 553, 669, 681.
Алексѣй Михайл., царь русск., 158, 160, 318, 319, 321, 554, 565.
Алканъ-паша, команд. турецк. галеры, упом. въ думѣ о Сам. Кошкѣ, 215, 216, 217.
Амстердамъ, гор., 334, 338.
Амфитеатровъ Антоній, архіеп. смол., 683, 684.
Авапа, гор., 244, 245, 246.
Андрей, кн., владимір., 449.
Андрей, іером., завѣдыв. раскол. развалинъ Херсонеса, 44.
Анна, жена кн. Влад. см., 37, 38.
Анна Іоанновна, имп. рус. 170, 174, 333, 335, 345.
Автоновичъ В. Б. проф. исторія кiev. универс. 11, 223, 377, 379, 388, 615.

Апостоль Давидъ, гетм. малор., 169, 325, 329, 341.
Аракчеевъ А. А., графъ, 148.
Артемовскій - Гулакъ, украинск. пис., 199.
Аскоченскій В. И., писатель, ред. журн. Дож. Бес., 396, 397, 398.

Багалъй, авт. истор. монограф., 11.
Байронъ, англ. поэтъ, 463.
Байбуза Тих., старш. войск. Донск., 143.
Балабанъ Гедеоунъ, епископъ львовск. 566.
Баятышъ-Каменскій, авторъ исторіи Малороссіи, 140, 142, 152, 162, 663.
Банулеско Гавриль, митр. кievск., 663.
Бартошевпчъ, истор. польск., 40, 143, 276, 287.
Барятинскій, кн., лейт. флота, 42.
Барабашъ Дем., козакий гетм., 144, 145.
Барановичъ Лазарь, арх. черн., мѣстоблюст. кievск. митроп., 160.
Братъ, гетм., членъ малорос. коллегіи, 748.
Баторій Стѣфанъ, кор. польск., 294, 297, 299, 302, 303, 306, 307.
Беневскій, посолъ польск. къ гетм. Выговскому, 114, 115.
Бестужевъ-Рюминъ, канцлеръ при имп. Елисаветѣ, 11, 751.
Богдановичъ, поэтъ, 198.
Богухвалъ Янъ, уполномоч. п. кор. Стефана Баторія, 279

*) Цифры означаютъ стр. тома.

- Богачько Василій, запорожск. судья, 133, 134, 135.
 Бодянский, авторъ «Памятной книжки полтавской губъ», 161, 162.
 Бокій-Печивоскій Гаврило, упоном. кор. Стефана Б., 292, 294.
 Болеславъ II, король польск., 41, 450.
 Боровиковскій, живописецъ, 147.
 Борковскій графъ, польскій литераторъ 40-гъ годовъ, 459, 460, 461, 462, 463, 464.
 Борковскій Вас. полковникъ геральда., 376, 513, 514, 515, 522, 529, 531, 532.
 Борзобогатый-Красинскій Іона, еписк. владим.-волинскій XVI в. 281, 282, 283, 288, 295, 296, 297, 304, 305, 306, 307.
 Борзобогатый-Красинскій Василій, кор. секр. и сборщикъ податей на Во- льня до 1581 г., 275, 305.
 Борзобогатал Анна, его жена, 271, 309.
 Броневскій Мартинъ, посолъ польскій, осматр. разв. Херсонеса, 40.
 Брульовъ, французъ математикъ, 79.
 Брюховецкій Иванъ, малор. гетманъ, 322.
 Брянскъ, гор., 339, 747.
 Бугъ, рѣка, 14, 15, 19, 20, 25, 402, 423.
 Бурносъ Семень, хорунжій черном. войс., 235, 239.
 Бутковъ, рус. истор. писатель, 750.
 Бучевичъ, авторъ «Записки о Пол- тавѣ и ея памятникѣхъ», 161, 164.
 Бучинскій, писат. польск., перев. истор. Карамзина, 646.
 Бѣлевскій Августъ, писатель польск., 459, 662.
 Бѣльскій, польск. пис., 268.

В.

- Вагилевичъ И. Н., галицко-русскій пи- сатель, 453, 663.
 Важинскій, униат. холм. еписк., 736.
 Варшава, гор., 178, 181, 459, 663, 745.
 Василій, явл. греческ., 37.
 Василій III, кн. москов., 113.
 Василько, кн. галицкій, 433, 450, 657.

- Васильчичковъ И. И., кievск. генер.- губернаторъ, 396.
 Вейсбахъ, баронъ, кievск. генер.-губер- наторъ въ 1-й полов. XVIII ст., 127, 756.
 Велычко, малор. лѣтописецъ, 218, 219, 222.
 Вересай, малорос. бандуристъ, 773.
 Варсанофій, архиманд. сербск., 548.
 Вясла, рѣка, 19, 406, 457.
 Ватошнянскій Іоаннъ, вице-ректоръ львов. семинар. 458.
 Витебскъ, гор., 143.
 Витковичъ, архиманд. сербск., 548.
 Вишневецкіе кн., 286.
 Владиміръ, кн. галиц., 428, 450.
 Владиміръ на Клязьмѣ, гор., 109, 449.
 Владиміръ-Волинскъ, гор., 275, 423.
 Владиславъ IV, кор. польск., 329.
 Водолазь Нв., судья запорожскій, 134.
 Волга, рѣка, 15, 19, 22, 434, 435.
 Волковскій Семень, кн., завѣдывавшій провіант. частію въ пол. XVIII в. 758.
 Володаръ, кн. галиц., 657.
 Воронцовъ С. кн., генер.-губери. ново- рос. края, 45, 244.
 Врончечко, перев. Шекспира на р. яз., 52.
 Выговскій, гетманъ малор. 111, 114, 115.
 Вяземскій кн., поэтъ, 64.
 Вѣна, ст. Австрія, 71, 274, 454, 464, 585.

Г.

- Гавріилъ, митр. кievск. 543, 548, 559, 665.
 Гаммерштейнъ, австр. генераль 50-гъ годовъ вын. ст., 465.
 Гейденштейнъ, лѣтописецъ, 221.
 Гейль, авторъ русск. грамматикъ, 646, 663.
 Геродотъ, греч. историкъ, V в. до Р. Х., 13, 14, 15, 19, 20, 24, 25, 29, 411.
 Гизель Никокентій, игумень кievо-ки- рияловск. мон., 100, 160.
 Гладкій Давидъ, полковн. запорожск. XVIII в., 759.
 Глуховъ, гор., 169, 170, 171, 173.
 Глѣбовъ, украинск. писат., 358, 359.

Глѣбовъ, подполковникъ руск. службы въ пол. XVIII в., 128, 138.
 Гнѣдачъ, писат. русск., 198.
 Гоголь Н. В., извѣстн. писатель, 65, 147, 198, 201, 204, 208, 306, 361, 362.
 Голоуковский А., графъ, намѣстникъ Галиціи, 466, 649.
 Головацкій Я. Ѡ., писат. и ученый галицкій, 313, 617.
 Голубевъ С. Т., авторъ книги о митр. Петрѣ Могилѣ, 745.
 Головатый Антошъ, черном. войсков. судья, 234, 239, 347, 348.
 Голубина Палагея, жена поль. Миротвѣча, 591.
 Голубовскій П. В., его двѣ рецензіи, 748, 752.
 Голубинскій, проф., истор., 750.
 Геленбювскій, писат. польск., 373, 378.
 Гольшанскіе, кн. XVI ст., 286.
 Гольшанскій Сем. Юрьев., южнор. кн. XVI ст., 290.
 Гольшанская Марія, первая жена кн. А. Курбскаго, 280, 289, 290, 291.
 Гонта, умаяск. сотнякъ, 166.
 Горленко В. П., литераторъ, 215, 230, 232, 595.
 Грабянка, южно-русск. лѣтописецъ, 218.
 Гребенза, малорус. писатель, 201, 202, 346.
 Гречъ Н., авторъ грамматики рус 651.
 Григорій Михайловичъ, бандуристъ двора имп. Елисаветы, 174.
 Григоровичъ Н., профес. 37.
 Гродно, гор., 275.
 Гунигардъ, названіе южной Россіи, 18.
 Гурияцкій, истор. польск., 268.

Д.

Давидъ, кн. черняговск., 178, 418.
 Давидъ Игор., кн. волынской, 39.
 Давыдовскій, кievск. голова конца XVIII в., 543, 556.
 Давлетъ Гирей, ханъ крымскій, 657.
 Дакія, римская провинція, 16, 21, 28.
 Даль В. И., рус. писатель, 199, 200, 202.
 Даниль, кн. галицкій, 418, 428, 657.

Данилевскій, писат. и редакт., 148, 207, 210.
 Дашкевичъ Евстафій, староста украинск., 141.
 Дашкевичъ Н. П., профес. кievск. унив., 11.
 Десна, рѣка, 80, 402, 415, 417, 426, 434, 535.
 Державинъ Г. Р., поэтъ, 355, 663.
 Дерптъ, гор., 153.
 Діаконъ Павелъ, визант. историкъ, 399.
 Длугошъ, лѣтописецъ польскій, 752.
 Днѣпръ, р., 2, 14, 21, 25, 28, 400, 402, 406, 410, 413, 423, 433, 437, 446, 753.
 Днѣстръ, р., 15, 19, 24, 25, 29, 35, 36, 80, 98, 400, 402, 403, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 423, 426, 427, 434, 439, 440, 443, 444, 547, 589.
 Добролюбовъ, рус. пис., критикъ, 194, 207.
 Добруджа, названіе мѣстности въ устьѣ Дуная, 15.
 Донъ, р., 2, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 400, 407, 412, 414, 434, 435, 438, 439.
 Домицила, племянница имп. Домициана, 35.
 Домицианъ Флавій, имп. римскій, 35.
 Дрезденъ, стол. Саксоніи, 148.
 Дука Михайллъ, имп. греческій, 39.
 Дунай, р., 16, 19, 28, 400, 401, 406, 410, 426, 433, 435, 436, 439, 444, 446.

Е.

Евгеній, митроп. кiev., 76, 311, 312, 313, 315, 316, 715, 716, 718, 772.
 Екатерина I, импер. русск., 169.
 Екатерина II, импер. русск., 178, 179, 180, 194, 259, 541, 554, 690, 713.
 Елисавета Петровна, импер. русск., 170, 328, 339, 345.
 Ешевскій, рус. истор. писат., 11.
 Ефименко П. С.; его статья 169—174, 371—379 и 578—583.

Ж.

- Жабче, село, б. митр. влад.-волинск. епископія, 283.
 Жолкевскій, гетманъ коронный, 143, 218, 219, 220, 221, 589.
 Жолкевскій Лука, племян. гетмана, 589.
 Жуки, село полт. губ., 161.
 Жуковский В. А., поэтъ, 200.
 Журавниціи Александръ, староста луцкій XVI в., 281, 282, 283, 285, 288, 296.
 Журавниціи М., старостяч луцкій XVI в., 284, 307.
 Журавниціи Маркъ, прав. епископъ луцкій XVI в., 276, 288, 293.
 Жураховскій Я., вѣжинск. полковникъ, 513, 521, 523.
 Журавка, гелер. асаулъ, членъ малорос. коллегіи, 738.
- З.
- Заборовскій Рафаилъ, митроп. кiev., 720.
 Заболотскій Влад., москов. выходець XVI в., 295.
 Забѣла П. М., генеральный обозный, 506—538.
 Забѣла Ив. П., знатный войсковый товарищъ, 512—538.
 Забѣлявъ, истор. писатель, 416.
 Загоровскій Вас., каштелянъ брацлав., 288.
 Загоровскіе, волянскіе шляхтичи XVI в., 301.
 Закревскій, авторъ Описанія Кіева, 164.
 Замойскій Янъ, основатель гор. Замостя, 566.
 Запъ Карлъ, писатель чешскій, 459, 659.
 Западный Бугъ, р., 15, 414.
 Збаражскій Янъ, кн., воевода брацлавск., 308.
 Збаражская Маруся, 1-я жена Загоровскаго, 288, 289, 295.
 Зосма Валькевцъ, послѣдній архимандритъ кievо-печерской лавры, 548, 550, 560, 720.
 Зубринскій, галицко-русскій писатель, 11, 459.

И.

- Ибать-Фодлавъ, араб. пис., 658.
 Игватовъ Даміанъ, гетманъ малор., 342.
 Игватовичъ Акимъ, кошевой атаманъ, 131, 135.
 Игорь, кн. кiev., 35, 416, 750.
 Изавовичъ Григ., гетманъ козацкій, 144.
 Иловайскій, историкъ, 417, 445, 446, 747.
 Искра Иванъ, полковникъ малорос., 507.
- И.
- Иерофей Малицкій, митроп. кievскій, 76, 86, 89, 90, 91, 92, 714, 715.
 Юрнаидъ, историкъ готскій VI в., 14, 19, 25, 399, 401, 409.
 Юсифъ, епископъ владимір., 276, 281, 294.
 Юсифъ II, импер. германскій, 181.

К.

- Каменяецъ-Подольскъ, гор., 433.
 Кавтанузовъ, кн., вакашой атаманъ бугскаго войска, 186, 187.
 Калитовъ, епископъ корсунскій, 36.
 Капвистъ, рус. писатель, 198.
 Карамзинъ, историкъ, 10, 11, 155, 355, 646, 751.
 Карпинскій, польск. поэтъ, 274.
 Карлъ XII, кор. шведскій, 591.
 Калайдовичъ, рус. ист. писатель, 647.
 Катрановъ, авторъ біографіи Ив. П. Котляревскаго, 154.
 Квятка-Основьявенко, малор. писатель, 193, 219.
 Кирялъ, св., епископъ александрійскій, 36, 37, 106, 107, 108.
 Киселевъ, министръ госуд. имуществъ, 241.
 Клястиковскій, профес. кiev. унив., 317.
 Клинцевъ, гор., 186.
 Кіевъ, гор., 38, 39, 41, 63, 66, 68, 70, 76, 98, 99, 101, 102, 109, 137, 143, 144, 153, 156, 159, 165, 195, 356, 357, 365, 386, 388, 390, 415, 416, 428, 448, 449, 450, 451, 541, 542, 545,

- 549, 550, 553, 555, 559, 560, 586, 592, 593, 665, 668, 684, 690, 691, 747, 757.
- Кляновичъ, писат. польск., 268.
- Климентъ, епископъ рим., 35.
- Кожинъ Мануиль, имп. греческ., 447.
- Ковашевичъ-Сагайдачный, малор. гетм., 141, 142, 196, 218, 219, 344.
- Ковинскій Георгій, профес. поэзиі кiev. акад., 83.
- Константинь Багрянородный, импер. греческ., 25, 28, 33.
- Константинь В., импер. греческ., 35, 36, 43, 121.
- Константинополь, г., 36, 39, 40, 107, 123, 125, 126, 176.
- Коперникъ, знам. астрономъ, 472.
- Копитаръ, чешскій ученый, 648.
- Корецкій, редак. польск. «Дзєвника» въ Львовѣ, 469.
- Корецкій Богущъ, князь, 281.
- Корсаковъ, истор. писатель, 11.
- Корсаковъ П. А., издатель Маяка, 352.
- Коссовъ Спльвестръ, митр. кiev., 114, 156, 157, 158, 160, 386.
- Косый Иванъ, кошевой атаманъ, 143.
- Костюшко, вождь польск., 472.
- Костомаровъ Н. И., историкъ, 1, 200, 201, 400, 415, 446, 450, 589, 594, 751, 754.
- Котельва, гор. харьк. губ., 323, 324.
- Котляревскій А. А., проф. кiev. универ., 18, 101.
- Котляревскій Ив. П., малор. поэтъ, 146—154, 199, 663.
- Котляревскій Т. Т., наказ. атаманъ черномор. войска, 237.
- Кубекъ-Православъ Ив., профессоръ пражскаго универ., 651, 659.
- Котановскій, поэтъ польск., 268.
- Коліусъ, кiev. коменд. конца XVIII ст., 543, 545, 548, 552.
- Кочубей, генеральный судья, 522, 529.
- Кошка Самуиль, гетманъ козацкій, 148, 754.
- Краковъ, гор., 449, 745.
- Красовскій Василій, игуменъ кievовпрядлов. мок., 100.
- Кременецкій Гавр., митр. кiev., 66.
- Кругневичъ Гавряло, кошев й запорожскій, 143, 220, 221, 379.
- Грыловъ, поэтъ, баснописецъ, 359.
- Крюковскій Ив., бандуристъ, 215, 216, 230.
- Куземскій Михаиль, епископъ холмск., 467.
- Кулишъ, малор. писатель, 197, 201, 230, 356, 362, 368, 753.
- Куракинъ, кн., генер.-губерн. малор., 259.
- Курбскіє Ярославскіє, 565.
- Курбская Ярославская, 565.
- Курскій Андрей, кн., москов. выходецъ, 270, 285, 293, 297, 298, 299, 302, 568.
- Курскъ, гор., 149, 339.
- Кудковичъ Ив., гетманъ запорожскій, 143, 379, 380, 381.
- Кущка Даміанъ, сотникъ, 142.

Л.

- Лавренко, издатель малор. пѣсень, 615, 620, 625, 637.
- Лазовскій Феод., еписк. холмскій, 276, 277, 278, 279, 289, 295.
- Ласки, могилев. катол. прелатъ, 576.
- Лашчаревъ, профес. кiev. дух. академіи, 101.
- Лебедницевъ П. Г., каѳед. протоіерей соф. соб., 101.
- Левяцкій Ив. С., совр. малор. писатель, 363, 367, 370.
- Левяцкій Венед., цензоръ рус. книгъ въ Львовѣ, 458, 648, 649, 650.
- Левъ, кн. галицкій, 657.
- Левъ, св. папа римскій, 120, 121, 122, 123.
- Левяцкій Іосифъ, авторъ галицко русскої грам. 646, 647, 649.
- Лелевель, историкъ польск., 646.
- Леонтьевъ, кiev. генераль-губернаторъ 1-й полов. XVIII стол., 127, 128, 129, 138, 757.
- Леопольдъ, вѣмецк. импер., 181.
- Ливорно, портъ на Средизем. морѣ, 225, 229.
- Линде Самуиль, составитель польскаго словаря. 466.
- Лисенко, изд. сборн. малор. пѣсень, 361, 605.
- Лобановъ-Ростовскій, малор. генер.-губернаторъ, 147, 148.
- Ломиковскій, генерал. зорунжій, 527, 529, 530.

- Домоносовъ, ученый, писатель, 71, 83, 355, 665.
 Лопуляинъ, князь, помѣш. кiev. губ., 153.
 Лукашевичъ, этнографъ, 215, 229, 230, 237.
 Львовъ, гор., 423, 454, 455, 460, 464, 465, 745, 746.
 Тѣсковъ Н. С., современ. писатель, 396.
 Любечъ, гор. черн. губ., родина преп. Автонія печерскаго, 385, 386, 387, 419.
 Любомірскій, кн., попечитель вiствуга Оссолян, 466.
 Любомірскій М., кн., польск. полководецъ, 181.
 Любаръ, кн., фундаторъ церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ, 283.
 Лянгенау, вѣмецк. главнокомандующій, 457.
 Ляницоровскій, староста украинскій, 141.

М.

- Маврикій, визант. импер. 409.
 Магнушевскій, писат. польскій, 459.
 Мазепа, гетманъ малор., 323, 324, 342, 376, 514, 515, 518, 522, 524, 525, 526, 529, 535, 536, 589, 592, 594, 595, 596, 753.
 Максимовичъ М. А., историкъ, ученый, 192, 221, 596, 676.
 Макарій, митроп. москов., авторъ истор. рус. церкви, 155, 750.
 Малинскій, маршалъ волынскій, 281.
 Малой Якияъ, кошевой атаманъ, 138.
 Малая Скинія, нынѣ Бессарабія и Добруджа, 15.
 Малиявекскій Млх., префектъ львовск. сем., 458, 467, 468.
 Малицкій Герофей, митроп. кiev. 665, 684.
 Марія Федоровна, вел. кн., жена в. кн. Павла П., 539, 541, 542, 552, 559.
 Марко-Вовчскъ, псевд. писательницы Маркевичъ, 206.
 Маркевичъ Н., малор. истор. 141, 142, 218, 376, 583, 746, 748, 749, 751.

- Мартинъ, епископъ, сослан. въ Крымъ при имп. Констансѣ, 35.
 Мартиновскій Анаст., архіеп. могалев., 573—578.
 Мезенцовъ, генер. нитендантъ кiev., 543, 552.
 Мейендорфъ, гр., команд. 2 го корпусу въ 1806 г., 146.
 Мелкиседекъ, архим. глу ов., 548.
 Мелитопольск., греческ. колонія, 14.
 Меншиковъ А., кн., рус. вельможа, 169.
 Мерзляковъ, поэтъ, 193.
 Мессина, гавань въ Сицилія, 227.
 Месодій, первоучит. славянскій, 572.
 Мецкерскій Платонъ, кн., членъ малорос. коллегія, 738.
 Мизія, римск. пров., нынѣ Болгарія и Сербія, 28, 435.
 Милорадовичъ, гр., авторъ брошюры о любеч. яв. Б. М., 385, 386.
 Миргородскій, запор. войск. писарь, 132, 134.
 Мирный, украин. писатель, 365, 368, 369, 370.
 Мировичъ, полковн., пасмян. гетмана Мазепы, 589, 590, 591.
 Мироновичъ Ждавъ, фаворитъ жены кн. А. Курбскаго, 290.
 Миславскій Самуилъ, митроп. кiev., 68, 70, 71, 77, 79, 85, 664, 665, 715, 765.
 Митридатъ, царь понтійск., 33.
 Мизалевицъ Н., редак. львов. оффиц. газеты, 648.
 Мицкевичъ, поэтъ польск., 461, 472, 646.
 Мишле, француз. истор. писат., 20.
 Могила Петръ, митроп. кiev., 196, 314, 344, 745, 746, 760, 761, 762.
 Монастырскій Иннокентій, игум. кievо-ыр. мон. XVIII ст., 100.
 Монтедаль, волынск. шляхтичъ XVI в.
 Монтедаты, пасынки кн. А. Курбскаго, 290, 293.
 Москва, гор., 70, 71, 111, 113, 114, 151, 152, 155, 157, 158, 159, 160, 169, 170, 459, 745.
 Моцартъ, композиторъ, 61.
 Мочаловъ, артистъ-трагикъ, 150.
 Мукаловъ, авторъ кн. Географія кiev. губ., 164, 165.

Мурзакевичъ, вице-презид. од. общ. истор. и древн., 44.
 Муравьевъ М. И., гр., вл. генер.-губ., 260.
 Муховъ, гражд. губерн. харьков. губ., 581.
 Мыльская, сестра кн. Гольшанской, 3-й жены кн. А. Курбскаго, 271, 293, 294.
 Мыльский - Кердей - Олзарь, мужъ ея, 293, 294.
 Мышка М., каштелянъ волыиск., 306.

И.

Иаливайко, предв. зап. козаковъ, 141, 142.
 Наполеонъ I, имп. франц., 681.
 Наревъ, р, 15, 25.
 Нарушильчъ, истор. польск., 646.
 Нарѣжный 1-й, рус. рожаницъ, 193.
 Несторъ вреп., лѣтописецъ, 20, 748, 750.
 Несторій, еретикъ, патр. конст., 106, 107.
 Несѣлкій, геральдикъ польск., 280.
 Нечковскій Христоф., гетманъ запорож., 142.
 Никитинъ Ив. Мак., художникъ-портретистъ, 595.
 Никифоровъ Алек., секундъ-майоръ, 129, 130, 131, 136, 138, 139.
 Никопъ, моск. патриархъ, 155, 156.
 Николаевъ, гор., 14.
 Няковіумъ, греческ. колонія, 14.
 Новгородъ В., 109, 747.
 Нѣмцевичъ, польск. писатель, 646.

О.

Одесса, греч. колонія въ Крыму, 14.
 Одынецъ, поэтъ польск., 646.
 Ольга св., кievск. княг., 418, 424, 750.
 Олвiя, греческ. колонія, 14.
 Орандаренко, авторъ записокъ о лугавской губ., 161, 162.
 Османъ Гордый, тур. султ., 219.
 Оссолнискіе, гр., учредители библиотеки въ Львовѣ, 456, 466, 646, 668.
 Острогъ, гор., 100.
 Острожскій Вас., кн., воевода кievск., 269, 286, 304, 305.

Острожская Илина, кн., владѣтельница Янушполя, 293.
 Острожскій К. К., князь, 100.

II.

Павель П., вел. кн., потомъ рус. имп., 559, 541, 542, 552, 559.
 Павловичъ Александръ, еписк. арханг. и полтав., 718.
 Палласъ, ученый, академикъ, 41.
 Палій С., малор. полк., 375.
 Палмеръ, англ. ученый, 155.
 Пантаканея, греческ. колон., 14, 31, 33, 34.
 Папроцкій Барт., историкъ польск., 268.
 Паскевичъ, гр., иаѣстникъ Ц. П., 242.
 Перевазка-Многогрѣшный, малор. гетм., 507.
 Перемышль, гор., 173.
 Переяславль, гор., 173.
 Петрулишъ, сотникъ, 186.
 Петрушевичъ А., каноникъ, галицко-рус. ученый, 116.
 Петербургъ, г., 70, 170, 174, 545, 676, 745, 759.
 Петръ I, имп. русск., 161, 197, 320, 322, 323, 334, 338, 345, 375, 554, 555, 590, 595, 596, 753.
 Плетневъ, писат., 200, 201, 206.
 Плишій, римск. писат., 13, 19, 25.
 Плузь Адамъ, писатель польск., 374.
 Погодинъ М. П., русск. истор. писат., 457, 645, 646, 654, 655, 656, 659, 750.
 Подобѣдовъ Гавр., митроп. петерб., 666.
 Полевой Н., историкъ, 207, 663.
 Полетяка Гр. Ив., чиновн. рус. пос. въ Вѣнѣ, 71.
 Полоусъ, предводитель запорожцевъ, 143.
 Полтава, гор., 144, 148, 149, 150, 151, 152, 161, 162, 163, 164.
 Полуботокъ Пав., полковн., потомъ гетманъ малор., 535.
 Понятовскій гр., генералъ польскій, 549, 552, 558.
 Попель Марбель, еписк. любл., 651.
 Потемкинъ Гр. Ал., русск. сановникъ вр. Екатерины В., 178, 235.

- Потебня А., академикъ, 617.
 Прага, чешск. гор., 459, 585, 764, 765.
 Прокопій, историкъ VI в., 14, 19, 25, 26, 28, 399, 400.
 Прокоповичъ Теофанъ, архіеп. новг., 67, 94, 590, 591.
 Провскій Алек. кн., староста луцкій, 285, 299, 306.
 Пруть, р., 29, 406, 412, 413.
 Прижовъ, литераторъ, 195.
 Птоломей, алекс. ученый, 13, 15, 16, 17, 19, 25, 26, 29, 410.
 Пушкинъ А., поэтъ, 52, 153, 193, 199, 355.
 Пыпяць, лит., журн., 9, 28, 193,

Р.

- Радзивилъ Карлъ, польскій магнатъ, 296, 563.
 Разумовскій К. Г., гетманъ малорос., 317, 546, 549, 552, 755, 757.
 Рей, писатель польск., 268.
 Ренницъ Н. Г., малорос. генер.-губернаторъ, 148, 149, 150, 313.
 Ригельманъ, авт. лѣтоп. пов. о М. Россіи, 218, 219, 222.
 Рижъ, гор., 33, 34, 118, 119, 121, 125.
 Ринотметъ-Юстыяианъ II, визант. имп., 124.
 Ряттяхъ, статистикъ, 7.
 Роголодь, кн. полоцкій, 442.
 Романъ, кн. галицкій, 433, 657, 751.
 Росъ, р., 182.
 Ростиславъ, кн. смоленскій и новгород., 442.
 Румянцевъ П., гр., фельдмарш., 173, 252, 542, 543, 546, 549, 551, 561, 562.
 Рыбальскій, кievск. райца конца XVIII в., 543, 544, 546.
 Рыловъ-Боръ, вибн. луцк. еп., 283.
 Рѣшетняковъ, русск. беллетристъ, 367.

С.

- Садковскій Викторъ, армянск. служб., впол. черняговск. архіеп., 178, 179, 180.
 Самойловъ, генер. прокуроръ, 234.
 Самойловичъ, гетманъ малорос., 323, 376, 508, 515.

- Самоквасовъ, проф., археологъ, 177, 410.
 Самосатскій Пав., патр. антиох., 126.
 Сацбика Никита, судья запорож., 132, 133.
 Сапѣга Левъ, канцлеръ литовскій, 380.
 Сбручъ, рѣка, 16.
 Сверчковскій, предводитель шляхетск. вольницы XVI в., 141.
 Севюги, волявск. шляхтичи XVI в., 287.
 Серафимъ, смол. еписк., 685, 687.
 Сильвестръ, юноша изъ Ливорно, въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ, 225, 226.
 Симоновичъ, рус. офицеръ, упом. въ той-же думѣ, 224, 225, 232.
 Славенецкій Епифаній, южно-рус. ученый XVII ст., 196.
 Скворода Григ. Сав., украинск. писатель, 198.
 Скоробогачъ, зять писат. Н. П. Котляревскаго, 154, 155.
 Скоропадскій, гетманъ малор., 323, 325, 329, 234, 338.
 Сменцкій, оберъ-провіантмейстеръ кiev., 759.
 Смоленскъ, гор., 680, 681, 682, 684.
 Смила, м., кievск. губ., 166, 181, 493.
 Снядецкій, польск. писат., 472.
 Сокольскій, проф. харьковск. унив., 167.
 Сокольскіе кн., Андрей, Солянтъ и Юрій, 280.
 Сомовъ Орестъ, писатель украинск. 30-тъ годовъ нын. стол., 152.
 Срезниковъ, академикъ, археологъ, 167, 168, 210, 750, 753.
 Старицкій, авторъ нѣск. малор. статей и переводовъ, 359, 360, 361.
 Старая Ладога, гор., 109.
 Стеблевъ, м. кievск. губ., 181.
 Стеблянъ-Наменскій, писатель, другъ Пв. П. Котляревскаго, 147.
 Стыръ, р., 19, 303.
 Стрыковскій, польск. истор., 752.
 Суша Яковъ, уніатск. холмск. еп., 111, 114, 115, 116.
 Сухомляновъ, академикъ, 750.
 Сычъ, кошевой атаманъ, 138.
 Сѣвскъ, гор., 339.
 Сѣмьковна Алекс., втор. жена кн. А. Курбскаго, 289, 290.
 Сырко, кошевой атаманъ, 219, 220.

Сѣчь запорож., 127, 128, 129, 131,
134, 138, 139, 195, 237.

Т.

Таврида-Брымь, полуостр., 30, 31.
Таганрогъ, гор., 14.
Тамань, гор., 235.
Тавскій Авт., кievскій полковникъ, 374,
375, 376, 379.
Торещенко А. В., библиографъ, уч.
изслѣдов., 146, 147, 161.
Терлецкій Кирилль, еписк. лудскій, 284,
307.
Тисса, р., 18.
Тискивевичъ Гр., гетманъ козац., 144.
Толстой Левъ, романистъ, 367.
Траянъ, имп. рим., 16, 35.
Туманскій, генер. писарь, 738.
Тушь Янъ, гр., министръ австр., 649.
Туголмынь Т. И., генер.-губ. югоз.
кр., 736.
Тучковъ, кievск. генераль-инженеръ,
543, 552.

У.

Уваровъ, гр., мнн. н. пр., 42, 43, 45.
Угаровъ, артистъ импер. театровъ,
150, 151.
Угрия-Венгрия, 19.
Умань, гор., 166.
Урбанъ VIII, папа римск., 227.
Успенскій Глѣбъ, современ. беллет-
ристъ, 367.
Устряловъ, историкъ, 162.

Ф.

Фальковский Ив. Ак., въ монаш.
Приней, еп. смоленскій и коадъ-
юторъ кievск., 66, 96, 664, 718
и 767—769.
Фяскъ, греческ. черногор. колонія, 14.
Филаретъ, архіеписк. черн., 746.
Флоріанъ Корсакъ, жидичин. арх., 737.
Френъ, ориенталистъ, 659.

Х.

Харлупа, м. на Волыни, 284, 296.
Харьковъ гор., 55, 56, 63, 148, 149,
150, 194, 365, 581.
Херсонесъ тавр., гор. въ Крыму, 30—49
и 446.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ малор.,

111, 114, 115, 140, 141, 144,
155, 163, 219, 220, 222, 319,
321, 325, 326, 333, 334, 335,
338, 340, 342, 506, 507, 588,
754.

Хмѣлецкая, воеводина кievск., 271.

Ц.

Цимискій, имп. греческ., 28.
Цоцюра, крѣпость, 219, 222.
Цукато, гр., комендатъ Умани, 245.
Цыбалистовъ В. Г., помѣщ. кievск.
губ., 185.

Ч.

Чайковский, истор. польск. писатель,
116.
Чарторыйскій Алек., воевода волынский,
293, 294.
Черкассы, гор., 145, 274, 434.
Чернявскій Петръ, зап. войск. писарь,
130, 131, 136, 137, 138, 139.
Черняховскій Петръ, любл. стольникъ,
299.
Черниговъ, гор., 147, 174, 175, 177,
449, 515, 581, 746, 747, 748.
Чернишъ, малор. полков., 530, 533.
Чертковъ, ворон. и харк. г.-губ., 760.
Четвертинскіе князья, 286.
Чубинскій, южнор. этнографъ и ста-
тистикъ, 164, 560, 561, 605,
610, 613, 614, 623, 624, 625,
627, 633, 639, 643.
Чужбинскій, писатель, 201, 206.

Ш.

Шараневичъ, проф. львов. унив., 11.
Шафарикъ, чешск. ученый и висат.,
14, 16, 401, 405.
Шашкевичъ Маркіанъ, галицко-рус.
писатель, 646, 647, 648, 649
659.
Шейнъ, авторъ сборн. великор. пѣ-
сень, 560.
Шевченко, малор. поэтъ, 194, 199,
201, 206, 207, 356, 367.
Шекспиръ, англійскій драматургъ, 52.
Шереметьевъ, русск. бояринъ, 263,
273.
Шеферъ, церковн. писатель, 709.
Шиповъ, майоръ рус. службы, 170,
171.

Шышапкій Варлаамъ, еписк. могилев.,
683.

Шияновъ Теофанъ, кievск. викарій,
в посл. еп. полт., 665, 705, 706.

Шюла, м. кiev. губ., 184.

Щ.

Щелкинъ, артистъ имп. теат., 148.

Щербатскій Тимофей, митроп. кievскій,
720.

Щирскій Иннокентій, монахъ-граверъ
XVII в., 386, 395.

Ю.

Ювеналій, патр. іерус., 121.

Южный-Бугъ, р., 15, 404, 406, 407,
410, 413.

Юрій Владимір., кн. сузд., 420.

Я.

Яблоновскій, кн., магнатъ польск., 181,
184.

Ягелловъ Владиславъ, кор. польск., 321.
Яворскій Стефанъ, митрополитъ, писа-
тель, 314.

Янъ III, король польскій, 273, 564.

Ярополкъ, кн. кievск., 410, 418.

Ярославъ, кн. новгородскій, 98, 419,
424, 450, 451.

Ярославъ, гор., 406, 682, 683.

Яслискій Варлаамъ, митроп. кievск.,
385, 386.

Яхьяновичъ Григ., воиначъ - епископъ
львовскій, 458.

Ѳ.

Ѳеофилактъ Русановъ, архіеп. ряз.,
683, 685, 687.

Ѳеофилъ, имп. греческій, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

	СТР.
I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ (историко-этнографическія замѣтки). Ир. Житецнаго	1
II. ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ. В. Ястребова	30
III. ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ. (Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской провинціи начала тридцатыхъ годовъ). А. Барымова . . .	49
IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, ковадьюгоръ кіевскій. (<i>Продолженіе</i>). Г. Булашева	66
V. ФРЕСКИ КІЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ XII в. (Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.). Адріана Прахова	97
VI. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ЯКОВА СУЩИ КЪ ГЕТМАНУ ВЫГОВСКОМУ СЪ ЦѢЛЮ СКЛОНИТЬ ЕГО КЪ УНИИ. (Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива). Сообщилъ В. Т. М—чь	111
VII. ЗАПОРОВСКІЕ ВЫБОРЫ И ПОРЯДКИ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (По современнымъ описаніямъ). Ал. Андр—скаго	127
VIII. НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОСЕЛѢ ГЕТМАНЪ И ЕГО ПРИКАЗЪ. В. Антоновича	140
IX. ИЗЪ БУМАГЪ И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО. В. Горленна	146
X. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Исторія русской церкви Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII. Спб. 1883 г. — <i>Т—скаго</i> . — б) В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г. — <i>Ивана Матченка</i> . — в) Географія кіевской губерніи. Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г. — г) Историческое обзорѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. Н. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г. — В. А.	155

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. <i>П. Ефименка</i> — б) Археологическая находка въ Черняговѣ. <i>А. Ханенка</i> . — в) Письмо изъ Варшавы отъ 6-го апрѣля 1790 г. — г) Князь Яблоновскій въ человкомъ положеніи. <i>И. Л.</i> — д) Записавшійся во власть помѣщика священникъ. Священ. <i>П. Саббатовскаго</i> . — е) Къ исторіи бугскихъ козаковъ. <i>А. Скальковскаго</i> . — ж) Еще объ украинской злополучницѣ. <i>Ц. Г. Неймана</i>	169
---	-----

Іюнь, 1883 г.

СТР.

I. Г. О. КВИТКА - ОСНОВЬЯНЕНКО. Историко-литературный очеркъ. <i>Н. Маркова</i>	193
II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ МАЛОРУССКОЙ ДУМЫ О САМУИЛѢ КОШКѢ. <i>В. Науменка</i>	212
III. БѢСЛЫЕ И КРѢПОСТНЫЕ ВЪ ЧЕРНОМОРІИ. <i>Ф. Щербини</i>	233
IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (<i>Окончаніе</i>). <i>А. Л. Шиманова</i>	249
V. УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разсказы д-ра Антонія І. (Переводъ съ польскаго).	268
VI. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕВГЕНІЯ, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО, КЪ АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ, РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Сообщалъ свящ. <i>Левандовскій</i>	310
VII. ПРОШЕНІЕ МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА И СТАРШИНЪ, ВМѢСТѢ СЪ ГЕТМАНОМЪ, О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СТАРИННЫХЪ ПРАВЪ МАЛОРОССІИ, ПОДАННОЕ ЕКАТЕРИНѢ II-Ѣ ВЪ 1764 ГОДУ. — Сообщ. проф. <i>А. О. Нистяновскій</i>	317
VIII. ТРИ ПИСЬМА ГР. О. КВИТКИ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ	346
IX. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Малорусскія издавія 1882 года. — б) Повія, романъ П. Мирного. Частиня перша. («Рада», украинскій альмаважъ. Кіевъ, 1883 г.) — <i>В. Г'—ка</i>	353
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Ушыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій). — <i>П. Ефименка</i> . — б) Къ свѣдѣніямъ о козацкомъ гетманѣ Ивандѣ Куцковичѣ. — Сообщ. <i>А. С—ко</i> . — в) Малороссійскіе чины и должности и оклады ихъ содержанія. — г) Гдѣ подлинникъ любечской чудотворной иконы Божіей Матери? — <i>П. Л—ва</i> . — д) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. — е) «Гнідко», варіантъ Кармелюба. — <i>Александра Ом—скаго</i> . — ж) Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII в. — Сообщ. <i>Ал. Маркевичъ</i> . — з) Современный отзывъ кіевлянъ о В. И. Аскоченскомъ. — Сообщ. <i>П. Д—въ</i>	371

Июль, 1883 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (Продолженіе). Ир. Житецкаго	399
II. СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО. (Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича). Я. Г.	453
III. РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЬ. (Изъ еврейскихъ легендъ). Александра Тарнавскаго	473
IV. УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ, его кейфъ и судъ. (По фамильнымъ воспоминаніямъ). Ст. фонъ-Носа	492
V. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ЗАБѢЛА, ЗНАТНЫЙ ВОЙСКОВОЙ ТОВАРИЩЪ. (1665—1703 г.) (Отрывки изъ семейнаго архива). Ал. Лазаревскаго	506
VI. ПОСЪЩЕНІЕ КІЕВА В. КН. ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ И В. КН. МАРИЕЮ ФЕДОРОВНОЮ. (Современное описаніе).	539
VII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые виленскою археологическою комиссіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883 г. В. И.—б) Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г. Замостье.— <i>Посторонній</i>	563
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминаніе объ архіепископѣ могилевскомъ и мстиславскомъ Анатоліѣ. Н. Пирожкова.—б) Подозрѣвіе, взведенное на проезжающихъ въ отравленіи воды во время холеры 1848 г. П. Ефименка.—в) Административное распоряженіе по поводу слуховъ о конціи мѣра. П. Ефименка.—г) Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. Сообщ. Ф. Щербина.—д) Покровская церковь въ Черкаславлѣ. А. Т.—е) Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.—ж) О портретахъ Мизепы. Ф.—з) Современные стихи на пѣмѣху Мизепы. Сообщ. П. Л.	573

Августъ 1883 г.

I. КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ. Ц. Г. Неймана	659
II. КЪ ИСТОРИИ ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. (Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). Я. Г.	645
III. ПРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадьюторъ кіевскій. (Окончаніе). Г. Булашева	664
IV. ДВА ДОКУМЕНТА О ХОЗЯЙСТВѢ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII ст.	719

- V. ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА. Записка поданная генераль-губернатору Тутолмину жадичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ. *Сообщилъ В. Т. М—чъ*. 735
- VI. УКАЗЪ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ 738
- VII. БИББІОГРАФІЯ: а) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ, 1883 г. 1225 стр.—*П. Л.*—б) О достопамятносвязъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г.—*П. Голубовскаю*.—в) О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.—*П. Голубовскаю*.—г) Дополненіе къ «Покажчику новоі украинскоі літератури» М. Комарова.—*М. Гаврилова*. 741
- VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Какъ получали запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье.—б) Почему десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ десятиннаго Николая? *П. Л—ва*.—в) Удѣлявшая Старина. *М. Гаврилова*.—Выдержки изъ сборника украинскаго дѣвчьяго монастыря.—г. Не привившійся на полтавской почлѣ ревень. *Ө. Ни—ка*.—д) Во что обошлась опись библіотека преев. Иринея Фальковского послѣ его смерти. *А. Титова*.—е) Варіантъ лѣсни о правдѣ. *Сообщ. В. Горленко*.—ж) Клады въ предѣлахъ кіевской губерніи.—з) Вызывающее сообщеніе. Прапорщ. *Т. Зиньковскаю*.—п) Изъ области народныхъ повѣрій. *В. О.* . . 751
- IX. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

1883 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

Въ журналъ помѣщаются:

- 1) Общеизвестныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.
- 2) Общеизвестныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.
- 3) Церковныя слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія правоучительныя произведенія.
- 4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.
- 5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.
- 6) Стихотворенія.
- 7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.
- 8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.
- 9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.
- 10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
- 11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.
- 12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзор *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библиографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная летопись*: ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, входящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія и замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и еднновѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россію и доставкою въ С.-Петербургъ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургъ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

газету политическую, экономическую и литературную

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новоросійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предыдущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.		Съ доставкою и пересылк.			Безъ доставки и пересылк.		Съ доставкою и пересылк.	
На 1 мѣс.	1 р.	30 к.	1 р.	50 к.	На 7 мѣс.	8 р.	30 к.	9 р.	50 к.
» 2 »	2 »	60 »	3 »	— »	» 8 »	9 »	60 »	11 »	— »
» 3 »	3 »	85 »	4 »	50 »	» 9 »	10 »	— »	11 »	50 »
» 4 »	5 »	— »	6 »	— »	» 10 »	11 »	— »	13 »	— »
» 5 »	6 »	30 »	7 »	50 »	» 11 »	11 »	50 »	13 »	50 »
» 6 »	7 »	— »	8 »	— »	» 12 »	12 »	— »	14 »	— »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россію слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предыдущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Вносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовыя по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ бесплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно белегтристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ влѣчать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ, при выискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи направленія университета.

Гг. ипогородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ комиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Кредацкая, бывший книжный магазинъ Лятова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ официальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библиографическій*. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обзорѣ выходящихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

лаетъ въ годъ до 500 страницъ. Кроме того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библиотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. я.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ЛУЧЪ“.

„ЛУЧЪ“ издается безъ предварительной цензуры; экономическіе вопросы русской жизни въ немъ поставлены на первый планъ. Передовыя руководящія статьи и корреспонденціи, изъ всѣхъ мѣстностей имперіи, составляютъ его характерную особенность. Между подписчиками и редакціею существуетъ тѣсная нравственная связь. «ЛУЧЪ», въ отличіе отъ прочихъ иллюстрированныхъ журналовъ, представляющій одно собраніе картинокъ и повѣстусшекъ, является настоящимъ журналомъ, со строго обдуманною программою и памфлетными пѣльми. *Либеральный и патриотическій журналъ «ЛУЧЪ» приобрѣлъ сочувствіе русскихъ людей, борясь со зломъ, хищеніемъ и всякою неправдою.*

Не увеличивалъ подписную цѣну, редакція дастъ въ 1883 году, на улучшеніе ной бумагѣ, за 6 руб. съ доставкою и пересылкою:

52 иллюстрированныхъ номера, два печатныхъ листа каждый.

12 большихъ книгъ—приложеній романовъ и повѣстей.

Шесть бесплатныхъ сюрпризовъ: Большую олеографическую картину. Четыре пейзажа акварелью (красками). Альбомъ 20 видовъ Петербурга (фото-типія) въ переплетѣ.

Желающіе подписаться на одинъ «ЛУЧЪ» безъ книгъ и сюрпризовъ, платятъ за годъ съ перес. ТРИ р.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться передовая статья С. С. Окр—ца,

Для будущаго года въ редакціи имѣются матеріалы: 1) „Черный годъ“, большой историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. С. С. Окрейна. 2) „Болванъ выдала“, романъ покойнаго Н. И. Глушицкаго. 3) „Ящикъ Павдоры“, повѣсть Николаевой. Кроме того, въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: „Исторія завоеванія Перу и Мексики“, Вильяма Прескота и интересный большой романъ „Золотая Свинья“, соч. Фортюне-дю-Буагобей.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 15, въ редакціи журнала „ЛУЧЪ“.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„КУВАНЪ“

газета общественная, литературная и политическая.

(второй годъ изданія).

Выходить отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ ЕКАТЕРИНОДАРЪ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

Цѣна съ пересылкою 7 руб. за годъ, 4 руб. за $\frac{1}{2}$ года и 2 руб. за $\frac{1}{4}$ года.

Редакторъ-издатель Н. Т. Мойсеенко.

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

ВАРШАВА. Въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая, [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Исслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библиографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

a) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

b) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебняковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель А. Смирновъ.

Е Ж Е Д Н Е В Н А Я Г А З Е Т А

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по слѣд. программѣ:

ВНУТРЕННИЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экомической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столѣчныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хроннку событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и рассказы, оригинальныя и переводныя. Очерки провинціальной жизни. Художественная лѣтопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству, узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мирѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальныя рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ, отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полуторные номера, въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, рассказы и др. выдающіеся произведенія отечественной и иностранной литературы.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой:
на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р., одинъ мѣсяць 1 руб.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ:
на годъ 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяць 1 р. 25 к.

Денжные пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер., д. Доре, № 10.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. сѣверо-западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

П О Д П И С Н А Я Ц ѣ Н А :

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,

На годъ 8 р.
— полгода 4 > 50 к.
— 3 мѣсяца 2 > 40 >
За 1 мѣсяць — > 80 >

Ся пересылкою по почтѣ въ другіе города,

На годъ 10 руб.
— полгода 5 >
— 3 мѣсяца 3 >
За 1 мѣсяць 1 >

При пересылкѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При пересылкѣ адреса городского на иногородный, кромя 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣны по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» (*Виленская улица, домъ г. Лемскаго*), въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина (*Большая улица, собственный домъ*) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскогъ Вѣстникъ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика (*уголъ Невскаго и Милой Морской, домъ № 11*); въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля (*Шокровка, домъ Солодовникова*); въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера (*Сенаторская, домъ № 22*); въ Парижѣ, у Гаваса (*Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8*); въ Лондонѣ, у Даубе (*London, 130, Fleet, street, E. C.*); въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера (*Gänsemarkt, 58*).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всеми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штуттартѣ, *Зубчанинову* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева*.—Женщины Пугачевского возстанія. *А. В. Арсеньева*.—Выгорѣвціе совратители. *Его-же*.—Генераль Антоній Езеранскій. *Н. В. Берга*.—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его-же*.—Разказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской*.—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго*.—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь *А. А. Шаховской*). *Е. М. Гаршина*.—Чума и Пугачевщина въ Шапцкой провинціи. *И. И. Дубасова*.—Меньшиковъ и вадѣние монаха Порфирія. Разказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есимова*.—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Ею же.*—Вытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шпка въ 1877 году. Огрызокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Умирненіе польскаго мятежа въ Киевской губерніи въ 1863 году. *Ею же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣтели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Льскова.*—Изъ Бишиневской старини. (Разказы о Пущинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *А. С. Мацневича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминаія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавровскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скитическое матеріалистическое направление въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очеркъ изъ современной украинской литературы. *Н. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разказъ изъ семейной хроникки. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаій. *П. С. Усова.*—Булгаринъ въ послѣдніе десятилѣтіе своей жизни. *Ею же.*—Воспомяваніе п замѣтки. *Ө. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника», и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе вѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божию. Разказъ *В. Н. Майнова.*—Плавни. Разказъ *С. В. Максимова.*—Соціалістъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордошцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ө. М. Уманца.*—Сувѣрія человѣчества. *М. К. Цибриковой* и др.)—Статьи эти будутъ непременно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ «Историческому Вѣстнику», съ ливарьской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ «Кромвель».

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины «Новаго Времени»: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколий перелетъ».

ПРЕМИИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки 4 р., съ перес. 5 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 3 р.; на 1 мѣс. 75 к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатлука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія — отнѣчаться по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостью* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрагивающимъ интересы духовенства и общества, мы вѣстѣ съ тѣмъ всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1883 г. будетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, крохѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случая общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣсти.» на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяць 1 р. Годовая цѣна за границей 10 руб. Отдѣльные ММ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ официальной своей части, составляющей официальный органъ св. синода, печатаетъ *столна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофициальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянныя отдѣлы* (кромя передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библиографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромя этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и корреспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣсти.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «Толкованія на ветхій заветъ» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «Толкованія на книгу Псалмовъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «Толкованія на книгу пророка Исаіи», такъ что къ концу 1883 г. выйдеть *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала съ «Толкованіями на Ветхій Заветъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣсти.»—пять руб., за «Христ.

Чтеніе съ «Толкованіями» — пять руб. За границей для всѣхъ мѣсть: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣстн. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близь Знаи. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3), или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

(ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Газета общественная, политическая и литературная
ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и виѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Последнія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденція «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Виѣшнія извѣстія. IX. Виѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Сжѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVII. Стороннія сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскаяхъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспондентій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 чѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. . . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, прифотомъ болѣе удобнѣе, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель. А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ“

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Рубоводящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библиографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Виржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ.	3 р. 30 к.
На $\frac{1}{2}$ года	1 „ 80 „
На 3 мѣсяца.	1 „ — „
На 1 мѣсяць.	— 40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Июгородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну такового новыиъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства прилачиваютъ къ подписной цѣпѣ 20 к., адресуя въ г. Житомирѣ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Блопскій.

„ДѢЛО“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Издается въ Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, подъ редакціею В. Барвинскаго.

Съ 1-го января 1883 года выходитъ три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна на годъ 12 рублей, полгода 6 р., а на три мѣсяца 3 руб.

При газетѣ, по прежнему, будетъ издаваться *«Библиотека повѣстей»*, выходящая два раза въ мѣсяцъ, 15 и послѣднихъ чисель, по 2 печатныхъ листа.

Цѣна *«Дѣла»* вмѣстѣ съ *«Библиотекой повѣстей»* на годъ 16 руб., полгода 8 руб., три мѣсяца 4 руб. Отдѣльно *«Библиотека повѣстей»* — на годъ 5 р., полгода 2 р. 50 коп., Приплачивающіе два рубля получаютъ 26 печат. листовъ неоконченной въ 1882 году повѣсти: *«Грудь и деньги»*.

Подписываться можно въ редакціи *«Дѣла»* (Львовъ, ул. академическая, № 8) и въ редакціи *«Кіевской Старины»* (Кіевъ, Соф. площ., д. Севастьяновой).

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія).

Программа, сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), разнѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ	6 руб.
на полгода	3 р. 50 к.
одинъ мѣсяцъ	— 75 к.

Простятъ адресоваться: въ Повочеркаскъ въ редакцію *«Донскаго Голоса»*.

Редакторъ издатель *Е. Д. Жижмановскій*.

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „Записокъ“: протоколы общихъ собраний Отдѣленія, засѣданій Совета Отдѣленія и назначенныхъ Отдѣл. комиссій, правительственныхъ распоряженій, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кроме того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься статистическія свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и въ Россіи 8 рублей въ годъ, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Киевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставѣ 1882 г. — 10 р. 50 к.

Подписка принимается въ Бюро Киевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (Кіевъ, Верхне-Владимирская улица, домъ Талары, близь опернаго театра), а также: въ С.-Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій (Невскій пр., Мал. Морская, № 11.); въ Варшавѣ: въ конторѣ Райхманъ и Френдлеръ (Сенаторская, д. № 22.) и въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнеръ.

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или въ мѣсто	
	до 16 строкъ	болѣе 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп.	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7 1/2 „	5 „

За разницу при „Запискахъ“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ cadaго листа по 6 руб.

Гл. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адресахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „Записокъ“ просить заявлять по слѣдующему адресу: Т. И. Лоначевскому (Кіевъ, зданіе Университета).

„С Л О В О“

Вступая въ XXIII годъ своего изданія, наша газета останется вѣрною своей программѣ: честно и бодро стоять до конца за права русскаго народа въ Австро-Венгріи и защищать правду, о сколько то сегодня намъ возможно.

Газета наша, какъ до теперь, такъ и въ 1883 году, будетъ выходить три раза въ недѣлю: по *Вторникамъ*, *Четвергамъ* и *Субботамъ*, за исключеніемъ праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Подписная цѣна на „Слово“ остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

безъ почтовой пересылки

На цѣлый годъ: На полъ года: На одинъ кварталъ: На одинъ мѣс.
12 р. — кр. 6 р. — кр. 3 р. — кр. 1 р. — кр.

Съ почтовою пересылкою въ Австро-Венгріи:

14 зр. — кр. 7 зр. — кр. 3 зр. 50 кр. 1 зр. 20 кр.

Съ почтовою пересылкою за границу:

17 зр. — кр. 8 зр. 50 кр. 4 зр. 50 кр. (14, 7 и 4 рублей).

Частныя лица въ Россіи могутъ газету выписывать во всѣхъ «конторахъ газетъ», въ головныхъ «экспедиціяхъ газетъ», а также прямо въ нашей конторѣ, адресуя: «Въ г. Львовъ, Галиція, въ контору газеты «Слово».

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
› полгода	4 › 80 ›	› полгода	6 › — ›
› три мѣсяца	2 › 40 ›	› три мѣсяца	3 › — ›
› мѣсяць	— › 80 ›	› мѣсяць	1 › — ›

За границу (подъ бандеролью); за годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., на мѣсяць—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ контору редакціи «Варшавскаго Дневника», въ Варшавѣ, Медовая, 18.

Редакторъ: Князь Н. Н. Голицынъ.

„УСТОИ.“

Литературный, научный и политическій журналъ „УСТОИ“ будетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтописи событій, корреспонденціи, судебные отчеты.

5) Политическій отдѣлъ: обзоръ жизни иностранныхъ государствъ.

6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.

7) Театръ и музыка.

8) Сибирь: краткія сообщенія и желкія замѣтки.

9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: Л. П. Абрамовъ (Одессовецъ), М. П. Альбовъ, Александръ, К. Баранцевичъ, Максимъ Бѣлинскій, С. А. Венгеровъ, В. В., Алексѣй Ник. Веселовскій, О. О. Вороновъ, В. М. Гаршинъ, Н. П. Ивановъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, С. Н. Кривенко, Н. В. Максимова, Н. М. Минскій, Д. Я. Мордовцевъ, Н. Морозовъ (М. А. Протопоповъ), С. Я. Надсонъ, Н. П. Паужовъ, В. П. Орловъ, А. Н. Плещеевъ, А. В. Погосевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. П. Селевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. П. Стороженко, проф. К. А. Тихирязевъ, Гл. П. Успенскій, О. А. Щербява, О. О. Эрисманъ, проф. Н. Н. Явкуль, П. В. Якубовичъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушанская ул., д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Цевскій проспектъ противъ Госпитнаго двора № 46.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—10 р., съ доставкою въ Петербургъ.—11 р., съ пересылкою въ другіе города—12 р.; на полгода: безъ доставки—5 р. 50 к., съ доставкою въ Петербургъ—6 р., съ пересылкою въ другіе города—7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ не позже выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленнаго въдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о переѣздахъ адресовъ адресуются исключительно въ контору „УСТОЕВЪ“

Новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО.“

Ежедѣльный художественно-литературный органъ поэзіи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всевъ отраслямъ искусства. 2) Статьи по теоріи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры пестерб. и москов. театровъ и выставокъ. 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣстія изъ всехъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. новости изъ заграница. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Париза, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана, Мадрида. 7) Хроника текущихъ событій по всевъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетоны. 9) Биографіи, жезуары, воспоминаанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кроме того, „справочный отдѣлъ“ со всѣмъ необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и антрепренеровъ. Два раза въ мѣсяцъ (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый номеръ журнала отъ 1½ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ гроб. „Вс. Иллост.“

Подписка прин. въ конторѣ редакціи: ул. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв. № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Для иногород.	За границу.
Годъ. . .	8 руб.	9 р. 50 к.	10 р.	14 р.
Полгода. .	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р.	8 р.
3 мѣсяца. .	3 руб.	3 р. 50 к.	4 р.	5 р. 50 к.

Разсрочка платежа допускается черезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи. Иногородные подписываются исключительно въ конторѣ редакціи.

Въ предстоящемъ году журналъ „Искусство“ предполагаетъ дать слѣдующую галерею большихъ портретовъ, исполненныхъ по заказу редакціи въ Парижѣ, по повелію цинкографическому способу.

Шекспиръ (снямокъ съ неизвѣстнаго еще портрета въ Россіи), Дидеро, Тениссонъ, Словацкій, Хмѣльницкій, кн. Шаховской, Рашель, Гаррижъ, Малаибранъ, Паста, Мочаловъ, Асенкова, Щенкль, Шумскій, Берліозъ, Листъ, Даргомыжскій, Вагнеръ, Мусоргскій, Канова, Деларошъ, Маккартъ, Брюдовъ, Ивановъ, Автокольскій.

Редакторы-издатели **Ө. Грнднинъ** и **В. Чуйко**.

При главной конторѣ журнала „Искусство“ принимается подписка на „Библиотеку европейскихъ писателей“ (2 годъ), изд. В. Чуйко, 10 вып. въ годъ. 6 руб. съ пересылкою.

„ВАЗА“

дамскій иллюстрированный литературно-модный и руководѣльный журналъ.

(СУЩЕСТВУЕТЪ 52 ГОДА).

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Ивановская, № 14.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала, т. е. **24 номера литературныхъ** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, путешествія, разные извѣстія, повости, и т. п.) и **24 номера руководѣльно-модныхъ** (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ, рисунки парижскихъ модъ и руководѣній, модную хроніку, домашнее хозяйство). Новозобрѣтенія по части модъ, медицины, косметиковъ и т. д. 1000 полтинажей въ текстѣ. 24 модныя раскрашенныя гравюры. Исполняются и печатаются заграницей по подлиннымъ парижскимъ образцамъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ—въ натуральную величину.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ (до 1000 формъ и узоровъ).

12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ для различныхъ женскихъ руководѣлій.

Карманный календарь на 1883 годъ, заключающій святыи и необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 1883 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно:

I. Туфли съ окончательно вышитымъ узоромъ. Вышивка передовъ исполнена вышуклымъ бархатымъ швомъ (цѣна въ отдѣльной продажѣ 4 руб.).

- II. Олеографическая картина (ландшафт) громадных размѣровъ $1\frac{1}{4}$ аршина длины и $14\frac{1}{4}$ вершок. шир. Картина исполнена въ 20 красокъ, въ королевскомъ олеографическ. институтѣ въ Берлинѣ. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.).
- III. Шарфъ à Valenciègre изъ тюля съ накладной вышивкой по концамъ. Новость, весьма изящной заграничной работы.
- IV. Салфетка для сахарницы, узорчатого тканья съ дѣлной бахромой.
- V. Корзинка рабочая
- VI. Башмачекъ для часовъ
- } Обѣ вещи изъ тисненнаго papier-mâché со вставками для вышивки.

Образцы премій можно видѣть въ Редакци.

Раздача и разсылка премій начнется съ первыхъ чиселъ Января, по старшинству поступления подписныхъ денегъ.

ПО Д И С Н А Я Ц Ъ Н А :

	Съ пересылкой	Безъ пересылки.	
На годъ съ преміями	12 р.	11 р. — к.	} На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 копѣекъ-
„ „ безъ премій	7 р.	6 р. — к.	
На $\frac{1}{2}$ года съ преміями	9 р.	8 р. — к.	
„ „ безъ премій	4 р.	3 р. 40 к.	

„МОСКВА“

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Большое еженедѣльное иллюстрированное изданіе съ разными бесплатными приложениями и пятнадцатю роскошными художественными преміями, рисованными цвѣтными тонами извѣстными русскими художниками по заказу редакціи; эти большія картины, отпечатанныя, въ золотыхъ рамкахъ, на выходящей изъ заграницы веленевой бумагѣ, въ концу года составятъ богатый альбомъ, а вставленныя въ рамы могутъ служить украшеніемъ каждой гостиной.

Такихъ художественныхъ приложений редакціей будетъ разослано въ теченіе 1883 года болѣе пятнадцати.

Вотъ краткій перечень картинъ, которыя уже приобретены редакціей для подписчиковъ на 1883 годъ.

Рисунка, акварель Профессора *В. В. Пукирева*. Чумаки, рисунокъ тонами академика *А. К. Соверсова*. Сельская лужаря, акварель академика *К. А. Трутовскаго*. „На сѣверѣ далеко стоишь одиноко на голой вершинѣ сосна“, пейзажъ художника *И. И. Левитача*. „Мышку подиали“, акварель художника *А. И. Левитача*. Юзичъ Грозный прель Фляппонъ митрополитомъ, рисунокъ сеніей профессора *В. В. Пукирева*. „Черный ковъ“, рисунокъ въ поэмѣ: „Еще одинъ, поцѣлуй“ рисунокъ цвѣтными тонами, „Вальпургіева ночь“, фантастическій рисунокъ, „Странники“, акварель „Пять Ярославны“ истер. рисун., „Алеша Поповичъ“, Тяга, аквар., „Приволжская вольница“, аквар. и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ состоявшими сотрудниками на 1883 годъ будутъ: Профессора живописи *В. В. Пукиревъ*, *К. А. Трутовскій*, академики *А. К. Соверсовъ*, *С. И. Грибковъ* и художники Лебедь, Богатый, А. Левитачъ, Шортъ, Коровинъ, Протопоповъ, Симоновъ, Матвѣевъ, Клангъ, Рабушкинъ, Святославскій, Чеховъ, Турлигинъ, Россоль и мног. друг.

Журналъ „Москва“ будетъ выходить въ 1883 году въ значительно увеличенной прозвѣ прежняго програмѣ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, всего, 50 №№ въ годъ, печатанныхъ на роскошной глазированной бумагѣ и кромѣ **пятнадцати художественныхъ премій**, въ теченіе года будетъ помѣщено множество виньетокъ, портретовъ выдающихся дѣятелей и болѣе 200 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ красками.

Вотъ тѣ сюжеты, которые уже приобретены редакціей:

Сюжетны въ купеческомъ домѣ, Катя, близоліяца (поэма изъ народнаго быта), Оправданный, Тиня темнаго царства (10 рисунковъ), Ванька Ключникъ, Не гулялъ съ кистенемъ а въ дремучемъ лѣсу, Домовой на купеческой свадьбѣ (15 рисунковъ), Сѣнокосъ, Лысая гора (нѣсколько фантастическихъ картинокъ), „Пьяная почъ“ (Некрасова), Охотничья сцена, „Самъ иллиминилъ“, Потокъ богатырь, Кабатчикъ (поэма 15 рисунковъ), Рыболовы, Маленькій поръ, Вылазка, Въ судной кассѣ, Прекрасный полъ, Кладъ, Проповѣдь, У желѣзной дороги, Ванька отчаянный, Пимень и Григорій Отрепьевъ, Съ яблоками, Въ ученьѣ, Весна, Русскіе богатыри (нѣсколько рисунковъ), Коздунъ Фомка, На далекой окраинѣ и многіе другіе.

Кромѣ этого въ теченіе года предполагается дать нѣсколько роскошныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ *Д. В. Григоровича*, „Рыбака“, *И. С. Тургенева*, „Записки Охотника“, *Гончарова*, „Обрывъ“, *Гююлл*, Вчера на хуторѣ близъ Диканьскъ, *Графа А. Толстаго*, „Книга Серебрянный“ и стихотвор. *Н. А. Некрасова* и друг.

Надъ исполненіемъ этихъ рисунковъ запыты художники журнала **М о с к в а**.

Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано красками предстоящее въ Москвѣ К о р о н о в а н і е
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Всѣ годовые подписчики на 1883 годъ получаютъ главную годовую премію: роскошную, художественно-исполненную и лакированную олеографію **ВОЛЬШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ ХУДОЖНИКА К. В. ЛЕВЕДЕВА.**

Русская свадьба въ XVI столѣтіи.

ПРОВОДЫ МОЛОДЫХЪ ВЪ ОПОЧИВАЛЬНЮ ВЪ ДОМѢ БОЯРИНА-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія литературныя силы.

Въ теченіе года журналъ „Москва“ составитъ два объемистыхъ тома, около 1200 столбцовъ убористаго текста, въ который войдутъ: 1) Иллюстрированные историческіе романы и повѣсти 2) Очерки и рассказы изъ русской жизни 3) Большіе переводные романы знаменитыхъ иностранныхъ писателей 4) Статьи по вопросамъ искусства 5) Иллюстрированныя поэмы и стихотворенія 6) Фельетоны, хроника общественной жизни 7) Сцены и описанія рисунковъ 8) Юмористическіе наброски на злобы дня 9) Разнообразный отдѣлъ Смісья: остроты, анекдоты, курьезы, замѣчательныя открытія и изобрѣтенія, полезныя совѣты и т. п.

Въ портфель редакціи уже находятся слѣдующія литературныя произведенія: „Поволжская вольница“, повѣсть, „Очень любила“, рассказъ, „Вся Блаженный“, повѣсть, „Цезарь Борджиа“ переводъ, „Стенной домижъ“ очеркъ, „Царица грѣзъ“ рассказъ, „Послѣдняя волъ“ повѣсть и многіе другіе.

Съ 1-го января начнется петербургское большего иллюстрированнаго историческаго романа изъ XIV вѣка: „НА РУБЕЖѢ ЯЗЫЧЕСТВА“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки . . . 7 р. — к.		На годъ съ дост. и перес. . . 8 р. — к.
На полъ года 4 р. — к.		На полъ года 5 р. — к.
На 1 мѣс. безъ гл. прем. . . 1 р. — к.		На одинъ мѣсяць . . . 1 р. — к.

Для Гг. слушателей имѣть въ частныхъ, такъ и казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ Москвѣ и другіихъ городахъ) допускается расценка за ручательствомъ Гг. назначенныхъ и управляющихъ

Подписка принимается во всѣхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Въ конторѣ редакціи при литографіи И. И. Клангъ, уголъ Знаменки д. Звѣрева, въ отдѣленіи конторы редакціи: Петрова, д. Петровскаго монастыря, при типографіи А. В. Дятларь.

Гр. иновгородане подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи на имя И. И. Клангъ.

Самый дешевый, самый практичный и полный модный, рукодѣльный и семейный журналъ

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ

Выходитъ 2 раза въ мѣсяць.

Отличается отъ всѣхъ другихъ русскихъ модныхъ журналовъ своею *практичностію*: 1) всякій модный или рукодѣльный рисунокъ сопровождается не просто описаніемъ вѣшняго вида, но и объясненіемъ способовъ исполненія, а также расчетомъ количества нужнаго матеріала и цѣны. 2) Даетъ 4 раза въ годъ образцы модныхъ матерій, съ показаніемъ ширины и цѣны. 3) Для достиженія ясности въ объясненіяхъ, даетъ подписчикамъ таблицу цвѣтовыхъ оттѣнковъ, содержащую болѣе 500 тѣней всѣхъ цвѣтовъ.

12 номеровъ модныхъ и 12 номеровъ рукодѣльныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ „ЖЕНСКОМУ ТРУДУ“.

- 12 раскрашенныхъ модныхъ картинокъ.
- 12 раскрашенныхъ узоровъ рукодѣлій.
- 6 листовъ выкроекъ для снятия рѣзцовъ. Монограммы.
- 12 вырѣзанныхъ выкроекъ въ натуральную величину.
- 4 листа образцовъ модныхъ матерій.
- 6 раскрашенныхъ картинокъ русскихъ костюмовъ.
- Полы для фортепьяно модныхъ танцевъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Гардеробъ; искусство одѣваться къ лицу.—Тайны туалета и косметика.—Кухня и кладовая.—Домоводство.—Цвѣтоводство.—Музыка, театръ, пѣвье и танцы.—Свѣтская жизнь и законы приличія.—Дамскій спортъ.—Уходъ за дѣтьми.—Игры общественной, карточные, дѣтскія.—Пасьянсы.—Гаданья.—Условный языкъ.

Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, анекдоты, шарады, задачи, ребусы и т. п.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкой и пересылкой.
въ годъ 4 р. — к.	въ годъ 5 р. — к.
„ полъ года 2 р. 25 „	„ полъ года 3 р. — „
„ четверть года 1 р. 25 „	„ четверть года 1 р. 75 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ. 9 Рождественская ул. д. 32.

Иллюстрированный дѣтскій журналъ

РОДНИКЪ

2-й годъ изданія.

Журналъ „Родникъ“ выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и политипажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ „РОДНИКЪ“ между прочимъ участвуютъ слѣдующія лица: В. И. Аверариусъ, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Вемъ, П. В. Быковъ, Е. П. Водосозова, В. И. Водозовъ, К. В. Ельницкій, Н. Н. Карзининъ, А. В. Кругловъ, А. П. Мунтъ, А. Л. Плещевъ, Я. П. Полонскій, Н. И. Позвяковъ, Л. Х. Симонова, Н. П. Северинъ, М. В. Чистяковъ, М. К. Цербикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни, біографія знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарady, анекдоты и проч.

Выборъ статей принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

Приложеніе къ „Роднику“ педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и бібліографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

на годъ съ приложеніемъ съ дост. и перес. 6 руб., на годъ безъ приложенія съ дост. и перес. 5 р., на полгода безъ приложенія 3 р., за границу на годъ съ приложеніемъ 8 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала „Родникъ“, Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница Е. Сысоева.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Въ будущемъ году «Русскій Архивъ» будетъ издаваться, на прежнихъ основаніяхъ, шестью книжками въ годъ.

Желающіе получить «Русскій Архивъ» въ 1883 г. обращаются въ Москвѣ: близъ Тверской, по Ермолаевской Садовой, д. 175.

Въ Петербургѣ: близъ Императорской Публичной Библиотекы, по Большой Садовой, въ книжный магазинъ И. И. Глазунова.

Цѣна Русскому Архиву 1883 года съ пересылкою и доставкою на домъ — девять рублей.

Выписывающіе Русскій Архивъ въ чужіе края платятъ 12 руб. Ответственность за исправную доставку принимается только при подпискѣ въ указанныхъ мѣстахъ.

Вступая въ третье десятилѣтіе своего существованія, «Русскій Архивъ» не имѣетъ надобности въ особыхъ заявленіяхъ и общеніяхъ.

„РАЗСВѢТЪ“

ОРГАНЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета „Разсвѣтъ“ будетъ издаваться и въ 1883 году, подъ тою-же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи	7 р.	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою за границую	10 >	8 >	6 >	4 > — >

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 января—3 р., къ 1 апрѣля—2 р., къ 1 іюля—2 р.

Съ требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволятъ обращаться въ контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 16.

Для городскихъ подписчиковъ контора открыта ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудни.

(ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

газета политическая, экономическая и литературная

будетъ выходить листами большаго формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Читателямъ извѣстно, что въ текущемъ году намъ разрѣшено открыть и мы открыли отдѣлъ „юридической хроники“, дающій возможность разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. Въ продолженіе года у насъ были помѣщаемы разборы приговоровъ, и мы намеряемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Въ прошломъ году, въ объявленіи о подпискѣ, мы упоминали о нашихъ отношеніяхъ къ славянскому янземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей. Что мы не ошибаемся, сознавая важность для Россіи культурнаго, умственнаго и экономическаго общенія въ славянахъ—доказательствомъ, помимо самой дѣятельности, служатъ и то, что нѣкоторые органы печати, чуть не глумившіеся надъ нами, стали, въ послѣднее время, также помѣщать статьи о славянскихъ дѣлахъ.

Относительно расширенія областного отдѣла мы полагаемъ, что исполнили наше обещаніе по мѣрѣ возможности. Помимо небольшихъ корреспонденцій, которыя мы получаемъ изъ значительнаго числа живыхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, имъ дали въ текущемъ году мѣсто обширными обработанными статьямъ отдѣлахъ земскихъ въ Бессарабіи, Одесскомъ, Верхне-Днѣпровскомъ, Александрійскомъ, Тираспольскомъ, Елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ, о городскихъ дѣлахъ Таганрога, Николаева, Херсона, Винницы, Лепачева, Анапьева и др. Мы не говоримъ уже о послѣдовавшемъ значительномъ расширеніи мѣстной хроники, на которую будетъ обращено особое вниманіе, какъ на выраженіе жизни города.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и вынодѣлю мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Не говоря за сенсационными, большею частью невѣрными или скандальными происшествіями и слухами, вызывающими однако въ насѣ невольные разговоры о газетѣ и, слѣдовательно, пропагандирующими изданіе,—мы давали читателямъ и будемъ продолжать помѣщать повѣсти, рассказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи belletristическаго содержанія. Въ текущемъ году въ нашей газетѣ помѣщено до *шестидесяти* отдѣльныхъ повѣстей и рассказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:

За годъ (12 мѣсяцевъ)	12 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 " — "
За 3 мѣсяца	3 " 85 "
За 1 мѣсяць	1 " 30 "

съ пересылкой или доставкой:

За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	8 " — "
За 3 мѣсяца	4 " 50 "
За 1 мѣсяць	1 " 50 "

ЗАТРАНИЦУ къ стоимости экземпляра въ Россіи присоединяется на пересылку 50 копѣекъ въ мѣсяць.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодными, или по четвертямъ года. Для *различныхъ учреждений* также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впрядъ до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокахъ полученія копѣекъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ каковаго угодно срока; *иностранно-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15 го числа каждаго мѣсяца. При *перемѣнѣ* адреса должно сообщать прежній адресъ и № билета или бандероли, кодъ которыми высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

Редакторъ-издатель П. А. Зеленый.

ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МАЯКЪ“

будеть издаваться по известной уже читателямъ программѣ.

Продолжая улучшать изданіе съ художественной стороны (читатели обратятъ къроротно вниманіе на работы приглашеннаго нами художника г. Вербега), въ будущемъ году мы расширимъ какъ отдѣлъ „юмористическій“, такъ и „обзорныя общественноя жизни“,—разширимъ, конечно, на столько, на сколько не будутъ претсривать внѣшнія обстоятельства и условия.

Не распространясь болѣе, находимъ необходимымъ повторить сказанное нами въ минувшемъ году: Всякое правдивое обвинительное слово, казавъ бы сферу и сторону нашей жизни оно на касалось, всякая острая шутка, всякая дѣльная сатира и карриатура перомъ и карандашемъ найдутъ радушій пріемъ на страницахъ „Маяка“, задача котораго, какъ показываетъ и самое названіе, освѣщать все то, что привыкло и любить скрыватьсѣ во мракѣ.

Срокъ выхода—еженедѣльный:

въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: Для подписчиковъ „Одесскаго Вѣстника“: безъ пересылки за годъ—4 р., за полгода—2 р. 50 коп., съ пересылкою за годъ—4 р. 50 коп., за полгода—3 р.

Для постороннихъ: безъ пересылки за годъ—5 р., за полгода—3 р.; съ пересылкою за годъ—6 р., за полгода—3 р. 50 к.

Статьи, рисунки, каррикатуры, письма и проч. просить адресовать: въ редакцію „Маяка“

Редакторъ—Издатель П. А. Заломый.

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться по прежнему утвержденнымъ программамъ:

1) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, газета. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ официальный:** Высочайшіе манифесты и повелѣнія, свѣдѣтельные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неофициальный:** мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательныя письменныя памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2) Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ появляемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утверженію въ сердцахъ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ появляемы научныя статьи по всякъмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей. При журналѣ будутъ продолжаться *переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина*.—Изъ твореній бл. Іеронима въ 1883 г. будутъ издаваться его *толкованія на ветхозавѣтныя книги*; изъ твореній бл. Августина—его твореніе *о градѣ Божіемъ*.

Такимъ образомъ изданія кіевской духовной академіи выйдутъ въ виду удовлетворенія потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*изетное чтеніе*, — „Епархіальныя Вѣдомости“), 2) *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“) и 3) научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи“).

„Епархіальныя Вѣдомости“ выйдутъ *два раза въ мѣсяцъ*, въ 4-ю д. л., *не менѣе двухъ листовъ*, „Воскресное Чтеніе“—*ежедневно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, *не менѣе одного листа въ день*, „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемесячно* книжками *отъ 10 до 12 листовъ*.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудомъ—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудомъ—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудомъ—12 р. с.

Адресъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при кіевской духовной академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ нижеслѣдующихъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С. Петербургѣ, 3) А. Н. Фераптова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при академіи: I (1837—38), II 1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48) XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64),

XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1881 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за экземп. съ перес.

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1866, 1868 годы по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 годы по 4 р.; за 1874—1878 г.г. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879, 1880 1881 г.г. по 6 руб. съ пересылкою.

Выписывающимъ одновременно по кенте 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «В. екрснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 г.г. отдѣльно продаются по 65 мон., съ пересылкою 75 коп.

„МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА“

(ЕЖЕДНЕВНОЕ, БЕЗЦЕНЗУРНОЕ ИЗДАНІЕ).

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Газета поставила себѣ задачу служить исключительно русскимъ интересамъ и будетъ содержать въ себѣ:

1) Политическое обозрѣніе: Обзоръ иностранной и русской жизни. 2) Телеграммы внутреннія и иностранныя. 3) Внутреннее обозрѣніе: обзоръ столичной и провинціальной жизни. Случай, происшествія, корреспонденціи. 4) Мѣстный дневникъ: случаи и происшествія московской жизни. 5) Театральная хроника. 6) Биржевая и торговая свѣдѣнія. 7) Судебная хроника: судебныя новости и отчеты. 8) Заграничная хроника: извѣстія о жизни иностранныхъ государствъ. — Корреспонденціи. 9) Мануфактурная и торговая свѣдѣнія. 10) Фабричная и промышленная дѣятельность. 11) Наука, искусство и художества. 12) Фельетонъ: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, разборъ журналовъ и книгъ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Московскій справочный календарь. 15) Рекламы и объявленія.

Въ будущемъ, второе году своего существованія, «Московская газета» будетъ издаваться по той-же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ редакціею и при участіи какъ вѣстныхъ, восточныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Помимо обстоятельной и полной картины общественной жизни древней русской столицы, «Московская газета» представляетъ о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся событіи свое мнѣніе, въ руководящихъ статьяхъ, написанныхъ живымъ языкомъ, чуждымъ такъ называемой газетной рутинѣ; кромѣ того, въ ней отведено видное мѣсто взглядамъ и мнѣніямъ другихъ органовъ печати какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній и взглядовъ; такимъ образомъ, подписчики «Московской газеты» могутъ составить себѣ самый широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе.

Подписка на газету и продажа ея отдѣльными №№ производится въ конторѣ редакціи: Москва, Софійская набережная, д. Котельниковой, и въ отдѣленіяхъ конторы: на станціи конно-железной дороги, у Иверскихъ воротъ; въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ университета; С. Н. Леутина у Иверскихъ воротъ и Андропова, на Петровкѣ, д. Хомяковыхъ; Прѣснава и Земскаго на Никольской улицѣ; Васильева на Страстномъ бульварѣ; Вольфа на Кузнецкомъ мосту и въ Олутномъ ряду, въ газетной торговлѣ Девяткина.

Кромѣ того, подписка принимается также: въ С.-Петербургѣ, Литейная № 48 и въ Казани, въ книжномъ магазинѣ, «Восточная Лира».

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

За годъ	9 р. — к.
„ полгода	5 „ — „
„ три мѣсяца	3 „ — „
„ одинъ мѣсяць	1 „ — „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

За годъ	8 р. — к.
„ полгода	4 „ 50 „
„ три мѣсяца	2 „ 50 „
„ мѣсяць	— „ 90 „

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ главную контору редакціи: въ Москву, у Большаго Каменнаго моста, домъ Котельниковой.

Примѣчаніе. Столбцы нашей газеты постоянно будутъ открыты для гг. иногороднихъ корреспондентовъ, которые могутъ быть вполнѣ гарантированы, что ихъ имена будутъ сохранены въ полной тайнѣ.

Для личныхъ объясненій редакціи открыта отъ 2 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенність исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе нагѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, ігъсни и пр. Библиографическіи свѣдѣніи о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: *Актоновичъ В. Б., Багалъй Д. И., Будановъ М. Ф., Бьлогерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторозъ А. Е., Воронихъ А. Ф., Галаганъ Г. П., Ганцикій М. А., Головацкій Я. Ф., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дашкевичъ П. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Ивонниковъ В. С., Кистляковскій А. Ф., Костомаровъ Н. И., Каманичъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ф. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій П. С., Левицкій О. И., Лясковъ П. С., Мильшевскій И. И., Мицьесичъ Л. С., Мордосецевъ Д. Л., Новицкій Н. И., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потєбня А. А., Празовъ А. В., Скальковскій А. А., Смоктій А. И., Терновскій Ф. А., Шимаповъ А. Л., Ханенко А. И., Чалый М. К. и другіе.*